

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.

Типо-литографія Імператорскаго Університета Св. ВЛАДИМИРА.

Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901.

Дозволено цензурою. Киевъ, 8 марта 1901 года.

Вышла мартовская (третья) книга
ежемѣсячного литературно-политического журнала

„Русская Мысль“.

Содержание: I) Жестокіе. Ром. въ двухъ частихъ.—Ш. Д. Боборыкина. Продолженіе. II) Съ разныхъ дорогъ. Новелла. Элизы Ожешковой. Пер. съ польск.—В. М. Л. III) Башкирскіе сказки.—Н. Крашенинникова. IV) Изъ современной хроники. Ром. Густава Вида. (Пер. съ датск.)—А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. V) Разсказы о прошломъ. Изъ автобіографіи моего пріятеля.—С. Я. Елпатьевскаго. Продолженіе. VI) Штернштейнгофъ. Деревенская повѣсть. Людвига Аинценгрубера. Пер. съ вѣм.—А. И. К—нь. Продолженіе. VII) А. Н. Островскій въ «кружкѣ молодого москвитянина». —Ѳ. ѩ. Нелидова. VIII) Возрастъ земли.—А. П. Соколова. IX) Рабочій вопросъ въ помѣщичьихъ вождѣвніяхъ.—А. В. Еропкина. Окончаніе. X) Лѣто на Кавказѣ.—М. Б. XI) Успѣхи нервной терапіи въ концѣ XIX вѣка и ея ближайшая задача.—Л. С. Минора. XII) Французскій кратикъ о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого.—Т. Г. XIII) Неизвѣстный пѣвецъ народного горя. (Поэтъ крестьянинъ Герасимъ Цальмовъ † 2 октября 1900 г.)—А. И. Яцимирскаго XIV) Национальный вопросъ въ XIX в. (Изъ политического наслѣдства прошлаго столѣтія).—В. А. Гольцева. XV) Александръ Яковлевичъ Конисскій. (Некромантъ).—Л. Ч. XVI) Внутреннее обозрѣніе. XVII) Иностр. обозрѣніе.—В. А. Г. XVIII) Письма о современномъ искусствѣ: «Михаилъ Крамеръ», драма Герберта Гауптмана.—Я. А. Ф—ина. XIV) Библіографический отдѣлъ. XX) Объявленія.

Продолжается подписка на 1901 годъ.

Подписанная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи:
12 мѣс. 12 руб. 9 м. 9 р. 6 м. 6 р. 3 м. 3 р. 1 м. 1 р. Заграницу
12 мѣс. 14 руб. 9 м. 10 руб. 50 коц. 6 м. 7 р. 3 м. 3 р. 50 к.
1 м. 1 р. 25 к.

II

Допускается разсрочка: при подписанѣ, 1-го апр. 1-го юля, 1-го окт. по 3 р. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльного номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписька въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписька принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметова, кв. 30; въ СПБ. въ кн. маг. Н. И. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. Халатова) съ приемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. магазинъ принимаетъ на коммиссю постор. и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народныхъ дешевыхъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

Изъ недавняго прошлаго.

Крайне рѣдко пока приходится изслѣдователю наталкиваться на бумаги и документы, которые давали бы возможность ознакомиться въ деталяхъ съ характерными чертами крѣпостного права, какъ оно проявлялось и существовало въ первую половину истекшаго столѣтія въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ. Большею частью они, эти документы, хранятся въ немногихъ уцѣлѣвшихъ еще частныхъ архивахъ, откуда лишь случайно появляются на свѣтѣ Божій.

Совершенно случайно одинъ изъ такого рода документовъ удалось получить и пишущему эти строки,¹⁾ документъ, не лишенный интереса и значенія и вскрывающій многія стороны въ многострадальной жизни крестьянъ XIX в. Это—небольшая рукопись²⁾, заключающая въ себѣ рядъ приказовъ въ деревню Луговецъ, мглинского уѣзда черниговской губерніи, адресованыхъ помѣщѣкомъ, извѣстнымъ въ исторіи украинской литературы, Павломъ Цавловичемъ Бѣлецкимъ-Носенко, изъ Прилукъ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ велъ хозяйство въ сосѣднихъ селахъ, принадлежавшихъ ему наследственно, къ его луговецкимъ прика-

¹⁾ Приносимъ искреннюю благодарность А. А. Савичу, любезно предоставившему рукопись въ наше распоряженіе.

²⁾ Она озаглавлена: «Приказы въ деревню Луговецъ». Рукопись in fol., fols. 1—93.

щикамъ. Приказы эти обнимаютъ, къ сожалѣнію, далеко не весь періодъ, въ теченіе котораго онъ управлялъ деревней Луговдомъ: они ограничиваются лишь промежуткомъ времени съ 1822 по 1847 годъ.) Но тѣмъ не менѣе ихъ болѣе чѣмъ достаточно для обрисовки какъ отношеній помѣщика—и притомъ помѣщика вполнѣ по тому времени образованнаго,—къ подвластнымъ ему крестьянамъ, такъ и положенія самихъ крестьянъ. Мы въ настоящей замѣткѣ и воспользуемся ими.

Заброшенная въ глубь мглинского уѣзда деревня Луговецъ, послѣ длиннаго ряда перемѣщеній изъ рукъ однихъ владельцевъ въ руки другихъ, попала около начала XIX ст. во владѣніе новой семьи, иѣкогда козачьей, но волею судебъ достигшой высшаго ранга, попавшей въ ряды старшины, а затѣмъ и въ родословныя книги. Къ концу XVIII в. новый владѣлецъ, Бѣлецкій-Носенко, уже являлся представителемъ „стариннаго“ дворянскаго рода, ссылавшагося при Екатеринѣ, когда отъ его отца потребовали доказательствъ дворянскаго происхожденія, на то, что его предкомъ былъ „Луцкій князь Александръ Носъ, потомокъ коего, князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнуль на вѣрность Малороссії“, въ 1694 г. получилъ с. Голубовку, а въ 1708 г. назначенъ прилуцкимъ полковникомъ¹⁾). Потомки иѣкогда бывшаго запорожскаго козака, извѣстнаго современника Мазепы, Ивана Носа, еще въ концѣ XVIII в. отбросили, поэтуму, старые свои козачьи титулы, и сынъ послѣдняго сотника, Георгія Бѣлецкаго-Носенка, Павель уже отбывалъ свою дворянскую повинность въ арміи, гдѣ достигъ въ 1784 чина капитана. То былъ зажиточный помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими деревнями въ прилуцкомъ повѣтѣ, не малымъ количествомъ крѣпостныхъ и стариннымъ наслѣдствен-

¹⁾ Подробности о родѣ Б.-Носенковъ, см. въ исторіи прилуцкаго полка А. Лазаревскаго, помѣщ. въ Кіевской Старинѣ 1900 г., іюнь, іюль-августъ, 29 и сл., ноябрь и декабрь, стр. 127 и сл.

нимъ домомъ въ Прилукахъ, этомъ главномъ родовомъ гнѣздѣ. Но, повидимому, не все старое было имъ забыто, не всѣ старыя традиціи, нашедшія себѣ выраженіе въ наказахъ черниговской старшины, были имъ отброшены. Своему сыну, тоже Павлу, онъ далъ хорошее воспитаніе, открылъ ему возможность усвоить современныя знанія, сдѣлаться человѣкомъ замѣтнымъ въ тѣ времена, человѣкомъ съ энциклопедическими знаніями, литераторомъ. Молодой Носенко очень скоро промѣнялъ шпагу на перо и педагогическую указку. Онъ бросилъ около 1798 г. военную службу, вернулся въ родныя мѣста, съ 1800 года вступилъ въ управление своими маєтностями и предался педагогіи и хозяйствству, наукѣ и литературѣ. Жилъ въ Прилукахъ, онъ основалъ тамъ двухклассное народное училище, преобразовалъ его въ трехклассное уѣздное въ 1812 году и затѣмъ сталъ выпускать одно произведеніе за другимъ. И чего только не касался онъ: и логики, и пчеловодства, и поэтики, и леченія холеры, и исторіи, и римскаго права, и филологіи, и народной поэзіи и т. д., и т. д. ¹⁾). Энциклопедистъ, воспитанный въ духѣ XVIII в., онъ выработалъ цѣлую схему представленій о справедливости, и эту свою, какъ увидимъ, своеобразную, но въ высокой степени любопытную для характеристики міровоззрѣній того времени, теорію справедливости всецѣло примѣнилъ и къ той подвластной ему массѣ, которая была подчинена ему, какъ „ея господину“ ²⁾). Педагогъ въ школѣ, онъ явился педагогомъ и въ крестьянской средѣ, и въ его лицѣ мы имѣемъ предѣльною типъ sui generis помѣщика первой половины XIX в., у которого идеи XVIII в., взятые на прокатъ изъ Европы, сочетались самымъ тѣснымъ и нераздѣльнымъ образомъ съ условіями тогдашней жизни, всецѣло обоснованной на крѣпостномъ

¹⁾ О произведеніяхъ П. Н. Бѣлецкаго-Носенко см. Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы, стр. 36—56, и біографію его въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, т. IX, 187.

²⁾ Большую часть приказовъ прикащикамъ онъ подивисывалъ кратко, но вразумительно: „твой господинъ“.

правъ, не противорѣча другъ другу, дружелюбно укладываясь въ немъ. Въ этомъ отношеніи приказы рисуютъ намъ его вполнѣ. Рѣдкій изъ нихъ не заключалъ въ себѣ какой-либо сентенціи философически-морального содержанія, опредѣляющей его возврѣнія на то, что разумѣлъ онъ подъ справедливостью.

Помѣщикъ-педагогъ, знакомый въ добавокъ съ римскимъ правомъ, П. П. Бѣлецкій-Носенко былъ человѣкомъ грознымъ и требовательнымъ, винавшимъ во всѣ самыя мелкія стороны хозяйства и поведенія крестьянъ-крѣпостныхъ, не пропускавшимъ безъ педагогическихъ внушеній самого ничтожнаго проступка крѣпостного. Высокаго мнѣнія держался онъ относительно своей роли, какъ владѣльца крѣпостныхъ, владѣльца, которому, какъ онъ самъ выразился въ любопытномъ письмѣ къ мглинскому становому приставу, „высочайше ввѣренна власть надъ крестьянами“, т. е. дано „то священное право“, которое „всякій благородный человѣкъ и дворянинъ будетъ защищать до послѣдней минуты своей жизни“. Это, такъ сказать, „обязывало“ его, и онъ систематически старался не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ наложенныхъ на него его званіемъ „священныхъ“ обязанностей.

„Вообще ты долженъ, пишетъ онъ то тому, то другому изъ своихъ прикащиковъ въ д. Луговецъ, принять за правило: чужого не тронь, а своего не попускай. Ибо кто чужое взялъ неправо, тотъ и отдай вдвое“. Или, какъ въ другихъ приказахъ, еще рельефнѣе: „чужого не займі на волосъ, но и своего отнюдь не попускай, а особливо такимъ, которые хотятъ отнять силою“ (№ 35). Въ этихъ словахъ его—вся суть выработаннаго имъ кодекса справедливости, который лежитъ въ основаніи всѣхъ его дѣйствій. Въ 1823 году нѣсколько человѣкъ его крѣпостныхъ д. Луговецъ не отдали кому-то изъ со-сѣдей занятаго хлѣба. Ему донесли о томъ въ Прилуки, и тотчасъ же онъ шлетъ энергичный приказъ: „немедленно возвратить долгъ, а буде того не сдѣлаютъ, продать ихъ лошадь или скотину, „а за ослушаніе всыпать „по пятидесяти розогъ“ (№ 30). Позже, въ 1845 г., когда оказалось, что одинъ изъ его крѣ-

постныхъ, взявшій подъ залогъ пары коней и трехъ кобылицъ 250 р. у крестьянина сосѣднаго помѣщика съ обязательствомъ вернуть деньги полностью и оставить кредитору приплодъ, не выполнилъ условія, Бѣлецкій-Носенко спѣшить послать прикащику грозный приказъ. „Ты вѣдаешь, пишетъ онъ, что я не люблю неправды, а потому распроси свидѣтелей, и буде договоръ былъ точно таковъ и деньги не всеъ отданы, то заставь расплатиться по уговору, потому что уговоръ лучше грошой и заключаемый при свидѣтеляхъ долженъ быть святъ и между честными людьми не нарушимъ“ (ф 87). Отсюда, и его стремленіе не доводить своихъ крѣпостныхъ до полнаго разоренія, не требовать съ нихъ чего либо лишняго, не попускать ихъ ни къ дѣйствіямъ, вреднымъ для нихъ самихъ, ни къ лѣности и уклоненію отъ ихъ обязанностей. Въ голодный 1822 годъ онъ, напр., отдаетъ половину денегъ, вырученныхъ за продажу срубленныхъ по его приказу громадой старыхъ деревьевъ въ его лѣсу, „на надобности громады при теперешнихъ скучныхъ обстоятельствахъ“, отказывается отъ всей суммы, слѣдуюмой за его шинокъ, „ибо мнѣ не кстати братъ съ тѣмъ, чтобы допустить крестьянъ своихъ разореніе“ (ф 8). Позже, въ повторившійся голодный 1833 годъ, онъ освобождается бабъ отъ приготовленія мотковъ пряжи, „дабы бабы имѣли случай себѣ заработать на хлѣбъ“ (ф 48). За все время съ 1822 по 1847 г. не подымаетъ онъ оброка съ крѣпостныхъ и всякий разъ пишетъ прикащику: „оброкъ и на сей годъ пока останется тотъ же“ ¹⁾). Какъ бы предчувствуя будущее, то и дѣло ему

1) Въ концѣ письма Носенко къ какому то Ильѣ Петровичу онъ еще яснѣе проводить ту-же мысль (письмо отъ 8 апр. 1837 г., ф 63): „извините, что не могу согласиться на предложеніе Ваше; хотя я получаю самый малый оброкъ съ крестьянъ моихъ и некоторые другие выгоды, также не важные, но въ замѣнѣ я утѣшаю себя тѣмъ, что благосостояніе ихъ улучшается. Я, благодаря Бога моего, не имѣю нужды въ извлечении для себя новыхъ не важныхъ доходовъ съ крестьянъ моихъ, что могло бы иногда подвергнуть ихъ разстройству“.

кажется необходимымъ предписывать прикащикамъ, чтобы они воспрещали крестьянамъ уплачивать „лихомицамъ-жидамъ и ростовщикамъ болѣе указанного процента въ годъ“ и въ тоже время старались „не позволять никому грабить ихъ“ (fº 3). Если до его свѣдѣнія доходило, что прикащикъ, или кто либо изъ крѣпостныхъ его, взываетъ „наспу“ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ нужно за ссуженный хлѣбъ,—опять приказъ и бѣвелѣніе: „не смѣть брать жидовскаго процента“ (fº 32). „Принесъ мнѣ жалобу, такъ пишетъ Б.-Носенко въ 1828 г. 20 апрѣля, одинъ изъ крѣпостныхъ, что ты, по какому то жидовскому рацету, за 8 чвертокъ гречки и только за 4 года напиталъ наспы на наспу 60 чвертокъ и такимъ образомъ полускаешь его совершенно раззорить. Между тѣмъ какъ, щитая за 4 года за 8 чвертокъ съ наспою и наспы на наспу, находится только 18 чвертокъ, 3 мѣрки и 5 гарцовъ, въ число коихъ уже уплачено, при твоихъ главахъ, 7 чвертокъ гречки и одна чвертка коно-пель“. Отсюда и приказъ прекратить взысканіе, какъ несправедливо, и „немедленно возвратить забратые у крестьянина 5 коней“ (fº 32). Съ неменьшимъ усердiemъ старался Носенко оградить крѣпостныхъ отъ злоупотребленій какъ прикащиковыхъ, такъ и болѣе зажиточныхъ изъ крѣпостныхъ во всемъ, что касалось либо пользованія землей, которую онъ почти всю отдавалъ громадѣ, такъ какъ самъ не вѣль хозяйства въ д. Лутовцѣ, либо платежа чиншой и повинностей. „Изъ вѣдомости о людяхъ я увидѣлъ, пишетъ онъ 1825 г. 28 сентябрь, что бѣдные, которые не имѣютъ скота ни шерстины, обложены на сѣмѣхъ большими оброкомъ, а богатые, чтобы меныше платить ченши и подати, господской земли взяли какъ можно менѣе. Ты прикащикъ! Чего ты смотрѣль за такимъ беспорядкомъ“. И вотъ/приказъ: „съ полученіемъ сего, чтобы земли рѣзовыя были взяты отъ тѣхъ, кои не въ состояніи ихъ обрабатывать, и отданы богатымъ. У самыхъ бѣдныхъ оставить столько земли, сколько они сами въ состояніи обрабатывать“ (fº 22). Въ другомъ случаѣ онъ пишетъ: „до моего свѣдѣнія дошло, что земли рѣзовыя пашуть не тѣ, кому они даны, чтобы было съ чего опла-

чивать подати и ченшъ, а другіе тѣ земли захватывають, подати же взыскиваются съ тѣхъ, кто землею не корыстуется". И тотчась же новелліе, прекратить подобный беспорядки (f° 16). Одинъ изъ его крѣпостныхъ завелъ шинокъ, но уклоняется отъ платежа денегъ вмѣсто громады въ казну за винокуреніе. Въ глазахъ Носенко это—вредное злоупотребленіе: шинкарь „шинкуетъ для своей одной пользы" и что же еще выходитъ? Онъ на ряду съ самыми бѣдными даже чинша не уплачиваетъ (f° 11), а посему приказъ—обложить его непремѣнно и неукоснительно. Не позволялъ Носенко, равнымъ образомъ, взыскивать недоимки, если взысканіе такое, при отсутствіи какихъ либо зловредныхъ или злонамѣреныхъ со стороны крѣпостного стремленій не платить, могло грозить ему разореніемъ. Его собственный прикащикъ, вопреки приказу помѣщика, забралъ за недоимку у одного изъ крѣпостныхъ пеньку. „Такъ ты не далъ ему льготы, какъ тебѣ приказывало было, и, мстя и не уважая моихъ приказовъ, наважилъ его разорять!"—пишетъ Носенко въ своемъ грозномъ посланіи. „Ты вѣдь, не далъ ему самому продать пеньки, за которую ему давали по 70 р. за берковецъ, а самъ продалъ по 60 р., слѣдственно сдѣлалъ ему убытку 57 р. И тоже за сѣно. Тебѣ не должно было ходитьничать въ чужомъ добрѣ, а повременить, пусть бы онъ его самъ продалъ за 20 р., а ты взялъ за него 10 р.". И, разгнѣванный столь великою несправедливостью, Носенко приказываетъ: „и такъ, что ты осмѣялся не уважать моихъ приказаний дать ему льготу, отдай ему эти 67 р. непремѣнно" (f° 13). Всемѣрно, отсюда, заботился онъ объ устраниеніи поводовъ со стороны крестьянъ, его крѣпостныхъ, подвергать себя и свои хозяйства разоренію. Пьянство преслѣдовалъ онъ всѣми силами. То и дѣло шлетъ онъ приказы: „всякаго пьяного и буйного наказывать розгами и ничемъ другимъ и болѣе 100 ударовъ не давать" (f° 30). „Смотри, писалъ онъ раньше, въ 1822 г., чтобъ пьянства, дракъ, праздности не было; таковыхъ наказывать розгами предъ сельскимъ судомъ и давать, смотря по винѣ, отъ 10 до 100 ударовъ розгами" (f° 6). И когда одинъ

изъ присланныхъ къ нему изъ Луговца въ Прилуку крѣпостныхъ плотниковъ оказался постоянно пьянистующимъ, Носенко отослалъ его обратно въ Луговецъ съ педагогическимъ внушениемъ и приказомъ прикащику: „Глазъ съ него не спускать; всякой разъ, что напьется пьянъ, сбъчь розгами“ (f° 42—43). А если и послѣ того не исправится, то добавочное наказаніе: „отдать въ рекрутъ“. Отсюда и введенный имъ порядокъ въ его деревнѣ въ видѣ строгаго предписанія: крѣпостнымъ водки изъ шинковъ господскихъ въ долгъ ни подъ какимъ видомъ не давать подъ угрозой жестокаго наказанія¹⁾. Порядокъ этотъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ онъ пытался распространить и на чужихъ шинкарей. „Вообще, писалъ онъ прикащику (1822 г. 28 января), объави чужимъ шинкарямъ, чтобы они моимъ крестьянамъ въ долгъ горѣлки ни кому не вѣрили, что я дамъ знать суду о томъ“ (f° 4).

Строгій и неуступчивый во всемъ, касавшемся интересовъ крѣпостныхъ, онъ, съ истинно-педагогическою суворостью и настойчивостью относился и къ исполненію обязанностей крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ и действовалъ со всею прямолинейностью стариннаго педагога. И это не только потому одному, что въ данномъ случаѣ онъ осуществлялъ свое „священное право“, но и потому, что для него крѣпостной былъ тотъ же ученикъ, за поведеніемъ

¹⁾ „Пишутъ мнѣ, что ты грабишь, читаемъ мы въ приказѣ отъ 9 февр. 1829 г., крестьянъ чрезъ шинкованье: забралъ у нихъ пеньку по никакимъ цѣнамъ и проч. Я запрещаю неоднократно, чтобы въ долгъ горѣлки никому изъ крестьянъ не давать, а всякой шиль бы только за наличные деньги; въ противномъ случаѣ, это явной поводъ къ разоренію, къ дракамъ и всякимъ беспорядкамъ отъ пьянства. Во вторыхъ, откуда крестьяне возмутъ заплатить подати и чешшъ, если ты будешь напередъ отбирать свои кабашные долги?— Это послѣднее дѣло! Отъ вынѣ запрещается тебѣ, подъ строгимъ взысканіемъ, отнюдь не давать крестьянамъ нашихъ горѣлки въ долгъ болѣе одной кварти въ годъ, и объявить приказчикамъ сосѣдей, чтобы они также не пускали имъ въ долгъ, въ противномъ случаѣ имъ не заплатить“ (f° 27).

и исполнительностью котораго онъ считалъ себя обязаннѣмъ неукоснительно слѣдить. А, вдобавокъ,—съ его точки зрењія,—крѣпостной былъ по натурѣ склоненъ ко злу и въ такомъ качествѣ требовалъ неусыпнаго надзора, который, наконецъ, являлся и прямо выгоднымъ для педагога-помѣщика, обеспечивалъ исправность въ поступленіи податковъ и т. п. „Мужикъ простъ, какъ ворона, писалъ онъ своему прикащику въ 1837 г. 15 августа, а хитрый какъ чортъ“, и въ этомъ—суть его возврѣній на порядокъ поведенія крѣпостныхъ и отбыванія ими службъ.

При томъ высокомъ мнѣніи, которое онъ имѣлъ о своей власти, правахъ и обязанностяхъ, объ авторитетности и непрекаемости его мнѣній и приказовъ,—не даромъ изучалъ онъ римское право и даже сочинилъ о немъ книжку,—Носенко не могъ допустить и мысли о возможности не признавать его авторитета, нарушать его приказы. Всячески онъ старался оберегать его въ глазахъ подвластныхъ. „Приказъ мой долженъ быть немедленно исполненъ, безотговорочно; когда я приказываю, то сужденіе сторонняго не умѣстно“ (№ 27),—вотъ тѣ стереотипныя формулы, съ которыми онъ постоянно обращался къ своимъ прикащикамъ и къ громадѣ. И съ особенной энергией, постоянно требовалъ онъ, чтобы всѣ приказы его исполнялись „немедленно“, „сейчасъ же“ и т. д. Горе было тому, кто хоть въ малой степени осмѣливался нарушить его авторитетъ и должное къ нему, какъ власти, уваженіе. Узнаетъ онъ, что приказъ его, отправленный въ Луговецъ чрезъ плотниковъ, „былъ распечатанъ кѣмъ то и приписано на немъ и потомъ опять припечатанъ“ (№ 30). То была неслыханная дерзость, и Носенко издаётъ распоряженіе: „за такую дерзость всѣхъ кто участникъ былъ въ разламаніи господской печати высыпь розгами, дать по 50 ударовъ каждому“ (Ib.). И хуже всего доставалось за неисполненіе барскихъ повелѣній прикащикамъ. На нихъ выливались цѣлые ушаты энергическихъ кличекъ, имъ то и дѣло напоминаль ихъ господинъ о своей власти. „Ты видно зажилъ за панибрана, да только гуртомъ запиваешь могоричи! Такъ плохо будеть“, пи-

шеть онъ посланіе одному изъ своихъ прикащиковъ и твердить ему: „смотри, братъ, будь исправище, чтобы намъ съ тобою не поссориться“ (f° 10—11). А то, вѣдь, продолжаетъ онъ, „я пріймусь за тебя, за первого, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ беспорядковъ“ (f° 12). Преемникъ „развратника“—прикащика заслуживаетъ не менѣе лестные эпитеты за свою неслыханную смѣлость не исполнять приказовъ и дѣйствовать по личному усмотрѣнію. „Виновать (въ беспорядкахъ) ты одинъ, какъ нерадивый враль и злонамѣренный, глупый и безтолковый пустословъ, который менѣе всего думаетъ о своей обязанности, а только занимается мстить своимъ непріятелямъ“ (f° 21). И это—еще лучшій исходъ: въ другихъ случаяхъ 50, 56 ударовъ ожидали „нерадиваго“ и „непослушнаго“. Съ другой стороны, во имя тѣхъ же принциповъ, Носенко жестоко преслѣдовалъ и наказывалъ и тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые обнаруживали дѣйствіями и словами недостаточноеуваженіе къ представителямъ власти его, ихъ «господина», къ назначеннымъ имъ лично прикащикамъ. «Прикащикъ поставленъ отъ меня, пишетъ Носенко между прочимъ въ письмѣ своемъ прикащику отъ 2 февр. 1825 г., письмѣ, которое онъ приказываетъ „вычитать передъ всею громадою“ (f° 16); „прикащикъ поставленъ отъ меня и потому всякъ ему обязанъ повиноваться, выполнять всѣ требования его для пользы господской... подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Никто да не дерзаетъ его ругать или бить“. И вотъ, чтобы „и другимъ было неповадно“, Носенко распоряжается одному изъ крѣпостныхъ, который „осмѣлился не только ругать, но и ударить прикащика“, дать 50 ударовъ розгами передъ громадой въ примѣръ прочимъ“ (Пв.). И если прикащикъ, какъ то было съ однимъ изъ нихъ, жалуется на непослушаніе крѣпостныхъ, то этимъ вызываетъ лишь удивленіе у своего господина. „Тебѣ стыдно писать, что тебя не слушаютъ, внушаетъ онъ прикащику: всякаго ослушника призвать къ судьямъ и его наказать по приговору судей и громады (т. е. высѣчь) и на пай виноватаго судей и громаду почастовать“ (f° 19). И такой же авторитетъ старался придать Носенко и суду сельскому, пред-

писывая неоднократно безусловное послушаніе ему. „А за ослушаніе суду, приказываетъ Носенко, взыщи немедленно 1 рубль на церковь штрафу и дать 25 розокъ предъ судомъ, чтобы впредь неповадно было дѣлать ослушности и самоуправіе“ (f° 27). За то, также какъ и относительно прикащикоў, былъ онъ неумолимымъ чедагогомъ-помѣщикомъ и для судей., Антонъ Недбай, приказываетъ Носенко, будучи избранъ судьей, долженъ быть хранить правосудіе, но онъ, забывши страхъ Господенъ, не только не защищалъ невиннаго, но, напротивъ, первый наложилъ на него руки, и для того, какъ негодной и недостойной, сейчасъ смѣняется и впредь его никогда судью не избирать, недопускать ни на какой совѣтъ въ громаду, какъ буйнаго и безумнаго“ (f° 19). И это повторялось нерѣдко за время съ 1822 по 1847 г.

Находясь постоянно въ Прилукахъ, почти не заглядывая въ отдаленное свое помѣстье, Носенко не могъ самъ лично преподавать подвластнымъ ему крѣпостнымъ нужные уроки. Съ сожалѣніемъ, которое проскальзываетъ не разъ въ его письмахъ—приказахъ, говоритъ онъ о томъ, что ему невозможно обучать лично, и что, поэтому, онъ вынужденъ передавать исполненіе и судъ въ чужіе руки. Уже съ самого почти вступленія въ управление деревней Луговцемъ, онъ попытался организовать для крестьянъ крѣпостныхъ особый спеціальный судъ, какъ орудіе для выполненія его педагогическихъ мѣропріятій. Ежегодно сельская громада обязана была, по его приказу, избирать изъ своей среды двухъ судей, утверждаемыхъ имъ, судей, которые „совмѣстно съ громадою и должны въ свободное отъ работы время всѣ спорные дѣла и тебя (прикащика) судить и считать за всѣ поборы и воровскіе дѣла изъ господскаго лѣса. Ты обязанъ имъ повиноваться и давать имъ отчеты“ (f° 68). Безъ суда прикащикамъ воспрещено было называть: наказаніе, какъ средство исправленія и наставленія на путь истинный, дѣло однихъ судей. Но компетенція суда ограничена въ одномъ отношеніи: судьи вмѣстѣ съ громадой должны разслѣдовать дѣло, допросить свидѣтелей, представить все господину, который и назначалъ мѣру наказанія, если не

предоставлялъ сдѣлать это самому суду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слухи о какомъ либо проступкѣ доходили до Носенка, онъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ мѣру наказанія, предоставляя примѣнить ее суду, если по разслѣдованію послѣдняго виновность данного или данныхъ крѣпостныхъ окажется подтвержденою. Но само собой разумѣется, что судъ не могъ ни въ какомъ отношеніи стѣснять и не стѣснялъ воли господина, который не разъ распоряжался и помимо суда. Крѣпостные, такимъ образомъ, поставлены были подъ двойную ферулу, и обученіе ихъ нравственности и выполненію нравственныхъ поступковъ и обязанностей совершалось постоянно и неукоснительно, обученіе, понятно, однообразное, но педагогическое, въ формѣ съченія. Съ точки зрењія Носенка, какъ педагога, это—наилучшая мѣра наказанія и вполнѣ человѣчная. Да и какъ можетъ быть иначе! Вѣдь, писалъ онъ становому приставу, „56 розогъ не могутъ даже ребенка изувѣчить“ (№ 77), а военное наказаніе, за первый побѣгъ, а именно: проведение виновного сквозь строй шпинцъ—рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ 4000 ударовъ, вѣдь «никто не осмѣлитъся назвать безчеловѣчнымъ» (Ib.). И розга царила въ деревнѣ во всю и за все. Баба направляла мотки «мощенически и не додала требуемаго ихъ количества», и ей приказано дать 30 лозановъ, если въ 2-недѣльный срокъ не напрядеть недостающихъ мотковъ изъ своей уже пряжи (№ 22). Одинъ крѣпостной нанесъ тяжкіе побои другому: виновный призванъ въ судъ и по приказанію владѣльца получилъ сто розогъ (№ 13). Сынъ въ другой разъ побилъ престарѣлаго отца и выгналъ его изъ дома: дать при цѣлой громадѣ 200 розогъ и посадить на 12 часовъ въ колоду» (№ 13). Крѣпостной нанесъ оскорблѣніе прикащику,—50 розогъ (№ 19). Крѣпостной оставилъ данную землю впустѣ, а снялъ и пашетъ землю на чужинѣ, не платя чивша: взыскать чиншъ втрое и „предъ громадой наказать его розгами“ (№ 22). Крѣпостной вырубилъ въ господскомъ лѣсу больше лѣсу, чѣмъ сколько ему то было дозволено господиномъ: за ложь и порубъ дать предъ громадой 50 розокъ“ (№ 24). Одинъ изъ плотниковъ, присланныхъ къ панскому

двору въ Прилухахъ, „4 сутокъ куриль и моталъ тутъ по шинкамъ въ городѣ съ своею любовницей, и, какъ слышно, промоталъ съ нею деньги, которые принесъ, и для того“, —издается панскій приказъ, — „по прибытии его въ Луговецъ, собравши людей, дать ему 50 розокъ за мотовство и пьянство, а за прочее судить Богъ“ (№ 62—63). За кражу изъ господскаго лѣса сыновьями прикащика, — по 30 розокъ (№ 71). Бабу—мать „за побѣгъ и укрывательство своихъ сыновей отъ рекрутства“, предписано „высѣчь розгами при всей громадѣ, потому она уклоняла сыновей своихъ отъ государевой неизбѣжной повинности“ (№ 86).

И съ совершенно такою же аккуратностью, съ какой раздавались и мужчинамъ, и женщинамъ удары розокъ для исправленія, требовалось владѣльцемъ и неукоснительное отбываніе наложенныхъ имъ на нихъ повинностей и податей. Дѣлалось это и въ видахъ пріученія ихъ къ порядку, и съ цѣлью не давать оскудѣвать карману властельца.

Деревня Луговецъ находилась въ особыхъ отношеніяхъ къ владѣльцу. Какъ мы говорили уже, здѣсь у Бѣлецкаго-Носенко не было ни собственного двора, ни самостоятельной зашапки. Управлялъ онъ ею издалека при помощи часто смѣняемыхъ прикащиковыхъ. Поэтому его крестьяне не несли на мѣстѣ барщины, а обязаны были только оброкомъ, который состоялъ изъ чинша (чевша), ягодъ, грибовъ, рыбы, лентю, журавинъ, пряжи въ видѣ мотковъ, земляники и т. п. продуктовъ, составлявшихъ главный предметъ доходовъ дворянъ временъ крѣпостного права. Вокругъ нихъ сосредоточивался главный интересъ, ихъ тщательно исчисляютъ, провѣряютъ, запираютъ въ амбары, продаютъ, и на нихъ же изощряютъ сельско-хозяйственные способности. Пошевонская дворянская старина была стариной дворянской и въ прилукомъ, и въ мглинскомъ уѣздахъ, и нашъ герой,—литераторъ и ученьи Бѣлецкій-Носенко,—являлъ собою всѣ черты исконнаго пошевонца. Заботы о доставленіи всего и вслѣдствие, безъ ущерба, не сходять съ строкъ его приказовъ. „Крестьяне должны исправно платить подати и оброки“ —такова его теорія, и онъ предписывалъ прикащику, чтобы тотъ „не смѣль писать впередъ

такія глупости“, какія помъщены имъ въ его донесеніи, гдѣ овъ проситъ о понижениі и облегченіи платежей. Не любилъ Носенко неправды, но и не любилъ ущерба въ своихъ доходахъ, и это тѣмъ болѣе, что послѣднє—живые символы обязанностей его крѣпостныхъ. Если всего, что слѣдуетъ, недоставлено, вина прикащики; это—слѣдствіе его „нерадѣнія“, его потворства пьянству, лѣни и ничего недѣланію „хитрыхъ чертей“ и, глупыхъ воронъ“. „Немедленно взыскать“, „безотговорочно доставить“, „беречься въ перѣдѣ, чтобы никакихъ недоимокъ не было“, охранять имущество, лѣса и т. п. „господина“ и т. д. (fol 13 и др.),—таковъ обычный припѣвъ къ его приказамъ. „Старайся доставлять деньги поскорѣе, потому что онъ не собраны по твоему нерадѣнію“, пишетъ Носенко прикащику въ 1822 г. (f° 1). Приказы не дѣйствуютъ. Поступленія идутъ вяло. И вотъ прикащикъ съ трепетомъ читаетъ новое полученное отъ „господина“ повелѣніе: „ты совершенно запустилъ людей, что никто не думаетъ о работѣ, а только пьянствуютъ, и черезъ это ты запустилъ чинши, что мужики у тебя безъ малѣйшаго страха и поэтому все запущено. Я непремѣнно пришлю осмотрѣть, и если огороды и поля найдутся въ запустѣніи или беспорядкѣ, то я пріймусь за тебя за первого, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ безпорядковъ“ (f° 12). Грозное видѣніе въ видѣ розокъ и, особенно, систематическихъ вычетовъ съ прикащики и за недосланные продукты, и за непомѣрно, по мнѣнію Носенка, высокія цѣны, выставленные прикащикомъ и за прядиво, и за бочку подъ олею, деготь и т. п., и за ваганы и т. п. произведенія, уменьшаютъ недоимки: прикащики изъ кожи вовѣ лѣзутъ, чтобы выполнить волю „господина“, и отъ времени до времени получаютъ благодарность (крайне рѣдко), а иногда и деньги въ видѣ награды за хорошее поведеніе (еще рѣже)¹⁾ А

¹⁾ Въ 1832 г. прикащикъ получаетъ слѣд. посланіе: «деньги и все чосланное тобою я получилъ исправно; также и мотки наприядены хорошо. За это тебѣ спасибо» (f° 45). „Даю тебѣ 20 р. особо изъ рекрутскихъ денегъ, которые ты взыщешь“ (f° 46).

у Носенка оказывается хороший хозяйственный глазъ. Всѣ поступающіе продукты одинаково интересуютъ его. Прикащикъ присыаетъ рыбу, которую ловить въ господскомъ прудѣ. Ловля строго регламентирована помѣщикомъ,—она допущена лишь всей громадой. Послѣдняя должна имѣть свой неводъ, громадскій (№ 3, 18, 19, 26, 89), который обязательнo хранится у прикащика, а уловъ долженъ дѣлиться пополамъ: половина пану, половина на необходимости громады, особенно въ неурожайные годы. Строго воспрещено имѣть невода и другія орудія отдельнымъ крестьянамъ. Носенко неукоснительно приказываетъ „неводъ у такого то отобрать, ибо какъ осмѣлился самоправно пользоваться господскими правами!“ (№ 89). Онъ знаетъ, въ силу такихъ распоряженій, какъ величъ можетъ быть ежегодный уловъ, всему этому ведутся точныя записи, и потому настойчиво требуетъ исправной присылки всего положеннаго количества рыбы. „Рыбы мало, и та самая должна быть, и потому прислать непремѣнно еще“, предписываетъ онъ прикащику (№ 26). Въ 1839 году Носенко уже посыпаетъ выговоръ за недосланную рыбу: „за рыбу присланную ты не стоишь и доброго слова“ (№ 56). „Гдѣ тутъ совѣсть, бездѣльникъ, гдѣ тутъ рыба?—когда, внушиаетъ онъ прикащику,—негодной щучины присыпано было тобой по 15 ф., которая вся не стоила и 1 р. 5 к., а на соль для этого особо показано 1 р. 5 к.“ (№ 72). Какъ истый хозяинъ, онъ не допускаетъ и мысли о возможности недополученія слѣдуемаго ему и съ прикащика предписываетъ взыскать сумму недостающаго. Еще раньше за рыбу накопилась недоимка и штрафныя деньги, не внесенные прикащикомъ ни въ 1834, ни въ 1835 гг. Шомѣщикъ издалъ въ 1836 г., въ февралѣ, приказъ: „ты не прислалъ всѣхъ штрафныхъ денегъ за рыбу! Люди, разживаясь, прибавляютъ оброкъ господину, за которымъ живутъ въ добрѣ, а ты гнешь, какъ бы убавить. Надо помнить, сентенціозно прибавляетъ онъ, что есть Богъ“, и предписываетъ немедля уплатить всю недоимку. „Ты не мысли, добавляетъ Носенко въ видѣ угрозы, чтобы обѣ этомъ когда либо было забыто, и заплатиши съ процентами“ (№ 61). И то не было лишь пустой фра-

зой съ его стороны. Носенко, вѣрный своимъ принципамъ, выработаннымъ имъ понятіемъ о справедливости, воспитанный на римскомъ правѣ, не останавливается предъ продажей всего имущества прикащика, разъ послѣдній „гнуль“ слишкомъ сильно къ убавкѣ платежей въ пользу господина и, особенно, къ прибавкѣ ихъ въ свою пользу.

Вниманіе къ рыбѣ не было исключительнымъ. Въ совершенно равной мѣрѣ заботился Носенко и о томъ, чтобы грибы, да притомъ самые хорошиe, да рыжики, „да непремѣнно бѣлые“¹⁾ да боровики по 1 ф. съ двора, доставлялись полностью подъ тѣми же угрозами; и о томъ, чтобы и мотки изъ конопли и пеньки присыпались въ установленномъ имъ количествѣ, определенной величины и вѣса, указаннаго качества, безъ обмана и „не мошеннически“ натканные. „Мотки, чтобы были, настаиваетъ онъ постоянно, напрѣдены хорошо и вѣрно по данному мотивилу изъ бѣлыхъ конопель и чтобы были карточки при каждомъ моткѣ, а также смотрѣть, чтобы счетъ пасомъ былъ вѣренъ“ (№ 61). И объ обманѣ его не могло быть и рѣчи. Онъ зналъ, и кто изъ бабъ, сколько мотковъ обвязаны были доставить, и кто изъ нихъ не доставилъ всего, и за все это взыскивалъ онъ съ прикащика, а если оказывалась виновной баба, то приказывалъ, какъ мы знаемъ, сѣчь ее. „Мотки доставлены, пишетъ Носенко въ 1838 г. (ib.), неисправно. Пять бабъ, изъ которыхъ двѣ въ твоей семье, не доставили по пѣсколько пасомъ, а именно: одна—3 пасмы, другая—2, третья—2, четвертая—5, шестая—11. Это—мошенничество, и съ твоей стороны недосмотръ. А потому приказать имъ строжайше недостающее число пасомъ допрясть и сказать, что впередъ они будутъ наказаны“. Въ 1830 г. прикащикъ доставилъ всего 91 мотокъ. „Слѣдственно, заявляетъ аккуратный Носенко, меныше противъ прошлогодняго

¹⁾ «Ты осмѣлился, пишетъ Носенко въ 1839 г., наругаться, бездѣльникъ, надъ своимъ господиномъ и выѣсто лѣжки рыжиковъ прислать полъ-ведра гнилыхъ, черныхъ и зеленыхъ; грибы чтобы были все бѣлые, а отнюдь не бабки и не менѣе пуда вѣсу» (№ 69).

14 мотковъ, да и напрядены и намотаны на такое короткое мотовило, что не прибрать витушки“. „А по сему,“—приказъ его: „за недостающіе 14 мотковъ мнѣ слѣдуетъ получить 14 рублей по ценѣ, какъ здѣсь (въ Црилукахъ) продаются на пра-
вое шестипядное мотовило, а не плутовское“ (f° 40). Затѣмъ онъ взыскиваетъ все-таки слѣдуемое полностью. Да и вообще для недоимокъ, для взысканія недосланного, все равно въ формѣ лирыбы, ягодъ, журавини, мотковъ, грибовъ и проч., у него выработалось и прямое средство. Разъ оказываются недоимки такого рода,— отвѣчаютъ деньгами прикащикъ и громада. „Тебѣ приказано было, повелѣвается въ 1835 г. Носенко, много разъ, когда не будетъ выслана рыба или грибы или другое что, то вмѣсто того должны вы всѣ платить за недосланное по 25 р. за каждый предметъ; а безъ этого ты, пожалуй, и не подумаешь о томъ, чтобы отдать то, что слѣдуетъ. И такъ за недосланное собрать со всѣхъ людей 50 р. и деньги непремѣнно доставить“ (f° 58). И о томъ, чтобы не уплачивать этихъ денегъ, нечего было надѣяться. На просьбу такого рода одной бабы, Носенко прислалъ въ отвѣтъ такую сентенцію: „нельзя прожить безъ уплаты податей“ (f° 34). Единственная льгота, которую разрѣшалъ и допускаль Носенко, заключалась лишь въ замѣнѣ пла-
тежа натурой платежемъ деньгами, или обратно. Такъ, вмѣсто денегъ дозволялось давать, напр., деготь, но при цѣнѣ за пудъ не дороже 80 к. (f° 56), или „кто не хотѣлъ давать журавини, тому объявлялось, что онъ можетъ платить деньгами“ (f° 3).

Въ дѣлѣ взысканій всѣхъ и всякаго рода платежей порядокъ былъ установленъ предусмотрительнымъ и разсчетливымъ помѣщикомъ самый строгій. Во первыхъ, всѣ разнородные виды платежей обязаны были вносить помѣщику чрезъ прикащика всѣ крестьяне безъ исключенія, все равно, были ли они надѣлены землей или нѣть. Во вторыхъ, за поступленія отвѣчала вся громада, такъ какъ только съ нею въполномъ составѣ имѣлъ дѣло помѣщикъ, а не съ отдѣльными лицами. Такой порядокъ заведенъ былъ Носенкомъ съ 1803 года, и онъ упорно придерживался его во все времена правленія д. Луговцомъ. „Впередъ, такъ

писалъ онъ, напр., въ 1824 г. (№ 15), съ мелкими расчетами, что тотъ или другой не заплатилъ, ты мнѣ не смѣй входить и писать! Я положилъ оброкъ на цѣлую громаду, а не на души порознь, а потому цѣлая громада мнѣ должна отвѣтить за все сполна, какъ это прежде всегда бывало“. Кромѣ платы натурой (съ правомъ замѣнять ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ деньгами), Носенко взыскивалъ со всѣхъ крѣпостныхъ и то, что онъ называлъ „чиншомъ“, т. е. платежъ преимущественно деньгами, опредѣленный имъ въ 300 р. Взыскивался онъ два раза въ годъ, и прикащики было особенно строго предписано присылать его аккуратно, въ два срока, которые, впрочемъ, не были строго установлены. Носенко лишь въ нѣкоторые годы требовалъ доставлять ему чинши, первую часть до Пасхи, вторую—до Василія. Такъ какъ хозяйства своего Носенко въ Луговцѣ не велъ, то и барщины въ деревнѣ не существовало вовсе. Крестьяне лишь обязаны были платежомъ натурою и деньгами въ видѣ чинша. Избавить отъ уплаты чинша могъ лишь одинъ помѣщикъ. Исключительно отъ его воли зависѣло или потребовать чинша деньгами, или заставить отработать его. Къ послѣднему способу онъ прибѣгалъ нерѣдко, но и то лишь потому, что въ д. Луговцѣ крестьяне были хорошими плотниками. Почти ежегодно, въ томъ или иномъ количествѣ, призывалъ онъ ихъ въ Прилуки или въ села прилуцкія, принадлежавшія ему, для всякаго рода построекъ. Они должны были работать даромъ за освобожденіе отъ части чинша, по разсчету же помѣщика. Но и здѣсь педагогическія требованія стояли не на послѣднемъ планѣ: дозволялось являться на плотничіи работы лишь трезвымъ, не лѣнивымъ и непроштрафившимся крестьянамъ. Присылка гультайя вызывала настоящую грозу. „Какъ ты осмѣлился перемѣнить то, что уже мною утверждено, съ раздраженiemъ пишетъ Носенко своему прикащику въ 1837 г. (№ 65). Если Степанъ (крестьянинъ) безъ вѣдома твоего осмѣлился самъ отъ себя послать сюда, на смѣну, то дать ему 50 розокъ среди громады, если я самъ съ нимъ не перевѣдаюсь. И кого дерзнулъ ты сюда прислать мнѣ на глаза? Вора, негодяя, пьяницу, который за безчисленные

приказы отосланъ бывъ къ тебѣ. Приказы мои отмѣнять не смѣй подъ опасеніемъ наказанія“.

Какъ основное правило, господствовала въ Луговцѣ система неукоснительного взысканія во что бы то ни стало и „сполна“ (№ 15, 18, 55, 57 и др.). Малѣйшая отсрочка вызывала рядъ повторныхъ и настойчивыхъ требованій о немедленной присылкѣ всей суммы или недоплаченной части. Лишь для „гультиевъ“ и „лѣнивцевъ“, которые упорно отказывались отъ уплаты и съ которыми безсильны были справиться прикащики и громада, была придумана Носенкою специальная кара: прикащики должны были высылать такого рода лицъ на время косовицы, жатвы и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ ко двору помѣщика, гдѣ ихъ заставляли отбывать барщину (№ 57). „Всѣ неисправные плательщики, издаётъ въ 1835 г. свой приказъ Носенко, пьяницы, лѣнивцы будутъ работать здѣсь панщину, а земли ихъ и особенно печеночные огороды должны будуть за нихъ же выплачивать всѣ подати и чинши“ (№ 58). Это,—по мысли Носенка,—наказаніе крѣпостнымъ его за то, что, какъ онъ пишетъ въ томъ же приказѣ,—„вы только лукавствуете и хитрите“ (Ib.).

Заботы о поддержаніи доходности имѣнія, о правильномъ поступлении платежей идутъ у Носенка еще далѣе. Не желая увеличивать оброки, онъ ищетъ другихъ источниковъ доходовъ, создаетъ новые поборы. Такъ, напр., слѣпые бабы обязаны были наравнѣ съ другими доставлять ко двору помѣщика причитающееся съ нихъ количество мотковъ. Въ 1824 г. онъ уже увольнены были помѣщикомъ отъ приготовленія мотковъ, и, по его приказу, приготовленіе ихъ въ томъ количествѣ, какое должны были выполнить слѣпые, возложено па молодыхъ, недавно вышедшихъ замужъ (№ 17). Но въ 1838 г. помѣщикъ постановляетъ, чтобы „съ ослѣпшихъ бабъ въ передъ взыскивать за мотки деньгами, по чемъ продается мотокъ,“ а прикащику поставлено въ непремѣнную обязанность „смотрѣть строго, чтобы никакой недорогимки не было“ (№ 65). Въ тѣхъ видахъ, чтобы ущерба чившамъ не было, издаётъ Носенко приказъ, безусловно воспрещающій

его крѣпостнымъ братъ землю на сторонѣ. Имъ предписано обрабатывать лишь землю, принадлежащую помѣщику, дабы не причинить ему ущерба¹⁾.

Съ другой стороны, съ неменьшимъ вниманіемъ относится Носенко и къ вопросу объ удержаніи на мѣстахъ своихъ крѣпостныхъ, этихъ главныхъ источниковъ дохода его въ д. Луговцѣ. Сохраненіе существующаго количества рабочихъ крѣпостныхъ, ихъ увеличеніе постоянно заботили его, и онъ строго следитъ за тѣмъ, чтобы не потерпѣть и въ этомъ отношеніи какоголибо убытка. Съ ушедшихъ безъ разрѣшенія крестьянъ и отысканныхъ гдѣ-либо у сосѣдняго помѣщика взыскивалось пожилое (№ 41). Относительно женщинъ онъ всячески старался о томъ, чтобы охранить свое право и не потерпѣть ущерба отъ выхода ихъ замужъ за чужого человѣка, въ чужую деревню. Такъ, въ 1822 г. Носенко предписываетъ своему крестьянину жениться на своей крестьянкѣ, но, буде онъ не захотѣлъ бы этого, то и на чужой, но подъ условіемъ замѣны (№ 6). Позже настаиваетъ онъ на соблюденіи неукоснительномъ своего права, чтобы „безъ воли и вѣдома его никто не выдавалъ замужъ, и не выходилъ замужъ, или не женился“ (№ 62). За неисполненіе указа Носенко подвергалъ виноватыхъ штрафу. Когда въ 1837 г. ему донесли, что одинъ мглинскій священникъ обвищалъ безъ его вѣдома и позволенія женщину, его крѣпостную, онъ приказывалъ или потребовать отъ священника куницу, или подать на него жалобу въ духовное правленіе (№ 64). Какъ общее правило существовалъ обычай уплачивать „куницу“ въ размѣрѣ 13 р. за отдачу дочери въ замужество за посторонняго человѣка. „Дочь свою, пишетъ Носенко прикащику въ 1847 году, выдать за сто-

¹⁾ «Кто осмѣлитсѧ, гласитъ приказъ 1825 г. (№ 22), взять землю и пахать на сторонѣ, когда своя въ пустѣ, и когда онъ имѣеть земли столько, сколько всякий бѣднякъ (вследствіе того, что уклоняется отъ чинша), то съ такого мошенника взыскать чиншу въ трое и вакаразъ его предъ громадой розгами, и сей приказъ тотчасъ привести въ исполненіе».

ронняго можно не иначе, какъ со взносомъ за нее куницы три-надцати рублей серебромъ“ (ф° 91—62, 65 и др.).

Строго охраняя свое „священное право“ распоряжаться по своей волѣ крестьянами, слѣдить за ихъ поведеніемъ, подвергать ихъ тѣлесному наказанію, Носенко, съ другой стороны, уже въ силу своего высокаго мнѣнія о роли дворянина, не допускалъ и мысли о возможности какого-либо посторонняго вторженія въ его отношенія къ крестьянамъ, отношенія, основанныя, по его убѣжденію, на присущемъ ему правѣ, особенно вторженія полицейской власти. Въ такомъ вторженіи онъ усматривалъ явное нарушеніе своего „священного права“ и либо просто отмѣнялъ приказы и распоряженія какого-нибудь станового пристава, либо протестовалъ противъ дѣйствій его, противъ „незаконнаго“ его вмѣшательства. Въ 1842 г. онъ получилъ жалобу отъ своихъ крестьянъ на обрѣмененіе ихъ подводами по распоряженію станового. Развузавши, что съ крестьянъ другихъ владѣльцевъ въ Луговцѣ подводъ не берутъ, а только съ его крѣпостныхъ, что вымогаютъ съ нихъ насильно подводы и задерживаютъ иногда по недѣльѣ у станового для собственной его щѣзы, Носенко пишетъ прикащику приказъ, прекратить все это. „Я не дѣлалъ, пишетъ онъ, никакого контракта содержать почту для возки станового пристава и содержать тройки коней и погонщиковъ въ его дворѣ для разоренія моихъ крестьянъ, а потому приказываю тебѣ подать куда слѣдуетъ жалобу о прекращеніи такого самоправнаго разоренія крестьянъ нашихъ, и притомъ объявить, что впредь безъ письменнаго отъ земскаго суда приказа, законнымъ порядкомъ подписаннаго, никакія подводы выдаваться не будутъ, а также по запискамъ на лоскучкахъ бумаги, потому что такие вымогательства—противо законные, а подводная повинность должна быть общественная цѣлаго уѣзда и слѣдовательно должна соблюдаться очередь по числу ревизскихъ душъ въ каждомъ владѣніи“ (ф° 83). Нѣсколько раньше, въ 1839 г., Носенко вступилъ въ еще болѣе рѣшительную борьбу съ становымъ приставомъ для защиты своего „священного права“. Назначенный имъ прикащикъ оказался виновнымъ въ похищеніи немалаго количества дерева изъ помѣщичьяго

льса, въ недобросовѣстномъ веденіи дѣлъ, неправильной присылкѣ чиншой и т. п. Кое-кто изъ крестьянъ донесли о порубкахъ Носенку, и послѣдній, выразивши „великое спасибо“ симъ крестьянамъ и подаривши одному 25 р., а другимъ по 15 р., предписалъ суду произвести дознаніе. По дознанію прикащикъ съ сыновьями оказались виновными, и Носенко присудилъ ихъ къ взысканію около 4 тыс. рублей и постановилъ продать все ихъ имущество въ пополненіе долга, если они не уплатятъ слѣдуемаго въ мѣсячный срокъ. А такъ какъ при составленіи описи имущества громадою, по порученію помѣщика, бывшій прикащикъоказалъ сопротивленіе и дрался, да и краль лѣсъ, то Носенко въ дополненіе приказалъ высѣчь и его, и его сыновей, дать каждому по 56 розогъ (№ 66 по 74). Высѣченные крестьяне обратились съ жалобой къ становому за увѣчья, нанесенные имъ, и становой отправилъ къ Носенку повѣстку и потребовалъ у него объясненій. Повѣстка привела въ страшное негодованіе помѣщика Носенка, и онъ разразился ядовитымъ и насмѣшивымъ протестомъ противъ „явно“, съ его точки зренія, „незаконныхъ дѣйствій станового, осмѣлившагося затронуть и его „господина“ особу, и его „священныхъ права“.

Мы приводимъ *in extenso* это письмо Б.-Носенка къ становому, какъ не требующее комментаріевъ и рисующее его во весь ростъ.

Письмо адресовано такъ: „отъ помѣщика коллежскаго ассессора, двухъ императорскихъ Россійскихъ ученыхъ обществъ члена и проч., и кавалера Павла Павлова сына Бѣлецкаго-Носенка, отвѣтъ на повѣстку его благородію г. приставу З стана Левицкому мглинскаго уѣзда“.

„Повѣстку вашу отъ 27 ноября за № я имѣлъ честь получить чрезъ почту; и спѣшу предостеречь васъ.—Вы, милостивый государь мой, совсѣмъ меня не знаете, я человѣкъ довольно грамотный, читаю толстые книги, никогда не отговариваюсь не знаніемъ законовъ; очень знаю свои права помѣщика и крѣпостныхъ людей; живу по русской пословицѣ: „Ѣду тихо не свищу, кто жъ наскочитъ не спущу“.—Въ теченіе почти

40-ка лѣтъ, крестьяне мои никогда... не впадали въ недоимку, потому что я непрестанно о томъ заботился, и даже въ дорогой годъ не заимствовались на продовольствіе отъ казны. Для разбора ихъ исковъ, споровъ, дракъ и прочего, за отдаленностью моего жительства, установленъ былъ отъ меня сельской судь изъ двухъ избранныхъ ими судей и громады, они собирались всякой праздничной день послѣ обѣда и судили и рядали дѣла по святой правдѣ, какъ нельзя лучше, и за дерзкія дѣла приказчиковъ судили и штрафовали съ 1803 года. Но Иванъ Сигуль съ сыновьями своими... осмѣлились самоправно эту спасительную мѣру уничтожить и присвоили себѣ, какъ это доказано, самовластіе надъ моими крестьянами, начали тирански ихъ наказывать, отнимали у нихъ поля, сѣнокосы, огороды и проч., безъ здирства съ крестьянина не выдавали ему свидѣтельства для полученія покормїжной; потомъ стали вымогать и брать съ крестьянъ лишніе поборы будто бы въ казенные податки; эту лихву присвоили себѣ и никогда не отдавали громадѣ отчета, пока не дошли до меня общія жалобы о всѣхъ ихъ злоупотребленіяхъ. Вотъ какимъ образомъ Сигули разбогатѣли! Наконецъ, они, накупивши много лишнихъ лошадей и нанявши наймитовъ, не смотря на то, что своя семья многочисленна, зимнимъ путемъ иногда на 20 подводахъ крали мой лѣсь и возили продавать его въ г. Мглинъ; и сверхъ того самоправно крали себѣ на постройки, и въ ослушаніе моего строгаго приказа Сигули не захотѣли идти съ громадою считать выкраденные ими деревья, за которыхъ я положилъ самую бѣдную плату, какая была установлена отъ меня назадъ тому около 40 лѣтъ, а не ту цѣну, которую предписано брать за покрашенные сосновые деревья въ сводѣ законовъ.—Теперь позвольте вамъ, М. Г. мой, напомнить, что я рѣшилъ все это дѣло, какъ владѣлецъ окончательно, на основаніи т. IX, статьи 594-й..., слѣдовательно безъ всякой апеляціи къ кому либо.—Далѣе. Свода Законовъ въ томъ же томѣ статья 596: для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, онъ (т. е. владѣлецъ или помѣщикъ) имѣетъ право употреблять до-

машнія средства исправленія и наказанія, по его усмотрѣнію, но безъ увѣчья и проч.“. Изъ этого вы усмотрѣть можете, что написанные вами 56 ударовъ розгою совсѣмъ не безчеловѣчно и не можетъ даже ребенка изувѣчить; вамъ угодно было назвать розгу по-нѣмецки *шипцик-рутеномъ*, что все таки значитъ хлыстъ; но всякий знаетъ, кто служилъ въ военной службѣ, что военный судъ присуждаетъ за первый побѣгъ дезертира пройти сквозь строй шпцикъ-рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ по теперешнему счету 4000 ударовъ, и это никто не осмѣлится назвать безчеловѣчнымъ.—Что касается до 75 рублей за лишній ударъ, это праведная гроза для исполнителей судебныхъ приговоровъ при наказаніи уголовнымъ палачемъ.—Вы поступили, М. Г. мой, очень неосторожно, въ противность закона т. X ст. 1614, п. 2: „запрещается давать судъ крѣпостнымъ людамъ противъ своихъ помѣщиковъ, кроме дѣлъ объ отысканіи законной свободы отъ укрѣпленія“, и того же С. З. въ т. IX ст. 597 узаконяетъ: „запрещается принимать отъ крѣпостныхъ какіе либо на ихъ владѣльцевъ доносы и проч.“;—следовательно, вы не имѣли никакого законнаго права принимать просьбы отъ преступныхъ крестьянъ моихъ, Сигулей, чтобы тѣмъ возбудить въ нихъ дерзость законопреступную противъ высочайше вѣренной мнѣ власти, когда я рѣшилъ дѣло окончательно, по силѣ закона.—Всякой благородный человѣкъ и дворянинъ вѣрно будетъ защищать это священное право до послѣдней минуты своей жизни.—Какъ законное повиновеніе отъ крестьянъ моихъ, Сигулей, нарушено, и какъ не мудрено предвидѣть послѣдствій этого приключенія, то я одолжаюсь покорно просить васъ обратить возмутившихся крестьянъ моихъ къ законному повиновенію и дать зависящую отъ васъ помошь крестьянамъ моимъ, Данилѣ Повтарю, Федору Киреенку и прочимъ для исполненія моего приказа по окончательному моему присужденію.—Время не терпитъ; вы ободрили раззорителей моихъ крестьянъ, которые осмѣлились писать въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, будто они тратили громадскіе деньги на угощеніе членовъ земскаго суда, засѣдателей и всякихъ ревизо-

ровъ, и давали имъ деньги. Злодѣи, которые не умѣли цѣнить благодѣянія своего помѣщика, подъ правленіемъ котораго обогатились и нажились благополучно около 40 лѣтъ, конечно не пощадятъ сторонняго. Еще прошу васть, послѣдніе привести ихъ въ повиновеніе. Р. С. Май очень обидно, что вы, М. Г. мой, вздумали пугать меня принятиемъ отъ Сигулей на меня или на крестьянъ моихъ жалобы; если они не будутъ обращены къ законному повиновенію мнѣ и не исполнятъ моихъ приказовъ, я принужденъ буду жаловаться въ Губернское Правленіе, гдѣ, конечно, найду правосудіе.—Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ мое имѣніе, нарушать беззаконно мою власть, увѣряя непокорныхъ крестьянъ моихъ, будто они могутъ приносить жалобы на окончательные суды своего помѣщика къ кому бы то ни было“.

И. Лучицкій.

Кіевъ, 19 февраля 1901 г.

Сорокъ лѣтъ назадъ.

(Изъ воспоминаний Мирового Посредника первого призыва).

Въ послѣднее время „великій“ 1861 годъ вспоминается въ обществѣ очень рѣдко. Только иногда бывшій крѣпостной, опредѣляя время, говоритъ: „се було въ пятый годъ числа воли“, и вспоминаетъ тотъ день, когда впервые слово „воля“ смѣло и свободно раздалось по обширной землѣ; но чѣмъ дальше шли годы, оно все рѣже и рѣже вспоминалось, пока не замѣнилось другимъ словомъ, но уже не радостнымъ, а грустнымъ: „на переселеніе“. Но человѣку, бывшему очевидцемъ, а еще болѣе, принимавшему участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, приходится часто воспоминаніями переживать эти дни, полные жизни, полные дѣйствительной, живой работы, а не бумажной, канцелярской,—такъ живо, какъ будто это было вчера.

Съ полною ясностью возникаютъ въ памяти лица, ихъ характеры, взгляды на дѣло освобожденія, борьба съ ними, радость побѣды, боязнь, чтобы не ввести темный людъ въ бѣду. Все это прошлое сразу ожило въ моей памяти при встрѣчѣ съ однимъ изъ крѣпостныхъ, пришедшихъ ко мнѣ за „порадою“.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Ярмакъ, бывшій въ обществѣ крестьянъ однимъ изъ видныхъ людей, которымъ и въ экономіи дорожили, какъ хоршімъ плотникомъ, былъ, помнится мнѣ,

однимъ изъ тѣхъ, дѣло котораго [съ ѣкономіей пришлось мнѣ впервые рассматривать и рѣшать послѣ воли.—Теперь это былъ сѣдой, сгорбленный старикъ, думающій, какъ лучше устроить своихъ наслѣдниковъ послѣ своей смерти.

При встрѣчѣ съ этимъ-то Ярмакомъ припомнилось мнѣ время „великаго года“, припомнились многіе эпизоды изъ того времени, заставившіе Ярмака иногда повторять: „да и дурнi-жъ булы мы тоди“.

Мало уже осталось насъ, принимавшихъ участіе въ освобожденіи. Вспоминая моихъ бывшихъ коллегъ, не могу не остановиться на тогдашнемъ предводителѣ дворянства, который игралъ большую роль въ уѣздной жизни. Съ особеною зоркостью онъ припоминается мнѣ, добрый по натурѣ, но глубоко убѣжденный въ томъ, что и послѣ освобожденія онъ обязанъ поддерживать прежнія права помѣщиковъ, и мнѣ не разъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло въ Съѣздѣ Мировыхъ Посредниковъ, въ которомъ предводитель дворянства былъ предсѣдателемъ. Въ то время Съѣздѣ Мировыхъ посредниковъ былъ первымъ гласнымъ учрежденіемъ, и въ немъ разбирались дѣла и споры такъ еще недавно бывшихъ безправныхъ людей со своими полноправными господами. Это учрежденіе, на которое были обращены взоры всего уѣзда, у насъ, да вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, имѣло громадное значеніе для будущности, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, большинство которыхъ никакъ не хотѣло сразу стать къ крестьянамъ въ положеніе, требуемое закономъ, и желало при всякой возможности оттянуть въ свою пользу хоть кусочекъ того, на что они уже не имѣли права.

Съѣздѣ Мировыхъ Посредниковъ, состоя изъ мѣстныхъ дворянъ съ предводителемъ во главѣ, не могъ внушать довѣрія только что освобожденнымъ крестьянамъ. Только членъ отъ правительства въ Съѣздѣ, на сторонѣ котораго было знаніе новыхъ законовъ да представительство взглядовъ губернскихъ присутствій, могъ сдѣлать Съѣздѣ учрежденіемъ новымъ, способнымъ безпристрастно проводить новые законы. Поэтому, если-бы

голоса въ съездѣ не уравновѣшивались голосомъ правительственного члена, если бы губернаторъ не былъ на сторонѣ новаго положенія вещей, а члены и секретарь Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія были старыми чиновниками, а не людьми, всесцѣло стремящимися исполнить законъ, то дѣло освобожденія и въ нашемъ уѣздѣ пошло бы плохо. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи, я вспоминаю быв. членовъ отъ правительства П. Г. Борсукова и А. М. Лазаревскаго. Уѣздъ нашъ не имѣлъ въ большомъ количествѣ крупныхъ имѣній. Помѣщичьи крестьяне составляли менѣе трети всего населенія; главный элементъ составляли козаки, имѣвшіе въ то время еще вѣкоторыя льготы. За исключеніемъ нѣсколькихъ сель и хуторовъ, остальные имѣли смѣшанное населеніе, состоящее изъ козаковъ и крестьянъ. По качеству почвы уѣздъ раздѣлялся на двѣ половины: въ 1-й мѣстности и надѣль требовался меньшій, и оброкъ большій; во 2-й мѣстности, гдѣ главнымъ образомъ преобладала песчаная почва, но я то было много сѣнокосовъ болотныхъ и заливныхъ луговъ, много лѣсовъ и срубовъ, надѣль былъ больше и оброкъ менѣе.

Первая мѣстность урожайная, вторая—болѣе пригодная для скотоводства. Но какъ въ первой могли быть имѣнія съ болѣе плохой почвой, такъ, наоборотъ, во второй—могли быть имѣнія съ хорошей почвой. Законъ позволялъ переносить оцѣнку съ одной мѣстности въ другую, почему, какъ надѣлы, такъ и оброки могли и уменьшаться, и увеличиваться. Это обстоятельство требовало отъ посредника тщательнаго изученія крестьянскихъ земель.

Цочти въ одно время съ освобожденіемъ началось и размежеваніе земель, съ цѣлью уничтоженія чрезолосности, но оно не могло прийти на помощь въ опредѣленіи качества и количества земли, такъ какъ шло черепашьимъ шагомъ, хотя впослѣдствіи имѣло серьезное вліяніе какъ на помѣщичьи хозяйства, такъ и на крестьянскія. Но въ то время это не было предвидимо, почему и послѣдствія его не принимались въ разсчетъ. Но объ этомъ послѣ.

Очень много имѣли винокуренные заводы и нѣсколько сахарныхъ. Съ первыхъ же дней освобожденія, по крайней мѣрѣ пока на бумагѣ, приходилось обратить особое вниманіе на возможность оставленія рабочими работъ на заводахъ, и въ особенности сахарныхъ, гдѣ пріостановка на нѣсколько дней могла причинить большиѣ убытки, а затѣмъ вызвать и строгія мѣры: вѣдь въ то время слово „бунтъ“ было очень употребительно, и простой отказъ одного-двухъ рабочихъ идти на панщину возводился уже въ бунтъ и могъ окончиться вызовомъ солдатъ, что и было въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Присутствуя въ церкви при чтеніи манифеста, я замѣтилъ не счастливыя лица крестьянъ, а суровыя, хотя они и крестились при словахъ: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ“. — Несомнѣнно, на всѣхъ повліяло то, что „воля“ дается не вдругъ, что они должны еще отбывать панщину, что относительно земли, которую они владѣли и считали своей, дѣлается что-то не такъ. Изъ крестьянъ въ то время мало было грамотныхъ. Служалось, что въ іномъ сельѣ нельзя было найти ни одного человѣка, который могъ бы расписаться за неграмотныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грамотнаго крестьяне находили, но этотъ грамотный самъ запутывался въ толкованіи и вѣрномъ пониманіи многихъ статей Положенія. Были, разумѣется, и такие, которые толковали эти статьи въ пользу крестьянъ, за что и выпивали больше и получали большее вознагражденіе. Все это, на первыхъ порахъ, дѣлало задачу Мировыхъ Посредниковъ очень тяжелой. И теперь я вспоминаю то неспокойное состояніе духа, которое овладѣло мною, когда пришлось составлять программу своихъ дѣйствій. Очевидно, нужно было приобрѣсть возможное довѣріе отъ крестьянъ, чтобы не надѣлать бѣдъ. Задача эта была очень трудной, и впослѣдствіи оказалось на дѣлѣ, что хотя крестьяне будто бы и вѣрятъ Посреднику, но держать ухо востро и часто на самое простое предложеніе, выгодное для нихъ, не соглашаются.

Первымъ дѣломъ послѣ чтенія манифеста было образованіе сельскихъ и волостныхъ учрежденій. Волостные Суды, правле-

нія, сельськіе старосты въ обществахъ козаковъ существовали давно, въ крестьянскихъ же были образованы отдельно; тѣмъ не менѣе, образцы для послѣднихъ уже были, и новые граждане, крестьяне, старались подражать козакамъ и въ манеражъ держать себя предъ начальствомъ, и съ подчиненными имъ крестьянами. Различie было въ томъ, что козачьи старшины, управляемые особыми чиновниками бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ, были грамотны, умѣли держаться, имѣли хорошо обученныхъ писарей. Наши же, крестьянскіе, въ большинствѣ неграмотные, съ первыхъ же дней могли попадать въ руки писарей, взятыхъ изъ бывшихъ козачьихъ писарей или пріучившихся около нихъ молодыхъ парней, набившихъ руку тутъ же въ Волостныхъ Правленіяхъ. Поэтому и тутъ Мировому Посреднику приходилось задумываться и быть на сторожѣ, чтобы незамѣтно на новыя учрежденія не повліяли привычки старыхъ уже козачьихъ учрежденій, въ которыхъ волостные старшины часто наживали крупныя земельныя имущества.

Но съ первыхъ же шаговъ самостоятельныхъ дѣйствій крестьянскихъ должностныхъ лицъ легко было замѣтить, что они подчинены, въ сущности, громадѣ. Какъ будто по наружности старосты и казались исполнителями распоряженій Мировыхъ Посредниковъ, но въ случаяхъ особыхъ выходило, что они въ полнѣйшей власти громады. Въ этомъ я очень скоро убѣдился.

Первый обѣздъ своего участка, знакомство съ помѣщиками показали, что дѣло скоро не пойдетъ. Первые говорили, что въ свое время представлять и уставные грамоты или, по крайней мѣрѣ, всѣ материалы для составленія грамотъ, такъ какъ они имѣли еще льготное время. Впослѣдствіи оказалось, что все нужно было и собирать, и составлять самимъ Посредникамъ. Крестьяне обыкновено выражали желаніе сначала „подышиться, какъ буде у другихъ“.

Въ моемъ участкѣ, кромѣ массы мелкопомѣщенныхъ владельцевъ, имѣвшихъ въ большинствѣ такъ назыв. дворовыхъ, главныя имѣнія были гр. Кушелева Безбородка; они заключа-

лись во многихъ селахъ отъ одного конца уѣзда до другого. Въ срединѣ этихъ имѣній находился сахарный заводъ; рабочіе по недѣлямъ ходили туда на работы и работали на своихъ харчахъ, брали съ собой печеный хлѣбъ. Растояніе отъ мѣста жительства рабочихъ до завода было отъ 10 до 25 верстъ. На заводѣ управляющій, конторщикъ были изъ крѣпостныхъ; главноуправляющій тоже, но жилъ въ другомъ концѣ уѣзда.

Крестьяне, живущіе въ различныхъ селахъ, кромѣ работы на заводѣ, обрабатывали экономическую землю. Тутъ были устроены приказчества, и приказчики были тоже изъ крѣпостныхъ, а хаты, гдѣ они жили, и хозяйственныя постройки, крестьяне называли дворцами¹⁾.

Понятно, какъ трудно было тѣмъ крестьянамъ, которые ходили на работы въ заводѣ, гдѣ ни ночлега, ни харчей хорошихъ не было, послѣ объявленія воли продолжать эту ненавистную работу.

Въ этомъ имѣніи я чувствовалъ подъ собою колеблющуюся почву. На помощь старыхъ чиновниковъ, чуждыхъ не только мнѣ, но и новому порядку вещей, я не могъ разсчитывать. При случаѣ они стремились подставить мнѣ ногу. Все это я зналъ послѣ одного, въ сущности пустого, случая. Въ числѣ имѣній моего участка, находилось имѣніе А. В. Кочубея, Члена Государ. Совѣта, ежегодно прїезжавшаго на лѣтнія каникулы въ Малороссію. По существующему обычаю, всѣ уѣздныя власти должны были являться къ нему съ донесеніемъ о томъ, что дѣлается въ уѣзде. Я былъ у него тогда, когда власти, начиная съ исправника, явились къ этому сановнику, добрѣйшему человѣку. Я сидѣлъ возлѣ него, разсуждалъ о лучшемъ устройствѣ его имѣнія послѣ освобожденія. Обширная его усадьба съ большимъ садомъ, отдѣлявшимся отъ прекраснаго парка рѣчкой, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ, составляла первую заботу владѣльца. Главнымъ образомъ онъ желалъ сохранить

¹⁾ Дворцомъ въ старой Малороссіи обыкновенно называлась усадьба помѣщика. Пр. Ред.

ее въ порядкѣ и окончить каменнуу ограду около своей усадьбы, начатую нѣсколько лѣтъ передъ освобожденіемъ. Въ это время началась явка мѣстныхъ властей, которыхъ хозяинъ принималъ стоя, не прося сѣсть. И вотъ это обстоятельство еще болѣе усилило чувствуемую ко мнѣ непріязнь. Вскорѣ эта непріязнь выразилась въ грубомъ отвѣтѣ казначея на мое требованіе выслать ревизскую сказку дворовыхъ. Нахлобучка, сдѣланная этому казначею его начальствомъ, заставила быть другихъ поосторожнѣе; тѣмъ не менѣе они радовались, если предчувствовали какую-либо непріятность для меня. Это, въ сущности, была борьба старого режима съ новыми порядками, новою жизнью, которую уже предчувствовали. Старые порядки, съ безмятежною жизнью уѣздныхъ чиновъ, нарушаемою изрѣдка проѣздами губернскихъ чиновниковъ, подрывались.

Въ этой уѣздной семье начали появляться новые люди, говорящіе что-то совсѣмъ уже новое, чего старые не допускали, съ чѣмъ имъ трудно было примириться. Напримѣръ, при имени Гоголя даже лучшіе изъ старыхъ, читающіе кое-что, приходили въ ярость, негодованіе, когда рѣчь заходила о новомъ направленіи въ литературѣ. Понятно, что случай, о которомъ я хочу разсказать, привелъ въ волненіе не только старыхъ помѣщиковъ, но и старыхъ чиновниковъ.

Вскорѣ послѣ объявленія воли я получилъ письмо отъ предводителя, этого еще такъ недавно могущественнаго въ уѣздѣ человѣка. Въ то время вѣдь большинство уѣздныхъ должностей замѣщались по выбору дворянства,—исправникъ, судья, засѣдатель, попечители хлѣбныхъ магазиновъ. Борзенскій предводитель дворянства писалъ, что лакей "укралъ серебряную ложку и нагрубилъ ему, за что просилъ наказать виновнаго розгами. Я назначилъ разборъ дѣла въ Волост. Прав. и послалъ повѣстку, какъ жалобщику, такъ и лакею. Предводитель, разумѣется не явился, никого за себя не прислалъ—и лакей былъ оправданъ. Жалобы на это рѣшеніе не послѣдовало, но, повидимому, для поддержанія своего значенія, Предводитель назначилъ очередной Сѣвзѣдъ не въ городѣ, а въ домѣ одного помѣщика.

щика, въ серединѣ уѣзда. На этомъ сѣѧздѣ, въ присутствіи массы дворянъ и вѣкоторыхъ чиновниковъ, послѣдовалъ вопль уходящаго въ вѣчность старого порядка. Не заявляя жалобы на мое рѣшеніе, Предводитель поднялъ крикъ, что такъ нельзя, что это вызоветъ ужасныя послѣдствія, что жить будетъ нельзя, что онъ будетъ писать „въ Собственныя Его Величества руки“.— Всѣ слушали безмолвно и чего-то ожидали... Но столь уже былъ накрытъ для обѣда, и хозяинъ поторопился попросить закусить. Лица прояснились, думаю, не только потому, что неловкая сцена прекратилась, что аппетитъ будетъ скоро удовлетворенъ, но и потому, что какъ будто повѣяло чѣмъ-то старымъ—и предводитель, сдѣлавъ свое дѣло, подошелъ ко мнѣ и тихо проговорилъ: „не сердись, братику, такъ нужно“!

Въ сущности, это были мелочи, но они въ то время имѣли громадное значеніѣ. Крестьяне чутко прислушивались. Кучера, лакеи, масса другой прислуги, незамѣтно дѣлая свое дѣло, слушали; они знали все, что дѣлалось, „между господами“, сообщали крестьянамъ и выводили свои заключенія.

Съ такою же отчетливостью возникаетъ предо мною сцена, чуть было не выросшая въ очень серьезное дѣло, такъ часто называемое бунтомъ. Выше я упомянулъ о тѣхъ порядкахъ, которые были на сахарномъ заводѣ, и какъ эти порядки нестерпимы показались крестьянамъ послѣ объявленія воли. Вскрѣ послѣ начатія работы на заводѣ и разыгралась бѣда. Крестьяне не вышли на работы, и управляющій заводомъ прислалъ мнѣ заявленіе, что очередные рабочіе отказались, что работы остановились, а вѣкоторыя общества крестьянъ этого имѣнія прогнали назначенныхъ сельскихъ старостъ, назначили новыхъ, которымъ и отдали „медали“, т. е. знаки сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Управляющій въ своемъ заявлѣніи добавлялъ, что онъ „объ этомъ бунтѣ“ послалъ эстафету губернатору. Въ то время телеграфовъ не было, а эстафеты—это были верховые посланцы, мчащіеся отъ станціи до станціи. Эстафеты доставлялись скоро, но стоили очень дорого. Это былъ первый серьезный случай. Приходилось или звать полицію, или попро-

бовать самому подъествовать на крестьянъ. Я избралъ послѣднее. Пріѣхавъ въ бунтующее село, населеніе котораго на половину состояло изъ козаковъ, я просилъ первого встрѣчнаго проводить меня къ сельскому старостѣ.— „Къ которому“?— Къ настоящему, законному, отвѣтилъ я.— „Того уже нема,— громада прогнала и назначыла нового“— получился отвѣтъ.— „Ну, веди къ новому“. Около хаты новаго старосты собралась кучка людей, человѣкъ въ сто, между ними были и бабы. Въ хатѣ былъ говоръ, а по временамъ и смѣхъ. Войдя въ хату, я увидѣлъ слѣдующую картину: за столомъ, съ пунцовыми лицомъ, съ чаркой въ одной рукѣ и бутылкой въ другой, стоялъ новый староста съ знакомъ на груди. Возлѣ стола тѣснились люди съ раскрасневшимися уже лицами,— значитъ, выпили. Не сказавъ „здравствуйте“, я спросилъ: „гдѣ староста“? Молча мнѣ указали на новаго. Новый, поклонившись, протянулъ мнѣ рюмку со словами: „не побрезгуйте“. Оттолкнувъ протянутую рюмку, причемъ она выпала у старосты изъ руки, я, дѣйствительно разсердившись, началъ, возвысивъ голосъ, говорить о томъ, что они надѣли, чѣмъ это можетъ кончиться, понимаютъ ли они, какое сдѣлали преступленіе. „Сними медаль“, потребовалъ я въ концѣ „и пошли за старостой“.

Настоящему старостѣ, котораго я разбранилъ, при чёмъ онъ все ссылался на громаду, я привѣсилъ медаль и потребовалъ отъ него, чтобы завтра же онъ лично привезъ партіи рабочихъ на заводъ, куда и я пріѣду. Староста молчалъ на это требованіе, но изъ толпы раздались голоса, что харчи нужны.— Объ этомъ мы поговоримъ ва заводѣ, а теперь яничего знать не хочу,— сказалъ я, уѣзжая. На другой день рабочіе были на заводѣ, а управляющаго я уломалъ давать пищу по возможности хорошую.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ обѣявленія воли, и мнѣ уже казалось, что крестьяне настолько вѣрятъ, что можно начать и переговоры объ окончательномъ прекращеніи крѣпостной зависимости, которая оканчивалась послѣ соглашенія о земельномъ надѣлѣ. Это прекращеніе наступало, при обоюдовомъ со-

глашениі помѣщика съ крестьянами,—или выкупомъ земель, или подаркомъ уменьшенного надѣла. Въ первомъ случаѣ, крестьяне получали земли больше, но должны были платить и въ казну, и дополнительный платежъ помѣщику; во второмъ случаѣ, обязательныя отношенія прекращались со временемъ подписанія сдѣлки. Обѣ стороны находились въ нерѣшимости: отдать земли больше жалко, но за то получались деньги, на которыхъ многіе думали завести рациональное хозяйство. Крестьяне боялись обязать себя платежами, но отказаться отъ части земли, которою владѣли и они, и батьки ихъ, тоже казалось ужаснымъ. Но нужно было потребовать, и я избралъ для начала одно изъ имѣній гр. Кутшеву-Безбородко, въ имѣніяхъ котораго вообще было больше порядка и были всѣ нужные матеріалы для сдѣлки тѣмъ или другимъ порядкомъ. Въ числѣ переданныхъ мною бумагъ, одна заключала свѣдѣнія о деньгахъ, которыхъ экономія передавала обществамъ крестьянъ, съ условіемъ, чтобы общество составило приговоръ о томъ, какъ употребить эти деньги. Деньги же составились изъ особаго сбора, вносимаго ежегодно по распоряженію экономіи съ каждой ревизской души на случай какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ семье крестьянина. Эти общества, кроме подушной подати, 3-хъ дневной въ недѣлю панчины, уплачивали еще и этотъ сборъ. Деньги хранились въ экономіи и составляли очень солидный капиталъ, котораго экономія могла и не возвратить.

Назначивъ сельскій сходъ, я съ удовольствіемъ думалъ, что это будетъ сюрпризъ для крестьянъ, что съ этого имѣнія пойдетъ начало поземельныхъ соглашеній. Велико же было мое разочарованіе, когда крестьяне, выслушавъ предложеніе экономіи мое увѣреніе, что деньги эти будутъ переданы обществу по составленіи ими приговора о храненіи этихъ денегъ и вообще о порядкѣ ихъ расходованія, крестьяне изъ толпы громко закричали: „не треба намъ сыхъ грошій! прыговора не дамо!“— Сдержавъ себя, я потребовалъ, чтобы вышли тѣ, которые кричали. Они вышли; я и теперь ихъ хорошо помню: молодые крестьяне Кривицкій и Ярмакъ. На мой вопросъ, почему они

не желаютъ прінимать своихъ же денегъ, почему они говорятъ за всѣхъ, они отвѣчали: „не дамо прыговора, якъ вамъ угодно“. Я обратился къ громадѣ, думая на смѣшкой, къ которой такъ чувствителенъ нашъ малороссъ, выиграть дѣло, и хотѣть осмѣять Кривицкаго и Ярмака, взявшихся отвѣчать за всѣхъ такимъ глупымъ образомъ. Но тутъ поднялся уже настоящій гвалтъ. Въ толпѣ кричали: „не треба намъ ихъ гропей; мало насть музылы на заводи голодныхъ и холодныхъ!..“

Я закрылъ сходъ и началъ съ уполномоченными, которые требовались при подписаніи всякой сдѣлки, разговаривать и осуждать людей, которые отказывались отъ своихъ же денегъ, когда отъ нихъ не требовалось никакихъ обязательствъ. Уполномоченные молчали и только повторяли: „это ихъ дѣло.“¹⁾

Всѣ ожидали, чтобы кто-нибудь началъ, а нетерпѣніе все росло. Поступали жалобы отъ помѣщиковъ, что не исполняется трехдневная въ недѣлю панщина. Тотъ заболѣлъ, тотъ уже будто отработалъ.

Въ концѣ первого года послѣ объявленія манифеста возвратился изъ-за границы молодой помѣщикъ, при первомъ же знакомствѣ со мною заявившій, что онъ желалъ бы такъ или иначе окончить обязательныя отношенія съ крестьянами. Съ него и пошло начало. Здѣсь я узналъ, что съ крестьянами уже разрѣшили вопросъ, на что имъ соглашаться. Когда я началъ имъ толковать, что имъ болѣе выгодно выкупить свой надѣль съ помощью отъ правительства, такъ какъ оцѣнка земли ниже дѣйствительной стоимости, что платежъ разсрочивается на долгое время, что со временемъ земля еще больше вздорожаетъ, мнѣ отвѣчали: „вово може и такъ, да лучше, щобъ намъ платылы за работу, нижъ мы повынни будемо платыть. Безъ нашихъ рукъ земля пану ничего не дастъ, все одно вона нашихъ рукъ не втече“.

Сдѣлка окончилась подаркомъ одной десятины земли на каждую ревизскую душу. Хозяинъ, у котораго былъ умершій

¹⁾) Деньги потомъ были имъ выданы.

отецъ, не исключенный изъ ревизіи; малолѣтній, родившійся до 1859 г., — всѣ получали надѣль... Получить бесплатно въ то время землю по такому расчету и сразу стать ввѣ всякихъ обязательствъ къ помѣщику, казалось самымъ выгоднымъ, такъ какъ прежнія мечты о томъ, что вся земля, которая была во владѣніи крестьянъ, поступитъ имъ даромъ, разсъялись.

Помѣщики же, рѣшаясь на такую сдѣлку, разсуждали: у крестьянъ земли будетъ мало, не будетъ пастищъ, и они будутъ брать землю у насъ на условіямъ, какія будутъ намъ выгодны.

Такимъ же образомъ было уничтожено крѣпостное право и у болѣе крупнаго владѣльца Кочубея, и онъ имѣлъ возможность видѣть, что и каменная ограда окончена, и паркъ сохраненъ.

Почти всѣ болѣе крупныя имѣнія окончили такимъ же образомъ, хотя у нѣкоторыхъ не обошлось безъ попытки урвать кусочекъ того, что имъ не слѣдовало. Такія попытки обнаруживались въ желаніи доказать, что земли, отходящія крестьянамъ, по качеству принадлежать къ первой мѣстности, и поэтому надѣль долженъ быть разсчитанъ меньше, а также во включеніи крестьянъ въ число дворовыхъ, которымъ надѣла помѣщикъ могъ не давать.

Первымъ въ этомъ отношеніи оказался все тотъ же предводитель дворянства, подавшій мнѣ заявленіе, что крестьяне надѣлены прекрасной землей и заливными лугами, и поэтому имѣніе по надѣлу должно быть перенесено въ 1-ю мѣстность. На отказъ мой въ его домогательствѣ, онъ подалъ жалобу въ губернское присутствіе, которое для разслѣдованія назначило въ его имѣніе мировой съездъ изъ двухъ уѣздовъ. Большинство Попредниковъ были старые помѣщики, старые пріятели нашего предводителя по дворянскимъ собраніямъ. И всѣ они, несомнѣнно тяготѣли къ хозяину, въ домѣ котораго мы собирались, и затѣмъ отправились осматривать надѣлы. Со стороны крестьянъ провожатыми были приказчикъ, изъ крестьянъ же, садовникъ крестьянъ и нѣсколько домохозяевъ. Пахатныя земли не возбуждали

споря, такъ какъ всѣ посредники были изъ черноземныхъ имѣній, а тутъ почва все была песчаная.— „Поѣдемъ еще осмотрѣть поемные луга“, сказаль одинъ изъ посредниковъ.— „Ну, да чортъ съ ними“, не слушаясь, отвѣтилъ предводитель,— „я и самъ ихъ не знаю; поѣдемъ лучше обѣдать!“

За обѣдомъ и помину не было о дѣлѣ, а разсказывали болѣе всего анекдоты. Въ журнальѣ съѣзда было кратко написано: осмотрѣнныи наѣдѣы съѣзда не признавалъ возможнымъ отнести по качеству къ землямъ первой мѣстности.

Все это несомнѣнно доказывало, что помѣщики цѣплялись за каждую ниточку, чтобы стянуть въ свою пользу хотя тѣ кусочки, которые въ сущности не составляли ничего серіознаго, и дѣлали это потому, что жила въ нихъ надежда на сочувствіе къ нимъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ было дѣло. И, быть можетъ, пытаясь оттянуть эти кусочки, они надѣялись на случай,— „авось кривая вывезетъ!“

Послѣ этой исторіи другіе уже не пытались въ этомъ отношеніи пробовать счастья.— Почти всѣ владѣльцы спустя года полтора послѣ „воли“, пришли къ обоюдному соглашенію съ крестьянами, отдавъ имъ безвозмездно по десятинѣ на ревизскую душу. Ревизской же душой считался каждый мужчина, состоящій въ спискахъ населенія, составленныхъ въ 1858 г. Пробовали нѣкоторые владѣльцы, при разсчетѣ количества земли, которую нужно дать крестьянамъ, считать дворовыми тѣхъ, которые были взяты изъ семейныхъ крестьянъ во дворъ въ разныя должности. Припоминается такой случай. Генераль С., человѣкъ очень богатый, но скучой, который почти всѣ дни сидѣлъ на „тронѣ“— (такъ называлось кресло позолоченное, стоящее въ домѣ на особенно устроенному возвышеннѣ), просилъ меня подготовить всѣ нужные бумаги для окончательной сдѣлки съ крестьянами. Составивъ списокъ, я занесъ повара Харлампія въ число крестьянъ, такъ какъ отецъ его не былъ дворовымъ и отбывалъ павшину. Генераль началъ доказывать, что Харлампій—дворовый и не имѣеть права на надѣль. Завязался споръ, и когда я решительно отказался перечислить повара въ число дворовыхъ, прибавилъ, что

это было бы вѣчно похожее на то, какъ Собакевичъ записалъ Лі-
завету въ число мужчинъ,—генераль до того разсвирѣпѣлъ, что
мы не кончили дѣла, и я уѣхалъ. Чрезъ вѣкоторое время мы
помирились: Харлампій получилъ надѣль, хотя генераль и увѣ-
рялъ, что онъ дѣлаетъ это не потому, что признаетъ Харлампія
крестьяниномъ, а просто по великодушію.

Нѣть сомнѣнія, что всѣ эти маленькия побѣды зависѣли
отчасти отъ тѣхъ вліяній, которыя шли свыше, но тѣмъ не менѣе онъ указываютъ и на то, что все, главнымъ образомъ, за-
висѣло въ первое время отъ мировыхъ посредниковъ. Это под-
тверждается, между прочимъ, слѣдующимъ эпизодомъ.

Мѣсяцемъ черезъ восемь, губернаторъ началъ объездъ кре-
стьянскихъ волостей. Къ одному изъ моихъ волостныхъ правле-
ній начальникъ губерніи подѣхалъ уже вечеромъ. Его ожидали
старшина, старости близайшихъ сель и немало крестьянъ. Не
выходя изъ коляски, онъ, поздоровавшись со мною, обратился
къ старшинѣ: „ну, какъ у васъ?“ Получивъ по обыкновенію въ
ответъ, что все, слава Богу, благополучно, князь Голицынъ уже
хотѣлъ уѣзжать, когда къ нему подошелъ одинъ крестьянинъ съ
жалобой на меня.—„Ты пьянъ“, крикнулъ ему губернаторъ:—
„старшина, посади его подъ арестъ на три дня!“ и уѣхалъ къ
предводителю пить чай. Переконфуженный, я подозвалъ къ себѣ
жалобщика и спросилъ, по какому дѣлу хотѣлъ онъ жаловаться.
Оказалось, что онъ представилъ мнѣ купчую, такъ называемую
пантикулярную, т. е. написанную однимъ крестьяниномъ дру-
гому о продажѣ упруга ($\frac{1}{4}$ десятины) земли, но той земли, ко-
торая принадлежала помѣщику. Такихъ купчихъ очень много
имѣлось у крестьянъ и очень рѣдко попадались такія, изъ кото-
рыхъ было видно, что земля куплена отъ другихъ сословій: ко-
заковъ, мѣщанъ и т. п. Всѣ такія купчія я представлялъ въ
Губернское Присутствіе, которое, въ качествѣ вышаго совѣт-
наго суда, разрѣшало ихъ окончательно. Удостоившись, что
желавшій ложаловаться крестьянинъ не пьянъ, а только, по его
словамъ, „выпилъ осьмушку для смѣлости“, я подѣхалъ къ губер-
натору выпрашиватъ амнистію. На мою просьбу князь Голицынъ
смѣясь сказалъ: „да дѣлайте съ ними, что хотите“.

Крестьяне, представляя такія купчія, никакъ не могли или не хотѣли убѣдиться, что они не имѣли на нихъ права, такъ какъ и вся земля, которой они владѣли, признавалась помѣщичьей и могла перейти къ нимъ или по выкупу, или по непривиденному согласію бывшаго владѣльца. Это была, по мнѣнію крестьянъ, явная несправедливость, съ которой многие не могли примириться, и въ одномъ имѣніи, не моего участка, пришлось принимать крупныя мѣры. Крестьяне говорили, что тѣ купчія, которыхъ они имѣли, доказывали, что земля ихъ дѣдами и прадѣдами была куплена у козаковъ. Вопросъ этотъ былъ очень запутанный, и рѣшеніе его все откладывалось въ губернскомъ присутствіи. Вообще, очень мало купчихъ было признано такими, по которымъ земля была отдана крестьянамъ и не включалась въ число надѣла.

Въ концѣ второго года, по распоряженію Мин. Внут. Дѣл., Мировые Посредники должны были привести въ извѣстность дѣло продовольственное. Во время крѣпостного состоянія на обязанности владѣльцевъ лежалъ правильный взносъ подушной подати и обезпеченіе продовольствія крестьянъ на случай неурожаевъ. Эту обязанность помѣщики должны были исполнять по своему усмотрѣнію, но въ каждомъ имѣніи должно было быть особое помѣщеніе (магазинъ), а въ немъ на каждую ревизскую душу по четверти ржи и по $\frac{1}{2}$ четверти ярового хлѣба. Для контроля избирались особые попечители хлѣбныхъ запасовъ, которые обязаны были ежегодно ревизовать и представлять свѣдѣнія предводителямъ дворянства. Книги хранились,—однѣ у помѣщиковъ, другія въ канцеляріи предводителя. Попечители эти выбирались дворянами; отъ нихъ получали и жалованье. Очевидно, контроль могъ быть только для формы. Никто серьезно ничего и никого не ревизовалъ. Пріѣзжалъ ежегодно „попечитель“, выбираемый обыкновенно изъ бѣдныхъ дворянъ; ему приносили книги, онъ въ нихъ дѣлалъ надпись, что въ наличности оказывалось все. При нашей ревизіи выходило уже другое. Въ большинствѣ имѣній не было ни помѣщеній особыхъ, ни хлѣба. Только въ тѣхъ крупныхъ имѣніяхъ, где распоряжались управляющіе, а

владѣльцы жили въ Шетербургѣ, и помѣщенія, и хлѣбъ были и переданы были въ завѣдываніе крестьянскихъ обществъ. Но вездѣ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ и имѣлъ винокуренный заводъ, хлѣба не было. Были примѣры, но очень рѣдкіе, что владѣлецъ заявлялъ, будто хлѣбъ былъ, но онъ разобранъ крестьянами, и когда это было дѣйствительно такъ, крестьяне не отирались и высчитывали количество взятаго ими хлѣба. Посредникамъ было предоставлено право решать, кто долженъ возвратить хлѣбъ и сколько,—помѣщикъ крестьянамъ, или крестьяне. Все это своевременно решалось, и когда рѣшеніе входило въ законную силу, то передавалось полиціи для выясненія. Эта груда протоколовъ, пролежавъ много времени въ полицейскихъ управленіяхъ, была потомъ передана въ Земскія Управы. Отъ Земскихъ Управъ (нѣкоторыхъ) возбуждались ходатайства объ исполненіи постановленій; отвѣтовъ долго не получалось,—вѣяло уже другимъ духомъ. Дѣло это (тоже нѣкоторыми управами) переносилось въ губернскія земскія собранія, и наконецъ изъ Министерства былъ полученъ отвѣтъ: „такъ какъ крестьяне получили юридическое право наравнѣ съ другими сословіями, то и могутъ сами отъ себя заявлять искъ!..“ Такъ эти дѣла и канули въ вѣчность.

На этомъ я и оканчиваю свои воспоминанія. Главное дѣло было завершено, а потомъ пошли мелочи, а затѣмъ окончили свое существованіе посредники при всеобщихъ на нихъ нападкахъ. Миръ праху ихъ!

Я оставилъ эту службу ради другихъ учрежденій, вызванныхъ другими реформами, но первую мою службу, послѣ канцелярской и департаментской, я вспоминаю съ самымъ отраднымъ чувствомъ и какъ будто дѣлаю моложе, когда начинаю вспоминать о ней или встрѣчаюсь съ тѣми, которыхъ приходилось освобождать.

Н. Волкъ-Карабачевскій.

Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ Митрополита Арсенія къ протоієрею П. Г. Лебединцеву.

Въ октябрьской книжкѣ „Кievская Старина“ за истекшій годъ помѣщены весьма любопытныя письма Митрополита Киевскаго Арсенія къ протоієрею П. Г. Лебединцеву.

Въ замѣчаніяхъ редакціи, предпосланыхъ этимъ письмамъ, между прочимъ сказано: „оба названныя лица хорошо памятны нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможнымъ освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы же пока обязаны опубликовать тотъ материалъ, который поможетъ этому освѣщенію“ (стр. 123).

Располагая нѣкоторыми данными по вопросу о народныхъ школахъ въ 60-хъ годахъ въ кіевской губ., я хочу присоединить ихъ къ вышеуказаннымъ письмамъ, въ качествѣ материала для будущаго историка, и кстати представить нѣсколько и своихъ соображеній.

Какъ надо было ожидать, вопросъ о народномъ образованії сталъ предметомъ особаго вниманія русскаго общества и правительства вслѣдъ затѣмъ, какъ реформой 19 февраля 1861 г. было юридически установлено, что крестьянство наше образуетъ

дѣйствительно народъ, а не предметъ только крѣпостного владѣнія помѣстнаго дворянства.

Въ числѣ другихъ мѣръ, которыя тогдѣ были предприняты съ цѣлью способствовать насажденію образованія среди народа, было составленіе 20 іюля 1861 г. комитета для начертанія общаго плана устройства элементарныхъ школъ. Въ этомъ комитѣтѣ возникли разногласія относительно того, въ какомъ вѣдомствѣ должны находиться народныя училища—духовномъ или свѣтскомъ. Св. Синодъ доказывалъ свое преимущественное право на завѣдываніе народнымъ образованіемъ, ссылаясь на то, что духовенство уже вполнѣ успѣшно ведетъ это дѣло: церковныхъ школъ числилось въ Имперіи въ 1860 г.—7907, а въ 1861—18,587. Министерство же Народнаго Просвѣщенія въ офиціальномъ отчетѣ о положеніи народнаго образованія заявляло, что многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени. Этотъ споръ между двумя вѣдомствами былъ разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января 1862 г., согласно которому въ вѣдѣніи Синода остались только училища, учрежденныя духовенствомъ, а на обязанности Министерства Народнаго Просвѣщенія возлагалось учрежденіе и завѣдываніе народными училищами во всей Имперіи.

Офиціальное разрѣшеніе спора, какъ оказалось впослѣдствіи, не покончило его и не примирilo враждовавшія вѣдомства. Борьба изъ-за народныхъ школъ продолжалась, и въ этой борьбѣ дѣятельное участіе принималъ митрополитъ Кіевскій Арсеній. Переписка его съprotoiereемъ Лебединцевымъ показываетъ, что вопросъ этотъ его весьма занималъ, и выйти побѣдителемъ изъ борьбы ему хотѣлось всенепремѣнно. Въ письмѣ отъ 18 декабря 1862 г. онъ говоритъ: „прежде всего благодарю Васъ за благоразумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ, статью о народныхъ училищахъ... пустите съ Богомъ въ путь“ (стр. 124). Далѣе, въ томъ же письмѣ сказано: „ожесточенная злость противъ насъ, „народныхъ образователей“, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до прибытія моего въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ.

Это значитъ, что на огонь вылита смола... Надобно только пока и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить... За всѣмъ слѣдите ворко и ничего не оставляйте безъ вниманія (стр. 126). Въ письмѣ отъ 27 марта 1863 г. читаемъ: „Забавно, что г. по-печитель въ отвѣтіи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь же, въ Петербургѣ, занерся, увѣряя ministra, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало... Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствіемъ, но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо было бы, если бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путами подготовили... Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кіевское духовенство, предъ лицемъ цѣлаго свѣта столько возвысиившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ пошатано, то оно должно жаловаться па своихъ собратій, которые не имѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ, и дѣломъ на должной высотѣ“ (стр. 129 и 130).

Такимъ образомъ, „вся претензія въ этомъ дѣлѣ“, какъ говорить м—ть Арсеній въ одномъ изъ своихъ писемъ, заключалась въ томъ, „чтобы школы, отнятые у духовенства министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудилось бы завести свои школы, куда онъ готовъ быть назначить законоучителей, лишь бы только положить для нихъ достаточное жалованье, а именно 150—200 руб.“ (стр. 129).

„Думаю (говорить онъ въ письмѣ отъ 3 февраля 1863 г.) „что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ собственному желанію, или по волѣ гг. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непремѣнно успѣю“ (стр. 128); открытие же школъ, по свидѣтельству этихъ писемъ, происходило такимъ образомъ, „что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ составлены были безъ согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже прика-

занію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школъ, мировыхъ посредниковъ, генераль-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было бы раскрыто, какія непозволительныя средства для подговора старшинъ и крестьянъ были употреблены и проч. т. п. (стр. 130).

Миѣ известно, какъ состоялось открытие трехъ народныхъ школъ въ Радомыльскомъ уѣздѣ: въ мѣстечкахъ Малинѣ, Хабномъ и селѣ Скуратахъ. Открытие совершилось слѣдующимъ образомъ.

Окружной инспекторъ (Туловъ) и уѣздный протоіерей (Гороновскій—оба нынѣ покойные), пріѣхавъ на мѣсто открытия школы, приглашали къ себѣ сельскихъ властей, объявляя имъ о своемъ желаніи, при этомъ просили приходского священника оказать имъ свое содѣйствіе, повліявъ на прихожанъ въ благопріятномъ смыслѣ. Засимъ, послѣ выраженнаго обществомъ согласія, составлялся объ этомъ приговоръ, въ которомъ указывались и обязательства, принимаемыя на себя обществомъ: давать учителю добавочное содержаніе къ назначенному от. казны, предоставить помѣщевіе для школы и учителя, нанять сторожа и т. п.—и такимъ образомъ, безъ обмана и угрозъ, улаживалось дѣло. Да и не было никакой надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ. Въ существѣ для крестьянъ было совершенно безразлично, кто станетъ учить ихъ дѣтей—учитель ли казенный, т. е. присланый попечителемъ округа, или нанятый ими въ помощь „батюшкѣ“, или наконецъ самъ батюшка, лишь бы это имъ дешевле стоило. Не надо забывать, что и особеннаго рвения тогда къ ученію не замѣчалось, а вопросъ о томъ, въ чемъ вѣдѣніи должна быть школа—Синода или министерства Народнаго Просвѣщенія, для крестьянъ былъ и мало понятенъ, и мало интересенъ. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ (помимо вышеуказанныхъ) и принимались неблаговидныя мѣры, при открытии народныхъ училищъ, но это,ѣвроятно, уже было тогда, когда отношения между епархиальнымъ и окружнымъ начальствомъ вполнѣ обострились, когда агенты того и другого не въ мѣру усердствовали и тянули крестьянъ на свою сторону,

Митрополитъ Арсеній указываетъ рядъ неблаговидныхъ дѣйствій со стороны свѣтскихъ властей; но тогда же говорилось, что нерѣдко были такие случаи, когда сельскіе старости, подъ вліяніемъ священниковъ, заставляли учениковъ переходить изъ народныхъ школъ въ церковно-приходскія. Не спроста также требовалъ митрополитъ Арсеній отъ министерства назначенія законоучителямъ народныхъ школъ жалованья 150—200 р., самъ же сознаваясь, что разумѣется такой суммы въ полной мѣрѣ не да-дуть" (письмо отъ 27 марта 1863, стр. 129). Это требование равнялось отказу законоучителей, если принять во вниманіе, что министерство и учителямъ жалованья въ 200 р. не могло назначить.

Очевидно разсуждали такъ: воевать—такъ воевать. А на сколько эта война вредна была для пользы дѣла, показываетъ эпизодъ изъ жизни одной изъ трехъ вышеуказанныхъ школъ—Скуратовской. Въ с. Скуратахъ, благодаря заботамъ и стараніямъ мѣстного приходского священника (давно покойнаго), устроена была церковно-приходская школа, въ которой преподаваніе шло весьма успѣшно, такъ что епархиальная власть обратила вниманіе на эту школу, и священнику за хорошее состояніе ея объявлена была „архипастырская признательность“. Вотъ почему явилось желаніе и у „народныхъ просвѣтителей“ обратить эту школу въ народную. И здѣсь, какъ и въ другихъ вышеука-занныхъ мѣстахъ, открытие школы состоялось при совмѣстномъ дѣйствіи окружного инспектора и уѣзднаго протоіерея и благо-дара участію священника, къ которому прихожане обратились за совѣтомъ—соглашаться-ли имъ на открытие въ ихъ селѣ народнаго училища, или вѣтъ. Священникъ совѣтовалъ дать со-гласіе, такъ какъ всѣ данные, повидимому, были на лицо, что преподаваніе въ народной школѣ будетъ лучше обеспечено, чѣмъ въ церковно-приходской, и такъ какъ и въ материальномъ отношеніи для прихожанъ было выгоднѣе имѣть народную школу: отъ нихъ приплата требовалась всего 20 руб. вмѣсто 60, которые они платили доселѣ учителю, министерство обязы-валось также снабжать школу учебными пособіями. Священ-нику не могло прійти въ голову, что его дѣйствія окажутся

впослѣдствіи непріятными его начальству по той простой причинѣ, что объ открытии школы хлопоталъ и представитель отъ духовнаго вѣдомства—уѣздный протоіерей. А между тѣмъ ближайшее будущее показало, что въ этомъ случаѣ и протоіерей, и священникъ заблуждались: весьма скоро пришло распоряженіе отъ епархіального начальства отобрать у народнаго учителя учениковъ бывшей церковно-приходской школы, а ему предоставить набирать новыхъ учениковъ. Это распоряженіе спустя немнога было подтверждено и лично митрополитомъ Арсеніемъ, который, обозрѣвая лѣтомъ 1862 г. епархію, посыпалъ и с. Скураты, где въ церкви ему были представлены ученики и учитель народной школы. Владыка пожелалъ узнать, какіе ученики этой школы взяты изъ церковно-приходской и какіе вновь поступили. Оказалось, что вновь поступилъ всего одинъ ученикъ. Тогда Владыка, указывая на этого ученика, обращается къ учителю и говоритъ: „вы себѣ своихъ заберите, а намъ нашихъ отдайте“.

Такимъ образомъ, пока фактически народная школа упразднялась, а въ будущемъ, въ одномъ и томъ же селѣ, съ весьма немногочисленнымъ населеніемъ (Скураты были, такъ называемы, 7-ми класснымъ приходомъ) должны были бокъ-о-бокъ существовать двѣ школы—одного типа, но двухъ вѣдомствъ. Священнику же, еще недавно доказывавшему прихожанамъ полезность народной школы, теперь, во исполненіе воли начальства, пришлось доказывать полезность и необходимость церковно-приходской школы и, косвенно, безполезность школы народной— положеніе довольно неудобное и весьма непріятное. Но скоро оно стало еще непріятнѣе. Назначенный попечителемъ Округа учитель оказался крайне неудачнымъ, неисправнымъ по должности и нетрезваго поведенія: посыщая родителей своихъ учениковъ, напивался пьянь и велъ себя неприлично что, конечно, весьма неблагопріятно отражалось на моральномъ состояніи школы.

Священникъ, въ качествѣ законоучителя, сообщилъ объ этомъ благочинному, благочинный—епархіальному начальству,

а послѣднее—окружному. Учитель, провѣдавъ про это, сталъ искать защиты и поддержки у своихъ друзей по кутежамъ, и когда попечителемъ учебнаго округа назначено было черезъ посланное имъ лицо произвести разслѣдованіе, то, хотя вообще прихожане дали неодобрительный отзывъ объ учителѣ и подтвердили сообщенное священникомъ, но оказались и голоса, отстаивавшіе учителя.

Борьба между епархиальнымъ и окружнымъ начальствомъ перешла изъ Кієва въ сельское захолустье. Оба вѣдомства проявили въ этой борьбѣ достаточно энергіи, не всегда похвальной. Командированные „для разслѣдованія дѣла“ чиновники—во главѣ ихъ директоръ 2-й Кіевской гимназіи Вилуевъ и самъ попечитель Витте, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, старались заискать у скуратовской околовой шляхты (тогда еще не причисленной, какъ то скоро было сдѣлано, къ мѣщанамъ), стремились всячески склонить ее на свою сторону, пожимая этой шляхтѣ руки, величая ее г. г. дворянами. Епархиальное начальство, желавшее въ свою очередь показать, что „кіевское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія возвысилось предъ цѣлымъ свѣтомъ“ (по словамъ митрополита Арсенія), проявляло большую нервность въ этомъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ, какъ всегда бываетъ, пострадалъ младшій, т. е. священникъ: ему было вмѣнено въ вину то, что у учителя нашлись сторонники среди его „конвивовъ“, обѣявшиѳ его, и оно рѣшило, такъ сказать, выдать его головою: послѣ признанія его дѣятельности по веденію школы весьма полезной и послѣ свыше сорока лѣтней безпорочной службы, ему предложено было перемѣнить приходъ.—Въ концѣ концовъ, доказана была полная моральная непригодность учителя, и онъ былъ удаленъ своимъ начальствомъ; священникъ же остался на своемъ приходѣ, но вся эта борьба, вся эти непріятности такъ разстроили здоровье старика, что онъ послѣ этого сталъ болѣть и вскорѣ скончался.

Еще до его смерти былъ назначенъ другой учитель, болѣе удачный, и совмѣстными трудами этого послѣдняго и священника запущенная при прежнемъ учителѣ народная школа была

опять приведена въ хорошее состояніе, что и было засвидѣтельствовано ревизовавшимъ ее Чопечителемъ Киевскаго Учебнаго Округа Княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Но это уже было время мирное, когда епархиальное начальство рѣшило прекратить безполезную борьбу изъ-за церковно-приходскихъ школъ. Будущее и ближайшее показало, что ему не подъ силу было вести своими только средствами народное образованіе. Вотъ весьма любопытныя слова, принадлежащиа, по словамъ Н. Х. Весселя, бывшему Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу Д. А. Толстому, который является какъ бы судебнымъ признанiemъ „въ дѣлѣ“. „Знаете-ли“, говорилъ графъ, „что сдѣлала со мною екатеринославская епархія, съ своими 400 церковно-приходскими школами? Я просилъ губернское земство оказать пособіе этимъ школамъ, и оно изъявило полную готовность; но по справкамъ, на мѣстѣ, у благочинныхъ, оказалось, что всѣ эти 400 школъ существовали только въ отчегахъ, на бумагѣ“. (Русская Школа 1891 г. ви. 9).

Это не значило, конечно, что и всѣ церковно-приходскія школы существовали только „на бумагѣ“: свою, и весьма существенную, пользу дѣлу народнаго образованія духовенство, въ особенности въ началѣ 60-хъ годовъ, принесло; это значило только, что взваливать всецѣло на его плечи обязанность, прямо на немъ не лежащую, было и несправедливо, и непрактично—замѣчаніе, относящееся не только къ тему времени.

Проф. А. Загоровский.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.¹⁾

(Окончаніе).

XIV.

Якось выпало такъ, шо панычъ Ивась не бачывъ Орыси ажъ цилыхъ тры дни и черезъ те упавъ у таку тугу, шо не знаявъ, куды ёму и дитись и за шо ёму взятысь: спыта винъ шо-небудь батька, або матиръ, и самъ не зна, про шо винъ пыта и шо ёму кажуть на ёго пытаия; визьмется за книжку—покыне іи, стане на мисци и замыслится; выйде на вгородъ—и самъ дывуется, чого и за-для чого винъ опынывся тамъ; пиде до якого-небудь діда,—не чуе, шо ёму и говоре той дідъ. Тры дни пронудыvсь отакъ панычъ, неначе той злодій, шо въ тюрязи сидыть. Тилько тимъ винъ и втишавъ себе, шо ось, якъ скоро настане кінець тыждню, то тоди вже, де-бъ Витряки не булы, чы въ поли, чы на лукахъ, а звернутся до-дому. Звернется тоди и Орыся, и якъ звернется, то вже заразъ прыбижыть у свій садокъ, шо стоить обичъ въ садкомъ паныча. Панычъ давно вже покинувъ душни кімнаты свого дому и перебравсь у садокъ, де, зробивши соби изъ свіжої травы та зъ пахучыхъ квітокъ лижво, сидивъ тамъ и въ день, спавъ и въ-ночи. Отъ и теперъ, якъ тилько ничъ обгорнула своею темною габою и вси горы, и все поле, и все село,

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 3.

памычъ давно вже сидивъ у своёму садку и давно думавъ свои думы...

А ничъ, Боже велыкій, яка то була чудова ничъ! Не ничъ, а справжня Божа краса! Въ повитри стоявъ такій спокій, тава тыша, неначе хто увесь мыръ божій чы замовывъ, чы зашептавъ, зачарувавъ... Тилько листячка стрункыхъ та високыхъ тополь, та й то ажъ на самыхъ на верхивъяхъ тонкыхъ гилочбкъ, злегенъка тремтили та таемно шепотили промижъ себе, боячысь зворушты велыкій спокій. На безмирному небі давно вже высыпалы та розсвітилышь ясни зори и давно вже пиднявсь високо-високо вгору близдолыцій мисяць, шо кыдаў одь себе ясне проміння на зелени листя, на росяни травы, на пахучи квіты и залывавъ увесь садокъ чаривнымъ, мягкымъ та таемнымъ слявомъ. А пышни квіты, шо рослы та кохалысь у садку, напоени ночною росою, выдыхалы изъ себе таки чудови та п'янки пахоющы, шо, здавалось, неначе бъ то зъ небесной высочини спустывсь якысь-то чаривныхъ и, ставши промижъ небомъ та землею, вытрусывъ изъ своеї запашной ризы на сонну землю сами чисти и сами найпахучи пахоющи. Тутъ же изъ кущівъ рай-дерева, назустрічъ блескучымъ зорямъ та близдолыцому мисяцю, неслысь чудова писни соловейка, шо, забувши увесь світъ, забувши самого себе, забувши звичайни свои потребы, плынувъ въ чаривныхъ спивахъ своихъ и замовлявъ и заговорювавъ нымы и пахучи квіты, и зелени травы, и шепотливі листя на деревахъ... А дали, геть дали, за садкомъ, у густому та високому жыти, тамъ хававкавъ та выбывавъ своимъ голосомъ невгаючный перепель, а ёму видавало этиха ёго нижне подружжа, маневька перепелочка... Тамъ же десь за садкомъ, у густыхъ вербахъ, понижче левады, свистила ночна шыця — лялечъ, такъ видрывчасто, зъ перегодомъ, але жъ такъ голосно та такъ звонко та весело, неначе той срібрый та дзвінкій дзвіночокъ, шо дзеленчить та розлывається скрізь и по верхивъяхъ вербъ, и по шпылю горъ и по всій нызыни левады, и дали виддается десь, ажъ-ажъ геть въ кинци села... А ще дали, ажъ пидъ самою горою, де вылышкававсь на мисяци чисты та довгый ставоў, тамъ крукалы, кумкалы та брекекекалы жабы на всяки способы и на всікі ляды: „кка! кка! кка! ккэ! ккэ! ккэ! ккэ! ккы! ккы! ккы! ккы!“... Не вважаючи на крыкы жабъ,

особише видъ ныхъ, балакала своимъ языкомъ пташка-сплюшка: „сплю! сплю! сплю! сплю! сплю! сплю!“ А десь за сплюшкою гомонивъ пташокъ-пущыкъ: „поховать! поховать! поховать!.. И все те жыло, и все те ворушылось, и все те, по своему, вели розмову та радило... Отъ тилько кого было мало й чутъ, то це собакъ на сели... А про те тамъ десь, въ кинци села, гавкала одна собака, та тилько такъ нескоро зъ видпочынкомъ: шо гавкне—та й перестане, шо гавкне—та й не догавка,—десь, мабудь, сердегу дримки узялы; десь, мабудь, вона давно вже заснула, и тилько самый языкъ іи робывъ те, за-для чого ёго прычеплено... Не чутъ було ниде и людей: ничъ давно вже попоклала ихъ на лижко и давно вже обхопыла своимъ солодкымъ та мицнымъ сномъ... Не чутъ никого, никто й не шевкне...

Не спыть тилько одынъ панычъ, Ивась Краченко. Винъ сидыть на нызенькій скамыци, шо самъ соби зробывъ, пидъ кучерявою вышенькою, и весь потопа въ своихъ думкахъ та гадкахъ. А думки ёго не далеко литалы: не дали, якъ въ садку Витрака и коло... Шо це такое? Ось ёму здалось, неначе шось хруснуло у тому садку... Панычъ здригнувсь и ставъ прыслушатысь... Ось воно хруснуло и въ другой разъ. Панычъ вскочывъ зъ скамыци и пидійшовъ до тыну, шо роздилявъ садокъ Крачка одъ садка Витряка. Перехыльвшись черезъ тынъ, панычъ уздривъ у Витраковому садку Орысю, шо стояла коло дерева, неначе вся залыта яснымъ проминнямъ и неначе до чогось прыслушалась.

— Орысю, де ты? стыха спытавъ панычъ.

— Я, панычу! ще тыхше видказала Орыся.

Не вспила Орыся вымовить ци слова, якъ панычъ вмыть проскочывъ черезъ суточки, шо буды мижъ обохъ садкivъ, и вмыть опынывсь коло Орыси. Орыся уса ажъ здригнула, якъ побачыла коло себе паныча...

— Орысю, де це ты була, шо я тебе ажъ тры дни не бачывъ?

— На лукахъ громадыла сино зъ таткомъ.

— Орысю!

— Шо, паныч?

— Слухай, Орысю, я хочу тебе спытаты про шось.

— Пытайте, паныч, шо таке?

— Орысю, серденько, скажы мени правду, щыру правду...

— Та шо таке? Кажить бо швыдче, а то мени якось боязно робытся...

— Скажы мени, чы тоби хотилось ци тры дни бачыты мене?

— Охъ, паныченъку, якъ не бачыла васъ, то...

— Орысю, зиронъко моя, чы нудно, чы тяжко тоби було?

— Такъ тяжко було, шо я й не знала, чы жыва, чы я мертвa кожу по земли...

— Радисть моя, втихо моя! скрыкнувъ панычъ и, кынувшись до Орыси, крипко стыснувъ іи руки, а самъ, якъ у пропасныци, такъ и затрусывсь, ажъ неначе духъ у него сперло у грудяхъ...

— Охт, паныченъку, голубчику мій, шо це зъ вами зробылось?

— И самъ не знаю шо, а тилько и палко и холодно мени; такъ не мовъ пропасныця, такъ изъ плечей и бере...

— Может же, вы хвори чымъ?

— Хворый, голубко моя! Серце у мене хворе!.. Орысю, чы любышъ ты мене? Скажы мени щыру справжню правду, якъ оце заразъ казала, буцимъ-то дуже нудылась, довго не бачучы мене...

— Я не знаю, паныченъку, якъ то такъ—чы люблять, чы не люблять, а тилько... а тилько якъ я пе бачыла оце васъ ажъ тры дни, такъ у мене серце розрывалось на шматки... Зъ роду, зъ родá-викu ничего такого не було зо мною, а де... Чы не порблено мени шо? Может, це який грихъ?

— Грихъ? Чого грихъ? Нема, знать, за-що! Грихъ обращаты кого, грихъ узяты чуже, грихъ насміятысь зъ кого, а любыты... любыты пе грихъ; самъ Господь повеливъ любыть...

Голубко моя, ясочко, рыбко моя, виддай мени твое серденько, полюбы мене такъ, якъ я тебе полюбывъ!..

Не диждавшись видказу на свои благання, панычъ прудко ухопывъ Орысю за руки, мицно прытысь іи до своего серця и, неяначе божевильный, почавъ цилуваты іи и въ губы, и въ очи, и въ щокы. А бидна Орыся одь такого несподиваного нападу такъ злякалась, шо ажъ затрусылась уся...

— Ой, лышенько жъ мени! Шо жъ це воно таке? Та хиба жъ такъ можна? Та за це жъ великий грихъ!..

— Шо мени до того гриха? Я люблю тебе, я молюсь на тебе, я дыхаю тобою! Орысю, короливно моя, чуе серце мое, шо й ты щыро любыши мене, а тилько боишся якогось-то тамъ гриха. Прислушайсѧ до своего серденъка, шо воно вищуе тоби, и скажы мени, ось тутъ, у цёму зеленому садку, пидъ дымъ небомъ, пры цёму мисяцю и пры цыхъ зоряхъ... скажы, чы бьется воно до мене такою жъ невгласымою любовю, якъ бьется мое до тебе?

— Паныченьку, голубчику, риднесенъкъ, я рада за васть душу свою виддаты, я рада за васъ зъ усихъ жыль моихъ кровъ выточты, а тилько чы це любовъ, чы це шо друге, я цёго й сама не знаю... Я чую тилько, шо безъ васть мени смерть...

— Орысю, любко моя! На шо тоби та смерть? Я хочу, шобъ ты викъ жыла, викъ любыла мене, безъ краю и безъ кинца, такъ, якъ я тебе люблю...

И зновъ панычъ прытагъ до себе Орысю. Взявши іи за тонкій станъ, винъ почавъ іи и голубыты, и цилуваты, и мылуваты, и до серденъка прыгортаты. Теперъ Орыся не суперчыла панычу: поборовши у себе першый страхъ, вона обхопыла паныча своимъ рученятамы за шыю, прыпала до ёго лыца своимъ палкымъ лыцемъ та такычкы и впьялась ёму въ ёго глыбоки та таемни очи. Щепоче ёму на вухо, шо це грихъ, шо це соромъ, а сама цилуе ёго и въ вухо и въ щокы та ще дужче горнется до нёго... Каже, шо ій треба бигты та тикаты геть одь такого гриха, а сама ніякъ не може одирватысѧ одъ

паныча та ще мицнійши обійма ёго за шию своими рученятами... Хоче вона заплющтысь, шобъ не дывытысь на паныча, такъ сами жъ оченята іі вазырають у чаривни очи ёго. И чуе Орыся, якъ все тило іі займається жаромъ, а серце наповняется икою отрутою, такою палкою-палкою та пекучою-пекучою, але жъ и такою солодкою-солодкою, шо солодче іі десь и въ свити пема, та й не було.

А панычъ ще дужче обхопывъ Орысю, и ще палкійшъ прыпавъ до неи... А мисаць высокий, а зори далеки, почувши любовни розмову, ще дужче замыготили своимъ чаривнимъ саівомъ и ще яснійше заблышковали своимъ блескучимъ проминнямъ; а квіти пахучи, а травы цилющи ще бильше роснустылы свои солодки та пьянки пахоци и ще ряснійше розлыхлись по захистному садку...

Уже геть-геть далеко за пивничъ панычъ покинувъ садокъ Витряка и потыхеньку пролизъ черезъ сutoчки у свій садокъ.

На другий день панычъ Ивась Краченко ходывъ по своєму садку такій веселенький та щасливый, неначе винъ писля тяжкої хворобы зновъ народився на божий світъ. И допрежъ того бувъ панычеви любой ёго садокъ, а теперъ ще любійше ставъ винъ ёму: кожний листочекъ, кожна квіточка, кожна травичка осміхалась ёму и витали ёго найщыримъ витаннямъ... Однімъ тилько й журився панычъ,—це тымъ, шо винъ уп'ять мигъ побачыты Орысю не ранійше, якъ тилько черезъ тыждень, бо у недилю, у-вечори, вона зновъ зъ батькомъ мала йихаты на зуки. Ну, та тыждень—не цилый же рикъ: чы такъ, чы інакъ, а можна жъ перетерпіти черезъ той тыждень, а тамъ зновъ настане субота, а въ суботу, у-вечори, зновъ зявиться до-дому Орыса, а тутъ черезъ сutoчки недалечко и въ садокъ...

Одначе, той тыждень здався панычеви не за тыждень, а справди такы за цилый рикъ. Писля того, якъ пойихала Орыся зъ дому у поле, така взяла ёго нудота, шо винъ чисто такы не зновъ, за шо ёму и ваяться и шо ёму зробить, шобъ тилько себе розважыты. Стара пани Крачыха, дывлячись на свого любого сыночка, якъ винъ то ухоне себе за голову, то приложе до серця руку, то зитхне тяжко та нібы ажъ застогне, не

разъ пытала ёго, чы не болыть у него шо-небудь, чы не скуче винъ за городомъ, чы не бажае чого взисты, чы не ремствуе на кого за яку образу,—такъ ни: Ивасъ заразъ же за спокое свою матусю и завирыть іи, шо ёму краще всихъ на свити жыты и шо винъ щасливійшый надъ усихъ князивъ и короливъ. И стара Крачыха видстуپтесь видъ своего сыночка и тутъ же сама соби подума: „молоде ще, зелене, черезъ те й скуча; треба бѣ ёго одружыты зъ якою-небудь паняночкою,—або зъ Дорею Овчаривною, або зъ Лесею Селезнивною, то тоди винъ и веселенькій стане“.

А панычеви и гадки нема про якихъ-сь тамъ паняночдкъ: єму якъ бы скорійшъ настала субота, а въ суботу звернулась до-дому Орыся... И бажання паныча збувается: настала субота, и Орыся справди звернулась до-дому, а якъ тилько ничъ накрила усе село своимъ темнымъ крыломъ, то Орыся сама вже пролизла черезъ сutoчки и швиденько опынилась въ садку паныча.

— Голубко жъ моя, ясочко, зиронъко моя ясная, та чы це жъ ты, чы це тилько тинь твоя?

— Я, панычыку мій любый, я!

— Охъ, якъ же жъ и гирко мени було цей тыждень безъ тебе! Такъ гирко, такъ нудно, шо якъ бы ты сёгодня не звернулась до-дому, то я и не знаю, шо заподіявъ 'бы соби! Иди до ме'е, моя курипичко! Дай я озьму тебе на руки, дай я понесу тебе скрізъ по всому свиту! Я не дамъ тебе ни царевичу, ни королевичу! Я буду тебе любыты, буду тебе кокаты, буду безперечь дывытысь у ясни очи твои, буду молытысь на тебе, якъ на саму найсвятійшу святыню. Я бачу, я чую, шо моя душа зрослась зъ твою душою, шо мое серце, злучылось зъ твоимъ сердемъ... Орысю, чы любышъ ты мене?

— Люблю!.. теперъ знаю, шо люблю!.. Люблю бильшъ усихъ на свити! Люблю такъ, шо и тило и душу и всю жысть мою рада виддаты вамъ, якъ вы захочете того.

— Орысю! Любая моя, мыла моя! Обнимы жъ мене своими рученятыми, подывысь же мени въ очи, прямо въ мои очи, и

Скажи мени.. скажи, голубонько, чы хочешъ ты буты мою дружыною?

— Охъ, паныченъку, соколыку, лебедыку мій! Охъ, краще не пытайте мене про це!

— Кажы, кажы, голубок моя! Якъ передъ самымъ Господомъ кажы!

— Паныченъку, люблю васъ, люблю бильшъ усего на свити, а тилько якъ же жъ мени буты вамъ дружыною? Хиба воно вамъ до речи одружишись эъ простою дивчыною селянкою?

— Шо мени та простота? Любовъ, тыра, некорыстлыва, чиста, свята любовъ усихъ ривня: вона ривня багатого зъ убогымъ, пава зъ мужыкомъ, городянына эъ селяниномъ. Кажы мени, кажы, чы хочешъ буты мою дружыною? Я все и всіхъ за-для тебе занехаю...

— Паныченъку, любой мій, коханый, я буду вично, до самой домовины любыты васъ, я ни на одну хвылынику не перестану думаты про васъ, а тилько... чы можна жъ тому статысь, шобъ вы булы моимъ чоловикомъ, а я була вашою жинкою? Якъ вы мене повезете у городъ? Якъ вы мене покажете панамъ? Шо я буду имъ казаты? Якъ я тамъ сяду? Якъ я тамъ гляну? Якъ я тамъ пройдуся и якъ я тамъ пройдуся?

— Орысю, колы ты мене справди любышъ, то ты выкинешъ це все изъ твоей головы, а теперь, шобъ та бильшъ не вражала мене, такъ ось тоби за це, ось тоби!

И панычъ, обхопывши Орысю, почавъ іи зъ великою жагою цилуваты и въ губы и въ щокы, абы бъ тилько вона замовкла.

— Панычу, паныченъку, постривайте, постривайте бо! Ось мени чуется, неначе шось ходе по той бикъ тыну, по нашему садку.

— Та шо тамъ ходе по вашому садку? Хто теперь, у таку пизню добу, ходытyme по садку? Не пустю я тебе! Ось тоби, ось тоби! Задушу тебе поцилункамы, ажъ покы ты не скажешъ, шо будешъ мою дружыною...

Панычъ скочывъ на ноги и обхопывъ за ставъ Орысю та тутъ же и замеръ на мисти; по той бикъ Крачкового садка стоявъ билый, якъ стина, старый Максымъ Витрякъ и дывывся якось жалисно на свою дочку Орысю и на паныча Ивася... Въ садку уже давно пересталы сливать вси пташки, пересталы стрекотить и вси комахы. Тыша стояла невымовна. Тилько биле-биле, якъ снигъ, прбминя одъ повного мисаца перелывалось скрізь по всому садку, по всихъ лыстахъ, по всихъ гилкахъ и по всихъ квиткахъ, и тутъ же падало на блиде и застыгле, якъ той мраморъ, лыце Максима Витряка. А винъ стоить спокійно и нерухомо, неначе скамьянілый... Простоявши такъ зъ хвылыну, чы зъ дви, Максымъ Витрякъ одступывъ одъ тыну, шо роздилявъ два садки, и потимъ мовчки, не промоывшы ни жодного сливця, повернувсь й выйшовъ геть изъ своего садка тыхою и нескорою ходою...

XV.

Чы казаты про те, якъ панычъ провивъ ничъ писля того, якъ разставесь зъ Орысею? Не ничъ то була для нёго, а справжня мұка. Усю ниченьку просыдивъ винъ пидъ вышнею, на скамыци, и хочъ бы на хвылыночку звивъ однымъ окомъ. Якъ тилько стало благословлятъся на свитъ, панычъ уже й скочывъ на ноги. Першою ёго думкою було, шо и якъ зъ Орысею. Загланувъ винъ у садокъ Витряка—тамъ ни души; подывывясь черезъ плить у дверъ—и тамъ те же саме; глянувъ на тиѣ—тамъ ни возивъ, ни коней, ни клепаль, на чимъ видывеютъ косы передъ тымъ, якъ косыты хлібъ: выдымо було, шо вси Витряки ще зъ досвітка выйхали зъ дому у поле. Тяжко-претяжко стало на души у паныча; коло серца неначе чорна гандюка обвыласъ товстою обручкою. Панычъ покынувъ свій садокъ и подавъсъ геть ажъ у Корніевский лисъ до діда Якова Метеля, шо мавъ тамъ свою невелычку пасику. То бувъ не тилько розумный, а премудрый дідъ, и панычъ довго беседувавъ зъ нимъ

про всяку всячыну: и про небо, и про землю, и про разны царствà та князивствá. Вже якъ сонечко повернуло зъ обидъ на пивдень, панычъ попрощавсь въ дидомъ Метелемъ и вернувсь до дому. А дома давно вже ждалы ёго батько та маты, та ще й ридна титка по матери, Катерина Михайловна Сынычка, шо прыйхала здалека до своеи сестры Ганнуси зъ тымъ, шобъ погостювати у неи та побачыты свого небожа, Ивася Краченка

Весело и радисно витала Катерина Михайловна Сынычка свого небожа, дуже дывувалась тому, який зъ нёго выйшовъ бравый та красовытый студентъ, и тутъ же, недовго думаочы, почала выхваляты ёму одну панночку, якусь-то тамъ Марусю Лиснякинну, шо була и красыва, и вчена, и багата и чесного дворянскаго роду.

Панычъ зразу зровумивъ, куды закыдала ключечку ёго титка, але мовчавъ, неначе не тямлючи того.

— Ну, такъ якъ же жъ, Ивась? Теперь такъ, шо пора уже тоби и свататься! Ось черезъ рикъ скинчышь курсъ своей науки, то треба тоби и кубельце свое заводыты,—адже-жъ пора?

— Такъ рикъ же, титусю, де не день?

— Та й не десять рокивъ!.. А панночка Маруся Лиснякинна, кажу тоби, прямо такы короливна! Я якъ побачыла і на ярмарку у Старому-Салтови та якъ сказала, шо у мене есть небижъ студентъ, бравый та красовытый, то вона такъ уся и зашарылась. А якъ мы уже выйиздылы зъ ярмарку, то вона, прощаючысь зо мною, килька разъ усе обнимала та цилувала мене!.. А якъ одъихала уже геть далеченько, то обернулась до мене та ще й крикнула, шобъ прыйиздыла до неи у гости... Ну, такъ якъ же, Ивасю, чы пойдемъ?

— Та чого жъ мы, титусю, пойдемъ?

— Якъ чого? Ты парубокъ, а вона дивчына,—отъ и пойдемъ, подывымось...

— Ни, титусю, мени теперь дуже заниколылось: треба онъ килька книжокъ перечытати та треба ще...

— Э, шо тамъ ти книжки! Книжка не ведмідь, у лисъ не втече, а дивчына може и втекти. Тамъ же жъ и краля! И молоденъка, и вчена,—тилько шо скинчыла науку, и прывитца, и ввичлива, а сама така чепурненъка та бравенъка, якъ квіточка.

— Может воно, титусю, и такъ, а тилько якъ же жъ мени ихаты до неи, колы ни я іи не знаю, ни вона мене не зна.

— Отъ про шо журба! Та я васъ такъ зведу, шо ви й не счуєтесь.

— Та, може жъ, вона мене не вподоба, або я іи!.. Я, титусю, оженюсь тилько на тій, яку полюблю. Мени, будь вона хочъ мужычка, хочъ селянка, абы тилько я іи полюбывъ, а вона мене.

— Э, це ты, любый мій небоже, выкинь геть изъ головы! На шо жъ тоби було и вчиться, якъ на селянци женитися? Нехай на ій женитися простый парубокъ, а тоби треба шукаты иначого сорту дружыну. Та ще й те: яке тоби та селянка прыдане прыдба?

— А на шо мени те прыдане?

— Якъ на шо? Чымъ же ты жытымешъ? Яки достатки у твого батька та у матери? Вони увесь викъ свій бидують та калатаются, та й ты жъ того бажаешъ? Краще тоби одружытися зъ панночкою та взяты за нею земельку та самому зробытися великымъ паномъ, шобъ не гнуты спины передъ другыми... А за тебе люба панночка пиде,—ты подывысь на себе, який изъ тебе красень!..

— Ни, титусю, ваша ричъ мени не до мысли. Я краще одружусь на бидній та на простій дивчыни, нижъ на багатій та вельможній панночци, абы тилько мижъ намы була щыра любовъ.

— Дурнё, не зна ще, почому Савка й дёготь продае, а Хведир зъ паровыци силь, а про щыру любовъ балака!.. Каятымешся, голубчыку мій, навпосля, та буде пизно! Буде у тебе каяття, та не буде воротя!.. Чую я, шо ты зачепышся десь на

гыляци... Дизнаешъ тоди, по чимъ кившъ лыха... Зачучверіешъ такъ въ убожестви, шо ти любопці гиршё гиркои редьки тоби стануть.

— Шо буде, титусю, те й буде, а я до вашои панночки Лиснякивны не пойду.

— Пропащый хлоцець! Згадаешъ ты мене колысь, та не разъ и не два... Ты хочъ подывысь на своего бидолашного батька, шо и день и нічъ працюе, изигнувшысь у тры погибели, та на свою стару матиръ, шо вже й чыспыци на полотни не баче черезъ слёзы та горе...

— Шо жъ, титусю? якъ Богъ дастъ, я скинчу курсу та поступлю на службу, то я жъ не забуду на батька, ни матери, и буду ихъ шануваты, якъ только зможу и якъ зумію.

— Ну, щасты тоби Боже на все добре! А я зъ тымъ и прыйхала оце до васъ, шобъ стать тоби у прыгоди та зробить тебе щасливымъ.

— Спасыби вамъ за це, ридна титусю, а только ваши речи мени не до мысли.

— Молодый ще, зеленый! Уматеріешъ, то инчу писню заспиваешъ, а теперъ у тебе ще фантазія гра...

Прогостювавши ще днівъ зо два чы зо три, титва зъ тымъ и одийхала.

Дуже вразыла стару Крачыху розмова іи сына зъ Катереною Михайловною Сынинкою. И вона тежъ, прожывши винь въ убожестви и дизнавши, шо такое есть биднистъ, хотила бачыти своего сыночка и багатыръ и щасливымъ, колы ось получула одъ неё такое, якого и не сподивалась почутъ. „Хто жъ це воно та селянка, шо прыпала ёму такъ до сердца?.. Чы не Орыся Витряківна?.. А хто жъ бильше, якъ не вона? дивка брава, хочъ куды! Та только хиба жъ вона до пары Ивасеви? Це все однаково, шо запрягты у одни голобли коня та рака... Та хиба жъ такы на це згодытса и старый Витряктъ? Винъ же чоловикъ ровсудлывый и повыненъ взять у тямки, шо таўшы шлюбы бильшъ ничого, якъ нещастя обомъ“...

Довго думала стара Крачыха писля одйизду своеи сестры и надумала погомонити зъ старымъ Витрякомъ на самоти. Прошло и якъ Крачыха балакала зъ Витрякомъ, то зосталось у неи въ глыбочыни души и про те вона не сказала ни словечка Ивасеви.

А Ивась, видцуравшись видъ панночки Лиснакивны, ще бильшъ ставъ думати про Орысю Витрякивну. Жде—не дождется винъ, колы настане субота, шобъ зновъ побачытысь зъ Орысею... Ось настала и субота. Ось уже и ничъ простяглась надъ усимъ селомъ. Панычъ давно уже сидыть у своёму садку и давно прыслушается, чы не хрусле де сучечокъ по той бикъ тыну, у садку Витряка. Одначе, скілько винъ не сидивъ, а ничего не почувъ. Ничъ була темна-претемна, и по садкахъ скризъ гулявъ вохкий витеръ, такый, шо нагавяе дощъ. Уже й пизничъ пройшла, уже й розвыдняться почало, а панычъ усе сидыть пидъ кучерявою вышенькою та все нетерпляче жде Орысю, а Орыси якъ не чуть, та й не чуть... Такъ и не лягавъ спати панычъ усуо ничъ. А якъ бовкнулы на дзвиници до церкви, то панычъ ничего не здужавъ выгадаты, якъ тилько забравсь та пиповъ до церкви побачыты Орысю. Одначе и въ церкви винъ не побачывъ Орыси. И уже идучи до-дому, писля службы, нагнавъ панычъ Павлуся Витряченка и тутъ одъ нёго дознавъ, шо Орыся буцимъ-то ще въ суботу пойихала у Лыпци до своеи слабои титкы, шо слабувала прыпадню болистю, и новына зостатись тамъ дотиль, покиль титка іи хочъ трохи выдужае одъ своеи хворобы... Краще було бъ панычеви, якъ бы ёго хто шеменувъ пожемъ у серце, пижъ сказавъ ёму таку новыну...

Пройшовъ ще тыжденъ, а Орыси усе такы нема та й нема. Скоро дізнавъ панычъ одъ того жъ такы Шавлуся, шо Орыся нібы-бъ то изъ Лыпцивъ повезла свою хвору титку ажъ у Кыївъ до печерь, а звидтиля пойиде зъ нею ажъ у Іоачаївъ. Страшно зашымило у серци паныча, якъ винъ почувъ тави слова про Орысю одъ Павлуся!.. Чы такъ вено було, чы не такъ, а тилько бачыть винъ, шо ёму не диждатись на цей разъ

Орыси. До того ще прыйшовъ и кинець ёго вакаціямъ. „Чого жъ мени сумуваты? Чого мени вдаватысь у тугу? Пиду до старого Витряка та скажу ёму те, шо маю на мысли. Хиба це стыдъ? Хиба це соромъ? Якъ не згожується Орыся, то повыненъ згождатысь самъ Витрякъ. Чому вона мени не ривна? Хиба я не такий чоловикъ, якъ и вони? Богъ усихъ людей изъ одного сотворывъ, а де вже сами люде такъ поробылы, шо одни постали паны, а други мужыки“...

И якъ надумавъ панычъ, такъ и зробивъ; але зъ ёго думки ничего не вийшло: одно те, шо винъ дуже довго не мигъ побачыты Максима Витряка черезъ те, шо Витрякъ бильшъ знаходыvсь у поли, нижъ дома; а друге те, шо Витрякъ бувъ такої жъ думки про шлюбъ селянки зъ панычемъ, якъ и ёго дочка.

„Іване Рыгоровычу, люблю я васъ, якъ ридного сына; люблю и поважаю, черезъ що не хочу бачыты васъ нещасливъмъ чоловикомъ; ваше панске жыття и наше, мужыче, иде ризнымы шляхамы; гамъ треба дружыну панскаго колина, а моїй дочци—простого. Рубай дерево по соби—каже мудра людська прыговирка. Теперь вы ще молода людына, теперь у васъ ще кровъ дуже гра; теперь вамъ усе здаётся не такъ, якъ воно буде здаватысь тоди, колы вы уматерите та наберёте свитогого розуму. Иване Рыгоровычу, поважаю васъ, якъ чесну и святу людину, а тилько скажу вамъ, шо якъ вы одружиштесь зъ простою селянкою, то запобижьте соби великого горя; вамъ треба шукаты такої дружыны, шобъ вона була вамъ пидъ мысли та ще й до того могла запомогти вамъ своею порадою у вашій працы, яко вченого чоловика. А якъ же васъ зрозуміе и якъ вамъ запоможе праста та невчена дивчына? Ій треба дуже багато и розуму, и освity, и хысту, шобъ поривнятись зъ вами! Иване Рыгоровычу, я уже старый чоловикъ, и кажу вамъ, якъ знатца чоловичаго жыття, шо дуже мало бувае щастя тамъ, де сходятся люде не одного стану, не одныхъ мыслей и не одныхъ думокъ Вамъ треба, кажу, дружыну инчаго стану, нижъ моя дочка. Рубай дерево по соби—щে

разъ нагадаю вамъ, шо въ цихъ словахъ велика свитова
правда"...

Отакъ одповивъ старый Витрякъ Ивасеви Краченку. И якъ Ивась Краченко не успевавъ Витряка, шо винъ наавчить Орысю письменства и поривня іи до себе, и не дастъ іи никому на посміхъ, Витрякъ не тилько не здавсь на таки речи паныча, а ще нагадавъ ёму про те, шо винъ цовыпець йихаты у городъ кинчаты свое учения. „У васъ йе, Иване Рыгоровычу, великий таланъ до науки. Грихъ вамъ буде великий, якъ шо вы покынете науку; святе письмо каже: не загортай у землю своего талану, и якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зроби зъ нёго два; а якъ тоби даво два, то ты зроби зъ нёго три".—„Знаю, Максиме Мыкитовычу; знаю добре, шо мени треба йихаты до науки; знаю, шо пчастя и мое и моёго батька та матери въ мой науци, але жъ щастя мое и коло вашої дочечки. Максиме Мыкитовычу! молю васъ и благаю, не сilyуйте іи и не виддавайте замижъ, поки я не звернусь писля моего вчення. Може, у васъ тоди и инчій поглядъ буде и бильшъ жалю знайдется въ серци, яижъ теперъ"...

Гладючи на те, зъ явымъ паломъ говорывъ панычъ, якъ винъ страждаєвъ одъ своего горя, якъ прыльпавъ у нёго язычъ одъ мукъ до органи, якъ душалы ёго слезы, старый Витрякъ самъ ледве не зарыдавъ одъ слизъ и на разставанни, немовъ подаючи надію, сказавъ панычеви: „молиться Богу, то все гараздъ буде"...

Зъ тымъ и розлучылъся панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко та Максимъ Мыкитовычъ Витрякъ...

Пидъ той день, якъ выйизжаты изъ Суныцівки, панычъ усю ниченьку ни на одну часынку не задремнувъ и все ходивъ по садку та думавъ свои тажки думы та дывывсь на ти мисця, де або сидила, або стояла Орыся, та плакавъ, такъ плакавъ та рыдавъ, шо ажъ неначе винъ розрываєвсь на дрибни (дрибки... Чуть свитокъ, якъ панычъ уже й вийихавъ изъ своего села. За всю дорогу винъ не промовывъ ни жодного словечка своєму возвышу, и якъ сивъ у визокъ, то такъ и застygъ, такъ и си-

дивъ, неначе скамьянилый, ажъ покы не прыйхавъ до мисця...
Черезъ два чы черезъ тры дни винъ бувъ уже у своего дядька,
а тамъ черезъ тыждень повышенъ бувъ братысь и за науку.

XVI.

Важкий, дуже важкий бувъ для паныча останній рикъ учения, але все жъ такы винъ скинчывъ курса та ще й скинчывъ такъ, шо ёго обралы, якъ саму талановыту людыну, задля найвышои науки, и послалы далеко-далеко, ажъ кудысь за кордонъ, чы загряныцю, досягаты тамъ закордоннаго розуму та чужеземной освity. Дуже не хотилось панычеви йихаты у ту далеку та чужу чужыну, але и длько ёго, и вси поважни учители умовылы ёго йихаты за кордонъ и побуты тамъ не бильшъ, якъ пивроку. Хотивъ винъ, передъ тымъ якъ йихаты за кордонъ, зйздыты до батька та до матери, у Суныцивку, и напысавъ имъ про те листа. Такъ маты швидко видпysала ёму, шо благословля ёго у далеку дорогу, и за батька видказала, шо й винъ дуже просе сына, не гаочы часу, йихаты за кордонъ, а тоди вже вертатысь до-дому. Мижъ иначымъ маты закынула ключку, шо буцимъ то іи сусида, Маруся Витрачыха, зъ дочкою недавно выйхала изъ села кудысь у далеку дорогу на прощу...

Довго мучывсь панычъ, довго нудывся винъ, а якъ не мавъ ничего робыты, то й пойихавъ за кордонъ. Пойихавъ зъ тією думкою, шобъ пробути тамъ баато — пивроку, а тамъ и до-дому, у свою Суныцивку. Одначе, не такъ воно склалось, якъ жадалось: якъ побачывъ винъ тамъ новыхъ людей, нове кыпуче жыття, нову природу, новыхъ учытеливъ, то, замистъ пивроку, прожывъ за кордономъ цилый рикъ, а повернувшись у свій городъ, пробувъ ще й тамъ мало чы не пивроку черезъ рижни сиравы, шо здававъ винъ своимъ старшимъ. Уже стали ёго имя друкуваты и въ часописяхъ, уже почали про нёго пысаты „Нашъ молодой ученый Краченко“; уже стали покла-

даты на нёго велыки надії, якъ на нову учену славетнистъ, а у нёго усе жъ такы одна думка: якъ бы скорійше вернутысь у свою Суныцивку та добратысь до своего любого садка... А тамъ... а тамъ, шо Богъ дасть, те й буде...

Ось панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, теперъ уже „ученый и славетный мужъ“, нарешти йиде до-дому по давно знаёму шляху одъ Муравчыка на Метелькъ. Тры рокы уже пройшло зъ того часу, якъ винъ покынувъ Суныцивку. Шо то теперъ тамъ за тры рокы сталося? Чы все гараздъ? Чы все добрѣ?..

Бувъ на сходи вересень мисяць, якъ разъ передъ святомъ Ивана Богослова, колы сунычане спрavляють у себе храмъ и ярмаркують ажъ цилыхъ два дни. На те-то свято и поспишався панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, бо винъ дуже любывъ селянски ярмаркы, куды зижжалысь и сходылышь люде изъ усякихъ сель, у рижній одежи и зъ осибною вымовою. Зъ великою нетерплячкою сидивъ панычъ у визку и все гукавъ на поштаря, шобъ дужче пидбадрювавъ та поганявъ свои кони, хочъ ти кони и безъ того ледве не навзаводы неслысь по широкому шляху, збываючи своимъ ногамы пылюго.

Даремно буде розказуваты про те, якъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко прыйхавъ до-дому, якъ ёго стрили батько та маты, якъ стари зрадили, побачивши свого сыночка, якъ сплакнулы одынъ передъ одымъ... Дуже хотилось Ивану Грыгоровычу заразъ же роспятати своихъ старыхъ про Максима Мыкитовыча Витряка та про Оrysю Витрякивну, але чы винъ не насмилувсь спытати, чы боявся, шобъ не почуты чого лыхого про Оrysю, а тилько зъ тымъ и лигъ спати, залышывши свое пытання до другого дня.

На другой день панычъ пиднявсь зъ лижка дуже рано и заразъ же высокочивъ изъ господы на кганокъ. Ранокъ бувъ чудовий: сонечко тилько-тилько шо виткнулось изъ-за горки и засяяло такъ весело и такъ пышно, мовъ тая модода та чаривна красуня, шо вбирається до винця. На двори було дуже морозно и черезъ те и увесь дверъ, и увесь садокъ, и увесь дахъ господы,

и вси покривли повитою булы вкрыти билою та блескучою на-
морозью; а повитря було таке чисте та прозирне, якъ тилько
воно бува саме по осені, уже тоди, колы настають перши пры-
морозки и колы ствердіе верхня шкарапала земли. Середъ
двору стояло чымало усякихъ возиаъ, де спочывали, прыкрыв-
шись зверху свыткамы та кожухамы, возчики, шо прыйихалы
за панамы у гости до старыхъ Крачківъ. И вси ти возы, и
всі ти возчики, и ихъ свытки, и ихъ шанкы—усе те такожъ
присыпано було билою наморозью и блескотило пидъ веселымъ
проминнамъ ласкавого та веселого сонця.

Оглядивши прыроду окомъ чутливого худога, панычъ
Іванъ Грыгоровычъ Краченко вернувшись у кімнаты, прыбравсь,
якъ треба було у таке свято, и потимъ зъ дому пишовъ прямо
до церкви зъ тією думкою, шобъ побачыты тамъ усихъ своихъ
знаёмыхъ и мижъ нымы юго-небудь изъ Витряківъ,—якъ не
саму Орысю, то Павлуся. Простоявъ винъ усю вутреню, про-
стоявъ и всю службу, а никого изъ Витряківъ не запрыми-
тывъ и зъ тымъ выйшовъ изъ церкви и пишовъ ходыты по яр-
марку. Селянський ярмарокъ повсигда бувъ любыі сердю паныча,
и винъ охочый и ладенъ бувъ хедыты по нёму хочъ
увесь день, то прыслушаячысь до народнои мовы, то прыдыв-
ляючысь до облыччя людей и усякихъ речей, шо выставляються
на ярмарку. Такъ и теперъ панычъ скілько годынъ блукавъ
по ярмарку, завертаючи у коженъ куточокъ та заулочокъ, до
всёго дogleдаючысь и до всёго прыслушаячысь. А народу-народу
на тому ярмарку, такъ неначе муравы, шо ни пробигты, ни
пройихати ни жадною мирою неможна. И все то рушается, и
все то сунется, неначе плавомъ плыве; тамъ сей, тамъ той,
и все то кричыть, гомсныть, божыться, клянется, запрысягается,
торжыться та прыциняется... Тутъ же чымало и пидылыхъ люд-
цивъ, та другой спива, а де-яки обгорнулы старца зъ
трывдышбаломъ, та ото вже й вывертають закаблукы напередъ
нискивъ...

Уже туды геть-геть, якъ наставъ справжній ярмарковый
рэзгардіашъ, панычъ, добре ватопставшись по ярмарку, вый-

шовъ изъ нѣго геть и потягъ до-дому. Сумувавъ и шкодувавъ винъ тажко черезъ те, шо не вбачывъ никого изъ Витрякивъ. „Шо це воно за знакъ, шо ни въ церкви, ни на ярмарку не-выдко никого изъ Витрякивъ? Воны жъ уси таки богомильни та богообязки, а про те никого и въ церкви не було! Ну, не-хай тамъ старый,—винъ теперь, може, вже дуже слабый ставъ, а шо жъ молоди?.. Такъ самъ себе пытавъ панычъ, идучы зъ ярмарку до-дому глухою стежкою одъ церкви черезъ выгинъ. Винъ знарошне пишовъ черезъ выгинъ, шобъ пройтись повзъ Витрякового садка. Ось помынувъ винъ панськи бурты; ось помынувъ паламаривъ, потимъ попивъ городъ и тилько шо выткнувъсъ изъ-за Полущыногого току, колы ось назустричъ ёму никто, якъ сама Орыся Витрякивна. Панычъ якъ уздривъ Орысю, такъ и охолонувъ, такъ увесь и заколотывъсъ...

— Орысю! Орысю! Та це ты?

А Орыся неначе й не баче, неначе й не чуе того, шо назустричъ ій иде іи любой та кохавый панычъ та ще про щось тамъ и пыта.

— Орысю! Орысю! Постій! Пидожды! Ты, мабуть, не пизнала мене? Я жъ Ивась Краченко! Я жъ твій... Орысю!!.

А Орыся усе жъ такы йде своею стежкою и не зупыняется передъ панычемъ, а тилько шось тамъ мурмотыть сама соби та все чогось осмихается та розводе руками.

— Орысю! голубко моя! Шо жъ це зъ тобою сталося? крыкнувъ нескоимъ голосомъ панычъ та й кынувъсъ раптомъ до своеї коханки, якъ кыдається часомъ птыця до своїхъ пташенятъ, колы баче ихъ у великой небезпечності...

Тутъ тилько Орыся зупыналась на хвилыну и неначе-бъ то стала прыслухатись до голосу павича. Панычъ глянувъ ій у сами очи—и вментъ, зъ великомъ жахомъ геть одхильнувъсъ одъ неи: передъ нымъ стояла божевильна людина зъ камутными, померклыми и безцвітными очима и зъ страшнимъ поглядомъ... Тутъ панычъ не стерпивъ... не стерпивъ и зарыдавъ... Зарыдавъ такими гаричмы, такими гиркими слизмы, якими винъ зродя-віку и не плакавъ и не рыдавъ... А Орыси

и байдужисенько до паныча: стоить вона соби та тилько одмахується одъ когось руками та то осміхнеться та прыщулітса, то підійме голось та гризно на когось посварытса.

— Орысю! Орысю! Глянь же ты на мене, прыдывысь! Я жъ твій панычъ! Я жъ твій Ивась!

— Геть, одійди одъ мене, сатано!.. Охъ, горе, горечко мени! Одлетила одъ мене душа моя! Де моя душенька гуля? Га? А, онъ-де вона, ондечки вона лита! Пустить іі до мене! Я іі нагодую, я іі своимъ ротомъ накормлю! Пустить мене, не спыняйте! Я піду до панъ-отця,—нехай винъ мене посповида! Нехай винъ упусте мою душу у гришне тило мое! Геть одійди одъ мене, супостать!..

Кынувши гризныі поглядъ на паныча, Орыся ранкомъ зиркалась зъ мисця и прудко пишла дали, на ярмарокъ.

Прыгниченый такимъ страшнымъ и несказаннымъ горемъ, панычъ ледве-ледве поволікъ ногы до-дому. Якъ винъ доцливъ до-дому, шо винъ казавъ и шо винъ робывъ дома, того винъ и самъ не тымывъ. Стара Крачыха ажъ уся затремтила, якъ побачыла, який близдый та страшный вернувшись до-дому іі Ивась. Іі невдогадъ було, шо трапылось зъ іі сынамъ. Вона соби думала, шо винъ стильно верстовъ пройихавъ изъ города до-дому, потимъ простбавъ усю службу въ церкви, а до того ще такъ довго вештався по ярмарку, и черезъ те такъ заслабъ. Вона заразъ же одвела ёго въ дальню кімнатку и, перехрестыўши трычи, велила гарненко видпочыть и ничымъ себе не трёматъ. „Я казала тоби, сынашу, ось не йды ты зразу на той ярмарокъ, такъ не послухавъ; не набрыдло тоби дывытысь на вёго змальству“?

Уже на другой день ранкомъ выйшовъ панычъ изъ своеи кімнатки до батька та до матери, и якъ выйшовъ, то неначе винъ тилько шо вернувшись изъ самой лютой бatalіі: такой винъ бувъ зъ выду замученый. Про свою стричу зъ Орысею Витряківною винъ ни словечка не сказавъ ни батькови, ни матери, хоть и дуже ёго мучыло роспятаты, черезъ шо и якъ спіткало Орысю таке страшне лыхо. Уже навпосли панычъ то видѣлъ су-

сидъ, то видъ своеи наймычки, Вивди Сокырчыхы, шо дивувала волось умисти зъ Орысею, дизнавсь про все життя та про ту лыху годыну, яка спиткала безталанну Орысю. На сели люде балакалы багато, а доводу, окримъ Вивди Сокырчыхы, никто панычеви не давъ.

Черезъ рикъ писля того, якъ панычъ покинувъ Суныцивку, по-осени, Орыся Витрякивна выйшла замижъ изъ села Суныцивки у хутиръ Коноваливку, шо за тры версты одъ Суныцивки. Якъ гралы весилля, то вона такъ плакала, такъ гирко та тяжко рыдала, шо чисто було на вдывовыжу всимъ людамъ. Ажъ трычи вона зрывала зъ себе очипокъ, шо надишаютъ молодій на голову замисть винка, и трычи кыдала ёго геть видъ себе. И батько іи, старый Максымъ Витрякъ, такый уже бувъ смутный та невеселый, шо ледве не зомливъ, якъ ставъ благословляты свою дочку до шлюбу... Чоловика Богъ давъ Орыси гарного, Стецька Журбу, тилько одно, шо винъ дуже смиреный та плохой бувъ,—такъ неначе мала дытына: и облычча у нёго дытяче, и голосъ якысь-то тонкий та слабый. Казалы, шо то черезъ те, шо винъ ще молодий та нежонатый бувъ, а якъ оженится, то сильнійшый и бравійшый зробиться. Одначе, и писля ожениння винъ такый же зоставсь, якъ и ранійшъ бувъ... И не злобила жъ ёго черезъ те Орыся! Такъ не злобила; шо почала що-дня ходить изъ Коноваливки въ Суныцивку, до батька та до матери. И якъ прыйде було до-дому, та якъ увійде у свій садокъ та якъ почне плакаты та рыдаты! Та такъ плаче, шо й чужому чоловикови, та й то жалко було на неи дывиться. Жыве було у батька день, жыве два, тры дни и цилый тыждень живе, а чоловикови іи до того и гадки нема. И що дали—то гирше. Нарешти Орыси такъ остоғыдивъ іи чоловикъ, шо вона надумала и овси покинуты ёго. Якъ батько та маты ни успевялы іи, шобъ не ходила изъ Коноваливки у Суныцивку, а жыла бъ зъ чоловикомъ дома, прынатурылась до нёго та кукобыла-бъ ёму у ёго хазайстви, такъ де тамъ! Терпила-терпила сердешна, а дали зибралась та й подалась геть

ажъ у городъ зъ тію думкою, шобъ забуты тамъ свое люте горе...

Довго Орыся блукала по городу, довго шукала тамъ забуття; ставала вона тамъ и до купцівъ, и до панівъ то за горнышну, то за куховарку; одначе худко видала ихъ и зновъшла та тынялась по городу; тутъ вона дізнала, шо таке есть и холодъ, и голодъ; тутъ вона не разъ латана, чы быта була, тутъ вона бачыла килька панычівъ, и бравыхъ и красовыихъ, та вси вони не те, не те, шо любый та гарный іі Ивась.. „Пропаду отутечки, середъ базару, а въ село не пиду!.. Краще жъ я овси свою душу у мелясивци утоплю, нижъ отакъ страждать та мучытись мени на божому свити“.. И почала Орыся тошкыты свою душу у мелясивци, се-бъ то хапаты гарачого до слизъ та залываты имъ свое люте горе...

Безперестанне шукання, безперестанна остуда, гирке піяництво, незвычайне жыття зробылы те, шо Орыся не знесла и на-прыкончыни стратыла свій розумъ.

Спочатку личылы Орысю десь у шпиталю, а потімъ якъ дізнали, шо вона запевне збожеволила и шо ій уже не малось буты повороту, перевезлы іі до „сумашедшого дому“. Тутъ продержали іі килька місяцівъ и, впевнівшишь, шо вона изъ смырныхъ, выпустылы на волю и одправылы у волость.

Уси тоди, уси и видцуралысь и видкасанулысь одъ безсталанной молодыци, и толькo одынъ старый Максымъ Вітрякъ не забувъ своеи коханой дытыны: пойхавъ винъ до волосты, знайшовъ тамъ свою дочку у холодній, на соломи, обирвану, обшарпану, обстрыжену пры самій голови, узявъ іі, прывізъ до-дому, одягъ, обхаючывъ и помистывъ у старій хати. Самъ у ту стару хату ходывъ, самъ и поивъ, и годувавъ, и прыбираў усе за дочкою, та все молывъ та благавъ Бога, шобъ Господъ вернувъ бидоласи іі розумъ! Такъ де тамъ! Лежыть вона цилисенъкій день у старій хати и не йистъ, и не пье, и не ворушытесь. Якъ батько дастъ йисты—йистъ, якъ дастъ шо пыты—пье. Толькo якъ и выйде було, то выйде у свій садокъ, та й то бильшъ надъ-вечоры. И якъ выйде оце у садокъ, то заразъ же

стане пидъ вышенькою та й дывытся на молодого дубка, шо стоить у садку Крачка, и тутъ же сама соби сміется и сама соби шепоче: „Панычу, паныченку мій, любый мій, со-
колыку ясный мій! Чы й ты такый, якъ той? Га? Чы
й ты такый? Кажы! Очи таки-жъ блескучи та таемни, якъ
и у *того*.. Чы й мова у тебе така? Га? Чы й мова така?
Така, така сама, якъ и у *того*! А чы й ротокъ невелычкий
такий? Га? Такый, якъ есть такый, якъ у Ивася! Визьмы жъ
мене до себе! Прыгорны мене! Прыголубъ мене!.. Ни, це не
той! Геть видъ мене—ты не *той*! Геть видъ мене, сатано! Ты
тилько облыччамъ схожий зъ *тымъ*, а душа твоя и сердце ве-
ти! Одійды одъ мене, супостать! На шо ты хресты зъ церковъ
здіймаешъ? На шо ты чоловичу кровъ пьешъ? На шо ты чоло-
виче мясо йисы? Чому ты душу мою въ церкву не пускаешъ?
О—охъ! Душа моя, душа моя, куды-жъ ты одъ мене летышъ?
А! Онъ куды вона, онъ! Пустить мене! пустить на словидъ до
панъ-отця“!..

Такъ безщасна Орыся стоить було у своёму садку та, об-
хопывши рукамы вышеньку, плаче та прычтуе. Сусиды Мак-
сима Витряка и бачилы и чулы те не разъ та й не два, а
тилько не розумили того, до чого воно йшла та ричъ бидолаш-
нои молодыци. „Кровъ збынчувалась,—казалы,— такъ вона
ума тронулась и черезъ теничого не тяме“... Розумила тилько
трохи Вивля Сокирчыха, а найбильшъ розумивъ панычъ Ивася
Краченко.

Лыхо, шо спиткало Орысю, такъ вразыло паныча Ивася
Краченка, шо винъ не выдержавъ... не выдержавъ и захворивъ.

Трохи не мисаць простраждавъ панычъ видъ гарячки и
лелве-ледве не вмеръ... Якъ уставъ винъ зъ лижка писля хво-
робы, то бувъ такий немочій, шо насылу тягавъ ногы по
земли.

Була уже пизня осиння доба. На двори стояла густа-пре-
густа мла и черезъ ту мlu мрачивъ дрибненький дощъ. Старый
Крачокъ бувъ у садку и городывъ тамъ новый тынъ. Панычъ
Ивась выйшовъ тежъ и соби у садокъ, шобъ подывытись, якъ-

то тамъ ёго батько городе тынъ. Прысивши на нызенькому сучку старой вербы, панычъ завивъ балачку зъ батькомъ про те, якъ бы добре було пидсадыты у садокъ молодыхъ деревъ та провесты въ нёму прамисенъки стежечки та ѹе й на весну невелыку пасику завесты.

— Вамъ же жъ це ничего не коштуе, тату, бо у васъ на всяке дерево легка рука: вербу уткнулы, такъ нарбкомъ, абы-якъ, то й росте; яблуню, и та живе.

— Усе зроблю, сынку, усе буде такъ, якъ ты того бажашъ, абы-бъ ты тилько скорійшъ поправляясь одъ своей хворобы та жывый та здоровый бувъ.

Такъ сидыть на сучку панычъ Краченко та й балака зъ своимъ батькомъ, колы це чуе, десь отдали, тамъ ажъ геть на выгони, спивають шось сумне.

— Шо це тамъ, тату, таке?

— Даю спивають „Со святымы упокой“...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? спытавъ панычъ та й пиднявсь зъ сучка на ноги, шобъ подывыться на выгинъ.

Густа мла не давала ёму разглядиты, хто йшовъ за труною мердя. Винъ тилько бачывъ, шо труну неслы зъ церкви прямо на кладовыще и шо за труною йшло чоловика четырип'ять и мижъ нымы неначе-бъ то дыбало шось дуже старе...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? зновъ спытавъ панычъ свого батька.

— Та це... та це... и самъ такы не знаю, хто тамъ та-
кий и есть! видказавъ якосъ такъ нехотя старый Крачокъ.

— Та й мла яка густа, шо й раздывыться не дае! А дай
lyshenъ я выйду по стежци на выгинъ та подывлюсь, шо воно
тамъ таке есть...

— Краще-бъ тоби, сынушу, не ходыть, а то якъ бы ты
не втомыvсь та зновъ не захворивъ...

— Ни, тату, я потыхенъку, та й дальше валу я не пиду.

Панычъ пиднявсь зъ сучка и, пидцыраючись цикомъ, по-
дыбавъ черезъ коворотъ по стежци на выгинъ. Винъ запевне
не дїшовъ до кладовыща, а выйшовъ тилько на выгинъ та й

присивъ тамъ на валу, шо выведенъ бувъ ва прыконеччи вышого горбда Крачка. Ось и зновъ гучно роздавсь въ ёго вухахъ сумний спивъ, а на закинчання голосно пронеслась скрізь по выгону и „Вѣчная память“.. Панычъ пиднявсь въ мисця, знявъ шапку и перехрестывсь: „Упокой, Боже, душу раба твоего“.. Одначе, хто жъ це таکый умеръ?

Такъ стоить панычъ коло валу та самъ себе и пыта, колы ось прямо на нёго иде та сама невелычка кукла людей, шо ховала мерца! Спершу выявывясь изъ мли одынъ чоловикъ, потимъ другий, дали третій, дали... дали... ззаду всіхъ дыбавъ сивый, якъ молоко, згорблений та тремтячий Максимъ Витрякъ и поручъ зъ нымъ шканьбыала стара Маруся Витрячыха...

— Максиме Мыкитовычу, та се жъ ви?! Кого жъ це ви?! скрыкнувъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ та й поточивсь до валу, шобъ не внасты на землю...

Старий Витрякъ замисть видмовы на таке пытання, нешвидко наблизивсь до паныча, нешвидко простягъ до нёго руки, потимъ обхопивъ ёго за шию та такъ і зарыдавъ, положивши свою старечу та сиву голову на ёго плече.. Гирко плаче старий Витрякъ, а ще гирше плаче панычъ.

Насылочку-насылочку одирававъ свого сына одъ Витряка старий Крачокъ и ледве-ледве довивъ ёго зъ выгону до-дому...

Писля такої прыгоды панычъ прохворавъ ще килька день, але молода натура и щырый батьківський та материнський доглядъ одрятувалы ёго и на сей разъ, и черезъ килька тамъ день панычъ уже ходивъ по двору, и по току, и по садку вильно, хочъ на серце ёго налягло вичне и страшненне горе... Тepерь винъ давъ самъ соби зарикъ и самъ соби поклявсь— усю свою миць, усю свою кебету, усе свое жыття посвяты ридному, українско-руському людови, ёго освiti, ёго справи, ёго потребамъ... Ще черезъ килька день панычъ попрощавшись зъ батькомъ та зъ матерью, попрощавшись зъ своимъ засыроти-лимъ садкомъ, гирко оплакавъ могилу безщасной та безталан-ної Орыси и, взвавши грудку земли зъ іи могилы, подавсь у городъ до науки. .

ХVII.

Одна тешеръ, одна-едына зосталась надія у старого Максима Мыкютовыча Витряка,—на останнѣго сына Павлуся. Це у нѣго бувъ хотъ и менъчый одъ усихъ, але найрозумнійшій изъ усихъ сывивъ сынъ. До того жъ винъ бувъ великий пысъмакъ и чытавъ та пысавъ такъ, якъ никто у всѣму сели. Не вжывавъ винъ ни горилки, ни тютюну; не блукавъ винъ зъ хлонцамы вочной добы по завгороддахъ, а на вулыцю до дивчатъ такъ и не кахы, шобъ колы пишовъ; не любывъ винъ и гроды, бильшъ любывъ село, а надъ усёго любывъ чытаты книжкы, а зъ усихъ книжокъ найвышъ поважавъ святе пысьмо.

— Бабо, бабо! Чы довго вы будете лежаты та пабиратысь духу на печи? Тешеръ же, кажутъ люде, лито! Злизлы бъ зъ печи та пишли бъ до церкви.

— Пора, кажешъ, умерты? Эге, трясця твоёму батькови въ печинки!

— Та ни, за шо вы лаетесь? Я кажу, пишли бъ до церкви! Тамечки менъчый сынъ Витряка, Павлусь, та онъ якъ чыта на крыласахъ! Вывчывсь пысъменства, и такой зъ ёго грамотій, шо куды тамъ и нашому паламарю нечытайлу—Будяку.

Такъ кричавъ глухій та старенній баби Дудукальци, шо перейшла уже на девяносты рикъ, іи правнукъ Демко Дудукальчёнко.

— Кажешъ, Павлусь Витряченко вывчывсь мошенства?

— Оце ще лыхо! Глуха, мовъ справди тоби та тетера! Вывчывсь, кажу, пысъменства!

— Эге, пысъмечства! А хиба те пысъменство та не доведе до мошенства? Кому и якъ воно пиде въ руку. Инчому на похытокъ, а инчому на загынокъ!... Нехай слуха ёго великорозумный Витрякъ, то, може, дизна, шо воно есть той справжній пысъмакъ...

Але самому Максиму Витряку байдуже було до того, шо плескала тамъ стара баба Дудукалка. Теперъ давне та святе ба-

жання ёго збулось—бачыты хочъ одного изъ сынивъ своихъ пысъменнымъ. Теперь уже старый Витрякъ не то що кожне свято, а и кожный вечиръ будня, писля скінчання роботы, мигъ слухать, якъ ёго Павлусь, росклавши быблю, чыта то про праведного Іова, то про царя Давыда, то про пророка Исаю, то про побожного Лазаря. Старый такъ и впывається у своего сына та все слуха слова Божого, та все набирается разуму, неначе та дирчаста губка, укынута у воду. Чытають сынъ та батько святе пысьмо та тутъ же й пытають одынъ одного, тутъ же й подиляются своими мыслями. Инколы прысаде коло Шавлуся и стара Маруся тежъ послухаты святе пысьмо; слуха вона та хыта головою та иноди и силакне, якъ почue шо-небудь дуже вразлыве.

Такъ-то доживавъ свои останни дни старый Максымъ Витрякъ зъ найменьчымъ сыномъ своимъ Шавлусемъ. Часто згадувавъ винъ и про старшихъ своихъ сынивъ, и про бидолашну дочку Орысю; згадувавъ, молывся за впокой ихъ душъ и тутъ же невыпно плакавъ старечымы слизмы. Зъ тымт, може бъ, и скінчывъ Максымъ Витрякъ свое важке та гирке жыття, маючи утиху въ найменьчимъ сыни своимъ. Такъ ни жъ, прокляте лыхо, неначе та вайдлыва миль, якъ уже уйистся въ що, то вже буде ёго точты, буде ёго нивечыть, ажъ покы усёго не поточе и не понивече...

Зъ давныхъ давень село Суныцивка була дёржавою панивъ Голованивъ. Колысь ти паны булы и дуже багати, и дуже славетни, такъ шо ихъ знали не тилько на Слобожанщыни, але й далеко за Слобожанщиною, ажъ тамечки десь у Рассѣи, пидъ самою Москвою. Жылы ти паны, якъ звычайно жыты панамъ, дуже гучно и бучно; тилько докы у ихъ булы крепакы, доты воны не знали ни биды, ни горя; а якъ те крепацтво було скасовано, то хутко прыйшовъ винець и Голованивъ. Останній панъ крепацтва, Иванъ Мытровычъ Голованъ, маючи повсигда нужду въ грошихъ, швидко писля воли почавъ продаваты свою земельку усякымъ охочымъ до неи людцямъ. Спершу винъ іи збудавъ невельчымы клаптамы,—то тамъ Грыцкови Драпчаку, шо бувъ колысь у нёго за старосту, то тамъ батюща Горобцю; а то вже,

якъ признавъ винъ, шо земля — це одна тилько рахуба для пана, надумавъ продаты іи усю цилкомъ, и продаты не мужыкамъ, а нимцамъ — колонистамъ, черезъ те, шо нимци и дорожче платять, и грошики уси одразу виддають. А це саме найлюбійше дило: грошики черконувъ, та й сюды, якъ той король, не думаючи ни про те, чы буде у тебе, чы не буде урожай, ни про те, чы стане ча хлібъ цина, чы не стане.

Якъ надумавъ панъ Головань, такъ и зробывъ, и ось скоро — недовго, замість русскаго пана, оселывъсь у Суныцивци якийсь тамъ нимець Нейхвельдъ, нимецькои вири.

Гай, гай, шо то воно теперъ у настъ ва Вкраини й повстало? Де воно теперъ у Бога те й панство наше поділось? Якъ було крепацтво, то було й панство, а якъ те крепацтво увирвалось, то все, шо у панивъ було, такъ заразъ и загуло. Та ще жъ такы, покиль стари жылы, дотиль хочь земелька у панивъ була. А то вже, якъ старыхъ не стало, то... Э, шо й казаты! Шо батькы збиралы, то диты прогулялыш... Хутко теперъ піймають усю землю мужыки та нимци!... Страшна, братця, сила ти нимци! Багато и славно живуть воны у настъ, на Вкраини. Усе то народъ зрослый та здоровый, а на морди брытый та червоный, якъ мисядь на витеръ. Жинки у ихъ, хочь и сухи якъ гыляки, а якъ понадивають на себе платтивъ та кохочуть, та якъ понакгукгошуются, такъ таки зъ ныхъ рахмани выйдутъ, якъ не знать-шо,—дарма, шо инча якъ разберется, неначе чапля на болоти стане... Э, дуже заміжный народъ ти нимци! Усёго у ихъ и въ-достачъ, и вдосыть: худобы тієи, чы товару, чы коней, чы овечатъ,—такъ такого, якъ ракивъ вареныхъ у видри, та все те дуже, та высоке, та гладке, та здорове. У хозяйства у ихъ скризь и доглядъ и порядокъ; хліборобна справа у ихъ и прыдатна, и добренна, и згидна, та й наймытамъ у ныхъ не погане жыття: наймытъ у нимця хочь и добре робе, такъ зате жъ ийисть добре,—тежъ саме и за тымъ же столомъ, шо йидать та пьють и сами нимци — хазяині. Та й обертається нимець до наймыта не по-звиричому, а по-людському: усе таєь тыхо та смирно та

зрозумливо. Того-жъ то такъ охоче идѣ до тыхъ нимцівъ у наймыты нашъ братчыкъ, селянський людъ. Уже у того нимця хочъ и наробиша добре, такъ за-тежъ и одийсися добре та й грошики визьмешъ добри, бо винъ повсигда куды бильшъ плате, нижъ нашъ панъ.

Тымъ-то такъ посунулы и сунычане до тыхъ нимцівъ: хто у наймыты, а хто зъ тымъ, шобъ побачыты, яка у ихъ справа, яка худоба, яки порядки, яка поведенція. Частенько заходывъ до ихъ и Павлусь Витряченко: одно те, шо винъ цикавыся життямъ нимцівъ; друге те, шо винъ николы корыстувався де-якою справою ихъ: то бравъ тамъ віялку, або плуга, то позычавъ тамъ гармана, штандарынъ, або букаря; а третє те, шо нимци осились недалечко одъ Витряківъ, тилько шо черезъ дорогу, по ныжчій перей села.

Частенько буваючи у нимцівъ, Павлусь Витряченко ставъ прыдывляться до ихъ життя и до всiem ихъ поведенція. Дуже цикавило ёго дознаты, якъ вони живуть, чымъ вони дышуть, чымъ радіють, въ шо вони вирують и якъ саме вирують.

Дивно ёму було те, шо у ихъ ни попивъ, ни дяківъ, ни церковъ не було, а одначе уси вони жили и по правди, и по божому: ничего и ни въ кого не чипали, ничымъ и николы одынъ одного не обижали, ніякими и николы не займались погаными диламъ.

Уже пройшло бильше року, якъ нимци Нейхвельды осились у Сумицівці. Невелыке те уремья—рікъ, а тилько велыка змина почувалась у сели. Де-хто изъ простого люду ставъ виявляти таки мысли про ризни людськи справы та про супсильне життя, яки допрежъ того и въ голови не помищались ни въ кого...

Старому Максиму Витряку давно вже було не до вподобы те, шо ёго Цавлусь учащае до нимцівъ. Давно уже не чує винъ свого чытача, шо було чытае и пидъ свято и въ саме свято божественну книжку: теперъ то ёму дуже заниколылось, то ёго нема дома, то винъ десь загубывъ книжку свою та віякъ не знайде ін...

— Слухай сюды, сынку, шо я тоби хочу сказать! якось обернувшись старый Витрякъ до своего Павлуся.

— А шо, тату?

— А отъ шо: ты уже, хвалыты Бога, теперь хлопецъ на пори, такъ тоби часъ вже подуматы и про те, шобъ... Мы эъ твою матирю не только шо стари, а вже ветхи люде, такъ часъ тоби, сынушу, погадаты и про те, шобъ одружытысь... У тебе яка про це думка?

— Та шо жъ, тату? Воно шо такъ, то такъ, а только...

— А только шо?

— А только те, чы до мысли буде мени моя дружына?

— Треба браты таку, шобъ була до мысли...

— А де жъ таку взять?

— Отъ яка турбота? Якъ уже такъ казаты, то цёго цвitu по всёму свиту.

— А воно-жъ, тату, и такъ можна казать: не женывся — веселывся, оженывся та й пропавъ.

— Боронь, Боже! На юшко жъ тоди й женытысь, якъ пропадаты?

— А хиба эъ нашымы жинкамы та эъ нашымъ законъ неможна пропасты? У насъ чоловикъ за поригъ, а жинка за пыригъ... У насъ, тату, не те, шо у нимцивъ; у ихъ и жинки слухнянійшъ, нижъ у насъ, и законъ легше, нижъ нашъ, якъ шо чоловикъ захотивъ бы эъ недоброю жинкою розйтись; та й обряду того нема, який у насъ на шлюби бува... А шо вже у насъ писля весилля робытса, якъ бабы почнуть усяку нисенытыню прыспивувать, такъ одно стыдовья та й годи... У нимцивъ ничего такого овси не поводытса.

— То нимци, сынушу! Нехай воны по своёму и шлюбъ свій спрвлають, а мы будемъ по своёму спрвлять. Не намы воно заведено, не намы й выведется. Мы зродѣ-вику православной виры, и намъ нимци эъ ихъ вирою не вказъ.

— А хиба, тату, якъ нимецька вира, такъ то уже й не вира?

— Ни, воно усяка вира есть вира, а тилько до чужои виры намъ дила ніякого нема... Я не про те кажу,—я тилько кажу про те, шо мы повынни своеи виры держатыся, а нимци своеи,—отъ про шо!... Та й не съ цёго у насть балачка почалась.. Чому ось тоби не дивка Докійка Семененкова?

— Дивка, тату, якъ дивка, а тилько... Тату! Я буду вамъ вично служыты и за робитныка, и за куховарку, а тилько вы мене не невольте на таке дило!...

— Та Богъ зъ тобою, сыну! Я й не думаю тебе неволыты! Я тилько про те, шо й лита твои таки, и старисть наша така, шо давно вже велить тоби сповыты законъ... Шо жъ мы называемось и за родытели, шобъ не думаты про щастя своихъ дитет?...

— Въ закони, тату, сказано: „Могій вмѣстити да вмѣститъ“.

— Въ закони, сынку, и такъ сказано, шо Богъ благословля чоловика множытысь и володиты усією землею... Ну, та Господь зъ тобою! Неволыты чоловика—велький грихъ... Охъ, Орысю, Орысю, донечко моя коханая! Нехай же надъ тобою земля не-ромъ лежыть!.. Якъ надумашся, сынку, гарненько, то тоди и сповышъ законъ, а теперъ бороны тебе Боже одъ усякого гриха!..

И зновъ Павлусь Витряченко гуля нежоватымъ, и зновъ винъ тилько шо не що дня загляда до нимцивъ. Нимци повсигда ласкаво стричають ёго, повсигда ввичльво витають, а якъ лу-чытса иноди Павлусеви зайты до пыхъ въ обедню пору, то воны и посадовлять ёго за стиль и назвутся ёму услкою стравою. Тутечка, за йижою,—а йисты нимци не овси спишать,—тутечка воны ведуть размову про божественни дила та про свитови справы, а писла йижы и не молются и не хрystятся, та й хрестыться у ихъ нема ва що, бо й богивъ овси нема... Одначе, и якъ си-дять воны за столомъ, и якъ устають, то все роблять и чынно, и порядлыво, и звычайно. Чы прыйде Павлусь до нимцивъ у будень, чы прыйде у недилю, а все у ихъ одынъ порядокъ, тилько шо у недилю воны не роблять ніякои роботы, и чытають еван-

гёлію и чытаютъ кожный по порядку, и тутъ же кожный, хто чымъ цікавытса, пыта про те другого, и якъ другой не зна того, пыта третёго... Та й не одно святе пысьмо цікавыть нимцівъ: воны чытають и рижни часописи, черезъ шо знаютъ не тилько те, шо робытса у руському царстви, але й те, шо діется у другихъ царствахъ та князивствахъ. И въ свято нимци усе жъ такы жывуть по-божому: ни сваркы, ни бійкы, ни блуда, ни піачства.

Пильно дogleдываясь до всёго того Павлусь Витряченко и, самъ не хотачы того, робывъ поривняння жыття нимцівъ до жыття своихъ селянъ: у цилому сели не знайдется ни жодного такого симейства, и заміжлывого, и порядлывого, и непытушого та й такъ освиченого, якъ симейство нимца Нейхвельда. А шо? Може, зъ Нейхвельдомъ поривняется суныцівський пипъ, або суныцівськи дякы? Эге-жъ! Не про те воны й думають, не про те воны й балакаютъ, та не такъ воны й роблять...

— Знаете, тату, шо я надумавъ?

— Ни, сынашу, не знаю!

— Я хочу заняться по столярській часты! Вы, тату, того ч не подумаете, якій майстеровыи чоловикъ меньчый сынъ старого Нейхвельда, Якубъ?

— Та й не подумавъ такы!

— Эге жъ, а винъ добре столяруе!.. Такъ я оце хочу дечого навч�тысь у нёго...

— А шо жъ? Це добра ричъ! Рукомесло за плечыма не носіть...

— Такъ я хочу, тату, шобъ у себе и майстерню зробыть и шобъ не я до нёго, до Якуба, а винъ до мене инколы заходыў.

— А де-жъ ты ту майстерню зробыши?

— У старій хаги,—не де! Треба тилько іи прыбрать задля того, та, шо замышне, вынести геть.

Отъ и почавъ Павлусь прыбираты стару хату. Спершу всёго вынисъ винъ зъ неи богы и почепывъ ихъ у новій хати.

А дали... а дали винъ и не знайшовъ, шо бильше прыбирать.
Постановывъ невельзкій верстакъ та й край...

И почавъ ходить до Павлуся, бильше всѣго надъ вечоры, молодшій сынъ Нейхельда, Якубъ. Працюють воны тамъ у двохъ и балачку ведуть промижъ собою та все бильше зъ пысьма. Спершу Павлусь обертається до Якуба по-украинському, а дали навчывсѧ балакать и по-німецькому; спершу, якъ кажуть тамъ, черезъ п'яте—десяте, а потімъ уже такъ, шо й овси добре.. Инколы зайде було у майстерню і старий Максимъ Витрякъ; зайде, подзытисѧ на працю Якуба та Павлуся и похвале ихъ обохъ; а воны промижъ собою усе по-німецькому, усе по-німецькому цвенькають, та такъ, шо старий слуха-слуха, а дали пиднимется зъ мисця та й пиде соби геть, дывуючись, який-то у вѣго цікавий сынъ, шо й ремесло швидко перенявъ и мовы німецької хутко навчывсѧ: „Гм., якъ бы я єго бувъ у науку мигъ виддатъ,—зъ нѣго бувъ бы чоловикъ... Онъ якъ винъ по-німецькому! Не то, шо я, гришни чоловикъ, шо ни бе, ни ме, ни кукурику, а винъ онъ якъ!..

Навчавсь Павлусь и рукомесла, и мовы, и де-чого інчого, а толькo вже одъ свого рідного русько-украинського, де дали, тымъ бильше видхылявсь; и одягатисѧ почавъ уже не такъ, якъ справжні селяне, и волосся почавъ інакше підстригать, та й ходыти неначе почавъ не такъ, якъ звичайно ходять українськи парубки...

Та й не одынъ Павлусь Витряченко переймавъ де-що одъ нимця Якуба. Зразу якъ видкрывъ Павлусь у себе майстерню, то прыйде було до нѣго чы одынъ, чы другий парубокъ, подзытисѧ та швидко й назадъ; а потімъ, де дали—все бильше та бильше, и швидко почали ходыти парубки разъ-по-разъ до майстерні Павлуся и почали переймати и соби усе німецьке. Увійде оце парубокъ у хату, стане на порози, підниме въ гору руку, шобъ перехреститисѧ на образы, та заразъ же, не ба-чучы въ хати ни жодного образа, и руку свою долу опусте. Спершу це дуже подзыя новака, а потімъ, що дали, то бильш привыкає винъ до того, и вже у нѣго і бажання того нема,

шобъ, увійшовши въ хату, пидвесты въ гору руку та перехресты сюбі лоба, якъ воно поводытся у православныхъ христіянъ, и тоди вже витаты господаря на „добрый-день“... И це хлопци, які цікавиши, тежъ швидко нальчаются балакаты по-німецькому и тежъ швидко переймають у нимца и одежду и усікви звычай, а свое рідне хають и забувають.

Такъ усю зиму и протоварышувавъ Павлусь Вітраченко зъ Якубомъ Нейхвельдомъ, и уже якъ пройшла зима та наставъ великий пістъ, то тутъ уже треба було Павлусеви подумати про інше що.

— А що, синашу, колы у тебе думка говить?

— Та я, тату, ще й не думавъ про те!

— Эге, ты не думавъ, а я вже давно думаю: я говитыму такъ що на першимъ тиждни, а ты вже на другимъ.

— Та тамъ, тату, якъ выпаде: чы на першимъ тиждни, чы, може, на третимъ.. А колы, тату, будемъ быты симъя на олію?

— А колы? Треба, мабуть, на другимъ тиждни, синку.

— Такъ якъ же жъ це, тату? Зъ тымъ же сім'ямъ треба буде йихаты ажъ у Лыпци, бо у насъ, у Суныцивци, и олійници ни въ кого нема?

— Та такъ що, мабуть, треба буде йихаты ажъ у Лыпци.

— И це жъ, тату, дило таке, що ёго за день, або за два не вхопишъ у руки.

— Шо такъ, то такъ!

— Такъ я, знаете, тату, що зроблю?

— А що ты зробишъ, синку?

— Цойиду у Лыпци, тамъ симъя зибью, тамъ же, у базари, и залышокъ олії продамъ, тамъ же, якъ нагодыться хто, и ма-кухи збуду, та тамъ же жъ такы и одговіюсь, бо въ тихъ Лыпцяхъ, якъ самы, тату, знаете, ажъ три церкви.

— Ну, що жъ? говій и въ Лыпцяхъ! Тамъ хочъ у тій церкви, де батюшкою Ілья Билякъ,— у него и одговіється соби зъ Богомъ.

Ото пройшовъ першый тыхдень, наступывъ и другий, и Павлусь Витряченко посунувсь у Лыпци зъ симъямъ. Збувъ винъ тамечки симя, продавъ олію, попродавъ макухы, узявъ за все те добри гроши та й зъ тымъ и до-дому, а про говиння неначе й забувъ...

— Ну, шо? Якъ тамъ тоби, сынашу, трапылось у Лыпцихъ?

— А, ничего, тату,—усе було добрѣ!

— А говивъ ты?

— Гм!.. А якъ же!

— Ну, поздоровляю тебе!

— Спасы... гм!.. спасыби вамъ, таточку!.. А шо жъ це не выдко на двори нашого пивня?.. то пакъ: де жъ це наша маты, шо ихъ не выдко?

— Та шось не здужає: якъ лягла на пичъ, та й доси и зъ хаты ніякъ не вишаєбає.

— А я имъ ось платокъ чорный купивъ...

— Добре, сынашу, робышъ, шо матери не забуваешъ—Господь и тебе не забуде.

— А вамъ, тату, шапку нову купивъ.

— Э, сынку, мени вже пора свичку про смерть носыть, а не то що шапку нову...

— Богъ зъ самы, тату, шо це вы говорите?..

...И впять Павлусь засивъ у свой майстерни и впять до него почавъ учащать Якубъ, а де-колы, то й Павлусь пиде до Якуба. И якъ прыйде Павлусь до Якуба, то вже вивъ тамъ неначе справди свій чоловицъ: и балака по-нимецькому, и чыта зъ нимцамы нимецьку евангелію, и йисть зъ нимцамы, те-жъ same, шо й воны йидять, и такъ усе робыть, неначе винъ и родывсь, и хрестывсь, и зрись умисти зъ нимцамы, и неначе винъ овси и не зневъ ни свого уставу, ни своеї дидивської виры, ни своеї української справы...

XVIII.

Одначе и на сей разъ недовго товарышувалы Павлусь Витряченко та Якубъ Нейхвельдъ; ось незабаромъ прыйшла страстьна недиля. Тутъ уже старый Витрякъ та стара Витрячыха що-дня почали ходить до церкви, а Павлусеви усе якось выпадало або дома, по хазайству клопотаты, або до млына швиденько побигты, або до кузни пойихаты. Тилько инколы, у-ряды-годы, винъ зберется та заяве батькови, шо нибы-бъ то тамъ иде до плащаныци, а самъ замисть того опынится у пимцивъ...

Осъ наставъ и Великденъ. Павлусь и тутъ пидвивъ такъ, шобъ ёму зоставатись дома, а старымъ иты до церкви, бо боронъ Боже якои прыгоды, або якои напасты злодіивъ, шо пидъ такій день часто крадуть у добрыхъ людей кони, то де жъ тамъ старымъ справыться зъ тымъ?... Стари, запевнени цымъ, такъ и ришилы—самымъ иты до церкви, а Павлусеви зоставатись дома.

Боже, Боже, якъ-то радисно и якъ-то весело зробилось на души у Максима Витряка, якъ винъ увійшовъ у церкву та почувъ, шо и у вивтари и на крыласахъ заспивали „Христосъ воскресъ!..“ И никблы-жъ такы, николы, скілько памътувавъ самъ себе Витрякъ, не почувавъ винъ въ соби такого духовного веселія, якъ у цей самый Великденъ!. Стоить винъ у церкви и неваче бъ то винъ не въ церкви, а десь ажъ на самыхъ небесахъ и чуе винъ спивы не людей, а самыхъ божыхъ янголівъ, шо витаютъ увесь земный людъ великомъ витаннімъ „Христосъ воскресъ!..“ Стоить винъ и не чуе пидъ собою нигъ, не чуе за плечыма своимы старости, не чуе у кисткахъ своихъ ныттї ніакого, а чуе тилько, шо у нѣго течуть изъ очей скризы, и по щокахъ, и по бороди, радисни слёзы, а самы вуста ёго шепочутъ радисни для всѣго миру слова „Христосъ воскресъ!..“

Осъ божественна служба скинчилась, и тутъ уси люде почали мижъ собою христосуватись. У такій великий день у церкви було повисенько народу. Кожий чоловикъ обходывъ

церкву и христосувавсь зъ другымъ. Обійшовъ усихъ и старый Витрякъ. Тамъ сей, тамъ той, та кожного витае Витрякъ, зъ кожнымъ трычи цилується и миняється пысанкамы. Багато побачывъ винъ тутъ и старыхъ дидивъ, и старыхъ бабивъ, и середнихъ літъ дядькивъ; тилько молодыхъ хлопцивъ шось мало за прымитивъ у церкви Витрякъ,—отъ хочъ бы й тыхъ, шо ходылы усю заму до нёго у майстерню... Мабуть, дезки на цвынтарі, а де-яки стережутъ домивку, такъ якъ и ёго сынъ Павлусь...

Радисно старый Максымъ Витрякъ и стара Маруся Витрячыха вернуłyсь зъ церкви до-дому; радисно силы воны й за стилъ. Уже тутъ, сидючи за столомъ, якъ згадалы воны про трёхъ старшихъ сынивъ своихъ та про бидолашну дочку Орысю, зробилось имъ даже тяжко на серци. Не сказали воны про це одынъ одному ни словечка, а тилько поглянулы одынъ на одного, и у обохъ нарънулы слёзы на старечыхъ очахъ... За те жъ ще дороже здававсь имъ теперъ останній ихъ сынъ Павлусь... Писля розговинна стари звичайно видпочыли трохи, а потімъ стали прыбіратись, шобъ зустріти батюшку зъ дякамы, шо ходылы по хатахъ зъ хрестомъ.

Уже батюшкы обійшли усю ныжчу перею села, уже завернулы воны одъ Жабокрюковки и на выщу; ось уже набліжылысь воны и до хаты Максима Витряка. Старый Максымъ Витрякъ уже давно выйшовъ за ворота и давно стоить безъ шапкы, дожыдаючи батюшку зъ дякамы. И якъ тилько батюшка выйшовъ изъ двора сусида Витряка, Максымъ Мыкитовычъ уже й пазустричъ ёму: пидійшовъ до нёго пидъ благословеніе и мерцій повивъ ёго до господы. Въ хати батюшку стрила стара Маруся Витрячыха и за нею Павлусь. Стара тежъ пидійшла пидъ благословеніе до батюшкы и дала дорогу Павлусеви. А Павлусь стоить середъ хаты и не зъ мисця,—неначе укопаный у землю. Батюшка самъ пидійшовъ до Павлуся и поблагословивъ ёго, а Павлусь, одхильнувшись назадъ, зробивъсъ близдій-бліздій, мовъ та крейда. Старый Витрякъ пыльно поглянувъ на свого сына, ціякъ ме зрозуміочы, шо таке зробилось зъ нимъ.

— Мабуть, прытомыvсь чerezъ службу на Велыкденъ та й доси кўняе! зауважывъ батюшку, обертаючысь до старого Витряка.

— Та то вже такъ, —выбачайте, батюшечка! Тepерь молдяжъ уся така хыра.

Батюшку не звернувъ велыкои увагы на вчынокъ Павлуся, та й вйколы такы ёму було звертать, бо тра було ще чымало двоりвъ обійти, а тамъ ще й до вечерни иты. Одначе, якъ тилько батюшку выйшовъ за ворота, то старый Витрякъ, вернувшись у хату, заразъ же и приступывъ до Павлуся.

— Шо це зъ тобою сталось, Павлусь?

— А шо таке?

— А те, шо ты не хотивъ до батюшки пидъ благословення пидійти?

— Не хочу я пидходить до нёго пидъ благословення!

— Якъ це такъ? Шо це ты? У своимъ ты розуми?

— У своимъ, тату!

— Такъ шо жъ це ты?

— А шо жъ винъ таке, шо до нёго треба прыкладатыс?

— Якъ шо таке? Хиба ты не знаешь? Винъ же духовный пастырь нашъ!

— Духовни пастыри не повышни такъ робыты, якъ вони роблять!

— А якъ же винъ робе?

— Такъ робе, шо... Якъ винъ у насъ одивецъ, то и повышенъ жыты одивцемъ, а винъ... Ну та я не хочу ёго судыты, а тилько такъ не можна робыты. Та хиба вы цёго самы не знаете?

— Э, сынку, сынку, то вже ёго грихъ, и за те винъ самъ дастъ видповидь Богови, а наше дило усе-жъ, такы чтыть ёго, яко намисныка Христовога на земли.

— Ни, тату, ни!.. Я на це незгоденъ, и моя душа не мырится зъ нымъ!.. Якъ же винъ буде сповидать человека зъ такимъ же грихомъ, який на нёму самому есть? И яке винъ дастъ наставлениe чоловикови, колы самъ ще гришинійшъ одъ

ёго?.. Це у насъ не пипъ, а одынъ грихъ тай годи! Чого винъ тилко не выробля на сповиди? Який чоловикъ не дастъ ёму копійки за сповидь, то винъ схопится зъ ослиндя, пійма чоловика за грудки та на юсю церкву и кричить; „Давай копійку! Давай мени копійку за сповидь“!.. И хочъ бы вже бувъ читака, або спивака, якъ слидъ, а то якъ выйде на середъ церкви книгу читать, то мовъ каменюку грызе,—нихто ёго й не разбере: двадцять годъ служе, а й доси, якъ слидъ, не наломивсь. Вы ондечки, тату, казалы ще мени, шобъ я говивъ у Лыпцяхъ у Ильи Биляка, а чи вы жъ знаете, шо той Илья выробля? Э, та шо тамъ и казать.

— Не вси жъ, сынку, таки, якъ Илья Билякъ. А чомъ тоби не пастырь ось хочъ пысарянський батюшко Колчановський, або покровчанський Ващынський?

— Такъ на цихъ же двохъ пастыривъ, шо вы кажете, тату, та двисти два інчыхъ, такихъ шо про ихъ якъ розскказати тилько половыну того, шо воны выробляють, то ніхто й не повире...

— Охъ знаю, сынку, знаю! Знаю бильшъ, нижъ ты знаешъ, а все жъ таки нехай воны будуть ще въ десятеро гришнішъ, а не намъ ихъ судить: воны мають власть одъ Бога надъ нашою совистю и надъ нашою душою.

— Хто, тату, має власть? Та ни одынъ чоловикъ не має власти надъ нашою совистю и надъ нашою душою, окримъ насъ самихъ!

— Шо це ты говорышъ, сынку? Цёго я одъ тебе зъ родавику нечувъ! А то бъ то ты супроти духовництва, чы шо?

— А хочъ бы, тату, и такъ?

— А якъ же жъ то такъ? Уже жъ безъ духовництва неможна на свити жыть! Отъ хочъ, наорыкладъ, говиты, то тутъ уже-жъ треба ити до духовника? Ты жъ якъ бувъ у Лыпцяхъ, то ходывъ же говитъ?

— Тату, грихъ у мене великий передъ вами на души! Я... я, тату, я... не говивъ... Я обманювавъ васъ... и це страшенно

мучыло мене... Тилько я ніякъ не мигъ насымытысь, шобъ сказаты вамъ про це... Це мій великий, страшный передъ вами грихъ... Я зъ родѣ-вику николы и ни въ чому не обманювасть, а тутечки... тутъ я передъ вами согришывъ...

Якъ бы передъ старымъ Максымомъ Витрякомъ вментъ блеснула огняна бlyскавыци и вментъ громнувъ зъ неба великий громъ, або якъ бы передъ нымъ одразу провадилася и загула земля, то винъ, здаецца, меньче бъ здывувавсь и меньче злякавсь, нижъ теперъ одъ такихъ словъ Павлуся... Витрякъ ажъ килька хвылынъ простоявъ нерухомо, мовъ скамъянлый... и все дывывсь на Павлуся, широко расплюсцывши очи... Уже потимъ, черезъ килька хвылынъ зъ-перегодомъ, Максымъ Витрякъ, на сылу та на превелыку сылу поборовши себе, гризно спытавъ своего сына:

— Такъ шо жъ ты таке есть? Чы ты злодій, чы ты катъ, шо видцуравесь видъ батька, видъ матери та видъ усієи ридни?

— За шо жъ вы мене, тату, такъ вражаете? Злодій, тату, не таки буваютъ! Хиба той, хто не взывається горилкою, не хапа поганого зилля та не паскуде имъ своеи души, хто не краде чужого добра, та не верзе скверныхъ словъ, хиба, тату, той, хто не гришыть проты сёмои заповиди, и овси ще не зна ѡёго гриха, хто любе и батька и матиръ свою, хто не бажа зла другому чоловику, хиба, тату, той злодій, або катъ?

— Такъ шо жъ ты таке есть?

— Я, тату, я... справжній хрыстіаны!

— Який же ты хрыстіанынъ и яка у тебе вира? Чы не така, якъ у нимцивъ, шо оде коло нась жывутъ?

— А хочъ бы й така?

— А!.. Такъ отъ шо! Це бъ то ты прыставъ до штунды-стивъ! Такъ отъ чого ты учащавъ до нимцивъ! Це нимци и прызвелы тутъ усю штунду!..

— Та вы шо-жъ думаете, тату, про штунду? Шо таке, по вашому, есть штундыста? Вы обдерить ёму шкуру, усе чисто, то винъ вамъ ничего не скаже, скаже тильки: „Богъ зъ тобою“! Отъ то и есть штундыста! Вы думаете, якъ штундыста, то винъ

й уже ледацый чоловикъ? А ни въ кого нема такои силы празныківъ, якъ у церковныківъ: вони и выгадують ихъ за-для того, абы бъ тильки поменьче робить. Штундыста тильки й празныкуе, шо на Риздво та на Велыкденъ та въ недилю кожного тыждня. У церковныківъ празныки та посты—та и вся вира. А на вищо ти посты? Це даремна выгадка супроты слова Божого, шо каже: „не входящее въ уста сквернить чоловика, а исходящее изъ устъ“. У штундыстивъ и цѣго нема. Я жъ вамъ кажу, шо вира штундысты,—то и есть справжняя вира.

— У шо жъ ты вируешъ, колы ты справжній христіянинъ? Яка твоя вира? У Христа ты вируешъ, шо винъ есть сынъ Божій, шо винъ родивсь, страждавъ, умеръ и воскресъ на спасеніе людей? У церкву святу православну ты вируешъ?

-- У Христа я вирую, шо винъ воскресъ божествомъ, а не тиломъ,—тило ёго таке-жъ тлінне, якъ и тило другихъ людей. Я вирую, шо Христось есть любовъ, шо винъ заповидалъ намъ не грабуваты, житы прыязно, подилятысь своимъ добромъ, не видомщаты зломъ за зло, прощаты ворогамъ, покирно переносыты усяку уразку, не важытысь на землю бильшъ того, скильки іи треба за-для насушнаго життя, цуратысь роскошивъ та памятаты те, шо багацтво та сыла роблять зъ чоловика раба страстей, а не справжнёго христіянина. Отъ у якого Христа я вирую!.. У церкву рукотворну, зроблену руками чоловика, я не вирю. Церква—два, три чоловики, и Христось зъ нымъ,—то й церква. „Аще гдѣ двое или троє глаголють во имя мое, Азъ тамъ пребываю!..“ Церква повинна буть у серци кожного чоловика,—отъ де церква!

— Отъ така твоя вира! А то, шо въ церкви—образы, хорогвы и друге, ты признаешъ за святе?

— Тату! Прывнаваты образы за святе, це, по моёму, прямо супроты пысанія и древнёго и нового завиту: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія на земли!..“ Шо тымъ образамъ молытысь, якъ вони тижь дошки и тыхъ же гришныхъ людей? Якъ вони и глухи и слипи очыма? Якъ вони и не бацуть, и не

чують, и не розуміють ничего? Такъ яку жъ вони можуть помичъ податы чоловикови?

— Такъ онъ яка твоя вира!.. Боже, Боже, шо це я чую! И це май синъ таке говоре?.. А въ святе хрещеніе вируешъ?

— У хрещеніе, те, якимъ поши малу дытыну хрестять, не вирую! Пипъ хрестыть, абы тилько гроши братъ,—я й самъ охрестю и мення дамъ, якъ и винъ. То не есть хрещеніе. Хрещеніе есть то, колы чоловикъ на зрості, якъ и самъ Христосъ, прынародно поминутся щырымъ словомъ жыты та робыты такъ, якъ повеливъ Христосъ. А не хочешъ робыты пры людяхъ, не робы й того, бо то тилько одынъ обрядъ и не въ ёму головна сила: треба хрестытысь жывою, а не мертвово водою, про яку нагадувавъ Христосъ коло колодезя самарянци. Ото то и есть справжне хрещеніе!

— А якъ же знамено Христово? Жывы до зросту и не клады на себе знамено?

— А на шо жъ ёго, те знаменд, на себе класты? Вони есть спомынъ тыхъ мукъ та тієи шыбеныци, на якій розипьялы Христа! Такымъ знаменомъ люде тилько вражаютъ Христа у сердце, якъ кладуть ёго на себе.

— Господы праведный, шо це я чую?.. А якъ же спивидь? а якъ же прычастя?

— А шо сповидь? У рукотворну церкву я сповидатись не пиду! Я дамъ спсвидь Богу духомъ, мыслямы та зариканнямъ, шо бильшъ не буду творыты злыхъ дилъ, якъ равійшъ того творыў. У насъ есть одынъ надъ усими Отецъ на небесахъ,—Ёму и сповидай свои грихи, а не попови, бо пипъ таіій же гришны чоловикъ, якъ и вси. Тутъ ни церква, ни пипъ ничего не запоможуть, якъ я самъ не окаюсь въ грихахъ... Не запоможе церква и тоди, якъ я пиду прычащаться до неи. Прычащаться въ Христомъ можна тилько духомъ, добрымы диламы та праведнымъ жыттамъ. А якъ схочешъ весты беселу про божи дила, прызвы до себе въ хату, а не въ церкву, двохъ, чы трохъ чоловикъ, посадовы ихъ за стиль, разломы хлибъ на пшматки и роздай братію. Такъ робыты Христосъ. Робы и ты такъ. А не

хочешъ—и цѣго не робы: переломляй духовный хлібъ та имъ и насыщайсь, щобъ у тебе слово не видризнялось видъ дилъ.

— Мати божа! И ты звешся справжнімъ хрыстіяномъ? И ты думаешьъ, шо зъ такимъ чоловикомъ, якъ ты, стає на шлюби чиста та безвина дивоча душа?

— А на по мени той шлюбъ? Уподобавъ парубокъ дивку, а дивка парубка,—скажить про те батькови та матери, скажить громади та й жывить; тутъ не треба ни шлюбу, ни того поганства, яке робиться у насъ на весилли. А не схотять жыть—росходьтесь, тилько впять такы безъ того паскудства, яке поводится у такимъ дили у церковныківъ. Головна ричъ—жыви безъ хвалшу, безъ блуда, безъ бійки та лайки, та синай свою злу волю.

— Шо ты говорышъ? Чы подумавъ ты про свій страшаній часъ смерти? Шо ты скажешъ тоди своему духовнику?

— А на шо мени той духовныкъ? Хиба винъ справди чоловикови потрибенъ? Шо винъ, хиба уведе у рай? У рай насъ уведуть тилько наши добри дила, и ни одынъ чоловикъ, якъ бы винъ насъ цыро та вирно ни любывъ, не ляже въ намы саможитъ у домовыну, окримъ нашихъ праведныхъ дилъ. Хиба ти духовныкы...

— Стій! Нидожды! Ты все уже сказавъ?

— Все!

— Павлусю! Сыну мій любий! скаменісь, шо це ты кажешъ? Ты помыляєшся!

— Тату, помыляється той, хто інакше дума.

— Слухай мене! Чы знаешъ ты, шо предки твої колись воювались за святу православну, а не за яку другу, виру и за той самий хрестъ, на який ты не хочешъ молыться? Чы видаєшъ це ты?

— Й знаю и видаю.

— Невже жъ твої предки, невже жъ твої прадиды, твій батько и мати твоя, уси-уси ходылы и ходять у мли и боролись и борятся не за те, за шо треба бороться?

— То бувъ другій часъ и друга година; теперъ не те: теперъ другій у людей шляхъ и другій поглядъ на життя. Часъ на часъ не приходиться, а то же викъ на викъ...

— Якій бы той часъ, якій бы той викъ не бувъ, а вира наша свята православна повсигда, во вики виковъ, зостанется нерухома. Изъ усихъ свитовыхъ виръ — вона тилько и есть певна и правдива вира. Твоя вира — то не вира. Чымъ ты вируешъ? Розумомъ, а не серцемъ. Горе тоби, пысменный, але гордый и заблудный розумъ! Чы не ты же чытавъ изъ пысъма, шо „серцемъ бо вѣрюете въ правду“? Де умнішается у виру розумъ, тамъ уже виры не буде. И у тебе вира твоя выйшла изъ серца и вступила въ голову. Въ голови же теперъ у тебе и совиство и соромъ твой, а це все-однаково, шо у тебе ихъ и овси нема: розумъ на всякий вчытокъ знайде выхрутку. Тилько одно сердце и скаже тоби, шо оце такъ, а оце не такъ. Нема у тебе виры! Пропащій ты чоловікъ! Тебе й на свити уже нема! Це не ты, а тилько твоя тинь!

— Тату, вы помыляетесь! вы жорстоко помыляетесь! До сієї поры я ходивъ у мли и тилько теперъ справди побачывъ світь. Я шукавъ виры, я мучывсь, я страждавъ, и теперъ можу сказать, шо знайшовъ прежній законъ, якъ треба вирувати и якъ треба жити. Не церковна вира справжня вира, а оца, яку вы звете голою, бо вона чиста, безъ едного сучка и безъ единої кривини. У церковну виру вирує тилько простота, бо тамъ нетреба ни роздумы, ни розуму. У церковныхъ овси и виры николы не було: яку имъ дали, така вона у ихъ и есть: якъ бы то була нимецька вира, вони бъ въ нимецькою и жили, якъ бы то була турецька вира, вони и въ турецькою бъ викували. Церковныи чытають евангелію, а роблять не такъ, якъ у вій чышеться; штунисты чытають евангелію, та ѹ живуть по вій. Ми знайшли, чуєте, певно прежній законъ и ходимо въ свити, а вы блукаете у тьми. Вы нещасни люде, а ваша вира...

— Стій! Постривай! Не смій такъ казать мени про мою світу виру! Слухай мене, шо я тоби скажу! Ты любиши мене?

— Люблю, тату, и серцемъ, и душою, и мыслями люблю!

— Якъ же ты мене будешъ ховаты? Зъ духовныкомъ, чы безъ духовника?

— Тату!

— Стій, кажу тоби! постривай! Слухай мене: ты не одступишся одъ своеи виры? Кажы мени!

— Тату!

— Кажы мени, кажы! Не одступишся одъ своеи виры?

— Ни, тату! Ни... не одступлюсь! Це супроты моей совисты и супроты моёго розуму!.. Не видступлюсь!.. Я не можу видступить, я укрѣплений у своїй вири! Це не сыла моя. „Аще кто любить Мене, оставитъ отца и матерь свою и грядеть во слѣдъ Мене“...

— Ну, такъ ты жъ не будешъ мене и ховаты: ты повыненъ видъ усёго видступать...

— Тату! Таточку! Любый мій!..

— Видступай! видступай! видъ усёго и видъ усихъ видступай! Плюй на своего батька, плюй на свою матирь! Видступай, кажу тоби!.. А!.. Такъ отъ де моя остання погибель! Такъ отъ де погибель нашего краю!.. О, Боже мій, Боже, до чого я тилько дожывсь? Шо чують мои вуха? Шо бачуть мои старечи очи? Мій сынъ, останній сынъ, моя підпора и моя надія, порушывъ святу православну виру, одступивъсѧ одъ усёго ридного, забувъ усе мынуле своихъ предкивъ и проминявъ усе те на якесь-то безвирия! О Боже правый мій! На що жъ ты давъ мени очи? Чомъ не ослипивъ мене? На що ты давъ мени вуха? Чомъ не породивъ мене овси глухимъ? О Боже всемилостивый, о Боже всевыдишний! Серце мое, серце бидне мое розривається на шматки видъ такого лютого и невымовного горя! Велікий Боже, Спасителю мій, просты жъ и помилуй мене за таке ремство мое! Але жъ Ты й самъ, своими праведными устами, возопивъ до Господа у своихъ тяжкихъ мукахъ: „Боже, Боже, да прейдетъ чаша сія мимо Мене“!.. Просты жъ и помилуй мене и визьмы въ праведне и вичне лоно твоє!..

XIX.

Писля такои болиснои та тяжкои розмовы и батько и сынъ, обыцва, урозумили, шо вони тилько тиломъ свои,—сердемъ же и мыслями на вики-вични чужи чужакы... Старый Витрякъ не гнавъ своего сына зъ двору, бо самъ сынъ швидко покинувъ батьківський дверъ и опынывсь десь ажъ на Жабокрюковци. Шобъ заминити сына, Максимъ Витрякъ прынявъ у свій дверъ безхатнёго голоту, Давыдку—розгамузу, и доручивъ ёму усе свое хазайство. Але недовго писля того прыйшлое страждати Максиму Витряку: и похили лита, и страшеннна уразка скоро звалылы ёго зъ нигъ. Лежучы на смертному дри, Максимъ Мыкытовычъ Витрякъ не стогнавъ, не скаржывся на хворобу, не нарикавъ ни на кого, успевнявъ свою стару, щобъ вона не ремствовала на Бога за злу долю, не докоряла и не кляла своего сына, а молила бъ Бога за ёго гришину душу...

Уже якъ прыйшли останни часы Максима Витряка, то винъ, чуючи свою смерть, пиднявсь зъ лижка, одягся и прыбравсь, якъ слідъ справжнemu християныву у такий гринзны та страшный часъ, потимъ зъ превелыкою силою та зъ пидмогою старои Маруси, зайшовъ за стиль и, сивши на покути, звеливъ засвityты страсну свичку; дали, благословывъ стару Марусю, благословывъ своего наймыта Давыдку, попрощавсь зъ нымы и... схылывши голову на руки и не перестаючи чытати святы молытвы, виддавъ Богови душу...

Ледве-ледве стара Маруся додыбала на кладовыще до свижои могилы... И якъ додыбала та якъ почала кыдаты рукою землю на труну своего Максима, то трохы не звалылась и сама у яму, якъ бы було не вспівъ пидхопыты іи самый близький теперъ ій чоловикъ, голота-наймытъ.

Ничъ, темна-претемна ничъ. Уже давно усе село спыть безпросыпнымъ сномъ. Не спыть тилько у свой хати стара Маруся, гирко оплакуючи свою дружыну, Максима; та ще не спыть

одинъ чоловикъ, десь геть далеко, ажъ тамъ иидъ горою, де окремно сидыть вушъ села... Ось чоловикъ той крадькома выйшовъ изъ хаты; крадькома пройшовъ верхними городами на выгинъ и скоро опынывсь на кладовыщи. Ось винъ иде по-межъ хрестамы и зупыняется надъ свижою могилою. Упавши навколошки коло тієї могилы, винъ обхопывъ іи рукамы и зарыдавъ... зарыдавъ гарячымы, невпинными и нескиначенными слёзамы.. „Тату! таточку! Простить мене! Простить и помылуйте! Я люблю васъ, люблю и не перестану любить! Але жъ, тату ридный мій, не можу инако, не сыла моя!...“

Довго обіймавъ Павлусь могилу свого батька, довго винъ обливавъ іи гарячымы слизмы, а дали, уявивши зъ неи у руку грудку земли, важко пиднявсь на ногы, обернувшись лыцемъ у ту сторону, де була батькова хата и де вилывала свое горе стара Маруся, трыхи уклонивсь въ думци матери и потимъ зъ тбого кладовыща подавсь геть вздовшъ по шлаху...

Довго писля того про Павлуся не було ніякoni ни звистки, ни чутки ва сели. Уже навпосли пройшла чутка, шо Павлусь Витряченко десь спынывсь ажъ у Херсонщыни, де протикає ричка Бугъ, а новыще неи тече ричка Аджамка: тамъ винъ обійшовъ чымало сель и хуторивъ и швидко зробивсь за старшого межъ штундистамы.

Д. Яворницкій. (Д. Эварницкій).

Первые шаги по введению Положений 19 февраля 1861 года въ Черниговской губернии.

(Къ 40-тию со дня освобождения крестьянъ).

(Продолжение¹⁾).

VI.

Мы вѣсколько забѣжали впередъ, говоря о тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, которыя представляли Положенія 19 февраля для чиновниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Нужно снова возвратиться къ первымъ засѣданіямъ Губернского Присутствія.

На организацію сельскихъ обществъ и открытие волостей возлагалось много надеждъ. „Скорѣйшее открытие этихъ обществъ, говорилъ предсѣдатель Присутствія въ засѣданіи 13 апрѣля—неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ, во многихъ мѣстностяхъ губерніи, умовъ крестьянъ. Съ другой стороны, при настоящихъ обстоятельствахъ, для обеспеченія интересовъ самихъ г.г. владѣльцевъ, необходимо устройство сельскихъ обществъ и управлений, какъ правильныхъ хозяйственныхъ единицъ, во главѣ которыхъ будутъ поставлены лица, отвѣтственная предъ правительствомъ и помѣщикомъ“. Открытие сельскихъ обществъ не могло быть отлагаемо еще и потому, что оно предшествовало образованію волостей, а послѣд-

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.
Томъ 73. - Апрѣль. 1901.

нее должно было послѣдовать не позже шести мѣсяцевъ со днія полученія въ губерніи Положеній о крестьянахъ, т. е. не позже 20 сентября ¹⁾).

Открытие сельскихъ обществъ совершилось повсемѣстно, кажется, безъ всякихъ инцидентовъ. Городницкій предводитель дворянства выразилъ, впрочемъ, опасеніе, что „при только что начинающемъ возстановлаться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядкѣ, образованіе сельскихъ обществъ и назначеніе старостъ легко можетъ повести непосредственно къ возобновленію беспорядковъ“. Онъ считалъ, поэтому, полезнымъ привлечь, въ помощь полиції, „для лучшаго наблюденія за порядкомъ и сохраненіемъ тишины при крестьянскихъ выборахъ“ сельскихъ должностныхъ лицъ министерства государственныхъ имуществъ, но Губернское Присутствіе отвергло это предложеніе. „Такъ какъ въ другихъ уѣздахъ открытие сельскихъ обществъ и избраніе должностныхъ лицъ совершено безъ содѣйствія лицъ мин. госул. имущ., то въ отношеніи одного городницкаго уѣзда подобную мѣру нельзя признать необходимою“—говорить по этому по-видимому журналъ Присутствія ²⁾).

На сколько выборы первыхъ должностныхъ лицъ сельского управления были независимы—трудно сказать. Губернское Присутствіе, по крайней мѣрѣ, настоятельно рекомендовало вниманію уѣздныхъ предводителей дворянства строго въ этомъ случаѣ, а равно и въ дѣлѣ образованія сельскихъ обществъ, сообразоваться съ закономъ и точно разяснять крестьянамъ и выбраннымъ лицамъ всѣ ихъ права и обязанности, указывая имъ на соотвѣтствующія статьи Положеній ³⁾.

Распредѣление селеній на волости вызывало немало практическихъ затрудненій. Въ основу дѣленія на волости было, какъ мы видѣли, положено количество населенія; но такъ какъ волости были поставлены въ связь съ сельскими обще-

¹⁾ Журн. № 7, 13 апрѣля.

²⁾ Журн. № 13, 22 мая.

³⁾ Журн. № 7, 13 апрѣля.

ствами ¹⁾), то отношение крестьянъ къ землѣ тоже не могло быть оставлено безъ вниманія. Сельское общество составлялось изъ крестьянъ, водворенныхъ на земль одного помѣщика ²⁾). Тѣмъ не менѣе Губернскому Присутствію пришлось разъяснить глауховскому уѣздному предводителю дворянства, что дворовыхъ людей нельзя принимать въ расчетъ при распределеніи селеній на волости; только тѣ изъ дворовыхъ людей, которые имѣли право на участіе въ использованіи полевымъ надѣломъ, при составленіи и повѣркѣ уставныхъ грамотъ, могли быть включаемы въ составъ сельскихъ обществъ и то лишь тогда, когда они сами извѣняли на это согласіе. Объ этомъ ясно говорило Положеніе ³⁾).

11 мая не было еще возможности, даже приблизительно, определить число будущихъ волостныхъ управлений ⁴⁾). Но уже около этого времени стали поступать отъ особыхъ комиссій, образованныхъ по уѣзdamъ, подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства ⁵⁾), проекты раздѣленія уѣзовъ на волости. Работали быстро.

Если не ошибаемся, первые такие проекты поступили и были доложены въ засѣданіи 18 мая по уѣзамъ черниговскому и остерскому. По установленнemу въ Присутствіи обычаю, предварительное разсмотрѣніе черниговскаго проекта взяль на себя одинъ изъ членовъ А. И. Лизогубъ, остерскаго—Г. П. Галаганъ ⁶⁾). Заключенія свои они представили уже въ слѣдующее засѣданіе 22 мая.

А. И. Лизогубъ „сообразивъ положеніе селеній черниговскаго уѣзда по картѣ и зная многія мѣстности этого уѣзда“, нашелъ проѣктъ, составленный черниговской комиссіей „ вполнѣ

¹⁾ Общее Положеніе 19 февр. 1861 г., ст. 42.

²⁾ Тамъ же, ст. 40.

³⁾ Журналъ № 8, 17 априля.

⁴⁾ Журналъ № 9, 11 мая.

⁵⁾ Тамъ же, № 1 16 марта.

⁶⁾ Тамъ же № 12, 18 мая.

согласнымъ съ установленными правилами и удовлетворяющимъ потребностямъ и удобствамъ жителей". Черниговскій уѣздъ предполагалось раздѣлить на 18 волостей, изъ которыхъ только двѣ были менѣе 400 душъ, одна въ 400, двѣ болѣе 1000, а остальная между 600 и 900 душъ населенія. А. И. Лизогубъ смотрѣлъ вообще очень оптимистическими на проекты уѣздныхъ комиссій и въ первомъ своемъ заключеніи предрѣшалъ уже вопросъ. „Если, говорилъ онъ, встрѣчаются и по другимъ уѣздаамъ встрѣчается проектированныя волости, не слишкомъ многолюдными, то нельзѧ не предположить достаточныхъ къ тому причинъ, которыми руководствовались комиссії".

Дробленіе волостей и малолюдность ихъ А. И. Лизогубъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями. „Въ Черниговской губерніи, даже въ мѣстностяхъ густо населенныхъ, почти постоянно встрѣчаются села разнопомѣстныя, гдѣ жители другихъ сословій равны и часто превышаютъ значительно численность крестьянъ, подворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Въ такихъ случаяхъ пространство между волостными селеніемъ и причисленными къ нему вызываетъ установление волости менѣе многолюдной. Иногда, если селеніе, довольно значительное по населенію, принадлежитъ одному владѣльцу, естественно выявляется желаніе не только помѣщика, но и самыx крестьянъ имѣть свою отдельную волость. Это, добавлялъ А. И. Лизогубъ, мнѣ самому случилось испытать въ моемъ имѣніи сосницкаго уѣзда, гдѣ крестьянская громада пришла ко мнѣ съ просьбой ходатайствовать объ учрежденіи для этого селенія отдельной волости; а какъ то мое имѣніе причислено приходомъ къ другому селу, то крестьяне вызывались денежнымъ пожертвованіемъ для скорѣйшаго окончанія выстроенной тамъ мною каменной церкви, чтобы возобновить упраздненный приходъ. Такъ высоко цѣнятъ они— состоять въ отдельной самостоятельной волости..."

Иные селенія, по разстоянію, можно бы соединить въ одну волость, но тамъ встрѣчаются естественные къ тому препятствія, каковы рѣки, во время разлитія которыхъ многія села и выселки лишились бы возможности участвовать на волостныхъ

сходахъ, на которыхъ обсуждаются и рѣшаются важные вопросы для всѣхъ большихъ и малыхъ сель и поселковъ.

Наконецъ, въ настоащее время, въ самомъ началѣ введенія новаго порядка, новаго управлениія и новыхъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ между собою и къ другимъ, волостнымъ старшинамъ и судамъ, предстоитъ много трудовъ, и выполненіе ихъ обязанностей можетъ быть осуществлено съ большими успѣхомъ и быстротою, если волостей будетъ больше; равно и для г.г. мировыхъ посредниковъ большее число волостныхъ старшинъ и судовъ послужить важнымъ облегченіемъ въ исполненіи ихъ многосложныхъ и трудныхъ обязанностей. При открытии Палатъ Государственныхъ Имуществъ въ нашей губерніи было учреждено много волостныхъ и еще больше сельскихъ управлений; по мѣрѣ же вдоворенія новаго порядка, уразумѣнія жителями своихъ обязанностей, эти волости постепенно стягивались въ болѣе многолюдныя, и теперь въ нашей губерніи этихъ волостей очень мало, а сельскихъ правлений и вовсе нѣть. То-же можетъ произойти и съ волостями временно-обязанныхъ крестьянъ, но только по истеченіи искотораго времени".

Мнѣнія А. И. Лизогуба о большей дробности волостей осталось, кажется, одинокимъ въ Присутствіи. Противъ него высказался рѣшительно кн. С. И. Голицынъ, затѣмъ Г. П. Глаганъ. Дѣленіе на волости, по мнѣнію кн. Голицына, для помѣщиковъ имѣть второстепенное, для крестьянъ же существенное значеніе, такъ какъ оно тѣсно связано съ ихъ ближайшими интересами, съ содержаніемъ волостной администраціи и пр. Относительно большій составъ волостей, какъ административныхъ и отвѣтственныхъ единицъ, вполнѣ совпадаетъ и съ видами самого правительства, такъ какъ гарантируетъ болѣе правильное выполненіе крестьянами общественныхъ обязанностей".

Утверждая, поэтому, проектъ раздѣленія на волости черниговскаго уѣзда, Присутствіе, согласно предложенію кн. С. П. Голицына, предоставило право крестьянамъ ходатайство-

вать о соединеніи нѣсколькихъ волостей въ одну, и это не по одному только черниговскому, а по всѣмъ уѣздамъ губерніи.

Г. П. Галаганъ въ своихъ заключеніяхъ относительно проекта раздѣленія на волости остерскаго уѣзда исходилъ изъ началъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя высказывалъ А. И. Лизогубъ. „Дробныя волости, говорилъ онъ, сколько бы ни представляли удобства въ административномъ отношеніи, но эти удобства едва-ли во многихъ случаяхъ не парализуются тяжестью издержекъ, падающихъ, для содержанія должностныхъ лицъ по волости, на крестьянъ, столько уже терпящихъ отъ безденежья и обремененныхъ тяжелыми, въ сравненіи съ ихъ средствами, податями. Дробить волости нельзя иначе, какъ съ величайшою осмотрительностью и въ крайнихъ случаяхъ“. Поэтому Г. П. Галаганъ сократилъ число волостей въ остерскомъ уѣздѣ съ 7, проектированныхъ комиссией, на 5, причемъ смолинская волость должна была заключать 484 души крестьянъ, олеинская—804, старогородская—1297, семиполковская—1417 душъ, гоголевская—784 души. Губернское Присутствіе согласилось съ докладомъ Г. П. Галагана ¹⁾.

Всльдъ за черниговскимъ и остерскимъ проектами стали поступать проекты раздѣленія на волости и изъ другихъ уѣзовъ. Въ томъ же засѣданія 22 мая былъ утвержденъ проектъ суражскаго уѣзда, Г. П. Галаганъ взялъ разсмотрѣніе проекта по конотопскому, а П. А. Васильчиковъ по козелецкому уѣзду, причемъ для того, чтобы ускорить дѣло, оба они рѣшили отправиться въ соответствующіе уѣзды и на мѣстѣ убѣдиться въ цѣлесообразности представленныхъ уѣздными комиссіями проектовъ ²⁾). Дальнѣйшее разсмотрѣніе проектовъ распределенія на волости шло приблизительно въ такомъ порядкѣ: 26 мая былъ утвержденъ нѣжинскій проектъ, 30 мая—кролевецкій ³⁾;

¹⁾ Журн. № 13, 22 мая.

²⁾ Журн. № 15, 26 мая.

³⁾ Журн. № 16, 30 мая. По кролевецкому уѣзду было два проекта, одинъ съ раздѣленіемъ уѣзда на 20 волостей, другой—на 11; былъ утвержденъ послѣдній.

2 іюня—козелецькій, 5 іюня—борзенській, городницькій, сосницькій, новозыбковській, стародубській, мглинської и конотопській; 9 іюня були утверждены проекты распределений волостей въ уѣздахъ глуховскомъ и новгородсьверскомъ, и такимъ образомъ эта важная часть подготовительной работы въ введенію Положенія 19 февраля была закончена.

Къ распределенію селеній на волости Губернское Присутствіе отнеслось добросовѣстно, старалось, по возможности, охранять интересы крестьянъ. Проекты утверждались послѣ основательного и детального разсмотрѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ, напр., по сосницкому, стародубскому, новозыбковскому и др. уѣздамъ подвергались довольно существеннымъ измѣненіямъ. При утвержденіи каждого проекта указывалось, что крестьяне имѣютъ право ходатайствовать объ измѣненіи волостей. Крестьяне воспользовались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ правомъ при самомъ же осуществлении утвержденныхъ проектовъ и этимъ вызывали иногда затрудненія. Въ мглинскомъ уѣздахъ, напр., они ходатайствовали о соединеніи варминской волости съ романовской. Мировой посредникъ, по этому, не приводилъ и волостнаго старшину къ присягѣ. Губернское Присутствіе разъяснило, что мировой посредникъ долженъ сначала осуществить на практикѣ уже утвержденный проектъ, а потомъ только принимать ходатайства, причемъ Присутствію должны быть представлены подробныя свѣдѣнія о согласіи на это волостей, какъ той, которая должна упраздниться, такъ и той, къ которой упраздняемая волость присоединялась; вмѣстѣ съ этимъ необходимо было представить также свѣдѣнія о числѣ душъ преобразовываемыхъ волостей и о расположенніи отъ волостнаго правленія вновь проектированной волости всѣхъ поселеній, которыхъ должны войти въ составъ ея. Подобный же случай имѣлъ мѣсто и въ новозыбковскомъ уѣздахъ, гдѣ турстенская волость, при самомъ открытии своемъ, хотѣла присоединиться къ киевской или бѣлоколодезской ¹⁾).

¹⁾ Журн. № 26. 22 іюля.

Ходатайствовали о соединеніи волостей иногда и помѣщики; но Присутствіе всегда обусловливало такое соединеніе согласіемъ крестьянъ. Такъ было, напр., съ ходатайствомъ богатаго глуховскаго помѣщика Н. И. Неплюева, который просилъ присоединить с. Бѣлицы къ ямпольской, а с. Усокъ къ шостенской волости глуховскаго уѣзда¹⁾.

VII.

Ко времени утвержденія всѣхъ проектовъ волостей были намѣчены уже и мировые участки, ихъ количество, а также лица, которые соглашались принять на себя трудную и ответственную роль мировыхъ посредниковъ. Предполагалось первоначально учредить 57 мировыхъ участковъ²⁾, и лица, избранныя на должности мировыхъ посредниковъ 19 июня были представлена губернаторомъ на утвержденіе Сената. 31 июля послѣдовалъ указъ Сената объ ихъ утвержденіи, доложенный Губернскому Присутствію въ засѣданіи 17 августа. Къ концу года произошли уже некоторыя измѣненія въ распределеніи мировыхъ участковъ, а также въ самомъ личномъ составѣ мировыхъ посредниковъ, такъ что контингентъ ихъ можно считать окончательно установленнымъ только лишь къ концу 1861 года.³⁾

¹⁾ Журн. № 41, 8 сентября.

²⁾ Журналъ № 19, 6 июня.

³⁾ Въ черниговскомъ уѣздѣ было 4 мировыхъ участка. Мировыми посредниками были утверждены: по бобровицкому участку Ник. Ив. Савинъ; черниговскому—первоначально Алекс. Красовскій, а къ концу года Ив. Ал. Кобеляцкій; жукотскому—Петръ Петр. Исаевичъ, 1-й; задесенскому—Ник. Як. Дуброво. Въ борзенскомъ уѣздѣ—3 участка: парафіевскій—Вас. Петр. Ловцовъ; плисковскій—Ник. Гр. Каандиба; комаровскій—Никод. Никод. Каракачевскій-Волкъ. Въ мухоморскомъ уѣздѣ—3 участка: тулаголовскій—Мих. Алекс. Фонъ-деръ-Бриггенъ; ямпольскій—Мих. Ник. Карабѣка; есманскій—Дм. Гр. Лазаревичъ. Въ городницкомъ уѣздѣ—4 участка: дроздовицкій—Алекс. Влад. Лизогубъ;

Положение мировых посредниковъ на первыхъ порахъ было довольно таки затруднительнымъ. Имъ приходилось не только примѣнять Положенія 19 февраля, но и разъяснить ихъ темный

шетровицкій—Петръ Лавр. Червінскій; алешианскій—Фед. Фед. Линдфорсъ; любечскій—Ник. Ів. Миклашевскій. Въ козелецкомъ уѣздѣ—4 участка: старобасанскій—Серг. Петр. Якубовичъ; мостищскій—Вас. Петр. Брюхачевъ; чемерскій—Алекс. Вас. Шрамченко; новобасанскій—Ник. Аркад. Кочубей. Въ конотопскомъ уѣздѣ—3 участка: григоровскій—Конст. Петр. Тарновскій; конотопскій—Леонидъ Ів. Астафьевъ; куриловскій—Алекс. Гр. Кандиба. Въ кромлещкомъ уѣздѣ—4 участка: кромлещскій, или быстрицкій Вас. Арк. Кочубей; краснопольскій—Трофимъ Ильичъ Соломка; чепільевскій—Мих. Прокоф. Ворощенко; разлетовскій—Шарменъ Андр. Марковичъ. Въ мілинскомъ уѣздѣ—5 участковъ: мглинской—Матвій Анаст. Сваржинскій; романовскій—Конст. Мих. Верига; кульчевскій—Ів. Вас. Губчичъ; почепскій—Алекс. Мих. Туманскій; ивойтенскій—Мих. Егор. Страшковъ. Въ новгородсьверскому уѣздѣ—4 участка: шептаковскій—Гавр. Вас. Короткевичъ; машевскій—Ів. Алекс. Вас. Голицынъ; старогутинавскій—Степ. Степ. Псіоль; очинскій—Ів. Фед. Маенскій. Въ новозыбковскомъ уѣздѣ—5 участковъ: щербинницкій—Іав. Надѣпят, въ концу года вакансія; радонежскій—Ів. Фед. Чарнолуцкій, киваевскій—Прокоф. Вас. Немировичъ-Данилевко, хоромекскій—Петръ Ів. Хоминскій; тимоновскій Алексій Гр. Средбольскій. Въ киїжинскомъ уѣздѣ—3 участка: носовскій—Ник. Ник. Волжинъ; талааевскій—Ник. Ник. Почека; веркіевскій—Вас. Як. Макаровъ. Въ остерскомъ уѣздѣ—2 участка: старогородскій—Андр. Вас. Соловина и семиполковскій—Мих. Ник. Александровичъ. Въ сосницкомъ уѣзді.—4 участка: Александровскій—Ник. Ів. Товстолюбъ; менскій—Мих. Монс. Бобирь; ногорѣльскій—Николай Вас. Полторацкій; сосницкій—Ів. Матв. Марковичъ. Въ стародубскомъ уѣздѣ первоначально 3, въ концу года 4 участка: городищенскій—Сем. Ів. Навзоровъ; пантусовскій—Конст. Вл. Лайкевичъ, пануровскій, первоначально Фед. Хоминскій, а затѣмъ Дм. Андр. Марковичъ, юдиновскій—Іппол. Мих. Марковичъ. Въ сурожскомъ уѣздѣ—4 участка: буданскій—Алекс. Евгр. Чернавскій; гордѣевскій—Вас. Вас. Переярестовъ; лалицкій—Ник. Гр. Есимонтовскій; медвѣдовскій—первонациально Викторъ Раковичъ, но онъ не вступалъ въ должность, по болѣзни, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ Фомою Ів. Беневскимъ (Жури. Присут. № 38, 12 августа и Памятная книжка чернигов. губ. на 1862 г.).

и подъ часъ запутаный смыслъ крестьянамъ. На этотъ счетъ Губернское Присутствіе совѣтовало „избѣгать разъясненія отдельныхъ статей Положенія, такъ какъ, не говоря уже о возможности превратнаго пониманія такихъ разъясненій, въ общемъ отвлеченномъ, такъ сказать, разъясненіи невозможно предвидѣть всѣхъ могущихъ соединяться на практикѣ случайностей; изъясненіе же подлиннаго смысла, какъ отдельныхъ статей, такъ и всей ихъ совокупности, можетъ быть дѣлаемо съ большою пользою при примѣненіи законоположеній къ отдельнымъ случаямъ“.

Обращаясь затѣмъ къ выясненію вопроса о значеніи мировыхъ посредниковъ, Губернское Присутствіе подчеркивало, что „должность мирового посредника не составляетъ собою административно-начальствующей инстанціи“. Положеніе мирового посредника, по закону, самостоительно, независимо отъ административныхъ учрежденій. „Мировой посредникъ есть лицо, дѣйствующее только по призыву одной изъ сторонъ, между которыми возникаютъ недоразумѣнія или несогласія“. При своемъ вступленіи въ должность, мировой посредникъ долженъ быть извѣстить объ этомъ всѣхъ жителей своего участка и затѣмъ избѣгать всякихъ общихъ распоряженій, не вызываемыхъ требованиемъ съ чьей-либо стороны.¹⁾

Для рѣшенія разныхъ споровъ, недоразумѣній и жалобъ, возникавшихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; для разбора жалобъ крестьянъ и обществъ на волостные суды и волостныхъ должностныхъ лицъ, а также для того, чтобы предпринимать разныя распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, которыхъ выходили изъ компетенціи мировыхъ посредниковъ—были учреждены мировые съѣзы.²⁾ Они состояли, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ,

¹⁾ Журналъ № 13, 22 мая.

²⁾ Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежден. ст. 105—108.

а также, изъ особыхъ членовъ отъ правительства, которыхъ полагалось отъ 2 до 4-хъ на губернію, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Избраніе лицъ въ эти должности предоставлялось губернаторамъ. Мировые съѣзды должны были собираться въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ уѣздномъ городѣ или селѣ, смотря по роду дѣлъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. Неприбытие въ засѣданіе съѣзда члена отъ правительства не останавливало дѣйствій съѣзда, если присутствіе состояло не менѣе, какъ изъ 3 членовъ.¹⁾

Какое число мировыхъ съѣзовъ необходимо было для черниговской губерніи?

Съѣздъ, по закону, могъ быть учрежденъ въ каждомъ уѣздѣ. Губернатору предоставлялось при этомъ право, по совѣщанію съ дворянствомъ, открывать мировые съѣзды на два и болѣе смежныхъ уѣзда, если онъ паходилъ это, по мѣстнымъ условіямъ, полезнымъ.²⁾

Губернскій предводитель дворянства Н. П. Бороздна, который взялся въ Губернскомъ Присутствіи разработать этотъ вопросъ,³⁾ высказался за соединеніе пѣкоторыхъ уѣздовъ въ одинъ мировой съѣздъ.⁴⁾ Онъ же предлагалъ назначить для каждого съѣзда не болѣе семи засѣданій въ году, по пяти лѣтомъ и по два зимою и ограничить засѣданія каждого съѣзда семью днями. Засѣданія должны были, по этому проекту, происходить въ дли мѣсяцевъ, начередъ назначеніе.⁵⁾ Присутствіе препроводило до-клады Н. П. Бороздны уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просило ихъ высказать свои замѣчанія.

Отвѣты предводителей были, получены приблизительно черезъ полтора мѣсяца и обсуждались Присутствіемъ вмѣстѣ съ докла-

¹⁾ Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд. ст. 97—104.

²⁾ Тамъ же, примѣчаніе къ 97 ст.

³⁾ Журналъ № 3, 27 марта.

⁴⁾ Журналъ № 9, 11 мая.

⁵⁾ Журналъ № 28, 24 июля.

домъ Бороздны 28 іюля. Сводятся они къ тремъ категоріямъ. Шесть предводителей, а именно: черниговскій, конотопскій, кролевецкій, новозыбковскій, иѣжинскій и стародубскій нашли проектъ Н. П. Бороздны очень удобнымъ и не требующимъ измѣненій. Предводители пяти уѣздовъ: козелецкаго, мглинскаго, остерскаго, сосницкаго и сурожскаго ограничились нѣсколькоими несущественными замѣчаніями, въ родѣ распределенія засѣданій между лѣтомъ и зимой, мѣстопребыванія соединенного съѣзда, продолжительности засѣданій его и т. п. Зато уѣздные предводители борзенскій, глуховской, городницкій и новгородсѣверскій оспаривали проектъ Н. П. Борозды въ кориѣ. Наиболѣе полная и существеннѣйшіе возраженія противъ него представилъ городницкій предводитель дворянства А. П. Бакурианскій.¹⁾ Такъ какъ возраженія эти, въ значительной своей долѣ, объединяютъ замѣчанія и остальныхъ четырехъ предводителей дворянства, то на нихъ мы преимущественно и остановимся.

Принятые въ проектѣ Н. П. Борозды основанія, по мнѣнію А. П. Бакурианскаго, „не соответствуютъ сущности дѣла и разуму самого учрежденія“. Какъ бы ни были усердны мировые посредники, они не въ состояніи, особенно въ первое время, при новости дѣла, устранить возможность поступленія на ихъ рѣ-

¹⁾ Уѣздными предводителями дворянства была предоставлена первостепенная роль въ крест. реформѣ 19 февр. 1861 г. Сообщаемъ, поэтому, списокъ уѣздныхъ предводителей дворянства черниговской губерніи въ 1861 году: черниговскій—Ів. Ник. Дурново; борзенскій—Конст. Алексеев. Гамаль; глуховской—Влад. Ив. Туманскій; городницкій—Алекс. Петр. Бакурианскій; козелецкій—Нпк. Дм. Бараповскій; конотопскій—Петръ Гр. Кандиба; кролевецкій—Ник. Мих. Дурново; мглинской—графъ Алекс. Мих. Гудовичъ; новгородсѣверскій—графъ Карль Людвиговичъ Шулленбургъ; новозыбковскій—Петръ Никол. Немировичъ-Данченко; иѣжинскій—Яковъ Матв. Почека; остерскій—Мих. Никол. Александровичъ; сосницкій въ 1861 г. Григ. Ільичъ Марковичъ, въ 1862 г. Мих. Иван. Сахновскій, стародубскій—Григ. Сем. Щегловицітовъ; сурожскій—кн. Алекс. Григорьевичъ Баратовъ.

шенія жалобъ въ мировые съѣзды. Послѣдніе, „какъ коллегіальный гласный судъ, будутъ представлять для тяжущихся въ дѣлахъ судебнно-полицейского разбирательства болѣе гарантіи, нежели единоличное мнѣніе мирового посредника“. Мировымъ съѣздамъ предстоитъ много вообще работы, если принять во вниманіе количество дѣлъ, которыя не могутъ быть рѣшены единоличною властью мировыхъ посредниковъ или вовсе не входятъ въ кругъ ихъ отдѣльной власти. Засѣданія каждого съѣзда, безъ сомнѣнія, должны быть, срочныя; но продолжительность ихъ должна зависѣть отъ количества накопившихся дѣлъ, а мѣсто засѣданія должно избираться въ той мѣстности, где возникли дѣла наибольшей важности. „При томъ, прибавляетъ предводитель, определеніе мѣста и времени собранія съѣзовъ санкционировано закономъ¹⁾ предоставлено взаимному соглашенію членовъ мирового съѣзда, и потому отнюдь не подлежитъ предположеніемъ стѣснительнымъ ограниченіямъ и предрѣшеніямъ Губернскаго Присутствія. Ни протяженіе нѣкоторыхъ уѣздовъ, при значительномъ числѣ нѣкоторыхъ имѣній и водворенныхъ въ нихъ крестьянъ, ни географическое ихъ положеніе не оправдываютъ соединенія двухъ уѣздовъ, въ цѣломъ ихъ составѣ, въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда; тогда какъ живость мѣстнаго интереса дѣла для помѣщиковъ и крестьянъ и разнообразіе требуемыхъ для его устройства мѣстныхъ же занятій, и, наконецъ, сложившаяся въ течевіе долгаго времени отдѣльность мѣстнаго уѣзднаго управлениія, съ его выборными должностными лицами, по преимуществу довѣрія своихъ избирателей, противорѣчатъ соединенію двухъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда“.

Н. П. Бороздна выставилъ въ своеемъ проектѣ то соображеніе, что при осуществлении его, члены отъ правительства будутъ иметь постоянныхъ занятій только по 147 дней въ годъ каждый. А. И. Бакуринскій рѣзко нациадаетъ на это: „не полезнѣе ли будетъ, говоритъ онъ, чтобы члены отъ правительства были болѣе или менѣе заняты, положимъ и 200 дней въ годъ,

¹⁾ Полож. о губ. и уѣздах. учрежден. ст. 38, примѣчаніе.

но мировые съезды, оставаясь отдельнымъ для каждого уѣзда учрежденiemъ, могли сибшнѣе, тверже и разумнѣе вести важное дѣло общественнаго и поземельнаго устройства крестьянъ, тѣмъ болѣе, что самыи законъ¹⁾ предвидѣлъ и установилъ что неприбытіе въ мировой съездъ члена отъ правительства не останавливаетъ дѣйствій съезда?“

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній городницкій предводитель дворянства полагалъ необходимымъ учредить мировые съезды въ каждомъ уѣздѣ. Въ дальнѣшемъ опытъ уже покажетъ, возможно или нѣтъ соединеніе нѣсколькихъ уѣзовъ въ вѣдѣніе одного мирового съезда? Отъ правительства должны быть назначены три чиновника. На долю каждого придется по шести уѣзовъ. На уѣздѣ, такимъ образомъ, они будутъ имѣть возможность посвящать по 2 мѣсяца въ году—„время, вполнѣ достаточное для исполненія ихъ обязанностей правительственноаго надзора“. Ограниченія въ срокахъ засѣданій и во времени собраній съездовъ не должно быть, такъ какъ это противорѣчить закону.

Таковы, въ общемъ, были замѣчанія и предложенія городницкаго предводителя дворянства. Борзенскій предводитель дворянства, отстаивая необходимость учрежденія съезда въ каждомъ уѣздѣ, указывалъ на то, что, при соединеніи нѣсколькихъ уѣзовъ, дальность разстоянія будетъ препятствовать крестьянамъ обжаловать въ съездѣ решения мировыхъ посредниковъ; глуховской выставлялъ на видъ затрудненія для мировыхъ посредниковъ посыпать соединенные засѣданія съезда; новгород-сѣверскій въ своихъ замѣчаніяхъ соединялъ возраженія борзенскаго и глуховскаго предводителей.²⁾

¹⁾ Полож. о губ. и уѣздн. учрежд. ст. 100.

²⁾ Въ журналѣ 28 іюля въ послѣдней категоріи отвѣтовъ уѣзденыхъ предводителей отнесенъ и отвѣтъ сурожскаго предводителя дворянства кн. Баратова. Мы считаемъ это ошибочнымъ. Кн. Баратовъ, по существу, ничего не возражалъ противъ проекта Н. П. Борозды. Онъ сдѣлалъ только замѣчанія о невозможности назначать за-

Предсѣдатель Присутствія кн. Голицынъ въолнѣ присоединился къ замѣчаніямъ тѣхъ предводителей дворянства, которые отстаивали необходимость учрежденія мировыхъ съѣздовъ въ каждомъ уѣзда. Съ ними согласилось и Губернское Присутствіе. Однѣъ остерскій уѣздъ былъ только соединенъ съ козелецкимъ; въ каждомъ же изъ остальныхъ уѣзовъ были учреждены свои особые мировые съѣзы. Сроки засѣданій съѣзовъ и ихъ продолжительность не опредѣлялись заранѣе на цѣлый годъ; устанавливалась только извѣстная очередь въ засѣданіяхъ съѣзовъ по уѣзамъ, въ виду предоставленія возможности принимать въ нихъ участіе членамъ отъ правительства. Для установлениія очереди уѣздные предводители дворянства должны были, по совѣщанію съ мировыми посредниками, представить свои соображенія губернатору. Они же должны были входить въ нему съ представленіемъ въ о назначеніи каждого съѣзда¹⁾). Къ концу 1861 года пришли, впрочемъ, къ заключенію о необходимости установить постоянные сроки для засѣданій съѣзовъ. На 1862 годъ такие сроки были утверждены въ засѣданіи Губернского Присутствія 30 декабря 1861 г.²⁾ Объ этихъ срокахъ было

сѣданія съѣзда въ Суражѣ весной; объ ограниченіи засѣданій съѣзда не 7, а 5 днамъ и о перечисленіи иѣкоторыхъ волостей изъ вѣдѣнія новозыбковскаго въ вѣдѣніе мглинско-суражскаго съѣзда.

1) Журналъ № 28, 28 іюля.

2) Журналъ № 77, 30 декабря, стр. 6. Сроки засѣданій съѣзовъ, по отдѣльнымъ уѣзамъ, были установлены такимъ образомъ: по черниговскому—3 февраля, 3 апрѣля, 3 іюня, 3 августа, 3 октября и 3 декабря; по борзенскому—25 числа, чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по глуховскому—2 числа каждого мѣсяца; по козелецкому и остерскому—22 января, 22 февраля, 22 марта, 18 апрѣля, 22 мая, 8 іюня, 22 августа, 22 сентября, 22 октября, 22 ноября и 19 декабря; по бонотопскому—чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ 10 февраля; по кролевецкому—17 числа каждого мѣсяца, начиная съ февраля; по мглинскому—10 числа каждого мѣсяца; по новгородсѣверскому—9 числа каждого мѣсяца; по новозыбковскому—20 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по иѣжинскому—12 числа чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по

затѣмъ сообщено помѣщикамъ и волостнымъ правленіямъ, для всеобщаго свѣдѣнія.

Что касается мѣста засѣданій съѣздовъ, то опредѣленіе его было предоставлено взаимному соглашенію самихъ членовъ. Большею частью съѣзы собирались въ уѣздныхъ городахъ.

Членовъ отъ правительства для участія въ засѣданіяхъ съѣздовъ было назначено не три, какъ предлагалъ А. П. Бакурианскій, а четыре. Кн. С. П. Голицынъ находилъ такое число необходимымъ, „принимая въ соображеніе число уѣздовъ и вообще мѣстная условія черниговской губерніи“. Представленныхъ кан. Голицынъмъ кандидатовъ въ члены отъ правительства министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ 4 іюля. То были: Никифоръ Филимоновичъ Лузгановъ, Анастасій Васильевичъ Марковичъ, Петръ Григорьевичъ Борсукъ и Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. 15 іюля обѣ ихъ назначенія было доложено Губернскому Присутствію.¹⁾

Губернаторъ распредѣлилъ между ними уѣздные съѣзы такимъ образомъ: Н. Ф. Лузгановъ долженъ былъ присутствовать въ съѣздахъ—новозыбковскомъ, сурожскомъ и мглинскомъ; А. В. Марковичъ—въ стародубскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ; А. М. Лазаревскій—въ воронецкомъ, конотопскомъ, сосницкомъ и борзенскомъ и П. Г. Борсукъ—въ городницкомъ, черниговскомъ, нѣжинскомъ и козелецко-остерскомъ.²⁾

сосницкому—2 числа трезь каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по стародубскому—16 числа каждого мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы засѣданія происходили поперемѣнно въ уѣздномъ городѣ Стародубѣ и въ заштатномъ городѣ Погарѣ. (Первое засѣданіе 16 января имѣло быть въ Стародубѣ); по сурожскому—одинъ разъ трезь каждые два мѣсяца, начиная съ 15 февраля. По городницкому уѣзу сроки не были установлены, такъ какъ въ 30 декабря не были получены по этому поводу соображенія отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

¹⁾ Журн. № 24, 15 іюля 1861 г. и № 28, 24 іюля.

²⁾ Журн. № 87, 21 августа.

VIII.

Наряду съ организацией учреждений по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніи, шла работа Губернскаго Присутствія по разрѣшенію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ уставныхъ грамотъ. Среди нихъ введеніе въ предѣлахъ Малороссіи великороссійскаго положенія занимало первое мѣсто.

Великороссійское положеніе, по закону, разрѣшалось вводить въ тѣхъ имѣніяхъ новозыбковскаго, суражскаго, мглинскаго, стародубскаго, новгородсѣверскаго и глуховскаго уѣздовъ черниговской губерніи, въ которыхъ всѣ тягла получали одинаковый надѣль и отбывали одинаковую повинность.¹⁾ Замѣна малороссійскаго положенія великороссійскимъ въ этихъ уѣздахъ могла послѣдовать не иначе, какъ „по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ“.²⁾ Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе отступило отъ этого принципа въ самомъ уже началѣ своей дѣятельности.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Присутствіе поступили представленія уѣздныхъ предводителей дворянства стародубскаго, новозыбковскаго и суражскаго о введеніи въ ихъ уѣздахъ повсемѣстно великороссійскаго положенія.³⁾

Губернское Присутствіе вмѣсто того, чтобы осторожно и внимательно отнести къ этимъ представленіямъ, обсудить ихъ должнымъ образомъ, сразу же рѣшило вопросъ принципіально. Дѣло въ томъ, что въ харьковской губерніи также разрѣшалось вводить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ великороссійское положеніе; но тамъ это не было поставлено въ зависимость отъ обо-

¹⁾ Великороссійское Положеніе ст. 1-я, прим. 2-я. Малоросс. Полож. ст. 3.

²⁾ Малоросс. Полож. ст. 2.

³⁾ Отъ стародубскаго предводителя 16 апрѣля № 315, новозыбковскаго 18 апрѣля № 156, суражскаго 6 мая № 345 (Журналъ № 9, 11 мая).

юднаго согласія помѣщиковъ и крестьянъ. Харьковскому Губернскому Присутствію было предоставлено право, по своему усмотрѣнію, объявлять въ той или другой мѣстности господствующимъ великороссійское или малороссійское положеніе, и всѣ должны были безпрекословно подчиняться этому. Согласія на это со стороны помѣщиковъ и крестьянъ, а также утвержденія мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ не требовалось.¹⁾ Черниговское Губернское Присутствіе не имѣло такой власти. Оно могло только частично вводить великороссійское положеніе въ шести поименованныхъ въ Положеніи съверо-восточныхъ уѣздахъ, да и то по обоюдному, какъ мы видѣли, соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ. Помѣщики, между тѣмъ, просили сдѣлать великороссійское положеніе обязательнымъ, ввести его по-всемѣстно. Ихъ претензіи готово было удовлетворить и Губернское Присутствіе. По точному смыслу закона, говорится по этому поводу въ журналѣ 11 мая 1861 года, „Черниговскому Губернскому Присутствію не присвоено права замѣнить принципъ обоюдного соглашенія повсемѣстными, обязательными для крестьянъ введеніемъ великороссійского положенія. Но съ другой стороны, признавая вполнѣ уважительными причины, приведенные предводителами означенныхъ трехъ уѣзовъ, Губернское Присутствіе предоставило предсѣдателю войти по объясненному вопросу съ представлениемъ къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ получения подобнаго ходатайства отъ мглинскаго, новгородсъверскаго и глуховскаго уѣзовъ, распрестранить эту мѣру на эти уѣзды“.²⁾ На этомъ Присутствіе, впрочемъ, не остановилось. Въ засѣданіи своеемъ 17 мая оно постановило ходатайствовать о предоставлении ему такого же права, какое было у Харьковскаго Присутствія, т. е., по своему усмотрѣнію, вводить повсемѣстно великороссійское или малороссійское положеніе.³⁾ По-

¹⁾ Малоросс. Полож. ст. 2-я.

²⁾ Журн. Присутствія № 11, 17 мая.

³⁾ Журналъ № 13, 22 мая. «Присутствіе опредѣлило: предоставить предсѣдателю войти къ г. управляющему министерствомъ вну-

добный вопросъ могъ быть рѣшенъ, конечно, только въ законодательномъ порядкѣ; но управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не увидѣлъ въ этомъ „настоятельной необходимости“.¹⁾

Неудача ходатайства Черниговскаго Губернскаго Присутствія въ министерствѣ внутр. дѣлъ мало измѣнила дѣло по существу. Великорусское положеніе было, все-таки, введено помимо соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами повсемѣстно, въ уѣздахъ стадорубскомъ, новозыбскомъ, мглинскомъ, и новгородскѣверскомъ. Современникъ говоритъ по этому поводу: „дѣло это (т. е. введеніе великороссійскаго положенія) вель въ губерніи членъ отъ правительства И. Г. Есимонтовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи разскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великороссійскаго положенія, при чмъ, вѣроятно, окажется, что повсемѣстному (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва-ли было мѣсто.“²⁾

По офиціальному источнику, которымъ располагаемъ мы, трудно судить о значеніи того или другого лица въ проведеніи крестьянской реформы на мѣстѣ. Но нѣсколько указаний на роль И. Г. Есимонтовскаго въ вопросѣ о примѣненіи великороссій-

треннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о предоставлении Присутствію права, согласно п. 2, прим. 1 къ ст. 1 великороссійскаго положенія, признать въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи господствующими одно изъ двухъ мѣстныхъ положеній (великороссійское или малороссійское) и въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого права руководствоваться и.п. 2, 3 и 4 ст. 2 мѣст. малоросс. полож.».

¹⁾ Журналъ № 23, 13 июля 1861 г.

²⁾ Кіев. Стар. 1901 г. т. LXXII, мартъ, стр. 262 *A. Л. Отрыски изъ черниговскихъ воспоминаній*. Эти полные живаго интереса воспоминанія современника и участника крестьянской реформы въ черниговской губерніи, такъ сказать одухотворяютъ сухой перечень офиціальныхъ данныхъ, сообщаемыхъ нами, освѣщаютъ ихъ должнымъ образомъ, объясняютъ. Для историка крестьянской реформы въ черниговской губерніи воспоминанія г. А. Л. должны послужить путеводной нитью для выясненія цѣлаго ряда интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянской реформой въ черниговской губ.

скаго положенія въ черниговской губерніи есть и въ журналахъ Губернского Присутствія. Онъ напр., взялъ на себя составленіе представленія министру внутр. дѣлъ о повсемѣстномъ введеніи этого положенія.¹⁾ Проектъ представленія былъ имъ прочитанъ въ засѣданіи 17 мая, но окончательная редакція его отложена была до получения ходатайства отъ мглинского предводителя дворянства, такъ какъ И. Г. Есимонтовскій заявилъ, что мглинское дворянство, какъ и новозыбковское, стародубское и сурожское, о которыхъ шла рѣчь въ этомъ засѣданіи, рѣшило ходатайствовать о повсемѣстномъ введеніи въ мглинскомъ уѣздѣ великороссійского положенія.²⁾ Въ засѣданіи 22 мая было прочитано и это ходатайство. Тогда же былъ окончательно принятъ и проектъ представленія управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.³⁾

Въ засѣданіи Губернского Присутствія 26 мая участвовали стародубскій предводитель дворянства Г. С. Щегловитовъ и мировой посредникъ тимоновскаго участка новозыбковскаго уѣзда А. Г. Сребдольскій. Когда предсѣдатель обратилъ ихъ вниманіе на ходатайство Присутствія, согласно съ представленіемъ мглинского дворянства, о повсемѣстномъ введеніи великороссійского положенія въ сѣверныхъ уѣздахъ, они замѣтили, что „хотя между желаніемъ, выраженнымъ дворянствомъ ихъ уѣзовъ и между ходатайствомъ мглинского дворянства есть нѣкоторый оттѣнокъ, но они съ своей стороны полагаютъ, что разрѣшеніе вопроса о введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ того или другого положенія въ томъ смыслѣ, въ которомъ предположено Присутствіемъ сдѣлать представленіе высшему правительству, также въ нѣкоторой степени можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ хозяйственнаго устройства помѣщичихъ имѣній ихъ уѣзовъ.“⁴⁾

¹⁾ Журн. № 9, 11 мая.

²⁾ Журналъ № 11, 17 мая.

³⁾ Журналъ № 13, 22 мая.

⁴⁾ Журналъ № 15, 26 мая.

Намъ неизвѣстны подлинныя представления предводителей дворянства Губернскому Присутствію, и мы, поэтому, не можемъ воспроизвести здѣсь тѣ различные оттѣнки въ ходатайствахъ, о которыхъ говорили и Г. С. Щегловитовъ и А. В. Средбольскій. Изъ журналовъ Присутствія мы только знаемъ, что основаніемъ для введенія великороссійскаго положенія въ четырехъ только что поименованныхъ уѣздахъ у дворянства служили слѣдующія соображенія, принятыя потомъ и Губернскимъ Присутствіемъ:

1) „Въ мглинскомъ, стародубскомъ, суражскомъ и нововыбковскомъ уѣздахъ вовсе не существуетъ раздѣленія рабочихъ на тагльыхъ и пѣшихъ, потому что обработка земли сохой и приобрѣтеніе крестьянами рабочаго скота (лошадей) не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ что пѣшій работникъ составляетъ случайное исключеніе.

2) Всѣ крестьяне, явившись на работу, пѣшіе или конные, по усмотрѣнію помѣщика, пользуются одинаковыми поземельными надѣлами и отбываютъ одинаковыя повинности; подворное же или участковое пользованіе землею, составляющее одно изъ коренныхъ началь малороссійскаго хозяйственнаго устройства, существуетъ, какъ рѣдкое исключеніе.

3) Поземельный надѣль крестьянъ нерѣдко подвергается передѣламъ, по желанію самыхъ крестьянъ, что также несомнѣнно съ хозяйственнымъ устройствомъ малороссійскимъ.

4) При введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи мѣстнаго малороссійскаго положенія, несоответствующаго условіямъ мѣстнаго хозяйства, должно будетъ послѣдовать коренное измѣненіе въ установившемся обычномъ пользованіи землею.

5) Безземельные крестьяне, если въ означенныхъ выше уѣздахъ будетъ примѣнено мѣстное малороссійское положеніе, будутъ имѣть надежду на одни добавочные участки, состоящіе изъ неудобренной запольной пашни, безъ коноплянниковъ, между тѣмъ какъ, по характеру мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, каждое тягло должно быть надѣлено коноплянникомъ, ближайшую полевою землею, получающею удобреніе, и землею дальнѣйшую.

Отсюда само собой обнаруживается то безвыходное состояніе безземельныхъ крестьянъ, въ которое они будутъ поставлены при получениі добавочныхъ участковъ".¹⁾

Кромѣ четырехъ уѣздовъ, о которыхъ шла рѣчь выше, допускалось введеніе великороссійскаго положенія еще въ уѣздахъ новгородсѣверскомъ и глуховскомъ.

Ходатайство объ этомъ новгородсѣверскаго дворянства рассматривалось въ засѣданіи Присутствія 9 іюня. Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ и новгородсѣверскій предводитель дворянства графъ К. Л. Шулленбургъ. Сущность его представленія заключалась въ томъ, чтобы признать великороссійское положеніе господствующимъ въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, съ представлениемъ, впрочемъ, свободнаго выбора тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые бы захотѣли устроить свои отношенія съ крестьянами по положенію малороссійскому.

Основанія, выставленныя гр. Шулленбургомъ, въ пользу своего ходатайства, были слѣдующія:

1) „Хотя равномѣрный, собственно тягловой надѣль угодій и отбываніе по нему одинаковой повинности въ пользу помѣщика введены въ немногихъ только имѣаіяхъ, и то въ позднѣйшее время, гдѣ земли уже правильно разбиты на десатины, но во всѣхъ владѣніяхъ крестьяне, надѣленные покосами, издревле отбывали и отбываютъ издѣльную повинность, хотя и съ душъ, но съ одиночной запряжкою.

2) Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ бывшие помѣщичьи крестьяне пользуются не пѣшимъ только усадебнымъ и полевымъ надѣломъ, но и покосами, который (?) и даетъ право на требование отъ нихъ подворной повинности.

3) Крестьяне въ случаѣ спѣщенія (т. е. если они дѣлаются пѣшими) какого-либо домохозяина, отбираютъ отъ него пахати, по случаю неспособности его нести конную или воловую повинность и возвращаютъ лишь по пріобрѣтеніи имъ хорошаго скота.

¹⁾ Журналъ № 13, 22 мая.

4) Существующий въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ хозяйствен-
ный порядокъ совершенно похожъ на тотъ, какой существуетъ
въ сосѣдней съ нимъ орловской губерніи".

Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ доводами
гр. Шулленбурга, и его ходатайство было удовлетворено. Новго-
родсѣверскій уѣздъ былъ поставленъ въ ряду тѣхъ, где господ-
ствующимъ признавалось великороссійское положеніе.¹⁾

Что касается дворянства глуховского уѣзда, то оно не воз-
буждало вопроса о введеніи повсемѣстно въ уѣздѣ великорос-
сійского положенія. Господствующимъ въ немъ осталось, поэтому,
положеніе малороссійское; великороссійское же вводилось въ видѣ
исключенія.

8 августа мировой посредникъ есманскаго участка Д. Г.
Лазаревичъ сдѣлалъ представление о томъ, что некоторые изъ
помѣщиковъ ходатайствуютъ о введеніи въ ихъ имѣніяхъ велико-
россійского положенія. Мировой посредникъ находилъ эти хода-
тайства основательными, а потому заслуживающими удовле-
творенія. Въ отзывахъ своихъ владѣльцы заявили, что въ ихъ
имѣніяхъ существуетъ тягловая система, всѣ тягла получаютъ
одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность: „Всѣ
 эти имѣнія составляютъ непрерывную смѣжность или съ погра-
ничными великороссійскими уѣздами: рыльскимъ, путивльскимъ
и сѣвскимъ, или между собой; обработка земли производится въ
нихъ легко и повсемѣстно одноконною сохою; вся мѣстность или
юго-восточная часть уѣзда, заключая въ себѣ дачи всѣхъ этихъ
селеній, составляетъ непрерывное черноземное пространство
земли".

На представление Д. Г. Лазаревича, Губернское Присутствіе
указало, что введеніе великороссійского положенія можетъ
послѣдовать только по обоюдному соглашенію крестьянъ и
помѣщиковъ, а если согласія нѣть, то окончательно дѣло ре-
шается мировымъ судьдомъ.²⁾ Д. Г. Лазаревичъ почему-то очень

¹⁾ Журналъ № 21, 9 июня.

²⁾ Журн. № 34, 14 августа.

торопился съ разрѣшениемъ вопроса о введеніи въ его участкѣ великороссійскаго положенія. 23 августа, чрезъ 15, значитъ, дней, не получая отвѣта отъ Губернскаго Присутствія, онъ снова повторилъ свое ходатайство,¹⁾ хотя въ это время вопросъ, какъ мы знаемъ, былъ уже разрѣшенъ. Получивъ журналъ Присутствія, мировой посредникъ нашелъ въ немъ противорѣчіе съ циркуляромъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что когда Губернское Присутствіе сдѣлало представленіе о повсемѣстномъ введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійскаго положенія, министерство не нашло возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ законодательнымъ путемъ, и управляющій министерствомъ напомнилъ при этомъ порядокъ введенія великороссійскаго положенія, какой былъ уже опредѣленъ закономъ 19 февраля. Въ циркулярѣ своемъ онъ только выразился, что въ случаѣ отсутствія согласія между помѣщиками и крестьянами, великороссійское положеніе вводится по окончательному рѣшенію мирового посредника.²⁾ Здѣсь-то Д. Г. Лазаревичъ и увидѣлъ противорѣчіе съ журналомъ Присутствія. Послѣднее, очевидно, боясь рѣшеніе вопроса такой первостепенной важности предоставить усмотрѣнію единоличной власти посредника—говорило вмѣсто мирового посредника о мировомъ съѣздѣ.

По этому поводу Д. Г. Лазаревичъ возбудилъ вопросъ, долженъ ли посредникъ представлять мировому съѣзу всѣ данныя по ходатайствамъ о введеніи великороссійскаго положенія, не дѣлая никакого заключенія, или же постановивъ собственное рѣшеніе и объявивъ его помѣщику и крестьянамъ, предоставить недовольной сторонѣ жаловаться въ мировой съѣздѣ въ опредѣленный срокъ?

Интересно опредѣленіе Губернскаго Присутствія въ отношеніи на это представленіе. Мы приводимъ его цѣликомъ. „Какъ предписаніе г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 27 июня съ № 2243, такъ и опредѣленіе Губернскаго При-

¹⁾ Журн. № 40, 1 сентября.

²⁾ Журн. № 23, 13 июля.

существия, изложенное въ журналѣ № 34, ссылаясь на одинъ и тѣ же статьи, не могутъ оставлять сомнѣнія относительно надлежащаго ихъ смысла. Что касается второго, предложеннаго г. посредникомъ вопроса, то, представляя въ мировой съѣзду частныя ходатайства о введеніи великороссійскаго положенія, мировой посредникъ, безъ сомнѣнія, долженъ представить всѣ тѣ данные, которыя необходимы будуть стѣздѣ для правильности рѣшенія дѣла; постановлать же по дѣламъ подобнаго рода свое рѣшеніе, а тѣмъ болѣе объявлять его владѣльцу и крестьянамъ съ предоставленіемъ только недовольной сторонѣ права жалобы въ определенный срокъ мировому посреднику не слѣдуетъ".¹⁾ Губернское Присутствіе осталось, такимъ образомъ, вѣрно своему первоначальному постановленію, предоставивъ окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса коллективному учрежденію.

Кажется, впрочемъ, и это далеко не всегда гарантировало полную осторожность при введеніи великороссійскаго положенія въ Малороссіи.

Въ засѣданіи мирового съѣзда 2 сентября въ г. Глуховѣ мировой посредникъ ямпольского участка М. Н. Карпѣка представилъ на разрѣшеніе слѣдующій случай. Въ имѣніи одного помѣщика его участка крестьяне отбывали повинность по тягламъ; но были и такие, которые имѣли по полутягла. Какое положеніе слѣдовало примѣнить въ такомъ имѣніи, великороссійское или малороссійское? Мировой посредникъ склонялся къ великороссійскому положенію. „Когда повинность отбывается крестьянами отъ тягла и полутягла одинаково (отдельно по каждому виду)—говорилъ онъ—и надѣль тягла и полутягла тоже одинаковъ, то такое хозяйство слѣдуетъ признавать великороссійскимъ, ибо, сколько ему известно, по имѣніямъ великороссійскимъ тоже существуютъ хозяйства, гдѣ имѣются тягла и полутягла; послѣдніе отбываются пѣшими рабочими.“

Мировой съѣздъ согласился съ мнѣніемъ посредника, но, не имѣя яснаго указанія на подобные случаи въ законѣ, рѣ-

¹⁾ Журн. № 43, 19 сентября.

шиль не приводить своего постановленія въ исполненіе, я представить его предварительно на разрѣшеніе Губернскаго Присутствія. Двое изъ членовъ мирового съѣзда, мировой посредникъ тулиловскаго участка М. А. Фонъ-дерть-Бриггенъ и членъ отъ правительства А. В. Марковичъ, высказали при этомъ такое соображеніе: „было бы, по ихъ мнѣнію, отступлениемъ отъ Положенія—расширять предѣлы права на введеніе въ нѣкоторыя имѣнія глуховскаго уѣзда великороссійскаго положенія, такъ какъ право это не распространяется на всѣ виды тягольного хозяйства, а только на такой его видъ, въ которомъ всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣль и отбываютъ одинаковую повинность, какъ это категорически выражено въ ст. 3-й малороссійскаго Положенія“.

Губернское Присутствіе нашло, что указанный ямпольскимъ посредникомъ характеръ хозяйственного устройства не могъ служить достаточнымъ основаніемъ къ обязательному для крестьянъ введенію мѣстнаго великороссійскаго положенія. Хотя, какъ говорить посредникъ, повинность съ полутигла въ названномъ имѣніи и была равна повинности съ тягломъ, но это, должно быть, было ничѣмъ инымъ, какъ трехдневной барщиной съ пѣшаго участка, которая отбывалась пѣшимъ работникомъ безъ рабочаго скота. Иначе было бы большой несообразностью, если бы одна и также конная повинность отбывалась съ тягломъ и полутигла. Самый способъ отбыванія издѣльной човинности пѣшими работниками, какъ изображалъ его мировой посредникъ,увазывается скорѣй на „исключительную особенность мѣстнаго малороссійскаго хозяйства“.¹⁾

Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе не всегда и не вездѣ проявляло такую осторожность.

Въ числѣ уѣздовъ, которые хотя и не имѣли права, по малороссійскому положенію, вводить у себя положеніе великороссійское, тѣмъ не менѣе добивались его—былъ уѣздъ сосницкій. Дворянство этого уѣзда просило о введеніи великороссійскаго положенія

¹⁾ Журналъ № 49, 9 октября.

женія въ сѣверной части уѣзда, выставляя на видъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, большою частью отрубныхъ, „обработка земли производится союю и заведено великороссійское хозяйственное устройство съ одинаковымъ надѣломъ и одинаковою за него повинностью. Ходатаемъ за сосницкое дворянство въ Губернскомъ Присутствіи явился А. И. Лизогубъ, самъ сосницкій помѣщикъ. Согласно съ заключеніемъ послѣдняго, и состоялось постановленіе о введеніи великороссійского положенія въ сѣверной части сосницкаго уѣзда.¹⁾

Министерство, впрочемъ, не сразу согласилось на это. Сначала были затребованы свѣдѣнія о томъ, „сколько въ означеннемъ уѣздѣ находится имѣній, къ которымъ могло бы быть примѣнено великороссійское положеніе, по точному смыслу закона“. ²⁾ Свѣдѣнія эти были доставлены въ министерство, и высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія отъ 21 сентября разрѣшено было вводить великороссійское положеніе въ тѣхъ имѣніяхъ сѣверной части сосницкаго уѣзда, где все тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность.

Предписаніе объ этомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было доложено Губернскому Присутствію въ засѣданіи 18 октября. Тогда же было доложено и другое его предписаніе о признаніи господствующимъ въ уѣздахъ новозыбковскомъ, сурожскомъ, мглинскомъ, стародубскомъ и новгород-сѣверскомъ великороссійского положенія. Малороссійское положеніе разрѣшалось вводить здесь только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, въ видѣ исключенія. Журналъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія по этому поводу былъ высочайше утвержденъ 26 сентября.³⁾

Великороссійское положеніе было выгодно для помѣщиковъ, потому что опредѣляло меньшій размѣръ душеваго надѣла, но

¹⁾ Журналъ № 11, 17 мая.

²⁾ Журналъ № 23, 13 июля.

³⁾ Журналъ № 52, 18 октября.

зато більшій оброкъ, чимъ это установлено было для соотвѣтствующихъ уѣздовъ положеніемъ малороссійскимъ.¹⁾ Это и побуждало кась отдельныхъ дворянъ, такъ и дворянства цѣлыхъ уѣзовъ хлопотать о введеніи его у себя. Хлопоталъ, напр., о введеніи великороссійского положенія въ своемъ имѣніи въ борзенскомъ уѣздѣ гвардія капитанъ Александръ Петровичъ Шечковъ. Губернское Присутствіе нашло, что „введеніе великороссійского положенія въ одномъ изъ имѣній борзенскаго уѣзда ли въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ“²⁾. Хлопотало и кролевецкое дворянство. Кролевецкій уѣздъ, говорило оно, граничитъ съ курскою губерніею и имѣть хозяйственное устройство, сходное съ хозяйственнымъ устройствомъ смежныхъ уѣзовъ этой губерніи. Въ кролевецкомъ уѣздѣ недостатокъ полевой земли. Тамошаie крестьяне обращаютъ главное вниманіе на разведеніе огородныхъ растеній. Усадьбы ихъ, по этому, состоять преимущественно изъ огородовъ. Въ этомъ уѣздѣ помѣщики не содержали своего рабочаго скота, такъ какъ зашашки ихъ, по свойству почвы, безъ затрудненія обрабатывались крестьянскими, одноупряжными сохами, взамѣнъ чего крестьяне преимущественно были надѣлены сѣнокосными угодьями. Губернское Присутствіе все-таки не удовлетворилось этими доводами и рѣшительно отклонило ходатайство кролевецкихъ дворянъ.³⁾ Великороссійское положеніе не было, такимъ образомъ, введено въ кролевецкомъ уѣздѣ.

¹⁾ Для уѣзовъ мглинского, сурожскаго и новозыбковскаго малорос. полож. высшій душевой надѣль полевой и усадебной земли былъ установленъ въ $4\frac{1}{2}$ дес.; высшій размѣръ пѣшаго участка полевой земли въ 7 дес.; рабочихъ дней за леситину полевой земли 12; оброкъ по 1 р. 40 коп. за десятину. Низшій надѣль исчислялся въ половину высшаго (Прилож. въ 9 ст. малорос. полож.) Въ сосѣднихъ же мѣстностяхъ смоленской и орловской губерній высшій душевой надѣль былъ 4 дес., за которые полагалось 40 мужскихъ барщинскихъ дней и 8 р. оброка. Низшій надѣль исчислялся въ $\frac{1}{3}$ высшаго (Велик. полож. ст. 190).

²⁾ Журналъ № 23, 13 іюня.

³⁾ Журналъ № 26, 22 іюня.

Такова официальная история введенія великороссійскаго положенія въ Малороссіи, на сколько можно прослѣдить ее по журналамъ Губернскаго Присутствія. Одному можно только удивляться—это тому довѣрію, съ которымъ Губернское Присутствіе относилось въ такомъ важномъ дѣлѣ къ доводамъ, которые приводились въ пользу господства великороссійскаго хозяйства въ той или другой мѣстности предводителями дворянства, т. е. стопою заинтересованной, потому уже не бывшей въ состояніи отнести къ дѣлу безпристрастно. Изъ журналовъ Присутствія нигдѣ не видно, чтобы оно когда-нибудь примѣнило цвѣркну дворянскихъ доводовъ, захотѣло бы убѣдиться, дѣйствительно ли въ той или другой мѣстности существуетъ тягловое великороссійское хозяйство, на сколько оно распространено, выгодно и соответствуетъ желанію крестьянъ? Вводя въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійское положеніе, Губернское Присутствіе какъ бы совершенно забыло про интересы послѣднихъ. Больше того, оно совершенно игнорировало ихъ. Потому то Губернское Присутствіе и шло такъ дѣятельно навстрѣчу отменѣ закону, который былъ, правда, непріятенъ дворянству, но который хотя немногого ограждалъ интересы крестьянъ, когда требовалъ и ихъ согласія на введеніе великороссійскаго положенія.

Для того, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе этого факта, мы должны сравнить великороссійское положеніе съ малороссійскимъ и отметить ихъ существенную разницу.

Ник Василенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(Биографический очерк). ¹⁾

XIII.

„Первые дни послѣ нашей свадьбы“—писалъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„наполнены были впечатлѣній высокихъ: то читали мы Пушкина, то восхищались пѣснями Шевченка, то радовались письмамъ безцѣннаго Петра Александровича и его домашнихъ. Къ увлеченію нашихъ духовныхъ наслажденій, Петръ Александровичъ прислалъ намъ „Выбранная мѣста изъ переписки съ прѣятелями“ (sic) Гоголя, съ наказомъ запереться отъ всѣхъ съ Сашей и заразъ прочитать внимательно всю книгу“. „Переписка съ друзьями“ была прислана авторомъ Плетневу для напечатанія въ одной изъ наименѣе посѣщаемыхъ типографій и съ просьбой о полнѣйшемъ секрѣтѣ, который въ другихъ случаяхъ, дѣйствительно, свято сохранился Плетневымъ, но для Кулиша было сдѣлано исключеніе, какъ для особенно близкаго человѣка и притомъ горячо интересовавшагося всѣмъ, чтд касалось Гоголя: такимъ образомъ въ этомъ исключительномъ довѣріи до вѣкоторой степени сказалась степень дружеской довѣрчивости Плетнева къ Кулишу. Сохранились впрочемъ даже

¹⁾ См. Кіев. Сг. № 3.

известія, что Плетневъ хотѣлъ передать Кулишу свой „Современникъ“, ¹⁾ а предъ выѣздомъ за границу рекомендовалъ Кулиша Жуковскому слѣдующимъ выраженіемъ: „посылаю тебѣ другого себя“.

Кулишъ поѣхалъ съ женою на Киевъ и Варшаву. Въ Киевѣ онъ видѣлся съ Юзефовичемъ, Юскевичемъ, библіографомъ Свидзинскимъ, съ княжной Вар. Ник. Репниной и познакомился съ Ригельманомъ, о которомъ даетъ самый лучшій отзывъ какъ въ письмѣ, такъ и въ дневникѣ. Въ Варшавѣ же онъ познакомился съ молодымъ ученымъ полякомъ Микуцкимъ, желавшимъ поступить въ московскій университетъ и уже представившимъ одно филологическое изслѣдованіе въ Академію наукъ, которое удостоилось тамъ одобренія, переданного ему черезъ Плетнева. Кулишъ рекомендуетъ его вниманію Бодянскаго. Въ дорогѣ онъ дышитъ полною грудью и наслаждается всѣми фибрами своего существа, раздѣляя восторги съ женою, о которой съ удовольствіемъ замѣчаетъ въ дневникѣ: „Спутница моя—великая охотница до развалинъ, и въ Корецѣ налюбовалась ими вдоволь“. Общее настроеніе самое счастливое: „Благодарю Провидѣніе и чувствуя, какъ много долженъ я поработать, чтобы оправдать его необыкновенную благость ко мнѣ“.²⁾

¹⁾ См. Цереписку Грота съ Плетневымъ т. II, стр. 613 и проч.

²⁾ Болѣе подробный маршрутъ Кулиша можетъ быть замѣченъ на основаніи его дневника: изъ Киева онъ поѣхалъ черезъ Волынскую губернію, миновалъ Радомысьль и Житомиръ, Новоградъ-Волынскъ, Корецъ, наконецъ прибылъ въ Варшаву. Вездѣ его вниманіе привлекали красоты мѣстностей, остатки древностей, развалины; онъ постоянно ихъ рисовалъ, интересъ археолога и живое чувство эстетика находили себѣ повсюду обильную пищу; на все Кулишъ смотрѣлъ глазами любознательнаго и мыслящаго человѣка, безъ вся资料 искусственно напряженія и почти незамѣтно для самого себя схватывая въ каждомъ заслуживающемъ вниманіемъ предметъ черты, часто совершенно ускользающія отъ людей, усердно старающихся осматривать въ путешествіи достопримѣчательное, но не умѣющихъ найти... Кулишъ же былъ и драгоценнымъ спутникомъ для менѣе наблюда-

Со временемъ Кулишъ въ весьма поэтическихъ краскахъ выражалъ свои чувства въ письмахъ къ женѣ, напр., говоря о хугорѣ Мотроновкѣ, онъ однажды писалъ: „Здѣсь все оживляеть въ моей душѣ воспоминавія сладкихъ минутъ любви моей, и ты, будучи наконецъ старушкою, въ этихъ мѣстахъ вѣчно будешь одарена сіяніемъ молодости, которая даровала мнѣ столько счастливыхъ минутъ и поэтическихъ страданій“. Въ другомъ письмѣ и въ другое время онъ говорилъ: „Я нашелъ наши юнічальнія свѣчи и возьму ихъ съ собою. Священный памятникъ! я не желалъ бы оставить его въ чьихъ-бы то ни было рукахъ послѣ моей смерти; оскорбительна и самая мысль обѣ этомъ. О Саша, да будетъ благословенъ день нашего знакомства! Много горя испыталъ я отъ своего собственнаго и твоего неблагоразумія, но душа моя удовлетворена сознавіемъ, что меня любила и любить такая благородная, прекрасная женщина“. Такія чувства онъ сохранилъ къ женѣ до золотой свадьбы, т. е. до послѣднихъ дней жизни.¹⁾

Веселые и счастливыеѣхали Кулишъ съ женой и В. М. Бѣлоцеркій; въ самомъ радостномъ настроеніи были они въ Баршавѣ, гдѣ много бесѣдовали съ своимъ землякомъ, сенаторомъ Стороженко, который привлекалъ къ себѣ Кулиша своими украинскими симпатіями и интересами и хранившимся у него рѣдкими національными документами высокой цѣнности. Стороженко рекомендовалъ Кулиша намѣстнику, известному Паскевичу—также малороссу—какъ козака чистой крови.—„Приводи его ко мнѣ!“ съ живостью воскликнулъ Паскевичъ, но въ эту самую минуту получилъ изъ Петербурга приказъ объ

тельныхъ людей, невольно открывая имъ глаза на эти «ускользающія достопримѣчательности».

¹⁾ Въ одномъ письмѣ къ Чуйкевичу Кулишъ говорить: «Да, я счастливъ своею женкою: такая украинка, что просто восхищеніе: Шевченкаlausus знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ иного и студента; женщина разумная, твердая въ вѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдностямъ человѣчества—однимъ словомъ, достойная самой высокой степени въ обществѣ» («Кіевская Старина», 1893, IX, стр. 357).

арестъ Кулиша, и Кулишъ съ Бѣлозерскимъ немедленно были отправлены обратно.

XIV.

Трехлѣтнее пребываніе въ Тулѣ было самой безотрадной полосой въ многострадальной жизни Кулиша.¹⁾ Испытаніе казалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ рѣзче и безпощаднѣе чувствовался переходъ отъ мелькнувшаго свѣтлымъ лучемъ счастья и радужныхъ блестящихъ надеждъ недавняго прошлаго къ мукамъ безпросвѣтнаго горя. Все порвалось сразу, но молодость и избытокъ душевныхъ силъ имѣли спасительное дѣйствіе на Кулиша, облегчая тяжесть наложенныхъ на него веригъ. Благодаря имъ, блѣднѣло сознаніе неожиданно рухнувшей карьеры и бодрѣе переносились тяжелыя материальныя невзгоды, хотя ничто не было въ силахъ заглушить въ такой энергичной и дѣятельной натурѣ болѣзвненнаго ощущенія невольнаго перерыва дѣятельности. Въ то время какъ другого прежде всего стала бы въ подобномъ положеніи угнетать мрачная неизвѣстность въ будущемъ и невыносимая окружающая обстановка, „горячій“ Кулишъ жестоко страдалъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ человѣкъ, призванный къ дѣятельности и борьбѣ, полный силъ и по самому temperamentu rвущійся въ водоворотъ жизни, но въ это же время обреченный на несвойственное ему бездѣйствіе; его терзала насильная и бесплодная задержка на неопределѣленное время на только-что начатомъ пути, тогда какъ жизнь не ждала, и лучшіе годы уходили. Разлученный съ друзьями, оторванный отъ литературнаго міра, онъ былъ поставленъ въ необходимость,

¹⁾ Первоначально Императоромъ Николаемъ было назначено: «запретить писать и на службу въ Вологоду». («Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 292).

отложивъ лучшія мечты и надежды молодости, сживаться съ несимпатичной и чуждой средой, съ которой мало имѣлъ общаго и въ особенности не былъ связанъ самыми интимными, задушевными стремленіями. Находясь на положеніи ссылочнаго, онъ былъ, наконецъ, обреченъ терпѣть всякия придишки и стѣсненія со всѣхъ сторонъ и считаться съ предубѣжденіями мѣстныхъ обывателей. Дневникъ былъ теперь надолго забытъ Кулишемъ, и только 6 октября 1848 г. онъ записалъ въ немъ слѣдующія строки: „Этотъ большой промежутокъ времени“ (съ начала ссылки) „исполненъ былъ разнаго рода горестями, которыхъ не имѣю духу писать, потому что до сихъ поръ не вышелъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которое попалъ, какъ въ яму. Надѣюсь, что съ перемѣной обстоятельствъ я примусь за описание этой эпохи моей жизни съ удовольствіемъ пловца, рассказывающаго о минувшихъ опасностяхъ. Теперь, для ясности дневника, скажу только, что въ Варшавѣ я былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а оттуда послали меня на службу въ Тулу. Здѣсь я нашелъ въ людяхъ, съ которыми я долженъ былъ имѣть сношенія, такую супровость нравовъ, какъ будто я опальный временъ Бориса Годунова. Должности по службѣ мнѣ до сихъ поръ не дали (т. е. не дали такой, которая бы для меня сносною), и я живу съ женой въ тѣсной квартирѣ, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ“. ¹⁾ Въ исходѣ первого года ссылки онъ въ такихъ выраженіяхъ жаловался на свое житѣе О. М. Бодянскому: „Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку—не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраниются отъ меня, я служу и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи“. Въ то же время онъ утѣшалъ Бодянскаго,

¹⁾) «Кіев. Ст.», 1897, X, 43 и „Рус. Арх.“ 1892, XI, 299—300

переведенного за напечатаніе извѣстнаго сочиненія Флетчера въ казанскій университетъ изъ московскаго. 24 ноября 1848 г. Кулишъ писалъ Бодянскому: „Полежимъ на прилавкѣ и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безопасно веселиться зрѣлищемъ треволненій свѣта. Мы трудились, работа вырвана у насъ изъ рукъ: отчего жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашимъ ворогамъ было тѣжко: пускай видитъ свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякому мѣстѣ владычества его“.¹⁾) „Къ счастію, тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще въ вышокой степени и невозможно ничѣмъ убить его“.

XV.

Вѣшняя обстановка Кулиша была, конечно, также самая печальная. Еще въ самое первое время было немного легче: молодому иному энергіи идеалисту какъ-то не вѣрилось, чтобы судьба надолго захотѣла забросить его въ Тулу, и онъ, несмотря ни на что, нѣкоторое время не терялъ надежды на скорое избавленіе. Молодые супруги заняли недурную квартиру въ домѣ какого-то кузнеца, стоившую четыреста руб-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1892, XI, 302, и «Кievск. Стар.», 1897, XI, 242. Впослѣдствіи, когда, по минованиѣ кары, Бодянскій былъ снова возвращенъ на московскую каѳедру, Кулишъ писалъ ему: «Нужно ли увѣрять васъ, что я отъ всей души раздѣляю вашу радость. Я варочемъ долго досадовалъ на себя, отчего я не радуюсь возвращенію вашему на каѳедру такъ, какъ радуюсь какому-нибудь событию въ собственномъ уголкѣ. Но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволку, которая тонкою, но непрерывною

лей въ годъ, чтб показываетъ въ нихъ недостаточное пока сознаніе всей трудности своего положенія; они старались, насколько возможно, украсить свое изгнаническое жилище согласно съ требованіями развитаго вкуса. Но мѣсяцы тянулись длиной вереницей и рѣшительно не приносили съ собой ничего похожаго на смягченіе участія, а между тѣмъ понемногу проживалось все приданное, такъ что вскорѣ пришлось переселиться уже на маленькую дешевую квартирку, состоявшую всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ мебелью. Здѣсь-то начинались всякия невзгоды и непріятности. Въ противоположность прежнему добруму, хотя и совершенно простому хозяину-кузнецу, котораго Кулишъ въ своемъ идеалистическомъ увлеченіи безуспѣшно хотѣлъ сколько-нибудь образовать и съ этой цѣлью нерѣдко приглашалъ къ себѣ на чай или на вечеръ, новые хозяева стали обращаться съ своими жильцами, какъ съ людьми отверженными и беззащитными, которыхъ можно было тѣснить сколько душѣ угодно, потому что они, какъ люди опальные и безправные, не могли жаловаться. Рѣшивъ, что съ ссылыми церемониться нечего, эти люди начали мало-по-малу, основываясь на томъ, что для двоихъ не надо много места, постепенно отнимать у жильцовъ то комнату, то сѣни, то сарай для дровъ, и даже начали заставливать сундуками выходъ изъ квартиры. „Дней десять или болѣе назадъ“, писаль однажды Кулишъ оному изъ родственниковъ,— „мы испытали отъ своихъ хозяевъ такія непріятности, что должны были перемѣнить квартиру. Къ нимъ изъ Москвы возвратились ихъ прежніе жильцы, и этого было достаточно, чтобы загородить сундукомъ дверь въ общую переднюю и заставить насъ принимать гостей черезъ кухню и спальню— другого средства выжить насъ въ ихъ головахъ не отыскалось. И послѣ этого еще приходитъ хозяинъ прощаться какъ ни въ

питью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ“. За все время отсутствія Бодянскаго изъ Москвы Кулишъ часто спрашивалъ его, не нуждается ли онъ, и предлагалъ ему деньги.

чемъ не бывало. Мы перенесли эту скверность съ образцовымъ терпѣniемъ". Квартирной платы такие люди, разумѣется, не хотѣли ждать ви одного лишняго дня, и каждый разъ передъ приближенiemъ срока хозяйка цѣлый день съ утра не уставала напоминать о ней. Но особенно возросла ихъ наглость, когда молодымъ изгнанникамъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ вищетой. Они могли бы, правда, написать о своемъ положеніи въ деревню, къ тещѣ Кулиша, но этому мѣшало то, что послѣдняя, слишкомъ живо принималъ къ сердцу всѣ интересы молодой четы, была намѣренно и весьма заботливо оставляема въ невѣдѣніи о томъ, что происходило на самомъ дѣлѣ; если-бы она могла только представить себѣ, какую нужду, какую горькую участъ терпѣла съ зятемъ на чужой сторонѣ ея любимая дочь, только что выпорхнувшая изъ теплого родительского гнѣзда пѣка и всегда балованная не только своей семьей, но даже всѣми сосѣдями! Трудно было-бы поручиться, какія послѣдствія могло имѣть не прикрашенное правдивое извѣстіе, способное, можетъ быть, ее, не привыкшую къ самой мысли о ссылки мужа своей дочери, убить въ буквальномъ смыслѣ слова. „Жена уѣхала въ Малороссію"—писалъ Кулишъ Бодянскому въ октябрѣ 1847 г., слѣдовательно уже по прошествіи полугода ихъ ссылки—„чтобы отдохнуть отъ своихъ горестей, которыхъ злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посыла при самомъ началѣ ея жизнеи-наго поприща".¹⁾ Но при свиданіи она не рѣшилась разсказать матери всю истину о ихъ житьѣ-бытьѣ, хотя послѣднее становилось совершенно невыносимымъ, когда даже ихъ собственная крѣпостная прислуга, видя беззащитность господъ, начала имъ заявлять съ презрѣniемъ, что она не привыкла къ ихъ порядкамъ, что у настоящихъ господъ долженъ быть собственный домъ, а не наемная квартира, что они должны держать цѣлый штатъ слугъ и занимать просторные покои. Эти мелочи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, не давали забывать о горькой бѣправности,

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 43.

въ особенности когда надо было перебиваться, отказывая себѣ въ необходимомъ, спать на полу и скрывать отъ окружающихъ размѣры своей нужды, во избѣжаніе того смѣшанного съ ненавистью презрѣнія, съ какимъ относятся всякаго рода холопы къ обѣднѣвшимъ господамъ¹⁾. Жестокое однообразіе ворчанья хозяйки и горничной, не безъ ядовитости любившей напоминать женѣ Кулиша о прежней лучшей порѣ, о колыскахъ и другихъ принадлежностяхъ былого довольства, всякия дрязги въ родѣ совершенно открытаго и наглаго грабежа дровъ въ сараѣ, и т. п.—до того разстраивали и выводили изъ себя, что Кулишъ даль своимъ гонительницамъ разныя нелестныя для нихъ прозвища въ городѣ: проклятушая баба № 1, проклятушая баба № 2 и т. п. Въ то же время приходилось иногда подвергаться обидному обращенію и со стороны людей, принадлежавшихъ къ такъ называемому образованному классу. Такъ, однажды съ чувствомъ глубокаго возмущенія Кулишъ сообщалъ своей женѣ объ одномъ родственнике ихъ общихъ знакомыхъ: „Сегодня онъ присыпаетъ мнѣ солдата сказать мнѣ, что у него есть какое-то письмо ко мнѣ изъ Петербурга и что не угодно ли мнѣ съ нимъ повидаться. Я разспросилъ солдата обстоятельно, какъ именно онъ говорилъ, и убѣдился, что дѣйствительно, вместо визита мнѣ, послалъ за мной, какъ за сапожникомъ. Хоть бы записку написалъ и, какъ водится между порядочными людьми, извинился чѣмъ-нибудь, что не можетъ самъ побывать у меня, а просить къ себѣ, а то отыскалъ какого-то десятскаго и, для первого знакомства, прислалъ пригласить къ себѣ въ гостинницу“.

Тяжело было все это, но еще несравненно тяжелѣло было невольное отчужденіе отъ общества, происходившее отъ того, что «всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того образованія,

¹⁾ Злосчастная чета должна была даже прибѣгать къ хитростямъ, чтобы скрыть свое истинное положеніе; такъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду приказывали ставить самоваръ, не пользуясь имъ, частью для вида, частью только для прислуги..

при которомъ знакомство было бы пріятно», такъ что—писаль Кулишъ въ дневникѣ: «одинъ только художникъ А. да его сестра у насъ бывають». При такихъ условіяхъ осталось только совершенно утонуть въ литературныхъ занятіяхъ,¹⁾ какъ и дѣлалъ Кулишъ, изучая лѣтописи и „Книгу Большого Чертежа²⁾ и работая надъ собственными трудами; но натура подвижного сангвиника требовала болѣе разнообразной дѣятельности и больше непосредственного соприкосновенія съ жизнью. Тѣмъ не менѣе свойственная Кулишу бодрость духа и спокойная совѣсть значительно облегчали трудность его положенія. 27 іюня 1840 г. онъ писалъ Бодянскому: „Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города иходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Невдалекѣ отъ города на низменномъ холмѣ виднѣется прекрасная церковь съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церкви кладбище съ сельскими непышными крестами; за нею и вокругъ— поля и лѣса.“³⁾ Любовь къ природѣ является прекраснымъ бальзамомъ для душевныхъ мукъ. Позднѣе, 10 мая 1850 года, Кулишъ также писалъ Бодянскому: „Я совершилъ новый переѣздъ на квартиру и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ сады и пруды, въ которыхъ безъ умолку распѣваютъ воздушные и водяные жители, чтѣ мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чай-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи“.⁴⁾

¹⁾ Кулишъ написалъ въ Тулѣ «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріѣ Самозванцѣ», исторический романъ «Алексѣй Однорогъ», романъ «Искатели счастья» (потомъ сожжены, но изъ него напечатана часть подъ названіемъ «Потомки Гайдамаковъ»).

²⁾ «Русскій Архивъ», 1892, XI, 299; «Кievская Старина», 1897, XI, стр. 42.

³⁾ «Кievская Старина», 1897, XI, стр. 253.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 258.

XVI.

Черезъ нѣкоторое время, однако, нашлись въ Тулѣ образованные люди, понимающіе значеніе идей и дѣятельности Кулиша и умѣвшіе цѣнить его какъ талантливаго представителя серьезнаго умственнаго труда. Между такими людьми онъ нашелъ по-томъ даже друзей и почитателей, чтоб, безъ сомнѣнія, не могло не ободрить его въ нравственномъ отношеніи, когда онъ уже совсѣмъ готовъ былъ „считать себя похожимъ на зачумленаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любить“.¹⁾ Впрочемъ, самочувствіе его было все-таки, можетъ быть, лучше, нежели его товарищѣ по изгнанію; онъ все-таки „благоденствовалъ, поколику это возможно въ Тулѣ“,²⁾ тогда какъ Н. И. Костомаровъ приблизительно около того же времени жаловался на то, что его въ Саратовѣ „томитъ такая убийственная грусть, которую описать невозможно. Заняться нечѣмъ, читать нечего“.³⁾ „Горе мнѣ на чужинѣ и только“, писалъ онъ, а его мать значительно позднѣе сокрушалась о томъ, что „Николай безъ должности; мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованія, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ“.⁴⁾ А между тѣмъ Костомаровъ пользовался несравненно лучшимъ обществомъ, къ которому принадлежали между прочимъ люди, также интересовавшіеся исторіей, какъ напр. сдѣлавшійся впослѣдствіи профессоромъ петербургскаго Александровскаго лицея Е. А. Бѣловъ и другіе. Мы едва ли ошибемся, если эту разницу объяснимъ неподинаковымъ семейнымъ положеніемъ обоихъ друзей; жизнь Костомарова была некрасна, помимо неволи, отъ стеченія цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимала потеря имъ около того времени

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, стр. 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

³⁾ Тамъ же, стр. 133.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 139.

восьми слишкомъ тысячъ руб. денегъ и необеспеченная жизнь безъ жалованья, грозившая разоренiemъ, и все-таки въ материальномъ отношеніи онъ, разумѣется, былъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ въ сравненіи съ почти круглымъ бѣднякомъ Кулишомъ. Но недозволеніеѣхать въ Киевъ для женитьбы, беспокойство за жизнь матери, долго оставлявшей его безъ писемъ въ холерный 1848 годъ, хлопоты и заботы по поводу веденной ею тяжбы, а главное—отсутствіе живой нравственной поддержки въ средѣ домашней удручили его до того, что онъ однажды характеризовалъ свое нравственное состояніе въ слѣдующей фразѣ: „цѣль горестей вяжетъ всю жизнь мою“.¹⁾ Кулишу, напротивъ, сильно облегчала бремя ссылки его жена, бывшая для него не только вѣрной спутницей, но и главной его нравственной опорой. Это было существо, преданное ему въ высшей степени, энтузіастка любви и преданности, готовая всюду идти за нимъ, подвергаться для него всякимъ испытаніямъ. „Вида передъ собой человѣка съ божественнымъ ореоломъ“,—говорила она,—я молилась его образу, дивилась ему, наглядѣться не могла“. Всѣ планы, большие и малые, каждый жизненный шагъ обсуждались обоими супругами сообща, безъ разногласій и неудовольствій. Но особенно Кулишъ почерпалъ всегда энергию въ беззавѣтной преданности своей жены, встрѣчая въ тяжелыхъ минутахъ ея заботливый, любящій взоръ. По своей практическости имъ случалось иногда обоимъ ради насущнаго хлѣба придумывать совершенно неподходящіе для нихъ предприятія, напр. напинять огородъ для обработыванія овоцей, но, съ другой стороны, иногда удавалось въ самомъ дѣлѣ пріискать полезный и благодарный трудъ; такъ, по цѣлымъ часамъ работалъ Кулишъ за столярнымъ верстакомъ, трудясь надъ выдѣлкой подставокъ для иконъ, такъ называемыхъ „божниковъ“, чтобы продажей ихъ выручить хоть какія-нибудь деньги. Такая нравственная выдержка и энергія молодой четы, такое умѣніе обегчать другъ другу общее бѣдствіе были высоко оценены тѣми людьми, кото-

¹⁾ Тамъ же, стр. 136.

рымъ случалось ближе узнать въ то время жизнь Кулишевъ и которые умѣли уважать нравственныя достоинства, не смущаясь бѣдностью обстановки. И вотъ Тула, а отчасти Москва, даютъ Кулишу въ сколько новыхъ драгоцѣнныхъ друзей, сохранившихъ къ нему навсегда теплую привязанность. Въ то время прежде всего съ нимъ сблизился жившій въ Москвѣ директоръ Московско-Тульского банка Николай Яковлевичъ Макаровъ. Изъ признательности къ его теплой, безкорыстной дружбѣ и изъ уваженія къ его уму и рѣдкой добротѣ, Кулишъ, лишившійся по волѣ императора Николая I права писать и подъ своими произведеніями подписывать собственную фамилію, какъ бы слилъ на время свою литературную личность съ его именемъ, такъ что и до сихъ порь нѣкоторые его труды не успѣли появиться въ новыхъ изданіяхъ подъ именемъ своего настоящаго автора. Главный же другъ Кулиша въ Тулѣ былъ жандармскій капитанъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, служившій въ послѣдствіи комендантромъ динабургской крѣпости. Сближеніе съ нимъ Кулиша было настолько тѣсное, что они даже задумали написать вмѣстѣ романъ, не составивъ, однако, предварительно общаго плана, но поступая такъ: напишетъ одинъ изъ нихъ главу и, не сообщивъ даже товарищу по работѣ содержанія написаннаго, получить отъ него продолженіе—и такъ было написано нѣсколько главъ...¹⁾ Очень оригинальна была первая встречка и начало знакомства Кулиша съ Гусевымъ. Однажды въ концѣ юля, наканунѣ именинъ Кулиша, ²⁾ его жена, занимаясь убран-

¹⁾ Объ этомъ романѣ Кулишъ писалъ въ 1865 г. В. В. Тарновскому (см. «Кіевская Старина», 1898, IV, 111 стр.) Конія съ рукописи хранится у одного изъ родственниковъ Кулиша, И. И. Бѣлозерскаго.

²⁾ Именны Кулиша всегда праздновались нашей изгнанической четой по возможности весело, для чего обыкновенно они пользовались квартирой своего пріятеля Гусева. Однажды онъ такъ описывалъ это Бодянскому: „Играли на фортепіано, пѣли, танцевали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиной полей, обнажилъ въ ней своимъ отраженіемъ

ствомъ комнаты и устраивая гирлянду изъ полевыхъ цветовъ для семейного праздника, стала на подоконникъ и вдругъ, къ величайшему ужасу своему, видѣть на улицѣ неизвѣстнаго человѣка въ синемъ мундирѣ, направляющагося самымъ несомнѣннымъ образомъ прямехонько къ ихъ калиткѣ. Этого было достаточно, чтобы напуганное воображеніе нервной женщины нарисовало страшную картину, и Александра Михайловна едва могла удержаться на ногахъ. Поспѣшилъ соскочивъ съ подоконника, она едва успѣла, показавъ въ окно, шепнуть мужу: „Кажется, нась ждетъ новое несчастіе!“ Но вотъ непрошенній гость уже входитъ въ калитку. Пантелеимонъ Александровичъ, только-что вернувшійся съ кладбища, на которое любилъ ходить, любуясь тамъ цветами, выходитъ на встрѣчу посѣтителю, а жена его, оставшись въ комнатахъ, переживаетъ ужасныя минуты. Но что это? отчего они долго не идутъ? что тамъ еще между ними? Выглянувъ въ окно, Александра Михайловна видѣть нечто совершенно невѣроятное: мужъ ея спокойнымъ тономъ говоритъ съ человѣкомъ въ синемъ мундирѣ; еще минута—они дружески обнимаются, слышатся привѣтствія и радостныя восклицанія. Наконецъ дѣло развязывается; незнакомецъ оказывается близкимъ родственникомъ одного изъ братьевъ Нордштремовъ, служившаго въ третьемъ отдѣленіи и просившаго его зайти навѣстить своихъ приятелей-изгнанниковъ. Говорятъ, что Гусеву Нордштремы на прощанье совѣтовали понравиться Кулишу и заслужить его уваженіе, и вотъ на вопросъ его, чѣмъ онъ можетъ достигнуть этого, Кулишъ съ живостью отвѣчалъ: „только правдою. Судите по совѣсти, защищайте невинныхъ, будьте милостивы къ заключеннымъ, и вы будете имѣть во мнѣ друга, и синий мундиръ не помѣшаетъ моему уваженію къ вамъ“.

Вскорѣ послѣ этого Гусевъ сдѣлалъ второй визитъ своимъ новымъ знакомымъ—уже съ женой, и оба семейства быстро подружились. „Прелестные люди во всѣхъ отношеніяхъ!“ вспо-

струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ этомъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности, пейзажъ».

минаетъ о нихъ Александра Михайловна. „Мы у нихъ очень часто бывали. Онъ пріятно пѣлъ „Бородушку“ и другія народныя пѣсни. Онъ предлагалъ намъ выстроить флигель на своемъ дворѣ“. Потомъ эти близкія отношенія были на короткое время прерваны смертью молодой жены Гусева, что повергло его въ глубочайшее отчаяніе; она скончалась въ Торжкѣ, куда поѣхала погостить у матери. Оставшись вдовцомъ съ двумя дѣтьми, Гусевъ нанялъ для нихъ нѣмку бонну, но глубоко чувствовалъ свое сиротство. Кулиши тогда приняли его предложеніе и поселились въ его домѣ въ мезонинѣ, избавившись тѣмъ отъ своихъ прежнихъ хозяевъ.¹⁾

Въ числѣ лицъ, умѣвшихъ съ тактомъ и деликатностью относиться къ Кулишу, слѣдуетъ назвать преемника тульскаго губернатора Круzenштерна, Козодаева, человѣка умнаго и просвѣщенаго, пріѣхавшаго первымъ къ Кулишу съ визитомъ. Наконецъ, къ тульскому времени жизни Кулиша относится также знакомство его съ будущимъ докторомъ И. П. Славницкимъ, любопытное потому, что здѣсь завязались добрыя отношенія между ученымъ и смѣло обратившимся къ нему за совѣтомъ подросткомъ—гимназистомъ, который оказался потомъ горячимъ его почитателемъ. Неожиданное обращеніе къ Кулишу юноши встрѣтило въ немъ, считавшемъ всегда умственный трудъ общимъ дѣломъ и общей задачей развитыхъ людей, теплый отголосокъ. „Милостивый государь“,—отвѣчалъ Кулишъ въ письмѣ: „мнѣ очень пріятно, что вы наугадъ или почему бы то ни было считаете меня человѣкомъ, готовымъ оказать ближнему услугу. Отчасти вы не ошибаетесь; но, какъ человѣкъ прямой, я дол-

¹⁾ Ко времени жизни въ домѣ Гусева относятся первые уроки рисованія, данные Кулишомъ его женѣ.—Были также и другіе случайные знакомые у Кулиша въ Тулѣ, какъ напр. иѣкто Шиманскій, о которомъ онъ упоминается въ одномъ изъ писемъ къ Бодянскому, Чарнецкій, получавшій отъ Кулиша польскія книги и въ благодарность доставлявшій ему книги изъ завѣдываемой имъ казенной библиотеки.

женъ васъ предупредить, что не на всякую услугу станетъ у меня великодушія. Я занятъ своими дѣлами очень сильно и при томъ съ такою (можетъ быть, и ошибочною) мыслью, что этимъ самимъ исполняю и обязанности любви къ ближнему. Вы почили меня названіемъ „ученаго“, следовательно должны предполагать въ моемъ умѣ цѣль, къ которой я стремлюсь, по возможности всѣми моими силами. И такъ вы можете и даже имѣете право ожидать совѣта и даже, можетъ быть, немногого болѣе того, если вы нуждаетесь въ немъ для какого-нибудь сочиненія, или для облегченія вашихъ трудовъ въ изученіи какой-нибудь хорошо известной мнѣ отрасли знаній. Вы видите, что я высказываюсь вамъ просто и откровенно, и если эта записка не перемѣнитъ вашего намѣренія лично со мною побесѣдоватъ, то не угодно ли вамъ завтра пожаловать ко мнѣ въ 10 часовъ утра. Можетъ быть, я буду дома одинъ, а если и не одинъ, то васъ будуть слушать лучшія уши, какія когда-либо природа помѣщала на женской головѣ: ¹⁾ это значитъ не что иное, какъ то, что ваши, положимъ, юношескія идеи не покажутся имъ непонятными или смѣшными. Вашъ покорный слуга П. К. ²⁾

Письмо это кажется намъ любопытнымъ какъ потому, что оно дышитъ правдивостью и полной готовностью притти на помощь юношѣ—корреспонденту, такъ и по выраженнымъ въ немъ чувствамъ любви и уваженія, которыми онъ былъ всегда связанъ съ женой. ³⁾

¹⁾ Т. е. его жены.

²⁾ По поводу этого письма г. Славинцкій сдѣлалъ на подлинномъ слѣдующую помѣтку: „первое письмо ко мнѣ, лично еще не знакомому. Я былъ тогда гимназистомъ въ предиослѣднемъ классѣ, а Кулишъ жилъ въ ссылкѣ въ Тулѣ.“

³⁾ О служебной дѣятельности Кулиша въ Тулѣ мы имѣемъ слѣдующія офиціальные данныя: „опредѣленъ въ канцелярію начальника Тульской губерніи 17 сентября 1847 года; назначенъ исполняющимъ должность корректора губернскій типографіи октября 24, 1848 года“. Болѣе подробныя данныя о службѣ и другихъ занятіяхъ Кулиша находимъ въ его перепискѣ.

XVII.

Въ исходѣ 1847 года Кулишу жилось уже значительно легче и представилось было, благодаря ходатайству тульскихъ знакомыхъ, правда, незначительное мѣсто при городской больнице. 16 декабря 1847 года онъ писалъ одному изъ братьевъ жены: „Былъ я сегодня въ первый разъ у Круаенштерна. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто смотрителя больницы; жалованья 400 р. (1500 р. асс.) и квартира. Я принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что предложеніе сдѣлано очень внимательно“. О томъ же онъ сообщалъ Бодянскому отъ 27 декабря: „новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы“¹⁾. Но отъ этого мѣста, однако же, Кулишъ потомъ отказался, отговаренный женой, которая страшилась за него возможности, къ довершенню всѣхъ бѣдъ и страданій, еще заразиться какой-нибудь инфекціонной болѣзнью. О предложеніи губернаторомъ Кулишу должности помощника редактора губернскихъ вѣдомостей за 600 р. въ годъ, мы находимъ въ перепискѣ указаніе, что занятіе это было принято временно, за неимѣніемъ другихъ, по крайней нуждѣ, хотя Кулишъ, сберегая свое время для болѣе производительныхъ и пріятныхъ трудовъ, систематически отказывался отъ многихъ другихъ предложеній, напр. отъ уроковъ: „Недавно къ П. А. явился какой-то чиновникъ съ предложеніемъ, не想要 ли онъ въ домахъ давать уроки, но П. А. отказался, потому что здѣсь самая хорошая цѣна 2 р. с. за урокъ, а тѣмъ болѣе онъ отказался, что ребенокъ десяти только лѣтъ: да за эти деньги, право, не стоитъ изъ нашей улицы выбираться“!

Таковы были условія жизни Кулишевъ въ Тутѣ. Отмѣтимъ въ заключеніе нашего обзора ихъ тульской жизни еще одно тяжелое приключение, хотя и не отразившееся ничѣмъ въ ихъ

¹⁾ «Кіївская Старина», 1897, X, 44.

далънейшей жизни и даже не особенно замѣтно вырисовывающеся на общемъ мрачномъ фонѣ ихъ изгнаническаго существованія, но тѣмъ не менѣе заслуживающее упоминанія. Этимъ происшествіемъ было наводненіе, чрезвычайно рѣдко случающееся въ Тулѣ (послѣднее передъ тѣмъ наводненіе было 30 лѣтъ назадъ). „Однажды“—вспоминаетъ Александра Михайловна Кулишъ—„мы услыхали какой-то необычайный гулъ; потому, смотримъ, понемногу появляется вода. Наконецъ, изъ находившихся напротивъ избъ, изъ оконъ плывутъ рѣшета, мычки, нитки и разныя хозяйственныя снаряды. На кровльѣ сидятъ женщины съ люльками, плачутъ дѣти, поютъ пѣтухи, воютъ собаки и иногда вода несетъ ихъ прикованными на цѣпь будкѣ, и будка кувыркается и толкаетъ ее во всѣ стороны; потомъ плывутъ люди на доскахъ, на членокахъ, въ воздухѣ слышится какое-то гудѣніе, а вода все прибываетъ. Встревоженный мужъ мѣряетъ воду каждыя десять минутъ, посматривая на часы, а вода все прибываетъ“. Такъ рассказывала намъ обѣ этомъ происшествіи Ганна Барвинокъ. „Сердце у насъ за-мираетъ, дѣваться намъ некуда и нѣть знакомой души“! прибавляетъ она: „недостаетъ уже трехъ вершковъ, чтобы хлынуть черезъ порогъ въ нашу кухню; вотъ уже и два вершка только... Книги и все погибаетъ, да и намъ то какъ выбраться. Не помню, сколько было часовъ ночи. Ждемъ дальше, чтѣ будетъ. Стоить вода полчаса, но уже не прибываетъ. Къ свѣту стала упадать, а потому все больше уменьшаться и наконецъ совсѣмъ исчезла“. Вскорѣ послѣ этого супруги наняли квартиру у бѣдныхъ дворянъ, перемѣнивъ свое жилище уже чуть не въ десятый разъ, но и тутъ повторилась прежняя исторія: то подъ благовиднымъ предлогомъ хозяева выпросятъ картину, на томъ основаніи, что братъ де рисуетъ, а назадъ не возвращаются, то зачитываютъ книгу...

ХVIII.

Въ началѣ декабря 1848 года Александра Михайловна Кулишъ, движимая любовью къ мужу и желаніемъ улучшить ихъ общую участь, рѣшилась бѣхать хлопотать въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ другихъ влиятельныхъ знакомыхъ, она могла разсчитывать особенно на содѣйствіе сенатора Кочубея, благодаря покровительству котораго воспитывались на казенный счетъ ея братья. Здѣсь она снова встрѣтилась и съ братьями, навѣстила по нѣскольку разъ всѣхъ друзей мужа и совершенно перенеслась въ иную, отрадную сферу. Обыкновенно по утрамъ она бѣдила (часто въ сопровожденіи брата Виктора Михайловича, не разъ хлопотавшаго также по дѣламъ Костомарова) хлопотать въ разныя учрежденія и къ разнымъ властямъ имѣющимъ лицамъ, а свободные часы и вечера проводила въ пріятномъ обществѣ Плетневыхъ и Ишимовыхъ. При наступленіи новаго года она писала мужу: „о Боже, если бы этотъ годъ былъ для насъ отрадой за всѣ наши многія, многія страданія! Неужели судьба наша не перемѣнится?.. Но я надѣюсь на что-то лучшее“. Первую встрѣчу съ П. А. Плетневымъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, она описываетъ такимъ образомъ: „Петръ Александровичъ заѣхалъ къ Ишимовой съ Олењкой (дочерью). Петръ Александровичъ входить въ гостинную, а я стояла у другихъ дверей, прямо противъ него; онъ улыбнулся, увидѣвшіи меня, и долго держалъ за руку. Потомъ мы удалились съ нимъ въ другую комнату, и онъ долго разспрашивалъ о тебѣ. Еще до его пріѣзда Олењка очень просила меня пріѣхать къ ней въ среду, но я не могла дать ей слова; она пригласила меня въ воскресенье и потомъ вмѣстѣ въ концертъ, и я обѣщала. Потомъ Петръ Александровичъ ту же самую просьбу повторилъ“. И вотъ снова передъ Александрой Михайловной мелькаютъ симпатичныя лица Плетневыхъ, Нордштремовъ, братьевъ Гротъ и другихъ. Иногда она въ дружескомъ кругу проводить вечера, ей играютъ на фортепіано, поютъ, читаютъ, но она ни

на минуту не забываетъ своей заботы, соединенной впрочемъ съ отрадной надеждой на освобожденіе. Въ одной дружеской семьеѣ просягъ подольше посидѣть, остатся ночевать; возвращается домой—тамъ снова ее ожидаетъ радушная встрѣча знакомыхъ. „Боже, опять ласки, вниманіе! да наградитъ ихъ всѣхъ Господь“! восклицаетъ Александра Михайловна. Но посреди хлопотъ, по разнымъ причинамъ сильно затянувшихся, внезапно начались новыя волненія: оставшійся въ Тулѣ бывшемъ мужъ заждался и наконецъ, захворавъ, дошелъ въ свое мѣсто непріѣніи до того, что совершенно въ разрѣзъ съ своими прежними инструкціями,¹⁾ настойчиво потребовалъ скорѣйшаго возвращенія жены. Главное же было то, что его затворническая жизнь не оживилась и не скрашивалась теперь постояннымъ присутствиемъ преданного существа. Извѣстія изъ Петербурга сильно взволновали его, живо перенося въ счастливое прошедшее²⁾, и дразнили своимъ убийственнымъ контрастомъ съ переживаемыми впечатлѣніями, хотя, съ другой стороны, онъ получалъ возможность слѣдить за всѣмъ, касающимся друзей, причемъ иногда до него доходили интересныя и важныя извѣстія. Что было дѣлать? Александра Михайловна стала совѣтоваться съ Плетневымъ, который сказалъ ей: „оно похожъ на ребенка; напишите ему нѣжное письмо, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгое и убѣдительное“. Такое мнѣніе Плетнева было вызвано, можетъ быть, какимъ-нибудь неожиданно рѣзкимъ отвѣтомъ ему Ку-

¹⁾ Прежде онъ писалъ ей такъ: «Если нужно оставаться въ Петербургѣ для успѣха въ нашемъ дѣлѣ, то оставайся, не порть его выѣздомъ; но если отказъ или рѣшеніе, то не медли ни одного дня, потому что дни мнѣ кажутся годами».

²⁾ Съ другой стороны, вспоминались, конечно, и печальные эпизоды изъ прошлой жизни; напр., однажды Александра Михайловна писала мужу: «положеніе мое въ эту минуту похоже на давно прошедшее», (т. е. на то, что происходило съ ней во время его заключенія въ Третьямъ Отдѣленіи, когда она жила у брата Виктора): «лежу на томъ же диванѣ, гляжу на куполъ Исаакіевскаго собора, освѣщенный солнцемъ, всыпываю тѣ же мученія, думая о тебѣ».

лиша. Настроение послѣдняго въ его письмахъ къ Плетневу являлось иногда слишкомъ перемѣнчивымъ, такъ что случалось, что похвалы Плетнева мужеству и терпѣнію, съ какими Кулишъ переносилъ свое несчастіе, вызывали неожиданно цѣлую бурю неудовольствія со стороны послѣдняго, заставъ его въ минуту отчаянія. Въ маѣ 1849 г. Плетневъ писалъ Кулишу: „Ни съ чѣмъ не сравни утѣшенія, какое доставили мнѣ письмомъ своимъ отъ 14 мая. Въ немъ я встрѣтилъ все, чѣмъ такъ давно усиливался наполнить сердце мое, потрясенное бурею и долго смущаемое волнами житейского моря. Теперь, сколько я долженъ судить по всему заключающемуся въ письмѣ вашемъ, вы достигнули благополучной пристани“ и проч... Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: „Вы прекрасно сказали, что вышедшее награжденіе—въ самомъ трудѣ“ и проч. На это послѣдовала очень рѣзкій отвѣтъ: „Сытый голоднаго не разумѣеть. Восхищались люди и умирающимъ гладіаторомъ“ и проч.

Въ концѣ 1849 года Кулишъ уже началъ отчаяваться и терять терпѣніе. Однажды онъ писалъ: „Если надо просить намъ графа Орлова, то увѣдомьте и дайте наставленіе, какъ. Я право, не знаю, о чѣмъ просить. Я уже перепробовалъ все, и ничего не хотятъ для меня сдѣлать—такъ не лучше ли дать покой себѣ и другимъ и довольствоваться тѣмъ, чего меня не лишили. Притомъ же не знаю, буду ли я счастливѣе съ перемѣнною своего положенія. Я такъ вошелъ въ свою колею, что мнѣ тяжело и подумать о другой. Впрочемъ, какую бы мнѣ ни дали службу, если только она доставить мнѣ средства жить, я ее приму съ благодарностью. Но если и ничего не дадутъ, то не стану ни на кого жаловаться: мнѣ хорошо и такъ на свѣтѣ; жаль бѣдной Сапи, но все-таки грѣхъ жаловаться на тоску, когда я очень рѣдко даже припоминаю, гдѣ я и въ какомъ положеніи. Съ утра до вечера я всегда занятъ самымъ пріятнымъ образомъ и желаю одного—чтобъ заниматься такъ вѣчно“.

Черезъ жену доходили до Кулиша извѣстія о другихъ дорогихъ ему людяхъ, хотя и не жившихъ въ Петербургѣ, но находившихся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Но всего передать въ письмахъ было невозможно, а часто и неудобно, и потому приходилось многое откладывать до личного свиданія: „Сердце мое! мнѣ будетъ нужно много о чёмъ разсказать тебѣ при свиданії“, писала однажды Александра Михайловна мужу. Такъ она рвалась всей душой къ мужу и, въ свою очередь, долго безуспешно ждала свиданія съ любимымъ братомъ Василіемъ, который отчасти взялъ на себя по-тому продолженіе хлопотъ и въ началѣ 1850 года такъ извѣщалъ о своихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ: „въ Петербургѣ буду умолять достопочтеннѣйшаго генерала Дуббельта—оказать вамъ свою милость—перевести васъ въ Москву или дать лучшую должность“. Но долго не удавалось, однако, добиться исполненія не только этихъ просьбъ, но и простого свиданія. Зная нетерпѣливое ожиданіе своей сестры, онъ же съ грустью писалъ ей: „и стукъ колесъ, и визжаніе саней—все обманываетъ твое ожиданіе. Я здѣсь и здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ и ни на шагъ не подвигаюсь къ югу“. Наконецъ благодаря отчасти содѣйствію сенатора Кочубея, административная кара была снята съ Кулиша. Но больше здѣсь имѣло вліяніе представленіе Кулиша въ Тулѣ, по желанію губернатора, великимъ княземъ во время ихъ проѣзда черезъ городъ. 6 сентября 1850 года Кулишъ писалъ Боданскому: „Совершилъ путешествіе на Куликово поле, нарисовалъ памятникъ Димитрю Донскому для представленія великимъ князьямъ, во время ихъ проѣзда черезъ Тулу. Сегодня все это представлено, причемъ я удостоенъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ“¹⁾). Когда онъ получилъ первое извѣстіе объ осво-

¹⁾ Есть въ одномъ заграничномъ изданіи, въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ, повидимому, на основаніи сообщеній самого Кулиша, свѣдѣніе о томъ, что Кулишъ, описавъ мѣстную старину во время своего заточенія въ Тулѣ, снабдилъ свой трудъ въ видѣ иллюстраціи археологическими и другими акварелями, и когда императоръ Николай увидѣлъ ихъ, то заинтересовался узнать имя художника. Это обстоятельство будто бы имѣло немалое вліяніе на болѣе раннее прощеніе Кулиша сравнительно съ его товарищами по несчастію.

божденіі черезъ жандармскаго полковника Шварца, (это было 14 декабря 1850 года), радость совершенно лишила его употребленія слова и онъ едва былъ въ состояніи на клочкѣ бумаги написать своей женѣ священное слово: „свобода“; клочекъ этотъ навсегда получилъ съ тѣхъ поръ для супруговъ драгоцѣнное значеніе и сохраняется до настоящаго времени у его вдовы. Плетневъ и другіе друзья Кулиша сочувствовали его освобожденію отъ всей души¹⁾). Костомаровъ, узнавъ о радостномъ событии, писалъ Виктору Михайловичу Бѣловерскому: „Извѣстіе объ освобожденіи Пантелеимона Александровича доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему счастье по кратковременному страданіи“²⁾.

В., Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Кулишъ былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ и переписывался съ нимъ; см.—«Жизнь въ труды Цогодина», IX, 433—435; также VII, 141—145; VIII, 251—252; тамъ же о катастрофѣ 1847 г. XII, 147—150.

²⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 136.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (Описание). Столѣтній юбилей Энеиды Котляревскаго, помимо нѣкотораго оживленія національного чувства, явился счастливымъ и въ другомъ отношеніи. Открылся рядъ рукописныхъ произведеній К—скаго, хотя правда и не оригиналовъ, но являющихся древнѣйшими по сравненію съ печатными экземплярами и потому представляющихъ интересъ прототиповъ или во всякомъ случаѣ варьантовъ. Таковы—изданный Ш. Житецкимъ списокъ «Энеиды» и другой, открытый недавно проф. Дашкевичемъ; затѣмъ, найденный, какъ мы слыхали, списокъ «Москала Ч.» и предлагаемая нами рукопись «Наталки П.». О научномъ значеніи подобныхъ находокъ говорить не приходится: оно—внѣ сомнѣнія, если рукописи представляютъ даже тождественность съ печатными экземплярами, а тѣмъ болѣе при несходствѣ съ ними. Подобные рукописи утверждаютъ или дополняютъ все напечатанное поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ освѣщающіе самую личность автора. Къ такого рода спискамъ мы должны отнести и настоащій—«Наталки», представляющій для изслѣдователя, какъ мы постараемся показать, несомнѣнную важность. Рукопись «Наталки»—небольшая книжечка въ 8-ю листа, безъ пагинаціи и, къ сожалѣнію, безъ одного листка; написана она на пожелѣвшей отъ времени бумагѣ, на оборотѣ послѣдняго листка имѣть зачеркнутую фамилію «Лукашевича» и, что самое главное, на 2-мъ листкѣ носить ясно обозначенную дату «1820» года. Эта послѣдняя сразу дѣлаетъ списокъ «Наталки» заслуживающимъ хотя бы формаль-

чаго вниманія; вѣдь онъ на 18 лѣтъ старше первого, теперь антикварнаго, изданія нашей оперы и написанъ только на годъ позже появленія ея на сценѣ! Онъ, конечно, одинъ изъ массы подобныхъ же списковъ, ходившихъ въ то время по рукамъ въ Украинѣ, написанъ не авторомъ пьесы, но во всикомъ случаѣ довольно исправно. Исторія этого списка не сложна; по собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ находился первоначально въ библіотекѣ извѣстнаго Лукашевича, затѣмъ достался историку Н. Маркевичу, отъ него полтавскому любителю старины Бучневичу, а отъ послѣдняго украинскому поэту г. Жарко, который и представилъ любезно рукопись въ наше распоряженіе. Книжечка переписана лицомъ несомнѣнно украинскаго происхожденія, мало образованнымъ и къ правописанію относившимся довольно вольнолюбиво. На каждомъ шагу у него встрѣчается «и» вмѣсто «ы», и наоборотъ, иногда «ѣ» вмѣсто «и», даже «ы» вмѣсто «и», изрѣдка твердое «р», отдѣленіе предлога отъ глаголовъ и т. п. Словомъ, виѣшність рукописи блескомъ не отличается; но за то внутренній достоинства искушаютъ недочеты правописанія ея безусловно. Важность ея заключается въ многочисленныхъ варіантахъ, изъ которыхъ немалое число довольно оригиналны.

Вотъ главнѣйшіе изъ такихъ варіантовъ по сравненію съ изданіемъ Срезневскаго.

У Срезневскаго:

Стр. 11 — тилько тода и полегча,
якъ вышкомъ поплачу.

» 1b. — по смерть не забуде;

» 12 — не вышеупомянутымъ
именемъ;

» 14 — я рѣчи вашои въ
толкъ собѣ не возьму;

» 16 — якъ же можешъ ты
дружыться;

» 18 — всему земству урвалася
теперь...

Въ рукописи:

— тилько тогда трошки легче,
якъ вышкомъ заплачу.

— по викъ не забуду.

— не выше помянутымъ имъ
рекъ;

— я рачи вашои не разумію;

— якъ же тоби дружитися...

— всему земскому суду увира-
лась теперъ...

- › 19 — золото—не дивка! — то-то дивка!
-
- › » — поважа матиръ свою; — поважа стару матиръ.
-
- › » — яка рукодильница! — а рукодильница!
-
- › 20 — молодецъ не убогий. — человикъ не убогий.
-
- › 23 — нарицааетъ себе... про- — нарицааетъ себе... селянкою.
стю;
-
- › 42 — Гоминъ по доброви; — гоминъ на долыни.
-

Какъ можно видѣть, всѣ приведенные варіанты не отличаются рѣзкими особенностями и, хотя для будущаго критического пѣданія «Наталки» должны имѣть несомнѣнное значеніе, но почти являются равнозначными. За то въ рукописи имѣется рядъ мѣстъ, проникнутыхъ полной оригинальностью, частью совершенно имѣющихъ смыслъ діалога, а частью придающаго ему извѣстный колоритъ.. Для нагладнаго представленія о такой важности рукописи, приведемъ сначала рядъ варіантовъ, измѣняющихъ кардинально текстъ, но пока не вліающихъ на національную его окраску. Варьанты эти слѣдующіе.

У Срезневской:

Стр. 13 — и серце все стонеть,
Какъ камень, духъ въ пучину
золь тонеть.

—

› 15 — и душа моя ежечасно
волаетъ тебе и послѣ ныш-
порной даже годыны.

—

› 21 — буде силы и жинку—
тее-то якъ ёго—годовати и
зодагати

—

› 27 — и зиенацька Ангель
зъ неба зъ огненою ризкою
злетивъ—

Въ рукописи:

— и серце все стонеть,
Какъ камень, бухъ!—въ пу-
чину золь тонеть.

—

— и душа моя ежечасно же-
лаетъ и послѣ неоспорно даже
тухъ.

—

— и жинку буде чымъ—тее-то-
якъ его—и другого кого го-
дувать.

—

— и изиенацька ангель зъ ог-
неною ризкою застыгъ

- > 35 — и на ихъ никто не
глазе. — на ини никто и не гляне,
якъ на старого гриба.
- > 48 — и уже де и чортъ не
зможе, то пошли Макогонен-
ка—заразъ докаже — и вже де й чортъ не озыме,
то пошли Макогоненка, за-
разъ дистане.
- > 49 — Терпелыха Горына — Терпелыха Катри.
- > 50 — Де-жъ блукае мій Пе-
трусь,
Що и досы не вернувсь? — Де-жъ блукае мій Петрусь,
Що за мене вже забувсь?
- > 52 — А у мене не орано
И ничего не сіяно. — А у мене не орано,
А ни жито не сіяно.
- > 56 — Хиба есть яка земля,
праведныи Іовамы населена? — Хиба есть така земля, пра-
ведныи вивцамы населена?
- > 57 — О, злая доле, чомъ ты
не такая, якъ другихъ? — О, злая моя доли, не такая,
якъ другихъ!
- > 58 — не успивъ ничего и
спытати. — не успивъ ничего сказать.
- > 67 — туда запроторымъ, де
ко замъ рогы правлять... — туда тебе запроторымо, де ко-
замъ рогы правлять!
Terpel. Съ слзыни маро!

По приведеннымъ здѣсь образцамъ можно судить вполнѣ опре-
дѣленно, насколько существенны измѣненія, которыя могутъ быть
сдѣланы въ текстѣ «Наталки» на основаніи «оригинальности» ва-
риантовъ; а что такія измѣненія должны быть сдѣланы, въ этомъ
не можетъ быть сомнѣнія. Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ-же
новые варианты нашего списка, однородные по существу съ вычи-
санными выше, но по формѣ выраженія и потому по значенію далеко
оставляющіе ихъ за собою. Это—варianты, которые мы назвали-бы
«путеводительными», и вотъ почему. Въ спискѣ «Наталки» Срезнев-

скаго встрѣчается рядъ мѣсть, не имѣющихъ часто никакого смысла и обицанныхъ этимъ, вѣроятно, самому поздателю. Напрасно мы счи-тали бы ихъ опечатками и, согласно указанію Срезневскаго, обрати-лись-бы за разъясненіемъ къ приложенному имъ къ пьесѣ Словарю: послѣдній не облегчаетъ дѣла никакъ. Вотъ въ такихъ случаяхъ данный списокъ является драгоценнымъ; онъ въ отношеніи печат-наго экземпляра играетъ роль исправителя и для установленія болѣе правильнаго текста становится положительно необходимымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть ноже слѣдующую таблицу.

Срезн.

Стр. 13 — Позвы и коши страхъ
надоѣло...

» 14 — Уязвленное часто-рече-
ною любовію серде

» 18 — Я иду зъ дому. Выпро-
важавъ гостя

» Ib. — не тилько засидате-
лемъ, ии самому комисарови
уже не те, якъ давно було...

» 22 — Колы другіи облызня
піймаютъ.

» Ib. — Наталка піднесла пе-
ченого кабана

» 38 — колы бачить ридну свою
при старости... и ту-жъ уми-
раючу одъ голоднои смерти

и на вси стороны
мотаеться:

» 48 — Де не посіє, тамъ и
уродитъся

Рукоп.

— Позвы, коши страхъ надоили.

— Уязвленное чисто-сердечною
любовію серде

— Я иду до дому. Выпроважавъ
гостя...

— не тилько засидателямъ, даи
самому комисарови не те уже,
що було...

— колы другіи облызня піймали.

— Наталка піднесла печеного
гарбуза

— Колы бачить ридну свою
матиръ иры старости и.....
тужъ-тужъ умираючи одъ го-
лоднои смерти.

— де не посій, тамъ и въ ро-
дыци

- » 56 — Два плута въ сели, и — два плутаги въ селі и селу
селу безчестья не роблють, а безчестя нароблатъ.
не тильки..
-
- » 59 — Отъ-же и въ Ворсклу — Отъ-же и въ Ворску пе бу-
не будешъ дешъ.
-

Такое «исправляющее» значение вашего списка не исключаетъ, конечно, возможности присутствія и въ немъ самомъ известнаго количества безмысленостей, что, напримѣръ, видно изъ нижеслѣдующей таблицы варьянтовъ.

Срезн.	Рукоп.
» 17 — Ой по гори, по Па- ничи	— Ой на гори на поланци (!).
—	—
» 26 — безъ дани, безъ во- шлины.	— безъ даже (!), безъ вошлины..
—	—
» 28 — Тильки великымъ гри- шныкамъ даромъ проходыть.	— Тильки великымъ гришны- камъ такого банкету (!). за- дають...
—	—
» Ib. — Ой доля... що до ин- шихъ дуже гречна...	— Ib. — Ой доля... що до ин- , чихъ прочна (!).
—	—
» 34 — чи не изъ города ты таку прымху прynesла?	— чи не зъ города таку при- манку принесла?
—	—
» Ib. — той небогатый, той неметкий.	— той небагатый, той меткий.

Такимъ образомъ, найденная рукопись не можетъ быть названа совершенной; но несовершенство ея—вещь въ данномъ случаѣ и не существенная и исправимая, благодаря тому-же изданию Срезневского. Для насъ, наоборотъ, болѣе важно сравнительное совершенство рукописи относительно печатнаго списка, и тотъ фактъ, что послѣдній безъ нея обойтись не можетъ: эта рукопись, въ силу обилія варянтовъ указанного типа, должна стать исходной точкой для каждого изслѣдующаго и устанавливающаго текстъ «Натали». Но иная катего-

рія варіантовъ такоє значеніе рукописи усиліваєть єще болїє. Ми разумੰємъ варіанты, сообщающе чьесть Котляревскаго особенный украинскій характеръ, который въ редакціі Срезневскаго подвергся иѣкоторой русификаціі. Этотъ болїє глубокій національный характеръ изложенія выражается какъ въ общемъ колоритѣ чесы, такъ и въ ея частностяхъ. Общий болїє яркій украинскій колоритъ рукописи наблюдается въ слѣдующихъ мѣстахъ.

<i>Срезн.</i>	<i>Рукоп.</i>
Стр. 14 — звайся кинъ зъ конемъ	— звайся кинъ зъ конемъ.
—	—
> 16 — безпомощною сыротою	— безпомочною сыротою
—	—
> 19 — вовся не той	— вовсе.
—	—
> 23 — що вона... одна моя госпожа.	— що вона... одна моя галочка.
—	—
> 30 — обѣнимъ ни слухунема, ни послушанія.	— обѣ юму ни слуху, ни послу- шання.
—	—
> 35 — але яка жынъ ихъ...	— але яке-жъ ихъ жытти!
—	—
> 36 — мудрійша—одъ Цара Соломона	— мудрійша одъ царя Салы- мона.
—	—
> 48 — вашому горю и посо- бити.	— вашому горю и помогти.
—	—
> 39 — Добро имъ посыаеть	— Добро имъ посылае
—	—
И зъ нымы викъ живеть	— И зъ нымы викъ живе.
—	—
> 42 — бувъ въ городахъ, шукавъ миста	— бувъ у городи, шукавъ мисца
—	—
> 44 — я вовся менъ незна- комый	— И зовсимъ мени не звисни.
—	—

» 45 — но я, благодареніе Богу,
до сего часу	— но я, дяковати Богу, до якого
часу
—	—
» 60 — до мене опять вернувсь	— тай до мене навернувсь.
—	—
» Ib. — объ любви поговорыте	— объ любови поговорыте.
—	—

Таковы образцы особенностей найденного списка, сообщающие тексту пьесы общій украинскій колоритъ; но есть возможныя въ данномъ направлениі и частности. И это именно въ обрисовкѣ типа Вознаго. У Срезневского послѣдній до нѣкоторой степени обрушенъ; виновать-ли въ этомъ самъ авторъ или издатель пьесы, неизвѣстно,—но, во всикомъ случаѣ, неполныя украинскія очертанія названного типа даютъ себѣ чувствовать. Вотъ этотъ-то недостатокъ вновь восполняетъ до извѣстной степени найденная рукопись, что можно иллюстрировать такими образцами.

Срезн.

Рукоп.

Стр. 13 — Насталъ мой часъ	— Наставъ мій часъ.
—	—
» 12 — Но желаю изъ медо-
выхъ усть твоихъ	— но бажаю изъ усть твоихъ
медовыхъ.
—	—
» 13 — Не ощущалъ возженія
въ крови	— не ощущавъ возженія въ
крови.
—	—
» Ib — Кає райскій кринъ.	— яє райський кринъ.
—	—
» Ib. — Когда-бы я имѣлъ—
тее то якъ его—столько язы-
ковъ, сколько артикуловъ,	— когда-бы я имѣвъ тее-то
якъ его... столько языковъ,
сколько артикуловъ,
—	—
» 15 — открой мнѣ хотя въ
терминѣ	— открый мени хотя въ тер-
минѣ.
—	—
» 22 — Якъ совитуешь въ та-
ковомъ моемъ принадци	— якъ ты совитуешь въ такимъ
моимъ принадку.
—	—
» 98 — размышлялъ я предо-
волнно,	— размышлявъ я предоволно,
—	—

Вотъ, такимъ образомъ, главнѣйшія особенности найденной рукописи по сравненію ея съ печатнымъ спискомъ. Если мы теперь скажемъ, что число отличительныхъ ея чертъ есть свыше 600, то станетъ яснымъ, насколько рукопись «Наталка» любопытна для изслѣдователя. Для будущаго установителя текста пьесы она должна стать незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ даже въ томъ случаѣ, если-бы отыскана была подлинная рукопись Котляревскаго. При данномъ-же условіи, найденный списокъ почти замѣняетъ утраченный оригиналъ, исправляя существующія печатныя редакціи и, вѣроятно, передавая болѣе или менѣе близко первоначальную редакцію пьесы. Такъ или иначе, но на открытую рукопись «Наталка» мы обращаемъ вниманіе лицъ, имѣющихъ возможность издать ее параллельно съ текстомъ изданія Срезневскаго.

Для изслѣдователей произведеній Котляревскаго она представляетъ безспорный интересъ научный.

И. Стешенко.

Булава гетмана Тетери. Вещественныхъ памятниковъ гетманщины сохранилось, какъ извѣстно, очень мало, да и то, что сохранилось—разбросано во разныи мѣстамъ, большою частію безъ печатныхъ свѣдѣній—гдѣ и чтобъ хранится. А если есть печатные свѣдѣнія, то они часто находятся въ такихъ книгахъ и книжкахъ, гдѣ никакъ не подозрѣваешь встрѣтить описание этихъ памятниковъ. Вотъ напр., свѣдѣніе о булавѣ гетмана Тетери напечатано въ книжкѣ: *Maryia Bogorodzica w Nazareti na Jasnej—Gorze Czestochowskiey* (2 томовъ, изд. въ 1845 г., въ Краковѣ). Здѣсь, (въ главѣ—Skarbiec, ramiatki uchowane и проч., II, 81—88) въ числѣ гетманскихъ булавъ, сохранающихся въ ризницахъ монастыря, указана «Buława pstro złocona, w jaszczur¹⁾ bez kamieni, Teteru, hetmana zaporozkiego». Извѣстно, что Тетера кончилъ жизнь іезуитомъ, чѣмъ и объясняется, что булава его попала въ католический монастырь.²⁾

¹⁾ Булава, гривко которой обтянуто змѣиной кожей.

²⁾ Въ этой же книжкѣ перечислены (II, 149 и слѣд.) католическія чудотворныи иконы Богородицы, находящіяся въ костелахъ юго-западнаго края: въ Летичевѣ, Коднѣ, Заславлѣ, Клевани, Луцкѣ и друг.

Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 года. Какъ известно, лѣтомъ 1705 г., Мазепа, по приказу царя, выступалъ въ походъ, въ Польшу. Дѣло шло о поддержаніи короля Августа противъ его соперника Станислава Лещинскаго. Походъ затянулся, и гетману пришлось, съ своимъ войскомъ, засыповать на Волыни, въ Дубно. Въ этомъ походѣ не разъ случалось, что офицеры великорусскихъ войскъ позволяли себѣ оскорблять малороссийскихъ козаковъ; старшина послѣднихъ жаловалась гетману, но послѣдній рѣдко могъ помочь обиженнымъ.... По свидѣтельству Орлика, въ это время у Мазепы зародилась первая мысль объ измѣнѣ. Никакихъ подробностей объ этомъ походѣ въ малороссийскихъ источникахъ, до сихъ поръ, мы не видѣмъ. Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, печатаемыя здѣсь два письма Мазепы, писанныя въ декабрѣ 1705 г., изъ Дубно, къ назаному гадяцкому полковнику Велецкому¹⁾, и говорящія именно объ этомъ походѣ. Между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ Мазепа говоритъ о своихъ «щоденныихъ турбацияхъ», связанныхъ съ этимъ походомъ.

—

1. Мой ласкавый пане полковнику наказный гадяцкий. З листу в. м. вѣдомо намъ о распораженю полку вашого на зимовіи конси-стенціи товариства, за що, в. м., похвалляемъ и ильно жадаемъ и при-казуемъ, абысь в. м. всячески оное заохочуваль, дабы не тискливе зоставали (чтобы не скучали) на той монаршѣ его царскаго пре-свѣтлого величества службы, до его же великаго государя указу и на-шой волѣ, поневажъ и мы, гетманъ, такъ же мусимъ тутъ въ вое-водствѣ волинскомъ найдоватиси. А що, в. м., въ томъ же листѣ и о щуплости товариству полку вашего станціи довладаешь, теды самъ уже, в. м., потрафдай въ тое, жебы, якъ належитъ, моглося товариство полку вашего довольно быти станціямъ, на которихъ если на назна-ченыхъ вамъ въ воеводствахъ белзкомъ и волинскомъ мѣстцахъ же можется помѣстити, то хочай руского воеводства и земли лвовской

¹⁾ Василій Велецкій, съ конца XVII в. по 1709 г. былъ гадяцкимъ пол-ков. судьюко, а потомъ, по выходѣ въ отставку (1711—1721 г.), оставилъ значн. войск. товарищемъ. Отъ Мазепы Велецкій получиль два села: Синювку, въ гадяцкомъ полку, и Юковцы, въ Лубенскомъ; а отъ Скоропадскаго, въ 1716 г., получилъ гадяцкое село Броварки. Сынъ этого Велецкаго, Василій же, былъ гадяцкимъ полков. сотникомъ.

часть, къ воеводствамъ белзкому и волинскому прилеглу, займѣте и остатокъ полку своего товариства распоражайте на станції, намъ болше отомъ не докучающа, *къдыжъ и безъ тою есть камъ зтолко щодвнне турбаций*. О тое и повторе жадающи и приказуючи в. м. пилно, ему же засылаемъ упреймое наше поздоровлене. З Дубна. 1 декабря, 1705 року. В. м-ти зичливый пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ рукою власною.

2. Мой ласкавий пане полковнику наказный гадяцкий, Уже то повторный пресвѣтлѣйшого монархи, его царскаго пресвѣтлого величества вайшоль нашъ указъ, абисмо войска рейменту нашего, на консистенціяхъ въ воеводствѣ белзкомъ и землѣ хелмской зостаюchie, ординовали, подъ коммендою наказного нашего пана полковника чернѣговскаго, на службу его монаршу и на зимовіи консистенціи, ку Krakovу и Sandomirу в злученіи з енераломъ его королевскаго величества Сазонскимъ; прето мы, по первомъ монаршомъ указу, засилалисмо в. м-ти таковыи пашъ ординансъ, жебысь в., м., з товариствомъ полку гадяцкого, въ борошневіе всяkie приспособлялся запасы и якъ належить до походу военнаго и поготовости знайдовался. Теперь зась, по повторномъ монаршомъ указу, повторный в. м., черезъ сей листъ нашъ, засилаемъ ординансъ и пилно приказуемъ, абысь, в. м., заразъ за одобранемъ оного, двигнувшъ зъ консистенцій все полку гадяцкого товариство, не оставуючи ни еданого въ добрахъ королевскихъ и духовныхъ человѣка, яко наискорей зо всѣмъ полкомъ слѣшиаъся въ злученіи зъ наказнымъ нашимъ паномъ полковникомъ чернѣговскимъ и енераломъ королевскаго величества саксонскимъ, трактомъ ку Krakovу и Sandomirу лежачымъ, ку Вислѣ. Въ добрахъ зась щихецкихъ можешъ, в. м., по два, а въ силу—по три человѣка товариства тихъ, котріи не способніи до службы войсковой суть, зостановити для того, жебы хто іншій не убѣгъ и не занялъ тахъ консистенцій. А когда военный трафити случай, повиненъ в. м. пану полковникови чернѣговскому належитое отданати послушенство и, за помошію Божію, для чести монаршей и славы войска Zapорожского, шире и отважне противно непріятеля ставати. О тое в. м. и повторе пилно приказуемъ и его же Богу поручаемъ. Дањъ в Дубну. Декабря 21, 1705 року. Вм-ти зичливий Іванъ Мазепа гетманъ, рукою власною. (*Оба письма съ подлинниками, полученныхъ отъ Н. И. Янжула.*)

Свѣдѣніе объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ.
 Въ первомъ выпускѣ тома II-го „Трудовъ Археогр. Ком. Моск. Арк. Общ.“ (стр. 149—150) графиня П. С. Уварова напечатала списокъ царскихъ грамотъ, выданныхъ: а) Леонтию и сыну его Павлу Полуботкамъ на маєтности въ Черниговскомъ полку и б) гадацкому полковнику Мих. Вас. Самойловичу на маєтности въ Лебединскому у., Харьковской губерніи. Тутъ же упомянуто и о другихъ документахъ, принадлежавшихъ Полуботкамъ. Всѣ эти документы хранятся въ с. Михайловкѣ, Лебединского у., Харьк. г., у тамошнихъ помѣщиковъ гр. Капнистовъ. Какъ попали туда Полуботковскія бумаги, это объясняется генеалогическими свѣдѣніями. С. Михайловка была основана въ 1678 г. гадацкимъ полковникомъ, Михайломъ Васильевичемъ Самойловичемъ, на пожалованныхъ ему „чомѣстныхъ земляхъ“, въ Лебединскомъ уѣздѣ, «за р. Псломъ, въ урочищѣ Бѣсовщицѣ». Этотъ полковникъ былъ родвой племянникъ гетмана Самойловича, который поставилъ его полковникомъ по родству.¹⁾ Это же родство дало возможность молодому полковнику жениться на дочери старого Переяславского полковника Леонтия Полуботка.—Послѣ низложенія гетмана Самойловича, Мазена, преслѣдуя родню послѣдняго, напалъ и на гадацкаго полковника, за какую-то, разумѣется, измѣну. Мих. Самойловича сослали въ Сибирь, а Михайловку Мазена отдалъ своему племяннику, Обидовскому; а когда измѣнилъ санъ Мазена, то Михайловку, которую владѣла вдова Обидовскаго, выпросилъ у царя Павелъ Полуботокъ, опираясь на свое свойство съ основателемъ этого села. Отъ Полуботковъ Михайловка переходила, повидимому, къ разнымъ лицамъ; теперь ею владѣютъ гр. Капнисты. Засимъ рождается любопытный вопросъ: какимъ образомъ такія важныя бумаги Полуботковъ, какъ царскія грамоты и другіе семейные документы—попали въ Михайловку въ то время, когда Павелъ Полуботокъ, его сыновья и слѣд. потомки—постоянно были въ Черниговщинѣ?—Изъ сообщенія Д. П. Маллера, недавно посѣтившаго ту же Михайловку,

¹⁾ Мих. Самойловичъ поставленъ былъ гадацкимъ полковникомъ послѣ смерти полковника Остренка, причемъ гетманъ, оправдываясь противъ нареканій, что онъ въ полковники ставить почти исключительно родню и друзей, относительно племянника оправдывался такъ: „а на Гадацкое полковничество тамошніе полчане, по убіеніи полковника своего, прошеніемъ крѣпкимъ племянника моего допомоглись..“ Дополн. въ актахъ историч., т. XI, стр. 168.

съ археографическою цѣлью въ виду предстоящаго Харьковскаго археологическаго съѣзда, видно (Вѣстн. Всеміра. Истор., 1901 г., № 2, стр. 205), что въ семейномъ архивѣ гр. Капнистовъ хранятся не только официальные документы на маєтности Полуботковъ, но и такія рѣдкости, какъ напр., «рукописный сборникъ, составленный Павломъ Полуботкомъ во время его ученія въ кіевской академіи», „постановлѣніе генеральной канцеляріи (?) объ избраніи Ц. Полуботка въ: наказные гетманы“ и проч.—Почему же эти бумаги хранятся въ Михайловкѣ, а не у черниговскихъ наслѣдниковъ Полуботковъ—Милорадовичей, Лашкевичей и друг.? Не потому ли, что они могли быть пересланы изъ Черниговщины въ Михайловку тогда, когда семья Полуботка, узнавъ объ арестѣ послѣднаго въ Петербургѣ, сожгла и его письма въ Черниговскомъ домѣ Полуботка. (Истор. Р., Солов., кн. IV, стр. 836). Конечно, документовъ на маєтности жечь не рѣшились, но боясь, что ихъ можетъ забрать царскій слѣдователь Румянцовъ (А. И.), семья Полуботка могла отправить оставшіяся бумаги на храненіе въ далекую маєтность...

Будемъ ожидать, что Д. Ш. Миллеръ сообщитъ болѣе подробнѣа свѣдѣнія объ остаткахъ Полуботковскаго семейнаго архива. Кстати, этихъ семейныхъ архивовъ въ Малороссіи теперь почти уже не существуетъ: погибли они отъ крайнаго небреженія потомковъ тѣхъ лицъ, которыхъ съ к. XVII в., вмѣстѣ съ маєтностями, накопили и разные „шиаргалы“. ¹⁾

✓ Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Ко-
быжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ. Во время назначенія Разумовскаго гетманомъ, у матери его имѣлось только небольшое село Адамовка, подаренное ей старшимъ сыномъ, Алексѣемъ. Въ хуторѣ около Адамовки, Разумовская устроила себѣ усадьбу, въ которой и жила. Но когда младшій сынъ поставленъ былъ гетманомъ, мать его въ томъ же году (1751 г.) обратилась къ ментору этого сына и про-

¹⁾) Недавно мы приобрѣли въ одной изъ подольскихъ книжныхъ лавочекъ (въ Кіевѣ) цѣлый фоліантъ семейныхъ бумагъ Корецкихъ и Кулакко-Корецкихъ. Приобрѣли мы этотъ сборникъ бумагъ за рубль или за два...

сила походатайствовать у послѣдняго—нельзя ли ей дать, поблизу къ ея хутору, еще какуюнибудь маेतность, «для вспоможенія къ дому Адамовскому». Тепловъ поспѣшилъ исполнить эту просьбу, результатомъ которой явилась отдача гетманомъ матери своей двухъ богатыхъ мѣстечекъ въ «вѣчное владѣніе», какъ это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ¹⁾.

1) »Милостивая Государыня графиня Наталия Демьяновна! По повелѣнію вашему, чрезъ г. Пустоту, какъ о дворахъ, такъ и о Іасѣ(?) я его ясневельможности того же часа доложилъ, на что и резолюція воспослѣдовала вашему сіательству угодная. Итакъ я ваше сіательство всенижайше поздравляю владеніемъ новыхъ маे�тностей, которыхъ собственно персонѣ вашего сіательства принадлежать, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможного гетмана и вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласковостию къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіательства высокую милость, есмь со всегдашимъ высокопочитаніемъ вашего сіательства, милостивой государыни, всенижайшиі слуга Григорій Тепловъ.

Глуховъ. Октября 18 дня, 1751 году».

P. S. Дѣвушку Надежду ею сіательство приказаъ просить прислатъ, а для сестры братъ ея родной посланъ.

2) »Милостивая Государыня матушка! Увѣдомившись чрезъ посланного вашего, что вы имѣете нужду въ иѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради, хотя вы на иѣкоторое только время просили, однакожъ я, изъ почтенія къ вамъ сыновняго, опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе, въ полку киевскомъ, мѣстечка Носовку и Кобижчу, со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и послопитыми людьми и съ надлежащими ко онымъ мѣстечкамъ грунтами, угольями и всѣми принадлежностями, на что вамъ, государыня матушка, и универсаль при семъ посылаю, желая отъ всего серда оными маे�тностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ послушный сынъ графъ К. Разумовскій.

Глуховъ. Октября 18 дня. 1751 году».

¹⁾ Письма получены въ подлинникахъ отъ А. Ф. Бадрова.

¹⁾ Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно.—Выданный Разумовскимъ при томъ универсаль см. Обозр. Рум. Описи, 142.

Къ этимъ письмамъ можно добавить, что Носовка и Кобыжча были *сопеннымъи городками*, которые до того, всецѣло (разумѣется, безъ козаковъ) почти еще не отдавались въ частное владѣніе, да и при томъ еще и въ вѣчное. Однако-же Носовка и Кобыжча не остались у Разумовскихъ, такъ какъ, при упраздненіи гетманства, крестьяне этихъ мѣстечекъ обращены были въ «коронныхъ». Позже Носовка и Кобыжча были вырошены себѣ Безбородкомъ, умѣвшимъ выбирать *доходныя маestности*.

✓ **Къ исторіи Гадяцкаго полка.** По свѣдѣніямъ Шафонского (Чернг. нам., 88 п 628), въ его время, въ гадяцкомъ архивѣ (ратушномъ?) хранились «замковыя дневныя записки, гдѣ замку гадяцкаго королевскаго управитель, иногда самъ, иногда обще съ гадяцкимъ войтомъ, всѣ дѣла жителей гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселанъ разбирать. Сія судовая дневная записка, съ выгнаніемъ поляковъ 1654 г., на польскомъ языке кончилась, а за оною, такимъ же образомъ, продолжалась на русскомъ, гдѣ тоже намѣстники замковые, обще съ ратушою, всякую расправу дѣлали».... Огюста видимъ, что еще въ 1786 г. въ Гадячѣ сохранились *городскія книги*, начинавшіяся съ 1645 г.; въ этихъ книгахъ заключалось множество драгоценнаго материала для исторіи юридического быта данной мѣстности и полны свѣдѣнія о персоналѣ тогдашней полковой старшины. Все это погибло, и въ настоящее время приходится дорожить каждымъ листомъ той или другой «выписи» изъ утраченныхъ городскихъ книгъ. Одна изъ такихъ «выписей» и печатается здѣсь, при чемъ въ ней указываются два листа: 1) вовсе неизвѣстный до сихъ поръ гадяцкій полковникъ Яковъ Тишенко и 2) Павелъ Апостоль, отецъ гетмана, тоже бывшій въ 1659 г. гадяцкимъ полковникомъ, который пролаѣтъ въ Гадячѣ свою усадьбу, и. ч. въ это время онъ усиленно скучалъ¹⁾ земли въ Миргородщинѣ, гдѣ, послѣ Гадяча, Апостолъ съ своей семьей основался и гдѣ онъ вывелъ въ люда своего сына Даніила, одного изъ лучшихъ людей въ старой Малороссіи, но до сихъ поръ еще мало вѣдомаго въ печатной литературѣ.

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., I, 92.

«Выпісъ съ книгъ полковихъ гадацкихъ въ року 1670, ноемря 3 днія.

Передо мною, Яковомъ Тишенъкомъ, полковникомъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкаго гадацкимъ, и при мнѣ будучи Хвеска Донъца, сотника гадацкаго, Кирила Мартиновича, есаула полкового, Стефана Мокрѣевича и иныхъ людий защнохъ і вѣри годънехъ при томъ было не мало, персоналитеръ постановившись славетній товарищъ войсковий Павелъ Апостолъ призналъ явне, ясне и доброволне, вижъ продалъ дворъ свой власній, не пеший і въ жадномъ долгу не заведеній, стоячий въ мѣстѣ Гадичомъ, насупротивъ двора Есифа Давидовича, на рогу, пану Михайлу Кнаще, полковнику миргородскому, за чевную готовую суму кошъ сто литовской лвчибы, ему самому, малжонце и потомкомъ его, до вѣчного вжинання и спокойного держанія. Воложъ ему продати, даровати і яко хота, на свой пожитокъ, оборочати. А еслибы хто мѣль одозвати близкостю права дѣдизногого, охъ того вышеписаній продавца всего уволниеть, если бы где панъ Михайло за мою продажу, а свою куплю, всякаго суду и права мѣль приложитись осмакомъ (?).....¹⁾ коною, що обополне просили насъ, абысмо про память казали до книгъ полковихъ гадацкихъ записати, що і одержали. Съ которихъ то книги и туть винись потребуючої сторонѣ казалисмо видати, при звѣклой печати полку гадацкаго и съ подпісомъ руки писарской. Писанъ въ Гадичомъ, року и дня звишписаного. Хведор Трушентко, писарь сего екстракту». *М. П. (Съ подлинника).*

Жалоба конотопского сотенного уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотенного атамана Данила Торянскаго. 1754 г. «Въ войсковую енералную канцелярію. Нижайшее доношеніе. Въ мѣстечку Конотопѣ житель конотопскій Данило Торянскій доволные года на сотенному уряду конотопскомъ биль: первѣе, сотеннымъ писаремъ, а послѣ сотеннымъ атаманомъ въ наказныи сотниковъ, по приключившейся ему водной болѣзни, въ которой онъ 16 недѣль болѣлъ, такъ що въ бѣдной болѣзни его, при

¹⁾ Не разобрano одно слово.

его всекрайнейшей скудости, отъ болю его, въ животѣ нему заплодились черви, а посла де, какъ по волѣ Божіей, съ настоящою христіанской диспозицією, принялъ отъ духовнаго отца не единажды, чрезъ такъ долгую его болѣзнь, исповѣдь христіанскую, а при окончаніи, божественнихъ и тайнъ удостоенъ съ показаніемъ, сего ноября 13-го умре, то жена его зъ родственниками—приходскому попу пресвитеру церкви Рождества Богоматеря Иакову о его умертвіи объявили, то онъ первѣе, сказалъ де, по обичаю христіанскому, позвонить и иму выкошать; и то чинилось на другій день смерты его. Того же другого дня, по прошенію, оной же его мертвѣца жена и кревныхъ, и за обичай козачій, ординована была для опровождения, во гробу тѣла, сотенная короговъ въ вооруженіе козаки,—но онъ, попъ Яковъ Костенецкій, по прихотѣ своей, чтобъ за бѣдного мертвѣца, по коему ничего по его скудости не оставалось, удрать зъ имущества, хотя, совсѣмъ приборъ билъ, по тѣло не пошолъ, требуя денегъ на сорокоустъ, и по особливой его претенсіи. Что видя близкіе и козаки къ опровожденію тѣла его прибраніе, неоднократно ходили и просили, чтобъ онъ помянутого мерца тѣло принялъ и погребъ, точію онъ по обиклой ненасытности и вимагательству своему, того отнюдь не учинилъ. Увидя же народъ, коихъ было болѣе тысячи, къ тому погребу пришедшихъ, оного попа безчеловѣчество и меръцово странство, что въ очахъ грѣшное тѣло идти черви; и не могучи того терпѣть, а уже день к вечеру зближался, другой (разъ?) отъ общества ходили до него попа и зъ виговоромъ, что если не пойдетъ онъ, попъ, по оное тѣло, то и безъ него имѣютъ понести къ церквѣ, но онъ и потому не пошовъ, почему народъ и безъ приходского попа, взяли сами со обыкновеннымъ погребовымъ порядкомъ, несли до помянутой церкви. Егда же принесли до близъ церкви, егда стали для зближающагося тѣла звонить, то предъявленного попа приходскаго синъ, попъ же Иванъ Костенецкій, нападши на людей тихъ, что звонилъ, билъ и побилъ Савку Кондратенка и другихъ, і оного тѣла до церкви не допустилъ, и въ крайное смятеніе и невѣшкой весь народъ привелъ. И потомъ видя народъ принужденный въ другой приходъ до священниковъ пойти и упросить, чтобъ приваднѣй оное тѣло наверсѣ, до погробу, въ церквѣ поставить, которое тѣло хотай въ церквѣ другого приходу, по всенародному уирошению внесево, однакъ и понинѣ, чemu уже патій день, непогребенно и яма выкопанная, по приказу оного же попа і зарата, хотя отъ протопопи конотопскаго Мойсея Кривецкаго

Томъ 73.—Апрѣль, 1901.

п-2

ордеромъ велено ему, попу, чтобы онъ тое тѣло похоронилъ, точію и по нынѣ не хоронить. И яко о семъ ввесь народъ смущенъ и крайне стужаетъ о взнесеніи о томъ, куда надлежитъ, тогодя сотенный конотопскій урядъ въ генеральную войсковую концеларію, яко главную команду свою, ко учиненію належащаго по сему на всенародное всеусиловное прошеніе, разсмотрѣния взноситъ. Сотникъ конотопскій Федоръ Костенецкій. Атаманъ сотенній Максимъ Вербацкій. Писарь сотенній Захарій Бибиковъ. Асаулъ сотенній Федоръ Парнура. 1754 году, ноября « » дня. (Съ подлинника) Изъ приложенного къ жалобѣ черновика видно, что гетманомъ было сообщено кіевскому митрополиту подробное описание случая съ просьбою „накрѣпко запретить отцу Костенецкому впередь чинить непотребныхъ здѣствъ и таковыхъ народу смиреній и блазнителнихъ непорядковъ.“ Это было написано 23 ноября, т. е. черезъ десять дней послѣ смерти Торянского, тѣло котораго, повидимому все еще ожидало погребенія...

✓ Стоимость похоронъ прилуцкой обывательки въ 1726 г.
Реестръ мнъ Маріи Стефановой, сколько на поминовеніе небожечицъ дщери своей Федори витрателемъ. «Отцу протоионоѣ прилуцкому чтири рубля.—Викарію протопопскому отцу Сосновскому пять золотыхъ.—Дяконови протопопскому жъ копу.—Дякови спаскому копу.—На другую церковъ. Отцу Лѣсняевичу таліарей десать.—Вѣкарію отцу Оміону (sic) залотыхъ пять.—Отцу дяконови копу.—Дякови чотири золотія.—Цаламареви два золотихъ.—Подпаламарому гривня.—Іванницкому вѣкарію пять золотыхъ.—Дякови Іванацкому копу.—Паламареви полкопи.—Варвинскому намѣсникови копъ вусѣмъ зовсѣмъ.—До Переяславла два червоніи онъ, Жураковскій, (мужъ умершой) взявши въ мене, не отдаль.—Голубовскому попови вусѣмъ копъ.—Цереволочанскому (священнику) шкапу (лошадь) добрую.—Заизкому (с. Заизда священнику) вола доброго.—Обѣдувъ было сѣмъ и нааждій обѣдъ, кромѣ харчи и напитку, готовихъ грошей выходило по десать золотихъ. На всѣхъ поповъ и с панаходидами, на дяковъ и паламарей сѣмъдесять золотыхъ.—На похороны цеховыми за сѣмъ цеховъ, по гривнѣ.—На подзвоненне, по всѣмъ церквамъ, когда небожка померла, на похоронъ попамъ и дякамъ заплатила копъ шесть» (Съ подлинника). Этотъ реестръ принадлежитъ вдовѣ Степана Ивановича

Носа (сына полковника) и составленъ ею при спорѣ съ зятемъ Мартыномъ Жураковскимъ, который, по смерти жены своей Федоры Степановны Носъ, спорилъ съ тещею за недополученное приданое.

На 19-е февраля 1861 г. 19-го февраля 1901 года 1).

Вже сорокъ годочекъ сёгодня мынуло,
Якъ Мученикъ—Батько намъ свить розвязавъ;
Людей, що въ неволи послипъ—поснулы,
На волю Винъ вывивъ и любо сказавъ:

„Замучени дитки! Хреститься й тикайте
Изъ темного лёху на волю, на свить:
На воли—роздолли вы доли шукайте...
Це вамъ, мои люби, видъ Мене прывить.“

Неначе изъ неба труба затрубыла,
Мовъ гримъ весняный той усихъ стрепенувъ,—
Такъ „воля“ забытыхъ людей розбудыла,
И тыхъ пидвела, хто й на вики заснувъ.

Велыкдень крестянамъ, друге Воскресиння:
Изъ пекла ихъ дупи попалы у рай—
Зъ неволи у волю; настало спасиння,—
Радie, ажъ плаче, замученый край.

Хиба ще не въились прыгинчи на поли?
Чы дитки маленьки въ стерни не пеклъсь?
Чы маты голодна не жаждала воли?
Чы слёзы дивочи въночи не лылъсь?

Усе те мынуло... Бодай не верталось,
Бодай нашымъ диткамъ того не диждать,
Що нашымъ сердешнымъ батькамъ доставалось:
Щобъ лютій неволи сынамы не стать.

¹⁾ Мы получили это стихотворение, къ сожалѣнню, нѣсколько поздно и потому не могли его помѣстить въ мартовскую книжку, посвященную главнымъ образомъ 40-лѣтію со дня „воли“ для крестьянъ. Намъ особенно приятно было получить это стихотвореніе потому, что оно явилось изъ-подъ пера человѣка, принадлежащаго къ крестьянскому сословію и вдохновившагося тѣмъ моментомъ, который въ жизни русского крестьянства можетъ быть названъ поистинѣ „великимъ днемъ“. Ред.

И намъ, сиромахамъ, не слизъ забуваты
 На вищо намъ воля святая далась,
 Для чого въ неволи не стали страждаты,
 За що неповинная кровъ пролылась:
 На те, щобъ мы, маючи волю широку,
 Не спалы пидъ тыномъ, якъ часто бува,
 Щобъ мы, трудовыми, замисто оброку,
 На воли справдылы велики слова:
 „Одъ-ныни на трудъ твій—широкая воля,
 Иды соби зъ Богомъ, бо ты чоловикъ,
 Нехай усмихнется щасливая доля,
 Тоби й твоимъ диткамъ, на воли, по-викъ.“

Такъ вично-жъ въ день „воли“ передъ образами
 Молитъся, крестяне, за душу Царя,—
 Щобъ лыкъ ёго ясный, умытый слёзами,
 Сіявъ-бы у хати, якъ въ неби зоря.

Крестьянинъ М. Н-п-в-да.

1901 года февраля 13 дня.
 г. Миргородъ.

Текущія ізвѣстія.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ 40-ую годовщину его смерти.

Въ Россіи:

Александровскъ (Екатеринославск. губ.). 26-го февраля с. г. Въ Александровскѣ, Екатериносл. губ., въ театрѣ Молчановскаго, былъ устроенъ кружкомъ почитателей украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, въ память сорока лѣтней годовщины его смерти, литературно-вокальный вечеръ въ пользу библиотеки и бѣдныхъ. На вечерѣ П. И. Чижевскій была прочитана біографія Т. Г., послѣ чего предъ туманной картиной (портретъ Шевченка) мѣстный поэтъ Т. А. Поплищукъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Т. Г. Шевченка.

Дальнѣйшая программа вечера, состоявшаго изъ трехъ отдѣлений, была посвящена исключительно исполненію украинскіхъ пѣсенъ хоромъ, подъ управлениемъ Н. С. Попова, и чтенію произведеній честуемаго поэта.

Сборъ отъ вечера достигъ почти 400 рублей. (Южн. Ер. № 15).

26 февраля въ *Екатеринодарѣ*, въ Войсковомъ соборѣ соборныи протоіереемъ о. М. Воскресенскимъ въ сослуженіи двухъ священниковъ совершена была панихида по случаю исполнившагося сорокалѣтія со дня кончины великаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. На панихидѣ присутствовало значительное стеченіе молящихся офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и разныхъ вѣдомствъ частныхъ лицъ. (Куб. Обл. Вѣд., № 45).

Тамъ же 25 февраля, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ, устроенъ былъ членомъ правленія названнаго общества, А. А. Левитскимъ, общедоступный вечеръ въ залѣ Александро-Невскаго религіозно-просвѣтительного братства, въ память 19 февраля 1861 года и украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Всѣ билеты были распроданы еще за долго до начала вечера, и многимъ, желавшимъ попасть на него, пришлось отказать за недостаткомъ мѣста. Вечеръ состоялъ изъ двухъ вокально-музыкальныхъ отдѣлений, изъ которыхъ первое было посвящено чествованію 19 февраля 1861 года, а второе—памяти Т. Г. Шевченка.

Первое отдѣление открылось чтеніемъ реферата Л. М. Мельникова: «Изъ исторіи крѣпостного права на Кубани», изъ которого слушатели узнали, что хотя Кубанская область (бывшая Черноморія) заселена бывшими запорожцами—вольными казаками и ихъ потомками,—болѣе чиновные и богатые между ними имѣли крѣпостныхъ дворовыхъ и не разъ пытались добиться права имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, но терпѣли неудачи. (Куб. Обл. Вѣд. № 46).

Тамъ же обществомъ любителей изящныхъ искусствъ 2 марта былъ устроенъ семейный вечеръ.

Мѣстное общество не осталось равнодушнымъ въ память великаго поэта, наполнивъ обширный залъ женской гимназіи.

Вечеръ открылся рефератомъ И. Т. Ротари «Міросозерцаніе Тараса Григорьевича Шевченка».

Затѣмъ слѣдовали: «Сонъ підъ нічью 26 лютого року 1901 г.» Н. К. Вороного,—полное глубокаго чувства стихотвореніе *ad hoc*,

прочитанное самимъ авторомъ, молодымъ поэтомъ, уже составившимъ себѣ имя въ малорусской литературѣ.

Послѣ Н. К. Вороного г. Добровольскій пропѣлъ соло: «Огни горятъ», а затѣмъ, по настоятельной просьбѣ публики,— «Ой, Дніпре мій, Дніпре!» Затѣмъ слѣдовало «Посланіе къ Шафарикову» и отрывки изъ поэмы „Іванъ Гусь“; какъ то, такъ и другіе мастерски прочитанные М. О. Попочковымъ, произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

«Ой що жъ то за воронъ», народная вѣсна, традиціонно исполненная хоромъ на шевченковскихъ вечерахъ, закончила первое отдѣленіе вечера. Хоромъ, состоявшимъ изъ членовъ общества, управлялъ Я. П. Соколовскій.

Второе отдѣленіе вечера открылось знаменитымъ стихотвореніемъ «Думы мои, думы мои», которое съ глубокимъ чувствомъ продекламировалъ Н. К. Вороный, прочитавшій затѣмъ на біз еще одно стихотвореніе Шевченка.

Продолжительные и шумные аплодисменты вызвали также пѣніе г. Флоренского, прекрасно исполнившаго чудную, въ поэтическомъ и музыкальномъ отношеніяхъ, элегію «Гетьманы, гетьманы, якъ бы то ви всталы», которую пришлось повторить по настоятельному требованію слушателей, и затѣмъ взявшую піесу «На що мени карі очі».

Послѣ г.-жи Пось, прекрасно прочитавшей „Наймичку“, А. А. Левитскій продекламировалъ: «Есть на свити дола» и «Мени однаково».

Въ заключеніе вечера хоръ любителей поѣзъ управлениемъ Я. П. Соколовскаго исполнилъ отрывокъ изъ Шевченковой «Хустыны», переложенной на музыку М. Лысенкомъ.

Отчетъ обѣ этомъ вечерь былъ бы не полонъ, еслибы не упомянуть обѣ одной особенности, имѣвшей мѣсто на этомъ вечерь: мы имѣемъ въ виду скромную по размѣрамъ, но велишенну интереса выставку портретовъ, рисунковъ и книгъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ чествованію поэта.

На двухъ классныхъ доскахъ кнопками и гвоздиками были укреплены портреты и рисунки, изображавшіе Т. Г. Шевченка въ разные періоды его жизни, его друзей, виды его могилы—первоначальный и послѣдующій, иллюстраціи къ «Кобзарю». Среди выставленныхъ портретовъ первое мѣсто по значенію своему занялъ небольшой, украшенный вѣнкомъ изъ свѣжаго барвинка, собственноручный портретъ Т. Г. Шевченко, сдѣланный имъ въ ссылкѣ и присланный въ подарокъ Я. Г. Кухаренку, послѣднему наказному атаману войска Черно-

морского, бывшему искреннимъ, долголѣтнимъ другомъ великаго поэта. (Куб. Обл. Вѣд. № 52).

Въ Екатеринославѣ 10 марта литературно-музыкальная секція устроила вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка, во славу 40-лѣтія со дня его смерти. Кромѣ хора секціи и лучшихъ силъ изъ мѣстныхъ любителей, въ музыкальномъ отдѣленіи приняла участіе артистка Е. А. Муравьевъ; въ литературномъ отдѣленіи, кромѣ вѣсколькихъ декламаторовъ, А. Н. Лисовскій прочелъ сообщеніе о малороссійскихъ думахъ, которое было иллюстрировано исполненіемъ ихъ извѣстнымъ баандуристомъ Ходкевичемъ, прѣхавшимъ специально для этой цѣли изъ Харькова, а г-жа Ефименко прочла свою статью, посвященную памяти Шевченка. Въ началѣ вечера хоромъ и оркестромъ секціи была исполнена каната Лысенко «Бывать пороги», на слова Шевченка. Доходъ съ вечера предназначается въ пользу публичной библіотеки Екатеринославской комиссіи народныхъ чтеній, на отдѣль, посвященный произведеніямъ украинскихъ писателей. (Приднѣсп. Край, № 1120).

Въ Киевѣ 21-го марта, въ залѣ купеческаго собранія состоялся вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Вечеръ этотъ привлекъ многочисленныхъ почитателей украинскаго поэта. Вокальная часть вечера не оставила желать ничего лучшаго: огромный хоръ г. Лисенко пользовался обычнымъ успѣхомъ и вынужденъ былъ биссировать почти каждый номеръ своей разнообразной программы, составленной исключительно изъ пѣсень на слова Шевченка; съ такимъ же успѣхомъ выступали г-жи Зотова и Ермоленко, какъ каждая въ отдельности, такъ и вмѣстѣ, спѣвши по настоящему публики два раза дуэтъ «Плыте човенъ». Изъ остальныхъ вокальныхъ номеровъ наибольшее впечатлѣніе произвела чудная музыка извѣстнаго «Синва Яремы» («Гетьманы»...) Въ литературной части вечера принимали участіе М. М. Старицкая и г. Багровъ. Первая прочитала съ большимъ чувствомъ стихотвореніе въ память Т. Г. Шевченка, оставившее сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Почти такое же впечатлѣніе произвела одна изъ лирическихъ думокъ Шевченка, въ исполненіи г. Багрова.

Въ Москвѣ 25-го февраля, въ день рождения Т. Г. Шевченка, по инициативѣ московскаго кружка малороссовъ въ церкви Большаго Вознесенія, что у Никитскихъ Воротъ, была отслужена мѣстнымъ духовенствомъ при пѣніи хора пѣвчихъ, послѣ литургіи панихида по

вокойномъ поэтъ. За панихидой присутствовали: писатель Н. Н. Златовратскій, украинскіе драматическіе писатели: гг. Крошивницкій и Карпенко-Карый, артисты и артистки находящейся въ Москвѣ малороссійской труппы М. Л. Крошивницкаго, проживающіе въ Москвѣ малороссы и почитатели покойнаго поэта. (Русск. Вѣд. № 56).

Тамъ-же 26-го февраля, въ 40-ю годовщину кончины Т. Г. Шевченка, въ гостиницѣ «Континенталь» состоялся обѣдъ въ память поэта, въ которомъ участвовали нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ, малороссійскіе драматическіе писатели М. Л. Кропивницкій и И. К. Карпенко-Карый, артисты малороссійской труппы Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій, Н. В. Левитскій и другіе почитатели поэта.

Произнесено было много рѣчей, характеризовавшихъ Шевченка какъ великаго поэта, человѣка и гражданина, и прочитано нѣсколько его произведеній. Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Н. Н. Златовратскаго о значеніи Шевченка какъ поэта, олицетворявшаго въ своихъ произведеніяхъ не только душу малороссовъ, но идеалы и стремленія всего русскаго народа и общечеловѣческія чувства. По предложенію Н. Н. Златовратскаго сдѣланъ былъ сборъ въ пользу бѣднѣвшихъ родственниковъ Т. Г. Шевченка. (Рус. Вѣдом. № 57).

Въ Полтавѣ 11 марта, во второмъ общественномъ собраніи, въ память сорокалѣтія со дnia смерти поэта Т. Г. Шевченка, устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе: г-жи Онацевичъ, Островская, г.г. Рудченко, Курдиновскій и нѣкоторыя другія лица, а также малорусскій смѣшанный хоръ любителей подъ управлениемъ П. Н. Гордіевскаго и Маркевича и известный украинскій бандуристъ Галайда. Всѣ исполнители довольно не дурно справлялись со своими номерами. Хоромъ было исполнено нѣсколько пѣсень: «Заповѣть», «Туманъ хыламы лягае» изъ оперы «Маяська ночь», «Маршъ на смерть Шевченка», кантата «Бѣть порогы» и «Писня про Софронія», слова Шевченка. Бандуристъ Галайда прекрасно исполнилъ нѣсколько вещицъ на своей бандурѣ. Залъ собранія былъ очень красиво убранъ, особенно эстрада, на которой помѣстили задекорированный портретъ Т. Г. Шевченка. Двери, ведущія на эстраду, и печи были украшены различными предметами ручного производства крестьянъ Полтавской губ., какъ-то: плакатами, скатертями, полотенцами. По стѣнамъ были развѣшаны соответственно задекорированные медальоны съ надписями на нихъ названий различ-

ныхъ произведеній Шевченка. Половина сбора съ вечера назначена въ пользу благотворительного Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 54 п 57).

Въ С.-Петербургъ, 26 февраля въ день сорокалѣтней годовщины со дня смерти украинского поэта Т. Г. Шевченка, въ Казанскомъ соборѣ протоіереемъ В. И. Мареиниымъ отслужена была панихида по покойномъ поэту. Соборъ наполненъ былъ многочисленными земляками и почитателями Тараса Григорьевича. На панихидѣ присутствовали также члены общества имени Т. Г. Шевченка, во главѣ съ предсѣдателемъ А. Н. Марковичемъ, И. С. Иващенковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Л. Лесевичъ, профессоръ П. П. Пелехівъ и много представителей печати. 19 марта назначено торжественное собраніе общества имени Т. Г. Шевченко. (С.-Пет. Вѣд. № 56).

Въ Симферополь, 26 февраля въ каѳедральномъ соборѣ была отслужена панихида; въ театрѣ состоялось чествованіе поэта; прочтена была его біографія, а затѣмъ данъ парадный спектакль съ апоѳеозомъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 46).

Въ Томскъ — 26 февр. въ театрѣ при бесплатной библіотекѣ устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій.

Послѣ того какъ оркестръ исполнилъ увертюру соч. Франка, профессоръ томского университета М. А. Рейннеръ прочелъ біографію Т. Г. Шевченка. Рѣчь его была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Затѣмъ были исполнены, въ музыкально-вокальномъ отдѣленіи — «Гетьманы», «Ой одна я, одна», «Утоптала стежечку», «Бьють порогы», «Ой Дніпре мій, Дніпре», «Коломыйка», «Колы розлучаются двое», «Закувала та сиза зозуля» и мн. друг. Въ заключеніе былъ поставленъ апоѳеозъ: картина къ «Думы моя, думы». Картина представляла собою поэта, окруженного типами его произведеній: „Кобзарь“, „Гайдамаки“, „Гетьманъ“, „Невольники“, „Катерина“. (Сибирская Жизнь, № 46).

Въ Херсонъ, 26 февр. въ 12 ч. дня въ Успенскомъ соборѣ протоіереемъ о. В. Ефремовымъ отслужена панихида по случаю сороковой годовщины со дня кончины поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Пѣлъ хоръ подвизающагося на сценѣ городского театра кіевскаго то варищества малороссійскихъ артистовъ. Храмъ былъ полонъ молящимися, въ томъ числѣ дамами, представителями чиновнаго міра,

учащимися мѣстныхъ учебныхъ заведеній и тружениками печатнаго дѣла. (Югъ, № 856).

Въ Галиции (вообще въ Австро-Венгрии).

Во Львовѣ.—28 февраля въ залѣ „Народного Дому“ устроила литературно-музыкальный вечеръ гимназическая молодежь. Программа составлена была преимущественно изъ произведеній Шевченка. Вечеръ открылся чтеніемъ реферата гимназиста Петраковца «Які впливи слідно в Шевченковій «Тополі».

Тамъ же, 1 марта, въ томъ же помѣщеніи—устроено было торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ соединенными силами всѣхъ львовскихъ украинскихъ товариществъ (главн. образомъ «Просвѣта» и «Львівський Боян»). На вечеръ собралась почитатели Шевченка изъ Перемышля, Стыя, Станиславова и мног. другихъ мѣстностей.

Въ Перемышлѣ—8 марта устроено было вечеръ въ залѣ «Русского дівочого Інституту».

Въ Коломыї—11 марта, мѣстная гимназическая молодежь устроила литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ Стыи—13 марта устроено было вечеръ гимназической молодежью.

Въ Тернополѣ—13 марта устроено было вечеръ стараніями «народно-русскихъ товариствъ» въ залѣ «Сокола».

Въ Черновцахъ—12 марта въ черновецкой 1-й гимназіи устроено было воспитанниками литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ Бучачѣ—устроено было 12-го марта вечеръ гимназической молодежью.

Въ Бережанахъ (на Буковинѣ)—3 марта устроено было вечеръ гимназической молодежью.

Въ Путиловѣ (на Буковинѣ)—10 марта устроено было вечеръ пущиловской філіей товар. «Руска Школа».

Въ Новимъ-Сели (въ Галичинѣ)—11 февраля состоялся вокально-декламаторскій вечеръ, въ простой крестьянской хатѣ. Устроителемъ явился потаріусъ Герасимовичъ, поясновшій въ краткой, простой рѣчи цѣль даннаго вечера.

Въ Яворовѣ—устроено было 11-го марта вечеръ «Міщанською Читальнею».

Въ *Теребовль*—устроенъ былъ 11 марта вечеръ мѣстной «Міщанською Чатальнею».

Въ *Вильню*—26 февраля устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ украинскимъ рабочимъ обществомъ «Поступ», въ Restaurant «zum Weingarten».

Тамъ же, 3 марта устроенъ былъ вечеръ обществомъ «Січ». („Руслан“, „Буковина“, „Дѣло“).

Отказъ въ постановкѣ памятника Т. Г. Шевченку. Министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило ходатайство «Союза русскихъ писателей» о разрѣшении открыть подпиську на устройство памятниковъ Шевченку и Бѣлинскому. (Кiev. Газ. № 63).

Неизвестный портретъ Т. Г. Шевченка. У присяжнаго поѣренного Н. Н. Коренева, въ Москвѣ, хранится портретъ, рисованный медовыми красками на картонѣ и изображающій молодого человѣка въ арестантскомъ халатѣ на фонѣ сѣрой каменной стѣны. Теперь собственникъ этого портрета получилъ его отъ своего покойнаго дяди, академика петербургской академіи художествъ Николая Назаровича Коренева. Преданіе говоритъ, что портретъ этотъ, полученный покойнымъ Н. Н. Кореневымъ отъ профессора петерб. академіи художествъ Якобіа, изображаетъ Т. Г. Шевченка въ заключеніи и писанъ самимъ художникомъ-поэтомъ. Было-бы желательно, чтобы это преданіе было проверено компетентными лицами, которые могли бы опредѣлить значеніе этого интереснаго портрета. (Русск. Вѣдом. № 60).

Родственники Т. Г. Шевченка. По словамъ проф. Стороженка, племянники Т. Г. Шевченка—дѣти его брата Никиты и сестры Ирины, живущіе въ Кирilloвкѣ, кievской губ., теперь до извѣстной степени обеспечены: черезъ одну высокопоставленную даму профессору удалось обратить на нихъ милостивое вниманіе Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, и они теперь получаютъ пѣзъ собственныхъ средствъ Ея Величества по 200 руб. ежегодно. (Кievsk. Газ. № 61).

Съ другой стороны, «Русскія Вѣдомости» (№ 50), просятъ обратить вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе семьи О. И. Бойко, родственниковъ Т. Г. Шевченка. Благодаря помощи добрыхъ

людей О. И. удалось помѣстить дѣтей въ учебныя заведенія; въ настоящее время дочь ея находится уже въ старшемъ классѣ епархіального училища, но невзнось платы за ученье за два послѣдніе года грозитъ ей увольненіемъ передъ самымъ окончаніемъ курса. Пожертвованія можно пересыпать въ г. Кременецъ, Волынской губ., Завальная ул., домъ Шипановской, Ольгѣ Ивановнѣ Бойко.

Слѣдуетъ добавить, что сынъ О. И. Бойко, внукъ Т. Г. Шевченка, воспитывался въ той-же кременецкой духов. семинаріи. Онъ писалъ стихи и праводилъ ими въ восторгъ весь городъ. Каждое стихотвореніе онъ подписывалъ: «Л. Бойко, внукъ Тараса Шевченка». Въ своихъ стихахъ онъ, какъ и знаменитый дѣдъ, которому онъ, видимо, подражалъ, увлекается запорожской Сѣчью, красотами украинской природы, ненавидитъ враговъ Украины, недоволенъ настоящимъ и стремится къ чему-то болѣе высокому, лучшему, прекрасному. Многообѣщающій молодой человѣкъ, проявлявшій всегда странности, въ послѣднее время, какъ сообщаетъ «Русск. Сл.», сталъ заговориться, и дѣло кончилось тѣмъ, что его пришлось отправить въ Кирилловскую больницу для умалишенныхъ въ Киевъ. У Бойко помѣщательство на религіозной почвѣ.

Благоустройство могилы И. П. Котляревского. По соглашенію управляющаго Полтавской школой садоводства и огородничества В. И. Альховскаго съ завѣдующимъ Полтавскимъ городскимъ садомъ г. Орловскимъ, нынѣшней весной будутъ произведены посадки декоративныхъ растеній на могилѣ и около могилы творца «Энеиды» и «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 57).

Памяти П. И. Нищенского. 4 марта истекло ровно пять лѣтъ со дни смерти извѣстнаго талантливаго украинскаго писателя и композитора Петра Ивановича Нищенского.

Помѣщая нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и литературно-композиторской дѣятельности его (въ газетѣ «Киевская Газета»), г. Р. Л. заканчиваетъ свою обширную замѣтку слѣдующими словами: «Интеллигентные украинцы, гордаціе заслугами покойнаго писателя и композитора, не только не нашли возможнымъ до сихъ поръ поставить надъ могилой Петра Ивановича хотя бы самаго скромнаго памятника, но даже до сихъ поръ не понтересовались тѣмъ богатымъ

литературнымъ наследствомъ, какое осталось послѣ Петра Ивановича. А осталось послѣ исконного писателя болѣе десати пудовъ бумагъ, и въ томъ числѣ неоконченная «Иліада». Чтобы издать все то, что заслуживаетъ общественнаго интереса, нужны люди и средства; а родные Ц. И. выполнить сами эту трудную задачу не могутъ. Будемъ надѣяться, что хоть къ десятилѣтней годовщинѣ смерти Ц. И. Нищенского украинскіе интеллигенты исполнять по отношенію къ выдающемуся работнику на украинской нивѣ то, что составляетъ не только ихъ нравственный долгъ, но и священную обязанность. Пока-же это, къ сожалѣнію, только pia desideria» (Кievsk. Газ. № 63).

Чествованіе памяти А. Я. Конисскаго. 10 декабря минувшаго года, по полученіи извѣстія о смерти А. Я. Конисскаго, въ Симферополь почитателіи его таланта собрались на панихиду въ Александро-Невской церкви. Послѣ панихиды небольшой кружокъ знакомыхъ и почитателей исконного собрался въ Grand-отель помянуть почившаго добрымъ словомъ. На обѣдѣ одинимъ изъ присутствующихъ была произнесена краткая рѣчь. Присутствующіе условились послать женѣ А. Я. слѣдующаго содержанія телеграмму: «Гурток Симферопольскихъ Українців, вболіваючи о понесеній Вами і всею Україною утраті, бажає, щоб сумний фактъ смерти Олександра Яковича викликав живийший рух въ житті українства». Того же числа въ мѣстной газетѣ «Кримъ» напечатанъ былъ краткій некрологъ О. Я. Конисскаго. (Літературно-Науковий Вістникъ, кн. Ш).

Юбилей Ганны Барвинокъ (А. М. Кулишъ). (Корреспонденція). 3 марта 1901 г. праздновался сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности Александры Михайловны Кулишъ, известной подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ. На литературное поприще уважаемая писательница выступила въ 1860 г., когда мужъ ея, П. А. Кулишъ, напечаталъ въ альманахѣ «Хата» два ее рассказа: «Въ-осены лито» и «Лыко не безъ добра». Рассказы эти отличались прекраснымъ образнымъ языкомъ и большими умѣньемъ писательницы изъ материала, доставляемаго разговорами ея сельскихъ знакомыхъ, творить художественные картины народной жизни, простыя, реальная и поэтическая въ то-же время. Тѣ-же качества проявляются и во многихъ послѣдующихъ рассказахъ А. М. Кулишъ, которые она

печатала въ „Основѣ“ (подъ псевд. Г. Барвинокъ и А. Нечуй-Витеръ), „Правді“, „Кіевской Старинѣ“, „Літературно-Науковому Вістнику“ и др. изданіяхъ. Всего Ганна Барвинокъ написала болѣе тридцати рассказовъ. Наиболѣе удачные изъ нихъ принадлежать къ лучшимъ образцамъ украинской литературы. Къ таковымъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ, относятся: „Не было змалку, не буде й до'станку“, „Неремогла“, „Русалка“, „Пьяныца“, „Короливщина“.

Темами для своихъ рассказовъ Ганна Барвинокъ избираеть преимущественно женскую долю, съ замѣчательной правдивостью изображая горести жизни нашей сельской женщины, и при крайней простотѣ приемовъ и неизмѣнномъ уклоненіи отъ всякихъ бывшихъ на эффектъ выраженій производить иногда большое впечатлѣніе и достигаетъ созданія истинно поэтическихъ изображеній. Не смотря на преклонный лѣтъ (А. М. Кулишъ, урожденная Бѣлозерская, родилась въ 1828 г.), она продолжаетъ работать и въ настоящее время, то создавая новые рассказы (см., напр., въ Ш-й книгѣ «Літературно-Наукового Вістника» за этотъ годъ ея рассказъ «Гречаники»), то съ замѣчательной энергией ведя дѣло изданія произведеній своего покойнаго супруга. Ею самою или по ея порученію издано до сихъ поръ 10 его книгъ: «Воспоминанія дѣтства», «Оповидання», «Досвітки», «Драмована Трилогія», «Чорна рада» и переводы драмъ Шекспира: «Гамлет», «Приборканя гоструха», «Макбет», «Коріолан», «Юлій Цезарь».

Собственно, отъ празднованія юбилея уважаемая писательница отказалась, но принимала поздравленія 3 марта у себя въ домѣ, въ своемъ хуторѣ „Мотроновка-Кулишівка“ (подъ Борзною), где она родилась и прожила большую часть своей жизни и где покоятся прахъ П. А. Кулиша и брата писательницы, В. М. Бѣлозерского, бывшаго редактора „Основы“. Кромѣ личныхъ поздравлений, принесенныхъ писательницѣ нарочно прибывшими для того гостями, ею получено было много адресовъ, писемъ и телеграммъ, со множествомъ подписей, изъ различныхъ мѣстностей Россіи и Австріи, а именно: изъ Кіева, Чернигова, Львова, Нѣжина, изъ одного села, Херсона, Одессы, Екатеринослава, Екатеринодара, Бахмута, Звягеля, Умани, Полтавы, Минска, Петербурга и Москвы, при чемъ изъ многихъ городовъ получилось по иѣсколько поздравлений. Между другими поздравленіями изъ Кіева было также поздравленіе и отъ редакціи „Кіевской Старинѣ“, на страницахъ которой Ганна Барвинокъ по-

мѣщала свои рассказы. Въ поздравленіяхъ подчеркивалась талантливая дѣятельность А. М. Кулишъ какъ писательницы и та энергія, съ которой она опубликовываетъ произведенія своего супруга, а также выражались пожеланія болѣе свѣтлыхъ дней для украинскаго слова и болѣе широкаго развитія украинской литературы. Не смотря на то, что произведенія г-жи Кулишъ печатались большою частью или въ старыхъ, сдѣлавшихся уже библиографической рѣдкостью, изданіяхъ, или въ заграничныхъ малорусскихъ журналахъ, оказалось, что дружно привѣтствовавшая ее публика знакома съ ними. Это свидѣтельствуетъ какъ о талантѣ писательницы, такъ и о томъ интересѣ, который украинская литература начинаетъ возбуждать среди болѣе широкихъ круговъ публики (между привѣтствовавшими юбиларшу находились даже простые крестьяне и козаки).

Важное ходатайство. Недавно закончившій свои работы первый всероссійскій агрономическій съездъ въ Москвѣ, между прочимъ постановилъ возбудить ходатайство и разрешеніе издавать въ Малороссіи на малороссійскомъ языке брошюры и органы periodической печати по сельскому хозяйству. (Куб. Вѣд., № 47).

Издание украинскихъ пѣсенъ. Историко-филологическое общество (харьковское? Ред.) приступаетъ къ собиранию украинскихъ пѣсенъ для изданія. (Приднѣп. Край, № 1112).

Награда за солидный литературный трудъ. 14 февраля Комиссія Харьковскаго университета назначила двѣ преміи за лучшій трудъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія. На конкурсъ было прислано много работъ. Лучшей было признано възлѣданіе А. А. Русова «Описаніе Черниговской губерніи». Автору выдана премія въ 500 рублей, а рецензенту, В. Левицкому—присуждена золотая медаль.

Цѣнныій даръ. Извѣстнымъ възлѣдователемъ южно-русской старины А. А. Андріевскимъ принесены въ даръ херсонскому археологическому музею 19 документовъ XVIII столѣтія, заключающихъ въ себѣ переписку выдающихся дѣятелей той эпохи. На документахъ встрѣчаемъ надписи: Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ, гетмана Даниила Апостола, архіепископа кіевскаго Рафаила, князя Т. Трубецкого,

сербскаго митрополита Викентія, черногорскаго—Василія Петровича и друг. лацъ. („Югъ“, № 863).

„Аенны Полтавской губернії“. Лубнамъ, бывшимъ когда-то центромъ Украины и резиденцией гетмана Вишневецкаго, «грозитъ», по словамъ „Южн. Края“, въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться Аенномъ Полтавской губерніи—такъ много здѣсь имѣется работниковъ духа. «Здѣсь живеть изслѣдователь народнаго быта и народной медицины г-нъ Милорадовичъ, здѣсь живеть знатокъ украинской старины г-нъ Вочкиревъ, здѣсь обрѣтается начинающая малорусская писательница Л. А. Яновская; здѣсь же объявился недавно композиторъ г-нъ Подгорецкій, который поставилъ на дніхъ отрывки изъ своей оперы «Купальна искра». Музыка этой оперы, несомнѣнно, красива, мелодична и полна народнаго духа. Только авторъ, видимо, по неопытности, недостаточно развилъ и использовалъ пришедшіе ему въ голову счастливыя и красивыя музыкальныя темы. Во всякомъ случаѣ, такое необычное для провинціи явленіе, какъ постановка на сценѣ оперы мѣстнаго композитора, при содѣйствіи мѣстныхъ же силъ, расшевелило обычную лѣнъ, домосѣдство и винотоильство даже мѣстныхъ обывателей. Заль театра, ве смотря на очень дорогія цѣны, былъ почти полонъ. Публика единодушно и много аплодировала какъ автору, такъ и исполнителю. Любителямъ Украины слѣдовало бъ обратить вниманіе на эту новую оперу“. (Южн. Край, № 6949).

Сѣдая старина. Регистраторъ статистическаго отряда,ѣздившій по Полтавской губерніи, нашелъ, какъ сообщаетъ «Хуторянинъ», слѣдующій издательный образчикъ сѣдой старины.

«Около ворогъ сборни (носящей въ Лубенск. уѣздѣ, за одно съ волостью, название «полыці»), у перелаза высится шесть, на шестѣ привязаны «люлька» и пучокъ розогъ. Это символически изображеній, во всеобщее свѣдѣніе и назиданіе, текстъ мѣстнаго закона: «кто въ сели на вулыци куритъме, той буде бытый! „Я слышалъ“, разсказываетъ авторъ замѣтки, „что эти символы вышивались прежде у вѣзда въ село, въ воротахъ „царыны“; въ одномъ изъ уѣздовъ, кажется въ Зѣньковскомъ, въ нѣкоторыхъ селахъ они сохранились будто бы на этихъ мѣстахъ и донынѣ“.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Українськія виданія 1900 года.

II.

Українська література за предѣлами Россіи (Галичинѣ, Буковинѣ, Угорщинѣ, Американской Руси) розвивала по прежнему доволіоно інтенсивну дѣятельность, слѣдствіемъ чего и явилось огромное, срѣвнителю, количество цѣнныхъ научныхъ и художественныхъ крупныхъ и мелкихъ изданий, могущихъ сдѣлать честь любой европейской літературѣ.

На первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить «Наукове Товариство ім. Шевченка» и его солидныя научныя и другія виданія. Изъ періодическихъ виданий, имѣющихъ огромную цѣнность, помимо журнала «Літературно-Науковий Вісник», успѣвшаго за три года своего существованія спискать себѣ репутацію соладнаго органа, удовлетворяющаго духовнымъ потребностямъ значительной части культурного слоя общества, дорожащаго интересами родной земли въ ея прошломъ и настоящемъ,— въ минувшемъ году «Науковим Товариствомъ» были изданы: XXXIII—XXXVIII т. т. «Записок Наукового Товариства»¹⁾), „Етнографічный Збірникъ“ т. VIII и IX; т. т. П

¹⁾ Реценз. на нихъ см. «Кievsk. Старина», кн. X, XI и XII за 1900 г., кн. II за 1901 г., а также „Русская Мысль“, кн. I за 1901 г., Archiv für Slavische Philologie, т. XXII.

в III «Істория України-Руси». Проф. М. Грушевського, від XI—XIV (т. III Збірника історико-фільософічної секції); «Часопись Правничий», р. X. Розвідки правничі секції історично-фільософічної Н. Т. ім. Шевченка (2 книжки); «Збірник математично-природописно-лікарської секції Наук. Тов. ім. Шевченка. Т. IV, вип. II. (часть математична); т. V, вип. II. (Часть лікарська);²⁾ т. VI вип. I (Часть математично-природописна); «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словесність і письменство», т. II. (Збірник фільологічної секції Наук. Тов. ім. Шевченка); т. III «Жерела до історії України-Руси». Видає Археографічна Комісія Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрації королівщин в землях холмській, белзькій і львівській з 1564—1565 р. р. Вид. М. Грушевський».

Ізъ отдѣльныхъ изданій Н. Товариства, преимущественно оттисковъ изъ вышеупомянутыхъ періодическихъ изданій, можно отмѣтить слѣдующія: *Володимир Гнатюк*. Словацький опрашок Яношік въ народній поэзії; *В. Охримович*. Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Свільськім і Долинськім судовім повіті; Словарь росийско-украинський. Т. IV (С—V). Зібрали і впорядкували *М. Уманець і А. Спілка; Евген Косевич*. Людові університети; Стефан Рудницький. Українські козаки въ 1625—30 р.р.; *Грушевський М.* Розвідки і матеріали до історії України-Руси. III. Відбитки з «Записок Н. Т. ім. Шевченка» и «Жерел до історії України-Руси», т. II; *Левицький Володимир*. Причинок до теорії дробів таглих і групи модулою і кліматичні відносини Тернополя; *Романчук Юліян*. Де-які причинки до цонправнійшого видання поезій Тараса Шевченка; *Верхратський Іван*. Про говор долівський; *Гнатюк Володимир*. Русини Пряшівської єпархії і іх говори; *Павлик М.* Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р.; *Студинський Кирило*. Хто був автором *Англібретса*? р 1599?; *Франко Ів.* Апокріфічне евангеліє псевдо Матвія і його сліди в укр.-русськім письменстві; *Франко Ів.* Слово о Лазаревѣ воскресенії. Староруська поема на апокріфічні теми; Хроніка Наукового Товариства ім. Шевченка. Ч. I, II і III; *Коренець Денис*. Знасіни гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58; *Левицький Володимир*. Класифікация наук математичних; *Левицький Кость*. Про неважливість в новім процесі цивільнім; *Сидоряк Семен*.

²⁾ Оба эти тома помѣщены еще 1899 годомъ.

Студия анатомична над взаємними відношеннями снаряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюнів; Франко Ів. Карпато-русське письменство ХVІІ—ХVІІІ в.; Осип Маковей. П. О. Куліш, огляд його діяльності; Франко Іван. Перехресні стежки; В. Б. Жите на віру у сибірських селян; Веретельник Андр. Рубане і виготоване дерево; Вовк Хв. Звістки ї листи; Вовк Хв. Знайдки у могилах між Верем'єм і Сгретівкою і біля Трипілля; Гнатюк В. Ткацтво у східній Галичині; Гошовський Андрій. Про новий напрям в науці приватного права; Дикарів М. Програма до збирания відомостей про громади і збірки сільської молоді; Дністрянський С. Берненська увія і наше відношення до неї; Зубріцький М. Народній календар, звичаї і повірки привезені до днів тиждня; Литвинова-Бартош. Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глух. пов.; Рудницький Стеф. Про плями сонечні; Франко Іван. Історично-економ. студия.

Укажемъ также на почтенную дѣятельность «Украинско-Русской Видавничої Спілки», основавшейся лишь въ коацѣ 1898 г. и въ теченіе 1899 г. успѣвшей дать 12 изданій.¹⁾ Въ минувшемъ году это общество дало также 12 издавій: «Шекспір Уїлліам». Приборканіа гоструха. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; Герарт Гауптман. Візник Геншель, драма въ 5 актах. Переклад Антін Крушельницький (ч. 13); Коцюбинський Михайло. В путах Шайтана і інші оповіданя; Гуцков Кароль. Урнель Акоста, трагедия въ 5 актах. Переклад Лев Лоштицький; Енгельс Фр. Початок родини, приватної власности і держави на підставі Л. Моргана; Шекспір Уїлліам. Коріолян. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; Яцків Михайло. В царстві Сагани. Іронично-сентиментальні картины (ч. 21); Коцюбинський М. По людському. Оповідання з бесарабського життя (ч. 24); Мартович Лесь. Не-читальник (ч. 23); Мирний Панас. Морозенко (ч. 22); Стефанник Василь. Дорога. Збірка нарисів.

Давнее Общество «Прогресс», давшее за время своего существования до начала минувшаго года 235 номеровъ изданій, въ 1900 г. также довольно энергично проявляло свою дѣятельность въ этомъ направлениі. Ихъ были изданы слѣдующія брошюры: «Русский съїз-ваник». Зібрав Кость Федъків (другий наклад); «Старорускіе оповіданія. Вибрав и переповів Іван Франко (ч. 238); «Добровольский Ст.

¹⁾ См. обзоръ литературы за 1899 г.—«Кiev Стар.», кн. II, за 1900 г.

«Ярема». Оновідане з запорожського життя. З російського переповів *Алекс. Борковський* (ч. 241); «Кілько рад і пересторог для хліборобів, годуючих худобу» (ч. 242); *Новаковський Михайло*. «Спілки для ощадності і позичок системи Райфайзена» (ч. 240); *Зальцман Хр.* «Книжка приказок про те, як не належиться поводитися з дітьми». Переклав *Т. Віленський*. З переднім словом *І. Франка* (ч. 243—244); «Коляди і щедрівки». З додатком троарів і антифонів на Різдво Христове і Богонаврене; *Левицький Кость*. «Проис людності». В додатку „Староруські оповідання“, ч. V и VI (д-ра *І. Франка*, ч. 245); *Фед'кович І.* «Фармазони». Повість. *П. Щецині* (ч. 245—247); *Ілюстрований календар «Просвіта»* на р. 1901 р.

Довольно енергично розвивало свою діяльність і львівське „Руске товариство Педагогічне“. Всого въ прошломъ году имъ было издано около 15 книжекъ: «Казки Андерсена». Пята часть (ч. 76); *Переклади А. Кримською* (ч. 77); «Образки з історії України-Руси» (ч. 78); «Оповідання для дітей» (ч. 75); *Мамін-Сибіряк Д. Н.* Датичі оповідання. Переклав з російського *Андрей Вертельник* (ч. 79); *Інформаційний календар «Руского педагогічного Товариства»* у Львові на звич. рік 1901 (ч. 85).

Начавша было въ 1899 г. издаваться серія підъ назв. «Живі струни», давша 4 изданія, въ минувшемъ году дала лише одно—*Владислав Оркан*. «Ніч». Драма в 1 акті. Переклав *А. Крушельницький*. Зато въ минувшемъ году з'явилось три новыхъ видавальства—«Р. У. Р. Ц.», «Руска Школа», «Народна Бібліотека». Перше дало пока лише два виданія: «Самостійна Україна» и «Дядько Дмитро». Оповідане.

«Руска Школа» (въ Черновцяхъ) издала: *Іван Синюк*. «Образки з житя і природи» и «Десять казок для діточок». Збірка з уст варода на *Буковині*.

«Народна Бібліотека» издала: *Василь Стефанік*. „Камінний хрест. Студії і образки“ (ч. 1—2); ¹⁾ *Толстой Лев*. „Два старці“. З великоруського переповів *М. Павлик* (ч. 3); *Гоголь Микола*. Тарас Бульба (ч. 4—6). Переклав *В. Щурат*.

Въ *Перемишль* изданы двѣ брошюры серії «Артистично-Літературних новин»: (ч. 3) *В. Щурат*. «Павло Ліндау. Мелійська Венера», поетична драма в 1 д. (ч. 4); *В. К.* «Образки з Кринаці».

¹⁾ Пом'чено ще 1899 годомъ.

Тамъ же открыта новая серія изданій—«Бібліотека музикальна»: изданы—ч. 1. Пісні підчас служби Божої на 3-голосний хор жіночий або мужеський; ч. 2. *Копко М.* Пісні (часть церковна) и ч. 3. *Копко М.* На Різдво Христове (розні пісні).

Наконецъ, въ Коломыѣ—давняя серія «Бібліотека для рускои молодежи» дала: *Данило Лепкій.* «Селянська. Дитина. Изъ сельскихъ образківъ» (т.т. 39 и 40); *Мешко.* «Повѣрка». Оповѣданіе и др. (т. 38); *Андрей Веретельникъ.* «Два брата». Оповѣданіе (т. 42).

Кромѣ изданій различныхъ обществъ или отдѣльныхъ серій, въ минувшемъ году было издано немалое количество книгъ и брошюре отдельными листами, большая часть которыхъ приходится, конечно, на Львовъ, затѣмъ—Черновцы, Коломыю, Черемышль и др. города.

Во Львовѣ были изданы: *Бачинський Юліан.* Україна—irredenta. Друге виданне, и (его же)—Моя переписка з Михайлом Драгомановим (додаток до „Україна-irredenta“); *Бартошевскій Іоан.* Проповѣди недильни для сельского народа. Друге дооповнене видане; *Бурл.* Драма в 5 діях Островського. З російського переклав і віддав М. Павлик; *Кузів Ілько.* Короткий погляд на історію читальни руської дух. семінарії; *Левицький Іван.* Гетьман Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзnamенитшихъ човинств подъ редакцією Івана Белея. Т. LXIV); *Лисенко Микола.* Хор мішаний до слів поезії I. Франка: „Ой що в полі за дамове?“; *Шематизм* всесестного кліра гр.-кат. митроц. архідієцезія львовской на р. 1900; *Адикович Орест.* Метелики; его же: *Нетлі;* *Вернер Сомбарт.* Соціалізм і социальний рух у XIX ст. Переклав Льонгин Цегельський (Бібліотека молодої України); *Ібзен Генрих.* Як ми мертві воскреснемо. Перек. А. Крушельницький; *Мешко Франц..* Драма на селі. Повість. З словинського переклав Ілько Кузів; *Справоздане діrekції Ц. К. академічної гімназії у Львові на р. шкільний 1899—1900;* *Перебендя,* Острожниця. і *К. Зорян.* Хто винен; *Франко Іван.* Із днів журби. Поезії; *P. Ганічак.* Коломийка; *Закшевський Вікентій.* Все світна історія для висших клас середніх шкіл. Т. I. Старинна історія; *Кобринська Наталія.* Про «Нору» Ібзена; *Оюновський Іллріон.* Словар до Гомерової Одиссеї і Іліади; *Торонський А.* Істория біблійна старого завіта для гр.-кат. молодіжі середніх шкіл.; *Лепкий Бойдан.* Стрічки; *Мох Рудольф.* Справа въ селѣ Клекотинѣ. Драмат. сцени зъ панщинзня-

ныхъ часовъ; *Підручник для спілок ощадності і позичок системи Ф. В. Райфайзена*. Зладив др. Ф. Стефчик; *Самостойна Украина*. Видновѣдь Романа Сембратовича на статю п. з. «Українська держава»; *Як пильнувати виборів до Ради державної, аби добре для нас випали?* Баженський Порф. Руско-народна музикальна гармонія; *Гумористичний ілюстрований календар «Комара» на р. 1901*; *До виборців з четвертої кури округи: Терношль—Скалат—Збараж; Лаврівський Володимир*. Тілоуравні Гри. Конава: *Lawn Tennis*; *Мешко Франц*. Нагуль, сільський образок. Зі словінського переклав Ілько Кузів; *Рудович І. Унія въ Львовской архилієпезії*; *Енцикліка Папи Ілва XIII про робітниче питання*; *Оюновський П. Учебник аритметики для низших клас.*

Въ Черновцахъ.—Ісалтир. Видае Іван Созанський; *Домашний писар*. Збірка примірків, як укладати ріжні письма; *Жарти для розвинки руского селянина*; *Пігуляк Еротей*. Верховинські згальки. Повість; *Попович Омелян*. Із житя цісаря Франца-Йосифа I въ 70 уроців цісарські, для руської молодіжі; *Ілюстрований буковинський православний календар на рік 1901*; *Шпойнаровський Сергій*. Руска читанка для першої кляси середніх шкіл.

Въ Перемышлѣ.—Митюкѣ Викторъ и Теофиль Луцикъ. Зборники церковно-народныхъ п'єсень. Вып. I.; *Ночь Виолеемска*. Опера-тория сценічна в 4 актах.; *Смъхъ и правда*. Вып. I.

Въ Коломыї.—Г. А. Полянскій. Где есть скарбъ закопанный? Наука о томъ, якъ его выдобыты; *Мосора Михаїл*. Народни казки. Часть I; *Каммереръ Вильгельмъ*. Звонок. Переклав Яковъ Зробекъ.

Въ Уніварѣ.—Мъсяцесловъ на 1901 г. Составиль отъ имени общества св. Василія Великаго свящ. Юлій Чучка.

Въ Жовквѣ.—Християнскій календарь Місіонара на 1901 рік.

Въ Винтербергѣ.—Ілюстрований Календар Пр. Дльви Марії на р. 1901; Приятель жовніра. Календарь на р. 1901.

Остается упомянуть еще о нѣсколькихъ изданіяхъ, вышедшихъ въ Америцѣ, въ Ценспільнаніи въ (Олифантѣ), при редакціі газеты «Свобода», а именно: *Стефанъ Макаръ*. Американскій шляхтичъ. Образъ изъ житя рускихъ робитниківъ въ 3-хъ актахъ (ч. 10); *ю-жъ*—Руско-англійскій провідникъ. (ч. 11); *А. Л. Дорога до свѣдомости. I. Капіталъ и праця* (ч. 12); *Календарь для американськихъ Русиновъ на рікъ 1901*; *Покрива Т. Дорога до свѣдомости. II. Борьба власъ. Ш. Для чого робітники організуються?*

Таковы результаты культурной, научно-просвѣтительной дѣятельности украинского общества въ минувшемъ году за границей,— дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, почтенной, свидѣтельствующей о естественной потребности украинского народа, постепенно приближаясь, стать на одномъ уровнѣ съ обществами наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ земель. Пожелаемъ же ему дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направлениі!

Прим. Давай обзоръ украинской литературы за границей за 1899 г. (Кievск. Стар. 1900, февраль, стр. 104—108), мы, по независящимъ отъ насть обстоятельствамъ, не упомянули о слѣдующихъ изданіяхъ 1899 года: *Ор. Авдикович. Поезия і проза. Львів, 1899;* *Деккій Б. З житя. Збірка оповідань. Наклад. Укр.-руської видавничої спілки* (ч. 12); *Національна Бібліотека ч. 2. Фр. Енгельс. Людвіг Фаербах. Переклад Будового. Накладом «Укр.-руської видавничої Спілки»;* *Бібліотека 3-ї країцарова. Вып. I. Коломыя (3 разсказа); Ворчин Ю. Цвѣты и бодяки. Образки и оповѣданія. Т. П. (Бібліотека для русской молодежи подъ редакцією Юліана Носальского. Вып. XXIV. Томъ XXXVIII). Коломыя, 1899;* *Будилець Евграф. Студії богословські. Проповідник ва чудодійну тайну каєна. Чернівці, 1899; Зробок Яков, парох: Вертелки. Мала парохія. Наклад. автора на цѣль будовы церкви въ Вертецѣ. Жовква, 1899.*

В. Д.

Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. Съ портретомъ.
Кievъ. 1900 г. 108 стр.

Авторъ воспоминаній, Николай Алексѣевичъ Шрамченко (род. 1813 г. ум. 1888 г.) былъ уроженцемъ мѣстечка Воронежа, Глуховского уѣзда; воспитывался сначала въ новгородсѣверскомъ повѣтѣ, потомъ въ новгородсѣверской гимназіи и паконецъ въ Харьковскомъ университѣтѣ; служилъ непроложительное время въ канцеляріи Черниговскаго губернатора, потомъ въ военной службѣ, но выходитъ изъ которой поселился въ м. Воронежѣ, гдѣ провелъ весь остатокъ дней своихъ и гдѣ долго онъ дѣйствовалъ въ качествѣ мироваго посредника, почти со временемъ учрежденія этой должности¹⁾ и до ея упраздненія въ Черниговской губерніи.

¹⁾ Замѣнилъ недолго занимавшаго эту должность М. Н. Карп'ку.

Отпечатанныи въ количествѣ всего 50-ти экземпляровъ, воспоминанія его были писаны и изданы не для публики. Въ началѣ ихъ авторъ говорить, что берется за перо вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своихъ дѣтей изложить для нихъ на бумагѣ событія его жизни и вообще все, что припомнитъ. Приступивъ къ этому на 68-мъ году своей жизни, когда свѣжесть многихъ воспоминаній утратилась, а желаніе окончить начатый трудъ могло побуждать торопиться, не вдаваясь въ такія подробности, изложеніе которыхъ требуетъ много места и времени,—авторъ кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Скромная жизнь его, большая половина которой прожита въ мѣст. Воронежѣ, и ограниченный кругъ людей, съ которыми онъ сталкивался въ жизни, и не давали ему обильного материала для такихъ воспоминаній, которыхъ могутъ представлять общий интересъ.

Притомъ, начало и конецъ труда не одинаковы: въ первой половинѣ воспоминаній авторъ сравнительно болѣе подробенъ; видно, что, когда онъ приступалъ къ своей работе, у него было желаніе разсказать въ надлежащемъпорядкѣ всѣ главнѣйшия событія своей жизни, и онъ съвсмъ и последовательно ведетъ этотъ разсказъ. Но, можетъ быть, недуги и мысль о приближающейся смерти помѣшали ему окончить трудъ такъ, какъ онъ былъ задуманъ: вторая половина воспоминаній имѣеть отрывочный характеръ и полна недомолвокъ. Такъ, не смотря на то, что самая продолжительная служба автора была въ должности мироваго посредника, и притомъ обнимала то интересное время, когда воодилюсь въ дѣйствіе положеніе объ освобожденіи крестьянъ, онъ не только не излагаетъ никакихъ подробностей о своей дѣятельности въ этой должности и о всемъ томъ, что связано было съ этой дѣятельностью, но даже вовсе не упоминаетъ о томъ, что онъ когда—либо былъ мировымъ посредникомъ.

Хотя вслѣдствіе указанныхъ условій воспоминанія Шрамченка, написанныя для того, чтобы удовлетворить желаніе и любопытство своихъ близкихъ родныхъ, представляютъ незначительный интересъ для читающей публики, но, такъ какъ почти вся жизнь автора прошла въ Малороссіи, есть въ нихъ иѣкоторые черточки, и для насъ небезинтересныя.

Начавъ съ изложенія имѣющихъ легендарный характеръ свѣдѣній о происхожденіи фамиліи Шрамченковъ и рассказавъ затѣмъ о своихъ родственникахъ—воронежскомъ сотнику Андреѣ Ивановичѣ и его братѣ Моисѣѣ Холодовичахъ (на сестрѣ которыхъ былъ жена

ирадѣдъ Н. А. Щрамченка), авторъ передаетъ сохранившіася въ семье свѣдѣнія объ извѣстномъ въ Малороссіи разбойнику Гаркушѣ и набѣгѣ его въ усадьбу Моисея Холодовича. Потомъ, разсказавъ о проживавшемъ въ Воронежѣ генераль—лейтенантѣ графѣ Н. В. Гудовичѣ, разжалованномъ въ солдаты, онъ прежде чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній о своемъ воспитаніи, останавливается и говоритъ: «Вѣрно, мнѣ не доѣтъ затянутой пѣсни, такъ какъ я сдѣлалъ перерывъ, болѣе года не заглядывалъ въ мои воспоминанія, а на семидесятомъ году моей жизни плохая надежда впереди... И послѣ этого перерыва авторъ становится уже гораздо болѣе кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Ученье его началось въ Воронежѣ у какого-то дядьки Некреши и мѣстнаго священника и продолжалось въ Новгородѣ-Сѣверскѣ. Говоря объ этомъ городѣ, авторъ сообщаетъ о немъ одно свѣдѣніе, интересное для лицъ, зрающихъ современное положеніе Новгородѣ-Сѣверска. Именно, онъ разсказываетъ, что называемая въ настоящее время «Кляшторомъ» часть города, на которой расположены Соборная и Воскресенская церкви, была прежде съ трехъ сторонъ почти неприступна по крутизѣ горъ, изъ которыхъ одна прилегаетъ къ Деснѣ, а съ четвертой стороны, противъ церкви Воскресенія, отдѣлялась отъ остального города глубокимъ рвомъ, черезъ который, какъ помнить авторъ, въ 1823 году былъ устроенъ деревянный мостъ, представившій единственное средство сообщенія названной части города съ прочими частями. Мостъ этотъ былъ на столько великъ, что по обѣимъ сторонамъ его на сваяхъ были устроены лавки (кажется, по пяти лавокъ съ каждой стороны, говорить авторъ и вспоминаетъ, что первая лавка съ лѣвой стороны отъ города была куница Леньковскаго). Впослѣдствіи этотъ мостъ былъ уничтоженъ, ровъ засыпанъ, и тамъ, гдѣ былъ онъ, отъ бывшаго моста влѣво и вправо, расположены улицы, вслѣдствіе чего мѣстность совершенно измѣнила свой видъ. А составляющія съ трехъ прочихъ сторонъ границу упомянутой части города горы, осыпавшись, сдѣлались менѣе неприступными; къ нимъ прильпались и по откосамъ ихъ устроились домики. И теперешніе обитатели, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ глубокихъ стариковъ, не подозрѣваютъ того, что когда-то эта часть города, отдѣляясь отъ прочихъ частей глубокимъ рвомъ, была по своему положенію неприступной крѣпостью.

Затѣмъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о педагогахъ новгородсѣверскаго повѣтоваго училища И. А. Славатинскомъ и Я. Я. Игнатьевѣ и новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскомъ, И. Ф. Тимковскомъ, Г. И. Ивановскомъ, Г. П. Македонскомъ, П. С. Левицкомъ и другихъ, причемъ наиболѣе симпатичнымъ изъ нихъ изображаетъ И. Ф. Тимковскаго.

Чтобы въ Киевской Старинѣ¹⁾ свою статью объ этомъ педагогѣ, мы позволимъ себѣ, въ дополненіе къ сообщеннымъ въ ней свѣдѣніямъ, выписать подробнѣе, сообщаемыя Н. А. Шрамченкомъ: «этотъ человѣкъ», говоритъ авторъ о Тимковскомъ, «и теперь былъ бы не послѣднимъ передовымъ. Отлично образованый умомъ и сердцемъ, онъ зналъ языки французскій, вѣмецкій и въ особенности латинскій (любимый авторъ былъ у него Гораций), умѣлъ поставить себя такъ, что всѣ ученики и учителя уважали, любили и боялись его, хотя онъ всегда со всѣми обходился ласково. Учителя до того унижались предъ нимъ, что, когда онъ посѣщалъ классы, бросались снимать и подавать ему шинель и даже галоши, но, конечно, онъ не всегда допускалъ ихъ до этого. Бывало, если Тимковскій покажется на гимназическомъ дворѣ, то у учителей всегда было видно какое-то замѣшательство, они обращались къ ученикамъ: «господа, поправьтесь», а сами поправляли галстуки и застегивали сюртуки. Когда приходило время экзаменовъ, Тимковскій обыкновенно въ назначенный заразѣ день лично осматривалъ различныя ученическія принадлежности, свидѣтельствовавшія о годовыхъ занятіяхъ каждого ученика: книги, тетради, разныя записки, переводы съ языковъ, рисунки и проч. и въ именномъ спискѣ учениковъ отмѣчалъ результаты своего осмотра. Затѣмъ назначались экзамены по расписанію, составленному Тимковскимъ. Ни одинъ экзаменъ не производился безъ его участія. Учителя на экзаменахъ были вакъ бы второстепенные лица. Бывало, Тимковскій, пріѣхавши на экзаменъ, привезть съ собою книги, подходящіе къ предмету экзамена, ипросить учениковъ и учителей садиться, самъ идетъ за столъ, розложитъ передъ собою списокъ учениковъ извѣстнаго класса и начинаетъ по списку вызывать учениковъ въ личное экзаменовать, въ особенности по русскому языку. Учитель въ это время сидѣлъ въ отдаленіи отъ стола. При всемъ своемъ личномъ участіи на экзаменахъ Тимковскій

¹⁾ 1891 г. № 8—10.

иерѣдко заставлялъ и учителей экзаменоватъ. Отвѣты учениковъ Тимковскій самъ лично оцѣнивалъ въ своемъ спискѣ безъ участія учителей. Казалось бы страннымъ, какъ могъ Тимковскій такъ много брать на себя, но оно было такъ.»

Небезынтересенъ также для характеристики старинныхъ нравовъ слѣдующій разсказъ автора: «Директоръ Тимковскій, какъ человѣкъ либеральный и гуманный, пожелалъ, чтобы въ гимназіи, помимо прочаго, процаѣтали и искусства, именно—музыка и танцы. Для обучения учениковъ музыкѣ онъ пригласилъ изъ Щостенского порохового завода капельмейстера П. В. Пишпека. Учителемъ танцевъ былъ Кригеръ, глубокій старикъ, преподававшій это искусство не долго. Когда онъ удалился, Тимковскій, вѣроятно по рекомендациіи Кригера, призвалъ меня къ себѣ, сказалъ что-то въ родѣ рѣчи о пользѣ пластическихъ искусствъ и поручилъ мнѣ продолжать обученіе танцамъ, что я и исполнялъ, разумѣется, безвозмездно. Ученики, въ благодарность, купили мнѣ всѣ (человѣкъ 25) по фунту конфектъ, которыми я съ ними же и подѣлился».

Переходи къ Харьковскому университету, въ которомъ авторъ былъ съ 1834 по 1840 годъ¹⁾, онъ, хотя и называетъ время студенчества лучшимъ временемъ своей жизни, къ сожалѣнію, черезчуръ кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ этому времени. Упоминая о П. П. Артемовскомъ—Гулакѣ (бывшемъ тогда деканомъ этико-филологического факультета), Н. И. Костомаровѣ (стоявшемъ на квартирѣ у Артемовскаго—Гулака) и А. Л. Метлинскомъ, онъ не сообщаетъ о нихъ никакихъ фактovъ, опубликованіе которыхъ могло бы представлять интересъ²⁾.

Затѣмъ, сообщая въ нѣсколькихъ строчкахъ о службѣ въ канцеляріи черниговскаго губернатора (которымъ былъ тогда В. А. Ше-

¹⁾ Сначала авторъ поступилъ на медицинскій факультетъ, а черезъ два года перешелъ на философскій, переименованный послѣ посѣщенія университета Николаемъ I въ этико-филологическій.

²⁾ Только для біографії Амвросія Л. Метлинскаго, котоаго другія во споминанія (напримѣръ Де-Шуле) рисують какъ симпатичнѣйшаго человѣка, можетъ быть, не безъинтересенъ слѣдующій сообщаемый авторомъ анекдотъ: по поводу смерти извѣстнаго профессора и ректора И. Я. Кронберга Метлинскій говорилъ рѣчь въ стихахъ, начинавшуюся словами: «Пронесется вѣсточка по святой Руси.» Насмѣшилые и недобрые студенты подхватили эту „вѣсточку“ и затѣмъ превратили ее въ прозвище Метлинскаго.

реметевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ Имуществъ), авторъ излагаетъ вѣкоторыя подробности своей военной службы, не имѣющія интереса для нашего журнала, за исключеніемъ одного слу-
чаа, небезинтереснаго въ этнографическомъ отношеніи. По посту-
пленіи въ военную службу, авторъ, зачислившиися въ гусары и на-
рядившиися въ гусарскую форму, которая состояла тогда изъ краснаго
ментика съ опушкой изъ черныхъ барашковъ, красной фуражки съ
блѣмы окольшемъ въ голубыхъ панталонъ,—ѣхалъ въ Глуховъ, при
приближеніи къ которому есть на дорогѣ глубокій оврагъ. Въ то
время пролегающую чрезъ этотъ оврагъ дорогу ровняли множество
мужиковъ и бабъ, и здѣсь, по рассказу автора, произошло слѣдующее:
„не доѣзжая оврага, я выѣхъ изъ экипажа и пошелъ горою, такъ
что, опередивъ свой экипажъ, медленно спускавшійся по оврагу, вы-
шелъ на противоположную сторону и началъ подниматься по дорогѣ.
Бабы увидѣли меня, бросили свою работу и съ изумленіемъ смотрѣли
на меня, пораженные, должно быть, диковинною для нихъ формою,
и притомъ на человѣка, неизвѣстно откуда взявшемся, такъ какъ
экипажа моего онъ еще не видѣли. Наконецъ, одна изъ нихъ за-
кричала не-своимъ голосомъ: «Се скарбъ, бый ёго!» — „Бый ёго“, крик-
нули другіи: „винъ заразъ розыплется грозды!“ Нѣкоторыя рану-
лись на меня съ лопатами. Положеніе мое было и смѣшное и до-
садное. Въ рукахъ у меня ничего не было. Но на мое счастье по-
казался мой экипажъ, я крикнулъ кучеру, чтобъ онъ подѣжмѣлъ
скорѣе. Экипажъ подѣѣхалъ, я спокойно сѣлъ въ него, и такимъ
образомъ приключение это кончилось ничѣмъ.“

Потомъ, проходя какъ сказано уже, совершеннымъ умолченіемъ
свою службу въ должности мироваго посредника, авторъ на послѣд-
нихъ страницахъ своихъ воспоминаній излагаетъ свѣдѣнія о мѣст.
Воронежѣ и его обитателяхъ.

Къ воспоминаніямъ приложены стихотворенія Н. А. Шрам-
ченка, числомъ 20, изъ которыхъ одно написано по-русски, а всѣ
прочія—по-малорусски. Изъ имѣющихся надъ большую частью ихъ
помѣтъ видно, что они были написаны въ 1839—1844 годахъ, а
самое раннѣе изъ нихъ относится къ ноябрю 1839 года. Такимъ
образомъ, первые опыты автора въ стихотворствѣ предшествовали
первому изданію «Кобзаря» Т. Г. Шевченка (1840 г.) и послѣдовали
за выходомъ въ свѣтъ въ Харьковѣ сборника стихотвореній извѣст-
наго автору А. Л. Метлинскаго («Думки и писни та ще де-що»)

1839 г.). Самъ авторъ говоритьъ объ этихъ стихотвореніяхъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Въ ту пору (т. е. въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ) я написалъ, не давая почти себѣ отчета, нѣсколько малороссійскихъ стихотвореній и, правду скызать, плоховатыхъ, потому что къ тому особеннаго таланта отъ Бога не имѣлъ, да къ тому же еще имѣлъ и плохое воспитаніе. Стихи эти вноскѣствія и забылъ, и вноскѣствія (sic), перечитывая ихъ, находилъ ихъ неудовлетворительными, а въ иныхъ даже едва сознавалъ, что они мною написаны. Но поэзія въ души моей осталась на всю жизнь. Любовь моя къ природѣ безгранична: радуюсь я травѣ, пробивающейся изъ—подъ снѣга, готовъ и заплакать, когда вижу увядющимъ распустившійся цвѣтокъ».

Какъ бы подтверждениемъ послѣднихъ словъ автора является одно изъ его стихотвореній, въ которомъ онъ изображаетъ печальную судьбу цвѣтка, выросшаго и увядшаго въ глухи, и которое мы приведемъ для образчика:

«К в и т к а .

Рожена квитка на степу
Зросла якось далеко
И красовалася соби,
А ій було не легко.

И бидному сёму цвітку
Въ садахъ вже не буваты,
Бо воля зла въ глухомъ кутку
Сказала розцвятаты.

Бпла неи уже спорышъ
Та ще ревнихъ прывывся,
И стала квітонька ще гиршъ,
Пахучый духъ извився.

Засохла квітонька зовсимъ,
И лыстоночко онало,
И квітоньки на свити симъ
Якъ будто не бувало.

И въ мисти тимъ витрець блука,
И плаче вивъ дытыной,
И жалибно гука,
И стогне сыротыной.» .

Какъ видѣть читатель, поэтичное по мысли стихотвореніе,—очень блѣдно по выраженію, не отличаюсь изяществомъ формы. Вообще стихотворенія Н. А. Шрамченка, не обнаруживая таланта, свидѣтельствуютъ лишь о нѣкоторой долѣ поэтическаго чувства и симпатіяхъ къ малорусскому слову, проявленныхъ авторомъ въ раннюю пору развитія нашей украинской словесности.

Н. Ш—ровъ.

Сочиненія графа П. И. Капниста. *Москва 1901 г. Т. I, CCLVII+231 стр.; Т. II, CXLVIII+578 стр.*

Графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ—уроженецъ Полтавской губерніи, сынъ бывшаго Полтавскаго губернского предводителя дворянства, а потомъ Московскаго губернатора и сенатора Ивана Васильевича Капниста. Родъ Капнистовъ происходит съ острова Занте (Закинеа), самаго южнаго изъ острововъ Іонического архипелага, и по-гречески фамилія ихъ звучала: Капниссисъ, въ Капнистовъ же передѣлали ихъ въ Малороссіи, куда переселился одинъ изъ Капниссисовъ, Петръ Христофоровичъ, съ сыномъ Василіемъ Петровичемъ въ 1711 г. Въ 1702 г. дѣдъ Петра Христофоровича Стамателло Капниссисъ былъ возведенъ Венецианскую республику въ графское достоинство, но осѣвшіеся въ Малороссії потомки Петра Христофоровича не пользовались графскимъ титуломъ до 1876 года, когда императоръ Александръ II опять утвердилъ за ними родовой титулъ. Василій Петровичъ Капнистъ былъ полковникомъ Миргородскимъ, а потомъ бригадиромъ россійской арміи, и погибъ подъ ударами непріятельскихъ сабель 19 августа 1757 г. въ сраженіи съ пруссаками подъ Гроссь-Эгерсдорфомъ. Младшій сынъ убитаго, Василій Васильевичъ известенъ въ русской литературѣ, какъ авторъ комедіи «Ябеда», многихъ лирическихъ пьесъ (одѣ, элегій и проч.) и одной сатиры. Петръ Ивановичъ (род. въ 1830 г., скончался въ 1898 г.), внукъ Василія Васильевича, какъ-бы унаследовалъ отъ дѣда литературное призваніе и всю жизнь писалъ, хотя почти никогда ничего не печаталъ. На-

стоящее посмертное изданіе его сочиненій является трогательнымъ памятникомъ горячей любви къ отцу со стороны дочери, графини Ины Петровны. Ему предшествуетъ обширная, составленная Иной Петровной, біографія покойнаго писателя. Живо написанная, проникнутая свѣтлымъ и глубокимъ чувствомъ, возставляющая въ яркихъ очертаніяхъ личность писателя на фонѣ окружающаго его общества, біографія эта читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Воспитанникъ Московскаго университета временѣ Грановскаго (окончилъ курсъ въ 1852 г.), П. И. Капнистъ на всю жизнь остался идеалистомъ:

Отзыvчивой и чылкою душою
На этотъ міръ печально онъ взыраль,—
Отъ юныхъ дней, какъ солнце надъ землею,
Надъ нимъ париль высокій идеалъ.

Служба его проходила въ Петербургѣ: въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ Цензурномъ Вѣдомствѣ, въ Главномъ Управлениі по дѣламъ печати; съ 1871 по 1874 годъ онъ былъ главнымъ редакторомъ Правительственлаго Вѣстника. Съ 1875 г. и до самой смерти П. И. Капнистъ не занималъ никакой должности и проживалъ по зимамъ—заграницею (въ первые четыре года—въ Монтрѣ, а по томъ преимущественно во Флоренціи и въ Римѣ), а лѣтомъ—въ Полтавскомъ имѣніи Кременчугскаго уѣзда. Литературное наслѣдіе, оставленное П. И. Капнистомъ, распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ составляютъ лирическія произведенія, въ числѣ коихъ есть нѣсколько поэтическихъ перловъ; во второй отдѣлъ входятъ двѣ историческихъ трагедіи: одна— вполнѣ оконченная: «Сенъ-Марсъ» (дѣйствіе происходитъ во Франціи въ 1642 г. при Людовикѣ XIII), другая, изъ русской жизни, «Стенька Разинъ»,—осталась не досписанной, и законченный видъ имѣютъ только два первыхъ дѣйствія, которыхъ въ помѣщены въ Собраниі сочиненій; трагедіи «Сенъ-Марсъ» предшествуютъ обширные примѣчанія, представляющія цѣлое историческое изслѣдованіе о Людовикѣ XIII и важнѣйшихъ дѣятеляхъ его государства;—наконецъ, содержаніемъ третьаго отдѣла служатъ статьи прозаическія—литературныя и публицистическія: 1) Очеркъ направлениія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно; 2) Краткое обозрѣніе журналистики за 1862 годъ; 3) По поводу нѣсколькихъ словъ г. Самарина объ историческихъ трудахъ Б. Н. Чичерина; 4) Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы; 5) О

женскомъ вопросѣ; 6) Записка о дворянствѣ; 7) Министерство землѣдѣлія.

Любители поэзіи и исторіи въ сочиненіяхъ графа И. И. Каиниста и въ біографіи его, составленной графинею И. П. Каинистъ, найдутъ для себя занимательное и поучительное чтеніе.

А. С.

Труды Подольского Епархіального Историко-Статистического Комитета. Выпускъ IX. Подъ редакціей свящ. Евфимія Съчинского. Приходы и церкви Подольской епархіи. Каменецъ-Подольскъ, 1900, стр. I—XXIII, 1—1064, 1—175, in 4°.

Настоящій, солидныхъ размѣровъ, выпускъ «Трудовъ Подольского Епарх. Истор.-Статистич. Комитета», содержащий описание приходовъ и церквей Каменецъ-Подольской епархіи составленъ трудами нѣкоторыхъ членовъ Комитета на основаніи выписокъ изъ современныхъ в старыхъ церковныхъ лѣтописей Подольской епархіи. Въ описаніи приходовъ вошли лишь свѣдѣнія историческая, статистическая и археологическая; свѣдѣній же по этнографіи, подобно тому какъ, напримѣръ, въ описаніи Волынской епархіи, труда свящ. Теодоровича, здѣсь не имѣется. Впрочемъ, комитетъ и не имѣлъ въ виду затрагивать иныхъ сторонъ жизни прихода, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, описание епархіи, задуманное еще въ 60-хъ г. г., опять грозило бы затянуться на неопределѣленное время: онъ пришелъ къ тому заключенію, что крайне желательно поскорѣе имѣть хотя бы краткія историческая свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ всей епархіи (съ чѣмъ, конечно, вельзя не согласиться); но и эти краткія свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, «не уничтожаютъ потребности имѣть полныя историческая свѣдѣнія о каждомъ приходѣ, документально составленныя и критически проѣктирующыя, почему и послѣ изданія настоящаго выпуска «Трудовъ» работа Комитета все-таки должна быть направлена къ болѣе систематичному, обстоятельному и детальному описанію приходовъ; издаваемыя нынѣ описанія должны быть расширяемы, прорѣзаемы и издаваемы въ такомъ примѣрно видѣ, какъ это сдѣлано для Каменецкаго уѣзда въ VІ выпускѣ «Трудовъ» комитета» (Предисловіе, стр. XXIII).

Впрочемъ, и въ настоящемъ выпускаѣ описанія вѣкоторыхъ пунктовъ (какъ напр. г. Каменецъ-Подольскъ, г. Винница, м. Меджибожъ, Ладыгинъ, Могилевъ, м. Шаргородъ, Баръ, м. Сатановъ, с. Бакота) имѣютъ сравнительно значительный объемъ и составлены довольно подробно, со ссылками на источники; по въ большинствѣ случаевъ, въ среднемъ каждому приходу посвящено около одной страницы.

Приходы въ изданнымъ выпускѣ расположены по уѣздаамъ и благочинническимъ округомъ. Уѣзы расположены въ алфавитномъ порядке.

Къ книгѣ приложенъ указатель названій географическихъ и личныхъ, что весьма облегчаетъ пользованіе ею.

Несомнѣнно, настоящее изданіе, первое цѣльное описаніе, хотя и въ общихъ чертахъ, Подольской епархіи, является цѣннымъ справочнымъ изданіемъ, подобно трудамъ Шохилевича (для Киевской губерніи) и Теодоровича (для Волынской).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы:

- 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Вѣстникъ Европы, № 3; 6) Русская Мысль, № 3; 7) Научное Обозрѣніе, № 3; 8) Книжки Восхода, № 2; 9) Литературно-Науковий Вістникъ, № 3; 10) Ateneum, № 3; 11) Biblioteka Warszawska, № 3; 12) Przewodnik naukowy i literacki, № 3; 13) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Киевскія Университетскія Извѣстія № 2; 16) Ученые Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 2 и 3; 17) Міръ Божій, № 3; 18) Труды Киевской Духовной Академіи, № 2; 19) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 3; 20) Wisła, т. I; 21) Записки Имп. Харьковскаго Университета, кн. 1; 22) Литературный Вѣстникъ, №№ 1 и 2; 23) Извѣстія Общ. Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 1.

Русская Старина № 3

Къ характеристику В. Н. Каразина. Письмо С.-Петербургскаго митрополита — кievскому митрополиту (стр. 742).

Томъ 73.—Апрѣль, 1901.

II—4

Рекомендационное письмо, въ которомъ Каразинъ атtestуется, какъ человѣкъ „умный, любоученый и благочестивый, особенно по-квітцій о пользахъ Харьковскаго университета“.

Історический Вѣстникъ № 3.

В. О. Михневичъ. Исторія карточной игры на Руси (Окончаніе) (стр. 978—1012). Шопутно отмѣчены игорныя прихоти и увлечениe кн. Потемкина карточной игрой.

П. А. Тулубъ. Суевѣrie и преступленіе. (Изъ воспоминаній мирового судьи) (ср. 1083—1011). Авторъ, вѣсколько лѣтъ про-вѣшій въ Брацлавскомъ у. Подольской губ., состоя мировымъ судьемъ, сообщаетъ вѣсколько (4) фактовъ, рѣзкихъ и типическихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько сильно коренятся еще въ народѣ суевѣria,—вѣра въ вѣдьмъ, чары, наговоры и нашептыванья.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ (стр. 1229—1245) упоминается о засѣда-ніяхъ Московскаго Археологическаго Общества, Археологическаго Института (докладъ А. А. Бобрицкаго о древностяхъ Поднѣпровья), Географическаго Общества (докладъ Погодина — „О древности евреевъ въ южной Россіи“), С.-Петербургскаго славянскаго благотворит. общества (докладъ И. Драгомирецкаго „О современномъ положеніи Галицкой Руси“), предварительного Комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковѣ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Ив. Тихомировъ О составѣ такъ называемыхъ лѣ-тописей (стр. 1—36) (Окончаніе слѣдуетъ). Въ настоящей, первой, части изслѣдованія авторъ дѣлаетъ обзоръ состава лѣтописей крат-ваго свода (лѣтоп. Аврамки, Суирадльская рукопись, Уварова, Красинскаго и Познанской); указываетъ отличія другихъ списковъ того же свода — Даниловича, гр. Красинскаго и Познанской рукописи, и наконецъ даетъ обзоръ состава полнаго свода, дошедшаго до насъ въ изданіи Нарбута.

Русская Мысль № 3.

Некрологъ А. Я. Конисского, составл. Л. Ч. (стр. 154—160), сообщающій нѣкоторыя подробности изъ его жизни.

Книжки Восхода № 2.

М. Шорръ. Центральные съезды еврейскихъ общинъ въ Польшѣ (Окончаніе) (стр. 36—61). Разсматривается дѣятельность генеральныхъ еврейскихъ съездовъ въ XVI ст.—XVIII ст., дѣятельность сеймиковъ, начиная съ XVII вѣка, вліяніе ихъ на общественную жизнь.

Літературно-Науковий Вістник, № 3.

Маруся Богуславка, П. Куліша (конець.) (стр. 238—262).

Гречаники, оповіданнє Ганни Барвінок (стр. 263—283).

Із оповідань Олекси Кузьми: I. На посаді (стр. 284—304).

По закону, оповідане Ів. Фелорченка (стр. 305—320).

I. У море, недрук. вірш Ю. Федъковича (стр. 321).

II. До дідька Прохора Коваля, недрук. вірш Ст. Руданського (стр. 321—323).

Маруся. Оповідане В. Г. Короленка (конець) (стр. 324—351).

Із дрібних нарисів:

І. Пестрий птах, Еріка Гартлебена (стр. 352—354).

ІІ. Палкий роман, Марселя Прево (стр. 354—359).

Із поезій Мікеля Анджельо (стр. 360).

Мик. Михайлівский і його значіння в російській літературі, проф. Мик. Кареева (стр. 153—160). Публичная лекція, прочитанна во Львовѣ 8 января въ пользу бібліотеки „Науков. тов. ім. Шевченка“.

О. Антін Петрушевич. Ювілейна сильветка, д-ра Івана Франка (стр. 171—192).

Видання коштом Івана Череватенка і премії його імені Б. Грінченка (стр. 193—200). Отчетъ о черниговскихъ изданіяхъ Б. Д. Грінченка на средства, завѣщанныя Ив. Череватенкомъ. Въ настоащее время деньги эти переданы „товариству Просвіта“ во Львовѣ съ тѣмъ, чтобы взъ процентовъ выдавались преміи за научно-популярныя брошюры, написанныя на украинск. языке.

Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературний варис, С. Томашівського (Дальше буде) (стр. 201—208).!

Хроніка і бібліографія (стр. 209—228). По обыкновенію, богатый материалъ для текущей культурной жизни Украины-Руси.

Ateneum, № 3.

Zigmunt Kramsztyk. Lirnik i Nebaba (стр. 619—626). Отмѣчены главныя дѣйствующія лица въ повѣстѣ Гощинскаго „*Zamek Kapowski*“. Въ отдѣлѣ „*Rozbiory i prawozdania*“ (стр. 644—647)— рецензія на книгу „*Józef Tretiak. Szkice literackie. Seria II. Kraków, 1901*“, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ разборъ „*Dumy ukraińskie*“ 17 вѣка, возникшой на Українѣ при Сигизмундѣ III или вскорѣ послѣ его смерти.

Przewodnik naukowy i literacki, № 3.

Rawita Gawroński. Nieznane m³odzi ūcze utwory poetyckie Seweryna Goszczyńskiego (Urywek z pamiêtników Pukrzywnickiego) (стр. 266—274). Воспоминанія воспитанника Уманскаго Базиліанскаго училища первой четверти XIX ст.—Каспера Покровицкаго о со-стояніи учебнаго дѣла въ этомъ училищѣ во время его обученія; въ воспоминаніяхъ приведены нѣкоторыя даныя для біографіи Северина Гощинскаго, не рѣдко не согласныя съ истиной. Въ концѣ авторъ воспоминаній сообщаетъ неизвѣстное стихотвор. Гощинскаго: «*Konstytucja 3-go Maja*».

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2.

Въ «Приложеніяхъ» (I—XXX) отглавленіе и указатель къ книгѣ «Генеральное слѣдствіе о маєтностяхъ Нѣжинскаго полка» Н. Н. Василенка.

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. I.

E. Ф. Карский. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 385—482). Снимки съ рукописей XI—XV в.в.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Довнаръ-Запольскій Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 225—311) (Продолженіе). Обзоръ доходныхъ ста-тей господарскаго скарба, шедшихъ съ лворовъ и волостей, и мѣро-пріятій, которыя скарбъ принималъ для увеличенія доходности своихъ имуществъ; обзоръ правительственныхъ мѣръ по управле-нію добрами до введенія волочной уставы.

Ученые Записки Императорского Казанского Университета, № 2.

A. Архангельский. Образование и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII в.в. (продолженіе) (стр. 81—126). Помѣщены произведения западно-русской литературы конца XVII в.—шерв. пол. XVII в.: богослужебные книги, книги Св. Писания, переводы творений отцовъ церкви, сочиненія обще-морального содержанія: духовнаго и нравоучительнаго; учебная литература.

Міръ Божій, № 3.

Въ отдѣлѣ «Критическая замѣтка» (стр. 9—13). г. А. Е. отмѣчаетъ «Сорокалѣтіе смерти Шевченка». Упомянувъ вкратцѣ о характерѣйшихъ чертахъ поэзіи Шевченка (гармонія, цѣльность и друг.), авторъ заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами. «Его «Кобзарь» — лучшій памятникъ народной славы малорусскаго народа, но самъ Шевченко до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго себѣ памятника. Сорокъ лѣтъ прошло со дня его смерти, и пора-бы почтить достойно память величайшаго народнаго пѣвца не только малорусскаго народа, а всего славянства, какъ одного изъ благородѣйшихъ его представителей. Мы увѣрены, не только малороссы, но и все лучшее, что есть въ русскомъ обществѣ, живо отклинулось бы на призывъ. Вѣдь и среди русскаго общества творенія Шевченка пользуются не меньшей любовью и распространеніемъ, чѣмъ и среди малороссовъ, такъ какъ мысли и чувства Шевченка равнозначны всему, что любить народъ и человѣчество. Если у малороссовъ при одномъ имени «батька Тараса» живѣе бьется сердце и теплѣе становится на душѣ, то и для настѣ, въ лицѣ Шевченка, встаетъ истинный «апостолъ правды и свободы», какимъ въ правѣ гордиться человѣчество».

Труды Ніевской Духовной Академіи, № 2.

A. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іерофей Малицкій (1796—1799 г.г.) (продолженіе) (стр. 212—255). Глава II. Виѣшнее и внутреннее благоустройство новоприсоединенныхъ церквей. Въ этой главѣ авторъ говоритъ о разрѣшении отдельнымъ приходамъ сборовъ «милостиваго подаянія» въ пользу церквей, о ревизіи митропол. Іерофеемъ почти всей епархіи, о заботахъ по очищенію богослуженія новоприсоединенныхъ церквей отъ примѣси униатскаго бого-

служеній, о мѣроопріятіяхъ, направленныхъ къ установлению въ ново-присоединенныхъ церквахъ стротой отчетности.

Н. Петровъ. О новомъ росписаніи стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры (стр. 277—296). Рефератъ, читаный въ засѣданіи Церковно-Археологического Общества при Кіевской дух. Акад. 22 января 1901 г., въ которомъ излагается подлинный ходъ дѣла въ Комиссіи, образованной Духовнымъ Соборомъ Кіево-Печерской Лавры для оцѣнки и приема партіи художественныхъ работъ въ великой лаврской церкви.

Вѣстникъ Всемірной Исторіи № 3.

Б. Б. Герценъ и Тургеневъ (продолженіе). На стр. 129 отмѣчены попутно отзывы Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марка-Вовчка (Колоколь, № 71, отъ 15 мая 1860 г.) и симпатичное отношеніе Тургенева къ малорусской литературѣ (Историч. Вѣстникъ, 1899, кн. 3).

А. Мироновъ. Изъ области археологии (стр. 196—203). Отмѣченъ докладъ: А. Л. Бобринского въ засѣд. Археол. института о бытѣ, обстановкѣ и наружности древнихъ обитателей Малороссіи; проектъ устройства въ Каменецѣ-Подольскомъ музея древностей Подолії; коллекція В. В. Тарновского; послѣднее засѣданіе Предварительного Комитета по устройству XII археологического съѣзда.

Wiśla, № 1.

Przyczynek do historji rozwoju śpiclerza słowiańskiego (streszczenie pracy K. Rhamma) (стр. 60—74). Авторъ пересказываетъ содержаніе изслѣдованія Рамма о складахъ (амбарахъ), которые, по мнѣнію изслѣдователя, въ древнее время въ славянскомъ мірѣ были 3-хъ родовъ: для зерна, сукна и хлѣба (не вымолоченного). Зерновой амбаръ первоначально у всѣхъ славянъ назывался «житницей», хотя и не былъ одного типа.

На стр. 60 помещенъ фотографический снимокъ 97-лѣтнаго крестынина с. Загроды, Ново-Александровскаго у. Въ отдѣлѣ «Rozsukiwanie» (стр. 84—88)—глава XXVI «Mazurzenie»—поставленъ цѣлый рядъ лингвистическихъ вопросовъ, на которые желательно получить отвѣтъ, съ цѣлью получениіи достаточныхъ данныхъ о степени «мазуренія» (выговора sz, ź, cz, dź—какъ s, z, c, dz). Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 88—92) дана рецензія на

книгу «S. Dobrzycki. O tak zwanym mazurowaniu w języku polskim. Krakow, 1900 (odbitka z t. XXXII Rozpraw wydz. filologicznego Akademii Kraków.).

Записки Императорского Харьковского Университета, № 1.

A. A. Пельтиеръ. Англійскія и Шотландскія баллады (стр. 1—85) (Продолженіе). Указаны, какъ и въ первой части, варианты къ нѣкоторымъ англійскимъ и шотландскимъ балладамъ въ этнографіч. сборникахъ Драгоманова, Головацкаго, въ „Этнографич. обозрѣніи“ (стр. 69—73).

H. K. Грунскій. Кіевскіе глаголические листки. I. Палеографические наблюденія (стр. 85—92). Авторъ останавливается на вопросахъ о почеркахъ рукописи и надстрочныхъ знакахъ въ этомъ древнейшемъ слав. памятникѣ.

D. I. Баалпій. Опытъ истории Харьковского Университета. (Продолженіе) (стр. 1—64). Внутренняя жизнь Харьковского университета при почетителяхъ Ю. А. Головкинѣ и А. А. Черовскомъ.

Литературный Вѣстникъ. (Издание Русского Библіографического Общества). Томъ I, кн. I—II.

Книга I.

Въ отдѣлѣ «Изъ русской печати» (стр. 113) помѣщена замѣтка, заимствованная изъ газ. «Кіевское Слово» — «Псевдонімы А. Я. Конисскаго».

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 127—133) отмѣчены: «Общество изслѣдованія Волыни», «Музей въ Каменцѣ-Цадольскомъ».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 135) помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

Книга II.

Въ отдѣлѣ «Новая Книга» (стр. 199—201) данъ отзывъ о книгѣ: «П. Житецкій. «Энеида» Когляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Кіевъ, 1900» (оспариваются нѣкоторыя замѣчанія по поводу этой книги І. Франка въ 38 т. «Запис. Наук. тов. ім. Шевченка»).

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 249—256) отмѣчены: «Воронежскій историко-археологическій церковный комитетъ», „Екатериннославская археологическая комиссія“, „Кіевскій исторический музей“.

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 259) помѣщенъ краткій некрологъ М. Т. Симонова (Номаса).

Ізвѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ вып. I.

Н. М. Петровскій. О старинномъ латинско-руssкомъ словарѣ (стр. 42—50). Авторъ приводитъ отрывки изъ словаря «*Dictionarium latino-ruthenicum*», хранящагося, въ рукописномъ видѣ, въ библіотекѣ францисканского монастыря въ Дубровникѣ (подъ № 187 въ каталогѣ). Приведенные отрывки словаря представляютъ немалый интересъ для лингвистовъ, свидѣтельствуя о словарномъ богатствѣ XVII—XVIII в., повидимому имѣющемъ отношеніе къ южной Руси.

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Поминки Т. Г. Шевченка въ russкихъ газетахъ и журналахъ въ 40-ую годовщину со дnia смерти.

Въ Петербургскихъ: 1) Новости, 2) еженед. журналъ „Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“ (въ № 6) («Т. Г. Шевченко»). Авторъ статьи въ этомъ послѣднемъ, Вл. Краухфельдъ между прочимъ пишетъ: заслуги Шевченко,—пишетъ онъ,—неизмѣримо громадны не только предъ Малороссіей, современную и историческую жизнь которой онъ воспѣлъ въ своихъ звучныхъ стихахъ, но и предъ всей Россіей вообще, съ самыми темными пятнами въ государственномъ тѣлѣ которой онъ неустанно и страстно боролся, въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Сравнивая эти неустанныя обличенія крѣпостного права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1845—1855) въ произведеніяхъ Некрасова, мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающихъ крестьянскій вопросъ... Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній не было напечатано въ свое время, но, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ списковъ.

Однако, не только тѣ произведения Шевченка, гдѣ онъ затрагивалъ крѣпостное право, печатались несвоевременно: очень многія его произведения вообще должны были годы ходить по рукамъ въ спис-

кахъ, прежде чѣмъ принидалъ ихъ печатный станокъ. И теперь, въ то время, какъ въ галицкой Українѣ произведенія Шевченко старательно изучаются, начиная со скромной сельской школы и кончая университетскими каѳедрами, многія произведенія поэта въ Россіи до сихъ поръ остаются неизвѣстными, а, между тѣмъ, въ числѣ этихъ не напечатанныхъ произведеній есть такія (укажемъ, напримѣръ, на «Марію», «Кавказъ» и др.), которыхъ въ неувидаемый вѣнецъ поэта вилетаютъ лучшіе цвѣты.

Не правда-ли, паконецъ, снять оналу съ твореній поэта, которымъ по справедливости могутъ гордиться славяне и подобного которому не знаетъ славинская литература? Сороکъ лѣтъ—это такая давность, въ теченіе которой сглаживается острота мысли, какъ бы отточена она ни была, и остается лишь одна прелестъ ея выраженія,— опасность никому и ничему не угрожающая.

3) Русское Богатство, № 2, статья П. К. «Новые матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка», въ которой авторъ сообщаетъ цѣнныя данные для біографіи Т. Г. Шевченка, найденные при разборкѣ архива бывшаго Александровскаго (въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи) батальона. Сообщаемый матеріалъ даетъ наглядную картину назначемія Шевченка на службу въ Оренбургскій край и послѣдующихъ событий его жизни въ этомъ краѣ. Матеріалъ почти весь, за исключеніемъ вѣковыхъ мелкихъ подробностей, какъ напр. представленіе Шевченка къ повышенію въ унтер-офицерскій чинъ, извѣстенъ уже изъ біографіи Т. Г. Шевченка, составленной покойнымъ А. Я. Конисскимъ.

4) Міръ Божій (№ 3) (см. обзоръ журн. въ этой книгѣ), 5) «Дѣтское Чтеніе», № 3 (И. Бѣлоусовъ „Тарась Григорьевичъ Шевченко“), 6) Юный Читатель, 7) еженед. журналъ „Сѣверъ“, № 9 (Н. Аншинъ „Т. Г. Шевченко, какъ художникъ“, съ рисункомъ Н. Дмитріева «Т. Г. Шевченко въ гробу»), 8) Нива, № 9 (рисунокъ художника Шарварока „Чумакъ“), 9) Боржевыя Вѣдомости (приложенія) (несколько рисунковъ Шевченка), 10) Дѣтскій Отдыхъ, № 2 (біографія и портретъ 11) Журналъ для всѣхъ, № 2 (статья А. Ефименко—см. Кіев. Стар. № 3).

Въ Москвѣ—1) Курьеръ (статья Л. Медведева и стихотвор. В. Гиляровскаго „На могилѣ Шевченка“) 2) Русскія Вѣдомости, №№ 56 и 68 (Веденьевъ „Т. Н. Шевченко“; приведено стихотвореніе Некрасова на смерть Шевченка), 3) Русскій Листокъ, № 55 („Литературная Бесѣда“).

Въ Харьковѣ—1) Харьковскія Губернскія Вѣдомости, № 54 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ Полтавѣ—„Хуторянинъ“, № 8 (статья С. Р.—„Сорокъ лѣтъ назадъ“).

Въ Одесслѣ—1) Южное Обозрѣніе (передовая статья и статья А—рѣ „Кобзарь Т. Г. Шевченка“), 2) Одесскій Листокъ № 52 («Перебенля и Т. Г. Шевченко») и передовая статья въ № 53, 3) Одесскія Новости, № 5224 («Шевченко и Мицкевичъ») и № 5223 «Памяти Т. Г. Шевченка»). Авторъ послѣдней вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «пора уже русскому юношеству на школьной скамейкѣ знакомиться съ жизнью (Шевченка) и съ созданнымъ имъ «Кобзаремъ».... «Пора помянуть этого человѣка не въ тѣсныхъ кружкахъ «почитателей», пора чествовать великаго поэта не утаенно отъ зрѣнія людскаго»... «Еще въ 1876 г. французскій критикъ Е. Дюравъ высказалъ, что «Шевченко заслуживаетъ цѣлаго ряда изслѣдованій для европейской публики». «А для русской?—спрашиваетъ авторъ. «Что дали за истекшіе сорокъ лѣтъ наши присажные ученыѣ? что услышало русское учащееся юношество о Шевченкѣ съ каѳедръ славянской филологіи, что издано о немъ нашими историко-филологическими обществами?.. Пусть же эта 40-ая годовщина смерти «батька» Тараса внушить его «детямъ» (а дѣтьми, въ концѣ концовъ, должна признать себя прежде всего вся интеллигенція) достойныя формыувѣковѣченія его «памяти». Съ своей стороны авторъ предлагаетъ «хоть скромнымъ дѣломъ означеновать одесскія поминки Шевченку въ настоящую сороковую годовщину: собрать вебольшой капиталъ его имени для выдачи изъ процентовъ его премій за лучшія историко-литературныя изслѣдованія о поэзіи Шевченка или вообще о малорусской народности—въ ея мзыкѣ, исторіи, во всѣхъ особенностяхъ народной психологіи».

Въ Орлѣ—«Орловскій Вѣстникъ» (стихотвореніе Р. Чеботарева и статья М. Лемке).

Въ Ярославлѣ—«Сѣверный Курьеръ, (№ 12) Стакота. «Гдѣ небо сходится съ землею?» и статья Вас. Смирнова.

Въ Нижн.-Новгородѣ: 1) Нижегородскій Листокъ, № 55 (статья Ч. Вѣтринскаго «Памяти Т. Г. Шевченка»; 2) Волгарь (фельстонъ г. Оликса).

Въ Перми—«Пермскія губ. Вѣдомости».

Въ Астрахани—«Астраханскій Листокъ, № 3523.

Въ Саратовѣ — 1) «Саратовскій дневникъ», № 44 (статья А. Герасимова «Многострадальный поэтъ), 2) Саратовскій листокъ № 45 («Памяти пѣвца Украины»).

Въ Ростовѣ-на-Дону — «Донская Рѣчъ», № 53 (портретъ Т. Г. Шевченка и общирная статья Ф. Зынченко).

Въ Екатеринославѣ — «Приднѣпровскій Край», № 1117 (передовая статья).

Въ Житомирѣ — «Волынь» № 45 (передовая статья, въ которой призываются читатели оказать посильное содѣйствіе «Обществу имени Т. Г. Шевченка для вспомоществов. нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высш. учебн. заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ» и «Благотворительному обществу общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ № 46 («Цаматѣ Т. Г. Шевченка»).

Въ Симферополѣ — «Крымъ», № 45 (воспоминанія Н. И. Балабухи о встречѣ и проводахъ праха поэта въ Кіевѣ), въ №№ 47 и 48 (статья С. В. Преображенского „Памяти Шевченка“).

Въ Харсонѣ — „Югъ“, № 855 (фельетонъ В. К-ой „Пѣвецъ Украины Т. Г. Шевченко“).

Въ Екатеринодарѣ — „Кубанскія Областныя Вѣдомости“ №№ 44, 46 и 47 (статья редактора Лук. Мельникова „Гражданские мотивы поэзіи Шевченка“).

Въ Ставрополѣ — „Сѣверный Кавказъ“ (статья).

Въ Батумѣ — „Черноморскій Вѣстникъ“, № 46 (замѣтка).

Въ Баку — „Каспій“, № 44 (статья Г. Д. „Памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка“).

Въ Иркутскѣ — „Восточное Обозрѣніе“, № 42 (фельет. М. Невского „Къ сорокалѣтію кончины Т. Г. Шевченка“).

Въ Томскѣ — „Сибирская жизнь“, № 44 (біографич. очеркъ Z. и замѣтка Ив. Иванова).

Въ № 42 и 43 «Кубанскихъ областныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья Лук. Мельникова «Малоруссія народныя пѣсни про санщину и сюю».

Отмѣтившисъ тотъ странный фактъ, что величайшее событие русской истории XIX ст.—освобожденіе крестьянъ—не отразилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ въ русской поэзіи, авторъ указываетъ, что въ Малороссіи, наоборотъ, поэтическое чувство простого, неграмотнаго народа сордало довольно значительное количество пѣсенъ,

содержаниемъ которыхъ является тяжкая доля народа подъ гнетомъ крѣпостного права и затѣмъ то впечатлѣніе, какое произвело на народъ освобожденіе. Въ своей статьѣ авторъ на примѣрахъ показываетъ (главнымъ образомъ изъ «Этнографическихъ материаловъ» В. Д. Гринченка, собственныхъ записей въ Подольской губ. и изъ «Киевск. Стар.»), что думалъ украинскій народъ о своемъ положеніи въ періодъ крѣпостничества, какъ опѣ встрѣтилъ про желанную свободу дорогую вѣсть и какъ отнесся онъ къ этой вѣсти.

Въ заключеніи своей статьи авторъ приходитъ къ тому выводу, что «малорусскій народъ и до сихъ поръ еще сохранилъ, хотя, быть можетъ, и въ пониженной уже степени, давнюю способность сознавать ненормальность своего соціально-политического положенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовать противъ этой ненормальности».

Въ № 50 и 51 газ. «Кубанскихъ областн. Вѣдомостей» г. П. П. Короленко помѣстилъ интересную статью «Козачій монастырь на Аeonѣ».

Авторъ, на основаніи разсказа старого черноморского войскового атамана Матвѣева, разсказа, занесенного въ протоколъ черноморской войсковой канцеляріи въ 1825 г. (подъ № 873), хранящійся въ настоящее время въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ, сообщаетъ любопытныя данные о заботахъ запорожскихъ козаковъ объ основанномъ ими же Ильинскомъ скитѣ, за границей, на Аeonѣ.

Въ № 1135 газ. «Приднѣпровскій Край» г. А. Лисовскій помѣстилъ статью „О малорусскихъ народныхъ думахъ“.

Авторъ задался цѣлью представить генезисъ и дальнѣйшее развитіе „думы“, этой замѣчательной формы народнаго творчества. Свѣдѣнія по поводу этого онъ черпаетъ главнымъ образомъ изъ своего же труда „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“, изданнаго въ 1890 г. Полтавск. губернскимъ статистическимъ комитетомъ.

Въ журналѣ „Искусство и худож. промышленность“ № III, стр. 61—75 помѣщена статья Е. М. Кузьмина „Т. Г. Шевченко какъ художникъ и граверъ“ (со многими снимками).

Въ №№ 47—51 газ. „Руслан“ помѣщена статья Остапа Макарушки «Туземный рай въ поэтическихъ творахъ Тараса Шевченка».

Авторъ, анализируя произведения Шевченка, указываетъ, въ чемъ Шевченко видѣлъ тотъ рай, къ достижению котораго мы должны стремиться.

Въ № 63 газ. „Русскія Вѣдомости“, въ статьѣ В. Якушкина „Изъ исторіи проведенія крестьянской реформы на мѣстахъ“, цитируется, между прочимъ, отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ ярыхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ Н. А. Боровкова, который въ 1864 г. усіѣль открыть, при содѣйствіи со стороны помѣщиковъ, по школѣ во всякой волости своего участка, а въ многолюдныхъ волостяхъ даже по нѣсколько школъ. «Результаты,—вспоминаетъ онъ,—могли быть еще лучше и процентъ грамотныхъ возвысился бы еще болѣе, еслибы мнѣ не запретили снабжать школы книгами на малорусскомъ нарѣчіи въ тѣхъ волостяхъ, где большинство населенія составляютъ хохлы... А жаль! Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ, любовью и охотою подростки учили малорусскія пѣсни и стихотворенія... Въ этомъ административномъ запретѣ я и теперь вижу недальновидность слишкомъ ретивыхъ преслѣдователей сепаратизма (въ данномъ случаѣ—хохломанія) того времени... Вѣдь цензура существовала, стало-быть дозволенные цензурою изданія не могли быть вредными для народныхъ школъ, тѣмъ болѣе постоянно находящихся подъ надзоромъ мироваго посредника, провѣряемаго въ этомъ отношеніи членами-ревизорами училищнаго совѣта».

Въ недавно вышедшей изъ печати брошюре профессора И. А. Сикорского: „Нравственное значеніе личности Владимира Соловьевъ“, между прочимъ проводится параллель между жизнью и философскимъ направленіемъ Соловьевъ, съ одной стороны, и трудами и дѣятельностью другого русскаго философа конца XVIII и начала XIX в., Г. С. Сковороды—съ другой.

«И у Соловьевъ, какъ и у Сковороды (кстати сказать, его предка) общія заботы—о познаніи себя. Оба стремятся возбудить въ людяхъ высшія чувства, возвышенныя нравственный стремленія; оба борются съ материализмомъ и атеизмомъ. Но по духу вѣка, Сковорода болѣе останавливается на господствовавшемъ въ его время невѣріе, Соловьевъ болѣе поражается нравственнымъ равнодушіемъ. Сковорода и Соловьевъ одинаково обладали высоко-художественнымъ сильнымъ,

глубокимъ, оригинальнымъ языкомъ. По силѣ, языкъ Сковороды напоминаетъ словесныя стрѣлы Эразма Роттердамскаго; языкъ Соловьевъ отличается поразительной тонкостью въ анализѣ нашихъ духовныхъ состояній. Сковорода говоритъ о людахъ дѣтоумныхъ, Соловьевъ—о тѣхъ, которые вводятъ истину, но ненавидятъ ее за то добро, которое въ ней есть. И Сковорода, и Соловьевъ во многомъ имѣли сходную судьбу. Наконецъ, оба философа отличались аскетическимъ образомъ жизни; но аскетизмъ не исключалъ у нихъ жизнерадостнаго настроенія духа, которое они признавали необходимымъ поддерживать въ себѣ и въ другихъ.

Въ № 53 газ. «Волынь» дано сообщеніе о „Народной легендѣ“, пріуроченной къ „Покровской“ горѣ и. Троинова, Житомірск. уѣзда. Согласно этой легенду, церковь, построенная „на оскверненномъ мѣстѣ“, въ наказаніе, на первый разъ, перешла на другой берегъ р. Гниловати, а когда жители снова начали постройку на старомъ мѣстѣ, церковь «ввійшла въ землю», а на ея мѣстѣ выросла гора, которую и называли „Покровой“. На этой горѣ было, очевидно, когда-то кладбище (несомнѣнно, христіанское).

Въ № 5 еженедѣльного польского журнала „Prawda“, издающагося въ Варшавѣ, помѣщена цѣнная критическая статья г. А. Р. „Antologia małoruska“ (Wik—1798—1798).

Признавая, что упомянутая антологія, при всѣхъ вышнихъ качествахъ, даетъ читателю общее, но согласное съ правдой представление о томъ, какими путями шла народная поэзія въ теченіи столѣтія, авторъ статьи останавливается, въ частности, на языке антологіи, на отношеніяхъ, въ поэзіи украинской, украинской націи къ польской и еврейской, на характерѣ новѣйшей поэзіи, въ нѣкоторой части своей уже недоступной пониманію простого народа.

Статья написана весьма обстоятельно и вполнѣ безпристрастно.

Въ журналѣ „Педагогический Сборникъ“, № 1, (прилож. V, стр. 175—180) помѣщены біографіи еписк. Гавріила Іужинскаго, Гавріила Розанова, еп. херсонскаго (1781—1854) и Георгія Конисскаго.

Въ журналѣ „Странникъ“, № 1, помѣщены статьи: А. Лопухинъ. Духовныя свѣтила XIX в. Иинокентій, арх. Херсонскій (стр. 1—15) и 100-лѣтній юбилей арх. Таврич. Иинокентія (стр. 195—197).

Въ журналѣ «Kraj» данъ обстоятельный отзывъ объ изданіи „Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губернія. Изд. Кіев. Губ. статистич. комитета. Кіевъ, 1900“ и краткій отзывъ о книгѣ „Пріходскія фундукшевыя училища въ Юго-Западн. Краѣ; ихъ возникновеніе и средства содержанія“. Кіевъ, 1900.

Малорусскія п'есы, дозволенные къ представлению драматическому цензурою.

По 1 февраля 1901 г.

Непевни висты. Драма въ 3 д. и 4 одм. Сочиненіе Миколы Башно-Бочного.

Сватови—якъ не перша чарка, то перша палка. Сельськи сцены въ 3 д. зъ музыками, танцами та співами. С. Е. Зиневича. (Правит. Вѣстн. № 41).

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съезду въ Харьковѣ.

5 февраля состоялось засѣданіе предварительного комитета по устройству XII археологического съезда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалль прочелъ отчетъ по дѣламъ комитета, уже совершеннымъ, и намѣтилъ рядъ дѣлъ, которыя предстоитъ совершить—въ отношеніи устройства специальныхъ командировокъ и собирания свѣдѣній по различнымъ древностямъ. Такимъ образомъ, предстоящимъ лѣтомъ предполагаются экскурсіи по изученію архивовъ (Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго), церковныхъ древностей (проф. Е. К. Рѣдина); церковныхъ архивовъ—(проф. А. С. Лебедева), говоровъ населенія Курской губ. и древностей (проф. М. Г. Халанскаго), по собиранию предметовъ для этнографической выставки (проф. А. Н. Краснова, Н. Ф. Сумцова, А. М. Покровскаго и др.), по производству раскопокъ кургановъ (пр. А. М. Покровскаго, Е. П. Трифильева, Н. А. Федоровскаго, проф. Л. Ю. Шепелевича и др.).

Проф. Н. А. Красновъ предложилъ краткій проектъ экскурсій съ цѣлью составленія этнографическихъ коллекцій по Харьковской губ. для выставки при археологическомъ съездѣ. Этотъ проектъ будетъ предложенъ московскому предварительному комитету, въ распоряженіе котораго, какъ извѣстно, харьковское губернское земство, по просьбѣ его и харьковскаго комитета,

предоставило 2,000 руб. въ качествѣ субсидій для составленія этнографическихъ коллекцій. Скромная сумма 2000 руб., какою можетъ располагать комитетъ, лишаетъ возможности поставить организацію собираенія матеріаловъ такъ широко, какъ того требуетъ дѣло; приходится ограничиваться тѣмъ, что позволяютъ средства. Систематической обзоръ всей губерніи и ея уѣздовъ немыслимъ при этихъ условіяхъ. Въ виду этого, по проекту, нужно выбрать мѣста наиболѣе типичныя, взявъ по уѣзду на крайнемъ сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ губерніи. Наиболѣе удобными по различнымъ соображеніямъ будутъ для этой цѣли уѣзды: Старобѣльскій, Купянскій, Изюмскій, Зміевскій, или Валковскій и Сумской, Ахтырскій или Лебединскій, Волчанскій Харьковскій. Такъ какъ практика показала, что однодневное пребываніе въ селеніи рѣдко когда позволяетъ добывать достаточное количество матеріаловъ, посвящать же по нѣсколько мѣсяцевъ на уѣздѣ не позволяютъ ни времени, ни средства экскурсантовъ, то предполагается выбрать въ каждомъ уѣздѣ до пяти пунктовъ, осмотръ которыхъ—по предварительномъ ознакомленіи съ литературою о краѣ и по разспроснымъ свѣдѣніямъ—окажется особенно интереснымъ. Эти пять пунктовъ и должны быть изучены болѣе подробно, посвящая на нихъ 3—4 дня и въ общей сложности около мѣсяца, или 20 дней на уѣздѣ. Считая расходы по экскурсіи (развѣзы, фотографіи, коллекціи предметовъ и др.) на уѣздѣ въ 350—400 руб., возможно командированіе изслѣдователей въ 4—5 уѣздовъ. При составленіи коллекцій нужно руководствоваться программами. Жилище и его варьянты, хозяйственныя постройки и проч. должны быть воспроизведены на фотографіяхъ систематически и примѣнительно къ тому, какъ это дѣлается въ научныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Австріи и въ Германіи. На фотографіяхъ же должны быть даны изображенія одеждъ, полевыхъ работъ, различныхъ видовъ употребленія самодѣльныхъ орудій, внутренности хатъ, а если возможно, то и характерныхъ обрядовъ и празднествъ; примѣнительно къ программѣ надо фотографировать и образцы кустарныхъ производствъ.

Основными предметами для составленія коллекцій должны быть предметы кустарного производства, которыхъ желательно представить возможно полныхъ коллекціи, и древняя одежда. Что

же касается другихъ предметовъ быта, то чѣмъ ближе коллекція ихъ будетъ къ дезидератамъ программъ, тѣмъ лучше, но точнаго опредѣленія и перечня заранѣе дать затруднительно, такъ какъ сохраненіе ихъ въ быту—случайное и заранѣе указано быть не можетъ.

Предварительный комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу изученія народнаго быта, культуры, съ покорнѣйшей просьбой—придти ему на помощь всѣмъ, чѣмъ только это возможно будетъ—для наивозможно лучшаго устройства этнографической выставки при съѣздѣ, которая послужитъ основаніемъ мѣстнаго этнографического музея.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи—опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: „изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на марингахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣло восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка“. Проф. Лебедевъ находитъ сходство описываемой иконы съ той, что предоставлена въ распоряженіе предварительного комитета и музея изящныхъ искусствъ университета г-жей В. Н. Свѣтъ...

По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина,—эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія „недреманнаго ока“, нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ афонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Иоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы—икона г-жи Свѣтъ юго-западнаго происхожденія, XVIII вѣка.

Заслушано отношеніе московскаго предварительного комитета, въ которомъ послѣдній обращаетъ вниманіе харьковскаго комитета на сохраняющіеся при этнографическомъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рисунки съ малороссийскихъ костюмовъ, собранныхъ нѣкогда для политехнической выставки въ Москвѣ; кромѣ этого,—дѣлаетъ слѣдующее добавленіе къ изданнымъ харьковскимъ комитетомъ программамъ: „въ виду того, что историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ

народной пѣсни, которая, благодаря всеобщей нивелировкѣ, исчезаетъ въ Малороссіи, какъ исчезаетъ народная пѣснь и въ остальной Россіи, обратить вниманіе мѣстныхъ ученыхъ Обществъ и земствъ на необходимость сдѣлать для малороссійской народной пѣсни то, что дѣлается Императорскимъ русскимъ географическимъ Обществомъ и этнографическимъ отдѣленіемъ московского Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи для собирания великорусской пѣсни, возстановленія ихъ исполненія, гармонизаціи ихъ и пр., и на основаніи этого пожеланія, просить общества и земства не только принять мѣры къ собираю народныхъ пѣсень и мотивовъ, но и объ изысканіи средствъ къ ихъ изданію и сохраненію среди народныхъ массъ". При этомъ же прибавляется, что въ этнографическомъ отдѣленіи московского Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, равно какъ и въ русскомъ географическомъ Обществѣ, лежать нѣсколько сборниковъ пѣсень, которые не изданы до сихъ поръ по недостатку средствъ.

Комитетъ постановилъ: 1) обратиться къ московскому комитету съ просьбой о предоставлении вышеуказанныхъ рисунковъ для этнографической выставки, 2) обратиться къ харьковскому историко-филологическому Обществу съ просьбой—принять на себя трудъ собирания и изданія малороссійскихъ пѣсень и ходатайствовать предъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи, 3) просить этнографическое отдѣленіе московского Общества командировать для записи малороссійскихъ пѣсень специалистовъ-музыкантовъ въ Харьковскую губернію.

Проф. Д. И. Багалый прочелъ очеркъ покойнаго Г. С. Чиркова „Каменные бабы въ Харьковской губер.“, написанный имъ еще въ 1879 году; въ виду интереса сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній, решено напечатать его въ трудахъ предварительного комитета.

Проф. Д. И. Багалый познакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскимъ статистическимъ комитетомъ,—о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года,—уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистрировано 84; изъ нихъ на курганахъ стоять теперь

всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ—2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, притомъ небольшой величины, грубой работы, служать межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть—привезена изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ мѣстныхъ кургановъ (Зміевского уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой.

М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ г. Харьковѣ, сообщили, что та-ковыя имѣются: на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковалчукова—три; одна—въ оградѣ Каплуновской церкви; одна на Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Солнцева.

Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предварительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому—съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство г.г. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистического комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету.

Заслушано предложеніе Ив. П. Поддубнаго, воспитанника харьковской гимназіи, нынѣ имѣющаго въ С.-Петербургѣ картографическое заведеніе,—издать на свои средства къ археологическому съѣзду археологическая карта. Постановлено благодарить г. Поддубнаго за это предложеніе и просить объ изданіи топографического описанія Харьковской губерніи съ планами всѣхъ уѣздныхъ городовъ намѣстничества, имѣющагося въ библіотекѣ харьковскаго университета, или рукописнаго атласа Харьковской губерніи 1802 г., хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.

Постановлено—согласно предложению проф. М. Г. Халанского: просить администрацию университета обратиться съ просьбой къ курской епархиальной власти о передачѣ Императорскому харьковскому университету старопечатныхъ книгъ, имѣющихся въ церкви села Болховца, Бѣлгородского уѣзда, и о предоставлении университету старопечатныхъ книгъ XVI—XVII в. Маклаковской библиотеки (въ Путивлѣ, Курской губ.)—для выставки старопечатныхъ изданій, имѣющей быть во время археологического съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: 1) о высылкѣ воронежскому губернскому статистическому комитету 53 р. 40 к. на расходы по напечатанію программъ для собиранія свѣдѣній къ археологическому съѣзду; 2) о предложеніи г. Бабенко услугъ по приобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки въ сл. Верхнемъ Салтовѣ; 3) о пожертвованіи П. В. Ивановымъ (изъ Купянска) черезъ комитетъ музею изящныхъ искусствъ,—иконы св. Георгія; библиотекѣ историко-филологического Общества—двухъ старинныхъ печатныхъ книгъ и четырехъ листковъ рукописей. Постановлено г. Бабенко благодарить и предложить ему вознагражденіе, по соглашенію, за доставленные предметы древности; благодарить П. В. Иванова и г-жу В. Н. Свѣтъ.

Другое засѣданіе Комитета состоялось 5-го марта.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губ., какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впередъ продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки, при первомъ въ нашемъ краѣ археологическомъ съѣздѣ, будетъ обеспеченъ.

Предметы древности присланы слѣдующими лицами: 1) о благочинныхъ города Купянска—монеты XVIII—XIX вѣковъ; 2) священникомъ Грабовскимъ (с. Кульевахи, Богодуховскаго уѣзда)—крестъ XVIII вѣка съ рельефными изображеніями, Требникъ Петра Могилы; 3) священникомъ Кипріановымъ

(с. Русские Тишки)—Діяння Апостольська, 1739 г. печати типографії Сплюски; 4) священикомъ Ютковымъ (с. Селимовки, Ивомского уѣзда)—Четвероевангеліе, кіевской печати, 1746 г., въ окладѣ; 5) священникомъ Лобковскимъ (с. Бабаи)—оловянные церковные предметы, икона на полотнѣ Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 6) священникомъ Дикаревымъ (Острогожскъ)—древній вѣничальныи вѣнецъ; 7) Н. Чуднымъ (Харьковъ)—икона Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 8) г. Познанскимъ (Острогожскъ)—мѣдный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа; 9) учителемъ стечковскаго земскаго училища г. Шкорбатовымъ—документы (г. Островерхова) и мѣдныя монеты (крестьянъ); 10) юрьевскимъ реальнymъ училищемъ—предметы, добытые при раскопкахъ г. Яковлевымъ; 11) учителемъ верхне-салтовскаго училища г. Бабенко—рядъ документовъ, иконъ, старопечатныхъ книгъ; 12) учителемъ Т. В. Проскурниковымъ—фотографіи съ различныхъ памятниковъ древности г. Корочи; 13) священникомъ Поповымъ (Сеньково, Купянскаго уѣзда)—фотографія церкви; 14) профессоромъ Н. О. Куплеваскимъ (Харьковъ)—четыре бронзовыя наконечника стрѣлъ и кость скелета (изъ находокъ въ деревнѣ Аксютовкѣ); 15) А. И. Конисаромъ (Ахтырка)—абшидъ знатковаго товарища Марквы (1777 г.), 16) о. И. Филевскимъ—фотографіи церквей.

Проф. Д. И. Бааталъ доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина, о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Щомовки (Хомивки): группы кургановъ по два, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Щомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядъ „могилокъ“ у той-же Щомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки коллекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава)—выслать рукописи времени Императриць Елизаветы Петровны и Екатерины II, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ, Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Цавловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ

и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г.-жи Г. П. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ.

Проф. *E. K. Рюдинъ*, указавъ на то значеніе, какое имѣеть изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдованъ, но знакомилъ съ трудомъ *Б. С. Познанскаго*, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высокихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, решено напечатать его въ „Трудахъ предварительного комитета“.

Проф. *E. K. Рюдинъ* прочелъ: 1) сообщеніе г. Яковлева о случайнѣй раскопкѣ кургана у с. Скотоватого, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменные плиты изъ краснаго песчаника, костики, головой къ костоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ Яковлева о случайнѣй археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе—огибель массы кургановъ и всего, что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами: „Инженеры, для изысканія новостроющей линіи, говорить г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по которой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ можно будетъ срывать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнять тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ съ себя всякую ответственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣтившихся кургановъ, могиль и проч. и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много-ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, пошло въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?“

Проф. *E. K. Рюдинъ* прочелъ сообщеніе учителя купянского духовнаго училища г. Попова о древностяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ г. Купянска и пожертвованныхъ имъ музею древностей харьковскаго университета.

Заслушаны предложения П. В. Иванова: 1) объ извлечениіи изъ „Межевыхъ журналовъ“ генерального межеванія Харьков-

ской губ. материалов по ея исторіи и географіи; 2) объ извлеченьїи того же рода материала изъ „Дозорныхъ книгъ“; 3) объ описаніи шляховъ Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго въ ихъ настоящемъ состояніи; 4) объ устройствѣ предварительной выставки по иконографіи.

А. Я. Ефименко сообщила о находкахъ различныхъ предметовъ древности въ Донецкомъ городицѣ.

По обсужденіи докладовъ и предложеній, рѣшено: докладъ г. Яковлева представить на заключеніе археологического съезда, г. Шаровкина—просить о высылкѣ его предметовъ для выставки; И. В. Попова просить о высылкѣ его рукописей; представить докладъ о „межевыхъ журналахъ“, на изданіе же материала иъ оныхъ необходимо изысканіе средствъ; для описанія шляховъ—просить московскій предварительный комитетъ назначить особую экскурсию; рѣшено также произвести предварительное обслѣданіе Донецкаго городища.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ сообщенія, равно пожертвовавшимъ или представившимъ для выставки предметы древности. Въ члены комитета избранъ Б. С. Познанскій.

E. P.

деревомъ и въ немъ деревяна голдарея, бумажными шпалерами выбита. При дворѣ хата-мавка, въ коей живетъ дворникъ, вино-курня нововистроена, плетеная, колодязь рубленый“.

Дворъ Захара Р—ча устроенъ былъ въ другомъ концѣ Галицы, и образовалъ тамъ „слободку Горбанюкову“; здѣсь былъ „будинокъ нововистроенный о 9-ти покояхъ, свѣтлиця съ комнатаю, напротивъ—другая хата, подъ кровлею соломяною... При томъ дворѣ—дворъ гуменній, ровомъ окопанный; въ ономъ клуня на 4-хъ соахъ, при клунѣ хата рубленая, въ ней живетъ подсусѣдковъ два... Лѣсъ болшій, зовемій Лютовка, въ ономъ дерево на будовлю и на разное строеніе годное; другой лѣсъ тамъ же, на о—вѣ рѣчки Галицы, съ разнимъ родючимъ деревомъ... Неподаль дворца, послѣ роздѣлки, вновь вистроено подсусѣдческихъ хатъ 14; мелница на рѣчки, поузъ *городище* текущей, другая—въ с. Галицѣ; поблизу оной мелницѣ вѣтряныхъ млиновъ два; за дворомъ—вновь вистроенный броваръ новой“.

С. Петровка, Галка, поселена не позже пол. XVII в.; при разореніи Галицы она уцѣлѣла; при отдачѣ Раковичу, П—ка называлась селомъ, а Галица—слободою, какъ показывали мѣстные старожилы въ пол. XVIII в. Объ отдачѣ П—ки Раковичамъ см. Галицу. Кр. А. 53 д. В. ? В. 84 д. Пс. 14 д. Г. 32 д. 40 х. Д. 76 д. 131 х. 8 бд. х. (влад. Евдокії Стаковичъ).

Бз. В. нѣтъ. Г. 7 д. 9 х. Пс. 6 бд. х. Д. 5 д. 5 х.

С. **Салнное** поселено „на удольи чистой ровной степи“, сказано въ описаніи Пащенка, но тутъ же, въ старину, значилось и уроч. *Дуброва Салная*, отмѣченное въ актѣ 1666 г. ¹⁾). Въ ревизск. книгахъ за 1731 и 1740 гг. показаны двѣ слободки: одна, *Старосалная*, а другая *Новосалная*. Объ они поселены Павломъ Раковичемъ, по впослѣдствіи одна изъ нихъ перемѣнила свое название, и въ описаніи Пащенка описано только одно село *Салное*, вѣроятно то, которое въ 1740 г. значилось слоб. Старосалною. Слоб. Новосалная едвали не была переименована въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча.

¹⁾ Обозр. Румянц. Опис., 187.

Въ слоб. Старосалной въ 1731 г. было—31 д., а въ 1740 г.—21 д. 25 х. При раздѣлѣ сыновей Андрея Р—ча, с. Сальное досталось Павлу, который тутъ и жилъ. Дворъ его въ 1767 г. описанъ такъ: „Въ немъ строеніе—свѣтлица съ комнатаю и грубою зеленою; напротивъ пекарня рубленая, при ней сбоку кормка рубленая; другая свѣтлица съ комнатою, въ оной печь зеленая; потолокъ ¹⁾ два: одинъ, подшалеваній панелями и канизами (каризами?) подтягненій, другой—обыкновенній, двери сиѣсарской (столярной) работы; комната одна шпалерами бумажными выбита. При дверахъ замки, въ двохъ мѣдніе жолтие, а въ третьихъ—желѣзной, тульскіе; полы въ обоихъ комнатахъ деревяніе; въ сѣняхъ кладовая, двѣ оконшки зъ гратами (решетками) желѣзными... Людскихъ хатъ двѣ: одна—рубленая, другая—мазка; баня рубленая; стадня, воромъ окиданная; садъ разного родючего дерева; въ саду—часѣвка; гребля и мелница, новоустроеніе, ставъ рыболовный большой“. Кр. 1753 г.—14 д.
14 х. 52 бд. х. 1780 г.—78 д. 101 х. 21 бд. х.

Д. Степановка „поселеніе имѣетъ на чистой удолистой степи“ (Пашенко), въ полуверстѣ отъ с. Ровчака. Выше приведена догадка, что это поселеніе первоначально называлось слоб. *Новосалною*, переименованою потомъ въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча. При раздѣлѣ сыновей послѣдняго, Ст—ка досталась Ивану, отъ которого перешла къ дочери его Марьѣ, б. замужемъ за майоромъ Бринкеномъ. Кр. 1753 г.—16 бд. х. 1780 г.—21 д. 22 х. 7 бд. х.

Д. Татаровка поселена Андреемъ Р—чемъ, и затѣмъ досталась внуку его Федору Степановичу Р—чу. Кр 1753 г.—21 д.
21 х. 71 бд. х. 1780 г.—39 д. 57 х. 10 бд. х.

Д. Шнаковка поселена зятемъ Павла Р—ча, Ив. Ив. Шнакомъ, который завѣдывалъ сосѣднимъ владѣніемъ Вейзбаха. Шнакъ потомства, повидимому, не оставилъ и Шнаковка перешла къ брату его жены Андрею Р—чу, а отъ послѣдняго до-

¹⁾ Повидимому, идетъ рѣчь о потолкахъ, изъ которыхъ одни были какой то особенный, какъ будто бы рѣзной...

сталась сыну его Ивану, а затѣмъ перешла къ зятьямъ его—Бринкену (см. Степановку) и об. провіантмейстеру Кобеляцкому, женатому на Варварѣ Р—чъ. Кр. 1753 г.—3 л. 3 х. 17 бд. х.
1780 г.—29 бд. х.

С. Кривеньки (Вейзбаховка) поселены на Галицкихъ земляхъ, „на степномъ мѣстѣ, при озерѣ безъ названія“. Въ 1727 г. известный генераль гр. Вейзбахъ купилъ у Галицкаго козака Тимофея Кривенка участокъ земли, около озера Мокреца, за 32 коц., и основалъ тутъ хуторъ. Къ этому хутору Вейзбахъ присоединилъ, въ 1734 г., другой участокъ, вымѣненный у Павла Раковича за два „дворища“ въ с. Галицѣ, купленные у того же Кривенка. Такимъ образомъ возникъ хуторъ, названный Кривеньками. По смерти бездѣтнаго Вейзбаха, имѣнія его перешли къ женѣ, которая умирая въ 1736 г., Кривеньки завѣщала майору Измайлловскаго полка Осипу Гампфу. Послѣдній продолжалъ скопку сосѣднихъ съ Кривеньками земель—у козаковъ сосѣднихъ селъ: Галицы, Мал. Дѣвицы и Толкачовки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ садить въ Кривенькахъ слободу. Къ 1750 г. населеніе послѣдней настолько увеличилось, что слобожане стали иросить Гампфа о построеніи церкви. Устройство церкви должно было привлечь въ Кривеньки еще большее населеніе, и одинъ изъ сыновей Гампфа—Иванъ обратился къ Киевскому митрополиту съ просьбою о разрѣшеніи построить церковь, при чемъ даль (въ 1750 г.) слѣд. обязательство, которое должно было обеспечить существованіе церкви: „Вѣдомо творю, что когда по желанію родителя моего, въ футорѣ его Кривенковомъ, а по общему того жъ футора обывателей прошенію, начнется строиться коштомъ его, родителя моего, церковь древяная, во имя свят. Христова Николая, и до совершенного окончанія прійдетъ, то ко всегдашнему въ ней священнослуженію потребная, яко то: свѣчи, ладанъ, просфоры—получатиметъ оная церковь отъ дому родителя и отъ доброхотныхъ прихожанъ; такожъ и кругъ книгъ церковныхъ, сосуды церковные, священнослужительскія и олтарныя одѣянія, иконостасъ, колоколы и колоколы, имѣютъ быть за собственный коштъ его жъ, родителя моего, споряжены. А кто къ опой церкви за парохі-

алного священника будетъ опредѣленъ, то за трудъ служенія его будетъ давано отъ прихожанъ, такъ какъ ихъ подпiska явствуетъ, и отъ дому родителя моего, теперь и въ предыдущие времена, все тое, какъ церкви Божьей потребное, такъ священнику, яко и причетникамъ церковнымъ даватимется всенепремѣнно. Годового жалованья повсѧгодно: священнику—денежнаго, 10 рубл., а хлѣбного: ржи 2 четверти, ячменю—четверть, проса—полчетверти, гречки—полчетверти, гороху—четверикъ, и какъ пахатной земли, такъ и сѣнокосу, сколько ему потреба будетъ, столько отводитимется зъ дому нашего, и домъ жилой устроенъ будетъ; дячу, денежного—4 рубля, пономарю—денежного, 3 рубля и поля пахатного, буде пожелаютъ, отведется имъ на ихъ потребу, для приобленя хлѣба; а отъ прихожанъ дячу и пономарю будутъ даваніе прежніе датки. Для жилля же имъ будутъ устроени избы...“ По смерти Осила Гампфа, въ 1760 г., сыновья его, подпоруч. Густавъ и капит. Иванъ, подѣлились полученными отъ Вейзбаха имѣніями, при чемъ Кривеньки достались Ивану Гампфу, а по смерти его, этимъ селомъ въ 1768 г. владѣла вдова его Анна съ дочерью Марьей¹⁾). Въ 1783 г. Кривеньки принадлежали женѣ бригадира Лавге, вѣроятно женившагося на Марье Гампф. Отъ Лавге Кр—ки перешли къ Корбе. Кр. Г. 7 л. 7 х. Д. 53 д. 82 х. 84 бд. х. Кв. нѣть.

С. Заудайка, лѣв. бер. Удая, противъ Монастырища,—представляетъ собою выселокъ послѣдняго, разбросанный и теперь еще по лѣсамъ, которыми покрыты здѣсь берега Удая. По описи 1740 г., здѣсь показано: „посполит. обывателей двор. 4, козач. и ихъ подсобѣдк. и владѣльцами скупленныхъ двор. 26“. „Свободные посполитскіе дворы“ и „угодія“ с. З—ки были отданы во владѣніе, вмѣстѣ въ Монастырищескими, въ 1763 г., б. тов. Максиму Саханскому (с. 202). „Ордеръ“ гетмана объ отдачѣ Саханскому М—ихъ и З—ихъ крестьянъ и „угодій“, для исполненія, былъ порученъ в. тов. Вас. Михайловскому, но послѣдній донесъ, что гетманскаго „ордера“ исполнить онъ не можетъ, такъ какъ ни въ М—щѣ, ни въ З—кѣ никакихъ „свободныхъ

¹⁾ Изъ Руманц. Описи.

посполитскихъ дворовъ" — не оказалось, а не оказалось ихъ потому, что всѣ они уже раньше были „скуплены“ Романовичами.¹⁾ Несомнѣнно, что обѣ этомъ обстоятельствѣ не могъ не знать самъ Соханскій, конечно предварительно уже забравшій всѣ нужные справки о томъ, на что получалъ универсалъ; но тѣмъ не менѣе универсалъ на З—скихъ крестьянъ былъ выщенъ и „ордеръ“ обѣ исполненіи его былъ данъ, при чёмъ С—ій, слѣдовательно, разсчитывалъ, что скупленные Романовичами дворы онъ отберетъ въ силу незаконности этой скупли. Но какъ видно надежда на на податливость Р—чей не оправдалась, и Михайловскій донесъ въ генер. к—рію, что въ З—къ никакихъ посполитскихъ дворовъ не оказалось. Генер. к—ріей тогда заправлялъ только что поставленный вмѣсто Безбородка—генер. писарь Туманскій, который, будучи хорошимъ знатокомъ общественного быта гетманщины,²⁾ нашелъ возможнымъ предоставить Михайловскому особыя права для исполненія прежде данного „ордера“, вслѣдствіе чего гетманомъ былъ подписанъ слѣд. любопытный универсалъ.

„На посланній отъ насъ къ вамъ (в. т. В. Михайловскому) ордеръ обѣ отдачѣ наданныхъ б. тов. Соханскому въ м. Монастырицахъ и с. Заудайки свободныхъ посполитскихъ дворовъ и угодій, присланнымъ къ намъ, сего ноября 23 д., доношеніемъ представляете, что изъ сотенной Монастирской к—ріи върной выписки изъ ревизіи 745 г., по которой грузинамъ тамо отдача была, не дано; а о похатніхъ и сѣнокосніхъ земляхъ обявленно, яко інніе землѣ во владенії церковномъ, інніе на сотенную к—рію якобы принадлежать, степъ же обявленъ козачымъ. Почему опредѣленній отъ полк. Прилуцк. к—ріи къ сей же отдачи значк. товарищъ (?), обявля, что отъ насъ повелѣнія нѣть слѣдоватъ (т. е. производить слѣдстіе) о завладѣнніихъ грунтахъ, въ далшую отдачу не вступиль і отъехалъ

1) По вѣдом. 1753 г., въ Монастырицахъ свободн. посполитыхъ была только одна бездворн. хата, а въ Заудакѣ — 3 дв. в 1 бдв. х.

2) Относительно публичной его дѣятельности см. энвіозъ съ Клицинцами, описанный въ Чтен. въ Общ. Нестора-Лѣтона, XI, 161 и слѣд.

о чём и ви къ нашей резолюції представили. А отъ б. тов. Соханского, особливимъ доношениемъ, представленно, что при оной отдачи многие недопущенія отъ сотника (Петра) и в. тов. (Федора) Романовичевъ происходятъ. Судя же авши́т—ный Романовичъ (Иванъ) особо прислали къ намъ доношение, прося чтобы купленіе нимъ въ ономъ мѣстечку и селъ Заудайки грунта оставлены были за нимъ безъ отдачи Соханскому. Да особливо сотенная Монастырская старшина и козаки Монастырские и Заудайские прислали къ намъ доношение, обявляя, что ви требуете извѣстія и о козачихъ земляхъ, а при м. М—щѣ изъстари имѣется степъ, которимъ они по раздѣлу между собою владѣютъ, и просили къ вамъ предложенія о неотдачѣ Соханскому ихъ козачихъ земель. И мы приказываемъ вамъ... въ м. М—щѣ и с. З—ки, наданное отъ насъ б. тов. Соханскому унѣверсаломъ, все отдать безъ упущенія. А сперхъ того, кто въ ономъ м. М—щѣ и З—ки, изъ свободныхъ дворовъ, грунтовъ и угодій, посыпъ состоявшаяся запретительная указу въ 742 г., искупилъ либо неналежно завладѣлъ, тое по вѣрному слѣдствію отобрать. И сколько изъ за кого, какихъ дворовъ, грунтовъ и проч. угодій отобрано будетъ, прислать къ намъ именную вѣдомость къ разсмотрѣнію и опредѣленію. Да и о тѣхъ грунтахъ, которое показаны церковными либо на сотенную в—рію надлежащими, изслѣдоватъ же; буди на то никакихъ правилнихъ крѣпостей и документовъ нѣть, а онѣ должны быть свободніе, обѣ ономъ изслѣдоватъ же количкимъ числомъ того степу козаки владѣютъ обще, а коликое число кѣмъ завладѣно. А что явится изъ того неналежно кѣмъ завладѣнное, все отобрать и описавъ именно коликое число пахатного поля и сънокоснихъ полъ и степу— отобранно будетъ, рапортовать же къ намъ для имѣючаго быть о томъ крайнего опредѣленія...¹⁾ Такимъ образомъ, въ силу этого унѣверсала, незначительный Глуховской чиновникъ (в. тов. Михайловскій) получалъ право произвести слѣдствіе— сколько мѣстными сотниками „скуплено“ за 20 л. (1742—63) земли, отобрать

¹⁾ Унѣверсалъ подписанъ Разумовскимъ 2 дек. 1763 г. Подлинникъ въ нашей б—кѣ.

у скупщиковъ все то, что ими „скуплено неналежно“ (незаконно) и затѣмъ о результатѣ своихъ дѣйствій—донести въ Глуховъ „для крайняго опредѣленія“. Несомнѣнно, что всѣми дѣйствіями Михайловскаго руководилъ самъ Соханскій, потому что универсаль былъ написанъ точно подъ его диктовку... Романовичи должны были уступить, но не во многомъ: значительная часть „скупли“ осталась за ними, какъ въ Мѣщѣ (с. 205), такъ еще болѣе въ Заудайкѣ, въ которой Соханскій успѣлъ отбить отъ Романовичей только 4 дв. съ 5-ю хат., причемъ у трехъ братьевъ Романовичей (Петра, Федора и Степана Ивановичей) осталось „скупли“—17 дв. съ 19-ю хат. ¹⁾ Кр. А. 19 д. В. 10 д. В. 38 д. Пс. 15 д. Г. 5 д. 5 х. Д. 25 д. 32 х. Пс. 6 д. 7 х. Кз. В. 31 д. Г. 27 д. 33 х. Пс. 13 бд. х. Д. 22 д. 52 х.

С. Андреевка, „ставокъ Лыска“, образовалась, можетъ быть, изъ Бакаевскаго выселка,²⁾ разселившагося среди лѣсовъ, какъ и Заудайка. По описи 1740 г. здѣсь: „поспол. обыват. дворъ еденъ, а козачьихъ и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленыхъ двор. 15“. Скупля была произведена преимущественно Романовичами. Кр. А. 7 д. В. ~~ильтг~~, В. 11 д. Г. 2 д. 2 х. Д. 1 д. 4 х. („воронныхъ“) и 8 д. 9 х. „владѣльческихъ“ Кз. В. 40 д. Г. 8 д. 8 х. Пс. 5 бд. х. О. 15 д. 31 х.

С. Хаенки, Иченка, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, въ XVII в. принадлежали къ ратушнымъ селамъ, затѣмъ отданы Мазепою Дм. Горленку, а вѣрнѣе—самимъ имъ захвачены. Послѣ измѣны Мазепы, Х., по универсалу 1710 г., отданы Скоропадскимъ Андрею Горленку (с. 23), у наследниковъ котораго и остались. Кр. П. 7 д. А. 34 д. В. 16 д. В. 15 д. Г. 5 д. 5 х. Д. 26 д. 35 х. (полковника Горленка). Пс. 3 х. Кз. В. 13 д. Г. 13 д. 14 х. Пс. 5 д. 5 х. Д. 24 д. 32 х.

Д. Вороновка, Иченка, въ XVII в. принадлежала къ ратушнымъ селамъ; Скоропадскимъ отдана охочекомонному полковнику Федяю, а потомъ, въ 1717 г., Михайлу Ягельницкому, въ то время Журавскому сотнику, отъ котораго затѣмъ перешла

¹⁾ Такъ значится въ описаніи Цащенка.

²⁾ С. Бакаевка находится на противоположномъ берегу Удая.

къ сыну его Ивану, который, въ чинѣ бунч. тов., владѣль В—кою въ 1779 г. Ер. А. 28 д. В. 10 д. В. 17 д. Г. 12 д. 12 х. Д. 11 д. 15 х. („разныхъ владѣній“) Кв. В. 3 д. Г. 2 д. 2 х. Пс. 4 бд. х. Д. 5 д. 8 х.

Д. Грабовъ, Иченка, по вѣд. 1718 г. означено такъ: „селце Грабовъ на купленномъ“, съ 8-ю дворами посполитыхъ. По ревизіи 1728 г.—подсосѣдковъ 12 х., Андрея Горленка, Павла Карася и „попадѣ Суханской“. По ревиз. 1731 г. тѣ же подсосѣдки показаны въ количествѣ 10 х., изъ нихъ 4—„попа Петра Суханского“ и 6—значкового“ Павла Карася, причемъ добавлено, что подсосѣдки „на купленихъ ихъ земляхъ поселены“. Наконецъ, по ревиз. 1740 г. Грабовскіе подсосѣдки (9 х.) показаны въ перечнѣ козаковъ, причемъ 6 х. принадлежали Суханскимъ. Тѣ же подсосѣдки значатся и по вѣд. 1780, въ количествѣ 15 д. 34 х. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Грабовъ былъ поселенъ не раньше нач. XVIII в., нѣсколькими сосѣдними владѣльцами.

Иченская сотня занимала мѣстность, ограниченную съ сѣвера—верховьями Удая, а съ юга—верховьями рѣчекъ Нежеревой и Смоли, при чемъ тутъ же находились незначительные притоки этихъ рѣкъ: Иченка, Гужовка, Ржавецъ и др. Мѣстность имѣла характеръ полулѣсной, съ сѣрой и песчанной землей, кроме Парафіевскихъ земель, представлявшихъ почти сплошную черноземную степь.

Иченскіе сотники. Семенъ Герасимовъ, 1653. Иванъ Бовченко, 1672. Иванъ Стороженко, 1687. Александра, 1691. ¹⁾ Андрей Ивановичъ Стороженко, 1703—715. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1715—737. Андрей Григорьевичъ Стороженко, 1741—752. Иванъ Новицкій, 1753—767. Иванъ Романовичъ, 1772—778. Петръ Романовичъ, 1780.

Изъ настоящаго списка сотниковъ видно, что почти полвѣка этою сотнею заправляли Стороженки, документальными ро-

¹⁾ «Передъ нами уридомъ мѣскимъ Ічанскимъ, войтомъ Стефаномъ Погребинимъ а бурмистрами Грицкомъ Семенченкомъ, Фескомъ Бѣлоцерковцемъ, сотникомъ Александрою, атаманомъ Лескомъ Дейнекою, ставши очевисте... (Изъ рукописн. купчей, 1691 г., 5 мая).

доначальникомъ которыхъ быль Прилуцкій полковникъ Иванъ С—ко (с. 17). Сынъ его Андрей, получившій сотничій урядъ еще при Дм. Горленкѣ, пережилъ на этомъ урядѣ трагіческій 1708 г., и уже въ февр. слѣд. года получилъ отъ новаго гетмана и другое с. Томашовку, а передъ смертью, въ 1715 г., село—Ступаковку¹⁾ По смерти Андрея С., Иченскимъ сотникомъ стала сынъ его Григорій. Это быль человѣкъ настолько замѣтный и образованный, что при выборѣ новой генер. старшины, послѣ поставленія Апостола гетманомъ, Григорій С. быль назначенъ кандидатомъ въ генер. бунчучнаго и, кромѣ того, быль посланъ, въ числѣ четырехъ, „ко двору монаршему съ тѣмъ, что избранъ гетманъ“. Въ генер. старшину С. однакоожъ не попалъ, такъ какъ ген. бунчучнымъ утвержденіе быль другой; за то онъ быль опредѣленъ въ 1734 г. въ число членовъ комиссіи „для перевода и свода правныхъ книгъ“.²⁾ Женатъ Григорій С. быль на дочери Черниг. полк. судьи Василія Томары, Ульянѣ, а послѣ ея смерти, на вдовѣ Якима Кулябки, Евдокії Андреевнѣ Лизогубъ, которой доставалась четвертая часть отцовскихъ богатствъ.³⁾ Въ 1737 г. Григорій С. почему то быль уволенъ отъ сотничества, съ чиномъ бунч. товарища.⁴⁾ Изъ сыновей Григорія, отъ 1-й ж., известны три: Андрей, унаследовавшій отцовскій урядъ, Степанъ и Петръ. Въ 1756 г. они дѣлились отцовскимъ наслѣдствомъ, при чемъ, судя по части, доставшейся младшему,⁵⁾ видно, что

¹⁾ Время «надачи» Томашовки указано въ имѣющ. у насъ рукописи—*Списокъ универсаловъ, выданныхъ на маєтности въ к. XVII и нач. XVIII в., а относительно Ступаковки—1715-й годъ указанъ въ ревизск. книгѣ 1740 г.* Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 209.

²⁾ Зап. Марк., I, 246, 247, 304, 343.

³⁾ О перв. женѣ см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 18, а о второй—Дніевн. Ханенка, 227, 237, 238.

⁴⁾ К. Старина. 1884 г., февр., 213. Портретъ Григорія С—ка изданъ при Кіевск. Стар. 1890 г.

⁵⁾ Доставшаяся Петру С. часть заключала въ себѣ: «Сотнѣ Ичанской хуторъ *Vасилівщина*, въ коемъ дворъ панской, имѣющей такожъ довольно хорошое и проч. строенія, при томъ подданіе и мелницъ двѣ съ винокурнымъ заводомъ.—Сотнѣ Иваницкой дер. *Ступаковка*, со всѣми подданными, сотнѣ Ичанской дер. *Лучковка*, со

наследство было богатое.—Подълившись съ братьями отцовскимъ наследствомъ, Петръ въ февралѣ 1748 г. женился на дочери Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, которая принесла ему кромѣ 700 р. деньгами, еще очень богатое приданое въ движимости. Но въ октябрѣ того же 1748 г. Петръ умеръ, при чёмъ желая обезпечить молодую вдову, завѣщалъ ей въ „вѣчное владѣніе“ все свое движимое имѣніе.¹⁾ Это завѣщаніе однакожъ не помѣщало старшимъ братьямъ захватить значительную часть движимости, находившейся въ усадьбѣ умершаго въ х. Василювщинѣ. При этомъ особенно обижалъ молодую вдову Степанъ С., „приключая ругательства и употребляя такихъ словъ: мы де едни Стороженки шляхта и за мною жена—зъ дому гетманского имѣется...“²⁾ Жалуясь на насилия братьевъ мужа, вдова представила въ генер. к—рію списки своего приданаго и завѣщанной мужемъ движимости, указывающіе на богатство домашней обстановки тогдашней, даже средней, козацкой старшины.³⁾ Споръ вдовы Петра

всѣми подданными, дворцемъ, мелницею и половиною лѣсами, полемъ и сѣнокосами всѣми.—Подъ сел. Обѣчевомъ хуторъ.—Въ м—ку Монастырищахъ, на подваркахъ, хуторъ.—Подъ с. Обѣчевомъ, на р. Удаш, половина млиновъ прозванихъ Рововъ,—Х. Василювщина находился въ 2-хъ верст. отъ Ични.

¹⁾ Вотъ начало этого любопытнаго по мотивамъ завѣщанія. «1748 году, сентябра 30 д. Я нижеподписаній, чрезъ сей мой доброволий записъ.... чиню извѣстіе, что оставшомуся по умершому отцу моему сотнику Ичанскому Григорію Стороженку наследственное мое движимое имѣніе, ако то: сребро, посуду всю, лошадѣ, такожъ рогатой и нерогатой скотъ, винокурвіе казани и прочтое все движимое, которое, по умертвіи отца и по раздѣлки зъ братами моими, мнѣ досталось и собственно въ моей власти состоить, такожъ и мною вожитое—женѣ моей Меланіи Павловнѣ дочери Минѣцковнѣ, за честное ея въ супружествѣ полученнное мною дѣйство, за добродѣтельное и любезное въ житіи моемъ съ нею обхожденіе и, при случаи тижкой моей болѣзни, за все прилежное мене смотрѣніе и за протягіе добродѣтелие ея подъятіе труда, дарю и во вѣчное владѣніе уступаю...»

²⁾ Объ этомъ Степанъ Стороженкѣ и его отношеніяхъ къ своей бабкѣ, по матери, см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 19.

³⁾ Списокъ приданаго напечатанъ въ апр. кн. Кіевск. Стар. за 1901 г.

С. съ деверями кончился нескоро, хотя Глуховсья власти, по-видимому, во многомъ защитили обиженнуу. Обстоятельства, при которыхъ Андрей С. пересталъ быть Иченскимъ сотникомъ, намъ неизвѣстны. Онъ оставилъ двухъ сыновей Григорія и Александра, которые оба еще были малы, чтобы замѣстить отца. 1) Преемникомъ Андрея С. былъ Иванъ Новицкій, вѣроятно, внукъ охочекомъ полковника Ильи Новицкаго. Новицкій пробылъ на сотничествѣ 14 лѣтъ, и въ 1767 г. самъ отказался отъ этого уряда, можетъ быть, желая посадить на свое мѣсто сына.—Памятникомъ своего сотничества Н—кій оставилъ х. *Жадъковку*, которую онъ

1) Прилагаемъ здѣсь краткій родословникъ Стороженковъ, на-
глядно указывающій путь общественное положеніе.

№ отца.

1. <i>Іванъ Стороженко</i> , сотникъ Иченскій, 1687, полковн. Прилуцкій, 1688—692 ж. <i>Марья</i> .	
2. <i>Андрей</i> , сотникъ Иченскій, 1703—715.	1 <i>Ж. Матрона Гнилоузубъ</i> .
3. <i>Григорій</i> , сотн. Иванецкій, 1716.	1
4. <i>Григорій</i> , сотн. Иченскій, 1715—737	2 <i>Ж. 1, Ульяна Васильевна Томара, 2, Евдокія Андреевна Лизонубъ, вдова Якима Куллябки.</i>
5. <i>Іванъ</i> , сотн. Иванецкій—1726. (См. Зап. Марк., I, 157).	2
6. <i>Степанъ</i> , сотн. Яблуновскій, 1738—742	4 <i>Ж. Марфа Андреевна Горленко.</i>
7. <i>Андрей</i> , сотн. Иченскій, 1741—752.	4 <i>Ж. Настасья Ивановна Романовичъ.</i>
8. <i>Петръ</i> , в. тов. +1748.	4 <i>Ж. Меланія Павловна Миницкая, 2-й м. отст. ес. Григоровичъ.</i>
9. <i>Данило</i> , р. 1741 г., отъ 2-й ж., бунч. тов. Жилъ въ сл. Лисогорѣ.	4 <i>Ж. Катерина Федоровна Лысенко.</i>
10. <i>Михаиль</i> , р. 1741, майоръ 1772.	6 <i>Ж. Дочь ген. бунч. Николая Ханенка.</i>
11. <i>Григорій</i> , р. 1745, сотн. Иванецкій, 1770—780. . .	7 <i>Катерина Николаевна Бороздна.</i>
12. <i>Александръ</i> , войск. тов. 1765.	7 <i>Ж. Фекла Ивановна Себастіановичъ; ея втор. м. кн. Владимира Орбеліані.</i>

(Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 220—221.)

поселиль въ это время. Добровольный уходъ Н—аго съ уряда виденъ изъ того, что послѣ его отставки, временное завѣдываніе сотнею поручено было изъ Глухова—его сыну. Этотъ же сынъ явился и главнымъ кандидатомъ для замѣщенія отца. Но явился и другой—въ лицѣ Григорія Стороженко, сына б. сотника Андрея. Каждый изъ кандидатовъ привлекъ на свою сторону по группѣ выборщиковъ и оба были этими группами выбраны; оба же они и пожаловались въ Глуховъ—на неправильность выбора противника. Стороженко писалъ: „сотника Новицкаго сынъ Иванъ Новицкій, еще ни въ коемъ званіи не состояшій, только означенною сотнею временно управлять определенный, да атаманъ Иванъ Романовичъ и асаулъ Иванъ Булига—избирали сотника непорядочно, ибо онъ, Новицкого сынъ, зъ сотенными старшинами согласясь, сами себе, именно: Новицкого, Романовича да писара Носка—кандидатами поставили, и весьма малое число казаковъ зъ сель сотнѣ Ичанской собравши, велѣли на составленномъ выборѣ подписать почти усилио: яко жъ, когда которой атаманъ, съ казаками своими—повелѣннимъ числомъ, для означенного выбору явился, то другихъ ожидать имъ присутствующими не велѣно, но подписавъ, ихъ (казаковъ) заразъ отпускали; я такъ всѣхъ порознь переписали, не давъ имъ времени для общаго совѣту и согласія. А хочай, изъ того собранного числа казаковъ оспоривано, что не по приличію означенныхъ лицъ въ кандидаты поставлено, и на мене нижайшаго былъ при томъ—о удостоеніи на сотничой чинъ—голосъ, однако все тое присудствующими приглашенно (замолчано) ихъ проектами и разными обманами, якожъ онъ, Н—кій, казакамъ, отъ коихъ обо мнѣ голосъ былъ, и сіе самъ выговаривалъ, что будто я въ сотничой чинъ не желаю, и въ томъ, яко бы ему, Н—му, даль подпись..... Мене же нижайшаго сотнѣ Ичанской казаки, согласно и безъ всякаго ихъ отъ мене принужденія, въ сотничой чинѣ выбрали и какой въ томъ выборѣ мнѣ дали, оной представляю...“ При этомъ Стороженко приложилъ какъ „выборъ“, подписанный казаками, такъ и особое отъ послѣднихъ въ Глуховъ „дonoшеніе“, въ которомъ, его сторонники указываютъ на неправильность выборовъ Н—аго почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ писалъ и самъ С—ко. При этомъ сторонники С—ка приводятъ рядъ обидъ, причиненныхъ имъ

прежнимъ сотникомъ Новицкимъ, и добавляютъ, что они боятся такихъ же обидъ и отъ его сына, а между тѣмъ „за бывшого прежде онаго Новицкаго—умершаго сотника Андрея Стороженка, такожъ и прежде онаго Андрея еще предковъ Стѣроженковыхъ, сотниками Ичанскими бывшихъ, имъ никакихъ обидъ въ управлениі сотнею не происходило...“¹⁾

Новицкій, съ своей стороны, обвинялъ С—ка тоже въ „злоумышленіяхъ“: „по полученіи указа о выборѣ на мѣсто отца моего—двухъ или трехъ кандидатовъ, какъ въ сотенномъ Иченскомъ правлениі куренные атаманы съ казаками, такъ и въ полковой Прилуцкой к—ріи, полковіе старшины съ сотниками, бывъ въ собраніи, доброволно и безъ всяаго пристрастія избрали на сотничество Иченское, въ кандидаты, меня и сот. Ич—ихъ—атамана Ив. Романовича и писара Фед. Ноцкова, въ чёмъ и надлежащіе по указанному наставленію, выборы подписавъ, при доношеніи въ Малор. коллегію отправлены.—А между тѣмъ в. тов. Григорій Андреевъ сынъ С—ко, не будучи поставленъ въ кандидаты, но легко и злоумышленно въ обиду мою, пришедъ

1) Жалуясь на обиды сотника Новицкаго, сторонники С—ва указываютъ большую частью на даровыя сотнику работы, полевые и домашнія. Наapr., казакъ с. Парафіевки Ковбасенко—«въ сотника Новицкого, чрезъ полторы недѣли, ораль; въ хуторѣ его, Н., 3 дни въ дворѣ свинѣ напоевалъ. Онъ же К. посланъ былъ въ Елисаветъ зъ харчевнѣмъ зачасомъ, волами парою и возомъ, а обратно оттолъ ему сотнику въ Ичень, на своеемъ возѣ и волами своими, привезъ возъ соли безъ заплаты.» — «Козакъ того же села Омелченко въ сотника Н. работаль чрезъ 2 недѣль, въ винокурнѣ, а чрезъ 2 недѣль— круши ему драль зъ другимъ казакомъ; онъ же, О—ко, на сотничихъ возахъ, къ подрядомъ овсомъ, въ Елисаветъ, Ѣздилъ и тамо промедлѣль чрезъ 6 недѣль, безъ заплаты. Въ отамана Романовича, онъ, О—ко, чрезъ двѣ недѣли скотъ настъ.» Несомнѣнно, что жалобщики говорили правду, но, по всѣмъ вѣроятнѣмъ, умалчивали, что за эти сотнику ихъ работы, они были тѣмъ же сотникомъувольняемы отъ походовъ и другихъ «общенародныхъ новинностей.»—Такъ велось въ гетманщинѣ... Судя по приведеннымъ фактамъ, Новицкій во всякомъ случаѣ вѣ былъ тяжелымъ правителемъ.

въ сотенное правленіе, домогался поставить его въ кандидаты, и при томъ въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ высокомонаршихъ указовъ зерцало состоитъ, поступалъ крайне горячо, неучтиво и бранно—на меня, на старшинъ и на бывшихъ притомъ козаковъ; тайно ссыпалъ до себя атамановъ и козаковъ, спивая ихъ, ласкателствомъ и устрешеніемъ приводилъ, чтобы его поставили въ кандидаты.—Тѣмъ не будучи доволенъ, когда уже надлежащіе выборы на меня и на предписанныхъ старшинъ подписаны, въ полк. Прил. к—рію отправлены и отъ оной же к—рію полковіе жъ выборы учинены, тогда онъ, С—ко, взявъ зъ собою, на особенной возокъ, нѣсколько вѣдеръ горѣлки,ѣздилъ по всей сотнѣ селамъ,upoивая оною, перепрошиваю и уговоривая на свою сторону курѣнныхъ атамановъ и козаковъ—на подложно составленномъ имъ нѣякомъ писмѣ въ томъ, что якобы его, С—ка, желаютъ въ сотню Ичанскую сотникомъ—подписатись; на которомъ писмѣ не могъ онъ, С—ко, на свою сторону прочихъ себѣ козаковъ склонить къ подпису, какъ только Гмиранскихъ и Парабѣевскихъ, да и то не всѣхъ... Сверхъ сего, онъ же, С., далъ разніе обманчивіе подписки, которими онъ себя обвязалъ—облегченіе въ нарядахъ тѣмъ козакамъ дѣлать и тѣхъ никогда не наказывать, которое бы не преступали усиливаться, чтобы ему, С., быть сотникомъ.—Когда тотъ же С. усилино старался на меня навести какое нибудь сомнѣніе, предъ козаками, и уговорить ихъ, чтобы они меня отреклись и не желали болѣе сотникомъ, то начали козаки между собою поговаривать, что меня нѣсколько опасно избрать въ сотники, затѣмъ де, что соглашусь легко на регулярство и ихъ де могу къ тому понудить;¹⁾ а понеже эта поговорка произносилась только между козаками Гмиранскими, которыхъ С—ко напоемъ и ласкателствомъ на свою сторону склонилъ, то со всего видно, что онъ жъ, С., единственно причиною тѣхъ козаковъ возмущенія...

Изъ Глухова получено было распоряженіе—произвести слѣдствіе объ Иченскихъ выборахъ, причемъ открылось, между про-

¹⁾ Вотъ чего боялся народъ и чего боязливо ждалъ отъ Румянцова....

чимъ, что Иваницкій казакъ Давыденко, являвшійся въ Глуховъ съ уполномочиемъ отъ Иченскихъ козаковъ поддержать выборъ С—ка, представлялъ „вѣрющій листъ“—на ходатайство отъ Иченскихъ козаковъ—„подписанный безъ ихъ согласія..“ Въ Глуховѣ, по-видимому, ни тотъ, ни другой изъ претендентовъ утвержденъ не былъ. Слѣдующимъ, послѣ Ив. Новицкаго, сотникомъ въ Ичнѣ былъ Иванъ Романовичъ, поставленный въ 1771 г. изъ „значк. товарищей“, какъ сказано въ вѣдом. полковыхъ чиновниковъ за 1774 г.; слѣд., это не былъ Иченскій сот. атаманъ, поставленный при выборахъ Н—аго „вторымъ кандидатомъ“. Преемникомъ Ив. Р—ча былъ братъ его, которымъ и закончилось козачье управление въ Ичнѣ.

Села Иченской сотни.

М Ичня, рч. Иченка, въ полов. XVII в. была, повидимому, самымъ населеннымъ пунктомъ въ Прилуцкомъ полку. Хотя по списку Шпездѣцкаго въ Ичнѣ было 1494 домохоз., а въ Варвѣ 2037, но по свѣдѣніямъ 1654 г. (о числѣ приведенныхъ къ присягѣ въ Прилуцкомъ полку) жителей въ Ичнѣ оказывается болѣе, чѣмъ въ другихъ сотенныхъ центрахъ: въ Ичнѣ—1798 „челов.“¹⁾, въ Прилукѣ—1423, въ Срѣбномъ—1228 и въ Варвѣ—983 чел. По „реестрамъ“ 1649 г., въ Ичнѣ, какъ и въ Варвѣ было по двѣ сотни. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Ичня тогда была поселеніемъ настолько нестарымъ, что въ „тарифахъ“ 1628 г.²⁾ она вовсе не означена. Какими причинами былъ обусловленъ такой быстрый ростъ населенія въ Ичнѣ—сказать трудно. Ядромъ послѣдней были, видимо, водяные мельницы, около которыхъ и возникло поселеніе³⁾; въ то же время, это поселеніе очутилось на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ; одной—изъ Киева въ Роменъ, а другой—съ юга, чрезъ Прилуку, на сѣверъ, къ Стародубу (см. ниже). Такія

¹⁾ Полагаемъ, что и здѣсь обозначены тѣ-же домохозяева («господаря»).

²⁾ См. у Яблоновскаго, Zrdla Dz., XX, I, 65.

³⁾ По описи, книгамъ 1666 г. въ Ичнѣ показано девять водяныхъ мельницъ, всѣ «на рѣкѣ Ичнѣ». Черезъ 114 лѣтъ, ихъ оставалось еще шесть.

мѣстности обыкновенно представляютъ много выгодъ для населенія, которое поэтому и стремится въ нихъ.

При полякахъ, у Ични было одна особенность, которой не видимъ въ другихъ мѣстахъ „Заднѣпрія“: Ичня была центромъ особаго *Иченскаго козачьяго полка*, начальникъ которого назывался „полковникомъ войска его корол. мил. Запорозкого Иченскимъ“. Въ январѣ 1648 г. такимъ полковникомъ былъ Петръ Гловатскій, какъ это видно изъ одного его продажнаго акта ¹⁾). По другимъ свѣдѣніямъ, въ 1649 г. былъ и другой Иченскій полковникъ Степанъ Гловатскій, память о которомъ сохранилась въ книгахъ одной изъ Иченскихъ церквей ²⁾). Извѣстно, что въ числѣ полковниковъ Хмельницкаго, въ самомъ началѣ восстанія, былъ и Гловатскій. Въ латинской хроникѣ Юзефовича онъ называется Петромъ Гловатскимъ (Petrus Glowacki, tribunus). По польскимъ свѣдѣніямъ, Гловатскій (имя не указано) лѣтомъ въ 1649 г. осаждалъ Рѣчицу (Минск. губ.), но былъ самъ тамъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ на коль ³⁾.

¹⁾ Приводимъ здѣсь выданную имъ купчую запись Лохвицкому жителю Самохвалу, взятую нами изъ Румянцовск. описи. «Я Петръ Кгловатскій, пулковникъ войска его кор. мл. Запорозкого Иченскій, вѣдомо чиню и сознаваю тымъ моимъ листомъ доброволнимъ, записомъ вѣчнѣсть продажи, каждому, кому о томъ вѣдати належить теперь и напотомъ, завжди, ижъ я, маючи волность въ права послопитого своимъ якъ хотѣти шафовать, млынъ при городѣ Лохвицкомъ, на рѣкѣ Сулѣ, мнѣ Божіимъ правомъ и прирожденимъ, яко синове власному и сукцессорови по родичахъ моихъ мильыхъ припалай и належачай, учтвому Васкови Самохвалови, ись подворкомъ до того жъ млина належачимъ, за сумму певную, тоестъ двѣстѣ зол. польскихъ, уступиль и продалъ способомъ вѣчнѣстой продажи», и т. д., «съ подпи-
сомъ руки моей власной, при печати притисненої, даю въ Лохвици, 15 дня генваря, 1648 року. Петръ Кгловатскій, пулковникъ войска его кор. мл. Запорозкого Иченскій». (Подлинникъ б. мож. писанъ по-польски; о немъ на концѣ сказано: «1769 году февраліи, 18 д., та-
кову подлинную крелость принялъ и росписался Роменскаго повету подкоморскаго суда возной Андрей Самохвалъ»).

²⁾ Опис. Чернig. Епарх., VI, 507.

³⁾ Сборн. Лѣтопис., изд. Киевск. Ком. (1888), стр. 147 и На-
мятники, изд. 2-е, той же комиссіи, I, 358.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII

1901 Г.

М А Й.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолжение</i>). Ор. Левицкаго	149—182
II. П. А. КУЛИШЪ. Биографический очеркъ. (<i>Продолжение</i>). В. Шенюка	183—213
III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРИИ. (<i>Продолжение</i>). И. Лучицкаго	214—226
IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧИ. Част. I. Повисть. В. Гринченка	227—281
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНИЙ. (1861—1863 гг.). (<i>Окончание</i>). А. Л.	282—300
VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). М. Старицкаго	301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фірмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. В. Доманицкій, в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемівскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мѣрдеръ; е) Стоимость похоронъ барышевской обывательки, въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ Переяславской ратуны и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Н. Вѣляшевскаго; і) Письмо въ редакцію. Г. А. Кузьмина	73—92 93—100
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. Н. Краніхфельда. В. Д.; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. Н. В.; в) 1. Лыхо зъ горилко! (Правдыве оговидання.—Пьянняца) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запоя). В. Д.; г) Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. В. Д.; д) Записки Киевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	101—126
Археологическая лѣтопись	127—137
III. ПРИЛОЖЕНИЕ. Описаніе Старой Малороссіи полкъ. Ал. Лазаревскаго	25—240

Въ книжномъ магазинѣ редакціи
журнала
„Кievская Старина“
поступили для продажи слѣдующія книги.

Альбомъ 26 укр. писателей, ц. 50 к. и 1 р.

Andrievskii. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу.

Ч. 1-я гл. I и III-я, ч. II гл. IV, ц. 1 р. за часть.

Ar—cz. Катерины. Опера в 3-х діях, ц. 3 р. 50 к.

Arkasъ. Я не могу тоби розсказать про любовъ. Романсъ. Ноты. Спб., ц. 50 к.

Antonovich B. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (оттискъ изъ журн. Киевской Старины). Киевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Barvinokъ. Молодыча боротьба. С.-Пб. 1899 г., ц. 1 коп.

— Вирна пара С.-Пб. 1900 г., ц. 3 коп.

Bisidai. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпуски 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й и 10-й Екатеринодарь, 1898 г., ц. за вып. 1 р.

Bulgashewskii. Археологическая Лѣтопись Южн. Россіи, Т. I-й и II-й. Киевъ, 1899 г., ц. 2 руб. за томъ.

Bolsunovskii. Свинцовыя пластинки (Муз. Скарж.). ц. 1 р.

Berziliovъ. Очеркъ торговли Южной Руси. Черниговъ 1898 г., ц. 50 коп.

Boronka. Коханца шкодники. Водев. 1900 г. ц. 20 к.

Bovchokъ. Выкупъ (на русскомъ азыкѣ). Киевъ, 1899 г., ц. 5 к.

— Данило Гурчъ. Киевъ 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. Грам.

— Максимъ Грымачъ. Выкупъ и др. оповиданія. Киевъ, 1900 г., ц. 4 коп. Изд. Ком. Грам.

— Свекруха, Отецъ Андрій. 1900 г., Киевъ ц. 2 к.

Vasilevskii. Современная Галиція. Петерб., 1900 г., ц. 80 коп.

Irinchenko. Ганна Барвинокъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 15 к.

Grinchenko. Народные спектакли. Черн., 1900 г., ц. 25 коп.

Gribynna. Тывуртіевы выгадки. Жартъ. 1900 г., ц. 20 к.

— Дивоче серце. Киевъ, 1899 г., ц. 25 к.

— Данъ Халавскій. Комедія фарсъ въ 4-хъ діяхъ. 1900 г., ц. 50 к.

II

- Демченко.** Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 25 коп.
- Дашкевичъ.** Описаніе Черноморья. Кіевъ, 1891 г., ц. 40 коп.
- Вопросъ о литературномъ источнике И. П. Котляревскаго. Кіевъ, 1893 г., ц. 40 коп.
 - Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, 1884 г., ц. 40 коп.
 - Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 к.
 - 25-лѣтіе историческ. общества Нестора Лѣтоисца. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.
 - Средневѣковая греко-славинская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи. Кіевъ, 1887 г., ц. 30 к.
 - Мировая скорбь, мрачное мировоззрѣніе и пессимизмъ. Кіевъ, 1895 г., ц. 40 к.
 - Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы. 1886 г., ц. 30 к.
 - Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гёте. Кіевъ, 1897 г., ц. 50 коп.
 - Литература св. Граселя за послѣдніе годы (1876—1888 г.). Кіевъ, 1888 г., ц. 50 к.
 - Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Кіевъ, 1890 г., ц. 50 к.
- Дикаревъ.** Малорусское слово «Цалиныца» и греческое «πέλαγος». Ц. 10 к.
- Ефименко.** На Украинѣ, в. I-й ц. 30 к., в. II-й ц. 30 к. и в. III-й ц. 35 к.
- Житецкий.** Эннеда Котляревскаго и древній списокъ ея. Кіевъ, 1900 г., ц. 2 р.
- Описаніе Переосницкой рукописи. К.. 1876 г., ц. 1 р.
- Зиневичъ.** Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не бувало. Каменецъ-Подол. 1900 г., ц. 50 к.
- Землякъ.** Отъ тоби й монополія! Сцена въ 1-мъ дѣйствії. Одесса, 1899 г., ц. 15 к.
- М. Запирня и Б. Гринченко.** Ш. И. Глѣбовъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 25 к.
- Корифеи украинской сцены (съ 8 портр.).** Кіевъ, 1901 г., ц. 65 к.
- Кранихфельдъ.** Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украины и Запорожья. (1814—1861). Слб. 1891 г., ц. 30 к.
- полкъ. Ал. Ла

III

Кулишъ. Оповидання. Бахмутъ 1900 г. ц. 50 коп.

- Чорна рада. Видання друге. Одесса, 1900 г., 50 коп.
- Драмована трилогія. Харківъ, 1900 г., ц. 2 руб.
- Ориє (С.-Пб.) 1900 г., ц. 2 коп.
- Воспоминання дѣтства. Повѣсть. Бахмутъ, 1899 г., ц. 1 р. 25 коп.
- Про злодія въ с. Гаківныци. Кіевъ, 1901, Ц. 3 к.

Конопнишкалъ. Христа. Кіевъ, 1899 г., ц. 6 коп.

Комаровъ. Нова збирка прыказоекъ. Одесса, 1900 г., ц. 50 коп.

- Єхъ біографія Стороженка. Кіевъ, 1890 г., ц. 15 коп.

Комаръ. Оповидання про Антона Головатаго. Спб. 1901 г., ц. 5 и 10 к.

Кропивницкий. Передъ волею. Драна въ 5 діяхъ. 1901 г., ц. 20 коп.

- По ревізії. Харьк., ц. 5 к.

Конисский. Млынъ. Оповид. 1901 г. ц. 3 к.

- Грошолюбка. Черкассы, 1900 г., ц. 5 коп. и на лучшей бумагѣ ц. 10 к.
- Творы, т. III-й. Ялта. 1900 г., ц. 1 руб. и на веленевої бумагѣ ц. 1 р. 50 коп.

Канивецкий. Иль былого Черноморія. Екатеринодаръ, 1900 г., ц. 1 руб.

Конощенко. Українськи писни зъ поетами. Одесса, 1900 г., ц. 30 к.

Кукулевський. Оповидання про життя Кобзаря. Кіевъ, 1901 г., ц. 2 к.

Левицький. Бабы. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.

Левицький М. Короста. 1901 г., ц. 1 к.

Лыхъ зъ горилкою. Москва, 1901 г., ц. 3 к.

Мачтеть. Смотрины. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотности:

- Два «міра». Кіевъ, 1899 г., ц. 10 к. Изд. Ком. грамотн.
- Въ святое утро. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотн.
- Пять тысячъ. Кіевъ, 1899 г., и. 5 к. Изд. Ком. грамотн.

Макаровський. Наталя. Черн., 1899 г., ц. 5 коп.

Музыка Янко. Перекладъ. Кіевъ, 1901 г., ц. 1½ к.

Немолоський. Про бжильництво. С.-Пб. 1900 г., ц. 8 коп.

Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Николаевъ. Гигіена зубовъ. 1900 г., ц. 20 к.

Осадчий. Козацкій батько Італій. Кіевъ, 1900 г., ц. 8 к.

Пихно. Бесѣда сельского хозяина. Кіевъ, 1899 г., ц. 40 к.

Полищукъ. Прочанынъ. Москва, 1901 г., ц. 3 к.

Р. С. Братства въ юго-западной Руси. 1895 г., Харьк., ц. 4 к.

Степовыкъ. Про городыну. Спб. 1899 г., ц. 5 к.

Станюковичъ. Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Издание
Комитета грамоти.

IV

- Сасченко.** Шорадокъ и ходъ сельско-хозяйст. работъ. 1900 г., ц. 30 к.
— Сравнительный учетъ доходности въ имѣніяхъ Ю.-Зап. края. 1900 г., ц. 75 к.
- Тобилесичъ.** По-надъ Днепромъ. Черк., 1900 г., ц. 10 к.
— Бурлака. Драма. 1901 г., ц. 7 к.
- Толстой.** Воскресеніе. Романъ, ч. I-я и II ч. С.-Пб. 1900 г., ц. 60 к.
Ч. III 25 к.
- Угадько.** Харьк., 1900 г., ц. 5 к.
- Фотографические портреты Т. Г. Шевченка. С.-Пб. ц. 65 к. и 80 коп.
- Франко Иванъ.** Лесышина челядь.—Малый Миричъ.—Грыцѣва шкильна наука. Киевъ, 1901 г., ц. 4 к.
- Хвиля за хвилею. Збирникъ. Черн., 1900 г., ц. 1 руб.
- Чикаленко.** Розмова про сельське хазяйство. Сіянні трави, кукуруза та буряки. Кн. III. Одесса, 1900 г., ц. 8 коп.
- Чалый.** Любка или сватання въ с. Рахмахъ. 50 к.
- Чулай.** Оповидання. Москва, 1901 г., ц. 6 к.
- Шабленко.** Нова хатина. 1900 г. Киевъ. 20 к.
- Щыри слёзы надъ могилою П. О. Кулиша, 1900 г., Бахмутъ, ц. 15 к.
- Эварницкій.** Ів. Дм. Сирко, славный кош. атаманъ, ц. 1 р. 50 к.
- Яновская.** Смерть Макарыхы. Киевъ, 1900 г., ц. 10 к. (Оттискъ «Кievsk. Stary.»).
— На зеленый клынъ. Киевъ, 1900 г., ц. 20 коп. (Оттискъ «Кievsk. Stary.»).
— Идеальный батько. Киевъ, 1900 г., ц. 15 коп. (Оттискъ «Кievsk. Stary.»).
- Ясинський.** Кара Божа. Луцкъ, 1899 г., ц. 6 к.
- Якъ оберегати себе видъ хоробъ.** Харьк., 1901 г., ц. 3 коп.

Въ нещодолжительномъ временіи выйдутъ фотографические портреты (кабинетн. и визитн.) слѣдующихъ украинскихъ писателей и дѣятелей: М. Заньковецкой, Н. Садовскаго, Н. Лысенка, М. Кронивницкаго, А. Саксаганскаго, Затиркевичъ, И. Карпенка-Карого, М. Старницкаго, группа 9 укр. писателей, П. Кулиша, Т. Г. Шевченка, П. Сагайдачнаго, П. Дорошенка, И. Брюховецкаго, Д. Многогрѣшнаго, И. Тетери, Ханенка, И. Выговскаго, группа укр. гетмановъ, Гонты въ двухъ видахъ, Полуботка и Мазепы. Цѣны на кабин. карт. 40 коп., визитн. 25 коп. и группы по 60—80 коп.

Адресъ: Книжная торговля «Кievskoy Stariны» (Безаковская улица, № 14).

—————
Дозволено цензурою. Киевъ, 27 апрѣля 1901 г.

Типографія Императорскаго Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 Г.

М А Й.

КІЕВЪ.

Типо-литографія Імператорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 апрѣля 1901 года.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

18. Нехворощанскій сотникъ Федоръ Сухомлинъ.

Двѣsti лѣтъ назадъ въ Нехворощѣ сотниковалъ панъ Федоръ Сухомлинъ, о которомъ мѣстные козаки и мѣщане единодушно отзывались, что такого „благого“ сотника у нихъ и не было еще на урадѣ. Бывало, пріѣдуть къ нему люди судиться, а онъ и жалобы до конца не дослушаетъ—и уже постановляетъ декретъ: „кыньте къ нечестому свары и годитесь, а то обоихъ звелю забыты въ колоду“. Истецъ и отвѣтчикъ потолкуютъ между собою, и смотри—идутъ къ писарю записать условія состоявшейся между ними „згоды“, а сотникъ велитъ еще положить и денежную „заруку на взрушителя угоды и мырного постановевя“. Доброй души человѣкъ былъ панъ сотникъ и не любилъ ни ссоръ, ни позововъ, а любилъ, чтобъ всѣ вокругъ него были довольны и веселы. Никто не могъ попрекнуть его, чтобы онъ несправедливо присвоилъ чей-либо „грунтикъ“, или лѣсокъ, или „худобу“, какъ поступали тогда сплошь и рядомъ другіе старшины. Правда, Сухомлинъ былъ далеко не бѣднымъ человѣкомъ: ему принадлежали прекрасныя водяныя мельницы на Орели о шести „колахъ“—четырехъ мукомольныхъ и двухъ „ступныхъ зъ фалюшами“, винокурня съ тремя „казанами“, „броварь“ (пивоваренный заводъ), „шинковный

¹⁾ См. Кіенск. Стар. 1901 г. № 3.

Томъ 73.—Май, 1901.

дворъ и комора (лавка) въ рынку“, а вокругъ Нехворощи были разсѣяны его хутора, „левады“, лѣса, нивки и „сѣножати“; но всѣ эти „добра“ панъ сотникъ купилъ у бывшаго полтавскаго полковника Павла Герцика послѣ того, какъ въ январѣ 1696 года татары дотла опустошили предмѣстья Нехворощи и сожгли новопостроенный монастырь. Герцикъ въ то время сложилъ съ себя, по старости, полковничій урядъ и былъ радъ хоть за дешевую цѣну сбыть опустошенныя „добра“. Панъ сотникъ почти заново „рекуперовалъ зруйнованныя“ мельницы, и „винницу“, и „броваръ“ и завелъ на своихъ хуторахъ большое хозяйство, которымъ, однако, больше завѣдывала его „господыня“ (жена). Самъ же онъ мало занимался „господарствомъ“ и дня не могъ провести безъ общества добрыхъ людей: то самъ у кого-либо въ гостиахъ, то къ себѣ гостей наведетъ. А бывало, гдѣ свадьба или „хрестыны“—тамъ уже панъ сотникъ непремѣнныи гость. Смолоду былъ онъ мастеръ выпить, но подъ старость сталъ оченьдержанъ, а только любилъ видѣть, какъ люди веселятся. Да еще любилъ онъ церковныя службы, хорошее „кіевское“ пѣніе и бесѣды съ духовными людьми о богословскихъ предметахъ. Бывало, войдетъ въ церковь, станетъ на переднемъ мѣстѣ, передъ намѣстнымъ образомъ, и чуть только собьется дѣять на клиросѣ—не тотъ прокименъ споетъ или стихириу не на тотъ гласъ затянеть,—ужъ панъ сотникъ непремѣнно его поправитъ и заставитъ „пекты ракы“ передъ всей „парахвіей“. А священники какой почетъ ему оказывали! При переносѣ св. даровъ или на ектеніи помянуть или вѣтъ „панотець“ ясновѣльможнаго гетмана, а уже „благородного и боголюбивого пана сотника“ такъ отчеканитъ, чтобъ и въ „опасані“ каждое слово было слышно, и въ концѣ обѣдни непремѣнно самъ вынесетъ ему просфору.

Глядя на добродушное, всегда привѣтливое и довольное лицо пана сотника, чужой человѣкъ подумалъ бы, что онъ зналъ въ жизни однѣ лишь радости и удачи; а между тѣмъ вся Нехвороща помнила, какъ сотникъ убивался, когда хоронилъ одного за другимъ малыхъ дѣтей, а потомъ и единствен-

наго взрослого сына, браваго козака, убитаго подъ Казикерменомъ. Подъ старость изъ всей семьи, кромѣ жены, осталась ему въ утѣшеніе лишь дочка-подростокъ, въ которой онъ души не чаялъ. И какъ же нынѣчился старый сотникъ съ своею „одынѣчкою“! Чтобы не разставаться съ нею, онъ и отъ походовъ сталъ уклоняться подъ предлогомъ недуговъ, отъ которыхъ Богъ хранилъ его всю жизнь, и дѣла по уряду запустилъ, а наконецъ сталъ поговаривать и о томъ, чтобы вовсе отказаться отъ сотничества.

— На що мени тії турботы! твердилъ онъ всякому, кто его отговаривалъ отъ этого шага.—Пославъ бы Господь зятя, доброго человека, то я и государство покину, усе виддамъ дитимъ, та й буду на печі лежати та унукивъ гайдаты.

И вотъ судьба, казалось, осуществила его пламенное желаніе. Въ Нехворощѣ проявился захожій козакъ, по имени Данило Дробязка. Кто онъ былъ, откуда и какъ зашелъ сюда—никто не зналъ; но когда въ ближайшій воскресный день онъ появился въ церкви, то своею статною фигурою, молодецкимъ видомъ и богатымъ нарядомъ привлекъ общее вниманіе. Замѣтилъ его и панъ сотникъ и зазвалъ къ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ „значнымъ товарышомъ“, на „бѣсиду“. Гость держаль себя весьма прилично и въ каждомъ словѣ и обращеніи обнаруживалъ черты хорошаго тона и воспитанія. Былъ онъ будто бы шляхтичемъ изъ-за Днѣпра, учился въ Кіевѣ, бывалъ и въ Батурина, при гетманскомъ дворѣ, и въ Сѣчи, а теперь направлялся въ Слободскую Украину, гдѣ у него была какая-то знатная родня. Многое онъ видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку, и его рассказы объ этомъ оказались столь увлекательными, что гости во время обѣда и ложки опустили, и чарки плохо опорожняли; когда же онъ, послѣ „варенухи“, снялъ со стѣны бандуру и выказалъ большое мастерство въ игрѣ и въ танцѣ, у молодой сотниковны глазки заискрились какъ звѣздочки и нѣжный румянецъ залилъ и щечки, и шейку. Словомъ сказать, къ концу „ұчты“ всѣ присутствовавшіе совершенно были очарованы интереснымъ пришельцемъ, а хлѣbosольный хозяинъ

прямо заявилъ, что не будетъ онъ сотникомъ, если не удержать у себя какъ можно дольше такого милаго гостя.

— Отъ, якъ бы мени отакый зять! простодушно высказывался онъ, и подвыпившіе гости въ одинъ голосъ вторили, что „крапщого зятя“ не надо и искать пану сотнику.

Съ каждымъ днемъ гость все больше овладѣвалъ довѣріемъ и расположениемъ хозяевъ и сердцемъ ихъ дочери. Онъ оказался толковымъ и „на все здатнымъ“ человѣкомъ, часто замѣнялъ сотника по хозяйству и даже по должностнымъ его дѣламъ, а черезъ мѣсяцъ-другой вся Нехвороща пировала на свадьбѣ панны сотниковны. Бенкетъ удался на славу и продолжался больше недѣли. Старый сотникъ былъ виѣ себѧ отъ радости и не могъ нахвалиться передъ гостями своимъ „богоданнымъ“ зятемъ. Послѣ свадьбы онъ немедленно вышелъ въ „абшидъ“ (отставку) и передалъ сотничество выбранному на его мѣсто Василію Ганджѣ. Было рѣшено, что молодые будутъ жить вмѣстѣ съ стариками; имъ было выдѣлено небольшое собственное хозяйство съ тѣмъ, что по смерти тестя и тещи имъ достанется все ихъ состояніе.

Но Данилу Дробязкѣ показалось скучнымъ столь неопределеннное время ожидать наслѣдства, и онъ сталъ распоряжаться тестевымъ добромъ, какъ личною собственностью. На первыхъ порахъ Сухомлинъ молча сносилъ это, но скоро убѣдился, что его благодушное отношеніе къ поступкамъ зятя лишь поощряетъ жадность и своеольство послѣдняго, и рѣшился дать ему отпоръ. Тутъ Дробязка сразу сбросилъ съ себя маску смиренія и покорности и явилъ себя въ истинномъ свѣтѣ: онъ оказался человѣкомъ грубаго, дерзкаго нрава, упрямымъ, злопамятнымъ и безмѣрно жаднымъ. Съ тѣхъ поръ мирный досель домъ бывшаго сотника сдѣлался адомъ; не проходило дня безъ ссоръ, попрековъ и даже дракъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что однажды зять и тещь схватились за сабли, и послѣдній вышелъ изъ боевой схватки съ перерубленной рукой.

Въ половинѣ сентября 1701 года въ полтавскомъ полковомъ судѣ, въ присутствіи многочисленной мѣстной и прѣїзжей

(по слухаю ярмарки) публики, бывшій нехворощанскій сотникъ такъ „плачливе ускаржался“ на своего зятя:

— Не видаю, панове, чого по мени Даныло, зять мій, хочеть. Я жъ усе тое, що єму обицявъ, выдаючи дочку мою єму въ малженство, пры шлюби давъ, именно: камень млыновый на рици Орели, четыри волы, коровъ два зъ телятами, овець десятокъ матокъ, свиней частку и всѣго сёголитнѣго засивку (посѣва) половыну и пидварокъ (подгородный хуторъ); але винъ, тымъ не будучы благодаренъ, ще въ мене усыловне (насильственно) двое коней взявши, безпрестанне мя ганить и безчестыть, ста талярей віна доправляется и зо всїх осидлосты мене гонить. А прошлой недили, прыйшовши я зъ церкви, въ службы Божои, и еще не заживъ (не скушаль) просфоры, скоро прыйшовъ зять мій Даныло зъ миста (изъ города) и не видаю, для якихъ прычынъ, безъ жаднои увагы порвавъ мене за груды, турмосовавъ и якъ хотивъ вексовавъ (мучилъ) мя. Любо жъ (хотя) тамъ обыдва-съмо вадылы и я ёго подоливъ (одолѣль), але винъ, якъ молодшій, выиручавши зъ-пидъ мене, скочывъ у хату и порвавши шаблю, шырмовавъ (фехтоваль) коло мене зъ шаблею. А же и я, тежъ добувши въ прысинкахъ шабли, до нѣго оказанся, боронячы свого здоровъя, тоди винъ, побигши знову въ хату, выбигъ зъ ручныцею и, килька разивъ наводячы оную, хотивъ мене забыты. Я тоди, одваживши свое здоровъя, кынувшись до нѣго и ручныцю въ ёго выкрутывъ. Винъ, знову порвавши шаблю, натиравъ (наступалъ) на мене, а колы я ручныцею на голови закладався, порубавъ и ручныцю, и руку мени, якъ бачыте, обтявъ. Я вже єму и тіі сто таляривъ даты не стою (не отказываюсь), и двиръ бы єму купыты не одмовывъ, волы бъ мени хочъ мало належитои почесты выражалося. Але мени тое барзо прыкро есть, що не тилко жаднои почесты не маю, але и на здоровью моимъ одъ ёго, небачного чоловика, шванкую (терплю уронъ), и зъ свита мене похвалається зогнаты. Въ тимъ себе остерегаючи, о справедливость святую прошу“.

Выслушавъ эту жалобу, судьи спросили обвиняемаго:

— Для якихъ ты прычынъ такъ неслушны надъ добродіемъ своимъ чынышъ выкруты и безчестышъ оного неналежне, и бьешъ, и раны задаешъ кривавии?

Но Дробязка „и передъ судомъ оказалъ себе не упокореннымъ“ и вмѣсто оправданій продолжалъ „наслушны похвалки (угрозы) зъ запамяталости своеи строиты на тестя“. Судъ, въ виду небытности въ тотъ день ¹⁾ полковника и судью, отложилъ окончаніе этой „справы до прыйдучого пятка“, а „запамяталого“ Дробязку велѣлъ дать „до вязеня туремного“.

Когда въ назначенный день, 19 сентября, судъ приступилъ къ окончанію этого дѣла, п. Федоръ Сухомлинъ «жалосне повторную злость зяти своего Данила объявилъ тыми словами»:

— Прихавши зъ Полтавы до дому, найдовъ саквы, повни натоптаного плаття билоголовскаго, у одрыни ²⁾ спрятаного, и плахотъ у жупанъ уверченыхъ и увязаныхъ, а що есть тому прычына—того не видаю, винъ самъ маеть видаты».

Привели „зъ секвестру“ (изъ заключенія) Данила Дробязку и спросили:

— Для якихъ прычынъ въ саквы плаття поховавъ и у жупанъ плахты?

— Для того я—отвѣчаль Данило—тое окроме отъ тестевого державъ, що то мое власное есть, бо то мени на весиллю надаровано, а я тестевого ничого не хочу, и въ дверь ёго не буватыму».

Приступили къ составленію декрета. „Видачи такую Дробязчыну неправость и противенство неупокоримое противъ отца своего, который ёго, ни въ чимъ не видаючи якого винъ роду, и видкиль, и що за чоловикъ, а ни тежъ жадныхъ маєтностій

¹⁾ Дѣло происходило 14 сент., въ праздникъ Воздвиженія, случившися тогда въ воскресеніе. Это одинъ изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что козацкіе суды функционировали въ дни воскресные и даже въ большие праздники.

²⁾ Одрына—навѣсъ для сѣна. Слово это въ томъ же значеніи встрѣчается еще въ 2-мъ Лот. Статутѣ (разд. 10, арт. 3).

въ ёго не видячи, за сына дома своему и въ дожывотное прыятство прынявъ, поручивши ёму власную свою дщерь милую въ малженство, а такіи одѣ ёго укоризны и збытки утерпиваетъ, судъ, вгланувши у право“, остановился на 16 арт. 11-го разд. Статута, гдѣ сказано: кто умышленно „зъ гнѣву и зъ запамяталости сердца злого“ убьетъ шляхтича, тотъ подлежитъ четвертованію, а если не убьетъ, а только ранить, то „будеть ли шляхтичъ а шляхтичеви тое учинить, за шляхтичево ображенія“ отсѣченіемъ руки долженъ быть карань. „А поневажъ (прибавили судьи) тая карность“ назначена за пораненіе „общаго (посторонняго) чоловика, а не за кревного, то Дробязка Даныло маєтъ и найбарзѣй (тѣмъ болѣе) такъ скаранъ быти“.

Когда объявили этотъ суровый декреть, тутъ только строптивый Дробязка, „змякчывшися“, попросилъ пощады, клятвенно увѣряя, что онъ „до жывота своего згодне зъ паномъ тестемъ жыты и вшелякую ему почтывость, яко добродіеви своему, выражаты маєтъ“. Всѣ ждали, что скажеть п. Сухомлинъ, стоявшій въ раздумьѣ. Тутъ вѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали уговаривать его оказать отеческое милосердіе надъ провинившимся зятемъ. Сухомлинъ не долго колебался и въ свою очередь сталъ просить судъ о помилованіи его безпутнаго зятя. Судъ, „спустившись на его волю“, немедленно отмѣнилъ прежній декреть и отпустилъ Дробязку „безъ карности“, но помиловалъ его, такъ сказать, условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредъ „важывся до якои невгоды противъ тестя своего прыты, то не тилько подлугъ нынѣшнаго декрету будетъ скаранъ, але и отъ права малженскаго, яко непрыятель, будетъ отчужденъ“.

Для историка обычнаго права послѣднія слова декрета должны представлять большой интересъ. Если это не пустая угроза, въ родѣ тѣхъ, на какія обычно столь щедры родители, когда хотятъ вразумить или остеречь безпутныхъ дѣтей, то надо прійти къ интересному выводу, что свѣтскій судъ въ Малороссіи считалъ себя въ правѣ расторгать законные браки не только въ случаяхъ совершенія однимъ изъ супруговъ позорящаго про-

ступка (о чём выше было говорено), но даже и въ такомъ случаѣ, когда зять не хотѣлъ жить мирно съ родителями своей жены.

Какъ и слѣдовало ожидать, данные Дробязкою на судѣ клятвенные обѣщанія жить съ тестемъ въ доброй „згодѣ“ и оказывать ему должное почтеніе остались не выполненными. Не таковъ былъ этотъ упрямый характеръ, чтобы его могъ сломить страхъ судебнай кары. Убѣдившись въ этомъ, Сухомлинъ рѣшилъ, по слову писанія, уклониться отъ зла и навсегда покинуть городъ и край, гдѣ онъ четверть вѣка прожилъ въ довольствѣ и почетѣ, но гдѣ теперь предстояли ему одни огорченія.

Надо помнить, что Нехвороща, какъ и всѣ остальные города и села Орельскихъ сотенъ, была недавнимъ поселеніемъ въ тогдашней гетманщинѣ. Она возникла всего лишь въ 1674 году, когда населеніе правобережной Украины, разоряемое и истребляемое поляками, турками и татарами и силой сгоняемое полками гетмана Самойловича, принуждено было сняться съ своихъ мѣстъ и разомъ, громадными массами, перейти на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ для него была отведена пустынная степная полоса между рр. Ворсклой и Орелью и гдѣ сразу же возникло пять новыхъ сотенъ: Нехворощанская, Маячская, Царичанская, Китайгородская и Орлицкая. Когда затѣмъ турки разорили въ 1678 году послѣдніе города въ западной Украинѣ: Чигиринъ, Черкассы, Каневъ, и когда вся страна между Днѣпромъ и Днѣстромъ была обращена въ пустыню, уцѣлѣвшее отъ погрома населеніе также двинулось на востокъ и осѣло въ разныхъ полкахъ гетманщины, а преимущественно въ полтавскомъ, въ Орельскихъ сотняхъ. Какъ бы удобно ни устроились здѣсь невольные переселенцы, не могли они забыть своихъ старыхъ мѣстъ, гдѣ природа была богаче, земля плодороднѣе, угодья привольнѣе и гдѣ у нихъ остались прадѣловскіе сады и пасѣки. Пока продолжалась военная гроза, многіе изъ нихъ лишь тайно, украдкой могли навѣдываться на родныя пепелища, но при первой возможности, при первой гарантіи спокойствія въ разо-

рено́мъ кра́й, всѣ они готовы были вернуться на прежнюю родину.

Такой моментъ скоро наступилъ. Въ Польшѣ царствовалъ король-воинъ, знаменитый побѣдитель турокъ подъ стѣнами Вѣны, Янъ Собѣскій. Преданный одной идеѣ—борьбѣ съ мусульманами, этотъ воинственный король задумалъ во что бы то ни стало восстановить въ Українѣ козацкое войско, боевые качества которого онъ хорошо зналъ и высоко цѣнилъ. Но для этого нужно было напередъ привлечь населеніе въ опустошенный край и гарантировать его права. Въ этихъ видахъ Собѣскій издалъ въ 1684 году особый манифестъ, по которому отдавалъ козакамъ для поселенія обширную территорію между Тисъминомъ, Тыкичевомъ и границами кіевскаго Полѣсся и при этомъ подтверждалъ всѣ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Много явилось и шляхтичей, и простыхъ козаковъ, предложившихъ королю свои услуги и получившихъ отъ него особыя полномочія для формированія козачьихъ полковъ, но скоро между ними выдѣлилась талантливая и обаятельная личность, быстро овладѣвшая народнымъ довѣріемъ и проявившая необыкновенные колонизаторскія способности: то былъ знаменитый бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Палій, борзенскій выходецъ, а за нимъ стояли ближайшіе его сотрудники, полковники вновь организуемаго козацкаго войска: Искра, Самусь, Семашко и Абазинъ. Благодаря ихъ умѣнью и энергіи, въ самое короткое время было положено основаніе успѣшной колонизаціи края и организовано пять козачьихъ полковъ: чигиринскій, корсунскій, богуславскій, бѣлоцерковскій и брацлавскій. Подъ ихъ защитой точно по мановенію волшебнаго жезла поднимались изъ развалинъ старые города и села и вновь наполнялись жителями. Непрерывно волною тянулись сюда новые поселенцы со всѣхъ окрестныхъ сторонъ: изъ Волыни, кіевскаго Полѣсся, даже изъ Молдавіи, но больше всего изъ лѣвобережной Малороссіи. Напрасно гетманъ Самойловичъ разсыпалъ по всѣмъ полкамъ строгіе запретительные универсалы, разставлялъ даже вдоль Днѣпровскаго берега кордонную стражу съ приказаниемъ не допускать пере-

правы черезъ рѣку: бѣглецы или тайно пробирались черезъ кордонъ, или направлялись въ запорожскія степи, переправлялись черезъ Днѣпъ гдѣ-нибудь южнѣе устья Орели и съ рискомъ попасть въ плѣнъ къ татарамъ тянулись въ обѣгованный край, къ берегамъ Тальмива, Роси или Буга.

Какъ и слѣдовало ожидать, это эмиграціонное движеніе съ наибольшою силою сказалось среди жителей Орельскихъ сотень. Всего лишь десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они были поселены здѣсь, на самой границѣ гетманщины, гдѣ лучшія угодья уже были заняты козаками Ворсклянскихъ сотенъ и гдѣ имъ ежегодно приходилось принимать у себя злыхъ гостей—татаръ. Безлѣсная при-орельская равнина не могла и сравняться съ роскошными уголками Уманщины и Брацлавщины—ихъ прежней родины, и невольные поселенцы все еще продолжали считать своею собственностью оставшіяся тамъ прадѣдовскія земли, сады и пасѣки и каждое лѣто навѣдывались туда, какъ въ свои хутора. И вотъ теперь они узнали, что польскій король снова вернулъ козакамъ Украину, что „козацкій батько“ Палій созываетъ ея прежнихъ поселенцевъ, что на его кличъ валомъ валитъ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и легко можетъ статься, что чужіе люди займутъ ихъ предковскія земли. Подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей многіе изъ козаковъ Орельскихъ сотенъ стали открыто эмигрировать на родину, забирая семьи и движимость, а мѣстные старшины, въ противность гетманскимъ приказамъ, и не думали удерживать ихъ и сквозь пальцы смотрѣли на то, какъ бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ гетманщины, минуя кордонъ, толпами проходили черезъ Орельскіе городки, направляясь окольнымъ путемъ туда же, въ Украину. Когда узнавъ объ этомъ Самойловичъ, то въ гнѣвѣ за такое „своевольство“ приказалъ смынить всѣхъ Орельскихъ сотниковъ и на ихъ мѣста „въ иныхъ городовъ добрыхъ и справныхъ молодцовъ понасылати“. Эта мѣра не только не успокоила, но еще болѣе раздражила мѣстное козачество: отъ Орельскихъ сотнянъ гетманъ получилъ „суплѣки“ съ предупрежденіемъ, что если присланые сотники не будутъ тотчасъ убраны, то всѣ они вознамѣрились сняться

разомъ и вернуться на прежнюю родину. Гетманъ видимо испугался этой угрозы и въ апрѣлѣ 1686 года приказалъ полтавскому полковнику новыѣ сотниковъ „познити, а товариству сотень Орельскихъ“ позволить по давнимъ обычаямъ и „вольностямъ“ кого они хотятъ „въ-межи себѣ сотниками починити“, только бы впредь они „неподвижно на мѣсцахъ своихъ при вѣрности и статечности мешкали“. Эта уступка успокоила орельчанъ, и они отказались отъ своего намѣренія, хотя частичная эмиграція и послѣ того продолжалась. ¹⁾

Федоръ Сухомлинъ былъ такимъ же невольнымъ выходцемъ изъ-за Днѣпра, какъ и остальное „товариство“ Нехворощанской сотни. Кажется, онъ былъ родомъ изъ Жаботина, разоренного турками одновременно съ Чигириномъ и другими приднѣпровскими городами. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ сотниковъ, которые въ 1685 г. подверглись гѣтманской опалѣ, а потомъ снова выбраны на тѣ же уряды, и ему вполнѣ было понятно чувство, побуждавшее его сотнанъ сниматься съ насиженного мѣста и съ рискомъ пробираться на Украину. Пока онъ былъ занятъ службой, хозяйственными и семейными интересами, ему и на мысль не приходило, что и онъ когда-нибудь станетъ томиться тою же тоской по родинѣ; но теперь, оставшись безъ дѣла и окончательно убѣдившись въ томъ, что совмѣстная жизнь съ зятемъ сулитъ ему одни огорченія, Сухомлинъ вдругъ почувствовалъ, что его ничто уже не связываетъ съ Нехворощей, что онъ здѣсь лишній и никому ненужный человѣкъ. И захотѣлось ему дожить вѣкъ на родинѣ, въ Жаботинѣ, гдѣ прошла его молодость и куда, слышно, вернулись теперь изъ разсѣянія многие изъ его родичей и старыхъ товарищѣй. Достаточно было незначительного повода въ видѣ обычной „суперечки“ съ зятемъ, чтобы это желаніе быстро приняло форму непреклоннаго рѣшенія,—и въ октябрѣ того же 1701 года п. Сухомлинъ продавалъ уже свои маєтности.

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. II, стр. 554—557.

За покупщиками дѣло не стало. Жила въ Полтавѣ богатая мѣщанка Павлыха Выдричка, занимавшаяся тѣмъ, что выкармливала большиіе гурты рогатаго скота и затѣмъ сбывала ихъ за границу, въ Польшу и Шленскъ (Силезію). Случилось ей быть въ Нехворощѣ на ярмаркѣ какъ разъ въ ту пору, когда Сухомлинъ искалъ покупателя, и она съ двухъ словъ приторговала всю его „осѣльность“, именно: домъ, гдѣ онъ жилъ, дворы шинковые, броваръ, винокурню, солодовню, хутора, поля, лѣса, сѣножати и „греблю“ на Орели съ мельницами—и все это за недорогую цѣну, 1200 золотыхъ. Вручивъ ему въ задатокъ десять копѣй, Выдричка немедленно согнала на его земли купленный ею на ярмаркѣ скотъ, а сама поѣхала въ Полтаву, чтобы запастись деньгами и тогда уже заключить съ Сухомлиномъ формальный актъ о продажѣ. Все это произошло въ отсутствіи п. Дробязки, куда-то уѣзжавшаго изъ Нехворощи. Когда онъ вернулся и узналъ, что тестъ запродалъ свою маєтность, и, притомъ всю безъ остатка, онъ пришелъ въ неистовство, поносилъ и укорялъ тестя, грозилъ, что не допустить этой продажи, наконецъ заявилъ, что онъ самъ желаетъ купить тестеву маєтность за ту же цѣну, и предлагалъ въ видѣ задатка пятьсотъ золотыхъ. Сухомлинъ соглашался на послѣднюю сдѣлку, но „доправлялся разомъ“ уплаты всей суммы, а такихъ денегъ у Дробязки не было. Тогда Дробязка поѣхалъ въ Полтаву и предложилъ сыну бывшаго полковника Григорію Павловичу Герцику, не想要 ли онъ за недорогую цѣну откупить отцевскую маєтность. Тотъ съ радостью принялъ это предложеніе и немедленно сдѣлалъ въ полковомъ урядѣ формальное заявленіе, что онъ намѣренъ воспользоваться принадлежащимъ ему по Статуту преимущественнымъ правомъ на выкупъ отцевскаго имѣнія, затѣмъ прїѣхалъ въ Нехворощу и положилъ передъ Сухомлиномъ наличными 1300 золотыхъ, заявивъ еще при этомъ, что онъ отказывается въ пользу п. Дробязки отъ усадьбы съ домомъ, въ которомъ жилъ Сухомлинъ. Послѣдній ничего не могъ возразить противъ этой сдѣлки, принялъ отъ Герцика деньги, возвратилъ ему подлинную продажную запись его отца и дозволилъ ему немедленно,

не ожидая заключенія формального акта о продажѣ, вступить во владѣніе купленнымъ имѣніемъ.

Междудѣйствіе прибыла съ деньгами Павлыха Выдричка и попала въ домъ Сухомлина какъ разъ въ ту пору, когда тамъ пили могорычъ по случаю окончанія дѣла съ Герцикомъ. Узнавъ, въ чёмъ дѣло, она подняла неистовый крикъ, не хотѣла брать отъ Сухомлина资料 своего задатка, грозила ему судомъ за нарушение договора, рѣзко упрекала и пана Герцика за то, что онъ тайно перекупилъ запроданное ей имѣніе, и надѣлавъ не мало „галасу“, ушла съ угрозами. Сухомлинъ и не радъ уже былъ, что впутался въ такое непріятное дѣло. Послѣ ухода криклий гостини, онъ случайно замѣтилъ, что въ его „хоромахъ“ насыпаны въ разныхъ мѣстахъ „купки“ чистаго песку. Это удивило его. По розыску среди домашнихъ оказалось, что никто изъ нихъ этого песку не сыпалъ и его не было до прихода Выдрички. Тогда Сухомлину пришло на мысль, что этотъ песокъ посыпанъ съ какимъ-то злымъ умысломъ, и онъ, какъ то требовалось судебными обычаями, тотчасъ формально „обвивъ тое“ бывшими у него въ домѣ „добрьми людьми“, обративъ при этомъ ихъ вниманіе и на то, что не только въ его дворѣ, и въ иныхъ дворахъ, але и по всимъ грободи—чорноземля“, а чистый песокъ развѣ „при рѣчномъ берегу могъ бы ся где оказати“.

— Це жъ вражда Выдричка якіись волшбы мени почывала! откровенно высказалъ онъ свое подозрѣніе.

Объ этомъ тотчасъ было донесено Выдричку, и она немедленно отправилась въ мѣстный сотенный урядъ и занесла „протестацію“ о томъ, что п. Сухомлинъ „наволикаетъ“ на нее безчестье, должно обвинять ее въ „волшбѣ“, но что она, „хотячи зъ того мниманья (подозрѣнія) вывестися“, намѣрена позвать его въ судъ.

На другой день Выдричка, имѣвшая въ Нехворощѣ „госпѣду“ (квартиру) въ домѣ монастырскаго шинкаря Алексѣя, послала его въ домъ Сухомлина съ письмомъ къ п. Григорію Герцику, „просячи его, щобъ позволыть тогару (скоту) еи до

якого часу на отавахъ здергатысь". Посланный вернулся и донесъ:

— Григорія вже не заставъ, бо одтихавъ до Полтавы, а Сухомлинъ не тілько і малого времени не велить тамъ статку (скоту) буты, але ѹ тебе лярвою и волшебницею называетъ, не знати про що.

Этого не могла уже снести покорно не только богатая мѣщанка, но и послѣдняя „наймычка“, и потому Павлыха Выдричка, прибывъ въ Полтаву, позвала Сухомлина въ полковый судъ.

На судѣ единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвинительницы былъ упомянутый шинкарь Алексій. Онъ упорно стоялъ на своемъ и „у очи“ уличалъ Сухомлина: „Звалесь Павлыху лярвою и волшебницею“, — но „болшъ на тое жадного другого на доводъ свидка не поставилъ“. А Сухомлинъ, въ виду бездоказательности обвиненія, потребовалъ, чтобы ему позволено было, согласно Статуту, „присягою одвѣстыся“, и когда судъ это дозволилъ, онъ здѣсь же „сумтеннемъ своимъ передъ животворящимъ крестомъ Христовимъ одвѣлся“, что не называлъ Выдричку никакими поносными словами; хотя же Алексій шинкарь утверждаетъ противное, но онъ это дѣлаетъ по злобѣ, имѣя съ нимъ тяжбу, въ доказательство чего Сухомлинъ представилъ суду посвидѣтельствованную копію своей „протестації“, занесенной въ урядъ Нехворощанскому на Алексія, что онъ его поносилъ „передъ людми злымъ и недобрымъ чоловикомъ“.

— Съ того своего ренкору на мене онъ запамяталъ чоловикъ ѹ таї заднюю невистою своимъ ябедныцтвомъ мене звивъ“, — заключилъ отвѣтчикъ.

Суди спросили Алексія: правда ли, что онъ поносилъ пана Сухомлина?

— А що жъ, панове — признался онъ — не могу того затримати (отречься): стоячи я у служби Божій недильного дня на крыласи, говоривъ тое и назавъ Сухомлина недобрымъ, бо винъ заднюю невисту звивъ своею продажею“.

При этихъ словахъ Сухомланъ схватился съ мѣста и волнуясь сказалъ:

— Панове! Яко годный и никблы на чести своїй ненарушеный чоловикъ, неотступне и жалосне прошу судовои въ тимъ увагы: нехай Олексій мени такои прымовки доводыть скучечне!

— Якъ же я маю тое доводыты, що есть всимъ видомъ? отвѣтилъ равнодушно Алексій. Нехай уже я буду винний“.

Суди призвали, что дѣло достаточно выяснено, и приступили къ составленію приговора. Сухомлинъ быль оправданъ, а шинкарь Алексій признанъ виновнымъ въ томъ, что должно опорочилъ „закнную персону“, и согласно Статуту (разд. 3, арт. 28) долженъ быль „во всемъ перепросити зелженого“ имъ п. Сухомлина, заплатить ему „правные наклады и навязку“ (плату за безчестье) въ суммѣ сорока копѣ грошей, „а тую прымовку заразъ передъ судомъ отмовити тѣмы словами: „Що я на тебе говоривъ, якобыс ты бувъ недобрый чоловикъ, то я на тебе брѣхавъ, якъ неесь“. Когда Алексій выполнилъ эту позорную церемонію, ему объявили, что онъ, сверхъ того, долженъ еще подвергнуться „турецному вязеню за тое, що такъ годныхъ людей звивъ“. А п. Сухомлину „на защиту“ его неопороченой чести постановлено выдать посвидѣтельствованную кошію настоящаго декрета.

Спустя мѣсяцъ Сухомлинъ совершилъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ формальный актъ о продажѣ Герцику своего имѣнія и тотчасъ переселился съ женою за Днѣпръ. Осеню 1705 г. онъ прїезжалъ въ Нехворощу, чтобы собрать долги съ своихъ бывшихъ шинкарей, и на одномъ документѣ подписался такъ: „Хведоръ Сухомлинъ, бывшій житель Нехворощанскій, а теперешний Жаботинскій“.

Неизвѣстно, дожилъ ли онъ до той злосчастной поры, когда, согласно условіямъ Прутскаго договора, козачество правобережной Украины было окончательно уничтожено, жители ея насильственно переселены за Днѣпръ, и этотъ роскошный, но многострадальный край былъ снова обреченъ запустѣнію.

19. Хозяинъ и работница.

Въ Новомъ-Савжаровѣ проживалъ „славетный“ мѣщанинъ Сенько (Семенъ) Шапочникъ. Онъ былъ женатъ на дочери богатаго полтавскаго „купца“ Куща, имѣлъ хороший достатокъ, водилъ компанію съ мѣстною старшиною и духовенствомъ и считался въ своемъ городѣ „зацною персоною“. Можетъ быть, поэтому онъ былъ гордъ, заносчивъ и самонадѣянъ, а такъ какъ въ рынкѣ у него была „комора“ съ продажей пива, меду и горѣлки, то трудно ему было остататься и трезвымъ человѣкомъ. А какъ напьется, бывало, Сенько Шапочникъ, то ему и гетманъ не страшенъ, не то сотникъ, его кумъ и сотрапезникъ. И впалъ Сенько съ пынства и съ озорства въ превеликій грѣхъ.

Дѣло происходило въ праздникъ, зимою 1687 года. Вернулся Сенько отъ обѣдни не домой, а въ „комору“, гдѣ его жена шинковала, и привелъ съ собой пріятелей изъ числа тѣхъ, которые, какъ и онъ, выстоявъ продолжительную праздничную службу, больше томились жаждою, чѣмъ голодомъ. Утоливъ эту жажду медами да оковитою, пріятели разошлись по домамъ Ѣсть пироги. Захотѣлъ Ѣсть и Сенько и сталъ звать домой жену; но у той, по случаю праздника, такъ бойко шла торговля, что она не рѣшилась оставить „комору“ на „челядниковъ“ и посоловѣтовала мужу одному отправиться домой, гдѣ паймичка Паська¹⁾ должна его хорошенько накормить. Сенько не сталъ спорить. Добрель онъ не совсѣмъ твердыми ногами „до господы“ и васталъ на столѣ горячіе пироги и любимую „запіканку“. Кромѣ Пазьки, въ домѣ никого не было, потому что вся „челядь“ осталась на рынкѣ для помощи „господыни“. Скучно показалось Сеньку одному сидѣть за столомъ, и онъ вздумалъ потчевать прислуживавшую ему Пазьку; но та стыдливо отказывалась пить. Онъ схватилъ ее за руку,—Пазька вырвалась и

¹⁾ Паська или Пазька—Целагая.

убѣжала изъ „свѣтлицы“. „Роздратованный“ и охмелѣвшій хозяинъ погнался за нею въ „пекарню“, и дѣло окончилось грубымъ насилиемъ.

Пазька была простая дѣвушка, сирота, но и ей было вѣдомо требование „права посполитаго“, что въ такихъ случаяхъ потерпѣвшая была обязана немедленно „оповѣдать свой гвалть“ постороннимъ людямъ, которые на судѣ удостовѣрили бы справедливость ея жалобы. Но къ кому ей было обратиться, когда усадьба Сенька находилась вдали отъ сосѣдей и ей нельзя было никуда отлучиться? Лишь вечеромъ, когда проспавшіяся хозяинъ послалъ ее за пивомъ, она забѣжала къ теткѣ и дѣду и съ плачемъ „оповѣстила“ имъ о постигшемъ ее несчастіи, „оказавши и знакъ на кошулѣ“ (рубашкѣ). Тѣ немедленно пригласили сосѣда, почтенного человѣка, Якима Бирлютенка, и онъ, по ихъ просьбѣ, въ тотъ же вечеръ отправился къ Сеньку и открыто уличилъ его въ гнусномъ преступлениі. Можно представить, что здѣсь произошло, когда жена Сенька узнала эту новость. Но Сенько никако не смущалася: онъ обозвалъ Бирлютенка „дурнемъ“, легковѣрно слушающимъ бабскія сплетни, а Пазькѣ пригрозилъ, что она не уйдетъ „катовскихъ“ рукъ за то, что осмѣлилась взвести столь позорное обвиненіе на такого „зацнаго“ человѣка, какъ онъ.

И точно, предупреждала жалобу со стороны Пазьки, Сенько на другой же день позвалъ къ себѣ на обѣдь пана сотника и другую старшину, а равно отца протопопа и всѣхъ мѣстныхъ іереевъ, угостили ихъ на славу и тутъ же, съ видомъ угнетенной невинности, пожаловался гостямъ, какое онъ терпитъ безславіе и поношеніе отъ „нависной наймычки“, которую онъ, по долгу человѣколюбія, призрѣлъ, какъ сироту, въ своемъ домѣ, и которая теперь, не иначе какъ по подговору его „ворогивъ“, такъ дерзко и безстыдно позорить его доброе имя. Гости въ одинъ голосъ отзывались, что нужно быть совершеннымъ „дурнемъ“, чтобы дать вѣру оговорамъ глупой наймички, а отецъ протопопъ, въ утѣшненіе хозяину, привелъ на память Іосифа Прекраснаго и другихъ благочестивыхъ мужей, невинно оклеве-

танныхъ. Въ концѣ концовъ собраніе согласилось, что нельзя же допустить, чтобы безумная Пазька безнаказанно порочила столь почтенную и добродѣтельную особу, иначе, глядя на нее, и другія наймички вздумаютъ „ка-зна що“ вводить на своихъ хозяевъ. Было рѣшено подвергнуть ее сначала духовнымъ увѣщаніямъ, чтобы она „опамятаилась“, вспомнила Бога и созналась, что невинно оклеветала хозяина.

Но Пазька оказалась очень упорной: сколько ни мучились съ нею—сначала приходскій священникъ, а потомъ и самъ протоіопъ,—она стояла на своемъ. Тогда она была передана въ распоряженіе сотеннаго уряда. Что ни день, то и собираются бывало сотникъ, старшина и духовные отцы, открываютъ что-то въ родѣ соединенного присутствія духовнаго и свѣтскаго суда и принимаются за Пазьку, а Сенько Шапочникъ береть на себя заботу о томъ, чтобы суды были сыты и пьяны. Здѣсь былипущены въ дѣло не одни увѣщанія, но и угрозы, сажаніе въ холодную и даже побои. Но Пазька и здѣсь проявила удивительную для ея лѣтъ непреклонность: сколько ни истязали ее, она твердила неизмѣнно, что „панъ господарь“ точно „збавилъ ее панянства“ путемъ грубаго насилия.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ Пазька какъ-то уѣжала отъ своихъ мучителей въ Полтаву и занесла жалобу на хозяина въ полковый судъ. 7 декабря того же 1687 года назначенъ былъ разборъ ея дѣла и къ этому дню былъ вызванъ въ Полтаву обвиняемый и свидѣтели.

Представляло ли дѣло само по себѣ большой интересъ, или же здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что обвиняемый являлся богатый мѣщанинъ, имѣвшій много родни среди знатнаго полтавскаго мѣщанства и купечества,—только къ разбору дѣла прибыло столько народа, что зданіе ратуши далеко не могло вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать. Самый составъ судей былъ полное обыкновеннааго. На предсѣдательскомъ мѣстѣ находился полковникъ Федоръ Жученко, рядомъ съ нимъ сидѣлъ присланный въ то время въ Полтаву гетманскій ревизоръ п. Захарій Шайкевичъ, далѣе—полковой судья

Петръ Буцкій и городовой атаманъ Иванъ Красноперичъ; „въ уряду же мѣйскаго“ присутствовали: войть Максимъ Петровичъ Поценко и бурмистры Процыкъ Дмитровичъ и Гаврило Прокоповичъ. Сверхъ того, въ ратушѣ находилось „много зацныхъ персонъ такъ значнаго товарыства (козаковъ), яко тежъ и пановъ мищанъ полтавскихъ и посполитыхъ людей“.

Слѣдуя обычному процессуальному порядку, судьи прежде всего предложили потерпѣвшей изложить предъ всѣми свою жалобу. Смущаясь и заливаюсь слезами, Пазька начала:

— „Панове! Господаръ мій, міючи соби жону,—а я въ нёго служыла-мъ цнотльво,—Бога не боячысь, кгвалтывъ мя, панянства позбавывши, усыловне, по свой воли“.

— Якого жъ часу и на якимъ мистцю Сенько той грихъ пополнывъ?—спросили судьи.

— Теперешнѣго фылыпового посту, на день празника Введенія, выйшовши зъ церкви, въ службы Божи, господаръ подпывавъ на комори горилкою, бо и господыня моя на комори була, горилкою шынкующы, а за тымъ самъ прыйшовъ до дому, а въ свитлыци никого не було. Винъ, порвавши мене пидъничью, усыловне грихъ той тилесный пополнывъ. Трудно мени було заразъ втикатыabo кымъ кгвалтъ мій оповидаты, бо домъ ёго оподаль отъ людей зостаетъ; терпила-мъ черезъ килька годынъ; ажъ колы у вечеръ послалы мене по пыво, тоди заразъ и оповистыла-мъ той мій кгвалтъ титци моїй Матвіиси Ткачыси и дидусеви моему и знакъ на кошули имъ оказала“.

Затѣмъ выступили дѣдъ и тетка потерпѣвшей и предъявили суду „лише“, то есть вещественную улику преступленія, именно рубашку своей родственницы со знаками „позбулого панянства“, а сами сказали:

— Панове! Готови-съмо сумленямъ нашымъ пидняты (т. е. присягнуть), що того жъ дня, у вечиръ, прыбигла до насъ Пазька, прыятелька (родственница) наша, и кгвалтъ свій намъ ознаймыла. И заразъ послалы-съмо до Сенька Шапочныка заднаго чоловика Якима Бирлютенка, aby той грихъ и кгвалтъ въ позбытию панянства передъ очи ёму предложыты. Винъ, те легце

соби поважаючи надъ бидною сыротою, а хотячи грихъ свій покрыты, запобигъ соби духовенства, щобъ єму помоцными були въ тій справи. А мы у милостей вашихъ просымо скученої справедливосты“.

Наконецъ суды обратились въ обвиняемому:

— Якъ то ты, небожныку, міючи соби жону, важывся, оставивши болезнъ Божую, грихъ той вишечный пополниты?

Но Семенъ Шапочникъ „того таився“, то есть не хотѣлъ сознаться.

Въ это время закончена была судебная экспертиза: „заднія“ женщины, изъ числа, можетъ быть, присутствовавшихъ среди публики, или же нарочито приглашенныя, осмотрѣли внимательно „лице“, т. е. рубашку потерпѣвшей, и заявили суду, что имѣющіеся на ней знаки суть точно „знаки позытия паненства“.

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе. Судъ призналъ, что Семенъ Шапочникъ „жадного выводу о соби не давъ, а тилко таився“, и потому „ставъ перекованый правомъ“; а его бывшая „служебныца“ Пазька и „кгвалтъ“ своевременно „оповидала“, и „лице“ на судъ „презентовала“, и въ особенности тѣмъ еще доказала правоту своей жалобы, что ее, „бидную сыроту, въ Новому-Санджарови передъ духовенствомъ и передъ старшиною тамошною нещадно быто, а вона все волала, же (что) паненства позбула кгвалтовне отъ своего господара“. Справившись за тѣмъ съ Статутомъ (разд. 11, артыкуль 12) и съ Правомъ Майдебурскими (книга „Порядокъ“, листъ 8) и „прихилающись до рады товарыськои и до суду принадлежныхъ персонъ“, судъ произнесъ приговоръ: Семенъ Шапочникъ за свой „небожный“ проступокъ долженъ быть „скаранъ на горли“.

Но едва это рѣшеніе было объявлено, какъ отовсюду послышался плачъ, стeanіе и мольбы. Прежде всѣхъ разрыдался осужденный и сталъ горячо просить „вадъ собою змылованя, чы не могъ бы онъ буты волнымъ отъ смертельной карности“. За нимъ выступили съ тою же просьбою „многіе задніе персоны, мещане и купцѣ полтавские“: Леонтій Григоріевичъ, кти-

торъ Пречистскій, Ярема Краснокутскій, купецъ, Грыцько Кущъ, тестъ осужденного, и многіе другіе. Наконецъ и жена Сенька стала съ плачомъ просить о помилованіи ея безпутнаго мужа. Судъ не могъ остатся безучастнымъ ко всѣмъ этимъ слезнымъ мольбамъ и „уволнилъ“ осужденного отъ „смертельной карности“, но приказалъ ему уплатить Пазъкъ „навязку ведле еи стану“ въ суммѣ 20 копъ грошей и вознаградить ее скотомъ, платьемъ и другими „рупесками“ (мелкими вещами).

Такой же точно грѣхъ случился въ іюнѣ 1684 года и съ другимъ новосанжаровскимъ обывателемъ, козакомъ Иваномъ Божкомъ, на котораго такъ жаловалась его „служебница“ Марья Луциковна полковому суду:

— Мои ласкавыи панове! Несподивало позбулатъ панянства отъ господаря моего Божка, который, міючи челядныка Яцка, и мени веливъ за собою иты задля ульевъ двохъ въ пасику. По рассказанию ёго, принесла-мъ тыи ульи въ пасику, за Ворскло, и положивши въ катрази, пошла-мъ була до дому. Господаръ мій спытавъ: „куды ты йдешъ?“ Я-мъ отповидала: „къ дому йду“. На то господаръ сказавъ: „поздоды, обручивъ первый врубаю“. А Яцко, наймыть, подали рувни рубавъ. Обручивъ же нарубавши тилко, килко бъ могла-мъ къ дому прынесты, и лыкъ зодравши и звязавши тыи обручи, положивъ доли на землю. Заразъ же мени, бидній сыроти, усильне гвалть справывши, панянства мене позбавывъ. Я тыи обручи, по рассказанию его, понесла-мъ до дому и, не міючи, кымъ освидчыты, мусила-мъ терпиты, ажъ напотимъ сказала-мъ господыни моїй“.

Судъ немедленно приказалъ „содомчика“ онаго Ивана Божка до вязеня дати“, а дѣло отложилъ до производства слѣдствія, порученного мѣстной сотенной старшинѣ. Черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ новосанжаровскій сотникъ донесъ полковому уряду, что онъ посыпалъ своего хорунжаго и двухъ человѣкъ изъ „товарыства“ за Ворскло, на Божкову пасѣку, где они, по указанію потерпѣвшей Мары, видѣли въ травѣ „пото-

лову“ и слѣды, гдѣ Божко обручи рубиль и липу дралъ, и пришли къ заключенію, что „самая истота въ нецнотливыхъ поступкахъ на Ивану Божку слушне ся показала“. Да и самъ обвиняемый не отрицаль своей вины; онъ модиль лишь о милосердії:

— „Панове, змылуйтесь надо мною! Я уже и сповиды святой выслушалемъ. Грихъ то мене споткавъ, що я, міочы жону, того-мъ ся гриху смертного допустывъ“.

Судъ, „вглянувши въ право Майдебурское“, именно въ книгу „Поридокъ“, призналъ, что „той збродень Иванъ Божко, по сповѣди, мѣтъ на горлѣ скаранъ быти зтятьемъ шыи; а по неважъ (продолжаетъ декретъ) усиловне просиль нась Божко надъ собою змилованья, даровавши его смертельною карностю, приказуемъ, абы Марыи нагородиль слушне за збавеніе панянства еи, зъ нагороженемъ вины панской и намъ, врядови, належної“.

Къ декрету приложенъ точный реестръ „заплаты“, какую должна была получить „дивчина Марья“ отъ Ивана Божка: „корова една, якую сама сподобаетъ; овець пятеро; курта шиптуховая, барашками подшитая; ложникъ (перина) и подушка; плахта една, сорочокъ жоночихъ три, вамътюкъ двѣ; чоботи чирвоныи; поясъ штучковый; хлѣба на Божковыхъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, за тое особливо платити повиненъ“.

Такъ сравнительно недорого поплатился Божко за свой „смертельный“ грѣхъ.

—

Еще болѣе дешевою цѣною „вызволивъ“ изъ бѣды козакъ м. Соколки Процыкъ Гончаренко своего сына, впавшаго въ тотъ же грѣхъ „вшетеченства“ съ его „служебкою“ Вовдотьєю Сѣдаковною. Эта бойкая и энергичная, но недостаточно строгихъ правиль молодая вдовица, ставши въ 1683 г. предъ сотеннымъ Сокольскимъ судомъ, занесла такую „скаргу“:

— Мои ласкавіи панове! Мешкала-мъ въ Процыка Гончаренка робою въ дому єго,—жона єго взяла мене присты въ

домъ; мешкала-мъ часъ немалый и робыла-мъ, до чого ся умовыла. Аже чого ткнулось! Процыкъ Гончаренко зъ самою (т. е. съ женою) къ Петру сватому до Голтвы на ярмарокъ поихавъ, а насъ зъ Семеномъ и зъ малымы дитыми на господарстви покинулы. Теды Семенъ, сынъ Процыкивъ, ставъ зо мною гратыся и жартоваты, а далій мене такъ пидвивъ, що и грихъ изо мною, якъ изъ женою, до прыизду старыхъ строивъ. Уже й стари прыхали, а винъ того не переставъ: стари ся попютъ и не чують, а винъ до мене въ ночи прыйдетъ и зо мною, такъ якъ изъ женою, блудъ чынячи, мешкаеть,—прави мене южъ за жону полецаетъ. Я ёму во всемъ до сыхъ часъ повольна була, та уже стари постереглы и мене одъ себе отогналы. А я уже и вепорожня зостаю: чую, що и дытина зачала, уже и ручкамы и нижкамы ся въ жывоти шамотаетъ; а винъ мене, сыроту, зъ ума зтивши, ничымъ одбуваеть. Я тилько Богу и вамъ оповищаю, а якъ дытину прыведу, Процыкови въ хату хочъ викномъ вкыну.“

Сотенный судъ м. Соколки на первый разъ ограничился лишь тѣмъ, что велѣль записать жалобу потерпѣвшей „до снаднѣйшої уваги, нѣмъ (пока) слушный доводъ станеть.“ Въ чемъ состоялъ этотъ доводъ—не известно. Въ концѣ концовъ дѣло поступило на рѣшеніе полковника Герцива, о приговорѣ котораго узнаемъ изъ слѣдующей лаконической замѣтки въ актовой книгѣ: „За тое чужеложство самъ Процыкъ Гончаренко, вызволяючи сына своего Семена, привѣль коня и отдалъ до двору полковничого.“ О вознагражденіи потерпѣвшей не говорится ни слова. Весьма вѣроятно, что Вовдя и совсѣмъ не была признана потерпѣвшей стороной; но въ такомъ случаѣ она, какъ соучастница въ преступленіи, должна была подвергнуться наказанію наравнѣ съ ея соблазнителемъ.

Вообще можно замѣтить, что случаи насильтвенного со-
жительства „господарей“ съ ихъ „челядницами“ были въ то
время часты, что болѣе корыстолюбивые изъ полковниковъ
не находили даже нужнымъ подвергать ихъ формальному разбору

въ полковомъ судѣ, а прямо приказывали составлять опись имуществу виновныхъ и затѣмъ львиную часть изъ этого имущества брали себѣ въ видѣ судебной „вины“, а остальную часть распредѣляли между старшиной и дѣтьми виновнаго. Такъ поступалъ чаше другихъ полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ. Въ 1684 г. къ нему было прислано слѣдующее донесеніе изъ Кереберды, отъ тамошняго сотеннаго уряла:

„Мосци цане полковныку, нашъ мылостыый цане и добродію! Приточылась справа Богу мерзкая въ тій мири: житель нашъ именемъ Дmyтро, невисту (женщину) нацавши на рикъ, яко свой челядныци изъ собою по пашню қазавъ йихаты; въ которій дорози, запомнившы боязни Божии и встыду людскаго, міючи жону свою, зъ челядныцею въ полю усыловне грихъ тилесный пополнывъ. Тоди тая невиста, ставши передъ насъ, мовыла, що того же часу хотила свою зневагу оповисты, але Дmyтро ій мовывъ: „якъ оповистышъ, я худобою одбуду, а ты собою одбудешъ“, и такъ не отпускаючи тієи невисты, три мисици зъ нею чужоложивъ и такыми словы тую невисту потишавъ: „мила бъ еси въ соби одъ мене зачаты, надарывши тебе, въ ыншій городъ отвезу, або самъ зъ дому одъиду.“ Зачымъ мы, чуючи ихъ Богу мерзкое дило, казалысьмо ихъ до вязеня даты, и того чужоложника перепысавши всю худобу, реестръ до вашої панской мылости посылаемъ и о науку вашности, нашего цана и добродія, просимъ: що міемъ зъ тымъ чужоложникомъ постуpty?“

Герцикъ далъ такую „науку“: „за проступство помененого Дmyтра, зъ реестру худобы онаго, за выну, маеть буты прыслано до двору полковничого: воловъ пять, лошацъ и ручныца зъ рогомъ (пороховницей); сотникови Кереберданскому зо всимъ тамошнимъ врядомъ позволяемъ взяты: быковъ два, овесь двадцать и два и жупанъ сыній, а остатокъ худобы оного проступци зоставляемъ ёго дитямъ.“ О вознагражденіи потерпѣвшей челядницы въ этой резолюціи ничего не упоминается.

Извѣдка случалось, что „наймычки“, изъ корыстныхъ или иныхъ побужденій, вводили на своихъ хозяевъ и ложные извѣты. Тогдашнее законодательство, карая смертью за изнасилование девушки или женщины, выѣпляло однако судьямъ въ обязанность точно удостовѣриться въ фактѣ преступленія. По Лит. Статуту, подвергшаяся изнасилованію была обязана непремѣнно „волать“, т. е. громко звать на помощь, и когда бы люди собѣжались на ея крикъ, она должна была „оказати предъ ними знаки гвалту“ и затѣмъ, на судѣ, въ присутствіи этихъ свидѣтелей присягой удостовѣрить истинность своего обвиненія; если же потерпѣвшая не „волала“, между тѣмъ преступленіе происходило въ такомъ мѣстѣ, где люди могли бы слышать ея крики, то ея жалоба должна была почитаться голословной¹⁾. Магдебургское право, повидимому, еще съ большимъ недовѣріемъ относилось къ жалобамъ объ изнасилованіи. Оно также требовало „воланія“ и свидѣтелей преступленія; но хотя бы потерпѣвшая „сь распущенными волосами и въ разорванномъ платьѣ“ пришла на урядъ, жалуясь объ изнасилованіи и обязуясь доказать это показаніями свидѣтелей, слышавшихъ ея „воланіе“, а обвиняемый явился бы на урядъ раньше ея, и при томъ явился добровольно, не связанный и не пойманный, желая доказать свою невинность, то въ виду такого добровольнаго прихода ему предоставлялось преимущественное право „отвестить“ присягою, при шести свидѣтеляхъ, отъ вводимаго на него обвиненія²⁾. Козацкіе суды не были столь педантичны въ оцѣнкѣ доказательствъ въ такихъ дѣлахъ, но и они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдиться, точно ли было совершено изнасилованіе, и въ случаѣ какого-либо сомнѣнія признавали жалобу ложной, клеветнической и самихъ клеветницъ нерѣдко подвергали наказанію.

¹⁾ Лит. Статутъ 1588 г., разд. 11, арг. 12.

²⁾ *Jus Municipale*, переводъ П. Щербича, арт. 38, гlosса. Porzadek, изд. 1760 г., стр. 150.

Такой клеветъ подвергся въ 1700 году нѣкій Кузьма, полтавскій житель, со стороны своей „служебки“ Орышки. Явилась она въ судъ въ сопровожденіи своей тетки, предъявила „знаки гвалту на кошулѣ“ и занесла жалобу, будто Кузьма ночью перенесъ ее сонную на свою постель и насильно „пожавилъ панянства“. На другой день вечеромъ она сообщила объ этомъ своей „господынѣ“, но Кузьмиха пообѣщала денежно вознаградить ее, лишь бы она „того никому не ясила“. Прождавши нѣсколько дней обѣщанной „нагорбды“ и убѣдившись, что хозяева ее „ничымъ одбувають“, Орышка рѣшилась обратиться къ судебнай защитѣ.

Противъ этой жалобы обвиняемый Кузьма такъ „вимѣрявся“ (оправдывался).

— Панове, невынны на мене ричи Орышка наносыть. А то такъ було. Прыйшовши я зъ поля аизно до господы, не заставъ господыни (жены) въ дому, тылько дивку та хлопцівъ два, и повечерявши, веливъ Орыщи постиль послати на полу¹⁾. Орышка зась, пославши а ходячи по хати, говорыть: „Отъ бида, нигде мени лягты спаты“! Я жъ пишовъ у сины тютюну тягты, а хлопцы въ хати, пидъ прывалкомъ къ печи, на земли полягалы спаты. А я, потягши тютюну, увійшовъ у хату, и лигши ва свой постели на полу, мацнувъ къ стини, ажно дивка лежыть; и я, тилко за жывитъ еи пощупавши, сказавъ: „Чого ты тутъ лягла? Колы бъ такъ кому молодому пидлизла пидъ бикъ, то не здорова бысь пашла“! и такъ еи въ полу зигнавъ, и вона, вставши, пишла и лягла на лави. А щобъ я ій що чынывъ, неправду вона говорыть. Богъ бы мене скраравъ! Невыненъ я, панове, тому учынку, що вона на мене складаетъ.

Для экспертизы были приглашены „старыи невисты (женщины), добре на томъ знаючіися“, которыхъ внимательно осмо-

¹⁾ Разумѣется известная настѣлка изъ досокъ въ малороссійской избѣ, которая и нынѣ называется «поломъ» и служить постелью для семьи.

трѣвъ предъявленную жалобщицею „кошулю“, единогласно заявили:

— Не есть то, панове, слушныи знаки гвалту, бо и не ва тимъ мистци, де бъ належало, и крови немае.

Послѣ этого судъ объявилъ декрѣтъ: „поневажъ Орышка гвалту не волала, и жадныхъ знаковъ певныхъ не показала, и свидківъ не поставыла, и передъ людьми таилась, и вже по трѣхъ дняхъ, колы ій нагороды не дано, тогда до суду зъ злости объявила за побудкою титки своеи“, то, руководствуясь 12 арт. 11 разд. Статута, судъ въ данномъ дѣлѣ не призналъ никакого „гвалту“ и за ложное обвиненіе „тую дивку Орышку скарати канчуками“ велѣлъ. „А помовленный (оговоренный) Кузьма отъ гвалту любо (хотя) и воленъ зоставъ, однакъ не згола (не совсѣмъ), але маеть за тое, якъ самъ прызвався, що тую дивку за животъ пощупавъ, виною звыкало скарань бытъ“, т. е. уплатить обычный судейскій доходъ.

Бѣдному Кузьмѣ оставалось лишь пенять на себя за излишнюю откровенность.

20. Легкомысленная Любка.

Козакъ и житель сотенного города Кереберды Павло Набоченко отправился въ юнѣ 1698 г. въ Голту на ярмарку, а дома осталась молодая его жена Любка съ его сестрой подросткомъ. Долго Павло ярмарковалъ, а когда возвратился домой, то сразу замѣтилъ, что съ Любкой случилось что-то неладное: не встрѣтила она его съ обычнымъ привѣтомъ, не смотритъ ему въ глаза, съ смущеніемъ принимаетъ его ласки и безпричинно плачетъ. Долго Павло безуспѣшно разспрашивалъ жену, не обидѣлъ ли кто ее, не случилось ли съ ней какой бѣды; она плакала и волновалась, но увѣряла, что ничего съ ней не случилось. Наконецъ Павло услышалъ отъ жены такое ужасное признаніе, что лучше бы и не слышать: оказалось, что въ его

отсутствіе злой человѣкъ проникъ къ нему въ домъ и опозорилъ его на вѣки. По словамъ Любки, приходилъ къ ней Алексѣй Яковенко и, воспользовавшись тѣмъ, что она оставалась одна въ домѣ, насильно овладѣлъ ею.

Алексѣй Яковенко былъ извѣстный на всю Кереберду по-вѣса и «джигунъ», типъ того «вдовычека», о которомъ и въ пѣснѣ поется:

Нема впину вдовычному сыну,
Що звивъ зъ ума дивку сыротыну.

Онъ и въ дѣйствительности былъ сыномъ вдовы «значного» казака, имѣвшей значительный достатокъ и не чаявшей души въ своемъ «одынчикѣ». Ему уже переналило за тридцать, а онъ все еще «паробкуувавъ», не желая разставаться съ привольемъ и беззаботностью молодецкой жизни.

Пошелъ Павло Набоченко къ своему тестю Прокопу Дзыгавому, рассказалъ о постигшемъ ихъ горѣ и сталъ «радыться», какъ ему поступить съ обидчикомъ.

— А що ж'и, сыну, будемъ позывать вражого сына до права: може жъ такы Богъ памъ поможе довесты, що сей шыбеныхъ побувае и въ кативскихъ рукахъ.

Несмотря на то, что былъ правдникъ Петра и Павла, сотенный судъ открылъ присутствіе. Изъ урядниковъ въ немъ участвовали только сотникъ и городовой атаманъ, и то оба наказные, за то много было «товарыства» и мѣщанъ, все людей «зацныхъ и вѣры годныхъ». Между ними «згодився» и мѣщанинъ киевскій Грыцько Гапоненко, пріѣхавшій за осетрами, которыми и въ то время славилась Кереберда, и приглашенный въ судебное засѣданіе, какъ членъ славнаго магистрата Кіевскаго. Сюда же явился Прокопъ Дзыгавый съ своимъ зятемъ и занесъ жалобу на Яковенка, «мовачы въ такіи слова»:

— Напи ласкавыи панове вряде! Трапылося буты зятеви моему зъ своею маткою на ярмарку въ Говти, а Олексій Яковенко дочку мою згвалтывъ.

Какъ услышали «урядъ и товарыство» такое «неужытое слово», то и въ ужасъ пришли. Кереберда былъ городокъ малый, и нравы въ немъ были патріархальные. Случалось, что молодежь шопаливалась съ «удовыцами» да съ «покрытками»; но чтобы кто изъ «молодыковъ» «згвалтывъ мужнюю жену»—о такомъ возмутительномъ проступкѣ еще не было слышно.

Немедленно приступили суды къ производству «инквизиції». Прежде всего познали потерпѣвшую Любку Павлыху и спросили:

— Повидай намъ, небого, якъ тое Богу мерзкое дѣло учынилось?

Любка немного замялась и стала рассказывать:

— А тое было такъ, панове. Трапылося буты мужови моему изъ маткою въ Говти, на ярмарку, а дивчына, моя зовыця, одійшла по червець¹⁾, ажъ тутъ Олексій Яковенко рано въ недилю, передъ Божою службою, прыйшовъ зъ Мыкытою Кlyменкомъ и запыталы мене, чы есть дома Павло. Я имъ одказала: «нема дома, на ярмарку». А воны, наклавши лульку, тяглы (курили) обыдва. Кlyменко жъ Мыкыта скоро цишовъ исъ хаты, а Яковенко заразъ взялъ мене пидъ плечи, понисъ у хыжу и на кровать кынувъ. Въ той же часъ я изійшла памяты (т. е. впала въ обморочное состояніе), а Олексій Яковенко вчынывъ мени кгвалтомъ грихъ тилесный. Маючи такую жалость, писала я до свого отца и плакала вельмы. Пыталы мене панотець: «для чого ты плачешъ?» а я для такого встыду не признавалася до прыизду мужевого. По обиди прыйшла я додому, тилко подала курятамъ йисты и заразъ выйшла зъ хаты и на двори на колодкахъ лягла снаты, бо вже въ синяхъ боялася, щобъ мене ище тее не нагабало. И заразъ той же Яковенко зъ дякомъ одъ миста, черезъ тынъ перелизши, прыйшли

¹⁾ Червець—особаго рода насѣкомое (*coccus polonicus*), изъ котораго добывали кармазиновую краску для окрашиванія матерій. Въ старину сборъ и обработка червеца составляли широко распространенный въ Малороссії промыселъ.

до хаты,—а я не спала,—и такъ говорыть дякъ: «Чы справды жъ Павла нема»? а Яковенко каже: «нема, мы нацывшись, мовыть, и пидемо заразъ». И війшли у хату. Клыкавъ Яковенко мене килька разъ по йменю, а я будто и не чую, а потімъ выйшовъ съ хаты, знайшовъ мене на колодкахъ и мовыть такъ: «иди въ сины». А я ёму одмовила: «Якои ты чортовои матери сюда ходыши, або то до удовыци»? А винъ мени мовыть: «одже гирше тоби буде, колы я сылою тебе визьму», и пишовъ у сины. Дака вже справды не було. А я, що постылала мишокъ, покинула и лаючи зъ двору пішла; и винъ незабаромъ пишовъ. Третимъ разомъ того жъ дня, у вечиръ, доила я корову, а Мыкита Кlyменко прыйшовъ до воритъ и пытається дивчыны; «чи ще нема Павла зъ ярмарку»? а вона одказала: «нема». И якъ прысмеркло гараздъ, прызвала я наничъ дивчыну, сестру Лукьяннову, и обляглы спати. И заразъ почула я, що коло хаты и коло синей и хыжи щось тучае, а далій прыйшовъ до синихъ дверей, торгавъ вельмы, и що мы були пиднерлы двери лопатою, то винъ поламавъ, и вшедши въ хату, говоривъ зъ дивчатами побочи, мовячи: «добрывечиръ». Одказано ему: «здравъ». А винъ пытає: «Чы дома Павло?» Одказано: «Нема». — «Я жъ, мовыть, возьму на люльку вогню и пійду». Ажъ дивчата кажуть: «Ни, не для вогню ты, але для Любки ходыши». А винъ: «Пійду жъ я одъ васъ». И якъ выйшовъ зъ хаты, то не йшовъ зъ двору, але ставъ підъ сиными, и пождавши, нимъ (пока) поснуть дивчата, продравъ стрижу и друкомъ колотивъ у хыжу, а я ёму лаяла. Винъ похвалився: «Ну постій же! тилько тоби на свити жыты!—Поты моєї мовы. Прошу васъ, панове вряде, въ тимъ святои справедливости».

Спросили и «дивчыну», Лукьяннову сестру, ночевавшую у Павлыхи, при чёмъ почему-то не позвали ее въ присутствіе, а посылали къ ней «зъ уряду людей зацныхъ»: Ивана Вареныка и Ивана Зозулышного брата, для допроса на дому. Свидѣтельница показала:

— Перше, завыдна, прыходыє на вывидки Мыкита Кlyменко, пытається: чы дома Павло? А мы одказали: «нема». По-

тимъ прыйшовъ Олексій Яковенко, одбывъ двери и поламавъ пидпоры; а мы, полаивши ёго, выгнали. Тоди винъ, выйшовши съ хаты, підъ хыжою прытаився, и скоро мы поснули, про-дравъ стрижу и колотывъ въ хыжу друкомъ. И впять одогнали ёго зъ двора ласкою. Поты мого призната».

Тогда судьи обратились къ обвиняемому Яковенку и сказали ему:

— Скажы, человиче, по истынній самій правди: що тамъ було межъ вами?

Яковенко отвѣтилъ:

— Що жъ, панове уряде, якъ перше духовному отцеви росказавъ, такъ и вамъ мовлю. Рано, въ недилю, прыйшовъ я зъ Кlyменкомъ до Павловой хаты тютюну тягты, и потягнувшись Кlyменко выйшовъ съ хаты и стоявъ на воротахъ, а я Любку до того прыводывъ, и вона мени повынылась, вчынывъ ій на постели грихъ тилесный, тилько жъ не кгвалтомъ: сама вона пишла до хыжи. А Кlyменко того не видае. По истынній самій правди мовлю. А що въ день и въ ночи прыходывъ, и тому есть правда, бо сама мени прыходыты казала».

Судьи въ недоумѣнїи переглянулись и затѣмъ спросили вновь Павлыку:

— Чому жъ ты по тимъ кгвалти людимъ не оповидала?

— Що жъ, панове,—отвѣтила Любка: по истынній самій правди, въ той чась не стымилася—едно изъ страху, вдруге—що береминна, а втретє за встыдъ; ажъ, за прыездомъ, мужови своему сказала».

Этимъ и ограничилось предварительное слѣдствіе. Затѣмъ судьи постановили: «Не маючи мы способу такій судыты судъ, тилько испытаніе одъ обохъ сторонъ записалисямо и одсылаемъ справу до высокого цанского (т. е. полковничьяго) суду».

А въ полковомъ судѣ это дѣло рѣшено было очень быстро. «По вычитаню всимъ въ слухъ инквизиції, ва уради Керебер-дянскомъ выведеной», и внимательномъ ея «вырозуминю», судъ не усмотрѣлъ въ дѣлѣ и признаковъ какого-либо «кгвалту», такъ какъ Любка «кгвалтомъ не волала, и сталося ей тое въ

день, а не въ ночи», и притомъ въ городѣ, «межи людьми», которые могли бы слышать ея «воланье»,—а призналъ лишь «самое ихъ обоихъ порубство (прелюбодѣяніе) и самоволное призволенеся», а потому постановилъ: «абы оные вшетечники Яковенко и Павлыха булы выною пивяжною (денежною) скарани и вязенямъ долгимъ прынужени,—что ся и стало», прибавляетъ писарь, вписавшій декреть въ актовую книгу.

Такъ была сравнительно мягко, вѣроятно изъ снисхожденія къ ея молодости, покарана «необачная» Любка, легкомысленно затѣявшая сыграть роль оскорблennой невинности.

21. „Нестатечная“ жена.

Полтавскій житель Яковъ Семененко женился на молодой вдовѣ съ дѣтьми Ганнѣ Горбанивнѣ, соблазнившись тѣмъ, что у нея было порядочное состояніе: и „грунты“, и скотина, и „господарство“ немалое. Бракъ оказался весьма неудачнымъ. Вѣроятно, часть вины за это лежала и на мужѣ; по крайней мѣрѣ Ганна имѣла какіе-то поводы неоднократно жаловаться на него полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, и тотъ дважды подвергалъ Якова карѣ—запиралъ его въ „коморку“ церковную, куда попадали большою частью чужеземники и прелюбодѣи, если на нихъ жаловались не свѣтскому, а духовному или братскому суду. Но затѣмъ и сама Ганна перестала „статковаты“ (вести себя благоразумно), совсѣмъ отбилась отъ рукъ и стала открыто рвать супружескій союзъ съ мужемъ. Она неоднократно бросала семью, подолгу шаталась гдѣ-то „на Водолагахъ“, т. е. въ южной части Слободской Украины, и распродавала свою „худобу.“ Яковъ Семененко, повидимому, примирился уже съ тою мыслью, что Ганна—не жена ему больше; но то обстоятельство, что она легкомысленно растратчила оставшееся послѣ первого мужа состояніе, сильно его озабочивало: выростутъ ея дѣти и отъ него же, какъ отъ мужа

ихъ матери и естественнаго ихъ опекуна, потребуютъ отчета, куда дѣвалась ихъ „батькивщына.“ Чтобы обезпечить себя отъ этой отвѣтственности, Семененко въ октябрѣ 1693 года позвалъ свою жену въ полковый судъ и такъ „скаржился“ на нее:

— Панове! Понаехъ я соби въ станъ малженскій Ганну Горбанивну Процыху, невистку Сорокового, и що было еи внесения (приданаго), тое въ опатрности мил-емъ. Аже теперь, зъ якогось наущенія бисовскаго, подвакротне она жона моя, уступуючи закону, стану малженскаго, тулялася одъ мене по Водолагахъ и не вимъ де, а тіи свои добра міючи за внесеня, рознымъ людимъ попродаواла, и товару рогатого коровъ дви, и кгрунта розныи, яко то и Пархоменкови Исаеви за пятьдесятъ золотыхъ продала, о чимъ я не видаю. А що билше, терпивъ я, за еи опачнымъ вданямъ (по ложному доносу) отъ ёго мылости отца протопопа полтавскаго, отъ отца Луки Семеновича вазеня подвакротне въ коморци, а то еи власне перядъ (ея распутство). Прошу въ тимъ, панове, рабте (благоволите) мылость ваша, моихъ скаргъ выслушавши, абы я не бувъ турбованый одъ потомківъ жоны моей Ганны.

Не извѣстно, что говорила въ оправданіе своей „нестатечности“ присутствовавшая здѣсь Ганна, но она „не таилася“, что „добра свои сама на свій пожытокъ обернула“.

Хотя стороны не просили о расторженіи ихъ брачнаго союза, но судьямъ невольно пришло на мысль, что этой парѣ всего приличнѣе было бы разойтись подобру, поздорову. Но именно потому, что просьба о разводѣ ни одной изъ сторонъ не была заявлена, безъ чего свѣтскій судъ не могъ расторгнуть законныхъ браковъ, судьи постановили декретъ: „Не міючи власти на роспустъ свицкій (т. е. учинить разводъ помимо духовнаго суда), веди-lyсьмо Якову и Ганни статечне въ стани малженскимъ похристіанску житы; а выдачы, що Яківъ внесенямъ жоны своеи абы-намній (нимало) не завладивъ и не стерявъ ничего, тилко сама реченая Ганна Горбанивна на свій пожытокъ обернула и потомкамъ своимъ утратыла, оного Якова отъ внесеня Ганныного въ тимъ вольного чинимо и въ потомные часы, ижъ (что) не мієть

узнати отъ потомкивъ Ганыныхъ, Проценкивъ, жадныхъ турбацій, подъ уложеніемъ выны суду духовному таляривъ сорокъ, ва пана полковника полтавскаго таляривъ сорокъ, а на врядъ миській полтавскій таляривъ двадцать.“

Не совсѣмъ понятно, почему денежная „зарука“ за нарушеніе данного декрета была положена, между прочимъ, и въ пользу суда духовнаго. Обыкновенно такъ дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, котораго это могло касаться, или самое дѣло подлежало компетенціи духовнаго суда; но иски о наследствѣ къ компетенціи этого суда не относились.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе следуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(Біографіческий очерк). ¹⁾

XIX.

Получивъ снова полныя гражданскія права, Кулишъ немедленно поспѣшилъ, конечно, оставить Тулу и перебраться въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность. При первомъ свиданіи съ родными послѣ Тулы, Кулишъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ восторгомъ; старая бабушка жены Кулиша, нѣкогда при слухѣ обѣ арестѣ простоявшая весь молебенъ въ колѣнѣхъ, горько рыдая, теперь при радостной встрѣчѣ бросилась цѣловать руки Александры Михайловны. Какъ выздоровленіе послѣ тяжкой болѣзни бываетъ источникомъ величайшихъ наслажденій, такъ точно необычайное счастье охватило Кулиша послѣ освобожденія отъ ссылки, чтѣ было вполнѣ естественно при его энергії, жаждѣ дѣятельности и скромныхъ требованіяхъ отъ жизни. Въ Тулѣ онъ трудился по цѣлымъ днямъ, и если не предавался любимымъ литературнымъ трудамъ, то работалъ на верстакѣ, занимался рисованьемъ и гальванопластикой. И всѣмъ этимъ Кулишъ занимался съ увлеченіемъ, а жена его исполняла домашнія работы, помогала мужу, въ чемъ могла, и

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 4

переписывала его рукописи. При такомъ необычайномъ трудолюбіи и самоограниченії, а особенно при сознаніі еще богатыхъ „свѣжихъ силъ“, оба супруга бодро смотрѣли въ будущее; къ тому же, самыя требованія ихъ отъ жизни были легко осуществимы, при условіі только устраненія выѣшнихъ стѣсеній.

Еще въ концѣ своей жизни въ Тулѣ, лишь-только за горизонтѣ загорѣлась заря близкаго освобожденія, Кулиничь уже рисовалъ въ своемъ воображеніи привлекательныя перспективы, хотя и старался принимать на себя видъ равнодушія: „я теперь сдѣлался великимъ философомъ, такъ что равнодушно ожидаю перемѣны обстоятельствъ“, писалъ онъ женѣ: „Они не могутъ не перемѣниться, но когда—это меня мало занимаетъ. Малочисленность нашей семьи заставляетъ меня беспечно думать о будущемъ: много ли надобно двоимъ? Жизнь коротка; надобно въ ней какъ можно больше уловить счастливыхъ ощущеній. Кто умѣлъ наслаждаться въ душѣ чаше и больше другихъ, тотъ и мудрецъ, тотъ понялъ цѣну жизни. Всѣ другіе—жалкие люди. Миѣ теперь представляется чудная перспектива въ будущности, потому что я въ уединеніи и въ удаленіи отъ людей успѣхъ освободиться отъ нѣкоторыхъ предубѣждений и желаній. Именно: если мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по службѣ, буду служить, но не карьера къ возвышенню, почестямъ и богатству будетъ моєю цѣлью. Остаглю всѣ лишніе труды, сброшу съ плечъ всѣ чиновническія обязанности въ отношеніи къ начальству, удаляюсь отъ всѣхъ безполезныхъ знакомствъ и все свое время отдамъ однимъ искусствамъ; постараюсь въ живописи сдѣлать шагъ, котораго не достаетъ мнѣ, чтобы быть художникомъ, займусь скульптурою, займусь музыкой; стану читать только такія книги, которыя будутъ усаждать мою душу, не обременяя памяти и не томя разсудка; стану учиться кротости и умѣнію ни на кого ни за что не сердиться. Право, мнѣ кажется, что я буду съ такимъ порядкомъ жизни и образомъ мысли счастливѣйшимъ изъ смертныхъ“. Сколько въ этихъ словахъ юношеской бодрости! сколько волшебной заманчивости въ самой неопределенности

судьбы въ молодые годы, когда будущность представляется какой-то несмѣтной сокровищницей и грудь дышить вольно и радостно!

Црѣхавъ въ Петербургъ, Кулишъ какъ бы возродился къ новой жизни; все рисовалось жизнерадостному взору въ самомъ лучезарномъ свѣтѣ, и онъ не могъ нахвалиться ни самой столицей, ни даже нанятой квартирой и всей вновь заведенной обстановкой. Еще въ прежніе годы Пантелеимонъ Александровичъ сильно любилъ Петербургъ, но теперь къ этому присоединилось еще благодатное чувство нравственнаго удовлетворенія, которое окрашивая все въ розовый цвѣтъ, еще болѣе возвышало въ его глазахъ достоинства столицы. „Викторко разскажетъ вамъ“— писать Кулишъ тещѣ,— „какая теперь у насъ прекрасная квартира, хотя мы платимъ только 206 рублей серебромъ въ годъ (съ водою, но безъ дровъ); мебель у насъ, могу сказать, такая, что вы не найдете ни въ одномъ изъ известныхъ мнѣ домовъ въ борзенскомъ уѣздѣ; но все это куплено не вдругъ и не по самому старателльному выбору. Многое нужно было привести въ надлежащій видъ послѣ покупки, и это мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, но зато мало-по-малу устраиваемъ себѣ комфортъ, какого только можетъ пожелать цивилизованный человѣкъ... Сторы вышли образцовыя. Комнаты хотя меблированы и снабжены всѣмъ необходимымъ, но далеко не доведены еще до того совершенства, въ какомъ они будутъ со временемъ. Такъ, напримѣръ, илюшъ обвиваетъ у насъ только одно окно, а надобно, чтобы по всѣмъ стѣнамъ, гдѣ окна, была раскинута кудрявая зелень... Въ Петербургѣ можно достать богатѣйшия вещи, имѣя постоянно запасныя деньги и пользуясь разными представляющимися неожиданно случаями. Этой системы я рѣшился держаться, и увѣренъ, что у насъ со временемъ все, относящееся къ удобству и пріятностямъ жизни, будетъ въ самомъ лучшемъ видѣ.“ Въ эту минуту Кулишъ до такой степени былъ счастливо настроенъ, что душевное довольство его ярко отражается почти въ каждомъ письмѣ. Онъ готовъ прославлять не только удобства интеллигентской жизни въ столицѣ, но

даже погоду и удачные мелкие покупки. Однажды онъ съ восторгомъ писалъ В. М. Бѣлозерскому: „Мы благоденствуемъ! Какое солнце свѣтить въ наши окна и играть по полу, по книгамъ и по стѣнамъ тѣнью плющей! Эта осень будетъ достопамятна для Петербурга... Въ книжномъ царствѣ я нашелъ и купилъ нѣсколько очень нужныхъ книгъ и притомъ очень дешево“. Заботы о вышеизложенномъ комфорте были теперь приятны уже потому, что дѣло касалось постоянного устройства на определенномъ мѣстѣ.¹⁾

Недостатокъ въ книгахъ и въ живой бесѣдѣ съ людьми, интересующимися наукой и особенно прошлымъ Україны, сильно чувствовался во время пребыванія въ Тулѣ, и это неудобство, разумѣется, также совершенно исчезло въ Петербургѣ, когда Кулишъ снова получилъ доступъ во всѣ архивы и библіотеки. Прежде ему приходилось съ трудомъ выписывать самыя необходимыя книги черезъ В. М. Бѣлозерскаго и Бодянскаго^{2).} До какой степени Кулишъ могъ себя чувствовать и въ этомъ отношеніи удовлетвореннымъ по перѣѣздѣ въ Петербургъ и какъ онъ въ этомъ воспользовался, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ составленной для насъ записки о знакомствѣ съ нимъ одного изъ близкихъ пріятелей, художника Л. М. Жемчужникова.³⁾ Вотъ что пишетъ г. Жемчужниковъ: „Познакомился я съ нимъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ и черезъ кого—не помню. Въ то время онъ былъ въ загонѣ у правительства и не имѣлъ права писать статьи, и помѣщалъ свои замѣтки, статьи и поэмы не подъ своимъ именемъ, но подъ именемъ Николай М.

¹⁾ Уже въ Тулѣ у Кулиша явилась мысль о приобрѣтеніи дома и фортепіано.

²⁾ И даже журналы, издаваемые его друзьями, какъ напр. „Современникъ“ и „Чтения въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей“ доставлялись ему неаккуратно; по самому незначительному поводу надо было кого-нибудь просить, давать порученія.

³⁾ См. также въ письмахъ И. С. Аксакова, «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. Ш, стр. 40—42.

(Это былъ Николай Яковлевичъ Макаровъ, человѣкъ чрезвычайно хороший, добрый и благородный, принимавшій въ Кулишъ горячее участіе, а такъ какъ онъ былъ близокъ къ старикамъ Кочубеямъ, Демьяну и Александру Васильевичамъ,¹⁾ то пользовался ихъ вліяніемъ, чтобы облегчить судьбу Кулиша.) Я познакомился съ Пантелеимономъ Александровичемъ въ Петербургѣ. Жилъ онъ скромно, и я нашелъ въ немъ то, чего искала моя душа, горячо полюбившая Малороссію со всею ея исторіей, пѣснями, обычаями, одеждой,—словомъ, полюбилъ въ ней все, все безъ исключенія. Кулишъ посѣщалъ меня рѣдко въ моей уединенной, такъ сказать секретной, мастерской, въ саду на Васильевскомъ Острову. Тамъ онъ мнѣ читалъ свои произведенія, думы народныя, и мы вдвоемъ засиживались нерѣдко за полночь. Въ это время онъ подарилъ мнѣ „Исторію Малороссіи“ (имъ написанную маленькую книжку), и думы, собранныя имъ въ послѣдовательномъ порядке. То и другое предназначалось пустить въ народъ и публику, но то и другое цензурой не было до этого допущено. Экземпляры же, къ сожалѣнію, у меня сгорѣли въ числѣ многихъ, составляющихъ теперь рѣдкость.

XX.

Изъ предыдущаго видно, насколько Кулишъ былъ удовлетворенъ новой обстановкой и измѣнившимися условіями жизни. Это внутреннее удовлетвореніе оказалось самое благотворное вліяніе на его дѣятельность, и въ томъ числѣ служебную; по протекціи А. В. Кочубея и П. А. Плетнева, онъ получилъ вскорѣ должность редактора статистического отдѣленія²⁾, которой по

¹⁾ Черезъ мать своей жены.

²⁾ По официальнымъ даннымъ, Кулишъ былъ перемещенъ въ департаментъ сельского хозяйства 24 июня 1851 года, а должность редактора статистического отдѣленія занята съ 1 июня 1851 года по 22 октября 1852 года и уволенъ отъ службы по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, 11 февраля 1854 года.

своей натурѣ отдавался съ увлеченіемъ. Служба казалась ему непрудной, но въ Отдѣленіи, при его вступленіи, дѣла оказались сильно запущенными, такъ что явилась необходимость „привести дѣла его въ порядокъ и наблюдать за трудами подвѣдомственныхъ чиновниковъ“. Новость эта была не особенно пріятной для его жены, привыкшей постоянно дѣлить съ нимъ все свое время, живя общиими съ нимъ интересами. Но здѣсь на помощь явилось искусство: было куплено давно страстно желаемое фортепиано, и она могла вполнѣ предаваться своей любви къ музѣѣ. И долго не могъ Кулишъ привыкнуть къ выгодамъ своего новаго положенія, восхищаясь имъ. Жажда дѣятельности заговорила въ немъ съ необыкновенной силой: мало того, что онъ занимается службой, совмѣстнымъ съ женой чтеніемъ классическихъ произведений всемирной литературы, гальванопластикой, живописью,—онъ постоянно находится въ движеніи и не забываетъ мелочей окружающей обстановки, посвящая крохи свободного времени улучшенію своего скромнаго домашняго комфорта, устраивая все вокругъ по своему вкусу. Въ каждой строкѣ писемъ чувствуется, что человѣкъ ожилъ и природная энергія вновь забила въ немъ ключемъ, сообщаясь невольно и окружающимъ. Подъ вліяніемъ Кулиша жена его много читаетъ, изучаетъ французскій языкъ, а самъ Кулишъ, уже въ Тулѣ энергично предавшійся изученію итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, находить еще время изучать англійскій языкъ, слѣдя въ этомъ случаѣ какъ собственному влечению, такъ и доброжелательнымъ совѣтамъ Костомарова, который также склонялъ его къ изученію древнихъ языковъ. Въ одномъ письмѣ Костомарова къ Виктору Бѣлозерскому еще въ 1848 г. находимъ между прочимъ слѣдующія строки: „Если будете писать Кулишу и Василію Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земного счастья и нравственного совершенства, да сверхъ того Кулишу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческими: Пантелеимонъ Александровичъ, безспорно, созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить вре-

мени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ античнаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслуживающихъ справедливое удивленіе народовъ”¹⁾. Что Костомаровъ хорошо понималъ и цѣнилъ дарованія своего друга и умѣль правильно опредѣлить его призваніе, это несомнѣвенно, но относительно греческаго языка совѣтъ Костомарова не былъ имъ выполненъ въ той степени, въ какой это представлялось необходимымъ послѣднему. Кулишъ, превосходно изучившій, кромѣ русскаго и малороссійскаго языка, также польскій, пфемецкій, французскій и знашій языки латинскій, итальянскій, англійскій, еврейскій и испанскій, значительно меныше былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Мы видѣли, что Кулишъ вновь нашелъ смыслъ и радость существованія и наслаждался дѣятельной жизнью, какъ необыкновеннымъ райскимъ счастьемъ. Заботясь о покупкѣ фортепіано, выписывая интересующія его книги, штудируя англійскій языкъ, онъ убѣжденъ былъ, что все это дѣла, не терпящія отлагательства, и что „хорошо бы было выиграть даже недѣлю при наступившей чудной погодѣ и при такомъ расположеніи жены къ музыкѣ, а меня къ джонбулизму“. Весной слѣдующаго (1852) года, поздравляя тещу съ праздникомъ Пасхи, Кулишъ чишеть: „у насъ, слава Богу, всегда весело. Погода началась весенняя, и мы помышляемъ о дачѣ. Дача имѣть въ Петербургѣ особенную прелесть. Несмотря на сѣверный климатъ, нигдѣ вы въ Малороссіи не увидите, какъ здѣсь, столько цветовъ на дачахъ. Люди здѣсь болѣе умѣютъ дорожить благотворною теплотою солнца и самыми лучшими цветами. Здѣсь стоить только заплатить деньги — такъ и принесутъ и приберутъ такъ, какъ самому не придется и въ голову. Мы же, слава Богу, въ деньгахъ не нуждаемся и имѣемъ ихъ довольно не только на необходимое, но и на разныя удовольствія“. Вскорѣ, однако, Кулишъ долженъ былъ отва-

¹⁾) „Киевская Старина“, 1897, X, 133.

заться отъ такого безусловнаго прославленія Петербурга: „Благословенный Петербургъ, если-бы только онъ не стоялъ въ болотѣ!“—говорить онъ: „но жалкое мѣсто здѣшнее просто мучительно: невозможно описать томленіе, которое овладѣваетъ мою душою, когда я вижу первые пожелтѣвшіе листья, тогда какъ лѣто только обѣщало наступить, но не наступило. Деревья остаются жидкими до самой осени, какъ у насъ бываетъ раннею весною. Вотъ что всего убѣйственнѣе для человѣка, который работалъ всю зиму и желаетъ лѣтомъ освѣжить силы въ прохладѣ садовъ и рощъ. Здѣсь есть только сырость, а прохлады нѣтъ“.

XXI.

Въ своемъ свѣтломъ, ликующемъ настроеніи Кулишъ съ особеннымъ участіемъ помнилъ о томившихся въ ссылкѣ друзьяхъ и съ обычной теплой отзывчивостью относился къ нуждамъ тѣхъ, кому случалось обратиться къ нему съ какой-нибудь просьбой, въ особенности если дѣло касалось историко-литературныхъ интересовъ или лицъ, имъ служившихъ.—Въ этомъ отношеніи у Кулиша рано выработался принципъ, постоянно высказываемый имъ, когда что-либо подавало къ тому поводъ,—что въ интеллектуальномъ трудѣ эгоистическіе интересы личной выгоды и репутациіи должны уступать мѣсто безкорыстному служенію общему дѣлу, служенію идеѣ.¹⁾ У него были любимыя изреченія, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ этому принципу, какъ напр. „жатва многа, а дѣлателей мало“, „magna est veritas et praevalebit“²⁾ и проч. Въ силу этого принципа онъ употребилъ

¹⁾ Впрочемъ, случалось Кулишу волноваться по поводу недоразумѣнія съ Срезневскимъ, изъ-за украинскихъ пѣсень, записанныхъ первымъ и булто-бы присвоенныхъ послѣднимъ.

²⁾ Однажды Кулишъ такъ высказался въ этомъ отношеніи: «будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не сбьете разными возрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit». См. Кіев. Стар. 1897 г., X, 396, а также XII, 437.

въ продолженіе своей жизни массу времени на труды безъименные, совершенно безкорыстные во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый развитой и не чуждый высшихъ интересовъ начинающій писатель, ученый, интересующійся дѣломъ студентъ—свободно могли найти благосклоннаго и доброжелательнаго брата. Это часто чувствуется въ самомъ тонѣ упоминаній о Кулишѣ разныхъ лицъ.¹⁾

ХХII.

Лѣтомъ 1852 года удалось Кулишу осуществить свое давнее завѣтное желаніе погостить съ женой у тещи въ Малороссіи. Въ это время у него и у жены мелькала даже мысль совершение оставить Петербургъ и переселиться павсегда въ Малороссію. Въ объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ замѣтить, что отношенія Кулиша къ Петербургу и Малороссіи всегда отличались замѣчательной перемѣнчивостью. Такъ, 9 марта 1853 года онъ извѣщалъ Бодянскаго о своемъ намѣреніи перѣѣхать павсегда въ Малороссію, а 23 октября того же года *ему же* писалъ, что снѣ никогда не будетъ въ состояніи оставить Петербургъ. Точно также и теперь (въ 1852 г.) онъ рѣшилъ покинуть Петербургъ, причемъ сборы его были такъ энергичны и спешны, что жена Кулиша писала: „Половина мебели уже уложена, ожидаемъ погоды. Иллениевы завидуютъ намъ,

¹⁾ Такъ, въ письмѣ одного студента петербургскаго университета, Алексея Тихменева, напечатанномъ въ «Кievskoye Starinѣ», читаемъ слѣдующія строки, мимоходомъ рисующія отношенія Кулиша къ этому юношѣ: «Цантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на днѣахъ имѣть удовольствіе видѣть у Пантелеимона Александровича, ободряли меня и заставили рѣшиться написать вамъ это письмо, увѣривъ меня, что вы благосклонно примете его и почитите меня вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Ивановичу и Татьянѣ Петровнѣ Костомаровой». (См. «Kievskuyu Starinu», 1897, X, 140).

что мы уважаемъ, и удивляются искусству Пантелеймона Александровича укладывать мебель¹⁾ и проч. Поездка въ Малороссию была для Кулиша источникомъ давно неиспытанныхъ любимыхъ наслажденій, которымъ онъ предавался теперь отъ всей души. Съ необыкновенной живостью и съ поэтическимъ воодушевлениемъ описываетъ онъ прелесть своей горячо любимой родины въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому: „Чтоб за чудный климатъ въ этой сторонѣ! Здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ что-то подобное Пушкинскому „ключу забвенія“, который... „сладче всѣхъ жаръ сердца уголить“. Щедшъ степью, по дорогѣ, ровной какъ столъ, дышешь полной грудью, довѣрчиво дышишь... и ничего не желаешь. Вѣдь это чудное состояніе души—не желать ничего!... Ничего не помнишь, ни о чёмъ не жалѣшь, чувствуешь только, что жизнь, т. е. простое ощущеніе бытія—драгоценнѣйшій даръ Промысленія, источникъ всѣхъ радостей, всѣхъ поэтическихъ движений сердца. Это сознаешь постоянно, подъ вліяніемъ живительного движения степного воздуха и полнаго произвола въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, гдѣ люди оснаряваютъ другъ у друга каждый шагъ и на нѣсколькоихъ квадратныхъ саженяхъ строятъ тысячи своихъ затѣй, отрекшись отъ простой природы, вытѣснивъ ее совершенно душною цивилизацией,—человѣкъ никогда не добудетъ этого чувства изъ-подъ груды разныхъ ощущеній, бременящихъ его сердце... Петербургъ опротивѣлъ мнѣ, наконецъ, смертельно. Не умѣю вамъ разсказать, какъ я тосковалъ по своимъ густымъ широкопушнымъ деревьямъ, глядя на жидкие березы и липы, на печальные яли петербургской природы. Зато теперь я упоенъ до пресыщенія шумомъ украинскихъ дубровъ. И нигдѣ, кажется, онъ такъ

¹⁾ Въ слѣдующемъ году были такие же сборы. 13 апраля 1853 г. Кулошъ опять писалъ Бодянскому: «Мы собираемся въ путь-дорогу съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую мебель, книги и разныя вещи.» («Кіевск. Стар.», 1897, XI, стр. 270).

не хороши, какъ въ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. Собственно городъ, т. е. главная улица въ Лубнахъ, съ базаромъ, аптекою и проч. имѣетъ пошлую наружность, но лишь своротите въ сторону, въ тѣ улицы или, лучше сказать, захолустья, съ которыми порядокъ не въ силахъ справиться, вамъ представляется множество самыхъ романическихъ скатовъ, съ живописными мазанками, съ природными рощами и, кажется, также природными садами, съ разнообразными троинками, плетнями, перелазами, и все это подѣлено на такие картины планы, которыхъ никогда не выдумать воображению художника. Для меня всего утѣшительнѣе здѣсь этотъ дикий беспорядокъ линіи, эта беспечная неправильная жизнь на распалику, это странное смѣшеніе грязнаго и убогаго съ роскошнымъ и блестающимъ. Кажется, эти мягкие клены не горѣли бы такъ ярко на солнцѣ вдоль стѣны богатаго дома, какъ надъ ветхимъ корытомъ, у котораго толпятся коровы и босые, въ лохмотьяхъ, пастухи“...

Такъ живо отражается художественная натура Кулиша въ его письмахъ. Читая ихъ, не только живо и ясно представляешь себѣ описываемое, но переживаешь и впечатлѣнія, и чувства автора-художника,—до такой степени прозрачно и отрадно свѣтится въ каждомъ словѣ чистое, счастливое настроеніе его души, такъ все это согрѣто любовью и свѣтлымъ, задушевнымъ сочувствіемъ. И ко многому, чтѣ, можетъ быть, не обратило бы на себя ни малѣйшаго вниманія зауряднаго и болѣе равнодушнаго наблюдателя, поэтически настроенный Кулишъ относится съ живымъ участіемъ, умѣя мыслящимъ взоромъ находить достопримѣчательное въ предметахъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. Но поводу какой-нибудь незначительной встрѣчи съ слѣпцомъ-нищимъ онъ въ частномъ, случайно сохранившемся письмѣ, даетъ цѣлый художественно-этнографический очеркъ, который мы позволимъ себѣ здѣсь привести. „Устроивъ кое-какія дѣла въ Лубнахъ, пустились мы далѣе въ стени. Первый предметъ, привлекшій къ себѣ мое вниманіе на пути нашемъ, былъ нищій—слѣпецъ, просившій милостыни, сидя надъ дорогой. Здѣсь нищіе поютъ, а не говорятъ свою просьбу, и Лубенскій уѣздъ славится

трогательностью этого рода напѣвовъ. Слѣпецъ сидѣлъ подъ горою, и я, поднимаясь медленно вверхъ, долго слушалъ его стихи, направленные изъ чувствительность прохожихъ. Будучи горожаниномъ и человѣкомъ, что называется, цивилизованнымъ, я не вдругъ поддался его просьбѣ. Мы, жители Петербурга, нищихъ не терпимъ, и не терпимъ подѣломъ, по напѣвъ лубенского старца до того проникнулъ въ мое сердце, что я остановилъ лошадей на горѣ и сѣжалъ внизъ, чтобы подать ему милостыню. Случилось, что вслѣдъ за нами вхали съ ярмарки вѣсколько телѣгъ. Ницій, слыша стукъ колесъ, не переставалъ напѣвать свое воззваніе къ состраданію ближнихъ, и я записалъ его волынью своей книжкѣ. Меня пленила эта естественная поэзія чувства, не прибывающая ни къ какимъ украшеніямъ.¹⁾ Ницій объясняется съ вами здѣсь благородно и убѣждаетъ васъ удѣлить ему отъ своего избытка съ такимъ достоинствомъ, какъ и тѣ люди, которые сдѣлались нищими для спасенія міра отъ пагубнаго эгоизма. По крайней мѣрѣ, я былъ пораженъ человѣчностью его плача".

Наконецъ, Кулишъ съ любовью сына Украївы описываетъ приднѣпровскую равнину: „Кругомъ пустыня и безмолвіе. Здѣсь можно задуматься глубоко—ничто не помѣшаетъ. Щедрая десять, двадцать, пятьдесятъ верстъ—только небо да земля. Небольшія удолья, могилы, хутора и скирды сѣна въ степи исчезаютъ въ огромныхъ размѣрахъ площиади, со всѣхъ сторонъ замкнутой небосклономъ. Наконецъ, на краю горизонта, вырѣзывается разорванная гряда синихъ холмовъ. Это заднѣпровскія горы—отдаленный предѣлъ нашей поѣздки. Онъ кажется берегами острова, омываемаго золотисто-зеленымъ океаномъ. Съ минуты ихъ появленія перестаешь вглядываться въ пастушью хижину, съ двумя-

¹⁾ Ср. съ этимъ впечатлѣніемъ отъ малороссійскихъ нищихъ у И. С. Аксакова («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III стр. 80: «Очень жалѣю, что я не музыкантъ, а то бы непремѣнно положилъ на музыку ихъ пѣніе, совершенно отличное отъ пѣнія нашихъ нищихъ и довольно пріятное»).

тремя деревьями вокругъ, въ стада овецъ, рогатаго скота и лошадей, которыя кажутся брызгами другихъ красокъ, случайно упавшими на широкіе мазки великанской кисти. Тутъ еще миниатюрище дѣлаются слѣды человѣческой дѣятельности въ этомъ, можно сказать, необитаемомъ краю. Для путника, незнакомаго съ нимъ, синяя кайма горъ, выглядывающихъ изъ-за обрѣза стеци, кажется великаническимъ лѣсомъ, поднявшимся внезапно на безлѣсной равнинѣ; а бывалому они напоминаютъ роскошную панораму низменной днѣпровской равнины, извивающейся вдоль огромнаго ряда горныхъ пейзажей, нежели какой существуетъ гдѣ-либо въ картинахъ галлереяхъ. Днѣпръ для меня здѣсь кажется чѣмъ-то священнымъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство, близкое къ фетишизму".

XXIII.

Красота малороссійской природы снова пробудила въ Кулишѣ стремленіе пріобрѣсти себѣ уютный уголокъ на родинѣ. Въ бытность свою въ Тулѣ, не будучи въ состояніи слѣдить лично за ходомъ дѣлъ въ деревнѣ и опасаясь злоупотребленій, о которыхъ не разъ доносились до него слухи, Кулишъ задумалъ, такъ сказать фиктивно, продать свое имѣніе отцу своего школьнаго товарища Чуйковича съ тѣмъ, чтобы онъ не отказался непреродать его, когда, наконецъ, будуть возвращены изгнаникамъ ихъ гражданскія права. Подъ впечатлѣніемъ малороссійской поѣздки Кулишъ, какъ мы видѣли, уже не одобряетъ петербургской весны, похожей развѣ на малороссійскую осень; теперь онъ хвалить уже преимущественно тамошнюю зиму. Ему очень понравилось изящное помѣстье па Михайловой горѣ,¹⁾ но о покупкѣ его ничего было и думать, и пришлось, спрятавъ въ карманъ свои эстетическія увлеченія, помириться на чѣмъ-нибудь болѣе

¹⁾ Хуторъ М. А. Максимовича на берегу Днѣпра, въ Полт. губ., Золотонож. у.

доступномъ и скромномъ. „Жаль мнѣ Михайловой горы!“ — писалъ онъ,— „но она только брала бы съ васъ деньги, а намъ ничего, кромѣ эстетическихъ впечатлѣній, не доставляла. Здѣсь же мы будемъ имѣть независимый кусокъ хлѣба. Такъ-то я, при всей привязанности ко всему изящному и поэтическому, долженъ иногда отдавать преимущество холодной разсчетливости, и хороший черноземъ съ сѣнокосами и лѣсомъ предпочесть живописнымъ, но голоднымъ мѣстамъ. Будь у меня сто тысячъ въ карманѣ, я бы половину положилъ въ банкъ, а на другую построилъ бы себѣ на Михайловой горѣ итальянскую виллу; но, какъ такового количества денегъ, волею судебъ, въ моемъ карманѣ не обрѣтается, то я долженъ спуститься до смиреннаго пахарскаго хутора и радоваться, что могу ъсть собственные вареники и пить собственные наливки. Изящное же отъ насъ не уйдетъ: мы его отыщемъ и за тридевять земель и возьмемъ съ него свою взятку, какъ пчела съ цвѣтка“.

За покупкой земли послѣдовали заботы о покупкѣ домика и о возможности зимою дѣлать наѣзды въ Мотроновку. Впрочемъ и Мотроновкой Кулишъ былъ уже доволенъ: „оставивъ Мотроновку, я какъ будто оставилъ какой-то рай. Она полна блаженствомъ беззаботности, и окрестности ея не имѣютъ ничего себѣ подобнаго“. Здѣсь съ тѣхъ поръ Кулишъ считалъ свою главную осѣдлость, а пока оставались тамъ теща Кулиша и Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, недавно переселившійся туда изъ Петербурга.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кулишъ, «безъ всякихъ контраверсій раздѣлся передъ начальствомъ за свою просрочку» и снова погрузился въ дѣятельную жизнь.

Изъ поїздки на родину Кулишъ возвратился раныше жены, которая осталась у матери до зимы, и по обыкновенію вскорѣ сильно соскучился по ней, а къ концу своей разлуки съ ней сталъ ждать ее съ такимъ нетерпѣніемъ, что рѣшилъ никогда съ ней больше не разставаться. «Но вотъ»—писалъ онъ тещѣ, „не сегодня—такъ завтра она засіаетъ въ моей квартирѣ, которая безъ нея кажется тюрьмою. А убрать я наше новое жи-

лице очаровательно. Каждая вещь уже на своемъ мѣстѣ. Разные хозяйственныя запасы, какъ-то: сахаръ, рисъ, пряные коренья, а также и дамскія бездѣлушкія закуплены, такъ что кажется, будто хозяйка отлучалась только на одинъ часъ изъ дома и вотъ-вотъ позвонитъ на лѣстницѣ въ колокольчикъ. Но проходятъ часы за часами и дни за днями, она до сихъ поръ не звонитъ, моя милая барышня" (такъ любилъ Кулишъ называть свою жену въ воспоминаніе первого знакомства съ ней). „Я сижу безвыходно дома въ надеждѣ, что съ каждымъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ прилетитъ и она на огненной кобылицѣ, а ея вѣтъ и нѣтъ! Сколько экипажей, сколько санокъ проѣзжаетъ мимо моихъ оконъ по Большой Морской, и ни одни глаза не устремляются съ любящимъ нетерпѣліемъ въ домъ Елисеева! Кому какая надобность, что здѣсь человѣкъ по цѣлымъ часамъ смотрить въ окна и подъ каждою шляпой старается еще узнать черты Морроновской барышни"!

Кулишъ попрежнему продолжалъ свою службу въ комитетѣ и сверхъ того предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ работъ, къ числу которыхъ принадлежали разныя компиляціи изъ книгъ французскихъ, англійскихъ, французскихъ и польскихъ, при чемъ самою замѣчательною нельзя не считать его „Исторію Испанской литературы“. Испанскимъ языкомъ онъ занимался особенно въ Петербургѣ уже въ 1851 г. и тогда же сталъ изучать испанскую литературу, начавъ съ „Донъ-Кихота“, и читать испанскія историческія сочиненія. „Но практическаго приложенія изъ своего язычества“,—писалъ онъ въ 1852 г. Бодянскому, „я еще не сдѣлалъ... При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не пріобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ“. ¹⁾ Но не одно это практическое соображеніе руководило здѣсь Кулишемъ, какъ видно изъ того, что непосредственно послѣ этихъ строкъ Кулишъ просилъ Бодянскаго отрекомендовать его въ ученики

¹⁾ «Киевъ. Стар.» 1897; XI, стр. 263.

Томъ 73.—Май, 1901.

по древнимъ языкамъ возвращавшемуся тогда въ Петербургъ изъ временной отлучки профессору Коссовичу и извѣщалъ уже о сдѣланыхъ имъ успѣхахъ въ изученіи классического міра.

Кромѣ того, онъ много переводилъ съ тѣхъ же названныхъ иностраннѣй языковъ. Будучи доволенъ своими дѣлами и прі-исканіемъ новой удачной квартиры, Кулишъ сообщаетъ одному изъ родственниковъ: „Слава Богу, все идетъ покамѣстъ успѣшно. Чѣд касается до кабинетной части, то здѣсь я самъ и ъздокъ, и станціонный смотрigelъ; остановки у меня не бываетъ, и я пробѣгаю въ сутки такое пространство, какое самъ себѣ предвачертаю. Дѣло идетъ у меня живо, и вы скоро будете имѣть вѣсти о моихъ новыхъ трудахъ“. Къ этимъ трудамъ, какъ по-томъ оказалось, принадлежали дѣйствительно капитальныя работы Кулиша: „Записки о южной Руси“ и „Опытъ біографіи Гоголя“. „Очаровательный Петербургъ!“—продолжаетъ Кулишъ— „сколько здѣсь для всего находишь времени! какою чудною силою наэлектризованъ здѣсь человѣкъ! Какъ вѣрно исполняются раз-счеты на возможное въ нашихъ обстоятельствахъ! Если-бы мнѣjakъ-нибудь поладить съ его климатомъ, то я бы никогда не разстался съ нимъ навѣки. Даже мои сдѣлали слѣдующее весьма справедливое замѣчаніе,—что здѣсь трудишься изо всѣхъ силь и чувствуешь себя совершенно спокойнымъ и довольнымъ; а въ Малороссіи сидишь сложа руки, лѣнишься, сколько душѣ угодно, не заботишься ни о чѣмъ, и часто мучишься или досадою, или скучою, или недовольствомъ и собой, и людьми. Мы рѣшились ограничить кругъ своихъ знакомыхъ, но бывать регулярно у нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы не отставать отъ свѣта и его тре-бованій“.

12 марта 1853 года Кулишъ писалъ тещѣ изъ Петербурга, что по пріѣздѣ въ Малороссію онъ непремѣнно отправится на берегъ Даѣпра и устроитъ тамъ себѣ помѣщеніе, а потомъ за-ѣдетъ за женой и вмѣстѣ будутъ наблюдать за постройкой до-мика. Для этой цѣли онъ досталъ у знакомыхъ прекрасный планъ дома, но вмѣсто фантастического домика на Даѣпѣ пришлось

строиться въ Бавищинѣ у М. Т. Симонова, гдѣ потомъ онъ нерѣдко проводилъ лѣто.¹⁾

XXIV.

Въ это время Кулишъ усиленно трудился надъ разыскиваниемъ и собираниемъ писемъ Гоголя для составленія его биографіи. Ему нетрудно было получить ихъ отъ Плетнева, Н. Д. Бѣлозерскаго²⁾ и вѣкоторыхъ другихъ своихъ друзей, но затѣмъ предстояло завязывать новыя знакомства и отношенія, добиваться рекомендаций, вступать въ переписку со многими незнакомыми лицами. Здѣсь, разумѣется, его ожидало также немало трудностей и разочарованій: надо было преодолѣть недовѣрчивость или просто нежеланіе дѣлиться драгоцѣнными материалами. Между прочимъ Кулишъ употреблялъ для достижения своей цѣли слѣдующій приемъ, имѣвшій обыкновенно большой успѣхъ. Заручившись коллекціею въ количествѣ трехъ или четырехъ десятковъ писемъ, онъ охотно сообщалъ ихъ въ копіяхъ друзьямъ и близкимъ знакомымъ Гоголя, а равно передавалъ и свои разнообразныя, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ данныя и взамѣнъ получалъ подлинники или коціи писемъ Гоголя къ этимъ именно лицамъ. „У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя,“ писалъ онъ Бодянскому, — „которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу коціи оваго господамъ Аксаковымъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь въ моей рукописи дополнить и исправить“. ³⁾ Кулишъ ожидалъ при этомъ дружескаго содѣйствія въ сношеніяхъ съ Аксаковыми отъ Бодян-

¹⁾ По словамъ галицкаго журнала «Правда», на эту покупку Кулишу дали денегъ П. А. Плетнѣвъ (1868, стр. 311).

²⁾ Н. Д. Бѣлозерскій зналъ Гоголя, когда послѣдній еще учился въ Нѣжинѣ.

¹⁾ „Кievская Старина“, 1897, XII, 450.

скаго. Но Бодякій, почему-то съ нѣкотораго времени начавшій тяготиться порученіями и просьбами Кулиша, кажется, и на этотъ разъ пробовалъ отговориться, ссылаясь на свое несогласіе съ проектомъ, выраженнымъ въ письмѣ Кулиша. Можетъ быть, онъ потому относился теперь холодно къ желаніямъ Кулиша, что послѣдній, строго сохрания свое литературное инкогнито, хлопотать не за себя лично, а за другое, неизвѣстное Бодянскому, лицо, именно за Николая Як. Макарова.¹⁾ Кулишъ, однако, слишкомъ большую цѣну придавалъ занимавшему его литературному дѣлу и рѣшился парировать возраженія: „Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ!—буду бесѣдовать съ вами о томъ, что важнѣе времененныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ оныхъ копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза можетъ быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу у нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостоинъ есмь развязать ремень у обуви“.²⁾ Въ концѣ концовъ, Кулишу удалось устроиться помимо Бодянского, и тогда онъ извѣщалъ его объ успѣхѣ своего дѣла.³⁾ Въ дѣйствительности, Аксаковы отнеслись къ Кулишу съ самыи теплымъ доброжелательствомъ и осыпали похвалами его трудъ. Мрачныя предсказанія Бодянского оказались не имѣющими ни малѣйшаго основанія. При личномъ свиданіи Кулишъ вынесъ такое отрадное впечатлѣніе отъ личности С. Т.

¹⁾ Именемъ послѣдняго Кулишъ пользовался для того, чтобы въ случаѣ какихъ-нибудь офиціальныхъ запросовъ, Макаровъ могъ принять на себя юридическое авторство.

²⁾ Тамъ же, стр. 450—451.

³⁾ Въ подобныхъ случаяхъ Кулишъ умѣль тонко дать почувствовать свое недовольство. Однажды онъ писалъ Бодянскому: „Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отынѣ буду разборчивѣ въ своихъ просьбахъ къ вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположности, которое—какъ вижу—улетучивается, подобно зѣпному маслу, а съ вашими существенными выгодами“. („Кіевская Старина“, 1897, ХII, 449).

Аксакова и его сыновей, что всегда потомъ вспоминалъ съ удовольствиемъ о немъ и его семействѣ; о первомъ же, въ одномъ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому онъ сказалъ впослѣдствіи, что онъ былъ „чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячай во всякой полезной предприимчивости“. ¹⁾ Кроме своей общей симпатичности, С. Т. Аксаковъ привлекъ къ себѣ сердце Кулиша еще особенно тѣмъ, что онъ былъ прекраснымъ знатокомъ украинскихъ пѣсенъ и часто просилъ мадамъ Кулишъ пѣть пѣсни „по дивочому“, а потомъ „по старушечки.“ Въ большомъ восторгѣ былъ также Кулишъ и отъ сыновей Аксакова, особенно отъ „Консты“, т. е. Константина Сергеевича.

Кулишъ горячо сочувствовалъ литературнымъ успѣхамъ всѣхъ Аксаковыхъ, но особенно наиболѣе любимаго имъ Сергѣя Тимофеевича. „А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелестъ!“—пишаль Кулишъ о „Семейной Хроникѣ“ и „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“: „Это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благороднаго. Это также параллель домашнаго и казеннаго воспитанія, которая говорить уму убѣдительнѣе всякихъ диссертаций. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣстовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю, но слезы, мѣшивавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія“. ²⁾ Впрочемъ, Аксаковъ еще въ рукописи читалъ Кулишу отрывки изъ „Семейной Хроники“. Въ одномъ письмѣ Кулишъ такъ сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ чтеніемъ: „Чытавъ намъ винъ дальше свою хронику. Славно, дуже гарно! Нарошне для мене чытавъ, и зибралось людей чымало: Хомяковъ и вся братія. Тамъ така дытына, що и выдно вже, що буде Богомъ! ³⁾ Гарао, дуже гарно“. Также Галагану Кулишъ писалъ: „Ст-

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр. 202.

²⁾ Киевская Старина, 1898, IV, стр. 112.

³⁾ Въ письмахъ Кулишъ очень часто величаетъ С. Аксакова бояромъ.

рикъ Аксаковъ читалъ намъ новую свою хронику, почавши одъ самого малечку. Дуже гарна и проч.¹⁾.

Въ большой дружбѣ былъ также Кулишъ въ началь и съ И. С. Аксаковымъ, который, впрочемъ, громилъ его впослѣдствіи въ своей газетѣ не хуже Каткова. Напротивъ, въ болѣе ранніе годы, во времена ихъ взаимнаго расположенія и согласія, они во многомъ сходились и особенно въ общей имъ обоимъ симпатіи къ Малороссіи. „Прийшовъ Иванъ Аксаковъ“—рассказывалъ однажды Кулишъ—„и размовлявъ со мною разумно про Малороссію. Винъ же самъ іи изъиздывъ, то й дышуется теперь, якъ тамъ, чы пановъ, чы мищанынъ, чы козакъ тамошній чуе себе ривно чоловикомъ. Не выдно такъ, якъ у Россіи, що се купець, а се мищанынъ. Comme il faut прыстало въ насть до всякои шляхетноурожденной людны; и купецкій комедіи Островскаго трудно зрозумити украинцеви; бо нашъ купець не одособывсь такъ одъ нашыхъ панивъ, якъ велико-русскій. И багато де-чого говорыли мы до своеи любосты про Малороссію. Шкода, що тебе тутъ не було. Иванъ не завсігда разговорится“.

XXV.

„Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“ вмѣстѣ съ пѣкоторыми другими работами, какъ напр., повѣстю „Лѣто въ Малороссії“, Кулишъ передалъ въ „Современникъ“, ²⁾ можетъ быть, въ виду своихъ прежнихъ отношеній къ этой редакції ³⁾, но потомъ онъ

¹⁾ Кіевск. Стар., 1899, IX, стр. 350.

²⁾ Въ пятидесятыхъ годахъ Кулишъ пользовался болѣшимъ успѣхомъ въ литературномъ мірѣ; его труды (подъ псевдонімомъ Н. М.) охотно печатались тогда въ журналахъ. О повѣсти «Лѣто въ Малороссії» въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому см. «Кіевская Старина», 1898, XII, 350.

³⁾ Рукопись труда Кулиша о Гоголѣ была потребована имъ для передачи въ «Сынъ Отечества», но его упросили оставить ее въ ре-

рѣзко разошелся съ „Современникомъ“ и питалъ сильное предубѣжденіе къ журналу до самой смерти, какъ это видно изъ напечатанной незадолго до его кончины въ „Русскомъ Обозрѣніи“ повѣсти „Омутъ“, гдѣ въ самомъ честномъ свѣтѣ выставлены руководители „Современника“ въ 60-хъ годахъ, Панаевъ и Некрасовъ. Но досада на „Современникъ“ начивается уже съ первой половины пятидесятыхъ годовъ, когда Кулишъ заправилъ редакціей называлъ „повѣсами“—еще до того, какъ прервалъ съ ними сношенія.

Продолжая свои хлопоты по собираю писемъ Гоголя, Кулишъ нашелъ дорогу къ семейству великаго писателя, съ которымъ потомъ дружески сошелся. „Высоцкій сообщилъ живыя воспоминанія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Кулиша. „Мать Гоголя сообщила мвѣ свои замѣтки о сыне; вѣкоторые, знаяши Гоголя за границей, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи“.!) Въ опечатанномъ въ Москвѣ по смерти Гоголя шкату нашлись клочки изорванной рукописи, оказавшіеся уничтоженнымъ отвѣтнымъ письмомъ Гоголя Бѣлинскому, выдержки аттестацій Гоголя въ школьнѣе время, сдѣланныхъ въ классныхъ журналахъ его наставниками. Мать Гоголя прислала вѣкоторые рукописные отрывки изъ повѣстей Гоголя и познакомила съ комедіями отца писателя. Кроме того, имъ была получена масса писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю и „26 большихъ писемъ въ видѣ дневника, къ Гоголю писаныхъ одною весьма близкою и любимою

дакція «Современника», предложивъ ему 1000 руб. См. также враждебный отзывъ Кулиша о Некрасовѣ въ «Кievsk., Star.» 1899, IX, стр. 342 и 1899,—стр. 97.

¹⁾ Въ одномъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ говоритъ: «Я, кажется, просилъ вѣсль послать кошю записокъ Гоголихъ къ старцу Аксакову». Когда онѣ были получены Аксаковымъ, онѣ привели его въ такой восторгъ, что онъ сказалъ по словамъ Кулиша: «Ни одинъ изъ великихъ писателей не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эти простыя, безыкусственныя, даже иногда неправильно написанныя задушевныя залиски».

имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца".¹⁾ Дама эта была А. О. Смирнова.

Послѣ каждого успѣха значительно облегчались хлопоты по собиранію писемъ Гоголя. Такъ, однажды Кулишъ сообщалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Погодинъ сообщилъ мнѣ часть писемъ къ нему Гоголя, а остальные, по мѣрѣ переписки, обѣцталъ прислать. Вызывается даже написать записки. Я особенно расположилъ его къ себѣ (но это послѣ сообщенія первыхъ писемъ, чего я не ожидалъ, несмотря на его обѣщанія), подаривъ ему памятникъ плутовства Шанаева: „Дѣтство и первые годы юности Вальтеръ-Скота, представленные по отношенію ихъ къ литературной его дѣятельности“.

Надо прибавить, что всѣ эти занятія не исключали также заботъ надъ лѣтописью Грабянки и вообще другими, всегда интересовавшими Кулиша предметами.

XXVI.

Лѣтомъ 1854 года Кулишъѣздилъ въ Малороссію, жилъ въ Зарогѣ, Мотроновкѣ, Баивщинѣ, при чемъ много времени провелъ съ своимъ другомъ Ник. Даниловичемъ Бѣлозерскимъ, которому онъ потомъ въ память совмѣстнаго пребыванія въ Малороссіи подарилъ экземпляръ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя“, когда онъ вышелъ отдельной книгой по отпечатаніи въ „Современникѣ“.²⁾ Такимъ образомъ, мы имѣемъ ясное доказательство,

¹⁾ «Кіевск. Стар.», 1897, XII, 459.

²⁾ Въ этотъ экземпляръ во многихъ мѣстахъ были вклѣены исписанные красными почеркомъ Кулиша листки почтовой бумаги, на которыхъ были новые замѣтки и выписки изъ новыхъ добытыхъ писемъ. Такъ поступалъ обыкновенно Кулишъ при передѣлкахъ и расширеніи своихъ літературныхъ работъ, и одинъ совершенно сходный экземпляръ, какъ намъ известно, сохраняется въ бібліотекѣ Духовной академіи въ Сергіевскомъ посадѣ.

что въ эту пору Кулишъ исправно продолжалъ, и притомъ съ большимъ усердіемъ, собираюше документовъ, относящихся къ жизни Гоголя.

Лѣтомъ въ Малороссіи Кулишъ попробовалъ заняться хо-
зяйствомъ и, несмотря на разносторонность своихъ дарованій,
съ трудомъ справлялся съ непривычными заботами, хотя не
только пріостановилъ для нихъ всякую литературную работу,
но даже не находилъ времени приняться за корреспонденцію.
„Хуторская жизнь“—жаловался онъ—„свою грубою простотою,
своими нестройными явленіями, своими безконечными заботами
располагаетъ къ письменному бездѣлствію. Иногда я отдаю
лежа отъ ходьбы или физическихъ трудовъ и мечтаю, какъ я
сиду за письма, какъ я разложу передъ собой бумагу, какъ
открою чернильницу,—самое содержаніе писемъ снуется въ
моемъ умѣ; а наступить время исполнить мечту на дѣлѣ, такъ
и воровишь заняться чѣмъ-нибудь другимъ, лукавишь предъ са-
мимъ собой и съ наслажденіемъ откладываешь письма на неопре-
дѣленный срокъ. „Будеть еще время! еще усилю!—напишу
послѣ“, это любимыя фразы въ головѣ хуторянина. Не знаю,
такъ ли оно будетъ, когда дѣла мои придутъ въ порядокъ и
когда у меня будетъ кабинетъ; но теперь я никуда не гожусь
по литературной части. Зато какой изъ меня вышелъ хозяинъ—
такъ мое почтеніе! Но какъ самому себя хвалить не пристало,
то я скажу только одно: мнѣ казалось, что стоять только по-
вельть—создастся; а на дѣлѣ я вижу, что создать хозяйство
съ маленькими средствами есть дѣло однихъ хозяйственныхъ
гениевъ. Тутъ, сударь мой, нужны всѣ способности человѣческія
и выше всѣхъ ихъ поставлены терпѣніе и постоянство.“

Но въ то же самое лѣто Кулишъ прогостили въкоторое
время у родныхъ Гоголя въ Яновщинѣ или Васильевкѣ.¹⁾ Здѣсь

¹⁾ «Стара Гоголіха» — говорить Кулишъ «п ін дочки—прелю-
безни люде» („Кіевск. Стар.“, 1898, II, стр. 307). Въ Васильевкѣ
Кулишъ бывалъ и позднѣе и живалъ по чѣскольку мѣсяцевъ; такъ,
онъ былъ тамъ въ 1860 г. (см. „Кіевск. Стар.“, 1898, II, 239).

онъ получилъ много новыхъ матеріаловъ, а равно и писемъ отъ разныхъ близкихъ къ Гоголю лицъ изъ обѣихъ столицъ, и въ силу сдѣланной жатвы, ему вновь предстояло много спѣшнаго и напряженного труда.¹⁾ „Матеріалы, собранные мною въ Яновщинѣ“—писалъ онъ Л. М. Жемчужникову—„и полученные мною изъ Петербурга и Москвы здѣсь, такъ объемисты, что если я не посижу на мѣстѣ за работой цѣлаго мѣсяца, то у меня не будетъ въ эту зиму сдѣлано дѣло“. А между тѣмъ около того же самаго времени, какъ онъ писалъ Бодянскому, судьба послала ему Новгородсѣверскую лѣтопись, исторію о Варлаамѣ и Іосафѣ, „Мессію“ Галатовскаго, „Дѣянія и посланія Апостоловъ“ и 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Кромѣ того, онъ извѣщалъ того же Бодянскаго, что „Николай М. приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей.²⁾ Чтобы понять такую необыкновенно оживленную и плодотворную дѣятельность, слѣдуетъ имѣть въ виду относительную свободу Кулиша, не обремененного, подобно Бодянскому, университетской каѳедрой, по необходимости палагающей множество сложныхъ, многотрудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Между тѣмъ Кулишъ, довольный своимъ успѣхомъ, подщучиваетъ надѣй медлительностью Бодянскаго,³⁾ завѣтаго своей каѳедрой и редактированіемъ

¹⁾ Впослѣдствіи всеѣ эта матеріалы и состоявшійся на основанії ихъ біографическій трудъ были Кулишемъ прочитаны какъ Аксаковымъ, такъ и Плетневу.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 462—463.

³⁾ Тамъ же, 484. Надо замѣтить при этомъ, что Кулишъ, ободренный достигнутыми имъ въ короткое время успѣшными результатами, возлагалъ, кромѣ того, вообще широкія надежды на будущее. Такъ, „Этнографическая Записки о южной Руси“, переименованные потомъ просто въ „Записки о южной Руси“, онъ предполагалъ выпустить въ гораздо большемъ числѣ томовъ, при чёмъ думалъ помѣстить здѣсь также матеріалы, собранные Костомаровымъ и В. В. Тарновскимъ. (См. Кіевская Стар. 1898, XII, 357).

„Чтеній“. Кулишъ писалъ ему по поводу Николая М., что давно бы слѣдовало ему заняться изданіемъ сборника, „чтобы оживить и расшевелить изслѣдователей Малороссіи; но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуетъ еще одиннадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло, дѣйствительно, ва такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, чтѣ было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано,—разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и вы пожалуйста не покивайте головою, что человѣкъ, не подождавши васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ“. А въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: „Напишите, не думаете ли вы соперничать въ быстротѣ своихъ намѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ бессмертіе мѣшкотностьюю. Однимъ словомъ, я хочу знать, что вы думаете объ изданіи своихъ писемъ, и есть ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или уже прочитаемъ на томъ“.¹⁾)

Все это было очень человѣко въ отношеніи къ Бодянскому и возбудило въ немъ чувство недовольства. Тонъ его писемъ рѣзко и внезапно перемѣнился. Бодянскій не вытерпѣлъ, между прочимъ, чтобы не сказать Кулишу, что ему „везетъ“, на что Кулишъ, въ свою очередь, имѣлъ полное право отвѣтить ему такъ: „Я долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ“; ²⁾ и наконецъ Бодянскій самымъ откровеннѣйшимъ образомъ заявилъ Кулишу, что онъ его „задираетъ“, и „осыпалъ его самыми грубыми насмѣшками“.³⁾ Кулишъ, въ свою очередь, отвѣтилъ ему: „Если бы безкорыстныя побужденія и показались вамъ смѣшными, то изъуваженія къ моей довѣренности вы не

¹⁾ См. «Кievsk. Стар.», 1897, XII, стр. 462—463.

²⁾ См. „Кievская Старина“, 1897, XII, стр. 464.

³⁾ Тамъ же, стр. 465.

должны были [такъ грубо надо мнай смыться], и далѣе: „вы для меня, во первыхъ, Осипъ Максимовичъ, а во вторыхъ—Бодянскій: видя ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и ваши заслуги литературныя и ученыя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить васъ: я знаю вамъ цѣну, независимо отъ собственного существованія и отъ собственного участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у васъ явились такія фразы: „И мы когда-тоѣзжали не хуже другихъ! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо!—сознайтесь хоть передъ самимъ собой“.¹⁾)

Но хуже было то, что Бодянскій, раздосадованный Кулишемъ, заслужилъ со стороны послѣдняго слѣдующій упрекъ: „Я подарилъ вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣну; одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и вы имѣете безстыдство отвѣтить мнѣ: „что съ возу упало, то пропало“. Покажите эти строки кому угодно изъ нашихъ общихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали, искренно: имѣю ли я право называть вашъ отвѣтъ безстыднымъ?“ Кулишъ предложилъ Бодянскому даже уступить ему свое право на изданіе пѣсенъ, такъ, чтобы его собственное имя стояло только въ числѣ сотрудниковъ и собирателей, ничѣмъ не выдѣляясь, а заканчивался бы списокъ словами: „изданныя О. Бодянскимъ“, и даже хотѣлъ достать деньги для этого предпріятія, „но вы“—говорилъ онъ—„не дадите мнѣ и понюхать вашего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть въ рукахъ сперва все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ, и потомъ печатай и пишись издателемъ кто угодно. Деньги для изданія Кулишъ надѣялся получить отъ Галагана, но, на бѣду, Бодянскому сдѣлалось какъ-то извѣстно, что Галаганъ назвалъ его въ письмѣ къ Кулишу „крутенѣкимъ“,²⁾ и Кулишъ послѣ даже вынужденъ былъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Съ самимъ Галаганомъ добрыя отношенія потомъ также пошатнулись у Кулиша. (См. Кіевск. Стар. 1899, III, 319).

прислать касавшуюся его выдержку въ письмѣ Галагана, залипчившую въ себѣ буквально лишь слѣдующія слова: „Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете, трошки крутенький, то Богъ знае, чи погодится винъ на яке-небудь дило“. Результатъ былъ тотъ, что Бодянскій отказался отъ участія въ изданіи сборника. Кулишъ возражалъ ему: „вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ! Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для нашего изданія ищутъ другіе, то вы не въ правѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то вы тутъ нисколько не будете мнѣ обязаны“. 1) Въ числѣ предлагавшихъ деньги на изданіе пѣсень былъ, кромѣ Галагана, В. В. Тарновскій (бывшій нѣкогда товарищемъ Гоголя и извѣстный своей почтенной дѣятельностью въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ), и нѣкоторые другіе.

XXVII.

Межу тѣмъ по дѣлу о сборникѣ украинскихъ пѣсень Кулишъ постоянно продолжалъ свои сношенія съ малорусскими этнографами: братомъ своей жены Н. М. Бѣлозерскимъ и Метлинскимъ; съ послѣднимъ онъ даже дѣлилъ трудъ самаго собиранія и записыванія ихъ. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ Кулиша подталкивать и подогрѣвать энержію своихъ сотрудниковъ, было между прочимъ то обстоятельство, что ему хотѣлось выпустить свой сборникъ раньше сборника пѣсень давно уже нелюбимаго имъ Срезневскаго, хотя это личное предубѣжденіе вскорѣ уступило мѣсто желанію видѣть пѣсни, не попавшія въ

1) Тамъ же 1899, ХІІ, стр. 467.

особый сборникъ, напечатанными подъ вѣдѣніемъ хотя бы Срезневскаго въ „Академическихъ извѣстіяхъ“, но въ исправномъ и вполнѣ приличномъ видѣ. Впрочемъ, и самое мнѣніе Кулиша о Срезневскомъ, по извѣстнымъ намъ, но во всякомъ случаѣ, надо полагать, въ виду крупныхъ научныхъ заслугъ послѣдняго, не особенно уважительнымъ причинамъ, поколебалось, такъ что уже Кулишъ уговаривалъ Н. М. Бѣлозерскаго не быть опрометчивымъ въ сужденіяхъ: „Надобно узнать сперва всѣ обстоятельства, а потомъ уже судить, да и то оглядываясь. У меня много горестныхъ замѣтокъ въ душѣ по случаю скораго осужденія близкаго. Я думаю, что онъ¹⁾ не только правъ, но чуть ве святъ. Сберите всѣ факты, и тогда увидите, кто изъ насъ ближе къ истинѣ“. Это было именно нетерпѣніе видѣть въ печати пѣсни никакъ не ради личнаго интереса, а ради науки, чтѣ доказывается между прочимъ сообщеніемъ Н. М. Бѣлозерскому въ томъ же письмѣ, что „думы, напечатанныя у Метлинскаго, были уже доставляемы ему Кулишемъ“. Послѣдній былъ нѣсколько недоволенъ передачей ихъ Метлинскому, „но я“—говорилъ онъ—„съ досады, что никто не издаетъ, готовъ былъ отдать ихъ для напечатанія чорту или, чтѣ все равно, Срезневскому“. Кулишъ лично трудился совмѣстно съ Н. М. Бѣлозерскимъ, но относился къ нему, какъ руководитель, подобно тому, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Указывая на свою страсть къ чтенію и къ ручнымъ механическимъ работамъ, онъ рекомендовалъ тѣ или другія своему пріятелю: онъ совѣтовалъ ему ради его будущности заниматься изученіемъ иностранныхъ языковъ, чemu, какъ извѣстно, самъ всегда придавалъ большое значеніе какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ; ему же онъ хотѣлъ, хотя и безуспѣшно, передать оставленную еще въ 1858 г. должностъ редактора статистического комитета, наконецъ поощряя его къ составленію записокъ, даже совѣтовалъ для этого ему

1) Срезневскій. Объ отношеніяхъ Кулиша къ Срезневскому см. также «Кіевск. Стар.», 1899, II, 287, 281, 293; 1897, X, 45 и проч.

известный плавъ и пріемы, стараясь вообще пробудить его литературныя наклонности, тогда какъ Н. М. Бѣлозерскій тратилъ свои умственныя силы на неблагодарное дѣло редактированія губернскихъ вѣдомостей. Ему же онъ хвалилъ свои столярныя работы: „Сдѣлалъ я для Саши шкатулку изъ кусковъ краснаго дерева, которое оставалось еще отъ тульскихъ работъ. Жаль, что вы безъ руки: механические труды заостряютъ аппетитъ къ умственнымъ, и тотъ еще не вполнѣ человѣкъ, кто годится только для грамотнаго общества. Надобно умѣть что-нибудь такое, что было бы интересно и для самаго темнаго люда. Вообразите, напримѣръ, что вы очутились между такимъ народомъ, которому нѣтъ никакой надобности до вашихъ свѣдѣній. Чѣмъ вы купите у него независимость положенія? Вы поневолѣ будете тунеядцемъ, а я не буду“. Но выхлопотать для Ник. Мих. оставленное мѣсто ему не удалось, и вотъ по какимъ причинамъ: „Знакомства мои вовсе не таковы, чтобы могли доставить кому-нибудь мѣсто: со мной знаются люди ученые или артисты, которые на службѣ такъ-же мало значать, какъ я и самъ; если же я и принять гдѣ-нибудь въ высоконпревосходительномъ или сіятельномъ дому, то это еще не значитъ, что я могу протежировать другихъ въ этихъ домахъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что мнѣ самому не даютъ до сихъ поръ такое мѣсто, которое бы привязало меня къ Петербургу; ласковое слово и пожатіе руки не приносятъ намъ въ столицѣ никакой пользы и могутъ обманывать надеждою только самыхъ неопытныхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Кулишу давно пришлось убѣдиться, что и собственное его положеніе было крайне непрочно. Когда онъ былъ представленъ къ чину, то, по донесеніямъ Третьаго Отдѣленія, императоръ Николай собственноручно начерталъ: „Не производить“. При тогдашнемъ значеніи чиновъ, Кулишъ не хотѣлъ помириться съ отказомъ и рѣшилъ просить директора статистическаго отдѣленія застуپиться за него. „Вамъ навредило Третье Отдѣленіе“—отвѣчалъ директоръ,—„его и просите поправить дѣло“.—Въ Третьемъ отдѣленіи затребовали одобрительнаго

отзыва о службѣ, который и былъ безпрепятственно данъ, но все-таки изъ этого дѣла, конечно, ничего не вышло, кромѣ того, что въ Третьемъ Отдѣленіи начальнику Кулиша сказали: „мы не знали, что онъ вашъ protege“.

Эту независимость Кулиша, какъ человѣка свободной профессии уже по самой натурѣ, необходимо имѣть въ виду, для того, чтобы понять и его быстрое охлажденіе къ Петербургу, гнѣзу чиновничества, и его практическую неспособность пристраиваться къ теплымъ мѣстечкамъ и административнымъ пирогамъ. Теперь, сдѣлавшись вольнымъ человѣкомъ, онъ стремится въ Киевъ и снова погружается въ интересы украинскаго міра. До какой степени неудержимо влекло тогда Кулиша въ Малороссію, мы видимъ изъ одного письма его къ И. С. Аксакову, который выѣстѣ съ остальными членами своей семьи настойчиво приглашалъ его въ свою подмосковную. Несмотря на сильную любовь къ Аксаковымъ, Кулишъ отговаривался самымъ энергичнымъ образомъ, ссылаясь на то, что „съ того времени, какъ его опредѣлили въ уѣздное училище для вытврживанія учебниковъ, изданныхъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, „а было мнѣ тогда“—продолжаетъ Кулишъ—„лѣтъ яко же седмь“—я не видѣлъ ни одинъ разъ малороссійской весны... О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственныя воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда что-нибудь мѣшало. Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые расчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по человѣчески. Я бы этого не сдѣкалъ, если-бы пользовался болѣе двѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуется мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и земли“.

Одно время въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ Кулишъ говорилъ, что онъ предполагалъ чередовать хугорскую жизнь съ столичною. „Зачѣмъ это мнѣ нужно?“ спрашивалъ онъ самъ себя: „Мудрено объяснить. Можетъ быть потому, что хочется видѣть свѣтъ послѣ уединенныхъ трудовъ; можетъ быть потому,

что я не могу удовлетвориться скромною деревенскою жизнью и желаю хоть въ сколько мѣсяцевъ въ году раздѣлять удовольствія, въ родѣ литературныхъ и ученыхъ новостей; а, можетъ быть, просто потому, что отъ поѣздокъ я ничего не теряю въ денежнѣмъ отношеніи, а пожалуй, еще выигрываю“.

Отсутствіе опредѣленныхъ обязательныхъ и служебныхъ занятій даетъ ему эту возможность, а наступленіе новой политической эры съ воцареніемъ императора Александра П., открывъ широкій горизонтъ всѣмъ мыслящимъ людямъ, какъ бы сразу придала крылья тѣмъ, кому природа даровала силы для орлиного полета.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Крестьяне и крестьянская реформа въ восточнай Австроіи.

(*Продолжение*¹⁾).

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Мы разсмотрѣли только одну сторону отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, лишь одни личныя отношенія между ними, выражавшіяся въ платежахъ и повинностяхъ. Намъ остается ознакомиться еще и съ поземельными порядками, какъ они выработались въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, съ отношеніями крестьянъ къ землѣ.

Въ какихъ отношеніяхъ находились крестьяне Буковины къ той землѣ, на которой они сидѣли, существовала ли или неѣть какія либо права ихъ на владѣніе этой землей? Вопросы эти, какъ мы видѣли, решались и авторомъ брошюры 1848 г., и затѣмъ Kaindl'емъ въ томъ смыслѣ, что буковинскіе крестьяне

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.

не имѣли никакихъ правъ на свои надѣлы, что въ Буковинѣ вовсе и не существовало права крестьянского владѣнія, что крестьяне были не болѣе, какъ временными съемщиками, простыми арендаторами владѣльческихъ земель. Съ первого взгляда можетъ показаться, что такая ихъ точка зрѣнія на земельные букошинскіе порядки вполнѣ справедлива. Она подтверждается, повидимому, нѣкоторыми изъ австрійскихъ комиссаровъ, посланныхъ въ Буковину въ первое время ея присоединенія къ Австріи, такъ и известнымъ намъ Бальшемъ. Буквально тѣ же выраженія, какія приходится читать въ почти современныхъ букошинскихъ донесеніяхъ 1767—1768 гг., представленныхъ генералъ-губернатору Малороссіи, графу Румянцеву, по поводу землевладѣнія козаковъ цѣлаго ряда селеній Переяславскаго полка, повторяются и въ донесеніяхъ австрійскихъ комиссаровъ. „У козаковъ нѣякой собственной, имъ лично принадлежащей земли не имѣется“,—гласятъ рапорты Румянцеву. И тоже говорить и комиссарь Сплени въ 1775 г.: „у крестьянина Буковины нѣтъ никакой собственности“. ¹⁾ „Во всей Буковинѣ нѣтъ ни одного крестьянина, который могъ бы считать пядь земли своей собственностью“, повторяетъ вслѣдъ за Сплени Енценбергъ въ 1779 г. ²⁾ А Бальшъ съ полнымъ апломбомъ завѣряетъ австрійское правительство, что все имущество крестьянина „заключается въ скотѣ и только въ одномъ скотѣ, я хочу сказать, въ одной движимости“.

Но все это и многое другое въ томъ же родѣ является аргументами для теоріи Кайндля только повидимому. Въ тѣхъ же донесеніяхъ, какъ, въ особенности, въ донесеніяхъ австрійскихъ комиссаровъ и конца XVIII, и начала XIX в., мы наталкиваемся на рядъ такихъ чертъ землевладѣнія букошинскихъ крестьянъ, которые совершенно противорѣчатъ теоріи временно-арендного характера крестьянскихъ держаній въ Буковинѣ. Уже Сплени, напр., въ своемъ донесеніи 1775 года отмѣчаетъ такой

¹⁾ Донесеніе Splény, у Polek, 65.

²⁾ Донесеніе Enzenberg'a, у Zieglauer'a, Bilder, 1, 17.

фактъ, какъ тотъ, что „*владѣльцы обязаны отводить крестьянамъ столько земли, сколько то необходимо и для содержанія крестьянскаго скота, и для нуждъ ихъ земледѣлія*“¹⁾). А Енценбергъ пишетъ, что въ молдавскій періодъ князя (господари), для поддержки земледѣлія, разрѣшали крестьянамъ владѣть вѣчно „*разработленными*“ ими участками земли.²⁾ Если мы прибавимъ то, что сообщаютъ намъ вѣкоторые изъ австрійскихъ комиссаровъ о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, то увидимъ и новыя еще черты. „*Обыкновенно,—такъ пишутъ австрійскіе комиссары, посѣщающіе Буковину въ періодъ времени съ 1787 и 1830 годъ, землевладѣлецъ отрѣзываеть всей общинѣ in concreto кусокъ земли, и на немъ крестьяне вправѣ распоряжаться на всей своей волѣ*“.³⁾ Отсюда, и объясненіе той разбросанности полосокъ то пахати, то луга, которая не была свойственна одной Буковинѣ, но и въ древнія времена и Галичинѣ.⁴⁾ Во многихъ деревняхъ Буковины, той части ея, которая состояла изъ равнинъ и визменностей, „*и помѣщики, и поддавные пользуются угодьями сообща, а на поляхъ подлежащихъ обработкѣ, ежегодно менятся участки*“.⁵⁾ И ко всему этому

¹⁾ «Der Herr denen Bauern so viel Gr zuund geben *schuldig* ist, als sie zur Unterhaltung ihres Viehes und etwann zum Ackerbau benötigen». Bericht Splény's 1775, цит. у Grünberg, стр. 268.

²⁾ «Die Fürsten, um den Ackerbau aufzleben zu machen, gestatten (haben) jene Gründe, die sie exterpiren und urbar machen, auf immer zu besitzen». Bericht Enzenberg'a 1783, цит. ib. 268—269.

³⁾ «Gemeinlich der Grundherr der ganzen Gemeinde in concreto ein Stück Feld ausschneidet, in welchem sie nach Belieben, schalten und walten». Отсюда: «allerorten Acker und Wiesen kreuz und quer untereinander (man) findet». Bericht Splény's, ib., 269.

⁴⁾ См. Acta grodzkie, Lwow, т. 3-ий, 52—53, актъ 1378 г., гдѣ указывается какъ на «consuetudo ruthenorum» на расположение полей и полосокъ земли «sparsim et particulatim». Ср. мою статью о формахъ заимочнаго влѣнія, Юридич. Вѣстникъ, Москва, 1891 г.

⁵⁾ «Der Herr und Unterthan die Gründe gemeinschaftlich benutzen und mit dem Feldbau fast alljährlich gewechslet wird». Bericht Enzenberg's, Grünberg, 269.

коммиссары добавляютъ, что „полученную землю община распределаетъ между хозяевами путемъ периодическихъ передѣловъ“ и что, отсюда, „создается и постоянный переходъ участковъ изъ рукъ однихъ въ руки другихъ, и перемѣняемость полосъ“ или то, что коммиссары называютъ словомъ: *Wechselwirtschaft*.

Очевидно, отсюда, что порядки крестьянского землепользованія въ Буковинѣ далѣо не исчерпывалась лишь фактами простого аренднаго, временнаго держанія земли у помѣщика, что они были порядками иного рода, выросшими на почвѣ долговременной практики, выработавшихся обычаевъ. А обычай эти держались до подчиненія Буковины Австріи, да и долгое время и позже, такъ какъ условія и соціальныя, и экономическія оставались почти неизмѣнными. Мало того, что занятія скотоводствомъ преобладали въ Буковинѣ надъ занятіемъ земледѣліемъ, на что постоянно указывали не только первые посланные въ Буковину австрійскіе коммиссары, но и, напр., въ 1810 и послѣд. года окружной начальникъ Платцеръ (Platzer) и др.¹⁾ и что являлось препятствіемъ для развитія болѣе или менѣе интенсивной земледѣльческой культуры. Въ средѣ владѣльцевъ, какъ мы видѣли, и до подчиненія Австріи, и долгое время по-томъ, сельско-хозяйственная дѣятельность была крайне слабой. Она едва начала развиваться,—да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ,—лишь со второй половины XVIII в. Главнымъ доходомъ помѣщика были оброки. Барщина для сельско-хозяйственныхъ нуждъ едва начала практиковаться, и спросъ на ея увеличеніе сколько-нибудь рѣшительно сталъ проявляться, какъ увидимъ, лишь съ конца XVIII в., уже при австрійскомъ владычествѣ. Между тѣмъ, и цѣнность земли была сравнительно ничтожной въ Буковинѣ, и масса земель лежала впустѣ или служила пастбищемъ, и большого значенія землѣ владѣльцы не

¹⁾ Въ своемъ проектѣ реформы Платцеръ отзывается о крестьянахъ Буковины, какъ все еще отчастиnomадахъ, у которыхъ вѣтъ даже сараевъ, ибо скотъ цѣлый годъ, денно и нощно, находится на открытомъ воздухѣ. Докладъ Шлацера, цит. у Kaindl'a, стр. 639.

придавали: попытки сноса дворовъ, захвата крестьянской земли почти не существовали въ молдавскій періодъ и развились лишь къ концу XVIII и XIX в. Естественнымъ являлся отсюда и обычай, подтверждаемый не разъ въ законодательныхъ актахъ тогданихъ господарей, обычай, по которому считалось обязательнымъ отдавать и отводить данной и цѣлой группѣ крестьянъ то или иное количество земли и для пахати, и для пастбища, количество, въ большей части случаевъ составлявшее около $\frac{3}{4}$ всей земли и болѣе земли, принадлежавшей помѣщику. Такой порядокъ только и могъ обеспечить доходность имѣнія. И это было до такой степени укоренившимся въ Буковинѣ порядкомъ крестьянского землепользованія, что въ урбариахъ конца XVIII ст. обязательность обычая было всецѣло признаваема. Въ урбаріѣ 1790 г., касающемся имѣній Моруцци, то и дѣло рѣчь идетъ не о правѣ крестьянъ требовать отъ владѣльца землю, а исключительно о размѣрахъ этихъ требованій, размѣрахъ обязательно отдаваемой крестьянамъ земли. Владѣлецъ регулируетъ въ урбаріѣ главнымъ образомъ крестьянскія земли, отдаваемыя общинѣ *in concreto*, резервируя уже для собственныхъ потребностей, собственного хозяйства лишь $\frac{1}{3}$ всей земли. И это въ то время, когда, какъ увидимъ, австрійское правительство стало усиленно работать надъ примѣненіемъ въ Буковинѣ порядковъ, существовавшихъ въ другихъ австрійскихъ областяхъ, надъ выдѣленіемъ и ограниченіемъ чисто-господскихъ (*dominical*) отъ крестьянскихъ земель и угодій (*rusticalgrunde*). Не менѣе $\frac{2}{3}$ земли, не считая лѣса, должны были находиться въ рукахъ крестьянъ. Моруцци настаивалъ и на принципѣ: не болѣе $\frac{2}{3}$, но раньше существовалъ, еще и въ 1790 г., и позже неисчезнувшій, обычай отводить *in concreto* крестьянамъ около $\frac{3}{4}$ всей земли и болѣе, какъ на то указываютъ слова одной австрійской канцелярской бумаги 1812 г., что „въ Молдавіи, какъ обычный порядокъ, является отдача крестьянамъ $\frac{2}{3}$ земли, а во многихъ мѣстностяхъ даже и $\frac{3}{4}$ ея“.¹⁾

¹⁾ Kanzleivortrag 9 апр. 1812 г., цит. у Grünberg'a, 271.

Такимъ образомъ и въ молдавскій періодъ, какъ даже и позже, снабженіе крестьянъ землею являлось дѣломъ и обязательнымъ, и обычнымъ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ господствовавшему типу сельского хозяйства.

Снабженіе землею было двоякаго рода. Преобладающей формой отдачи была отдача земли въ колективное владѣніе, второстепенной, шедшей рядомъ съ коллективной отдачей земли,— отдача ея въ наслѣдственное владѣніе, и это, нерѣдко, въ одной и той же общинѣ. Въ большинствѣ случаевъ, отсюда, помѣщики имѣль дѣло не съ отдѣльнымъ крестьяниномъ, какъ владѣльцемъ его земли, въ теоріи считавшейся господской, а со всею группою, владѣвшую всею совокупностью отданныхъ земель.¹⁾ Въ постоянномъ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ семей находились лишь ихъ жилье и прилегающія къ нему левады.²⁾ Вся остальная земля находилась въ общемъ и совмѣстномъ пользованіи всѣхъ подданныхъ села и распредѣлялась уже затѣмъ между отдѣльными хозяевами.³⁾ Передѣлъ земель и распредѣленіе ихъ между крестьянами производились, обыкновенно, либо сельскимъ судомъ (*Gemeindegericht*), либо сельскимъ старостой съ соучастіемъ делегатовъ отъ всей общинѣ.⁴⁾ Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже и въ началѣ XIX в., въ распредѣленіе земель помѣщики совершенно не вмѣшивались.⁵⁾ Болѣе того, они не касались совершенно вопроса о допу-

¹⁾ «Auf dem flachen Lande ist der rusticalgrund besitz nur für jede Gemeinde in concreto stabil, zwischen den einzelnen Gemeindelieder aber wandelbar». Beratungspotokol der vereinigten Hofstellen 7 марта 1820 г., цит. у Grünberg'a, 271.

²⁾ Bericht Stutterheim'a 7 дек. 1819 г., ib.

³⁾ Общинное поле «gemeinschaflich von allen Unterthanen des ortes benützet oder unter die einzelnen Unterthanen vertheilt». Bericht Stutterheim'a, ib., 272.

⁴⁾ Передѣлъ совершался и «durch den Gemeindevorstand, manchmal auch unter Zuziehung eines Ausschusses der Gemeinde». Ib.

⁵⁾ Отсюда рядъ дѣлъ, возникшихъ при австрійскомъ владычествѣ, когда изъ политическихъ и фискальныхъ видовъ правительство привлекало въ Буковину нѣмцевъ-колонистовъ. Такъ, въ 1788 г. вы-

щенію къ землепользованію общинной землей новыхъ пришельцевъ. Правами на надѣль изъ общинной земли пользовался каждый взрослый крестьянинъ, обладавшій возможностью занести свое хозяйство.¹⁾ Но надѣлы не были равными для всѣхъ хозяевъ: ихъ величина опредѣлялась душевымъ составомъ данной семьи „количествоимъ имѣвшагося у данной семьи скота и т. п.²⁾ Надѣль отъ надѣла отдѣлялся простой бороздной, почти исчезавшей всякий разъ, когда данное пахатное поле отводилось подъ выпасъ. Повидимому, и теченiemъ времени, въ концѣ XVIII в., какъ то можно заключить изъ урбариа Моруцци, создались уже градациіи между крестьянами и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, градациіи въ размѣрѣ надѣловъ. Урбарій этотъ 1790 г. отмѣчаетъ 4 группы крестьянъ, группы, отличающіяся другъ отъ друга количествомъ скота у каждой семьи. Это fruntasi (фрунташи), mijlocasi (мийлокаші), codasi (кодаші) и четвертый классъ. Первые—владѣльцы 8 воловъ, вторые—6, третьи—4, послѣдніе—2. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и надѣлы первыхъ равнялись 12 фальшей, вторыхъ—9, третьихъ—7, послѣднихъ—3. Но пользованіе этими надѣлами не было постояннымъ, а времененнымъ; участки (коны) „вѣчно“ переходили отъ одного хозяина къ другому.³⁾ „Выдѣленной, но не обведенной никакими гранями, зем-

заны были колонисты нѣмцы въ Баната. Хотя и на нихъ возложена была обязанность нести тѣ же платежи, и тѣ же повинности, которые несли и мѣстные крестьяне, они не могли добиться или съ трудомъ добивались полученія отъ мѣстныхъ общинъ надѣловъ. Отсюда безконечный рядъ жалобъ на общину за ихъ отказъ дать надѣль, отвести землю новымъ пришельцамъ: передѣль, очевидно, былъ дѣломъ исключительно одной общини. Какъ увидимъ, лишь гораздо позже, до 1835 г., порядки эти были разрушены отчасти австрійскимъ правительствомъ. См. Kaindl, стр. 605—6.

¹⁾ «Jede erwachsene Mannsperson, welche einer Wirtschaft vorzustehen vermag». Kanzleivortrag, 1822 г. Ib.

²⁾ «Nach des Grösse der Familien oder nach dem Bedürfnisse ihres angewachsenen Viehstandes». Stutterheim, 1819. Ib.

³⁾ «In dem einzelnen unterthänigen Besitz ein ewiger Wechsel statt (hat)». Stutterheim, ib. 273.

лей (кономъ) каждый изъ крестьянъ могъ пользоваться либо какъ пахатю, либо какъ лугомъ; въ ближайшіе годы или на второй годъ все нарѣзанные участки превращались въ землю общаго пользованія, и для пахати отводилась новая земля, гдѣ вновь нарѣзывались участки для каждой семьи; ни одинъ изъ крестьянъ не получалъ, такимъ образомъ, вновь того участка, который онъ держалъ раньше, ни одинъ изъ участковъ не подвергался вновь той же культурѣ, какая на немъ велась въ предшествующіе годы¹⁾. Даже тогда, когда данная земля находилась подъ обработкой могъ происходить и происходилъ „новый передѣлъ“, напр., въ случаѣ смерти хозяина, его выселенія, даже и полнаго разоренія²⁾. Извѣстный кусокъ поля можно было „обрабатывать въ теченіе 3, 4, 5 лѣтъ и даже болѣе, и затѣмъ на столько же лѣтъ онъ отдавался подъ пастбище, и, наоборотъ, поле, паходившееся подъ выпасомъ, подвергалось передѣлу, по безъ обязательнаго съвооборота, безъ обязанности непремѣнно засѣвать его или озимымъ, или яровымъ хлѣбомъ. „Обязательнаго съвооборота, какъ и трехполья не существовало: земли было много; община могла выдѣлять каждый годъ или чрезъ данный промежутокъ времени всякий разъ новую землю, хотя бы и вдали отъ поселка, оставляя послѣдовательно уже эксплоатированные участки полей подъ пашомъ. Съ другой стороны, отведенное подъ пахать поле нерѣдко было болѣшимъ, чѣмъ сколько требовалось подъ обработку, и тогда предоставлялось обрабатывать землю захватнымъ способомъ. Отсюда, и отсутствіе принудительности съвооборота, и та разбросанность коновъ, о которой мы говорили выше.³⁾

¹⁾ Ib.

²⁾ Ib.

³⁾ Приводимъ въ болѣе подробномъ видѣ отзывы австрійскихъ коммиссаровъ о порядкахъ землепользованія: «Die Hutweiden sind in Bukowina nur an wenigen Orten, n mlich in waldigen, sumpfigen und solchen Orten perpetuirlich, wo der Boden auf keine andere Art ben tzt werden kann, sonst sind sie allgemein in ganzen Lande wandelbar, indem sowohl Obrigkeiten als Gemeinden einen Theil der Gr nde gew nlich mehrere Jahre brach liegen lassen, sie durch diese

Мы имъемъ, такимъ образомъ передъ собою въ Буковинѣ форму общиннаго землевладѣнія, землевладѣнія, при которомъ не могло и не можетъ возникнуть вопроса о правѣ собственности того или другого крестьянина. У послѣдняго о правѣ собственности на землю въ строгомъ смыслѣ слова не могло быть и рѣчи: онъ былъ съемщикомъ, но съемщикомъ не у помѣщика,

Zeit als Waide benützen und so reihenweise von Zeit zu Zeit abwechseln». Bericht des galizischen Landesgubernium 1817, ib. 274.— «Durch die Unbestimmtheit und Wandelbarkeit des Besitzstandes und bei der noch sehr niedrigen Stufe der Kultur, auf der die Feldwirtschaft in der B. steht, wird auch der Werth des Gründes von den einzelnen precairen Besitzern nicht geachtet, und der Ertrag desselben bei der dem Bukowiner Bauern angebohrenen Tragheit nur mit dem möglichst geringen Aufwand an Zeit und Kräften gewonnen. Hieraus entspringt nur ein neuer Anlass beständiger Veränderungen. Der Unterthan verlässt seinen durch einige Jahre benützten Grund und greift willkürlich in die zu nächst brach gelegenen Strecken ein, ohne sich mit dem Eigenthümer derselben abgefunden zu haben und ohne von diesem oder sonst jemand hieran gehindert zu werden». Stutterheim, цпт. ib., 274. И еще одинъ отзывъ: «die Art und Weise, wie die Unterthanen die obrigkeitlichen Gründe benützet haben und heute noch benützen, hätte eine einzelne Beurbarungweise eines Unterthanes nicht gestattet, weil wenn er hier und dort hätte ackern oder säen wollen, wo die übrigen Dörflinge ihr Vieh huten oder ihren Heuschlag unterhalten wollen seine Saaten und sein Grass von dem Viehe der übrigen Dörflinge wären abgeweidet worden Es gab also und gibt heute noch keine andere Benützungsart der unterthänigen Gründe in der B. als diese, dass das Erdreich, welches zur Beackerung in einem Jahre bestimmt wird, von der ganzen Gemeinde umzäunet und von jedem Dörflinge soviel beackert wird, als auf ihm auställt oder er zu beackern im Stande ist». Поле такое отдавалось оть деревни и оть скота загорожей. Отсюда, извѣстное южанамъ слово *царина*, которая переносилась съ одной стороны деревни на другую. При этомъ, если поле и лугъ находились по одной сторонѣ деревни, то пастбище отводилось на другой противоположной. Kanzleivortrag. 1812, ib., 275. Всѣ эти отзывы ясно рисуютъ предъ нами страну, еще не вышедшую изъ стадіи первобытнаго переложнаго хозяйства.

а у общинъ, которая одна только, безъ участія помѣщика, распоряжалась отведенной ей землей. Какъ и какимъ образомъ создался такой порядокъ вещей, подвергался ли онъ или неѣть въ теченіе молдавскаго периода какимъ либо измѣненіямъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно: изслѣдованіе этого вопроса до сихъ не было никѣмъ предпринято. Но фактъ существовавшихъ общинныхъ порядковъ землепользованія до присоединенія Буковины къ Австріи и долгое время послѣ того,—не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію: съ нимъ, какъ увидимъ, не мало пришлось возиться имперскому австрійскому правительству.

Но рядомъ съ общиннымъ землепользованіемъ стояла и другая форма пользованія землей, обусловленная значительнымъ запасомъ въ Буковинѣ общинной земли, отдаваемой въ распоряженіе общинъ. „Кромѣ той земли, говоритъ Штуттергеймъ, тщательно изучившій порядки землепользованія въ Буковинѣ, какъ специальный для этой цѣли посланный комиссаръ австрійскаго правительства, кромѣ той земли, которая подлежала периодическому передѣлу, существовали и другія земли, стоявшія внѣ этого порядка и попавшія въ руки тѣхъ или иныхъ семей, которые владѣли ими вѣчно“.¹⁾ Это—такъ наз. разробки, лазы, лазури (*lazy, lazuri*), о которыхъ другой комиссаръ разсказываетъ, что онъ находилъ „въ довольно значительномъ разстояніи отъ села, въ возвышенныхъ долинахъ, цѣлья поля, которые находились во владѣніи 10—12 семей. Изъ допроса ихъ я убѣдился, что поля эти не подвергались периодическимъ передѣламъ и составляли собственность этихъ семей“.²⁾ И общинъ, и помѣщиковъ допускали существованіе такихъ разробокъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Разробки эти могли быть даже продаваемы и отчуждаемы, но съ однимъ условіемъ: предварительного согласія помѣщика и общинъ. Лишь въ случаѣ прекращенія семьи земля становилась выморочнаю и возвращалась владѣльцю ея.

¹⁾ Stutterheim, Bericht, цит. ib., 275.

²⁾ Rothkirch, Reisereitung (Роткирхъ былъ землемѣромъ), 1820 г., *ibid.*

Но всѣ указанные порядки землепользованія являлись го-
сподствующими и преобладающими лишь въ равнинахъ или въ
болѣе низменныхъ мѣстностяхъ. Въ нагорныхъ мѣстностяхъ, въ
деревняхъ и поселеніяхъ, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ,
расположенныхъ въ горахъ, въ сохранившихся всецѣло такъ наз.
„республикахъ¹⁾ Кантеміра, порядки землевлація носили противо-
положный характеръ, общій съ порядками остальной горной
Европы и Австріи. Здѣсь преобладалъ типъ индивидуального,
точнѣе подворного землевладѣнія (Hofsystem). Крестьянинъ вла-
дѣлъ своимъ участкомъ на правахъ наследственныхъ, на правѣ
передачи участка потомкамъ, его отчужденія и т. п.²⁾ или же
являлся уже настоящимъ временнымъ съемщикомъ земли у по-
мѣщика.³⁾

Но каковы бы ни были порядки землепользованія и земле-
владѣнія въ той или иной мѣстности Буковины, во всей странѣ,

¹⁾ Вотъ какъ обрисовываетъ этотъ порядокъ вещей Штуттер-
геймъ: «Rottgrunde, die einzelne Unterthanen in verschiedenen Gegen-
den der herrschaftlichen Grundbesitzungen zerstreut als Acker oder
Wiesen urbar gemacht haben, und die zwar die Eigenschaft eines Do-
minikalgrundes nicht verlieren, aber dem betreffenden Unterthanen
von Erlöschen seiner Descendenz nicht abgenommen werden können.
Sie gehoren zu der bukowiner unterthänigem Besitz, der nebst den
einzelnen Hausplätzen und den dabei befindlichen Gärten noch am
meisten bestimmt und gesiechert blieb, weil der Unterthan solchen, als
selbst geschaffen und durch ehemalige Landesgesetze und Gewohnheit
und durch Verträge mit der betreffenden Grundobrigkeit für unent-
reisbar hält. Sie waren auch nicht in jenem Konkretal-Gemeindegrün-
den begriffen, die durch die Ortsvorstände nach Willkür ertheilt wer-
den dürfen». Bericht 1819 г., ib., 276.

²⁾ Порядокъ этого землевладѣнія, къ сожалѣнію, описаны австрій-
скими комиссарами въ самыхъ общихъ чертахъ. Они не бросались
имъ въ глаза, не вызывали такого же вниманія къ немъ, какое вы-
зывали исчезнувшіе въ остальной Австріи и совершенно чуждые ком-
иссарамъ порядки общинного землепользованія. Объ нихъ говорятъ
комиссары лишь мимоходомъ.

³⁾ «Als bloss Pächter der herrschaftlichen Gründe (war)». См.
Kaindl.

во всѣхъ существовавшихъ въ Буковинѣ деревняхъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ существовала еще одна, общая всѣмъ имъ форма пользованія землею. Я разумѣю пользованіе лѣсами, еще и въ концѣ XVIII в. покрывавшими не малую часть Буковины.

Пользованіе лѣсомъ и многими угодьями какъ для цѣлей частьбы и разробокъ, такъ и для надобностей въ топливѣ и въ строевомъ лѣсѣ было вполнѣ свободнымъ и неограниченнымъ въ молдавскій періодъ. Крестьяне не только могли рубить лѣсъ для построекъ и топлива, но и для продажи его, и это послѣднее ихъ право не вызывало ни ограничений со стороны владѣльца, ни даже и обложенія крестьянъ за такое пользованіе лѣсомъ.¹⁾

Такимъ образомъ основной чертой, характеризующей порядки землевладѣнія въ Буковинѣ въ XVIII в., была не временная аренда, не Pachtsystem, которая лишь случайно попадалась въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ, а обязательная отдача земли въ вѣчное и постоянное владѣніе общинѣ, которая уже отъ себя отдавали участки отдѣльнымъ крестьянамъ въ пользованіе, правда временное, но совершенно иного типа и характера, а не того, которые лежать въ основаніи аренды. Огношенія владѣльца и крестьянъ на почвѣ земельной и земельныхъ порядковъ были отношеніями одинаково обязательными, какъ для владѣльца, который обязанъ быть въ силу обычая и закона отводить въ вѣчное владѣніе общины достаточное количество земли (большею частью либо всю землю, либо $\frac{3}{4}$ ея), такъ и для общины, которая, въ свою очередь, была обязана брать ее и обрабатывать. Отсюда, отсутствіе съ момента присоединенія къ Австріи того порядка, какой установился въ другихъ австрійскихъ областяхъ, отсутствіе какого бы то ни было разграниченія между тѣмъ, что въ Австріи носило название помѣщичьей земли, Dominikalgründe, и тѣмъ, что называли тамъ собственно крестьянской землей,

¹⁾ „Die freye Lignation sei denen Bauern so uneingeschränkt, dass er das Holz ausser eigener Nothdurft auch zum Verkauf aus den Wäldern ohnengeltlich zu nehmen berechtigt wäre“. Bericht Splény's, ib., 278.

Rustikelgründe, а съ другой стороны, для громаднаго большинства крестьянъ и отсутствіе правъ наследственнаго владѣнія передѣляемыми участками, правъ передачи ихъ по наслѣдству, отчужденію ихъ и т. д. Подобнаго рода права существовали болѣе какъ исключеніе (у отдельныхъ крестьянъ на ихъ разробки въ отдаленныхъ отъ селенія мѣстахъ или у жителей нагорныхъ мѣстностей).

Прибавимъ еще къ сказанному, и для болѣе полнаго освѣщенія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ въ Буковинѣ въ моментъ присоединенія ея къ Австріи, и то обязательство, что при исполненіи барщинъ вполнѣаглыми крестьянами, послѣдніе не имѣли права требовать у помѣщика рабочаго скота: на барщину они должны были являться со своимъ скотомъ. Вся землевладѣльческая культура производилась исключительно съ помощью рогатаго скота.¹⁾ И тоже въ случаахъ голода, неурожая, скотнаго падежа и т. п. Буковинскій помѣщикъ не былъ обязанъ приходить къ крестьянамъ на помощь. Это совершенно не входило въ кругъ его дѣятельности и обязанностей. Онъ имѣлъ отношенія не къ тому или другому крестьянину, а къ цѣлой общинѣ. Община устроивала, независимо отъ помѣщика, порядокъ землепользованія, она же въ Буковинѣ вѣдала и дѣло помощи крестьянамъ въ случаахъ нужды.

Мы обрисовали въ общихъ чертахъ какъ личныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, такъ и поземельные порядки, существовавшіе въ ней въ XVIII в. въ моментъ присоединенія къ Австріи. Посмотримъ теперь, какимъ измѣненіямъ подверглись и тѣ, и другія послѣ присоединенія, въ правленіе Іосифа II, такъ и въ послѣдующее время, вплоть до того момента, когда въ 1848 г. старый порядокъ и личныя, и поземельныя отношенія были окончательно потрясены, отмѣнены и уничтожены.

И. Лучицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Der Unterthan in der Bukowina hatte nie eine Verspannung von den Dominien, sondern hat seine Frohne mit seiner Bespannung verrichtet“. Kanzleivortrag, 1812, ib., 278.

СЕРЕДЬ ТЕМНОЙ НОЧЫ.

Повесть.

ЧАСТЬНА ПЕРША.

Чуженцы.

I.

У хати въ Пылыпа Сываша за столомъ сидила бѣседа: братъ Охримъ изъ жинкою, сватъ Манойло зъ свахою Кылышою, кумъ Терешко Тонконоженко, сусида Струкъ изъ своею сердитою Стручыхою, дядько—старый Корній Грабенко та своя симъя. Не того Пылыпъ бѣсиду завивъ до себе, що сёгодни недиля, а того, що вернувся додому зъ салдативъ середульшый сынъ ёго Романъ. Дочбкъ у Сывашивъ не було, але трое синивъ, якъ соколивъ: найстаршій Денисъ, уже давно жонатый, добрий хазянъ,—удався въ батька; середульшій—ото-жъ Романъ, а найменшій—Зинько. Романъ знатъ, що ёму йти въ салдаты, и не схотивъ женитися, щобъ жинки самои дома не кыдати, сказавъ, що якъ вернется, то тоди; Зинькови-жъ давно треба було одружытыся, бо и въ салдаты ёму не припадало йти та й жеребокъ винъ уже бравъ, дакъ що жъ, коли не хоче? Нема,—говорить—ёму пары. Батько казавъ, що десь у своїхъ книжкахъ начытавъ мабуть такого. Мати хочъ и гни-

валась, що нема ій помочы, та не дуже, бо працёвыта та тыха Денісова Домаха—онъ та билява молодыця, що теперъ порается биля печы—годыла свекруси. А такъ докорыты Зиньковиничымъ не можно было: и тыхый, и працёвый парубокъ, и непытущий... не такый запальний хазянъ, якъ Денісъ, але жъ такы хазайновытый. Та найдужче маты любила оцёго Романа: таке воно змалечку було моторне та цикаве и зъ себе гарне,—то вже було мазунчыкомъ у матери. А дали на службу пишовъ, на чужини поневирявся,—хыба жъ и не жалко? И стара Параска, забуваючи, що ій треба взаты зъ прыпичка и поставыты на стиль мыску зъ вареныкамы, спынялася биля печы, дывилася закоханымы матерынными очымы на сына и думала:

— Боже, яке жъ гарне! Бровы якъ на шнурочку, вусъ чорненький, ще й угору трохы закрученый. Панычъ та й годи!

И батько радивъ, що сынъ вернувся. Самъ винъ прожывъ уже пивсотни й шисть літъ, але сывына ледви почынала пробыскуваты въ ёго темному волоси. Винъ бувъ ще пры здоровлю, здужавъ усе робыты, а оци три сыны—таки косари, що й трава передъ нымы горыть. Хазайство въ ёго добре було, а теперъ ще покращае. За такымы сынамы й забагатиты можно. Пылысь уже трохы выпывъ и теперъ, частуючи гостей, радисвый та добрий, росказувавъ:

— Выпыйте, люде добри, за здоровле моихъ синивъ!.. Вовы въ мене якъ золото!.. Хочъ старыхъ Богъ забравъ, дацъ же сымы щедро надилывъ, спасыби имъ!..

— Що правда, то правда, сусиде,—дай, Боже, щобъ усе було гоже!—твои сыны таки, що въ кожного батька серце росло бъ, на ихъ дывлючысь,—такъ проказувавъ довгый и сухий Струкъ, беручы въ Пылыща чарку.

Інши гости, потакуючи, кывалы головамы, а сыны сидилы горди тією хвалою. Старший—уже поважный, зъ бородою, здоровый, якъ робочий віль; меньшій—ще молодый парубокъ зъ невельчичкыми чорными вусамы й задумаными ясными очымы; ти очи дуже нагадувалы батьковы, тильки що въ батька

вони вже прыгаслы за довги лита клопоту й працы, а въ сына сялы цилымъ снегомъ молодого вогню. Але найбильше дывыліся люде на Романа. Винъ сидивъ на покути пышный, у «пиджаку», обстрыженый и россисаный набикъ, по городанському; повне облычче було биле, а гарный вусъ ажъ блыщавъ на ёму. Теперъ сей чепурный выдъ почервонивъ, бо парубокъ выпывъ не одну чарку горилкы; та винъ мигъ пыты по багато и ще не бувъ пьяній, а такъ—тильки почынавъ хміль голову розбираты, и Романъ де дали стававъ усе веселишый та хваль-кишый на языкъ.

— Чого жъ се ты, небоже,—пытавъ ёго дядько Охримъ,— не заразъ до дому вернувся, якъ службу видбувъ? Адже за малымъ не годъ ище прогаявсь.

— Такое дѣло случылось,—одказувавъ Романъ.—Какъ ето выйшолъ я зъ службы,—заразъ должностъ мынъ предложылы, очынь даже хорошую: трыста рублей жалування.

— О, се добра служба,—tryssta рубливъ! озвався сватъ Манойло.—А яка жъ то служба?

— А така—швейцаромъ пры палатѣ. Ну, я тамъ почаль служыть, а потомъ затосковался по своему роду. Нывжлы,—думаю,—я зъ свайї родынъ не могу прыличной для себе должносты получыть? Бросывъ усе и прыйшовъ.

— И добре зробывъ, сынку,—казала маты,—бо й настъ извеселыvъ.

— Теперъ тильки одружыши, свате, дитея тг ѹ забувай горе!—казавъ до Пылыпа Манойло.

— Та я зъ дорогою душою,—усміхався Пылыпъ,—абы сыны!

— Пождить, батюшка,—будемо й женыться,—вотъ только должносты получымъ,—одказавъ Романъ.

— Образованый чоловікъ може завсегда соби должносты получить,—озвався Денысивъ кумъ Терешко. Винъ колысь, ще за пансікого права, бувъ биля павінъ у двори, иноди й самъ юбывъ закыдаты «по образованому». Ёму дуже подобалося явъ говорыть Романъ и самому схотилося докынуты сливце,

щобъ знаты було, що и винъ не абы хто. Батько й інши гости думалы: «Ичъ, якъ набрався Романъ науки! Такъ и риже по панському!» Имъ здавалось, що Романъ дуже добре потрапляє на панську мову. Тильки сывому мовчазному Корніеви Грабенкови та Зинькови не подобалось, що салдатъ ламає языка.

А Пылыпъ изъ Пылыпхою все прыпрохували та частували. Облычча въ гостей почервонили й спитнили, языки починали чеплятися за зубы, хочъ голосы де дали ставали все гучниши та гучниши. Тильки Зинько бувъ зовсімъ тверезый, бо винъ не вжывавъ горилки, та Романъ бадёрывся. Але й ёму вже такъ ударыло въ голову, що ажъ млосно стало, і винъ пишовъ зъ хаты на проходолуду. Зинько й соби вийшовъ мовъ бы за имъ, а просто того, що не любивъ дывитися на п'яныхъ. Обыдва вийшли у дверь.

Була недиля, і на вулиці вешталось чымало народу. Ишли парубки въ святковыхъ чумаркахъ і добрыхъ поясахъ, сміялыші й погукували на дивчатъ, а ти, хыхыкаючи й щебечучы, проходили вулицею, маючи яскоколирними стрічками, вишитими рукавами, червоними й синими сидницями. По-пидъ хатами, на прызбахъ та на колодахъ, скрізь сидили бабы, лузуючи насинне, часомъ і чоловики зъ люлькамы въ зубахъ, і розмовляли про всяки новыны та про хазяйськи й хатни справы. И пидъ Сывашевымъ дворомъ лежали колоды,—добрий хазяинъ Пылыпъ давно вже стягавъ деревню на нову хату сынови,—и чуты було звидтиля гоминъ. Черезъ вyzенъкъ цикаво зазирало на нового салдата вильки дытачыхъ і дивочыхъ, билыхъ і заквитчанихъ по святному, голивъ. А въ двори въ сусида Струка стояло биля тыну і дивилося двое дивчатъ: Струкова дочка зъ ёго наймычкою Левантинкою.

— А, дивчата!—гукнувъ Романъ.—Нада й имъ празники устроить. Брать Зиновій! получай рубля и бигай у лавочку! На всіого рубля купуй канхветовъ, пряниковъ, орехогъ,—для наслажденія дѣвушкамъ. А ты, мальчики,—кывнувъ винъ на хлопця, що зазиравъ черезъ тынъ,—получиши п'ятаекъ,—катай

до музыки Матвѣя,—пушай иде сюда. Пусть дивчата знаютъ, когда вернувся са службы Романъ Пылыповычъ Сивашовъ!

Хлопецъ метнувся по музыку, а Зинько якось нехотя пишовъ до крамныци.

— Дивчака! Хадѣть сюда! веселыться будемъ!—заклыкавъ Романъ.

Дивчата соромылнся ввиходыты, хоча Струкова дочка вже выбигла зъ свого двору на вулыцю, вытигши за собою й Левантыну. Романъ выйшовъ зъ двору. Мижъ дивчатьмы було килькы й парубкивъ. Романъ поклыкавъ и ихъ:

— Хадѣть, шобъ дивчатамъ веселѣй було!

Парубки не хотили йты безъ дивчать, а дивчата соромылнся безъ парубкивъ. Врешти билява Хымка, жвава й моторна, вхопыла подругу за рукавъ и потягла до Сывашивъ у дверъ.

— Колы йты, такъ уже ходимъ! Шо тамъ ище трыхъмныхъ мнятъ!

За нею посунулы й инши дивчата й парубки. Незабаромъ прыйшла музыка—дви скрыпки й бубонъ, Зинько прынисъ ласощи. Романови хотилося сёгодни показаты себе. Метнувсь ў хату, вынисъ пляшку горилки, почастувавъ музыку, хотивъ частуваты й дивчать. Воны пышалысь, одверталысь и казалы:

— Оце жъ такы! Хыба жъ такы мы іи пъемо? Таку гирку!..—И не скотили пыты.

На складкахъ дейки такы ласувалысь на чарку, але тутъ було соромъ.

— Не хочуть горкого,—дамо имъ сладкого!—гукнувъ Романъ, беручы цукеркы, пряныки та горихи.—Получайте, дивчата!

Дивчата й доси соромылнся, и ни одна не хотила браты перша.

— Эхъ, вы! какія несмѣли!—посміявъ Романъ. Побачивши биля себе Левантыну, винъ сыломицъ упхувъ ій у руки торбынку зъ ласощамы й промовывъ:

— Роздавай подругамъ!

Деликатне довгеньке Левантыныне очычче видразу взялося цолумъемъ. Вона держала въ рукахъ ласощи и не знала якъ бы ихъ збутися. А Романъ стоявъ передъ нею, сміючыся до неи зъ пидъ вусивъ, блыскаючи на неи смилымы очыма. Левантына спустыла свои темни очы, довги віи выразно зачорнилы на рожевому лычку. Романъ зареготався й одійшовъ, а Левантыни зробылося ще дужче віяково. Дивчата почалы штовхаты іи, шепочучы:

— Ну чого стоишъ? Роздавай!

Та вона мовъ не чула того и все стояла нерухома, а дивчата сміялыша.

— Одя ще!.. мбняется!..—скрыкнула Хымка и вхопыла въ неи зъ рукъ ласощи.—Ось я, дивчата, роздамъ!

И почала роздаваты. Кожній хотилось взяты бильше, але вси бралы потроху, бо соромлялыша. Тымъ часомъ озвалася скрышка, вдарывъ бубонъ. Танцюриста Хымка вынула ѹ ласощи.

— Отъ же не выдержу!.. Ой танцоваты хочу!

Парубкы вже тымъ часомъ выпылы зъ Романомъ по чарци. Зъ межы ихъ заразъ изнайшовся одынъ до пары Хымди.

— Эхъ, гуляй душа!—скрыкнувъ винъ и вдарывъ ногамы объ землю. Хымка танцовала гарно й легенько, парубокъ сылкувався не податыся передъ нею. Молодижъ оточыла ихъ кобомъ. Де-дали пара танцовала все палкише й палкише, запаляючи до танцу й инпыхъ. Незабаромъ зъ натовпу вырвалася й друга пара. Першы парубокъ, натомленый, скоро кынувъ танець, але Хымка не вгавала. Вона крутнулася, ажъ стричкы высоко замаялы въ повитри, вхопыла Романа и потягla ёго въ швыдкому танци, сміючыся й моргаючи на ёго веселымы очыма. Але Романъ, проходючы прозъ Левантыну, ѩо стояла не танцовуючи, вхопывъ іи та й закрутывъ у тому танцюристому крутени. Збентежена зъ такои несподиванкы, дивчына спершу піакъ не могла потрапыты въ ладъ, але згодомъ якосъ утрапыла, и сами ногы, слухаючысь музыкы, робылы ѩо треба. А ій чогось було такъ соромъ, и вона не глядила ни на кого и

все думала про те, що Романъ танцює передъ нею и дывытся на неи своимъ смилымъ, ажъ незвычайнымы, очыма, и не могла звесты на ёго погляду. Ій ставало все бильше та бильше ніяково, здавалось, що вси іи саму тильки й пыльнують, дывуючися, що вона такъ довго танцює зъ Романомъ. Вона выхопылася зъ танцю й покрылася въ гурти. Не зосталася й зъ дивчатьмы, а заразъ-же нышкомъ подалася черезъ перелазъ у дверъ до своего хазяина.

А музыки тялы тымъ часомъ зъ усієи силы, парубки й дивчата танцювали, ажъ подвирре гуло, довги яснооколирни стрички маяли въ повитри, брязкало намысто на задыханыхъ грудяхъ, а зъ заквитчанихъ голицъ падалы на землю квитки, и дивчата й парубки топталы ихъ ногамы.

Почувши музыку й танци, вся бесседа давно вже выйшла зъ хаты подывытися на молодижъ. Старый Сывашъ забурчавъ спершу, що не слизъ було вулыци робыты въ двори, але маты оступылася за Романа:

— И—й, старый! мовчы вже! Тильки сёгодня дытина прыйшла, повеселыться схотилося, а ты вже й гниваешься! Може винъ соби тутъ пару знаходе. Давай краще сядемо на прыспи та подывымось, якъ молоди веселяться, то може й мы помолодшаемо.

Пылыпъ тильки рукою махнувъ. Стари гости подывылышя на молодижъ и почали прощаться, бо вже вечорило. Молодижъ ище трохи потанцювала та й подалася зъ двору на выгинъ—кинчаты тамъ свято. Дома матирки й батьки сварылышя, що вже вечеръ, а дочки й сыны не йдуть коривъ доиты та товаръ напуваты. Але тимъ було не до того: Романъ пославъ ище по горилку, почастувавъ сёго разу вже й дивчать, и довго чуты було на выгони музыку й спивы, танци й голосный молодый смихъ.

Але Зинька тамъ не було. Побачывши, якъ Левантына втекла зъ танцівъ, и знаочы, що въ іи двори никого немае, винъ пишовъ до себе на тикъ, зъ току перескочивъ у свій садокъ, а зъ свого въ Струківъ,—чи не побачить тамъ дивчыну.

Мати нападається на єго, що винъ доси не одружився. А колы жъ винъ і справди соби пары не може знайти? Е й гарни дивчата, и роботяци... навить е й багати... та все єму не пидъ мысли. Єму треба таку жинку, щобъ винъ про все зъ нею мигъ говорыты, щобъ усю свою душу мигъ ій открывати... А то винъ тутъ такъ живе, що нізъ кымъ и поговорыты по щиросты. Що правда, про хазяйство и про все таке можно и зъ батькомъ, и зъ матирю, и зъ братомъ размовляти... такъ сёго єму мало. Ему хочется все знати, все розибрать: якъ воно и черезъ вишо и на що робиться. Колись заманулося єму вывчытися читати. Такъ схотилося, що не мавъ упокою ажъ поки вывчывся. Школы въ ихъ тоди ще не було, да винъ оддавъ дякови рубливъ изъ десять мабуть, ажъ поки той навчывъ єго. Теперъ Зинько читає, да тильки якось не дуже ще розбира тіи книжки. А хоти-лось-бы єму розбирати и знати багато... про все... Отъ хочъ бы й про те—чого такъ люде живуть? Тутъ тоби такий убогий, що ничего йисты, а тамъ такий багачъ, що гроши миркою ми-ряє. Однъ кривавымъ потомъ умывається та робить та дбає, а другий ледащо, линується... або ще пье... а то й красты пиде... Невже не можно крашого порядку завесты? Мабудь про се въ книжкахъ пышуть, да тильки винъ не знає тыхъ книжокъ. Де жъ таки, щобъ вони въ таке мале село та подоходили? Тутъ про ихъ никто й не чувъ. Хотивъ Зинько про се кого роспитати, да кого-жъ? Дякъ саме божественне знає, писарь—самій волосни дила, крамаръ усе на щотахъ кыдає та запысує гроши... до батюшки Зинько не посміє пити, а до вчителя ходи-въ, да кочешъ добре жити,—роби, не піячъ,—отъ и все!“ Се Зинько й самъ знає, да тильки, що сёго мало...

Де жъ се Левантына? Чы не въ хати заховалась? А винъ хоти-лось-бы погомонити зъ нею. Тыхъ, роботяща, добра дивчина... И зъ себе гарна... Якъ бы єму таку жинку, да тильки щобъ не

таку вже... просту... Колысь винъ заговорывъ зъ нею про дощъ, що винъ бувае зъ пары, а вона тильки засміялася та й утекла... Якъ же винъ розмовляти зъ нею про те, що ёму душу займає? А въ тимъ... вона ще молода... сыротою по наймахъ изросла, ніякої науки ій никто не дававъ... Ще й дивно, що вона такою доброю дивчиною зросла!.. А якъ бы Зинько зъ нею одружився, то може бъ іи й читати можно навчты... и до своихъ думокъ прыхылты... Такъ думавъ Зинько про Левантыну и почавъ прыдывляти до неї, зачипавъ іи розмовами. Дивчина червонила, але говорила зъ имъ залюбки. Та Зинько бувъ дуже несмиливъ зъ дивчатами и все боявся заняты Левантыну такъ, якъ парубки займають тихъ дивчатъ, що люблють.

Теперь ёму дуже схотилося погомонити зъ нею... Отъ, щобъ хочъ забуты ту пляну беседу!.. Не любить того Зинько... Але дивчина нема ниде—ни въ садку, ни въ двори. Може куди писала... Зинько перескочивъ назадъ черезъ тынъ у свій садокъ.

Незабаромъ мати загукала ёго. Упоравшись по хазайству, Зинько пішовъ спати въ садокъ,—беригъ садовину. Да тильки заснуты не мигъ: все тіи думы ёго не покидалы. Може Романъ... винъ чудный якийсь... не подобалося Зинькови, що винъ такъ величается и языкъ ламае... А про те—мабуть винъ багато бачивъ, багато знає. Бо й справди—по великихъ городахъ бувавъ, ишсьма въ салдатахъ навчывся. Мабуть винъ зможе росказати Зинькови про таке, чого Зинько самъ не здоліє розибрать. Треба зъ имъ поговорити... Не сёгодні, бо сёгодні мабуть винъ іще не скоро зъ вулиці вернеться, а колысь...

Небо давно вже сяло надъ землею своїми зоряними шатами, а Зинько все не спавъ. Дума за думою снувалася въ голови, ишла одна по одній якъ хвиля за хвилею... По хатахъ давно вже сплять, затихли вже й дивчата й парубки на вулиці... и дерева дримали, скlyпившися надъ имъ, и дримала зелена трава и въ висни лоскотала ёму облычче, якъ винъ доторкався до неї, ворушучись... А високе й глыбоке-глыбоке небо жахтило й третило живымъ свитомъ, и здри здавалыся великомы й розумнымы очи ма бlyскучыми... Вони дивлються такъ

ясно, мовъ хочуть зазирнуты Зинькови въ душу, подывытыся що тамъ е. Дывлются такымъ великымъ, великимъ очымъ... якъ у Левантинъ... тоди, якъ вона спивае сумно писни... Вона дышится й спивае... и гарно спивае... и любо, любо стае... и хылются виты... и всемихаются здри...

И Зинько заснувъ пидъ Левантинъ спивъ, не знаучы, що Левантинъ справди выйшла въ свій садокъ и спивала, прываблена сяевомъ безкраёго неба, напоена солодкымъ пахощамы чаривнои ночы—тыхой, якъ сонъ маленькои дытыны, ласкавои, якъ поглядъ матери...

II.

Другого дни Романъ уставъ пизно. У ёго болила голова, бо вчора такы добре выпивъ. Винъ почавъ згадуваты мыпулый день, лежачы на соломи въ стодоли, и гниавася самъ на себе, що „завивъ кунцаню“ зъ парубкамы й зъ дивчатамы. Зъ дивчатамы воно ще ничего, до дивчатъ Романъ охочый, а отъ на вулыцю не треба було зъ имы ходыты. Ёму не годится за панибрата зъ имы буты, а винъ учора, хыльнувши, се й забувъ. Ну, да се ще не бида, винъ заразъ покаже, що винъ не те, що воны, а беры выше.

Романъ уставъ и пишовъ у хату. Батько зъ Денисомъ та зъ Зинькомъ уже поснидалы й пойихалы на поле—останни коцы забирали. Маты щось метушылась биля печы.

— Выспався, сынку?—ласкаво озвалася вона.—Сидай-же, та будешъ снидати.

— А отъ умьюся.

Умывся, росчесався и сивъ за стиль. Маты подала галушки зъ саломъ. Романъ ще ничего ве робывъ, то й не выголодався, а галушки булы зъ простого гречаного борошна и здались ёму не смашни. Иzzивъ галушку, дви та й положивъ ложку.

— А що жъ се ты, сынку, вже й не хочешь?—здывуvalася маты.

— Штось иисты не хочется,—одказавъ Романъ и вставъ изъ-за сттолу.—Треба пойтыть провѣдать старыхъ знакомыхъ,—додавъ.

— Пиды, сыну, пиды, одвидай!

Романъ надивъ пиджака й картузазъ билымъ верхомъ, тоди глянувъ на чоботы:

— Эхъ, ваксы просють! Ну, нехай другымъ разомъ!—и пишовъ зъ хаты.

Выйшовши Романъ зъ двору, спынывся, не знаючи, куды йты. У ёго булы колысь товарыши-парубки,—теперь уже вси жонати хазяини,—та ёму не хотилося до ихъ ииты: що тамъ одъ ихъ винъ цикавого почуе? Хыба питы, щобъ побачылы, який винъ теперь ставъ? Дакъ же никоѓо дома нема,—всі на роботи. Ну, та вже выйшовъ зъ двору, то пройдется селомъ, а тамъ може й надумаете куды питы. И винъ подався вулыцею. Ишовъ помалу, мовъ туды-сюды раззыраючысь на село, а справди дывысь, чы хто ёго бачыть, чы ни. Та вси люде пойихалы на поле, тильки де-яки бабы поралыся по хатахъ. На вулыци бигалы сами диты. Одынъ маленький хлопецъ, побачывшы Романивъ пиджакъ и чоботы зъ бlyскучымъ ривнымъ халявамъ, гукнувъ черезъ вулыцию до трохъ старшенько дивчыны:

— Дывысь! дывысь! панъ иде.

Романъ усмихнувся,—ёму це сподобалося. Але дивчынка глянула на ёго и видказала своему товарышови:

— Дурный! Со ты казесь? То не панъ, а салдатъ Сывасенко,—мени маты казалы.

— Эчъ, чортова патака!—подумавъ Романъ,—слова не вміє сказаты, а ще й пащыкуе.—Винъ сердито глянувъ на дивчынку, крикнувъ: „Ну, ты тутъ“! и пишовъ дали, а та, переляканы, спершу мовчала, ажъ покы Романъ одійшовъ геть-геть, а тоди, пидбигшы до хлопця, сказала:

— Людоць, який страсный!..

А „страшний“ ишовъ дали. Ёму по дорози була крамычка, а биля неи стояло двое-трое человикивъ и жинка. Романъ знатъ, що треба поздоровкатыся, прозвъ ихъ проходючы, але подумавъ

соби: „Отъ ище чортъ-зна кому куражку скыдаты!“ и помынувъ людей такъ, мовъ бы ихъ и не помитывъ.

— Шо це воно пишло?—спытався одынъ дядько.

— Та це Сывашивъ салдатъ.

— Чы ба, яке пышне: иде й не здоровкается!

И дядьки зъ жинкою почалы промижъ себе судыты Романа, що незвычайный, але винъ того нечувъ, а чымчикувавъ дали и завернувъ на другу вулыцю. Тамъ побачывъ середъ соломъянъхъ покривель зализный дахъ на невелычкому будынкови. Вгори надъ дверыма прыбыто було дошку зъ напысомъ: „Народное училище“.

— А зайду до вчытеля!—подумавъ Романъ, хочъ зовсимъ учителя не зневъ.

Ввійшовъ у чымали сины зъ килочками й гвіздками по стинахъ за-для школарської одежи. Ставъ, не знаючи въ яки двери йти, бо передъ имъ було ихъ двое. Одни були трохи видхылени, и кризъ ихъ чуты було розмову. Сердитый голосъ, говорючи „по панському“, кричавъ:

— Чомъ ты мени чобить не почистыvъ?

— Двиръ чистыvъ,—одповидавъ другий, мужыцький старечий голосъ.—Хиба я вамъ лакей? Я—сторожъ.

— Наняvся сторожемъ,—повыненъ буты вчытелеви лакеемъ.

Що дня чботы чистъ!

— Та що це таке справди? Я громади пожаліюся.

— Плювать мени на твою громаду! Иды заразъ до Сучка и куны два колоды картъ!

Зъ дверей выйшовъ, бурчачы соби щось, сывый сторожъ.

— Чы дома вчытель?—спытавъ Романъ.

— А онъ!—показавъ сторожъ на двери и пишовъ зъ школы.

— Хто тамъ?—почувсѧ зъ-за дверей голосъ.—Мабуть зновъ хтось прытырывъ хлопця! Ну й идюты! Хочъ не кажы имъ, шо ще рано!

Двери видчынылыся видъ штурханця ногою, и на порози ставъ молодый хлопецъ зъ закрученымъ вгору вусыкамы, безъ сурдуга й жилета, въ самій сорочци, заложывши руки въ кышени штанивъ.

— Тоби чого?—спытався винъ, але побачывши на Романи не мужыцьку одежу, повернувъ ивакше:—Вамъ чого треба?

— Мое поштеніе!—сказавъ Романъ, простягаючи руку.— Сивашовъ.

Учитель давъ ёму й свою руку и поклыкавъ у хату. Въ невельчкій свитлычди, зъ лижкомъ, столомъ и килькома стильцамы, бувъ неладъ, пороскыдувана одежа, недокуркы зъ цыгарокъ, на стини гытара й рушныця, на столи стоявъ недопытый чай и пляшечка зъ напысомъ: „Ромъ“; пидъ столомъ спала собака. Учитель попрохавъ гостя сидати и надивъ пиджакъ.

Романъ сиѣ, закинувъ ногу за ногу, вытягъ коробочку зъ цыгаркамы, видчынывъ и простягъ до вчытеля:

— Не вгодно-ли? Хорошое различеніе.

Учитель узявъ цыгарку, и воны закурылы. Романъ, ламаючи свою мову ще дужче передъ „образованымъ человикомъ“, почавъ выясняты, чого винъ прыйшовъ. Вернувся зъ города, ну, а на сели „скучно“, бо скрізь сама мужва, и нема такого человека, щобъ изъ имъ можно було про „образовані“ речы размовытыся,— тильки й е, що вчытель та врядныкъ та ще пысарь... Дакъ отъ винъ и прыйшовъ...

Учитель почавъ уже розумиты, кого винъ передъ себе має,—спершу винъ подумагъ, що це щось инше. Самъ учитель бувъ зъ такихъ, якъ и Романъ: черезъ двохкласову сильську школу потрапивъ до вчытельськои семынарії. Выйшовши зъ неи, мавъ одержати посаду въ своёму ридному сели, але не схотивъ, бо тамъ зъ имъ уси будуть за панибрата. Належавъ до тыхъ учытеливъ, що, вылиззы зъ „мужыкивъ“ у „паны“, сылкуются яко мога дужче видризвытыся видъ мужыка, сахаются, якъ нечистой силы, знатыся зъ имъ и выглядаютъ соби якои багатои управытеливны, чы дочки грошовытого глытая зъ мужыкивъ, чы врешти вдовы якого полупанка, щобъ, оженывшися, покынуты

нелюбe й нудne вчyтeлювaнne тa й пeрeйты зовсimъ „на пaнcкu лынкю“. Романъ бувъ передъ винъ уже заналto нызький, бо вчyтeль нyжче пысаря, врядынка тa крамаря Сучка и не ды-дывся. Тильки винъ ище пепевый бувъ, чy спрaвdi Романъ мужыкъ. Отъ призвыще ёго.. Сывашовъ... Сывашовъ.. Не чуть у нашему сели Сывашова.. Але вразъ изгадавъ:

— Та вы мабуть Пылыца Сываша сынъ?

Романъ навить трохы почeрвонивъ и почавъ вyясняты, щo хочь сёму и пpaвda, але вси ёго на служби звалы „Сывашовъ“, бо якъ простый чоловикъ, то буде Сывашъ, а якъ „образований“, то—Сывашовъ.

Теперъ учyтeль уже зinavъ, щo нема чого ёму знатysя зъ Романомъ,—се тильки пошкодыть ёму, прынызыть ёго передъ ёго „пaнcкymы“ знаёмымы. Надто винъ бувъ сёгодни сердитый: ужора звечора винъ мало не до свиту гулявъ у карты у батюшки и програвъ симъ рубливъ. А въ ёго сáме не було теперъ грошей, бо влитку на гроши скрутнише: взимку школяри (воны въ ёго муштровани!) разъ-у-разъ носують ёму всяки ковбасы, сало, а то такъ и сахаръ навить, то менше доводыться вытрачаты. А теперъ усе зъ готовенькихъ грошей! Добре жъ, якъ винъ сёгодни (мае жъ поклyкатy всю компаню до себе) тa одиграe, верне свое, а якъ-же ни? Все це гнивалo вчyтeля, и винъ сердито сказавъ Романови:

— Ну, мени теперъ нíколы... У мене дило e...

Романъ почeрвонивъ и вставъ ображеный.

— Якъ завгодно...

Винъ простягъ бувъ знову руку, але теперъ уже вчyтeль не давъ ёму своеи. Зовсimъ збентеженый, Романъ швыдче пишовъ зъ хаты и чuvъ, якъ сlidкoмъ за имъ учyтeль пробу-бонивъ:

— Усякий хамлюга прется знаёмытысь!

Поки вышовъ Романъ на вулыцю, ёго збентежинне мынулося, и винъ тильки бувъ страшенно лютый на вчyтeля за образу. До кого жъ бы мени ще читы?—думавъ винъ и побачивъ заразъ-же бilla школы волость. Повернувъ до неи.

Тутъ уже ёму пощастило, бо выявылось, що пысарь бувъ ёго колышній товарышъ. Батько ёго ће хлопцемъ оддавъ до школы ажъ у мистечко,—тамъ винъ и вывчывся на пысари. Цей самъ добре вмивъ „по образованому“ и радый бувъ Романови.

— Сидай, брате, сидай! У насъ у волости никого нема: старшина, староста и всяке начальство подалося снопы возыты,—дакъ я самъ тутъ и старшина, и староста, и все.

Романъ сиў биля стблу, покрытого зеленымъ, старымъ, скрізь чорныломъ заляпанымъ, сукномъ. Пысарь Грыгорій Павловичъ Копаныци бувъ такихъ літъ, якъ и Романъ, але вже добре видпасся на волосиому хлиби, и ёго заалозеный пиджачокъ бувъ вузький на гладки плечы. Винъ крутывъ свою руденьку боридку и залюбки росказувавъ Романови, якый ёму великий клопить у волости, що старшина дурный, винъ самъ усе мусыть робыты, и за себе, и за старшину справляться, а плата мала, а „такъ соби посторонній доходъ тоже не значительно большой“. На домыкъ такъ-сякъ збывся, а бильше й ни зъ чого...

Тоди почавъ росказуваты Романъ, якъ винъ жывъ у гброди—спершу въ салдатахъ, а тоди на служби въ палати; тильки винъ уже не казавъ теперъ, що бувъ швейцаромъ, а говорывъ, що бувъ „такимъ служащымъ, што, знаешъ, надзыраеть за йзданиемъ“.

Тоди збалакались за мужыківъ, и пысарь ихъ лаявъ, що народъ ставъ неслухній и все хоче, щобъ на дурнічку ёму роблено, мовъ и не тямить, що хочъ таксы й нема, ну, а всякому звисно, що, опричъ годової платы, треба пысареви и за кожну роботу—чи за папортъ, чи за робсниску, чи ще за що—окремо заплаты... а мужыкъ, колы й скаже, що прynesе мирку картошли, то прышле тильки пивъ мирку.. и отакъ усе...

Гомонили довгенько, ажъ поки пысарь сказавъ:

— Ну, знаешь що, Романе Нылыповичу? Ходимъ до мене обидаты! Пошаную тебе для нового знакомства.

Романъ тому бувъ дуже радый. Вже выходючи, стрилы на порози врядыка Ивана Иллича, трохи старишого за ихъ обохъ человека, непоганого зъ себе, въ пидстрыженю гостримъ клинцемъ боридкою. Пысарь вазнаёмывъ ёго зъ Романомъ та й

тежъ поклыкавъ до себе обидаты. Сей хочъ и пообидавъ, та не мавъ заразъ чого робыты, то пишовъ.

Пысарь жывъ у гарненъкому домыку, прыбраному по мищанському, зъ стильцамы, зъ ташчаномъ, зъ комодою та старенькымъ „буфетомъ“, поставлянымъ у найпараднищу хату, зъ ясно-хварбованымы малюнкамы пидъ скломъ по стинахъ. Выдко було, що добродій Копачыця даремне звавъ „такъ соби посторонній доходъ“ „не значытельно большымъ“. Гостей стрила пысарька — молода, одгодована и свіжа молодыця-моргуха.

— Улясю,—сказавъ весело пысарь,—давай намъ обидаты та ще й швыдко! Та ще й доброго!

— Буде й добре, буде й швыдко!—сміючыся прывитно, видказала молодыця и побигла въ пекарню.

Незабаромъ справди сыдили за столомъ. Пысарь вытягъ зъ кышени пляшку горилкы и поставыў на стіль.

— Доброхотное даяніе?—спытавъ, підморгнувшы, врядныкъ.

— Зъ капоснога Омелька,—видказавъ господарь,—треба було бъ бильше, та вже хай буде й стильки.

— Всяко даяніе благо, а надолужты можно не теперъ, то въ четверъ,—порадывъ урядныкъ.

Выпилы по чарди, и хазяйка чарочку хыльнула, и тильки взялlyсь до бориць, ажъ у синяхъ щось затупотило.

— А чы дома хазянинъ?—почувся звидты товстый голосъ.

— Ге, це Мыхайло Грыгоровычъ!—сказавъ пысарь.— Идти! идти! дома!—и винъ одчынівъ двери.

У світлыцу ввійшовъ невысокій, але товстый рудый чоловикъ, убраний у гарну чумарку, зъ картузомъ у рукахъ. Сёго Романъ знатъ, се бувъ крамаръ Сучокъ. Хазяи почалы садо-віты ёго за стіль. Винъ повагомъ, зъ протягомъ вымовляючи кожне слово, упевнявъ спершу, що вже пообидавъ и зайшовъ за диломъ, але врешти сивъ. Выпилы знову й почалы йисты смашныі бориць. Покы підайлы, то мало размовлялы, але потімъ уже, по четвертій выпывши (и пысарька Уляся що-разу по пивъ чарочки), зробилися всі весели й гоминки. Романъ

бачывъ, якъ Уляся все моргала на врядныка та прыпрохувала ёго. Сучка не прыпрохувала, але той и самъ добре йивъ, важко сопучы. Пообидавши, позакурювалы и пишли въ садокъ—господаръ изъ Сучкомъ попереду, за имы Романъ, а позадъ усихъ урядныкъ зъ пысарыкою. Озырнувшись выпадкомъ, Романъ побачывъ, якъ урядныкъ займае Улясю за станъ, а вона, смю чыся, сварытса на ёго пальцемъ, показуючи, шо побачутъ передни. И Романови сразу стало заздро й шкода, шо не винъ займае червоношоку веселооку пысарьку.

Въ садку полягалы й посидали на трави и зновъ почалы размовляты, коженъ здебильшого про свои дила, и вси якось чеплялыша за мужыківъ: одному мужыкы тымъ не додылы, другому инпікимъ. Сучокъ казавъ, шо мужыкъ хытрицый за чорта, а врядныкъ доводывъ, шо хочь винъ и хытрый, але дурный, и росказавъ, ѩобъ пидперты свою думку, про дурного Хому, якъ винъ мыло пойивъ. Всі страшенно реготалыша, а заохоченый оповидачъ докыдаў одну по ѿнай ще й інши брехеньки про мужыківъ: про те, якъ мужыкови переминилы ёго хахлацьку голову на чортову; про те, якъ салдатъ и хахоль кыпили въ пекли въ казани: чортъ сказавъ: Салдатъ!—А салдатъ: Ась?—Ну, вылезъ!—Тоди до хахла: Хахоль!—Шшчо-о?— Ну, сиди ишо! Вотъ тибъ за хахлацкій языкъ у пекли сиды!

Всі знову реготалыша, а пысарька навить крычала тоненъко:
— Ахъ, прелистъ! Ахъ, прелистъ!

Вона служыла въ панивъ за покоивку и тамъ навчилася такъ крычаты.

Потімъ повернулыша въ хату и пылы чай и знову весело гомонілы...

Сучокъ пишовъ, бо ёму треба було въ крамныцю, але Романъ зъ урядныкомъ досыдили ажъ до вечора.

Въ хатахъ уже посвітилося, якъ Романъ вергався до-дому. Якъ увійшовъ у хату,—сим'я саме вечеряла.

— Бачъ, отъ де й нашъ прыблуда!—озвавшися, ласкаво сміючыся, батько.—Де се ввесы день швендявъ?

Отъ, хыба въ ёго нема тутъ добрыхъ людей, знаемыхъ!— и Романъ почавъ розсказуваты, що винъ ходывъ до вчытеля и такъ гарно зъ имъ познаёмыся, а тоди бувъ у пысаря, и якъ добре ёго тамъ прыймано... Маты радила, слухаючи, якъ іи сына гарно витаютъ, інши мовчали.

— Та сидай уже, сынку, бlyжче до столу та вечеряй! —
прыпрохувала мати.

— Вотъ я такихъ стравъ наѣвся у пысаря, што вже
мынъ вашои вечери не хочетсяся.

Матери се трохы не сподобалося, що синъ понижав інштравы, але винъ того не помитывъ и зновъ почавъ рассказувати про писаря: якъ винъ гарно живе та якъ добре буты писаремъ.

— Та воно добре,—озвався Зинько,—та тильки ще краще
було бъ, якъ бы пысари бильше по правди робылы, а то... онъ
и сей такій, що прымивъ бы,—два шкуры въ тебе дравъ бы.

— Ну, се, братуха, пустякъ дѣло,—одказавъ Романъ,— на то щука въ мори, штобъ карась не дрималь. Каженъ зъ свово ремесла можыть сибѣ барышъ братъ.

— Нехай и барышъ, та не здирство,—озвався батько,—а то сей бувъ такой харпакъ, що на хребти не держався сирякъ, а теперъ уже бачь у яки достатки зъ тыхъ барышивъ убывся. Та ще й величается: мужыкы—дуракы! Ты бъ, Романе, краще не водився зъ имъ: винъ тебе на добро не напутыть, а люде про тебе погане казатымуть.

— А какое мынѣ вниманіе до людей? — одоказавъ Романъ, здвыгнувши плечыма. — У васъ своя кунпапія. Ну, што тамъ розбалакувать, — времѧ спать!

Забрашь одежду и пишовъ спатъ въ клуню. Умощуючись на соломи, згадавъ, яки высоки й мнаки подушки, квитчастою ковдрою застелени, винъ у пысаря бачывъ. И ёму стало заздро и схотилося такои сáме гарной свитлыци, мнакыхъ подушокъ, доброи стравы зъ горилкою и червонощокой жинкы... А хата батькова здалася ёму такою негарною й чужою... та й люде въ тій хати... Велька штука, шо вони ёму свои! Колы жъ вони

тави... мужыкы!.. И поправди врядныкъ та пысарь изъ ихъ сміются, бо вони жывуть такъ... зовсимъ „безъ понятія, якъ настоящая необразованая жывотная“. Хыба жъ винъ може такъ жыты? Колы жъ винъ теперъ зовсимъ іншый чоловикъ ставъ!

Винъ усе думажъ про це и не мигъ заснути. Шоручъ изъ тымъ, що винъ бачывъ сёгодни, згадувався ёму городъ, вулыци зъ лыхтарями, свитыци въ палати, де винъ бувъ за сторожа... циркъ—оттуды щодня ходывъ бы! А тутъ ся тисна хата зъ лавами, зъ рогачами... Сей батько або Денисъ, що якъ скаже слово, то такъ и верне языкомъ „на верлѣ“... Репана мужва—ажъ смердты! А тамъ, у городи, зовсимъ не таки люде... А дивчата!.. И винъ почавъ прыгадуваты городянськихъ покоивокъ та куховарёкъ, яки були до ёго ласкави... Ахъ, чортъ ёго знає! Машка мабуть плаче теперъ!.. (Гляди, що ще дытына буде!) Та хыба сама Машка? Були й попередь неи...

Уставъ, не можучи лежати, накынувъ пиджака и выйшовъ зъ клуни. Въ кинци садка, що бувъ заразъ же сумежно зъ токомъ, якийсь чистый молодый дивочый голосъ выводывъ писню.

— Що воно спива въ нашому садку?—подумавъ Романъ, перескочивъ черезъ тынъ, и пишовъ садкомъ. Спивало не въ ихъ, а въ садку въ сусиды въ Струка. Романъ перелизъ и черезъ Струкивъ тынъ и потыху пишовъ помижъ деревамы уныть до рички на той голось. Незабаромъ винъ побачывъ дивочу постать. Видно, що прыйшла по воду, бо на земли стоялы видра, але вона забула про ихъ, прычарована сію тыхою ниччю и нижно звабливымъ плюскотомъ темныхъ хвиль биля своихъ ногъ... Стояла й спивала...

— Мабуть Струкова наймычка,—подумавъ Романъ, и ёму згадалось ії деликатне облычче зъ довгими віямы на щокахъ и тоненъкій станъ,—такъ винъ тоди въ танци обкрутнувъ ії, обхопивши за станъ рукою... Вся зачервонилася, задыхани молоди груды wysoko здіймаються... выхопылась и втекла...

Романъ тихо-тихъ пидішовъ до дивчыны. За спивомъ вона почула ёго тильки тоди, якъ уже била неи стоявъ. Жахнулась:

— Ой Боже! хто се?

Хотила вже тикаты, але винъ придержавъ іи за рукавъ.

— Се я... Романъ...

— Чого жъ се ты... вы тутъ?

— Паслишалъ якъ поїшъ та й прыйшовъ.

— Ото жъ! Чого бъ то вы до мене прыйшли!

— Того, што харошилька!—и винъ хотивъ обняты іи за станъ, але вона выпручалася.—Какъ тыбъя звуть?

— Левантыною.

— Харашо!—и винъ такы обнявъ іи й прытулывъ до себе.

Але вона заразъ одихнула ёго, вырвалась и, покинувши й видра, якъ коза дыка, втекла, покрывшися за деревамы.

— Эчъ, яка прудка!—подумавъ Романъ.—Моторна! А ловка дивчинка,—треба бъ заходыться коло неи!

Постоявъ ще трохи, дожидаочы, чы не вернется по видра. Не верталась. Пишовъ до-дому въ свою клуню.

Туды вже тымъ часомъ прыйшовъ спаты Зинько.

— Я думавъ, що ты вже спышъ, Романе, а ты ще ходышъ.

— Не спышся какось.

— Отъ и мени часомъ не спышся. Усе думкы обнимають, та й спаты не дають.

— Думкы?—сказавъ Романъ, и Зинькови на мыть здалося, немовъ сказавъ трохи глузуючи.—Што за думкы?

— Та всяки... Отъ учора я все думавъ: якъ ёго тає изробиты, щобъ усими людямъ добре на свити жылося? А то отъ хочъ бы сказаты про землю... Такого народу намножылося и де дали, то все бильше й бильше людей на свити стае... Людей бильшае, а земли не бильшае... Ну, теперъ скрутно людямъ жыты, а де дали все скрутнише, все скрутнише буде... и такъ жолись изробится, що не ставатыме людямъ того, що земля

може зародыты... Що жъ тоди робыть людямъ? Хочъ зъ голоду гныв!

— Вотъ штука! — видказавъ Романъ. — Не стануть тутъ чого ѿсты, — прыкажутъ переселяться на другое мѣсто та й шабашъ!

— Та я жъ кажу: а якъ на другому мисци такъ буде? По всій земли такъ. Що тоди буде? Може проще въ книжкахъ, або що, пышется? Тебе добрѣ навчено въ салдатахъ, Романе, то ты се повыненъ знаты.

— Въ какыхъ тамъ книжкахъ? — одказавъ Романъ. — Вотъ, будуть ишо такія книги печатать! Про ето начальство само знаеть, какъ и што.

— Ни, — не згодывся Зинько, — отъ я чытавъ одну книгу про чужи краи, такъ у ій...

— А, пустакъ вниманія! — перепынывъ ёго Романъ. — Лучче давай спать!

Винъ одвернувся, мовъ хоче спаты. Винъ бувъ мало пысменный, книжокъ не чытавъ, хыба часомъ анекдоты про Балакирева. Теперъ винъ бачывъ, що Зинько за ёго бильше пысменный и щось знае таке, що Романъ ёго не знае, и ёму стало віяково. А Зинькови здалося, що Романъ меньше знае, ніжъ спершу винъ, Зинько, думавъ про ёго.

Другого дни вранци батько зайшовъ у клуню, збудывъ Зинька й Романа и звеливъ обомъ иты на тикъ молотыты. Зинько заразъ уставъ и пишовъ, а Романъ довго ще огынався. Ёму зовсімъ не хотилося молотыты, трохи навить соромъ було до чорнои роботы братыся. Що це батько соби дума? Що винъ буде ёму въ гною рыться, воламъ хвости крутыты? Не питы оце та й годи!

Одначе сёго разу ще не зважывся сперечатыся зъ батькомъ и пишовъ на тикъ. Сонде ледве почынало вызыраты зъ-за обрію, було рдсано й холодно, и Романъ ажъ тремтивъ. На току вже булы батько й браты.

— А що, брате, холодно? — озвався Денысъ. — У васъ тамъ по городахъ теперъ ишо сплять. Та дарма! Якъ ципомъ помахаешъ, то такъ угрієшся, що й потомъ тебе вмые.

Романъ ничего не видказавъ, узявъ ципъ и ставъ блыжче до Зинька. Ударыло четыри ципы: три смило й важко, одынъ якось не до ладу. Романъ зовсимъ одвыкъ одъ цієи роботы. Винъ не потраплявъ у ладъ, замисто щобъ уцилышы бычемъ, бывъ у синій кинцемъ ципылна, а бычъ завертався вгору и заскакувавъ назадъ. Винъ росердывся й гупнувъ эт усієи сили. Бычъ одирвався, видскочыть и вдарывъ Романа по руци дуже боляче. Романъ кынувъ ципылно й лайнувся.

— Эге, сынку,—озвався батько,—та я бачу, що тоби треба довго прывчаться, щобъ изнову добрымъ молотыкомъ статы.

— На чорта я буду прывчаться?—вывирився сердитый Романъ.—Разли вы думаете, што я буду гупать тутъ изъ вами по остиюкахъ цепомъ?

— А хыба жъ ты думаешьъ, що хлібъ самъ буде робытися, самъ и въ ротъ кластыметься?

— И безъ етаго дурацкаго дѣла съть буду!

— А ну, якъ?

— Разли я сыбѣ службы не знайду? Вотъ пойду въ икономію и прыкащикомъ поступлю.

— А шо жъ, добра штука,—видказавъ спокійно батько.—Абы прыйнялы.

— Ишо-бы! Імъ образованыхъ людей нужно.

— Та... казала й Ганна, що вона рада за пана, даκъ панъ, клятый, не бере!—засміявся Денісь.

— Этъ, вы зъ вашымъ мужыцькымъ выгадкамъ!—росердывся Романъ, кынувъ ципъ и пишовъ зъ току.

Батько зъ сынамъ взирнулыся, але никто вичоро не сказавъ, и ципы знову загупалы по повноколосыхъ снопахъ, далеко озываючись у свижому живущому повитри веселого, сонцемъ осяянного ранку.

Сердитый Романъ, не заходючи въ хату, подався просто на село и опынывся у врядыка. Тамъ винъ потрапивъ на чай, напывся ёго добре, потимъ ще посыдили та побалакали. Романови хотилося, щобъ ёго воставлено й обидаты, даκъ господари

або не догадалысь, або не схотилы того. Довелося йты обидаты до-дому. Прыйшовъ, якъ уже вси пообидалы, и обидавъ самъ. Маты, щобъ ёму догодыты, заризала ѹ зварыла курку. Выголодавшись Романъ, не зоставывъ зъ неи ничего. Подойивши, разъ подавсь изнову зъ дому.

Почувъ, що сёгодни тильки прыйшовъ до Грыценкивъ ихъ салдатъ, даκъ и повіявся туды. Винъ зъ имъ не въ одному полку бувъ, да те дарма: салдатъ, то вже однаково, що ѹ товарышъ.

Грыценки булы вбоги люде и не заклыкалы бёседы такъ, Сывашы, але и въ ихъ булы гости: двое-трое родычивъ. Билявый поганепыкій салдатыкъ сидивъ за столомъ радый такый, що ажъ сяе, и роспытувавъ про хазлайство, про родычивъ, про товарышивъ, бажаючи знаты все, що сталося на сели, видкобы ёго не було дома. Романа посадылы за стиль, шанувалы...

Вернувся Романъ до-дому ажъ у вечори и лигъ заразъ спаты. Другого дни пишовъ зранку, проблукавъ у гаяхъ до обидъ и прыйшовъ до-дому такъ, щобъ изновъ обидаты самому. Вже кинчавъ обидаты,—ввійшовъ батько зъ току:

— А де, Романе, бувъ? Чы не въ окономі?

— Де бувъ, тамъ бувъ! Проснімо ще зъ окономію!.. Созремённо все зробитса.—И выйшовъ зъ хаты.

— А що, стара, робытимемо зъ сынкомъ-салдатыкомъ?— запытався Цылыпъ у жинки, якъ Романъ выйшовъ.

— А що жъ тамъ робыты?—видказала Цараска пытаннемъ, мовъ не розуміючи, бо се справа про іи мазунчыка була.

— Де та якъ будемо добуваты, щобъ ёму на пануванне настачыты?

— Оде ще що выгадай! Дытына тильки прыйихала, натомилася,—и видпочты не дастъ. Оклыгае, то ѹ до роботы визьмется.

— Ни, каже, що не хоче братыся, а буде въ окономію прыкашыкомъ поступаты.

— А може жъ и поступить! Винъ же въ нась образований.

— Треба тамъ таихъ!

— Ты вже нападешся! Перечасуй, то й побачышъ, що все добре буде. А то ты якъ почнешъ граматы, то тильки сварка буде.

— Добре, я перечасую, помовчу трохи,—побачымо, яки зъ ёго люде будуть.

И батько справди замовкъ и не казавъ Романовиничого.

III.

Три дни мишло тыхо; на четвертый Романъ попрохавъ у батька карбованця.

— На що?—спытавъ батько.

— А што жъ, я безъ капійки жыть буду? Пакуда дашовъ,—выхратился. И папыросъ не за што купыть!

— Ге, хлопче! Якъ мы будемо на панськи цыгарки гроши переводити, то скоро въ нась и хазийства не стане,—видказавъ батько.—Нема въ мене грошей.

Романъ ляслъ дверыма та й подався на село. Винъ гниявся на батька й на братицъ страшенно, лаявъ ихъ мужово нетямущою, що не розуміють, якъ повинни поводыться зъ образованимъ чоловикомъ. Але винъ те знатъ добре, що якъ батько затнется, то вже зъ имъ ничего не зробишъ. Грошай винъ не дастъ.

Треба справди пити въ окономію: а може пощастиТЬ. Окономія була велика, и людей тамъ служило багато. Романъ заразъ же й писовъ до управителя и знайшовъ ёго въ контори.

— А що скажешъ?—спытався той.

Романъ почавъ виясняти, що служивъ на служби и хотивъ бы мати якусь пристойнишу, нижъ прости хлиборобська, роботу.

— Яку жъ то роботу?—попытавъ управитель.

— Хотивъ бы прыкащыкомъ.

— Эге, не треба намъ прыкащикивъ, бо вси е. Та и хыба жъ ты знаешьъ хазяйство? Бувъ у салдатахъ, служивъ десь швайцаромъ, а до хазяйства ппешся!—и управытель повернувшись бувъ до своего дила, але заразъ же зновъ озвався:—А въ тимъ... мени треба одного чоловика въ контору... Тильки щобъ добре пысъменного. Пысъменный?

— Такъ тошно.

— Садай за стиль, пышы!

Романъ сивъ и взавъ перо у руки, а управытель, не дывлючись на ёго, а запысуючи щось у велику книгу, почавъ проказуватъ ёму що пысаты. Ни перо, ни пальци віякъ не слухалыся Романа, и ледве встыгъ винъ вывесты два перши слови, а вже той наговорывъ ёму ихъ зо два десяткы.

— Позвольте,—я не послишавъ, какъ вы сказали...—прыпнынвъ ёго Романъ.

— Не оставать позаду!—управытель проказавъ ёму знову все зъ початку.

Романъ зновъ ухопывшъ кильки сливъ, а все инше загубывъ.

— Позвольте,—не вспишусь.

Той глянувшъ на пысанне и побачывъ, що зъ усёго проказаного напысано кильки першихъ сливъ великымы недотепнимы крывымы карлючкамы: Романъ ледви вмивъ пысаты.

— Пиды жъ спершу навчысь пысаты, а тоди прыходь. Въ контору не годышся. Колы хочешъ,—ставай до молотылки.

— Ни, до молотылки не хочу.

— И добре, бо линныхъ мени не треба. Йды соби!

Романъ выйшовъ зажуреный и сердый.

У ёго ще було въ кыпени трохы грошей, винъ зайдшовъ въ монополю, купывъ горилки и выпывъ зъ горя заразъ же пидъ хатою на вулыци...

Другого дни вранцы стара Сывашыха полизла въ скрывюдовго тамъ щось перекыдала ажъ на дни и врешти вытягла якийсь вузлыкъ. Звидтила вывъязала карбованця и, якъ Романъ увийшовъ у хату, виддала ёму.

— На тоби, сыночку, карбованця, бо батько не дастъ, а тоби треба.

— Отъ спасыби, мамо, хочъ вы по людському до мене,— не такъ, якъ батько.

— Да тильки ты, сыну, шукай соби роботы, а то буде въ васъ гнивъ та сварка зъ батькомъ та зъ Денисомъ.

— Ходывъ уже въ икономію.

— А що жъ?

— Взялъ бъ зъ дорогою душою, дакъ усѣ прыкащики есть. Хочъ я й салдатъ, ну—невозможно для мыня человѣка прогнать.

— Правда... Отъ лышенько... А може ще де пошукаты.

— Найдёмы! Не поспишайтесь! Усё будетъ у свою прыпорцю и на неболшомъ разстояннї.

А самъ соби Романъ думавъ: мабуть у матери не однъ вузлыкъ зъ карбованцамы. Треба такъ пидкрутити, щобъ вони ёго рукъ не мынули.

Збигло ще тыжднivъ зъ пивтора. За сей часъ Романъ дужче зазнаїмився зъ крамаремъ Михайлomъ Грыгоровычемъ Сучкомъ. Спершу винъ тильки въ крамныцю до ёго заходивъ, а дали й до-дому,—разъ навить обидаты ёго зоставлено. Йили добре,— черезъ те мабуть таки й гладки булы и самъ Михайло Грыгоровычъ, и ёго жинка Агахвія, и дочка ихъ Горпуша, дивчина рокивъ дев'ятнадцятёхъ, або й двадцятёхъ. Сучкови Романъ росказувавъ, що винъ поки такъ соби, ничего не робить, разглядается до чого братыся: чы службу браты, чы комерцю заводы, и натякавъ, що въ ёго е на ту комерцю гропши. Се винъ выгадувавъ на те, щобъ Сучокъ ёго мавъ не за абы-що. А той ёму такъ и вирывъ, и не вирывъ, а про те до себе пускавъ.

Зазнаїмився ще Романъ и зъ дякомъ та зъ якимись „служащими“ на залізничній станції. Туды Романъ ходывъ розпитавъся, чы не треба на залізничній лінії жандарма,—хотивъ ще туды податыся, але на ти посады брано тилки үнтер-офіцеривъ, а винъ бувъ простый салдатъ. Романъ разъ-у-разъ ходывъ по своихъ знаїмыхъ и радый бувъ, якъ траплялося тамъ напитыся чаю а бо що смаше зйисты, бо дома того не було. Дома винъ такъ такы вичого й не робывъ; тильки по-

справлявъ соби вудки и ходывъ на ричку рыбу надыты. Що вловыть,—прыносывъ матери, а вона ёму варыла юшку,—,,вухою“ винъ іі звавъ,—або пекла рыбу въ сметани. Винъ пидлещувався до матери, щобъ выдурювати въ неї грошики, и маты справди ёму давала зъ своихъ схованокъ—поки було що давати. Винъ іі розсказувавъ, що ёго скрізь такъ гарно прыймають, и ось-ось уже винъ матыме службу, а заразъ не можно, бо... щось тамъ выгадувавъ!..

Тымъ часомъ по селу пишла чутка про те, якъ Романъ ходывъ найматыся въ прыкашки, и якъ управытель дававъ ёму пысаты. Парубки й дивчата на вулыци почали глузувати зъ Романа,—звисно не въ вичы, бо винъ на вулыцю не ходывъ. Але одного разу се почула й Левантына. Вона оступилася за ёго.

— И чого бъ я сміялася? Якъ не пощастило чоловикови, то хыба вже винъ и поганый? Та може жъ те все ще й брехня!

— А ты се зъ якои речы такъ ёго бороныты заходылася? крикнулы дивчата й парубки та й почали сміятыся вже зъ Левантыни, прыкладаючи до неї Романа. Вона розсердилася:

— Тю на васъ! Чы вы не подурилы? Чого вы мени ёго на шую чепляете? Подавиться вы своимъ Романомъ!

Бачучы, що вона сердитяся, облышили іі.

А Левантына якъ одсердилася та верталася до-дому, то зновъ іі стало жалко Романа. И черезъ що ёго такъ уси ва глазы взяли? Такий гарний зъ себе! Чудный трохи зъ своею „образованою“ балачкою, та це вси салдаты таки, якъ прыйдуть, а якъ цожывутъ трохи дома, то й знову по людському говорють. Тильки погано, що винъ рукамъ волю дає. Отъ уже вдруге винъ іі перестрива въ садку. Вперше вона ёго таки добре турнула, то вдруге винъ тыхший бувъ, хочъ и не зовсимъ. Вдруге вона вже видъ ёго такъ швидко не втекла, и вони трохи постоялы, погомонили...

Такъ думала Левантына про Романа и згадувала ёго гарни вусы и чорни бровы и станъ ривнай...

А Романъ и соби згадувавъ Левантыну. Вона ёму дуже до вподобы припала. Якъ бы іи збрать въ панську одежду, то зовсімъ-бы якъ панночка була. Куды! Не всяка й панночка зривнялась-бы въ нею! Та іи й дражнюють на сели панночкою. А се того, що мати породила іи, дивчиною бувши, якъ служила въ панивъ за наймичку. Казалы за якогось паныча... Мати вже вмерла, а дочка, якъ и матиръ, ходить теперъ по наймахъ.

Романъ бувъ не дурный и незабаромъ помитывъ, що дивчина не подобається ёго занадто сміле поводинне и не-проста мова. У городи дивчата до сёго позвикали, а тутъ—ни. Романъ надумавъ поводитися зъ нею такъ, якъ звичайно по-водиться зъ своїми дивчатами сильськи парубки. И говорыти зъ нею почавъ тильки по простому.

Дивчина помитила, що Романъ до неї вже не такий ставъ, и сама подобрищала трохи до ёго. А що про ёго погане казалы,—вона те за водою пускала. Хыба люде не набрешуть? На неї саму таке разъ-у-разъ наплещуть. А винъ ій такъ усе гарно росказує про себе. Хочь винъ теперъ и безъ служби, дакъ що? Прыйде та година, що й служба въ ёго буде, и житиме винъ паномъ дило. А що винъ дома ничего не робить, дакъ разъ, що винъ одвыхъ одъ простой роботы, а вдруге, що винъ хоче краще навчытися писаты, дакъ не можно чорнои роботы робити бо видъ того пальци задубіють, зашкарубнуть, и ніякъ не вы-выведешъ перомъ. Романъ не дурывъ сымъ Левантини: винъ и справди разивъ кильки сидавъ учтысся писаты, та довго не мигъ высидити, бо се було такы нудно. Винъ и въ салдатахъ учився бильше зъ прымусу.

Роспітувався Романъ Левантину й про іи житте. Тяжке се було житте. До семи рокивъ мати тягала іи зъ собою по наймахъ, а писла семи й саму виддала въ наймы. Поки жива була мати, то тяжко було жити: все по чужихъ хатахъ та по чужихъ людяхъ. Та скрізь поштуркують та шматкомъ хлиба дорикають. А вона того шматка хлиба николи дурно не йила: тильки на ноги зоп'ялася, то вже й велять хазяї менши дити хазайськи глядити або посылають гусы пасты, чы телята. Мати

за гроши жыве, а вона за харчъ своимы малымы рукамы й ногамы видбувала, хочь матери за те плачено менше, що вона зъ дытыкою була. Та якъ умерла маты, то тоди вже й світь бидній дивчыни потымарыўся. Маты хочь и погримае, и попобъе було, та й пожалуе,—Левантыни й сонечко засмієтса. Тоди було Левантына гнивалася на матиръ, якъ та часомъ ударыть, а теперъ бы й руки тіі цилувала, якъ бы былы. Та важка земля на грудихъ. У наймахъ, кажутъ, и батька не вжаліешъ. А вже сыроту, то й не думавъ вихто жалиты. Ходыла й по снигу боса, йила й такій хлібъ, що собаці треба разиочыты въ помыіныци, та й тоди вона не схоче. Що вже на вулыци хлонци та дивчата прыкладкы до неі прыкладають, загадкы: Вгадайте—що на світи найшвидче бига? Левантына, якъ іі хазяйка потылышыкамы нагодуе. Панночкою та прыплентачкою дражняют...

Де що зъ усёго цёго Левантына розказувала й Романови. А винъ жаливъ іі, що вона така гарна та молода та поневириєтса въ наймахъ. Вона ёму така вдячна була за ёго ласку, бо мало іі бачыла, і казала про те, якъ ій и теперъ важко жыты въ Струківъ, що дуже зъ неі знущається сердыта й ляюча Стручыха. А одного разу Романъ изнайшовъ іі на левади, якъ вона сидила й тяжко плакала. Стручыха поцобыла іі качалкою ни за що: хтось изъ хазяйськихъ дітей побывѣвъ лямпадку биля богівъ, а хазяйка звернула на неі. Левантына плакала й нарикала на свою долю, а Романъ розважавъ іі ласкавымы словамы и прыгорнувъ до себе. Вона вже не пручалася и не счулася, якъ винъ ставъ іі цилуваты, и вона ёго цилувала... плакала й цилувала и звала братикомъ и мылымъ, и ридненькимъ... и ій такъ гарно, гарно стало... и вона забула Стручыху зъ качалкою и все забула... сидила зъ имъ обнявшися и розмовляла... и ззыралася зъ имъ очима при мисяшному сяеви...

Зъ того часу Левантына вже вважала Романа за свого шарубка, за женыха и новодылася зъ имъ такъ, якъ звычайно дивчата на сели зъ своимы женыхамы поводються. И якъ звычайно на сели бувало, винъ ставъ ходыты до неі почуваты въ

повитку, и вони такъ любо розмовляли довгими ночами. И ій здавалося, мовъ того Романа, що такъ негарно займавъ іи спершу, вже й не було. Винъ бувъ такий, якъ и вси сильськи парубки, поводився зъ нею чесно, чо правди. И де-дали, вона ёго все дужче та дужче кохала.

А Романъ, вертаючися видъ Левантыни зъ повитки до дому, разъ-пô-разъ думавъ: Докы жъ воно такъ буде? Ёго рос-поганеній городянськимъ життємъ удачи вже докучало чесне коханне, озвалася ёго звиряча природа...

А бидна дивчина того ничего не знала, не розумила, вид-давала ёму всю свою душу и не помичала, що вона вже на-дійшла ажъ на край страшної безодні: ще разъ ступни тією стежкою дали напередъ, и вразъ занікне земля підъ ногами, и, скривнувшись страшно, якъ ітиця підстрелена, впаде вона туди вглыбъ, ханаючися руками за повитре, обрываючи тило обь гостре каминне... и падати міе довго—ажъ поки вдариться головою обь останню въ ії житті скелю и ляже на дно безодні вже бездушнимъ покаличенымъ трупомъ...

Увесь цей часъ батько не займавъ Романа: дожыдався. И сынамъ звеливъ не займати. Зъ Зинькомъ се лехко було, бо той удався лагидної вдачы та й самъ такъ думавъ, якъ и батько. Але Денисъ лютувавъ страшенно: винъ такий невсыпущий хазяинъ, працювавъ до кривавого поту, видпочину николи не знати и не знає, а сей дармойидъ, се ледащо буде перевоидти добро, надбане ёго, Денисовою, працею, дурно йистые хлібъ, заробленый ёго руками! Та вже хочъ бы йивъ мовчки, а то ще й вельчается, ще й несется! Де жъ такы се выдано? Якъ се можна терпіти?

Денисъ сёго не розумивъ и сперечався зъ батькомъ та зъ матиррю. Винъ бувъ зъ тыхъ селянъ, що по-за господарствомъ ничего не бачуть, а всю свою силу, вси свои думки й почування виддають одному—абы придбати бильше, аби стати заможнымъ хазяиномъ. Працюочи тяжко, не жалючи ни себе, ни своихъ, вони не розуміють ни іншихъ думокъ, ни іншихъ

порыванинъ, оприче тыхъ, якымы самы живутъ. Черезъ те Денысови Зинько здавався трохы дурнымъ въ ёго думкамы про книжки и про всяки ини, не хазайськи, справы. А вже тыхъ, що стають имъ на ихъ тяжкій дорози, перешкожаютъ имъ своимъ недбальствомъ, ледарствомъ досягаты бильшого,—такихъ людей вони невавидютъ якъ найгиршихъ злочынцевъ и лыходивъ. Проты такихъ людей озываеться крыкомъ кожна крапли ихъ трудовныцкого поту, кожный рухъ ихъ натомленого важкою прадею тила. И въ ихъ немае тоди жалю...

Але батько заборонивъ займаты Романа,—самъ хотивъ въ имъ, якъ прыйде той часъ, говорыты. Денысь доси звыкъ слухатыся батька, то скорывся й сёго разу, хочъ серце въ ёго й кышило, и винъ такъ поглядавъ на Романа, що той и безъ сливъ добрѣ разумивъ, якымъ духомъ на ёго Денысь дыше. Браты мало размовлялы, мало бачылъся, але промижъ ихъ уже зростала слипа зненависть, покы ще нима, але дожыдала тильки часу, щобъ выявицы, выбухнути. И той часъ прыстыгъ.

Одного разу Романъ, проспавши, писля безсоннои ночы зъ Левантыною, трохы не до обидъ, увийшовъ у хату и саме натрапивъ на батька зъ Денысомъ.

— А що, Романе, якъ же твоя служба?—попытавъ батько.

— Прыйде колысь и служба!—видказавъ нехотя Романъ.

— Чы вона прыйде, чы ни, то ще хто ёго зна,—не вдержавъ языка Денысь,—а покы выходить такъ, що ты соби паномъ дило живешъ, а мы на тебе робымо.

— А то жъ! На то я Богу-государю служывъ, шобъ теперь зъ вылами до гною йты!

— Не кажы дураныць, Романе!—озвався знову батько.—Адже ини салдаты роблють мужычу роботу—онъ и Петро, и Карпенко, и Грыценко,—а тоби жъ чомъ не можно?

— Колы роблють, то й хай соби роблють, а я не можу.

— Эчъ!—не втерпивъ знову Денысь,—панъ! благородный! Вони не могутъ мужыцкими работы робыты: биленьки ручки покалаютъ! Да къ не живы зъ мужыками, а йды соби до павивъ!

— Денысе, цыть! — сказавъ батько. — Я буду говорыты.
Але було вже пизно.

— Ты мени не указъ! — вызвирався Романъ на Деныса. —
Можешъ ты знать понятіе, необразована ты мужва!

Денысь зовсімъ скыпивъ. Побиливъ, зирвався зъ лавы,
стиснувъ кулаки и сказавъ, задыхаючися зо зла:

— Тату! выженить ёго зъ хаты, а то я ёго заразъ
бытыму!

— Ты сміешъ мене быты? — скрыкнувъ Романъ и киуясь
до Деныса.

— Романе! Денысе! Покынте! Що де вы робыте? — спы-
навъ ихъ батько. Маты скрыкнула, а билява Денысова Домаха
тасъ и занимила, стоючи биля полу.

Браты на все те вже не зважали. Вони стояли одинъ пе-
редъ однимъ били, якъ крейда, постискавши кулаки, важко
дыхаючи.

— Ты сміешъ мене быты? — казавъ тремточы Романъ. Ты,
негодяй! хамъ!

— Я — негодяй? Ахъ ты падло салдацьке! — скрыкнувъ Де-
нысь, але въ сю мыть Романивъ кулакъ ударывъ ёго по об-
личчу и прыпинивъ ёму слова.

Денысь скрыкнувъ дыко, якъ пораненый звиръ, и киуясь
на Романа. Але той здоровый, одгодованый, не знесыленый на
праци, въ одинъ ментъ збывъ ёго додолу пидъ себе и прыда-
вывъ ёму колиномъ груды.

Жинки заголосылы, диты закричали и вчепылись за ма-
тиръ; батько киуясь видтягаты Романа, але ничего не мигъ
изробыты: розсатапивши, той ухопывъ брата за горло, а Де-
нысь склкувався видирваты ёго руку видъ своеи шни.

Въ дю мыть увійшовъ у хату Зинько. Побачивши лыхо,
киуясь до Романа и штовхнувъ ёго зъ усеи силы. Зъ неспо-
диванки той упавъ набикъ, и Зинько видягъ ёго дали.

— Романе! що ты робышъ? Чы тоби й Бога не страшно? —
скрыкнувъ винъ.

Романъ зирвався на погы и стоявъ усе ще зъ стысненымы кулакамы, ладёнъ заразъ же знову кынутыса на Деныса.

— Нехай пе въязне!..—хрыпко, кризъ зубы сказавъ винъ.

Денысь стогнучы вставъ и сивъ на лави. Домаха прыпала до ёго, голосуючи. Романъ плонувъ и пишовъ зъ хаты.

Ишовъ вулыдею и сердыкся самъ на себе, що вернулся зъ города на село. Якъ ёму тамъ добре було па служби! Звисно, винъ службу не по воли кынувъ, хочъ и хокався зъ цымъ на сели. Винъ спради служывъ „при палати“—хочъ не швайцаромъ, дакъ сторожемъ. Якъ бы швайцаромъ, то ничего бъ и не було. А то надало ёму разъ полантыса зъ швайцаромъ такы (выпывши бувъ), а той и пожалився на ёго, ще й выказавъ, якъ винъ одного разу піймавъ Романа, що той продававъ казенни дрова. Тоди ёму Романъ давъ карбованця, дакъ винъ мовчавъ, а теперъ выказавъ. Велыка сторія, якъ продавъ який оберемокъ дровъ! А самъ швайцарь хыба того не робывъ?—тильки, що ховатыса добре вмивъ! Звисно, якъ прогнали Романа, то вже писля цёго важко було въ городи знайты службу, та все жъ лекше, нижъ тутъ. А теперъ онъ якъ тутъ жыты!

Романъ побачывъ передъ себе монополію, зайдовъ туды и купывъ пляшку горилкы. Тоди пишовъ до жыдка. У „лавци“ горилкы не можна було пыты, дакъ заразъ била „лавки“ жыдокъ мавъ хатку и пускавъ туды людей,—такъ, ныбы своихъ гостей, а за те мавъ одъ кожной выпытои пляшки плату. Навить самъ бигавъ по горилку. Романъ прыйшовъ туды и зострився зъ пысаремъ. Сей хочъ уже й выпывъ попереду, а заразъ же прыставъ до Романа, якъ той почавъ ёго частуваты. Добулы закуски, вынылы пляшку, а тоди пысарь пославъ по другу. Романъ жалився на батька й на бративъ.

— Чудный ты, Романе Пылыповыч!—видказавъ ёму пысарь.—Якъ отакъ тоби колотыться зъ имы, то нехай тебе батько виддилыть та й годи. Тоди якъ хотитымешъ, такъ и жытимешъ.

Романови ся думка сподобалася. Боявся тильки, що батько не послухается. Але пысарь упевнявъ ёго, що се дурныця, що мусыть послухатыся.

Романъ повернувшись до дому вже пизно ввечери пьянъ и зъ замиромъ заразъ-же вымагаты, щобъ батько ёго виддилывъ. Але, пидійшовши до хаты, побачивъ, що тамъ уже погашено світло. Поторгавъ за двери,—засунени. Вылаявся и пишовъ спаты въ повитку.

Другого дни въ-ранци ввійшовъ у хату, якъ тамъ була вся симъя. Ни на жого не глянувшы, сивъ на лави и сидивъ який часъ мовчкы, торохтичи пальцями по столу. Всі мовчали, а батько, трохи дывуючись, поглядавъ на ёго, думаючи, що може покаявся та прыйшовъ помыртыся зъ братомъ. Не казавъ ничего,—ждавъ поки самъ озвется.

— Знаете шо, тату?—почавъ Романъ своею звичайною ламаною мовою,—якъ такъ намъ жыть, дакъ вы лучше оддилить мене. Оддайте мою часть, то я самъ соби жытому, а вы сами соби.

Це все винъ казавъ якосъ такъ, мовъ бы то батько бувъ выненъ за те все, що було вчора. Старий Сывашъ помовчавъ, а тоди спытався:

— А що жъ ты въ своею часткою робытымешъ?

— То вже мое дило,—що схочу, те й зроблю,—одказавъ саме такимъ робомъ, якъ и попереду, Романъ.

— Та ще жъ вона поки не твоя, то ты вже мени скажы, щобъ я знатъ, на що даваты.

— Тату!—озавався Денысь.

— Мовчы!—перепинивъ батько, боячись учорашиєго.—Я й безъ тебе знаю, що робыты, а коли не вдержышъ языка, то въ хаты выйди!

— Може хазайноватымешъ, Романе, на свой частци?—пытаався знову батько.

— Не хочу я хазайнуваты,—кумерцю заведу,—видказавъ Романъ.

— Кумерцю... Яку жъ то кумерцю?

— Яку схочу, таку й заведу, а вы повинни мени мою частку виддати.

— Повыненъ, кажешъ? — спокійно говорывъ батько. — А якъ не видам'?

— То пиду въ волость, то вась и прысылують оддаты.

— Ну, поки тамъ прысылують, а теперъ я тоби ось що скажу: пидожди ще трохи, навчыся поважати батька й бративъ та не кидатися зъ кулакамы; навчыся спершу знову робыты, шанувати зароблене добро та не ходити въ шыникъ до жыда, то тоди я тоби й дамъ частку, якъ побачу, що зъ тебе хазяинъ ставъ. А поки сёго не буде, то й зъ нашого добраничого тоби не буде.

По тій мови батько повернувся й пишовъ зъ хаты.

Романъ остався ни въ сыхъ, ни въ тыхъ. Винъ тильки сказавъ: „Ни, я такъ не дозволю! Це грабижъ! Уставъ и пишовъ, мовъ бы слідкомъ за батькомъ.

Трохи згодомъ батько вернувся.

— А що, вже пишовъ?

— Пишовъ! — одказавъ насмішкувато Денысъ, радіочы, що такъ обійшлося.

— А якъ на мою думку, тату, — сказавъ Зинько, — то вы краще бъ изробили, якъ бы справди виддилылы Романа.

— Чого жъ то такъ, що краще? — спытавъ зневоя батько. — Оддаты, щобъ винъ узявъ та розмантачывъ працею-кривавыцею зароблене добро?

— Та вже, тату, якъ винъ самъ себе не направить, то вы ёго не направите. Воно жъ и ёго частка тутъ е, — і винъ-же робывъ. А може винъ якъ стане самъ хазяиномъ, то визьмется й робыты, шануватиметься.

— А вже жъ! саме такий! — глузуючи промовывъ Денысъ. — Выдно й збоку.

— Та вже жъ і мы ёго луччымъ не зробимо, а тильки буде сварка та лайка та бійка. А якъ визьмеме свою частку, то що тамъ уже зъ нею буде, те буде, а хочъ у нась у сим'ї стане тыхо, злагода знову буде, — доводывъ свого Зинько.

Маты встриала въ розмову, хотючи пособыты Зинькови.

— А Зинько правду каже, старый. Послухайся ёго! И намълучче буде, и Романови.

— Нехай же спершу покорытса та пошанується!—сказавъ батько.—А марнотратовиничого не дамъ, и говорыты бильше про де не хочу.

Зъ тымъ завернувся та й пишовъ зъ хаты до роботы, а сыны сливкомъ за имъ.

Романъ тымъ часомъ сидивъ уже зновъ у жыдка. И сёгодни знайшлысь товарыши, и якъ Романъ выйшовъ на вулыцю, то въ ёго въ голови вже здорово гуло. Ишовъ и думавъ соби.

— Катъ ёго знае, що ёго робыты! Батько впертый, якъ таскеля. И громада потягне руку за имъ, а не за мною. Эхъ, якъ бы давъ ёму добре такъ, якъ Денисови, то може тоди помнякшавъ-бы!

Романъ бувъ такой лыхый на батька, що ладёнъ бувъ бы ёго попобити. Якъ ёго теперъ жыты? Що ёго выгадати?

Ёго думка навернулася знову на ту стежку, що на ій уже колись попереду була. Боявся тильки почынати, бо мало було надії, що пощастьть. Але боявся, якъ бувъ тверезий. Теперъ же ёму здавалося, що справа вже не така безнадійна.

Хыба якъ винъ крамарь, то така вже велика цядя? А Романъ салдатъ! Пыпется: Сучковъ. Хе! Такий Сучковъ, якъ Романъ Сывашовъ! Та ще й Горпуша та ёго й пристаркувата, и зъ себе ногана. Ще нехай и дякуе, що посватае. Нехай oddae швидче, а то зостанеться на насиние. А ёго, Романа, за товарыша соби прыйме. Романъ торгуватиме. Ого-го! Винъ тамъ такой порядокъ дастъ, що ну! А не скоче товарышемъ прыймати,—хай грошей дастъ. Вже жъ дастъ! Одна дочка, та щобъ не давъ. Та ще й за-для такого зятя!

Романъ повернувъ праворучъ и пишовъ у двиръ до Сучка.

Якъ винъ увійшовъ до ёго въ хату, то тамъ никого не було. Романъ голосно кахыкнувъ. Зъ другои свитлыци вызырпула Суччыха Агахвія.

— Мое ныжающее! — поздоровавшись Романъ. — Якъ бы мени
Мыхайла Грыгоровыча побачыть?

— Винъ у лавци, — пидить тузы.

— Невозможно въ лавци: дило секретне, — треба на са-
моти.

— Що жъ тамъ за дило? — зацикалась Агахвія и выйшла
до Романа. — Кажить и мени!

Романъ усміхнувся.

— Одlyчное дило! Будете й ви, Агахвія Ивановна, знать
современно, а теперь позвольте мени Мыхайла Грыгоровыча.

Агахвія закоркотило довидаться швыдче, яке тамъ дило, и
вона пишла въ крамныцю. Незабаромъ видтиля прыйшовъ Су-
чокъ.

— А за якымъ-же се вы диломъ? — спытався винъ, якъ
поздоровкались та посидалы.

— Пречудесне дило! Ось слухайте, Мыхайло Грыгоровычъ,
что я вамъ скажу!

— Кажить!

— Есть у васъ кумерція?

— А есть.

— А помошныкъ вамъ у кумерція есть?

Сучокъ зитхнувъ:

— Нема!.. Не давъ Господъ сына.

Винъ завсигды журывся, що въ ёго нема сына.

— А я вамъ найшовъ помошныка та ще й доброго.

— Хто жъ то? — спытавъ Сучокъ, чудуючися зъ Романо-
выхъ сливъ.

— А хто жъ? Я!.. А що, хыба не ловкий кунпаніёнъ?

— Та воно, звисно... — якось непевно видказавъ Мыхайло
Грыгоровычъ. — Та... тильки якъ-же це воно буде? Вы який ко-
пыталъ маete, або-що, дакъ хотите, щобъ у кунпанії?

— На шо тамъ копыталъ? Мы й безъ копыталу такъ
ушкварымъ, що первый сортъ! Оддайте за мене вашу Горпушу,
а я буду вамъ помошныкомъ.

Сучокъ вырячывъ на Романа очы. А той, не помишаочы сього дывування, пытався:

— А шо, правда,—хороша выгадка?

— Та воно хороша... та тильки, бачыте, мы ще не думаемо дочки виддаваты.

— Отъ, выгадки! А докы жъ будете держать? Вона жъ и такъ прыстаркувата.

— Найдутся люде!—видказавъ, трохи вже образывшись, Сучокъ и додавъ:—Знаете шо, Романе Пылыповычу? Кыньте вы се дило, бо се одынь пустякъ!

— Пустякъ? Шо вы думаете, шо я не зумію торгувать? Дақъ вы дайте мени за Горпушою грошей, то я самъ заведу торговлю таку, шо тильки ну! Ого-го!

— Ну, се тоже пустякъ—дило!—зважльво сказавъ Сучокъ и вставъ.—Прощайте,—треба въ лавку.

— Та постойте, Мыхайло Грыгоровычъ, чы вы не розбираете, чы шо, шо я вашу Горпушу сватаю?—спынявъ ёго Романъ.

— Чомъ не розбираю? Дайже очынь хорошо розбираю.

— Ну, дақъ чого жъ вы?

— Нема мого желанія за вась іи oddать.

— А чому жъ бы то й ни?—спытався дратуючысъ Романъ.—Чоловикъ я образованый, понимающий... А што родытели въ мене мужыкы, то ето ничего: я объ выхъ тогла буду безъ уныманія.

Сучокъ почынавъ уже лютуваты и де дали дужче сопты. Винъ уже чувъ, якъ поводытся й ледарюе Романъ, звавъ про бйку зъ братомъ, бачывъ, шо въ Романа грошей нема, и розумивъ, куды винъ теперъ цилася: перевесты, рострынката вси ти грошикы, шо винъ, Сучокъ, надбавъ. Облычче въ крамаря зъ гнива почервонило, и винъ, самъ того не сподивавшися, крыкнувъ на всю хату:

— Та що ты соби думаешьъ? Ахъ ты, голякъ! Ище й прымазується до порадошныхъ людей! Ступай, ступай, видкиля прыйшовъ!

Такъ гrimнувъ, що Романъ збентежився вразъ и, ни слова не кажучы, пишовъ зъ хаты. Тильки вже биля дверей скаменувся.

— Ты тоже не очынъ!—крыкнувъ винъ, повернувшись до Сучка.—Сміешъ ты салдата, который кровью своею васъ, хамовъ, защищалъ, такъ оскорблять? Наплювать мени на тебе й на твою дочку.

— Вонъ! Пошовъ во-онъ!—ажъ затупотивъ ногами крамарь, але Романъ уже бувъ у двори, а дали й на вулыци. Со-ромъ и злисть мордувалы ёго, со-ромъ, що такъ имъ погородовано, злисть за сю зневагу й за те, що ни звидки винъ не бачывъ помочы. Уси воны однакови: и батько, и Денысъ, и цей Сучокъ! Жыття за имы нема, способу ніякого нема! Такъ бы ихъ усихъ!.. Не знае й самъ, що винъ зробывъ-бы имъ, тильки видячывъ бы такъ, щобъ ажъ запекло, щобъ ажъ заскавучалы воны!.. воны—вси, уси ци прокляты мужлаи!.. Яки воны дурни й гыдки теперъ здавалыся Романови!

Винъ не пишовъ ни до-дому, ни до кого, бо на всіхъ лютый бувъ. Зновъ довго блукавъ по за селомъ, ходывъ у байраци и вже надъ вечиръ вернувся додому.

Пишовъ просто у-садокъ и стрився тамъ изъ Зинькомъ.

— А я тебе дожыдався, брате,—сказавъ Зинько.

— А на що?—спытавсь нехотя Романъ.

— Хотивъ щось тоби сказаты.

— Кажы!—промовывъ Романъ байдужно, лягаючи на траву пидъ деревомъ.

— Бачъ, Романе, що я думаю,—заговорыть Зинько й соби сивши биля його.—Шочалысь у насъ у симъи сварки... А де дали, то ще й дужчи будуть. Тоби не добре, та й батькови не-весело такъ изъ тобою жыты. Винъ бы тебе й оддилывъ, якъ бы не боявся, що ты все переведешъ. Да-къ ты такъ изроби щобъ не боявся батько.

— А якъ же ёго зробыть? Зъ такимъ батькомъ хыба що зробыть?

— А неправда жъ, Романе,—нема чого нарикаты на батька, колы самъ погано робышъ: своимы гордуешъ, кудысь у паны ишнешся... Зъ того доброгоничого не буде.

— Понимаешь ты тамъ!

— Та вже жъ, може, трохы й я тамлю. Отъ ты розберы самъ. Службы тоби ще ніякои нема, може й довго не буде; оддиляты тебе батько не хоче. Доводытся тоби покы въ насъ жыты. А яке жъ воно жытте буде, колы разъ-у-разъ сварка?

— Нехай мене не зачипают!

— Та де жъ вони тебе зачипают? Воно жъ такы правда, що треба жъ щось робыты, не можно дурно хлибъ яисты. И Денисови крывдно: винъ же робыть. Уже отъ вы й былыша, а дали ще гирше буде. Що жъ воно зъ того доброго? Краще ты, Романе, помырыся зъ батькомъ та зъ братомъ та пособлай хочь трохы въ роботи... покы знайдешъ соби службу. А тамъ батько, бачивши, що ты шануешся, и оддильтъ тебе... Хочь крутысь тамъ на роботи,—я вже тоби пособлятыму такъ, що вони й не знатымуть,—абы щобъ сварки не було.

Зинькова прыхильнистъ такы зачепила за серце Романа. Ходючи сёгодня по байраку, винъ уже багато думавъ про те—якъ винъ дали жытыме въ симъи. Ничого не мигъ выгадаты, хоча й бачивъ, що такъ дали жыты не можна. Винъ оказалъ Зинькови:

— Якъ-же я покорюсь? Зъ мене жъ люде сміяться будуть.

— Чудный ты! А теперъ изъ тебе люде не сміются? Та все село вже тебе взяло на глазы. Чого жъ ты теперъ не боишся того смиху, а тоди ёго тоби страшно? А я тоби такъ скажу: теперъ зъ тебе сміются и дурний й розумни, а тоди колы й сміятутся, дакъ самій дурній.

Романъ подумавъ трохы й видказавъ:

— Ну, гараздъ... Може бъ я й зробивъ... Не за для ихъ, а за для тебе, що ты такой до мене добрый... Та якъ же ёго зробить? Не паду жъ я до ихъ кланяться!

— Та й не ходы. А тильки визьмы та й выйды завтра на роботу та й робы. А тамъ воно вже якось саме станется...

— Нехай-же подумаю,—може й выйду...

И справди, другого дни выйшовъ городыты тынъ изъ Зинькомъ. Денысъ глянувъ на ёго зъ-пиль лоба, батько здывувавсь, але никто ничего не сказавъ. Тильки Зинько дуже зрадивъ, клопотався зъ Романомъ, гомонивъ и все зводывъ, щобъ и зъ батькомъ та зъ Денысомъ у ихъ розмова буда. Маты ёму пособляла. Одначе ти мовчали.

Романъ робывъ увесь день. Въ ёго заболила спыша, руки, ногы. Другого дни винъ выйшовъ бувъ на тикъ, але робывъ тильки до снидання. Посnidавши, винъ уже не пишовъ туды и бильшъ уже не брався до роботы. Зинько и вмовлявъ ёго, и прохавъ, та ничего не пособылося. Романови здавалося дуже важко робыты, батько не злакавивъ одразу, та й соромъ було передъ селянамы, що винъ высоко литавъ, а теперъ нызько сидае.

Тымъ часомъ чутка про ёго сватанне въ Сучка пишла по селу. Дочулась про се й Левантына. Вона одного разу почала плакаты й казаты Романови, що винъ іи покыдае, бо сватае Сучківну.

— Тю на тебе!—видказавъ Романъ.—То все дурныца! То я бувъ высыпавши та для штуки й лишовъ, щобъ посміятыся. А воны зъ великого розуму думалы, що я й справди на ихъ ступу-Горпушу окомъ накынувъ.

И винъ почавъ іи цилуваты и прыгортаты и казавъ, що винъ іи ни на кого не зминяе и свататыме скоро—отъ заразъ, тильки службу знайде... Все це вона вже чула, та й не разъ, але кого любышъ, тому хочется вирыйти. И вона вже вирыла ёму и казала:

— Гляды жъ, Романочку, не зрадь мене! Бо якъ ты не пожаліешъ, то хто жъ мене пожаліє? Находъ службу швыдче, бо...

Левантына замовкла, а Романъ зновъ почавъ іи улещаты, и вона забула свій сумъ.

Идучы Романъ одъ неи до-дому, самъ соби думавъ:

— Треба справди службу швидче знаходыты та тикаты звидсиля. А то, гляды, ще Левантына дытыну знайде, то кло-поту повна голова буде.

И другого жъ дни чишовъ у сусидню окономію. Сёго разу ёму пощастило. Въ окономії бувъ лисъ, а въ лиси два сторожи. Одынъ несподивано покинувъ службу й пишовъ до-дому сâме въ той день, якъ Романъ туды прыйшовъ. Зважывши на ёго салдацький билетъ, управытель узявъ ёго за пидстаршого сторожа до лису. Не вподобалась Романови ся служба, та иношо не було. Жыты доводылося въ лиси, въ одній хати зъ старшимъ сторожемъ. Сей разъ-у-разъ посылавъ Романа наничъ обходыты лисъ и вартувати тамъ. Спершу Романъ ходивъ, а дали ёму очортило, та й за Левантыною занудывсь. Однієи ночы, замисто щобъ обходыты лисъ, майнувъ до неи (верстовъ зъ висимъ туды було) і зъ того часу почавъ навидуватися до неи ночамы частенько. А тымъ часомъ люде зъ того села, де була окономія, заходыlyсь коло Романа. Вони були дуже вбоги на дерево, то часто кралы ёго въ панському лиси,—часомъ нышкомъ отъ стороживъ, а часомъ, якъ сторожъ бувъ не лыхый, то купували въ ёго дерево за дешеву цину: дадуть ёму якого рубля, чы пивъ рубля, та й нарubaють чого треба. Лисъ великий, то не скоро помитышъ кожне арубане дерево. А сторожъ нибы того й не знає. Романа вони не довго вмовляли, і винъ почавъ добувати соби такимъ робомъ гроши. Винъ зовсімъ не беригся і попускавъ рубати стильки, що вже й выдво стало. А тутъ ище одынъ чоловикъ, не поеднавшися зъ Романомъ за цину, та й виказавъ на ёго. Все виявилось, і Романа прогнано зо служби, ще й грошай не виддано... хочъ винъ не багато й заробивъ, бо не проживъ тамъ і мисаця. Довелося знову до батька вртатися.

IV.

А на сели страшенно сміялыша й глузували зъ Романа, лаялыша за лежви та за те, що високо нисся. Ёго прыятели—пы-

сарь, урядныкъ, дакъ та ини—булы до ёго прыхильни, покы въ ёго бряжчало въ кышени, и винъ частувавъ ихъ горилкою. Та винъ давно вже повытрусовавъ свои кышени, вытрусывъ и материны скрыню. На сели скрізь почалы зваты Романа голодрабомъ, ледашомъ. Прыятели почалы одвертатыся, стриваючысь на вулыци. Про те, щобъ хто ёго въ гостыну до себе заклыкавъ, Романъ забувъ уже колы се й було.

Дуже се ёму было прыкро. И не черезъ те, що зъ тыхъ прыятеливъ якесь ёму добро було, а такъ, соромъ, що отъ зъ усима въ товарыстви бувъ, а теперъ занехаяно ёго. Винъ не знать що давъ бы, абы хочъ трохы де добуты грошай та знову прывернуты до себе своихъ прыятеливъ зрадлыхъ... прывернуты, новельчатыся трохы, щобъ усимъ заципыло, та тоди хочъ и зъ села.

Надто, що й обирвався вже. У ёго тильки й було одежы, що на ёму. А одного разу вночы, черезъ тынъ перелазучы, розидравъ свого „пиджака“. Хочъ и полатала маты, та вже не вдержышъ ёго цилымъ, якъ почало дратыся... уже онъ и ликти выдко... Грошай, хочъ кричи, треба, а де ихъ визьмешъ?

Се було черезъ скилькы день писля того, якъ вернувшся Романъ до-дому зъ лису. Одного разу, мисяшнои ночы, идуchy видъ Левантыны черезъ тикъ до повиткы спаты, винъ побачывъ на току ворохъ пшеныци. У ёго промайнула въ голови думка:

— Якъ бы набраты цієи пшеныци та виднесты до Рябченка!

Чого ёму спавъ на думку сей Рябченко? Отъ, и самъ винъ не знае... Такъ, чогось изгадався...

Рябченко бувъ такой соби чоловикъ у ихъ на сели. Винъ мало хазийнувавъ, трохы шывъ чботы, а бильше—подейкувалы люде—накладавъ изъ злодіямы. Певне довесты того никто не мигъ, але на сели кожне звидкись знало, що хочъ винъ самъ и не краде, дакъ злодійське передержуе. У ёго килькы разивъ и трусь бувъ, та не моглы ничего знайты.

Ото жъ винъ и згадався Романови. Сей купывъ бы пшеници, якъ бы однесты. Звисно, воно такъ неначе крадижка... а въ тимъ... яка тамъ и крадижка? Адже тутъ и ёго, Романове, добро. Адже й винъ одынъ зъ трёхъ бративъ, то й ёму жъ належыть частка. Хыба жъ винъ выненъ, що батько та Денясь не дають ёму тієи частки? Колы не дають, то винъ може й самъ узяты.

Таке думавъ Романъ, лежачы въ повитци, а дали вставъ та й пишовъ у клуню шукаты мишка. Зпайшовъ, прыйшовъ до вороха та й зупынився. Чы браты, чы не браты? Этъ, що буде!..

Винъ набравъ зъ вороха мишокъ пшеници и хотивъ несты до Рябченка. Та ни,—треба спершу попытаты ёго.

Нышкомъ, обережно перелазочы черезъ тыны, пройшовъ гордамы до Рябченковои хаты. Тамъ уже було погашено. У Романа забылося турботно серце, якъ винъ злегенъка постукавъ у викно. Нихто не озвався. Винъ заторохтивъ дужче.

— Хто тамъ?—почувся голосъ изъ хаты.

— А выйды, дядьку, сюды!

Трохы згодомъ двери на дверь одчынлыся, и кризъ ихъ просунулася кудлата голова.

— Хто се? Се ты, Романе?

— Я.

— А чого?

— Пусты въ сины,—не хочу стояты на выдноци.

Роскудлана голова сковалася, и Романъ увійшовъ у темни сины.

— Кажы, що треба.

— Хочешь пшеници?

Рябченко не видразу видказавъ. Винъ зрозумивъ, яка то мае буты пшениця, але вагався, пе знаочы, чы Романъ ёго не пидводить. Може вмысне, щобъ потымъ урядныка навесты. Темна постать Романова ничего не могла ёму про се сказать: облычча не выдко було.

— Якои пшеници?—запытався врешти.

— Зъ дому.

— Не брешешъ?

— Чого бъ я ставъ брехатъ?

Рябченко ще подумавъ и згодывся:

— Добре!

— По чому дасы?

Рябченко сказавъ пинъ-цины.

— Дешево.

— Знайды дорожче!

Романъ звавъ, що дорожче не знайдешъ, и сказавъ:

— Добре, заразъ прынесу.

— Трохы згодомъ,—якъ мисяць зовсимъ зайде.

— Та винъ уже заходе.

Покы Романъ вернувся до-дому, то мисяць и справди зайшовъ,

Сieи ночы Романъ однисъ до Рябченка тры мишкы пшеници, и въ ёго въ кышени забряжчалы гроши. Тоди зъ упокоемъ заснувъ.

Другого дни Денысови здалося, що пшеници въ вороси наче поменчало; але потимъ винъ подумавъ, що мабуть помыльвся, и никому ничего не сказавъ.

Романъ справывъ соби нову черкассынову жакетку, и въ ёго ничего не зосталося зъ тыхъ грошей, що взявъ за пшеницю. Мусивъ знову ходыты до Рябченка. Сёго разу на току вже не було ничего, то винъ набравъ зъ комори, зъ засикивъ, добравшы до замка старого ключа. Зъ цымъ ключемъ винъ и потдуму зазыгравъ ще до комори, але робывъ це обережно, щобъ нихто не помичавъ.

Одного разу старый Сывашъ уранци лагодывъ двери въ повитци. Було до схидъ сонца холодно, то вдягъ кожуха. Якъ сонце зійшло, потеплило,—скынувъ ёго та й забувъ у повитци. Тамъ винъ и лежавъ увесь день.

Другого дни Романъ лагодывсь иты ще въ якусь окономію шукаты службы. Уставъ рано,—ще вси спалы. Було холодно, а ёго драненьке пальтечко высило въ хати. Спавъ винъ

у повитци и побачывъ доли били дверей батькового кожуха..
Удягъ ёго.

Въ окономії ничего не добувся: тамъ уже звалы про те,
якъ винъ бувъ сторожемъ у лиси.

— Эхъ, жысть мотузяная! — нарікавъ, вертаючися до-дому,
Сонце вже прыпікало,—мусивъ скунуты кожуха й несты.—И
якого я чорта ногы бывъ? Ще кожухъ тягны! Циду въ гродъ
та хочъ продамъ ёго, щобъ дурно не ходыты! Нихто жъ не
бачывъ, якъ я вдягавъ ёго.

Завернувшись и пишовъ у городъ. Видъ окономії туды було
верстовъ четыри. Швидко ихъ перешовъ и подавсь у городъ
просто на базарь. Тамъ жыдки торгували ношеною одежою,
сыдючи коженъ надъ купою свитокъ, кожухивъ, чумарокъ,
жакетокъ, штанивъ та іншого старого дрантя, кунутого доли
або на брудному рундуци. Покупцівъ не було, сами жыди й
жыдивки завято шваркотиды промижъ себе. Романъ підійшовъ
до одного.

— Жыде, купы кожухъ!

Жыдъ подывивъ на кожуха.

— Скильки хочешь?

— Десять рубливъ.

— Виддай ёго своему тателе,—може на онучы здастся,—
и винъ кунувъ одъ себе кожухъ.

— А ты жъ скильки даешъ?

— Два рубли.

— Нехай-же твій тателе имъ подавытса!

Романъ пишовъ дали, до другого жыда. Але перший
жыдъ щось зацвенькавъ до сёго.

— Ны, се такий кожухъ, со одна смусына одъ другои
смусыны—якъ нась городъ одъ Одесь.

— Шо ты брешешъ, жыде? Винъ ище зовсимъ новый,
мало й ношений.

— Яєъ бы винъ бувъ новый, то я бъ тоби за ёго давъ
десять рубливъ, а якъ винъ такий старый, якъ беззубый собака,
то я тоби дамъ за ёго десять злотыхъ.

Ледви иродавъ добрячый кожухъ за три рубли. Гараздъ пообидавъ, выпывъ пыва и пишовъ до-дому.

А дома батько вранци кинувся кожуха и згадавъ, що забувъ ёго въ повитди. Пишовъ туды—нема.

— Мабуть те ледашо вдягло,—подумавъ Сывашъ и не ставъ бильше шукаты.

Але Романъ прыйшовъ увечери безъ кожуха.

— Ты хиба не вдягавъ кожуха?—запытавъ ёго батько.

— Ставу я вдягать ваши кожухы! На-чорта винъ мени здався?

Кинулися тоди вси шукаты, тильки Романъ—ни. Не знайшовши старый Сывашъ ничего, почавъ лаяты Романа:

— Колы вже ничего не робыть ледашо, то хочъ бы вже, йдуучы, двери въ повитди зачыныло. Мабуть собакы затяглы, а хтось потимъ узявъ.

Романъ ажъ росердывся:

— Шо я, буду за всякымъ доглядатъ та прыбирать? Самы роскыдають, а я одвичай!

Уси дывувалысь: хто бъ мигъ украсты? Нема, здается, й злодіивъ поблизу, а вкрадено.

Трохы згодомъ Романъ устругнувъ нову штуку. У ихъ у синахъ высило велике сало—пудивъ зд два. Двери зъ синей у дверъ запиралыся засувомъ. Винъ уночи нышкомъ одсунувъ ключемъ засувъ, влизъ по драбыни на горище й знявъ сало. Не гаючысь потягъ ёго до Рябченка. Але той не скотивъ иршниты:

— Буде трусь, може й мене трусытымуть, то знайдуть. Сёго не хочу, се не пишеныця. Заховай денёбудь, нехай перележыть,—тоди визьму.

Романъ пишовъ одъ ёго лыхый. Визьме, якъ перележыть! Байдуже ёму тоды! Тоди Романъ и самъ одтаска ёго въ городъ та й продасть дорожче, нижъ тоби. Романъ уже сердзтий бувъ на Рябченка, що той дешево платывъ.

Одначе, не несты жъ сало назадъ. Треба десь ёго заховаты. Де бъ же? Хыба въ тому байрачку, що праворучъ одъ дороги,

якъ иты въ городъ? Тамъ е одна норя... Недавно Романъ іи бачывъ, якъ ходывъ тамъ. И добре буде потимъ узаты, щобъ несты на базарь.

Романъ пишовъ не вулыцею, а горбдамы и выбрався за село. Шивъ версты видъ села до байрачка перейшовъ швыденько. Знайшовъ знаёму печерьку, запхавъ тулы сало, закидавъ хмызомъ, листемъ сухымъ. Тоди мерщій вернувся до-дому.

Другого дни Сывавши сполошилышя: сало вкрадено! Маты ажъ заголосыла,—такъ ій жалко було: также сало товсте та гарне! Батько тежъ бидкався и ніякъ не мигъ зрозумиты: де ти злодії беруться. Тильки Денісъ не бидкався, але страшенно лютувавъ, не казавъ ни слова и щось соби думавъ. Романъ поки ще любисинъ спавъ.

Послалы Зинька поклыхаты старосту. Прыйшовъ староста зъ людьми. Подывылися на сини, подывылися, що въ ихъ нема сала...

— Отутъ и высило?—роспітувавъ староста.

— Огутъ и высило.

— И забрано.

— А забрано-жъ, забрано, бодай ёму руки покорчило!— кляла стара Сывашыха.

— Мабуть же ёго таке забрало, що вже й заховало добре!— сказавъ староста.

— А мабуть!—додавъ хтось изъ людей.

— Шкода жъ, колы такъ и шукаты!—и староста повернувъ, щобъ уже до-дому йти.

Але Денісъ замагався: Якъ же се такъ? Таку шкоду вроблено та й покынуты, та й не шукаты?

— Та де жъ ёго шукаты?—дывувався староста, бо ёму не хотилося клопотатися.

Денісъ намигся, щобъ потрушеню Рябченка. Поклыхали врядныка, пішли до Рябченка. Той страшенно росердывся, кричавъ, що воны не сміють ёго „порочыти“, не дозволявъ трусити и вымагавъ, щобъ Денісъ заложивъ десять карбованцівъ, а тоди вже й трусивъ. Денісъ такий бувъ певный

знайты въ ёго сало, що заложыть гроши: десятёхъ не було, дасть хочъ три. Хыгрый Рябченко радый бувъ и тому.

Почалы трусыты. Обнышорылы хату, хливы, горбдъ—скризы. Ничого не було. Денысь самъ по кильки разивъ перекопавъ уси засапелки и все жъ не знайшовъ сала.

Рябченко радивъ: три карбованци зоставалыся ёму—несподиваный барышъ. А Денысь пишовъ до-дому розлюченый, бо пропало сало, пропалы й три карбованци. Дома винъ мокрымъ рядномъ напався на батька:

— Якъ соби хотите тату, а я такъ дали жыты не буду! На що вы потураете Романови? Розледащивъ, ничего не робыть, та ще й краде!

— Якъ то—краде?—спытався понуро батько, начуваючыся нового лыха.

— А такъ, що се Романове дило зъ саломъ... та мабуть и зъ кожухомъ.

— Якъ то—Романове? Хыба въ Романа що знайдено?—спытавъ батько ще похмурише, хочъ у самого вже тремтивъ голось.

— Хочъ ничего не знайдено, та я знаю, що воно ёго рукъ не мынуло.

— Та якъ же ты сміешъ це казаты?—гримнувъ батько, зирвавшися зъ лавы.

Денысь глянувъ на ёго и ажъ перелякався: батько стоявъ передъ имъ блидныи, очы палалы якымсь непевнымъ огнемъ, увесь ажъ трусывся, стыснувши кулакы.

— Якъ ты сміешъ це казаты на свого брата, ничего не знаючы? У нашій симъи николы не було злодіивъ и нема,—чуешь ты! А ты самъ на свою симъю будешъ неславу нускаты?!

Денысь схаменувся, побачывши, якъ роздратувавъ батька.

— Та нехай и по вашому, але за що жъ мы зъ жинкою будемо робыты на ледацюгу? Або проженить ёго, або нехай робыть, або мене виддилит! Шо це таке справди?! Ледашу таый потуръ даваты! Се треба розуму риштыся.

— Мовчы ты, блазню! — знову розсердився батько. — А то я тоби такого дамъ, що въ тебе останній твій дурний розумъ зъ головы вискочить! Эчъ, розумнишій уже за батька зробився! И самъ безъ тебе знаю, що треба робити, и зроблю.

Саме на цю розмову наскочивъ Романъ.

— Слухай, Романе, що я тоби казатыму! — озвався до ёго батько гнівно. — Годи вже панувати! Або берись до роботи, або йди соби куды знаешъ!

— То що? И пиду! — видказавъ Романъ такъ спокійно, мовъ се ёму байдуже було. — Пиду въ городъ, — тамъ соби швидче службу знайду. Якъ розвеличались! Обійдемось и безъ вастъ!

Повернувшись та й зъ хаты.

Винъ сёго сподивався, що таки Денісъ колись пидьюдить батька выгнати ёго, — винъ певный бувъ, що батько се говоривъ зъ напрâвы. Ну, та не таке вже воно й лыхо. Пиде въ городъ, продасть тамъ сало... Шожыве трохи, поки службу знайде... А юоли й не знайде... ну, тамъ видно буде, що робити!..

Але Денісъ на тому не переставъ. Мавъ на Романа велике пересерде и за сало, и за пропащи три карбованці. Пишовъ до Струка та до кума Терешка Тонконоженка и розскажавъ имъ усе, що думавъ про Романа. Тоді втрїхъ заходилися ёго сочти: куды той ни пиде, то все якийсь зъ ихъ на ёго окомъ накыдає, пасе. Батько жъ изъ Зинькомъничого про це не зналы, бо звеливъ Денісъ не казати имъ про се.

Днівъ черезъ два Романъ пишовъ у городъ. Такъ зибрався й пишовъ, що сим'я й не знала про це, ни зъ кымъ и не по-прощався, навить зъ матиррю. У непевныхъ Денісовимъ поглядахъ винъ бачивъ, що Денісъ думає за сало на ёго, — боявся, щобъ не присочивъ. А теперъ, пишовши нышкомъ, думавъ, що вже буде и въ городі, поки дома побачуть, що ёго нема.

Але три ёго вороги за малымъ не вазирди ходили за имъси дни. И Струкъ таки присочивъ ёго, якъ винъ подався зъ дому. Заразъ кинувся до Деніса.

Ще Романъ выходывъ изъ села, а вже воны втрѣхъ, пропогиши манивцямы, сидили биля дороги въ кущахъ у байрачку.

Не довго й дожыдалыся: иде Романъ та просто въ байрачокъ. Двоє зосталось тамъ, де сидило, а Струкъ поплазувавъ обережно помижъ кущамы слидкомъ за Романомъ. Винъ бувъ стрилець, то звукъ по лисахъ до звира пидкрадатыся.

Романъ ишовъ смило, не боячысь ничего, Струкъ рачкувавъ за имъ здалека. Ось Романъ спынывся, озырнувшись,—никого не побачывъ. Положывъ доли свою торбу и почавъ одкыдаты хмызъ одъ печерьки. Цоодкыдавъ и вытягъ щось велике. Струкъ догадався, що се сало, и мерщій метнувся до своихъ.

Воны заховалысь на доброму мисци: Романови немынуче треба було прозъ ихъ иты, бо воны сидили ажъ на тому краю байрачка, що до гброда.

Романъ выйшовъ зъ байраку на шляхъ, зновъ озырнувшись туды й сюды,—никогисинъко нема. Тоди швидко пишовъ у гродъ.

Тroe товарышивъ незабаромъ почулы ёго ходу... отъ уже й выдко ёго: иде й щось мугыче соби пидъ нисъ. Сало на плечахъ.

Однимъ скокомъ воны стали кругъ ёго.

Романъ спынывся враженый и одну мыть, зъ несподиванки, не зная що робыты.

— А куды се ты, Романе, сало несетъ?—спытався глухуючи Денысъ.—Може тоби пособыты?

Здоровенный Романивъ кулакъ ударывъ Деныса по уху, що ажъ каганци тому засвityлъся. Денысъ поточивъся, трохи не впавъ, а Романъ тымъ часомъ, кынувиши й сало, побигъ шляхомъ.

Очманившы видъ кулака, Денысъ на мыть спынывся, не розуміючи, що сталося. Але заразъ же побачывъ.

Попереду бигъ Романъ, а за имъ, дуже блызъко, Струкъ, а трохи виддаликъ Терешко. Денысъ кынувся за имы.

Але Романъ добре бигавъ и незабаромъ далеко покынувъ позадъ себе и Терешка й Деныса. Тильки Струкъ гнався за

имъ близъко, зигнувшись напередъ усими своимъ довгымъ тиломъ, закидаючи назадъ швидки цыбати ноги.

Ёго опанувавъ мыслівський палъ. Такъ винъ колись бигъ за вовкомъ пидстреленымъ: николы було вдруге рушницю на-быты, щобъ стрельнуты, и винъ напружувавъ усу силу, щобъ наздогнати закривленого звира и добыты эъ рукъ, розтрощивши ёму голову. Такъ винъ бигъ и теперь, самъ не розуміочы, не думаючи про те—на що ёму ловыты Романа и що ёму той Романъ зробивъ. Бигъ и кричавъ инколы:

— Не втечешъ!.. Задавлю!...

Передъ ёго очима, не перестаючи, швидко-швидко мелькалы п'яты, конвульсійно прытыскалися до бокивъ высунени назадъ ликти. Си ликти все близчи, близчи стають... Струкъ выразно чуе, якъ важко дыхае втикачъ... почувае се дыханне.. Напружується зъ усієи силы—отъ-отъ досягне, але й Романъ напружується... Та не надбвго. Однимъ останнимъ стрыбомъ падає Струкъ на спину Романови, валяє ёго додолу. Але ту-жъ мыть Романъ въвернувся й зирвався на ноги. Струкъ, лежучи на шляху, вхопивъ ёго за ноги обома руками. Збувшись ривновагы, Романъ зновъ упавъ и вони сцепилися промижъ собою, качаючись у пылу на шляху.

— Не втечешъ! Не втечешъ!—хрипивъ Струкъ.— Не попущу!

— Чого тоби видъ мене треба? Що я тоби зробивъ?— Такъ сїме хрипивъ Романъ, пручаючись.— Пусты!

И вразъ ище двое впало на ёго, вхопило ёго прытысло.

— А, дакъ ты такъ!—ревивъ розлютований Денісь.— Красты!.. бытыся!.. тикаты!.. Злдій!.. Душогубъ!.. Отъ я жъ тоби покажу!..

Романъ възволивъ праву руку и почавъ быты кого й по чому інпадя. Ёго прыгнитылы такъ, що винъ застогнавъ, и скрутили ёму назадъ руки поясомъ.

— Теперь тикай!—знувшись Денісь,—да тильки не въ городъ, а до волости!

Пидвелы ёго и стоялы, видпочываючи, вси четверо—задыхани, знеможени, въ подраній одѣжи, зъ умазанымы облычамы у кровъ, змишану зъ шляховымъ пыломъ. У бійци Денысови розбыто носа, и винъ попламывъ своею кровью й ииныхъ.

— Ходимъ!—смыкнувъ Денысъ Романа.

— Не пиду!

— Ходимъ, бо потягнемо, якъ падло!

— То й тягнить!—Романъ упавъ на шляхъ.

Але Денысъ ухопывъ ёго за верёвку й потягъ по шляху, що ажъ руки тому выверталыся. Романъ ойкнувъ.

— Уставай же, бо ще гирше буде!

Романъ уставъ. Пишлы до села. На дорози забралы покынуте сало. Терешко йшовъ зъ имъ поцереду, а дали Романъ, а за имъ Струкъ изъ Денысомъ, держучы ёго за кинецъ пояса, що звъязувавъ руки. Мовчали вси. Такъ увійшли въ село.

— Куды жъ ты?—спытавъ Струкъ.

— У волость,—одказавъ Денысъ.

— А може бъ до батька ёго? Нехай повчыть!—порадывъ Терешко.

— Такый, що повчыть!—одповивъ Денысъ.—У волость!

Повернули до волости. Здывовани люде спынялися, поглядаючи на сю чудну, незвычайну процессію, и не могли ничего зрозумити. Дехто пидходивъ и пытався, але, и ти, поспипаючися, йшлы дали.

Увесь часъ Романъ мовчавъ. Але якъ уже пидійшли до волосного рундучка и винъ ступывъ на ёго ногою,—тоди повернувся до Деныса:

— У, Иродъ!—и плюнувъ ёму межы очы.

— Денысъ рванувся бувъ до ёго, але заразъ же спынився.

— Постривай,—побачымо, що въ холодній заспиваешъ!—утерся, и вси вкupи вступыли до волости.

Тамъ були пысарь, старшина, врядныкъ. Вони ажъ не стямылися зъ того дыва, що побачили. А Денысъ, не зважаючи на те, почавъ оповидаты, що ось вони піймали злодія зъ

саломъ, и вымагавъ, щобъ написано протокола и посажено злодія въ холодну. Говорывъ такъ, мовъ бы се не про брата, а про когось зовсимъ ёму невидомого й чужого.

— Що ты, Денысе? Бога ты не боишся, людей не страшися? Брата?!—дорикавъ ёму старшина.

— А хочъ и братъ, да колы таке ледащо...

Тоди озвався Романъ: воны на ёго напали, каличылы, нивечылы ёго!.. Денысь завсигды пекломъ на ёго дыхавъ... И теперь хоче занапастыты... Звуть ёго злодіемъ! А почому воны знаютъ, якъ у Романа те сало опынылося? Может ёму батько самъ ёго давъ.

Волосни зъ урядныкомъ не зналы, что имъ робыты. Имъ было жалко Романа и гыдко Деныса слухаты, а про те все жъ це було злодіство. Врешти пособывъ пысарь:

— По закону такъ: колы бъ сынъ у батька що и взявъ, а якъ батько простыть, то й суда нема ніякого.

— Се правда, такъ!—додаў урядныкъ.

— А колы такъ, дакъ що тутъ казаты?—озвався старшина. Це не наше дило, а батьконе. Сторожъ! розвъязы ёго!

Сторожъ у-купи зъ Струкомъ розвъязалы бидолаху. Струкъ теперь уже зовсимъ прохоловъ и самъ на себе гнивный бувъ, що въ таке встрявъ. И Терешкови було ніякovo.

— Мы вси тутъ дило бачылы й чулы: колы що треба буде, то вси будемо свидкамъ, а протоколу нема на що спысуваты!—ришывъ старшина.—Идить соби зъ Богомъ!

— Спасыби вамъ, господынъ старшина!—подякувавъ Романъ и заразъ выйшовъ зъ волости.

Понурывшись, выйшли за имъ Струкъ и Терешко, а позадъ усихъ Денысь.

Денысь гнивавсь на волосныхъ. Голова въ ёго болила, закривлене облычче распухло и що-хвылыни нагадувало про Романа.

Якъ винъ увійшовъ у свою хату, то тамъ булы вси дома. Зинъко ажъ изъ мисця зирвався, побачывши Деныса.

— Денысе! що се тоби?

Не видмовляючи ёму, Денысъ промовывъ просто до батька:

— Ото жъ вашъ сыночокъ наробывъ.

— Хто? Романъ?—спытавъ батько.—Знову былъся? Зъ чого жъ це?

— А зъ того, що мы—кумъ Терешко, Струкъ та я—пій-малы ёго зъ саломъ у байради.

У старого Сываша затремтили руки.

— И былъ ёго?

— Або винъ насъ бывъ, поки ёму руки назадъ скрутили.

— На що жъ вы ёму руки крутили?

— Щобъ у волость одвесты. Шкода тильки, що старшина не схотивъ у холодну посадити.

— И ты вивъ ёго звъязаного... черезъ село въ волость?

— А то жъ бы нисъ, чы визъ на соби?

И видразу вси очи повернулися до старого батька. Винъ уставъ билый, увесь третючы, якъ листъ пидъ витромъ, и звивъ у-гору проты Деныса руку.

Въ хати зробилось такъ тыхо, мовъ уси перестали й дыхати.

— Бодай же ты до вику бувъ...

Але слово проклёнку спынилося на устахъ у безщасного батька, и винъ якъ стоявъ, упавъ на стиль головою и заплакавъ старымы, тяжкымы якъ каминъ, якъ огонь пекучымы слезамы.

— Такъ мене зганьбывъ!.. Увесь ридъ нашъ чесний такъ зганьбывъ!.. Брата не пожаливъ!.. Хочъ бы мене, старого, пожаливъ!.. Мою стару голову такимъ соромомъ, такою ганьбою покривъ!..

И ни слова билше. Тильки чуты було, якъ маты хлыпала, стоючы въ кутку била дверей. По Зиньковому облыччу котылъся слезы...

В. Гринченко.

(Продолжение сльдуєть).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНИЙ.¹⁾

(1861—1863 гг.).

(*Окончаніе*).

IV.

Начну съ Г. П. Галагана. Послѣдній давно уже слытъ между малороссійскими помѣщиками за „либерала“. Либерализмъ этотъ, съ ихъ точки зрѣнія, окончательно утвердился за Галаганомъ послѣ его участія въ черниговскомъ „губернскомъ комитетѣ обѣ улучшениіи быта помѣщичихъ крестьянъ“. Въ этомъ комитетѣ Галаганъ стоялъ почти особнякомъ, и почти всѣ его подписи—въ журналахъ засѣданій этого комитета—являлись съ прибавкою—„при особомъ мнѣніи“. Галаганъ былъ воспитанникомъ очень умнаго—сначала профессора, а потомъ желѣзнодорожнаго дѣльца—Чижова, который развилъ въ своемъ ученикѣ начала критического отношенія къ общественной жизни его деревенскихъ сосѣдей, особенно по вопросу о *младшей братии*... Извѣстія этихъ сѣмянъ выросли у Галагана его симпатій къ

1) Начало см. Февраль.

давно ожидавшейся крестьянской реформѣ. При этомъ Галаганъ былъ отчасти славянофиль, отчасти украинофиль, каковыми филъ-стами также выдѣлялся изъ круга своихъ сосѣдей, которые и по этому косо смотрѣли на него.—Попавъ въ число членовъ редакціонной комиссіи, Галаганъ вмѣстѣ съ В. В. Тарновскимъ († 1866 г.)—были составителями того „малороссійскаго положенія“ 19 февраля 1861 г., которое опредѣлило нормы „обеспеченія“ освобожденныхъ крестьянъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Послѣ обнародованія освободительного акта, и Галаганъ и Тарновскій назначены были правительственными членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: Галаганъ—черниговскаго, а Тарновскій—полтавскаго. Назначеніе Галагана встрѣчено было на мѣстѣ очень неуязненно; въ немъ видѣли чуть не демагога... Галаганъ любилъ, когда ему говорили объ этомъ къ нему антагонизмъ, хотя послѣдній очень преувеличивался... Какъ членъ крестьянскаго присутствія, Галаганъ былъ очень полезнымъ дѣятелемъ, потому что систематически и безъ уступокъ проводилъ въ жизнь начала, положенные въ законъ 19 февраля. Противъ его антагонистовъ—Галагана защищала, отчасти, его видная въ Малороссіи родня: Кочубеи, Гудовичи... Кн. Голицынъ съ Галаганомъ—въ своей дѣятельности по крестьянскому вопросу—были солидарны вполнѣ.

Я жилъ (въ Черниговѣ) съ Галаганомъ въ одномъ дворѣ, и это сосѣдство было поводомъ, что онъ звалъ иногда меня къ себѣ обѣдать. За этими обѣдами, на которыхъ, кроме малой его семьи (жены и сына „Павлуся“¹⁾ съ его гувернеромъ), почти никого я не встрѣчалъ,—Галаганъ любилъ говорить о своей дѣятельности, какъ члена присутствія, при чемъ нерѣдко разсказывалъ, какъ онъ удачно отклонялъ пополненія тѣхъ

¹⁾ «Павлуся», какъ звали Галаганы своего единственного сына, въ это время былъ мальчикомъ лѣтъ семи-восьми. Хорошо помню его, когда бывало, послѣ обѣда, онъ, по просьбѣ отца, пѣлъ какую-нибудь малороссійскую бравурную пѣсню, (напр., «ой Морозе, Морозенку...») и энергически при этомъ притоптывалъ ногами...

или другихъ лицъ—обойти законъ. Отклоненія эти являлись въ формѣ „докладовъ“ губернскому присутствію по вопросамъ—какъ слѣдуетъ понимать то или другое неясное мѣсто изъ закона 19 февраля. Здѣсь могу замѣтить, что жена Галагана, (недавно умершая Катерина Васильевна) всегда молчаливая, всегда сдержанная, своими рѣдкими, бывало, улыбками—какъ бы одобряла и ободряла мужа за этотъ характеръ его юнѣтельности.

Другимъ членомъ отъ правительства крестьянскаго присутствія былъ Ив. Гр. Есимонтовскій, помѣщикъ мглинскаго уѣзда. Это былъ очень умный и сдержанній человѣкъ и потому всегда очень осторожно высказывавшійся по тому или другому вопросу. Въ очень многомъ онъ не сходился съ Галаганомъ, но ихъ пререканія носили всегда форму пріятельскихъ споровъ, въ которыхъ однако-же уступокъ, помнится, не бывало...

Изъ членовъ отъ дворянъ губернскаго присутствія ярко выдѣлялся П. А. Васильчиковъ. Попалъ онъ въ губернское присутствіе послѣ того, какъ выбранный передъ тѣмъ на эту должность В. О. Подвысоцкій—выбранъ былъ и предсѣдателемъ черниговской межевой палаты (только что тогда открытой). Васильчиковъ въ это время былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, но по своему образованію и богатству (П. А. В.—въ былъ женатъ на гр. Орловой-Давыдовой) онъ уже и тогда былъ очень замѣтенъ среди черниговскихъ помѣщиковъ. Трудно объяснить выборъ Васильчикова взамѣнъ было намѣченного его предшественника: такъ они были не схожи между собою... Васильчиковъ не былъ сторонникомъ сословныхъ исключительностей. Въ то-же время это былъ мяг cant, деликатный, такъ сказать, человѣкъ и джентльменъ въ полномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ, напр., казалось (да, вѣроятно, оно такъ и было), что Васильчиковъ, по своей природѣ, никогда не могъ бы покрывить противъ *правды*, какъ онъ ее понималъ¹⁾...

1) Послѣ черниговскаго знакомства съ Васильчиковымъ (занять въ 1861—1863 г.г.), мнѣ нерѣдко случалось встрѣчаться съ нимъ лѣтъ черезъ тридцать послѣ этого—въ вагонахъ курско-кіев-

При этомъ Васильчиковъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ и поручаемые ему „доклады“ по губернскому присутствію разрабатывалъ тщательно и добросовѣстно. Недостатокъ Васильчикова заключался въ рѣшительномъ его неумѣніи защищать свое мнѣніе при словесныхъ иреніяхъ, такъ какъ говорилъ онъ безъ надлежащей ясности. Въ числѣ дѣятелей по освободительной реформѣ имя П. А. Васильчикова не должно быть забыто за его честную, нелицепріятную службу этому дѣлу.

Лизогубъ былъ типичнымъ помѣщикомъ половины XIX в., представляя въ себѣ и украинофила и помѣщика—совсѣмъ не сочувствовавшаго освободительной реформѣ. Лизогубъ, повидимому, не имѣлъ высшаго образованія, но былъ большимъ поклонникомъ искусства. Онъ самъ рисовалъ немного и любилъ общество людей интересовавшихся искусствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы прочли (Вѣсти. Евр. 1900 г., № 12) живой разсказъ Л. М. Жемчужникова о посѣщеніи имъ седневской усадьбы А. И. Лизогуба. Личность послѣдняго здѣсь обрисована въ симпатичномъ свѣтѣ. Такою она отчасти и была, особенно если вспомнить дружескія отношенія Лизогуба къ Т. Г. Шевченку, которыя пе прекращались и послѣ ссылки послѣдняго. Но Лизогубъ какъ-бы старался закрывать эту сторону своей личности. Помню очень хорошо, что при частыхъ моихъ встрѣчахъ съ Лизогубомъ въ засѣданіяхъ губернского присутствія (раньше я сказалъ, что кн. Голицынъ постоянно приглашалъ насы—членовъ мир. съѣздовъ—въ эти засѣданія, такъ сказать, для *науки*), онъ никогда и словомъ не обмолвился со мною о Шевченкѣ, гробъ котораго я передъ тѣмъ сопровождалъ

свої ж. дороги, между Конотопомъ и Бобровицею (В. былъ помѣщикомъ козелецкаго уѣзда),—и я видѣлъ въ Васильчиковѣ, уже старикѣ, того жеискренняго и правдиваго человѣка, который въ своихъ отзывахъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ—не стѣснялся по прежнему говорить правду, и правду иногда жестокую... Умеръ Васильчиковъ въ 1899 г., въ знаменательный день 19-го февраля.

въ Кіевъ, о чёмъ Лизогубъ хорошо зналъ. Зналъ онъ также и о близости Шевченка къ нашей семье. Казалось, что Лизогубъ не находилъ удобнымъ заводить рѣчь о Шевченкѣ съ молодымъ человѣкомъ, который въ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ больше склонялся къ воззрѣніямъ Галагана, чѣмъ къ воззрѣніямъ его, Лизогуба. Во всякомъ случаѣ, Лизогубъ выдѣлялся изъ своей среды—любовью къ родинѣ. Онъ охотно приводилъ въ своихъ разговорахъ слова и фразы родного языка, которымъ, повидимому, вполнѣ владѣлъ. Шокойный А. И. Ханенко рассказывалъ мнѣ, что въ седневскомъ домѣ Лизогуба, по стѣнамъ, были развѣшены портреты его дѣтей въ малорусской старинной одеждѣ, рисованные самимъ отцомъ. Было въ этомъ домѣ немало, говорилъ тотъ же А. И. Х—ко, и другихъ интересныхъ вещей, показывавшихъ, что хозяинъ его помнилъ и любилъ родную старину¹⁾. Какъ членъ губернского присутствія Лизогубъ былъ всегдашимъ антагонистомъ Галагана, но будучи пріятелями съ юности, и Лизогубъ и Галаганъ пререканія свои пересыпали малороссійскимъ юморомъ, указывая оба другъ на друга, что вотъ, молъ, каковъ онъ, этотъ Галаганъ или—этотъ Лизогубъ...

Вообще слѣдуетъ сказать, что несмотря на различіе воззрѣній членовъ губернского присутствія въ общественныхъ вопросахъ—пренія и споры между ними велись, если не всегда спокойно, то всегда вполнѣ благоприлично; видно было, что эти люди не старались убѣждать другъ друга въ правильности своего мнѣнія, потому что хорошо знали одинъ другого и вполнѣ вѣрили въ непреклонность своихъ убѣжденій. Тотъ или другой вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ, при чемъ предсѣдатель, т. е. кн. Голицынъ, какой-нибудь ловко сказанной фразой, сглаживалъ непріятное впечатлѣніе меньшинства, какъ будто говоря, что ничего, молъ, не подѣлаешь съ этимъ упрямымъ большинствомъ...

1) Къ сожалѣнію, все это погибло при пожарѣ седневскаго дома, произшедшаго, какъ гласила молва, неслучайно, во время несчастнаго эпизода съ однимъ изъ сыновей А. И. Л—ба...

Присоединивъ къ этимъ четыремъ членамъ губернатора и губернского предводителя дворянства, получится тотъ персоналъ, которому по закону поручено было руководительство и наблюденіе—за правильностью осуществленія на дѣлѣ того, что было написано въ законѣ.

V.

Непосредственными осуществителями этого закона были мировые посредники. Я уже сказалъ раньше, какъ трудно было имъ Голицыну произвести выборъ этихъ лицъ... Лица эти однако-жъ были выбраны, при чемъ персоналъ ихъ оказался очень разнообразнымъ какъ по возрасту, такъ и по образованію и по степени состоятельности... Тутъ были и старики, и люди только что оставившіе школьнаго скамейки, были университетскіе, были и гимназіи неокончившіе, были такие богачи, какъ напр. Вас. Арк. Кочубей, и были такие бѣдняки (послѣдніе впрочемъ—въ единицахъ), у которыхъ только что хватало земли на цензъ (150 дес. для лицъ, получившихъ высшее образованіе). Различны были и воззрѣнія этого разнообразнаго персонала на значеніе освободительной реформы... Я хорошо зналъ посредниковъ четырехъ уѣздовъ: сосницкаго, борзенскаго, конотопскаго и кролевецкаго. Этихъ посредниковъ, за два года моей службы въ мировыхъ съѣздахъ, я узналъ настолько, что каждого изъ нихъ, какъ дѣятеля крестьянской реформы, могу нарисовать довольно вѣрный портретъ. Портреты эти,—можетъ быть, иногда недорисованные,—привожу здѣсь, чтобы дать понятіе о разнообразіи этихъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ ними скажу и о предсѣдателяхъ съѣзовъ, которыми были мѣстные предводители дворянства и которые, несомнѣнно, могли оказывать влияніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ уѣздѣ. Начну съ сосницкаго уѣзда. Предсѣдателемъ съѣзда здѣсь былъ Гр. Ил. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ, устроившій свое благосостояніе женитьбою на воспитанницѣ богача Воейкова,

оть котораго получилъ въ сосницкомъ уѣздѣ д. Турецъ. Марковичъ былъ человѣкъ безъ всякаго вліянія въ уѣздѣ; мало зналъ онъ законъ 19 февраля и какъ-то равнодушно относился къ реформѣ. Посредники не обращали на него никакого вниманія. Въ 1862 г. Марковичъ умеръ, и мѣсто его занялъ Мих. Ив. Сахновскій, бывшій секретарь одного изъ петербургскихъ митрополитовъ, человѣкъ искусный въ канцелярскихъ дѣлахъ, но, какъ предводитель, значившій еще менѣе, чѣмъ Марковичъ. Никакого голоса на съездѣ онъ не имѣлъ, будучи предводителемъ случайнымъ.

Посредниковъ въ сосницкомъ уѣздѣ было четыре: Мих. Мойс. Бобырь (изъ Даниловки), Ник. Ив. Товстолѣсь (изъ Шишкі), Н. В. Полторацкій (изъ самой Сосницы) и Ив. М. Марковичъ (изъ Шабалинова).—Бобырь, капитанъ артиллеріи и старый холостякъ, былъ вообще человѣкъ честный, неспособный на сдѣлки съ совѣствомъ. Уставныя грамоты въ его участкѣ были введены тѣмъ съ большою справедливостью, что почва земли тутъ была довольно однообразна, а помѣщики—почти исключительно мелкопомѣстные—были люди тихіе... Трудно было сказать, насколько Бобырь лично сочувствовалъ крестьянской реформѣ, но служилъ онъ этому дѣлу правдиво, и быть можетъ, былъ грѣщенъ лишь въ томъ, что по не привычкѣ къ бумажной работѣ, давалъ своему письмоводителю много воли...

Товстолѣсь былъ старикъ лѣтъ подъ 60-ть, едва-ли когда-либо выѣзжавшій изъ своего полѣсского хутора. Это былъ типъ помѣщика глухихъ мѣстъ (медвѣжьихъ угловъ), съ средними достатками, при чемъ образованіе его ограничивалось, вѣроятно, лишь нѣсколькими классами гимназіи. Посреднические обязанности Товстолѣсю были тяжелы по его малоподвижности и неохотѣ къ бумажной работѣ. Какъ посредникъ, Товстолѣсь велъ дѣло довольно безобидно для обѣихъ сторонъ, п. ч. былъ человѣкъ аккуратный и кромѣ того побаивавшійся начальства. Пробылъ Товстолѣсь посредникомъ около года и утомившись не привычною для него дѣятельностью, вышелъ въ

отставку, а участокъ его былъ раздѣленъ между остальными тремя посредниками.

Полторацкій представлялъ собою довольно цѣльный типъ помѣщика средней руки съ нѣжинскимъ образованіемъ, т. е. помѣщика, получившаго высшее образованіе въ нѣжинскомъ лицѣ. Не смотря на это высшее образованіе, люди этого типа мало чѣмъ интересовались... Какъ посредникъ, Полторацкій дѣйствовалъ не одинаково. Участокъ его состоялъ изъ имѣній большихъ баръ (кн. Урусова, Закревскаго, гр. Толстого, Капвиста, Скоропадскаго, Максимовой и друг.). Большинство изъ этихъ помѣщиковъ въ своихъ имѣніяхъ не жило, и посреднику совсѣмъ было неизвѣстно—какъ они смотрѣли на освобожденіе своихъ крестьянъ. Находившіеся въ имѣніяхъ управляющіе нерѣдко предъявляли требованія незаконныя. Отсюда возникали затрудненія. Были въ участкѣ Полторацкаго громадныя имѣнія гр. А. К. Толстого (поэта), въ которыхъ владѣлецъ, по своему характеру, никакихъ затрудненій посреднику представить не могъ, но зато были въ этомъ участкѣ и иные владѣльцы. Изъ нихъ рѣзко выдѣлялась знаменитая Максимова (по мужу, а по рождению—Ярошевицкая), владѣлица м. Холмовъ, напряженныя отношенія которой къ своимъ крестьянамъ, до изданія закона 19 февраля, имѣли результатомъ своимъ крайне обостренныя отношенія и послѣ изданія этого закона. Въ этомъ имѣніи нѣсколько разъ возникали „бунты“, изъ-за которыхъ въ м. Холмы два раза выѣзжалъ мировой съѣздъ для повѣрки жалобъ Максимовой на посредника за его-де послабленія относительно крестьянскихъ претензій. А между тѣмъ въ отношеніяхъ Максимой къ ея крестьянамъ Полторацкій пасовалъ и терялся.—Правда, типы такихъ владѣльцевъ, какъ Максимова, были единичны, такъ какъ постоянныя ея претензіи и мелкія придирики къ крестьянамъ, задавали посреднику много хлопотъ, но Полторацкій, имѣя въ своихъ рукахъ власть достаточную для противодѣйствія этимъ претензіямъ, властью этою не осмѣливался пользоваться и старался заслоняться съѣздомъ. Какъ я уже сказала, съѣздъ два раза выѣзжалъ въ Холмы для улаженія

взаимныхъ—Максимовой и ея крестьянъ—претензій. Помню хорошо эти выѣзы и знакомство съ „обстоятельствами дѣла“ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что владѣлица Холмовъ сама по себѣ была дама жестокая, безъ стѣсненія, напр., присутствовавшая при наказаніи ея крестьянъ (еще до освобожденія) за „бунтъ“, когда это наказаніе производилось полиціей въ присутствіи солдатъ. А затѣмъ, къ этому личному характеру владѣлицы, прибавился такой же немягкій характеръ какого-то грека Теотоки, котораго Максимова содержала у себя въ Холмахъ¹⁾. Вотъ эта пара и насѣдала на Холменскихъ крестьянъ до того, что послѣднимъ становилось невмоготу. Отсюда и возникали „бунты“.

Разумѣется, не Полторацкому было управляться съ Холменскими конфликтами, но странно было и смотрѣть, какъ онъ боялся ихъ... Въ мелкихъ имѣніяхъ Полторацкій былъ смѣлѣ. Неровность въ дѣйствіяхъ этого посредника возбуждала критику и у его товарищѣй и, критикъ этой повидимому, было мѣсто...

Четвертымъ посредникомъ былъ И. М. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой одесскій лицейстъ, сочувственно относившійся къ освобожденію крестьянъ. При составленіи грамотъ онъ нерѣдко выпрашивалъ у помѣщиковъ и то, на что по закону у крестьянъ не было права. Будучи роднымъ племянникомъ М. М. Бобыря, Марковичъ соперничалъ съ дядею—въ безобидномъ составленіи грамотъ и притомъ безъ всякой помощи съѣзда.

Борзенскими посредниками первого призыва были В. П. Ловцовъ, Н. Н. Волкъ-Каравеевскій и Н. Г. Кандыба. Всѣ они ничѣмъ другъ на друга не походили.

¹⁾ Позже говорили, что ту жестокость, которая практиковалась у Максимовой въ отношеніяхъ къ ея крестьянамъ (до освобожденія), Теотоки примѣняла въ послѣдствіи къ самой Максимовой... Скоро затѣмъ Холмы перешли въ собственность къ Теотоки, а потомъ—его наследниками были проданы евреямъ.

Семья Ловцовыхъ состояла изъ трехъ братьевъ-стариковъ; ¹⁾ изъ нихъ былъ женатъ только одинъ, а остальные были старыми холостяками, жившими вмѣстѣ, въ нераздѣленномъ имѣніи (с. Крупичполь), которымъ управляли тихо и согласно, безъ какихъ либо недоразумѣній между собою. Всѣ Ловцовы были хорошо воспитаны и отличались въ сношенияхъ съ сосѣдями—вѣжливостью и мягкостью... За это Ловцовыхъ, въ борзенскомъ уѣздѣ, называли—французскими маркизами, и нужно согласиться, что прозвище это къ нимъ шло. Всѣ Ловцовы, кромѣ того, были добрые и честные люди. Они мало интересовались житейскими „злобами“, поэтому, напр. крупичпольскій ихъ старый, престарый домъ былъ довольно неопрятенъ, но за то видно было, что прислугѣ, на обязанности которой лежала эта опрятность дома, жилось привольно и сыто. Посредникъ изъ Ловцова вышелъ плохой, не потому чтобы онъ не желалъ вести дѣло не „по закону“, а потому, что у него не было никакого характера, и въ дѣлѣ составленія и введенія уставныхъ грамотъ онъ очень много даваль власти своему письмоводителю. Къ чести Ловцова нужно сказать, что не смотря на то, что посредникомъ онъ сталъ по рекомендациіи Галагана, въ громадномъ Иченскомъ имѣніи послѣдняго—Ловцовъ составлялъ уставную грамоту очень осторожно. Дѣло въ томъ, что въ дачѣ м. Ични почва земли самая разнообразная, причемъ не мало тутъ есть и смычущихъ песковъ. Главными управляющими галагановскихъ имѣній были люди не мѣстные, которые съ одной стороны очень угодничали (на словахъ) передъ своимъ патрономъ, а съ другой—тѣснили крестьянъ. Одинъ изъ такихъ, составляя уставную грамоту для иченскихъ крестьянъ, составилъ ее такъ, что на долю крестьянъ отдалъ песковъ гораздо больше, чѣмъ это можно было. Ловцовъ представилъ обѣ этомъ съѣзду, а съѣздъ постановилъ—осмотрѣть проектируемые крестьянские надѣлы—на мѣстѣ, что и было исполнено. Увидѣвъ, что расчетъ на до-

1) Былъ еще и четвертый, генералъ, но онъ въ Крупичпольѣ не жилъ, и я его не зналъ...

бродушіе Ловцова не удалось, управляющій Галагана согласился на всѣ уступки, предложенные съѣздомъ, и Иченская грамота была исправлена къ полному удовлетворенію крестьянъ. Любопытно, что когда я, послѣ этого съѣзда, вернулся въ Черниговъ и рассказалъ Галагану о нашей экскурсіи въ Ичню, то онъ остался недоволенъ нашимъ туда выѣздомъ, за то, что мы, такъ сказать, повѣрили дѣйствію его, Галагана, а слѣдовательно, какъ будто заподозрили его въ желаніи обѣлить крестьянъ. Въ этомъ недовольствѣ обнаруживался тотъ довѣрчивый Галаганъ, котораго, какъ говорили близкіе къ нему люди, очень много обманывали нѣкоторые его повѣренные.¹⁾

Посредникъ Волкъ-Карабеевскій былъ товарищъ по университету Заикі, которымъ и указанъ Голицыну. Какъ посредникъ, В.-Карабеевскій, при мягкости и спокойствіи своего характера, былъ однимъ изъ справедливѣйшихъ въ губерніи; онъ успѣль заслужить довѣріе даже у крестьянъ, пользуясь которыми легко улаживалъ отношенія къ помѣщикамъ. Помню, что при одной какой-то сдѣлкѣ крестьянъ съ Кочубеемъ, по Конашевскому имѣнію, крестьяне не рѣшались „дать руки“, т. е. подписать сдѣлку. А когда посредникъ спросилъ ихъ—почему же они не рѣшаются подписать сдѣлку, если находятъ ее для себя выгодною, то крестьяне просили посредника—сказать имъ по правдѣ—не попадутъ ли они за это въ бѣду, такъ какъ въ народѣ держится слухъ, что у тѣхъ крестьянъ, „которые будутъ заключать съ панами какія нибудь сдѣлки, поны не будутъ ни дѣтей крестить, ни мертвыхъ погребать“...

Н. Н. В.-Карабеевскій пробылъ посредникомъ около году и ушелъ въ реформированный въ то время акцізъ, который своими содержаніями увлекъ тогда и привлекъ къ себѣ—много хорошихъ людей.

1) Доходило до того, какъ говорили, что одинъ изъ нихъ на требование Галагана изъ Сиб. прислать деньги за проданный табакъ, попробовалъ было увѣрить патрона, что эти деньги онъ отдалъ ему лично, будучи въ Сибургѣ...

Третьимъ посредникомъ былъ Кандиба, который, будучи собственно конотопскимъ помѣщикомъ, сталъ борзенскимъ посредникомъ, будучи женатъ на дочери тамошняго помѣщика. Грамоты Кандыба составлялъ очень осмотрительно и аккуратно, но пробылъ онъ посредникомъ очень недолго, такъ какъ скоро перѣхалъ изъ борзенского уѣзда въ свое конотопское имѣніе.

Очень типичнымъ являлся предсѣдатель борзенского мирового съѣзда, К. А. Гамалѣя. Это былъ уже старый человѣкъ, занимавшій предводительскую должность съ 1837 г., послѣ своей военной службы. Военная его служба была примѣчательна тѣмъ, что поступивъ юнкеромъ въ гусарскій полкъ, стоявшій въ борзенскомъ уѣздѣ, Гамалѣя дослужился до штабъ-ротмистра, не покидая своего уѣзда. Послѣ отставки, Гамалѣя сейчасъ же былъ выбранъ предводителемъ; его цѣнили за безконечное добродушіе, которое давало возможность борзенскимъ дворянамъ распоряжаться своими дѣлами, (напр., на дворянскихъ выборахъ) кто какъ хотѣлъ и кто какъ умѣлъ. Никому и никакого противодѣйствія Гамалѣя не оказывалъ, потому что ко всему былъ безразличенъ. Ни друзей, ни враговъ онъ не имѣлъ; по малочисленности дворянъ въ борзенскомъ уѣздѣ—никакихъ партій тутъ не было. Вотъ поэтому Гамалѣя и выбирали предводителемъ до тѣхъ поръ, пока старость не сдѣлала его инвалидомъ. Какъ предсѣдатель съѣзда, Гамалѣя вполнѣ подчинялся большинству и даже охотно присоединялся къ рѣшеніямъ съѣзда въ щекотливыхъ вопросахъ обь обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, когда приходилось въ такихъ требованіяхъ помѣщикамъ отказывать (по этимъ вопросамъ на съѣздѣ по закону требовалось единогласіе).

Свое усердіе—относительно помощи съѣзду въ веденіи дѣлъ—Гамалѣя простиralъ до того, что разъ, при допросѣ свидѣтеля, видя, что послѣдній явно говорить неправду, Гамалѣя подошелъ къ нему и сдѣлалъ такое внушительное движение рукою, что свидѣтель покачнулся... Засѣданіе было закрыто и Гамалѣй тутъ же было внушено, что если когда-нибудь такой жестъ повторится, то обь этомъ будетъ составленъ „протоколъ“...

Можно впрочемъ сказать, что Гамалъя, совершая этотъ „кriminalъ“, мало вѣдалъ, что творилъ...

Въ Конотопскомъ уѣздѣ было три посредника: К. П. Тарновскій, Л. А. Астафьевъ и Ал. Г. Кандыба,—послѣдніе оба съ университетскимъ образованіемъ.

Тарновскій былъ сынъ небогатаго прилуцкаго помѣщика, по воспитанію инженеръ. Въ конотопскій уѣздѣ онъ переселился, получивъ при дѣлѣ богатаго наслѣдства Г. С. Тарновскаго, въ этомъ уѣздѣ д. Юрьевку. Посредникъ изъ Тарновскаго вышелъ полезный потому главнымъ образомъ, что онъ былъ въ уѣздѣ человѣкомъ чужимъ, не имѣвшимъ, слѣдовательно, тутъ ни друзей, ни враговъ... Бѣда была только въ томъ, что Тарновскій по природѣ былъ очень медлителенъ. Долго иногда приходилось крестьянамъ ожидать у этого посредника рѣшенія своего дѣла, но рѣшалъ онъ эти дѣла не въ обиду крестьянъ... Желая показать себя независимымъ человѣкомъ отъ тѣхъ или другихъ вліяній, Тарновскій требовалъ отъ помѣщиковъ точнаго исполненія закона и порождалъ межъ ними много недовольныхъ.

Такимъ же медлителемъ, если только не большимъ еще, былъ и посредникъ Астафьевъ, тоже человѣкъ въ уѣздѣ чужой. Отецъ его купилъ здѣсь часть разумовщины (известный мазепинскій хуторъ Поросючку, передѣланную потомъ въ Богодаровку) и сталъ конотопскимъ помѣщикомъ. Какъ посредникъ, Астафьевъ вѣль дѣла „по закону“, но медлитель онъ былъ чрезвычайный, къ чему присоединялось еще другое качество: неуступчивость въ томъ или другомъ своемъ мнѣніи... Неохотно обращались къ этому посреднику крестьяне, зная, что придется потерять много времени, пока посредникомъ данъ будетъ судъ, хотя послѣдній несправедливымъ бывалъ, можетъ быть, и не часто. Насколько Тарновскій и Астафьевъ—были медлительны, настолько быстро работалъ Ал. Г. Кандыба, но за то въ веденіи крестьянскаго дѣла онъ былъ неровенъ и очень субъективенъ... Деятельностью его губернское присутствіе, повидимому, не было довольно, такъ какъ „куриловскій мировой участокъ“, въ кото-

ромъ Ал. Г. Кандиба былъ посредникомъ, скоро былъ упраздненъ и раздѣленъ—между Тарновскимъ и Астафьевымъ.

Въ съѣздѣ конотопскомъ дѣла шли плохо, вслѣдствіе постоянныхъ пререканій членовъ его между собою. Тарновскій и Ал. Г. Кандиба *никогда* въ мнѣніяхъ не сходились. Предсѣдатель съѣзда П. Г. Кандыба съ Тарновскимъ тоже не соглашался, а Астафьевъ—при этихъ спорахъ—былъ нѣсколькоѣ формаленъ... Главная бѣда конотопскаго съѣзда заключалась въ томъ, что въ немъ невозможно было спокойное обсужденіе дѣла, потому что большою частью бывало такъ, что если одинъ говорить да, то другой говоритъ *нельз.* Обыкновенно споръ кончался тѣмъ, что Тарновскій вмѣстѣ съ членомъ отъ правительства—оставались въ меньшинствѣ.

Перехожу къ кролевецкому уѣзду. Здѣсь было четыре посредника. Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать В. А. Кочубея,¹⁾ который выдѣлялся между посредниками едва ли не всей губерніи, своимъ богатствомъ. Жилъ онъ прежде большою частью зиграницей, жизнь народа зналъ мало, и почему онъ согласился взять на себя посредническія обязанности—хорошо не знаю. Вѣроятно, что тутъ дѣйствовалъ Галаганъ, который по женѣ былъ въ близкомъ родствѣ съ Кочубеями. Галагану пріятно было видѣть въ средѣ посредниковъ—родовитаго „пана“ и при томъ близкаго своего родича. Какъ посредникъ, Кочубей былъ дѣятелемъ малоучастливъ, но по добротѣ своего характера—былъ полезенъ.

Посредническое дѣло въ его участкѣ лежало почти исключительно на рукахъ его письмоводителя Войцеховича, который и замѣнилъ Кочубея, когда послѣдній въ 1862 г. оставилъ посредничество.

Замѣнѣйшимъ посредникомъ въ кролевецкомъ уѣзда былъ Т. И. Соломка, дѣлецъ изъ маленькихъ коропскихъ „панковъ“, почти поголовно занимавшихся мелкимъ винокуреніемъ и ви-

¹⁾ Братъ его Н. А. Кочубей тоже былъ посредникомъ въ козелецкомъ уѣзде.

новодствомъ.¹⁾ Этю промышленностью тамошніе владѣльцы наживали хорошія средства. Такимъ хозяиномъ былъ и Соломка. Это былъ хороший знакомый Заки, которымъ и былъ рекомендованъ Голицыну. Соломка обладалъ незауряднымъ умомъ, но въ его дѣятельности слишкомъ проглядывалъ оппортунизмъ... При реформѣ уѣздной поліції въ 1862 г., Соломка сдѣланъ былъ кролевецкимъ исправникомъ, а кончилъ жизнь онъ членомъ харьковской судебной палаты.

Затѣмъ остальными двумя посредниками были П. А. Марковичъ (тогда жилъ въ с. Крискахъ) и М. И. Ворожченко; первый принадлежалъ къ стариннымъ черниговскимъ панамъ и былъ правнукомъ известнаго автора „Дневныхъ записокъ“ Якова Марковича, а второй—изъ военныхъ (бывшій полковой командиръ) былъ зять тоже старинаго черниговскаго пана—П. И. Забѣлы (изъ Лушниковъ). Несмотря на полное различіе въ характерахъ, и Марковичъ и Ворожченко дѣйствовали одинаково, не „наровя“ ни вѣту, ни въ другую сторону. Марковичъ, по природѣ своей, очень добрый человѣкъ, конечно, жалѣлъ тѣхъ, которые лишились даровой рабочей силы, но по своему характеру, активно выражать этого сожалѣнія не могъ. Дѣло развода крестьянъ съ помѣщиками въ участкѣ Марковича шло правильно. Не желая наживать себѣ недруговъ, Марковичъ въ затруднительныхъ слу-
чаяхъ обращался къ уѣзду, предоставляемъ эти случаи окончательному разрешенію послѣдняго. Ворожченко былъ человѣкъ совсѣмъ чужой въ уѣзде; это обстоятельство нисколько не связывало его общественной дѣятельности, которую онъ и вѣль неу-
клонно „по закону“; при томъ же, будучи по характеру человѣкомъ очень осторожнымъ, Ворожченко старался—не расходиться съ направлениемъ губернского присутствія и—попадать ему въ тонъ... Характеръ всѣхъ четырехъ кролевецкихъ посредниковъ давалъ

¹⁾ Это были панки, число крестьянъ у которыхъ простиралось отъ одной до пятнадцати «душъ»... У самого Соломки было только шесть душъ крестьянъ, какъ значится въ тогдашніхъ вѣдомостяхъ.

возможность решать безобидно для крестьянъ и тѣ дѣла, которые подлежали разрѣшенію съѣзда, причемъ голосъ предсѣдателя съѣзда всегда присоединялся къ большинству. Предсѣдателемъ, т. е. предводителемъ дворянства, былъ тогда Н. М. Дурновъ, ставшій кролевецкимъ помѣщикомъ по женитьбѣ его на дочери владѣицы с. Обтова, Х. А. Иваненковой, пользовавшейся громкою извѣстностью въ окрестахъ за свою энергию. По своему характеру Дурново относился къ дѣлу безразлично...

Вотъ и весь персоналъ дѣятелей, по освободительной реформѣ, въ тѣхъ четырехъ уѣздахъ губерніи, въ которыхъ и я близко стоялъ ко этой реформѣ.

VI.

Оглядываясь теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, назадъ, я вижу, что изъ четырнадцати посредниковъ, мною названныхъ, лишь обѣ одномъ изъ нихъ я могу сказать, что онъ вполнѣ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и радовался этой реформѣ. Изъ остальныхъ, значительное большинство, конечно, сожалѣло обѣ утраченномъ крѣпостномъ правѣ уже по одному тому, что во-очію видѣло всѣ грядущія для нихъ экономическая затрудненія... И тѣмъ не менѣе—разводъ крестьянъ съ помѣщиками—въ четырехъ моихъ уѣздахъ сдѣланъ былъ болѣе или менѣе правомѣрно, и крестьяне при составленіи уставныхъ грамотъ—обижены, намѣренno, не были.—

Главная заслуга такого безобидного развода принадлежала губернскому присутствію, а послѣднему тонъ давалъ кн. Голицынъ. Съ самаго открытия губернского присутствія, Голицынъ очень удачно установилъ порядокъ его дѣятельности. Всѣ поступавшія въ присутствіе бумаги разрѣшались двоякимъ способомъ: всѣ сложныя и требовавши кабинетнаго изученія—поручались (по назначенню губернатора) членамъ присут-

ствія, которые затѣмъ представляли письменные „доклады“. Послѣдніе читались въ присутствіи и послѣ преній, принимались или исправлялись, а иногда и отвергались. Менѣе сложныя бумаги читались, обсуждались и рѣшались тутъ же, въ присутствіи, а затѣмъ мотивированную по нимъ резолюцію писалъ секретарь. Всѣ опредѣленія губернскаго присутствія, въ томъ числѣ и пространніе доклады членовъ присутствія, печатались полностью въ журналахъ присутствія, которые и разсылались всѣмъ посредникамъ губерніи. Такимъ образомъ *всѣ посредники* вполнѣ были знакомы съ характеромъ и направленіемъ дѣятельности губернскаго присутствія, и волей-неволей подчинились этому направленію, видя, что присутствіе неуклонно преслѣдуєтъ правомѣрное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла.—Кромѣ того, кн. Голицынъ постоянно приглашалъ въ засѣданія присутствія прїѣзжавшихъ въ Черниговъ какъ посредниковъ, такъ и помѣщиковъ, болѣе или менѣе значительныхъ, несмотря на тотъ или другой цвѣтъ послѣднихъ. Приглашенія эти были полезны въ томъ отношеніи, что побывавши въ засѣданіяхъ присутствія помѣщики видѣли безполезность протестовъ... Наиболѣе частымъ гостемъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, сколько помню, былъ родной братъ члена присутствія, В. И. Лизогубъ, отставной уланъ, приходившій всегда съ своей трубкой на длинномъ чубуке. (Въ засѣданіяхъ присутствія, происходившихъ вечеромъ, куреніе было свободно, при чемъ къ нему добавлялось непрерывное чаепитіе). Этотъ гость, не будучи сторонникомъ освобожденія крестьянъ, сначала очень будировалъ противъ „либеральныхъ“ наклонностей губернатора, но потомъ настолько примирился съ характеромъ веденій дѣлъ въ присутствіи, что посѣщаю его засѣданія, свое несочувствіе тому или другому рѣшенію вопроса выражалъ лишь добродушно-ироническими улыбками, какъ бы говорившими: ну, что съ вами дѣлать, продолжайте!.. Ревностнымъ помощникомъ Голицына въ веденіи дѣла былъ Заика, который предварительно просматривалъ всѣ поступавши въ присутствіе бумаги

и сортировалъ ихъ для дальнѣйшаго направленія, такимъ образомъ, чтобы какой-нибудь важный вопросъ, требовавшій принципіального разрѣшенія, попадалъ въ докладъ правительствен-наго члена.. На обязанности Заики лежалъ просмотръ журналовъ мировыхъ съѣздовъ (по распоряженію присутствія, присы-лались копіи съѣздушыхъ журналовъ послѣ каждого сасѣданія). При этомъ если встрѣчалось неправильное разрѣшеніе того или другого вопроса, то рѣшеніе съѣзда подвергалось пересмотру присутствія (безъ всякой жалобы) и перерѣшенію. Помню, что разъ въ Сосницкомъ съѣздѣ состоялось постановленіе о лишеніи крестьянина права на надѣль на томъ основаніи, что онъ поль-зовался пахатною землею только въ качествѣ живущаго въ лѣсу сторожа. А между тѣмъ видно было, что крестьянинъ жилъ въ лѣсу помѣщика не сторожемъ, а самостоятельнымъ хозяиномъ, который своимъ скотомъ и своимъ „желѣзомъ“ обрабатывалъ отведенное помѣщикомъ ему поле. Я написалъ отдѣльное мнѣ-ніе, въ которомъ подробно изложилъ экономическое положеніе крестьянина, дававшее ему несомнѣнное право на получение на-дѣла. Это было въ первый годъ дѣятельности съѣздовъ, когда порядокъ обжалованія его рѣшеній былъ почти невѣдомъ тѣмъ, кому можно было жаловаться.—Заика, перечитывая журналы сосницкаго съѣзда, замѣтилъ это рѣшеніе и доложилъ о немъ присутствію, а послѣднее рѣшеніе съѣзда отмѣнило, признавъ за крестьяниномъ право на надѣль.

Въ заключеніе скажу, что Голицыну несомнѣнно принадлежитъ великая заслуга безобиднаго, болѣе или менѣе, разрѣ-шенія въ черниговской губерніи крестьянскаго дѣла. Онъ даль-въ губерніи тотъ тоиъ, котораго слушали и которому вторили посредники, видя, что тоиъ дается настойчивый. Тоиъ этотъ, производилъ то, что даже тѣ лица, отъ которыхъ, повидимому, нельзя было ожидать „плодотворной“ дѣятельности, по ихъ прош-лому,—сдѣлавшись посредниками, исполняли свои обязанности такъ закономѣрно, что результаты получались наиболѣшіе.

На этомъ оканчиваю. Быть можетъ, позже когда-нибудь, пополню и продолжу свой рассказъ, если только Богъ продлитъ вѣку.¹⁾

А. Л.

¹⁾ Добавление. Раньше я сказалъ (февр., 361), что отдельные факты, указывавшіе (въ 1861 г.) «на такое возбужденіе умовъ», едва ли записаны, разумѣя запись мемуаристовъ. Въ офиціальныхъ бумагахъ факты эти, конечно, записаны и «дѣла» о нихъ вѣроятно еще существуютъ въ черниговскихъ архивахъ. Указаніе на эти «дѣла» заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1864 г. офиціальная записка подъ заглавіемъ «Обзоръ дѣйствій м—ва внутр. дѣлъ по крестьянскому дѣлу съ января 1861 по 19 февр. 1864 г.» (Спб., въ л., 199 стр.). При перечисленіи «безпорядковъ», возникшихъ во имперіи, среди крестьянъ, въ первой половинѣ 1861 г., относительно Черниговской губерніи въ «Обзорѣ» говорится: «Главныи пунктомъ безпорядковъ (въ Ч—ой губ.) долгое время были: въ Нѣжинск. у. селеніе Безугловка и въ н.-сѣверск. у. слобода Каменская. Въ Безугловку, какъ центръ волненія, введено было 3 батальона войскъ. Въ то же время возникали беспорядки въ разныхъ имѣніяхъ уѣздовъ: н. сѣверскаго, городницкаго, конотопскаго, кролевецкаго, новозыбковскаго и мглинскаго. Въ н.-сѣверск. у. крестьяне слоб. Каменской не только сами отказывались отъ исполненія барщины, но препятствовали силою производству работъ въ усадьбѣ помѣщика вольнопнаемными людьми. Примѣръ каменскихъ крестьянъ увлекъ въ беспорядкамъ 25 селеній съ населеніемъ до 9000 душъ. Безпорядокъ въ слоб. Каменской подавленъ при содѣйствіи военной силы, послѣ наказанія и заключенія въ оковы главныхъ зачинщиковъ».

ЛЪІХО.

(Картина зъ жыття голодныхъ).

Въ мистечку Б., на прыкинци, де стоялы задуманы, зъ сывымы пасмамы вербы, а за нымы тяглысь по дорози струнки осокоры зъ срибнымъ, трэмтячымъ лыстомъ, тамъ, геть на одышби, ховалась мижъ корявыхъ яблонь и поломаныхъ слывъ горбата хатынка. Кругомъ неи не выдко було ни тыну, ни загороды; хоziйськи забудованы стоялы руиною, порозваляни, порозламани, та и сама хата була мало не зовсімъ безъ покривли, и кризь діркы на ій світылы ребрамы кроквы.

У тій хатці жыла соби удова Марта Супоныха зъ своею едыною доњкою Присею, дивчыною літъ дев'яты-десяты. За покійного чоловіка, якого брусомъ пры будованні церкви убыто, симъ Супони вважалась за заможную и жыла, по теперешнихъ часахъ, навіть зъ достаткомъ. Чоловікъ Марты, кримъ свого надила, державъ у посесіі ще два, мавъ пару воливъ, корову и кілько овечать, та теслярствомъ ще зароблявъ копійчуны. У ти благословенни часы оца хатка вызирала бильямъ грыбкомъ середъ кучерявыхъ деревъ; вся садыба була огорожена на дыво плетенымъ тыномъ зъ воротами, вси хоziйськи забудованы булы опоряджени, добре укрыти; середъ ныхъ здіймалась до горы высокою пырамыдою клуня, а окружъ

иен у осені одбывалы золотомъ стижки жыта, пшеницы, червонила гречка, зеленило въ добу упоране сино,—и скривъ тутъ грало веселе жыття: метушни куры нышпорылы повсюды, важни качки ныкалы перевагы-вагы то туды, то сюды, мекалы овечата, ревла, вертаючысь зъ пашы, корова и выщала, плыгаючи то до хозяйки, то до іи маненъкои донечки, кудлата Найда.

И отъ, минуло четыри рокы по смерти Супони—и зъ цёго видрадисного куточка сталося ниме кладовыще.

Хозяй, заразъ, за плечемъ старшыны, видибрали у вдовы свои надилы; а на власный надиль іи человека знайшовсь опекунъ, якийсь родычъ, та й загарбавъ ёго за небезпечністю nibы оплатъ. На вси Мартыны сварги, старшына тлумачывъ одно: „выходь замижъ, або выдавай свою дочку,—тоди й пошукай надила“. Марта любыла своего небижчыка, а ще бильш дочку, то й не захотила побратысь у-друге, а видъ того й лышлася безъ земельки.

Ото-жъ худобу содёрживаты вдови було уже годи, то й почала вона іи по-троху збуваты: отымъ, мовлявъ, и жылы, та ще поденщицю, де траплялась. Хутко повіялось за витромъ штомъ надбане добро: запанувавъ недородъ, свотынка пишла за бѣзцинь, а про руки никто й не пытався... Довелось пропаты ва знось и комору, и клуню... Повитки та тыны розвалылы негоды та бури, а решту рознеслы добри люде...

Все спродала уже Марта, навить одежду; однієи тилько коровы не мала вона силь збуты: Бура nibы стала кревною у симъи и прыросла до серця матери й дони... Останнимъ шматкомъ хлиба дилилась зъ нею симъя, и корова въ подаку надіяла іи молокомъ та прыплодкомъ... Але надійшовъ скрутъ, и ни за що було уже бидній вдови рукъ зацепиты... Недородъ въ останній рикъ зминявсь справжнимъ голodomъ—и теперъ выпадало очевыдачки имъ усімъ трёмъ загыбаты...

Уже два мисяци зъ голоду пухнутъ и симъя, и корова; уже Прися була занепала смертельне, та Господь покы пиднявъ іи, тилько чы на-дovго, бо ледве-ледве хату перейде, ажъ свитытесь, мовъ зъ хреста знята...

Думала Марта, думала, чымъ розважыты свое горе велике, та й думокъ не зибрала: втысся въ іи хату убогу зеленый, зъ запалнимы очыма, голодъ и застукотивъ своими кисткамы плавахъ; за нымъ розляглась на доливци зубата, ненатла нужда, а темна, якъ пивничъ, нудьга сила на покути.

Нарешти наважылась Марта свой доныци сказать, що нема бильше силы, що треба Буру за що не за що, а продать.

Прися заломыла руки въ слёзахъ и стала свою матирь благаты, щобъ замждала хочъ тыждень, хочъ трохы,—покы ось-ось уже буде травычка...

— Покы здохне корова?—усмихнулась гирко маты и выйшла на подвирья. Прися кынулась до вікна и прыпала лычкомъ до щыбкы; на іи рясныхъ віяхъ ще бренилы перлыны и росою спадалы на зеленкувате, мутнѣ шкло. Дивчынка пыльно зорыла, чы не пожене куды мама іи Буркы?

А Марта, насмыкавши мокрои, трюхлои соломы зъ покривли, понесла іи до коровы; але та лызнула у господыни руку, а трюхы не взяла й въ губу; хозяйка набрала ще видро воды и хотила іи напоити, але Бура й голову одвернула... Ударылась рукамы объ полы вдова, обдывылась кругомъ свою добродійку, погладыла іи по шыи, та й вернулась змертвилою въ хату.

— Не выпаде, дытыно моя, продавать намъ корову,—промовыла вона, видчыняючи двери,—прыбере іи, певно, Господь!

— Мамо!—зплеснула лоненкимы, якъ прутыки, ручкамы Прися, вырячывши зъ жахомъ черни, якъ теренъ той, оченята.

— Охъ, прогнивали мы, лыбонь, Бога, и нема видъ Его ни ласкы намъ, а ни мылосердя! Хвора наша Бурка зовсимъ слаба: не йисть и не пье, а якось жалибно стогнє... Може, видъ голоду... бо чымъ и кормылы?—Всю хату обдерла... та хиба жъ то наша? Ну, й подалась... Марта утерла хвартушыною нись и заплакани очи.—Уже, якъ я выглядала тіен весны, сонца красного, якъ сподивалась на зеленый морижокъ,—та не диждалысь мы въ Бурою ласкы Божои... Отъ ты прохала мене,

щобъ не продавала коровы,—та хиба мени самій не шкода іи, ве жаль? Все йидно, що серце вырвать зъ грудей: одже-жъ у тій коривци зныкли вси мои радоши, все мое щастя мынуле! То-жъ покійний мій батько, а твій дядь, подарувавъ мени на весилли телычку, а зъ телычки выросла онъ-то яка корова... Якъ-же вона тишила мене й твого татка, якъ мы упадали за нею,—и тебе, мою зироньку, вона выгодувала... а колы, зъ воли Божои, я овдовила, то Бура ще въ бильшій прыгоди намъ стала. Якъ-же мени не вболивати за нею? Остатня-жъ худобына, та ще ридна, та кревна!.. А отъ, не здолала догодувати іи... сами пухнемо зъ голоду,—и пропаде, згyne...—докинчыла маты, хлыпаочы, свою кацань и осила пидъ тяжаромъ безпопраднёго горя на лаву.

А дивчына все стояла, устромывши кудысь свои очи, стояла нерухомо, безмовно, тилько немовъ пропасныя трусыла іи все дужче, та дужче... а це раптомъ якъ заголосить: „ой, не-нечко, ой, лышенько“! та такъ и залылась буйнымъ плачемъ, такъ и захлынулась, та й упала на стіль.

Довго розлягалось по хати дытяче рыдавня, и маты спынить ёго не здолала,—бо й у самой гирки спадалы дрибнимъ дощемъ на полы протертой кохты. Нарешти Марта встала и пидійшла ришуче до Приси.

— Не плачь, дытыно,—поцілуvala вона іи въ голову,—я ось пиду до дядька Охрима: винъ захарь, винъ порадыть... и вивсянои соломы выпрошу у старшыны... або краще—на одробитокъ у жыда,—той швыдче згланется... А ты пожды, помолись Богу, та гляди, не выходь зъ хаты: на двори холодно, а ты ледве на ногахъ стоишъ,—и Марта, хапlyво накинувши на плечи діраву свытыну, вийшла зъ хаты.

Прися, утерши кулаками заплакани очи, сила соби пидъ образомъ въ кутку и замыслылась. Невесели, не дытячи думки окрылы хмарою ій голивку: ясни дни недавнёго дытынства мріялись ій зъ-по-за хмары якымсь непевнимъ проминнямъ... яснище выризувавсь вже на очи пожовкілый трупъ іи батька, зъ прогламаною, кривавою головою... дали—шипъ, дячокъ и тыскъ

людъ... А потімъ уже пішли нудни, самотливій дни... нужда та слёзы... а радошивъ та смиху—а ни прослідку... отъ только пестощи матери; але й ти були якись порывчасті, болисни, и видбивалась безкрая нудьга. Дытчыхъ забавокъ Прися майже не знала: селянськи диты цурались іи, та й вона ихъ боялась; отъ только й тишила іи Бура: йила зъ рукъ іи капустяне листя, моркву, гарбузови скыбы, а то й хлібъ... И знала-жъ якъ, мовъ свое телятко: ледве, бувало, Присю забачить,—заразъ замука радисно и протагне до дивчыны свои мяки губы; а то й языкомъ лызне по щоци,—такъ уже ото одна одну любылы! И отъ,—колы не дай Боже...,—у дивчатка заворушылись справжни бажання умерты, а не зостатись на цимъ нуднимъ, та труднимъ свити безъ останнїи втихи...

— Господы!.. Маты Божа!.. Свята Варваро... Богородыце,—схопылась вона на ноги и стала молитвсь вбурено, палко, притыскующы рученята до своего лона.—Рятуйте коривку,—Бога рады, рятуйте!.. Отче нашъ, иже есы... Рятуйте, згляньтесь! А не то, пріймить краще мене!—И вона упала на-вколишкы и стала ревно быты поклоны.

А тымъ часомъ мама іи зъ дількомъ Охримомъ наблизилась до хаты, и мати, кланяючись захареви у поясъ, все прохала ёго:

— Дядечку, голубчику! Пошануйте, й пожалуйте, та дайте пораду: послидна-жъ худобынка, якъ сорочка на выщому...

— Що-жъ, це мы можемо, здолаемо,—глыбокодумно видповивъ захаръ, чухаючи потылыцю:—небижчыкъ-то, земля надъ нымъ перомъ,—гордувавъ намы, все було до хвершала въ хутиръ... Гмъ! А ось и прыйшлося! Проте—байдуже: окомъ нақыну и зразу все, якъ на долони—чи зъ витру, чи зъ вѣшнту, чи видъ порухы... А то, часомъ, скотына зъисть що уредне—паука, або-що... Ну, дакъ іи шыломъ въ бокъ шпортонешъ,—и только засвыше: значить, у дирку тоби хвороба и вылететь... Такъ-то воно—әге! Все у нашихъ рукахъ... и колы звычайно за трудъ...

— Подякую, заплачу, якъ зароблю чы продамъ коривку, щобъ я п'ятички святои не диждала!.. А теперъ,—отъ Богомъ клянусь,—копійки нема за душою!—ударыла себе Марта кулакомъ у груды.

— Гмъ!—замуగыавъ захарь, та й додавъ:—Ну, що-жъ—обицянки—цяцянки, а дурневи радист!

Бильшੋ не зронывъ и слова, а мовчки, понуро пидійшовъ до коровы, що середъ двору лежала.

Марта стала пыльнуватъ за выражомъ ёго облычча; не вищувало воно добра: зелене, опухле, воно здавалося ище бильш негарнымъ одъ неголеної щытыны; клочковати, объидени вусы пидъ закандюбленимъ носомъ робылы ёго ще гиршымъ; найбильш непрыемне вражиння чынылы мовъ осокою проризани, олывяяного колёру очи,—зпидъ навысокихъ рудыхъ бривъ вони свитылись якимсь лыховистнимъ вогнемъ.

— Ге, ге, ге!—протягъ захарь нарешти, ударывши двичы кійкомъ корову, щобъ звелася на ноги.—Онъ воно що!—бурчавъ винъ, заглядаючи пыльно ій въ очи.—Хтобъ и подумавъ!—Захарь ухопывъ корову рукою за ригъ, а кійкомъ сгуловавсь розявыть ій рота и тыкавъ у зубы. Корова крутыла головою и видъ кійка ухмылялася.

— Не видкрутышса!—бачу! накынувъ окомъ—и якъ на долони,—доводывъ захарь корови зъ докоромъ,—а ты не махай пыскомъ!—Ачъ, каторжна, сибирна!

Ни жыва, ни мертвa стояла Марта и нарешти наважылась спытать:—Що зъ нею, дядечку, що зъ мою коривкою сконилось?

— Та що,—сказылась,—та й годи! сказылась—и квита!

— Якъ сказылась? Зъ якои прычыны? Іи никто не вкусывъ, хочъ огляньте!

— Та що тамъ глядить,—накынувъ окомъ—и квита... якъ на долони! Этъ, ляпнула—„не вкусывъ“?.. Та скажена собака колы трычи духомъ дыхне—чи на людину, чы на скотыну, чы на звирия,—дакъ уже те и сказытся небезпрѣменно: колы

двичи—то ще дарма, а колы трычи,—заплющай вичи! Та ѿ тамъ базикаты? Сказылась твоя корова, та й край!

— Не може буты, брехня!—обурылась Марта.—На нашымъ кутку и скаженои собакы не було!

— Ты мени, бабо, брехни не завдавай! То може твоя маты брехала; якъ на лави лежала, онъ ѿ! А мени зъ тобою не куматыся: мени треба довесты начальству, ѿ корова, не доведы Господы...

— Та Бога бійтесь, хиба скажене такъ тыхо та покирно лежыты?

— А отъ ты побачышъ, якъ вона за яку тамъ голыну тыхо лежатыме? Вона уже проковтнула щевяты, ѿ пидъ языкомъ ій сидилы... Ну, такъ отъ незабаромъ и задере хвистъ...

Марта стала була захара слизно благаты, ѿбъ винъ передъ старшиною и урядныкомъ хочъ до завтрею покрывъ іи горе; але захарь бувъ невпросымый и видкунне правывъ... Нашешти Марта, розпалывшись, стала похваляться, ѿ побижыть заразъ у хутиру до хвершала, и той іи захыстыть видъ напасти.

Це ажъ розсатаныло захара. .

— Иды соби хочъ до черта пухлого!—сплюнувъ винъ люто.—А я пиду те-жъ, куды треба,—и винъ справди попрямувавъ хаплыво до мистечка. А прыбыта горемъ вдова, не завернувшись у хату, кынулася у другой бикъ—до хутора, ѿ бувъ верстоу за дви-за тры видъ іи садыбы.

Прися, почувши сварлывыи гоминъ коло хаты, кынулася переляканы до викна; глянула, ажъ іи маты зъ якымсь дядькомъ кудысь-то пышлы, а коривка лежыть соби беспешно на дворыщи,—глянула й заспокоилася. Теперъ, писля турботъ, іи опанувала тыха знемога, ѿ чи ни руки, ни ногы не звесты, и Прися ледве-ледве допленталася до полу, де лежало рядно й подушка, на превелыку силу зипъялася на ёго, упала и зразу-жъ такы заснула.

А за яку годыну у вдовыну пустошъ ввиходыла юрба селянъ: пёредъ вивъ захарь, за вымъ пышно выступавъ стар-

шына зъ „мегдалією“ на шыи, за старшиною пливсь зъ урядникомъ пысарь, подали плуталысь двое соцькихъ, та двое хозяинъ-понятыхъ, зъ заступамы на плечахъ, а на хвости процессії заміталы слиздъ чотыри бабы.

— Добра садыба була,—завважывъ роздумно старшина, якъ наблызывсь до хаты,—а теперъ пустка та пустошъ... Ачъ, на що перенесла ледача баба таке добро!

— Рукъ дастъ-би,—обизвався урядникъ.

— Головы чортма,—додавъ знахарь.

— Н-да, мозоку бракъ,—завершыў пысарь.

— Мене за покійного Супоню ажъ ваздроши хапалы, якъ гляну було на ёго прыдобы, а теперъ ажъ сумъ огортае,—зитхнувъ старшина.

— У вашыхъ рукахъ, Ныкихвбръ Ивановичъ, и нынъки може оця руина перевернутысь чаривнымъ робомъ, якъ у казци, въ роскбщи,—усміхнувсь пысарь вyzнáчно.

— Та даймо,—мотнувъ головою старшина и обернувся до знахари:—а де-жъ та корова?

— Генъ,—показавъ знахарь и застеригъ:—блызъко, глядить, не пидходьте, бо вона вже щенять зъ-пидъ языка проковтнула.

Обережно, виддаля обступылы прысутни корову и спершись на высоки ципкы, глыбокодумно замыслылышь; цикави бабы зунынылышь поштыво по-за коломъ старшихъ.

Корова глянула на гостей нудлыымъ байдужымъ поглядомъ и не звелась навитъ передъ начальствомъ на ногы...

— Що-жъ... тее... убыть, та й уже!—сказавъ старшина. Поняти повелы плечыма и кывнулы шапкамы, знаты—на певну, безперечну згоду.

— И заразъ-же мени закопать, юбъ часомъ не зидралы ще шкуры,—додавъ старшина, а потимъ—до пысаря:—вы тамъ досвідчите, що тее... и проче...

— Само собою,—буркнувъ той и поправывъ на голови „картуза“.

— А чы захопывъ хто сокыру? — гукнувъ старшина соцькимъ.

— Эге, есть, — одмовывъ одынъ чоловикъ зъ бляхю, знявши шапку, и пидійшовъ до коровы.

— Тривай, стій! — зупинивъ захаръ. — Хиба скажену скотыну можна вбывать? Адже-жъ вона, конаочы, скаженый духъ вытхне, а вже колы тричи отымъ скаженымъ духомъ на вого дыхне, то той немынуче сказытся... себѣ-то мы перши... та и причъ того, скаженый духъ може и на мистечко новіатысь...

— Охъ, моя матинко! Не доведы, Господы! — почулись мижъ бабамы сполоханіи выгуки.

Чоловики переглянулись.

— Що-жъ ёго тее... чынты? — запытавъ зтурбованый старшина.

— Що чынты? — ажъ здывовавсь захаръ, — законаты живою, та й край!

— Жывою??

— Жывисенькою! Такъ и слизъ въ такій прыгоды... такъ скризъ и водытся... бо земля зразу прыкрые скаженый той духъ — и шабашъ!. А инакъ немынуче лыхо.

— Такъ, такъ, — пидтрымала несмилыво одна баба: — чула я, що скажене закопують живымъ.

— Ой, Боженку! — промовыла друга, жалислывиша, стара Сохроныха, — та може коривка ще й не скажена, щось не скыдае...

— Товчы! — зневажно кынувъ ій захаръ.

— А цикаво, якъ вона, ота корова, чы буде ревты пидъ землею? — заохотывся пысарь.

— Та воно якосъ нibly не тее... жыву, и въ яму... якосъ моторошно, — розвивъ старшина рукамы, — адже и скотына чуствуе, а на великденъ дахъ и говорыть у святу ничъ... а тутъ раптомъ на зрячи очи земля... та чы то-жъ и порядокъ? Щобъ бува не тее... и проче, — не зважувавсь винъ, обводючи гуртъ очыма, мовъ шукаочы рады...

— Що-жъ тутъ такого, пане старшино? — подалась смилывище впередъ ота баба, що згодылась зъ захаремъ; выйшла,

утерла пальцемъ заиды и вклонылась начаиству.—Ось у сусиднимъ сели, въ Корбачахъ, та не въ скотыною, а зъ людиною трапылась пригода... Отъ, щобъ я луснула, колы не правда, хочь довидайтесь сами, здорови! Одна молодиця—Ивга Скулыха, колы чуvalы, та прывела... уже Господь ёго Святый зна, зъ якои прычны, а тилько прывела песыголовця... усе въ шерстѣ, а пысокъ—точнисенько, якъ у собакы, такъ вамъ и скавчить, якъ щеня... Ну, что ёго було въ свити Божимъ чынты? Порадылась бабка зъ родомъ, пишла до батюшки, поблагословылася, та й закопала того песыголовца жывымъ.

— Закопала?—ажъ скрыкнувъ староста.

— Закопала, хрестъ мене вбый—закопала; такъ жывымъ и засыпалы... ще й пидъ землею скавчало. Та инакъ нечистой силы и забутысь неможна,—запевила вона.

Дви молодици зашепотили про щось нышкомъ и захихикалы.

— Такъ копай генъ-тамъ аму, бlyжче до рички,—загадавъ старшина и, геть заспокоившись, сивъ соби на прызби и ставъ цыгарку палыты.

Кынулись понятій зъ соцькымъ справлять наказъ старшины; цикави бабы подалысь тежъ до рички, а пысарь зъ урядныкомъ сталы на горбочку пыльнувать за робочымъ. Работа йшла споро. Килька день уже стояла налигы и земля одтала й розмъякла. Почорнилый снигъ хочъ и лежавъ ще де-не-де лышаямы, а проте паводъ лелила затокою и зъ весельимъ шумомъ спадала бурчакамы до рички; пронызоватый витеръ разгонивъ туманъ, що зрывавась изъ таловинъ хвылямы. Въ по-витри пахло уже весною, хоча й стоявъ ище мокрый холодъ.

За яку тамъ годыну була выкопана край рички глыбока ама, и соцьки довелы про те старшины.

— Визьмить ва налигачъ корову и волочить туды!—зaverховодивъ той, пидводючысь зъ прызбы.

Соцьки кынулись до коровы, залыгалы ій рогы налигачемъ и стали тягты, щобъ звесты ва ногы; а корова проте и не важдылась уставаты, а уперто лежала. До соцькыхъ пры-

сталы и поняти, та мерщій за кіи, щобъ пидбадёрить корову; надійшли и бабы допомогты своимъ верескомъ... Чоловики заходылъ зъ западомъ молотыты Буру по ребрахъ и нарешти такы гуртомъ прымусылы бидну пидвестыся на ногы: спочатку вона за надмирною натугою зипьялась на передни, а дали, смыкнувшись килька разивъ, згарячу звелась и на задни; про те, ставши на вси чотыри, уперлась и стала опынаться назадъ... Молотьба и гвалтъ подвоились, бабы стали корову ззаду штовхаты...

— Уперта,—зауважывъ старшина,—насылу зрушмы.

— Охъ, выдьма смерть усякому, пане, страшна,—зитхнула Сохроныха, що не брала ўчасті въ гвалти.

Видъ галасу, крыку прокинулась нарешти и Цриса; обвела вона кругъ себе зляканымъ очыма и не постерегла зъ просония въ чимъ ричъ, а потімъ уже, розмиркувавшись, заразъ винулась до вікна и уздрила, що юрба людей кудысь тагне іи корову.

Стерялась вона зъ жаху и якъ стояла у одній сорочці, та спіднычи, босонижъ, такъ и винулась прождгомъ у двери, такъ и майнула на леваду, розбываючи въ брызы босымъ нижкамы крыжняну воду и безъ памъты лементуючи:—Ой проби! Хто въ Бога вируе... Корову грабують!

Озырнувся на той дытачый крыкъ старшина и гукнувъ до бабивъ:

— Умкны катора дурну дытыну!

Добра Сохроныха переняла дивчыну и обвела іи тоиенький ставыкъ рукамы:—Куды ты, безталанна сыритко? Ничого-жъ не вдіешъ!

— Скажы ій, що за корову казна заплатыть,—пояснівъ старшина,—хай и матери перекаже!

— Отъ, бачъ, яки добри та мылостыви панъ старшина, поклопочуть и вернуть за корову грости... А ты біжы соби до хаты: ачъ, ажъ посынила... дрижацівъ найилась! И якъ такы у такой холодъ, та на снігъ выходыты босою й голою?—Ходимъ дміненъ у хату!

— Не пиду, бабусю! Ой, не пиду!.. Я до коривки, до Бурки! Рятуйте!!—кынулась була вона упередъ, такъ баба-жъ не выпустила іи въ рукъ, а мицно тримала.

А корову притяглы ажъ до ямы и смыкались теперь туды іи вхнуты; але бидна скотына, забачивши смертельне провалля, стала жахатыс и видкыдатысь навиженно назадъ; выдымъ смерть пиджывала въ іи знеможени силы, и чымъ бильшъ гвалтували озвирени люде, тымъ дужче вона упиралася. Видъ боротьбы и шалености у коровы занялъсъ вогнемъ очи и выступила пина изъ рота.

— Гей, вырвется! нальгачъ увирие!—кричали соцки, хапающысь обиручъ за вирёвку.

— Не подужаете, чы що?—затривожывся старшина... Ще вырвется и насадить кого на рогы!

— Ого, ще й якъ насадить,—пидхопывъ захарь,—всихъ переколе: а чы жъ я не казавъ, що щенять проковтила, ну й занялъсъ...

— Та що-жъ вы, ёлоны?—перелакався ще гирпъ старшина.—Пять человека и тры бабы на одну корову! Страмовыще!

— А ось що!—видизвавсь захарь, ухопывши у руки добрый уломокъ голобли, що валявсь билия ямы,—и іи улагоджу, уконтентую!—И зъ усієи силы, на-бдмашъ ударывъ голоблею корову по заднихъ ногахъ.

Почувся ризкий, уразливый хрискъ... Бабы ойкинулы.. Одна нога у коровы выньялась рогомъ, тяжкий тулуబъ, ришывшись пидпоры, згубывъ ривновагу и схылывлиссъ надъ ямою, всею тажою урвався на дно... Корова забылась передними ногами у ями, а на задни уже звестысь не могла,—невне и друга нога була перебыта.

— Закыдай, засыпай іи швыдче землею!—верховодывъ захарь.

Пысарь зъ цикавистью ставъ доглядаты, якъ четыри лопаты проворно кыдалы внызъ вохку землю, якъ грудки розбывалысь на голови и на спины у коровы и скочувалысь дрибнымъ грядомъ пидъ ногы; по малу-малу земля покрывала корову,

вростала у-гору: уже й червона скривалена киства, и вси чотыри ноги сковались підъ нею, уже грузъ лежавъ зверхъ спины, а спереду сягавъ ажъ до шин... Бура перестала уже борикатись и борсатись; конвульсійни інструки стыхали, и тилько дрижаки пробигали часамы по іи нерухомимъ погруддн; навить головою вона перестала ухильятись одъ грудокъ земли и тилько—номымоволи щутила віі, колы попадала въ око гостра скалка. Чуючи тяжку хвильну сковання, корова жалибно, зъ протягомъ заревла, застогнала, немовъ бы хотила отымъ бодливымъ стогономъ выблагать у байдужыхъ людей мылосердя...

Сохроныха цупко тримала Присю, що былась и рвалася зъ іи рука, и старалась прыкрыти полою ії голову, абы не бачила и не чула, якъ катували іи корову. Але ледве розлигись Бурои стогинъ, якъ Прися зъ несамовитою силою выпрыснула изъ бабыныхъ рукъ и стримголовъ кинулась на жалибный подклыкъ своеї коханої. Нихто и не постеригъ дивчынки, якъ вона бурею прорвалась до ямы и, забачывши свою Бурку уже по шию въ земли, порвалась до неї зъ страшнимъ крыкомъ „ратуйте“! Зъ ровгону ударылась вона грудиною объ ригъ коровы и непрятомною зватылась підъ іи голову; але гублячи й стамокъ, вона встыгла ще охопыть рученятами шию своеї пытымої Бурочки... Корова, пизнавши свою любу годованку, промукала жалибненько до неї, стала лиззать іи побилиле, якъ полотно, лыченъко.

— Убылась дивчына!—скрываюти каты-коначи.

— Отъ тоба й халепа! Новый протыколъ!—почухався пысарь.

— И якъ не догледили, идолы!—гримнувъ стривоженый старшина.—Чорты бъ убылы вашого батька! Тá дурна выпустила зъ рука, а ци—проявы прогавылы!.. Гей, жзвавишъ мени!—репетувавъ винъ, мовъ одъ завійны.—Въ яму скакай! Вирёвокъ сюды! Добувай дивча проворнишъ, а не то я васъ! Попущеніе Боже та й годи!

Кинулись соцьки й поняти, навить урядники вскочивъ у яму, и выхопыли на світъ нечувствéане, похололе тильце див-

чатка. Баба Сохроныха й захаръ прыпалы мерщій ій до лона и объявили, що серце ще стука и що дивча тилько зомлило.

— Може що й переламане, чы понивечене, а проте поки-що жити, — поришили захаръ.

— Хочъ бы новы що, — побажавъ старшина.

— Видтерты-бъ іи снигомъ, та горилки всыпали въ ротъ, — дорадила Сохроныха.

Понеслы дивчинку въ хату и завзялъсь видтыраты іи, забувши навить про корову.

Гуртомъ такы якосъ видхяяли іи по-малу; але хочъ дыхання ій и стало буйнишымъ, а проте вона не видкрывала очей и тилько часомъ верзла щось непутяще. Гарячка розпалила іи тильце щедушне и займала полумъямъ мозокъ.

— Ну, годи! — поришили накинецъ старшина, — що здолали — зробили, а тамъ уже не наше дило, а Боже. Всі ми пидъ Богомъ, — завершивъ винъ поважно.

Всі понурившись, зитхнули й занышкелі. Але захаръ видразу порвавъ сумний настрій:

— А що-жъ корова? такъ-же не можна іи лышти!

— Ге, і забули! — похопився пысарь. — Ходимъ, — цикаво!

Зъ галасомъ, зъ оживленнимъ почуттямъ рушыла въ хаты юрба. При слабій лыштилась-то жалисліва бабуся, якій и старшина наказавъ не кидати дивчаткы, поки не поверне до-дому казайка.

Сила Сохроныха и захурялася, не зводячы погляду зъ труднди, нещасной Приси. А та лежала разметано зъ тманимы очима; груды ій здіймались порывчасто, важко; скрізь пазуху розирваной сорочки вбачалася враза, навкруги якои ажъ чорнивъ страшенній сынякъ.

— Не жыть тоби, сырітко, не жыты, — думала, хытаючи головою, стара, — уже и въ горли клекоче, и видъ тила ажъ пашти, мовъ изъ печи... Де-жъ такы такому худесенькому та слабесенькому подолать таке лыхо? — Видъ голоду ажъ пидVELO, высмоктало останни силы... а тутъ ще снигъ та вода, та ви-

теръ... Выскочыло и босе, й голе, та ще ударылось тяжко,—може й печинки видбыло.

Тутъ почулася видъ левады якасъ тупотня, немовъ тамъ выбывалы пары тры, або й четыри доброго гопака, навить долитавъ мижъ тупання й смихт; бракувало тилько музыкы. Баба догадалась, шо то утоптувалы свижу могилу коровы...

— Зобидылы безпорадну вдову,—промовила въ голосъ Сохровыха:—корова скаженою й не була, а просто охляла видъ голоду... Напосилы па беззаступну, щобъ пожывытысь останнимъ прытулкомъ... Эхъ, жыройиды, багатыри!—зитхнула вона важко.—Вси вы однімъ мыромъ мазани!

Часъ збигавъ; панувала тыша, яку зридка будывъ ледве чутныі стогинъ слабои...

Смеркомъ уже рышнулы двери, и въ ныхъ тыхо, крадъкома ввійшла Марта.

— Бабусю! Це вы, Сохроныхо?—прыдывлялась вона пыльно, зъ пдывомъ, до старои.

— Я, безталанна, я...

— Отъ, спасыби, шо навидалы... А хнершаль—добра душа,—поквальилась вона подилытысь радистью,—забижесть сюды и сповистыть заразъ земського ликара...

— Эхъ, не поможуть уже земськи,—щребыла іи стара и переказала хутко про корову и про Присю, якої й не запримитыла за бабою у померкахъ маты.

Спочатку слухала вона бабу зъ якымъ запеклымъ спокоемъ, и тилько тремтила, але якъ дійшла ричъ до Приси, якъ гланула вона на свою почорнилу дытыну, то несамовито, не людськимъ голосомъ скрыкнула: „вбылы“! и вытяглась правцемъ, занимила, каминемъ стала...

Кынулася бабуся іи рятуваты; але ни рукъ, ни ногъ не можна було у Марты зигнуть: тило ій взялось деревомъ, очи нерухомо, непрятомно стоялы, а выражъ облычча зробивъся страшнымъ, холоднымъ, байдужымъ...

Цилу ничъ упадала Сохроныха; хочъ вона и домоглась такы одигриты и виджыты по-малу тило Марты, та не домоглась повернуты іи до розуму, воскресыты ій душу...

Передъ свитомъ виддала духъ Богови Прися. На скованни вона страшенно металась и кричала въ гарячци: „рятуйте, рятуйте корову!.. Ой, іи мордують, катують... Ой, стогне вона! Закопайте и мене зъ нею краще“!

Марта байдуже слухала лементъ своеи едынои втихи, едынои дони; тилько останній выкрыкъ немовъ запавъ ій въ душу, и вона шепотомъ переказала: „закопайте,—такъ краще“!

Поховалы Присю на громадський коштъ. Хату й садыбу за недоимки продали зъ молотка... Купывъ усе старшина...

А Марта?—Одійшла трохи... ходить зъ довгою рукою по мистечку: хто хлиба дастъ—зъистъ, хто що заставыть—зробыть... але все мовчки и до людныи не промовыть и слова... Тилько часамы, на самоти, въ глупу ничъ, прошепоче соби, устромывши у темряву очи: „закопайте,—такъ краще“!..

М. Старыцький.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Максимович подъ фирмой Кулиша. Открывшаяся въ февралѣ, въ помѣщеніи Кіевскаго музея, и продолжавшаяся до Ѹтоминой недѣли выставка старыхъ и новыхъ картинъ изъ частныхъ собраній представила три картины, имѣющія мѣстный интересъ: недурной этюдъ Вл. Г. Маковскаго «Парубокъ», превосходный портретъ Н. И. Костомарова работы И. Н. Крамского и еще одинъ портретъ его же работы, который въ каталогѣ выставки (подъ № 32) былъ названъ: «Портретъ Кулиша» и который, въ дѣйствительности, не имѣя ничего общаго съ Кулишемъ, изображаетъ хорошо известнаго Жіену Мих. Алекс. Максимовича, какъ это могли замѣтить всѣ посѣтители выставки, которые или лично знали покойнаго М. А. Максимовича, или когда-нибудь видѣли его портреты. Это допущенное устроившимъ выставку Кіевскимъ Обществомъ Древностей смѣшившее двухъ писателей наводить на грустныя размышленія, такъ какъ оно могло дать посѣтителямъ ея поводъ думать, что не только теперешнему собственнику портрета неизвѣстно, кого въ дѣйствительности онъ изображаетъ, но и Обществу древностей, которое, допустивъ это смѣшеніе, не исправило ошибки въ теченіе всего времени существованія выставки, вводя такимъ образомъ несвѣдущихъ посѣтителей въ заблужденіе. А казалось бы, память обоихъ ихъ слишкомъ свѣжая, чтобы можно было ихъ забыть, и были они слишкомъ непохожи другъ на друга, чтобы можно было ихъ смѣшивать, а въ особенности — въ Кіевѣ, въ которомъ оба они жили когда-то и который былъ такъ близокъ имъ по ихъ интересамъ и литературнымъ трудамъ. Sic transit gloria mundi...

Неудачное вѣнчаніе монаха. Въ концѣ девяностыхъ годовъ XVIII ст. въ Уманскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи, случилось изъ ряда вонъ выходящее происшествіе: одинъ изъ безмѣстныхъ священниковъ—«въ чужой церкви воспитанницу свою скроностижно, безъ собранія народа и всякихъ предрасужденій», обвѣнчалъ съ бродячимъ монахомъ, да еще къ тому, «что всего непростительнѣе—въ 18 день ноября, т. е. въ Филипповъ посты». Учина сіе беззаконное дѣяніе, упомянутый безмѣстный священникъ резонно счелъ за наиболѣе благоразумное поскорѣе оставить предѣлы Уманщины и перенести сферу своей дѣятельности въ другую епархію. Но недремлющее око блюстителя общественныхъ нравовъ не дало ему возможностей избѣжать прачосудія: священникъ былъ гдѣ-то арестованъ и «къ крайнему для всего священства предосужденію» за карауломъ, какъ арестантъ, доставленъ въ Кіевъ. Здѣсь тогда-то и открылись подробности злонолучнаго вѣнчанія, такъ дорого обошедшагося безмѣстному священнику. Оказалось, что въ томъ незаконномъ браковѣнчаніи дѣйствовали два дѣлца, изъ коихъ «одинъ тому монаху, хотя въ свѣтскомъ одѣяніи обращающемся, но имѣющему отращенную бороду, и коего всѣ называли отцемъ Тарасиемъ, держалъ вѣнца, а другой исправлялъ должность старосты и дружка; третій же, священническій сынъ, выѣшній (въ началѣ 1799 года) уже священникъ, пѣлъ тогда на крыласѣ. Первѣйшій же (виновникъ) такому странному происшествію оказался иѣкоторый благочинный, который, «видя, что тотъ бродяга написанъ иъ представленномъ имъ билетѣ бродячимъ монахомъ, не только не представилъ о немъ по командѣ, но принялъ его къ себѣ за письмоводителя», и при отпускѣ отъ сей должности «снабдѣвалъ его въ чужую епархію билетомъ», означивъ въ немъ монахомъ того бродягу, который, «ользуясь занятіемъ себе при томъ благочинномъ писменными дѣлами, имѣли случай извѣснimi ему дѣлами, судбами достигнуть, за подписаніе руки того же благочинного, свидѣтельство, дозволившее, подъ имѣнemъ Тимофея Федорова, обвѣнчать его безъ сомнѣнія». На допросѣ однако благочинный всячески отговаривался отъ взводимаго на него обвиненія въ со участіе въ преступленіи,—онъ увѣралъ, что «оказанный бродяга» уворовалъ у него, благочиннаго, бумагу за его подпись для свидѣтельства въ самъ уже сочинилъ подложный документъ. Кіевская дикастерія, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, вынесла соучастникамъ незаконнаго вѣнчанія слѣдующій вердиктъ: 1) Свя-

щеникъ, дезнувшій совершить «своя неправеднаго браковъчанія», и который уже раньше, вместо заслуженного имъ „изверженія изъ священства, по единому лишь снисхожденію на немолодые его лѣта, которыхъ ему 55^е, въ семъ санѣ былъ оставленъ,—теперь лишенъ навсегда надежды въ полученію гдѣ-либо настоятельскаго мѣста, оставленъ до смерти въ запрещеніи священнослуженія и исправленія всѣхъ требъ, и кроме того лишенъ права облачиться въ ризы и епитрахиль и долженъ оставаться въ дьячковскомъ званіи, съ дозволеніемъ впрочемъ пріобщаться Св. Таинъ отъ рукъ служащаго священника; 2) «Бывшіе при бракѣ три церковники» наказаны ссылкой на годъ на «труды монастырскіе»; 3) Благочинный лишается своей должности, обязанъ вернуть инструкцію, и «хота онъ и протоіерей», долженъ стать въ подчиненіе Духовному Пречленію, «наравицъ съ прочимъ священствомъ»... А бродяга съ своею женою „удержанъ въ другой епархіи отъ сожитія“.

„Для предосторожности“ же священство и церковно-служителямъ „отъ таковыхъ и сему подобныхъ слушаеютъ“, чтобы послѣдніе знали, чему, виновные въ томъ, они себя подвергаются, и чтобы всѣ благочинные и священство не дерзали подписывать чистыхъ бумагъ бланкетами называемыхъ, въ явномъ къ должности своей, требующей осмотрителныхъ обратовъ, пренебреженіи, и встыду — велико «распобликовать» обѣ этомъ по всему Уманскому уѣзду.

Одна изъ экземпляровъ этой „публикаціи“, присланный благочиннымъ уманского уѣзда іереемъ Александромъ Кошутскимъ (въ с. Вышнopolъѣ) въ с. Глубочекъ, хранится въ церковномъ архивѣ этого села.

Сообщ. В. Доманицкій.

Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго.
Намъ доставлена небольшая тетрадка, содержащая пѣсколько произведений П. П. Гулака-Артемовскаго. Эта тетрадка, переданная наследниками бывш. сначала харьковскаго, а затѣмъ казанскаго проф. А. Ставиславскаго (ум. въ 1883 году), была прислана ему изъ Харькова, какъ видно изъ помѣтки на рукописи, 2 января 1856 г. Къ тетрадкѣ приложенъ на отдѣльномъ листкѣ, очевидно позже присланный, списокъ стихотворенія „До Любки“, помѣченный 16 марта 1856 г. Въ

тетрадкѣ заключаются слѣдующія стихотворенія,—всѣ писанныя собственноручно Гулакомъ-Артемовскимъ: 1) Овдовѣвшей матери семейства, В. И. Кичин—ой (Купчиновой),¹⁾—2) 4 стихотворенія „Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ“, въ томъ числѣ одно на французскомъ языке „A ma bien - aimée Apollinaire, sur l'ouibi de son beau manchon“ — всѣ неизданные²⁾—3) переводъ трехъ оды Гораций: XXXIV, кн. I „Отъ и донысь! и дохмельясь“³⁾—съ неизвѣстнымъ донесиѣ польскимъ эпиграфомъ:

Ja uwielbiam dziewczęta własne, a Pan cudze:
Ma więc každen z nas zyskać coś na téy posłudze.
Gdy ma być zysk tak wielki, z tak słodkiej posługi,
Radbym na tej posłudzie wiek przepędzić długie“;

XIV ода, взъ кн. II: «Ой часъ бы, Грыцьку, намъ, ой часъ пошановаться!»⁴⁾ и 9 ода II кн. „Невже жъ, якъ зъ лотокивъ, взъ хмаръ, Терешку, лье“.⁵⁾ Во всѣхъ одахъ замѣчаются значительные разночтѣнія.—Стихотвореніе „До Любки“ (XXIII ода Гораций, кн. I), начатанное въ „Очеркахъ ист. украинск. литерат. XIX ст.“, Н. Петрова, стр. 70—71, носитъ на себѣ слѣды значительныхъ передѣлокъ и исправленій.

Приводимъ четыре стихотворенія „Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ“, не бывшія еще въ печати.

I.

Колы бъ тебе, Полинашко,
Якъ я, знали люди,
За тобою, моя пташко,
Литалы бъ усыды.

¹⁾ Напечатано М. Комаромъ въ „Зорі“, 1896, стр. 336, подъ загл. „Матері удові, на смерть Н. А. Купчинова“. Въ напечатанношъ варіантъ встрѣчаются мелкія разночтѣнія.

²⁾ Исключеніе составляетъ вгороє, первые два куплета которого приведены г. Н. Петровымъ въ его „Очерки истории украинск. литературы XIX ст.“ стр. 71.

³⁾ Напеч. впервые А. Потебней въ Кіев. Стар. 1888 г., кн. V ст. „Сочиненія П. И. Гулака-Артемовскаго“

⁴⁾ Напеч. въ „Зорі“, 1896 г., стр. 415—416 и Кіев. Стар. 1897 г., мартъ, стр. 488—489.

⁵⁾ Напеч. въ Кіевск. Стар. 1897 г., мартъ, стр. 490.

Колы бъ тебе, якъ я, знали
Багатій бидни,
Воны бъ тебе покохали—
Якъ братики ридни.

Колы бъ знали хыстъ и сылы
Розуму й серденька,
На рукахъ тебе бъ носили—
Якъ тато та ненька.

До серденька прыгорталы—
Якъ я прыгортая,
За тобою бъ пропадалы—
Якъ я пропадаю.

Соловейко въ клитци тисній
Писни высивує...
А хто жъ тіи дывни писни
На улыди чуе!!

23 декабря 1855. Харьковъ.

П. А. Г.

II.

Текла ричка
Невелычка,
Та й понялась моремъ:
Була радистъ—
Хочъ на старистъ,—
Та й залылась горемъ!

Нема пташки—
Полинашки,
Нема й справди ридныхъ!
Полетила,
Не схотила
Тишины насъ бидныхъ!

Ой, мы, доню,
Твою долю
Не ганьбымъ, не гудымъ:
Будь щаслива,—
Добротлива,—
То и мы въ добри будемъ.

—
Твои смихи—
Намъ утихъ,
Покы тебе стане;
Твое сонде—
У виконце
И до насъ загляне.

—
Смійся жъ, серце,
На що-сердце,
Смійся и по страви:
Нехай шташку
Полинашку
Полюблять въ Полтави.

27 декабря 1855 года Харьковъ.

П. А. Г.

III.

A ma bien-aimée Apollinaire, sur l'oubli de son beau manchon¹⁾.

Tu as bien fait, ma chère fille,
D'avoir oublié ton manchon:
Le feu de ton esprit pétille
Sans la chaleur d'un vil torchon.

¹⁾ Мать, осмотрѣвшись въ Полтавѣ, что дочь не взяла съ собой своей нарядной муфты, была въ отчаяніи, и давай писать и умолять, чтобы я послѣдѣ выслалъ завѣтную муфту. Муфта не послана,—и дѣло обошлось какъ нельзя лучше.

Les étoffes les plus coûteuses
 D'un sot sont un triste ornement;
 L'or et les piergeries précieuses
 Pâlissent auprès d'un talent.

—
 Lorsque d'un clavier mort tu tires
 Des sons vivants et mélodieux,
 I'oublie la terre, et tu aspires,
 Dans tes brûlants transports, aux Cieux.

—
 Ou, lorsque ta main filiale
 Veut caresser mes cheveux gris,
 Mon cœur bondit, mon cœur tressaille,
 Et jusqu'aux pleurs tu m' attendris.

—
 Voilà tes joyaux, ta parure,
 Ma chère enfant! soigne les bien,
 Et que ta vertu nous assure
 Et notre bonheur et le tien.

—
 Et quand, par un sort immuable
 Mon heure sonnera d'adieu,
 Ange de paix! fille adorable
 Ta main me fermera les yeux.

Le 30 Décembre 1855, à Harkoff.

P. A. G.

IV.

Сыдѣть батько на лави,
 Насупысь... сумуе;
 Дочка жъ ёго въ Пилтави
 Зъ хлопцамы гарцюе.

—
 Вылизъ батько въ хатыны—
 Дочку выглядаты...
 И не чувать дытыны!
 Шо за вража маты!

Вертайсь, дочко, до дому,
Годи гонцоваты,
Годи жъ сёго содому
Въ людяхъ выробляты!

Чы се жъ такы не дыво,
Та й не дывовына
Що бъ по тыжню медъ, пыво,
Смоктала дивчына!

Ой я бъ, тату, вернулась,—
Не пускае маты:
Въ шистъ ўзлыкивъ стягнулась,—¹⁾
Хоче танцбваты.

Ой я бъ, тату, не дуже
Тыхъ медывъ бажала,
Колы жъ маты... байдуже!
„Пый, дочко!“, сказала.

„Та пый“ каже—„покы пьется!
Нехай легко тамъ икнется
И батькови, и дытыни,
И въ госпбди всій родыни!
Хай цыбулю батько лупыть,
А намъ капшукъ зъ скрыни цупыть,
Та въ Пилтаву надсылае,
Покы маты тутъ гуляе!
Скачы жъ, дочко!... маты скаче:
Нехай дома батько плаче!“

31 декабря 1855 года. Харьковъ.

П. А. Г.

¹⁾ Un corsage à six noeuds. Прим. Г. Арт.

Народная пѣсня о Шевченкѣ. Въ № 9 «Кіевской Старинѣ» за 1885 г., (отд. II, стр. 187) помѣщена была М. Васильевымъ народная пѣсна о Шевченкѣ, записанная имъ отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губ., чигиринскаго уѣзда. Въ настоящее время намъ доставленъ еще варіантъ народной пѣсни о Шевченкѣ, въ нѣкоторыхъ частахъ своихъ склонный съ упомянутымъ варіантомъ с. Васильева, сохранившійся въ болѣе чистомъ видѣ. Этотъ варіантъ, записанный проф. А. Станиславскимъ въ Казани въ 1879 г. отъ старухи Домахи, родомъ изъ с. Товстого, звенигородскаго уѣзда, лично знавшей Шевченка,—по легендарному, несообразному съ действительностью, разсказу, прописывался самому Шевченку, который будто бы, послѣ назначенія его въ солдаты, *пріѣзжалъ* къ своимъ родственникамъ и между прочимъ посѣтилъ нѣкоего Каракоца, садовника въ м. Ольшаной (имѣн. гр. Владисл. Браницкаго старш.). Наширушки у этого послѣднаго, наканунѣ отѣзда, Шевченко, немногого подвыпившій, въ присутствіи всего собранія, въ томъ числѣ и Домахи (?), пѣлъ, будто бы, сочиненную о самомъ себѣ слѣдующую пѣсню:

Уродясь Шевченко,
Уродясь, вдався,
Только ёго дурный разумъ,
Що въ салдаты дався.
Ой, повезлы Шевченка
Та й бытими дорижками,—
За нимъ, за нимъ сторожевъки
Зъ голыми шаблями.
А де на ничъ прыставали,
Тамъ виконця забывали,
А до мене, молодого,
Отца й ненѣкы не пускали.
Ой повезлы Шевченка
Рано до прыёму,
Та й крыкнулы на Шевченка:
Голите лобъ ёму!“
На стильчику посадылы,
Чорни кудри обголылы,
Чорни кудри обголылы
Та й до полку прыдишли...

— Ой лягай же, Шевченку,
Лягай, просыпляйся,
А завтра день ранесенько
Та й на муштръ збираися.

Положився Шевченко,
Положивсь, проспався,
А по-утру вже раненько
Та й на муштръ зибраався.

«Есть еще строфы,—сообщала Домаха,—но она ихъ не помнить, да и за достовѣрность тѣхъ, что сообщала, не можетъ ру-
чаться». Не говоря о томъ, что пѣсня эта ничего общаго не можетъ имѣть съ творчествомъ Шевченка, нужно имѣть въ виду, что это есть только пріуроченная къ Шевченку общепрѣстного типа ре-
акрутская пѣсня.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. а) Изъ эпохи юненія на усы и бороды. Кіевскій генералъ-губернаторъ гр. А. Д. Гурьевъ получилъ отъ статьи-секретаря А. Танѣева приводимое нами письмо: «Милостивый Государь, Графъ Александръ Дмитріевичъ! Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ раз-
ныхъ мѣстъ свѣдѣвій, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе граждан-
скіе чиновники, въ особенности въ столицы, дозволяютъ себѣ но-
сить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражая
французскимъ людямъ.

Его Императорское Величество изволить находить сіе совер-
шенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ
всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы
ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣд-
ние принадлежать одному военному мундиру.

Сообщая Вашему Сиятельству о таковой Моваршой волѣ, имѣю
честъ быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностю Вашего
Сиятельства покориѣйший слуга А. Танѣевъ.

17 марта 1837 г.

б) Заботы Кіевскаю Генералъ-Губернатора гр. А. Д. Гурьева
о помѣщицкихъ крестьянахъ. 2 июля 1840 г. Генералъ-Губернаторъ

разослалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Ю.-Зап. края се-
кретный циркуляръ, въ коемъ ставилъ на видъ, что помѣщичьи
крестьяне слишкомъ стѣснены своими владѣльцами, которые сплошь
да рядомъ заботятся лишь о томъ, какъ бы извлечь изъ крѣпост-
ныхъ наибольшую для себя выгоду. Замѣчено, что наказанія, примѣ-
няемые въ экономіяхъ, нерѣдко слишкомъ жестоки; для истязанія
крестьянъ въ некоторыхъ имѣніяхъ заведены были деревянныя ко-
лодки и кандалы; въ наказаніе крестьянамъ перебивались головы...

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ и побуждаюсь довести до свѣдѣнія
господѣ предводителей, что въ теченіе управлѣнія моего вѣрѣнными
ми губерніями, въ 2 года и пять мѣсяцевъ, было болѣе 500 кресть-
янъ, посагнущихъ за жизнь свою ¹⁾».

Предводителямъ предложено не уклоняться отъ исполненія воз-
ложенныхъ на нихъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сентября 1826 г.
обязанностей по наблюденію за отношеніемъ помѣщиковъ къ кресть-
янамъ; они предупреждаются, что въ упущеніяхъ будетъ усмотрѣно
явное уклоненіе отъ исполненія Высочайшаго повелѣнія и невин-
маніе, сколько къ долгу, возложеному сословіемъ, ихъ избравшимъ
въ настоящее званіе, столько же и въ данному Генералъ-Губерна-
торомъ порученію.

в) *О командировaniи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Киевъ.* На имя Генералъ-Губернатора Генерала Биби-
кова, весною 1838 г., получено слѣдующее письмо: Малостивый
Государь Дмитрій Гавриловичъ! Вручитель сего, бывшій питомецъ
Императорской Академіи художествъ, нынѣ художникъ XIV класса,
Шуруповъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Киевъ для
снатія плановъ и разрѣзовъ тамошнихъ древнѣйшихъ церквей и для
срисованія любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной въ нихъ жи-
вописи и мозаики. Такъ какъ Государь Императоръ изволить съ
особеннымъ благоволеніемъ заниматься собраніемъ рисунковъ, изо-
бражающихъ въ точности старинное наше зодчество, и всѣмъ, что
можетъ напомнить степень прежнихъ нашихъ успѣховъ въ художе-
ствахъ, то я, какъ президентъ Императорской Академіи Художествъ,

¹⁾ Предполагается, что причиной, въ большинствѣ случаевъ — таѣсть положенія крѣпостныхъ.

которому сіє дѣло поручено въ особенный надзоръ и руководство, долгомъ почитаю просить Ваше Превосходительство о принятіи въ милостивое Ваше покровительство сказанного Шурунова и дать ему, какъ человѣку, на котораго возложено Высочайшее порученіе,—небольшую казенную квартиру, гдѣ онъ могъ бы удобно заниматься окончательно своею работою. За тѣмъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтениемъ и совершенною преданностью, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Алексѣй Оленинъ.

9 мая 1838 г.

31 мая Шуруновъ прибылъ въ Киевъ. Къ ноябрю работы его были закончены, а въ декабрѣ онъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

г) «Города Києва Общої Думы» орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ Арсеналѣ. 12 Іюля 1838 года командиръ Кіевскаго Арсенала представилъ Инспектору мѣстныхъ арсеналовъ опись хранящихся съ 1831 года орудіямъ: семи пушкамъ, четыремъ единорогамъ мѣдными и одной гаубицѣ чугунной, принадлежащихъ Кіевскому городскому Магистрату ¹⁾, «изъ коихъ два раза въ годъ Кіевское купечество и мѣщанство, составляя вооруженный строй, 6 Января слѣ-

¹⁾ Полковникомъ Меньшовымъ любезно сообщены слѣдующія свѣдѣнія о сихъ орудіяхъ: Чугунная гаубица—ломъ; пушки мѣдные: 1) вѣсъ 10 п. 9 ф. отливки 1768 г. 2)—9 п. 38 ф., лита въ 1768; 3, 4, 5 и 6) годъ изготвленія неизвѣстенъ; вѣсъ 8 п. 16 ф., 13 п. 16 ф., 5 п. 6 ф. и 5 п. 3 ф. и 7) 1757 года—вѣсомъ 4 п. 30 ф. Единороги мѣдные, съ надписью на нихъ «города Кіева Общої Думы», годъ (ливки 1790; вѣсъ: 11 п. 8 ф., 10 п. 32 ф., 11 п. 14 ф. и 11 п. 3 ф.

Въ 1836 г. Артиллерійскій Департаментъ разрѣшилъ, для украшенія залъ Склада, выписать въ расходъ два мѣдные единорога «Города Кіева Общої Думы», вѣсомъ 11 п. 8 ф. и 11 п. 14 ф., которые записаны затѣмъ на праходъ, какъ арматура къ Орлу.

Остальные орудія, можно думать, въ разное время оправлены въ СПБ. въ Кронверкскій Музей.

Въ семи музеѣ мою разыскана одна изъ двухъ чугунныхъ пушечекъ, поднесенныхъ Императору Николаю I кіевскимъ купцемъ Тереховымъ, якобы отлитая въ 1371 году; лѣвый дельфинъ у нея отбитъ; въ украшающей ее цифре 1371, или НЕI, Управление Музея усматривается № или клеймо. Дѣйствительное время отливки—начало XVIII вѣка. Ея пара находится и по сей день въ кіевскомъ артиллерійскомъ складѣ: думнача часть, винградъ и дельфины отбиты.

См. Мартъ 1901, Кіев. Ст.

давало за духовною процессією ко Іордану, а 1 Августа, на церковномъ парадѣ, производило холостую пальбу».

«Нынѣ», писалъ командиръ арсенала, «согласно Высочайшей волѣ, объявленной Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, таковое шествіе отмѣнено, и уповательно оныя (орудія) въ Магістратъ обращены не будутъ, то имѣю честь покорнѣйше просить записать мѣдныхъ орудія въ ломъ мѣди, а гаубицу передать въ гарнизонъ—въ ломъ чугуна».

18 Октября того же года Инспекторъ Арсеналовъ предписалъ: орудія хранить, выдавая таковыи Магістрату для всѣхъ церемоній, при коихъ употребленіе орудій было въ обычаяѣ.

Сообщилъ Алексѣй Мѣрдеръ.

Стоимость похоронъ барышевской обывателки, въ 1756 г.

,Реестръ что імяно денегъ і протчего вдержано на помяновение умершой Костомашихи значить подъ сімъ 1756 году, марта 3 д. учиненъ“. За служение і за понахиду Отцу Михайлу Крестовому, пропоющіи барышевскому, дано 50 коп.—отцу Захару пречискому—50 к. отцу Иосифу Сулиминскому (с. Сулимонки)—50 к. Диаконамъ двомъ барышевскимъ—40 к. Отцу Ручцѣ Петру—30 к. Дякамъ і паламарамъ разныхъ школъ—18 к. Дано за работу и за готованія обѣда і що ницихъ вормили—20 к. Меду спеченого полдванадцати гарца, всякой гарвець по 4 коп.,—46 к. Риби свѣжой разной, великой і малой, куплено за 40 к. Вина до церкви кварту дано 12 к. Ганусовой оковитой горѣлки сѣмъ квартъ, всяка квартта по 12 коп.,—83 к. Сливянки пять квартъ, всяка квартта по 8 к.,—40 к. Шеренпусты си-вухи простой—1 р. Шпва на обѣдъ за 1 р. Риби сотце, за 50 к. Рижу (рису) полфунта, за 4 к. Розинковъ чвертка, за 3 к. Гороху полчвертки, за 5 к. Просолной риби, щукѣ, куплено за 30 к. Осатрини полдесета фунта, всякой фунтъ по 3 коп. з депежкою,—35 к. Булокъ сорокъ, денежныхъ, куплено за 20 к. Ситницѣ пять, всяка сптинацѣ по едной коп.,—5 к. Олѣи пять квартъ—30 к. Цыбуль два кѣнки, за 8 к. Оселедцовъ 15, всякой оселедець по денежки,—7 к. 3 д. Ікра осатровой чорной 4 фунта, всякой фунтъ по 5 коп.,—20 к. Свѣчокъ восковыхъ денежныхъ 36, куплено за 18 к. Свѣчка одна восковая велика, за 5 к. Оливи чвертка, за 3 к. Соля щурки, за 3 к. Соли гусокъ за 2 к. (Съ подлинника)

Рѣчь идетъ о цѣнахъ на рынке м. Варышевки, Переяславского уѣзда.

Для исторіи торговли въ старой Малороссіи. «*Виденіе почему, по прежнему обикновенію и по данной трафу Гаврилу Владиславичу (Рацунскому), въ 1725 году, вѣдомости, съ товаровъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и западнорусскихъ индукту собирать.*»¹⁾ Съ товару великороссійскаго. Отъ тысячи бѣлки—60 коп., отъ бунта лисицъ—50 к., отъ сорока горностаевъ—10 к., отъ бунта корсаковъ—14 к., отъ сорока норокъ—16 к., отъ пары вушекъ лисѣхъ—2 к., отъ косяка лудану—16 к., отъ тюма китайки—16 к., отъ 1000 арш. крашанина—80 к., отъ конца московскаго полотна—20 к.

Противъ дробязки раховать и отъ ста—два (20%) индукты принимать.

Съ товару малороссійскаго. Отъ воза тютюну—50 к., отъ воза ганусу—60 к., отъ вола, что до Шленска ходятъ—10 к., отъ вола, что на Москву ходятъ—4 к., отъ куфи горѣлки—20 к., отъ воза пеньки—20 к.

Съ товару греческаго. Огъ кумача красного—2 к., отъ одного киндака—1 к., отъ кипи красной бумаги—1 р. 60 к., отъ кипи поясовъ румелецкихъ—1 р. 60 к., отъ десятка поясовъ верблюжихъ—6 к., отъ бунта сафина—10 к., отъ матерій шелковыхъ и золотоглавихъ раховать почему продается, то съ того братъ индукты отъ ста—два и отъ прочихъ товаровъ также, которыи на рахубу приходять по тому же братъ.

Съ товару польскаго. Отъ четверти тонкого сукна—80 к., отъ штуки каруну—30 к., отъ штуки лохтевого сукна—12 к., отъ штуки штамету—30 к., отъ каменя мѣди—14 к., отъ одного рубка—2 к., отъ мажи соли—20 к., отъ прочихъ дробязговъ также раховать и отъ ста—два индукты братъ.

¹⁾ Взято изъ сборника (*Silva rerum*), принадлежавшаго Якову Марковичу.

На оному подпись: секретарь Иванъ Аврамовъ. Подканцеляристъ
Василь Леонтиевъ.

Іюня 6 дни 1729 году.

Годовой доходъ Переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII в. «Регистръ зборамъ, которые в прошломъ 1722 году присланніе в малороссійскую Коллегію изъ войсковой генералной канцеляріи зборщики въ вѣдомостяхъ своихъ показали, что оные зборы при прежніхъ гетманахъ забириваніи которые и нынѣ по силу присланнаго из высокаго сенату указъ в казну его императорскаго величества надлежитъ. 1727 года. Городъ Переяславль. Въ томъ городѣ имѣть быть 3 ярмарки: 1) о десятой пятницѣ; 2) сентябрь 1 числа и 3) генваря 6 дня. И во время тѣхъ ярмарковъ имѣютъ быть сборы: *На полковника*. С приждихъ людей ярмаркового, од воза по 10 коп. Съ продажи, кто продасть лошадь и вола—половинного по 2 коп. 3 овцы по 1 коп. *На ратушу*. З привозныхъ и мѣстовыхъ продажнихъ куфъ вина, которые в тѣхъ ярмаркахъ продаются гуртомъ, з такихъ продавцовъ скатного одѣ куфи по 20 коп. З шинкарей, которые в тѣхъ ярмаркахъ шинкуютъ на мѣсте, по 2 р. Скатного с куфи по 30 коп. А с переяславскихъ жителей одѣ куфи по 20 коп. З дехтию з вишникового, какъ во время ярманку, такъ и безъ ярманку, с куфи по 1 р. А хто продасть гуртомъ, скатного отъ куфи по 10 коп. З воскобойнѣ от закладу по 4 коп. З важни вагового одѣ пуда с продавца по копейки; з купца по тому же. З семи будокъ ратушныхъ, которые при ярманкахъ в годъ отдаются крамарамъ, по 60 и по 40 коп. Одѣ коморъ шинковыхъ и одѣ резиницкихъ в годъ по 20 коп. З панихъ брагъ, кто шинкуетъ по 20 коп., а кто менше шинкуетъ по 10 коп. З приезджихъ людей, которые приезжаютъ в торгови дни для покупки хлѣбу и прочаго, мѣстового од воза по 2 коп. Одѣ гончаровъ мѣстового в годъ по 10 коп. Одѣ колачицъ в годъ по 5 коп. Около города пашенная десятина и с той пашней, кто свѣтъ хлѣбъ, берется десятый снопъ. З мельницы на реке Трубежѣ, в которой 2 кола мучникъ, третее ступиное, емлется доходу десятая мѣрка, а та мельница построена в 720 году. З подданныхъ той ратушки сель а именно: Пристрони, Кааратулъ, Великая, Лелики, Дениса, Полѣжанъ, Плужники, Коморевка, Столпяги—емлется годо-

вого овладу с тихъ сель, с лошади по 10 коп., з вола по 10 коп. да по полосминѣ овса. Перевозъ на рекѣ Днѣпрѣ, противъ Переяславля подъ селомъ Авдрушами, переясловскаго Воянесенского монастыря, с которого емлется с приезжихъ изъ переясловскихъ всякихъ чиновъ людей з воза по 8 коп. на оный монастырь. *На старшинъ ратушнихъ.* З приезжихъ людей ярмарково с воза мостового по 2 коп., за квітъ по 2 коп. *Сторожамъ,* которые служать при тихъ ярмаркахъ. С возовъ по 1 коп. Да особъ обще на полковника и на ратушу з барилъ двойного и простого вина, которые в ярмаркахъ в ташахъ шинкуются, а имѣютъ тіе барилы бить мерою в пари ведерка, по 30 коп. А ежелижъ будеть болшій или меншій противъ того— по расчету. На ратушъ и на полковника и до шкатули гетманской шинкарь одъ куфи вина 2 р., а буде вино подлое и с такихъ куфъ по 1 р. по 50 коп. и 1 р. *На войта.* Чомерного отъ продажной нашиї четверика—по ковшу. С продажного меду отъ ведерка с купци по 1 коп., с продавца по 1 коп. В ономъ же городѣ и в уѣздѣ з посполитихъ людей и со владѣльцевихъ подданнихъ збирается на дачу компанійцомъ, двомъ человѣкомъ месачной дачи по 80 коп. на мѣсяцъ человѣку.

Збиралась на гетмана со ичель десятина. (*Арх. генер. канцеляріи, № 3817.*)

Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Около пяти лѣтъ тому назадъ мы помѣстили на страницахъ „Кіевской Страны“ вѣчто въ родѣ обращенія къ фотографамъ-любителямъ.¹⁾ Тамъ было указано на ту помощь, какую могутъ оказать фотографы-любители дѣлу описанія памятниковъ старины и вѣшней стороны народной жизни; была также вкратцѣ намѣчена и программа, слѣдуда которой можно быть полезнымъ вышеупомянутымъ областямъ знанія.

Въ настоящей замѣткѣ мы снова повторяемъ раньше высказаннуюпросьбу и дѣлаемъ это въ виду слѣдующихъ соображеній.

Въ послѣднее время, благодаря иниціативѣ Московскаго Археологическаго Общества, выступилъ на очередь вопросъ объ описаніи и издаваніи памятниковъ украинской старины. Съ этой цѣлью при

¹⁾ Вниманію фотографовъ-любителей, іюнь, 1896 г.

Общество Нестора Львописца образовава особая Комиссія, совершень прошлымъ лѣтомъ рядъ экскурсій, и намѣчены новые. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ фотографія—безъ нея, какъ говорится, нельзя ступить шагу. Но имѣя въ виду небольшой составъ членовъ Комиссіи, совершающихъ экскурсіи, и обширность района (юго-западный край и лѣвобережная Малороссія), трудно надѣяться, чтобы памятники старинны были описаны и сняты въ достаточной полнотѣ. Большую услугу могутъ оказать фотографы-любители. Фотографія теперь—очень распространенное занятіе, на каждомъ шагу можно встрѣтить фотографа-любителя, сотни пластинокъ вводятся зачастую совершенно бесполезно, превращая это интересное занятіе въ простую забаву, въ скоро пріѣдающійся спорть. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ городѣ всегда найдутся какіе-ниб. памятники старинны: старинная церковь или другая постройка, въ церкви—иконостасы, иконы, утварь, въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ—обстановка, предметы домашняго обихода. Если фотографъ-любитель обратить на нихъ свое вниманіе, сфотографируетъ, снабдить хотя самымъ краткимъ описаніемъ (время, матеріалъ, размѣры), то этимъ самымъ принесетъ несомнѣнную пользу серьезному дѣлу.¹⁾

Еще больше матеріала для фотографа-любителя, живущаго въ деревнѣ, дасть народная жизнь, ея вѣшняя сторона. Сколько разнообразныхъ типовъ, костюмовъ, особенностей въ устройствѣ жилища можно встрѣтить въ каждомъ уголкѣ! Если прибавить къ этому характерные виды мѣстности, групповые снимки, напр. во время крестныхъ ходовъ, праздничныхъ игръ деревенской молодежи, то, результатомъ даже одного мѣсяца, проведенного въ деревнѣ, можетъ быть очень интересный альбомъ фотографій. Эта область ближе, доступнѣе для фотографа-любителя; намъ не разъ приходилось встрѣтить где-нибудь въ деревнѣ или въ уѣздномъ городкѣ любителей, имѣвшихъ цѣлые коллекціи такихъ фотографій. Но бѣда въ томъ, что почти всегда дѣло и оканчивается сниманіемъ, проявленіемъ и печатаніемъ,—съ теченіемъ времени негативы, да и отпечатки, портятся, расходятся по рукамъ, затираются. Между тѣмъ, такого рода снимки представляютъ цѣнныій матеріалъ для этнографіи,—на матеріальную сторону народной жизни все больше и больше начинаютъ обращать

²⁾ Фотографіи и описанія адресовать въ г. Киевъ, въ Историческое Общество Нестора Львописца.

вниманії, она становится предметомъ серьезнаго изученія. Въ будущемъ году въ Харьковѣ устраивается археологический съездъ, при немъ организуется первая малорусская этнографическая выставка, и снимки вышеупомянутаго характера будутъ цѣннымъ вкладомъ какъ для выставки, такъ и для предполагаемаго къ устройству въ Харьковѣ этнографического малорусского музея. ¹⁾

Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ коснуться еще одного вопроса, связанного съ фотографіей, но болѣе общаго характера. Въ крупныхъ центрахъ Россіи существуютъ фотографическія общества, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ между прочимъ и вышеуказанныя цѣли. Такъ напр., члены Московскаго Русскаго Фотографическаго Общества устраиваютъ ежегодно экскурсіи, дающія въ результатѣ очень интересный матеріалъ. Помимо того что экскурсантами снимаются виды мѣстностей и другіе памятники, имъ иногда открываются новые памятники старины. Въ прошломъ году, въ одномъ изъ засѣданій этого Общества, было, напр., доложено, что въ с. Коломенскомъ, подъ церковью Вознесенія, въ подвалѣ, фотографы нашли среди мусора старинныя царскія врата красивой рѣзной работы и старинную икону Божіей Матери,—съ этихъ предметовъ сняты, конечно, фотографіи и о находкѣ сообщено Московскому Археологическому Обществу. Въ томъ-же засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ объ образованіи комиссіи по собиранію фотографій съ памятниковъ древности. Несомнѣнно, такая дѣятельность вышеназваннаго общества заслуживаетъ подражанія. Имѣемъ въ виду нашъ Кіевъ—центръ области, полной остатковъ прошлаго. Пора и Кіеву начать работать въ этомъ направленіи. Здѣсь существуетъ фотографическій отдѣлъ Кіевскаго отдѣленія Русскаго Техническаго общества, но о работахъ его по фотографировапію памятниковъ мѣстностей старины что-то не слышно, а вѣдь одинъ Кіевъ можетъ дать массу матеріала!

Въ 1896 г. возникъ было проектъ образованія общества фотографонъ любителей, подъ названіемъ «Кіевскій Фотоклубъ», съ цѣлью, по примѣру парижскаго *Photoclub*, теоретической и практической разработки дѣла свѣтописи по всѣмъ отраслямъ, поощренія возможно большаго и разнообразнаго примѣненія фотографіи въ научныхъ

¹⁾ Адресъ для посылокъ: Харьковъ, Университетъ, въ Предварительный Комитетъ по устройству XII-го Археологическаго Съезда. Тамъ-же можно получить и подробныя программы по описанію древностей и по этнографії.

трудахъ и изслѣдованіяхъ и поддержки и содѣйствія экскурсіямъ фотографовъ-любителей, предпринимаемымъ съ научной и художественной цѣлью для собиранія матеріаловъ по изученію родины. Кромѣ того, новое Общество предполагало заняться систематическимъ фотографированиемъ памятниковъ мѣстной старины, выдающихся архитектурныхъ сооруженій, живописныхъ мѣстностей, видовъ городовъ и вообще всего, имѣющаго значеніе для исторіи мѣстнаго края и характеризующаго его съ художественной, живописной стороны.

Очень жаль, что этотъ симпатичный проектъ до сихъ поръ не получилъ осуществленія,—такое Общество сдѣлало бы многое для той цѣли, для которой в написаная настоящая замѣтка. Хорошо было бы снова подумать обѣ устройствѣ „Кievскаго Фотоклуба“.

Н. Вѣляшевскій.

Письмо въ редакцію. Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельского хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственные и земскихъ, работаетъ наѣ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтнодвигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно—значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало пуждается, но тѣмъ не менѣе, въ виду значительного специально-исторического и научно-этнографического интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководясь этой мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ различныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но и все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство вашего уважаемаго изданія ко всемъ сочувствующимъ разработкѣ различныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнейшей просьбой ока-

зать миъ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдельныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о ичелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. и.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ миъ еще невапечатанныя вигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана безплатно тогчашь послѣ появленія въ свѣтѣ. Фампліи *всѣхъ* корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣженіе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для бесплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій пчеловодъ Г. А. Кузьминъ

Текущія извѣстія.

Объ ознаменованіи въ г. Екатеринославѣ 40-лѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка. Въ виду истекавшаго 40-лѣтія со дня смерти Т. Г. Шевченка, 26 февраля этого года, почитатели таланта малорусскаго поэта подали въ городскую управу слѣдующее заявленіе.

„Городская Дума, въ засѣданіи своемъ 14-сего февраля, постановила ознаменовать сорокалѣтній юбилей великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости наименованіемъ одного изъ новыхъ училищъ «открытымъ въ память 19 февраля 1861 г.», 26-го февраля настоящаго же года истекаетъ 40 лѣтъ со дня смерти величайшаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, лично испытавшаго ужасы крѣпостного вга и съ такой силой излившаго въ гениальныхъ стихахъ всю скорбь неголодающей и возмущенной вѣхристіянскими отношениями своей правдивой души».

„Гений великаго пѣвца и печальника народнаго горя признанъ повсемѣстно: произведения Т. Г. Шевченка выдержали много изданій и переведались на языки: французскій, нѣмецкій, чешскій, польскій,

русскій, итальянскій, сербскій и другіе; два общества: научное въ австрійскомъ университете городъ Львовъ (Лембергъ) и благотворительное въ С.-Петербургѣ названы обществами имени Т. Г. Шевченка; ежегодно 26 февраля повсюду въ Малороссіи, Галиціи и въ крупныхъ центрахъ Россіи устраиваются вечера, посвященные памяти покойнаго Т. Г.—ча; могила поэта на вершинахъ горы у з. Канева посещается массой почитателей и туристовъ; въ Австріи одна изъ улицъ г. Львова называется «улицей Шевченка». Общество литераторовъ въ С.-Петербургѣ возбудило ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшении открыть всероссійскую подписку для сооруженія памятника Т. Г. Шевченку въ Киевѣ на высокомъ берегу Днѣпра и проч. и проч.

Полагая, что чествование великихъ людей имѣеть воспитательное значеніе; полагая, что Екатеринодаръ, находящійся въ центрѣ малорусского населенія, можетъ и долженъ пріобщиться къ выражению знаковъуваженія къ величайшему изъ поэтовъ Украины, мы нижеподписавшіеся граждане г. Екатеринодара, предлагаемъ и покорнѣйше просимъ Городскую Думу почтить память Т. Г. Шевченка въ сороковую годовщину смерти его: во 1-хъ, наименовавъ одно изъ городскихъ училищъ «училищемъ имени Т. Г. Шевченка», во 2-хъ, назвавъ именемъ поэта одну изъ улицъ Екатеринодара или бульваръ у Маріинского училища, на каковомъ средствами, собранными по подпискѣ, можно затѣмъ поставить бюстъ поэта».

Заявленіе подписано 45-ю лицами.

Дума единогласно постановила назвать одно училище «Училищемъ имени Т. Г. Шевченка»; но, вместо бульвара противъ Маріинского училища, рѣшила переименовать Ростовскій бульваръ въ Шевченковскій. Такимъ образомъ память поэта будетъ надолго увѣковѣчена въ г. Екатеринодарѣ.

Сообщ. Г. Малышенко.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка въ различныхъ пунктахъ Россіи и Галицкой Руси, сообщаемъ свѣдѣніе о чествованіи, проходившемъ 17 марта въ Екатеринославѣ въ аудиторіи народныхъ чтений.

Самыми интересными частями программы, по словамъ газеты «Приднѣпровскій край», были чтеніе А. Я. Ефименко «Памати Т. Г. Шевченка» и исполненіе народныхъ думъ бандуристомъ Гнатомъ Галайдою. А. Я. Ефименко прочла свой очеркъ удивительно хорошо и задушевно. Нарисованная ею картина прошлой жизни Украины, поскольку она отразилась въ поэзіи Шевченка, прямо захватила слушателей. „Поэзія Шевченка есть пробужденіе народного самосознанія, а разъ народъ созналъ себя,—онъ уже выступилъ на путь къ своему возрожденію“,—вотъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ.

Гораздо менѣе удовлетворилъ автора замѣтки о вечерѣ бандурѣстъ. „Онъ,—говорить послѣдній—парядился для чего-то въ театральный козацкій костюмъ, совершенно не шедшій ни къ его фигурѣ, ни къ его лицу, да и поеть онъ пѣнного театрально, что, при исполненіи народныхъ думъ, неумѣстно“.

Изъ остальныхъ исполнителей можно было отмѣтить одушевленную декламацію г. Краницкаго и прекрасное пѣніе г-жи Муравьевой. Особенно хорошо вышла у нея прелестная идиллія на слова Шевченка „Садокъ вышневый коло хаты“.

Хоръ очень дружно исполнилъ всѣ свои номера, и руководитель его С. О. Михмель вполнѣ заслужилъ за свой усердный и безкорыстный трудъ ту благодарность, которая была ему выражена тутъ же отъ имени хора въ адресѣ, поднесенному ему съ подаркомъ отъ секціи литературно-музыкальныхъ вечеровъ.

Судьба родственниковъ Т. Г. Шевченка. Тяжелая участъ выпала на долю нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ родственниковъ Тараса Григорьевича Шевченка. Его внучкѣ грозятъ исключеніе изъ школы за невзносъ платы. Мать исключаемой, Ольга Бойко, пишетъ обѣ этомъ слѣдующее въ письмѣ въ редакцію „Кievской Газеты“:

„Внезапно постигшее меня горе заставляетъ обратиться къ вамъ о содѣйствії. Всѣмъ извѣстно, что дѣти мои—внуки родной сестры украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, Ирины Григорьевны Бойко. Извѣстно также и то, что я воспитывала своихъ дѣтей на средства, жертвуюмыми почтателями покойнаго поэта. Какъ ни тяжело мнѣ было воспитывать моихъ дѣтей, но я угѣшала себя надеждой, что сынъ мой скоро окончить курсъ семинаріи и будетъ под-

держкой мой старости, такъ какъ онъ всегда утѣшалъ меня, въ чемъ я винчуть не сомнѣвалась, потому что учился онъ очень хорошо и притомъ унаслѣдовалъ талантъ своего дѣдушки Т. Г. Шевченка. Но Господь Всемогущій иначе распорядился, давъ мнѣ крестъ нести и новый. И вотъ единственный мой сынъ, единственная моя надежда въ будущемъ и отрада, теперь находится въ киевскомъ Кирилловскомъ богоугодномъ заведеніи душевно-больныхъ. Старшая моя дочь тоже лечится въ клинике, а младшая воспитывается въ кременецкомъ епархиальномъ училищѣ, за право ученія которой я должна 90 рублей. Если я не уплачусъ слѣдуемый долгъ до Пасхи, то дочь мои будетъ уволена изъ училища. Я слышала,—не знаю, насколько это вѣрно,—что въ Кіевѣ будетъ вечеръ, посвященный памяти Шевченка: я прошу васъ, г. редакторъ, не отказать въ моей просьбѣ—объявить въ редактируемой вами газетѣ о нашемъ положеніи. Можетъ быть, присутствующіе на вечерѣ почитатели памяти покойнаго Шевченка и вообще добрые люди великодушно отнесутся къ положенію внука его родной сестры, а моихъ дѣтей, и окажутъ посильную помощь, хотя бы на уплату за право ученія моей дочери 90 рублей».

Насколько намъ известно, вѣкоторые изъ почитателей таланта Т. Г. Шевченка—въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и друг. мѣстахъ откликнулись на этотъ призывъ. Желательно было бы, чтобы извѣстіе о бѣдственномъ положеніи родственниковъ поэта дошло до свѣдѣнія какъ можно большаго числа почитателей кобзаря.

Отчетъ о вечерѣ въ Петербургѣ въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Т. Г. Шевченка. По сообщенію Правленія общества имени Т. Г. Шевченка, 16 марта съ вечера въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченка за проданные билеты поступило 1405 руб. 20 коп., за афиши—20 руб., кромѣ того отъ г-жи Е. А. Муркенъ, бесплатно украсившей бюстъ Т. Г. Шевченка, поступило вырученныхъ ею отъ продажи цвѣтовъ 43 руб., а всего 1468 р. 20 к. Расходовъ по устройству вечера было 485 р. Такимъ образомъ чистаго остатка поступило въ кассу общества 983 руб. 20 коп. (С.-Цетерб. Вѣдом. № 80).

Животрепещущій вопросъ. Газета «Волынь», говоря о положеніи языковъ инородческихъ въ Россіи, совершенно основательно и резонно указываетъ на венormalное положеніе цѣлой вѣты русскаго языка, языка малорусскаго.

«Не смотря на то, что этотъ языкъ отчасти приближается къ русскому, но ребенокъ до поступленія въ школу ни слова не знаетъ по-русски, и учителю, если онъ не малороссъ, приходится чрезвычайно туго при исполненіи своихъ обязанностей. Какъ ни старайся учитель, какой-бы педагогической опытностью онъ ни обладалъ, но совершенно обойтись при обученіи безъ помощи родааго дѣтамъ малорусскаго языка ему невозможно. Недопущеніе же учебниковъ на этомъ языкѣ, хотя бы для низшихъ группъ учащихся, въ концѣ-концовъ, неблагопріятно отражается на знаніяхъ дѣтей. Но вотъ ребенокъ прошелъ уже положенный курсъ въ школѣ грамоты или даже министерской, а все-таки знаніе русскаго языка у него далеко еще недостаточно для того, чтобы продолжать свое умственное развитіе исключительно по русскимъ книгамъ. И здѣсь неограниченное допущеніе переводовъ русскихъ авторовъ на малорусскій языкъ сыграло бы огромную роль. Вѣдь, если имѣть въ виду одну только конечную и единственно важную цѣль виѣшкольного образованія—поднятіе культурнаго и умственнаго уровня населенія, то съ этой точки зрѣнія представляется почти безразличнымъ, на какомъ языкѣ оно совершиится. И ужъ, во всякомъ случаѣ, это произойдетъ скорѣе, если народный языкъ того или иного окраиннаго населенія будетъ уравненъ въ гражданскихъ правахъ съ общегосударственнымъ».

„Уѣздная консерваторія“. Намъ сообщаютъ о симпатичномъ предпріятіи, начатомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ всякихъ материальныx средствъ и обязанномъ своимъ существованіемъ исключительно усилиямъ и энергіи одного почтеннаго дѣятеля. Собиратель малорусскихъ пѣсенъ и бывшій профессоръ петербургской консерваторіи, Александръ Ивановичъ Рубецъ, потерявъ зрѣніе, поселился въ Стародубѣ и открылъ въ этомъ городѣ курсы, которые онъ въ шутку называетъ «консерваторіей» и которые, дѣйствительно, представляютъ собою нѣчто въ родѣ уѣздной консерваторіи. Здѣсь бесплатно для всѣхъ желающихъ преподается пѣвіе, хоровое и сольное, и игра на

разныхъ инструментахъ. Занимаясь съ своими учениками ежедневно отъ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера, энергичный труженикъ не оставляетъ ихъ своими попеченіями и по прохожденію ими у него курса, если они отличаются хорошими музикальными способностями: пользуясь своими связями съ музыкальнымъ міромъ Петербурга, онъ уже помѣстилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ въ хоръ Петербургской оперы, а другихъ, для довершенія музикального образования, устроилъ въ Петербургской консерваторіи на благотворительныя суммы. Обращаемъ на эти курсы вниманіе всѣхъ, для кого безвозмездные уроки А. И. Рубца могли бы быть полезны.

Національно-политическая дѣятельность галицкихъ русинъ. 25 марта и. с. въ помѣщении «Русской Беседы», во Львовѣ, открылись засѣданія областного съѣзда галицко-русскихъ національ-демократовъ. Делегатовъ съѣзда явилось свыше 100 человѣкъ, большинство которыхъ—крестьяне. Главнымъ образомъ съѣздъ занимался вопросомъ о предстоящихъ сеймовыхъ выборахъ. Принято рѣшеніе—выступить на выборахъ по возможности общими силами, совмѣстно съ русскими (русинскими) оппозиціонными и польскими партіями. Веденіе переговоровъ съ упомянутыми партіями рѣшено поручить независимымъ русскимъ депутатамъ вѣнскаго рейхсрата. Продолжительные дебаты вызвалъ вопросъ о поведеніи русскихъ депутатовъ въ общеимперскомъ парламентѣ. Докладывалъ депутатъ Романчукъ. Принято съ удовольствіемъ къ свѣдѣнію, что независимые русские депутаты образовали русскій клубъ, и что къ этому клубу присоединились также русско-буковинскій депутатъ Василько и, въ качествѣ «гостя», оппозиціонный, а отчасти русскимъ народомъ избранный польскій депутатъ Брайтеръ, и что этотъ клубъ имѣть своихъ представителей во всѣхъ парламентскихъ комиссіяхъ.

Затѣмъ д-ръ Левицкій докладывалъ предложеніе центрального бюро объ основаніи русской популярной газеты. Эта газета должна имѣть своимъ назначеніемъ воспитаніе и политическое образованіе народа, вслѣдствіе чего она должна затрагивать всѣ жизненные вопросы (въ особенности политическіе и экономическіе) и писать про этомъ горячо и остро.

Въ заключеніе засѣданія, съѣздъ выбралъ новый комитетъ народной демократической партіи, въ составъ которой вошли Ромацукъ—предсѣдателемъ комитета и Борковскій—товарищемъ предсѣдателя. (С.-Петерб. Вѣд., № 77).

Дѣятельность Наукового Товариства ім. Шевченка въ 1900 году. Львовское общество имени Шевченка обнародовало интересный отчетъ о дѣятельности своей въ 1900 году, изъ которого извлекаемъ слѣдующія данные:

Дѣйствительныхъ членовъ въ отчетномъ году общество насчитывало 34, которые распредѣлялись на три отдѣла—историко-философскій, филологическій, математическо-естественный, а также по комиссіямъ: юридической, археологической и этнографической. Состоялось въ общемъ 45 научныхъ засѣданій, въ которыхъ было прочитано и обсужденено 30 болѣе крупныхъ трудовъ, появившихся заѣмъ въ „Записках Товариства“ или же въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Если принять во вниманіе, что весь капиталъ общества чрезвычайно малъ и что главнымъ источникомъ его доходовъ являются типографія, членскіе взносы и добровольныя пожертвованія въ 14000 кронъ правительственной субсидіи, то изъ приведенныхъ ниже цифръ можно вывести весьма лестныя заключенія о распорядительности лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія. Такъ, изданіе «Записок Товариства» стоило 9,000 кронъ, изданіе вышеупомянутыхъ отдѣловъ 5,200 кронъ, изданія этнографической комиссіи 6,000 кронъ, археографической 3,200 кронъ, юридической 2,400 кр., исторической библіотеки 1,250 кр., наконецъ изданіе «хроники» общества 1,600. Такимъ образомъ, научныя изданія стоили въ общемъ 28,650 кронъ, т. е. слишкомъ вдвое больше того, что составляетъ субсидія. На эти деньги издано 38 томовъ большихъ сочиненій въ количествѣ 25,300 экземпляровъ и множество мелкихъ книжекъ и брошюръ. Въ научномъ отношеніи изъ этихъ изданій выдѣляются три тома «Історія України - Руси», написанной профессоромъ Грушевскимъ, далѣе VII и IX томы «Этнографичного збірника» и III томъ «Матеріалів для українсько-русської этнології», редактируемые гг. д-ромъ Иваномъ Франкомъ, д-ромъ Федоромъ Бóвкомъ и В. Гнатюкомъ. Кромѣ расходовъ на эти изданія, общество израсходовало на стипендія и вспомо-

ществованія 2,700 кронъ, на этнографическихъ эксперсіи 1,000 кронъ и на администрацію 5,300 кронъ. При обществѣ существуютъ богатая библіотека, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ, интересный национальный музей, а также издается единственный русинскій научно-литературный журналъ «Літературно-Науковий Вістник».

Коммісія по описанію древностей України. Коммісія по описанію древностей України образовалась послѣ XI археологического съѣзда въ Кіевѣ при историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Предсѣдатель предварительного комитета предстоящаго въ Харьковѣ XII археологического съѣзда, графиня Уварова, возбудила ходатайство о разрѣшениі этой коммісіи разослать, черезъ посредство инспекторовъ народныхъ училищъ кіевского учебнаго округа, учителямъ и учительницамъ народны тъ училищъ запросы о находженіи въ ближайшихъ къ нынѣ мѣстахъ городищъ, кургановъ, древнихъ сооруженій, построекъ или развалинъ, съ тѣмъ, чтобы учителя дали на эти запросы соотвѣтствующіе отвѣты. Въ настоящее время въ округѣ уже получено разрѣшеніе министерства народного просвѣщенія удовлетворить ходатайство графини Уваровой, и запросы разосланы. (Бирж. Вѣд., № 82).

Такіе же запросы разосланы, съ разрѣшениемъ духовныхъ властей, при посредствѣ кіевской Духовной Консисторіи, и всѣмъ священникамъ Кіевской епархіи. Въ настоящее время въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца начинаютъ уже поступать отвѣты на запросы.

Этнографическая командировка въ Харьковскую губернію. Петербургское этнографическое общество командируетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Харьковскую губернію нѣсколько пѣвцовъ и музыкантовъ, для записыванія малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. (Правд. Край, № 1160).

Проектъ выкупа о-ва Хортицы. Письмомъ въ редакцію «Вѣстника Козачьихъ Войскъ» г. Коноваловъ поднимаетъ вопросъ о вы-

купъ острова Хортицы,—гнѣзда Запорожья,—нынѣ заселенаго колоніями нѣмцевъ-колонистовъ. По мнѣнію автора, починъ въ этомъ дѣлѣ должны взять на себя кубанцы, какъ прямые потомки запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что основаніе богатства войскового капитала кубанского войска положено, какъ говорятъ, вывезенными изъ Сѣчи денежными суммами, а потому справедливо было бы нынѣ употребить нѣкоторую долю ихъ на это святое дѣло. Главнымъ же образомъ, конечно, надо разсчитывать на средства, которыхъ собираются путемъ добровольныхъ пожертвованій какъ во всѣхъ козачьихъ войскахъ, такъ и, быть можетъ, среди бывшихъ малороссийскихъ козаковъ (губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской). Что же касается назначенія, которое должно быть дано выкупленному у колонистовъ острову, то отчего-бы,—спрашиваетъ г. Коноваловъ,—въ память заслугъ Запорожской Сѣчи, сослужившей свою историческую службу для всей Россіи, не устроить на о. Хортицѣ какое-нибудь русское общеполезное образовательное учрежденіе, какъ напримѣръ, высшее сельско-хозяйственное училище, благо по географическому своему положенію и климату, островъ Хортица соотвѣтствуетъ большинству районовъ земель козачьихъ войскъ, съ стипендіями для дѣтей козаковъ и потомковъ запорожцевъ, или другое какое-либо подходящее учрежденіе, а тутъ же одновременно позабочиться о собраніи и охраненіи остатковъ запорожской старины—въ бывшей колыбели Запорожья...

БИБЛІОГРАФІЯ.

Т. Г. Шевченко, піввець України и Запорожья. [1814—1861].
Очеркъ В. П. Краухфельда. Съ портретомъ и 8 іллюстраціями
въ текстъ. С.-Петербургъ, стр. 1—64, in 8º. Изданіе «Вѣстника
Казацьихъ войскъ».

До сихъ поръ мы имѣли нѣсколько іопулярныхъ брошюре о Шевченкѣ, какъ то: изданіе Павленкова, Вѣтранскаго, Яковенка, А—ра, Кулабки—на русскомъ языке; на днахъ вышло еще двѣ брошюры—на украинскомъ языке—одна въ Петербургѣ, другая въ Кіевѣ. Наконецъ, передъ нами лежитъ еще одна брошюра, изданная въ качествѣ приложенія къ новой еженедѣльной общественной, политической и литературной газетѣ «Вѣстникъ Казацьихъ войскъ», выходящей въ Петербургѣ.

Первое преимущество данной брошюры передъ другоми заключается въ томъ, что при составленіи ея авторъ принялъ въ разсчетъ, помимо многихъ другихъ источниковъ, и наиболѣе полную біографію Шевченка, составленную покойнымъ А. Я. Конисскимъ. Затѣмъ, послѣ довольно обстоятельной передачи фактовъ тяжелой жизни поэта, начинай съ дѣтскихъ лѣтъ и до послѣдней минуты, авторъ удѣляеть немало мѣста разбору произведеній поэта, что дѣлаютъ далеко не всѣ біографы Шевченка; этому разбору имъ посвящено двѣ самостоятельныхъ главы. Въ первой изъ нихъ, послѣ краткаго отзыва объ общемъ содержаніи произведеній поэта, разсматривается, на сколько, и въ какомъ видѣ отразилась украинская исторія въ этихъ

произведеніяхъ:—герои XVI и XVII в.в., состояніе Малороссіи въ срединѣ XVIII в., гайдамаки, втоги гайдамачини; далѣе, насколько Шевченко сознавалъ практическую потребность въ твердомъ знаніи вообще исторической жизни родины, а героическихъ ея моментовъ въ особенности; какія противорѣчія, замѣчаемыя Шевченкомъ въ современномъ ему общественномъ строѣ, становятся его постоянной темой.

Во второй главѣ авторъ касается вопросовъ о простотѣ и силѣ стиховъ Шевченка, о такъ называемыхъ «декоративныхъ украшенияхъ» (сыне море, широкій Дніпръ, степъ, могилы, камни, тоцоля, явиръ, верба, барвинокъ), объ основныхъ мотивахъ у Шевченка (грусть и гнѣвъ, любовь къ родинѣ), о лирическихъ отступленіяхъ въ его крупныхъ произведеніяхъ, наконецъ о томъ, что содержаніе и форма стиховъ Шевченка «слиты такой прочной спайкой, разрушить которую невозможно».

Въ послѣдней (3-ей второго отдѣла) главѣ, авторъ подводить общіе итоги значенія Шевченка для великого россіи, а въ особенности для культурной жизни Малороссіи.—«Тамъ» (на родинѣ) онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія человѣка образованаго, культурнаго, отъ массы населенія, и создалъ поэзію, одинаково дорогую, одинаково доступную для всей Украины, какъ бы высоко ни поднимался онъ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ».

Брошюра, написанная, несомнѣнно, человѣкомъ дорожающимъ именемъ поэта и интересами родного поэту народа, даетъ яркое представление о жизни и великомъ значеніи поэта для этого послѣдняго; при характеристикахъ произведеній, по возможности, приводится подлинныя выраженія изъ нихъ. Замѣтимъ только, что, говоря объ основныхъ настроеніяхъ музы Шевченка (стр. 57), авторъ напрасно ссылается на стихотвореніе «До сестры» и беретъ оттуда выдержку: это стихотвореніе, должно приписываться Шевченку, въ послѣднемъ изданіи «Кобзаря»—«Кievsk. Stariny» (1899)—исключено, какъ не принадлежащее ему.

Къ брошюре приложенъ недурной портретъ Шевченка въ шапкѣ, съ литографіей А. Э. Мюнстера, а въ текстѣ и на нижней половинѣ обложки неизвѣсное донынѣ изображеніе Шевченка въ военному костюму, марширующаго, со штыкомъ въ лѣвой(!) руцѣ. Происхожденіе этого портрета приписывается, какъ намъ пришлось слышать, иѣкоему ротному командиру въ Новопетровскомъ укрѣпленіи В. И.

Воронцову, бывшему, будто бы, съ Шевченкомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но, кажется, не только ротнаго командира, но и вообще никого изъ знакомыхъ Шевченка по Новочетровскому укрѣщенію — съ такимъ именемъ мы нигдѣ не встрѣчали. По крайней мѣрѣ, въ наиболѣе полной біографіи Шевченка, А. Конисскаго — такой фамиліи нѣтъ.

Кромѣ того, въ текстѣ помѣщены рисунокъ хаты, гдѣ прошелъ лѣтство Шевченко (изъ книги А. Конисскаго), Новочетровское укрѣщеніе (изъ «Кievsk. Старинъ»), Шевченко по возвращеніи изъ ссылки (изъ книги А. Конисскаго), а также 4 своеобразныхъ, чтобы не сказать больше, рисунка покойнаго Микѣшина къ «Наймичкѣ», «Причынной», «Катерынѣ» и «Думы моя, думы».

Издание брошюры В. И. Краухельда можно привѣтствовать, какъ весьма желательное и полезное въ ряду популярныхъ книгъ о Шевченкѣ.

В. Д.

Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полтава, 1900, 8°, 35 стр.

Вышеназванная брошюра является очень своевременной. Гибель памятниковъ церковной старины, небрежное отношеніе къ нимъ — стали избитымъ мѣстомъ. Въ печати очень часто можно встрѣтить факты огульного истребленія старины, но большинство ихъ совершается въ тоша нашихъ захолустьевъ — свѣдѣнія о нихъ не доходятъ. Устройство церковно-археологическихъ музеевъ немного подвигнуло впередъ дѣло охраны и сохраненія: музеи (оговариваются — не все) въ большинствѣ случаевъ играютъ лишь пассивную роль: принимаютъ то, что дарятъ, — такимъ путемъ многаго не соберешь.

О. Василій Романовъ прекрасно ознакомленъ съ положеніемъ дѣла. — Его брошюра — воззвание, проникнутое сорьезныи желаніемъ помочь дѣлу. Понидимому, мало надѣясь на то, что задачи въ цѣли науки тронутъ наше приходское духовенство (послѣднее авторъ и пишетъ въ виду), авторъ ставитъ вопросъ на утилитарную почву: путемъ знакомства съ прошлымъ данной мѣстности, храма, съ духовной стороной паства, хранящей много пережитковъ, облегчается служеніе священника.

Брошюра даетъ рядъ указаній, послѣдовательно намѣчаетъ тѣ стороны, на которыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Изложеніе ведется просто, безъ излишнаго пафоса, снабжено примѣрами; чувствуется любовь къ дѣлу.

Памятники церковной старины авторъ разбиваетъ на четыре группы: 1) вещественные—храмы, сооруженія при нихъ и церковная утварь; 2) письменные—книги, бумаги, надписи; 3) устные—преданія и рассказы о предметахъ церковнаго изѣдѣвія, передаваемые изъ глубокой старины и 4) жизненные—религіозные обряды, обычай, отношенія къ религіи и ея предметамъ. Для изученія всего этого, для того, чтобы дать возможность желающему приступить къ дѣлу, намѣчены четыре «ступени». Первая—собственно изученіе. По этому поводу авторъ замѣчаетъ: «приходскими настырами, которые въ приходѣ большую частію бываютъ не мѣстными уроженцами, а пришельцами со стороны, было бы очень полезно предварительно знать хоть главнѣйшия черты и особенности своего прихода, чтобы съ первого вступленія на приходъ цѣлесообразно направлять свою дѣятельность и не впадать въ горькія ошибки, которая иногда бываютъ непонравивши и приносить весьма плачевые результаты. Отсюда и вытекаетъ первая необходимость изучить въ каждомъ приходѣ церковную старину по материаламъ, имѣющимся, какъ въ мѣстной церкви, такъ и вѣвъ ея, т. е. изучить исторію и черты мѣстной, какъ собственно церковной, такъ и вообще религіозной и духовно-нравственной сферы». Вторая ступень—занимься материалами, третья—взаимный обменъ путемъ печати добытыми материалами; послѣдняя стадія—обработка и сводка материала въ видѣ приходской лѣтописи. Въ дальнѣйшемъ, авторъ останавливается на каждомъ изъ видовъ намѣченныхъ имъ памятниковъ, классифицируетъ ихъ и даетъ указанія для описанія, не сходя все время съ точки зрѣнія полезности такой работы.

Заканчивается брошюра указаніемъ ва нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся охраны старины; такъ напр., приводится указъ Синода еще николаевскихъ временъ: «Подтвердить всѣмъ преосвященнымъ Архіереямъ печатными указами: дабы нигдѣ ни подъ какимъ предлогомъ, въ древнихъ церквяхъ не дозволять ни малѣйшаго исправленія, возобновленія и измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени, а всегда испрашивалось на то разрешеніе отъ Святѣйшаго Синода,—кто слѣдить за тѣмъ, какъ у

насть «реставрируются» церковные памятники даже въ большихъ центрахъ, тотъ, сопоставивъ съ фактами этотъ указъ, можетъ только развестъ руками... Указываетъ о. Романовъ также и на одно изъ позднѣйшихъ распоряженій (1890 г.)—о составленіи описей старинныхъ предметовъ,—какъ намъ известно по опыту, почти ни въ одной изъ приходскихъ церквей такихъ описей не ведется...

Если бы настоящій призывъ о. Романова возымѣлъ хотя какоенибудь дѣйствіе, если бы на него отозвались хотя немногіе, то и тогда было бы сохранено для науки много новыхъ фактовъ. Говоримъ «для науки», такъ какъ, помимо практическихъ цѣлей, программа о. Романова имѣетъ прямое отношеніе и къ церковной археологии и къ этнографіи. Но что-то плохо вѣрится въ эту отзывчивость...

Н. В.

- 1) *Лыхъ зъ горилкою! (Правдыве оповидання.—Пьянцы). Москва, 1901, стр. 1—31. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. Ц. 3 коп.*
- 2) *М. О. Островскій. Вирне средство отъ пьянства и запоя. Рассказъ Малоросса. Житомиръ, 1901, стр. 1—32, in 8°. Ц. 20 коп.*

Въ украинской популярной литературѣ, по одному изъ наиболѣе серьезныхъ и тяжелыхъ вопросовъ въ народномъ быту, по вопросу о пьянствѣ и способахъ избавленія отъ него, появилось въ послѣднее время нѣсколько брошюръ. Еще въ 1898 г. въ Бердичевѣ была издана г. Острожинскимъ популярная брошюра «Ный, та дило розумій!», съ указаніемъ, между прочимъ, на всѣ тѣ ужасы, которые предстоитъ испытать „въ пекли“ любителямъ «монопольки»; затѣмъ въ Черниговѣ въ 1899 г. вышло въ свѣтъ очень полезное изданіе: «Лыхий ворогъ», гдѣ вполнѣ научно и въ то же время вполнѣ просто и удобовонятно приводятся данныя, иллюстрирующія весомынійный вредъ для организма отъ излишнаго употребленія алкоголя. Теперь передъ нами лежать двѣ брошюры подъ приведенными въ началѣ заголовками. Первая изъ нихъ—«Лыхъ зъ горилкою»—заключаетъ въ себѣ два рассказа, оба на тему о томъ, до чего можетъ довести человѣка водка. Первый—«Правдыве оповидання», герой котораго Мыкита Бурлій, пьянизовавшій смолоду, сначала никакъ не могъ

Томъ 73 — Май, 1901.

П-3

найти себѣ подруги жизни, а затѣмъ, когда ему удалось жениться, по прежнему продолжалъ пьянствовать, пока на него однажды, въ первый день Рождества, нашло внезапное просвѣтленіе: онъ устыдился самого себя и поклялся никогда больше не пить, что и исполнялъ неукоснительно до самой своей смерти. Раасказъ не производить впечатлѣнія художественности, но и не заслуживаетъ ни въ чёмъ упрековъ, являясь простой записью правдиваго, надо думать, разсказа, не представляющаго однако ничего типичаго.

Второй разсказъ «Пьяница», принадлежащій перу извѣстной писательницы Ганны Баринокъ (Кулишъ), носить на себѣ печать художественности, раскрывая передъ читателями тяжелую семейную драму, созданную мужемъ-пьяницею. Въ довершеніе всего, исходъ драмы не столь благопріятенъ, какъ въ первомъ разсказѣ: виновникъ семейного горя, Панасть, возвращаясь въ пьяномъ видѣ изъ шинка, внезапно умираетъ «сидѣ тыномъ». Этотъ разсказъ, чесомнѣяно, оставляетъ въ душѣ читателя нѣкоторый осадокъ не своей, бывающей по первамъ, формой, «очевиднымъ тяжелымъ безысходнымъ положеніемъ вещей, обвязаннымъ одному лишь злоупотребленію водкой.

Жаль только, что брошюра набрана мелкимъ шрифтомъ, совершенно не пригоднымъ для народнаго чтенія.

Другая брошюра „Вирне средство отъ пьянства и запоя“ М. О. Островскаго,—содержаніемъ которой служить разсказъ испытавшаго на себѣ всѣ бѣдствія отъ запоя, представляетъ довольно оригинальное явленіе. Начинается оно тѣмъ, что авторъ его, нѣкій Иванъ Пьянчевскій, ополчается противъ больницъ для алкоголиковъ въ городахъ на томъ основаніи, что сіѣтъ то може быти, щобъ запой и пьянство—булы слабость, та ще и наследованная отъ батькивъ. Не варю я цѣму и никогда на повилю... Не вирте и вы, хлощи, а отъ лучче послухайте, якъ я самъ себе выкуровавъ отъ пьянства и запоя», и затѣмъ разсказываетъ, доисконо остроожно и живо, какъ вся жизнь крестьянина, при желчиіи, можетъ быть обращена въ сплошное выпиваніе; какъ онъ расился въ, женившись, продолжалъ пьянствовать; какъ возила его жена къ заихаривѣ, которая, оказалось, и сама не промахъ выпить, какъ онъ дошелъ, наконецъ, до того, что укралъ у сосѣда взъ клуни мѣшокъ пшеницы и сосѣдъ его поймалъ на мѣстѣ преступлениія, но по ласкотѣ сердечной повернулъ это дѣло такъ, будто Иванъ одолжилъ у него эту пшеницу, и какъ Иванъ, съ этого момента, начинаетъ отвыкать отъ водки, пока совершенно не отвыкъ

и не сталъ честнымъ и трудолюбивымъ хозяиномъ. «Вирче» же средство, къ которому онъ прибегалъ для этой цѣли и которое совѣтуетъ всѣмъ, оказывается довольно простымъ: перестать пить.... Рассказъ, какъ уже было упомянуто выше, написанъ очень живо и остроумно, но не безъ утрировки въ самомъ изложеніи и не безъ нѣкоторыхъ неправдоподобностей. Такъ, напримѣръ, по словамъ рассказчика, когда онъ пересталъ пить и уничтожилъ священный, въ вѣкоторомъ родѣ, обычай выливки при всевозможныхъ «оказіяхъ», люди его села «дымялись на мене, та й соби перестали сиравлять оказіи; перше по-троху пылы горилку, а дали й зовсімъ перестали пить». Намъ думается, что это—несомнѣнное увлеченіе автора, желавшаго какъ можно реальнѣе представить благотворные результаты вліянія своей личности на окружающую среду. Затѣмъ, въ самомъ изложеніи, носящемъ на себѣ слѣды особенностей волынского говора, нерѣдко попадаются излишнія *bons mots*, какъ: „легкоголыкы“ (алкоголики), „легкогольна больныца“, употребленіе «шансъкъ» словъ—«композія», „слинатычне средство“. Неизвѣстно также, почему авторъ считаетъ пужнымъ дѣлать примѣчанія по-русски, равнымъ образомъ и заставляетъ священника говорить на этомъ языкѣ съ крестьянами.

Вообще же брошюра оставляетъ по прочтенію довольно пріятное впечатлѣніе. Жаль только, что самое «средство» отъ зацоя, какъ оказывается—столь незамысловатое, стоитъ такъ дорого—цѣлыхъ 20 коп.!

В. Д.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Издание С. Скирмунта. Москва, 1901, стр. I—VII, 1—589
Цѣна 3 р. 50 коп.

Въ Москвѣ вышло цѣллое изданіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ, содержащее 253 краткихъ біографіи п столько же портретовъ русскихъ писателей, отъ Кантемира и до нашихъ дней. Біографіи, содержащія краткія свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности писателей, спабжены, по возможности, характеристикой, въ которой указывается лишь на то, въ чёмъ проявлялась дѣятельность писателей, и какое мѣсто занимаетъ каждый писатель въ рус-

ской литературѣ. Встрѣчаемъ здѣсь и нѣсколько украинскихъ писателей—повидимому тѣхъ, которые писали также и по-русски. Такимъ образомъ, въ данную галлерею вошли Шевченко, Квітка-Основянинко, Гребенка, Марко-Вовчокъ (Марковичъ), Костомаровъ, Мордовцевъ... да и только. Невольно нарашивается вопросъ: гдѣ же Котляревскій и Кулишъ, если ужъ не упоминать о другихъ? Увы, ихъ нѣтъ, несмотря на то, что, напримѣръ, Кулишъ несомнѣнно больше писалъ по-русски, чѣмъ по-малорусски, а Котляревскій является родоначальникомъ художественной украинской литературы. Правда, редакція сборника въ предисловіи оговариваетъ, что причинъ неупомѣщенія нѣкоторыхъ писателей въ „Галлерею“ четыре: невозможность достать нѣкоторые портреты; поздняя доставка ихъ редакціи; желаніе дать возможно большее количество изображеній современныхъ авторовъ и, наконецъ—необходимость ограничиться опредѣленнымъ числомъ портретовъ. Тѣмъ не менѣе, кажется, что ни одна изъ вышепомянутыхъ причинъ неумѣстна по отношенію къ Котляревскому и Кулишу, сыгравшимъ слишкомъ значительную роль въ исторіи литературы.

Обратимся теперь къ портретамъ и біографіямъ тѣхъ шести малорусскихъ писателей, которые внесены редакціей „Галлереи“ въ сборникъ. Шевченко снабженъ сравнительно большой (болѣе 1 страницы) біографіей и прекраснымъ портретомъ (найденнымъ въ минувшемъ году въ С.-Петербургѣ); портреты Основянинка и Гребенки—извѣстны,—первый напр., былъ помѣщенъ въ 1893 году въ «Кіевской Старинѣ», а второй запечатанъ изъ сборника „Ластівка“). Біографія Марка-Вочки (Марії Александровны Марковичъ)—не представляетъ ничего новаго, т. к. въ ней нѣтъ почти ничего біографического, за то портретъ, изображающій ее еще въ молодости, является совершенной новинкой. Костомаровъ изображенъ старикомъ съ щѣдой бородой,—съ портрета, помѣщенного въ «Кіев. Стар.» въ 1895 году. Наконецъ, Мордовцевъ представленъ сидящимъ въ креслѣ,—очевидно, съ позднѣйшаго снимка.

Вотъ и все, что попало изъ нашей украинской литературы въ «Галлерею русскихъ писателей». Конечно, немного всего этого, но будемъ благодарны и за то, что есть. Даже сравнительно значительная цѣна (3 р. 50 к.), если принять во вниманіе огромныя затраты на воспроизведеніе $2\frac{1}{2}$ сотенъ клише, не должна показаться через-мѣрной.

В. Д.

Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ XVI.
Вып. 2-й. Кіевъ, 1900 г., №^o, CCXII+ съ 241 по 496 стр.

Отмѣтимъ нѣкоторыя сообщенія въ статьи этого тома: 1) *П. Я. Армановскою*.—О геологическомъ строеніи окрестностей м. Корсуня; 2) *Ею же*.—О Трошинской буровой скважинѣ; 3) *Ею же*.—Къ геологіи Киева; 4) *К. Жука*.—О градѣ, выпавшемъ $\frac{10}{22}$ сентября 1897 г. въ с. Сальковѣ, Полтавской губ., Переяславского уѣзда; 5) *Г. А. Радкевича*.—О фаунѣ мѣловыхъ песковъ и песчаниковъ Подольской губ.; 6) *А. Г. Ракочи*.—О растительности нѣкоторыхъ болотъ Черниговской губ.; 7) *В. Е. Тарасенко*.—Объ эффузивной горной породѣ изъ Липовецкаго уѣзда, Киевской губ.; 8) *Д. А. Тутковскою*.—О лесѣ Луцкаго уѣзда; 9) *Ею же*.—Микрофауна спондиловой глины изъ Черниговской губ. (буровая скважина на станціи Бобровицѣ); 10) *Ею же*.—О нѣкоторыхъ новыхъ колодцахъ въ Киевѣ; 11) *Ею же*.—Фораминиферы изъ буровой скважины въ с. Денисовкѣ, Лубенского уѣзда, Полт. губ.; 12) *Ею же*.—Новое глубокое буреніе въ Киевской губ.; 13) *Ею же*.—Нѣсколько словъ о кievской спондиловой глине и оматитовыхъ пескахъ; 14) *Н. В. Циммера*.—Весенняя флора южной части Полтавской губ.; 15) *Г. А. Радкевича*.—О нижнетретичныхъ отложеніяхъ окрестностей Канева; 16) *Д. А. Тутковскою*.—Библіографический указатель литературы по ископаемымъ и нынѣ живущимъ фораминиферамъ (1888—1898).

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы:

1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Историческій Вѣстникъ, № 4; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 4; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 6) Вѣстникъ Европы, № 4; 7) Русская Мысль, № 4; 8) Научное Обозрѣніе, № 4; 9) Книжки Восхода, № 4; 10) Літературно-Науковий Вістникъ, № 4; 11) Ateneum, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 3; 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 3; 16) Міръ Божій, № 4; 17) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3; 18) Slovansky prѣhled, № 7; 19) Kwartalnik Historyczny № 1.

Русский Архивъ, № 4.

А. П. К. Императоръ Николай Первый въ Южной Бессарабии (стр. 638—645). Упоминается о томъ, что въ маѣ мѣсяца 1828 г., во время войны съ Турцией, Императоръ Николай прибылъ въ Измаиль, „гдѣ находилась главная квартира государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: русской и Запорожскихъ козаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ Турская владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ недра своего отечества“. По прибытіи въ Измаиль, императоръ, 19 мая осмотрѣвъ въ караванѣ Запорожцевъ, простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ кошевому Осипу Гладкому золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. «Богъ вѣасть простить, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что вы за люди», сказавъ государь кошевому, и затѣмъ повторилъ всему составу Сѣчи.

Въ примѣчаніи (стр. 644—645) упоминается о храмѣ (къ со-
жалѣнію, не указанъ ясно puntъ), сооруженномъ Запорожцами въ
память выхода ихъ изъ Турскихъ владѣній: Въ этомъ храмѣ сохра-
нилась и донынѣ надпись: «Въ царствованіе благочестивѣшаго,
самодержавнѣшаго великаго государя императора Николая Павло-
вича вселой Россіи, сооруженъ храмъ сей иждивенiemъ всѣхъ обществъ
Задунайскихъ переселенцевъ, въ память выхода ихъ изъ Турскаго
владѣнія подъ Россійскую державу, и освященъ преосвященнымъ
Димитріемъ, архіепископомъ Киприаневскимъ и Хотинскимъ и кавале-
ромъ, въ теченіе 15, 16 и 17-го чиселъ мѣсяца Октября 1838».

Русская Старина, № 4

П. П. Россія и папскій престолъ (перев. съ французскаго).
Глава I—II (стр. 83—118). Это интересное изслѣдованіе о Дмитріи
Самозванцѣ въ главѣ 2-й очень живо разсказываетъ о времени по-
явленія Дмитрія на Волыни у Вишневецкаго и о докладѣ послѣд-
ниаго королю о судьбѣ спасеннаго царевича, а также о появленіи
его еще раньше въ Кіевѣ и въ Гощѣ.

Бердичевъ въ сорокаыхъ годахъ; сообщ. А. Мѣрдеръ. (стр. 119—
121). Въ 1843 году пѣкоторые изъ жителей Бердичева возбудили
ходатайство объ обращеніи сего мѣстечка въ городъ. Генераль-губер-
наторъ Бибиковъ по этому поводу вошелъ съ представленіемъ не о
переименованіи Бердичева изъ мѣстечка въ городъ, а о перечислевіи

его въ Махновскій уѣздѣ, кіевской губерніи, при чмъ вмъ сдѣлана была характеристика прежняго и современяго ему Бердичева. Эта характеристика и составляетъ главное въ замѣткѣ г. Мѣрдера.

Ізмѣна Мазепы; сообщ. М. К. Марченко (стр. 151—152). Сообщается: 1) письмо князя Матвѣя Гагарина къ кн. А. Д. Меншикову (23 февр. 1708 г.); 2) отрывокъ изъ письма Петра Салтыкова къ кн. А. Д. Меншикову.

Історическій Вѣстникъ, № 4.

Въ Таврію за волей (воспоминанія очевидца) А. А. Романова (стр. 264—273). Разсказанъ одинъ эпизодъ изъ движениія крестьянъ екатеринославской и херсонской губ. въ 1856 году, когда крестьяне, возбужденные какими-то темными слухами, толпами двинулись въ Крымъ получать волю отъ царя. Разсказанный г. Романовымъ эпизодъ передаетъ случай, какъ кулачное воздействиѣ нѣкоего Фрола Ивановича Демьяновскаго, письмоподителя станового пристава, пріостановило во многихъ мѣстахъ это движеніе.

Некрологъ извѣстнаго галицко-русскаго писателя и общественнаго дѣятеля А. И. Добрянского, скончавшагося 9 марта 1901 года на 98-мъ году жизни (стр. 416).

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 4.

Лже-Павелъ Петровичъ и наша самозванщина. Е. А. Витте (стр. 105—116). Этотъ небезинтересный эпизодъ, относящийся къ 1783 году, разсказанъ авторомъ на основаніи документовъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и раскрывающихъ одну страничку яко-бы самозванства нѣкоего Григорія Зайцева, который въ теченіе не полныхъ сутокъ разыгрывалъ роль царевича Павла Петровича въ Коропскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, но затѣмъ, будучи арестованъ, признанъ быть въ концѣ концовъ виновнымъ только лишь *во враніѣ*, какъ это и выражено въ предложеніи новгородъ-сѣверской налать уголовнаго суда генераль-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

Первый проектъ освобожденія. Всеподданнейшая записка Великой Княгини Елены Павловны объ устройствѣ отношений между помѣщиками и ихъ крестьянами. Сообщ. П. А. Шафрановъ (стр. 164—201). Записка Вел. Кн. Елены Павловны, приведенная въ этой

статьѣ, представляетьъ тотъ интересъ, что многія мысли, высказанныя въ ней въ октябрѣ 1856 года, въ очень скоромъ времени были осуществлены правительственными распоряженіями, какъ напр.: мысль объ учрежденіи по губерніямъ дворянскихъ комитетовъ для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ. Интересна эта записка для нась еще и потому, что Вел. кн. Елена Павловна имѣла въ виду примѣнить эти мѣры, въ случаѣ согласія Императора, въ своихъ имѣніяхъ въ Полтавской губерніи и пригласить къ тому-же нѣкоторыхъ полтавскихъ помѣщиковъ.

Литературная лѣтопись въ этомъ номерѣ открывается нѣсколько непонятными лично для насъ строчками о томъ, что объявленный редакціей журнала „Кіевская Старина“ конкурсъ на премію за лучшую популярную Исторію Малороссіи никогда не можетъ состояться, потому-что исторія Малороссіи есть такая исторія, „которую нельзя написать ни на какую премію“. Мотивировано это мнѣніе составителя Литературной Лѣтописи тѣмъ, что будто бы „украинская жизнь не оставила почти никакихъ письменныхъ материаловъ: прессы не существовало (какъ будто она была въ Россіи?), мемуаровъ вести было некому?“, лѣтописи, дипломатическая ноты, законодательные памятники оказываются до-нельзя скучными количественно“ и пр. Малінія, конечно, свободны, а потому мы не будемъ здѣсь дѣлать возраженій. Однако не можемъ отказаться отъ одного объясненія. Составитель „Лѣтописи“ утверждаетъ, будто и редакція „Кіевской Старины“ признала эту невозможность написанія курса Исторіи Малороссіи и потому рѣшила печатать отдѣльные очерки по исторіи Малороссіи, для начала которыхъ помѣщаетъ съ этого года очерки Ор. Левицкаго (Очерки народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ 17-го стол.). Мы печатно (см. № 1-й) заявили, что закрываемъ конкурсъ и надѣемся достигнуть составленія курса исторіи Малороссіи путемъ заказа; помѣщая же „Очерки“ О. И. Левицкаго, мы совершенно не думали ими замѣнить предположенный редакціей въ издавію курсъ исторіи Малороссіи, т. к. между этими „очерками“ и „курсомъ исторіи“ видимъ очень мало общаго.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» помѣщена маленькая рецензія на книгу Виталія Эйнгорна «Очерки пѣзъ исторії Мало-

россія въ 17 вѣкѣ. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствою въ царствованіе Алексѣя Михайловича». М. 1899 г., стр. XIV—1104.

Літературно-Науковий Вістник, № 4.

Наш альбом: 1) Мерці. 2) Натріотам, Мак. Вороного. 3) Зервята, XI—XX, Бориса Гринченка. 4) Мрія, Осипа Маковея. 5) Притомленному братови, В. Л. 6) Разочарованія, Х. С. 7) І знов зима, Осипа Шпитка. 8) Паматай дивчино, Ол. Коваленка. 9) Галицьке село, Евг. Мадичевського. 10) В мисячну ніч, Одарки Романової. 11) Сильські мотивы, М. И. Вдовиченка. 12) Хмари, Жарка (стр. 1—8).

Генеральна репетиція, етюд у двох діях Наталки-Полтавки (стр. 2—24).

Добре заробиє, оповідане Стефана Пятки (стр 25—35).

Нариси В. Кравченка. II. Діти (стр. 36—42).

Із поетичног спадщини: Ш. Пісні Анатола Свидницького (I—IV); IV. Із недрукованых поезій О. Я. Кониського (стр. 43—45).

Мінютюри: X Перед відъїздом, Ант. Крушельницького... (стр. 46—50). XI Знайшли. Надії Кибал'чич (стр. 51—54). XII Легка смерть, Василя Загаєвича (стр. 54—58). XIII Сікуця, Гр. Коваленка-Коломацького (стр. 58—60). XIV Осінні хвали, Лесі Гр. (стр. 60—61). XV Шпаки, Дніпрової Чайки (стр. 61—63).

Із Естонськихъ поетів (Янсена-Міхельсона, Івана Якса, Гренцштайна, Михайла Веске, Густава Луйги, Івана Куңцера, Фрідріха Крайцвальда, Якова Томма). Переєнні П. Грабовського (64—68).

Із оповідань Владислава Оркана: I. Підвечірок. П. Недовірок. Ш. Ясна Цолина. IV. З країни чоців (стр. 69—103).

Із оповідань Анатоля Франса: П. Кимейський співак (стр. 104—113).

Із слова о полку Йоревім: Плач Ярославни, М. Вербицького (стр. 116).

Молоді сили: П Йоанна Амброзіюс, Е. Дегена. 1—17.

Біографіческий очеркъ и оцѣнка степени поэтическаго настроения немецкаго народнаго поэта—Йоганны Амброзіусъ.

Маруся Богуславка в українській літературі, Ст. Томашівського стр. (18—37).

Авторъ устанавливаетъ, въ какой мѣрѣ отразилась дума «Маруся Богуславка» въ произведеніяхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ П. Кулиша, Евгена Згарского (Львовъ, 1861), Ивана Нечуя—Левицкаго.

Жертви нашою лихоліття: М. Т. Симоновъ і С. Д. Ніс.
Сергія Ефремова (стр. 38—55).

Обстоятельный некрологи и критическая оцѣнка дѣятельности двухъ украинскихъ писателей, недавно сошедшихъ въ могилу, съ уважаніемъ на иѣкоторыя обстоятельства, не будь которыхъ, украинская литература могла бы ожидать большей продуктивности отъ обоихъ этихъ писателей.

Діяльність Наук. Тов. ім. Шевченка за 1900 рік. (56—60).

Хроніка і бібліографія (стр. 1—20).

По обыкновенію, обстоятельный и интересныя данныя по истории текущей культурной жизни всей Украины.

Варшавскія Университетскія Ізвѣстія, кн. II.

Е. Ф. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 433—484) (продолженіе).

Свіди суть рѣдкихъ и замѣчательныхъ издавай и рукописей XV—XVIII вв., между прочимъ Западно-русской грамоты 1516 г., Цересоницкаго евангелия 1561 г., Западно-русской псалтыри XVI в., Рукописи западно-русского письма 1562 г., Западно-русской грамоты 1613 г., Документы юго-западно-русского письма 1630 г., западно-русской псалтыри XVII в.

Дополненія и поправки къ тексту, помещенному въ предыдущихъ №№ «Ізвѣстій».

Кіевскія Университетскія Ізвѣстія, № 3.

М. В. Довнаръ Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе; стр. 313—366). Заканчивается обзоръ господарскихъ новинностей и податей сельского населения, при чёмъ, главнымъ образомъ, рассматривается мясоное хозяйство. Затѣмъ авторъ переходитъ въ обзору такихъ же платежей городского класса населения. Послѣдняя глава въ этой книгѣ раз-

сматриваетъ статистическімъ данными о господарскихъ дѣбрахъ и о доходахъ ихъ.

Міръ Божій, № 4.

Въ отдѣлѣ «На родинѣ» помѣщено краткое извѣстіе о народномъ университѣтѣ въ Одессы, на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ «Южномъ Обозрѣніи» (стр. 12—14). Встрѣчаемъ здѣсь также и коротенькую замѣтку «Къ біографії Шевченка», написанную по поводу помѣщенныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» материаловъ для біографії поэта (стр. 38—39).

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1136 газ. „Приднѣпровскій Край“ Г. Ф. Чеботаревъ помѣстилъ весьма интересную статью подъ заглав. „Перелицованный „Кобзарь“, по поводу двухъ изданий: „Думы мои, думы... Стихотворенія русскихъ поэтовъ. СПб. 1900“ и въ особенности: „Т. Г. Шевченко“. Кобзарь—въ переводе русскихъ писателей подъ редакціей И. Блоусова, Москва 1900“.

Сличивъ различныя мѣста произведеній и отдѣльныхъ выраженія переводовъ съ оригиналомъ, авторъ приходитъ въ ужасъ. „Оптимистически настроеннымъ она (книга эта) принесетъ не мало смѣхотворнаго удовольствія“,—говоритъ авторъ: оцѣнивая же это явленіе съ болѣе серьезной точки зрѣнія, приходится глубоко возмутиться. 26 февраля сего года минуло сорокъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка, этого великаго борца, великаго страдальца за любовь къ людямъ, за правду и свѣтъ, вся поэзія котораго, во справедливому замѣчанію одного изъ виднѣйшихъ біографовъ покойнаго, „есть и стоны и слезы за людей“! Мы слишкомъ еще въ большомъ, неоплатномъ долгу передъ этимъ великимъ пѣвцомъ неволи, всю убийственную, растягивающую тяжесть которой онъ испыталъ на себѣ самомъ, чтобы къ тому-же еще такъ варварски издѣваться надъ тѣмъ, что онъ выплакалъ слезами и кровью своего великаго сердца“!..

Дѣйствительно, достаточно уже отмѣченныхъ Чеботаревымъ въ его небольшой статьѣ перловъ, чтобы возмутиться до глубины души. Напр. „мене бѣ не пытали“—передается въ смыслѣ „пытать“ (мучить). „Ты

вже виросла, дивуєшъ, съ хлопцами гуляешъ“ — „Не успѣла подрости, съ парнями уже блудить пошла“ и т. д.

Въ № 33 газ. „Буковина“ помѣщена статья С. Леоніда „Шевченко в робігничій і в академічній хаті (святковане 40-вих роковин смерти Тараса товариствами „Поступ“ і „Січ“ у Відні“.

Авторъ подробно сообщаетъ о празднованія 40-тній годовщины со дня смерти Шевченка въ Вѣнѣ, — украинскимъ рабочимъ обществомъ „Поступ“ и студеаческимъ „Січ“.

Въ № 46 газ. „Сибирская Жизнь“, „Сибирского Листка“ и „Сибирск. Вѣстника“ помѣщены отчеты о вечерѣ 26 февраля въ память Т. Г. Шевченка, въ бесплатной библиотекѣ въ Томскѣ.

Въ № 14 еженед. журнала „Недѣля“ г. И. А. помѣстилъ небольшую статью, въ видѣ письма съ Волыни, подъ заглавиемъ „Древній училища“, подъ которыми надо разумѣть „фундушевны“, существующія и нынѣ въ различныхъ пунктахъ нашего Ю.-Западнаго края.

Авторъ приводитъ интересный документъ, сохранившійся въ Клеванскомъ приходскомъ училищѣ, свидѣтельствующій о томъ, какъ велика была нужда въ началѣ 40-хъ г.г. прошл. столѣтія среди учителей фундушевыхъ училищъ.

Въ № 16 начавшей снова выходить газеты-журнала „Днѣпровская Молва“ помѣщены, въ переводѣ А. Егорова, переводы „Изъ скорбныхъ пѣсенъ Переображенія“ (Александра Яковл. Конисскаго).

Всѣхъ переводовъ, довольно удачныхъ, представлено девять.

Тамъ же помѣщенъ обстоятельный разборъ изданія „Екатеринославская губернія. Выпускъ II. Памятная книжка и адресъ-календарь на 1901 годъ. Изд. Евр. губ. Статист. Комитета, подъ редакціей Секрет. Комитета Я. Г. Гололобова“.

Въ №№ 1155, 1156 и 1157 газ. „Приднѣпровскій Край“ проф. Д. Эварницкій помѣстилъ статью „Какъ побѣждали Запорожцы мусульманъ“.

Авторъ избралъ темой моментъ, относящійся къ 70-мъ г.г. XVII ст., когда при кошевомъ Иванѣ Сиркѣ (1674), турецкій султанъ задумалъ погребить все запорожское войско и уничтожить самый Кошъ, что, какъ извѣстно, окончилось большой неудачей для султана и отвѣтнымъ походомъ Сирка въ Крымъ. Въ заключеніе приведенъ извѣстный отвѣтъ запорожцевъ Султану (въ 1680 г.), художественно запечатленный картиной Рѣпина подъ тѣмъ же названіемъ. Письмо это автору доставлено священикомъ с. Выше-Тарасовки, екатеринославск. у., о. Ioавномъ Курилинымъ, добытое имъ 40 лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовн. Семинарії.

Въ № 63 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщена небольшая статьяка «Екатеринодаръ въ началѣ 20-хъ г.г. прошлаго столѣтія», составленная на основаніи нынѣ рѣзкаго уже сочиненія I. Дебу «О Кавказской язвѣ. СЦБ. 1829».

Въ № 6968 газ. «Южный Край» помѣщена Н. Н. Балабухой старо-козацкая пасхальная легенда «Козакъ оборотень», — о томъ, какъ нечистая сила, подъ видомъ козака, долгое время находилась въ рядахъ запорожцевъ, была выдающимся среди нихъ товарищемъ, но въ день Пасхи исчезнувшая, — вспыхнула, какъ огонекъ, и пропала. Сообщаются и другія козацкія повѣрья, связанныя съ праздникомъ Пасхи.

Въ ежедн. газетѣ «Хуторянинъ» (№ 15) помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ Ф. И. Немоловскаго. *Бжильництво*. Изданіе Благотворительного общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

Въ № 97 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ М. Комаря «Оповидання про Антона Головатого та про початокъ чорноморською козацькою війська. Зъ малюнкамы А. Ждахы». Изд. Благотворит. Общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

Въ № 8 нѣмецкаго журнала (въ Лейпцигѣ) «Aus fremden Zungen» помѣщены — переводъ одного изъ лучшихъ произведений Василя Стефанника «Камяний хрестъ» (Das steinerne Kreuz) и статья д-ра

Франка «Короткий погляд на українсько-руску літературу» (Die ukrainische [ruthenische] Litteratur).

Нове издание. Молодий галицький писатель Романъ Сембратовичъ съ нынѣшняго года начаъ изданіе журнала на нѣмецкомъ языке (въ Вѣнѣ) «X—Strahlen» (Х—лучи), въ значительной мѣрѣ посвященнаго освѣщенію интересовъ родной ему націи. Въ каждомъ № встрѣчаются статья Ив. Франка, самого издателя и друг. украинскихъ писателей.

Виды Каменца-Подольского. Во Львовѣ Михаиломъ Греймомъ изданъ альбомъ, состоящій изъ двадцати съ лишнимъ снимковъ замѣчательныхъ историко-археологическихъ видовъ г. Каменца-Подольскаго. Цѣна альбома 2 короны (около 1 р. 60 к.) Складъ въ книжномъ магазинѣ С. В. Немоевскаго во Львовѣ. Тамъ же появились изящные бланки для открытыхъ писемъ съ видами польскихъ замковъ. (Gazeta Lwowska, № 86).

Украинскія пьесы, дозволенные драматическою цензурою къ представлению.

По 1 марта 1901 года.

1) *Дзвинъ до церкви склыкає, та самъ у пій не буває, або «Лисова квітка».* Комедія у 4-хъ діяхъ Л. Яновской.

2) *Купальна Іскра.* Опера у 2-хъ діяхъ Л. Яновской. (Прав. Вѣстн., № 61).

По 1 апреля 1901 года.

1) *Злыодни.* Драматични справы давенъ України зъ 3-ои четвертини XVII винку (року Божого 1866), въ 5 одинахъ. Налагожено за початкомъ (?) П. Кульша «Чорна Рада».

2) *Козак Байда.* Драматични справы давенъ України 3-ои четвертини XVI в. Року 1562—1566, въ 4-хъ одинахъ. О. Ц. батька.

3) *Приходже.* Сцена въ 1 дів. Переведено и перероблено зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская“. В. Русинова.

4) *Супротивни течії.* Комедія въ 5 діяхъ и 4 одинахъ. М. Л. Крошиницкого.

5) *Тараса Бульба. Драматични справы въ 5 одмінахъ.* Налагожено по Гоголю и другимъ. Прыворочено (!) до другои четвертыни XVII в. (Рокивъ прынаймы 1638—1639).

6) *Чорний шляхъ. Драматични справы давенъ Украины кінця XV віку.* Въ 5 одмінахъ. О. Д. . . . батька.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Авдикович О. Демон руїни. Львів, 1901. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. Стр. 59, 8⁰. Ц. 90 сот. Зміст: Метаморфозы.—Добрий день!—Елегія зневіри.—Муха.—Чорна рожа.—Гіеви.—Сёма пісня руїни.—Чарн уави.—Відголоски.—Псалом відроджена.

Бончевскій Ан. Якъ повставъ свѣтъ. Пбсля В. Туша. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant Pa, 1901. Мал. 8⁰. Ціна 15 цн.

Будзиновский Вячеслав. Хлопска восілість. Друге справлене видане. Львів, 1901. З друкарні народової Ст. Манецкого і Сп. Ст. 194, 8⁰. Ціна 2 кор. Видане «Наукової Бібліотеки Видавничої Спілки».

Будилець Евграф. Студні богословські. Провідник на чудодійну тайну Каяни. Чернівці, 1899. З друкарні Тов. „Рускої Ради“. Ст. 524, 16⁰. Ціна 4. 40 кор.

В. Б. Житє на віру у сибірських селян. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Веретельник А. Рубане і виготовлюване дерева. Львів, 1900. З друк. Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 6, 8⁰ (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.).

Веретельникъ Андрей. Для своихъ родныхъ. Оповѣдане зъ жити славного человѣка. (Бібліотека для русской молодежи. Т. XLVIII. В XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатнѣ А. И. Мізевича Ст. 96, 16. Ціна 50 сот.

Вовк. Хв. Зністки й листи. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Вовк. Хв. Знайдки у могилах між Веремем і Стретівкою і біля Тринілля. Львів, 1900. Ст. 12, 8⁰. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Гавлічек Боровський Кароль. Вибір поезій. Переклац Ів. Франка. З портретом і житеписом Гавлічка. У Львові, 1901. З друк. Н. Тов. ім. Шевч. Ст. XXVI 404, 8⁰. Ціна 1. 60 кор. Видання «Белетристичної бібліотеки Видавничої Спілки».

Гнатюк В. Ткацтво у скідній Галичині. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Щевч. Ст. 14, 8⁰. (Відб. з Мат. до у.-рук. етнол.).

Гоцоль Микола. Ревізор, комедия в пяти діях. Переклав Василь Сімович. Виддане «Молодої України», ч. 1. Чернівці, 1901.

Гошовський Андрій. Про новий фнаціям в науці приватного права. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 12, 8⁰. (Відб. з Часоп. Правничої і Економічої).

Грищенко Б. Кулишъ (Гавва Барвинокъ). По поводу сорока лѣтъ ея литеатурной дѣятельности. Черниговъ, 1901. Земская типографія. Ст. 207, in 8⁰. Ціна 15 коп.

Грушевський Михайло. Хронологія подій Галицько-Волинської літоописи. У Львові, 1901, стр. 72. 8⁰. (Одбитк. з XL т. Записок).

Дикарів М. Програма до збирання відомостей про громади і збірки сільської молоді (вулиця, вечериці, досвітки і складки). З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Дмістрянський Станіслав. Берненська унія в наше відношене до неї. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 56, 8⁰. (Відб. з Часопис Правнич. і Економічної).

Доманицький Василь. Причинок до історії повстання Наливайка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 6, 9⁰. (Відбитка із XL т. Записок).

Драгоманов М. Перециска. Зібрав і зладив М. Павлик. Т. I. (Наукова Бібліотека, ч. 7). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Русько-Видавничої Спілки. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 184+4, 8⁰. Ціна 1. 80 кор.

Журналы Полтавской губернской оценочной Комиссии. 32 дек. 1900 и 5 февр. 1901 г. съ прилож. Полт. 1901, 1—50.

Записки Науковою Товариство ім. Шевченка. Т. XI. Кн. II за 1901 р. Львів, 1901. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Причинок до історії повстання Наливайка, подав Василь Доманицький, 2) 1848 рік і Львівська руська духовна семінарія, подав Юрий Кміт. 3) Знадоби до пізнання угро-руських говорів. Говори з наголосом недвижимим,— подав Іван Верхратський (далі буде). 4) Miscellanea. Матвій Симонів (Номіс),— некрольогічна загадка М. Грушевського і др.

Записки Науковою Товариство ім. Шевченка. Р. 1901. вн. Ш. Т. XLI. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст. 1) Хронологія подій

Галицько-волинської літописи, розвідка Михайла Грушевського, стр. 1—72; 2) Студії на полі Карпаторуського письменства XVII—XVIII в. 1. Піп Іван, Половець Іван Смера і відкритте Тибету, написав др. Іван Франко; стр. 1—50. 3) Miscellanea: а) Нові привчинки до історії вірші на Україні, I—III, подав Ів. Франко, а) Сербський опис Ерусалима з XVIII в., подав др. М. Пачовський в) Питомець—агітатор, подав Ю. Кміт; 4) Наукова хроніка: огляд часописей за 1900 р. 5) Бібліографія.

Збірник математично-природописно-лікарської секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. VI, вип. II. Часть 3 лікарська під редакцією д-ра Енгена Озаркевича. У Львові, 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Вел. 9⁰. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Др. Евген Озаркевич. Про уробілінну жовтачку; 2) Др. Вячеслав Морачевський. Нові способи досліду білковини. 3) Др. Осип Дакура. Зі шпитальної казуїстики за р. 1899.

Золя Еміль. Нашад за млин. (Оповідане з війни 1870 року). Переклад Івана Франка. Видане «Укр. Руської Видавничої Спілки», ч. 10. Львів, 1901, стр. 59, 8⁰. Ціна 20 сот.

Зубрицький Мих. Народній календар, народні звичаї і повірки, привязані до днів въ тиждни і до рокових свят. Львів, 1900. З друг. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Івакинъ И. М. Князь Владими́ръ Мономахъ и его поучение. Ч. I. Поучение къ дѣтамъ, Письмо къ Олегу и отрывки. Москва, 1901, 1—324. Ц. 2 р. 50 к.

Історична мапа Галичини й Волині XI—XIII віку. Уложив М. Грушевський (Відбитка з III т. «Історії України-Русі»). Ціна 40 сот.

Календарь для Американскихъ Русиновъ на 1901 р. Уложивъ Антингъ Левківъ. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant, 1901. Ст. 60. Ціна 50 сот. I. Часть календарска. II. Часть інформаційна. III. Часть научно-белетристична. Зміст: 1) Прощай вітер,—поезия С. Чарнецького, 2) Як повстав світ—Ант. Бончевського,) 3) Аж за море чуты—поезия Чалого, 4) Борба за волю —А. Л.—5) Присвята Стасюкова—поезия Ю. Сиротюка, 6) Чоловік и мула—І. В—о, 7) One dollar and cost—Ярослав А. 8) Положене Русинів за морем—Ан. Бончевського. 9) Козак пана не зна з віка—а. б. 10) Паній країні—поезия С. Чарнецького, 11) По христинах в кума Гриця—Чалого, 12) Съмішне.

Томъ 73.—Май, 1901.

П—4

Квітка Основ'яненко Григорій. Маруся. Повість. Видання «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 12. Львів, 1901, стр. 160, 8°. Ціна 50 сот.

Кміт Юрий. 1848 рік і Львівська руська духовна семінарія. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 10 8°. (Відбитка із XL т. Записок).

Комаръ М. Оповидаея про Антона Головатого або про початокъ Чорноморського війська. Ізд. Сиб. Благот. Общества над. общенолезн. и дешевыхъ книгъ. № 7. Д. 5 и 10 коп.

Кониський Олександер. Варианти на декотрі Шевченкові твори. З друк. Науков. Тов. ім. Шевченка, 1901, стр. 38, 8°. (Відбитка з Записок).

Кониський Олександер. Не друковані поезії Т. Г. Шевченка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товар. ім. Шевченка, in 8°. (Відбитка з Записок). Ціна 10 кр.

Кониський О. Я. Млинь. Оповидання (съ портретомъ автора на обложкѣ). № 18. Київъ, 1901, 1—24. Д. 3 коп.

Кос Андрій. Бесіда про пошистъ з Пів-Азии. Відбитка «Дѣла». Накладом В. Будзиновського. Львів, 1901, 18, 8°. Д. 20 сот.

Корибен украинской сцены. (Очеркъ історіи українскаго театра в біографіі 8 дѣятелей ея съ портретами). Київъ, 1901 г., стр. 192. Цѣна 65 коп.

Краніхфельдъ Вл. П. Т. Г. Шевченко, пївецъ України и Запорожья. Съ портретомъ и 8 иллюстрац. въ текстѣ. С.-Пет. 1901, 1—64 (in. 16°). Изд. «Вѣстник Казачьихъ Войскъ». Д. 3 коп.

Кукулевський Ол. Оповидання про життя Кобзара (съ 3 портретами и відомъ могилы). № 22. Київъ, 1901 стр. 1—18. Д. 2 к.

Куліш П. Ориса. Італія. Видання „Укр.-Руської Видавничої Спілки“. Ч. 14. Львів, 1901, стр. 17, 8°. Ціна 6 сот.

Кулишъ П. О. Про злодія въ сели Гаківныци. (Съ портретомъ автора на обложкѣ). № 19. Київъ, 1901, стр. 1—24.

Кулишъ П. О. Чорна Рада. Хроника 1663 року. Одесса, 1901 р. (съ рисунками художника Ждахи). Д. 1 р. 20 к. и 2 руб.

Левитський Микула. Спілкова умова для хліборобських спілок. Видання «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 13. У Львові, 1901, стр. 47, in 8°. Ціна 20 сот.

Левицький Іванъ. Баба Параска та баба Чалажка. Видане пяте. № 17 (съ портретомъ автора на обложкѣ) Київъ, 1901, стр. 41. Д. 4 коп.

Лисенко С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремесль Полтавской губ. Вып. 2. Роменскій, Лохвицкій и Прилуцкій у. Ч. I. Роменскій у. Изд. Цолт. Губ. Зем. Одесса 1900 г., 8 д. 1+224.

Литвинова-Бартош. Весільні обряди і звичаї у селі Земланці Глухівського повіту у Черніговщині. Львів 1900. З друг. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 104 8 д. (Відб. з. Мат. до укр.-рус. етнол.).

Лотоцкій Левъ. Сила молитвы. Образокъ изъ сельского жита.

Михаилъ Мусора. Сало. Народна казка. (Бібліот. для рускої молодежи. Т. XLIX. В. XXIX). Коломна, 1901. Зъ печатни А. I. Мизевича Ст. 48, 16⁰. Ціна 30 сот.

Максимовичъ. Днѣпро и его бассейнъ. 2 кн. съ прилож. 9 карт. в 36 видавн. Кіевъ, 1901 г., ц. 6 руб.

Маковей Осип. Наши знакомі (начерки). Заходом К. Студинського. Львів, 1901 З друг. В. Шийковского. Ст. 139+2, 8 д.

Мандичевский Евген. Новел. З живого і мертвого. Львів, 1901 Накладом власним. З печатні В. А. Шийковского. Ст. 94, 16⁰. Ціна 1 крона. Зміст. 1) Сириткій сон, 2) Мужицьке жите, 3) Харитина (образець з грецкої давнини), 4) Білили полотна, 5) Таїна поета, 6) Марійка, 8) Вечер.

Марко-Бочок. Народні оповідання. Виданя Руского Тов. педагогичного. У Львові 1901. З друг. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 32, 8 д. Ціна 30 сот. Зміст: 1) Козачка, 2) Чарі.

Матвійс Софрон. Дещо про лучі Бекереля. Ст. 8, 8 д. У Львові, 1900 (Відб. візъ VII т. выи. 1. Збирника секції мат.-природ. лікарскої). Ціна 10 сот.

Матеріали до українско-руської етнольоїї. Видане Етнографічної Комисії, за ред. Хв. Вовка. Т. III. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 182+27+6 вел. 8 д. Ціна 4 кор. Зміст: 1) Знахідки у могилах між Веремем і Стретівкою і біля Тропілля, Хв. Вовка; 2) Ткацтво у східній Галичині, В. Гнатюка; 3) Рубане і виготовлюване дерева, В. Веретельника; 4) Народній календар (Звичаї і повірки), М. Зубрицького; 5) Жите на віру у сибірських селян, В. См.; 6) Весільні обряди и звичаї у С. Земланці, в Чернігівщині, П. Литвинової—Бартош. Додатки: 1) Програма до зборання відомостей про громади і зборки сільської молоді. Посмертний твір М. Дикарєва 2) Шоказчик.

Мъсяцесловъ на 1901 юдъ, имѣющій днѣй 365. Составилъ отъ имени Общества св. Василія Великаго, священникъ Епарх. Мукачев-

ской Юлій Чучка, проф. церк.-слав. яз. въ духовномъ съменищи и редакторъ «Науки». Годъ изд. 33-ій. Въ Унгвари, 1900. Издание кни-
гопечатна «Общества св. Василія Великаго». Ц. 80 сот.

Народні думи. Частина I (Видане Русского Товариства педагог-
ческого, 34). Впорядкував та пояснив др. М. Начовский, ц. к.
профессор акал. гімназії. У Львові, 1901. З друг. Наук. Тов. ім.
Шевченка. Ст. 68, in 8 д. Ціна 40 сот.

*Отчетъ Благотворительного Общества изданія общеполезныхъ
и дешевыхъ книгъ за 1900 г.* С.-Петербург., 1—36.

Падалка Л. В. Организація экономической дѣятельности въ
Галиції и ея поучительность для Полтавской губерніи. Полтава,
1901. Изд. Полтавскаго Общ. Сельскаго Хозяйства, стр. 1—24.

Подкарпатський календарь съ типикомъ на 1901 простой годъ,
имѣющій 365 дней. Въ пользу и употребленіе подкарпатскаго греко-
кат. народа. Въ Унгварѣ, 1901. Печаталъ и издалъ Вареоломей
Іегертъ. Ціна 70 сот.

Руданський Стефан. Твори. Том V. Впорядкував А. Крим-
ський. Ціна 1 кор. У Львові, 1901. Коштом і з друкарні Наук.
Товариства ім Шевченка. Стр. VIII+208, in 16°. Зміст: Цар-Солов-
ьев (поема), Старочеські співи з Кральодвірського рукопису і
другихъ.

Рудницкий Стефан. Про влями сонічні. Ст. 28, 8°. У Львові,
1900. (Відб. із „Збірн. секц. мат.-природ.-лікарскої, т. VII, вип. I).

Рускі пісні в образах. І Сервя. Накладом свящ. Н. Джулін-
ського. Въ Перешиблі, 1901 (почтовые бланки съ иллюстраціями къ
пѣснямъ: «Надъ Прutomъ, у лузи», «Сонце нызенько», «Многая
лата», «Ой послала мене маты», «Ой мисяцю, мисяченъку», «Роди-
мый краю», «Ой сны, лытн»). Десять бланковъ ц. 1 корона.

*Сводный Сборникъ по статистическому описанію Полтавской
губерніи въ 1882—1889 г.* Выпускъ I. Полтава, 1901, 1—278. Ц. 2 р.

Сонячна Г. Музика Янко (перекладъ). № 21. Київъ, 1901. стр.
1—16 in 32°. Ц. 1½ к.

Сеньобо III. Австрія в XIX ст. З французького переклав і по-
яснив С. Томашівський (Наукова Вібліотека ч. 4). У Львові, 1901.
Коштом С. Бриттана. Накладом «Укр.-руської Видавн. Спілки». З
друг. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 106, 8°. Ціна 80 сот.

Стороженка Олекса. Оповідання I. Не в добрий час. П. Вуси. Вид. «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 16. Львів, 1901, стр. 43, 8⁰. Ціна 20 сот.

Студинський Кирило. Літературні замітки. Львів, 1901. Накладом А. Хойвацького. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 136, 8⁰. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Козацтво і Гайдамаччина в «Енеїді» Котляревского, 2) Характеристика поезій Петра Гулака-Артемовского.

Studeński Cyryl. Z-za kulis schyzmatyckiej propahandy. Kraków. Nakład Spółki wydawniczej polskiej 1901.

Толстой Лев Н. Відроджене. Роман у трьох частих. Переклав Василь Сімович. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Т. I—ст. 316, II—272, III—144+18, in 8⁰. Ціна за 3 тома 3. 60 кор. Видання «Белетристичної Бібліотеки Видавничої Спілки».

Філіппов М. Іван Гус, переповіда М. Кастиковська. Вид. «Українсько-Руської Видавничої Спілки», ч. 15. Львів, 1901, стр. 51, 8⁰. Ціна 20 сот.

Франко Іван. Історично-економічна студія. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 52, 8⁰. (Відб. Часоп. Правничої і Економічної).

Франко Іван. Студні на полі Карпато-руського письменства XVII—XVIII в. I. Ніп Іван, Половець Іван Смера і відкрите Тибету. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 50, 8⁰. (Відбитка із XLI Записок).

Франко Іван. Лесишина челядь. Малый Мыринъ. Грыцева школльна наука. (Съ портрет. автора). № 20. Київъ, 1901, стр. 1—42, in 16⁰. Ц. 4 к.

Хроніка укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка. 1900. ч. 4. За вересень-грудень. 1900 р. У Львові, 1901. З друкар. Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 32, 8⁰. Ціна 30 сот. Зміст: Засідання Виділу, сесцай, комісій; справоздання.

То же, ч. 5 (вип. I за 1901 г.) Львів, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 68, 8⁰.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1900. September-December. 1900. № 4. У Львові, Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 36, 8⁰. Ціна 30 сот.

Часопис Правничої і Економічної. Правниці і економічні розвідки історично-фільософічної секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Рів I. Том I. Редактор др. Станіслав Диєстрянський. У Львові,

1900. Накладом Наукового Товар. ім. Шевченка. З друкарні Наукового Товариства ім. Шевченка. Ціна 3 корони. Зміст: 1) Передмова 2) Авдій Гоповський. Про новий напрям в науці приватного права. 3) Др. Станіслав Дністрянський. Верненська унія і наше відношене до неї. 4) Др. Іван Франко. Грималівський ключ в р. 1800. 5) Оцінки і реферати.

Шептицкий Андрей, епископ станиславовский. Лист частирський до вѣрныхъ Косивскаго Деканата. Жовква, 1901. Печатня о.о. Василіянъ. стр. 48, 8⁰. Ціна 15 сот.

Ею-же—Христіанська робота. З 1 частирського листа. Жовква, 1900. Накладомъ Видавництва ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василіянъ Ст. 38, 8⁰. Ціна 15 сот.

Ею-же—Христіанська родина. Зъ II частирського листа. Жовква, 1900. Накладомъ Видавництва Ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василіянъ, ст. 32, 8⁰. Ціна 15 сот.

Ею-же—О вѣрѣ. Ш листъ частирской. Жовква, 1901. Накладомъ Видавництва Чина Св. Вас. Великаго. Печатня оо. Василіянъ. Ст. 48, 8⁰. Ціна 15 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная деятельность Полтавского Земства. Изданіе Экономич. Бюро Полт. Губ. Земства. Правоженіе къ журналу «Хуторянинъ» № 1. Полтава, 1901, стр. 1—62.

То-же, № 2. Полтава, 1901, стр. 1—64.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съезду въ Харьковѣ.

26-го марта состоялось засѣданіе предварительного комитета по устройству XII археологического съезда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о сообщеніи комитету секретаремъ статистического комитета В. В. Ивановыи—дополнительныхъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ Харьковской губ. и его предложеніе—обратиться ко всѣмъ губернаторамъ въ районѣ, подлежащемъ изученію предстоящаго съезда, съ просьбой о запросѣ земскихъ начальниковъ ихъ губерній по поводу древностей, коллекцій и т. п. Предложеніе это принято и рѣшено при обращеніи послать въ качествѣ образца тотъ циркуляръ, съ которымъ обратился харьковскій губернаторъ къ земскимъ начальникамъ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ докладъ предсѣдателя историко-филологического Общества при институтѣ князя Безбородко проф. А. Добіаша о результатахъ дѣятельности состоящей при Обществѣ особой комиссіи по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности, въ предѣлахъ Черниговской губерніи къ XII археологическому съезду. Изъ этого доклада видно, что работы комиссіи со времени первого отчета еще болѣе расширились, нашли сочувствіе и поддержанію и среди общества, администрации, духовенства и народныхъ учителей и учительницъ.

Благодаря помощи черниговского губернатора, комиссия получаетъ свѣдѣнія о древностяхъ и самыя памятники даже изъ захолустныхъ мѣстъ Черниговской губерніи: пакеты доставляются и черезъ волостныя правленія и черезъ исправниковъ. Рѣшено докладъ напечатать въ „Трудахъ предварительного комитета“, исходатайствовать комиссіи 200 руб. на различные расходы у московскаго археологическаго Общества, находящійся въ распоряженіи комиссіи атласъ малороссійскихъ картъ и плановъ малороссійскихъ городовъ—просить для археологической выставки; равно просить: 1) доставить комитету брошюру П. Н. Тихонова „Черниговскіе старцы“ и Б. Д. Гринченко „Каталогъ музея Тарновскаго“; 2) доставить предметы, представленные комиссіи М. И. Лилеевымъ: образъ Николая Чудотворца, два старинныхъ козацкихъ пояса изъ шелка-сырца, двѣ старинныхъ женскихъ рубашки съ расшитыми шелками по подолу узорами; отрывокъ изъ лѣчебника XVIII вѣка.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ поступившаго отъ И. В. Попова въ распоряженіе комитета рукописнаго сборника подъ заглавіемъ: „Планъ Новороссійской губерніи“. Сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ печатныхъ указовъ Екатерины II; рукописные документы—копіи съ разныхъ распоряженій, касающихся устройства Новороссійской губерніи въ 1764 г.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ о согласіи г. Поддубнаго издать карты Харьковской губерніи, а также карты г. Харькова.

Проф. А. М. Покровскій сообщилъ свои наблюденія надъ Донецкимъ городищемъ, а г-жа А. Я. Ефименко обратила вниманіе на подвѣску, найденную въ числѣ прочихъ вещей въ городищѣ: ея звѣздистая кайма, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляетъ полную аналогію съ каймой серегъ такъ назыв. „черниговскаго“ типа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ о пожертвованіи предварительному комитету его членомъ А. Ф. Бантышемъ ста рублей и познакомилъ съ памятниками, поступившими въ полное распоряженіе комитета для археологической выставки.

Въ Комитетъ присланы: Темныи (Казачья Лопань)—мѣдные монеты XVIII в.; свещ. Антоновымъ (Казачья Лопань)—дарохранительница, служебникъ 1754 г., грамота епископа Феоктиста Бѣлгородскаго; свящ. Д. Иваницкимъ (Русская Лозовая)—

Четвероевангеліе 1657 г. и 1717 г., желѣзные вѣяцы, иконы—Вознесеніе Іліи и Явленіе трехъ ангеловъ Аврааму (XVII в.), земельные документы XVIII в.; свящ. Хижняковымъ (сл. Терешновка)—ассигнація десятирублеваго достоинства 1812 г.; учительницей Кобзаревой (Васильевка)—мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; свящ. Краснокутскимъ—книга „Описаніе св. мѣстъ“ Іерусалима; г. Шестеренко (Купъеваха)—мѣдныя монеты XVIII в., свящ. Грековымъ (Вабычина)—образъ св. Митрофанія, писанки; свящ. Рождественскимъ (с. Краснянское)—служебникъ 1754 г., кокошникъ, свѣчи, медаль за взятие Очакова, мѣдныя монеты 1758 и 1759 г., щипцы, памятная тетрадь 1849 г.; г-жей М. Д. Квитковской—картина XVIII в. „Дѣвушка съ голубкою“, мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; Фридкинъ—монета 1770 г.; Шкорбатовымъ—восточная монета; И. В. Поповымъ—документы по устройству Новороссійскаго края; свящ. Бородаевскимъ—брачный вѣнецъ, окладъ евангелія (XVIII в.), учительницей с. Брусовки—образцы вышивокъ и мережекъ, модель гончарнаго круга; свящ. Антоновымъ—Біблія Кастелліона, літопись Димитрія Ростовскаго; сяш. Давыдовымъ (Котельва)—кипарисовый крестъ 1774 года; свящ. Самойловымъ—оловянная чаша, крестъ, перламутровая икона (XVIII в.); свящ. Ковтуномъ (Угродъ)—актъ 1800 г.; Захарьевымъ (Алексѣвка)—каменная лампада, иконы—Митрофанія, Богоматери, Знаменія Божіей Матери, св. Николая, Распятія, вмч. Варвары (всѣ XVIII в.); ахтырскимъ полицейскимъ управлениемъ—кипарисовый крестъ XVIII в., евангеліе 1654 г.; О. Прусовой—серебрян. монета 1757 г.; И. Л. Шимановымъ—мѣдная стрѣлка; г-жей Орловской—фотографіи съ различныхъ мѣстъ и предметовъ Кобеляцкаго уѣзда, Полтавской губ.; Рудаковымъ (Харьковъ)—двѣ большихъ картины, писанныхъ акварелью и представляющихъ Михайлівскую площадь и видъ съ горы Благотворительнаго Общества въ 40-хъ годахъ XIX-го столѣтія; А. О. Лукьяновой—фотографія съ картины жанроваго характера (поимка контрабандной водки объездчиками); В. В. Гульцгофъ—снимки съ видовъ гор. Харькова семидесятыхъ годовъ.

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность А. О. Бантышу, всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и, вообще, всѣмъ, до-

ставившимъ ему различныя свѣдѣнія о древностяхъ Харьковской губ.

Е. Р.

Засѣданія обществъ.

15 февраля, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Шокровского, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей *Археологического института*. Г. М. Болсуновъ выступилъ вновь съ своими критическими замѣчаніями ва существующаїа классификациії доисторической культуры. На этотъ разъ онъ коснулся классификацій, основанныхъ на признакахъ антропологическихъ. Доисторическая антропология, часто смѣшиваемая многими учеными съ доисторическою археологію, немного проливаетъ свѣта въ таинственную область жизни первобытнаго человѣка. Слишкомъ мало, и то въ фрагментахъ, сохранилось череповъ и костей, несомнѣнно принадлежащихъ доисторическому времени. Многіе изъ нихъ и даже знаменитый неандертальскій черепъ референтъ подвергаетъ сомнѣнію въ принадлежности первобытному обитателю земли. Существующаїа антропологическая классификаціи, касающіяся вопроса о хронологической послѣдовательности расъ, населявшихъ въ доисторическое время Европу, остроумны, но мало доказательны. Большинство ученыхъ признаютъ за древнѣйшимъ населеніемъ Европы одинъ общій признакъ—длинноголовость расы. Длинноголовое населеніе было отодвинуто впослѣдствіи на югъ и сѣверъ материка появившимся изъ Азіи короткоголовымъ племенемъ. Населеніе Россіи принадлежало также къ длинноголовымъ. Референтъ демонстрировалъ во время доклада интересную коллекцію череповъ. Докладъ вызвалъ возраженія князя И. А. Путятина, поддерживавшаго научный выводъ антропологовъ о существованіи неандертальской расы. В. Грюнайзенъ, въ рефератѣ „Сгиль, художественная характеристика и оцѣнка произведеній живописи въ исторической ея динамикѣ“, прослѣдилъ постепенное развитіе искусства, выразившагося въ созданіи фресокъ и мозаикъ. Эти формы искусства существовали еще въ отдаленные вѣка въ Египтѣ, Персіи, Греціи и Римѣ. Въ Россіи фрески появляются въ X—XI вѣкахъ.

Вопросъ о византійскомъ искусствѣ вызвалъ разъясненія и возраженія со стороны проф. Н. В. Покровскаго. „Сиб. Вѣд.“.

28-го февраля состоялось 5-ое годичное общее собрание членовъ *Киевскаго Общества Древностей и Искусствъ* подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя Общества Б. И. Ханенко. Вице-предсѣдателемъ былъ доложенъ докладъ правленія, въ которомъ представленъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за прошлый 1900 г., и смета на 1901 г.; кроме того, въ докладѣ изложенъ ходъ работъ по постройкѣ Музея. Зданіе Музея сооружено по проекту архитектора Бойцева, передѣланному затѣмъ академикомъ В. Н. Николаевымъ и окончательно разработанному архит. Городецкимъ. Закладка зданія состоялась 21 сент. 1897 г., къ работамъ приступлено осенью 1898 г. и принято зданіе отъ строителя въ ноябрѣ 1900 г. Общая стоимость зданія—226247 р. 68 к., но предстоятъ еще работы по окончательному устройству мѣстности вокругъ Музея на сумму 8320 руб. Изъ другихъ вопросовъ, касающихся постройки Музея и представленныхъ на утвержденіе общаго собранія, отмѣтимы проектъ парадной лѣстницы, отсутствовавшей до сихъ поръ въ Музеѣ. Необходимы на это средства, въ размѣрѣ 20-ти тысячъ руб., пожертвованы Н. А. Терещенко и къ устройству лѣстницы будетъ приступлено настоящимъ лѣтомъ. Въ теченіи прошлаго года правленіемъ были принимаемы мѣры къ образованію въ Музеѣ художественно промышленнаго отдѣла, необходимаго для Киева, гдѣ уже существуютъ школы рисованія и гдѣ предполагается устройство художественно-промышленнаго училища на средства пожертвованнныя въ недавнее время И. Н. Терещенко. Общее собраніе уполномочило, затѣмъ, правленіе ходатайствовать предъ правительствомъ о дарованіи средствъ на содержаніе Музея и на приобрѣтеніе коллекцій по художественному и художественно-промышленному отдѣламъ, а также на принятие Музея въ вѣдомство Мин. Финансовъ или Император. Двора. Закончилось собраніе выборомъ новыхъ членовъ правленія (проф. Г. Г. Павлуцкій, С. С. Могилевцевъ, М. В. Суринъ и В. Н. Бутовичъ), почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ Общества (на 1-ое января 1901 г. числилось въ Обществѣ 116 членовъ).

Въ засѣданіи исторической секціи *Общества Изслѣдователей Волыни*, 1-го марта, Я. В. Яроцкимъ была произнесена рѣчъ — „Доисторическая Волынь“, въ которой сдѣланъ обзоръ имѣю-щихся памятниковъ и изслѣдований ихъ, а также, въ связи съ этимъ, намѣчена программа дѣятельности Общества, направленная къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ доисторического прошлаго Волыни.

По ходатайству Коммиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, въ настоящее время разосланы при посредствѣ инспекторовъ народныхъ училищъ и консисторій краткія программы для внесенія учителями народныхъ училищъ и приходскими священниками свѣдѣній объ имѣющихся памятникахъ старины. Такія свѣдѣнія необходимы для предполагаемыхъ настоящимъ лѣтомъ экскурсій членовъ Коммиссіи.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки на мытъ неолитического поселенія съ керамической до-микенского типа у с. Колодистаго, Звенигородск. у. Киевск. г. Прошлымъ лѣтомъ, В. Н. Доманицкимъ былъ произведенъ рядъ раскопокъ у с. Колодистаго. Мѣсто раскопокъ расположено у каменоломень, на краю села. Здѣсь уже были раньше раскопки, веденные какъ В. Н. Доманицкимъ (въ 1899 г.),¹⁾ такъ и А. А. Спицинымъ (въ прошломъ году). Поверхность имѣеть уклонъ къ протекающему здѣсь ручью Колодистому и частично занята крестьянскими усадьбами. На основаніи предварительныхъ развѣдокъ, можно было установить, что остатки жилищъ съ расписными сосудами расположены въ 7 рядовъ, идущихъ параллельно ручью. Раскопки производились въ 1-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ рядахъ—промежуточные ряды очень испорчены каменоломней и отчасти скрыты подъ землей, вынутой изъ каменоломни.

¹⁾ См. «Лѣтопись», 1899 г. ноябрь.

Методъ раскопокъ состоялъ въ томъ, что очищенное отъ верхняго слоя земли мѣсто жилища разбивалось на квадратные сажени и затѣмъ обслѣдовался каждый квадратъ. На этотъ разъ мы помѣщаемъ краткія свѣдѣнія о раскопкѣ 4-хъ площадокъ.

№ 1. Площадка расположена въ 1-мъ ряду, у дороги, ведущей изъ с. Колодистаго въ с. Гуляйполе. Правильности въ очертаніи формъ не установлено, площадь, занятая остатками жилища, занимаетъ около 15-ти кв. саж. Поверхность площадки не равномѣрна: въ одномъ мѣстѣ находился мусоръ, происходящій повидимому отъ обмазки стѣнъ или потолка, обвалившейся на полъ, состоять онъ изъ необожженої глины съ отпечатками дерева; въ другихъ мѣстахъ была обнажена лишь нижняя обмазка пола, также съ отпечатками жердей, а то и широкихъ плахъ; отпечатки шли въ направленіи, попеченному къ длини площадки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полъ сохранился лучше, имѣлась на лицо верхняя обмазка пола, въ формѣ хорошо обожженныхъ плитокъ, расположенныхъ въ 2 ряда. Въ одномъ случаѣ было обнаружено также и два слоя нижней обмазки, и здѣсь толщина пола доходила до 12-ти стм. Обжигъ пола иногда значительной интенсивности, такъ что глина превратилась въ кирпичный шлакъ. Среди деталей устройства пола нужно отмѣтить остатки двухъ глиняныхъ выступовъ (карнизовъ), шедшихъ поперекъ площадки на разстояніи $4\frac{1}{2}$ арш. другъ отъ друга (площадка имѣла приблизительно 3 саж. ширины и 6 длины); затѣмъ, воронкообразную яму, обложенную по краю кусками глины и открытую подъ верхнимъ поломъ (но мнѣнію г. Доманицкаго яма эта представляетъ изъ себя печь), и наконецъ, кругъ, діам. 1 метръ, состоявшій изъ пяти слоевъ пережженной глины и земли. Среди находокъ отдѣльныхъ предметовъ, встрѣченныхъ какъ на поверхности пола, такъ и подъ обмазкой, было много черепковъ посуды, нѣсколькихъ типовъ: 1) археического, украшенного вдавленнымъ орнаментомъ, 2) изъ сѣрої, хорошо обожженной глины и 3) расписной; найдены также части двойного сосуда. На площадкѣ и за краями ея найдено затѣмъ нѣсколько крупныхъ камней (гранитъ и песчаникъ) съ одной или двумя склаженными сторонами. Изъ болѣе мелкихъ предметовъ можно отмѣтить нѣсколько отбитыхъ кремневыхъ ножиковъ и каменное шлифованное орудіе въ формѣ клина, 15

стм. длиной. Въ разныхъ мѣстахъ встречались кости животныхъ, крупныхъ (лошади) и мелкихъ, и раковины *Unio pictorum*, въ одной изъ послѣднихъ замѣтны слѣды краски—охры.

№ 2. Раскопки площадки дали довольно интересные результаты. Расположена площадка въ 5-мъ ряду, занимаетъ приблизительно 6 кв. саж. Конструкція пола обычна—плитки и обмазка. Въ южной части (площадка направленіемъ съ сѣвера на югъ) обнаружена довольно глубокая воронкообразная яма, діам. отверстія въ 4 арш., и діаметромъ дна 1 ар. 6 вершк. Бока и дно состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ пережженной глины и земли, толщиной до 40 стм. По краю дна шла обмазка въ видѣ карниза и желобка. Въ днѣ ямы, подъ слоями глины, находился слой золы, толщ. въ 45 стм., въ которомъ найденъ большихъ размѣровъ сосудъ, наполненный пережженными костями, въ томъ числѣ и человѣческими, отчасти окрашенными желтой охрой—окраска получилась быть можетъ оттого, что на днѣ сосуда находилась эта краска. Возлѣ большого сосуда найденъ еще небольшой расписной сосудикъ, также со слѣдами краски. Кромѣ этого, въ ямѣ найдено нѣсколько фрагментовъ глиняныхъ статуэтокъ. Статуэтки (почти всегда лишь части ихъ) встречались и на поверхности площадки. И здѣсь найдены,—повидимому обычныя принадлежности площадокъ,—камни со склаженными поверхностями, затѣмъ, сосуды и черепки, кости животныхъ (вала) и человѣка и части кремневыхъ отбивныхъ орудій.

№ 3. Площадка расположена въ 20—30 саж. отъ ручья Колодистаго. Сверху слой наносной земли достигалъ $1\frac{1}{2}$ арш., на $\frac{1}{2}$ арш. подъ сооруженіемъ показалась вода. Изслѣдована только часть площадки, т. к. остальная занята садомъ. Сверху лежалъ мусоръ изъ скипѣвшагося шлака, подъ нимъ полъ и обмазка; характерную особенность послѣдней въ данномъ случаѣ представляетъ то обстоятельство, что съ внутренней стороны обмазка имѣла отпечатки тростника. Отмѣтимъ особенность устройства этой площадки: въ одномъ мѣстѣ, на полу, кроме части карниза, обнаруженъ кругъ въ $1\frac{1}{2}$ арш. діаметромъ, такого же состава, какъ и полъ, но съ правильно закругленными боками. Найдены отдельныхъ предметовъ были тѣ же, что и на двухъ предыдущихъ площадкахъ: черепки и сосуды, части статуэтокъ, камни, кости; найденъ также небольшой камень съ отшлифован-

вымъ концомъ, служившій, быть можетъ, для растиранія зеренъ, и куча грузилъ въ формѣ плоскихъ кружковъ съ отверстіями посрединѣ.

№ 4. Поверхность площадки имѣла разнообразный характеръ: въ одномъ мѣстѣ на лицо была лишь нижняя обмазка пола, въ другихъ—плиточный полъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружены части карнизовъ, иногда закругленныхъ, затѣмъ два глиняныхъ круга и наконецъ яма, съ обмазкой на бокахъ и на днѣ, окружностью 4 саж. и окружностью дна въ 2 сажня. Глубина ямы въ среднемъ 1 арш. Въ ямѣ находился сосудецъ, грузила и части статуэтокъ. Сосуды, черепки, камни и статуэтки встречались и въ другихъ частяхъ площадки.

Какъ на новые факты, добытые раскопками этихъ площадокъ и касающіеся конструкціи послѣднихъ, можно указать на круги, устроенные на полахъ, и на ямы, признаваемыя В. Н. Доманицкимъ за печи. Однако, окончательное установленіе этихъ фактовъ требуетъ еще новыхъ раскопокъ.

Директоромъ Артиллерійскаго Музея *H. E. Брандербуромъ* въ настоящее время производятся раскопки кургановъ на мѣстѣ обширнаго скіфскаго могильника въ Роменскомъ у. Полтавской губ. въ имѣніи кн. Щербатова.

Музеи и собранія древностей.

Работы Полтавскаго земства по переоцѣнкѣ имуществъ представили случай земскому статистику Н. К. Галимскому доставить въ мѣстный естественно-историческій музей очень цѣнныя предметы чумацкаго и козачьяго обиходовъ. Къ предметамъ чумацкаго обихода относятся: обширнѣйший чумацкій возъ, который поражаетъ своей массивностью и указываетъ, что для передвиженія его нуженъ былъ болѣе рослый и здоровый скотъ, чѣмъ въ настоящее время; рубаха съ оригинальными узорами; бабка для отбиванія кость; деревянная ножка съ кольцомъ, которая прикрѣплялась, вѣроятно, къ очкуру посредствомъ ремешка и пряталась за голенищу; лулька съ жигаломъ; деревянная чашка

съ салотовкої, выдѣланная въ тѣхъ видахъ, чтобы, не двигаясь съ мѣста, можно было, „мнять кашу“ и, одновременно, „тобкы“ сало; нагайка для „жартивъ“, которая вручается жениху при свадебныхъ обрядностяхъ; сирақъ съ „видлогою“; женская узорчатая рубаха; коллекція плахтъ, совершенно не такихъ яркихъ цвѣтовъ, какъ обѣ этомъ привыкли думать; передникъ для плахты; серги (гадючки) оригинальной формы, дукачи; коллекція очипковъ,—болѣе старая форма, остроконечная, замѣнена овальной подъ вліяніемъ городской моды; пара запасокъ, намитка, головная стричка; красные сафьяновые черевычки.

Изъ предметовъ козачьяго обихода: козацкій жупанъ съ гаплыками; козачье сѣдло; козачья сабля съ обыкновенной, не защищающей кисть рукоятью; кожаный козачій поясъ съ серебряными украшеніями и патронташемъ; гигантскій козачій поясъ въ нѣсколько саженъ длины, многократно обворачивавшійся вокругъ таліи.

Вещи интересны также и какъ показатель, насколько развиtъ художественный вкусъ населенія. Между прочимъ имѣется кофта съ пелериной, какія прежде носили старухи-козачки,ничѣмъ не отличающаяся отъ модной современной кофты губернскій барыни. Вещи еще не систематизированы, но и въ такомъ видѣ заставляютъ зрителя перенестись мысленно во времена сравнительно давнія.

Експедиції земскихъ статистиковъ въ уѣзды дали возможность возбудить интересъ у деревенскихъ обывателей къ цѣлямъ и задачамъ естественно-исторического музея, и, нужно надѣяться, дѣло собираанія археологического и этнографического матеріала можетъ стать на болѣе прочную почву. „Полт. Губ. Вѣд.“

Въ г. Николаевѣ, у А. Ф. Фогеля, имѣется прекрасная коллекція предметовъ, происходящихъ изъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній (главн. обр. изъ Ольвіи) и собираемыхъ владельцемъ уже около 10-ти лѣтъ. Особенно замѣчательны отдѣльные вазы: здѣсь имѣются великолѣпная панафинейская чернофигурная амфора, чернофигурные и краснофигурные аттическіе сосуды, „мегарскіе кубки“, сосуды римскаго периода, сосуды въ формѣ людей и звѣрей, терракотовыя фигуруки и т. п. Богатъ также

отдѣль стекла—есть стекляные сосуды, замѣчательные по красотѣ и изяществу. Кроме этого, коллекція заключаетъ въ себѣ также издѣлія изъ бронзы и слоновой кости.

Въ г. Очаковѣ, протоіереемъ Н. Левицкимъ собрана небольшая коллекція классическихъ древностей изъ покупокъ въ с. Парутинѣ (Ольвія) и изъ раскопокъ на о. Березани. Интересны въ коллекціи сосуды, между которыми есть и милетскіе.

По ходатайству Херсонской Ученой Архивной Коммісіи, Имп. Археологическая Коммісія разрѣшила передавать въ Херсонскій Археологический Музей дублеты предметовъ изъ Керченского Музея и изъ раскопокъ въ Херсонесѣ.

Можетъ быть, что было два полковника Гловацкихъ, Петръ и Степанъ, при чмъ послѣдній долженъ бытъ полковникомъ уже не королевскаго, а того Иченскаго полка, который по извѣстію Самовидца, (изд. 1847 г., 14), въ числѣ прочихъ полковъ, въ 1649 г. „притягнулъ до Хмельницкого“.

Засимъ, обѣ Ичнѣ имѣемъ лишь свѣдѣніе, что въ 1656 г. здѣсь уже былъ „мѣскій урядъ“, состоявшій изъ представителей какъ „товариства“, такъ и „чоспольства“. Составъ его виденъ изъ одной купчей, которая начинается такъ: „Р. 1656, мѣс. августа 7 дня. Передъ нами, Иваномъ Третякомъ, атаманомъ городовимъ, и Василемъ Герасимовичемъ, войтомъ, Остапомъ Карасѣемъ, Якимомъ Шептухою, бурмистрами Иченскими. На врядѣ ставши, передъ нами, Климъ Грищенко, созналъ намъ, ижъ продалъ п. Семену Ярмаченку, крамару, сѣножать“ и т. д.

Кр. II. 244 д. А. 255 д. (12 „зимовчик.“) В. 215 д. В. 391 д. Пс. 51 д. Г. 168 д. 182 х. Пс. 11 д. 12 х. и 24 бд. х. Д. 332 д. 445 х. Пс. 132 д. 239 х. Кз. В. 111 д. Г. 218 д. 231 х. Пс. 128 д. 138 х. Д. 275 д. 412 х. Пс. 11 д. 15 х.

Между прочимъ, изъ ревизіи 1740 г. видно, что за 4 года (1736—740) изъ Ични ушло крестьянъ—97 хоз. Затѣмъ, въ судьбѣ Иченскихъ крестьянъ произошли такія событія: часть ихъ (20 дворовъ) въ 1748 г. отдана была кн. Николаю Саакадзеу и двумъ малолѣтнимъ его сыновьямъ, Егору и Ивану¹⁾. Но еще болѣе важнымъ событіемъ была отдача Разумовскому, въ 1752 г., всего Иченскаго посполитаго населенія, въ „вѣчное владѣніе“, Прилуцкому полковнику Григ. Галагану, взамѣнъ Веремѣевки (с. 51).

При отдачѣ крестьянъ Галагану, имъ произведена была опись, при чмъ крестьянъ „бездѣховыхъ“—оказалось 132 дв.,

¹⁾ Кн. Николай Саакадзеъ былъ отцомъ Алексѣя, получившаго крестьянъ въ Монастырищѣ. Отецъ, съ малолѣтними братьями Алексѣемъ, прибылъ изъ Грузіи позже старшаго сына. Впослѣдствіи, крестьяне отца и братьевъ перешли къ Алексѣю, какъ видно изъ вѣдов. 1780 г.

155 х. и 27 бд. хатъ, а цеховыхъ, особо, 73 дв. 74 х. и 3 бд. х., всего, значитъ, 205 дв. 229 х. и 30 бд. х. Изъ свѣдѣній объ имущественномъ состояніи крестьянъ первой категоріи, видно, что у 61-го изъ нихъ не было ни скота, ни земли, а у остальныхъ было: скота—по одному и по два вола, а земли большею частью, по 3 „дня“, при чемъ у очень многихъ были и „лѣски“, указывающіе, что еще и въ пол. XVIII в. Ичня окружена была лѣсами. Домохозяевъ, у которыхъ были винокурни и торговыя лавки („на ринку“), было не болѣе трехъ¹⁾.

Изъ числа „цеховыхъ“, т. е. ремесленниковъ, нѣкоторые имѣли по нѣсколько „дней“, земли, но у большинства—ни земли, ни скота не было; и такихъ, которые ничего не имѣли, а „бавились зѣ ремесла“ только, было—болѣе половины (43 изъ 76). Ремесла были: шевское, кравецкое, плотницкое (теслы), гончарское, ткацкое, ковальское. Больше всего было сапожниковъ. Въ той же вѣдомости описаны и „пустые плецы“ (усадьбы), которыхъ оказалось 137, при чемъ землею, принадлежавшою къ этимъ запустѣвшимъ „плецамъ“, иногда продолжали пользоваться прежніе хозяева²⁾; впрочемъ, ихъ было немного, такъ какъ такихъ пустыхъ плецовъ, хозяева которыхъ ихъ бросили совсѣмъ, было—110.

Приведенные свѣдѣнія указываютъ, что и такие выгодные въ промышленномъ отношеніи центры, какимъ несомнѣнно была Ичня, не давали возможности населенію богатѣть...

¹⁾ Но были и такие дворы, какъ, напр., Ступы—симѣеть цашенной земли дній 4, да на томъ же дворѣ винница козака Скибы, въ которой и робатся (вино), якобы по вуплѣ того двора (Скибою у Ступы, значитъ...)

²⁾ „Пустой плецъ Уласа Дорошенка. Плецемъ, подъ огородомъ, пашеною землею, двома днами, сынъ его Василь, жіючи въ подсобѣдкахъ у гн. тов. Рудавскаго, владѣетъ“.—„Пуст. плецъ Гаврила Божка. Плецемъ пустымъ и къ оному принадлежащимъ полемъ, 4-ма днами, живуучи онъ, Божко, въ подсобѣдкахъ, у б. тов. Григ. Стороженка, владѣетъ“.—„Андрей Масикъ. Плецемъ своимъ дворовимъ, подъ огородомъ, лѣсомъ частью, живуучи въ козака Писаренка въ подсобѣдкахъ, владѣетъ“. Видно, что хозяева иногда бросали свои дворы изъ за того, чтобы „уклоняться отъ общенародныхъ повинностей“.

По описанію Пащенка, Ичня въ 1780 г. представляется въ слѣд. видѣ. „Положеніе имѣеть на ровномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ рч. Ични, на которой плотинъ 5, мельничныхъ амбаровъ 6, о 6-ти колахъ, при столбовыхъ дорогахъ: изъ Стародуба въ Прилукъ и изъ Ромна въ Киевъ.—Церквей деревянныхъ—6, сотенное правленіе, лавокъ торговыхъ—73, въ которомъ числѣ рыбныя, соляныя, мясныя, гончарскія и съ краснымъ товаромъ. Затѣмъ, перечислены дома старшинъ и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ названы: кол. ас. Галаганъ, подполк. Ив. Новицкій, сек.-майоръ Дан. Ключаревскій, сек. майоръ Вас. Рудавскій, в. тов. Ефимъ Ярошевскій, возный Кир. Довбня, отст. вахмистръ Данило Буличъ, сотникъ Демянъ Лисянскій и т. д. Козаковъ: выборныхъ—55 д. 123 х. и подпом.—220 д. 289 х. Посполитыхъ: к. ас. Ив. Галагана—332 д. 445 х., полковн. Андр. Закревскаго—4 д. 8 х., сек.-м. кн. Алексія Саакадзе—7 д. 13°х., разн. чиновъ, церковн. и священ. подсосѣдк.—121 д. 218 х., козач. подсос.—11 д. 15 х. Въ тамошнихъ чиновниковъ, разночинц., священниковъ, козаковъ и послопитыхъ—винокур. котловъ 123.—Въ числѣ козак. и послоп., ремеслен. людей до 78, которые раздѣлены по цехамъ; съ вихъ—портные, кузнецы, ткачи, бондари и гончары работы свои производятъ на обывателей только тамошнихъ, а сапожники вырабатываляемый товаръ отвозятъ на ярмонки въ Кременчугъ, Прилуку, Ширягинъ и м—рь Густынскій. Викуриаемое здѣшними жителями вино, кроме продажи въ семъ м—кѣ, отвозятъ въ Прилуку, м—рь Густинскій и с. Деймановку. Большая часть обывателей упражняются въ хлѣбопашествѣ; нѣкоторые ходятъ въ Кримъ по соль и въ Черкасскъ по рыбу. Торги бываютъ по два раза въ недѣлю, а ярмонки въ годъ по 3 раза; прѣѣжаютъ купцы зъ Нѣжина, Прилукъ, Борзы и Конотопа, зъ шолковыми и суконными товарами и друг. разн. вещами. Въ здѣшнихъ лавкахъ продается: сахаръ, платки шолковые и бумажные, холстъ, крашаница, штаметъ, полурутинъ, кримская выбойка и др.“

Х. Романовщина—тѣмъ же Пащ—мъ—описанъ такъ: „сотника Ичанскаго Ивана и войск. тов. Петра Романовичовъ, отъ м. Ични въ 2-хъ верст., при рч. Ичнѣ, на котор. мельница 6

2-хъ кол. Въ немъ сотника Романовича домъ жил., дерев., о 4—хъ пок., а другой Петра Р—ча, о 3-хъ пок. Подсосѣдк. Ив. Р—ча—10 дв. 10 х. и П. Р—ча—5 д. 9 х.

Въ числѣ многихъ хуторовъ, окружавшихъ Ичню, показанъ и „х—ръ въ лѣсѣ Нежеровѣ, козаковъ Ичанскихъ Дзюбѣ, отъ Ичнѣ въ 7-ми верст., при рч. Нежеровкѣ, на котор. мельница вешняя. Въ х—рѣ 1 дв. 5 х.“ (См. с. 164, прим. 4).

С. Буромка, рч. Буромка.¹⁾ Въ 1659 г., Прилуцк. полковн. Терещенко просилъ царя Алексея Михайловича отдать Буромку съ Шиловичами—известному Иченскому протопопу Адамовичу, при чемъ добавлялъ, что села эти „ныне разорены и огнемъ сожжены отъ безбожныхъ агарянъ.“²⁾ Просьба эта не была уважена. Б., вмѣстѣ съ Ш—ми, отданы были генер. судѣ Мих. Вуяхевичу, Мазепою, вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы, какъ подтвердительная царская грамота на эти села выдана была В—чу, въ 1689 г., въ Москвѣ, во время первой поѣздки туда Мазепы.³⁾ Вуяхевичъ, какъ известно, избранъ былъ затѣмъ (1690 г.) архимандритомъ Печерской лавры, съ именемъ Милетія, при чемъ Б—ка и Ш—чи у него отобраны не были, а В—чъ ихъ, тогда же, отдалъ лаврѣ.⁴⁾

¹⁾ Такъ, этотъ незначительный притокъ верхняго Удая, названъ у Шащенка.

²⁾ Памятники, изд. Кіевск. Ком., изд. 2-е, III, 393.

³⁾ См. у Костомарова, «Мазепа», стр. 41. Собственные имена здѣсь переиначены и искажены (какъ это часто видимъ у Костомарова) до неузнаваемости; такъ и относительно В—ча сказано, что за nimъ утверждены два села въ «Полтавскомъ повѣтѣ», но слѣдуетъ читать—въ Прилуцкомъ, какъ и въ слѣд. строкѣ вм. Любецкомъ, слѣдуетъ читать—Лохвицкомъ...»

⁴⁾ Опис. К. Лавры, м. Евгенія, изд. 1831 г., стр. 148. У Костомарова („Мазепа“) мотивъ Вуяхевичеваго постриженія указалъ тотъ, что „бессемейный и безродный онъ, В—чъ, чувствуетъ уже подходящую старость, счѣль за лучшее искать пристанища въ стѣнахъ св. обители...“ Едва ли это было такъ. Вѣрѣте, что В—ча манила не сама обитель, а заранѣе условленное въ ней первенствующее положеніе; для, лавры же Б.—былъ желателенъ, повидамому, какъ владѣлецъ четырехъ селъ, который онъ отдавалъ ей при этомъ. Митр. Евгеній говоритъ, вирочемъ, что В—чъ въ это время былъ очень старъ, но лаврою

Кр. А. 100 д. В. 70 д. В. 84 д. Г. 34 д. 40 х. Ис. 1 х.

Д. 52 д. 79 х. Ис. 4 д. 10 х. Кз. В. 25. д. Г. 22 д. 24 х.

Ис. 2 д. 2 х. Д. 31 д. 81 х. Церк. св. Параскевіи. Свящ.

Семенъ Зборовскій. Какъ видно, крест. населеніе уменьшилось за 77 л. на половину. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что за четыре года (736—740) изъ Б. ушло 21 хоз. Не дали возможности монахи появиться здѣсь и подсосѣдкамъ, кроме 2-хъ дв. „вдовы Милорадовичевої“, какъ означено въ опис. Пашенка.

С. Шиловичи, также рч., что и въ Буромкѣ и та же исторія села, что у Буромки. Кр. А. 26 д. В 14 д. В. 14 д. Г. 6. д. 6 х. Д. 9 д. 11 х. Ис. 4 д. 5 х. Кз. 24 д. Г. 14 д. 20 х. Ис.

онъ правилъ болѣе шести лѣтъ († 1697). В—чъ былъ, повидимому, правобережный шляхтачъ, судя по его женѣ, о которой имѣется свѣдѣніе въ актѣ 1686 г.—„Я, Жданъ Талрина... вѣдомо чиню, ижъ што въ небытности его мл. п. Мих. Вуяхевича, судиѣ Войска вхъ ц. пр. велич. Заш. енер., за прїездомъ въ Кіевъ, зъ лядской стороны, нѣjakогоſ Страшкевича, съ женою его Марию Скоковщанкою, первого малженства Жукинскаго, набылъ былъ, къ своему двору, на килка сажней, чрезъ увесъ садъ, плецъ Жукинскій; теды, за прибытѣемъ его ива Вуяхевича зъ малженкою его, Екатериною Жукинщанкою, дѣдичкою того пляцу.... На замѣну того Жукинскаго его пляцу, купилъ церковный пляцъ Тетерковскій па церковь святого прпка Ілии, за отщущеніе грѣховъ....» 1686 г., іюля 27. (*Съ подлинни-ка, въ наш. б.—къ*). Отсюда видно, что женою В—ча была Жукинщанка, а у жены Страшкевича первымъ мужемъ былъ Жукинскій; обѣ онъ простирали свои права на этотъ пляцъ, причемъ «дѣдичкою» его называла себя жена В—ча, будучи, значитъ, дочерью одного изъ Жукинскихъ. А Остерское село Жукинъ принадлежало В—чу, такъ какъ онъ его отдалъ лаврѣ вмѣстѣ съ Буромкою (Оп. К. Л., 148). Слѣдуетъ заключить, поэтому, что В—чъ былъ женатъ на дочери одного изъ Жукинскихъ, которымъ принадлежало село Жукинъ. (Гг. Dziejowe, XX, II, 192, 354, въ «Остерск. уѣздѣ», 93). Затѣмъ, относительно безсемейности В—ча можно замѣтить, что изъ дѣла о дворянствѣ священниковъ с. Кривоносовки (Н.-Сѣверск. у.) Вуяхевичей (арх. Черниг. двор. собр.), видно, что они свой родъ ведутъ по прямой линіи отъ Мих. В—ча. О посгѣднемъ можно еще сказать, что въ молодости онъ былъ писаремъ у Самка, когда послѣдній въ 1662 г. назывался наказн. гетманомъ. (Акты Ю.-З.-Россіи, VII, 354 и друг.).

З д. З х. Д. 22 д. 48 х. И здѣсь видимъ тоже уменьшеніе крест. населенія. Подсосѣдки принадлежатъ „подкоморію“ Григорію Закревскому, значитъ, тоже человѣку важному. Церк. св. Паскевичи. Свп. Захарій Лѣсницкій.

С. Томашевка, лѣв. б. Удая,—противъ Дорогинки,—вѣроятно, выселокъ изъ послѣдней. По универсалу Скоропадскаго 1709 г., Т. отдана Андрею Стороженку, въ то время Иченскому сотнику; затѣмъ перешла къ сыновьямъ его, Григорію и Ивану, а въ 1780 г. принадлежала сыновьямъ послѣдняго, майору Михайлу и б. тов. Данилу Стороженкамъ Кр. А. 18 д. В. 12 д. В. 30 д. Г. 9 д. 10 х. Цс. (Миниха) 7 д. 7 х. Д. 27 д. 29 х., „разныхъ владѣній“. Кв. нѣть. Црк. Вознесенія Христова.

С. Лучковка, Иченка, поселена Андреемъ Стороженкомъ, который купивъ здѣсь, въ 1706 г., у козака Лучка, участокъ земли, за 200 золот., сталъ селить на немъ слободу.¹⁾ Кр. В. 18 д. Г. 10 д. 10 х. Д. Пс. 10 д. 10 х. Кв. Д. 3 д. 5 х. Црк. св. Михаила. Свщ. Петръ Лемницкій.

С. Гмирянка, рч. Городянка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1712 г., отдана гр. Борису Шереметеву, который получивъ отъ гетмана два села, просилъ дать ему еще и богатое мѣстечко Бакланъ... Скоропадскій рѣзко отвергнулъ эту просьбу, вѣроятно, объяснивъ, что Бакланъ составляетъ цѣлый ключъ, съ нѣсколькими селами и деревнями. Но, тѣмъ не менѣе, не желая раздражать сильнаго „птенца“, прибавилъ ему, къ двумъ селамъ, еще и третью—Гмирянку. Послѣ этого Шереметевъ писалъ Скоропадскому: „вашей ясн—ти писаніе, отпущенное изъ Глухова отъ 14 с. мѣс. (ноября 1712 г.), съ должностнымъ респектомъ воспріялъ, изъ котораго выразумѣвъ, что в. ясн—ть мою докукою не токмо скучилъ, но и до гнѣву привелъ, и въ томъ вышнимъ Богомъ себя свидѣтельствую, что я великую отъ того в. письма скорбь получилъ и не токмо бѣ Баклани, но изъ трехъ такихъ мѣстечекъ в. ясн. не хотѣлъ па гнѣвъ подвигнуть... Что жъ по своей милости, изъ любви, жалуешь село

¹⁾ Изъ Румянц. описи.

Гмирянку... еще-жъ буде возможно (и не въ малую противность) который къ тому быль хуторъ, дабы не раздѣлать. А ежели, хотя мало противно будетъ, и о томъ не скучаю, довольствуяся тѣмъ третьимъ селомъ Гмирянскимъ, на которое изволите в. ясн. приказать дать свой полномочный универсалъ¹⁾... О какомъ хуторѣ говорить здѣсь Шереметевъ—не известно.
Кр. А. 141 д. В. ? В. 169 д. Пс. 5 д. Г. 110 д. 122 х. Пс. 1 д. 1 х. Д. 152 д. 185 х. Пс. 3 д. 8 х. Кв. В. 46 д. Г. 48 д. 58 х. Пс. 2 д. 2 х. Д. 116 д. 20 х. Црк. Покрова Б—цы. Свяц. Андрей Куроцкій. Въ 40-хъ годахъ, Г—ка, отъ Шереметевыхъ, перешла къ Сгрѣщенцамъ, Кириллу и Макару.

С. Гужовка, рч. Гужовка²⁾, въ полов. XVII в. была на сколько многолюдна, что, въ 1649 г., значилась центромъ особой сотни³⁾. Значится Г—ка и въ переписныхъ книгахъ 1666 г., такъ какъ указываемое здѣсь (стр. 33), вслѣдъ за с. Ржавцемъ, с. Жюковка—никакимъ другимъ селомъ, какъ только Гужовкою, быть не можетъ, и названа Жуковкою, великорусскими писцами ошибочно, по сходству звуковъ⁴⁾... Г—ка принадлежала къ числу ратушныхъ сель и оставалась свободною до 1732 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. При этомъ, въ вѣд. 1740 г., замѣчено: „въ Г—кѣ посполитыхъ и ихъ подсудѣдк. живущихъ двор. было, когда во владѣніе надано—57, а нынѣ, на лице состоить, живущ. двор. 24. Зъ оного, съ самихъ посполит., окладу собирается въ годъ денегъ 12 рубл.“. Затѣмъ Г. находилась въ такомъ же ранговомъ владѣніи г. ес. Жоравки.
Кр. А. 73 д. В. 23 д. В. 40 д. Пс. 21 д. Г. 29 д. 29 х. Д. 34 д. 47 х. Пс. 18 д. 31 х. Кв. В. 40 д. Г. 46 д. 47 х. Пс. 14 д. 17 х. Д. 93 д. 167 х. Црк. Преображенія Г—я. Свщ.

¹⁾ Матер. для Отеч. Истор., II, 365.

²⁾ Такъ названа эта рѣчка у Цашенка; повидимому, это былъ незначительный притокъ Удая.

³⁾ Въ «Реестрахъ» 1649 г., на стр. 319, она по ошибкѣ названа Гуровскою вм. Гужовскою.

⁴⁾ Сличая прозвища жителей «Жюковки» 1666 г. съ прозвищами жителей Гужовки 1713—729 гг., мы встрѣчаемъ въ первой—*Новаковъ*, а въ послѣдней *Новаченка*, въ «Жюковкѣ»—«Шутой», а въ Гужовкѣ Шута...

Иванъ Стефановъ. Показанные по ревизіи 1740 г. (Г.) подсосѣдки всѣ состояли изъ „стельмаховъ“ (плотниковъ), изъ которыхъ 7 д. было полковничихъ (Галагана), 2 д.—сотника Иченскаго и 12 д.—козацкихъ.

С. Ржавецъ, рч. Ржавецъ, отданъ Мазепою, въ 1690 г., Ив. Стороженку, который уже прежде скупаль тутъ „грунта“, будучи еще сотникомъ (с. 17). Въ 1693 г., по смерти Ив. С—ка, Р. Мазепою былъ утверждены за его вдовою Марьей и сыномъ Андреемъ; а по универсалу 1712 г., Р. былъ подтвержденъ Андрею С—ку и сыну его Григорию. Кр. П. 18 д. А. 105 д. В. 73 д. В. 124 д. Г. 87 д. 95 х. Пс. 2 д. 2 х. Д. 137 д. 163 х. Пс. 16 д. 33 х. Ев. В. 18 д. Г. 21 д. 21 х. Д. 31 д. 60 х. Црк. св. Троицы.¹⁾ Свящ. Левъ Полянскій и Иванъ Кушакевичъ. Населеніе Ржавца, по описанію Пащенка: козак.—31 д. 60 х. Крест.: б. тов. Мих. Стороженка—58 д. 70 х., сотника Григорія С—ка—40 д. 45 х. вдовы б. т. Данила С—ка, Катерини—39 д. 48 х., всего крест. 137 д. 163 х. Разночинческихъ подсосос.—16 д. 33 х.

С. Парафіївка, верховье рч. Смоши, значится въ переписи 1666 г., съ 24-ми двор. „мѣщанъ“, т. е. крестьянъ; до 1700 г. принадлежала къ числу ратушныхъ сель, а 1 июля этого года, отдана, Мазепою, генер. есаулу Ломиковскому, у которого оставалась до его измѣны. Въ числѣ „измѣнническихъ“ сель, П. отдана Петромъ В., 27 февраля 1710 г., известному Саввѣ Рагузинскому, при чёмъ она тогда же была описана такъ: „Подданныхъ пашенныхъ—75 двор., лѣзныхъ—29 дв., а всего 104 дв.; а въ тѣхъ дворахъ поддан. муж. п.—293 чел., а женска и дѣвичья полу—269, а всего 562 душъ. У нихъ коней—76, воловъ 70, коровъ—96, овецъ—305, свиней—129. Съ нихъ платы, съ 131 рабоч. съ коня и вола, по 3 алт. и по 2 денги, въ годъ, итого 13 р. 3 а. 2 д. Козаковъ пашенныхъ—42 дв., бобылей козач. и ихъ сосѣд.—20 дв., а всего 62 дв.; изъ нихъ въ войско ходить только 8 челов., у нихъ статку: коней 93, во-

¹⁾ Объ иконѣ Ржавской Божіей Матери, очень чтимой въ южной Малороссіи, см. Кіевск. Стар. 1900 г., іюль—авг., отд. 2, стр. 11.

ловъ 67, мѣлкаго скота 450[“] ¹⁾). Эти любопытныя свѣдѣнія относительно экономического быта селянъ нач. XVIII в.—указываютъ на нѣкоторое ихъ благосостояніе, которое затѣмъ подверглось такому упадку, какъ мы видѣли, напр., относительно Иченскихъ крестьянъ пол. XVIII в. (с. 225). Послѣ смерти Саввы Рагуз—го, имѣнія его, по завѣщанію, достались его племяннику, гр. Гаврилу Владиславичу, а послѣдній, умирая въ 1739 г., завѣщалъ ихъ брату своему Мойсею Владиславичу. По спору—съ послѣднимъ—старшаго брата Ефима Владиславича, половина имѣній Рагузинскаго отсуждена была, въ 1742 г., ему ²⁾; такимъ образомъ и Парафіевкою, въ пол. XVIII в., владѣли, пополамъ, Ефимъ и Моисей Владиславичи. Отъ нихъ II—ка перепла въ 1778 г. къ гр. П. А. Румянцову, вмѣстѣ съ другими имѣніями Рагузинскихъ ³⁾. Кв. П. 24 д. А. ? В. ? В. 151 д. Г. 55 д. 69 х. ⁴⁾
Д. 148 д. 193 х. Кв. В. 17 д. Г. 22 д. 33 к. Д. 44 д. 102 х.
пс. 5 к. Церк. св. Николая. Свящ. Осипъ Григорьевъ и Александръ Иванишъ. Значительное уменьшеніе крест. за 11 л. (1729—740), произошло между прочимъ, и отъ ухода ихъ, за четыре года (1736—740), въ количествѣ 40 домовъ, изъ которыхъ ушло 4—„за Днѣпъ“, 2—въ „Черкасскѣ“ (на Донъ), 2—въ с. Гмирянку, а остальные 32—„безвѣстно“.

Къ Парафіевкѣ, въ полов. XVIII в., принадлежали слѣдующіе хутора.

1. Западня, названный лишь по одному имени въ ревизіи 1740 г., принадлежалъ Владиславичамъ, въ 1780 г.—3 х.
2. Жабокривка, Владиславичей, по вѣд. 1753 г., 4 д. 5 х. 7 бд. х., а въ 1780 г.—24 д. 35 х.

¹⁾ Изъ переписныхъ книгъ—ожалованыхъ Рагузинскому имѣнію, нынѣ хранящихся въ м. Топалѣ, Новозыбк. у., у кн. М. Ц. Долгоруковой.

²⁾ Записки Черниг. стат. ком., II, 84 и слѣд.

³⁾ Опис. Стар. Малороссія, I, 404.

⁴⁾ По ревизіи 1740 г., указаны въ Парафіевкѣ два «владѣльческихъ шинка», въ которыхъ тогда сидѣли: въ одномъ—«жилъ Аврамъ», въ другомъ—«жилъ Лейба».

3. **Туркеновка**, Смошъ, Владиславичей, по вѣд. 1753 г.—17 д. 12 х. 2 бд. х., а въ 1780 г.—35 д. 35 х.

4. **Петрушовка**, Смошъ, Степана Стороженка, Яблун. сотника, по вѣд. 1753 г.—11 бд. х., а въ 1780 г.—10 д. 10 х.

5. **Каченовщина**, Смошъ, майора Михайла Коченовского, по вѣд. 1753 г.,—1 д. 1 х. 4 бд. х. О поселеніи этого хутора въ Румянц. описи находились слѣд. свѣдѣнія. „Въ 7-ми верст. отъ Шарафіевки, при рч. Смошѣ, находился водяной „млинъ, принадлежавшій одному изъ приказчиковъ Владиславичей Родіонову и Иваницкому козаку Прочаю, которые, затѣмъ, его продали, жившему въ м. Иваницѣ, Нѣжинскому греку Федору Болгарину. Послѣдній сталъ тутъ скушать поля и лѣса и основалъ хуторъ, который въ 1742 г. продалъ „двору ея и. величества пѣвчому Федору Ивановичу“, за 890 рубл. Недалеко отъ мельницы Болгарина, на той же рч. Смошѣ, находился другой хуторъ, принадлежавшій также Нѣжинскому греку Фомѣ Мачемачу; по смерти М—ча, хуторъ перешелъ къ пяти его дочерямъ, которая въ 1744 г. этотъ хуторъ продали тоже „Федору Ивановичу Коченовскому, дворянину и шляхтичу“, за 1690 р. Этотъ Коченовскій и былъ устроителемъ хутора, получившаго название поэтому Качановки. Когда же Коченевскій былъ пожалованъ болѣе богатыми маestностями (см. с. 138), то Качановку онъ продалъ, въ 1749 г., брату своему секундъ-майору Михайлу Коченевскому, обязавъ его при этомъ—десятиую часть помола съ водяныхъ мельницъ отдавать: половину на Шарафіевскую церковь св. Николая, а другую—на „шпиталь нищимъ“. Отъ Коченевского Качановка перешла къ Румянцову¹⁾.

6. **Власовщина**, „при впаденіи рч. Парафѣевка въ рч. Смошъ, на оной рѣчкѣ плотина обѣ 1-мъ амбарѣ, 16 дв. 17 х.“ (Пашенко).

¹⁾ При Румянцовѣ, въ Качановѣ построено было большої каменный домъ и заведены садъ, положившій начало тому великоколѣнному парку, которымъ славилась Качановка при Тарновскихъ, во владѣніи которыхъ она, послѣ Румянцова, находилась до 1897 г.

Красноколядинская сотня, въ к.^е XVII и нач. XVIII в., занимала оба берега верхняго Ромна и его притоковъ. На этомъ пространствѣ, въ 1649 г., мѣстилось четыре сотни: Краснанская, Крапивянская, Голенская и Корибутовская. („Реестръ“, 316—320). Въ 1654 г. Крапивянской сотни уже не существовало; но три остальные значились, какъ это видно изъ списка мѣстечекъ Прилуцкаго полка, населеніе которыхъ было приведено къ присягѣ, при подданствѣ Малороссіи. (Акты Ю. З. Р., X, 295). Къ 1672 г. перестала существовать сотня Голенская, а къ к. XVII в.—поселенія всѣхъ названныхъ четырехъ сотенъ—соединены были въ одну, Красноколядинскую. Въ такомъ составѣ послѣдняя существовала до 1738 г., когда изъ нея была выдѣлена восточнаа половина территории въ особую сотню, Корибутовскую или, вѣрнѣе, Голенскую. Обѣ сотни—Красноколядинская и Корибутовская—описываются раздѣльно, такъ какъ, по характеру административной дѣятельности ихъ сотниковъ, населеніе этихъ сотенъ жило при условіяхъ неодинаковыхъ.

Красноколядинскіе сотники. Тишко Гавриленко, 1654. (Акты Ю. З. Р., X, 97). Иванъ Самойловичъ, 1665. Данило Печеньй, 1672. Павелъ Загурскій, 1672. Тимофей Андреенко, 1681¹⁾. Тимофей Юрьевичъ, 1687. Корнѣй Салогубъ, 1701—708. Леонтій Лашинскій, 1710—717. Маркъ Ангеліовскій, 1717—733. Петръ Семеновичъ Максимовичъ, 1738—761. Иванъ Павловичъ Миницкій, 1764—780.

Самойловичъ, будущій гетманъ, былъ уроженецъ Сквирскаго м. Ходоркова, сынъ тамошняго священника, переселившагося въ Колядинъ. Тутъ будущій гетманъ получилъ мѣсто сотенного писаря: „а ижъ былъ (С—чъ) въ писмѣ козакорусскомъ доволенъ, разуменъ, уроди краснои, добръ и ко всѣмъ людемъ склоненъ и прихilenъ, того ради вскорѣ, въ томъ же Кр. Колядинѣ, поставленъ писаромъ сотеннымъ, за Бруховецкого гетманства, занеже и писиваль красно“. Такъ разсказываетъ Величко (П, 305) о первоначальной карьерѣ будущаго гетмана.

¹⁾ Сынъ его, Иванъ Тимошевскій «постригся въ попы въ 1712 г.» и въ 1734 г. былъ протопопомъ Иченскамъ.

По его же свѣдѣніямъ, живя въ Колядинѣ, С—чъ чѣмъ то заслужилъ покровительство генер. писаря (при Брюховецкомъ) Степана Гречанаго, „за причиною“ котораго, сначала, поставленъ былъ сотникомъ въ Веприкѣ (Гадяцк. п.), а потомъ—переведенъ на тотъ же сотничий урядъ, въ Колядинъ. Отсюда, по свидѣтельству Величка же, С—чъ, „за причину тогоже Гречаваго, поставленъ отъ Бруховецкаго наказнымъ полковникомъ Чернѣговскимъ“. Но прежде, чѣмъ С—чъ получилъ Черниговское полковничество, онъ былъ сначала полковникомъ охочекомоннымъ. Случилось это такъ. Во время еще его сотничества, С—чъ, „по указу государеву“, былъ наряженъ, съ отрядомъ козаковъ, въ какой то походъ къ Смоленску. Объ этомъ писалъ Брюховецкій царю, въ нач. 1665 г.—„а что, в. царское величество, указали было къ Смоленску, еще лѣтомъ, часть войска Запорожскаго послати и я сотника Краснянскаго Ивана Самойленка послать есмь, которой стоитъ въ Стародубщинѣ, указу ожидающи, о которомъ и я покорно бью челомъ: куды имѣю того сотника, съ тою частью, войска обратити, къ себѣ лѣ или куды“? ¹⁾ А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Брюховецкій доносить царю, что „снесеніе надъ непріятелемъ подъ Кричевомъ и Гомелемъ, стало“ отъ полковниковъ Стародубскаго—Остренина и „Запорожскаго конного—Ивана Самойловича“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что за эту самую побѣду, надъ поляками, С—чъ и поставленъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ. Во всякомъ случаѣ, карьера С—ча была очень быстрая, благодаря, конечно, тому же Гречаному. Къ этимъ свѣдѣніямъ о С—чѣ, какъ сотникѣ, можно добавить, что живя въ Колядинѣ, онъ тамъ и женился, на дочери „Краснянского арендара“ Ивана Богатаго, Марьѣ, братья которой, Захаръ и Константинъ, впослѣдствіи звались Голубами ²⁾.

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, V, 239, 244, 248.

²⁾ См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. Прозвище отца Голубовъ—Богатымъ видно изъ слѣд. акта.—Яско Воронченко, полковникъ Войска его царского величества Запорожскаго Прилуцкій. Пане сотнику Краснянскому ис товариствомъ сотнѣ твоей и войте з месчанама. Пишу я вамъ о тое, же мнѣ жаловался славетный и. Иванъ Богатий, арендарь

Загурскій, послѣ сотничества, въ 1687 г. былъ Колядинскимъ сотеннымъ атаманомъ.

Андреенко, послѣ сотничества, въ 1687 г. значился „сотеннымъ товарищемъ“.

Салогубъ лишился сотничества, повидимому, въ 1708 г., вслѣдствіе обвиненія въ томъ, что, когда козаки его сотни представили ему, въ декабрѣ 1708 г., двухъ пойманныхъ Кіевскихъ рейтаръ, то сотникъ ихъ „былъ и отослалъ къ измѣннику Мазепѣ“¹⁾...

Лащинскій получилъ сотничій урядъ не позже 1710 г., отъ новопоставленного тогда полковника Носа, котораго онъ внуку „держалъ“, какъ говорили мѣстные старожилы²⁾. **Лащинскій** по происхожденію былъ, повидимому, Подлипенскій козакъ (первоначальное прозвище—Лащъ), который, обучившись грамотѣ и пользуясь извѣстною ловкостью, женился на одной изъ пяти дочерей Гиравскаго державца Радича (см. с. Гиравка), б. м.,

на тотъ часъ Краснянскій, же своеувле его лѣсь пустошатъ такъ Дептовъчане, яко и инъшие, который то лѣсь его власний, купленій давно. Прето росказую вамъ, жебы ему жадноѣ кривди не было у томъ его лѣсѣ, а кого застане въ дачы (sic), заплатитъ купъ пять на насъ, полковника, и Войско Запорозкое, и карана не уйдетъ, такъ козакъ, яко и мещанинъ. Чого ти, сотнику, да й отамане и войте, перестерегать маete, жебы насъ скарга не доходала въ томъ, для чего ему даю сее мое писане, жебы и потомкумъ его служило. Писанъ въ Прѣлуцѣ, дnia 28 июня, 1656 року. Яско Воронченко, полковникъ Войска Запор. Прилуцкій рукою.» (Съ подлинника). Въ другомъ актѣ 1654 г., (см. ниже, м. Кр—К-нъ, примѣч.), Иванъ Богатый называется просто Иваномъ Григорьевичемъ.

¹⁾ Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 637 и 651.

²⁾ «Исторические очерки сель Конотопск. уѣзда», напечатанные въ Черниг. губ. вѣд. за 1886 и 1887 г.г. Эти Очерки представляютъ рядъ, большою частію, сырыхъ материаловъ для исторіи южно-конотопскихъ сель. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на эти материалы, мы будемъ указывать ихъ сокращенно—«Очерки», съ добавленіемъ названія села, подъ титуломъ котораго напечатано то или другое свѣданіе. Мы не имѣемъ у себя тѣхъ №№ Черниг. губ. вѣд., гдѣ были напечатаны „Очерки“, и пользуемся отдельнымъ оттискомъ. Въ настоящей ссылкѣ указывается—м. Кр.-Коладинъ.

потому, что мать этихъ дочерей была дочерью полковника Носа. Вѣроятно, по представительству того же Носа, Л—ій получилъ въ 1714 г. с. Поноры, „на урядъ“. Л—ій правилъ сотнею пока живъ былъ Носъ, а по смерти Носа, сотняне стали жаловаться на Л—аго, и гетманъ его смѣстилъ, какъ видво изъ слѣд. универсала 1717 г.: „вычитавши мы выведенную, (по занесен-ной отъ сотнянъ Кр.-колядинскихъ на сотника жалобѣ) инкви-зицію чрезъ п. Якова Лизогуба, бунч. наш. войск. генер., и хотячи, жеби далшій межи ими не чинился заводъ (споръ) и не уростала ненависть, повелѣваемъ ему, пынѣшнему Кр.-к-му сотниковѣ, урядъ тотъ зложити, а на мѣстце его ординуемъ, отъ боку нашего, сотникомъ п. Марка Ангеліовскаго, которій у двору монаршого, при блаж. памяти царевны Наталіи Алексѣевны, знайдовался, и разныхъ высокихъ особъ до насъ были ин-станціи (ходатайства), жебисмо показали ему мѣстце и кон-дицію. Затимъ пишемъ, до его жъ п. бунч. енер., жеби одо-бравши короговъ отъ помянутого нынѣши. сотника Кр.-коляд-го Леонтия Л—ого, вручилъ оную п. Ангеліовскому“. Изъ этого универсала ясно видно, что для Ангеліовскаго, (вѣроятно, быв-шаго придворнаго пѣвчаго), нужно было очистить Кр.-к-ій сот-ничій урядъ, а потому Л—ій и былъ отставленъ. Отсутствіе какой либо особой вины у Л—го видно изъ того, что, въ томъ же 1717 г., гетманъ утвердилъ за нимъ (и при томъ—несправ-едливо) „тестевское“ с. Гирявку. (См. это село).

Ангеліовскій правилъ сотнею болѣе 15-ти лѣтъ и нажилъ за это время значительное земельное богатство. Изъ оставлен-наго имъ списка нажитыхъ разнаго рода грунтовъ, видно, что немало при этомъ сотникъ получилъ земель и въ видѣ подар-ковъ. Напр., Иванъ Зубъ, житель Кр.-к—ій, „ниву якъ бы на тыжденъ (т. е. 7 дней или $1\frac{3}{4}$ десят.), подъ Дмитровкою ле-жачую, зъ доброй своей волѣ (сотнику) подарovalъ“. Подарки эти сотникъ получалъ большую частью „по любви“ дарителей¹⁾... Дарилъ Ангеліовскаго даже игуменъ Крупицкаго (Батурин-скаго) м—ря, владѣнія котораго находились, между прочимъ,

¹⁾) „Очерки“, м. Кр.-Колядинъ.

и въ предѣлахъ Колядинской сотни¹⁾. Всѣ пріобрѣтенные Анг—мъ земли были утверждены за нимъ по универсалу Апостола, въ январѣ 1733 г.²⁾. Послѣ Ангеліовскаго остались двѣ дочери, Наталья, жена в. тов. Вас. Купчинскаго, и Катерина, жена „штабъ-лѣкара“ Саваст. Семенова; къ этимъ дочерямъ и перешли имѣнія Ангеліовскаго.

Максимовичъ быль назначенъ сотникомъ въ 1738 г., а кто быль до него, послѣ Ангеліовскаго,—неизвѣстно. М—чъ быль сынъ Лубенскаго полк. судьи Семена М—ча, началь службу въ генер. к—ріи, при чёмъ „канцелярійскія дѣла“ от-

¹⁾ Єромон. Феодосій Хом'янскій, ігум. Батур. м—ра Крупицк., зъ любвиъ своей, подаровалъ миѣ всю осѣдлость дворовую изъ ліохомъ (погребомъ) и пѣчъ зеленую въ хатѣ стоячую, а всю околичную огорожу того двора, кромѣ самихъ только хать и комори, въ двору томъ стоячой, въ мѣстѣ на рівку... „Очеркъ“, м. Кр.—Колядинъ.

²⁾ По универсалу Апостола 27 янв. 1733 г., были подтверждены Поноры, „до ласк. войсковой“, и затѣмъ: „разграничено б. бунч. енер. Як. Лизогубомъ съ присутствующ., 1719 г. юля 20 дня, между Рябускими и Грицювскими селянами чиненное, на долину сѣнокосную, за дорожкою з села Рябукъ до Талалаевки идуchoю, недалеко противъ Близницъ могиль, въ вершину Лисогора, а Лисогоромъ до Княжого колодязя, найдуючуся, которую долину для вспоможенія тамошней ратуши и его и. Ангеліовскаго нового господарства, оніє розпещики опредѣли во владѣніе, да на яръ сѣнокосній, якій во времѧ раздѣлу степу, опредѣленъ людми(?) умершему Кр.—К. сот. писару Корсуну, якимъ яромъ, по умертвію онаго писара, владѣть б. Кр.—К. сотникъ Лашинскій, а по немъ уже и онъ, и. Анг., болше 10 л. владѣть. Особенно же купчие объявили на грунта: первую, на греблю въ яру Коренецкомъ, отъ С. Яценка уступленную, гдѣ теперъ онъ, и. Анг., котомъ своимъ устроилъ два млина вешники, з гаями и полемъ, з которыхъ при низшомъ млину, одѣ села Коренецкого, въ хатокъ нѣсколко для досмотру гребелюкъ, на оной же своей землѣ, поселилъ... Засимъ слѣдуетъ перечень разныхъ грунтовъ, большою частью, уступленныхъ Анг—му, которые были утверждены за нимъ по этому универсалу. Объ упомянутомъ здѣсь раздѣлѣ стени, ваходившейся къ югу отъ Рябукъ, слѣдуетъ замѣтить, что раздѣль этотъ долженъ быль происходить не позже 70-хъ годовъ XVII в., такъ какъ „Іванъ Кравченко, Корсунецъ“, значится Краснинскомъ писаремъ па актѣ 1687 г.

правлялъ при А. И. Румянцовѣ, по „усмотрѣнію“ котораго и былъ назначенъ въ К—динъ сотникомъ, имѣя отъ рода всего 21 годъ. ¹⁾ Будучи человѣкомъ пришлымъ, М—чу нужно было въ Колядинѣ наживаться, какъ наживался и Ангеліовскій. А какъ наживался М—чъ, видно хотя бы изъ слѣд. жалобы Кол—го козака Приходька, поданной Румянцому въ 1767 г.—„б. сотникъ Петро М—чъ построилъ около двора отца моего—свой домъ и потомъ, пососѣдству, сталъ тѣснить насъ, по власти своей, будучи сотникомъ; первое, чинилъ намъ разныя вытиски и немилостивые бои и увѣчья, а потомъ, какъ той жилой нашъ дворъ, такъ и чрезъ улицу огородъ съ садомъ, лѣсъ и поля пахатного дней на сорокъ (10 дес.)—самоправно завладѣлъ и нынѣ владѣеть. И хотя умершій отецъ мой, а послѣ его, я съ братьями, имѣли съ М—чемъ иску въ полк. судѣ, но судъ, чиня ему, М—чу, поноровку, не закончилъ того дѣла и по нынѣшнее время“... ²⁾ А зять Ангеліовскаго, Семеновъ, жаловался въ 1740 г., что М—чъ, зазвавъ его жену къ себѣ въ гости, хотѣлъ тутъ же, передъ своими окнами, наказывать арестованыхъ передъ тѣмъ ея „подданныхъ“,—въ поруганіе жены,—чтобы она на то смотрѣла; и жена моя видя то, съ великимъ ругательствомъ отъ него едва ушла“... За 20-тилѣтнєе управление сотнею, М—чъ нажилъ болѣе 30-ти дворовъ, въ томъ числѣ въ одномъ Колядинѣ—26 дв.

Миницкій былъ сынъ Иваницкаго сотника Павла М—го, началъ службу въ ген. к—ріи, откуда и назначенъ сотникомъ въ 1764 г., имѣя отъ рода 29 лѣтъ. По вѣд. 1776 г., у него было семь сыновей, изъ которыхъ три, находились по малолѣтству, дома, а четыре—въ регулярной службѣ, два—въ компанейскомъ полку—корнетами, а два—въ молдавскомъ гусарскомъ—вахмистрами. Передъ реформой 1781 г., М—й былъ переименованъ въ чинъ бунч. товарища, но оставался „при мѣстѣ“ сотника до упраздненія сотни. Изъ описанія Пащенка видно, что у Миницкаго было въ Рабухахъ—17 х. и въ Дмитровкѣ—5 х.

¹⁾ „Очерки“, м. Кр. Колядинъ.

²⁾ Тамъ же.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮНЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ НЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.)	317—343
II. П. А. КУЛИЩЪ. Биографический очеркъ. (<i>Продолжение</i>). В. Шенрокъ.	344—382
III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повисть. (<i>Частына друга</i>). В. Гринченка.	383—449
IV. КЪ ИСТОРИИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНÓВЪ ВЪ КІЕВ- СКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. В. Домашицкаго.	460—492
V. ЗА КОЛІВЩИНЫ. В. Левицкого.	

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ ар- хивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А.л. Мёрдеръ; б) При- готавленія къ встречѣ имп. Александра I въ Умани. Сообщ. В. Домашицкій; в) Записка Андрея Пацловича Полетики объ его издережкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланѣй, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоiereя Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Материалы къ исторіи польскаго восстанія 1831 года. Сообщ. В. Домашицкій.	139—157
Текущія извѣстія	157—165
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духов- ная семинарія. В. Храневича; б) Собрание Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. В.; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. Н. В.; г) Swiatowit. Rocznik robwiecony archeologii przedziejowej i bada- niam pierwotnoj kultury polskiej i slawianskiej. В.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	166—192
Археологическая лѣтопись.	193—209
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилукцій полкъ. А.л. Лазаревскаго. Листы 16-й и 17-й	241—272

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.

Типо-литографія Імператорського Університета Св. Володимира.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Киевъ, 11 мая 1901 года.

При настоящемъ номерѣ разсылается подписчикамъ
объявленіе Книгоиздательскаго Т—ва „Про свѣщеніе“, при
чёмъ редакція „Кievской Старины“ заявляетъ, что въ
ней принимается подписка и заказы, на изложенныхъ
въ объявленіи условіяхъ, на всѣ изданія Т—ва „Про-
свѣщеніе“.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 73-ГО:

апрѣль, май, юнь, 1901 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. И. Лучицкаго	1—25
II. СОРОКЪ ЛѢТЬ НАЗАДЪ. (Изъ воспоминаній мирового посредника первого призыва). Н. Каракеевскаго-Волка	26—41
III. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ И СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ МИТР. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Проф. А. Загоровскаго	42—49
IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (<i>Окончаніе</i>). Д. Яворницкаго	50—96
V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). Ник. Василенко	97—125
VI. II. А. КУЛИШЪ. Биографический очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрокъ	126—152

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Древнійшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (Описаніе) И. Стешенка. б) Булава гетмана Тетери; в) Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 г.; г) Свѣдѣ-

П

вів объ остаткахъ семінаго архива Полуботковъ; д) Отдача гетианомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Чосовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновиѣ; е) Къ исторіи Гадяцкаго полка; ж) Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго, 1754 г.; з) Стоимость похо- ронъ Прилуцкой обывательки въ 1726	1 — 20
Текущія извѣстія	20 — 32
П. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Українська изданія 1900 года. В. Д.; б) Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. Н. Ш—рова; в) Сочиненія графа П. И. Капниста. А. С.; г) Труды Подольского Епархиального Историко-Статисти- ческаго Комитета. Выпускъ IX. Приходы и церкви По- дольской епархіи. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	33 — 63
Археологическая лѣтопись	64 — 72
Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ тре- тій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 14-й .	209 — 224

Книга вторая— май.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Продолженіе). Ор. Ле- вицкаго	149 — 182
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографический очеркъ. (Продолженіе). В. Шенрока	183 — 213
III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧ- НОЙ АВСТРИИ. (Продолженіе). И. Лучицкаго	214 — 226.
IV. СЕРЕДЬ ТЕМНОЙ НОЧИ. Част. I. Повисть. В. Гринченка.	227 — 281
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНИЙ (1861—1863 гг.). (Окончаніе). А. Л.	282 — 300
VI. ЛЫХО. (Картынка зъ життя голодныхъ). М. Стариц- каго	301 — 316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. В. До-
--

III

маніцкій; в) Ненайданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; е) Стоимость похоронъ барышевской обывательки въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ Переяславской ратуши и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Н. Вѣляшевскаго; і) Письмо въ редакцію. Г. А. Кузьмина	73—92	
	Текущія извѣстія	93—100
П. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. И. Кранахфельда. В. Д.; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной древности. Н. В.; в) 1. Лыхо зъ горилко! (Правды о повиданія.—Шыныца) и 2. М. О. Островскій. (Вирное средство отъ пьянства и запоя). В. Д.; г) Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. В. Д.; д) Записки Киевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	101—126	
	Археологическая лѣтопись	127—137
Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 15-ый.	225—240	

Книга третья—іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.)	317—343
II. П. А. КУЛИЩЪ. Біографический очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрокъ.	344—382
III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повесть. (<i>Чистына друга</i>). В. Гринченка.	383—449
IV. КЪ ИСТОРИИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНІВЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. В. Домавицкаго.	450—459
V. ЗА КОЛІЇВЩЫНІ. В. Левицкаго.	460—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; б) При-

IV

готовленія къ встречѣ нипп. Александра I въ Умані. Сообщ. В. Доманицкій; в) Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланѣей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Материалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій.	139—157
Текущія извѣстія	157—165
П. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духов- ная семинарія. В. Храневича; б) Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. В.; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. Н. В.; г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i bada- niom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej. В.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	166—192
Археологическая лѣтопись.	193—209
Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 16-й и 17-й	241—272

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 г.г.

Сборникъ извлеченій изъ переписки И. И. Срезневского, вышѣ появляющійся на страницахъ Кіевской Старины, долженъ обнять собою 1829—1839 годы. Въ эти годы дѣятельность И. И. Срезневского принадлежала почти исключительно Малороссіи и предметомъ своимъ по преимуществу имѣла наблюденія надъ жизнью народа, собираеніе памятниковъ народной поэзіи. Интересъ къ такимъ наблюденіямъ видѣнъ въ самомъ старшемъ изъ сохранившихся писемъ И. И. Срезневского: „Напиши, какъ провелъ праздники, какъ встрѣтилъ новый годъ, какъ встрѣтили его ваши деревенскіе жители“, писалъ онъ въ 1827 году своему другу, имени которого письмо не сообщается; „я очень люблю слушать и читать что либо народное о простодушныхъ мужикахъ, о застѣнчивыхъ дивчинахъ, о старушкахъ разсказчикахъ, люблю слушать ихъ разсказы; въ ихъ быту ясно можно видѣть прежнее состояніе, духъ, правы милыхъ сердцу моему Россіянъ“. Въ этихъ словахъ пятнадцатилѣтняго студента уже сквозитъ обликъ будущаго этнографа; въ дальнѣйшихъ письмахъ какъ самого Измаила Ивановича, такъ и его корреспондентовъ всего периода 1829—1839 годовъ намеки первого письма получаютъ все большее и большее развитіе: жи-

вая старина Украины, какъ обломокъ старой русской жизни, ея народная поэзія, ея природа, ея жители—вотъ тѣ предметы, вокругъ которыхъ вращаются интересы молодого харьковскаго ученаго. Путешествіе 1839—1842 г.г. по землямъ зарубежныхъ славянъ и близкое ознакомленіе съ славянскимъ міромъ во всей его совокупности расширили прежнія научныя увлеченія Срезневскаго: основой его занятій, и по любви, и по убѣждению, вмѣсто одной Малороссіи, какъ части Россіи, съ тѣхъ поръ на долгое время стало все славянство, какъ одно цѣлое.

Считаю полезнымъ представить здѣсь краткій очеркъ жизни И. И. Срезневскаго за періодъ, обнимаемый настоящимъ сборникомъ: онъ даетъ возможность читателю легче ориентироваться въ рядѣ отдѣльныхъ переписокъ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился въ Ярославлѣ 1 июня 1812 года. Отецъ его, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища, Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій не задолго до рожденія дитяти долженъ былъ уѣхать изъ Ярославля въ Харьковъ, куда былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1811 г. профессора россійскаго краснорѣчія, Рижскаго. Двухмѣсячнымъ ребенкомъ былъ перевезенъ въ Харьковъ и Измаилъ Ивановичъ. Съ 1819 года, когда умеръ Иванъ Евсѣевичъ, мальчикъ остался подъ исключительнымъ надзоромъ своей матери Елены Ивановны Срезневской. Въ университетъ Измаилъ Ивановичъ вступилъ въ 1826 году; Е. И. Срезневская предполагала направить его по медицинскому факультету, но онъ не могъ одолѣть своего отвращенія къ трупному запаху и поступилъ на юридико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Нельзя, впрочемъ, признать этотъ шагъ вполнѣ соизнательнымъ; онъ вѣроятно былъ сдѣланъ по увлеченію и не безъ вліянія товарищѣй. Какъ человѣкъ даровитый и энергичный, Срезневскій сразу отдался университетскимъ занятіямъ и въ 1828 году уже мечталъ о каѳедрѣ, говорилъ, что служить по ученой части его давнее желаніе; онъ включилъ себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку заграницу для усовершенствованія и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью дру-

гими товарищами. Въ то же время съ гораздо болѣшимъ увлеченіемъ онъ предался работамъ по народной поэзіи, начавъ съ четырнадцати лѣтъ собирать этнографические материалы.

Въ 1829 году, по представленіи диссертациі „Объ обидѣ“, онъ блестательно кончилъ курсъ университета и поступилъ на службу въ Дворянское депутатское собраніе, гдѣ оставался до 1832 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности: онъ выступилъ передъ публикой въ товарищескомъ изданіи „Украинскій альманахъ“; здѣсь были напечатаны его стихотворенія, „Мысли и замѣчанія“ и первыя записи малорусскихъ думъ. Этнографическое направленіе занятій И. И. Срезневского, сказавшееся въ первомъ его изданіи, подтвердилось новой его работой,— „Словакскими пѣснями“ (1832), записанными со словъ заходившихъ въ Харьковъ Словаковъ-ходебщиковыхъ. Но особенное развитіе его труды по народной словесности получили въ 1832—1833 годахъ, когда онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя въ имѣніи Подольскихъ близь Днѣпропетровскихъ вороговъ; здѣсь онъ предался своимъ работамъ со всею страстью, записывалъ пѣсни, преданья, знакомился съ бытомъ Запорожья по „живымъ памятникамъ минувшаго“—старымъ козакамъ-бандуристамъ, которые тогда попадались еще кое-гдѣ въ Украинѣ. Результатомъ наблюдений и записей И. И. Срезневского, сообщеній его друзей и пособниковъ явилась въ 1833 году первая книга его „Запорожской Старины“.

Въ 1833 году И. И. Срезневскій вновь зачислился на службу сначала въ Харьковскій Совѣтный судъ, затѣмъ, въ 1834 г. въ Депутатское дворянское собраніе, гдѣ онъ занялъ мѣсто библіотекаря харьковской публичной библіотеки. Плодомъ библіотечныхъ занятій И. И. Срезневского былъ изданный имъ „Систематический указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной библіотекѣ, № 1“ (1834, безъ фамиліи составителя). Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи и въ Совѣтномъ судѣ Измаиль Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Не прерывая и юриди-

ческихъ занятій, онъ приготовлялся мало-по-малу къ магистерству и въ сентябрѣ 1835 года сдалъ экзаменъ на степень магистра по политической исторіи, статистикѣ и политической экономіи. Диссертациія на назначенную факультетомъ тему „О сущности и содержаніи теоріи въ политическихъ наукахъ“ была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣль 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16-го іюля 1837 г.; утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27-го агуста того-же года, и 9-го сентября И. И. Срезневскій былъ назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Печатные труды И. И. Срезневскаго за 1834—1837 годы касались главнымъ образомъ исторіи Малороссіи и народной малорусской словесности. Это были, во первыхъ, книжки „Запорожской Старины“, далѣе „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сквородѣ“ (1834), „Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ (1834), „Іванъ Барабашъ“ (1835), „Общія основанія Зендавесты“ (1835), „Мартынецъ“ (1335), „Барсерки“ (1836), разсказы „Маіоръ, маіоръ!“ (1836), и „Rapsodia sonatina“ (1837), рядъ измѣненныхъ извлечений изъ „Запорожской Старины“, напечатанныхъ въ Петербургскихъ и Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, наконецъ „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ“ (1837). Рядъ этихъ изданій, съ „Запорожской Стариной“ во главѣ, выдвинулъ Измаила Ивановича, какъ изслѣдователя весьма даровитаго, какъ выдающагося историка Украины, какъ наблюдателя народной жизни, какъ энергичнаго труженика, обратилъ въ то-же время на него вниманіе со стороны людей, отъ которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, стала въ зависимость его дальнѣйшая судьба. Когда въ октябрѣ 1837 года въ Харьковскій университетъ пришло первое предложеніе обѣ избраніи изъ среды профессоровъ лицъ для посылки заграницу съ цѣлью подготовленія къ занятію кафедрѣ славяновѣдѣнія, Гулакъ Артемовскій, деканъ философскаго факультета, предложилъ кандидатомъ Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго.

Рославскій мало былъ склоненъ къ занятію каѳедры славяно-вѣдѣнія, занимаясь исключительно науками историческими, и поэтому на предложеніе Гулака представилъ такія условия, которые едва ли можно было бы принять въ другое время, тѣмъ не менѣе Артемовскому они не показались странными, и по его представленію совѣтъ университета ихъ одобрилъ. Чопечи-тель харьковскаго учебнаго округа, графъ Юрій Александровичъ Головкінъ, не далъ утвержденія проекту Гулака-Артемовскаго и предложилъ съ своей стороны послать заграницу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, „постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго“. Предложеніе поче-чителя было принято совѣтомъ университета, и такимъ обра-зомъ начался поворотъ въ дѣятельности Срезневскаго, какъ профессора; на помощь личнымъ симпатіямъ, связывавшимъ его съ его любимымъ предметомъ, выступило официальное положеніе избранника университета для изученія исторіи и литера-туры славянскихъ нарѣчій.

Въ 1838 году, пока длилась переписка о новомъ назначе-ніи, И. И. Срезневскій продолжалъ читать лекціи по статистикѣ въ качествѣ адъюнкта. Въ это же время въ стѣнахъ университета рѣшалось близко затрогивавшее Измаила Ивановича дѣло о его докторской диссертациі. Написанная на тему „Должна ли политическая экономія зависѣть отъ статистики“, она, между прочимъ проводила мысль о подчиненномъ положеніи полити-ческой экономіи по отношенію къ статистикѣ. Новизна и смѣ-лость воззрѣй автора возводили противъ него большинство профессоровъ; окончательный приговоръ надъ диссертацией былъ произнесенъ въ засѣданіи 16-го декабря 1837 г.: работа была отвергнута. Это рѣшеніе нанесло тяжелый ударъ самолюбію молодого профессора; но теперь жребій былъ брошенъ, и изъ двухъ дорогъ можно было уже съ увѣренностью выбрать ту, которая раньше страшила своею неизвѣстностью. 7-го января 1839 года Измаилъ Ивановичъ сообщилъ въ совѣтъ университета о полномъ своемъ согласіи отправиться заграницу для

изученія славянскихъ народій на тѣхъ условіяхъ, которыя были поставлены въ предложеніи совѣта и на которыя онъ съ ноября мѣсяца не даваль отвѣта. Длинный рядъ необходимыхъ формальностей отсрочилъ отправленіе Измаила Ивановича въ путешествіе еще на девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ Измаиль Ивановичъ безостановочно продолжалъ ученоп-литературныя работы. Онъ напечаталъ первую книжку „Украинскаго сборника“ (1838), въ которой появилась впервые „Наталка Полтавка“ И. П. Котляревскаго, „Мартина Пушкина“ (1838), „Сеймы“ (1838), „Изборники“ (1838), „Сближеніе религії Церквиской съ Египетскою“ (1839), „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины“ (1839), „Аѳинскій языкъ въ Россіи“ (1839), свою диссертацию „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно“ (1839), новый выпускъ „Запорожской Старины“, рядъ статей въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, касающихся исторіи, географіи и этнографіи Малороссіи. Въ то же время онъ готовился къ путешествію, сдѣлавъ пебольшую поѣздку по Украинѣ, чтобы, какъ онъ писалъ Снегиреву, въ этомъ маленькомъ путешествіи дать себѣ образчикъ того, что нужно будетъ сдѣлать внослѣдствіи въ большомъ размѣрѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи его заграницу на два года „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ“; обычная канцелярская волокита задержала путника на два мѣсяца, и только 17-го сентября Измаилу Ивановичу удалось выѣхать изъ Харькова. Такъ окончился первый періодъ его литературно-научной дѣятельности.

Участниками переписки И. И. Срезневскаго за первые годы его дѣятельности сначала были его близкіе родные—Осипъ Евсѣевичъ Срезневскій, К. А. Кускова, Е. И. Срезневская, затѣмъ университетскіе товарищи—братья Евецкіе, Росковщенко и Шпигонцкій. Среди этого пріятельскаго кружка явились на свѣтъ первые литературные опыты И. И. Срезневскаго—стихотворенія, небольшія статейки; среди того же кружка начались и этногра-

фической его занятія; потому переписка пріятелей носила частью этнографической, частью литературный характеръ. Затѣмъ, когда начальные шаги дѣятельности И. И. Срезневского показали въ печати его украинскія симпатіи, а „Запорожская старина“ завоевала вниманіе всей Малороссіи, къ числу этихъ корреспондентовъ прибавились лица, подобно ему интересовавшіяся украинской стариной—этнографы-любители, украинцы-патріоты; таковы были: Лисавицкій, Боровиковскій, Дмитрюковъ, Залѣскій, Міоновичъ, Гоголь а потомъ И. Мазановъ, Костомаровъ, Метлинскій и др. „Запорожская Старина“, а за нею рядъ статей Срезневского въ „Сынѣ Отечества“, въ „Утренней Звѣздѣ“, въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета“, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Телескопѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“—скоро раздвинули кругъ его знакомствъ и завязали сношенія съ столичными учеными и литераторами; таковы были Снегиревъ, Анастасевичъ, Пассекъ...

Сборникъ писемъ за первый periodъ дѣятельности И. И. Срезневского начинается его письмами къ матери, изъ которыхъ первое писано въ 1829 году, во время поѣзdkи въ Москву, послѣ сдачи кандидатскаго экзамена. Писемъ, относящихся къ болѣе раннему времени, въ бумагахъ И. И. Срезневского сохранилось всего три: это—письмо къ И. И. Срезневскому Осипа Евсѣевича Срезневского (1825 г.), бывшаго профессора Казанскаго университета, уволенаго изъ университета при ревизіи Магницкаго, интересное по преимуществу, какъ материалъ для біографіи его автора; второе письмо (1827 г.) адресовано И. И. Срезневскимъ къ неизвѣстному лицу,—оно приведено въ отрывокъ выше; этотъ отрывокъ и составляетъ все его значеніе; наконецъ третье письмо (1828 г.) писано И. И. Срезневскимъ къ его бабушкѣ Е. А. Кусковой,—въ немъ говорится о предположеніи И. И. Срезневского посвятить себя профессурѣ. Писемъ къ Е. А. Срезневской сохранилось чрезвычайно много; обильныя мелочами, подробностями жизни, они являются какъ бы отрывками, потому что мать съ сыномъ жили по большей части вмѣстѣ. Первый рядъ писемъ относится къ 1829-му году—

поездкѣ И. И. Срезневскаго въ Москву, второй рядъ (1832—1833) описываетъ жизнь И. И. Срезневскаго въ имѣніи Подольскихъ Варваровкѣ на Даѣпрѣ, гдѣ онъ занималъ должность учителя; третій рядъ (1839) писанъ изъ его путешествія по Малороссіи. О Е. И. Срезневской и обѣ отношеніяхъ къ ней Измаила Ивановича Срезневскаго мнѣ уже случилось говорить въ предисловіи къ Письмамъ И. И. Срезневскаго изъ заграницы 1839—1842. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ И. И. Срезневскаго его единственнымъ наставникомъ и другомъ; И. И. былъ ею подготовленъ къ пансиону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. „Передъ нею“, писалъ Измаилъ Ивановичъ въ 1870-хъ г.г., „не было у меня ничего затаен-наго“,—она „объятьями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестами, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобы между нами не было невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы все-таки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждого изъ нась вставало свѣтлое солнце“. Эти слова ясно обрисовываютъ отношенія между матерью и сыномъ и даютъ понятіе о томъ, какой характеръ должна имѣть ихъ переписка.

Письма И. И. Срезневскаго къ Е. И. Срезневской.

1.

Дражайшая маменька! И такъ пролетѣлъ третій день, какъ я не вижу васъ болѣе; третій день уже тому, какъ нашо должностію сдѣлалась безпрестанная кибиточная тряска.—Уже пространство 250 верстъ разлучаетъ нась.—Добрая маменька, вы повѣрите тому, что не смотря на всѣ удовольствія путеше-

ствія, воспоминаніе о спокойной жизни харьковской, объ удовольствіяхъ домашнихъ, о тѣхъ заботахъ, кои вы на насъ обращали и кои теперь я живо могу представить, наводятъ на меня уныніе; оно конечно улетаетъ, но не совсѣмъ: оно остается во мнѣ до тѣхъ поръ, пока снова верхи зданій харьковскихъ не представляются моимъ взорамъ. Великую благодарность я долженъ имѣть къ Ивану Николаевичу¹⁾ за то, что онъ мнѣ доставилъ удовольствіе увидѣть большое количество родныхъ мнѣ по сердцу, по духу, по желаніямъ. Вы знаете, маменька, какъ я любилъ слушать разсказы ваши и Ивана Николаевича о милой моей родинѣ и о русскихъ; я желалъ, подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣ єду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею.—Представьте, маменька, какъ должно биться мое ретивое. Мы уже въ Курскѣ. Вокругъ меня все русское, все меня занимаетъ; при томъ теперь воскресенье; все такъ разнаряжено: богатые кокошники и другіе головные уборы, бѣлые тонкія рубахи и разноцвѣтныя понявы, юпки и сарафаны безпрестанно попадаются на глаза. Я не въ силахъ выразить вамъ на словахъ всѣхъ чувствъ моихъ. Позвольте мнѣ это оставить до слѣдующихъ писемъ и до прїѣзда...

1829, іюля 7. Курскъ.

2.

Тула. Воскресенье 14 іюля.

„Не угодно ли купить какихъ-нибудь стальныхъ вещей? Есть прекрасные ножи перочинные, игольники, перстни, пе-

1) Иванъ Николаевичъ Соколовъ былъ близкимъ въ семье И. Е. и Е. И. Срезневской и домашнимъ наставникомъ ихъ дѣтей. По словамъ И. И. Срезневского, это былъ человѣкъ сердечный, добрый, иѣсколько робкій. Сильно привязанный къ Измайлѣ Ивановичу, онъ всегда относился къ нему какъ къ равному, несмотря на значительное превосходство лѣтъ въ, благодаря этому, былъ къ нему чрезвычайно близокъ; въ трудныя минуты жизни онъ являлся лучшимъ

чатки, подушечки дамскія, цѣпочки и много, много другихъ прекрасныхъ штучекъ; не угодно ли: и мило и дешево; право слово—останетесь довольны“. Вотъ первыя слова, которыми мы были засыпаны со всѣхъ сторонъ, едва только успѣли раздѣлаться съ хозяйкой о цѣнѣ комнаты. *Послы*, посы—былъ нашъ общій отвѣтъ: ибо мы спѣшили тогда въ церковь къ обѣдѣ; и такъ мы отъ нихъ отвязались, хотя не надолго. Мы очень хотѣлось видѣть служеніе Архіерейское въ Тулѣ, но къ несчастію моему, Архіерей сегодня не служить. О соборныхъ пѣвчихъ скажу, что они далеко отстали отъ нашихъ харьковскихъ не только Архіерейскихъ, но и простыхъ соборныхъ.

Сегодня я проводилъ Ивана Николаевича до самой заставы и, простившись, хотя не надолго, съ нимъ, возвратился въ уединенную свою комнату. Давно не видался, скуча явилась передо мною и надѣдала мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не принялъся за диссертацию. Такимъ образомъ провелъ я часа два. Пришедший ко мнѣ хозяинъ прервалъ мои занятія—„Эхъ, баринъ, баринъ, пріѣхалъ въ Тулу, а и поглядѣть на нее не хотите. Она очень даже красива, а ее проѣзжіе называютъ меньшою сестрою Москвы: Ну вотъ, напр., подите въ Англійскій садъ, тамъ на полугорѣ по кіевской дорогѣ справа. Это чудо диковинное, а не садъ,—то то налюбуетесь“. И такъ я, какъ бы принужденный, надѣль мундиръ и пошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ садикъ ихъ, лучше сказать, бульваръ—очень милой, хотя маленькой. Кого же (спросите вы, можетъ быть) встрѣтилъ ты тамъ?—Нѣсколько вучъ разбѣленныхъ купчихъ въ старопокройныхъ салопахъ и въ новомодныхъ манто, распомаженныхъ купчиковъ и сидѣльцевъ, десятка два долговязыхъ здѣшнихъ философовъ, столько же коротенькихъ и толстенькихъ гарнизонныхъ офицеровъ и двѣ или три дамы. Я скоро вышелъ изъ сада, почитая лучшимъ побродить по городу и позѣвать на прекрасные дома, нежели на несносныя лица. Иванъ Николаевичъ говорить, что Тула есть

утѣшителемъ Измаила Ивановича и Елены Ивановны въ былъ необходимымъ для нихъ человѣкомъ.

уголокъ Москвы; а я, не видавъ Москвы, скажу, что Харьковъ есть только уголокъ Тулы. Улицы почти совершенно каменные, рѣдко встрѣчаются на иныхъ дома деревянные, а если и есть, то по большей части двухъ-этажные. Вотъ кажется все, что могу я написать Вамъ, милая маменька, теперь изъ Тулы.

3.

Дражайшая маменька! И такъ послѣ долгаго странствованія мы прибыли въ субботу, въ праздникъ св. Ильи, въ огромную древнюю столицу нашу. Вы можете, милая маменька, представить мое восхищеніе, когда въ первый разъ я увидѣлъ вдали златыя главы безчисленныхъ церквей московскихъ. Тридцать верстъ, еще остававшіяся до нея, показались мнѣ трехстами. Три раза манила сія величественная башня насъ къ себѣ, и три раза опять скрывалась или за рощами и садами, или за подмосковными дачами; наконецъ, показалась опять и до сихъ поръ еще не скрылась отъ взоровъ моихъ. Третьаго дни мы были на Иванѣ Великомъ. Оттуда я видѣлъ Москву во всемъ ея величіи. Не берусь ее вамъ описывать: это превосходитъ мои силы.

Утромъ въ воскресеніе я поѣхалъ къ почтеннѣйшему Льву Алексѣевичу¹⁾ Онъ меня принялъ очень ласково, разспрашивалъ о васъ, о мнѣ, о сестрѣ и братѣ, удивлялся тому, что я такъ скоро получилъ степень кандидата, между тѣмъ какъ сыновья его не кончили еще курса; наконецъ приказалъ переходить жить къ себѣ. Такъ я провелъ съ нимъ и его сыновьями нѣсколько часовъ. Скоро послѣ того мы поѣхали съ нимъ и

¹⁾ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ—профессоръ правъ знатиѣшіхъ древнихъ и новыхъ народовъ († 1835 г.). Онъ былъ знакомъ съ И. Е. Срезневскимъ по университету, где учились одновременно (первый кончилъ курсъ въ 1798 г., второй въ 1796 г.), затѣмъ въ 1797 г. Срезневскій былъ принятъ въ университетской институтъ бакалавромъ; ту же степень Цвѣтаевъ получилъ въ 1798; такимъ образомъ, послѣ гола жизни въ Москве они могли возобновить свои сошенія, что и продолжалось до 1801 г., когда Цвѣтаевъ уѣхалъ за-границу.

сыновьями обѣдать къ профессору г-ну Иванковскому,¹⁾ который зналъ очень коротко моего паменьку. Въ пять часовъ того же дня я уже совершенно перешелъ жить къ милымъ товарищамъ моимъ и до сихъ поръ провожу время очень весело. Каждый день хожу къ Ивану Николаевичу и почтеннѣйшей тетушкѣ его, а вечеромъ возвращаюсь въ милый кругъ семейства Льва Николаевича, гдѣ я принялъ совершенно какъ родной...

Москва, 1829, июль 27.

P. S. Сегодня утромъ иду рассматривать кабинеты. Послѣ обѣда поѣду въ земледѣльческій хуторъ къ профессору Павлову,²⁾ который звалъ меня къ себѣ въ гости.

4.

Старыя Водолаги. 45 верстъ отъ Харькова.

Здравствуйте, маменька! здравствуй, братъ! Не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ и скучно и грустно,—больно грустно. Такъ и полетѣлъ бы назадъ въ мой родимый Харьковъ. Жестокость уединенія—вы знаете, что я никогда еще не испытывалъ оной, живучи около васъ, въ кругу добрыхъ пріятелей—и вдругъ тяжкая разлука, тяжелое одиночество! Теперь нѣть уже у меня ни маменьки, ни брата, ни Іосифа Афанасьевича. Я одинъ, какъ былина въ полѣ: некому сказать доброго слова, некому излить своихъ чувствъ, а ихъ у меня, безчувственного, набралось теперь много, и все такія ядовитыя.

У моего теперешняго хозяина—сынъ миленький, восьмилѣтнее дитя. Я радъ встрѣчѣ съ єтимъ ангеломъ: онъ утѣшаетъ

¹⁾ Семенъ Мартыновичъ Иванковскій, профессоръ греческаго языка и древностей († 1850 г.); онъ былъ сослуживцемъ И. Е. Срезневскаго по Академической гимназіи (съ 1801 по 1804 г.).

²⁾ Знаменитый агрономъ и профессоръ физики и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университѣтѣ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ († 1840 г.).

меня не пошлыми фразами: чего грустить! перестань". Нѣтъ, его углышевіе совсѣмъ другого рода: дѣдовская бандура въ его рукахъ, бѣглые пальчики его быстро перебираютъ струны, а онъ самъ невинно улыбкою поетъ мнѣ:

Вѣютъ вѣты, вѣютъ буйны и пр.

„Играй, душенька, а я напишу нѣсколько словъ“,—и слеза невольно кинула на этотъ листокъ. Прочтите, непремѣнно прочтите, маменька-голубушка, эту пѣсню: братъ или Іосифъ Афанасьевичъ¹⁾ укажетъ ее. Что за пѣсня! Молодой козакъ простился уже съ своей матерью, съ сестрою, своей милою,—и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи—и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, взрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую,—но пыль не занесеть звуковъ: козакъ слышитъ прощанье матери, тоску сестры, слезы милой—и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ... Дочтете сами...

Константиноградъ, въ 50 verstахъ отъ Водолагъ.

Я никакъ не ожидалъ отъ хохликовъ того, что вижу, т. е. видѣлъ.

Другой примѣръ: одинъ въ Мерѣфѣ, другой въ Водолагахъ, хуторѣ. Я говорю о любви къ музыкѣ. Тамъ меня забавлялъ Митя, восьмилѣтній мальчикъ—здѣсь восхитилъ гуслями самъ хозяинъ хутора. Вообразите себѣ рослого мужчину, лѣтъ подъ сорокъ, съ подрѣзанною бородкой, небольшими карими глазами, которые сверкаютъ, какъ могильные огни, какъ *иниушки*, съ римскимъ носомъ и густыми темнорусыми усами, ловкаго, виднаго—вотъ игрокъ; а игра—не могу судить, ибо не знатокъ въ музыкѣ; скажу только, что я не слышалъ подобной игры.—Въ благодарность я напоилъ его пуншемъ.

¹⁾ I. A. Джунковскій—ионсіонскій товарищъ И. И. Срезневскаго; см. о немъ въ моей замѣткѣ. «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной деятельности И. И. Срез-го», с. 6—7.

Теперь я въ Константиноградѣ. Комната прелестна, и болѣе всего потому, что за тоненькой дверью, въ другой комнатѣ—другая пріѣзжая въ каретѣ—изъ Руси,—красавица. И что у нея за голосъ! Пишу, и не могу не слушать, какъ она разговариваетъ съ дѣвкой. Нѣжность, пріятность, и пр. и пр. и пр., какъ написано въ подорожной.

Дорога изъ хутора въ Константиноградъ мнѣ показалась слишкомъ длинна, и потому я заблагоразсудилъ дремать; я бы и заснулъ, если бы не боялся потерять что-нибудь. Однако и дремля, я видѣлъ сонъ: видѣлъ васъ, брата, Жозефа и нѣсколько разъ все то же и одно; ваконецъ, до того, что, очнувшись и поговоря слова два три съ Романомъ, я какъ будто ждалъ кого, какъ будто мы всѣ вмѣстѣ и только на время, до того времени, пока я переговорю съ человѣкомъ, что нужно, вы скрываетесь отъ меня. Еще одна странность: и въ Мерефѣ и въ Водолагахъ мнѣ слышится голосъ Ивана Петровича: и я два раза принужденъ былъ выбѣгать опрометью изъ кибитки, дабы удостовѣриться, что это не онъ—хотя бы я желалъ, чтобы это была неправда. Однако моя незнакомка опять заговорила. Послушайте, Іосифъ Афанасьевичъ—вотъ настоящее московское нарѣчіе.

5.

11 часовъ утра. Пятница.

Станиця Вшивая, въ 22 verst. отъ Константинаграда.

Всю дорогу отъ Константинограда до Вшивыхъ—дождь мочилъ насъ порядкомъ, впрочемъ не всѣмъ досталось; болѣе всего Ромуна, котораго хоть выжми. Ну, Вшивая! Название совершенно сходно съ качествомъ деревни. Такихъ жилищъ я еще не видывалъ, и въ нихъ живутъ малороссіяне! Впрочемъ такому житию виноваты они сами. Дорога столбовая, проѣзжающихъ чрезвычайно мяого—выгоды можно получать большія, но эта проклятая лѣнь, или, какъ говорить Іосифъ Афанасьевичъ, гордость примѣщалась и тутъ,—и людей превратила въ свиней:

иная свинья лучше живутъ. Однако, вы не подумайте, маменька, что-бъ я остановился въ землянкѣ. Никакъ нѣтъ-съ. У меня прекрасная комната, изукрашенная картинками, образомъ, съ преизрядною мебелью. Какъ же это такъ? Откуда такая роскошь среди омерзительной бѣдности? Постоялый дворъ, въ коемъ я остановился, содержитъся русскимъ, и слѣдовательно смышленъмъ человѣкомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не проходитъ дня, чтобы онъ не видалъ у себя десятка новыхъ гостей; а иногда и зачастую набирается полный дворъ и полный домъ. Правда, у него гостей было бы меныше, если бы мужики завели постоянные дворы; пока онъ одинъ содержитъ.

12 часовъ.

Ко мнѣ въ гости, т. е. въ мою комнату, вошли гости... два купца, и попиваются водку. „Кушайте, братцы, а я закурю трубку“. Наскучило читать Гердера. Пора отдохнуть.

Голубовки, въ 36 verstахъ отъ Вицкой.

Дождь гудеть, словно старая вѣдьма; но я спокоенъ: мы уже у мѣста почлега. Не знаю, хороша ли, худа деревни, въ которой привелось мнѣ почевать,—то же скажу и о хозяевахъ, которыхъ еще не видалъ; но не то должно сказать о хатѣ: огромная, чистая; стѣны, потолокъ, полъ, окна—разрисованы желтою глиной, благоуханіе васильковъ, мяты и пр.—словомъ прелестъ хата; Полтавскую губернію нельзя сравнивать съ Харьковскою: дичь, глушь, невѣжество, бесконечныя стени, по которымъ вмѣсто хуторовъ разставлены стоги сѣна, печальные кустарники, дубовые и лозовые, вѣчные несносные бугры, вѣчные мостики и плотинки—строенные вѣрно для чертиковъ и то бутылочныхъ, согнившіе дорожные столбы, землянки, стада свиней, болота, наконецъ эта несносная грязь—и я не знаю, что можетъ быть незанимательнѣе!.. То ли дѣло наша Харьковская: рай противъ ада.—Въ Перещепинѣ, казенномъ селеніи, я перебѣжаю рѣчку Орель. Окрестности ея почти живописны; но занимательны болѣе всего по историческимъ происшествіямъ, до

сихъ поръ еще памятнымъ народу и самой землѣ, носящей на себѣ свидѣтельство былого—курганы. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, подъ которымъ, по преданію народному, татарскій воевода находится, находится на самой долинѣ, и лѣтъ за десять былъ чрезвычайно высокъ; но съ того времени сталъ примѣтно уменьшаться, ибо землю его употребляютъ на засыпку болотъ по дорогамъ. Можно бы вмѣсто этого употребить и навозъ, но навозъ здѣсь дорогъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Перещепина есть батарея изъ числа бѣлогородскихъ, выстроенныхъ при Федорѣ Алексѣевичѣ отъ набѣговъ татаръ.

Малороссіяне чрезвычайно похожи на нѣмцевъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ четверо чумаковъ изволили пить пиво. Купили только полъ кварты и пили по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ часа, съ такимъ вкусомъ, съ такимъ чванствомъ, какъ будто нектарь. Пріобрѣтенія мои обѣ Украинѣ слишкомъ скучны: въ Водолажскомъ хуторѣ списалъ три пѣсни и одну думу; во Вшивой пять пѣсенъ—и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все слишкомъ мало; я ожидалъ болѣе. Романъ меня увѣряетъ, что я наберу много въ Варваровкѣ. Онъ самъ берется мнѣ служить въ семъ случаѣ. Если-бъ да когда бы!—Слышалъ сказку о Серпягѣ, пояснившую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу; слышалъ нѣсколько міѳологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ—вотъ и все.—Однако прощайте, маменька. Пора спать. Завтра рано надобно вставать; при томъ же и ночникъ дрогораетъ. Прощайте.—Что то подѣлываетъ теперь Іос. Афанасьевичъ! Ужели вы въ Деркачахъ? И ужели и вѣсъ тоже мочилъ дождь, какъ меня грѣшнаго?

Новомосковскъ. Суббота, 12-й часъ утра.

Остается только 60 верстъ; однако едва ли можно будетъ поспѣсть туда, куда должно, т. е. въ Варваровку. Слава Богу, дождь пересталь; а помочилъ бѣдныхъ наше на шутку.—Новомосковскъ—преизрядненскій городокъ. Комнатка, въ которой

я остановился—чудо, штукатурная, все въ картинахъ—можете представить, какого рода—прекрасная мебель—именно, чудо.

Какая жалость,—почта въ Харьковъ отошла изъ Новомосковска вчера, и потому вы получите это письмо черезъ недѣлю.

Екатеринославская губернія совсѣмъ не то, что Полтавская. Тѣ же стеци, но не то. Жители все почти богатые; табуны лошадей, гурты рогатаго скота, овецъ—встрѣчаются безпрестанно. Сѣнокосы превосходны. Природныя поля усыпаны курганами, особенно долина Самарская, на которой теперь пасутся татарскіе кони, привыканные на продажу. На Спаса въ Новомосковскѣ ярмарка.

Только что у меня былъ мой хозяинъ. Молодчина.—Лѣтъ 60-ти, статный, величественный, такъ бы гетманскую булаву, да и коня; такого украинца я еще не видалъ. Но болѣе всего понравился онъ мнѣ своею готовностью служить мнѣ, какъ собирателю всего украинскаго. Во-первыхъ, онъ мнѣ наговорилъ пропасть преданій о Самарѣ. У меня сердце было крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ разсказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсню про реку Самару, наконецъ думу. Обѣщаетъ еще. Я напою его кофеемъ—и, вѣрно, получу, что хочу.

Пишите, сдѣлайте оболженіе, пишите мнѣ по слѣдующей почтѣ. Хоть вѣсточку отъ васъ получить, если приходится не видѣться. Да пишите побольше! Вотъ увидите, какія письма буду писать я къ вамъ, лишь бы распорядиться порядкомъ на мѣстѣ. Теперь простите, что пишу не много: теперь и времени нѣть, и мѣста нѣть иногда, а всего болѣе не о чёмъ. Іосифу Афанасьевичу напишу изъ Варваровки варварское письмо. Пусть только читаетъ да по субботамъ разбираетъ. И теперь бы написать, да, право, не хочется. Къ тому же, пообѣдавши, мы поѣдемъ въ путь дороженьку, а потому если-бъ и захотѣль, то немножко бы успѣль. Ожидая отъ Іосифа Афанасьевича философико-политического письма, которое конечно будетъ написано чисто, аккуратно, безъ мараксъ и канцелярскихъ украшеній. Прошу его не мудрить, а просто писать, что на умъ взошло, точно въ такомъ видѣ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ взошло на умъ, иначе вся-

кое письмо Іосифа Афанасьевича стоить будеть по крайней мѣрѣ четверти дести почтовой бумаги; а вѣдь это не выгодно. Объявляю также Іос. А—у, что его Гердеръ немного подмокъ, хоть и не замарался, и прошу въ этомъ великодушнаго извиненія.

—

6.

Варваровка. Понедѣльникъ. 7 часовъ утра.

Третій разъ здравствуйте, милая маменька! Я уже на мѣстѣ. Комната моя почти прибрана. Книги, тетради, платье—все въ порядкѣ. Остается принять на себя учительскія обязанности—и дѣло будетъ кончено. Пока еще я какъ гость въ домѣ Подольскихъ, хоть и гость коротко знакомый, а слѣдовательно о своихъ хозяевахъ не могу иначе судить, какъ о помѣщикахъ, меня принялыхъ подъ свой кровъ для того, чтобы вмѣстѣ проводить веселые времена. Въ семъ отношеніи онъ и она—люди предобные, простые, веселые, люди—какихъ не надобно лучше. Что касается до другихъ отношеній, то я не скажу ничего, ибо ничего не знаю: увижу, посмотрю, напишу.

Вчера послѣ обѣда (я пріѣхалъ утромъ, часовъ въ 11-ть) мы съ дѣтьми ъздили верхомъ по берегу Днѣпра. Мѣста прелестныя, очаровательныя. Даѣпръ разлился на двѣ версты въ этомъ мѣстѣ. Можете себѣ представить, какая бездна воды. Но эти широкія волны не лютятся, а кипятъ. Ревъ пороговъ подобенъ—право не придумаю, съ чѣмъ сравнить его.—Представьте себѣ отрядъ всадниковъ, пробирающихся сквозь чащу: шелестъ листовъ, звукъ копытъ конскихъ, храпѣніе коней, говоръ всадниковъ, крикъ повелительный начальника—все это вмѣстѣ—и вы будете имѣть небольшое понятіе о порогахъ. Впрочемъ къ нимъ должно присмотрѣться, прислушаться: съ первого раза они незамѣтны, непоразительны.

Если кто знаетъ Екатеринославскую губернію только по берегамъ Днѣпра, тотъ можетъ подумать, что населеніе оной чрезвычайно. Съ моего балкона видно четыре деревни и два села, одно подлѣ другого. Селеніе Синельниково на другой сторонѣ—лучше другихъ—однихъ господскихъ строеній 17.

Я уже говорилъ Катеринѣ Романовнѣ¹⁾ о поѣздкѣ, предполагаемой мною, въ Александровскѣ. Она согласна, даже болѣе нежели сколько я желалъ. За Александровскомъ есть мысъ Кичкасъ,—очаровательное мѣсто! Днѣпръ течетъ между двумя скалами, одно отъ другой не болѣе какъ на 60 саженъ. Этотъ мысъ находится отъ Варваровки въ 40 верстахъ.

—
5 августа. Четвергъ.

Уже два дня я учу—и не могу сказать, чтобы это было обременительно. Все дѣло состоить въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ. Дѣти понятливы, хоть и лѣнивы, но я задаю крошечные уроки, и они очень довольны, и я также доволенъ. Мнѣ остается заниматься болѣе 6 часовъ. Предовольно! Вотъ какъ истекаетъ день буднишний: встаю съ восходомъ солнца, выхожу на балконъ, читаю Гердера. Умываюсь, одѣваюсь—иду пить кофе (для меня варится маленький кофейникъ и особая кострюлька сливокъ превосходнѣйшихъ), ухожу къ себѣ, опять читаю Гердера. Занимаюсь съ дѣтьми и въ то же время пишу къ вамъ письмо. Отпускаю дѣтей гулять и занимаюсь. Обѣдаю въ 1-мъ часу. Пообѣдавши, иду въ гостинную и болтаю съ Иваномъ Тимофеевичемъ и Катериною Романовной; потомъ отправляюсь на верхъ за ученье на полтора часа. Всякое послѣобѣда ученье состоится въ упражненіи въ языкахъ и въ чтеніи. Во время ученья пишу къ вамъ письмо. Отгустивъ дѣтей, занимаюсь. Потомъ верхомъ прогулка верстъ 6, 7 или болѣе. Потомъ чай, болтанье,—наконецъ, иду домой и еще часа два занимаюсь. Наконецъ—bonne nuit.

Я очень радъ, что поѣхалъ въ Варваровку. Не знаю, каково мнѣ будетъ жить; но что я накоплю пропасть, цѣлую прощанье для своей украинской скрыни, то это также вѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$. Даже самыя дѣти мнѣ радушно помогаютъ. Я скажу болѣе: Украины нельзя узнать порядочно, не бывши въ этихъ

¹⁾ Е. Р. Подольская.

мѣстахъ; нельзя узпать порядочно запорожцевъ, не бывши на порогахъ.

7.

Четвергъ. 5 число августа, 1832. Варваровка.

Только что отдалъ письмо подъ № 3. Еще оно не отъѣхало изъ Варваровки,—можеть быть даже сегодня и не уѣдетъ, а я уже принимаюсь за новое письмо. Видите, милая маменька, что я не совсѣмъ неаккуратенъ. Я за непремѣнное правило почель себѣ каждый день писать къ вамъ хоть по нѣсколько строчекъ. До сего времени все еще исполню свое правило. Долго ли то это будеть продолжаться!—Сегодня передъ обѣдомъ въ Варваровку прїѣхалъ офицеръ Путей Сообщенія. Онъ ёдетъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ. Правительство предполагаетъ прорыть оные. О баркахъ нечего и говорить: за все время моего здѣсь пребыванія я видѣлъ только одну, и то всѣ удивились и разсматривали оную, какъ чудище морское.

Вечеръ.

Пусть Іосифъ Афанасьевичъ судить о воспитаніи,—я хотѣлъ сказать, образованіи офицеровъ Путей Сообщенія. Они проходятъ полный курсъ математики, въ томъ числѣ и астрономію,—я же, грѣшный, въ астрономіи знаю столько же, сколько и днѣпровскіе раки;—и я грѣшный побѣдилъ новоприбывшаго офицера въ астрономическомъ преніи о системѣ мира. Не хватъ ли я? По крайней мѣрѣ, я удивляюсь своей смѣлости. И что же я доказывалъ ему? Какъ ты думаешь, братъ? А вотъ что: послушай. Я доказывалъ, что земля, и всѣ планеты, и всѣ спутники имѣютъ форму не круглую, а подобную воздушнымъ шарамъ т. е. $\bigcirc a$; и что a есть сѣверный полюсъ, въ которомъ находится огромный гранитъ, заключающій въ себѣ весь магнитъ земного шара. Одно изъ доказательствъ: обращеніе магнитнаго полож. конца стрѣлки къ сѣверу; другое: неправильность фигуры луны въ началѣ видимости оной, равно, если не болѣе, при ущербѣ; и онъ наконецъ согласился, оставивъ за собою только слово *мяготѣніе*, которое я назвалъ неправильнымъ тер-

миномъ, а вмѣсто онаго въ общемъ смыслѣ представилъ *разно-вѣсie*, а въ частномъ—силою самостоятельной движимости. Пришедши въ свой кабинетъ, я не могъ не расхохотаться и запѣлъ, невольно запѣль.

„Ой ревнули коровы, край порога стоя“.—Пѣсня моя уже кончена. Струка въ письмо ваше вписана. Остается взглянуть на пороги, освѣщенные теперь луною, послушать ихъ грохотъ,—и лечь въ постель за Сѣвер. Пчелу, пожелавши вамъ спокойной ночи и радостныхъ сновидѣній.

Платница.

Послѣ обѣда уѣхалъ офицеръ, и мы остались одни. Сегодня я занимался съ дѣтьми не болѣе трехъ часовъ въ день; впрочемъ они весь день со мною, хоть и не мѣшаютъ. Одинъ рисуетъ, другой читаетъ. Всякій занятъ своимъ дѣломъ, и я своимъ, другъ другу не мѣшаемъ, и все идетъ ладно. Если такъ будетъ продолжаться, то мнѣ хорошо. Ахъ, только васъ, одной васъ не достаетъ, маменька. Были бы вы, и я бы совсѣмъ былъ человѣкъ какъ надобно, а теперь, или отъ непривычки, или отъ настоящаго чувства любви къ вамъ, не могу не грустить, особенно когда одинъ. Повѣрите ли, я въ забывчивости нѣсколько разъ выходилъ изъ своей комнаты, думая, что иду въ вашу половину,—но разочарованіе какъ тутъ, и я повѣся голову продолжаю ходить по своей комнатѣ одинъ одинехонекъ.—Гулять сегодня не ёздилъ, а ходилъ къ Ив. Тим. и Кат. Романовиѣ смотрѣть постройки. Для вновь купленныхъ русопетовъ (?) строятся двѣ деревни на берегу Днѣпра.

Воскресеніе.

Я забылъ вчера сказать вамъ, что я былъ вчера на Тя-
чинъ, т. е. въ лѣсу, который принадлежалъ запорожцамъ, что
доказываютъ остатки землянокъ, а теперь Синельникову. Видъ
съ горы прелестный.—Скоро, скоро на Кичкасъ. Тамъ ли виды!
Мы побѣдимъ съ старшимъ сыномъ въ бричкѣ, возьмемъ съ со-
бою три сѣдла. Пріѣхавши въ Александровскъ, лошадей осѣ-
даемъ и съ Мих. Иванов. (Криницкимъ) отправимся стран-
ствовать.

8.

Варваровка. 14 сентября.

Сегодня Воздвижение, большой праздникъ. Каково-то вы проводите его? Скучно ли, весело-ли? Я провелъ довольно скучно, исключая вечера. Собравшись въ семейный кружокъ, мы прочли письмо Бестужева „Сибирь и Кавказъ“, говорили, смѣялись.—Надобно знать: Иванъ Тимофеевичъ большой балагуръ, и умѣеть прекрасно разсказывать. Между тѣмъ дѣвки на одной, лакеи на другой галлереѣ составили хоры—и поютъ и пляшутъ. Въ деревнѣ хоры раздаются также. Неясытѣцъ поетъ также свой немолаемый хоръ,—и весело и скучно, или лучше сказать грустно: если-бы вы были тутъ же. Это бы и возможно, и очень возможно, но я боюсь, чтобы всѣмъ здѣсь не наскучило, а болѣе не понравилось. Кромѣ того зима и домъ холодный—хозяева мои переберутся во флигель, а я съ лѣтыми въ двѣ небольшихъ комнатки внизъ—эти комнатки немного теплѣе другихъ. И такъ, маменька,—я боюсь за ваше здоровье въ этомъ климатѣ, здоровомъ для здоровыхъ, вредномъ для слабыхъ. Иногда бываетъ такой туманъ, что не разберешь ничего въ двухъ шагахъ отъ себя. По Днѣпру каждое утро ходятъ цѣлые горы тумана, и роса падаетъ съ крышъ, какъ отъ породочнаго дождя.

16 сент. Четверг.

Простите меня, добрая маменька, что я часто пишу неразборчиво. Постараюсь избавиться отъ сего порока; а причиною сему, право, не недостатокъуваженія къ вамъ, а глупая вѣтренность, отъ которой я никакъ не отважусь. Что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Почему такъ рѣдко удостоиваетъ меня своихъ вѣсточекъ Іосифъ Аф.? Просилъ бы и брата—о томъ же; но боюсь его. Можетъ быть, онъ сердитъ на меня, что я не пишу въ нему отдельныхъ писемъ. Хорошо, буду писать къ нему отдельно, только пусть онъ не забываетъ брата отшельника. Нѣтъ, когда перѣдемъ весною въ городъ, я буду жить дома. И куда какъ веселѣ! Тутъ, какъ ни просто, а все требуется осторожность; даже самая ласка и готовность сдѣлать все для меня, и

она мнѣ кажется приторною: она чужая—и корыстная. Вы знаете мою любовь спорить—а теперь не съ кѣмъ. То-ли бывало какъ съ Іос. Аф. заведемся!—Отнюдь нѣтъ-съ, я никогда не спорилъ съ Из. Иван!“—Іос. Аф. вѣрно сказалъ это, если онъ слушаетъ это мараніе.

Занимайся, братъ, хорошенъко, плотно, какъ говорится. Можетъ быть, случится вѣкоторая перемѣна въ нашемъ состояніи, поважнѣе той, которая случилась со мною по случаю отъѣзда въ Варваровку. Можетъ быть мы перѣдемъ въ Москву. Маменька, вѣрно, не откажется оставить душный Харьковъ. Я увѣдомлю обо всемъ подробно, тогда когда узнаю самъ хорошенъко. Занимайся потому хорошо, что надоびо перейти въ Москву. университетъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ здѣшняго: иначе не переведутъ въ третій курсъ. Относительно твоего подвига съ Венедиктовымъ—не скажу ничего, ибо не понимаю этого человѣка. Впрочемъ, говорятъ, онъ добрый человѣкъ. Будь остороженъ. Что касается до твоего отвѣта педелю,—то я очень обрадованъ,—и желаю, чтобы ты былъ всегда таковъ.

—

9.

Варваровка. 1832. Сент. 27.

Здравствуйте, почтеннѣйшая маменька! Мнѣ сегодня скучно,—и я принялъ за лучшее свое удовольствіе—писать къ вамъ. Ахъ, маменька вы не повѣрите, какъ мнѣ грустно! И самъ не знаю: чего! Нѣтъ, знаю: я далеко отъ васъ. Такъ и желалъ бы скорѣе къ вамъ.

Настоящая жизнь моя течетъ тремя колеями: учу—занимаюсь—живу, т. е. сплю. Именно во снѣ, т. е. въ мечтахъ, и живу я, какъ-бы желалъ жить, среди родныхъ, безъ горестей, безъ заботъ, безъ этой проклятой скуки, которая наполняетъ табачнымъ чадомъ и комнату, и голову, и кромѣ чаду ничего въ ней не поселяется. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ несноснѣе,—не потому, что мнѣ худо. Нѣтъ: хозяева мои люди прекрасные, сердятся, когда я церемонлюсь, ловятъ мои желанія—однако все чужіе: некому повѣрить мнѣ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мы-

слей; и мысли и чувства чахнутъ; и между тѣмъ какъ бы мнѣ ни было скучно, я долженъ казаться веселымъ, ибо Иванъ Тимофеевичъ скучаетъ безъ меня, и слѣдовательно должностъ моя, веселить его,—должность иногда очень непріятная; особливо теперь: читать ему нечего; а разсказы наши обыкновенно касаются до 2-хъ предметовъ: христіанской религіи и вѣрности супружеской. Разговоръ о первой всегда одинъ и тотъ же, тотъ же и одинъ, только въ разныхъ формахъ; а о послѣдней любопытно, и то можетъ быть не всегда, рассказывать тѣмъ, кои знаютъ счастіе и несчастіе оной. Иногда я стараюсь разнообразить разговоръ, говорю о сложеніи горъ, а нареченной невѣстѣ моей, кнагинѣ Бѣлосельской, и нареченномъ супругѣ оной князѣ Срезневскомъ - Бѣлосельскомъ, о падающихъ звѣздахъ, о подвигахъ запорожцевъ,—и все это такъ скучно и такъ неизбѣжно, какъ и прогулка въ новопостроенную деревню, прогулка, во время которой, завернувшись въ плащъ, повторю: да, точно, прекрасно, считаю камни по дорогѣ и глазами мѣряю оставшееся разстояніе.

На прошлой недѣлѣ я послалъ въ „Телескопъ“ статью свою подъ названіемъ: *Первоначальное образование Слободско-Украинскихъ полковъ во время царя Алексія Михайловича*, съ подписью: *И. С. Варваровка.*¹⁾ Если будетъ напечатана, то сдѣлай одолженіе, увѣдомь, братъ, меня, и сколько она заняла мѣста.

Бывши съ Михайломъ Ивановичемъ на Кичкасѣ, мы подходили къ знаменитой пещерѣ, называемой „школой“. Видѣя ее удивителенъ. Названа потому, что въ ней когда-то нашли книгу. Если вамъ будетъ угодно послушать сказокъ про нее и про другія вещи,—то извольте: въ каждомъ письмѣ найдете по кусочку, и тѣмъ болѣе будетъ кусочекъ, чѣмъ менѣе будетъ предметовъ для письма. Вотъ напр. теперь думаю, думаю, что бы написать: конечно, рѣшительно нечего.

¹⁾ Напечатано не было. Того же вопроса И. И. С—ій касается въ статьѣ «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины со времена ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію (Харьк. губ. вѣд. 1839).

10.

Октября 19, 1832. Варваровка.

Боже мой, что за сосѣди здѣсь! Неизъяснимые люди! Непостижимые люди! Вотъ одинъ—багровое лицо, сизый носъ, опухшіе глаза, засмаленный фракъ, сшитый по модѣ 1820 года, и лжетъ на каждомъ словѣ; выдаетъ себя за знатнаго барина, за богача—и весь въ долгахъ; выдаетъ за умника, за каламбуриста, и городитъ такую чепуху, что уши вянуть. Имѣеть много дѣтей,—два въ корпусѣ, дочь окончила воспитаніе въ Екатер. пансіонѣ, говорить по гасконски, играетъ на фортепіано, перелистываетъ французскія книжки, съ отцемъ обращается какъ съ управителемъ,—и уродъ лицемъ. Она ѿздила съ отцемъ въ Екатеринославъ на выборы—сама въ каретѣ, отецъ сзади на дрожжахъ; караванъ довершается волами, кои тянутъ пустую карету для грядущаго жениха. Вотъ другой—статскій служака—получилъ имѣніе за жену. Жена полуумная, бѣсится каждое новолуніе; но онъ равнодушенъ—онъ радъ жениному имѣнью, хотя оно и все въ долгахъ. Онъ думаетъ объ однихъ барышахъ—14-лѣтнюю дочь свою отдалъ за 50-лѣтняго, брюзгу, только потому, что у этого брюзги 40 душъ. Вотъ третій—баба торговка въ три обхвата, пузо не умѣщается на колѣняхъ,—у нея дочь въ два обхвата—по словамъ маменьки—18-ти лѣтъ, но отъ роду не менѣе 25-ти, объявляетъ, что у нея книжка есть: сказка о 7 братьяхъ; щеголяетъ на таратайѣ въ 150 рублей, солом. шляпѣ, а всего владѣїтъ $2\frac{1}{2}$ души. Вотъ 4-й—старикъ лѣтъ шестидесяти, забылъ жену, забылъ дѣтей, завелъ гаремъ,—и съ прелестницами играетъ въ горѣлки—владѣеть 3000 душъ.—Но къ чему распространять описанія?—По крайней мѣрѣ, вы можете судить о сосѣдствѣ нашемъ и объ удовольствіи, какое можно находить въ подобномъ кругу. Ахъ, еслибы только скорѣе къ вамъ.—Вотъ ужъ два мѣсяца только осталось! Пройдутъ и они!..

А между тѣмъ уже три недѣли,—и нѣтъ отъ васъ вѣсти! Что бы это значило? Знаете что, маменька,—адресуйте иногда

письма на имя Федора Степановича Евецкаго, Екатеринославъ, съ передачей мнѣ. Это будетъ вѣрнѣе и скорѣе. Посылки въ Екатеринославъ у насъ часты. Иногда раза два въ недѣлю: а въ Новомосковскъ иногда и въ три недѣли разъ только посылаются. Вѣдь это скучно и горько: и есть письмо, да не получаешь.

Спасибо Евецкому, онъ меня снабжаетъ книгами,—и мы теперь съ нимъ ведемъ преаккуратную переписку. Я очень этому радъ.

—
11.

15 ноября. Варваровка.

Я провожу время уже не такъ скучно, какъ прежде. Ближе и ближе я освояюсь съ милымъ семействомъ моихъ хозяевъ,— и действительно,—принять какъ родной. Это правда, и я долженъ признаться, что это отнимаетъ у меня время, но вы подумайте, маменька, сидѣть вѣчно одному въ своей конурѣ—учить и учиться—мучить и мучиться—ни съ кѣмъ ни одного пріятнаго слова: это горько. Вы знали, какъ я не любилъ романовъ—теперь именно отъ этого одиночества, отъ этой скучи рѣшился читать ихъ—читаю всегда въ слухъ—это бываетъ обыкновенно вечеромъ послѣ чаю. Теперь мы читаемъ Редгонтлета. Сегодня кончили другую часть. Признаюсь, мнѣ очень оно не нравится. Принуждаю себя находить въ немъ хорошее, принуждаю себя смотрѣть сквозь пальцы на его болтовство—и все нѣтъ мочи: поретъ дичь—не болѣе. Недавно читали романъ: *Сен-Меранъ*—французское сочиненіе, но прекрасное. Совѣтую брату достать и прочесть вамъ вслухъ. Мы его прочли съ большими удовольствіемъ.

Если библиотека покойнаго Гулака¹⁾ продается, то нельзя ли купить для меня изъ оной сочиненія Нѣмцевича подъ име-

¹⁾ Ошибочный слухъ о смерти П. П. Гулака-Артемовскаго.

немъ Dzieje panowanja Zygmunda III, на польскомъ языкѣ. Пожалуйста постараитесь черезъ кого-бы то ни было. Три тома рублей 40.

Сейчасъ только ходилъ по льду Днѣпровскому. Прозрачный, какъ стекло, и толстъ четверти на три уже. Видъ съ рѣки на домъ и деревню прекрасный. Относительно пѣсенъ Максимовича,—не пересылайте ихъ до времени, милая маменька; ибо уже не долго остается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(Біографіческий очерк).¹⁾

XXVIII.

Наступила эпоха великая и знаменательная, эпоха благородныхъ стремлений и кипучей дѣятельности, лучшая пора жизни Россіи за цѣлое столѣтіе. Эта перемѣна не могла не найти радостного отголоска въ такой живой и впечатлительной душѣ, какъ Кулишъ. Съ восхищеніемъ привѣтствуетъ онъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ благородныя начинанія новаго императора, который вступилъ именно на тотъ самый путь, который тогда всего желательнѣй былъ для Россіи.

Кулишъ встрѣтилъ особенно въ Н. Д. Бѣлозерскомъ и въ К. С. Аксаковѣ горячее сочувствіе своимъ восторгамъ по поводу словъ и поступковъ новаго государя. „Радуйтесь, Николай Даниловичъ“,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому: „о новомъ государѣ разсказываютъ чудеса. Петербургъ и Москва отъ него въ восторгѣ. Австрійского посланника государь принялъ очень сурово, прусского очень ласково. Говорять, Бибиковъ отставленъ и на его мѣсто Игнатьевъ. Клейнмихель на третій день пришелъ съ прошеніемъ и получилъ въ отвѣтѣ: „Съ удовольствиемъ, графъ, съ удовольствиемъ, но намъ надобно свести съ вами счеты“. Бибикову сказано: „Васъ не за что благодарить: вы

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1901 г., № 5.

вооружили моего отца противъ дворянства, которое теперь стоитъ во главѣ всего доброго". Говорятъ, позволено печатать „Мертваго Души“...¹⁾ Два квартальные у входа къ тѣлу покойнаго государя обошлись грубо съ молодымъ чиновникомъ, который вышелъ изъ себя и далъ одному пощечину. Его судили, но начальство его довело до свѣдѣнія государя о причинѣ вспыльчивости молодого человѣка, который пришелъ не одинъ, а привелъ двухъ дамъ, и государь написалъ: „за грубое обхожденіе полиціи отставить обоихъ квартальныхъ надзирателей отъ службы, съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не принимать“. Словомъ, рассказамъ конца нѣтъ! Никогда еще ни одинъ государь не производилъ такого восторга въ обществѣ.... Прибавлю еще, что когда государь въ первый разъ явился передъ дворянами, то осанка его и манеры были такъ величественны, что всѣ были поражены какъ бы сверхъестественнымъ видѣніемъ. Онъ явился въ полномъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова русскимъ царемъ передъ подданными“.

17 Марта 1855 г. Москва. „Часовъ въ 12 утра прѣѣхалъ въ Москву Конста для окончательныхъ распоряженій о книгѣ资料 of his father: „Разсказы и воспоминанія охотника“. Онъ такъ здоровъ и силенъ, что чуть не искалѣчилъ меня пожатіемъ руки. Отъ него такъ и пышетъ теплотою души. Чудесный Конста!..

„По случаю юбилея²⁾ налитографировали нѣсколько профессорскихъ портретовъ. Въ томъ числѣ и Шевырева. По выражению Консты, Шевыревъ такъ похожъ, что хочется плюнуть. Эта фраза равняется прекрасному изреченію Хомякова: „Если Погодинъ сдѣлаетъ что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевыревымъ“.

„Конста цѣлый день прошатался по Москвѣ и, воротившись въ 11 часовъ ночи, привезъ, во-первыхъ, темный служъ

¹⁾ Напомнимъ здѣсь, что Кулишъ тогда еще не былъ издателемъ сочиненій Гоголя, а занимался лишь его біографіей, и разрѣшеніе было дано Трушковскому.

²⁾ Московскаго университета (въ 1855 г.)

о какой-то великой победѣ русскихъ, во-вторыхъ, о трехъ комитетахъ: для передѣлки устава о цензурѣ, для смягченія мѣръ относительно раскольниковъ и для пошлинъ. О прекращеніи преслѣдованія раскольниковъ извѣстно положительно. Онъ же слышалъ, что когда Эстергази сказалъ государю, что отецъ его намѣренъ былъ поступать иначе въ отношеніи къ Европѣ, т. е. склонялся къ уступкамъ, государь отвѣчалъ: „Отецъ мой, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, могъ поступать какъ ему угодно, но я, вступивъ на престолъ недавно, долженъ дѣйствовать иначе“.—„Ваше Величество будете спасителемъ Европы“, сказалъ Эстергази.—„Всѣ мои интересы“, отвѣчалъ государь, „заключены въ Россіи“.—„Ваша доброта“—продолжалъ тотъ, „извѣстна всей Европѣ“... Потомъ, спохватившись, прибавилъ: „также, какъ и ваша твердость“. Но государь сказалъ: „Моя доброта будетъ вся принадлежать Россіи, а твердость мою узнаетъ Европа“.

„Конста отъ всего этого въ восторгѣ; особенно ему нравится, какъ государь, по его выражению, „выгораживаетъ пойманаго отца своего, сохраняя ему все его царственное достоинство, а себя между тѣмъ не лишаетъ возможности поступать по усмотрѣнію“.

„Есть слухъ, что Норовъ не удержится на мѣстѣ, Бибиковъ тоже, но онъ ничѣмъ еще не подтвердился, кроме сухого обращенія съ ними государя. Ермоловъ принять великодѣйно. Говорятъ, ужъ о немъ получена бумага, что онъ оставляется для высшаго поста. Государь обыкновенно бесѣдуетъ съ нимъ за утреннимъ чаемъ. Конста и отъ этого въ восхищении. Онъ послалъ ему по городской почтѣ слѣдующій привѣтъ, безъ подписи имень: „Долго бездѣйствовалъ ты, нашъ старый богатырь; но Европа потряслась въ своихъ основаніяхъ, но имя Бонапарта вновь раздается въ мірѣ, но гремитъ громъ и блещетъ молнія грозы военной,—и при грохотѣ грома и блескѣ молніи, народный гласъ вызываетъ тебя, солдатъ Суворова, тебя, генералъ двѣнадцатаго года, тебя, наша народная слава, тебя, Ермоловъ!“.

,,Жаль, что я не имѣю времени описать выборъ Ермолова въ начальники ополченія. Конста говоритъ, что масса народа всегда движется разумнѣе и вѣрнѣе отдельныхъ лицъ. Были люди, желавшіе воспрепятствовать этому выбору, было сдѣлано вѣсколько гадостей, такъ что самъ Ермоловъ письмомъ къ губернскому предводителю дворянства просилъ не посыпать къ нему депутацію, а результатъ вышелъ все-таки прекрасный: Ермоловъ выбранъ.

,,Ту же мысль Конста примѣняетъ и къ юбилею¹⁾. Шевыревъ сдѣлалъ пошлыи это торжество, но съѣхавшиеся со всѣхъ концовъ Россіи воспитанники Московскаго университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости.

,,Въ заключеніе сегодняшняго вечера Конста прочелъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ студентомъ. Нѣсколько членовъ въ честь юбилея написали такія воспоминанія, чтобы прочесть ихъ у Самарина на частномъ торжествѣ того же 12 февраля. Записки Консты въ высшей степени интересны“.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. В. Тарновскому Кулишъ писалъ также: Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать. А между тѣмъ положительного облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то ободрилась, да и всѣ шумятъ, точно не русскіе. На юбилей Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ“²⁾.

Объ Ив. С. Аксаковѣ въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ писалъ 1 мая 1855 года: „Подъ Москвой встрѣтилъ я Ивана Аксакова, штабсъ-капитана. Онъ молодецъ въ национальной одеждѣ и радуется, что, выйдя въ отставку, получить

¹⁾ Разумѣется столѣтній юбилей московскаго университета.

²⁾ „Кievskaya Starina“, 1898, IV, стр. 114.

право носить ее¹⁾). Служить ему трудно, но онъ доволенъ успокоениемъ совѣсти, которая могла бы сказать ему: „А ты гдѣ былъ, когда рѣшалась судьба отечества? Хорошо ли, дурно ли распоряжаются сверху,—но, по его словамъ, каждый долженъ, сколько можетъ, понести общей тяжести, и для совершенства души необходимо иногда дѣлать дѣло не по своему вкусу“.

Когда, въ началѣ царствованія, послѣдовало сильное оживленіе литературы и стали возникать одно за другимъ новыя periodическія изданія²⁾, И. С. Аксаковъ задумалъ изданіе „Русской Бесѣды“ и предлагалъ сотрудничество Кулишу. Занятый печатаниемъ южнорусскихъ лѣтописей и приготовленіями къ изданію „Записокъ о южной Руси“³⁾, Кулишъ отклонилъ было предложеніе, но затѣмъ послалъ туда, во вторую книгу журнала, свою повѣсть „Феклуша“⁴⁾.

XXIX.

У Кулиша продолжались заботы и хлопоты по напечатанію „Черной Рады“. Съ цѣлью облегчить этому сочиненію цен-

¹⁾ Послѣ, когда Кулишъ въ письмѣ къ С. Т—чу осуждалъ выборъ знакомствъ, сдѣланныхъ И. С. во время его пребыванія въ Малороссіи въ 1855 г., недовольный этимъ И. С. нелестно отзывался о Кулишѣ «(И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 217—218).

²⁾ Однажды Кулишъ сообщалъ также: «Я читалъ объявленіе о Русскомъ Вѣстнику», который будетъ издаваться въ Москвѣ Катковъ. Хомяковъ съ братіей тоже намѣрѣнъ издавать журналъ. Императрица, во время пребыванія въ Москвѣ, призвала его къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовала. Между прочимъ ему обѣщано, что съ него снимется запрещеніе писать.

³⁾ Къ числу этихъ предпріятій относилось также задуманное Меемъ изданіе журнала «Россія», по поводу которого Кулишъ писалъ: «Кажется, что Мей и журналъ его—авленія вздорныя, а журналъ притомъ еще и ве утверждень».

⁴⁾ И. С. Аксакову эта повѣсть не особенно поправилась, во «Записки о южной Руси» онъ считалъ весьма интересными («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 287).

зурное разрѣшеніе, авторъ перевелъ его на русскій языкъ, чтобы легче было потомъ провести книгу и на малороссійскомъ языкѣ. „Если мнѣ дадутъ право общей цензуры“—писалъ онъ В. В. Тарновскому,—то не уѣду изъ Петербурга, не напечатавши „Черной Рады“ по малороссійски¹⁾). Тому же лицу Кулишъ писалъ: „Я думаю, что надо издать эту книгу съ рисунками цѣвцовъ и баевъ и четырьмя хромолитографированными типами паробка и дивчины, дѣда и бабы съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсень. Это приведетъ книгу къ памѧтъ, которые не купятъ ее для одного чтенія и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нечто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердить ихъ въ этомъ мнѣніи“²⁾). Редакція „Русской Бесѣды“ съ своей стороны предлагала провести въ печать „Черную Раду“ въ своемъ журналь (конечно, въ рускомъ переводѣ). Большую денежную помошь въ этихъ дѣлахъ оказывалъ В. В. Тарновскій, издававшій на свой счетъ всѣ сочиненія Кулиша, которыхъ не печатались въ журналахъ.

Лучше всего можно понять, до какой степени Кулишу все-таки приходилось круто съ изданіемъ своихъ сочиненій,

¹⁾ „Кievsk. Стар.“ 1898, IV, стр. 116. Но много хлопотъ и горя по обыкновенію доставляла Кулишу цензура, хотя въ началѣ новаго царствованія онъ смотрѣлъ на все оптимистически: «Чтобы дать работу вашему воображенію»,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„скажу, что Черная Рада скоро выйдетъ изъ портфеля своего автора и пойдетъ странствовать по палатамъ и дворцамъ, пока не отвергнутъ ее, какъ злоторное произведение (вѣдь на свѣтѣ бездна самыхъ дикихъ заблужденій!) или скажутъ: «полно автору слоняться по свѣту перебендею, принять его хоть въ дворники. Съ представлениемъ «Записокъ» въ цензуру совсѣмъ обождать, потому что есть надежда на смягченіе устава. Теперь я брею и стригу своего «Романа», чтобы можно было проскользнуть мимо швейцара, а тамъ, внутри падать, люди помагче. Сказано: «не такъ панъ, якъ панчата».

²⁾ «Кіевская Старина», 1898, IV, стр. 118 и друг.

изъ того, что ему пришлось таки въ почти безнадежныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть вновь къ Юзефовичу и просить его не только объ устраненіи цензурныхъ затрудненій, но и о денежнѣй помощи. Юзефовичъ былъ все-таки свой человѣкъ, въ принципѣ тайно сочувствовавшій дѣятельности и симпатіямъ Кулиша, но на первомъ планѣ ставившій личное благодеяніе и способный на предательство „страха ради іудейска“. Юзефовичу можно было и теперь, даже въ письмѣ, сказать, что „нигдѣ не родиться духовного жныва бильшъ, якъ на Українѣ“, что было, конечно, отчаяннымъ патріотическимъ самообольщеніемъ, а также противополагая Україну Москвѣ, высказывать надежду, что „корткіе“, т. е. малороссы, „наслѣдуютъ землю“, и что „сонмы люду українського сіяють душевнымъ богатствомъ по-надъ уси народы и збагащають Московську Русь“¹⁾.

Но все искупалось для Кулиша мечтами о будущемъ благотворномъ вліяніи своихъ сочиненій, мечтами, доходившими до едва вѣроятныхъ размѣровъ. Онъ, напримѣръ, писалъ С. Т. Аксакову: „Записки о южной Руси“ печатаю съ наслажденіемъ не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ въ моихъ глазахъ нѣть цѣны. Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это Священное Писаніе, и надѣюсь, что по виѣшнему исполненію „Записки“ будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что совершенно справедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала вѣмѣдкимъ и англійскимъ изданіямъ, въ которой видно было бы серьезное изученіе предмета“²⁾. Въ другой разъ онъ

1) »Кіевская Старина«, 1898, III, 314—315, также вообще 311—316.

2) Этотъ трудъ А. Н. Цыпинъ признаетъ самымъ крупнымъ трудомъ Кулиша въ области этнографіи; разбору его онъ посвящаетъ много интересныхъ и цѣнныхъ страницъ въ «Исторіи Русской этнографіи» (т. III стр. 194—201). Объ этомъ же трудѣ см. въ «Исторіи украинской литературы» Петрова, (стр. 280—285).

писалъ о „Черной Радѣ“ Аксакову же: „Я знаю, что отдельное изданіе „Черной Рады“ на русскомъ языке, черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія, разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіяне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: „Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радѣ“, или: „На безрыбье и ракъ рыба“ и „На безлюдье и Фома дворянинъ“. Земляки будутъ носиться съ „Черною Радой“, какъ чортъ съ писаниою торбой, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ“. О „Запискахъ южной Руси“ Кулишъ писалъ В. В. Тарновскому, что если-бы у него были деньги, то онъ могъ бы издавать даже по шести книгъ въ годъ, занимаясь только редактированіемъ ихъ, возлагая подготовительную работу на надежныхъ людей.

Такую же уверенность въ будущемъ успѣхѣ своихъ сочиненій мы часто встречаемъ и послѣ у Кулиша. Въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому онъ прямо говорилъ: „статьи мои въ „Русскомъ Вѣстнике“ должны сдѣлать эффектъ“, и еще: „тупо ли, не тупо пойдутъ книги, имъ слѣдуетъ быть издаными, и онъ окуняется“¹⁾.

Но настоящей оценки своихъ трудовъ Кулишъ ожидалъ отъ такихъ людей, какъ Шевченко, о которомъ онъ говорилъ: „Тарасъ получилъ первый томъ „Записокъ о южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно такие люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ“. Къ числу этихъ цѣнителей относилъ онъ, кажется, и другихъ украино-филовъ, напр. Л. М. Жемчужникова, о которомъ онъ писалъ Бодянскому: „Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи художествъ, Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссию,ѣздила по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и опять помышляетъ о новомъ путешествіи весной. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занять изученіемъ ея исторіи, этнографіи и сло-

¹⁾ «Киевская Старина», 1898, июль—августъ, стр. 132.

весности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ же показалъ мнѣ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выйдетъ истинный исторический живописецъ“¹⁾.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, хотя всякое литературное дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ Кулиша, но почти на каждомъ шагу надо было пробивать стѣну всевозможныхъ препятствій, что отчасти не могло не охлаждать временно его энергіи, или скорѣе у него мы замѣчаемъ поэтому неравномѣрность въ развитіи энергіи какъ въ литературныхъ, такъ и въ другихъ занятіяхъ, и тотъ же самый „горячій“ Кулишъ, по его выражению: „и вчора Кулишъ, и сѣгодня Кулишъ“, у котораго временами дѣло горѣло такъ, что это возбуждало во многихъ зависть, вдругъ чувствовалъ себя вынужденнымъ бросать его или откладывать и менять на другія занятія, и иногда на такія, къ которымъ онъ былъ менѣе склоненъ.

По прелюдію Кулишъ продолжалъ также принимать горячее участіе въ судьбѣ своихъ товарищѣй и, смотря по ходу обстоятельствъ, радоваться или скорбѣть за нихъ. Онъ сильно ликовалъ по поводу освобожденія Костомарова и Гулака-Артемовскаго и уже въ 1856 г. питалъ надежду на освобожденіе Шевченка²⁾. Въ его письмахъ мы нерѣдко находимъ разныя сообщенія, преимущественно о Костомаровѣ, напр., что Костомаровъ хочетъ печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ „Богдана Хмельницкаго“ и собирается писать полную исторію южной Руси.

Самъ Кулишъ, ободренный прекрасными вѣяніями новаго царствованія, почувствовалъ, наконецъ, возможность дышать пол-

¹⁾ Тамъ же, 1897, XII, стр. 453.

²⁾ Онъ радовался, напр., что „Тарасъ дождался миру на проживаніе“ („К. Ст.“ 1899, 1, 81).

ной грудью, и въ числѣ другихъ проектовъ увлекается мечтой о заграничномъ путешествіи.

XXX.

Продолжая свою работу надъ „Записками о Южной Руси“, Кулишъ гостила у Репниныхъ въ Яготинѣ, у Галагана, у Грабовскаго, у Залревскихъ (но тамъ ему не понравилось, и хотя по его описанію, „у нихъ садъ гарній, будинки хороши строятця, хутко будуть окончени, хоть бы и царю въ нихъ жить; а жить у нихъ буде скучно“), у де-Бальмена; въ этихъ своихъ поѣздкахъ онъ часто пользовался товариществомъ Л. М. Жемчужникова. Цѣлью этихъ поѣздокъ было изученіе края; между тѣмъ Кулишъ имѣлъ тогда въ виду, при содѣйствіи близкихъ ему и сочувствовавшихъ изученію Україны лицъ, учредить собственную типографію, но мысль эта была осуществлена нѣсколько позднѣе.

Во всѣхъ названныхъ домахъ Кулишъ встрѣчалъ искреннюю симпатію и почти родственный пріемъ. Плѣнняла его и роскошная украинская природа, во сердце его сжималось при видѣ бѣдности крестьянскаго малороссійскаго населенія. „Сонде“—восторгался онъ—„сідало въ Линовиці, мовъ у раю; у воді дерево играло наче шовкі да саети; гуси кричатъ и плащутъ середъ ставу; тыхи, якъ у Бога на неби; а сонде все золотило, и кожне въ насъ здалось середъ зеленої садовини, мовъ на картині. Коли бъ тілько не було на серці туги, то хваливъ би Господа милосердного, дивлячись на его дива, да й годі“. Но въ то же время его удручало печальное зрѣлище бѣдствующаго народа: „Ранкомъ ходили съ панночкою до церкви, щобъ подивиться на ліновицький народъ. Мизерний народъ. А бувъ бы народъ гарній, коли бъ доля єму лучче“. Поэтому, тотчасъ послѣ восторженного описанія красоты природы, у Кулиша вырывается грустнаяnota: „то горе, що душа—наче птиця, безъ крылъ: хоче піднятця надъ землею, а туга до земли ії при-

гнітає". И все-таки, размышая о поездкѣ въ Качановку и дальше, Кулишъ съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Линовицей и семействомъ графа Де-Бальмена: „Добрі люди оці Де-бальменці! може й нема вже кращихъ по моему смаку: душа знай чогось бажає и знай кудись жадає, а куди не обернетця—усюди буде гірше, нижъ у Ліновиці. Тимъ то я дожидаюсь, поки приплють за мною коні зъ Качанівки,¹⁾ а самъ собі думаю: „лучче не буде мини нігде, бо другої Ліновиці мабуть и на світі не має“. Но пылкое воображеніе, душа чуткая къ красотамъ природы; легко находить новый источникъ наслажденія, и въ помѣстьѣ Галагана, Сокиринцахъ, съ его великолѣпнымъ паркомъ, благодаря прекрасной природѣ, Кулишъ пришелъ въ еще большее восхищеніе и тогда уже онъ говорилъ, что въ сравненіи съ нимъ „Качановка и Ліновица должны спрятаться въ кутокъ“. Но „все-таки“—продолжаетъ онъ—„не будь здѣсь Жемчужникова, я бы норовилъ поскорѣе уѣхать. Изъ трехъ резиденцій не знаю однако-жъ, которую выбрать: въ Ліновицѣ жить не хочется, здѣсь тягостно и скучно, а въ Качановкѣ тоже пустота жизни и скуча“.²⁾ Не нравились Кулишу во всѣхъ этихъ, впрочемъ хорошо устроенныхъ, имѣнняхъ устройство панскихъ усадебъ на аристократическую ногу. Поѣхали однажды Галаганъ, Жемчужниковъ и Вас. Вас. Тарновскій-сынъ въ Лебединецъ, въ 20 верстахъ отъ Сокиринецъ, гдѣ Галаганомъ былъ построенъ будинокъ малороссійскій. „Подъѣхавъ къ нему“—говорить Кулишъ—„чувствуешь въ душѣ легкость, какъ будто сбросилъ иго наважанной намъ насильно цивилизациі. Простота

¹⁾ Ім'яніе Тарновскихъ.

²⁾ Въ одномъ изъ этихъ помѣстій, именно у Галагана, Кулишъ встрѣтилъ дѣвицу Милорадовичъ, изъ которыхъ старшая расположила его къ себѣ знаніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и языка, особенно же украинскихъ думъ. Объ этихъ сестрахъ Кулишъ писалъ: «знаютъ ридну мову и спивають ридныхъ писень». Одной изъ нихъ онъ писалъ: «за ваши пѣсни иной человѣкъ отдалъ бы, можетъ быть, пушу».

и богатство давно уже перестали у насъ сочетаться одна съ другимъ. Вкусъ въ иноземному подавилъ все, что свойственно нашей сельской жизни, и панскіе дома между мужичими хатаами—такіе же иностранцы, какъ и сами паны между народомъ". Изо всѣхъ окружающихъ людей больше всѣхъ ему нравились «Тарновскіе, у которыхъ больше простоты и задушевности», и Жемчужниковъ, о которомъ Кулишъ говорилъ: „онъ съ простой своей расположенностю больше всѣхъ меня удовлетворяетъ“.

Во время своихъ поѣздокъ въ Малороссію Кулишъ, по обыкновенію, часто съ большимъ увлеченіемъ пѣлъ украинскія думы въ кругу знакомыхъ или читалъ что-нибудь, напр. „Марусю“. При этомъ многіе изъ присутствующихъ плакали. Въ свою очередь, его приводила въ восторгъ и отзывчивая графиня Марія Де-Бальменъ, которая просила его пѣть „неволынъцки вирши“ Тараса Шевченка. Доброжелательство его къ этой обаятельной девушкѣ выразилось въ словахъ: „О Господи! пошли сѣму ангелу счастье“!

Жемчужниковъ съ своей стороны такъ вспоминалъ объ этихъ совмѣстныхъ поѣздкахъ: „Судьба Кулиша мало-по-малу облегчалась, и ему дозволено было выѣзжать изъ Петербурга. Вотъ въ это-то время я посыпалъ Пантелеимона Александровича въ хуторѣ Мотроновкѣ и въ хуторѣ Зарогѣ; єздилъ съ нимъ въ Черкассы, проживалъ у него на квартирѣ въ Кіевѣ. Кулишъ всегда мнѣ былъ очень пріятенъ. Сидя съ нимъ въ экипажѣ, я пѣлъ ему пѣсни и изучалъ новые мотивы отъ него и отъ жены его, милой Александры Михайловны, отъ девушки, бабъ, старииковъ, парней и бандуристовъ. Ёздили съ нимъ къ М. Грабовскому, въ его имѣніе кіевской губерніи. Ёздили мы какъ придется: въ жидовскомъ фургонѣ, въ „петычанкѣ“ и на перекладной. Дорогой мы много говорили и соболѣзновали о сосланномъ Шевченкѣ, котораго онъ лично зналъ и въ одно время съ нимъ пострадалъ, а и зналъ только его произведенія, которыми упивался. Въ Полтавской губерніи я

повнакомилъ Кулиша съ семействомъ Г. П. Галагана, гдѣ въ первый разъ свелъ его съ моимъ пріятелемъ-бандуристомъ Остапомъ Вересаемъ. Кулишъ потомъ былъ съ Остапомъ въ перепискѣ ¹⁾.

Прибавимъ въ дополненіе къ нашей рѣчи о пребываніи Кулиша въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Малороссіи, что въ это время онъ написалъ „Орысю“, которая выходитъ на Божій свѣтъ „що дальше, то все крапце“, и задумыталъ, при содѣйствіи графині Де-Бальменъ, иллюстрировать „Чорну Раду“. Кромѣ того, приведемъ небольшую выдержку изъ сообщенія Кулиша женѣ о его знакомствѣ съ Вересаемъ: „Забылъ я разсказать тебѣ“—писалъ онъ женѣ—„объ Остапѣ, сокиринскомъ бандуристѣ, который играетъ роль въ первой части второго тома „Записокъ о южной Руси“. Попали мы къ нему въ хату и долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ очень уменъ и благороденъ чувствами. Напр., онъ ходилъ къ Галагану жаловаться на сосѣдей, которые его обижаютъ: „Якъ тилько почувъ я єго слово ласкаве да гарне, то наче на свѣтъ народився. Стою, и духъ мини заперло. Пытає: „чого ты, Остапе“? а я тилько плачу: що такий та й гарный, а я ему въ вичи буду листы“.—Я прочиталъ ему двѣ малороссійскія проповѣди, и восторгъ его пре-взошелъ мои ожиданія. „Колы-бъ у мене була така книжка, то я бъ заплативъ бы письменному гроши да поты слухавъ бы, поки всю вытвердживъ... А, Господы, яка-жъ книжка! що наче въ мене волосся зъ головы лизе, и все плакавъ бы, и наче зъ мене тило опадає, що, Господы, якъ то мы живемо гришно“. Я обѣщалъ ему прислатъ экземпляръ проповѣдей и очень его обрадовалъ ²⁾. На другой день по возвращеніи нашемъ изъ бу-

¹⁾ См. также воспоминанія Л. М. Жемчужникова въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, XI.

²⁾ Кулишъ не только самъ много трудился надъ собираниемъ малороссійскихъ пѣсенъ и этнографическихъ материаловъ, но также руководилъ на этомъ пути и другихъ.

дника Остапъ пришелъ къ намъ, и Жемчужниковъ нарисовалъ его для второго тома съ натуры¹ ¹).

XXXI.

На изданіе сочиненій Гоголя Кулишъ натолкнуло случайное стеченіе обстоятельствъ. Въ то время, когда онъ былъ безусловно поглощенъ заботами о „Чорной Радѣ“ ²) и объ „Этнографическихъ Запискахъ“ и совершенно не думалъ о другихъ литературныхъ трудахъ, ему сначала неожиданно пришлось взять на себя этотъ издательскій трудъ. Первое извѣстіе о томъ, какъ это произошло, мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ женѣ. Тамъ онъ говоритъ между прочимъ: „Я бувъ у книжни Репинії. Зрадила дуже, мене побачивши. Завтра ій прочытаю предысловіе до „Чорної Рады“, бо людина розумна й щыра ³). Потимъ бувъ у Трушковського, которому пораявъ передать изданіе Гоголя Бодянскому, а самому втикати за границю“ ⁴). Но дѣло не состоялось, благодаря медлительности Бодянского и нетерпѣливости Трушковского: „Похопывсь винъ до сего“, продолжаетъ Кулишъ, — „и пойихали мы до Бодянского; только щось винъ не роспочынае речы про изданіе. Я сякъ-такъ поводывъ — ни, не бере! Я й самъ бы роспочавъ, да боюсь розсердить паныча, бо сей панычъ теперъ на всіхъ дышутся такъ, якъ на якихъ опекунівъ, котори ёго мають за

¹) Остапа Вересая въ 1854 г. посыпалъ въ Сокиринцахъ И. С. Аксаковъ (См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 43—44.)

²) О печатанії «Черной Рады» см. въ письмѣ къ Галагану («Кievск. Стар.», 1899, IX, 342—344).

³) Въ другомъ письмѣ Кулишъ такъ передаетъ впечатленіе, произведенное на книжну Репинну предисловіемъ къ «Черной Радѣ»: «Плакала слухаючи, а потімъ поклонилася міні такъ, якъ мужики кланяються пану — низенько; здивовавсь я, а далі що робить? и я ій поклонивсь, да “попрощались”.

⁴) Ср. объ этомъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1897, III, стр. 195.

божевильного". Эта подозрительность человѣка больного, уже терявшаго обладаніе умственными способностями, но отъ природы умнаго и еще достаточно наблюдательнаго и смѣтливаго, чтобы уловить каждую неосторожную ноту въ бесѣдахъ съ нимъ людей, недостаточно искусно умѣвшихъ маскировать настоящій характеръ своихъ отношеній къ нему, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ и щекотливымъ пунктомъ для людей, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе. Можетъ быть, Бодянскому не совсѣмъ удалось скрыть свое мнѣніе объ истинномъ положеніи Трушковскаго; какъ бы то ни было, мы узнаемъ изъ сохранившихся документовъ, что онъ страшно возстановилъ противъ себя послѣдняго. Трушковскій еще разъ былъ у Бодянскаго для переговоровъ, уже безъ Кулиша, и на вопросъ о причинѣ своего скораго возвращенія, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „А що? каже—я занять“. Выдно не такъ-то мудро сказана ричь: про изданіе почалы говорить, говорить и договорылись до того, что я берусь издать, а паныча выправлю въ Жемчужниковымъ за границю. Труда доволи, да въ четырехъ типографіяхъ живо напечатаю. За се мини десята часть выручки. Зароблю бильшъ 1000 рублей, а може й дви. А кончу до мая. Отъ и будуть гроши на нимецкій хлебъ“ (т. е. для поѣздки за границу). Кажуть Аксаковы, что добрѣ,— що спасу я чоловика одъ погибели“ ¹⁾.

¹⁾ Мы уже говорили, что этому труду много благопріятствовало сближеніе Кулиша съ Аксаковыми, разсказы которыхъ (а также Бодянскаго и Плетнева) чуть ли не натолкнули его раньше на мысль написать біографію Гоголя. По крайней мѣрѣ Кулишъ однажды писалъ И. С. Аксакову, еще говоря о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, въ виду нежеланія пока открыть свой псевдонимъ: «Письмо ваше, почтеннѣйшій Иванъ Сергеевичъ, такъ наказало моего пріятеля, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. Приводя въ вашемъ домѣ незавѣнныій для мене вечеръ, онъ не думалъ о материалахъ для біографіи Гоголя. Это было сльдствіемъ послѣдней вечерней беспѣды со О. М. Бодянскимъ. Требованіе ваше вполнѣ законно, и если автору статейки, о

Поводомъ къ передачѣ дѣла отъ Бодянскаго Кулишу, несомнѣнно, служило и то обстоятельство, что онъ только-что много работалъ надъ своимъ трудомъ „Записки о жизни Гоголя“. Но, приступая къ работѣ, онъ встрѣтилъ довольно серьезное практическое затрудненіе: надо было до напечатанія писемъ Гоголя, долженствовавшихъ войти въ послѣдніе томы изданія, позаботиться о распродажѣ „Записокъ“, такъ какъ послѣднія должны были съ появлениемъ его отчасти потерять въ своей цѣнности; впрочемъ относительно послѣднихъ онъ уже имѣлъ тогда въ виду покупателя въ лицѣ книгоиздателя Базуна. Взявъ на себя изданіе сочиненій Гоголя, Кулишъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять и хлопоты по отправкѣ Трушковскаго за гравицу; принимая въ немъ участіе, онъ принужденъ былъ Ѳздѣтъ въ банкъ, чтобы взять оттуда деньги, предназначавшіяся для печатанія, входить въ сношенія съ цензоромъ, известнымъ писателемъ Лажечниковымъ, дѣйствовать на цензурный комитетъ ¹⁾). Но здѣсь ему была большая удача, благодаря самоотверженію цензора. „Добродѣтельный Гиляровъ ночи не доспавъ, а пидпysавъ усякий листочекъ восьмы томивъ. А письма Гоголя треба прывесты въ порядокъ и прыслать ёму на прочетъ. Обищавъ продержать пивтора дня“. Было условлено, что Кулишъ получить десятую долю выручки съ изданія, вслѣдствіе чего, надѣясь продать его сполна Базунову за 25000, онъ разсчитывалъ получить на свою долю двѣ съ половиною тысячи рублей ²⁾.

которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтеть пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства».

¹⁾ Однажды Кулишъ сообщалъ: «сочиненія Гоголя позволены безъ всякихъ сокращеній, но офиціальной процедуры еще не сдѣлано». — «Князь Вяземскій» — писалъ отъ въ другомъ письмѣ — «дѣйствуетъ сильно противъ цензурныхъ неправдъ».

²⁾ Въ львовскомъ журналѣ «Правда» сказано, однако, что Кулишу было предложено за трудъ три тысячи рублей (1868, стр. 312).

Повидимому, Кулишъ постепенно входилъ въ интересъ новаго взятаго на себя труда; сначала же, когда ему приходилось заниматься черновой работой, т. е. добываніемъ, переписываніемъ, а главное—сортировкой писемъ и вообще установлениемъ по возможности строгаго хронологическаго порядка среди хаотическихъ грудъ подлинныхъ писемъ и сниманиемъ съ нихъ кошій, когда приходилось тонуть въ грудѣ бумагъ, то и онъ испыталъ на себѣ тяжесть неблагодарной, но совершенно необходимой подготовительной работы ¹⁾. Слѣды этого видны въ нѣкоторыхъ письмахъ. „У меня голова идетъ кругомъ“, жаловался онъ, „отъ цензурныхъ смятеній и отъ устройства въ порядокъ беспорядочныхъ писемъ Гоголя, которыхъ болѣе тысячи, и многіе безъ годовъ и чиселъ,—все это надоно опредѣлить, размѣстить, кое-что выключить и проч. и проч.“. Особенно же допекла цензура: „цензурные остановки не мало томятъ меня. Одно чувство у меня есть—бѣжать, но куда—не знаю. Я убѣжалъ бы отъ самого себя, потому что душа моя состоитъ изъ дисгармоніи, которая меня же самого терзаетъ“. Но и кромѣ этого у Кулиша стеклось одновременно такое множество самыхъ разнородныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относившихся къ его литературнымъ трудамъ, что онъ, мучительно торопясь и утопая въ трудахъ, тѣмъ не менѣе со многимъ не успѣвалъ справляться. Такъ онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „О литургіи Гоголя распоряженіе учинено, и вы будете имѣть списокъ. О пропускахъ же отложилъ попеченіе. Писемъ Гоголя гора у Трушковскаго, и нѣтъ силъ сдѣлать всѣ выписки. Онъ напечатаетъ ихъ со временемъ, а при теперешней цензурѣ весьма немногое

1) Въ одномъ письмѣ Кулишъ особенно жалуется на траты на переписку, пересылку и переѣзды по изданію сочиненій Гоголя («Кіевская Старина», 1898, II, стр. 309). Конечно, онъ заботился также о продажѣ изданыхъ книгъ. Такъ онъ благодаритъ однажды Галагана за то, что онъ внушилъ своему своиму, попечителю кіевскаго округа, Ребиндеру, купить восемьдесятъ экземпляровъ «Записокъ о жизни Гоголя» для гимназій («Кіевск. Стар.», 1899 г., IX, 341).

будеть зачеркнуто, развѣ то, что шокируетъ живущихъ, а такого слишкомъ много. У Трушковскаго я видѣлъ еще пачку писемъ Смирновой, но уже не дерзнулъ и помыслить списывать: боюсь погрязнуть въ копировкѣ. Мнѣ надобно дѣлать иное дѣло. У Трушковскаго цѣлый чемоданъ наполненъ бумагами Гоголя, хранившимися доселѣ у Шевырева. Такому человѣку, какъ я, слѣдовало бы имѣть при себѣ неотлучную пишущую машину, усердную и довольно грамотную. Мнѣ все и вездѣ открыто, но нѣтъ средствъ черпать¹. Также В. В. Тарновскому Кулишъ вскорѣ писалъ, что хотя онъ напечаталъ два тома писемъ Гоголя и разныхъ свѣдѣній о немъ (здѣсь разумѣлись „Записки о жизни Гоголя“), но что это лишь небольшая часть всѣхъ матеріаловъ, которые напечатаются Трушковскій и другіе¹). Г-жѣ Милорадовичъ онъ писалъ „Облегли меня труды и хлопоты кругомъ, и не знаю, какъ изъ нихъ выбраться“.

Сверхъ того, самое содержаніе большинства писемъ въ ихъ разбросанномъ видѣ и безъ предварительного всесторонняго ихъ изученія, въ свою очередь немыслимаго до приведенія ихъ въ строгую систему, которая могла явиться уже конечнымъ результатомъ предпринятой работы, было неясно и работа надъ ними казалась нерѣдко утомительною: „Письма Гоголя первыхъ годовъ“—писалъ Кулишъ женѣ—„очень утомляли меня ребяческою болтовнею, но чѣмъ далѣе, тѣмъ они интереснѣе, и часто изъ редактора я дѣлаюсь читателемъ. Написалъ я тебѣ, какъ утомляетъ меня работа, и раскаиваюсь! ты преувеличиваешь въ воображеніи. То былъ такой часъ унынія, въ который хотѣлось тебѣ пожаловаться“²).

Эта торопливость Кулиша, обусловливаемая самой пылкостью его натуры и множествомъ, нетерпящихъ отлагатель-

¹⁾ См. также «Русское Обозрѣніе», 1893, III, 195—200.

²⁾ Но это случалось не разъ, и жалобы на избытокъ спѣшиныхъ дѣлъ повторялись и въ письмахъ къ постороннимъ, напр. «Стилько въ мене роботы, що й въ голови не вмищается». («Кievск. Стар.», 1898, II, стр. 231).

ства, литературныхъ задачъ и патріотическихъ замысловъ встрѣтило нѣкоторое осужденіе со стороны цензировавшаго сочиненія Гоголя извѣстнаго Н. П. Гилярова-Платонова. Причина несогласій послѣдняго съ Кулишемъ заключалась въ томъ, что Гиляровъ требовалъ отъ первого исключительного посвященія на нѣкоторое время всѣхъ своихъ силъ такому дѣлу, какъ изданіе сочиненій Гоголя, тогда какъ Кулишъ возражалъ ему: „Въ эту пору моей жизни за такое время“ (около года, какъ можно понять изъ содержанія всего письма) „купить меня невозможно ничѣмъ“. Это говорю относительно нѣкоторыхъ предпріятій, которыя для меня дороже самой жизни“¹⁾. Но и помимо этого, Кулишу не могло понравиться осужденіе его труда, когда и безъ того онъ успѣлъ уже такъ много сдѣлать, какъ едва ли это удалось бы въ такой промежутокъ времени кому-нибудь другому. Вѣдь въ то же самое время были уже выпущены имъ въ двухъ томахъ „Записки о жизни Гоголя“, представлявшія собою, какъ на это смотрѣлъ и самъ авторъ, какъ бы второе, исправленное и дополненное изданіе „Опыта біографіи“. Отношеніе „Записокъ“ къ „Опыту“ справедливо было указано Кулишомъ въ письмѣ въ Н. М. Бѣлозерскому въ выраженіи: „оно будетъ аки генераль передъ прaporщикомъ, въ разсужденіи богатства и драгоцѣнныхъ матеріаловъ“.

XXXII.

Изъ любопытнѣйшаго письма Кулиша къ Гилярову-Платонову, напечатанному недавно въ „Русскомъ Обозрѣніи“²⁾, мы узнаемъ отчасти, хотя и въ очень общихъ чертахъ, нѣкоторая свѣдѣнія, касающіяся исторіи изданія, и съ другой стороны предъ нами раскрывается отношеніе Гилярова-Платонова къ цензируемому изданію.

¹⁾ «Русское Обозрѣніе», 1897, Ш, 194.

²⁾ «Русское Обозрѣніе», 1897, Ш, стр. 195—200.

Мы говорили, что племянникъ Гоголя, Трушковскій, приступивъ къ изданію, встрѣтилъ такія трудности во многихъ отношеніяхъ, что долженъ былъ отказаться отъ непривычнаго дѣла, тѣмъ болѣе что здоровье его уже находилось въ разстроенному состояніи. Приведеніе въ порядокъ рукописей и писемъ, возня съ цензурой и другія издательскія хлопоты, очевидно, оказались ему не подъ силу, и онъ самъ сталъ искать редактора для предпринимаемыхъ изданій. Аксаковы указали ему на Кулиша, который, въ свою очередь, рекомендовалъ Бодянскаго, какъ изданія, „не имѣющаго соперниковъ“, разумѣя, вѣроятно, подъ этими словами всѣмъ известную необычайную добросовѣстность и аккуратность Бодянскаго. Но, Бодянскій, повидимому, оттолкнулъ отъ себя Трушковскаго своей медленностью, назначивъ недѣлю срока только на то, чтобы подумать, можетъ ли онъ обѣ этомъ начать переговоры и притомъ, кажется, не сумѣлъ обойтись съ больнымъ. Хотя вопросъ былъ настолько серьезенъ, что подобная просьба была вполнѣ естественна, но впечатлѣніе, произведенное просьбой Бодянскаго на болѣзненно-раздражительного Трушковскаго, было непріятное, и постѣдній выразилъ желаніе, чтобы за дѣло изданія взялся Кулишъ, и вскорѣ пришелъ въ убѣждению, что ему одному опѣ могъ бы ввѣрить изданіе. Вѣроятно, впрочемъ, прошелъ вѣкоторый промежутокъ времени раньше этого рѣшенія, когда Бодянскій даже приступилъ было уже къ работѣ, такъ какъ въ бумагахъ его оказались вѣкоторые копіи и писемъ Гоголя, и въ томъ числѣ съ писемъ, относящихся совершенно къ различнымъ periodамъ, большей частью введеніи въ изданіе Кулиша, но два-три письма по разнымъ соображеніямъ остались невключеными въ него, и они уже значительно позднѣе (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ А. А. Гатцукомъ¹⁾. Какъ я слышалъ отъ покойнаго Гатцука, все эти копіи были сдѣланы съ замѣчательной тщательностью и въ величайшемъ порядке, но, вѣроятно, Трушковскому эта-то щепе-

¹⁾ См. «Русскую Старину», 1888, III.

тильная аккуратность именно и не понравилась, потому что грозила затяжкой дѣла, которое ему желательно было скорѣе окончить. Когда изаніе принять на себя Кулишъ, не отвлекаемый официальными служебными занятіями, онъ повелъ дѣло чрезвычайно скоро и энергично, но предварительная черновая работа съ виѣшней стороны все же неизбѣжно должна была отзываться иѣкоторой спѣшностью¹⁾. Прекрасное исполненіе изданія, давно получившаго справедливо заслуженную высокую оцѣнку, ясно показываетъ, что иѣкоторые бросившіяся въ глаза цензору Гилярову-Платонову мелочныя неисправности въ этой черновой работѣ, какъ напр.—что попадаются дублеты, что иной разъ нарушена хронологія (въ самомъ изданіи вѣтъ слѣдовъ этой неисправности), были почти неизбѣжнымъ слѣдствиемъ сложной работы, и мы должны вѣрить словамъ Кулиша о томъ, что даже для того, чтобы сообщить рукописямъ тотъ ужасающій (съ строгой точки зреїнія Гилярова-Платонова) видъ, въ какомъ онъ предъ нимъ предстали, Кулишъ работалъ иѣсколько недѣль сряду такъ, какъ никто изъ известныхъ ему людей работать не въ состояніи. „Вы смотрите на мои рукописи“—продолжаетъ Кулишъ—„какъ на крайнюю небрежность и даже неуваженіе къ публикѣ, а я смотрю на нихъ, какъ на грубо обтесанный мраморъ, въ котораго безобразной грудѣ только глазъ мастера видитъ стройную фигуру“²⁾. Иѣкоторые уцѣлѣвшія до сихъ поръ копіи Кулиша совершенно подтверждаютъ справедливость его словъ: дѣло было ведено вполнѣ аккуратно и тщательно, за исключеніемъ того, что, быть можетъ, послѣ издателю приходилось иѣсколько измѣнять порядокъ иѣкоторыхъ заготовленныхъ къ печати пачекъ и т. п.

Между тѣмъ Гиляровъ предлагалъ и собственное содѣйствіе въ редактированіи писемъ, на что, повидимому, Кулишъ былъ согласенъ; но Гиляровъ болѣе чѣмъ странно, вѣроятно

¹⁾ Объ этой торопливости см. въ Львовской біографіи Кулиша («Правда», 1868, стр. 312).

²⁾ «Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 196.

подъ вліяніемъ страха отвѣтственности, отнесся къ своему собственному дѣлу, отказавшись подписать безусловно все вышедшее изъ-подъ пера такого писателя, какъ Гоголь. Трудно повѣрить, что Гиляровъ упрекалъ Кулиша въ томъ, что имъ не все (!!) вымарано изъ писемъ, чтоб, по его мнѣнію, слѣдовало бы исключить, а равно чрезвычайно страненъ тонъ его наставлений, когда онъ позволилъ себѣ сказать, что „слѣдуетъ, по правиламъ чести, продавать письма особо, а сочиненія особо“: не считаться съ условіями русской книжной торговли имѣль бы право только человѣкъ, дѣйствующій безусловно на свой страхъ и взявший на себя заранѣе всѣ послѣдствія такой постановки дѣла, и странно было ставить въ упрекъ Кулишу, что онъ въ интересахъ русской литературы и наслѣдниковъ Гоголя, исполнилъ, какъ могъ, изданіе писемъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ оно было бы долго неосуществимо.

Помимо Гилярова, Кулишу пришлось обратиться и въ Петербургъ въ главное правленіе цензуры, подавъ чрезъ посредство извѣстного друга Гоголя, А. П. Толстого, докладную записку Вяземскому о разрѣшении дать всѣмъ шести томамъ одно общее заглавіе. Весьма вѣроятно, что это ходатайство было вызвано именно несочувствіемъ Гилярова мысли соединить изданіе писемъ съ изданиемъ самыхъ сочиненій, и не менѣе вѣроятно, что это обстоятельство было причиной его рѣзкостей въ отношеніи Кулиша, хотя въ то же время любопытно, что Кулишъ признавалъ большія достоинства за тѣмъ планомъ, который рекомендовалъ ему Гиляровъ, и нельзя не пожалѣть, что письма Гилярова къ Кулишу погибли въ 1885 г. во время пожара на хуторѣ послѣдняго. „Въ вашемъ умѣ, какъ вижу изъ вашихъ писемъ“, — писалъ Кулишъ — „строится нѣчто гармоническое, выполненное глубокаго смысла; по вашему плану вы можете сдѣлать величайшую вещь“¹⁾. Но въ чемъ именно заключался этотъ планъ, не могъ впослѣдствіи припомнить и самъ Кулишъ, называвшій потомъ Гилярова, можетъ быть, съ чрез-

¹⁾ «Русское Обозрѣніе», 1897, III, 200.

Томъ 73.—Іюнь, 1901.

мѣрнымъ энтузіазмомъ „Ильей Муромцемъ духовной дѣятельности“¹⁾.

XXXIII.

Въ то время, когда печаталось изданіе, Трушковскій окончательно заболѣлъ и „весь аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій не обладаетъ энергией труда, необходимой для такого предпріятія“, какъ взятое имъ на себя изданіе. Тогда Кулишъ „перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать нѣсколько типографій“. При этомъ Аксаковъ и Плетневъ наставивали на строжайшемъ маскировавіи въ перепискѣ именъ корреспондентовъ Гоголя, изъ которыхъ большинство тогда было въ живыхъ, но Кулишъ составилъ ключъ къ раскрытию этихъ именъ, со временемъ, къ сожалѣнію, утраченный.²⁾ Изданіе сочиненій и писемъ Гоголя, какъ известно, вышло въ свѣтъ въ 1857 г.³⁾, а въ предшествующемъ 1856 г. наконецъ снята была предварительная цензура Ш отдѣленія съ сочиненій Кулиша (извѣщеніе объ этомъ Дуббельтомъ было позднѣе напечатано кн. Шаховскимъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“⁴⁾), и почти тотчасъ вслѣдъ за этимъ Кулишъ представилъ въ цензуру статью „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссовъ въ XVII в.“, причемъ цензоромъ ея на этотъ разъ былъ товарищъ ministra народнаго просвѣщенія кн. Вяземскій. Можно представить себѣ, сколько нравственныхъ мученій приходилось переживать Кулишу за все это время, когда онъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ формальностями, недоразумѣніями и претензіями и долженъ былъ тратить на сгла-

¹⁾ Тамъ же, стр. 203.

²⁾ Эти письма, потомъ были раскрыты въ нашемъ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя» (1-ое изд. вышло въ 1886, 2-е—въ 1888).

³⁾ См. о немъ также въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», стр. 95—96.

⁴⁾ «Русское Обозрѣніе» 1897, Ш, стр. 207.

живаніе и устраненіе массу времени и душевныхъ силъ. Эта сторона дѣла всего легче можетъ ускользнуть при оцѣнкѣ его дѣятельности, а между тѣмъ вину подобныхъ передрягъ отнюдь нельзя возлагать на человѣка желѣзной энергіи и упорного труда, сградавшаго отъ всякихъ случайныхъ неурядицъ. Можно было бы даже съ полнымъ, повидимому, основаніемъ дѣлать Кулишу упреки, какъ дѣлалъ ихъ Гиляровъ, строго судившій нѣкоторыя виѣшнія неисправности въ представленныхъ ему рукописяхъ, во если эти неисправности были только формальныя, какъ было въ данномъ случаѣ, то справедливо было бы, съ другой стороны, принять во вниманіе и самыя условія работы и весь затраченный на дѣло колоссальный трудъ. А черновая работа по изданіямъ и разныя сопряженныя съ нимъ хлопоты и волненія, особенно по милости цензуры, чего-нибудь да стоили! Особенно не слѣдуетъ забывать, что Кулишъ долженъ былъ при тогдашнихъ условіяхъ пуститься въ искусное плаваніе между окружавшими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда, съ одной стороны приходилось соображаться съ разнообразными претензіями лицъ, ввѣрявшихъ ему документы, касающіеся Гоголя, и ладить съ болынмъ и капризнымъ Трушковскимъ, а съ другой стороны—прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированію именъ, приспособляться къ требованіямъ цензуры.

Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго воспроизведенія цензурныхъ мытарствъ, чрезъ которыя пришлось пробиваться Кулишу, но до нѣкоторой степени можемъ судить объ этомъ по письмамъ. Такъ, по одному отвѣтному письму Кулиша мы видимъ, что С. Т. Аксаковъ совѣтовалъ ему, и можетъ быть не разъ, вооружиться терпѣніемъ. „Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости“—отвѣчалъ Кулишъ: „если бы она не опиралась на материальныя выгоды, то я довѣрѣ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите“. Дѣло доходило до доклада Государю, какъ видно изъ одного письма Кулиша Трушковскому.¹⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 207. См. также «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ» т. III, стр. 113. Объ отношеніяхъ Аксаковыхъ къ этому труду

Любопытны слѣдующія строки въ письмѣ Кулиша къ женѣ: „Былъ я у графа Толстого (оберъ-прокурора). Онъ съ сокрушеніемъ сердца узналъ о колебаніи князя Вяземскаго и обѣщалъ употребить вновь свое вліяніе. Довѣренность его мнѣ или, лучше сказать, увѣренность во мнѣ необыкновенная. Онъ не жалуетъ современной литературы и называетъ себя „гасильникомъ“, но говоритъ: „Ужъ если я, гасильникъ между ними (верховными цензорами), желаю видѣть ваше предисловіе (къ „Черной Радѣ“) въ печати, то что же имъ думать“. Все, однакоже, онъ признался надъ замѣчаніями Вяземскаго и сказалъ, что видно нельзя его поколебать, если онъ противится. По крайней мѣрѣ, онъ обѣщался привести дѣло въ ясность, т. е. чтобы сказали „нельзя“, и тогда я выпущу „Черную Раду“ безъ предисловія“. Понятно, что Кулиша постоянно преиспользовало множество заботъ, отъ которыхъ онъ настолько похудѣлъ въ 1856 г., что совершенно измѣнился и даже не могъ нѣкоторое время исполнить данное женѣ обѣщаніе снять съ себя фотографію и оправдывалъ это такъ: „если по возвращеніи отъ Аксаковыхъ увижу, что я не похожъ на привидѣніе, то закажу свой портретъ“, а всѣсколькими строками раньше говорить и о причинѣ этого. „Чувствую, что мнѣ оправиться не изъ чего, ибо я долженъ быть въ вѣчномъ движеніи и заботахъ, а мысли мои летаютъ по всему свѣту“. И только въ благородномъ обществѣ Аксаковыхъ онъ могъ надѣяться настолько отдохнуть душой, чтобы не походить на привидѣніе. „Слава Богу“—говорилъ въ томъ же письмѣ Кулишъ,—„я чувствую себя здоровымъ, и въ этомъ вижу доказательство, что мнѣ еще надоѣло для чего-то жить. Когда бы только какъ-нибудь добѣсть спокойствія душевнаго, котораго бы ничто не въ силахъ было поколебать“... „Какъ немного нужно человѣку для спокойствія, но и этого не дается! Поэтому-то гораздо лучше броситься въ какую-нибудь пучину жизни, въ вѣч-

Кулиша см. И. С. Аксаковъ т. III, 65, 71, 36 и проч., къ его другимъ произведеніямъ — тамъ же, стр. 79.

ное движение, въ вѣчное кипѣніе страстей, обезумѣть и вѣчно волноваться“.

О цензурныхъ разрѣшеніяхъ Кулишъ всегда съ радостью извѣщалъ жену хотя нѣсколькими строками, и въ этихъ строкахъ чувствовалось получаемое имъ облегченіе.¹⁾ Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя не разъ обязаннмъ этими облегченіями духу нового царствованія и съ большой симпатіей говорилъ о дѣйствіяхъ нового государя, прибавляя: „Государемъ недовольны только законыѣлые въ старыхъ формахъ правленія придворные, которые говорятъ: „иѣть прежняго величія!“ Измѣнившееся положеніе дѣль не могло не быть особенно пріятно человѣку, который говорилъ: „Немного лѣтъ просилъ бы я у Господа, только бы эти годы исполнены были чувства, мысли и дѣла“²⁾.

Кромѣ указанной причины, Кулишъ находилъ для своей души источникъ нравственного освѣженія, какъ мы знаемъ, въ восторженныхъ надеждахъ по поводу старыхъ и новыхъ украинскихъ литературныхъ силъ, напр. Квитки³⁾, Марка Вовчка и

¹⁾ Иногда, напротивъ, ему случалось горько шутить по поводу цензурныхъ мытарствъ, напр. «Квыжки мои понапечатуванн, да одва безъ хвоста, а друга безъ головы, то й жду: не хочу такъ выпускать. Хвистъ главное правленіе пропустило, да щось цензоръ загаявсь у Москви зъ пидысомъ, а голову ище оглядуютъ, чы не кусаты-мется. Голова же сіа есть предисловіе къ «Чорной Радѣ» (См. также «Кіевская Старина», 1898, XII, 365—375).

²⁾ Къ сожалѣнію, Кулишъ во всѣмъ этимъ, не зависѣвшимъ отъ него, волненіямъ присоединилъ еще волненія, порожденныя нападеніями его на «Тараса Бульбу» Гоголя въ его эпилогѣ къ «Черной Радѣ». (Объ этомъ мы говорили въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. I, стр. 12—13, примѣч. См. также его письмо къ В. В. Тарновскому въ «Кіевской Старинѣ» 1898, XII, 356—360. Наиболѣе подробное изложеніе возникшей полемики см. въ «Исторіи русской этнографіи» Пыпина, т. III стр. 203—210).

³⁾ Кулишъ очень любилъ Основьяненка и его сочиненія. Онъ писалъ къ г-жу Милорадовичѣ: «Я до тѣхъ поръ читаю народныи пѣсни, пока онъ не останутся у меня въ память, и Основьяненка

проч. и въ обществѣ такихъ людей, какъ Плетневъ или Аксаковы, а также въ своихъ поѣздахъ въ Малороссію. Объ Аксаковыхъ онъ говоритъ: „Лѣтомъ у Аксаковыхъ еще пріятнѣе. Но я провелъ у нихъ однѣ только сутки, спѣша воспользоваться малороссійскимъ климатомъ. Старикъ Аксаковъ пишетъ исторію своихъ литературныхъ знакомствъ, не пропуская ни одной сколько-нибудь замѣчательной личности. Мы говорили безъ умолку, какъ юноши, вступающіе въ жизнь. Осуждали между прочимъ „Собесѣдниковъ“ и привели бѣднаго Консту въ уныніе“. О Малороссіи же Кулишъ писалъ: „При вѣздахъ въ Малороссію чувствую какой-то восторгъ, котораго давно не испытывалъ, и люблю ее, несмотря на все дурное, что она въ себѣ заключаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Теперь я привязанъ материально и нравственно къ Петербургу, а душа моя стремится въ иѣсколько пунктовъ Малороссіи за поэтической жизнью; мнѣ предстоитъ долгія странствованія по свѣту. Но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя въ будущемъ, и я знаю, что придетъ время, когда никакая мѣстность и никакіе комфорты и связи не замѣнятъ мнѣ жизни въ мѣстахъ, памятныхъ мнѣ по событиямъ дѣтства и юности. Во что бы ни превратился Борзенскій уѣздъ черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ, онъ останется для меня вѣчно чѣмъ-то роднымъ“. Слова эти потомъ были подтверждены самимъ дѣломъ.

XXXIV.

Промежутокъ отъ второй половины пятидесятыхъ до начала семидесятыхъ годовъ былъ для Кулиша временемъ, чрезвычайно богатымъ разнообразiemъ внѣшнихъ событий и внутреннихъ настроений, временемъ, когда надежды еще не угасли и старость еще не настала, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ

читаю до тѣхъ поръ, пока не останется слова, котораго я бы не зналъ, какъ оно у него сказано».

уже пріобрѣлъ опытность и небезотчего расходуетъ свои силы. Но мы очень часто видимъ въ Кулишѣ смѣну восторженныхъ надеждъ и временныхъ разочарованій; времени для устройства своей будущей судьбы еще не ушло, опредѣленной же колеи не было, и постоянно приходилось отыскивать и пролагать новую дорогу. Такъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, онъ обратилъ вниманіе на много обѣщающее дарованіе г.-жи Марковичъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марка Вовчка.¹⁾ Съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ Кулишъ пишетъ своему другу-поэту: „Посылаю тоби, брате Тарасе, „Оповидання“ Вовчка.²⁾ Бачъ, яки дыва творяться:—уже и каминня починає воліяти. Де-жъ, пакъ, не дыво, що, московка преобразилася въ українку, да таки повисти вдрала, що хочъ бы й тоби, мій друже, то прыйшлось бы въ миру. Якъ-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щыро, якъ думаешъ, бо ты въ насть голова на всю Україну“.³⁾ Самого Шевченка онъ старался ободрить слѣдую-

1) Тѣмъ болѣе Кулишъ отъ всей души радовался каждому успѣху его старыхъ друзей, напр. Костомарова, о которомъ онъ съ большой радостью сообщалъ Вас. Вас. Тарновскому (25 окт. 1857): «Костомаровъ въ Саратовѣ. Надѣемся увидѣть его на петербургской (устраловской) каѳедрѣ» («Кievская Старина», 1898, ХІІ, 365). О Шевченкѣ онъ писалъ В. В. Тарновскому—сыну, что ему хорошо жилось въ Нижнемъ Новгородѣ и что онъ присыпалъ семнадцать акварелей, изображающихъ все тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи. Кулишъ выражалъ сожалѣніе, что эти акварели предположено было разыграть въ лотерею, тогда какъ украинскимъ патріотамъ слѣдовало бы въ своихъ рукахъ сохранить эти сокровища.

2) Кулишъ писалъ г.-жѣ Милорадовичѣ про «Народни Оповидання» Марка Вовчка: «Побачыте, що за дыво, що за краса вашої мовы! що за слава нашему сильському люду! Всі повисти написанія такъ, якъ народъ разказуе. Выдумки нема». Но Кулишъ находилъ и недостатки въ М. Вовчкѣ. Виослѣдствіп, поощряя свою жену въ занятіяхъ литературой, онъ, какъ видно изъ одного письма къ Огоньковскому, невольно сравнилъ ее съ Марко Вовчокъ, но видѣлъ въ ней женщину писательницу,—въ противоположность односторонности Марко Вовчокъ,—призванную изображать разные слои общества.

3) «Кievская Старина», 1898, ІІ, 231.

щими словами: „Пиши до мене зъ Москви, щобъ у московському журнали що небувъ твоє напечатать, не квасіл на се, мій голубе, до якого часу. Одно, що тоби треба спростувать дорогу до столиці, а друге—зъ великою увагою треба теперъ роздивлятись, що печатать, а що й прайдержатъ. Слава твоя писательна теперъ у зенити, то вже треба оглашати себе голоснимъ диломъ, а не абы-якимъ. Посли 1847 року ждуть одъ тебе земляки ричей великихъ, а посли вже й малымъ до ихъ обизвесся“. Кулишъ высказывалъ Шевченку свои мнѣнія о его поэтическихъ трудахъ, а послѣдній чрезвычайно дорожилъ этимъ, говоря: „Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ этомъ дѣлѣ не судя маѣ, онъ слишкомъ увлекается. Максимовичъ—тотъ просто благоговѣеть передъ моимъ стихомъ, Бодянскій—тоже. Нужно будетъ подождать Кулиша. Онъ хотя и жестоко, но иногда скажетъ правду. Зато ему не говори правды“—прибавлялъ онъ, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія“¹⁾).

Позднѣе Кулишъ сообщалъ нерѣдко въ своихъ письмахъ къ роднымъ разныя извѣстія о Шевченкѣ: „Кажуть, що вже Тараса зроблять хутко старшимъ. Цензура иноди крутыться, не одвишы басувати по-старому. Хто жъ іи дражнить, а моя „Чорна Рада“ на соби те переносить“²⁾.

XXXV.

Въ началѣ 1857 г. Кулишъ продалъ „Чорну Раду“ (на русскомъ языке) въ „Русску Бесѣду“—по сто рублей за листъ и кромѣ того выговорилъ себѣ 500 оттисковъ, куда онъ предпо-

¹⁾ „Всемірна Илюстрація“, 1897, № 19, стр. 438.

²⁾ О себѣ же онъ писалъ въ шутку г-жѣ Милорадовичъ: «Много найдется родителій, которые скажутъ своимъ дѣтямъ: «Не идите по стопамъ Кулиша, а то его бѣда постигла, что не въ свое дѣло мѣшался. Ужъ умнѣе предсѣдатели палаты да министры, да сенаторы какого-нибудь губернскаго секретаря!»

лагаль включить иллюстрированныя изображенія и надѣялся, что эти экземпляры должны были разойтись скорѣе, нежели на малороссийскомъ языке, бо земляки—ледачий народъ¹, и вотъ на этихъ чистыхъ листахъ онъ просилъ Н. М. Бѣлозерскаго дѣлать замѣтки о томъ, какъ жили люди въ старину, какіе были тогда суды и проч., и эти матеріалы предполагалъ потомъ напечатать въ третьемъ томѣ „Записокъ о Южной Руси“. Въ то же время онъ занимался печатаніемъ „Исторіи Бориса Годунова“. Отъ Н. М. Бѣлозерскаго онъ ожидалъ только выписокъ изъ его бумагъ о хищничествѣ козацкихъ старшинъ и пановъ въ XVIII столѣтіи.

Въ одномъ письмѣ Кулишъ проситъ передать Костомарову дружеское порицаніе за то, что онъ къ нему не пишетъ: «Костомара ссыпать у Саратови та й мовчать, хырный. Не знаю що зъ имъ и діется». Черезъ нѣкоторое время Кулишъ имѣлъ случай оказать Костомарову немалую услугу, о чемъ онъ сообщаєтъ впослѣдствіи въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ“: «Окончивъ «Богдана Хмельницкаго», благодаря содѣйствію благороднаго ляха¹), Костомаровъ прислалъ миѣ изъ Саратова свою рукопись, прося напечатать ее отдельною книгою, но дня черезъ два онъ увѣдомилъ меня о своемъ желаніи помѣстить „Богдана Хмельницкаго“ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ,—и первый гонораръ знаменитаго впослѣдствіи историка былъ 45 рублей съ печатнаго листа въ «Отечественныхъ Запискахъ»²).

• Еще до окончанія изданія сочиненій Гоголя, Кулишъ уже имѣлъ удовольствіе видѣть осуществленіе своей мечты послѣдніхъ лѣтъ, именно основаніе собственной типографіи,³ и въ его ру-

1) Свидзинскаго.

2) Гораздо позднѣе, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, Кулишъ однажды писалъ: «Журнальная дѣла такъ упали, что Краевскій предлагаетъ Костомарову 40 р. съ печатнаго листа».

3) Любопытно, что Кулишемъ при учрежденіи типографіи руководили также заботы объ участіи двухъ его пріятелей, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть компаньонами. „Съ изданіемъ сочиненій Гоголя“—ни-

кахъ было исполненіе другого завѣтнаго плава—заграничной поѣздки. „Я могу продать издавіе Гоголя въ нѣсколько рукъ очень выгодно, съ уступкой только 10 процентовъ, а остальное по силамъ будетъ кому-нибудь съ уступкой 20 %. Итакъ сумма моя значительно подрастаетъ и мнѣ будетъ съ чѣмъ бродить по Европѣ“.

Цѣлью путешествія было самообразованіе: усиленныя специальныя занятія вѣсколькихъ лѣтъ, поглощавшія все время Кулиша до послѣдней минуты до такой степени, что у этого человѣка, которого смѣло, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно называть образцомъ трудолюбія, иногда вырывались стоны сожалѣнія о неимѣніи возможности хоть сколько-нибудь принадлежать себѣ,—эти одностороннія занятія отвлекали его отъ многихъ другихъ, ве менѣе важныхъ. Такимъ образомъ чувствовалась потребность какъ въ отдыхѣ, въ обновленіи силъ, такъ и въ расширеніи круга впечатлѣній.¹⁾ Вотъ какъ онъ передаетъ женѣ обѣ этой своей душевной потребности: „Типографіи работаютъ, корректуры читаются, приготовленія къ путешествію дѣлаются, а они состоять въ многоразличныхъ чтеніяхъ и выпискахъ. Я прихожу въ ужасъ отъ бесплодности послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Въ умѣ моемъ водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Душа моя смята и измучена. Читая теперь исто-

саль онъ С. Т. Аксакову—„связана еще судьба двухъ человѣкъ, для которыхъ я завожу типографію. Это люди высокой душевной чистоты, и жаль было бы потерять изъ виду въ мутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился привязать къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общества ихъ непоколебимую честность“.

1) Одной изъ причинъ стремленія заграницу было для Кулиша разочарованіе въ сочувствія къ себѣ земляковъ. Онъ писалъ Милорадовичу, что ему „тяжелоѣхать, зная, что никто тебя не ожидаетъ“. Здѣсь (въ Швейцаріи) по крайней мѣрѣ разнообразіе человѣческой жизни и природы можетъ сколько-нибудь занять тоскующаго человѣка.

рическія сочиненія и великихъ поэтовъ, я кое-какъ себя возставляю, пополняю и привожу въ порядокъ. Если бы дѣла шли такъ, какъ до сихъ поръ, я бы съ отчаянія сдѣлался пьяницей или застрѣлился. А теперь я бы желалъ отдать себя въ руки какому-нибудь мудрому человѣку, который бы все во мнѣ пересмотрѣлъ и дополнилъ. Еще чувствую возможность быть человѣкомъ; еще остался во мнѣ юношескій жаръ къ учению, но знаю, что это послѣдній порывъ; если имъ не воспользуюсь, то лучше мнѣ не существовать, чтобы не презирать самого себя за пустую, мелкую, вздорную, ни къ чему святому не направленную жизнь. Всѣ мои сочиненія—сущій вздоръ. Они получатъ значеніе только въ такомъ случаѣ, когда я выскажу какую-нибудь великую идею въ болѣе совершенныхъ созданіяхъ. Тогда они окажутся необходимыми ступенями къ какой-то высотѣ, а когда высоты нѣтъ, то къ чему ступени? И такъ, я еще не совсѣмъ падшій человѣкъ. Я еще могу встать, еще могу торжествовать надъ жизнью, которая разбила меня въ прахъ. Одинъ годъ такого торжества—и душа моя совершенно и вавѣки исцѣлится, и кромѣ благости ничего изъ нея не изыдетъ, и уже тогда ничто ея не возмутить; безсиленъ будетъ весь міръ возмутить ее".

Но это были пока мечты, а дѣйствительность продолжала предъявлять свои требования и приковывать къ прозаическимъ заботамъ. Для сотрудничества въ типографскомъ дѣлѣ пришлось пригласить двухъ лицъ: Каменецкаго¹⁾ и Панина, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ же не оправдалъ возложенныхъ на него Кулишомъ ожиданій. Хлопоты продолжались: „Цензурныхъ экземи-

¹⁾ Съ нимъ Кулишъ велъ въ концѣ 50-хъ годовъ дѣловую переписку, которая напечатана въ «Кievskoye Starinѣ» 1898 г., № VІІ, VIII и XІ; тамъ же см. свѣдѣнія о личности Каменецкаго и объ отношеніяхъ къ нему Кулиша. П. А. Кулишъ мечталъ о блестящемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно связывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный и здоровый умъ Каменецкаго не могъ раздѣлить увлеченій своего патрона. („Кievskaya Starina“, 1898, XІ, 351).

ляровъ съ билетомъ до сихъ поръ нѣтъ. Наборъ все еще идетъ, потому что „Мертвыя души“ съ примѣчаніями и перебивкою текста—очень затруднительная работа. Моя типографія уже набираетъ „Бориса Годунова“, а графъ Толстой¹⁾ обѣщалъ черезъ недѣлю возвратить мнѣ „Литургію“, и это будетъ первая книга, которая выйдетъ изъ моей типографіи“. Въ томъ же письмѣ находимъ любопытныя строки и о Шевченкѣ: „Тарасъ намѣренъ возвратиться въ Петербургъ, но неизвѣстно, когда онъ сюда будетъ. Онъ получилъ первый томъ „Записокъ о Южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно только такие люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною предавіемъ. Онъ говоритъ, „что такои книжки ще зъ роду не чытавъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кулишъ уже принимался за работу надъ изданіемъ сочиненій Квитки-Основяненка, а съ другой стороны репутація его, какъ хорошаго, исправнаго издателя, грозила его надолго затянуть въ спеціально-издательскую дѣятельность. „За границу потому неудобно покамѣстъѣхать, что сочиненія Гоголя только-что окупятся; а можетъ быть, придется быть издателемъ и Пушкина, ибо Анненкову срокъ до 1 января, и книги вышли почти всѣ у него. Теперь сынъ Пушкина помышляетъ обѣ изданіи и хочетъ обратиться ко мнѣ“. Отсюда онъ приходилъ къ такому неутѣшительному заключенію, несмотря на перспективу пріятной самой по себѣ работы: „я, бывши недавно вольнымъ козакомъ, очутился опять на привязи. Впрочемъ, здѣсь больше были въ виду собственно хлопоты по продажѣ сочиненій Гоголя, по окончаніи которыхъ—мечталъ опять Кулишъ—„легкая кибитка помчить насъ въ тѣ страны, по которымъѣхдя безъ лошадей: поѣдемъ прямо въ Римъ, до весны обнюхаемся съ иностранцами, и будемъ знать, куда и для чегоѣхать весной“.

¹⁾ Александръ Петровичъ, другъ Гоголя.

XXXVI.

Приведемъ теперь небольшой отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, относящейся къ жизни ихъ обоихъ въ Петербургѣ 1859—1861 г.: „Начались мои совмѣстныя работы съ Костомаровымъ по изданію Актовъ Южной Россіи чрезъ посредство Археографической Коммиссіи. По его слѣдамъ я изучалъ историческія рукописи Императорской Публичной библіотеки, гдѣ мы видѣлись ежедневно, работая въ уединенномъ кабинетѣ и перемежая работу веселыми шутками. Костомаровъ, несмотря на свои болѣзниенные припадки, любилъ смеяться, и смеѣхъ его былъ возбудителенъ для собесѣдника. Мы воображали себя въ Императорской Публичной Библіотекѣ подвижниками; Публичную Библіотеку называли Храминой Спасенія; весьма часто находила на насъ блажь вести бесѣду на древнеславянскомъ языке и даже сочинять стихи въ старинномъ вкусѣ. Другъ друга мы звали не иначе, какъ „отче Николае, „отче Пантелеимоне“. Но бесѣда наша пришлась бы по вкусу и пушкинскому отцу Мисайлу съ его товарищемъ, отцомъ Варламомъ. Было что-то дѣтское въ веселости Костомарова, когда онъ чувствовалъ себя здоровымъ. Никто бы не повѣрилъ, что наша Храмина Спасенія оглашается такими ребяческими разговорами. Однажды сказалъ онъ мнѣ, подражая въ совершенствѣ монашеской интонаціи, „честнѣйший отче Пантелеимоне! хощу всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душою мою и всѣми помышленіями моими пости себѣ жену красну, аки кринъ сельный“. Я отвѣчалъ ему: „честнѣйший отче Николае! добре сотвориши, обаче прикуй къ ложу своему цербера трезѣвна“. И мой подвижникъ такъ расхохотался, что библіотекарь прибѣжалъ изъ соседнаго кабинета. Часто вспоминалъ Костомаровъ совѣтъ мой и всегда съ хохотомъ. Многіе изъ властительныхъ тирановъ поавидовали бы веселости книжныхъ иноковъ, которыхъ жизнь была такъ беспощадно исковеркана“.¹⁾ Позволимъ себѣ при-

¹⁾ «Новь», 1885, № 13 стр. 69.

вести въ примѣръ ихъ оригиналной переписки на церковнославянскомъ языкѣ начало письма Костомарова къ Кулишу: „Отче, радуйся и наки реку радуйся! Всюльбезное писаніе твое пріяхъ и прочтохъ и радостью возрадовахся. Аще бо возможно сему быти: есть желаніе сердца моего и многихъ лѣтъ, во еже написати дѣпісаніе народа житія его“.. Оканчивается письмо такъ: „Женамъ сущимъ окрестъ о Христѣ благомудрымъ сущимъ земно кланяюсь. Такожде возлюбленного брата Василія цѣлую любезнѣй. Смиренный инокъ, иже на Невѣ рѣцѣ, худый старецъ, паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшій, на благость же неизрѣченную Божіей десницы уповаяй во вѣки, аминъ“. ¹⁾

Въ 1860 и 1861 гг. Костомаровъ жилъ съ Кулишомъ общими интересами душа въ душу. Вмѣстѣ проводя утро въ Публичной Библіотекѣ, они любили также сходиться по вечерамъ и составляли небольшое, но весьма интимное общество изъ четырехъ-пяти членовъ, т. е. Костомарова, г. Мордовцева, супружеской четы Кулишой и В. М. Бѣлозерскаго. Слѣды этого постояннаго близкаго общенія ихъ сохранились, между прочимъ, въ письмахъ Кулиша къ Юзефовичу, изъ которыхъ можно видѣть, до какой степени ихъ связывали тогда общіе интересы. 7 ноября 1860 г. Кулишъ писалъ: „Почтеннѣйшій Михайло Владимировичъ! Петербургскій кружокъ земляковъ вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею Украины во время своихъ вечернихъ сходокъ, и вотъ уже пѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Велички, которая Богъ знаетъ почему не появляется въ продажѣ. „Вашимъ Лукомскимъ (лѣтописная компиляція по исторіи Малороссіи) „мы съ Костомаровымъ занятересовались очень“. Часто также мы находимъ въ этихъ письмахъ сообщеніе о статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ Костомарова и объ ихъ общихъ предположеніяхъ. Между прочимъ Кулишъ однажды сообщаетъ, что „Костомаровъ перывается

¹⁾ Нельзя поручиться за безусловную точность приведенныхъ строкъ вслѣдствіе феноменальной неразборчивости почерка Костомарова.

даже оставить кафедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторії". Издание Актовъ Южной и Западной Россіи такъ вдохновляло обоихъ друзей, что они были совершенно околдованы надеждами. „Исторіи до сихъ поръ не было“—пишетъ Кулишъ — „и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмельницкаго“. Собственные замыслы Кулиша были тогда чрезвычайно широки и самоувѣрены, и Костомаровъ одобрялъ ихъ. „Мнѣ хотѣлось—писалъ Кулишъ о своей повѣсти „Тайна“—„написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведеною и на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гете или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ“.¹⁾

XXXVII.

Покончивъ наконецъ съ своими срочными типографскими заботами и имѣя въ своемъ распоряженіи довольно денегъ для задуманного путешествія, Кулишъ долженъ былъ передъ отѣзdomъ позаботиться объ устройствѣ дѣль по имѣнію. Право на владѣніе хуторомъ Мотроновкой еще не было выяснено, что привело къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Занятый постоянно литературой и разносторонними книжными интересами, Кулишъ постоянно стоялъ въ сторонѣ отъ этихъ пререканій, но ему надо было все-таки выяснить свое положеніе въ отношеніи къ имѣнію и стать въ опредѣленныя отношенія, въ качествѣ владельца, къ другимъ лицамъ, имѣвшимъ также свои права и виды на Мотроновку. И вотъ, онъ проситъ одного изъ братьевъ жены: „Сдѣлайте милость, устройте между собой какой-нибудь раздѣль и объявите намъ, на какихъ условіяхъ Мотроновка могла бы перейти во владѣніе Саши. До сихъ поръ мы даже не знаемъ, какую сумму денегъ должны припасать для того, чтобы получить право быть уже не гостями въ этомъ убѣ-

¹⁾ «Киевская Старина», 1899, III, 317—322.

жищѣ. Еслибы вы написали намъ, что и какъ, то мы бы въ февралѣ могли и двинуться для слушанія въ Мотроновкѣ весенняго цвириканья воробьевъ. Жхать же наобумъ не рѣшимся. Здѣсь же мы все-таки чувствуемъ себя дома, а тамъ не знаешь, котораго брата величать хозяиномъ.¹⁾

Наконецъ Кулишъ пустился въ давно желанный путь съ женой. Онъ объѣхалъ большую часть Европы, всюду восхищался плодами западной цивилизаціи, которую онъ всегда цѣнилъ wysoko, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустилъ о томъ, что далеко до той степени благосостоянія и культуры его бѣдной, но горячо любимой Українѣ; еще грустнѣе было ему отъ сознанія, что погруженная въ сонъ невѣжества родная страна такъ мало имѣетъ заступниковъ и покровителей, друзей мирнаго прогресса, и такъ много на ней тяготѣтъ всевозможныхъ условій, стѣсняющихъ даже ея естественное, столь запоздалое развитіе.

По возвращенію Кулиша изъ заграницы В. М. Бѣлозерскій предпринялъ изданіе Малороссійскаго альманаха „Хата“²⁾ и затѣмъ журнала „Основа“. Это былъ первый опытъ въ своемъ родѣ, чтѣ ужѣ само по себѣ показываетъ предпріимчивость издателей. Осеню 1858 года, ободренный большимъ успѣхомъ „Записокъ о Южной Руси“ и другихъ своихъ трудовъ, Кулишъ рѣшился обратиться къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому съ просьбою о разрѣшеніи издавать журналъ, посвященный южно-русской жизни, подъ названіемъ „Хата“, съ отдѣлами мѣстной словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства, причемъ обѣщаю, что органъ этотъ „будетъ чуждъ политики“. Министръ свесся по этому вопросу съ начальникомъ 3-го отдѣленія, княземъ Долгоруковыемъ. Ходатайство было отклонено вслѣдствіе того, что передъ тѣмъ „Граматка“ Кулиша была признана, по направленію, неодобренною. Между тѣмъ

1) Объ этомъ дѣлѣ см. подробнѣе въ «Кіев. Стар.», 1898, I, въ письмахъ къ Хильчевскому.

2) См. о вей замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1898, іюль-августъ, отдѣль второй, стр. 5—6.

Кулишомъ подготовлялись къ обработкѣ девять томовъ Исторіи „Возсоединенія Руси“¹⁾.

Получивъ отказъ, Кулишъ одно время останавливался на мысли предпринять съ 1860 года изданіе цѣлаго ряда украинскихъ сборниковъ, причемъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, такъ объяснялъ основанія задуманнаго имъ дѣла: „Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа, отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушно къ величайшему и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ, языкахъ... По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставлять, послѣ насы, работу миллионамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ сознаніи естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлымъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ“.

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ составленной для насы рукописной замѣтки доктора Славницкаго.

Наконецъ наступило время торжества; разрѣшено было изданіе „Хаты“ въ 1860 году (выпущенъ былъ впрочемъ только альманахъ подъ этимъ названіемъ, но не журналъ, какъ добивался Кулишъ); въ 1861 году разрѣшено издавать „Основу“.

В, Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕРЕДЬ ТЕМНОЙ НОЧЫ.¹⁾

Повесть.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

Середь нового товарыства.

I.

Вышовши Романъ зъ волосты, повернувъ зновъ у градъ.

Ще николы винъ не бувъ такой лютый на брата й на селянъ, якъ теперъ.

Ёму, бувши вже не простымъ мужыкомъ, вазнаты такои ганьбы, такого сорома передъ цилымъ селомъ!

И все черезъ ёго, черезъ ёго клятого Деныса! Якъ бы винъ ёго заразъ отутъ, середъ шляху, стривъ,—задавывъ бы ёго, ростопставъ бы, якъ гадыну!

Та гарни й батько зъ Зинькомъ, потураючи такому хамлетови, якъ Денысъ. Воны моглы бъ оддилыты ёго, Романа, даты ёму що треба,—винъ бы пишовъ одъ ихъ, и ничего бъ тоди не було.

А теперъ!..

Та вси воны, вси ёму за шкуру сала залыли!.. Вси ци мужлаи кляти!..

¹⁾ См. Киев. Ст. № 5.

Винъ повернувся до села, що вже порыпало въ долини, вивираючи зъ-за горба соломъяными покривельками зъ билыми дымарями, роскыдаными середъ ясно-зеленыхъ купъ густыхъ вербъ и темного листу садиковъ. Знявъ кулакъ угому, і кризъ затиснени зубы вилетивъ якысь пивзирячий згукъ лютосты й зненависты. Повернувсь и пишовъ швидко, швидко.

Довго йшовъ, поки хочъ трохи втыхомырлося сердце и мигъ думати и про щось инише.

Що сїме винъ заразъ робити въ городи?

Въ кышени въ єго бряжчало трохи грошай,—решта видъ попереднихъ крадижокъ,—але ихъ не могло стати вѣдь довго.

Этт! тамъ видно буде! Стукати скиризъ,—десь да видчы-
виться.

Але якъ винъ увійшовъ у городъ и проходивъ вузькою вулыцею, поглядаючи на невелычки одноповерхови будыночки, пообывани дошкамы и помазани сирою хварбою, то не зневъ—
у яки сїме двери мае початы стукаты. Вси булы однаково не-
прывитни, однаково замкнени видъ кожного чужого.

І такъ ишовъ усе дали та дали, ажъ поки дїйшовъ до невелыкого базарю, засмитченого, захаращеного шопами й рун-
дучкамы, обставляного великомы й малымы бакаліямы та крам-
ныцамы.

Си бакаліи й крамныци вадыхнули ёму думку: а що, якъ
бы туды въ прыкащики?

Не довго думавъ и зайшовъ заразъ же у велику бакалію. Тамъ було кильки покупцивъ, и крамарчуки метушылысь, по-
спишаючи все податы, не барывши покупця. Однъ пидбигъ и
дуже ввичлыво озвався до Романа:

— А вамъ що завгодно?

— Та мени хазяина.

Облычче въ крамарчука заразъ одминилося, скоро выявы-
лось, що се не покупець. Винъ недбало кывнувъ рукою на
високого худого чоловика, що стоявъ за кассою:

— Онъ!

Романъ пидїшовъ до хазяина, поздоровкався.

— А що скажете?

Романъ почавъ бувъ казаты, але ѿне доказавъ усёго, а вже хазяинъ замахавъ руками:

— Не треба! не треба! У нась уси прыкацькы йе.

Романъ выйшовъ зъ ціі крамныци и подавсь у другу. Въ другій хазяинъ спытавъ:

— А рекомендациі есть?

Сёго въ Романа не будо.

— А по якій части вы служылы?

Романъ одказавъ, ѩо швайцаромъ.

— Та ни, по торговій части... Якъ вы служылы: чы въ бакалії, чы въ мануфактури?

— Та я по торговій зовсімъ не служывъ.

— Э, дакъ вы намъ не підходыте,—видказавъ хазяинъ и одвернувшись у другій бікъ.

Романъ выйшовъ знову безъ ничего. Але винъ уже наважыўся походыты сёгодни по крамныцахъ и почавъ заходыты въ кожну підхожу по черзи. Здебильшого ніде не треба було прыкацька, а якъ часомъ и не видылано ёго відразу, то заразъ же выявлялося, ѩо винъ торгивли не знае, и писля цёго вже годи й говорыты. Обійшовши таєъ десяткивъ трохъ не зб два крамныцы, Романъ побачыў, ѩо тутъ ёму нема чого сподиватыся. Треба було се облышити.

Ночувався на второму й голодъ. Купиў на базари хліба, тутъ же сивъ на рундучку йисты. Базарь бувъ порожній, бо було вже пізно и день не базарный. Колы-не-колы тильки пе-рейде засмітченымъ майданомъ який чоловикъ, але никто не займавъ Романа. Мигъ йисты якъ хотивъ помалу и думаты скількы хотивъ.

Думавъ усе про одно. Завтра пиде по палатахъ, то що: чы не треба тамъ сторожа. Не дуже до вподобы Романови було те сторожуванне, та вже лише це, нижъ ничего. Пишовъ бы й сёгодни, та пізно: зъ усихъ палатъ члены вже поросходылыша. Щобъ такъ-сякъ добуты день до вечора, Романъ походыў по міськихъ бульварахъ, почытавъ на стовпахъ афиши

та інши оповистки та роспята вся, де тутъ йе „ночлижный домъ“. Скоро почало вечорити, пишовъ у той „домъ“ ночувати за три копійки.

Не сподобалось єму тамъ. Велыка світлыца була така нечестна й темна, що липше було бъ іні темныцею звати. На стінахъ колись були шпалери, але се було дуже давно, бо теперъ одь ихъ позоставалися тильки де-не-де велики й мали кланти. Обдертия стіни були таки занехаяни, обплевани, помазани роздавлеными блощицями, що Романови гайдко було на ихъ дивитися. Чорни, затоптани грязею помости, попрогнывали. У викнахъ найдиныхъ шыбокъ зовсімъ не було: ихъ такъ часто було, що хазяинъ позатулувавъ тамъ дощечки. По всій хати стояли широки ослони зъ дерев'яними приголовачами—и середъ хати й попидъ стінами. Котри були порожни, а на якихъ, на якомусь дранти, сидили або лежали люде. Підъ чорною видъ сажи стелею высила поганенька лампа і ледви освичувала тьмянимъ свитомъ дей прытулокъ людського вбоства.

Романъ обиравъ соби порожній ослінъ підъ стіною въ вутку. Скинувъ пальто, пославсь и мовчки лигъ. Ще було рано спати, и винъ, лежачи, почавъ роздивлятися на товариство, середъ яке потрапивъ. Були стари, зовсімъ сиви диды, були здорови дужи люде и хлопци рокивъ шіснадцяті-сімнадцяті. Простої сільської одежи було мало,—більше всяке городянське вбранне. Яки сидили або лежали самы соби, а яки купкамы, розмовляючи—певне знаєми. Онъ недалечко трое лагодиться вечеряты: пороскладали попередъ себе на якісь ганчирци поризаний хлібъ и ковбасу, а одынъ зручно выбыває зъ пляшечки затычку, вдаривши дномъ пляшки объ долоню. Притуляє пляшку до губивъ, и Романови чуть, якъ булькає горилка. Надививши трохи, передає другому... Романови починає страшно хотитися выпити чарку горилки и закусыти отію ковбасою...

— Ты чого тутъ?—зненацька гримнувъ надъ имъ страшний басюра.

Романъ глянувъ и побачывъ, що биля ёго стоять здоровіній чоловѣяга, убраний у шыроке й довге літне пальто, руде, заялозене й обдерте. На голови помъятый чорный брыль. Здорова пыка въ бородою.

— Ты чого тутъ лигъ?—знову зыкнувъ новий гисть.

— Того, що тутъ мисто було,—видказавъ Романъ.

— Ахъ ты болванъ неученый, стультиусака халдейський!

Хыба ты не зааешь, що се мое мисто, га?

— А почому жъ бы я знавъ?—сказавъ Романъ, нехотя встаючи.—Я сёгодні тутъ уперше.

— Уперше?—не вгававъ здоровыло.—Тебе нечыста маты прынесе мабуть сюде ще миліонъ разивъ, то знай, що на се мисто въ мене давностъ земська, понимаешь? Я тутъ ночую, я, Патрокль Хвыгуроўскій!

— Чого се тамъ уже бурса розвоювалася?—озвався хтось изъ другого кутка хаты.

— Сердитыся!—додавъ другій.

— Цытыте вы, сусы тупорыли! Доси не можете розшеле-паты того, де бурса, а де семинарія. Бурса!..

— Ну, ты вже Хвыгур!—одказавъ першій голось.

— Да, Хвыгур. А знаешь ты, азинусь клапоухий, що значить хвыгур? Выдъ, образъ, все одно, що образець! Понимаешь ты: образець, прымиръ для васъ усихъ, сэрвусы вы черв'яковськи!

Регітъ покрыў слова Патрокла Хвыгуроўскаго. А винъ, не зважаючи на те, почавъ мостытися на своему ослони, бо Романъ перешовъ на інпій. Теперъ уже Романъ роздивився на ёго дужче. Здоровенна голова зъ русявымъ кудлатымъ волоссемъ, зъ роскуйовдженю бородою. Облычче зъ товстымъ носомъ, одутле и червоче видъ выпытои горилки, але зовсімъ не лыхе. Романъ ище й дали роздивлявся бъ на ёго, але новий гисть хотивъ спаты, бо въ ёго добре гуло въ голови: умостывшися, лигъ, повернувшись до сгини и незабаромъ захрипъ такъ, що одинъ сонний ажъ жахнувся.

А Романъ довго не мигъ заснути,—то видъ думокъ, то видъ усякои погани, що за ничъ скусала ёму геть чисто все тило. Заснувшы, спавъ погано и заразъ же прокынувшись, скоро очлижане заворушылсѧ въ хати. Поспишывся вмытыся и вийти на вулицю.

Було ще рано куды-небудь ити за диломъ. Романъ пишовъ на базарь изнову, купивъ соби снідання й попойивъ. Пробавившись годинъ до десятёхъ, пишовъ „по палатахъ“.

Тутъ уже рекомендацій не треба було: досыть, що винъ салдатъ, бо стороживъ же й беруть найбильше зъ колышнихъ салдативъ. Та на лыхо, въ маленькому губернському городи не багато було тыхъ „палатъ“, а яки й були, то скризь уже народу повно й безъ Романа.

Винъ виходивъ увесь день и вернувшись ввечери до очлижного безъ віякои поки надії на службу.

Въ очлижному були й нови гости, и ти, що ихъ Романъ бачивъ учора; тильки не було Патрокла Хвыгурівського. Романъ подався на свое вчорашне мисце и заразъ же лигъ, утомлений.

До ёго пидійшовъ парубокъ—високий, безвусый, у старенькому пиджачку та въ полатаныхъ на колинахъ штаняхъ. Облычче зовсімъ молоде, але якесь невиспане, брезкле, зъ величкимъ синцемъ підъ окомъ.

— А що, земляче, не тутешній?—запытавъ.

— Ни.

— А видкиля?

— Зъ Дыбливъ.

— А! Чы не службы шукаешъ?

— Та службы...

— Н-ну!.. сёго ще попошукаешъ!

— Хыба трудно?

— А то ни? Я самъ уже зъ мисяць шукаю. Вытратився, обидрався увесь,—оть якъ бачышъ.

Вони розбалакались. Романъ розсказавъ парубкови про свои городянськи прыгоды, а той і соби оповідавъ, що винъ

тамъ та тамъ бувавъ, прохавъ, да ниде роботы нема,—хочъ пропадай зъ голоду! Отъ сёгодни винъ ище й не йивъ ничего.

— Чы нема въ тебе, земляче, хоть грывеныка? Позычъ, спасыби тоби! Зароблю на поденний,—оддамъ. А то якъ же ёго—не йившы?

Романъ и самъ бувъ голодный.

— А де бъ тутъ можна купыты чого попоисты?—спытавъ.

— О, можно! И попоисты й выпыты!—видказавъ парубокъ.—Давай, я збигаю!

Романъ выйнявъ четвертака, щобъ той купывъ на двадцать кошёкъ йижы, а пъятака здача прынисъ. Парубокъ метнувшись швыдко, але довгенько проходывъ. Прынисъ оселедець и булку, але безъ здачи.

— А пъятака,—просты, земляче!—и самъ не знаю якъ—выпустывъ зъ рукъ отутъ у двори. Шукавъ, шукавъ—темно, ничего не найдешъ. Нехай уже завтра пошукаю.

— Та вже нехай,—сказавъ Романъ, але ёму чогось здался, що видъ парубка не пахло попереду горилкою и що ёго пъятакъ лежить теперъ не на двори, а въ шухлиди въ монополії.

Поризалы на шматки оселедець, роздилы на двое булку й почалы йисты.

— О, дыки неуки!—озвався биля ихъ, пидайшовши несподивано, Патрокль Хвыгуроўскыи.—Йидять оселедець, не пывиш попереду! Ще въ древнихъ хвалозопивъ сказано, що рыба любить воду. И колы не можешъ даты ій воды, то дай ій хочъ водкы.

Ёго здорова лапыще простяглasse мижъ два йидци, ухонала шматокъ оселедца и вкынула ёго въ вельчезныи ритъ. Простяглasse знову, вломыла половыну парубковои булки и послала іи слідкомъ за оселедцемъ.

— А самы жъ на ѿ ѹисте, колы водкы не пылы?—запротестувавъ иевдоволеный зъ такихъ заходивъ парубокъ.

— Дурень еси!—одказавъ Патроклъ, чвякаючи на всю хату.—Водка вже тамъ есть, и черезъ те нехай ся тварь иде въ мою горлянку.

И знову шматокъ оселедця зныкъ за густою щетыною ёго рудыхъ вусивъ.

— Не гнивайся, земляче,—озвався до Романа,—що такъ, не пытаючися, беру: довліть бо пыща алчущому онои. И колы ты сёго сервуса червяковського и неключымого годуешъ такымы смашнимы оселедцамы, то вже мени й Богъ веливъ.

— Садайте!—сказавъ Романъ.

Патроклъ сивъ на ослинъ и моргнувъ на парубка:

— Моторный хлопець! Уже й напавъ на парубка!

— Якъ тамъ напавъ?—одказавъ сердто парубокъ.—Се я позычывъ у ёго грошей, пишовъ та й купывъ.

— Ну, ну, знаемъ!—прыпинивъ ёго Патроклъ.—Позычывъ, бо роботы нема, вытратывся... А скильки загубывъ? Винъ завсигды роботы шукае и губыть чужи гроши—до себе въ кышеню,—сказавъ винъ уже до Романа.—Багато твоихъ загубывъ?

— Пъятака,—видказавъ Романъ.

— Шъятака? Дуракъ, що губывъ такий пустякъ! Тද—такъ винъ и по карбованцю губывъ. Одначе треба поспишатися, а то сей канисъ ненажерлывый самъ усе похапа.—И винъ зновъ укынувъ соби въ ротъ шматокъ оселедца й булки.—Эхъ, чортъ ёго зна! Все такы треба рыби воды! Лукашъ! маешъ два злоты: пляшечка й закусочка! Загубышъ хочъ одну копійку,—не дамъ ни кръхоткы, ще й шыю набью!

Лукашъ зныкъ, але вернувся теперъ дуже швидко, несучы шматокъ ковбасы, хлібъ и горилку. Почалы выпываты й йисты. Розбалакалысь изъ Патрокломъ, и Романъ мусывъ и ёму розсказаты про свои ходинки й шуканыну.

— Жалію, амікусъ, тебе. Но не рюмсай и возвесельсь: терплять и юращи за тебе. Глянь на мене! Кончывъ два класы семинарії, грекы й латыны читавъ и думавъ ученостю превыше всихъ превознестысь и—пропавъ!

— Чого жъ вы пропалы? — спытавъ Романъ.
 — Чого? Того, что въ мене имъя геройське.
 — Якъ то — имъя геройське?
 — Ты сёго понять не можешъ. Герой бувъ такой Патрокль и Трою воювавъ и багато совершивъ диль славныхъ. Такъ и я, именемъ ёго названный, повсегда бувъ прыхильный до геройськихъ дилъ.

— И совершали?

— Стультусъ!.. Зъ Вакхомъ у компаніи побывъ морду езуитови инспекторови и за те поневираюся й доси. И ушелец-кався въ сю бездну гнусности, де кышать твари, подобни сїй, богамъ зневаўыній, мармызи! — И винъ штыкнувъ пальцемъ просто въ пыку Лукашеви. — Но не росквасой губы, бо то подла манера. Якъ зазнаешь усёго и не знайдешъ ничего и схочешъ уже наплювать на сей городъ, — прыходь до мене, и Патрокль Хвыгуроўскій дасть тоби достойную тебе роботу.

Романъ глянувъ неймовирно на обидрану постать Патрокла Хвыгуроўскаго и подумавъ соби, что ледви чы можно чого, видъ ёго сподиватыся. Той зрозумивъ ёго поглядъ.

— О, азинусь клапоухый и Хома невирный! Не вытришай своихъ сплиакивъ на мою костюмировку, а дывысь на мои дила, и будешъ подобенъ мени и не пропадешъ зъ голоду!

Покы, одначе, дила героя зъ поганою костюмировкою обмежылъсь на тому, что винъ найбильше за всіхъ порався коло чаркы й закускы, прыбравъ геть чисто все, що магъ прыбрать, а потімъ захрипъ по вчорашнёму на своему ослоні зъ „земською давностю“.

Тры дні ще ходывъ Романъ та шукавъ соби службы, а на четвертый зостався зъ п'ятакомъ у кышени. Ще одно можно было ёму зробыты: статы на базари.

Шо-дня на одному звычайчому мисци на базарі стояла купка людей. Всі выглядалы заробитку. Сильськи парубкы й дивчата, попрыходывши въ городъ шукаты паймивъ, стоялы поручъ зъ городянскыми куховаркамы й покойивкамы, що, покыдавши старыхъ хазяинивъ, дожыдалися новыхъ. Килькы

старшихъ людей зъ сокырамы за поясами—се булы дроворубы. Тутъ же стоялы й миськи обидранци зъ такыхъ noctilijныхъ домивъ, якъ отой, що въ ёму Романъ ночувавъ. Си такожъ выглядалы, але вже не наймивъ,—хто жъ бы ихъ найнявъ?—тильки поденного або хочъ на одынъ разъ якого заробитку. Сильськи дивочи вбрання зъ яснымы зеленымы, синими, червоными колирамы, парубочи свытки, чумаркы, шапкы й брыли мишаляся зъ обдертымы лахманамы нечепурнои загыдженой городянськои одежы. Вся ця купка товкалась середъ базаровыхъ ятокъ на засмитченому, закыданому недоидкамы и всякымы покыдкамы майданчыку,—люде стоялы, сидилы, часомъ лежалы на порожнихъ рундукахъ. Дивчата цокотилы промижъ себе завзято, парубки поштурхували дивчатъ, а ти верещали голосно й весело. Городянськи куховарки та покоивки у „кохтакъ“ та въ „палитакъ“ тримались трохи дсторонъ и промижъ себе судылы й лаялы на вси заставки хазяёкъ та навчалы одна дняу (а часомъ и сильськихъ дивчатъ), якъ треба поводыться зъ хазайкамы, щобъ не давати имъ воли, якъ прыкыдати бильшу цину до того, що купуешь на базари... Було голосно й весело: кому й не щастыло, то соромився передъ людьми сумъ выявляти. Але все жъ часомъ було чуты смутне нариканне на нещасливу долю, що й роботы нема й йисты нічого, и нездужае... Блиди й змарнили облычча траплялися середъ цёго натовпу часто. Обидранци часомъ и соби встрявали до гуртовои розмовы, але бильше стоялы самы соби; часомъ вони прыносилы пляшечку „монопольки“ и заразъ же, на якому рундучку, а то й навстоячки выпывали іи, закусуючи гнилою ковбасою або смердючымъ оселедцемъ. Иноди пидходила до дивчатъ и куховарьокъ яка панія, або й панъ,—выбиралы соби пидхожу и починали зъ нею вмовлятися; якъ що еднали, то велы зъ собою. Тоди ти, що позоставалися, лаялы панію, чы пана, казалы, що вони й слиши й дурни, бо взялыш найпоганишу, а не взялыш ни бдної зъ ихъ. Часомъ хто приходивъ найматы дроворуба—пильяты й колоты дрова, а то клыкавъ и обидранцівъ—найбильшъ переносити щось важке. Дроворубы стоялы тутъ що-дня. Обидранци—такожъ що-

дня, хыба що ходылы часомъ по базарю, доглядаючы, щобъ пани та куховарьки добре ховалы гроши: котора не робыла сёго, туя каралы, бо заразъ ти гроши потраплялы до рукъ обидранцеви, и вже тоди кильки день не выдко було ёго на точку. Вси инши стояллы—покы хто найде, а зъ сильськымы бувало й такъ, що якъ докучыть стояты ненавятоому, то й пиде воно соби знову додому.

Середъ цієи күнки мусывъ статы й Романъ. Теперь уже винъ думавъ про те, щобъ покы знайти соби хочъ поденныи заробитокъ, бо ёму не було чого йисты. Але доля була до ёго неласкава: винъ простоявъ увесь першый день до вечора и не выстоявъничого.

Пъятака пройивъ,—не було зъ чымъ иты й ло noctiljного. Романъ думавъ, думавъ и пишовъ у великий мисъкій садъ:

— Засну десь у кущахъ!—гадавъ соби.—Покы ще не холодно.

Вышукуючи въ саду лишного, затишнишого мисця, натрапивъ на чымалу будивлю, що стояла тамъ середъ прочищеного майданчика. Зроблена зъ шылёвокъ, въ одному мисци зовсімъ не було стини—сами поручата. Романъ перескочивъ черезъ ихъ и пишовъ у середыни по дощаному помосту. Сылкувався йти тихо, щобъ не почувъ сторожъ садовый. Ишовъ у темряви и видразу почувъ, що падає внызъ.

Упавъ, але бильше злякався зъ несподиванки, нижъ забывся. Встанъ, почавъ мацаты руками. Бувъ у якомусь дощаному корытари неглыбокому. Вылизъ изъ ёго лехко и пишовъ обережно дали. Дішовъ до якыхсь дверей и видчынывъ ихъ. Засвітивъ сирника: невелычка дощана комирчына, мовъ хыжка, попидъ стинамы лавы.

Зважывся тутъ заночуваты. Лигъ на лаву, положывши шапку въ головы.

Уночы кильки разивъ про垦дався, не розуміючи, де винъ. Тильки вставши вранци, побачывъ по выдному, що се бувъ літній театръ, покынутый уже теперъ, порожній, старий и об-

дертый. Мусывъ буты ёму прытулкомъ и на дали на той часъ, колы не буде грошай, щобъ начуваты де-инде.

Сёгодни винъ продавъ за три рубли свое пальто. Осинъ тильки почалась и була суха й тепла,—можно покы було й безъ ёго прожыты, а дали... що буде! За карбованця купывъ сокири и выйшовъ на базарь. Ёго заразъ же взято колоты дрова. Романъ дуже зрадивъ сій роботи. Але покы винъ наколовъ купу дровъ та заробивъ пивкарбованця, то въ ёго такъ заболили кръжи й руки, що винъ клявъ свою роботу всякими слонами. Ввечери пишевъ у ночлижный, стривъ тамъ Лукаша и зъ горя пройивъ и пропывъ зъ имъ увесь свій заробитокъ.

Що-дня Романъ стоявъ на точку, та не що-дня ёго брано. Въ який день не було заробитку,—Романъ жывъ зъ тыхъ грошей, що зосталыся ёму видъ пальта. Се діялося тыжнивъ зб два,—ажъ покы знову такъ сталося, що въ Романа не було й трёхъ копіекъ заплатити за ничъ у ночлижному.

— Доробився,—гирко нарикавъ на свою долю Романъ, идучы начуваты зновъ у той садовый театръ. Теперъ се було не такъ добре, якъ попереду, бо вже чипли дощи, и зробилося вразъ дуже холодно. Романъ страшно намерзся, стоючи на базари, и бувъ голодный. Винъ увесь трусывся.

Дотягся до театру, перелизъ черезъ поручата и пишовъ у свій закамарокъ. Идучы темвою сценою, винъ спіткнувся на щось и трохи не впавъ.

— Який тутъ стульясяка собачий ходыть та людей колошкае?—несподивано гримнуло зъ темравы.

Романъ пизнавъ голосъ Патрокла Хвыгурівського: се винъ па ёго спіткнувся.

— Се я, Романъ,—одповивъ.

— Який Романъ, азинусъ?

— Та той, що зъ вами въ ночлижному бувъ.

Увесь цей часъ имъ не доводылося стриватися.

— А!... чого жъ ты тутъ?

— Та мабуть того, що нема на ночлижний грошай.

— Резонъ, хочъ ты й болванъ!

— А чого жъ я болванъ?

— А того, що повиненъ тутъ ночуваты.

— Та й вы жъ тутъ ночуєте.

— Я—инша ричъ. Я, братику, такъ соби... ще вдень сюды зайдовѣ... а бувъ трошки выпивши.. та якъ лигъ—та й доси!.. Ну, а все такы я се мисто, правда, знаю добре... Дакъ се вже ничъ?

— Ничъ.

— А чого жъ ты зубами ухналі куешъ?

— Бо холодно.

— Холодно? Ну, сидай биля мене та погрійся! Чого стоишъ?

Сидай! За се платыты не доведеться.

И винъ у темряви піймавъ ёго за руку и потягъ унызъ.
Романъ сивъ биля ёго.

— Эге, да ты, парубче, безъ пальта.

— А то жъ...

— А де жъ воно?

— Загуло.

— Ну, й ты жъ скоро загудешъ.

— Куды жъ я буду густы?

— Къ чортовому батькови въ зубы! Пропадешъ безъ одежы.

— Продавъ, бо треба було купыты сокыру. Шо жъ мени було робыты?

— Клапоухый азинусъ! Попытайся мене, то я скажу, що тоби треба робыты.

— Кажить!

— Я тебе поведу до добрыхъ людей.

— Ведитъ!

— Тамъ покы що матымешъ кватыру и харчъ. Заплатышъ потимъ, якъ будуть гроши.

— Добра штука, спасыби вамъ!

— Не кажы—добра, покы не зживъ! Якъ будешъ розумный, то матымешъ и роботу.

— Яку?

- Кращу за ту, яку робышъ. Тоди знатымешъ.
- Гараздъ!
- Тильки одно.
- А що?
- Чы зостанешся тамъ, чы ни; чы возьмешъ роботу, чы ни, а що побачышъ—про те мовчы!
- Мовчатыму.
- Запрысагнысь!
- Нехай мене хрестъ побъе и сыра земля не прыйме, колы кому скажу.
- Добре! А колы зламаешъ прысагу, то я тебе и пидъ землею знайду. Цила голова не буде. Це памъятай!
- Памъятатыму.
- Гайда!
-

П.

Довго йшли черезъ увесь городъ, ажъ покы прыйшли до якоись темвои и грязькои вулыци. Переийшли іи всю. На прыкинци вулыця видразу падала внызъ и завертала въ якысь яръ. По обыдва бокы яру, по-пидъ глыняными кручамы, бlyмалы маленькомы викнамы невелычки хатки. Лыхтаривъ не было,—тильки й свиту на вулыци, що зъ тыхъ виконечокъ. Ноги грузлы въ глыни, размоченій дощамы. Разъ-у-разъ доводылось потрапляты въ калюжи. Романъ уже набравъ у свои драні чоботы стильки воды, що всі ноги булы мокри.

— Иды сюды по-пидъ тыномъ,—сказавъ Патрокль,—бо тутъ така халдeйська калюжа.

И справди, всю вулыцю залыла велычезна калюжа. Се було найныжче мисце въ яру, и вода стикала сюды зъ усихъ высокостивъ.

Зъ бидою, чепляючыся за хворостяный тынъ, просунулись повзъ калюжу.

— Ну й гразюка!—жалився Романъ.

— Ще й лучче: якъ упадешъ, то не забъешься.

— Та куды се мы зайшли?

— У Ривчакы.

— У яки ривчакы?

— Такъ зветься. Иды за мною!

Винъ завернувъ до двору. Одчынывъ хвиртку, впустывъ Романа и по хазайському зачынывъ за имъ. Въ двори хата, здаётся, гонтомъ крыта, праворучъ—якись шопы, чы що.

Загарчавъ у темряви собака.

— Цыть, Хамло, цыть! Се я.

Здоровенный песъ, пизнавшы Патрокла, почавъ лащтыся до ёго.

— Що? Хыба давно не бачывъ мене? Нá вже! нá!

Вытягъ щось изъ кышени й давъ Хамлови.

— Добрый кависъ! гарный собадюра!. Ну тебе къ чорту!

Хвостомъ усю пыку заляпавъ.

Пидійшли до хаты, и Патрокль загрюкавъ у засунени двери.

Чуты було, якъ хтось выйшовъ зъ хаты, и чоловичий голосъ озвававъ у синяхъ:

— Хто тамъ?

— Одчынай, то й побачышъ!

— Патрокль Степановычъ?—запытавъ стыха голосъ.

— А то жъ!

Хазяинъ упустывъ гостей и заразъ же знову засунувъ двери. Ввійшли въ хату. Се була звычайна мицанська світлиця: велике лижко праворучъ пидъ стиною, ливоручъ стиль, а кругъ ёго прости деревляни, помазани рудою хварбою, стильци; бlyжче до дверей—праворучъ пичъ, ливоручъ шахва. Стіни облицлено поганенъкими, печистыми вже, шпалерами; на стінахъ три малюнки безъ рамцивъ, прыбыти просто гвоздочками: копіяшви базарови ляпанци, вси помазани мушиными слиздами. Якась жинка, мабуть хазайка, блида й худа, клала спаты дытыну въ колыску, а за столомъ сидивъ Лукашъ.

Поздоровкались и посидали.

Тымъ часомъ увійшовъ зъ синей хазянинъ. Не такой здоровый, якъ Патрокль, але кремезный и дужый, зъ великою блыскучою чорною бородою, зъ дужымъ закандзюбленимъ носомъ. Бліснувъ на Романа гострими холодними очыма.

— Чого ты такъ на ёго дывышся? — спытавъ Патрокль. — Оце тоби прывивъ чоловика. Ходить безъ роботы. Колы заразъ нема въ насъ дила, — треба даты ёму кватырю й харчъ.

— А талалаў зъ билыхъ березъ не выпускатыме?

— Каже, що прыпне.

— Добре, хай ночуе.

— Отъ и гараздъ! А теперь знаешъ що, Ярош? И винъ голодный, та й я, якъ вечиръ побачывъ, то розласувався на вечерю.

— А ну, Варко, давай тамъ, колы що е! — звеливъ Ярошъ господини. — Мы ще й самы не вечеряли.

Жинка, мовчазна и якась дывна, почала готовувати вечерю. Хазянинъ выйшовъ у сини, а за имъ слідкомъ Патрокль и довго про щось тамъ балакали, тоди вернулися вдвохъ.

— А ну, сидаймо, — покликавъ хазянинъ. Гости посидали за стиль, а винъ тымъ часомъ вытягъ зъ шахви пляшку зъ горилкою.

— Отъ чудесна штука, що й окававыта е! — зрадивъ Патрокль. — Мабуть ты знатъ, що я змерзъ.

— А мабуть ты й не пывъ бы, якъ бы не змерзъ? — шуткувавъ Ярошъ.

— Та... мене покійный батько завсігды навчавъ: чарка — ворогъ твій! А я ворога де не побачу, тамъ і стребляю: не люблю ворогівъ.

— Варко! а ты жъ чого не сидаешъ? — озвавався Ярошъ до жинки.

— Не хочу.

— Зновъ завередувала? Иды й сидай!

Жинка мовчаки сила за стиль і почала нехотя йисты, ни на кого не дивлячись. Чоловикъ позиравъ кильки разивъ на неї зъ-підъ лоба, але ничего не казавъ.

Романъ мало говорывъ, бильше слухавъ, сылкуючися зрозумиты, до якихъ людей винъ потрапывъ. Але ни обстанова въ світлыци, ни звычайна мищанска одежа хазяивъ, ни розмовы— все про щось невидоме Романови—не казалы ёму ничего.

Повечерявши, заразъ нолягалы спаты: хазяи на лижкови, а трэмъ гостамъ послалы доли радно, а пидъ головы подушки.

Другого дни, якъ Романъ прокынувся, то въ хати никого не було: тильки винъ та Патрокль спавъ. Але въ синяхъ чуты було розмову. Жиночый голось казавъ:

— Зновъ уловылы гришну душу, якъ нечисти въ пекло!

— Мовчы! не твоє дило!—видказавъ чоловичый голось.

— Бодай бы вамъ стильки каръ було на тому свити, скильки вы людей занапастылы!

— Варко, кажу тоби—мовчы! Давно въ тебе ребра трищали?

— Покаравъ мене Богъ такимъ чоловикомъ!

— Ты такы добавакаешся!

Погроза злякала жинку, и вона змовкла. Въ хату ввійшовъ хазяинъ.

Романъ заплюшивъ очы, мовъ спить.

— Ге! часъ уставаты!—прокынувся Патрокль.—А ну лышь, братику, вставай!—штохнувъ винъ Романа въ бикъ.

Цовставалы. Жинка внесла зъ синей самоварь. Посидалы пыты чай.

— Ну, дакъ хочешь до насъ у куніачію прыстата?—снытавъ Романа Патрокль.

— Чому ни,—абы добра куніанія.

— Добра! Комерчеська,—сказавъ Ярошъ.

— А яка комерція?

— Кінська.

— Якъ то?

— Та такъ,—выяснивъ Ярошъ,—кояи дешево купуемъ, а дорого продаемъ.

— И добре заробляете?

— Чому ни? Якъ пощасть, то й добре.

— А де жъ вы купуete?

— Хыба на сelaхъ мало коней?

Романъ ис розумивъ.

— Ты, Яроше, погано ёму розсказуешъ,—перепынывъ Патрокль,—бо въ тебе чортма элоквенці. Слухай, парубче! Знаешъ, якъ кони найдешевше купуваты?

— А якъ?

— Такъ, щобъ за ихъ зовсимъ не платыты.

— Та якъ же то?

— А такъ: якъ стемніе, то зайти въ гости до якого багатого стультуса-мужыка. Но твоему—треба поторгуватися зъ мужыкомъ, а по моему, зовсимъ того не треба, бо винъ дуже дорого буде правыты. А я ныщечкомъ повитку видчынывъ та на коня сивъ та й гайда въ степъ, то такъ найдешевше обійтися.

Теперъ уже Романъ зрозумивъ.

— А чого, парубоче, замокт? Може вовы та хохи боишся?

— Ни, я вовы не боюся, а такъ...

— Дакъ вавы?

— И вавы не боюсь...

— Дакъ гришки, чы що?

Романъ мовчавъ.

— Болванъ, белбасъ и стультусъ!—гримнувъ Патрокль.—Що то грихъ? Якъ хто заповидь ламае Божу. Що заповидь велить? Подилысь изъ бlyжнимъ твоимъ! Дилються ба-гачи? Одвичай! Дилються ба-гачи зъ намы?

— Ни.

— Ото жъ вони роблять грихъ, бо ламаютъ заповидь. А мы, якъ возьмемо въ ба-гача кони, то що зробымо?

— Та шо жъ? Украдемо!

— Азинусь клапоухий! Мы подилымо зъ бlyжнимы ба-гачевыми добро ёго,—а сёго хоче заповидь. Значить, винъ іи ламае, а мы направляемо. Розибравъ?

— Та се я розибравъ, та...

— Ну, что „та“? Ты не такай, а слухай розумныхъ людей! Жывъ ты на сели? Жывъ. Що зъ тобою батько и браты зробилы? Цилувалы-мылувалы тебе? Ни, побылы мордяку та и вишихалы безъ ничего. А де жъ твое добро, що ты въ гурти зъ имы заробывъ? Братикъ риднесенъкій укравъ. Що тутъ треба зробити? Взять ихъ добро та и подилити такъ, щобъ и тоби зосталося.

— А чого жъ у заповидахъ написано: „не укради“?

— Що ты мени заповидамы очы выбываешъ? Игворантусъ мизеръ, або неукъ малоумный! Я ихъ лучше за тебе знаю. А якъ вовкъ у тебе теля вкраде, то ты не прыйдешъ та не вбъешъ вовка, не виднимешъ у ёго теля? Не украды у чеснога, а въ злодія свое одберы! А ты глянь: старшина и ста-роста гарбають обчески гроши—злодіи! Мужыки цуплять панський лись—злодіи! Паны хапають казённи гроши—злодіи! Шынкарь обдурюе тебе въ шынку—злодіи! Браты замоталы братову частку—злодіи! Уси промышляют, якъ хто втне. Ты онъ теперь зъ голоду пухнешь, а вони тамъ соби горилочку по-пзывають, ажъ облизуются, да цундыки-мундыки трискають, та зъ Романа сміються,—ажъ черево до горы дметься,—що такого дурня халдейського, таку лемишку греческую знайшли, що не вміє свого добра въ ихъ вырвати. Пиды лышъ, позывайся зъ ими! Выпозываешъ?

— Та де тамъ!

— Дакъ не будь же розвязлякою, а пиды та и визьми самъ.

— Та звисно, то моя частка, ту можно взяты... А такъ хто и зна въ кого, то се вже...—вагався Романъ.

— О, сервусъ малоголовый! Ты хыба жъ не бачыши, що вси такъ роблють, якъ твои браты, то вси и крадуни. А въ кра-дuna не грихъ и забраты. Нема правды въ свити, а есть сама ха-паньна: хто швыдче, хто билше вхопить! И хто вхопить—той багачъ, хто не вхопить,—той харпакъ! Въ старовину лучше було: прыйшовъ грекъ, розбывъ Трою та и каже: я герой, бо Трою спалывъ, троянцевъ побывъ, а добро ихъ пограбувавъ. А

теперь коженъ слебезує: я по правди, я по закону! А одынъ зъ одного по трь шкуры деруть!.. Йивъ ты людей?

— Ни...

— Брешешъ! У старовину вси люде людей йилы, а теперь уси брешуть, що ни. Неправда: трискають такъ одынъ одного, що ажъ за ушыма ляшты! Бо *homo homini lupus est!*

И Патроклъ грюкнувъ зъ усієи сили по столу, ажъ дитина жахнулася й заплакала въ колысци, і все на столи задзвенило, а ёго очи спалахнули злымъ огнемъ.

Помовчавъ трохи, похильвши, заспокоився, а тоди зновъ озвався до Романа:

— Ну, та нехай! мы вже тебе на чужыхъ не займаты-мемъ, а отъ давай подилымо тебе зъ братами та зъ батькомъ.

— Якъ то?

— Та такъ! Адже самъ казавъ, що въ твого батька трое добрихъ коней. Дакъ мы подилымо тіи кони такъ, що твою частку зъ ихъ тоби виддамо. Якъ що добри кони, то можно й добри гроши взяты.

Романъ мовчавъ. У ёго въ голови куёвдыша всяки думки, але винъ ще й самъ соби боявся ихъ выявляти. Винъ ничего не видказавъ Патроклови и пишовъ зъ хаты. Єму не сидилося: треба було вудьсь ити, самому лыштыся, по думати.

Зоставши Патроклъ зъ Ярошемъ самы въ хати, спершу дожыдалы Романа, що винъ зновъ увійде, але згодомъ побачыли, що винъ вудьсь подався зъ двору.

— Ой,—сказавъ Ярошъ,—чи не наробыть намъ якого лыха цей кавалеръ?

— Ніякогисинъкого!—видказавъ Патроклъ.—Яке жъ бы?

— Щеде та въ поліцію...

— Ну, то й що винъ скаже? Що мы пидмовляли ёго кони красты? А свидки де?

— Та такъ.

— Хыба полыція не знае, що ты вміешъ верхы йиздты? Добре вже це розшелепала, хочъ тебе тоди за Стеденковы кони й не осужено.

— Та се такъ... Да тильки не буде мабуть зъ ёго людей.

— Отъ побачышъ, що буде! Погулае, погуляе та вернеться, бо ёму іншого ходу нема.

— Винъ бы намъ такъ стежку показавъ, що ой—ой! Нема краще, якъ изъ такимъ робыты, що добре село знає—промовыў Ярошъ.

-- Ще бъ пакъ!. Ты, отамане, звелы хлопцямъ,—нехай хлопци на поготови будуть: днівъ зо трь помыне, то винъ явиться.

А Романъ тымъ часомъ ішовъ куды очы, и голова въ ёго роспадалася видъ думокъ. Все мынуле, все, що винъ прожывъ, одбувъ уже,—такъ мовъ насунуло на ёго, зновъ ожыло.

До салдативъ винъ жывъ дома такъ, якъ и вси парубки, и робывъ щыро. Тамъ у хазяйстви и ёго праці багато лежыть. Чы винъ же выненъ, що теперъ не може по такому жыты? Кожень чоловикъ шукае кращого, а жывши въ городи, винъ добре побачывъ, де те краще. Мужыча робота важка, нечыста, часомъ голодна й холодна. Та кожень чортъ зъ тебе знущаецца, та нема такого начальника, щобъ тоби до пыкы зъ кулакомъ не лизъ! А городянське жытте не такое: и робота лекша и меншэ зъ тебе воду варяТЬ, и заробитокъ бильшый. Отъ и винъ шукавъ цёго заробитку, шукавъ того кращого жытти. Колы жъ не щастыть! А ни батько, ни браты не хочуть ёго разумиты, не хочуть пособыты ёму. Якъ бы воны ёму виддалы ёго частку, то може бъ винъ уже давно чоловикомъ бувъ. А то прызвели до того, що хочъ зъ голоду пропадай. Та ще якъ зганьбыли! Якъ бы не втикъ,—ризкамы выбылы бъ! Ёго—ризкамы!

Романъ зовсімъ не думавъ про те, що й винъ погано зробивъ, а згадувавъ тильки кривду видъ брата. Гарный братъ! Ну, сказавъ бы батькови,—нехай бы батько, якъ тамъ схотивъ покаравъ, а то заразъ у волость, звязаного, якъ рештанта.

Романъ згадувавъ, якъ ёго ведено селомъ зъ скручеными назадъ руками, якъ люде показували на ёго пальцями!.. И велика злість, лютість знову ёго обнимала такъ, якъ и тоди, якъ винъ покыдавъ свое село. Тамъ то мабуть було про ёго балачка, уси мабуть казали: їчъ, думавъ панувати, а ставъ злодіювати! Знає винъ цихъ мужыківъ! Ради въ ложци води одынъ одного втопити! Правду казавъ Хвыгуроўський, що самы вони гирше за всякихъ злодіївъ. Такъ и брати: не видали ёго частки,—однаково, що вкрадли ії. А якъ злодій украде, дасть хыба хазяинъ не може справди у ёго свого добра узяти? Оттакъ и винъ у бративъ може...

Романъ, не помичаючи того, самъ соби переказувавъ, що єму казавъ Патрокль.

Такъ... Але черезъ що жъ єму чогось ніяково те зробити, до чого ёго прыхильяють?

Грихъ воно, звисно, хочъ и свое, але такымъ робомъ брати.

Грихъ... се такъ... А то ще й такъ; вони соби тамъ ласо йидять, тепло вдягаються, на печи зиму лежатиуть, а винъ, Романъ, мерзне, голодуе, поневиряється тутъ. Якъ бы не оци... злодіи, то може бъ и зъ голоду пропавъ. Хыба жъ се по правди? И хыба нема въ ёго такого права, щобъ силомиць свое взяты? Тильки свое, тильки въ батька та въ бративъ,—ни въ кого іншого винъ не хоче, а въ ихъ самихъ...

Отъ іще тильки одно страшно. Добре жъ, якъ усе гараздъ обійтися, а якъ піймають? Острогъ, рештанськи роти!..

Романови сипнуло по-за шкурою снигомъ.

І хто ще знає, що воно за люде оций Патрокль та Ярошъ. Може вони ще въ таку справу ёго вплутають... Певне за ими й поліція доглядається, бо вже мабуть знає ихъ... Що якъ бы пити та виказати на ихъ? Звисно, винъ запрысягся Патроклови ничего никому не казати, та хыба жъ винъ тоди знати, що се коноводи? Одначе... хочъ бы й пишовъ у поліцію, але свидкивъ у ёго нема, то ничего зъ того й не було бъ.

А якъ винъ пристане до ихъ, то тоди й єму суда не mynuty... А въ тимъ... не вси жъ и попадаються... Мужыкы въ

такихъ выпадкахъ страшниши за судъ. Но якъ піймають коновода, то вже такъ ёго катують, що—буває—тутъ ёму й каюкъ.

Ни, нехай ёму всячына! Краще винъ перетерпить якосъ цей часъ, хочъ на поденну походить, а тамъ може яка служба такы знайдеться, то буде винъ чоловикомъ жыты. А то...

Романъ пишовъ на базарь и ставъ знову на точку. Тильки не багато выстоявъ: узали попреносыты шахвы зъ однієи квартыри въ другу та й годи,—бильше ё не було роботы. Одніравъ злого то ото ѹсёго заробитку. Винъ ёго пройивъ, а спати пишовъ въ садъ, у театръ. Уночи бильше мерзъ, нижъ спавъ.

Другого дни було ще гирше: никто за ввесь день не попытавъ ёго. На сели вже обробилися, насунуло въ городъ парубківъ: робитныківъ було бильше, нижъ роботы,—не дотовпышся. Романъ бувъ не йивши до вечора. Не йивши пишовъ и ночувати туды, куды и вчора. Але якъ винъ пидішовъ до театрової шопы и побачивъ темну сцену—мовъ велику разявлену пашу,—ёго обняло холодомъ. Згадавъ, якъ вичъ мерзъ тутъ микулои ночы. Тоди жъ хочъ не голодный бувъ, а теперъ... Обняла ёго безнадія.

Огтакъ поневирятися мучытыся! И черезъ що? Тильки черезъ те, що браты не скотили ёму виддаты ёго жъ добро!..

Ну, дакъ винъ самъ ёго визьме! Годи вже!..

Винъ уже и не думавъ бильше ни про грихъ, ни про страхъ. Винъ бувъ голодный.

Повернувшись и пишовъ швидко-швидко на другий кинецъ города—туды, въ Ривчакы.

III.

Другого дни вранци Романъ ище спавъ у Ярошевій хати, якъ риннули двери, и въ хату всунувся Патрокль Хвыгуроўскій. Шоважный тевкѣ грецького героя мавъ сёгодня облычче колоритнише, нижъ звычайно, бо підъ ливымъ окомъ продвигавъ у ёго велычезный синякъ.

— А де це? — кывнувъ на сывакъ Ярошъ.

— Ать! — нехотя видказавъ и махнувъ рукою.

— Мабуть у Левона?

Левонъ — то бувъ таємний шынкарь и помишныкъ усякимъ злодіямъ, що въ ёго збиралыся пыты.

— А то жъ де хыба ѹе таки скажени? — одновивъ пытаннемъ Патрокль.

— Мабуть зновъ зъ Левдымъ?

— Не зъ якимъ же дыяволомъ! — одоказавъ Хвыгуроўскій, ходачы по хати туды й сюды. — Сточортове опудало смie сика-
тыся. Ну, я жъ ёму й давъ!

Проходачы прозъ Романа спячого, моргнувъ на ёго:

— А що, не казавъ я? Тутъ уже! Ходимъ лышъ у сини!
Выйшли.

— Самъ прыбигъ?

— Самъ учора ввечери.

— Що жъ винъ каже?

— Що наль братамы хоче помститися. Тильки надъ имы,
а бильше ничего не робытиме.

— Та се вже звисно. Коженъ азинусъ думае, що тильки
опей разъ, а бильше вже й не буде. Ты ёму вчора пиднись?

— А вже жъ; сёгодни дамъ похмелитися.

— Тильки добре дай!

— Знаю, скильки. Не гараздъ переборщаты, бо треба,
щобъ на вечиръ бувъ готовый. При ёму хлопцивъ я не хочу
збирати. Поки хай новакомъ буде и не знае всихъ.

— А вже жъ.

— Перекажы Лукашемъ, щобъ надъ вечиръ зибралыся въ
шопу. Хай пройдуть провулкомъ та по пидъ кручею, — тоди ёму
зъ викна не видю буде. Я загадаю — кому на яку роботу.

— Гараздъ, отамане.

Поки вони розмовлялы, Романъ усе славъ, дарма, що Яро-
шева жинка ходыла прозъ ёго по хати, пораючись. Знеможений
утомою, голодуваннемъ та горилкою, винъ спавъ ще довго, ажъ

покы вставъ, щобъ внову залыты горилкою останни искорки сумливня.

Надъ вечиръ того жъ дня у Ярошъ въ старій шопи, що була колись возивнею, зійшлося п'ятеро людей. Дожидаючись Яроша, посили на старыхъ недоламанихъ саняхъ, дижкахъ, дровахъ та іншому мотлоси, що имъ захаращено було возвивню. Тутъ були Патрокль, Лукашъ і ще троє обидранихъ добродіївъ. Прийшовъ Ярошъ.

— А чого це нема Левдыка?

— Хто ёго знає... кудись завіявся... Мабуть пье,—сказавъ високий похмурый чоловикъ.

— Бисова тинь!—вylaився Ярошъ.—Теперь ёго саме треба бъ. Ну, слухайте хлопци, який загадъ буде!

Вси змовклы.

— Кучма, Лукашъ, Семенъ та Кулачъ—на сю ничъ у Рижкivку. Ты, Кучмо,—вдався винъ до того похмурого,—знаешь Рижкivку, дакъ ты будешъ на сю ничъ имъ за отамана... Слухайте ёго замисть мене!.. У Охрима Пивня—багатый чортъ!—шары зо дви добрыхъ коней. Коней уявши не ведить до Гапона, а заразъ на полтавський шляхъ... на Полтавицну... якъ тоди,—знаєшъ? (Кучма кивнувъ головою). Та глядить, щобъ бильше двохъ чарокъ на дорогу никто не пывъ!.. Щобъ не було якъ тоди зъ Лукашемъ... (Лукашъ похнюопився). Розходьтесь, хлопци, да тильки тихо, по одному.

Ярошъ зъ Патрокломъ пішли въ хату.

— Ну, Романе, треба намъ у дорогу,—щобъ не спизнитися.

— Чы въ дорогу, то й у дорогу,—сказавъ зважливо Романъ.—А хто жъ іде?

— Да отъ мы троє.

— А Лукашъ?

— Обійтесь я безъ Лукаша! На що намъ бильше, якъ трьохъ?

Ярошъ винись изъ хижки свытку й чумарку.

— А вуте, вдягайтесь, щобъ теплице було! Та щобъ і городомъ одъ насть не такъ пахло.

Вси троє повдягалыся въ сильську одежу.

— А чы у васъ тамъ коней замыкають?—спытавъ Романа Ярошъ.

— Замыкають.

— Ну, треба взяты й такого, щобъ одимкнуты.

И винъ прынисъ изъ синей велыкый зализны шкворинъ.

— А то жъ на що?—спытавъ Романъ.

— А оце жъ прыбои вырваты, якъ що замкнено буде,— вмяснавъ Патрокль.

Незабаромъ усе вже було готове.

— Мы вдвохъ зъ Романомъ пидемо,—сказавъ Хвыгуроўскій,—а ты, Яроше, згодомъ самъ выйдешъ—щобъ не такъ помитно.

— Гараздъ. Зійдемося за городомъ биля цегельни.

— Иды жъ ты, Романе попереду,—звеливъ Патрокль,— та помалу, а я тебе нажену биля церкви. Все люде менше вкупи бачытымуть. Бо воны, яко Аргусы стооки, або Цербера пекельни,—такъ пащу й розвязляютъ, щобъ неповынну душу вхопыты.

Якъ Романъ зъ Хвыгуроўскімъ пидійшли до цегельни, то Ярошъ бувъ уже тамъ, пройшовши блыжчымы вулыцьми. На двори зовсімъ смеркалося.

— Ну, гайда,—скомандувавъ отаманъ.

Вси троє пішли шляхомъ. Ниде никого не видко було. Разивъ зо два имъ зустрілися селяне возами и байдуже помынули ихъ: зъ погляду троє злодіївъ здавалыся звичайными селянами-хлиборобами, що були въ городи и теперъ верталыся до-дому. Патрокль підморгнувъ на ихъ:

— Чы се не ти кони, по яки мы йдемо?

— Ни, не ти,—видказавъ Романъ.

— Та я такихъ и не хочу. Се дуже погани.

Увійшовши верстовъ зъ висимъ, силы видпочыты пидъ гаемъ.

— А що, половыну ввійшли?—спытавъ Ярошъ у Романа, якъ посыдили трохы.

— А буде.

— Ну, гайда знову, щобъ на пивничъ вспиты. Тоди най-краще мужыкови спыться.

Рушылы знову. Була пивничъ, якъ передъ Романомъ за-чорнилы хаты ёго ридного села. Щось немовъ торкнуло ёго, немовъ шепнуло ёму стыха-стыха: чы не облышты це, чы не вернутыся? Але було вже пизно, вороття не було.

Ничъ спріала имъ. Мисяць давно зайшовъ, по осинньому небу пересувалысь разъ-у-разъ хмары, тъмарючи и той невелычкий свитъ, якимъ блищаля зъ неба на землю зирки.

— Я йтуму попереду, а вы за мною,—сказавъ Романъ товарышамъ.

Сылкуевася говорыты спокійно, а самого трусыла пропас-ныця, якъ пидходывъ до крайнїхъ хаты.

Абы перейти першу довгу вулыцю, щобъ хто не стрився, а дали—тамъ уже скривъ можно горбдами.

Швидко й обережно перейшли вулыцю. Стрилы такы й стукача, але винъ любисинъко задримавъ на одному пиддаши.

— Черезъ тынъ!—скомандувавъ тихо Романъ.

Перескочили такъ, що й не триснуло. Романъ ишовъ по-переду знаєммы стежкамъ, обминаючи всяки небезпешни мисця. Ще разъ перелизли черезъ тынъ и опинилися на луци.

— Теперъ мы дома,—сказавъ Романъ.—Просто лукою дійдемо до того провулка, що прозъ батькivъ двиръ... У провулокъ—ворота зъ току.

— А на току, въ клуни, никто въ васъ не спить?—слы-тавъ Ярошъ.

— Побачымо.

Дійшли до Сывашевого току. Романъ одчынывъ ворота и впustивъ товаришывъ.

— Прыхилиться отутъ пидъ тыномъ, а я пиду подывлюсь, чы не спить справди хто въ клуни.

— Я пиду зъ тобою,—сказавъ Ярошъ. Винъ ще не певный бувъ, що Романъ не врадыть и боявся пустыты ёго самого.

— Не можна,—видказавъ парубокъ,—мене собакы знають, а якъ зъ вами, то гавкатымуть. Я самъ кони вывелу на тикъ.

Доводылся корытыся.

— Визьмы шкворинъ,—може прыбои вырваты доведеться.

— Давайте!

Яромъ въ Патрокломъ прыхылылся биля плоту въ затинку. Романъ зъ шкворинемъ у рукахъ тыхо, обережно пидійшовъ до клуни. На ій высивъ замокъ. Се добрѣ. Романъ пидійшовъ до другихъ воритъ, одчынывъ и ввійшовъ у дверъ. Тамъ було темно й тыхо. Собакы загарчали булы, але Романъ обизвався до ихъ стыха, кынувъ имъ хлиба. Пизнавши ёго, воны замовклы и почалы йисты хлибъ. Романъ тымъ часомъ пидійшовъ до кинайци. Замкнено. Заложывъ шкворинъ однимъ кинцемъ и здорово смыкнувъ до себе другый. Поганеньки прыбои давно вже поиржавилы и одынъ заразъ одскочывъ. Одчынывъ даери и ввійшовъ. Винъ знатъ, що кони звычайно прывязувалысь до ясель, бо одынъ бувъ такый, що зъ тымъ двома не мырывъ. Романъ налапавъ ихъ морды рукамы,—вси трое дома. На двохъ булы вуздечки, на третьому оброть. На звыклому мисци на килку знайшовъ вуздечку и надивъ на коня. Обережно вывивъ двохъ коней и передавъ ихъ товарышамъ. По третього, баского жеребця, вернувся знову. Вывивши ёго, зачынывъ кинайцю и прытульывъ прыбой,—мовъничого не зайдмано. Тымъ часомъ товариши вже булы верхы въ провулку. Романъ по хазайському позачынявъ за собою ворота, думаяучы:

— А то якъ одчынени будуть, то ще стукачъ побачыть.

Скочывъ на коня, и вси трое тыхо посунулы провулкомъ. Теперъ уже городамы не проскочыши,—треба було йихаты вулыцею. То було найгирше. Але сонъ прыгорнувъ усе село. Ниде ни лялечки, ни що не шелесне. Тилько чутъ було, якъ по хливахъ чмыхае товарына. Стукачъ десь стукавъ, та далеко. Гавкнула була разъ-два чыясь собака. Серце въ Романа стыслося, мовъ перестало озыватыся въ грудяхъ. Духъ забыло.

Але собака мала поганый нисъ и не дочулася чужого. Загарчала ѹ замокла. А вулыца була все довга, безъ миры довга. Такою довгою вона николы Романови не здавалася. Дви перій покривель тяглыся скилькы выдно и зныкалы въ темряви. Здавалося, що имъ и тамъ нема краю. Ось Миколына хата... Семенова повитка... Якъ далеко ще... Романъ ударывъ бы коня, полетивъ бы зъ усей сили, але не мигъ сёго зробыты, мусивъ йихаты тыхо слидкомъ за отаманомъ... Замаячыла Костенкова клуня... За нею ще тры дворы... Ось уже ѹ останню хату видзео...

— А хто се? стій!

Высока постать уразъ выявилася середъ темрявы передъ Ярошевымъ конемъ и вхопила ёго за вуздечку. Романъ побачывъ, якъ Ярошъ, не спыняючись, знявъ угору руку зъ шкворинемъ и вдарывъ унызвъ. Чоловикъ застогнавъ и впавъ биля коня. Знову звелася рука, шкворинъ упавъ коневи на бикъ. Кинъ рванувся и полетицъ напередъ, за имъ два иниши. Романъ прыцавъ до грыви, бьючи ногами коня въ бокы. Въ одынъ ментъ опынлыся за селомъ и якъ выхоръ полынулы ривнимъ шляхомъ. Ажъ витеръ у вухахъ свистивъ.

Добре вгодовані кони гналы зъ усієи силы и биглы довго. Перескочылы верстовъ зъ п'ять. Ярошъ прыпынныъ свого коня и пустывъ ёго ходою, щобъ даты хвилыну видпочынку. Романъ та Патрокль пидихалы до ёго.

— Чортъ ёго знае,— погана штука! — сказавъ Хвыгуровський.

— Шо? — спытавъ Ярошъ.

— Та оцей стукачъ. По чому ты ёго вдарывъ?

— По чому!.. Чортъ!.. Потдуму, почему прыйшлося,—по голови!

И знову погнавъ коня.

Романови стало моторошно. Невже се чоловика вбыто? Тоди ёму здалося, що Ярошъ ударывъ стукача по рукахъ, щобъ вырватыся видъ ёго. Але якъ по голови, и той унавъ...

Звернули зъ шляху и погнали у ливоручъ. Дорога збигала въ яръ. Куды се воны? Романъ смыкувався вгадаты, пизнаты, що се, и якось не мигъ. Замаячила купа деревъ, дали хата велька... Пизнавъ такы: Гапонивъ хутири.

Якшись Гапонъ тутъ живъ. Якъ ёго звали справди,— Романъ не знавъ, а вси называли Гапономъ. Таке соби: ни панъ, ни мужыкъ. Мавъ свій хуторець, трошки хазайнувавъ... Щось про ёго люде гомонили, та Романъ теперъ не мигъ изгадаты. Чого жъ воны туды йидуть?

Пидъихалы до двору. Ярошъ скочывъ зъ коня, самъ одчынывъ ворота и впустывъ товарышивъ у дверъ. Пидішовъ до хаты и почавъ стуваты въ вікно:

— Одчыны!

Мабуть хазяинъ пизнавъ, чый голосъ, бо заразъ вѣйшовъ, накынувши на опашку свыту.

— Ты, Яроше?

— А то жъ.

— А хто жъ зъ тобою?

— Шатрокль Степановычъ та ще одынъ хлопець, новачокъ.

— А що?

— Тroe добрыхъ,—одказавъ Ярошъ.

— Звидки?

— Зъ дыбливъ одъ Сываша Пылыпа.

— Можно до завтърого?

— Ни, катай заразъ. Твои хлопци дома?

— Дома. А хыба що?

— Нещасльво трапылось: довелося одбыватыся.

— Погано,—цмокнувъ Гапонъ.—Треба, колы такъ, поспишатыся. Зайдете въ хату?

— Ни, видказавъ Ярошъ,—не рука: намъ треба теперъ дали видсиль буты.

Тымъ часомъ Хыгуроўскій зъ Романомъ завели кони у хливъ.

— На що се?—пытаў Романъ у ёго.

— А шо жъ, мы самы ихъ будемо весты? Мы гайда додому. А тутъ товарыство и одведе, и продастъ, а мы грошики получымо. Заразъ якъ чжурнуть, то до свиту верстовъ за шистьдесять будутъ.

Пидождалы трохи Яроша, покы винъ нышкомъ розмовлявъ изъ Гапономъ, и пислы швыдко назадъ. Незабаромъ выйшли на шляхъ до города.

— Чуешъ, наши кони пойихалы,—тыхо промовывъ Патрокль до Романа.

Романъ прыслушався и почувъ справди тупотъ винський внызу, въ яру.

— Добре, що не барятся,—сказавъ Ярошъ.

Уси змовкли, бо всіхъ обняла думка про стукача. Найбильше ся думка турбовала Романа. Винъ самъ на себе лыхый бувъ. Зважывся на се дило, и заразъ-же й выдко, яке воно погане. А що, якъ Ярошъ убывъ чоловика? Уже жъ шукатымуть, а якъ найдуть... Не мнешъ каторги, Сибиру...

А въ тимъ... Не такый страшный чортъ, якъ ёго малюють. Не кожного жъ и ловлять. Може ще й такъ мнеться.

Тильки вже не треба товарышуваты зъ Ярошемъ та зъ Патрокломъ. Хай имъ бись! Видбере свою частку зъ батьковыхъ коней, та заразъ же й пиде соби геть одъ ихъ...

Шляхомъ прозъ ихъ пройихалы якись селяне, торохтючи возамы,—мабуть у городъ на базарь.

— Отъ, якъ-бы ци клапоухи стультусы знали, звидки мы йдемо!—сказавъ Патроклъ.—Ого бъ тоди було! Постраждалы бъ ми за правду!

— За яку правду?—спытавъ Романъ.

— А якъ же—за яку? Якъ бы воны знали, звидки мы йдемо, то знали бъ, що мы забралы коней, и се була бъ правда, и за сю правду воны бъ намъ бебехы повидбывалы. Отъ и стражданне за правду!

Романъ та Ярошъ зареготалысь. Всі троє почалы весело базикаты. Романъ зовсімъ забувъ за свои страхи, мовъничого й не сталося.

Уже зовсімъ розвиднілося, якъ вони ввиходили въ городъ. Щобъ ихъ не помичено вкуши, коженъ пишовъ самъ соби инишою вулицею. Але Романъ прыйшовъ такы до Яроша и вдвохъ изъ имъ спали довго—ажъ до пивдня.

Уставши Романъ, пишовъ на точокъ,—не такъ, щобъ заробити, а бильше, щобъ не дуже бачено ёго въ Яроша. Винъ почувався якось чудно. Оде й ничего неначе, а тильки все мовъ щось муляє ёго и таке негарне якесь, нелюбє... И самъ не знає що, ажъ поки згадає: се жъ тая крадижка... Такъ, мовъ вона на ёму высне. Не сказати, щобъ ёму було соромъ, чы щобъ винъ на грихъ почувався, а тильки погано, що мовъ добвнюю надъ собою чуєшъ: отъ-отъ виявяты... отъ-отъ щось погане, важке станется...

Мынувъ день, и вже про ихъ справу пишла поголоска, и на базарі росказувано, що коноводы вбили человека. Романъ сказавъ про це Ярошеви.

— Дурниця!—видказавъ той.—Заразъ изъ тыхъ краивъ бувъ знаємий человикъ. Казавъ, що стукачъ живий. Тильки паморки забыло, якъ я вдаривъ. Кажуть, якъ упавъ, то лежавъ довго, бо такы трохи й голову тее... Та вичується!..

Романови полекшало: хочъ человикъ живий. А все страшно. И винъ спытавъ Яроша:

— А що, дуже шукають?

— Пиды та спытай у тыхъ, хто шукає. Ты вже й боишся? Ого-го! Теперъ хай шукають. Колы первої ночы не піймали, то вже чортового батька знайдуть,—пропало на-вики! Теперъ уже кони трьчи продано. Незабаромъ и грошики получимо.

Писля цієї розмовы Романівъ страхъ десь подився, и вже якщо ёму не муляло. Стукачъ живий, ихъ не найдуть,—чого жъ ище? Незабаромъ Ярошъ оддавъ ёму двадцять карбованцівъ. Продано коней рубливъ за висимдесятъ, бо кони були добри, але частка зъ ихъ припадала Гапонови, а Ярошъ одибравъ тильки п'ятдесятъ пять рубливъ. Си гроши треба було подилити на все товарыство, та Ярошъ давъ самому Ро-

манови двадцать карбованцівъ, щобъ заохотыти ёго до сёго дила.

— Бачышъ, за одну ничъ двадцать карбованцівъ заробывъ! Будешъ розумный, то ще й побильше зароблятимешъ.

Романъ и самъ уже бачывъ, що це и добрий, и легенъкій заробитокъ. Такъ ловко багато грошей мати! Романъ купывъ соби пиджакъ, пальто,—прычелурывся трохи. Ну, а теперъ що?

Винъ спершу такъ думавъ, що якъ визьме гроши, то буде зъ чого жыты,—тоди покыне Ярошъ и знову службы шукатыме. Колы такъ думавъ, то такъ изробити треба, хоча теперъ уже винъ чогось трохи байдужый до цѣго ставъ. Ну, а въ тимъ,—треба жъ!..

Пишовъ знову туды-сюды... походивъ, попытавъ... Ниде ничего нема й теперъ... Се дратувало Романа. Всі ёго мріи про те, щобъ зробитися паномъ, выбывши зъ мужыцтва, блидлы й зныкалы... Ни зъ чымъ не щастыло! Оце ёго й дошкуляло. А щобъ не такъ було дошкуланне чуты, брався Романъ до чарки, и скоро брався, то незабаромъ було все добре...

А гроши не довго держалися въ рукахъ. За малай часъ у Романа стало ихъ саме стильки, скильки було тієи ночи, якъ ишовъ по кони до батькового двору. Заробитку не було, та Романъ уже й не шукавъ ёго. Винъ просто пишовъ до Яросха и тієи жъ ночи, вкупи зъ имъ, знову подався на здобытки...

Не мишло й мисяця, а вже коноводы прыняли Романа до свого згодійського товариства.

Товариство се теперъ складалося зъ восьмохъ чоловика, рапочуучи й Романа. За отамана бувъ Ярошъ—зручный, смілый и хытрый коноводъ. Винъ умивъ завсигди выкручуваться зъ усякыхъ, навить найважчыхъ, справъ и хоча за свій викъ чимало переводывъ коней, але до рукъ судови потрапывъ тильки разъ, да й то такъ самотавъ, заплутавъ справу, що вийшовъ зъ суду неосуджений. Самы коноводы дуже ёго берегли. Не одного разу такъ було, що за Ярошеву справу видсыжувавъ хтось іншій и видавъ винного, але мовчки прыймавъ и видбувавъ кару, знаючи, що виказувати ни на кого не треба, а надто

на отамана. Не скаваты, щобъ вони ёго любылы, але поважалы й боялся дуже. Поважалы за злодійське заввятте й смилисть—такъ саме, якъ поважають промижъ себе люде палкого робитыка, чы смилога вояку. Слухалысь ёго невидмовно, и винъ умивъ порядкуваты надъ людьмы, умивъ нагнаты страху и на-каратаы—колы треба. Не вмивъ жалиты, але сёго видъ ёго нихто й не сподивавсь, а навпаки: всякий, знаочы, що винъ ёго не пожаліе, слухався дужче. Черезъ се ни въ одному товарыстви злодійському на всю округу не було такого ладу й послуху, якъ у Яроша.

Товарыство здебильшого не вкупи ходыло на здобытки, а такъ, що одна частка йшла зъ Ярошемъ, а друга зъ Патрокломъ або зъ Левдыкомъ. Хвыгуроўскій, дякивъ сынъ, справди колысь учывсь у семинаріи, але бувши вже въ підстаршому класи, напывся якось укупи зъ товарышами горилкы и, п'янны, вyllаявъ ректора, а инспектора штовхнувъ. Ёго выгналы зъ семинаріи, та ще й зъ „вовчымъ билетомъ“, що бильше вже нікуды й не мавъ права піти вчытися. Та винъ и не мигъ-бы сёго зробыты, бо въ семинаріи вчывся коштомъ духовенства, а въ батька грошей на науку не було. Вернувшись винъ додому,—батько такъ на ёго напався, що хлопець утикъ зъ дому въ городъ шукаты якогось заробитку. Але выгнаному семинарови не такъ лежко було ёго звайти, а, надто, ще винъ звикъ пыты. Черезъ те винъ якъ и знайшонъ роботу (въ якісь кантори пысарчукомъ), то не довго на ій удержався. Почавъ тоді міняти одну службу на другу: бувъ и прыкащикомъ, и листоношюю, и кондукторомъ на залізныци, почынавъ бувъ торгуваты дрибною кошіяшною бакаліею, але скризь ёму не щастыло: або погрызется въ хазяїномъ п'янны, або въ раҳункахъ наплутає (собі на корысть), або ще щось... а бакалію свою, дакъ винъ здебильшого пропытвъ. Нарешти зробився вже випъ пысаремъ шынковымъ: за кільки десятківъ копіекъ, чы за пивкварты пысавъ не-пісьменнымъ селянамъ усяки „жалобы“ та „прощенія“. Въ одному зъ цихъ шынковихъ доля й звела ёго зъ Ярошемъ.... У товарыстви ёго поважалы, що „вченый“ та що здоровий: винъ мавъ

вельку силу и своею дужистю не разъ ставаъ товарыству въ прыгоди. А що бувъ и смилый, то Ярошъ часто прыручавъ ёму замисто себе отамануваты въ тому гурти товарыства, якій ишоъ на здобыткы окремо.

За се зъ Патрокломъ ворогувавъ Левдыкъ—добрый и хътрый коноводъ, але ще гиршый пъяныця, нижъ Хвыгуроўскій. Якъ винъ бувъ тверезый, то Ярошъ завсигды ладенъ бувъ прыручыты отамануванне ёму, але якъ напыдавася, то вже не кому, якъ Патроклові. Це дуже брало за серце Левдыка, и винъ, упывшись, часто заходывъ у сварку та въ бійку зъ Патрокломъ, а надто, що той ище й дражнывъ ёго разъ-у-разъ та лаявъ не зрозумилымы латынськымы словами.

Але и Патрокль, и Левдыкъ булы ривнымы зъ іншымы товарышамы, якъ доводылося дилыты здобути видъ крадижки гроши. Тильки отаманъ мавъ бильшу частку.

Оприче товарышывъ, булы ще й такъ соби помишиныкы: цихъ не прыймано до товарыства, воны навить не зналы, що ѹе спілка, але клыкано ихъ, колы треба було на помичъ у якій справи, и за те имъ плаченю. Зъ-межы цихъ людей часомъ выбиравы соби годящого и до товарыства прыйняты. Такъ було й зъ Романомъ.

Такыхъ товарыствъ на широкому простори нашої земли було не одно: воны мовъ ситкою покрылы ввесеъ край. Кожне мало свого отамана, було самостайне, и кожне мало свою округу, свою частку земли, территорії, и тильки на сей частцы товарыство й мало право робыты свое дило. Скоро воно переступало межу, захоплювало щось зъ террииторії сусиднього товарыства, то съ ѹёго заразъ повставала промижъ двома товарыствамы сварка, а часомъ и бійка: колы одно товарыство ловыло людей зъ ишого на вчынку на свої земли, то безъ жалю было ихъ и прогоныло. Подиль сей краю на часткы бувъ давній, и те чы інше товарыство, обороняючы свои межы, поклыкалося на те, що се ихъ частка „зъ давнихъ давенъ“...

Але було де-що, що й зъязувало промижъ себе товарыства: воны одне одному пособлялыш переводыты яко мога дали видъ

крадижки кони и продаваты ихъ. Крадучы Ярошеве городянське товарыство кони, не вело ихъ продаваты въ свій городъ, а передавало иншому товарыству, а те часомъ зновъ иншому, и бували таки выпадки, що за одни сутки вкрадена коняка о誓言ся за якихъ двисти верстовъ, у третій уже губернії. Въ цій справи дуже пособлявъ Гапонъ. Самъ винъ коней не бравъ, але мавъ двохъ дорослихъ сынивъ и въ-купи зъ ими передержувавъ краденихъ и одводивъ ихъ до іншого товарыства, або й просто на продажъ. И Гапонъ, и божне інше товарыство, продавши кони, зоставляли соби звичаемъ установлену частку грошей за „комиссю“, а все інше передавали тому, видького малы кони. И такъ гроши передавалися ажъ доты, поки доходили до того товарыста, яке вкрало кони. Контролю тутъ, звісно, не могло бути, але всимъ коноводамъ дуже залежало на тому, щобъ по змози все було безъ одурювання, и черезъ те ци справы роблено бильшъ-меншъ чесно. Врешти коноводы за всигды знали, скильки за яку коняку можна бъ узати, то вже коли грошей прыходило менше, часомъ сварылися, и це прымушувало іншихъ бути обачнинами й чеснишими.

Такымъ ладомъ складена спилка влодійськихъ товарыствъ була страшнимъ ворогомъ мужыкови. Кинь та виль—то буды, писля земли, два найголовниши пидвалини въ хыстей, непевній будивли вбогого мужыцького добробуту. Нема ихъ у хазяина,—пропацый чоловикъ, бо въ боротьби за змогу жити вже ничымъ ёму подужувати ти перешкоды, яки винъ завсигды мигъ подужати тильки зъ своими стародавними помишныкамы—конемъ та воломъ. Тоди вже винъ не хазайнъ, а за малымъ не старець, що ходить по заможнишихъ людяхъ та выпрохує тієи скотыначки на день-два... Тяжко прохати, а ще тяжче люде дають, та й дають не тоди, якъ треба... И хазайство руйнується...

А коли й пощастиТЬ, писля того лыха, загорювати працею-кривавыцею на яку худобину,—гляды, тильки почавъ чоловикъ трохи выбыватися нагору зъ грузького болота вбозтва, а вже набиглы знову лыхи люде, забрали й те, и зновъ венча-

слывый господарь пирне въ тее болото ажъ на дно, та такъ пирне, що иноди тамъ и зостанется на-вики...

Отъ черезъ те коноводы, поручъ въ паліамы, булы завсигды нашому селянови найлютишымъ ворогомъ. Якъ вовкъ набигає на село, хапає що зможне и зновъ утикає, такъ и тіи коноводы. Якъ до вовка не малы селяне ніякого змилування, ніякого жалю, такъ не малы воны ёго й до коновода. Абы попали, то вже такъ ёго не пускалы. Що тамъ судъ! Судъ ёго хочь и засудить на риць, чы тамъ скильки, въ острогъ, дакъ що зъ того? Выйде злодіяка на волю да й почне мститися на людахъ, то ще гирше имъ буде, вижъ якъ ёго судъ и не каравъ. Хиба жъ мало такого бувало, що коноводъ, одсыдивши въ острози, прыходывъ у те село, де ёго піймано, та й палывъ ёго такъ, що й зовсімъ усёго ришалыся люде? Черезъ те селяне каралы такого злодія самы.

Середъ коноводивъ разъ-у-разъ оповидано страшну й правдыви прыгоды зъ тымы злодіямы, яки потраплялы до рукъ селянамъ. Піймано одного середъ степу, якъ у-ночи хотивъ забраты кони, та заразъ же кыйкамы ёго и вбыто. И такъ люто быто, що всёго на гамузъ потрощено, зъ людського тила зроблено страшну купу кистокъ, мяся й кровы. Найдено сю купу на полі, довго полыція шукала, хто се зробивъ и кого се вбыто, але ничего не могла знайты. Знало хто й кого багато людей: знали про се коноводы, але мовчали, щобъ самыхъ себе не выявывали; знало чымало селянъ, та хто жъ бы зъ-промижъ ихъ ставъ выказувати?

Але все жъ убывати було небезпешно: могла выявиться справа, и тоди вывни йшли на Сибирь. Черезъ те коновода карано здебильшого инакше: быто й мордовано такъ, щобъ уже здоровле не могло до ёго вернутися, и винъ або въ тюрми, або незабаромъ писля hei попрощався зъ цимъ свитомъ и не мигъ уже бильше никому шкоды. И якъ тильки не мордовано беззасныхъ! Одному повыкручувано руки й ноги, другого пеклы сирники, третьому стягли и звязали до-купи голову зъ ногами и такъ покинули лежати всю ничъ... Выга-

далы ще такъ быты, що прызначивъ на тили не було, що быто,—нихто тоди й не прычепытса. Визьмуть, прывъяжутъ чоловика спиною до дошки, а тоди пиднимуть дошку зъ имъ та й вѣдають на землю. Пиднимаютъ та й вѣдають,—ажъ покы вдовольнятса. На тили нема ніякои прычакы, що вбыто, а въ катованого коновода все въ середыни повидрывається. Мало та-
выхъ, що виживали писля того дового.

Громадянство виїдало, виїгдало зъ-промижъ себе людей, що не змогли зъ имъ шоладнати, не змогли знайти соби „чеснога“ шматка хліба—чи то черезъ нещасливи обставини осо-
бисти, чи черезъ взыскуванне іншихъ, чи черезъ нещасте
мати спадщиною видъ батькivъ и дидивъ нахильнистъ ламати загально додержувани закони власносты. А си виїнути зъ зви-
чайного ладу люде мстылися тоди на громадянстви, ставали ёму ворогомъ и завзято боролися зъ имъ—чымъ могли. Такъ сїме боролися за право жити, истинувати, якъ и громадянство.

Такими людьми були й коноводы. Вони нападали на му-
жыка, а мужыкъ оборонявся. Щобъ мати зъ чого жити, вони виднимали въ мужыка способы до ёго життя, а мужыкъ одни-
мавъ у ихъ житте, чи прынаймни здоровле, волю. Се була по-
всякчасна боротьба, війна, часто кривава, а гирша за звычайну
війну тымъ, що вона николи не кинчалася згодою...

Романъ такожъ прыставъ до цієї війни и незабаромъ зро-
бився завзятимъ у ій воякою. Дужий, зручный, смилый и на-
хабный,—винъ подужувавъ скрізь и щасливо вискачувавъ зъ
небезпеки. Въ своему товариству винъ бувъ дуже користный
чоловикъ ще й тымъ, що винъ бувъ зъ Дыбливъ. Ярошеве то-
вариство такъ добре вичистило свою частку повиту, такъ
обурило проты себе мужыкivъ и прымусило ихъ день и ничъ
берегты свои кони, що вже треба було трохи перечасу-
вати, покы все це затихне та покы мужыки розживутся
на нови кони. Сами Дыбли якосъ заставалися доси незаймани.
Романъ зновъ тамъ коженъ дверъ, кожного хазяина и черезъ
те бувъ чудовимъ проводыремъ товариству. Незабаромъ писля
першої крадижки воно дуже щасливо вивело ще четверо коней,

а толи зновъ трое... Романъ мавъ добрый заробитокъ, жывъ на окремій квартирѣ,—у тыхъ же такы Ривчакахъ,—передъ людьми удававъ, мовъ ходывъ на якусь тамъ роботу, а справди мавъ тильки одно дило...

Жывъ добре, не сподиваючися биды, чы то не думаючи, забываючи за неи.

Але вона за ёго не хотила забуваты.

IV.

А що жъ тымъ часомъ робыла Левантына?

Левантына заразъ же почула про те, що сталося зъ Романомъ: якъ ёго шаймано зъ саломъ, якъ изъ ёго знущалыся. Теперъ уси ти, що имы винъ гордувавъ, булы ради видичыты ему за те гордуванне лайкою чы глузуваниемъ. А найбильше нападався на ёго ридный братъ Денысъ. Той бувъ такий люткий на Романа, що николы про ёго доброго слова не мавъ, а ганьбывъ, ажъ люде дывувалысь, що братъ на брата такъ устae. Звисно,—казалы,—Романъ ледацо, нероба та ѹе й злодiйкуватый, але жъ и Денысови пе годылось бы вже такъ на ёго нападатыся. А инши обставали за Дениса, кажучы, що такого, якъ Романъ, и мылуваты не можна,—де жъ такы!

Усе те мусыла слухаты й Левантына, слухаты й мовчаты. Озватыся словомъ за Романа вона не смила. Уже й такъ про неи та про ёго слава пишла, а то ѹе гирже буде. Треба мовчаты, нibly згожується.

А серце не згожувалось, пе могло згодыться зъ тымъ. Ёму Романъ здавався іншимъ.

Се погано винъ зробывъ, що сало узявъ у батька, та ѹе жъ се дило пе таке вже й страшне. Та'дже разъ-у-разъ и дочки й сыны беруть зъ дому нышкомъ на складки и яйца, и борошно, и сало, и курей—усачыну. Якъ довидаеться батько,—погримае трохи—та й усе. И вси про це знають, и дарма. А тутъ яку бучу збылы: злодiя зъ парубка вчынылы, хотили въ

хомодну посадыты, ризкамы быты! Чы то жъ по правди? Звисно, Романъ не на складку бравъ, а такъ... Але жъ... то жъ изъ дому, тамъ же й ёго, Романова, частка була. Хочъ и погано, та якъ же жъ було ёму не взяты, колы ёму въ дому ничего не давалы? Прохавъ же, щобъ оддилыты, дакъ ни! А якъ бы се гарно було! Романъ казавъ ій, шо тоди бъ заразъ почавъ торгуваты бакалею... и воны побралыся бъ... А теперь—що сталося? Хто выненъ? Денысъ та батько й вынни... Зинько-ни, бо винъ добрый: тильки винъ самъ и оборонявъ Романа, Деныса спынявъ...

Такымы думкамы сylкувалася выправдаты вкохану людыну бидолашна дивчына. Вона сама почувала, шо трохы вону не такъ, шо и Романъ гришны у всій цій справи съ симъю... Та на ёго и такъ уси начадаються,—невже жъ и вона ще нападатымется? Вона, шо такъ ёго любыть?!

А любыла вона ёго дуже. Такъ ёго любыла, шо все видала!...

И що жъ теперь буде? Невже Романъ такъ іи й покывувъ и не верпется бильше? Ни, ни, сього не може буты, вона тому певна. Звисно, не може жъ винъ теперь знову вернутыся сюды: такъ ёго згавъблено! Випъ пишовъ у городъ, шукае тамъ соби службы. И певне найде: городъ—не село. Хочъ, може, й не видразу, бо кажутъ, и тамъ попошукаты ще треба. А якъ найде та влаштуетса, то й прыйде по неи... або просто поклыче іи до себе... Тамъ воны звинчаються та й жытымуть соби любо, забувши про це село и про недобрыхъ у ёму людей.

Тильки, колы бъ швыдче винъ се зробывъ, щобъ не спизнывся. Бо якъ спизныта—ой сорома велыкого, сорома вазнае вона тутъ на сели! Де жъ такы: покрытка! Яка маты, скажутъ, та-ка й дочка. Уже жъ якъ ій выбывалы очы тію безщасною матиррю, то мабуть іи души й на тимъ свити нема впокою! А тоди вже й поготивъ. И погане цуценя гавкатыме.

— Ой, Романе, Романочку! який ты гарный, шо я й душу тоби видала, а який ты недобрый, шо не пожаливъ и ви-вочку дивочого! Якъ бы не се,—дожыдала бъ тебе, выглядала бъ

тебе сниваючи, смило бъ у вичи всимъ дывылася, не боялась бы за тебе словомъ озватыся, видъ лыхыхъ ворогивъ тебе оборонты! А теперъ... Та вже не вернешъ!.. Тильки жъ пожалій мене, пошануй мене теперъ, бо ты жъ мени теперъ и батько й матинка, и дружына вирная. А я жъ тоби вирю, а я жъ тебе дожыдаюся!

Вирыла й дожыдалася...

А про Романа не было й чутки. Дыблане йиздилы на базаръ не до миста, а до блызького велького мистечка, то мало що й зналы про той городъ—якъ тамъ и що тамъ. То й про Романа ничего не зналы: якъ пишовъ, то якъ вода вмыла. Левантына вже й прыслушалася й прычувалася, вже й роспытаувалася де кого обережно,—ни, ничего не чутъ.

Мабуть ёму, бидному, не щастить тамъ, мабуть винъ шукае, та ничего знайты нѣ може. Се бувае. Онъ Стецько Гаврыленко розсказувавъ, що одного разу два мисяци тильки й живъ зъ того, що на поденній колы-не колы зароблявъ... такъничого й не добувсь у городи та й вернувся до-дому. Колы бъ сього й Романови не було! Поможы ёму, Маты Божа!

А мисяци мынали.

Отъ и Риздвани свята. Яка рада звычайно Левантына Риздвянымъ святамъ бувала! Якъ весело, выпросившися, вымоловиши въ хазяйки, бигаты зъ дивчатами по селу, колядуваты, сміятыся, гуляти на воли!.. А сього року й колядуваты не пишла: сказала дивчатамъ, що хазяйка не пустыть. Може бъ и пустыла, та Левантына й не пыталася.

Вона все дожыдала: може Риздвяными святами Романъ прыйде. Може доси вже службу добру мае, то й прыйде зъ ро-дичами помыртыся. Вона позырала черезъ тынъ до Сывашивъ у дверъ и вбиралася въ святный день, думаочы: прыченурюся, щобъ крашою буты, а може...

Та ни, нема... Мынувъ новый рикъ, мынуло Водохрыще... Уже й не буде...

Пишовъ не попрощавшися... Невже жъ и побачытыся не доведется? А що жъ изъ нею буде?

Сумна та нерадисна збигла зима, не було радиснише й по весни. Сонце зъ неба сміється, а въ Левантыны ряснымъ дощемъ слёзы капають; квітки радисно витаютъ жытте молоде, а Бидолашна свое жытте прохливає... Дивчата надъ ричкою веснянокъ вигукують, и далеко-далеко несуть ихъ голосъ ленетлыви хвали, а безпачасній Левантини не до спиву, въ неї одна думка—тяжка, пекуча...

Такъ, вона повинна стать матиррю...

Матиррю! Не матиррю, щасльвою своїми дитьми, не дружиною, радисною зъ свого чоловика, хазайкою у власній хаті!.. Охъ, яке се велике, велике щастє!.. Але не такою вона буде.

Не пышатися вона буде своею дитиною передъ людьми, а ховатися зъ нею, очей не сміючи звесты на людей!

Соромъ!.. Ганьба!..

А за вищо? Невже се такий великий, непрощений грихъ? Хиба то не Богъ изробивъ такъ, що дивчина стає жинкою, матиррю? Якъ бы Богъ хотивъ, щобъ у самихъ тильки винчанихъ були дити, то Винъ бы такъ і зробивъ. А то жъ не зробивъ! За що жъ люде карають, глузують, знущаються?

Левантини не могла зрозумити, не могла пайти видповіди на ти питання, тильки мучилася ими тяжко, мучилася уже самими думками про те лихо, що мало іще прыйти, впасты на неї.

А лихо йшло по малу, не поспішаючись, але не перестаючи наблизатися, немынуче, невблагане. Бидолашна що-дня оглядала, навить міріла поясомъ свій станъ і плакала, плакала... Скоро вси побачуту!..

Вона того не знала, що цикави давно вже побачили, давно вже плели про неї всячину. Не знала, ажъ поки сама почула одного разу. Розмовляло двое дивчать на вулиці и не помитили, якъ вона наблизилася, бо темно було. Вона почула, якъ Хымка казала:

— Гляди, щобъ і зъ нею не було такъ, якъ зъ Левантиню?

— А що?—попытала Вустя.

— Ого, дурка! Хиба ты не помитила?

— Або жъ ни!

— Такъ змарнила зъ облыччя, а стапъ якъй повный—
скоро ходытыме, якъ та копыця.

Тикала видъ ихъ, земли пидъ собою не чуючи, и рыдала
тяжко, страшно, забывшися головою въ солому въ тій самій
покитди...

Господи! Невже винъ покынувъ іи? На поталу ворогамъ,
на глумъ, на ганьбу! Хочъ бы роспытаты въ кого про ёго,
хочъ бы довидатыся—де винъ, що винъ!

Незабаромъ на сели почалы рассказуваты, що Романа въ
городи нема, що винъ покынувъ свій край зовсімъ, а пойихавъ
на службу въ той городъ, де бувъ салдатомъ. Сплівъ хтось, якъ
звычайно плетутся середъ людей усяки неправдыви звистки.
А Левантына поняла тому виры.

Отъ теперъ вона знае, що покынувъ, забувъ. Колы такъ
далеко пишовъ, то ве вернется.

А може... Може такъ трапылось, що тутъ ниде не мигъ
роботы звайты, мусысь податыся ажъ туды, де ёго знаютъ и
дадуть роботу. Тоди вернется и визьме Левантыну.

Хочъ бы якъ безнадійно все стояло, а людина завсігды
сылкується вдержаты въ себе хочъ крыхтыну маленьку надію,
тихъ солодкыхъ пахощивъ зрадливыхъ, що завертають намъ
голову, абы мы не такъ гостро почувалы мордування невблага-
ного, немылосердного жыття.

А часъ минаявъ. Бачылы вже вси Левантынене лыхо. Див-
чына ховалася видъ людей, але видъ хазайки не могла скова-
тыся. Уже ій та що-дня вычытувала.

Наблыжалысь жыва. Левантына повинна була въязаты.

Одного разу ввечери вона пишла въ хыжку щось узяты.
Вразъ почула гострый страшныи биль, що пронизувавъ укесь
жывитъ и кръжи. Такъ заболило, шо ледве встояла. Але
тильки на мыть, бо заразъ же й перестало.

Левантына зрозумила, що почынается те страшне. Хочъ
вона попереду знала, що се немынуче, що воно вже наблизылося,
але думка, що се буде ось заразъ, сёго вечора, що вово вже
почалося, обняла іи мовъ огнемъ. Не думаючи, не розбираючи

що робить, Левантына кинулася зъ хыжки, вискочила зъ двору и побигла ажъ на другой кинець села.

Бигла,ничого не тямлючи, не бачучы, середъ темрявы. И вразъ почула знову той биль, ще страшниший, захыталася и впала, не вдержавшися видъ швидкого бигу. Упала просто жывотомъ на якусь колоду вельку, що лежала підъ хатою и мало не зомлила зъ болю.

На щасте никто іи тамъ не побачивъ. Очутывши, підвелася и попленталася уже помалу. Сама не думаючи про те, якось забигла вона ажъ на той кутокъ, де жила стара баба Олійничка, іи хрещена маты. Пизнавши іи хату, ввійшла въ сини и не зважувалася йти дали.

— Хто тамъ?—запытала баба зъ хаты и заразъ же видхыла двери.—Левантыно!.. Чого се ты ховаешся?

Левантына вступила въ хату и впала баби до нигъ.

— Матиночко-голубочко!..

Новий биль перепынывъ ій слова...

Вночы Левантына породыла кволу дочку...

Стручыха довго дождалася зъ хыжы Левантини и не могла диждатися.

— А вже мени ся проклятуща дивка! Пиде та й сидить,—бодай ты тамъ каменемъ сила! Ой пиду зажену такъ, що ажъ спотыкатимется!

Шипла, але хыжка стояла видчинена, а Левантини не було. Стручыха почала гукати,—не озвывается.

— Мабуть побигла на вулыцю! Тильки й справляє побигуци! Бодай тоби ноги поплутало!

Лягла спати люточы и присягаючись одлатати завтра Левантину такъ, щобъ довго згадувала. Але и вранци Левантини не було. Сыпала тоди проклонами, мовъ горохомъ зъ решета.

— А, идолова байстрюча порода! Сїме передъ жнывами кинула, сучого выводу дивка! Бодай ты скрутилася и круга свиту пишила, якъ ты видъ мене пишила! Щобъ тоби руки покорчыло та посудомыло, якъ ты мени роботу кинула!

— Кого се такъ вы кленете, кумо? — озвалася зъ вулыци до Стручыхы іи кума Вивдя.

— А кого жъ, якъ не ту свитопоганку Левантыну, бодай бы іі всю болячкамы взяло! Покынула мене сâме въ жныва.

— Эге, вже й не вернется, кумо! — одказала Вивдя. — Кажуть, у бабы Олійнычкы зъ дочкою лежыть.

— Та невже? Отъ я жъ ій дамъ!..

И хочъ рбота ажъ крычала, а Стручыха такъ и метнулася изъ двору.

— Куды ты, дурна? Куды? — крычавъ Струкъ, але не пособляло: распальцывшися баба, бигла вулыцею якъ скаженца. Струкъ подывывсѧ ій у слідъ, плонувъ: — Ну й бисового заводу!... Зъ гадючыхъ спынокъ изшыта!..

А Стручыха тымъ часомъ уже була далеко. Вбигла до Олійнычкы въ хату така лута, що забула й поздоровкатыся зъ господынею. Левантына лежала на полу, биля неи дытына. Старенька сухорлява бабуся поралася по хати.

— А, ты тутъ, голубочко! — зашыпила Стручыха до Левантини. — Бачъ, якъ по-панському вылежуются! Людямъ жныва, а вони видпочывають, нажырувавшися зъ панычемъ, та зъ лялькамы панькаются! Шо жъ, паныча, чы панночку — яку цяцю вабигалы? Бодай бы воно тоби попухло!

— Ось слухайте, Секлето! — озвалася до неи поважно бабуся. — Вы не кричить такъ! Се вамъ не своя хата, а чужа. Та й дытыны не зайдмайте, бо воно вамъ ничымъ не вынне. Воно якъ янголятко, а вы до ёго зъ нечыстымъ словомъ. Ось якъ выдужае Левантына, тоди вже зъ нею будете говорыты. А теперъ або сидайте та гомонить по-людському, або йдить соби зъ Богомъ!

— А бодай бы васъ усихъ лыха годына забрала! — крикнулы Стручыха и прожогомъ вынулася зъ хаты, грукинувши дверыма такъ, що й шпаруны посыпались.

Уже жъ и лаяла вона Левантину кожному, зъ кымъ стривавалася цымы днамы! Бабы похытувалы головамы й казалы:

— Боже мій, який світъ наставъ! Таке молоде, а таке непоштыве! Якъ мы булы молоди...

И вони починали хвалитися, яки то вони гарни та звичайни були за молоду, и якъ тоди все добре було, а не такъ, якъ теперъ, що парубокъ изъ дивчыною тильки моргнули одне на одного,—вже й дытыну нарядыли.

Судылы Левантину, глузували зъ неи, а такыхъ, що жалили, було мало. Жаливъ и парубокъ одынъ.

Сей одынъ бувъ Зинько.

Несмилывый зъ дивчатами, такъ винъ и не зважився тоди заняты Левантину. А тамъ занявъ іи Романъ... Ночуючи часомъ изъ имъ удвохъ, винъ помитывъ, що той будьсь уночи ходить, а одного разу побачивъ ёго зъ Левантинною и зрозумивъ що до неи саме пропотягъ Романъ стежку.

И ёму зробилось жалко й сумно..

А дали почали про Левантину та про Романа говорыти всячыну, надто, якъ той пишовъ зъ села. Зинько почувавъ, що сёму може буты й правда, и зновъ ёму стало сумно й жалко дивчыни. Стравши іи одного разу саму, хотивъ поговорыти зъ нею. Та вона засоромилася, щось на-швидку видказала и втекла. Зъ того часу обмынала ёго.

А теперъ винъ дочувся, що сталося. И самъ не зневъ черезъ вишо, а обнявъ ёго такий жаль, мовъ за сестрою ридною. Пропала дивчына! Загрызуть іи, заклюютъ. И якъ же не грихъ Романови, що занапастивъ іи? Занапастивъ и винувъ, бо се уже видко, що винъ до неи не вернется. За що жъ загибне молоде, ничымъ не вынне житте дивоче? Ёму бъ красуватися та пышатися, якъ квитци пидъ теплымъ сонечкомъ, а отъ-же мусить гинуты.

И де дали Зинькови все жалчише та жалчише Левантини було. И немовъ усе кращою та дорожчою вона ёму ставала. Винъ и самъ не зневъ, чого се ёму такъ, що винъ не спить ночами и все думає про Левантину. Думає, якъ бы лыхови запобигти, якъ бы ій посодити. Але якъ бы жъ? Колы бъ винъ зневъ!

Пити въ городъ, знайти Романа, розскказати ёму про все, посоромити, щобъ винъ вернувся та взявъ іи? Такий Романъ,

що послухается! Ничого зъ того не буде! та кажуть же, що ёго й немае въ цёму городи, що вже подався кудысь.

А безъ ёго—хто теперъ іі визьме? Ще добрe, колy знайдется який старый удивецъ зъ купою дитей, то хочъ за имъ поневириятися. А то й того не буде. Бо хто жъ тавыхъ берe?

Але жъ хыба то по правди? Хыба вона така пегарна дивчына? Хыба сёго не може буты зъ кожною? А вона жъ ѿй сырота: никому було іі доглянуты, напутыты, остерегты. Може вона багато липша, нижъ яки дивчата, що чеснымы замижъ пишли, тильки що понила виры такому... Дақъ чому жъ бы не знайшовся такий чоловикъ, що взявъ бы іі?

Тому, що не всi такъ думають, якъ винъ.

Ну, а винъ думае такъ, якъ треба, то... Чому бъ винъ не мигъ іі взяты?

Винъ почавъ думати про се, и чого не могло зробыты молоде парубоцьке почуванне, те робывъ теперъ глыбокий людянный жаль...

Але жъ вона любить Романа! Чы любить-же? Теперъ, якъ уже побачыла який винъ есть?

Зинько мигъ-бы буты щасливый зъ нею, та й іі було бъ добрe.

А смiятымутся зъ ёго?

Огтакъ! А хыба не смiются зъ того, що винъ горилки не пье?

И де-дали винъ думавъ, то все бильше й бильше ёму здавалося, що такъ и треба зробыти.

Довидавшися, що Левантына вже встала зъ пологивъ, винъ перечасувавъ ще кильки день, а тоди пишовъ до неї.

Бабы Олiйнычки въ хати не було, якъ Зинько туды прийшовъ, а Левантына саме сповышала дытыву. Побачивши парубка, страшенно збентежилася, почервонила и не знала, що іі робыти й казати.

— Здорова була, Левантыно! — промовывъ до неи Зинько, але въ неи тильки губы заворушылъся, щобъ одпогисты на прывитанне, а вымовытыничого не могла.

— А що, бабы нема дома? — пытавъ дали парубокъ.

— Нема... — ледви вымовыла дивчына.

— То й добре, мени іи й нетреба, бо я прыйшовъ не до неи, а до тебе, Левантыно.

Левантына почервонила ще дужче, ій чогось стало такъ віяково писля цыхъ сливъ, що вона ладна була бъ крізь землю пити.

— Сидайте!.. — прошопотила, не дывлючясь на ёго, и не виходила видъ полу, нахлынившись надъ дытиною, мовъ усе іи сповывала. А Зинько й соби не знатъ, якъ ёму початы и сидивъ мовчки; почувавъ, що такъ же неможна, що мусить же озваться, а не знатъ якъ. И врешти несподивано соби самому, вставъ и пидійшовъ до Левантини.

Вона стояла спиною до ёго и не обернулася, тильки голова іи скхлылася піс ныжче.

Зинько ставъ била неи, и вони вдвохъ нахлынились надъ малесенькимъ зморщенымъ лычкомъ нової на свити людны. Вона спала, якосъ жалибно, болисно скрываючися.

— Левантыно, хочешъ, щобъ я бувъ ёму батькомъ?

Вона почула сей трохи тремтячий голосъ, си дывни за для неи слова, але не могла ще ихъ зрозумити. А винъ казавъ дали:

— Я буду ёму такимъ батькомъ, мовъ бы се моя ридна дытина була. Я николы тоби не згадаю... Я тебе любитымъ й шануватымъ... Пидешъ за мене?

Вона вже глядила на ёго, все ще не разуміючи того дывовижного, нечуванного, несподиваного, що винъ казавъ. И видразу зрозумила.

— Ни, ви! — скрыкнула, оступаючись назадъ, — я не хочу! не хочу!

И простягла попередъ себе руку, мовъ обороняючись одъ ёго. А виавъ, здывований, уражений цимъ гостримъ и несподи-

ваннымъ „ни“, не зная что казаты, мовчавъ кильки мыть, ажъ покы знайшовъ слова:

— Левантыно, хыба я тоби такый нелюбый? Хыба я тебе колы покрываудывъ чымъ? Не покрывауджу й годи, якъ будешъ мени дружыною. Подумай, Левантыно, яве тоби жытте буде—покынутій дивчыни въ дытыною! А пидешъ за мене, будешъ мени жинкою,—я слова не дамъ про тебе сказать. Будешь господынью, якъ и вси.

Голосный плачъ, рыданье озвалося на ти слова. Вона плакала, прыпавши ёму до плеча, обнявши ёго, мишаучы слова зъ слизмы. А винъ прыгорнувъ іі и слухавъ ти безнадійни слова, билылъ угадуючи, нижъ чуючи ихъ середъ плачу:

— Зінечку, братику риднесеный! Не можу я тоби буты дружыною!.. То въ тебе серде золоте, душа твоя свята.. захыстыты мене хочешъ... любымъ своимъ захистомъ... А де же мени тоби дружыною буты? Та зъ тебе люде сміятимуться, просвітку тоби не буде... братову покрытку взявшъ...

— Шѣ мени до людей?.. Хай люде що хочуть говорють, абы мени ты люба була. А кривдыты тебе я не дозволю никому.

— Та людамъ рота не замажешъ.. казатымуть, що скочить, бо на мене теперъ вильно казаты... Не хочу я, щобъ чрезъ мене свигъ соби завъязавъ... Визмы соби дивчыну гарну, чесну,—вона тоби буде дружыною...

— Ты мени мылиша за всихъ.

Перестала плакаты, выпручалася зъ рукъ.

— Сядь, Зіньку, сядь тамъ! Не займай мене!

Сивъ на лави.

— То твое серце добре озывается, такъ каже. Хай тебе Богъ благословыть!.. Щастя зъ любою дружыною дастъ!.. А мене, братику, не займай! Мое вже пропало... Дружыною тоби не буду... николы... Тильки рано й вечиръ молытымусь за тебе...

Стояла якъ биль била, тильки очы ведыкп й глыбоки салы звымись дывшимъ сяевомъ на схудлому, амарнилому обличчу...

А винъ умовлявъ іи, силкуючися добраты сливъ такихъ, щобъ зайнити ій серде зглыбока. И зайнавъ, зайнавъ такъ глыбоко, що може ій самъ того не знати якъ, але не мигъ іи слова побороти.

Зъ тымъ пишовъ зъ хаты.

А вона, сама зоставшияся, похильлась на пиль, прыпала до дытыни та ій занимила... тильки здригалось тило, знеможене хворобою й пекучымъ горемъ, тильки болила душа такъ, якъ ще николи не болила, можъ прощалася зъ усими, що е красного та ясного въ жытти, зъ усими пахоцамы, тепломъ и свитомъ ёго...

Зинько йшовъ и думавъ про те—що ёму робыты. Не любывъ покыдати того, що почывавъ. Постановывъ перечасувати, поки Левантына заспокоится та раздумається, побачить що такъ липше, якъ винъ каже. А тымъ часомъ мавъ порадыться, поговорыти про це зъ батькомъ.

И незабаромъ, бувши зъ имъ на самоти, заговорывъ, що хоче сватати Левантину.

— Якъ то?—спытавъ старый Сывашъ, дывуючися.

Зинько почавъ росказувати, якъ и що винъ про це думає. Старий ажъ росердився:

— Щоцеты, сыну, выгадавъ? Хыба жъ такъ годятся? Чы тоби нема отецькои дочки, що ты якусь хвойду зъ дытыною берешъ?

— То ваша онука, тая дытyna, тату.

— Що ты мени выбываешьъ очи тіюю онуchoю? Хыба я ій величъ Романа до себе пускати? А тоби грихъ великий, що ты надумавъ братову покрытку браты.

Увійшла маты, довидалася, про що мова, и ще гирше напалася на Зинька:

— И не выгадуй меня! И слухати того не хочу! И очи мои на неи не дивлются! Поки я въ хати,—вона въ хати не буде.

Зинько почывавъ сердзться.

— Вамъ хочется багатои соби невистки, а про те не думаете, що вамъ усими треба дбати, щобъ Романичъ грихъ спокутувати, заванащену дивчачу обрятувати,

— Никто іи не завапащавъ! — осгупалася за Романа маты, — сама до ёго бигала. Колы вабигала, то нехай зъ тымъ и панькается, а въ моій хати не буде іи!

— Ясь бы іи Романъ бравъ, — озвався батько, — я не то не бороны въ бы ёму, а ще й звеливъ-бы. Може вона мени й не нидъ мысли, та вже колы такъ сталося, то мусывъ бы. А тоби не годытса, грихъ!

— Грихъ? — сказавъ Зинько. — Ніякого, тату, гриха тутъ нема. Грихъ — покынуты покривджену дивчыну на поталу людямъ; а зробыты ій добро, покрыты тую крывиду, — се не грихъ.

— Авже жъ! — разсердывся Сывашъ. — Ты знаешъ! Мудри таки поробылъся, що за батькивъ розумниши. Споконвику грихомъ було, а теперъ уже въ васъ добромъ стало!

— Не все, тату, те правда, що споконвику правою середъ людей славлено.

— Щить уже краще! Не дратуй мене! Не за насъ воно сталося такъ, не за насъ и перестане. А ты мени те й зъ думки выкынь, бо я того николы не попущу.

Зинько побачивъ, що батько вже ватнувся, то теперъ не переважышъ ёго. Надумавъ покы мовчаты, а самому своеи думки не кыдаты.

А тымъ часомъ у Левантыны новый бувъ клопитъ: дытына нездужала. Баба Олійнычка казала, що се мабуть того, що Левантына тоди внала. Воно до того й пидхоже було, бо дытына кволылася й кволылася та, выжывши тильки два тыжди, й умерла.

Левантына йшла за маленькою труною и плакала гирко. Бо се вже не дивчына була, що ій дытына свить завязала, а була се въ ту мыть уже маты, що втратила частку самои себе...

Другого дни ввечери Левантына пишла до Струкивъ. Увійшла въ хату и несмилово стала биля порогу. Симъя сâме вечеряла, и за столомъ сидила нова наймычка. Та Левантына й сама не хотила жити въ Струкивъ, а за іншымъ прыйшла.

— А, здорова! Чого тоби? — видказала Стручыха пепрыхъльно на іи здоровканне.

— Прыйшла вамъ подякувати за службу, титко, та щобъ вы мени гроши мої виддалы.

— Яки гроши?

— А за вами жъ моихъ заробленыхъ шість рубливъ.

— Ба, яка швидка! Покынула сїме въ жныва, я повинна була за дорогу цину дивку наймати, а теперъ ще й гроши правыть! Нема въ мене твоихъ грошай! Яки булы, то вси писали на дорогу цину оцій дивци.

Се була правда, що Стручыха поедналася зъ новою наймичкою дорожче, вижъ изъ Левантыною, але жъ вона не хотила памъятати, що на всѣму сели никто такъ дешево пезывъ, якъ у неї Левантына.

— Титко, — озвалася дивчына, — а Богъ-же бачыть!

— Шо ты мени тымъ очы выбываешъ? Ичъ, яка языкати зробилася, якъ зъ панычами зазнالася! Іди соби, йди видкиля прыйшла!

Струкъ росердывся:

— Шо ты справди, стара, вередуешъ? Колы дивчына зробила, то виддай! Ну, видверни тамъ, що переплатила Гаици, а то виддай!

Стручыха почала знову веренчати, але Струкъ самъ вийнявъ три карбованци и виддавъ Левантыни. Тымъ і здобрила дивчына замисто шистехъ.

— Циду я зъ цёго села! — думала Левантына, вертаючися до бабы. — Циду свить за очы! Тильки тутъ и ѹе добрихъ людей, що мати хрещена та Зинько, а то хочъ бы воно все й завалылося, оприче церкви божої! Циду, — де знайду роботу, то тамъ і стану.

Выпрохала соби въ волости билета, заплативши за єго два карбованци зъ своїхъ трохъ, поклонилася въ ноги матери хрещеній, за ласку й помичъ дякуючи, та й пишла.

Выйшла зъ села, стала, озырнулася. А на неби сїме сонце сходило та й сыпало золотымъ своимъ проминнемъ и на

хатын биленьки, и на вербы кучеряви, и на далекий темный гай, и на широке поле.. И все що спало або ще сонне було, нерозбуркапе, набиралося силы, жвавости и озывалося до могучого, безъ краю высокого й безъ краю животворчого свитыла тысячама рухивъ, голосивъ, пахощивъ, колиривъ... Мовъ земля здригнулася и заблыщалы и заплескалы хвили свитового жыття...

Тильки въ души въ Левантыны нищо не озалася радиснымъ голосомъ, нищо не прокынулося, опричь ще бильшого блю.

Поглянула на село.

— Не зазнала я въ тоби щастя-доли, тильки слизонькамы стежечки свои зросыла. Нехай ти стежечки зелена рута по-крые, а оця дорога до тебе терномъ заросте, щобъ и нога моя сюды не ступыла бильше!

Пишла не озыраючись.

V.

А тымъ часомъ, покы Левантине боролася зъ своимъ лыхомъ, у Дыбляхъ бувъ разрухъ велыкий и заколотъ. Зродувику не чуты, щобъ такъ коней крадено! Бувало, звисно, що колы-не-колы и вкрадуть... та й то бувало на степу: хлопци поснутуть, не доглянутуть, а воно й поведе. А теперъ се лыха годына та нещаслыва настала. Де жъ такы! Просто въ дверъ пнуть, беруть кони—за малымъ не зъ передъ очей та й ведуть. И не можна спынты, страшно: усяке згадуе, що сталося зъ дидомъ-стукачемъ: провалы голову та й уже. Воно дидъ не вмеръ, та добре жъ, що незручно вдарено. А то й каяють дидови бувъ бы. И то зъ мисядь у ликарни про-лежавъ та й теперъ кволытся. А боронытыся якосъ треба. Но де жъ такы! Тильки чоловикъ зибъеться, стягнеться на ту конячку горюшну, а вже іи й нема й нема. Не можна бидолашному въ пера збытыся. Онь уже въ скількохъ забрано ябни:

у Сывашивъ троє, у Хоменка двоє, у Грыцька, у Оксена.. Руйнують та й годи прокляти коноводі! Уже й засидалы на ихъ, и стереглы,—не пособляется. И не знашъ хто,—хочъ бы видавъ чоловикъ, де шукаты. А то якъ укралы, то вже ѹ пышы пропало.

Найбильше за всихъ клопотався Денысъ. Та й було чого! Скильки працювавъ, дбавъ, щобъ збыться на добри кони, збывся, прыдбавъ и—отъ тоби, маешъ! Въ одну ничъ—якъ вода вмыла. Писля крадижки винъ ажъ плакавъ зъ жалю й злости. И доси якъ згадає, то такъ серце вогнемъ и візьметесь. А надто ще... одно... Та сёго винъ никому не казавъ, не признавався... самъ соби думавъ до слушного часу.

У голову заходывъ, миркуючи, щђ-бъ ёго тутъ изробити. Врешти ёму такы пощастило.

Писля того, якъ украдено коня въ Оксена, то на який часъ затыхло було,—ажъ поки люде забулися трохи та не такъ уже коней берегты стали. А вже такъ писля живъ украдено знову пару добрихъ коней у Денісового кума Терешка Тонконоженка. Скоро Денысъ про халену дочувся,—заразъ пишовъ до ёго. Кумъ такый, якъ хмара. Почавъ ёго Денысъ розважати, а дали й каже:

— Отъ що, куме! Скильки люде не шукали коней,—нихто доси не знаходивъ. А мы давай таке зробимо. Йе въ Чорнобуси знахарь Гостротглядъ. Кажуть, що до ёго багато людей ходить ворожити, якъ кони або волы пропадуть, то якъ скаже де, то тамъ и найде чоловикъ.

— Та невже?—зрадивъ Тонконоженко.

— Й-бо, правда! Угадує, мовъ тамъ бувъ. Ходимъ до ёго!

— А шо жъ ёму треба песты?

— Грошей. Кажуть, що треба положити скилькись тамъ рубливъ.

Кумъ Терешко швиденько вбрається, взявъ громет та й у дорогу вдвохъ изъ Денісомъ. Поки йшли до Чорноуса, то Деніса брала страшения ветерплячка, ще бильша низъ Тонконоженка: що то скаже знахарь?

Увійшовши въ Чорноусъ,—заразъ чотирь волы же не,— вони ёго й пытають за Гострогляда.

— А на що вамъ? Чы не кони шукаете?

— Авже жъ не що!—и вони почали ёму розказувати про свое лыхо и пытати, чы може тутъ Гостроглядъ пособыть.

— Такий не пособыть! Якъ скаже, то якъ увъ око вліпти! Такий знахарь, що на всю округу. Спершу винъ такъ пособлявъ людямъ—одь хворобы, то що, а оце взявся и ва злодіивъ ворожити. Народъ до ёго такъ плавомъ и плыве, бо якъ сказавъ, що ни, то вже ни, а якъ сказавъ, що буде, то то вже въ тебе кони дома.

Балакучый дядъко залюбки розказувавъ, який гарний знахарь Гостроглядъ. Єму до вподобы було, що въ ихъ у сели та живе такий великий чоловикъ,—стъ цилкомъ такъ, якъ городъ тамъ якийсь хвалиться иноди своїмъ славетнимъ ученимъ, чы що. А нашя подорожане залюбки ёго слухали и въ величкими надіями підійшли до знахаревої хаты. У хату вступили не то зъ повагою до неї, а зъ деякимъ навить страхомъ.

Хазяинъ бувъ дома. Сидивъ за столомъ и роскладавъ якесь сущене зилле. И по стинахъ, на килочкахъ, скрізь висило тее зилле.

Увійшовши въ хату,—знахарь мовъ и не чує ихъ и не гляне. Несмільво поставали біля порогу й промовили:

— Здорови були, дядъку!

Знахарь піш пары зъ усть, мовъ никого и въ хати нема. Обомъ гостямъ стало якось моторощно. Стояли и несмільво поглядалы на дывшого хазяина. Чоловикъ ище не старый, зъ невелікою бородою руденькою, въ чумарчыни. Бере зилле и зъязує пучечками. Позъязувавъ усе, що було на столи, зложивъ до-купи. Тоди глянувъ на ихъ.

Глянувъ,—и Денись одразу зрозумивъ, за що Гостроглядомъ ёго прозвано: такий у ёго поглядъ, що якъ зиркне, то такъ тебе й пройме всіго.

— А, здорови, дядъку! Що скажете?

— До вашої милосты!—Гости вклонилися.

— Сидайте та кажить!.. Хочъ я... — прышинывся и такъ
шально на обохъ поглянувъ,— и знаю, чого вы прыйшли, та
все жъ кажить.

Посидалы. Тонконоженко почавъ росказуваты. Гостро-
глдъ слухавъ мовчки, иноди тильки покивуючи головою, мовъ
потакуючи.

Выслушавъ, подумавъ...

— Посидьте тутъ, а я пиду подывлюсь.

Шишовъ зъ хаты. Дожыдаются кумы, и кожна хвилына
того дожыдання за годыну имъ мабуть здается. А знахарь усе
не йде та й не йде. Довго щось дывлтся. Мабуть нелегелька
штука. Гляды, що скаже—пропало.

Рыпнули двери,—Денысь изъ кумомъ здригнулися. Увій-
шовъ знахарь, сивъ мовчки за стиль, подумавъ...

— Такъ-такъ-такъ... Одна коняка була гнида, съ лысы-
вою на лобі?

— Вона!—скрыкнувъ Тонконоженко.

— На переднихъ ногахъ мычки били?

— Й-бо вона!—Терешко ажъ зирвався на ноги, не мигъ
выйсити.

А знахарь спокійно та байдужно казавъ дали:

— А другий кинь вороний,—добрий кинь.

— Ой, добрий!—выгукнувъ бидолашний хазяинъ доброго
коня.

— Такъ... Знаю, де твои кони. Можна знайти.

— Дядьку! будьте мылосердci! Скажить—де! Я вже вамъ
не пожалю!..—прохавъ Тонконоженко, зтурбованый надією по-
бачити знову свои кони.

— Та шо жъ...—байдужно, не поспишаючись одказавъ
зناхарь,—можна й сказать,—абы було за що.

— Та я хочъ и заразъ ладенъ... Кажить—скильки!—по-
спишавсь Тонконоженко.

— Двадцять п'ять карбованцivъ положи,—матимешъ кони.

— Ой, де жъ наче бъ то й дорого буде!—зажурився Тон-
коноженко.

— А кони ще дорожчи. Мабуть за кожного рубль въ по сорокъ давъ.

— За одного сорокъ, а за другого сорокъ и трь.

— Ото жъ бачышъ. А теперъ ще подорожчали кони, то вже за ихъ не висимдесять трь взявшъ-бы, а може й сотню. И я жъ не можу дурно робыти: воно й мени стдить. Та про мене—якъ звѣашъ.

Уставъ и почавъ знімати зъ килочківъ зилля та роскладати на столи, мовъ ёму вже й байдуже про Тонконоженковы кони.

Жалко було Терешкови таку силу грошей давати. Та бачывъ, що інакъ не пособитса. Сиробувавъ ще поторгуватися зъ Гостроглядомъ, дакъ той и не озвався. Довелося витягти гроши. Не було зъ собою всіхъ, дакъ позичивъ ще гъ Деніса. Такъ-сакъ удвохъ наскладали, положивъ ихъ Тонконоженко на стиль. Знахаръ мовъ и не глянувъ на ихъ.

— Сёгодні въ насъ п'ятнадця...—почавъ казати,—такъ... Дакъ отъ-же въ понедилохъ, якъ сонде зійде, пидешъ у Чорний яръ... Знаешъ?—Тамъ будуть твої кони стояти, прывѣзані до великого дуба, що росте посередъ яру, ажъ на дни.

— А якъ не будуть?—несміливо спытавъ Тонконоженко, бо ёму стало страшно: а що, якъ гроши пропадуть.

— Кажу, що будуть, то будуть!—сердито видказавъ знахаръ.—А коли не ймешъ вири, то хочъ и назадъ гроши забері,—мени однаково. Тильки вже тоди й коней тамъ не побачишъ.

Тонконоженко злякався й змовкъ.

— Та никому й словечкомъ не пробовкныся, ажъ поки до-дому кони прыведешъ. Тоди кому хочъ кажи. А скажешъ ранише, то й коней не побачишъ, і самъ биди не myнешъ. Чуешь?

І такъ подивився своїми гострими пронозуватими очима, що Тонконоженкови мовъ по-за спиною снигомъ сипнуло.

Денісъ спытався:

— А чи не можна бъ, задыку, такъ, щобъ и про злодія довидатися—хто винъ такий йе?

— Ге! Чого схотивъ! Буде й того, що кони знайдутся!— одказавъ знахаръ.—Того не можна. Воно, сказати, можна й те, да тильки тоді вже по-викъ вичинъ коней не побачишъ, бо воно такъ, що або про те, або про те можна ворожити,— тильки про одно.

— Та Богъ зъ имъ! Мени вже хочъ бы кони!—махнувъ рукою Тонконоженко.

Попрощалися й пішли. Жалко було грошей Терепкови, та веселыло хочъ те, що кони знайдуться.

Пішли наши до-дому, а згодомъ, слизкомъ за имы, подався й Гостроглядъ. Узявши палыцю, та й пішовъ полямъ та гаямъ зилля збирати. Збираючи зилля, дійшовъ до Гапонового хутора: винъ же бувъ биля дороги въ Чорнодуса въ Дыбли.

— А що, клює?—спытавъ Гапонъ, увивши гостя въ хату.

— Тонконоженкови кони... Ось двадцять і п'ять...— Винъ розсказавъ про те, якъ приходили Терешко зъ Денысомъ.—Двадцятка вамъ, а п'ять рубливъ мої. Нехай ваши хлопци выведуть кони у Чорний Яръ,—такъ, щобъ на цонедилокъ на східъ сонця були тамъ прыв'язани до того величного дуба.

— Ото жъ то й біда мени, що кони вже не въ мене. Бо я знати, що до мене становый мавъ прыйхати за диломъ, дакъ я, щобъ тыхше було, видиславъ ихъ до Лабзы. Та й зъ хлопцями клопить: одынъ хворий лежить, а другого далеко пославъ за диломъ.

— Шкода... Якъ бы жъ я знати, то я бъ инакъ якосъ...

— Ну, та дарма! Мени треба пойхати въ городъ. То перекажу Ярошеви, щобъ хто зъ ёго хлопцівъ вывивъ кони.

— Ото й добре!..

Шрыкатели розійшлися.

А тымъ часомъ Денысъ усе думавъ про знахара. Винъ не дывувався, що знахаръ и кони яки вгадавъ, і все знає, бо черезъ те жъ винъ и знахаръ, що може вгадати,—а дывувався,

якъ ще кони у Чорний яръ потраплють. Де вони тамъ визьмутся? Хто ихъ туды прыведе? Може злодіі тамъ кони ховають? Дакъ ні,—не зручно... Хиба самы прыбіжать? Ни, не впада, бо казавъ захаръ, що кони будуть прывязаны,—уже жъ вони самы не прыляжуться. А хто жъ ихъ прывяжে?

Си думки не давалы Денісови спокою. А що, якъ бы?... А що якъ бы піти та заховатися тамъ поміжъ кущами та й допыльувати—де кони визьмутся? Може такимъ робомъ викрывъ-бы винъ и коновода. Ото було-бъ добре!

Тильки страшно! А що, якъ то нечиста сила туды кони прыведе? Денісь боявся нечистого, хочъ і згавъ, що видъ ёго легко оборонитися хрестомъ, а хочъ бы і не нечистий, а самы коноводы, то хиба тыхъ не страшно?

Та хиба вже такъ винъ и попадется? У тому яру можна такъ заховатися, що й не побачить никто. А то можно вдвохъ изъ кумомъ Терешкомъ піти—охитнише буде. Денісь пишовъ зъ цымъ до кума, але кумъ ніакъ не хотивъ пристати до ёго.

— Ни вже,—каже,—якъ захаръ сказавъ, то такъ і зроблю. А то якъ не послухаюсь, то й гроши пропадуть, і кони не вернутся. И ты, куме, не ходы, прошу тебе!

Денісь сказавъ, що не піде, а самъ свое думає. Такъ-сякъ суботу перебувъ, а якъ прыйшла неділя, то нема ёму спокою: мулє та й мулле ёго той Чорний яръ. Чы йты, чы не йты?

Чы вже жъ такы винъ маленький, що боїтся піти? Що буде, а вже піде!

Уже коли хто кони прыводитиме, то сієї ночы,—підъ по-недилокъ. Винъ піде звечора.

Бильше никому вже винъ не прызнавався. Дома сказавъ, що піде на пичъ у Чорнibusь за диломъ,—выгадавъ уже тамъ дило. Узявъ въ собою добру кьюру и завыдна ще подався въ дому. Поки дійшовъ до Чорного яру, почало вже трохи смеркаться. Озырнувшись, гланувъ геть навкругы полемъ,—ніде ни дялечкы. Тоді тихо пишовъ у яръ.

Зъ поля Чорний яръ здавався просто лисомъ, а якъ увійдешъ у сей лисъ, то се байракъ глыбовий. Дубы, клени, осики,

бересткы та всякий чагарныкъ густо порослы й поспичлювалыся гиллемъ. На полі ще було трохы выдко, але тутъ була вже нічъ. Денысь ишовъ пімацькы, находочы ногамы знаёму вузеньку стежку, росхыляючи гилле рукамы, заплющывшися, щобъ хочъ по очахъ не хвыськало витамы.

Винъ зневъ того дуба, де малы кони стояты и простувавъ до ёго. Але покы дійшовъ, то добре увесь выдъ подряпало. Нарешти выйшовъ ажъ на дно яру,—тутъ була невелычка прогайлёвынка, а посередъ неї той дубъ.

Вельяке старезне дерево, чорайочы своимъ могучымъ стовбуromъ, роскынувшы чёпурно проты stemnilого неба нерухоме шатро сонного листя, стояло якъ и попереду, одыноке, и ніякъ коней биля ёго не було.

Де жъ бы ёго заховатися такъ, щобъ усе побачыты, а самого щобъ не выдко було? Треба недалечко. Почавъ роздывлятися и незабаромъ изнайшовъ соби добру мисцыну поблизу биля дуба, въ кущахъ. Звидты выдко и дубъ, и всю маленьку прогайлёвынку. Видкиля-бъ що не прыйшо до дуба,—воно Денысовыхъ очей не мыне.

Положивъ биля себе кіёкъ и лігъ. Хотивъ закурити, та побоявся: табакъ далеко чутъ, то щобъ не сполохати злодія. Терпітиме вже.

Ну, а що винъ робытыме, якъ побачить злодія? Бида, що темна нічъ. Якъ бы по-видному, то пізнавъ бы хто, чы хочъ бы добре роздывався, колы невидомый. А то якъ на лыхо, и мисяца нема, и зирки за хмарамы не дуже світють. Уже жъ не спынышъ злодія та ве спытаєшся—хто. Погано зробысь Денысь, що послухався кума и никому не сказавъ. Треба було зибрать чоловика п'ятеро людей та тутъ и заховатися,—отодибъ воны вже піймали злодія. А такъ не буде дила.

Чы не вернутися до-дому?

Подумавъ трохы Денысь. Ни, вже буде тутъ! Хочъ побачыть, що буде, а тамъ уже знатыме, що робыты.

Холодне вночишнє повитре було въ яру зовсімъ вожке, и Денысь ажъ камераль одъ ёго. На сели теплише вночи, дакъ

винъ и вдягъ чумарчыну, а треба було добру свыту взяты. Уставъ зъ земли, позастибався гарненько и сивъ, зипершыся спыною на якийсь пень. Разъ-у-разъ дывывся на прогайлёвыну й на дубъ, але ничего не бачывъ. Почкиналы втомляться очы.

По тому клаптыку неба, який выдко було Денысови, снувались хмары; зирки то потопали въ ихъ, то знову вырынали, ледви блышающы.

— Ще дощъ буде,—подумасъ Денысь.—Це кенсько: змерзнешъ такъ, що й не высыдышъ.

Велыки дерева понавысалы надъ имъ своимъ кудлатымъ чорнымъ гиллемъ. Товсти стовобуры мрилы въ темряви. Здавалося, що якись здоровенни люде, якись велетни похмури й страшни, поставалы навкругы мовчкы и попростаягалы надъ Денысомъ свои велычезни лапы, щобъ ёго вхопыты. Отъ сїме надъ головою навысла така лата, шыроко шыроко розиппявши товстючи можнати пальци-кихти. Тильки трохи ныжче—и вхопыла бъ ёго. И вразъ ти пальци почалы ворушытыся, вси лата схитнулася, мовъ выдаючися внызъ ёму на голову. Денысь хотивъ выскочыты зъ пидъ неи, але ту жъ мыть побачывъ, що вси воны, вси ти страшни чорни лапы ожылы, заколыхалыся и простяглышъ до ёго, ворушачы своимъ довгымъ пальцамъ-кихтамъ... Холодный важкий страхъ прыштысъ до земли Деныса, не дававъ ему поворухнутыся... Зашелестило, зашумило, озвалася навкругы вся темрява... Ще мыть!

Денысь зирвався на ривни ногы, и вразъ розвівся ввесь той страхъ. Тилько витеръ тыхо шелестивъ листомъ, колышучи виты. Денысь зитхнувъ глыбоко, мовъ що важке зъ себе скынувъ, плюнувъ, думкою самъ себе вылаявъ, що такъ перелякався зъ дурного розуму, и знову сивъ, перехрестившыся.

Не дурно сей яръ Чорнымъ звуть; у ёму й дерева страшни.

А давно ще прозвано ёго Чорнимъ. Батько рассказувавъ, що колись, у стародавню давнину ще, тутъ розбійники жили, кышло ихъ у цёму яру було. Бо тоди тутъ не такий лисъ бувъ,--де вже ёго вырубано теперь. Бувъ такий лисъ, що й не долизе никто сюди було. А ноцы мабуть отутъ, саме

били цёго дуба, ѹ жилы, ти розбійники. То вдень у яру сидать, а вночы на здобытки йдутъ, людей розбываютъ. Переймутъ-хто йиде, та ѹ пограбуютъ, а то такъ и вбьютъ. А одного разу, кажуть, дакъ йихавъ цанъ багатый, молодый та ѹ зъ молодою паниею... вночы... И саме прозъ дей яръ пройиздылы. А розбійники ѹ выскочыли на ихъ. Шана жъ убылы, а пани отаманъ розбирацький, Чорный на призвыще, соби взявъ. Уже вона ёго прохала-благала, щобъ винъ іи не бравъ, казала, що ѹ выкупъ за себе прышле.. Дакъ дуже гарна була, закохався въ неї отаманъ пры мисячиному слеви та ѹ повивъ іи зъ собою въ оцей яръ. Вона спершу пручалася, кричала, а дали ѹ затыхла. Якъ прыведено іи въ яръ, то була ще ничъ, и отаманъ уязвъ іи до себе въ шатро. А розбійники спати полягалы, сміючися та заздрючи отаманови. Поснулы. Но прокыдалися вдень—не чутъ отамана. Зазирнулы въ шатро, ажъ отаманъ лежить и книжалъ, стремить єму въ грудяхъ, а въ другому кутку пани вродлыва мертвa: сама себе заризала, отамана заколовши. Поховалы розбійники обохъ тутъ у яру, а соби выбрали нового отамана. Дакъ що жъ? Не моглы выжиты. Якъ пичъ, такъ и ходить мертвa пани, ходить ѹ плаче и проклынае за свою недолю розбійниковъ. И такий страхъ ихъ уязвъ, що вони покинулы сей яръ та ѹ подалыся кудись далеко. А пани, кажуть, що-року тієи саме ночы, якъ заризалася, выходе зъ ями та ѹ иде байракомъ. Тыхо, тихо йде, вся въ чорному, ледви чуты іи...

И йшло тихо, ледви чуты. Але Денісъ се почувъ. Духъ єму забыло, полизло доторы волоссе... Тупотыть... Здалека ще чутъ, якъ щось тупотыть... Ось бlyжче... Ось уже ѹ на прогайлёвыни...

Якась купа велика чорна набlyжається. Денісъ силькуєтся зрозумити, що се, але темрава не дає єму роздивитися. А купа все насуває, все насуває... Ось одно, двоє.. Та се чоловикъ зъ двома киньми!..

Денісови знову забыло духъ, але вже не зъ страху, а зъ думки: що то зараять буде, що те винъ довидается?

Пидавъ чоловику до дуба кони и почавъ мацаты—до якомъ бѣ гилки краще прывязаты. Прывязавъ одного, тоди другого. Постоявъ хвылыну, мовъ подумавъ, що ёму дали робыты, и пишовъ стежкою въ той бикъ, де бувъ Денысъ, трохи навкосы видѣ ёго.

Втече! Отъ заразъ пиде, покрьется, и Денысъничогъ не знатыме, даремни будуть уси заходы, знову ничего винъ не до-видается про те, хто ёго ворогъ. И вразъ мовъ импетомъ що кынуло Деныса назустрічъ невидомому чоловикови. Выскочивъ и ставъ передъ имъ, ливою рукою вхопивъ ёго за горло, а правою, держучы кіекъ посередыни, розмахнувъ и вдаривъ въ усеи сили въ груды. Чоловикъ упавъ, и Денысъ опынявся на ёму.

Але даремне на свою силу важывъ. Далеко дужчый за ёго бувъ чоловикъ. Видразу вывернувся зъ-пидъ ёго, збывъ ёго пидъ себе и прыгнитивъ колиномъ.

— А! ты мене будешъ быты!—захрыпивъ знаёмыи Денысови голосъ.

— Романт!—скрыкнувъ Денысъ.

И змовкли, вдывляючысь одынъ одному въ облычче: той на земли, пидъ колиномъ, а той нахыльвшился надъ имъ, зъ рукою на горли. Дывались середъ темрявы хмарной ночы, сильнуючысь пизнаты знаёми рысы.

И вразъ пизналы...

Денысъ почувъ, якъ Романова рука ще дужче стыснула ёму горло, але тильки на мыть. Якъ звиръ дыкый, однимъ скокомъ, Романтъ злыкъ у темряви.

Денысъ пидвився, хытаючысь. Груды въ ёго болилы видъ Романового колина. А, проклятый! Якъ прыгнитивъ! Здоровый, якъ бугай!..

Денысъ увесъ трусывся—зъ напружения, зо злости. Теперь винъ знае, хто кони бере. То догадувався, а теперъ и побачывъ. А, злодію, коноводе, харцызе проклятый! Не мынешъ ты теперъ Денысовыхъ рукъ!..

Денысъ повидъязувавъ кони и повивъ ихъ зъ яру...

Була ще нічъ, якъ винъ уйхавъ у дверъ до кума Терешка и постукавъ до ёго въ темне виконце.

— А выйди лышъ, куме, сюды!

Пізнавши Тонконоженка голось, заразъ вийшовъ. Передъ дверыма стоявъ Денысъ и державъ пару коней.

— А що се?

— Твои кони.

— Ой! Та ну?

— Дывысь!

Тонконоженко вінувсь до коней и хазяйськимъ окомъ заразъ же пізнавъ ихъ, хочъ и въ темряви.

— Та якъ же се? Ничого не розберу.

— Замки кони въ повитку та ходимъ у хату, то роскажу

Дочувши Тонконоженка якъ усе сталося, и радивъ поверненными конямъ, и трохи боявся: а що, якъ се зناхаря розгнива? А якъ Денысъ сказавъ, що винъ хоче направыты врядника на Романа, то винъ и зовсімъ перелякався.

— Ой, куме, не роби сего! Хиба жъ ты не зпаетъ того Гострогляда? Та'дже вси люде кажуть, що ёго не можна займати, бо якъ схоче, то таке поробить чоловикови, що й жити не дастъ. Кажуть, хворобу васылає и на товаръ моровицю.

Денысъ почавъ сперечатися. Адже тутъ нема ніякої нечистої сили. Певне знахаръ у спилци зъ коноводами. Дило звичайне, людське.

Та кумъ ніякъ того не слухавъ. Нехай тамъ и людське дило, та знахаръ має нелюдську силу.

Щобъ не сперечатися бильше, Денысъ замовкъ. Винъ зачоувавъ у кума, а вранци вернувшись додому.

Було свято, и Домаха пішла до церкви. Мати поралась биля печи, батько й Зинько були въ хати.

— Отъ, тату, выкохали сыночка-коновода! — озвався Денысъ до батька.

Старий мовъ здригнувся.

— Що ты кажешъ, Денысе? Про кого це ты кажешъ?

— Про кого жъ я казатиму, якъ не про того ледашо, злодіюга влятого?—злисно видповивъ Денісь, роздагаючись и сердито кидаючи чумарку на пиль.

— Не лютуй, а краще доладу роскажи!—звеливъ батько.

Денісь почавъ росказувати. Винъ и попередъ сёго ще думавъ на Романа. Та що жъ? Не можна було довидатись. А отъ теперъ уже довидався... И винъ по-ряду оповидавъ усю подію.

А старий Сывашъ слухавъ, похильвшись кинець столу, про свою ганібу видъ ридного сына, та й не помичавъ за величкимъ смуткомъ, що пекучі слёзы котылься ёму по облыччу, по бороди и падали величкими ясними краплями на спрацьовані почорнили руки. Дожився! Хиба винъ того сподивався, того дожидаєвъ? На старисть єму сыву голову такимъ соромомъ сынъ покривъ, передъ усими людьми й ёго, и ввесь ридъ изганьбивъ. Николи сёго не було, щобъ изъ-помижъ Сывашивъ злодії були. А отъ же!...

Мати стояла біля печи, прыхильвшись въ кутку до рогачивъ, та й соби втирати слёзы. Зинько сидивъ такий, якъ передъ смертю. Тяжка хмара налягала на всю сим'ю.

А Денісь усе оповидавъ, не помичаючи тогоничого, роспалений своїмъ оповиданнемъ, згадкою про видбуту боротьбу. Винъ доказавъ и змовкъ, и вси мовчали. Тильки материне хлопання чуты було середъ тыши. А Денісь, не зважаючи на те, правивъ свое:

— Сёго не можна такъ попустыти. Се винъ и дали буде все село грабувати та й насъ. Я пиду заразъ у волость. Хай идуть у городъ та щобъ тамъ забралы ёго до тюрми.

— Деніске, чы ты розуму не згубивъ?—понуро спытався батько.

— Чого бъ я розумъ изгубивъ?—А що жъ я—подарую ёму трое коней, чы якъ?

— Эхъ ты безсоромний, безсоромный!—тирко й докирльво промовивъ батько тихимъ голосомъ, що ще тремтивъ одъ недавнихъ слизъ.—Дакъ ты пидешъ ото самого себе поганыти, юдямъ розказувати, що Сываши злодії?

— Та се вы, тату, черезъ те такъ кажете, що вы вже стари, вамъ байдуже про хазайство, а намъ изъ Зинькомъ треба свое добро берегты.

— А ты, Денысе, на мене не здавайся!—озвався поважно, эъ прытыскомъ Зинько.—Мени честь мылиша за добро. Хочь бы й тридцатеро коней пропало, а я на брата не пиду выка-зуваты, самого себе ганьбыты.

— Хи! Яка жъ то й ганьба! Адже не мы кралы, а винъ. Ну, якъ соби знаете, колы таки добри та багати! А я того не подарую, бо мени ни эъ чого даруваты. Я заразъ до врядныка!— и винъ почавъ удягатыся.

Маты заголосыла на всю хату, винулась до Деныса и вчепылася за ёго:

— Денысе! Шо ты робышъ? Не пущу я тебе! Не ходы!

— Одчепитися, мамо!—сердито гарыкнувъ Денысь и вырвавъ у матери свою руку.

— Облышъ ёго, стара!—озвався батько.—Слухай—ты!— загомонивъ винъ до Деныса, и голосъ ёго задзвенивъ такъ гостро, що той у-разъ спынывся.—Я тоби того не дозволяю и велю не робыты того. Покы я живый, то я тутъ хазянинъ у своему добри, а не ты! Пидешъ казаты,—проклену и сёгодни жъ выкидаю тебе эъ усими твоими мапатками зъ хаты, щобъ ты мени ии не ганьбывъ! И ничего не дамъ.

Денысь зневъ батька. Винъ бувъ звычайно тыхый, але якъ отакымъ голосомъ заговорыть, то вже що скаже, те зробить. Денысь сердито швыргонувъ чумарку знову на пиль и пишовъ зъ хаты мовчлы, тильки дверыма грюкнувъ такъ, що ажъ шпаруни посыпалысь.

Винъ справди облышивъ ити до врядныка, але не мигъ утерпилъ и росказавъ де-кому про выпадокъ у Чорному яру, лаючи Романа. Незабаромъ поголоска про се пишла по всому селу. Довидався й урядныкъ и пишовъ спершу до Тонконоженка. Але той, боячыся захаря, сказавъ, що ничего винъ не знае, а кони самы знайшлися въ яру. Поклыкавъ урядныкъ Деныса, але й той не сказавъ ёму ничего, бо зневъ, що не мыне

батьковой кары, скоро скаже. Такъ урядныкъ ничего не мигъ и зробыты. Звиспо, можна потрусыты и захаря, и Романа, та хиба въ ихъ що зпайдешъ? Все село говорыло про ихъ, але зайняты не можна було, бо чи до чого прычепытыся.

А люде, довидавшися, що се свій злодій краде, ще бильше почали турбуватися. Сей знає вси закуточки й сutoчки, то видъ ёго чине не заховається. Треба добре берегтися. Стукачивъ ще бильше пайцялы. Ночували завсигды биля коней, кладучы коло себе коляку або кіюру добру, а якъ хто мавъ, то й рушнищю. Всі булы на Романа дуже лыхи; хто й оборонявъ ёго попереду, то той теперъ лаявъ. А вже що ти хазяи, якихъ винъ коней избавлявъ, то ти кляли такъ, що й висточки въ ёго неклятои не лышали. Двоє черезъ це зовсімъ зубожило, а всимъ іншимъ довелось позичати грошей на кони. Теперъ Романови страшно було й поблизу Дыбливъ проходить, коли не хотивъ головою наложити.

Але писля події въ Чорному яру крадижки прытыхлы: чы то коноводы полякалися, що ихъ выкрыто, чы то имъ не було ходу за пыльною вартовою.

Такъ думалы люде, а Романъ думавъ соби инше.

В. Гринченко.

(*Окончание сийдуетъ*).

Къ исторії частныхъ пансіоновъ въ Кіевской губ. въ нач. XIX ст.¹⁾

Среди другихъ немногочисленныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ институцій начала истекшаго столѣтія не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отвести частнымъ пансіонамъ, содержимымъ иностранцами (преимущественно французами). Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія времени ихъ появленія на Українѣ, но во всякомъ случаѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, со временеми основанія Коммісії Пропаганды (Edukacyjej) они уже существовали. Łukaszewicz въ своей «Historya szkół», т. II, стр. 436—37 говоритьъ, что въ „этую эпоху (послѣ 1773 года) слишкомъ намногоилось свѣтскихъ пансіоновъ, не только въ самой Варшавѣ, но даже и въ малыхъ городкахъ“. Относительно лѣвобережной Україны мы имѣемъ указание на существование французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнахъ и Глуховѣ въ 1781 году²⁾.

Въ первой четверти XIX столѣтія иностранные пансіоны получили значительное распространеніе въ лѣвобережной и право-

¹⁾ Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ причесть искреннюю благодарность Н. В. Стороженко, любезно предоставившему въ наше распоряженіе «Дѣла уманского повѣтоваго училища» за вѣсколько лѣтъ первой четверти истекшаго столѣтія, на основаніи которыхъ и составлена наша замѣтка.

В. Д.

²⁾ «Кіевская Старина», 1890, сентябрь, отд. II, стр. 495—496.

бережной Українѣ,—особенно въ послѣдней. Уже въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія мы знаемъ о существованіи въ Кіевѣ трехъ пансіоновъ, открытыхъ съ разрѣщеніемъ Общества. Призрѣн.: 1) „Іностранцемъ“ Иваномъ Борецкимъ 4 септ. 1801 г., 2) отставн. франц. капитаномъ Карломъ Компаньономъ—въ декабрѣ 1802 г. и 3) вдовой секретаря (?) Каролиной Штуцъ—20 марта 1803 г.¹⁾

Затѣмъ извѣстно существованіе женскаго пансіона въ Нѣжинѣ не позже 20-хъ г.г. иѣкоей французской дѣвицы Елизаветы Руассетъ²⁾; въ 30-мъ году въ м. Златопольѣ (Чигиринскаго уѣзда) извѣстенъ мужскій трехклассный пансіонъ Л. Вильетти, подготавливавшій воспитанниковъ не только въ гимназіи, но и въ высшія учебныя заведенія.³⁾ Насколько велика была степень распространенности упомянутыхъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло своимъ долгомъ обратить на нихъ особое вниманіе. Въ маѣ 1811 года Министръ Просвѣщенія Г. Алексѣй Разумовскій издаетъ Высочайше одобренную „записку о предположеніяхъ касательно частныхъ пансіоновъ“, въ которой выражаетъ скорбь свою по

¹⁾ Сборн. Матер. для истор. просв. въ Россіи, Сибр. 1893, т. I, стр. 453, II, 570.

²⁾ Кіевск. Старина, 1884, январь, отд. II, стр. 173—174. Любопытна программа преподаванія въ этомъ пансіонѣ: 1) Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики 3) мифологія, 4) нѣмецкій языкъ по правиламъ гимназіи, 5) Музыка, танцы и рисование, 7) руководліе 8) чистописаніе. Плата въ годъ 800 руб. (при чемъ $\frac{1}{2}$ впередъ). Каждая дѣвица, при вступленіи въ пансіонъ, обязана привезти съ собой, кроме постели, — 1 скатерь, 6 салфетокъ, 1 ложку столовую, чайную чашку, 2 столовыхъ ножа, 1 стаканъ. За исключеніемъ братьевъ, не допускается посѣщеніе молодыхъ не женихъ господъ.

³⁾ Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтія юбилея въ авг. 1887 г. А. Андріевскимъ, Кіевъ, 1887 г. Интересны подробности также см. Кіевск. Старина, 1901, мартъ, отд. II, стр. 151—158.

повору того, что „въ Отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора Государства, возрастаєтъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одаю собственою корыстю занятыхъ, презирающихъ все иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ правственности, ни познаній. Слѣдя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ“. Даѣше Министръ выражаетъ еще большее недовольство по адресу иностранцевъ-воспитателей. „Всѣ почти пансіоны въ Имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и *инушаясь* о немъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца“. Но оказывается, что и это еще не все „И для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаются къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслить и говорить по-иностранному; между тѣмъ не могутъ пѣсколько словъ правильно сказать на языке отечественному“. ¹⁾ Указавъ такимъ образомъ на пагубный послѣдствія иноземнаго воспитанія, Министръ объявилъ слѣдующія мѣры къ прекращенію зла:

1. Дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытие новаго пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности.

2. Дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знаніе Русскаго языка.

¹⁾ Любопытно, что польское общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ передовыхъ своихъ представителей, неоднократно высказывало недовольство воспитаніемъ въ пансіонахъ иностранцевъ въ томъ же духѣ, что и русскій министръ.

3. За правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были па русскомъ языке. Начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ наблюденіе.

4. Вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали ония на русскомъ языке.

5. Впрочемъ, во всемъ слѣдовать правиламъ, для пансіонеровъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ.

6. Шоєлику содержатели не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ, то съ 1 мая сего 1811 года каждый содержатель частнаго пансіона обязывается вносить въ Министерство Просвѣщенія ежегодно по 5% съ платы, получаемой на содержаніе пансіонеровъ. Сумма сія, по накопленіи ея, обращена будетъ на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ, безъ отягощеннія Государственной казны, будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя заслуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти немущихъ дворянъ".

Вскорѣ послѣ первого распоряженія относительно пансіоновъ, Разумовскій издаеть отъ 6 июня того же года второе, съ болѣе подробными поясненіями по нѣкоторымъ пунктамъ:

1) Изложенія въ первомъ распоряженіи требованія, кроме 3 и 5 (относительно обязательности преподаванія на русскомъ языке), исполнять неукоснительно и безъ измѣненій; пункты же 3 и 4 въ цѣломъ относятся къ пансіонамъ Русскихъ губерній, но въ губерніяхъ Остзейскихъ и присоединенныхъ отъ Польши вводить ихъ постепенно, по мѣрѣ возможности, такъ чтобы, кроме изученія русскаго языка, преподавался въ пансіонахъ и общежитіяхъ (konwiktach) по крайней мѣрѣ одинъ предметъ на русскомъ языке.

2) Постановленіе это объявить содержателямъ пансіоновъ подъ расписку.

3) Чтобы всегда можно было видѣть, въ какой суммѣ должны поступать процентныхъ деньги отъ содержателей пансіо-

новъ въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія, приказать имъ завести особую книгу, куда каждую третью должны вносить имена пансионеровъ и пансионерокъ, получаемую пансиономъ плату за каждого изъ нихъ, время ухода кого-нибудь изъ нихъ въ теченіе трети, сумму процентныхъ денегъ, слѣдуемыхъ въ Департаментъ Просвѣщенія за треть, и время, когда и черезъ кого онъ выданы. Книгу эту обязаны вести съ должной обстоятельностью, начиная съ 1 мая настоящаго 1811 года. Во время ревизіи пансиона Визитаторомъ, Директоромъ и Смотрителемъ (Dozorcom) школъ повѣтowychъ, послѣдніе обязаны просматривать книги и подписывать, чтобы убѣдиться, что книги находятся въ должномъ порядке. Содержатели пансионовъ сбоего пола, по истеченіи каждой трети, сдѣлавши выпись изъ книги за треть и подписавши, обязаны немедленно прислать таковую съ процентными деньгами Директору гимназіи (давъ о томъ знать префекту повѣтовой школы), а Директоръ означенную сумму отправлять непосредственно въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія при своемъ донесеніи, оплачивая почтовые расходы изъ этихъ же суммъ.

4) Такъ какъ обязательство о взносѣ процентовъ можетъ дать поводъ къ чрезмѣрному повышению платы за пансионеровъ, приказать содержателямъ пансионовъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ не производили надбавки безъ разрѣшенія университета, къ которому должны обращаться съ просьбой черезъ Директора, а университетъ, съ своей стороны, долженъ съ величайшей осмотрительностью давать разрѣшенія на повышение платы, какъ и на установление ея за пансионеровъ во вновь открываемыхъ пансионахъ. Наконецъ,

6) если кто будетъ просить разрѣшенія на открытие нового пансиона, объявлять таковыми эти распоряженія подъ расписку, для надлежащаго сообразованія съ ними.

Какъ первое, такъ и второе распоряженія Министра были немедленно разосланы префектамъ повѣтовыхъ училищъ, а эти послѣдніе не замедлили приведеніемъ въ исполненіе новыхъ правилъ по отношенію къ пансионамъ. Такихъ пансионовъ въ Кіевской губерніи, насколько намъ известно, въ то время было четыре: въ г. Кіевѣ—отставшаго французскаго капитана Карла

Compagnion'a,¹⁾ въ м. Смѣлѣ²⁾—неизвѣстно чей, въ г. Звенигородкѣ³⁾—женскій—француза Louis de Petit и въ м. Христиновкѣ—француза Germain.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣдовало новое Министерское распоряженіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ частнымъ пансионамъ, а именно—чтобы „во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Гражданскаго вѣдомства, не изъемля изъ сего и состоящія подъ управлениемъ иностранного духовенства, какъ обучать юношество Закону Божію, таѣ и при ежегодныхъ испытанияхъ всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, або заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. При томъ поставить въ непремѣнную обязанность начальникамъ училищъ приглашать на сей экзаменъ, въ особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а въ городахъ, где существуетъ Архіерейская каѳедра, то и самыx епархиальныхъ Архіереевъ“.

Трудно сказать, насколько точно исполнялось послѣднее въ всѣ вышеупомянутыя распоряженія Министра, за исключеніемъ одного, котораго нельзя было не исполнить,—правильнаго (по третамъ) взноса процентныхъ денегъ съ получаемой за пансионеровъ суммы. И дѣйствительно, мы видимъ, что къ началу сентября 1811 года всѣ пансионы, за исключеніемъ Звенигородскаго, аккуратно внесли слѣдующія съ нихъ деньги, а monsieur Louis de Petit, послѣ неоднократныхъ напоминаній, лишь 20 ноября отослать Директору Кіевской Гимназии Мышковскому 15 рублей, слѣдующихъ съ него за 3 ученицы. Изъ отношенія его Мышковскому явствуетъ, почему синь медали съ уплатой денегъ. Дѣло въ томъ, что въ полугодовой вѣдомости, которыхъ должны были представлять непосредственному начальству своему (первоначально Директору школы), а потомъ префекту повѣтовъ. училищъ, всѣ парафіальные школы и пансионы

¹⁾ Для дѣтей обоего пола,—плата 300 р. въ годъ.

²⁾ Подчиненъ былъ Каневскому повѣтовому училищу.

³⁾ Подчиненъ Уманскому повѣтовому училищу.

два раза въ годъ (въ іюнь и десябрь), для свѣдѣнія послѣдніхъ о состояніи училищъ,—въ Звенигородскомъ пансионѣ показано было гораздо большее число ученицъ и, слѣдовательно, надлежало внести значительно большую сумму за нихъ. Но практическій Louis de Petit выждалъ нѣкоторое время, пока однѣ изъ ученицъ окончили курсъ ученія и уѣхали, другихъ же, послѣ долгаго ожиданія, забрали родители домой, вознаградивъ M. de Petit за труды. „Въ настоящее время,—пишетъ M. de Petit Мышковскому,—у меня въ пансионѣ только 3 панны платныхъ, за которыхъ мнѣ слѣдуетъ въ годъ 450 руб. ассигнаціями; такимъ образомъ процентныхъ денегъ слѣдуетъ въ годъ $22\frac{1}{2}$, а за третью $7\frac{1}{2}$. Такъ какъ $7\frac{1}{2}$ за майскую третью *трудно* было переслать по почтой (?), я присоединилъ ихъ къ $7\frac{1}{2}$ за другую третью, и теперь посылаю 15 рублей, сумму болѣе удобную при посылкѣ“. Подлинное подпись Louis de Petit, *Тымолеушъ и Сулицкій*—вѣроятно, преподаватели въ пансионѣ.

Изъ полугодичнаго рапорта того же Louis de Petit Уманской повѣтowej школѣ за второе полугодіе 1711 года мы даже имѣемъ возможность узнать фамиліи его пансионерокъ; по его сообщенію: Ваноисъ, Орловская и Деческулъ уже окончили курсъ въ этомъ году, а остались только Канецкая и Пдутовецкая.

Съ цѣлью еще болѣе упорядочить дѣло частнаго воспитанія дѣтей, въ январѣ мѣсяцѣ 1712 г. послѣдовало „предложеніе“ Министра Народнаго Просвѣщенія Имп. Виленскому Университету о возобновленіи дѣйствія указа 1757 г. апрѣля 29 о лицахъ, обучающихъ въ домахъ своихъ дѣтей, но не имѣющихъ о способностяхъ и знаніяхъ своихъ отъ учебныхъ заведеній свидѣтельствъ. Таковыми лицамъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе шести мѣсяцевъ явиться въ ближайшее учебное заведеніе, чтобы подвергнуться испытанію на право преподаванія извѣстныхъ предметовъ. Въ случаѣ же неявки таковыхъ, а напаче иностранцевъ, не состоящихъ въ россійскомъ подданствѣ, увѣдомлять о нихъ мѣстное начальство: въ городѣ—Городничаго, въ Повѣтѣ—Земскаго Исправника. По истеченіи указаннаго въ „предложеніи“ срока, въ концѣ іюна того же 1712 года помощ-

никъ уманскаго префекта о. Граціанъ Микулинскій, въ отношеніи своемъ Директору Кіевской Гимназіи, извѣщаетъ, что одни изъ занимающихся частнымъ преподаваніемъ дѣйствительно явились въ училище, а другіе не захотѣли, и потому просить инструкцій, какъ поступить съ тѣми и другими. Между прочимъ, въ числѣ неявившихся, упомянуты: еврей Кунъ, обучающій по французски въ Умани, и въ Кристиновкѣ—Germain, не хотѣвшій сдать экзамена.

Кромѣ упомянутыхъ раньше четырехъ пансіоновъ, существуетъ указаніе на попытку открыть въ 1811 году еще одинъ женскій пансіонъ въ Умани; но былъ ли онъ открытъ,—намъ неизвѣстно; по всей вѣроятности—да. Желаніе заявлено было жительствующей въ г. Умани вдовой Іоанной Thatz, обратившейся по этому поводу къ директору Кіевской гимназіи. Директоръ отнесся вполнѣ благосклонно къ просьбѣ г-жи Thatz, прекрасно понимая, что „въ таковомъ заведеніи въ той мѣстности является надобность“. Въ дальнѣйшемъ, онъ предоставляетъ устроить это дѣло префекту уманскаго училища. Главное, по его мнѣнію—чтобы подобныя заведенія отвѣчали желаніямъ родителей и волѣ правительства. Въ виду этого, онъ предписываетъ префекту: 1) снабдить г-жу Thatz книжкой „Общаго школьнаго устава“, Высочайше утвержденного 5 ноября 1804 года, для ознакомленія съ предписаніями, съ которыми она должна сообразовать свои намѣренія, 2) взять у неї планъ пансіона, 3) составить, подъ предсѣдательствомъ префекта, комиссию изъ учителей, предметы которыхъ будутъ преподаваться въ пансіонѣ, для производства испытанія лицамъ, намѣревающимся преподавать въ пансіонѣ, и если послѣдніе не окажутъ успѣховъ,—отказать; въ случаѣ же будутъ обладать надлежащими познаніями,—выдать аттестаты за подписью всѣхъ экзаменаторовъ и за приложеніемъ казенної печати, 4) собственное заключеніе префекта объ ожидаемой отъ пансіона пользѣ и пригодности г-жи Thatz къ содержанію его,—сообщить директору гимназіи для испрошенія разрѣшенія Правленія Императорскаго (Виленскаго) университета.

Если и удалось г-же Thatz открыть женский пансионъ въ Умани, то онъ въ ея завѣдываніи существовалъ, вѣроятно, очень не долго, такъ какъ намъ известно, что въ промежутокъ между 1812 и 1821 г., послѣ существованія предполагаемаго пансиона г-жи Thatz, въ Умани былъ уже женскій пансионъ нѣкоего Дудкевича, переданный затѣмъ въ январѣ 1822 года французскому уроженцу, бывшему воспитаннику Уманскаго повѣтового училища, Линсу, преподававшему въ то время французскій языкъ въ повѣтовомъ уманскомъ училищѣ. Въ скоромъ времени, вѣроятно въ 1824 году, въ Умани открылся еще одинъ женскій пансионъ—нѣкоего Тимерія, съ двумя другими иностранцами (вѣроятно преподавателями въ его пансионѣ)—Иваномъ Дута и Александромъ Арнодомъ. Что послѣднее предположеніе справедливо, можетъ быть могло бы послужить подтвержденіемъ распоряженіе Училищнаго Комитета Императ. Харьков. Университета, которому Киевскій учебный округъ подчиненъ былъ съ 1818 года, обѣ отобраніи у этихъ двухъ иностранцевъ подписки въ томъ, что они не принадлежать, не привадлежали и обязываются не принадлежать къ ложѣ братьевъ Масоновъ или какому другому тайному обществу и никакихъ сношеній съ ними не будуть имѣть.

Около этого времени, въ концѣ 1824 года, послѣдовало симпатичное нововведеніе въ программѣ образовательныхъ предметовъ частныхъ пансионовъ, а именно—по предложению попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа (Е. В. Карнѣева), училищный Комитетъ Харьковскаго Университета прелписалъ содержателямъ и содержательницамъ „благородныхъ дѣвичьихъ пансионовъ“, чтобы они старались „вводить по возможности обученіе воспитанницъ сельскому и домашнему хозяйству, *какъ предмету наиболѣе приличному ихъ полу, соединенное съ обученіемъ естественной исторіи*“.

Но вотъ циркулярное предписаніе Министра Нар. Прізвѣщенія г. Исправляющему должностъ Харьковскаго Учебнаго Округа отъ 3 марта 1826 года подорвало въ корнѣ значеніе частныхъ пансионовъ въ томъ видѣ, какъ они донынѣ существовали, и по всей вѣроятности, послужило началомъ ихъ посте-

пеннаго исчезновенія. Суть въ томъ, что въ 45 статьѣ Высочайше утвержденныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія сказано, что „мѣстныя начальства всѣми образами должны ободрять заведеніе такихъ пансіоновъ, которыхъ бы хозяева имѣли предметомъ *тожмо содержаніе и надзоръ за поведеніемъ юношества, получающаго учебныя наставленія въ училищахъ*“,—притомъ тѣ же начальства обязаны поощрять родителей къ отдачѣ дѣтей въ ихъ руки, въ распоряженіе ихъ же (начальства) или кого-либо изъ учащаго персонала, а затѣмъ уже постороннихъ лицъ, „известныхъ познаніями въ наукахъ и честнымъ поведеніемъ“. „Почитая мѣру сю единственнымъ способомъ къ распространенію систематического образованія въ наукахъ и полезнаго обученія юношества, тѣмъ болѣе, что содержатели частныхъ учебныхъ заведеній, по большей части, не имѣютъ къ тому достаточныхъ способовъ и вообще отступаютъ отъ единобразія, желательного въ преподаваніи наукъ по всему вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Министръ обращается съ просьбой къ главному начальнику Харьковскаго округа обратить „надлежащее на означенную выше статью вниманіе“ и желающимъ заводить на изложенномъ выше основаніи пансіоны оказывать все возможное содѣйствіе и покровительство.

Надо полагать, что это послѣднее предписаніе сильно отразилось на возможности дальнѣйшаго существованія частныхъ пансіоновъ съ курсомъ преподаванія въ нихъ,—но, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о пансіонахъ прекращаются 1826 годомъ.

В. Доманицкій.

ЗА КОЛІВЩИНИ.

I.

По-надъ Тясминомъ, недалеко видъ Головятына, лежыть невелычье село Гуляй-городъ. Розкинулось воно на зеленимъ горби, середъ садківъ та левадъ. Нызъкий берегъ Тясмина рясно зарисъ верболозомъ та очеретамы, а дали за ричкою зеленіе лисъ по ярахъ та горахъ. Невелычка церковка биліе підъ горою, а кругъ неи мостяться били селянськи хатки зъ садкамы та городами. Въ Гуляй-городи, тому вже буде лить бильше ста, жывъ шляхтыч Янъ Могильський. Бувъ винъ землемиръ, оселывся на України коло 1750 року, але звидкиль винъ взявся—того никто не зновъ. Зновъ де-хто, що винъ прыйихавъ у Смилу плохенькимъ визкомъ та парою шкапъ, и прожывавъ який часть у Смili безъ роботы. Смилянщина тоди належала до князя Любомирського, багатого польського магната, а управителемъ у Смili бувъ Добрынський. Навидуючи свои маєтности, каязъ прыйихавъ у Смилу; по прозьби управителя винъ прыйнявъ Могильського на свою службу, давъ ёму дворицъ, пенсію, видсынне и приставывъ обмирювати свои безмежни маєтности, що одъ вику не були ще мирані. Сею роботою Могильський займався кильки лить и увесь той часъ прожывавъ у Смili.

Ціле літо вінъ блукавъ по степахъ та лисахъ, мириаючи княжи земли, а зимою складавъ плявы. Жывъ самитно; людей наче-бъ цурався, та ѹй люде єго; тому жъ то никто и не цикавився, хто вінъ, та звидкиль. На ту пору въ України не мало селылося захидцівъ въ рижныхъ місць Польщы, часто безъ роду и прызвыска, и не лышъ вінъ одынъ бувъ тутъ таемною особою. Люде, що бували на Волыни, розсказували, що чували про ридъ Могильского пидъ Любаромъ, що вінъ десь бувъ жонатый, мавъ дитей, але чы вмерла єго дружына, чы покинула єго, або може вінъ самъ помандрувавъ світъ за очи—про те никто не знатъ ничего певного.

Черезъ скилька літь князь Любомирський вдруге прыйхавъ до своихъ маєтківъ. Могильскій подавъ єму свою прадю, и князь, задоволеный нею, веолывъ на прохання Могильського и виддавъ єму на чыншъ Гуляй-городъ на неомежний часъ. Сельце се тоді було не бильшъ п'ятнадцять двориць, лежало воно середъ гирь, побля ораного було мало, а шляхи булы погани. Тому-то аренду взявъ Могильський за дуже невелыкій чыншъ, навить на тодишню пору: за шість сотъ злотыхъ у рикъ. Сей чыншъ, одначе, вінъ мигъ выбраты вже зъ садківъ, що рослы у таемныхъ нетряхъ надтасманийськихъ лисивъ та зъ млына на тасманийський гребли. Млынъ вінъ виддававъ въ аренду вже видъ себе Смілянському пысареви Редчынському, и греблю съ той поры селяне прозвали Пысарською; а самъ, поставивши соби дворыкъ на тимъ самимъ місци, де и теперъ стоить панський домъ, перебрався у Гуляй-городъ и вже видтоди дуже зридка бачылы єго у Сміли.

Того-жъ року Могильському, якъ розсказували люде, подано звистку про смерть єго жинки, и вінъ пойихавъ на Волынь, та черезъ скилька тыхнивъ вернувся зъ дівчыною роківъ десяти, чорнявенькою, гарною, веселою, котра называла єго таткомъ. Звалася вона Юзя.

Вона бильше боялася, ніжъ любила батька. Та ѹй не дыво: Могильського не могли любити ѹй люде, а тымъ бильше дити. Бувъ вінъ чоловяга вже літь пидъ сорокъ, високий, худий

жыланий, чорноволосий и чорноокий. Суворе та понуре ёго облычя николи не прояснявъ щырый усмихъ, але гнivъ розпаливъ ёго вмишъ. Мабуть, лыха доля выгрызла, выныщила зъ ёго серця вси люби почувавни и затемрила ёго душу смуткомъ та гиркымъ недовирствомъ. Завжди винъ бувъ сумний, мовчазний та неймовирний, а въ гнivi лютий и запеклый. Одягався убого: литомъ въ полотнянимъ жупани, зимою въ кожуси, крystимъ сирачыною.

Господи ёго була тыха и пуста, жыття въ іи нудне, а свята, що у людей звычайно проходять у забавахъ та веселощахъ, у ёго навить середъ челяди мыналы мовчкы, въ спочынку.

До такои то осели, въ найпустельнійшій сторони України, зъ одного боку обмеженій темнимъ лисомъ, а зъ другого водою, перевизъ Могильський веселу, жававу дытыну.

Юзя спершу вдалася въ тугу за гоминомъ та людьми, але, звычайно, якъ дытына звикла згодомъ до сеї могильної тышы и годинамы просыжувала задумана, гонячы очима за водою або за хмарами. Батько навчывъ іи чытаты и писаты, селянськи дивтата навчылы спиваты чудовыхъ, смутныхъ думокъ та писень Українськихъ, бабы оповидалы ій казкы, прядучы зъ нею довгими зимовыми вечорами—отсе була вся розвага та забава, що заповнялы іи дытчи лита.

За чотири роки передъ прыйздомъ Юзи Могильський прыйнявъ, бувъ господыню для дому. Се була молодиця зо Смилы, на ім'я Марьянна, лить биля трьдцяті, правдыва українка, чорноока, чорнобрыва, зъ прынаднимъ гнучкимъ станомъ, ковнимъ жыття и сили.

Видъ самихъ молодыхъ дивочыхъ лить лыха була іи доля. Батько іи служывъ за побережника въ лисахъ того-жъ самого князя Любомирського; мати померла, якъ Марьянни йшовъ десятій рикъ. Ніякъ и николи було батькови доглядати свою дочки-одицько; тому-жъ виддавъ винъ іи до двору княжого управителя, де за клюшникомъ була Марьянна титка. Марянну приставили до панськихъ покоивъ. Молоде дивча, що зросло у виковій пущі, середъ таємного шелесту старыхъ дубивъ та осокоривъ, що

зыло лышъ до пташыныхъ голосивъ у темній діброви, вудило свитомъ у панськихъ будынкахъ, въ неноли, якъ вильна пташка у клитци. Чы разъ було стара клюшныца, що заправляла всею панською челядю, бралася докоряты, вчты розуму Марьянку, зачыняла іи у темну комору за кару, або становыла на вколошки на гречку,—дивча, выплакавшись, втикало у самый край старого панського саду, або на ставъ, у верболозы та й просыжувало тамъ до пізнѣго вечора.

Але мынуло рокивъ три, чотири—и трудно було прызнаты колышню дыку, лисову Марьянку въ гожій чернобровій дивчыни, за котрою пропадалы теперъ вси дворськи парубкы. Якось зимою найихало до Смілянського управытеля багато панивъ на, полювання. Цілый тыждень дверъ гомонивъ рогами, трубамы звягою та гавканнямъ псарни, і що-вечора, писля полювання, бевькетамы та музыкамы, якыхъ прывезали ажъ въ Черкассы.

Всій дворни настала тяжва робота; треба було дододыти всимъ гостямъ, на кухню прыставылы ще скилька кухаривъ, а до покоивъ набралы найкращыхъ дивчать зъ пидданосцю князя. Але середъ ныхъ всіхъ Марьяна видзначалась своєю красою і вродою і звертала на себе загальну увагу всіхъ прыйездныхъ панивъ та панычівъ. Особльво однѧ молодий хорунжий, панъ Яцімырський, дуже соби вподобавъ іи і не дававъ ій просвітку своїмъ затыцяннямъ. Марьяна була непрystупна на вси підхбди паныча, а іи байдужисть ще гирше розпальяла ёго. Молодому хорунжому вперше доводылося, щобъ „хлопка“ видверталась видъ ёго женыхання та ласки.

Невидомо якимъ способомъ винъ добувся, що одного разу писля пізнѣго вечери, якъ вже вси гости розійшлись по покояхъ на спочынокъ, клюшныца послала Марьяну занесты пляшку меду до тыхъ покоивъ, де стояли панычи.

Панъ Яцімырський прыставъ до дивчыни, щобъ вона выпила до нѣго чарку; дали нахвалияючись, що не выпустить іи, прымусивъ выпиты й другу, третю... Марьяні світъ закрутывся, вона хтила вихопити сylомиць, але двери були зачынені на ключъ... Розпачливый крыкъ дивчыни хорунжий затлумивъ въ

своихъ сильныхъ обіймахъ.... Марьяна темвою зимовою нічю, по сніговихъ заметахъ, безъ шляху, добигла ледве жыва до батькової хатыни у пущи, и заходачись слизмы, розсказала батькови про свою кривду. Старий кинувся до управителя шукати права за зневагу и безчестя своеї одынки, хтивъ вбыти Яцимирського... але опынвши звязаний у темнимъ стебныку.

На ту пору не можна було хлопови знайти право на пана

Не довго прожила Марьяна въ батьковій хаті. Старого хочъ и выпустыли скоро зъ двора и полышили на давній служби, але винъ зъ жалю та кривды почавъ де-колы дуже запывати.

Лышъ мисяць мынувъ писля прыгоды зъ хорунжымъ. Марьяна довго, до пізнїї ночі дожыдалася батька зъ миста, куды винъ шишовъ, щобъ купыты де-чого на пущання; такъ и не диждалася та й сама лягла спати. Не прыйшовъ батько и вранци; ажъ била полуноч прыскочивъ дверський козакъ зъ звисткою, що старий сей ночі замерзъ у степу, зблудивши пьяный зъ шляху.

Никуди було дитися бидній сыротини зъ своїмъ соромомъ: заздри мійськи та дверськи ливчата не давали ій просвітку своїми докорами, глузуваннямъ, а парубки, до залыяння котрихъ вона була байдужа, теперъ нахвалялися утятами ій косу за те, що хочъ и неволею, стратыла винокъ свій дивочий.

Пишла Марьяна світъ-за-очи шукати прытулку у чужихъ людей. Опинивши у Черкасахъ вона стала за няньку въ якогось доброго заможнёго мищаныма. Писля Спаса вона породыла хлопця. Такъ, трохи не зъ п'ятнадцять літь вона тяялася зъ дытыною въ паймахъ, чы разъ гирко проклынаючи свое нужденне життя. Натерпилася голоду, холоду, кривды та зневаги, ажъ забравъ іи Могильський за господню до себе, у Гуляй-городъ.

Тутъ ій здалося, що лыха доля стала до неї наче ласкава. Могильський, до усихъ прыкрый и суворый, до Марьянини бувъ прыхильний: винъ виддавъ ій всі ключи видъ господы, де-колы пытався іи рады въ домовыхъ спрахахъ и видъизжаючи на свои

землеми́рськи роботы, де-колы на скилька тýжнивъ, лышавъ іи за старшу надъ усімъ своимъ хазяйствомъ и повиравъ ій доглядаты свою Юзю. Смутку задавало Марьяні лышъ те, що Могильській видразу не злюбивъ іи сына Нестора. Вона всиляко старалася, щобъ хлопець ни въ чимъ не ставъ проты воли пана, щобъ навитъ не часто попадався ёму передъ очи, але все-жъ такы панъ ненавидывъ Нестора безъ прычны, ви про що, хочъ старався не показуваты того передъ людьми та Марьянію, бачивши, що се іи дуже грызе. Юзя, зъ доброго свого сердця, завжди обставалася передъ батькомъ за Несторомъ и тымъ дуже прывъязала до себе серде матери и сына. Вона була добрымъ янголомъ и заступницею для всіхъ бідныхъ и покрывжденыхъ. Въ сумній, понурій господи гуляйгородській Юзя була зиркою для всіхъ, розганяючи хочъ трохи загальний сумъ и хмурить своїмъ щебетомъ та ласкою.

Мынуло п'ять літъ такого життя въ Гуляй-городі.

Несторъ ставъ гарний парубокъ. Облыччямъ винъ вдався у матиръ: такий самий гожий, чорнобривий, але ёго вроду ще побильшувавъ высокий, гнучкий станъ та незвичайна сила. На вдачу бувъ добрий, прыхильний и працёвітый. Бачивши, що Могильський по давнemu не любить ёго, и що цікимъ стараннямъ, ни угидливистю не можна перемогти тої непависті, Несторъ давно вже хтивъ подякуваты ёму за хлібъ, за силь та й пійти та світъ шукати доли. Але була прычина, що мицнимы кайданами прыкувала ёго до Гуляй-города. Винъ щиро покохавъ Юзю, и вона взамно кохала Нестора усією силою свого молодого серця.

Зналы обое, що се кохання не дастъ имъ щастя, бо батько, хочъ-бы навитъ и любивъ Нестора, николы бъ не допустивъ и думки, щобъ ёго дочка вийшла за „хлопа“; винъ раднищій побачивъ-бы свою Юзю у труни, нижъ за Несторомъ. Зналы се добре обое, але ся безнадійність не зменшала сили ихъ кохання, а може ще й побильшувала ёго.

Бачыла й Марьяна, що зкоїлося зъ дитмы—вона любила Юзю якъ ридну дытыну; прочувала іи душа нещастя; вона пробувала неразъ намовыты дитеі выкынуты се кохання зъ серця, а Нестора сама выправляла зъ дому, знаючи, що Могильський охоче выпросить службу у Смилянського управытеля для Нестора, абы лышъ збуты ёго зъ своїхъ очей.

Дывнимъ робомъ, Могильський, завжди провайдливый, на кохання Юзи зъ Несторомъ бувъ слипий,—може тому, що винъ и думки не прыпустывъ, щобъ такий бурлака, безбатченко осмілився надіятись на шляхтанку.

Одної недили у Петривку, колы Могильський цилый тиждень вже не бувъ вдома, вся челядь у Гуляй-городи розійшлася хто-куди: парубки купатысь у ричку, дивчата по ягоды, а старіши поляглы спаты писля обиду. Юзя, своимъ звычаемъ, вийшла на край саду, надъ ричку, де починались берегови верболозы, сила на травыцю въ холодокъ пидъ кущемъ валыни таї загадалась, наче зачарована тыхимъ шелестомъ листя та теплимъ, ласкавымъ подыхомъ низового пивденного витру.

Згадала вона свою дытчу пору, колы не зазнавала ни журбы, ни смутку; матуся добра, лагидна, пестыла свою одыницию, догожала на вси іи бажання, на выгадки. Добра пора була, щаслива, незабутна!.. Якъ бы жыва була маты, розсказала бъ ій Юзя, якъ іи душу теперъ заповняють чудни, невидоми прочування—и радощи, и смутокъ, и щастя, и невымовна журба. Вона любить Нестора—гарного, доброго, хрошого,—Боже, якъ любить! Наче сонечко яснійше світить, колы винъ зъ нею, наче увесь світъ крацкий, веселійшый... А батько?

И смутокъ обгортавъ молоде дивоче серце, колы вона згадувала суворый, холодный поглядъ батька, ёго ненависть до іи любого.

Закривши лыце долонями, думала Юзя: чому я не проста селянска дивка, отъ якъ Меланка Демидова Рыбалчына. Демидъ охоче виддавъ бы дочку за Нестора, бо таихъ гарныхъ, дужыхъ та роботягихъ парубківъ не багато. Або чому Нестиръ не панычъ, шляхтычъ? Якый гарний бувъ

бы зъ ёго вояка! Вона згадала молодого хорунжого, котрого бачыла разъ у Смилянському костёли, на видпусти. Зъ Нестора бувъ бы ще крацый хорунжый.

— Чого заожурилась панночка хороша?

Юзя стреценулася, видкрыла лычко. Бilla неи стоявъ Несторъ.

— Злякавъ ты мене.

Несторъ сивъ обичъ дивчыны. Смилывый зъ другымы, зъ Юзею винъ завжды бувъ боязъкій, найбильше зъ тои поры, колы вона призналася ёму одного вечора, що любыть ёго такъ само, якъ винъ іи.

Несторъ добувъ зъ кышени жменю насинял и почавъ лузаты ёго. Юзя простягла руку, винъ всыпавъ ій насинял. Вичъ дывыся на неи, якъ на образъ. Юзя була чудово гарна. У вышытій квиткамы билій сорочци, у намысти зъ кораливт, зъ образкомъ и хрестыкомъ, у рижнобарвыхъ стричечкахъ, виплетенныхъ въ іи довги косы, вона здавалася гарною украинською дивчыною. Іи чаривни кари очи такъ любо та сумно дывыся на Нестора, що здалося ёму, наче увесь світъ затумазыся, лышъ ти очи, якъ зиркы, свитыся ёму.

— Панночко, любко хороша! Що зъ намы буде?

Юзя зрозумила ёго думку, бо се була и іи журба, и іи безнадійный смутокъ.

— Не маю я тутъ доли, не буде тутъ и щастя,—казавъ дали Несторъ.—Треба йты кудысь шукаты доли. А мое щастя тутъ, зъ тобою, покыну, моя зирко ясная...

— Несторе, голубчику, не кыдай мене! Не хочу я жыты безъ тебе. Може, Богъ змылуется надъ намы, може якось...

— Богъ змылувався бъ може, та твій батько не змылуется,—дарма.

Зитхнулы обое, задумалысь.

— На Нызъ, у Сичъ. Туды шляхъ такымъ сиромамъ, якъ я.

— Добре, йды. А я пиду у Тясмынъ; туды шляхъ для мене,—сказала Юзя.

— Ты панночка, ты знайдешъ соби гарну пару, паныча якого шляхтыча. Забудешъ швидко бурлаву безридного.

— За що такъ прыкро говорышъ, Несторе? Хиба я тебе на чаль покохала? Хиба, думаешьъ, мою душу не роздырає смутокъ, жаль? Ты не добрый, не такъ любышъ мене, якъ я думала.

— Ой, я жъ тебе не люблю?!—простогнавъ Несторъ.

— То не мучъ, не дорикай, колы любышъ,—сказала Юзя.

— А все жъ иты треба,—сказавъ Несторъ.—Батько довидается про наше кохання,—гирше буде.

— Не йды, Несторе. Я безъ тебе одного дня не прожыву.

— Голубко ясна, що жъ мени робыть? Маты выправляе, щобъ лыха не було; та й моя думка така сама.

— Колы такъ,—озвалася Юзя,—беры и мене зъ собою. Краще буду зъ тобою нужду терпить, нижъ тутъ одна...

— Не можна тоби у Сичъ, ясочко, віякъ.

— Не йды у Сичъ, тикаймо куды инде.

— На слобидську, на той бикъ можна,—сказавъ Несторъ. А ты не передумашъ?

— Ни.

— Колы бъ батько не видшукавъ?

— Поберемось, повинчаемся, то може простыть, перепросимъ,—сказала Юзя.

Несторъ обнявъ ії, прыгорнувъ до себе, цилувавъ въ уста, въ очи; вона горнулась до ёго, якъ голубка...

Вмыть скочывъ Несторъ, прыслушавъ: за кущемъ бузку ёму почувся наче шелестъ. Прожогомъ, якъ хыжый звиръ, винъ вынувшись за той кущъ.

Прытаившись сядивъ тамъ стаенный парубокъ Могильского, Макаръ. Про ёго знала вся челядь, що винъ разъ-у-разъ доказує свому панови про все, що діється та говорытса у двори.

Несторови наче захолонуло серце видъ гниву. Винъ вынувшись на Макара, якъ вовкъ на ягня, звалывъ ёго на землю.

Потимъ, ставшы ёму колиномъ на груды, сильною рукою своею
стыснувъ ёму горло и сказавъ:

- Слухай, ты песький сыну, я тебе задушу!
- За що? За що? скаменясь! — прохарчавъ Макарь.
- Ты докажешъ на панночку...

Але Макарь почавъ просытися, прысягатися, що не скаже
а-ни слова; грызъ землю, плакавъ... Несторъ пустывъ ёго, ска-
завши: „памъятай, Макаре: зъ пидъ земли тебе добуду, колы дока-
жешъ, и вбью, якъ гадыну“. Юзи вже не було пидъ калыною.

Мынуло тижнивъ два числя Петра. Могильський зновъ
пойхавъ на свою роботу, сказавши, що забарытся днівъ
зъ десять.

Несторъ ваздалегиъ обдумавъ все, якъ слідъ. Колы вти-
каты зъ Юзею, треба було взяты и матиръ, бо Могильський на
ній окошывъ-бы увесь свій гнивъ та помсту.

Теперъ найкращый часъ наставъ. За десять день, покиль
вернувшись-бъ Могильський, вони були бъ далеченько, по той бикъ
Дніпра. Марина дуже боялася сёго замиру, але Несторъ переконавъ іи.
Юзю переконувати не треба було: вона серцемъ
бильшъ була до Маріяни и Нестора, котри щыро любили іи,
нижъ до батька, котрого вона не такъ любила, якъ боялася.

На другий день числя выйзду Могильського, Несторъ на-
лагодивъ визокъ, добре нагодувавъ пару кращыхъ коней, а Мар-
яна зъ Юзею зибрали де-яку одежу та шмаття. Челяди ска-
зали, що збираються у Смилу до писаря у гостыну. Де-колы
їздылы вони до ёго, бувавъ тамъ и Могильський, тай писарь
чи-разъ зайиздывъ у Гуляй-городъ; тому-то никого не здывувавъ
той замиръ.

Несторъ не хотивъ выйздити за-дня, щобъ, выпадкомъ,
хто не признавъ ихъ на іншому шляхови, на Черкаси.

Звечорило. Несторъ, запрягши кони, зайдовъ у хату ска-
зати матери, щобъ прыпасла харчивъ на дорогу.

Поквапомъ заходилася Маріана накладати у торбу запасъ.
Несторъ, сивши обичъ Юзи на лавци, почавъ ій казавы, якъ

незабаромъ воны подружатся, якъ заведуть свое хазайство тамъ десь, у слободахъ...

Юзя сидила сумна, задумана.

— Чого невесела, моя голубко?—спытавъ Несторъ.—Може каешся, що втикаешъ зо мною? Може жалко покыдати батькову хату?

Ни, Несторе; не каюся я и не жаль мени, а такъ чогось невесело; щось недобре вищуе мое серде, страхъ якийсь мене берε...

— Не бійся, зирко, не журися!—сказаць Несторъ.—Бильшъ копы лыха не буде.

— Та ось вже й готово,—сказала Марьяна, завъязуючи мишокъ.

— Готово?—почувся голосъ позаду Марьяны.

У дверяхъ стоявъ Могильський.

Гримъ, колы бъ вдарывъ у хату, не злякавъ бы такъ. Марьяна пополотнила, та й наче застыгла вся, нагнувшись надъ недовъязанымъ мишкомъ. Юзя неначе скаменила, широко разкрывши свои кари очи. Несторъ стыснувъ кулакы; духъ ёму заперся у грудахъ.

Винъ вызырнувъ у сини.

— Гей, хлонце! Сюды!

На голосъ Могильського у хату увійшло скілько дужыхъ людей. Несторъ, бачивши, що не ёго сыла, вмыть, кынувшись у вікно, высадивъ ёго и скочивъ у садъ. Забигши у глыбъ саду, винъ спынявся, прыслушався: здогони не було. Видъ дому долынувъ до ёго розпачливый крикъ матери.

Несторъ охоловъ: той крикъ лизъ ёму гадюкою въ вуха. Почало ёго трусыти, мовъ у пропасныци, видъ гниву та лютости. Подумавши одну мыть, винъ крадъкома подався назадъ до двору. Вернувшись нышкомъ підъ вікно, винъ всунувся у кутъ бузку и зазырнувъ у хату.

Крику вже не було чуть. Могильський, страшний, блидъй, ходивъ по хати и клявъ всіхъ страшеными словами. Юзя си-

дила у кутку на доливци, затулывши лыце рукамы и гирко плакала. Марьяны не було у хати.

— Макаре!—гукнувъ Могильський.

Уйшовъ Макаръ и ставъ била порога.

— Те стерво,—сказавъ Могильський,—выведы заразъ на ричку и кынь у плавни.

— Вона, прошу пана, ще жыва,—видказавъ Макаръ.

— Робы, якъ кажу!—гукнувъ Могильський, топнувшы вогою.

Юзя кынулась у ногы батькови.

— Татку!—скрыкнула вона,—змылуйтесь! Що вы робыте!?

— Геть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи.—Ты мени не дочка!

Юзя хапала ёго за ногы, плакала, просыла... Але Могильський штовхнувъ іи зневажлыво ногою и выйшовъ зъ хаты.

Юзя кынулась за нымъ, благаючи: татку, татку!...

Не разъ хотивъ Несторъ скочты у вікно и задушыты Могильськаго, але, згадавши, що не ёго тутъ сыла, винъ застыгъ.

На столи за вікномъ, пидъ котрымъ прытаився Несторъ, стояла свичка.

Якась невидома сыла потягнула ёго руку до свички: винъ взвивъ іи зъ стола, пиднись пидъ стриху и зъ найхолоднішымъ серцемъ пройшовъ зъ нею видъ кута до кута. Потимъ, закинувши свичку у кущи, винъ перескочывъ садомъ до рички, до прыстани, де стоялы човны. Два човны винъ видпихнувъ геть видъ берега на воду, третій лышывъ. Дали, вырвавши киль, до котрого прывязувалы човны, винъ засивъ въ очеретъ.

Трискання пожежи, шарварокъ людей неначе втихою наповнялы ёго серце. Чорны лісъ по горахъ та ярахъ чудно якось видлышкавъ полумъямъ, а Тясмынъ свитывъ неначе розсыпанымъ червонымъ золотомъ. Чы донго просыдивъ Несторъ въ очеретахъ—винъ самъ того не памъятавъ. Колы наразъ почувъ винъ ходу двохъ людей, що наблыжалыся до прыстани. Воны неслы у рядни щось дуже важке, поклады це у

човенъ и мабуть лагодылъсь рушаты човномъ. Въ одну мыть Несторъ выскочывъ зъ своего захисту. Въ однимъ зъ людей винъ признавъ Макара. Коломъ, що мавъ Несторъ у руци, винъ такъ вдарывъ Макара по голови, що той, мовъ зкошений будакъ, не подавши и голосу, звалывся зъ човна у воду. Другий утиктъ, подумавши мабуть, що се нечыстый. Несторъ скочывъ у човенъ, видоіхнувшись видъ берега и, якъ лыска, помижъ очереты, подався у плавни.

У рядни лежала Марьяна,—безъ памъяты, побыта кыамы видъ шыи до самыхъ пъять. Кровъ іи наскризь промочила все рядно.

Йе на Тясмины остривъ середъ непрыступныхъ очеретивъ. Колысь купывъ ёго Могильський у Вергунівськихъ селянъ, посадывъ тамъ садокъ, поставывъ хатку, выкохавъ пасику. Стежку до неи мало хто й знатъ. Тамъ, бувало, любыла сыдиты Юзя, а Марьяна мала тамъ трохы закопаныхъ грошей та де-яку одежду. Несторъ завернувъ на той остривъ и розсказавъ пасичныкови всю свою прыгоду. Старый пожаливъ ихъ, помигъ Несторови обмыты та позавязуваты раны побытои матери. Вона не вернулася до памъяты. Пасичникъ боявся пана, боявся даты захистъ втикачамъ у своїй хати. Винъ помигъ Несторови поставыты куринъ зъ очерету у другимъ глухимъ краю острова. Туды й перенеслы Марьяну. Старый прынисъ имъ де-якои стравы.

Цилый день просыдивъ Несторъ вадъ матирю, обганяющы гылькою видъ неи комаривъ та мухъ. Марьяни не легчало. О-пивночи вона умерла. Несторъ выкопавъ глечыкъ срибныхъ грошей, перениссъ тило на човенъ и поплывъ до Вергунівъ—осели, що лежыть навпроты Гуляй-города, по той бикъ рички.

Вытягнувшы човенъ на беригъ, винъ взявъ тило на плечи и понисъ до панъ-отця. Склавши свою ношу па прызыби пидъ хатою, винъ накрывъ іи рядномъ, а самъ, пиднявши виконце, гукнувъ у хату: „панъ-отче! аговъ, панъ-отче!“

— А хто тамъ?—озвалыся зъ хаты.

— Поховайте се тило, що лежить у вась на прызьби, и видправте службу за душу небижкы, а оде вамъ заплата.

Винъ высыпавъ на лутку жменю грошей, а самъ утикъ до Тисмына. Допавши човна, винъ выплывъ на середыну рички та й задумався: куды теперъ подитыся?

Дывнимъ робомъ діется на свити, що не разъ вся наша доля залежить видъ якоись маленькои прыгоды.

Несторъ надыбавъ у плавняхъ на чаплю и де-який часъ, блукаючи думкамы далеко, дывывся на неи.

Цотимъ винъ зпавъ на чудну думку—завернуты човенъ на чаплю: куды вона полетыть, подумавъ винъ, у ту сторону и я помандрую.

Чапля знялася, покружляла надъ ричкою и потягла за пысарську греблю.

Свитало вже, и на яснимъ небозводи довго, довго ще бачивъ Несторъ, якъ чапля летила надъ ричкою, ажъ помалу розтанула въ очахъ...

Перехрестывшись, винъ погнавъ свій човенъ на греблю.

Покинувши човенъ, винъ озырнувся на Гулай-городъ, важко зитхнувъ за Юзею, за матирю, а потимъ берегомъ Тисмына майнувъ пишки до Медведивки, а звидтыль до Чыгрива.

Тамъ трапывъ винъ на ямарокъ, и люде, що прыйихали зъ Орловой балкы, опонидали, що тамъ збираются бурлаки и хтять ити на Польщу.

Несторъ купывъ соби на торговыську рушныцю и впросився до одного чоловика, почастувавши ёго горилкою, щобъ пидвизъ ёго у ту сторону. Цілый день вони йихали лисамы та байракамы, ажъ до другого дня выбрались на широкий степъ, якъ окомъ глянуты.

У-перше Несторъ бачивъ степъ. Зпочатку ёго наче зачарувавъ безмирный простири, а дали нагнавъ ёму тугу.

Спека була нестерпучча, волы на превелыку сylу ступали по дорози, а Несторъ сидивъ зморений, думка думку гнала, а серце чогось такъ болило, наче бъ ёго хто бравъ рукою и стыскавъ що-мыть. Одынъ однисенький, безридний на симъ тыро-

кимъ свити! Нема щырои души, до котрои винъ прыгорнувся бъ душою, розсказавъ бы свою тугу...

Несторъ заснувъ, и дывній, вишній сонъ прыснывся ёму.

Наче бъ зъ незличенымъ військомъ переходывъ винъ черезъ якесь багнysко, грузнучы по поясъ у болоти, а те військо, мовъ тьма гайворонивъ, що въ-осеневы покрывають поля, йшло, йшло... ажъ дійшли воны до великого миста, наче Смила, але бильше. А на майдани росло жыто, буйне та высоке, и косьвъ ёго Несторъ зъ військомъ, и накосьлы багато...

Колы винъ прокынувшись, холдный питъ покрывъ ёго чоло, а серце стукотило такъ, наче бъ винъ безъ спыну перебигъ цилый ланъ.

О-полудни воны стали на попасъ биля степового куриня.

У-перше, зроду Несторови непереможно забажалося горилки. Увійшовши въ куринъ, винъ зоставъ тамъ четырехъ чоловикивъ, засмаленыхъ, кудлатыхъ, бородатыхъ, у дряныхъ сорочкахъ и штаняхъ. Воны пылы горилку.

Почали розытуваты Нестора, звидкиль та куды винъ иде.

Пидхмелывшись горилкою, Несторъ розсказавъ имъ всю свою прыгоду.

— Поставъ же намъ горилки,—сказали люде, а мы тоби заспиваемъ гарну писню.

Несторъ поставыў. Воны пидсунулы пляшку до себе и почали частуваты одынъ одного, не вважаючи зовсимъ на Нестора, а спорожнывши пляшку, одынъ спытавъ.

— Що жъ теперъ думаешъ робыты зъ собою?

— Шукаю людей, що идуть на Польщу,—видповивъ Несторъ.

Однъ зъ людей зареготався.

— Ну, а якъ прыйдешъ у Польщу, запевне заскочишъ до ляшкы, що бидна тужыть десь за тобою?

— Пиду вбыты і батька,—видказавъ Несторъ.

— Э, покынь!—сказавъ другий. Невира ляхъ десь защеклый та ще мабуть дужый, бо паны силять на перынахъ, а годуються кнышамы. То жъ винъ тебе зариже, якъ теля.

— Брешешъ, бисивъ сыну! — скрыкнувъ Несторъ гневно.

— Гай-гай! И гарячый ты, якъ я бачу, козаче.

— Годи бо! — озвався третій: не дратуйте. Выдко, що парубокъ зазнавъ горя, бидолаха.

Облычче цёго чоловика було худе, засмалене, та дуже сумне. Сорочка груба, вся свитыла дирками; руки зпрацёвані, жылави та гудзовать, а спина схрізь дирки показувалась вся у пругахъ та шрамахъ видъ батогівъ.

А Несторъ бувъ билый, гладкий, сорочка тонка и руки мнягки, тендытни.

— У насть братику, жытта! озвався четвертый. А що на Запорожжи — справжній рай! Але, щобъ тебе прынялы до куреня, потрибни два речи: треба вміты гуляты у ремінь, а друге — треба маты вусы.

Зъ цімъ словомъ винъ добувъ зъ кышени ремінечъ, склавъ ёго у двое, потімъ звернувъ у кильце и поклавши на столи, сказавъ Несторови влучаты шыломъ у саму середыну.

— Гляды жъ, хлопче, не граемъ на вітеръ. Добувай, лышенъ, гроши, та ставъ ще пляшку горилкы. Почалы грать, а вражы сыны разъ-у-разъ долывали Несторову чарку. Несторъ програвъ всі свои гроши. Толи одынъ зъ гайдамакъ добувъ зъ комина сажы и намастыў Несторови вусы. Высылы щ...

Колы Несторъ прокынувся на другій день вранци, ёго товарышивъ вже не було. Винъ лышыўся безъ грошей и безъ шматка хлиба.

Тоди ёго взяла така туга та злість, що винъ заставывъ шынакареви останню свытыну та почавъ цыты зновъ.

Ще винъ сядивъ надъ пляшкою, колы зъ надвірря почувся гомінъ, и чоловика зъ двадцять, верхамы, зъ нагаями, та снысамы, а де-котри зъ рушныцамы опыніліся передъ корчмою.

Першый увійшовъ козакъ среднёго зросту, у синому жупани, жылавый, дужый, зъ рудымы вусамы; невелычки очи ёго булы гостри, проныклыви; зброй винъ не мавъ ніякои, кримъ короткой татарської нагайкы. Узривши Нестора, винъ спытавъ:

— А звидкиля ця пысанка?

Несторъ розсказавъ ёму все чисто. Козакъ увесь часъ проныклъво дывився ёму въ вичи, а дали звернувся до своихъ:

— Гей, а чы не ляшський це шпигунъ, пидглядныкъ! Кажы мени правду, вражый сину, бо повишу тебе, якъ пса!

За цымъ словомъ винъ вытягъ Нестора нагаемъ по спыни, ажъ той прысивъ.

— А потрусить ёго, хлопци, трохи!

Въ одну мыть Несторови покыверталы вси кешени, шапку, обмацалы пазуху, розулы.—Не знайшли ничего.

— А ну, перехрестись?—сказавъ отаманъ.

Несторъ перехрестися тричи.

— Скажы отченашъ.

Несторъ выказавъ.

— Добре. Хочешъ, пысанко, въ намы?—спытавъ отаманъ

— Хочу, батьку!—видповивъ Несторъ.

— Гараздъ! Посады ёго, Паньку, зъ собою, сказавъ отаманъ одному зъ козакивъ. Козакы вышылы по чарци, поснідалы сухарямы, напоили коней тай рушылы дали у степъ.

Несторъ сивъ на коня по-заду Панька. Дорогою козакъ розсказавъ ёму, що ихъ ватага стоить пидъ Орловою балкою, а отаманъ звется Максымъ Зализнякъ.

П.

Мынуло три роки писля Гуляйгородської прыгоды.

На України настала лыха пора,—зовуть ту пору колівщина.

Року 1768 народъ Український повставъ на своихъ панивъ за зневагу своихъ людськихъ правъ та вири. Почалось гайдамацке повстання, а головою ёго бувъ Максимъ Зализнякъ

По всій правобережній України народъ стогнавъ у крипацтви: польськи паны, магнаты почытали мужыка за скотину, „быдло“, а ксіондзы заводы скризь унію. Подекуды, невелыч-

кымы громадамы люде бунтували, нападали на поодыноки шляхетськи дворы, палылы ихъ, побывали панивъ та ксіондзивъ, але польське військо розправляло зъ такими дрибными гайдамацькими загонами, розбывало ихъ, а захопленыхъ гайдамакивъ вишало, четвертувало або сажало на палю на торговыцахъ та розстайныхъ шляхахъ, на страхъ другимъ.

За початку повстання у Зализняка було три гайдамацькіхъ загони: одинъ стоявъ надъ Лебедињськимъ монастыремъ, другий у Мотронинськихъ лисахъ, третій у Чутивськихъ, підъ Сербами.

Дійшла звистка до Зализняка, що Уманський губернаторъ Младановычъ зъ козацькимъ сотникомъ Гонтою, що служивъ у надворній козацькій міліції пана Потоцького въ Умани, побыли де-килько загонивъ, а гайдамакивъ перевишли та посадили на пали, а трохи згодомъ побылиувесь чутивській загинъ; зъ того загону добигло до Зализняка тильки три чоловика.

Несторъ Цысанка (такъ прозвали єго козакы) бувъ у Мотроновському загони.

Другого тыждня великого посту сказавъ єму Зализнякъ йихаты у Смилу, статы тамъ, наче за наймита у попа, та нышкомъ бунтувати людей щобъ прыставали до гайдамакивъ, якъ рушать вони на Смилу.

На другій день Несторъ ставъ вже у Смili, у панъ-отця Андрія.

У-вечери Несторъ пішовъ у мисто, зазирнувъ у корчму. Тамъ заставъ винъ двирськихъ козакивъ зъ мыліції, розбалакався зъ ними, почастувавъ горилкою та й прогулявъ тамъ ажъ до пивночи.

На другий день тытаръ повивъ єго до своїхъ прыятелівъ, заможнихъ мищанъ; ти зновъ у вечери одвидали Нестора. Не мишло ще і тыждня, якъ вже зналы єго вси Смилане та й полюбили єго, бо бувъ добрый, веселый, зъ молодшими й погуляти гараздъ, а дивчата пропадали за нимъ, бо спивавъ гарно, гравъ на бандуру, а гопака садивъ такъ добре, ажъ дивувались вси.

Одного днія надвічирь Несторъ зайшовъ до двирськихъ козакивъ. Посидавши на прызьбы управытельськои пекарни, балакалы про се, про те, покуруючи люльки. Колы це зъ двору пидийхавъ врыйти рydванъ, у четверо добрыхъ копей; зъ нёго выйшовъ панокъ, літъ пидъ сорокъ, вусатый, у кожушыны, крытій сывою кытайкою, а за нымъ два пані: одна пидстаркувата, друга молоденька, чорнява гарна, та гожа.

Несторъ, глянувши на неи зблідъ, замовкъ, але въ мыть перемигся, та й повивъ дали перебыту розмову.

Видразу винъ пізнавъ Юзю. Вона ще покращала за той часъ, якъ винъ іи бачивъ. Іи чудови кари очи зирнули на Нестра, але вона не пізнала ёго. Тай не дыво: гайдамацьке життя дуже перемінло колышнёго гарного хлопця, якого вона полюбила у Гуляй-городи; степовий вітеръ осмаливъ ёго обличчя, а чорни вусы зробили ёго далеко старшимъ. А до того, чы могла Юзя сподиватись побачити Нестора тутъ, у Смили, середъ двирськихъ козакивъ панської мылиці?

Трохи згодомъ, якъ рydванъ вже видъизжавъ зъ пидъ двору, Несторъ спытавъ одного козака:

— Хто се прыйхавъ?

— А ты хиба не знаешъ?—видповивъ козакъ.—Полковныкъ Кvasnyцький зъ Мельниківки.

— А ти пані?

— Одна—полковныкова жинка, а друга—ляшка зъ Гуляй-городу, Могильського дочки.

— А чого жъ вона сюды прыйхала?—спытавъ Несторъ.

— До батька. Полковнычка дуже іи любить, та й часто возвытъ до себе, у Мельниківку. А теперъ оце прывезла іи назадъ.

— А батько іи що робить?

— Та ничего. Сидить въ управытеля та й годи.. Зъ тои поры, якъ згоривъ ёго двироекъ у Гуляй-городи, винъ вже бильше проживає у Смили, нижъ тамъ. Да хочь и поставиць винъ соби новий двиръ у Гуляй-городи, та щось ёму тамъ жити не дає.

Кажуть люде—тovчется по ноцахъ, ходыть, стогне... Хто ёго зна... Святылы хату чы-разъ—не помагае.

— Чому жъ дочка доси замижъ не выйшла?—спытавъ Несторъ.—Адже жъ гарна?

— Та врагъ іи зна,—видповивъ козакъ.—Дивка гожа, ляхивъ у Смили чы-мало, до всихъ вона зубы щырыть, а замижъ не йде.

Несторъ задумався. И радощи, и смutoкъ, и якась непевна надія заповнылы ёгф душу. Яка гарна, чудово хороша! Невже-жъ вона замижъ не пійшла тому, що доси ёго не забула, що любить по давнёму?...

Парубкы дуже поважали и слухали Нестора, а дивчата юрбою биглы на вечорныци, колы знали, що тамъ буде винъ. Але зо всихъ дивчатъ Несторъ, здавалося, найбильше вподобавъ бувъ одну Оксану зъ Гуляй-города. Вона служила у двори, при панни Могильській. До Оксани винъ ходывъ вечорамы на разговору, носывъ ій разъ-у разъ гостынци.

Вси дивчата заздрily Оксани; кожна рада й щаслыва була-бъ, колы-бъ до себе могла прывабыти гарного козака.

Несторъ выпытавъ Оксану про іи панну и довидався, що до Юзи залипается багато панкивъ та панычивъ, але вона найбильше мабуть вподобала молодого брата полковнычки Квасынькои, багатого панка зъ Лысянки, що разъ-у разъ дойизжає у Смилу, або до сестры у Мельныківку: тоди саме и забирае полковнычка панну до себе и Юзя дуже радie, акь побачыть ёго.

— Тай моторный ляхъ,—казала Оксана; гарний, веселый. до панни саме до пары.

— А чы справди любить ёго панна? пытавъ Несторъ.

— Да вже-жъ. Полковныци разъ признавалась, що любить ёго, та й мени якось сказала: визьму вже й тебе, Оксано, зъ собою, якъ выйду за пана Яна. У ёго богатый двиръ у Лысянци. Бо панна мене дуже любить.

Вже було зоксимъ смерклося на двори, и не бачыла Оксана, якъ зъ сердешного болю зтыснувъ зубы Несторъ и якимъ вогнемъ запалали ёго чорни очи.

Наставъ Велыкденъ. Пора була тепла, погожа, садки за-
веленилы, весняне запашне повитря лунало дзвономъ, веселымъ
голосамы людей, спивами та смихомъ молодижи, щебетомъ
пташній. Высоко, пидъ чистымъ блакитнымъ небомъ цвиркотили
жайворонкы.

Все було чисте, чепурне, веселе: и побилени, якъ снигъ
хатки, зъ жовтымы прызьбамы та сынимы мережкамы кругъ ви-
конецъ, и дивчата у билыхъ выштыхъ сорочкахъ, у квитчастыхъ
стричкахъ та намыстахъ, и прычепурени парубки у новыхъ
святкахъ та яскравыхъ поясахъ, и дитвора, шо гралась у кыткы
пышанкамы та крашанкамы,— все те сміялося, все радило. Все
брatalоса, цилувалось: Христостъ воскресъ!

А старійши, посидавши на прызьбахъ, покурюючи лольки,
тыхо балакалы про волю, про гайдамакивъ, Зализняка... Дай-то,
Боже! зитхавъ де-хто. Балакалы и про золоту грамоту видъ
царыци, шо виддавала всю землю людямъ и всіхъ повертала
на вильныхъ козакивъ, и про благословення, шо дававъ Мотро-
нинський игуменъ на війну зъ ляхамы...

Несторъ, побалакавши доволи зъ старымы, погудявши зъ
парубкамы и дивчатамы, пишовъ навидаты й своихъ прыятеливъ,
дворськихъ козакивъ. Зустривши на двори Оксану, винъ виро-
хавъ іи, щобъ пустыла ёго у вечори у свою комирку, биля по-
коивъ іи панны. Оксана спершу боялася пускаты ёго, але винъ
намовывъ іи, шо теперь, за святковыми гулянкамы, никто не
побачывъ бы цёго, а хочъ бы навить и побачымы паны, то ска-
зала бъ Оксана, мовъ бы братъ прыйшовъ іи видвидаты у свято.
Адже де не грихъ. Пёттай Несторъ мавъ надію, шо побачить
Юзю, и може й побалакае зъ нею.

Комирка Оксаны була поручъ зъ кімнатою Юзи.

Оксана провела козака до себе, наказала ёму сидити ты-
хенько, а сама побигла до панськихъ покоивъ. Несторъ пры-
таився за грудкою; серце ёго колотылось такъ, наче бъ хтило
выскочыты зъ грудей.

Недовго потімъ винъ почувъ, шо у сумежню кімнату
увійшло двое; по голосахъ винъ прызнавъ жиночъ, а одна зъ

ныхъ була Юзя: іи голосъ винъ прызнавъ бы и середъ гомину сотни голосивъ.

Несторъ затаинвъ духъ.

— Чы довго ты, Юзю, будешъ мени мучыты брата? почувъ винъ. Адже жъ бачышъ, якъ винъ пропадае за тобою?

— Титочко кохана, озвалась Юзя, тожъ винъ мене мучыть, не я ёго. Колы бъ винъ мене любынъ такъ, якъ каже, то не пропадавъ бы цилымъ тыжнямъ у свойій Лысянци. Хто ёго зна, може винъ иншу любыть.

— Чудна ты, якъ я бачу,—озвалась зновъ та друга. Якъ бы ты ёму подала надію, що выйдешъ за ёго, то винъ бы вже й не повернувся у Лысянку, хиба зъ тобою. Чы ты ёго справди любышъ, скажы мени?

— Люблю, титочко, всимъ серцемъ. Колы бъ винъ мене такъ любывъ, то я бъ була щаслыва, якъ никто...

— А ты жъ николы доси не любыла?

— Никогисенъко, титочко,—видловила Юзя.

— Ну, то прызнайся мени, Юзю, якъ матири, ось про що: чула я де-що про якусь тамъ твою прыгоду зъ простымъ парубкомъ, тамъ у Гулай-городи, якъ ото згоривъ вашъ дверъ. Чы сёму правда?

— По-декуды правда,—сказала Юзя.—Адже жъ вы знаете, мабуть, якъ мене батько выховувавъ змалку? Я жъ росла середъ челади, мужыківъ, одягала ихъ селянскую одежду, ходыла боса, спивала ихъ писни, якъ оце моя Оксана. Чы жъ дыво, що мени, дурному, п'ятнадцатилітному дивчати, збаламутывъ голову парубокъ? Де бъ я теперъ була, та яка була бъ, колы бъ воно й справди такъ сталося? Мене ажъ страхъ бере, якъ подумаю.

— Справди,—видловила титка.—Та й чудны же бувъ твій батько! Выховуваты едыну, гарну дочку, якъ просту наймычку!

— Отъ бачыте, титочко. А я жъ хиба тымыла тоди, що воно й передъ Богомъ грихъ тажкий покохаты схызматыка, та й передъ людьмы соромъ звязуватыся зъ простымъ мужыкомъ.

— Ну, годи про се,—сказала титка,—пора вже тоби спочыты, бо не рано. Такъ не пиднесешь гарбуза Янови?

— Ни.

— Ну, добраничъ, моя дытыно,—сказала та, цилуючи Юзю.—Спы спокійно, хай тоби золоти сны вважаються.

Всю ту розмову Несторъ чувъ видь слова до слова. Зтыснувшы розпачльво свою голову рукамы, винъ згадувавъ соби колышню Юзю, добру, веселу, просту... Нема іи теперъ! Ту Юзю винъ покохавъ, якъ покохавъ и свою маты.

„Передъ Богомъ грихъ, передъ людьми соромъ!“

Мовъ у сни винъ чувъ, якъ Юзя клыкнула Оксану, щобъ ишла іи роздягаты до сну. Воны щось балакали промижъ себе, але це вже ёму було байдуже.

Добре вже згодомъ увійшла Оксана у свою комирку, зачнинивши за собою двери.

— Цыть!—сказала вона нышкомъ—ще не заснула панна. Пісодили який часъ мовчки.

— Слухай, Оксано,—пошепки спытавъ Несторъ.—Дуже твоя панна любить лаха?

— Мабуть дуже,—видповила дивчына,—а що вже винъ за нею пропадає!

— А гарна жъ твоя панна?

— Ой гарна! Хиба ты іи не бачывъ?

— Ни. Ось ты мени покажы іи, якъ засне.

— Чы ты здуривъ, божевильный?—трохи не скрыкнула Оксана.

— Та ну бо, справди,—прохавъ Несторъ.

— Одчепись, нависны! Та жъ вона прокынется, шаробыть репету зъ переляку,—тоди старый чортъ засиче мене на смерть.

— Не бійся,—сказавъ Несторъ.—Я знаю замовляты сонъ, не прокынется.

Довго сперечалась Оксана, але такы іи Несторъ намовывъ.

Крадъкома, на-вшынькахъ пройшовъ винъ у сумежню кімнату.

Юзя спала спокійно, підмостыни свою билу руку підъ голову; чорни, розплетени косы майже зовсімъ закривали іи.

шыю и плечи. Пры слабому світли лампадкы, що блымала у кути передъ образкомъ, Юзя вбачалася Несторови ще крашою, нижъ у-день. Винъ наблизився до лижка и втопывъ въ неи свои очи.—Невже жъ це та сама Юзя, що колись такъ щиро любила ёго, що присягалась втопытись у Тясмини, коли винъ іи покыне! Чы справди, чы у сні винъчувъ оце, якъ вона видрикалася, стыдалася того кохання? Чы може тамъ, у Гуляй-городи бувъ лишъ сопъ?...

Юзя, мовъ-бы чуючи на соби палаючый поглядъ Нестора, ворухнулася.

Оксана скопыла Нестора за руку и съломиць потагла ёго назадъ.

— Иды, иды,—просыла вона.—Що ты робыши? Не губи мене!

Несторъ выйшовъ мовъ несамовитый, похыльвши голову.

—

Паны й шляхта, гуляючи та бенкетуючи святамы, и думки не малы, що іскра нездоволення въ Українському народи жевріє чымъ разъ бильше и ось-ось готова знятися у полум'я повстання. Безщечно гулялы вони, покладаючи надію, що дзвирськихъ козаківъ та скілько сотень польськихъ жовнирівъ стане для страху и покоры народу.

Мынулы свята.

Одного вечора юрба парубківъ похожала, гуляючи, по майдани, та й натрапила на прыгоду.

Зъ-пола, зъ сійбы повертаўся воламы старый селянинъ; на борони, що лежала на драбынахъ поперекъ воза, сидивъ ёго хлопець. Вийзжаючи на майданъ, винъ зачепывъ возомъ управительського сына, що йихавъ до двора натычанкою. Хочъ дзвирський фурманъ и кричавъ здалеку: звертай! але воламы не такъ-то хутко й звернешъ. Фурманъ вытягъ хлоцца батогомъ, а старого облайвъ.

— Тоби жъ легче було звернуть,—видловивъ старый.

— А ты, старый чорте, не мигъ зарани звернуть?—гукнувъ панычъ.

— Волами не звернешъ швидко, панычу,—озвався старий.

— Я тебе навчу звертати й волами!—крикнувъ панычъ та, вихопивши батигъ у фурмана, замахнувшись на старого. Але ёго руку мовъ зализними клицамы вихопивъ хтось сильною рукою та зтыснувъ такъ, що й батигъ выпавъ зъ руки. Осатанившы зъ болю та гниву, панычъ повернувся: ёго руку державъ Несторъ.

— Зась тоби здіймати руку на старого!—спокійно сказавъ Несторъ.

— Ты... ты... якъ смієшъ? Хто ты?—белькотавъ панычъ, випручаючи свою руку.

— Хто-бъ не бувъ—видповивъ Несторъ, а кривдити безвинного не дамъ. Г'ей, ты!—гукнувъ винъ дали на фурмана; зтягни назадъ кони!

Фурманъ безперечно послухавъ. Парубки наддалы воза старого.

— А теперъ рушай,—сказавъ Несторъ, пускаючи руку паныча, та у друге не будь такий гарячий.

— Я тоби покажу, сучий сину,—кричавъ здалеку панычъ на Нестора,—страйвай!

Парубки гучнимъ реготомъ видновили на цю похвалку.

Ця прыгода дуже налякала панивъ. Управытель заразъ пославъ сотника въ двадцятьма двирськими козакамы, звелившы прывесты того, хто покривдывъ паныча. Сотникъ заставъ парубківъ на майдани и звеливъ козакамъ взяты Нестора. Але козакы стоялы, мовъ нежыви, а парубки въ очи насміялись зъ сотника. Колы винъ самъ винувся до Нестора, парубки напались, ввалилы сотника та такъ помялы, що вихопився винъ зъ ихъ рукъ ледве живый. Тымъ часомъ хтось давъ звистку до двору. Пивъ-сотни польськихъ жовнирівъ винулось на майданъ, въ мыть розигналы юрбу, ціймали Нестора та зъ нимъ ще чоловика трое парубківъ, повязали ихъ и повели до двору.

Выйшовъ управытель, а за нимъ вси паны та шляхта, яки були у двори. Челядь свитыла каганцями та лыхтарями.

Панычъ, въ котрымъ була прыгода на майдани, глянувши на Нестора, скрывнувъ:

- Оде той самыи розбишака!
- Хто ты?—спытавъ управытель.
- Несторъ Пысанка, запорожець.
- Несторъ?—спытавъ одынъ зъ панивъ, та взявши въ одного зъ челяди лыхтарню, наблызывся до Нестора, пиднисъ у-гору и освітывъ лыце козака.

Се бувъ Могильський.

- Звидкиль ты, харцыз?—спытавъ винъ.
- Зъ Гуляй-городу.—Спокійно видповивъ Несторъ.

Могильський трохы не выпустывъ зъ рукъ лыхтарню, але перемигся и, звернувшись до панивъ, сказавъ:

— Бреше винъ, панове! Бувъ тамъ, справди, одынъ поганець Несторъ, але той давно вже втикъ звидтиль и певне теперъ десь высыть на шыбеныци. А цей, мабуть, взявъ соби чуже имя, думаючи, що я боронитъму його. Не диждешъ, володюго!

— Ты брешешъ, ляше!—смилово видповивъ Несторъ.— Знаешъ ты мене добре, а я тебе ще краще. Ты забывъ на смерть мою матиръ, а я спалывъ твій дверъ. Іригадавъ теперъ? Стригайте жъ, паны, настане нашъ часъ, не такъ будете вы признаватись до нась!

Могильський, блидый, озвиреный, скочывъ до Нестора и на розмашъ вдарывъ його по выду.

Затрищали шнуры, котрымы бувъ звязанный Несторъ, але не порвалысь. Несторъ пропявъ Могильського поглядомъ, повнимъ ненависты и помсты, але не сказавъ ничего.

— Покынъ,—сказавъ управытель Могильскому;—завтра допытаешь розбишаку краще.

Нестора и парубківъ зачыныли на вежи и прыставыли до ныхъ сторожу.

Паны дуже потрывожылись, бо це вже бувъ выпадокъ незвычайный. Радылышъ, що робить, щобъ не допустыти до справжнього бунту. Управытель заспокоювавъ всіхъ.

— На мою думку, панове,—казавъ винъ,—треба добре провчты тыхъ ноганцивъ, що ціймалы, такъ провчты, щобъ всімъ другимъ пропала охота бунтувати!

На цю пораду пристали всі.

Юзя, прочувши про Нестора, дуже збентежилася. Й и жалко було його, бо чуло іи серце, що вона та іи батько знивецьлы життя парубка, и соромъ було призвати до Нестора. Щось боляче ворушылося въ іи серци, и не могла вона гараздъ знати, що воно таке: чы забутки, залишокъ колышніго кохання, чы простий жаль, чы докоры сумління. Вона рада-бъ просыти батька, управителя, щобъ помылували Нестора, пустыли ёго, але жахалася думки, що всі довидаются, якъ вона колись кохалася зъ цымъ гайдамакою. Такъ до пізнїї ночі боролася вона зъ своїми думкамы, та ничего не надумала.

Идучи у свою кімнату на спочинокъ, Юзя побачыла, що іи Оксана плаче..

— Чого ты?—спытала панва.

Оксана зайшлася слизьми ще гирше.

Юзя поволи, ласкавымъ словомъ почала розважати дивчыну та допытыватись.

Трохи угамувавши, Оксана розсказала своїй панні, якъ вона любить Нестора и якъ ій жалко, що ёго піймалы, будуть мучити, а то може й зовсімъ зо свиту згублять.

— А винъ же тебе любить?—спытала панна.

— Любить, панночко, голубко!—видказала Оксана.

Юзи теперъ неначе полегчало на серци. Вона заспокоила дивчыну, обицявши, що за-для неї зробить все, що можна; завтра просытиме управителя, щобъ помылувавъ іи любого, а коли Несторъ покажеться та покыне гайдамацьке життя, то може и одружыться зъ нимъ.

Оксана трохи не здурила зъ радощивъ: плакала, сміялась, цилувала свою добру панну у руки, не знаючи, якъ вже дякувати за таку іи ласку.

До пізнії ночі забалакала Юзя зъ Оксаною, ажъ нарешти поляглы спати. Але не спалось имъ, бо обидви буды ради, щаслыви.

Въ тимъ почула Юзя мовъ бы якийсь шелестъ пидъ викномъ.

-- Оксано!—вільнула Юзя.—Чы защепнула ты вікно? Встань, подывися.

Оксана пидійшла до вікна. На неї потягнуло холодомъ зъ надвору: вікно було зовсімъ розкрите, а за нимъ стояла висока темна постать. Не встыгла Оксана крикнуты, якъ стрибнувъ вікномъ у кімнату Несторъ, сильно стиснувъ іи за руку и промовывъ: „цить, бо вбью!“

Оксана зъ ляку занимала. Тымъ часомъ Несторъ скочивъ до лижка, вхопивъ на руки зомлилу панну и якъ кишка вискочивъ зъ нею вікномъ.

Опам'яташись, Оксана заголосила, заречетувала и зняла на ноги увесь двериръ. Кинулись скрізь по будынкахъ, по двори—не зловили никого.

Нестора и засаженыхъ нарубківъ не було, а зъ ними згынули й всі козаки дверирської мылиці. Била дверей вежи, де сидили въязни, знайдено лишъ троє вбитихъ жовнира. Могильський ходывъ мовъ несамовитый: винъ одынъ тамъ зъ всю справу, якъ слідъ, и знаявъ, що це починається Несторова помста за всю кривду и зневагу, якои винъ зазнавъ.

Молодий нареченій Юзи, панъ Янъ, бигавъ, мовъ божевильний. Винъ падавъ на вколишкы передъ управитеlemъ, прохаючи даты ёму жовниривъ для здогони, але той боявся лышытись безъ охорони. Нарешти, на превельку сылу, винъ давъ двадцять чоловика, и панъ Янъ, обіцаюши жовнирамъ по сто червінцівъ, колы знайдуть Юзю, самъ пустывся зъ ними на пошукання.

Другого дня надъ вечиръ зъ Бузуківки прыскочивъ охляпъ жыдокъ, ледве живый, и зповистивъ, що весь той гуртокъ жовниривъ зъ паномъ Яномъ побитый на голову гайдамаками, а Зализнякъ зъ п'ятытысячнимъ військомъ иде на Смилу.

Страшна пожежа Кодівщины палала по правобережній України.

Палали мистечка, замки, панськи двори и шляхецькі осели. Паны, щляхта, ксёндзы й жыды втикали видъ пометы народнѣи, ховаючысь зъ жинкамы, дитымы и усимъ добромъ у миста та замчыська, де стояло польське військо. Але й тамъ добувалы ихъ гайдамакы и побывалы до-щенту. Жаботынь, Смila, Лысянка, а дали й Умань не встоялы проты Зализняка. Народъ сириз радо прыймавъ ёго, заступника за покривждени права, и помогавъ, прылучаючысь до гайдамацького війська.

Зализнякъ вийшовъ зъ Лебедицькихъ лисивъ зъ килькома сотнями гайдамакивъ, вже пидъ Жаботыномъ ихъ були тысячи, а пидъ Уманемъ десятки тысячъ.

Такъ, бува, на провесни маленьки ривачаки злываются у струги, струги у бурчаки, а ти дали у ричечки, ажъ рички зильютса у гризну, велику рику, що бучно бижыть, ламае та цивечить все, що пидъ неи попаде.

Несторъ, вихопившись зъ Смилы зъ сотнею козакивъ та миськихъ парубковъ, прямувавъ на Лебедынь.

Юзю, обгорнуту у свытку, винъ державъ понерекъ сидла передъ собою.

Опам'яталишись черезъ який часъ видъ ничного холоду та шаленого чвалу на кони, вона почала пручатись зъ дужыхъ рукъ Нестора.

— Цыть, проклята! — крикнувъ винъ на неи: — бо задушу тебе, якъ курча, та выкыну геть.

— И на що тоби було браты цю погань? — спытавъ одынъ зъ козакивъ.

— Для пометы, — видновивъ Несторъ. — Колы-бъ ты знатъ, пане-брате, що я выненъ ще іи батькови, не пытавъ-бы, на що я іи взявъ. Той ыродъ забывъ на смерть мою матиръ, а я ёго дочку знивечу на мужычку, гайдамачку. Та мы зъ нымъ, мабуть, побачымось ще!

Била Райгороду у лисовій пасици жывъ старезный дидъ, колышаї запорожець Корній Грабъ зъ внукою своею, нимою

дивчыною Меланкою. Туды завернувъ Несторъ, поки козакы стаły, щобъ даты спочынокъ конямъ, та й лышывъ дидови свою бранку, прохаючи переховаты іи який часъ.

— Не гараздъ, сыну, робышъ,—сказавъ суворо дидъ.—Козакы идутъ проливаты кровъ за батьківщыну, за волю та за виру, а ты зъ дивкою возышся! Народъ губыть ляхивъ, ворогивъ своихъ та гнобытеливъ, а ты братаетесь зъ нымы, зъ лашкою хочешъ жыты? А що скаже панъ отаманъ, що скаже товарыство?

Несторъ слухавъ понуро, зхылыўши голову.

— Просты, батьку,—сказавъ винъ.—Правду кажешъ! Грихъ мій, грихъ тяжкій...

— Грихъ, сину!

— Заведу іи у лисъ та й вбью! сказавъ Несторъ.

— Ни, сину, не годытса!—озвався старый.—Не по-козацькому такъ буде. Хай буде вона у мене, колы вже прывизъ. А ты выкынь іи зъ дуікы та йды до свого, козацького дила. Колы, Богъ дастъ, зныщите ворогивъ, дасте волю народови, тоды прыйди до мене, подумаемо, що робыть. А покы хочъ одынъ ворогъ буде на нашій землі—не годытса тоби й думаты про діску. Йидь, не гайся.

У полудни того жъ дня Несторъ зо своимы товарышамы встрилы гайдамацьке військо Зализняка.

Отаманъ, довидавшись, що у Сміли війська мало, виддилывъ п'ятьсотъ чоловикъ кінныхъ, наставивъ за отамана запорожця Нагны-биду и пославъ ихъ на Смілу, звеливши Несторови весты ихъ найкоротшимъ шляхомъ. А самъ повернувъ на Вильшану та Лысанку, бо тамъ бильше польського війська. Не довго й боронилася Сміла. Ще загинъ гайдамацький не дійшовъ до неї гонивъ на трыйцять, а вже дверъ панський палавъ зъ двохъ кінцівъ. Такъ челядь дверська виддачыла панамъ за ихъ ласку та опіку.

Покы гайдамакы розбывалы та рабувалы панськи маєткы, розпывалы на майдани стари вина та меды въ дверськихъ лёхивъ, Несторъ կыпувся шукаты Могильского, але нигде ёго

не знайшовъ. Винъ переглянувъ всіхъ побитыхъ ляхівъ, шукъ по всіхъ куткахъ—Могильського не було.

У дверській пекарні винъ знайшовъ Оксану.

— Де твій ляхъ?—спытавъ винъ перелякану дивчыну. Кажы, бо жыва не будешъ!

— Не знаю. Мабуть у стани, на синищи,—видповила Оксана.

Несторъ скочывъ туды. И справди, Могильський прытаився тамъ у кути, на сини, на горыщи.

— А ну, ляше, ходы побалакаемъ теперъ!—гукнувъ Несторъ.—Злизай лышень сюды, колы не хочешь, щобъ я тебе зпікъ тамъ жывцемъ!

Могильський злизъ,—винъ бувъ страшный, якъ мара.

— Стрывай!—сказавъ винъ Несторови—скажи мени: Юзя жыва?

— Жыва,—видповивъ Несторъ.

Могильський впавъ передъ нымъ на-вколишкы и заломавъ руки.

— Слухай!—сказавъ винъ Несторови третячымъ голосомъ. Не вбывай мене, виддай мени Юзю, а я тоби виддамъ вси мои багатства, и гроши, и землю....

— Виддасы?—спытавъ Несторъ, усміхнувшись.

— Виддамъ.

Могильський склавъ навхрестъ два пальци и поцилувавъ ихъ, на присагу.

— Добре!—сказавъ Несторъ.

— На Тасьмыни, на острови, де пасика,—казавъ Могильський, прошываючи Нестора благаючимъ поглядомъ,—на сорокъ ступнинъ видъ хаты на схидъ сонця, пидъ яблунею я закопавъ глекъ червінцевъ и казанокъ срибла.

— Добре,—сказавъ Несторъ.—Теперь послухай мене. За твои гроши я добре погуляю зъ твою дочкио, а колы вона мени надокучыть, я гроши соби заберу, а іи вижену геть, якъ останню паплюгу. Оде тоби буде подяка за мою матиръ. А за себе...

Несторъ не договорывъ: Могильський, якъ хижий звиръ, скочивъ на ёго, вхопивши за горло.

Почалась страшна боротьба. Обое булы дужи, великої силы: обое булы люти, запекли и однаково ненавидили одынъ одного.

Довго качались вони по землі, зрываючи із своїми ногами. Ажъ Несторъ таки встygъ згорнути Могильського під себѣ, підвившися однимъ бокомъ, ставъ єму колиномъ на груды. Мовъ бlyскавка мыгнувъ у Несторовій руци довгий вижъ-колій и затопився у грудяхъ ёго ворога.

Могильський вхопивъ Нестора зубами за плече и прокусивши ажъ до кости, такъ и застygъ, зъ кривавою пиною...

Огненою и кривавою хмарою пройшли гайдамаки надъ Украиною, ажъ влала та хмара кривавою зльвою на Умань. Туды збиглись булы вси, хто боявся помсти народнїи, бо въ Умани стояло чымале польське військо, та й козацької мылиції у пана Потоцького було багато. Но надіялись паны на ту мылицію, неначе бъ забувши, що вона набрана зъ того самого прыгнобленого українського народу. Сотникомъ тієї мылиції бувъ Иванъ Гонта. Уманський губернаторъ Младановыч дуже покладавъ надію на Гонту и козакивъ мылиції.

Прочувши, що Зализнякъ наблизився до Умани, губернаторъ виславъ на гайдамаківъ Гонту зъ козаками.

Але, коли встрілись цыхъ два війська у Грековому лиси, Зализнякъ, вийихавши напередъ, кликнувъ до себе Гонту на розмову.

— А що, пане брате,—сказавъ Зализнякъ:—певже-жъ ты здіймешъ руку на своїхъ бративъ, боронити мешъ ляхивъ, ворогивъ нашого народу, нашои вири? Ми жъ идемо за батькivщину, за виру та за волю! Приставай до насъ, пане-брате!

— Не ваша сила побороти ляхивъ,—понуро видповивъ Гонта.

— Коли пристанешъ до насъ зъ козаками, наша буде сила,—видказавъ Зализнякъ.—Не встоять вороги.

Задумався Гонта, покручуючи довгого вуса, а потімъ, повернувши коня, пидихавъ до своихъ козакивъ.

— Панове—товарыство!—гукнувъ винъ.—Панъ Зализнякъ въ товарыствомъ иде на ляхивъ за нашу батькивщыну, що вони іи забралы, за нашу виру, що вони хочуть повернуты на унію, та за волю поспильства, що хочуть паны повернуты на своихъ пидданыхъ. А чы згода ваша буде злучытысь зъ нашымы братамы та йты на ляхивъ?

— Згода! Згода!—гукнули козакы та й рушылы до гайдамакивъ, якъ браты, а не ворогы.

Правду казавъ Зализнякъ,—не встояла Умань проты гайдамакивъ. Одынъ тилько день боронылась вона; другого дня вдерlyсь гайдамакы до миста и выризали всіхъ ляхивъ, ксёндзивъ та жыдивъ до щенту, не мылуючи навить жинокъ та дите. Зибрашись потимъ на раду, військо выбрало Зализняка гетьманомъ України, а Гонту Уманськимъ полковникомъ.

Але се, мабуть, була остання подія гайдамакивъ.

Польський король, бачывши, що не сила ёго побороты гайдамацьке повстання, попросивъ видмоги у царыци Катерини. Московське військо рушыло на Зализняка, але взяло ёго не силою, а хытрощами. Полковникъ Гурьевъ, удавши, буцимъ то винъ хоче помогти гайдамакамъ проты Польщи, запросивъ до себе на бенкетъ Зализняка и Гонту, але замисць хлибасоли ихъ ждала тамъ зрада: Гурьевъ пов'язавъ ихъ и всю гайдамацьку старшину та й выдавъ Гонту полякамъ, а Зализняка, що винъ бувъ зъ ливобережної України, забравъ въязнемъ у Кыївъ. Тяжко катували ляхи Гонту: здерли зъ ёго дванадцять пасивъ шкуры, потимъ почвертували ёго на шматки и порозвозили ти шматки по рижныхъ мисцяхъ. А Зализняка зъ Кыїва заслано у Сибиръ.

Такъ скінчилася Коліївщина.

Гайдамацьке військо розпорошилося по всій України.

Несторъ зъ ившымы гайдамакамы попавъ у полонъ до ляхивъ; ихъ загнали у Камянець. Але черезъ який часъ винъ зъ трома товаришами вихопився зъ тюрми, та й майнувъ на

Запорижжа. Незабаромъ наставъ кинець и славному Запорожжу: царыця Катерына звела зруйнуваты Сичъ и скасувати військо. Частына Запорожцівъ, а зъ нымы и Несторъ, утеклы у Турашыну, на Добруджу, и тамъ зновъ заклалы козацький кишъ.

Ще тикаючи на Запорижжа, Несторъ завернувъ на Райгородъ до діда Граба, навидати ляшку. Але тамъ ії не було: днівъ черезъ скилька писля того, якъ Несторъ покинувъ ії у діда, вона уночи нышкомъ передяглась въ одежу нимои Меланкы та й майнула будьсь.

Дідъ не дуже й ввалився доганяты ії або шукати.

Чули потимъ де-яки Сміляне, що Юзя Могильська опынилась десь на Шольщи и постриглась у черныци.

III.

Багато лить мынуло писля Колівщины.

Колы не колы де-який старый дідъ прыгадувавъ та розказувавъ про ти давни страшни події.

На Молдавії, по-надъ Дністромъ міжъ скелями, середъ лису стоить невельчкий манастиръ Каларашъ. У-літку, на Ивана, буває тамъ храмъ и зъ усихъ околицъ люде ходять туды па видпустъ, на прощу.

Давно вже оселывся въ тому манастири якісь захожий, чужий дідъ. Нихто не знає—звидкиль винъ, а колы пытали ёго, винъ неохоче видповідавъ: безъ роду я, безъ плоду, перебенди; вештався по святихъ мисцяхъ, поки ноги носилы, теперъ вже не здухаю ходити, а Господь смерти не дає за грихи мои....

Прышовши у манастиръ, винъ виддавъ игуменови три десяtkи турецькихъ червонцівъ, прохаючи прыйняты ёго у манастиръ, поки Богъ ёго не прыйме, та сказавъ, що зовуть ёго Несторъ.

Игуменъ прыставывъ ёго до манастирськои пасики.

Томъ 73. — Іюнь, 1901.

I-12

Старый бувъ высокий, сильной будовы, якыхъ теперь мало людей, биле волосся та била довга борода, а очи блыскучи, мовъ у молодого. Все лыце було покарбоване, мовъ пооране шрамами та пругами, ажъ страшно глянуты.

Одного разу, передъ Иваномъ, почалы потроху зходытысь прочане у Каларащъ.

Кругъ манастира, на зеленій галавыни середъ лису, поставалы пидводы, а люде малёвнычны купкамы посидалы соби на трави та гомонили про свои справы.

Писля вечирнїй службы старенький безногий москаль на деревяннїй дыбци, що прыплентався на прощу зъ по-за Днистра, прохажаючи лисомъ, забывся до пасибы.

Передъ куринемъ сидивъ пасичныкъ Несторъ, плетючи зъ луба козубокъ.

- Добры-вечиръ! — сказавъ москаль.
- Здоровъ бувъ! — видловивъ Несторъ.
- Помогай-Бигъ!

Спасыби.

Несторъ озырнувъ ёго зъ пидъ лоба, а дали й промовывъ:

— Сидайте. Натрудывся, мабудь, старый, шкандыбаючи на дыбци.

Посидалы.

- А звидкиль Богъ прынисъ? пытавъ Несторъ.
- Зъ Томашполя, зъ того боку, — видловивъ той.
- Побалакалы про те, про се, а дали москаль каже.
- А що, диду, мабудь и тебе латалы ти сами майстри, що мени ногу направылы?

— Латалы мене добре, пане брате, — зитхнувъ Несторъ. — Гай—гай!

- Та й старый же ты, диду, добре!
- Старый та давній. И ты, брате, вже підтоптався, я бачу, а до мене тоби далеченько! Ты колы вродыўся?
- Хто ёго зна, — видловивъ москаль. — Двадцять и два роки прослужывъ на служби, а оце вже каликою ходю трохи не зъ

двадцать. Казала маты пебижка, що вродывся я за великои зими.

— А я за великои зими, ¹⁾—озвався Несторъ,—бувъ вже козакъ добрый, мавъ вусы та вже бувъ трохи полатаный.

— Ой, старый же ты, диду!—здывувався москаль.—Буде тоби лить зъ сотню?

— Церейде ще по той бикъ.

— Ще бильше?

— Сто, ще й два.

— Важки лита!—сказавъ москаль, хытаючи головою.

— Ой, важки, важки!—зитхнувъ Несторъ. Потимъ винъ вставъ, пійшовъ у куринь, вынисъ звидтиль наляныцю та козубокъ черешень и поставывши передъ москалемъ, попросивъ:

— Годуйся, брате, чымъ хата багата!—Сивъ Несторъ та й прыйнялъ обое за дю убогу вечерю.

Вечиръ бувъ теплый, тыхый. Зъ-за лису пиднявся повній мисяць. Зъ долини доносився шумъ Дністра по скеляхъ та каминняхъ.

— Гарно, тихо тутъ у васъ, благодать Божа!—сказавъ москаль, вставши та перехрестившись писля вечери.—А въ-тимъ, треба йти кудесь голову прыхылты наничъ. Спасыби за хлибъ та за добре слово!

— Та колы никуды,—сказавъ Несторъ,—то начуй у мене, небоже; знайдется кутокъ для тебе у курини.

— Спасыби й за це,—сказавъ москаль, сидаючи зновъ.

Посыдили який часъ мовчки, кожный думаючи свою думу. Ажъ озвався москаль.

— Памъятаешь мабудь гайдамаччыну?

— Гай—гай! памъятаю я іи добре!

Та й зновъ задумався старый Несторъ, похыльвши голову на груды. Потимъ винъ ставъ поволи говорыти, наче самъ до себе.

— Зализнякъ бувъ козакъ! Гонта бувъ козакъ! залылы воны кривю Україну, облыли і себе, і нась!.... А що зъ того?....

¹⁾ «Великою зимию» называли на Украине 1789 рікъ.

Винъ разпачльво махнувъ рукою та похытавъ сывою головою.

.... Де тенеръ ихъ душы? Пропалы козакы, якъ те бадилля у степу.... Знущалысь ляхи надъ народомъ, знущалысь и надъ гайдамаками, ой! тяжко звущалысь, бисови диты!. Я бувъ дужый, я бувъ такый здоровенный, що земли не чувъ пидъ собою!. Та й теперъ ще, дарма що старый, я бъ десять такихъ, якъ ты, подужавъ.—И винъ простягъ свои здоровенни жылавы та гудзовать руки, мовъ бы те кориння столитнёго дуба.—А на що здалася та моя сила? Тъху!...

Винъ розстибнувъ комиръ своеи сорочки и скынувъ іи зъ себе.

Ажъ здригнувся москаль, подызывшись на ёго: вся спина и груды булы рясно поризани синими та червоными пругами, шрамами—мовлявъ бы й пальцемъ не ткнувъ бы въ здорове мисце. А кисть була здоровенна, широка и показувала незвычайну силу.

— Що, бачывъ колы таку цяцю?—глумльво спытавъ Несторъ.—А зъ лыца хиба я не гарный?—усміхнувся винъ.—Не дурно прозвали мене: Пысанка. И шабли, и спыси, и кули ворожи, и батоги, и кіи, и розпечене зализо кати малювали цю пысанку....

Ось оце—винъ показавъ на чоло та на груды—порубали татары поганци, порубали та й кынули, бо думалы, що неживий я. А ось тутъ, на плечи—се ляхъ вишився мени зубами, до самои кости. Здоровый бувъ, невира, дужый, не теперешній... Але вже неживому я рознявъ заклякли щелепы. А оце—Несторъ повернувся спиною—катували насъ, гайдамакивъ, ляхи у Камянци: перлы насамы шкуру та шкварылы розлеченымъ зализомъ... А глянь сюды—и Несторъ закачавъ штаны: на обохъ ногахъ булы глыбоки шрамы—тутъ кайданы врослы мени въ тило, тутъ гнило тило, мовъ стерво и якъ онучи виднадало шматками, ажъ гробакы завелысь....

Винъ зитхнувъ важко и помовчавъ.

— А бувъ я колысь и гарный, и гожій,—казавъ винъ згодомъ.—Не було у Смили кращого парубка.... Пропадалы за мною дивчата... Пропадала и цяна шляхтянка.... Та годи згадувать! Мынулося все, земля покрила.... Одынъ я зажывся на свити, мабудь забувъ про мене Господь Мылосердныи!...

И старый, понуривши голову, затулывъ лице долонями.

Мовчавъ и москаль, задумався. Зъ-пидъ рука Нестора, по довгій, сывій бороди покотилася слёза.....

М. Левицький.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Шевченко и Буяльскій домогаются вакансії учителя рисованія въ Кіевскомъ Університетѣ. Публичная живописная школа Буяльского.* Въ 1846 году была свободною открыта Цавловымъ вакансія учителя рисованія при Университетѣ Св. Владимира. Должности этой добивались двое: Художникъ Петербургской Академіи Художествъ, воспитанникъ профессора Брюллова — Тарасъ Шевченко и помѣщикъ подольской губерніи, обучавшійся въ Дюссельдорфѣ и Берлінѣ — Наполеонъ Буяльскій. Послѣдній намѣревался открыть въ Кіевѣ, на Калетской улицѣ, въ собственномъ домѣ живописную, художественную и мануфактурную рисовальную школу. Не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточныхъ пособій, Буяльскій особенно стремился занять должность при Университетѣ, разсчитывая на его собранія и средства.

15 Марта 1847 года Министръ Народнаго Просвѣщенія уведомилъ Генералъ-Губернатора (Бибикову), что Буяльскій назначенъ быть не можетъ, а назначаются Шевченко и кандидатами — художникъ Шлейферъ (учитель рисованія въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ) и художникъ Габерцеттель изъ Лондона. Некласснаго художника Шевченка предполагалось предварительно допустить къ занятіямъ въ видѣ опыта, на годъ, но такового произвести не удалось, за арестованіемъ Шевченка.

Между тѣмъ Академія, разсмотрѣвъ представленный въ 1846 г. Буяльскимъ проектъ «Публичной живописной Школы», и найдя въ томъ проектѣ много основательного, заслуживающаго вниманія, обѣ-

щала предоставить школѣ пособія и, по сходнымъ цѣнамъ, какъ образцы для рисованія, такъ равно и гипсовые слѣпки головъ и статуй.

Въ 1849 году Буальскій ходатайствуетъ о напечатаніи особыхъ о школѣ его объявленій.

Изъ донесенія Губернатора Фундукалея Генералъ-Губернатору узнаемъ, что цѣль содержанія школы «*есть то, чтобы прославить себя въ своемъ искусстве и быть полезнымъ юношеству*», ибо за преподаваніе особой платы ни отъ кого не получается и даже деньги, вырученныя отъ продажи произведеній учениковъ, остаются въ ихъ же пользу. Воспитанниковъ было въ то время 8; изъ нихъ 3 отданы на 5 лѣтъ.

28 Іюня 1852 г. Академія Художествъ одобрила усіѣхъ, достигнутые школою, и возбудила предъ Генералъ-Губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи Буальскому открыть заведеніе для печатанія рисунковъ, гравированныхъ на мѣди и деревѣ, а равно литографію.

Въ Августѣ указанного года въ школѣ обучалось 22 ученика, изъ нихъ 6 платныхъ, и 13 ученицъ—всѣ платныя. Подъ заведеніе былъ отведенъ варочито для того выстроенный въ Старокіевской части домъ о пяти комнатахъ. Интерната не существовало: двѣти жили при родителяхъ или при учебныхъ заведеніяхъ. Имущество школы состояло изъ 260 оригиналовъ (литографій и гравюрь); 244 медальоновъ и барельефовъ; 68 гипсовыхъ моделей; 52 картентъ, писанныхъ масляными красками. Затѣмъ имѣлись специальные книги и пособія.

Кіевский губернаторъ, вполнѣ одобряя личность Буальского и предположенное имъ печатаніе гравюръ собственными средствами, у себя въ мастерской, находилъ однако же, что предоставление права имѣть особую литографію не вызывается необходимостью, такъ какъ подобныхъ заведеній въ Кіевѣ и безъ того достаточно. Литографировать можно бѣ было и въ Губернской типографіи. Но вскорѣ Губернаторъ отказался отъ послѣдняго предложенія, вслѣдствіе чего Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 Іюня 1853 года разрѣшено Буальскому самостоятельное печатаніе гравюръ и литографированіе.

2) Утопаючій на Крещатикѣ. Въ Іюлѣ 1848 года, во времена «наводненія, происшедшаго отъ проливныхъ дождей», какъ доносилъ Кіевский Губернаторъ Фундукалей Генералъ-Губернатору Бібикову,

мъщанинъ Егоръ Гейдъ, сувидя утопавшаго Киевскаго мъщанина Завадовскаго, близъ провода, чрезъ который истекаетъ вода въ канаву, бросился спасать его и вдругъ былъ сваленъ водою, но, схватившись оять на ноги, несмотря на угрожавшую опасность, потому что накопившаяся на Крещатицкой улицѣ въ большомъ количествѣ вода свалила З. въ такомъ мѣстѣ, которое было не въ далекомъ разстояніи отъ провода, иъ коего надаетъ вода въ канаву, проведенную подъ землею,—подалъ З. найденный въ ближайшемъ домѣ шесть и тѣмъ спасъ его».

Гейду за таковыя дѣйствія объявлена благодарность начальства.

Сообщилъ Алексѣй Мѣрдерь.

Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани.

Какъ извѣстно, императоръ Александръ I предпринималъ неоднократно путешествія на югъ Россіи. Въ 1816 и 1817, два года подъ рядъ, торжественно его встречалъ Киевъ, откуда онъ обыкновенно направлялся въ Бѣлую-Церковь, къ Браницкимъ. Три года спустя, въ 1820 году, прошелъ слухъ, что государь снова намѣренъ посѣтить Киевъ и Киевскую губернію, и что въ августѣ мѣсяца «соблаговолить шествовать черезъ Умань и его посетить». Въ духовномъ вѣдомствѣ по этому поводу начались беспокойства, волненія; измыслились мѣры къ нациристойнѣйшему способу встрѣчи... Въ концѣ концовъ, высшими духовными властями учинено было «предписаніе» Уманскому Духовному Правленію слѣдующаго содержанія: «Духовенство, сколько онаго при всякой церкви (г. Умана) находится, все подданѣйшимъ долгомъ обовязано у самыхъ воротъ, ведущихъ въ церкви, самымъ благопристойнѣйшимъ образомъ встрѣтить Его Императорское Величество въ самыхъ свѣтлыхъ облаченіяхъ: въ ризахъ, епитрахилахъ и поручахъ, а діаконы—въ стихаряхъ, ораряхъ и поручахъ, со святымъ крестомъ, держимымъ священникомъ въ рукахъ, со святою, съ приличнымъ крониломъ, водою; діаконы же—съ кадильницами, продолжая при такихъ воздальнѣйшихъ посѣщеніяхъ какъ въ проѣздѣ куда-либо и шествіи во храмы Божіи, такъ и обратно изъ оныхъ, колокольный звонъ,—поступая при сихъ торжественныхъ случаяхъ сколько можно благопристойнѣйше и скромнѣе, съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, импераціи на себѣ и собственное свое

одъяніе чистое и самое лучшое, и страмась безпорядочно приступать къ лобзанію руки Его Императорскаго Величества,—развѣ бы особое на то послѣдовало Высочайшее благоволеніе. Напаче же никому и ни въ чемъ не утруждать Его Величества никакими прозьбами...

По вѣществіи въ церкви, пѣть «Достойно есть», потомъ отправлять ектенію о многолѣтнемъ Его Императорскаго Величества со всею Высочайшею фамиліею здравія, какъ въ формахъ изображено, а по возгласѣ и многолѣтствіи—со всякою исправностію, по отшествіи Его Императорскаго Величества изъ церквей, возвращающа въ оную—отправить благодарственный Господу Богу молебенъ, съ колокольнымъ послѣ оного звономъ, исполниая всю сию церемонію начальнѣйшимъ духовенства собориѣ.

Если же гдѣ Его Императорское Величество соблаговолить слушать литургію или другое какое церковное молитвословіе, оное совершать тоже собориѣ, соответственно церковному благочинію и порядку, въ наилучшихъ церковныхъ облаченіяхъ, имѣя предварительно зажженныя во всѣхъ предъ святыми иконами лампады и во всѣхъ паникадилахъ, для изъявленія благолѣпія, всѣ свѣчи. И хотя бы Его Императорское Величество монастырскіе, соборніе и прочіе церкви не соблагоизволилъ посѣтить всѣхъ, однако же (въ) весь проѣздъ или шествіе черезъ мѣста и мимо церквей—продолжать колокольный звонъ и быть, на всякой случай, въ готовности при церквяхъ и отъ нихъ не отлучаться духовенству. Да и по городу (духовенству) безъ нужды не ходить и неѣздить; буди же бы встрѣтилась въ томъ кому необходимая надобность, то обращаться и въ сихъ случаяхъ со всевозможнѣйшою чинностію, дабы никакаго ни въ одъяніи, ни въ чемъ безобразія не было».

Это предписаніе разослано было для руководства всѣмъ благочиннымъ Уманскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы, «по полученіи сего, тотчасъ подвѣдомственнымъ священникамъ сей указъ, для точнаго по нему исполненія, внушали вразумительно, снабдивъ всякаго изъ оныхъ, дабы не могъ упомянуть, какъ въ такомъ разѣ поступаться, точною конією». По исполненіи сего благочинные должны были рапортовать объ этомъ Правленію, при томъ не упустили бы строжайше подтвердить, дабы церкви отъ паутинъ, пила, а погости отъ всякихъ соровъ были очищены и были бы починены по надлежащему».

Но все хлопоты Уманского духовенства, кажется, остались втуне: ожидаемый пребывание государя въ Умань и вообще въ Малороссію въ этомъ году, на сколько намъ известно, не состоялся. Умань имп. Александръ I посетилъ въ 1822 г., и въ чудной уманской «Софіев-кѣ» владѣлица ея Софія Потоцкая въ одномъ изъ грохотовъ—въ «Гротѣ Фетиды»—угощала Августѣйшаго гостя чаемъ¹⁾.

(Изъ церковнаго архива с. Глубочки, Уманск. у.).

Сообщ. В. Доманицкій.

Записка Андрея Павловича Полетики объ его издережахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 г.г. Шептаемая здѣсь записка А. П. Полетики (отца Григорія Полетики) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія для характеристики той «судебной волокиты», которую славились старые суды.—«Регистръ сколько именно вытратилъ денегъ и на что въ Глуховѣ нижей сего явствуетъ, 1748 году, ноября 20 д., добиваясь села Аксютинецъ. Купилъ сахару шесть головъ, за которое дано 5 рублей. Такожъ на всакіе харчи вытратилъ девегъ два рубля разными часи. Еще пошло на харчъ рубль. Еще купилъ пять головъ сахару, за которое далъ 5 рублей. Еще пошло на харчъ рубль; еще два рубли; на сахаръ рубль. Руновскому²⁾ два рубли. На харчъ рубль; еще купилъ сахару голову, далъ рубль. Еще вийшло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу³⁾ пятнадцать рублей. Еще на харчъ рубль пошолъ. Подполковнику Семенову⁴⁾ падесать рублей. Пану бунчучному далъ тридцать рублей. Далъ протоколѣсту пять рублей. Далъ Петру Прокоповичу (?) два рубли. За квартиру пять рублей. Еще на харчъ вийшло чири рубли. Далъ Стефану на прогони два рубли. Протоколѣстъ полтину. Капцеляристъ Базилевчу полтину. Еще на харчъ рублей два. Войсковому канцеляристу Василию Высоцкому далъ готовыхъ денегъ сорокъ рублей, а

¹⁾ В. Иващенко. Исторический очеркъ къ столѣтію Царицына сада (Софіевки), стр 56.

²⁾ Руновский, бывшій полковой полгавскій писарь, въ 1742 г. назначенъ генер. писаремъ, вместо отстраненного Безбородка. Зап. Яв. Марк., II, 183.

³⁾ Константиновичъ—Канцеляристъ генер. суда.

⁴⁾ Семеновъ—великоруссій членъ генер. суда.

панцирь въ тридцать рублей, кромъ домашнихъ харчей; водки, вина и вишневки, и прочихъ харчей чрезъ всю поездку.—1749 году. Реестръ что вытратилъ в Глуховѣ за другою, февраля 15 д., поиздкою, о селѣ Аксютинцахъ. — Первымъ разомъ, выратилъ на разніе потреби и на харчи, на себе и на конѣ, чтири рубли съ полтиною. Еще выратилъ два рубли съ полтиною; выратилъ два рубли, что дѣло перенесено з суда генералного въ верхнюю апеляцію. Еще на харчъ рубль далъ. За ископиеванне чelобитной рубль. Еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себе, два рубли. Далъ канцеляристамъ судовимъ два рубля. Еще вийшло на харчъ три рубли. Молодикамъ, за двома поездками, далъ три рубли, кромъ домашнихъ харчей, водки, вишневки и прочего, чрезъ целой постъ великий.

1749 году, априла 10 д. Реестръ что выратилъ за третою поездкою въ Глуховѣ. Первымъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себе и въ Глуховѣ на всакіе расходы, и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ, за чelобитніе и за ископиеванне свѣдителныхъ документовъ, шесть рублей, кромъ домашнихъ харчей, водки, вишневки и прочъчего. Еще на харчъ выратилъ рубль; еще выратилъ на харчъ два рублѣ, еще на харчъ вийшло два рубли. Вербовскому (?) три рубли. За квартиру далъ рубль, на харчи вийшло разніе рубль.

1750 году, марта 1 д., выратилъ въ Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представліе выправилъ въ иностранную колегію, сто двадцать и семь рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 д. Послалъ въ Москву до сына Григорія Полѣтики, чрезъ пана Якова Искру, канцеляrista войскового, червонихъ нѣмецкихъ сто ровно.

1750 году, за двома поездками, въ Глуховѣ выратилъ денегъ сорокъ рублей.

1751 году, ноября 30 д., будучи въ Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ шестнадцать рублей.

Въ 1757 году, у трохъ поездкахъ до Глухова, въ май, чрезъ три неделѣ, въ іюнѣ и іюлѣ, чрезъ три жъ неделѣ, да въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, чрезъ три жъ неделѣ, издержалъ денегъ 32 рубли, кромъ домашнихъ разныхъ харчей.

Въ 1758 году, февраля мѣс., чрезъ двѣ неделѣ, ожидающи вислушанія дѣла, издержалъ 25 рубл.

1767 года, марта д. За получениемъ указа з Сената, отославъ Григорію (сыну), что онъ своихъ здержалъ на Аксютинѣ, 279 рубл.

Далъ возному повѣтовому Зубковскому 10 рубл. Въ судъ земскомъ канцеляристу Герделю далъ рубль. (Съ подлинника).

Списокъ приданаго, полученнаго дочерью Иваницаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженка.¹⁾ «Регистръ сколько якого имѣнія въ дому родителей моихъ, при виданю мене въ замужество Стороженку, мнъ дано и нынъ по смерти оного мужа моего братами его сотникомъ вакансовимъ Стефаномъ да Ичанскимъ Андрѣемъ Стороженками забрано. 1748 года. Лошадей ежжалихъ 10, цѣна всякой по 20 р., ц. 200 р.—Полукаретокъ на станку сан-ному, а послѣ до оного полукаретка и станокъ лѣтній данъ, ц. 30 р.—Шоръ бляшнихъ цудъ, купленъ у Глуховъ за 44 р.—Палубъ дощатій маліованій, ц. 4 р.—Тарадайка шароконная, ц. 8 р.—Хомутовъ добрихъ ремѣнныхъ 3, всякий по 1 р.—Уздъ 4, ц. 48 коп.—Саней 2, на которыхъ скринѣ (съ приданымъ) были проважены, ц. 40 коп.—Кунтушъ суконній, шафѣровій, съ золот. пузаментомъ, на лисичому завойковому хутрѣ, 43 р. 50 к.—Кунтушъ суконній, оливковій, легкій, з золот. пузаментомъ, ц. 18 р. 50 к.—Гусарка на сѣбѣркахъ, полу-табинкова жолтая, съ маленькою срѣбною сѣткою, ц. 16 р.—Кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, з золотою широкою варункою, ц. 43 р.—Кунтушъ красній штофній, разноцвѣтній, з золот. сѣткою, ц. 39 р. 80 к. Кунтушъ едамашковій, сломистій (шалевый) на чорныхъ сѣбѣркахъ, з широкимъ сребранимъ пузаментомъ, ц. 58 р. 70 к.—Кунтушъ блакитній, едамашковій, на шламахъ, з широк. золот. пузаментомъ, ц. 70 р.—Кунтушъ златоглавній, красній, з золотою сѣткою, ц. 71 р.—Кунтушъ срѣблоглавній, на чорныхъ сѣбѣркахъ, з срѣбною сѣткою, ц. 84 р. 80 к.—Сподница красная дуклевая, ц. 5 р. 40 к.—Сподинца красная, грэзетовая, з зеленимъ вѣтомъ, ц. 15 р. 30 к.—Сподница штофная разноцвѣтная, бѣлая, з золотою сѣткою, ц. 15 р. 30 к.—Сподница голевая, блакитная, ц. 9 р.—Сподница полутибин-ковая, красная, з золот. широк. сѣтк.—15 р.—Шнуровка красная, аксамитная, з широк. срѣбннимъ шлякомъ, ц. 5 р. Шнуровка акса-митная, чорная, з срѣбною сѣткою, ц. 1 р. 90 к.—Шнуровка акса-

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., III, 218.

мутная, в золот. карункою, ц. 2 руб.—запаска штофная, блакитная, разноцвѣтная, ц. 6 р. 60 к.—Запаска штофная, разноцвѣтная, жолтая—8 р.—Запаска разноцвѣтная штофная, бѣлая, ц. 5 р. 60 к.—Запаска табиновая, алая, ц. 2 р. 60 к.—Запаска полутабиновая, блакитная, ц. 2 р. 20 к.—Запаска разноцвѣтная полосастая, штофная, ц. 6 р. 60 к.—Запаска златоглавная, бѣлая, ц. 2 р. 40 к.—Запаска красная, златоглавная, ц. 9 р. 60 к.—Запаска супорачевая золотая, ц. 25 р. 50 к.—Ковдеръ материальнихъ дуклевихъ 2, ц. всякой по 7 р. 30 к.—14 р. 60 к.—Постѣль швабская, шитая золотомъ, в котор. наволочокъ 3, простира и запона голева красная, ц. 20 р.—Постѣль дуклева красная, в якой наволочокъ 3, простира з широкими срѣбними сѣтками и до оной постѣли запона полутабинкова, ц. 44 р.—Сорочокъ швабскихъ і самодѣлныхъ—Мужескихъ сорочекъ швабскихъ 5, а лнянкъ сорочокъ съ убраниемъ 10.—Скатерть 33.—Серветъ тонкихъ лнянкъ по 20 пасомъ, три штуки, во всякой штуцѣ по 30 локоть.—Ручниковъ, тканкъ заполочнина квѣтомъ, 3 штуки.—Ручниковъ на росходъ 6.—Серветъ на росходъ 30.—Пять штуцѣ полотна лняного, в каждой штуцѣ по 30 локоть.—Наволочокъ швабскихъ 3 и простира швабская.—Наволочокъ кужѣлникъ три, до завязокъ.—Простири ш.... сѣтковихъ 2.—Наволочокъ... сѣтковихъ 6.—Коврецъ еденъ пристриганій; коврецъ другій гладкій.—Мотковъ волняніихъ, крашеніихъ, на килими, 23.—Основа нитчаная конопляна на килимы, у 8 пасомъ вдолжъ, локоть 40.—Стакановъ сребраніихъ 6.—Чарокъ сребр. 12.—Ложокъ сребр. 12, въ томъ числѣ по золоченыхъ 4.—Ложокъ сребр. чайникъ 2.—Денегъ 700 руб.—Цѣнь камень (50 фунт.), да посля дано два полуимиски.—Чайниковъ 2, еденъ цѣновій, а другій файфурній.—Шапокъ 3, едма соболевая, зъ золот. вершкомъ, другая златоглавная бѣлая, третая, шитая золотомъ.—Скринь 3 и бавуль.—Столикъ.—Ложко.—Мѣдянъ (?) новій, ц. 2 р.—Коракъ болшій, мѣдній, побѣлованій, ц. 1 р. 50 к.—Флашъ хрусталинкъ двѣ, всякая по рублю.—Подушокъ болшихъ три.—Цеприна една.—Подушечокъ малихъ три, двѣ з наволочками блакитными дуклевими, а третая зъ наволочкою венецкаго аксамита, з золотыми сѣтками.—Шолъ десять.—Чепцовъ золотомъ гафтованныхъ два; чепцовъ штофныхъ разноцвѣтныхъ два. Коцъ еденъ.—Овецъ 50.—Пашаъ ризной 100 четвертей.—Тютюну 3000 (папушъ?), сотня по полтины.—Возовъ дорожніихъ два.—Куховъ горѣлчаникъ новихъ 6.—Черевики суконніе, красніе, гафтованніе.—Черевики зеленіе штоф-

віе, блакитніє, гафтованне.—Сверхъ вищеписанныхъ поинтковъ, мужемъ моимъ покойнымъ дарованніе вещи: запаска зеленая, златоглавная, на винцѣ данная.—На портище срѣблоглаву блакитного, дарованного мнѣ на весѣллѣ.—Черевиковъ шара гафтованныхъ, дарованныхъ же на весѣллѣ.—Акаянъ вѣкмуч. Варваръ, мною въ Кіевѣ купленній.—Полууставъ, мною жъ въ Кіевѣ купленній.—Катихизисъ, дарованный мнѣ отъ эконома катедри Черниговской.—Зеркалъ двѣ.—Къ сему реестру вомѣсто Меланія, удовствующей Стороженковой, яко неграмотной, братъ ся в. кавц. Андрей Ми-вицкій руку приложилъ.

Французское письмо протоиерея Богаевского къ гр. П. А. Румянцову, 1765 года. «Mon seigneur! Je viens avec un troublement respect de feliciter, vÔtre excellence, de l'heureuse arrivée en charge du gubernement de la Petite-Russie. Je suis malheureux n'ayant pas la liberté à present pour servir à vÔtre excellence, c'est à dire que je suis en arest dans une petite ville nomm  Bohazka (Богачка)¹⁾ à cause des dettes pretendées à mr colonel de Krczanowsky et madame Bazylewska, cousine du mr Koczubey. L'arest m'a faite mr colonel d'Ostrogradsky du regiment de Myrgorod par son propre avis m'ayant importun  (?) san bon reson, plus que trois mois.

Monsieur! Je supplie tres humblement, votre excellence d'etre persuad  de m'en donner la libert  par ordonance de votre excellence, afin que j'eusse l'honneur chez votre excellence d'exprimer les veritables objects de ma cause pleine des injuries faites par mr colonell d'Ostrogradsky sans permission monseigneur du archeveque metropolita de Kiov. Par Dieu, par Jésus Christ, faites moi vÔtre gr ce, afin que je ne meurie, avec ma famille, sans reson de la verite. Je suis avec parfaite devotion, Monseigneur! de votre excellence le tres humble et le tres obeissant serviteur. Jean de Bohajewsky, archipr tre  tant  t  dans les arm es russiennes.

Le 14 jan. 1765. Bohazka.

¹⁾ Сотениое мѣстечко Миргородского полка.

Je viens très humblement de recommander, à votre excellence, mon cousin colonelle de Stefanowicz, qui a la charge dans general chancellerie. ¹⁾ (Съ подлинника). ²⁾

Приведенное здѣсь письмо прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что писано оно *протопопомъ по-французски*. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о личности автора этого письма; повидимому, онъ не имѣть ничего общаго съ глуховскими Богаевскими, изъ числа которыхъ Моисей Богаевскій былъ «войсковымъ капелляномъ» при Скоропадскомъ и позже. ³⁾ Интересенъ арестъ этого протоноча за долги миргородскимъ полковникомъ. Кредиторами Богаевскаго были: гадацкій полковникъ Крыжановскій (выкращенный еврей) и миргородская богачка Базилевская—люди очень известные въ Старой Малороссіи во втор. полов. XVIII в. Можно думать, что Остроградскій, не имѣвшій вообще юридического права на арестъ долж-

¹⁾ Ореографія подлинника сохранена.

²⁾ М. Г.! Спѣшу принести Вашему Превосходительству свое искреннее поздравленіе по случаю благополучнаго прибытія въ Малороссію на постъ управляющаго краемъ.

Къ несчастію, будучи въ настоящее время лишенъ свободы, я не могу служить Вашему Превосходительству, т. е. находусь подъ арестомъ въ маленькомъ городкѣ Богачка за долги, предъявленные полковникомъ Крыжановскимъ и г-жею Базилевской, двоюродной сестрой г-на Коцубея. Арестовалъ меня полковникъ Миргородского полка Остроградскій, по своему собственному почину, осаждая меня допросами безъ всякаго основанія въ течenie трехъ мѣсяцевъ.

Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою— приказать вернуть мнѣ свободу, дабы я могъ представить Вашему Превосходительству въ настоящемъ свѣтѣ свое дѣло, а также довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о всѣхъ несправедливостяхъ, учиненныхъ надо мною полковникомъ Остроградскимъ, безъ разрѣщенія митрополита и архіеря кіевскаго.

Именемъ Бога, именемъ Іисуса Христа, сжалътесь надо мною и не допустите меня безвинно погибнуть со всей моей семьей.

Съ истинною преданностію и съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосход. покорнѣйшій слуга Иванъ Богаевскій, бывшій протоіерей русской арміи.

Позвольте мнѣ, Ваше Превосходительство, рекомендовать Вамъ моего двоюроднаго брата полковника Стефановича, который занимаетъ должность въ генеральной канцеляріи.

³⁾ Записки Черниг. Стат. Комит., II.

ника (въ это время дѣйствовали уже земскіе суды), превысилъ свою власть, желая угодить влиятельнымъ кредиторамъ.

Написаніе письма на французскомъ языке можно объяснить желаніемъ арестованного скрыть содержаніе своего протеста отъ ближайшихъ охранителей его, а знаніе священникомъ этого языка, въ той далеко не сильной степени, какая обнаружена имъ, дѣло необычное въ то время, когда въ Киевской Академіи этотъ языкъ былъ предметомъ преподаванія.

Матеріалы къ исторіи польского восстания 1831 года.

1. Указъ Царствительствующему Сенату 12 марта 1831 г. о мѣрахъ наказанія по отношенію къ участникамъ мятежа.

При самомъ началѣ мятежа, возмущившаго Царство Польское, предвидя вліяніе онаго на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными къ нарушенію спокойствія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши къ Имперіи Россійской, Мы въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣрночаданныхъ Нашихъ, жителей тѣхъ губерній, обратились къ дворянскому въ оныхъ сословію, какъ знаменитѣйшему классу обывателей, и изъзвили оному ожиданія Наши, что оно употребить въ сихъ обстоятельствахъ всѣ усилия свои, дабы доказать Намъ и Отечеству непоколебимую вѣрность свою и постоянное ко благу общему усердіе.—Таковыя ожиданія Наші совершились почти вездѣ и повсемѣстно.—Дворянство губерній: Виленской, Гродненской и Волынской чрезъ временныхъ Военныхъ Губернаторовъ поспѣшило излить предъ Нами вензѣльные чувства вѣрночаднической преданности своей, а въ слѣдъ за тѣмъ на самомъ опыте доказало, сколь охотно жертвуетъ оно достоинствомъ своимъ и трудами къ удовлетворенію многоразличныхъ и значительныхъ военныхъ требованій по снабженію Дѣйствующей Арміи продовольствіемъ и иными потребностями.—Тѣмъ съ большими прискорбіемъ получили Мы нынѣ свѣдѣніе, что горсть людей неблагородныхъ, не достойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще новый обѣтъ вѣрности, дерзнули нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ: Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ,—но съ твердостію рѣшились Мы исполнить надъ ними при-

и бѣръ заслуженнаго наказанія, который остановить, Мы уноваемъ, колеблющихся и возвратить заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присаги.

Мы повелѣваемъ.

1) Всѣхъ Дворянъ, или Шляхту, привившихъ участіе въ семъ буать и которые вооруженною рукою противстанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложению въ приговоры Суда исполнять надъ пами на мѣстѣ съ утвержденіемъ Отдѣльного отряднаго Начальника.

2) Недвижимая имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе Инвалиднаго капитала.

3) О всѣхъ мужеска пола дѣтяхъ Дворянъ или Шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пункѣ описанное, наказанныхъ, входить въ Намъ съ особымъ представлениемъ; дѣтей же, именующихся Шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе званіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты.

4) Людей изъ нашего званія, кои, участвуя въ сихъ беззаконіяхъ, будуть взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекрутъ и отсыпать на службу въ Сибирскіе Линейные баталіоны.

5) Дѣтей мужеска пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты.

6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будуть въ убийствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ же судомъ по Полевому Уголовному Уложению.

7) Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика, или угрозами, бросить оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

О всемъ вышеизложенномъ Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить немедленно надлежащее исполненіе.

На подлинномъ подписано собственnoю Его Императорскаго Величества рукою:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ. 22-го Марта 1831 года.

*2. О действијахъ противу мятежниковъ въ губерніяхъ Волынской,
Подольской и Киевской.*

Мятежникъ Дверницкій съ десятью-тысячнымъ корпусомъ, въ концѣ марта мѣсца, вторгнулся въ границы Волынской губерніи со стороны Замостья, въ надеждѣ распространить духъ мятежа и пріобрѣсти въ большомъ числѣ сообщниковъ возмутительными воззваніями, тайно разосланными. Онъ старался приклонить въ сообществу своему дворянъ и шляхту, но сіе не имѣло ожидаемаго имъ успѣха, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ поколебалъ онъ вѣрность къ престолу, и по его вліянію составились партии бунтовщиковъ и соединились съ главными зачинщиками. Въ Подольской губерніи собрали таковыя партии Вацлавъ Ржевускій, Изидоръ и Александръ Собанскіе, Себастіанъ и другіе, къ которымъ присоединились вѣкторые помѣщики и Шляхта изъ губерній Киевской и Волынской, а въ сей послѣдней партии мятежниковъ—управляли Нардисъ, Олизарь, Ворцель и нѣкоторые другие, которые собрались около мѣстечка Рафаловки въ Ковельскомъ повѣтѣ. Помѣщикъ же мѣстечка Боромля, Чапкій, съ нѣкоторыми сообщниками, присоединились къ Дверницкому. Корпусъ Дверницкаго, встрѣченный войсками Нашими, подъ начальствомъ генераль-адютанта Ридигера, претерпѣлъ пораженіе 6-го и 7-го апрѣля, при мѣстечкѣ Боромлѣ на рѣкѣ Стырѣ, потомъ будучи преслѣдовавъ, отрѣзанъ отъ Замостья, искалъ спасенія въ Галиціи, гдѣ австрійскимъ правателствомъ окружены, обезоружены, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ, и отправлены внутрь Имперіи въ качествѣ нашихъ пленныхъ, причемъ взято наимѣ 17-ть пушекъ, все оружіе, военные припасы, и болѣе двухъ тысячъ лошадей.

Мятежники, скрывшіеся около Рафаловки въ лѣсахъ, настѣгнуты отрядомъ генераль-маюра Гельвиха, разбиты и разсѣяны.

Главныя партии мятежниковъ, до пяти тысячъ человѣкъ, изъ Подольской, Волынской и Киевской губерніи, собравшіеся въ Ольгопольскомъ повѣтѣ и перешедшія потомъ въ Гайсинскій, подъ распоряженіемъ главныхъ зачинщиковъ Ржевускаго и Собанскихъ поступили подъ начальство бывшаго польскаго генерала Колыски. Генералъ отъ инфантеріи Ротъ, настигнувъ ихъ 2-го мая близъ мѣстечка Дащева на границѣ Гайсинскаго и Липовецкаго повѣтovъ, нанесъ имъ жестокое пораженіе и принудилъ искать спасенія въ лѣсахъ, причемъ они потеряли бывшіе у нихъ 6 пушекъ и

болье тысячи человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ пленъ. Часть сихъ мятежниковъ бросилась къ Липовцу, но была встрѣчена и разсѣяна отрядомъ полковника Гуловича, причемъ потеряли они много убитыми, ранеными и пленными, а также отбыво у нихъ серебромъ до 10000 рублей. Послѣ сего пораженія, мятежники, уходя съ быстротою, скрывались въ лѣсахъ и старались собрать разсѣянныхъ и присоединить новыхъ партіи, но 11 мая настигнутые авангардомъ генерала Рота, подъ командою генералъ-майора Шереметьева, въ окрестностяхъ Литина при селеніи Майданъ Закревскаго, претерпѣли самое жестокое пораженіе, потеряли весь обозъ, казну до 40 тысячъ рублей серебромъ, до 300 убитыми, ранеными и болѣе ста пленными. И хотя остатки, скрывшіеся въ лѣса, усилились до двухъ тысячъ человѣкъ новыми партіями, собравшимися около Бара, подъ командою Нагоричевскаго, майора Хлоницкаго, Стемиковскаго, Черкаса, и Добко, но генералъ Ротъ не переставалъ быстро тѣснить и преслѣдоввать, принудилъ искать единственаго спасенія въ австрійскихъ владѣніяхъ, куда бѣжали они при Сатановѣ, съ остатками до тысячи человѣкъ, и въ то же время окружены и обезоружены австрійскими войсками, какъ бѣглецы и бунтовщики. Столь удачно совершившееся пораженіе мятежниковъ, возставшихъ противъ законной власти, нарушившихъ присягу и дерзнувшихъ проливать кровь соотечественниковъ своихъ, доказало, что гнѣвъ Божій караетъ ихъ. Жители, сохранившіе вѣрность въ престолу! Объявляется вамъ, что возмутители обманываютъ васъ и обѣщаютъ то, чего никогда не могутъ исполнить, что только сдѣлаютъ васъ участниками ихъ преступлений и обогащаются вашимъ разорениемъ! Не вѣрите имъ, и тѣхъ, которые будутъ уговаривать въ принуждать васъ къ бунту, страйтесь задерживать и представлять Начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ чомѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти. Сие предостереженіе вызвано единственно человѣколюбіемъ, ибо правительство имѣть силу и довольно способъ, чтобы прекратить мятежничество (что ежедневно доказывается). Но всѣ тѣ, которые соединятся съ мятежниками, будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

Подлинное подпись Главнокомандующій Генералъ-фельдмаршаль Графъ Сакенъ.

Мая 19 дня 1831 года въ главной квартирѣ 1-й арміи. Г. Кіевъ.

—

§. О дѣйствiяхъ противъ мятежниковъ въ Волынской губернiи.
(23 мая 1831 года).

Объявленіе.

Командиръ пинзенскаго пѣхотнаго полка полковникъ Севастьяновъ, командированный изъ Житомира съ батальономъ пѣхоты, 120 козаками и 2 легкими орудiями, по прибытии въ городу Овручу 22 числа сего мѣсяца, встрѣченъ былъ 400-ми конными мятежниками, но мгновенно опрокинулъ ихъ въ городѣ, откуда мятежники вновь встрѣтили отрядъ ружейными изъ шести небольшихъ пушекъ выстрѣлами. Полковникъ Севастьяновъ, сдѣлавши четыре выстрѣла изъ орудiй, атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ совершенно штыками въ разсѣялъ полки, собравшіеся при семъ въ нѣсколькоихъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Овручскаго маршала Головинскаго, при чёмъ взято въ плѣнъ четыре помѣщика, въ числѣ коихъ—второй начальникъ послѣ Головинскаго, Байковскiй,—пятьдесятъ шляхтичей, девять ксендзовъ съ оружиемъ въ рукахъ и участвовавшихъ въ бунтѣ, и до четырехъ сотъ человѣкъ разнато званія и лѣтъ, шесть малыхъ пушекъ, шесть значковъ, 90 повозокъ съ провіантомъ и фуражемъ, 180 головъ, нѣсколько лошадей и рекрутская партия болѣе 300 человѣкъ, захваченная мятежниками. Съ нашей стороны убитъ одинъ козакъ, ранены: два офицера и одинъ козакъ.

Вмѣстѣ съ симъ получено донесеніе, что полковникъ Цетерь, командированный съ дивизиономъ Деритскаго конно-егерскаго полка для преслѣдованія мятежниковъ въ Новгородъ-Волынскомъ повѣтѣ, настигъ многочисленную ихъ партію въ 5 верстахъ за мѣстечкомъ Бердною, стремительно атаковалъ и, вѣ взирая на самое отчаянное сопротивленіе, разбилъ и разсѣялъ ону, причемъ мятежники потеряли убитыми въ мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ, въ плѣнъ взято 40 человѣкъ, отбито захваченныхъ ими 30 фуръ съ провіантомъ и лошадьми, 36 погонщиковъ и 95 ружей.

Объявленія о сихъ дѣйствiяхъ, доказывающихъ, что злые замыслы мятежниковъ принимаемы мѣрами уничтожаются съ совершеннымъ успѣхомъ, и надѣюсь, что сіе послужить убѣжденiemъ къ приведенію ихъ въ раскаяніе и возвратить къ законнымъ обязанностямъ тѣхъ, которые еще не закоснѣли въ вѣроломныхъ поступкахъ.

Подлинное подписьаль Главнокомандующій генералъ-фельдмаршаль графъ Сакенъ.

Мая 23 дня, 1831 г. въ главной квартирѣ 1-й арміи въ Кіевѣ.

4. Указъ Правительствующему Сенату.

Изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ Западныхъ Губерній усмѣтрѣли мы, что вслѣдствіе указа Нашего отъ 6 мая сего года, нѣкоторые помѣщики, удаляясь отъ сосѣдничества съ мятежниками, авились добровольно къ военнымъ начальникамъ и, объясняя, что они только силою и страхомъ вовлечены были въ преступныя дѣйствія возмутителей, просили помилованія.

Даровавъ имъ оное и повелѣвъ возвратить имъ имѣніе, Мы не могли не обратить особаго на таковые примѣры вниманія и потому, желая въ тѣхъ мѣстахъ сихъ губерній, кои терпать отъ злымыслія нѣкоторыхъ и отъ заблужденія другихъ, возстановить спокойствіе въ благосостояніе, не одною силою оружія, но и снисхожденіемъ къ самимъ виновнымъ, повелѣваемъ:

1) Главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, а равно военные и гражданскіе Губернаторы, коменданты и военные уѣздные начальники, когда явятся къ нимъ добровольно и съ изъясненіемъ раскаявія помѣщики, участвовавшіе въ мятежѣ даже съ поднатіемъ оружія, уполномачиваются даветь имъ о явкѣ ихъ свидѣтельство и, отбираю отъ нихъ подпиську въ непоколебимой вѣрности, отпускать въ ихъ имѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ относиться непосредственно къ гражданскимъ губернаторамъ о дозволеніи имъ свободнаго пользованія ихъ имѣніями; Губернаторы же, по учиненіи о томъ распоряженія, обязаны доносить для свѣдѣнія Главнокомандующимъ и мѣстнымъ военнымъ Губернаторамъ. Изъ прощенія сего изъемлются извѣстные главные зачинщики и предводители мятежа, о коихъ впрочемъ имѣть быть представляемо Намъ для оказанія и имъ въ подобныхъ случаяхъ возможнаго, по благоусмотрѣнію Нашему, помилованія.

2) Получившіе свидѣтельство, если бы вновь отважились участвовать въ какихъ-либо преступныхъ замыслахъ, или дѣйствіяхъ, наказаны будутъ по всей строгости изданныхъ предъ симъ постановленій, наравнѣ съ зачинщиками.

3) Лицамъ духовнаго званія, которымъ на семъ же основаніи получать прощеніе, не препятствовать оставаться при своихъ приходахъ и исполнять духовныя, по званію ихъ, требы, съ оставленіемъ за ними и всѣхъ сопряженыхъ съ саномъ ихъ доходовъ, но сообщающая о дарованіи имъ прощенія Епархиальнымъ ихъ начальствамъ, дабы по сношеніи съ ними, начальствами окончательно утверждать въ въ прежнихъ правахъ.

4) Какъ известно, что нѣкоторые люди другихъ званій, какъ то: окличная и чиншевая шляхта, городскіе обыватели, дворовые люди и крестьяне, въ мятежъ участвовавшіе, а послѣ желающіе возвратиться въ свои жилища, изъ страха наказанія скитаются въ лѣсахъ и составляютъ мятежныхъ скопищъ; то и таковымъ, когда возвратятся въ свой домъ, сдадутъ оружіе и останутся спокойными, даровать прощеніе, если она не принадлежать къ числу зачинщиковъ и предводителей мятежа.

5) Съ тѣми, кои, не взирая на сіи новые знаки Монаршаго Нашего милосердія, останутся въ числѣ мятежныхъ шаекъ, или отважатся грабить почты, курьеровъ, либо проѣжающихъ, или посягнутъ на другія безчинства, поступать по всей строгости военнаго уголовнаго уложенія.

6) Само собою разумѣется, что если кто изъ числа лицъ, въ предшествовавшихъ Статьяхъ упомянутыхъ, кромѣ участія въ мятежѣ вообще, учинилъ еще особенное уголовное преступленіе, то даруемое прощеніе къ таковому преступленію относимо быть не можетъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ немедленному расpubликованію Сего указа Нашего во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

На подлинномъ подписано собственою Его Императорскаго Величества рукою:

НИКОЛАЙ.

4-го Іюня 1831-го въ С.-Петербургѣ.

*5. Приказъ. Іюня 22 дня 1831-го года. Главная квартира въ
городѣ Кіевѣ.*

Генералъ отъ артиллеріи Баронъ Левенштернъ донесъ мнѣ, что Брацлавскій дворянскій предводитель Жабоклицкій самовольно
Томъ 73.—Іюнь, 1901.

оставилъ въ Брацлавѣ участвовавшихъ въ мятежѣ помѣщика Александра Городецкаго и другихъ тогда, когда надлежало бы ихъ отпра- вить въ ближайшую слѣдственную Комиссію для доказательства своей невиновности, и что онъ, Жабоклицкій, по видамъ дѣйствій его, подозрѣвается также въ участіи въ мятежѣ, или въ знаніи о намѣ-реніяхъ мятежниковъ; ибо, не желая открывать виновныхъ, наказы-валъ крестьянъ, кои способствовали священнику Песецкому взять подозрительныхъ людей, и допустилъ въ присутствіи своемъ, офи-циалистовъ и ихъ женъ бранить оного священника и дѣлать непри-личныя и обидныя его сану наглости.

Таковые самоправные поступки Жабоклицкаго признавая стре-мящимися къ явному разрушению законнаго порядка и къ иститель-ности крестьянамъ и священнику за преданность ихъ правительству, я предписалъ Подольскому и Волынскому военному Губернатору уда-лить его, Жабоклицкаго, отъ должности и предать военному суду арестованнымъ, со выѣненіемъ въ обязанность судной комиссіи изыскать въ подробности всѣ означенныя дѣйствія его, и затѣмъ учинить обѣ немъ приговоръ на законномъ основаніи. О чёмъ объ-являю по арміи и гражданскому вѣдомству подчиненныхъ мнѣ губерній.

Подлинный подпись Главнокомандующій, генералъ-фельдмар-шалъ графъ Сакенъ.

6. Ізвѣщеніе жителей г. Києва о взятії русскими войсками Варшавы.

Главнокомандующій 1-ю арміею г-нъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ отъ 30 числа минувшаго августа за № 180-мъ увѣ-домляетъ меня о покореніи города Варшавы, которая 26 числа августа могущественнымъ россійскимъ воинствомъ взята штурмомъ.

Послѣ сей важной побѣды до 30-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ положили оружіе, и въ то же время занята Прага. Поспѣ-ша извѣстить кіевскихъ жителей о семъ радостномъ событіи, я приглашаю ихъ завтрашній день, то-есть 2-го числа сего сентября, въ 10-ть часовъ утра, собраться въ Кіево-Печерскую Лавру для принесенія благодаренія Всевышнему Творцу, увѣнчавшему новою славою россійское воинство.

Подлинное подпись Кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ Княжанинъ.

Кіевъ, 1 число Сентября 1831 года.

(Изъ церковнаго архива с. Глубочки, Уманскаго уѣзда).

Сообщилъ В. Доманицкій.

Текущія извѣстія.

Автографы Т. Г. Шевченка. У мірового судьи Николая Ивановича Мокрицкаго (м. Кагуль, Измаильск. у.) есть «Кобзарь», подаренный его матери Т. Г. Шевченкомъ съ собственноручной надписью автора: «Марія Львовна Мокрицкая на память Т. Шевченко. 4 февраля 1860 года». У того же Мокрицкаго есть письмо Шевченка къ отцу Мокрицкаго, написанное за 2 дня до смерти поэта и полученное уже послѣ его смерти. Содержание письма слѣдующее:

«Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ! Поздравляю Васъ съ вожделѣніемъ днемъ Вашего святого ангела. Извините, что не могу лично прінести моего искренняго поздравленія. Я боленъ другой мыслью. Не только на улицу, меня и въ коридоръ непускаютъ, и не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Марія Львовна и лобызаю Вашихъ дѣточекъ. Отъ души желаю Вамъ повеселиться по-прошлогоднему. До свиданія. Искренний Вашъ Т. Шевченко. 24 февраля 1861 г.».

Мокрицкіе жили въ Полтавской губернії. Марія Львовна Мокрицкая была близкой родственницей матери Т. Г. Шевченка.

(«Літературно-Науковий Вістникъ», кн. V).

Что читаетъ деревня? Въ «Літературно-Науковомъ Вістнику», (кн. V) въ отдѣлѣ хроники и бібліографії встречается интересная заметка «Книжка на селі», дающая наглядное представление о томъ, какова можетъ быть духовная пища въ нашихъ селахъ. Авторъ, при посредствѣ учениковъ сельской школы, собралъ свѣдѣнія о 143 семьяхъ и получилъ слѣдующіе результаты.

Всего книгъ въ 143 семействахъ оказалось 866, которые по содержанию распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: біблій 3, евангелий 59, молитвенниковъ 74, часослововъ 14, псалтырей 17, различ-

ныхъ богослужебныхъ книгъ 5—итого 173 на церковно-славянскомъ языке. Далѣе идутъ житія святыхъ и религіозные листки и брошюры—всего 177; сюда же слѣдуетъ добавить 54 экз. краткаго школьнаго учебника по Закону Божьему.

Далѣе идетъ литература. На первомъ мѣстѣ стоитъ рядъ книжекъ, изданныхъ Сытинымъ et tutti quanti. Здѣсь же наберется около десятка сказокъ Пушкина, но въ большинствѣ случаевъ—«народная литература»—безъ имени автора и издателя. Далѣе слѣдуетъ 125 перловъ лубочныхъ изданій. Чего только здѣсь нѣтъ! «Бова Королевичъ» и «Сонъ Богородицы», «Волкъ на скамье подсудимыхъ» и «Правдивое сказаніе о томъ, какъ львица царскаго сына выкорнила», здѣсь же и «Тарасъ Бульба», Ѣдущій по степи и поющій высокимъ баритономъ «Гой ты Днѣпиръ, ты мой шпрокій»?

Затѣмъ школьніе учебники различныхъ названій—всего 54 (много задачниковъ). Календарей—почти нѣтъ. Встрѣтилось еще 18 книж. различнаго хлама: «Каталогъ музыкальнаго магазина», «Уставъ общества велосипедистовъ» и пр.

Украинскихъ книжекъ встрѣтилось 72 экземпляра. Болѣе всего посчастливилось «Наймычкѣ» и «Кайдашевой семье», благодаря ихъ удобной цѣнѣ (1 к. и 9 кош.). Украинскія книжки проникали только благодаря книжной торговлѣ земства. По сельскому хозяйству встрѣтилось всего лишь 5 книжекъ, изъ нихъ одна Е. Чикаленка (Черный царь), а прочія—неподходящія, и пошли въ руки крестьянъ случайно.

Вотъ и весь литературный багажъ одного изъ нашихъ сель. Если принять во вниманіе, что въ упомянутомъ селѣ школа существуетъ болѣе 40 лѣтъ и что въ немъ происходитъ продажа книгъ изъ земскаго склада, то можно прийти къ довольно грустнымъ размышленіямъ относительно множества тѣхъ закоулковъ, куда не достигаютъ лучи просвѣщенія ни отъ школы, ни отъ культурныхъ центровъ.

Интересъ къ артельному дѣлу заграницей. Артельное дѣло у насъ вызываетъ живой интересъ заграницей. Н. В. Левитскій получаетъ привѣтствія и выраженія сочувствія изъ различныхъ иностраннѣй городовъ: такъ напр., изъ Фрейбурга (Саксонія) студенты мѣстной горной академіи прислали ему коллективное привѣтственное письмо, такія же письма получены отъ студентовъ берлинскаго

брюссельского и др. университетовъ. Недавно въ Австрії (въ Галиції), переведенъ на малорусскій языкъ «Артельный договоръ» Н. В. Левитскаго. Такимъ образомъ, теперь «Артельный договоръ» имѣется въ переводахъ на языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, сербскомъ и малорусскомъ. «Югъ», № 910.

Добрый починъ. Въ одномъ изъ сель Херсонской губерніи попечительница школы раздала ученикамъ книги, въ роскошныхъ переплетахъ, съ золотыми надписями: «На память о школѣ» 1901 г. Выборъ книгъ въ этомъ году оказался очень удачнымъ. Въ числѣ другихъ книгъ было раздано немалое количество «Кобзаря» Шевченка—«наилучшей книги для малоросса, какъ написанной на народномъ языке и затрагивающей очень близкіе и вполнѣ понятные вопросы въ его жизни». Надо замѣтить, что такая раздача книгъ «на память о школѣ» происходила и въ прошломъ году, и попечительница намѣрила и впредь дарить дѣтямъ на память книги. «Югъ», № 908.

Съездъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ. Предполагавшій еще въ прошломъ году областной съездъ дѣятелей по кустарной промышленности будетъ происходить въ текущемъ году съ 27 сентября по 7 октября. Съездъ устраивается Полтавскимъ обществомъ сельского хозяйства въ г. Полтавѣ для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программи его занятій.

Въ съездѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіеся кустарными промыслами, попечители, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Киевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащіе въ правительственный и общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о развитіи кустарной промышленности.

Заявленія о желаніи принять участіе въ съездѣ подаются въ Комитетъ не позже первого дня съезда.

Лица, извѣсившія желаніе участвовать въ съездѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

*Программа вопросов, подлежащих обсуждению областного съезда
действителей по кустарным промыслам.*

- 1) Значение кустарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.
 - 2) Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.
 - 3) Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые посредники.
 - 4) Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработка.
 - 5) Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Техническія улучшепія. Санитарно-гигієніческая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.
 - 6) Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ районѣ.
 - 7) Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.
 - 8) Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій данного района.
 - 9) Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.
 - 10) Значеніе и возможность примѣненія кооперации въ области кустарныхъ производствъ.
-

Ходатайство по вопросу о положеніи малорусской печати въ Россіи. Въ засѣданіи Харьковскою Общества распространенія въ народъ грамотности, состоявшемся 29-го апрѣля, было постановлено возбудить ходатайства: а) о томъ, чтобы руководства по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринарии и проч. были допущены для печатанія на малорусскомъ языке при обращеніи вниманія на содержаніе книги, а не на языкъ, б) чтобы брошюры эти допускались въ народныя читальни и библиотеки и в) чтобы книги, одобренныя Министерствомъ Земледѣлія, были допущены въ школьніи библиотеки и бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

Докладъ дѣлалъ предсѣдатель Общества проф. Д. И. Багалѣй. Упомянувъ о томъ, что комитетомъ за 10 лѣтъ его существованія издано 58 названій (въ томъ числѣ 2 малорусскихъ) въ количествѣ 10565591 экз., что, однако, составляло лишь 34,5% всего разсмо-

тринаго літературнаго матеріала, докладчикъ указаў въ то обстоятельство, что главной причиной такого явленія служили цензурныя препятствія.

Еще, пожалуй, относительно брошюра на «рускомъ языке», цензура была благосклонная». Иначе обстоило дѣло съ рукописями на малорусскомъ языке Относительно ихъ приходится руководиться особыми правилами, мало известными и авторамъ, и читателямъ, и издателямъ.

Главная ихъ сущность состоитъ въ томъ, что они касаются *не содержанія сочиненія*, а языка, на которомъ оно написано; такъ напримѣръ, имъ разрѣшаются оригинальные художественные произведения, но запрещаются переводы съ русскаго языка; допускается изданіе памятниковъ историческихъ, литературныхъ и этнографическихъ,—и въ то же время не разрѣшается выходъ въ свѣтъ столь необходимыхъ и полезныхъ для народа научно-популярныхъ брошюра по медицине, сельскому хозяйству и т. п. Комитету въ послѣднее время не была разрѣшена прекрасно написанная и редактированная профессоромъ агрономомъ рукопись о болѣзняхъ грибкѣ на картофелѣ, причиняющемъ огромный вредъ сельскому хозяйству. Несколько времени спустя не было разрѣшено 2-ое изданіе одной брошюры о сельскомъ хозяйстве, хотя она уже передъ тѣмъ заслужила одобрение Министерства Земледѣлія и была допущена въ его школы. Въ то самое время новое изданіе этой-же брошюры было разрѣшено одной коммерческой фирмѣ, когда существуетъ правило, что рукопись, разрѣшенная одному лицу, можетъ быть издана другимъ. Въ то время какъ Аяньевск. Земство Херс. губ. издастъ бесѣды о болѣзняхъ, составленныя съѣздомъ врачей въ память Н. И. Пирогова, въ переводѣ на малорусскій языкъ, частный издатель перепечатываетъ ихъ въ Харьковѣ, земства распространяютъ ихъ среди крестьянскаго населенія, а комитетъ не можетъ, по смыслу существующихъ правилъ, перепечатать ихъ, не можетъ дать крестьянскому населенію, говорящему по малорусски, вполнѣ доступной ему по изложению книги. Это аномалия, но она, однако, является значительнымъ тормазомъ для культурнаго развитія нашего народа. Родной языкъ—это орудіе для распространенія образованія, проводникъ знаній, средство для возбужденія къ чему интереса; наконецъ, въ данномъ случаѣ онъ является разумнымъ педагогическимъ средствомъ для перехода отъ своего родного къ близко родному, но не тождественному, менѣе известному.

Борьба съ трудностями усвоения русского языка дѣлается для простолюдина малоросса особенно чувствительной въ научно-популярныхъ брошюрахъ по сельскому хозяйству, медицине, ветеринарии и т. п., потому что при стремлении къ простотѣ изложения, въ нихъ нельзя избѣжать новыхъ научныхъ понятий, а, следовательно, и терминовъ. Но въ то время, какъ для простолюдина великоросса представляютъ затрудненія только эти новые понятія, читатель малороссъ долженъ еще усваивать рядъ обыкновенныхъ литературныхъ русскихъ словъ, или вовсе отсутствующихъ въ его разговорной рѣчи, или же выраженныхъ иными звуками. И вотъ, если крестьянинъ великороссъ не охотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству и медицине, то поселенінъ малороссъ почти совсѣмъ отказывается отъ нихъ и, следовательно, лишается могучаго средства науки для поднятія уровня своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Между тѣмъ, теперь, когда Россія вступила въ такое тѣсное общеніе со всѣми міромъ, когда въ этой экономической борьбѣ всякое государство напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы лучше вооружить общество пріобрѣтеніями цивилизациі, ставятся препятствія для распространенія научныхъ знаній среди многомилліоннаго народа, застывшаго въ давно обветшалыхъ хозяйственныхъ формахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста малоросса, сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи. Пространно развивъ эту мысль, Д. И. Багалѣй сказалъ, что онъ считаетъ разумнымъ, законнымъ и справедливымъ, чтобы къ сочиненіямъ, написаннымъ по малорусски, были примѣнены тѣ же требованія цензурнаго устава, которымъ подчиняются произведенія, написанныя по русски, т. е. чтобы при разрѣшеніи ихъ для печати принималось во вниманіе только ихъ содержаніе, а не языкъ.

(Южн. Край, №№ 7001 и 7004 и Харьк. Губ. Вѣдом., № 117).

Популяризація медицинскихъ свѣдѣній. Для популяризациі среди народа полезныхъ знаній по гигіенѣ, Полтавскимъ уѣзднымъ земствомъ вскорѣ будетъ приступлено къ безплатному распространенію брошюра на народномъ малорусскомъ языке. Въ этихъ цѣлахъ уѣздная земская управа пріобрѣтаетъ въ настоащее время массу брошюръ, переведенныхъ на малорусскій языкъ, съ изданія «О—за русскихъ врачей въ честь Н. И. Чирогова», среди которыхъ находятся

«Якъ оберегты себе видъ власны», „Про скарлатну“ (краснуха), „Про сифилисъ“ (пранца) и нѣкоторыя другія. Всѣ эти брошюры составлены до того популярно, что читатели безъ труда даже для самыхъ малоразвитыхъ крестьянъ. Въ техническомъ отношеніи изданія также вполнѣ удовлетворительны. (Полт. Губ. Вѣд., № 70).

Новая украинская опера. До сихъ поръ оперъ, написанныхъ на малорусскомъ языке, было всего три: „Різдвила нічъ“, „Майска вічъ або утоплен“ известнаго украинскаго композитора Лисенка и „Катерина“ муз. Аркаса. „Оперетты“ съ пѣніемъ, разговорами и танцами (въ родѣ „Запорожца за Дунаемъ“, „Наталки-Полтавки“ и друг.), конечно, въ счетъ не идутъ,—это произведения совсѣмъ особыго рода. Въ самое послѣднее время число украинскихъ оперъ увеличилось еще одной, принадлежащей перу молодого лубенскаго композитора Б. Подгорецкаго, кончившаго курсъ варшавской консерваторіи, бывшаго въ числѣ учениковъ московскаго композитора и профессора г. Ильинскаго. Его опера называется „Купальна искра“ и состоитъ изъ двухъ актовъ. Либретто заимствовано изъ народнаго украинскаго сказания. („Югъ“, № 905).

Какъ мы слышали, новая опера въ неиродолжительномъ времени будетъ поставлена въ Киевѣ «Товариществомъ Русскихъ и Малорусскихъ артистовъ подъ управл. Е. П. Ратмаровой».

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ Милятинѣ Старичъ, въ Каменецкомъ окружѣ въ Галиції состоялось 3 мая чествованіе памяти М. Шашкевича и Т. Г. Шевченка въ «клунѣ» (стодолѣ) Ивана Війтовича, прекрасно убранной. На чествованіе прибыло болѣе 1000 душъ изъ всевозможныхъ окрестныхъ пунктовъ. Въ вечерѣ принималъ участіе сельскій хоръ изъ 96 душъ. Рѣчь о М. Шашкевичѣ произнесъ 58-лѣтній крестьянинъ изъ Кунча Данило Павлюкъ. Также и остальные номера—декламаціи, пѣніе—исполнены были одними лишь крестьянами.

Вечеръ произвелъ на слушателей неизгладимое впечатлѣніе. („Дѣло“, ч. 105).

Подобныхъ же чествованій происходили: въ Миклашевѣ, возлѣ Львова, 14 мая; въ Стриманції—въ сельской школѣ—13 мая; въ Коломыї, 17 мая, содѣненными усилиями „всѣхъ русскихъ товарищъ“, въ Новоселцѣ Костковой, коло Задіщикъ, въ «стодолѣ» священ-

ника, 6 мая. Вечеръ устроенъ былъ священникомъ Боярскимъ для мѣстныхъ крестьянъ («Дѣло, ч.ч. 102, 104, 107»).

Въ Америцѣ, въ Шамокинѣ (въ Пенсильваніи) 30 мая состоялось чествование памяти Шевченка, глѣ между прочимъ исполнены слѣдующіе номера:

Вступнє слово выголосивъ голова товар. М. Колодѣй.

«Завищене», слова Т. Шевченка, музыка Е. Вербицкого на 8 голосивъ въ супроводи фортепіану, видсправавъ мишаний хоръ.

Видчитъ о Тарасѣ—о. А. Бончевскій.

„У Петрівку“, слова Д. Млаки, музыка Із. Воробьевича, видсправавъ хоръ.

Декламація «У недиленьку святую» Т. Шевченка, выдевлямуща въ Марії Мурдза.

Декламація «Івачка» Т. Шевченка, ваддекл. Антоній Лучковець.

Того жъ самого дня видбуло ся въ церкви Богослужене на інтенцію тов. ім. Шевченка и панихида за душу Тараса о гол. $1\frac{1}{2}9$ рано. («Свобода» (Американская), № 20).

Еще о родственнику Т. Г. Шевченка. Читателямъ извѣстна уже сущность судебнаго дѣла по иску кр. Кіевск. губ. Андрея Шеаченка (племянникъ извѣстнаго украинскаго поэта) къ С. Б. Фальцъ-Фейну въ суммѣ 4800 р. заувѣчье. Дѣло въ томъ, что сыну Андрея, Митрофану, въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейна оторвало руку и онъ теперь къ труду неспособенъ. По расчетамъ отца, самымъ минимальнымъ, его сыну нужно имѣть 4800 р., для того чтобы не жить въ таєсть другимъ. Процессъ тягнется давно. Въ послѣднее время г-жа Фальцъ-Фейнъ чрезъ посредство своего повѣренного желаетъ мириться съ Шевченкомъ, и дѣло затагивается только потому, что повѣренный отвѣтчицы никакъ настоящей цѣны человѣческой рукѣ не подберетъ. Было время, онъ ее уже въ 2 т. оцѣнилъ, теперъ-же цѣна на руки, видно, упала, т. к. повѣренный предлагаетъ Шевченку только 1000 р. Вѣрю, что немаловажную роль въ этомъ пониженіи уже разъ предложенной цѣны играетъ и то обстоятельство, что г. Шевченко въ настоящее время въ крайне тяжеломъ материальномъ положеніи, и поэтому долго тягнуть судебную волокиту не можетъ. На сколько такого рода торгъ праильчень—судить предоставляемъ читателямъ. («Югъ», № 920).

Магистерскій диспутъ Д. И. Эварицкаго. 29 апрѣля настоещаго года Д. И. Эварицкій защищалъ диссертацию «Исторія запорожскихъ казаковъ» (т. I, 2-е изданіе) на степень магистра Русской исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ. Совѣтъ историко-филологического факультета призналъ г. Эварицкаго достойнымъ искомой степени, а присутствовавшая публика встрѣтила это извѣстіе горячими и очень продолжительными рукоплесканіями.

Почетный выборъ. Императорское Одесское «Общество исто-
ріи и древностей» выбрало проф. М. Грушевскаго своимъ дѣй-
ствительнымъ членомъ, а Волынское церковно-археологическое Об-
щество въ Житомирѣ—почетнымъ членомъ. («Літер.-Наук. Віст-
никъ», кн. V).

Свообразная оцѣнка „Энеиды“ Котляревскаго. «Хутори-
нинъ» (№ 18) въ передовой статьѣ по вопросу о нѣкоторыхъ непор-
мальностяхъ положенія сельскихъ учителей, приводить нѣсколько
характерныхъ фактовъ отношенія къ послѣднимъ непосредственнаго
ихъ начальства. Между прочимъ авторъ статьи сообщаетъ и слѣ-
дующее: «Намъ извѣстенъ случай признанія инспекторомъ народныхъ
училищъ сочиненія Котляревскаго—«Энеиды»—за чиничное и оскор-
бляющее нравственность, хотя это сочиненіе и разсыпалось Полтав-
скимъ земствомъ въ ученическія бібліотеки», какъ допущенное Мин.
Нар. Просв.

Марко Мурава (Сильвестръ Лепкій). *Некрологъ.* 22 мая въ Бережанахъ въ Галичинѣ скончался священникъ Сильвестръ Лепкій, украинскій писатель, горячій патріотъ-народникъ. Покойный началъ писать въ 1871 г. въ «Правдѣ», подъ псевдонимомъ *Марко Мурава*, но затѣмъ долгое время не выступалъ въ литературѣ.

Въ послѣднее время, когда на литературное поприще высту-
пилъ талантливый его сынъ Богданъ Лепкій, покойный снова сталъ
помѣщать свои произведенія, подъ прежнимъ псевдонимомъ, въ
«Дѣлѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ.

Кромѣ произведеній беллетристическихъ и стихотворныхъ, по-
койный писалъ статьи по экономическимъ вопросамъ, написалъ по-
пулярную брошюру (изданную «Просвітою») объ огородничествѣ и
садоводствѣ. («Дѣло», ч. 113).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Теодоровичъ. Волынская Духовная Семинарія. Почека
1901 года. Д. съ перес. 4 руб.

Настоящая книга составлена и издана пріобрѣвшимъ большую
извѣстность въ средѣ волынского духовенства неутомимымъ тружен-
никомъ по изданію многотомнаго историко-статистическаго описанія
церквей и приходовъ Волынской епархіи, бывшимъ преподавателемъ
семинаріи, а нынѣ инспекторомъ народныхъ училищъ Сѣдлецкой
губерніи Н. И. Теодоровичемъ. Книга имѣеть вѣсколько заглавій.
Первое и основное ея заглавіе, напечатанное самымъ крупнымъ шриф-
томъ, такое: «Волынская Духовная Семинарія». Но такъ какъ это
заглавіе слишкомъ общее и неопредѣленное, то авторъ, чувствуя не-
обходимость пояснить его, прибавляетъ къ нему второе заглавіе, а
именно: «Исторія первоначального устройства ея и подвѣдомственныхъ
ей духовныхъ училищъ». Далѣе слѣдуетъ третье заглавіе: «Списки
воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ ученія, а также началь-
никовъ и наставниковъ ея въ періодъ времени съ 1796 по 1900 г.»
Наконецъ, есть еще одно пояснительное замѣчаніе на заглавной стра-
ницѣ, именно: «Съ приложеніемъ портрета митрополита Автонія Ра-
фальского и его писемъ». Въ сущности, объемистая (болѣе 1000 стр.)
книга г. Теодоровича состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части со-
держатсяѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся первоначального устройства
Волынской семинаріи и духовныхъ училищъ, а во второй—списки
воспитанниковъ. Этимъ и объясняется, почему, кромѣ основнаго об-

щаго заглавія, понадобилось еще два подзаглавія, въ которыхъ поченный составитель и пытался указать на два главные предмета, составляющіе содержаніе его книги.

Поводомъ къ изданію г. Теодоровичемъ настоящаго труда послужилъ праздновавшійся въ 1896 году столѣтній юбилей Волынской Духовной Семинаріи и вслѣдствіе, этого на второй страницѣ книги напечатано: «Вѣнокъ на Волынскую Духовную Семинарію», причемъ дѣйствительно изображенъ вѣнокъ, въ срединѣ котораго стоитъ цифра 100. Недовольствуясь этимъ посвященіемъ, авторъ на 3-ей страницѣ печатаетъ еще одно посвященіе: «Моимъ дорогимъ ученикамъ посвящаю этотъ мой трудъ». Въ предисловіи къ книгѣ поченный исследователь заявляетъ, что этотъ трудъ былъ имъ задуманъ задолго до юбилея. Еще въ 1884 году, т. е. за 12 лѣтъ до этого времени, онъ уже началъ работать въ семинарскомъ архивѣ и тогда же напечаталъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ статью по вопросу о перестройкѣ зданій семинаріи. Если принять во вниманіе, что настоящая книга издана въ 1901 году, т. е. почти 5 лѣтъ спустя послѣ юбилея, то выйдетъ, что авторъ работалъ надъ своимъ трудомъ около 17 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ, очевидно, не менѣе того былъ занятъ и другими работами, главнымъ образомъ по изданію вышеупомянутаго историко-статистического описанія; изученію же тѣхъ историческихъ превратностей, которыя пережила въ теченіе ста лѣтъ Волынская семинарія, онъ отдавалъ, вѣроятно, лишь свои досуги. По крайней мѣрѣничѣмъ инымъ, какъ только этимъ можно объяснить то, что, не смотря на столь продолжительныя занятия исторіей Семинаріи, г. Теодоровичъ даетъ въ своей книгѣ лишь сырой, совершенно необработанный материалъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касается. Этимъ же, по всей вѣроятности, объясняется небрежность въ выработкѣ плана, которымъ руководствовался авторъ при приведеніи въ порядокъ имѣвшагося у него подъ руками богатаго материала. Иначе сказать, въ книгѣ вовсе нѣтъ плана; если же и можно назвать планомъ тотъ порядокъ, въ которомъ расположены исторический материалъ, то это планъ весьма своеобразный и довольно-искусственный.

Послѣ двухъ посвященій и краткаго предисловія начинается изложеніе предмета, которому предшествуетъ заглавіе, но не тождественное съ тѣмъ, которое стоитъ на обложкѣ книги, а иѣсколько видоизмененное. Оно представляетъ собою соединеніе яѣсколькихъ прежнихъ

заглавій въ одно, но съ довольно важнымъ пропускомъ. Заглавіе это слѣдующее: «Исторія первоначального устройства Волынской Духовной Семінаріи и списки воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ ней въ теченіе столѣтія ея существованія»; затѣмъ въ скобкахъ стоять годы «1796—1896 г. и потомъ курсивомъ добавлено: „Въ память столѣтія Волынской Духовной Семінаріи (14 мая 1896 г.)». Какъ видимъ, въ настоящемъ заглавіи обѣ устройствъ духовныхъ училищъ уже не упоминается, но это не значитъ, чтобы авторъ оставилъ намѣреніе вести рѣчь объ училищахъ; это указываетъ лишь на вѣкоточность этого, четвертаго по счету, заглавія.

Указавъ годъ и день открытия Волынской семинаріи и мѣсто ея первоначального нахожденія, г. Теодоровичъ кратко говоритъ о первыхъ ея учителяхъ, о количествѣ классовъ и учениковъ въ первые годы ея существованія, о предметахъ преподаванія въ первый періодъ ея жизни, т. е. до 1871 года, о такъ называемой русской школѣ, обѣ устройствѣ при семинаріи бурсы и о продолжительности учебнаго года. Даље, подъ особыми заглавіями, описаны «порядокъ учебнаго дна», причемъ приведено составленное еп. Варлаамомъ (Шашацкимъ) расписание уроковъ, «одежда учениковъ», и «испытаніе»; здѣсь на 6 страницахъ перепечатаны: 1) „планъ для произведенія въ іюлѣ 1815 года публичного испытанія“, 2) «оказаніе предметовъ для открытаго испытанія 1818 г. м. іюля» и 3) печатный „планъ публичного испытанія 14 іюля 1859 года“. Затѣмъ подъ особымъ заголовкомъ—„Экономическое состояніе Семинаріи“—указаны жалованье служащихъ и расходы на содержаніе учениковъ. Наконецъ, послѣдній заголовокъ, касающійся семинаріи, гласить: «Помѣщеніе семинаріи». Здѣсь рѣчь идетъ о пожарахъ зданій Острожскаго и Преображенскаго монастыря, въ которыхъ помѣщалась Семинарія, о семинарской библиотекѣ, о переводе монастыря въ 1825 году въ м. Аннополь; здѣсь же на 12 страницахъ перепечатано составленное б. экономомъ Семинаріи, прот. Г. Рафальскимъ (вненѣдствіи митрополита С. Петербургскаго Антонія) описание семинарскихъ зданій. Исторія Семинаріи заканчивается указаниемъ на переводъ ея въ 1836 году въ г. Кременецъ и сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о кременецкихъ поїезуитскихъ зданіяхъ. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о состоявшемся 29 января 1886 года указѣ Свят. Синода относительно перевода Семинаріи изъ Кременца въ Житомиръ.

Все приведенное изложение занимаетъ у автора 44 страницы. При этомъ нужно имѣть въ виду, что на многихъ страницахъ даны буквальныи выписки изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ семинарскомъ архивѣ. Не стѣсняясь никакимъ опредѣленнымъ планомъ, авторъ свободно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Можно ли, однако, назвать такое изложение исторіей? Конечно, нѣтъ, и авторъ поступилъ бы правильно, если бы назвалъ свои замѣтки, основанныя на приводимыхъ въ подлинникѣ документахъ, просто материалами для Исторіи Волынскай Духовной Семинаріи. И въ самомъ дѣлѣ: описание семинарскихъ зданій — что такое, какъ не материалъ? Вотъ, напр., описание одной изъ классныхъ комнатъ: въ комнатѣ имѣется дверь и косяки сосновые, фасованной работы, о двухъ желѣзныхъ завѣсахъ, на крючкахъ, съ рукояткою, въ срединѣ комнаты полъ изъ сосновыхъ досокъ новый, сводъ каменный, скамей для сидѣнія учениковъ на подставкахъ изъ сосновыхъ досокъ 10, каѳедра тоже изъ сосновыхъ досокъ, — печки вѣтъ, окошекъ расторчатыхъ въ дубовыхъ рамахъ 2, при нихъ завѣсокъ на желѣзныхъ крючкахъ 16, нарожниковъ 8, 4 завертки, оба окошка прибиты 8 шпиральами, стекла въ обоихъ окошкахъ 40 тафель, при сихъ окошкахъ имѣется еще 12 прутовъ желѣзныхъ, служащихъ рѣшетками симъ окошкамъ». Такія описанія, съ подробнымъ перечисленіемъ нарожниковъ, крючковъ, тафель и пр. занимаютъ 12 битыхъ страницъ. При чтеніи отъ множества шпиралей и нарожниковъ нестрѣтъ въ глазахъ и начинаетъ кружиться голова. Всякій скажетъ, что, конечно, это не исторія, но какъ материалъ можетъ пригодиться. Такъ напр., отцы и дѣды рассказываютъ, что въ старину въ Семинаріи въ классахъ не топили; изъ приводимаго же г. Теодоровичемъ описанія мы узнаемъ, что въ Острожскій періодъ и невозможно было точить, ибо въ классныхъ комнатахъ вовсе не было печей.

Покончивъ съ исторіей первоначального учрежденія Семинаріи, хотя въ дѣйствительности здѣсь говорится не только объ учрежденіи, но и о нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ перемѣнахъ, случившихся съ Семинаріей, авторъ крупнымъ шрифтомъ ставитъ заголовокъ: «Гдѣ обучалось Волынское духовенство до открытия Волынской Семинаріи?» Читатель ждетъ встрѣтить длинный разсказъ объ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ на Волыни во времена унії, но вместо того въ отвѣтъ на поставленный вопросъ находитъ на 2-хъ страницахъ имена священниковъ, учившихся въ духовныхъ и свѣтскихъ учили-

щахъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ юго-западнаго края. Помѣщаемыя свѣдѣнія взяты авторомъ изъ послужныхъ списковъ, хранящихся какими-то судьбами въ архивѣ Волынской Семинарии. Далѣе идеть новый заголовокъ, напечатанный такимъ же крупнымъ шрифтомъ, именно: «Учрежденіе духовныхъ училищъ». Изложеніе этого предмета занимаетъ 145 страниц. (47—192), т. е. большую часть текста первой части книги. Здѣсь подробно говорится объ устройствѣ духовныхъ училищъ: острожскаго, кременецкаго, загаецкаго, ковельскаго, кишинецкаго, бердичевскаго, дерманскаго, мѣлецкаго, бѣлостокскаго, житомирскаго. Особенно долго авторъ останавливается на несуществующихъ нынѣ училищахъ дерманскомъ, мѣлецкомъ и бѣлостокскомъ. Съ такою же подробностью онъ говоритъ затѣмъ о послѣдовательномъ закрытіи сперва бѣлостокскаго потомъ ковельскаго, бердичевскаго и др. училишъ. Отдѣль обь училищахъ заканчивается спискомъ смотрителей, съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

Много интересныхъ свѣдѣній сообщаетъ почтенный изслѣдователь въ этомъ второмъ отдѣлѣ. Еще болѣе, чѣмъ въ первомъ, онъ говоритъ здѣсь подлинными словами первоисточниковъ. Онъ приводить подлинные рапорты смотрителей съ описаніемъ торжествъ, при которыхъ состоялось открытие училищъ. Онъ перечисляетъ даже имена лицъ, сдѣлавшихъ небольшія пожертвованія въ пользу училищъ въ день ихъ открытия. Овъ цѣликомъ печатаетъ рѣчъ, скаженную прот. Княжинскимъ при учрежденіи житомирскаго училища. Онъ подробно излагаетъ длинную, утомительную переписку по поводу перестройки зданій бѣлостокскаго училища въ сороковыхъ годахъ. Повторяемъ, все это, какъ матеріалъ, представляетъ несомнѣнныи интересъ. Но, позвольте, спросите читатель, какое же это имѣть отношеніе къ Волынской Семинаріи и ея юбилею? Развѣ празднуется также и столѣтній юбилей духовныхъ училищъ Волынской епархіи? Нѣтъ, училища пока еще не дожили до юбилея, и все это имѣть, по правдѣ сказать, косвенное и довольно отдаленное отношеніе къ Семинаріи. Все дѣло лишь въ томъ, что въ старину духовныя училища были подчинены Семинаріи, и потому Семинарія вела переписку по поводу ихъ открытия. Авторъ познакомился съ этой перепиской въ семинарскомъ архивѣ и напечаталъ ее. Конечно, было бы уместнѣе издать всю эту переписку въ книжкѣ, посвященной столѣтнему юбилею каждого изъ духовныхъ училищъ. Тогда не вышло бы такой

странности, какая теперь случилась съ г. Теодоровичемъ, именно: въ первой части книги, посвященной юбилею Семинаріи, исторія Семинаріи излагается на 44 страницахъ, а на остальныхъ 145 стр. напечатаны материалы, касающіеся учрежденія духовныхъ училищъ. Не лучше ли было употребить эти 145 стр. для напечатанія на нихъ неизданныхъ материаловъ, касающихся Семинаріи же, а не училищъ? Такихъ материаловъ, по всей вѣроатности, не мало хранится въ семинарскомъ архивѣ. Напрасно также искалъ бы здѣсь читатель какихъ-либо свѣдѣній съ ходомъ учебно-воспитательного дѣла; ни въ отношеніяхъ семинаріи, ни въ отношеніи духовныхъ училищъ авторъ не касается этого предмета. Онъ проходитъ также молчаніемъ въ многія другія интересныя стороны семинарской жизни. Онъ самъ заявляетъ въ предисловіі: «Бытовой стороны въ своемъ трудѣ я вовсе не касаюсь. Это и не входитъ въ мою задачу». За то на стр. 192—217 подъ особымъ заглавіемъ «Земельные угодія Волынской Семинаріи» авторъ печатаетъ подробную опись этихъ угодій, изѣстныхъ подъ названіемъ «Кременецкой поїезуитской Юридики». Здѣсь описаны не только всѣ земельные участки, принадлежащіе Семинаріи, но и исторія каждого участка съ подробнымъ переименованіемъ всѣхъ арендаторовъ, которые послѣдовательно въ теченіе вѣка владѣли ими. Печатаемая въ такой подробности опись никакого значенія для читателя не имѣеть и представляетъ собою балласть, безъ котораго книга съ полнымъ удобствомъ могла бы обойтись.

Вторая, самая обширная часть, книги, заключающая въ себѣ почти 700 страницъ (съ 217 по 906), содержитъ списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи, а также краткія біографіи ректоровъ ея, инспекторовъ и преподавателей за все истекшее столѣтіе. Перелистывая эти списки, мы находимъ въ промежуткахъ между ними статьи разнаго объема и разнаго содержанія, съ заглавіями и безъ заглавій. Такъ, на стр. 256—258 имѣется замѣтка о томъ, сколько стоило въ 1804—1806 гг. содержаніе казеннокоштнаго ученика Семинаріи; на стр. 312—315 обѣ отправкѣ лучшихъ воспитанниковъ въ Медико-Хирургическую Академію и обѣ устроенномъ для развлеченія семинаристовъ театральномъ представлѣніи въ 1815 г.; на стр. 321—329 фундушовая запись офиціала Примовича ча польскомъ языкѣ; на стр. 346—347 замѣтка касательно учебно-воспитательного дѣла; на стр. 355—о принятіи лицъ свѣтскаго званія въ духовныя училища; на стр. 375—381—опись семинарскихъ помѣщиковъ.

Томъ 73.—Іюнь, 1901.

П—3

щеній въ м. Аннополѣ; на стр. 400—401 приведено распоряженіе о высылкѣ воспитанниковъ изъ З-хъ западныхъ Семинарій въ великороссійскія Семинаріи; на стр. 421—477 длинная статья подъ заглавіемъ: «Переводъ Семинаріи изъ м. Аннополя въ г. Кременецъ». Изъ всѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыхъ помѣщены во второй части книги, статья о переводахъ Семинаріи въ Кременецъ можетъ быть признана самою интересною. Здѣсь приведена подлинная переписка разныхъ лицъ и учрежденій по вопросу о приемѣ въ духовно-учебное вѣдомство кременецкихъ полицейскихъ зданий. Переписка эта съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, какія встрѣчены были духовнымъ вѣдомствомъ въ этомъ пути. Она даетъ также прекрасный матеріалъ для характеристики многихъ темныхъ сторонъ тогдашней волынской администраціи. Далѣе, на стр. 498—501 идетъ замѣтка о переустройствѣ бывшаго въ зданіяхъ Семинаріи костела въ церковь; на стр. 526—527 обѣ устройства теплой церкви и обѣ отправки нѣсколькоихъ воспитанниковъ въ С.-Петербургскую Семинарію; на стр. 555—562 программы преподаванія сельского хозяйства и естественной исторіи; на стр. 583—585 обѣ устройства иконы и портрета для актоваго зала, о стипендіи свящ. Тучапскаго и о ревизіи Волынской Семинаріи въ 1852 г.; на стран. 597—599 о хожденіи на преждеосвященные літургіи; на стр. 611 обѣ открытія въ 1855 году місіонерскаго отдѣленія, которое существовало 10 лѣтъ; на стр. 624 о ревизіи Семинаріи въ 1857 году архіеп. Арсеніемъ; на стр. 663 о разрѣшеніи воспитанникамъ Семинарії поступать въ университеты. Вотъ и всѣ замѣтки, помѣщенные въ промежуткахъ между списками.

Изъ обозрѣнія ихъ содержанія яснѣе всего обнаруживается то обстоятельство, что авторъ при составленіи своей книги не имѣлъ надлежаще выработанного плана. Поэтому-то на ряду съ материалами, имѣющими важное значеніе какъ для исторіи Семинаріи, такъ и вообще для исторіи духовнаго образованія, въ книгу попали замѣтки или малозначительныя, имѣющія второстепенное значеніе, или совершенно ненужныя, какъ напр. опись аннопольскихъ зданій. Съ другой стороны, для читателя, знакомящагося съ книгой, замѣтки эти оказываются полнѣйшимъ сюрпризомъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не будутъ обнаружены при чтеніи списковъ, читатель и не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи. Не можетъ онъ узнать о нихъ ни изъ оглавленія, ибо такового въ книгѣ нѣть, ни изъ предисловія, по-

тому что авторъ въ предисловіі ничего о нихъ не говоритъ. Все это можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, для устраненія которыхъ, а равно для удобства пользованія изложеннымъ въ приведенныхъ замѣткахъ свѣдѣніями, гораздо лучше было бы, еслибы авторъ помѣстилъ ихъ въ первой части, т. е. тамъ, гдѣ излагаются историческія данныя о Семинаріи.—Списки окончившихъ курсъ ученика въ Волынской Семинаріи представляютъ собою, такъ сказать, исторію Семинаріи въ лицахъ. Авторъ не просто печатаетъ имена и фамиліи, но сообщаетъ и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о каждомъ оканчивающемъ. Правда, въ большинствѣ свѣдѣнія эти скучны и довольно однообразны: они заключаютъ въ себѣ возрастъ окончившаго, годъ поступленія въ Семинарію, происхожденіе и учительскую аттестацію; между прочимъ, до 1817 года аттестаціи писались на латинскомъ яз., съ 1817—1872 гг. на русскомъ, съ этого же времени успѣхи начинаютъ отмѣщаться баллами, а потому аттестацій въ спискахъ и неѣть. Но въ отношеніи многихъ лицъ, выдвинувшихся въ томъ или другомъ поприщѣ, даются болѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, при именахъ лицъ, избравшихъ учennуую карьеру, указываются ихъ ученыe труды; въ отношеніи лицъ, ставшихъ извѣстными въ духовномъ поприщѣ, перечисляются ихъ заслуги въ этомъ направлениі и т. д. Безъ сомнѣнія, автору пришла весьма счастливая мысль дать наглядное доказательство того, что сдѣлала семинарія за 100 лѣтъ своего существованія, кого воспитала и какихъ людей подготовила для служенія отечеству. Поэтому списки окончившихъ Волынскую Семинарію имѣютъ нѣкоторое общее значеніе; для бывшихъ же питомцевъ Семинаріи они представляютъ особенный интересъ. Просматривая эти списки, бывшіе питомцы вновь переживаютъ незабвенные годы ученія; изъ этихъ списковъ многіе впервые узнаютъ о судьбѣ своихъ товарищѣй или близкихъ по курсу лицъ.

Къ сожалѣнію, въ спискахъ дочущено не мало ошибокъ, неточностей или неумѣстныхъ вставокъ, которыя портятъ общее хорошее впечатлѣніе. Невольные ошибки возможны и извинительны во всякомъ трудѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, какъ настоящій. Сообщая біографическія свѣдѣнія о бывшихъ питомцахъ Семинаріи, г. Теодоровичъ лишь отчасти могъ основываться на печатныхъ или вообще письменныхъ данныхъ; въ большинствѣ же случаевъ ему приходилось руководствоваться словеснымъ преданіемъ и слухами. Поэтому неѣть ничего удивительного, что въ спискахъ сообщаются невѣрныя

свѣдѣнія. Такъ, на стр. 748 о Н. Новосадскомъ сказано, что онъ поступилъ въ Варшавскій университетъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ поступилъ въ историко-филологический институтъ въ С.-Петербургѣ, который и окончилъ, а вынѣ состоить профессоромъ Варшавскаго университета. Однако не будемъ слѣдить за этими мелкими, хотя иногда и весьма досадными неточностями. Укажемъ на нѣкоторыя странности другого рода. Такъ, на стр. 606 подъ № 13 обѣ одномъ священникѣ выпуска 1855 г. говорится слѣдующее: въ 1870 году награжденъ набедренникомъ, въ 1876 году — бархатною фіолетовою скуфьею и т. д. Неужели для священника, прослужившаго около 20 лѣтъ въ священническомъ санѣ, награжденіе набедренникомъ и скуфьею является такою рѣдкостью, что обѣ этомъ слѣдовало сообщать въ памятаніе потомству? Вѣдь почти всякий священникъ, рукоположенный въ 1856 году и жившій до 1900 года, имѣть тѣ награды, которыя перечислены на стр. 606. Между тѣмъ ни о комъ другомъ подобныхъ сообщеній не дѣлается и, конечно, совершенно правильно. Далѣе, при именахъ нѣкоторыхъ окончившихъ попадаются замѣтки такого рода: «примѣрный пастырь, ревностно заботящійся о просвѣщеніи прихожанъ», или на стр. 607: «примѣрнѣйший пастырь». Едва ли однако такія голословныя характеристики уместны въ трудѣ, подобномъ настоящему. Разбираемая часть книги имѣеть скорѣе сиравочнаго, чѣмъ научно-историческаго характера, и потому здѣсь интересны главнымъ образомъ факты. Одобрительны же аттестаціи, подобные вышеприведеннымъ, какъ не подтвержденны никакими доказательствами, могутъ быть невѣрны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ спискахъ окончившихъ есть много и другихъ лицъ, заслуживающихъ пятерокъ по поведенію, но такъ какъ авторъ писалъ эту часть книги главнымъ образомъ на основаніи «устныхъ разсказовъ современниковъ», то весьма возможно, что ему не приходилось встрѣтиться съ современниками, знающими этихъ лицъ, не случалось ничего слышать о нихъ, а потому онъ и обошелъ ихъ молчаніемъ. Наконецъ, ко всему вышесказанному слѣдуетъ добавить, что лучше было бы опустить находящуюся на стр. 718 приписку: «исключенъ изъ семинаріи за неблагоповеденіе при окончаніи курса».

Списки начальниковъ и наставниковъ Семинаріи помѣщены на стр. 827—906. Здѣсь же имѣются списки помощниковъ инспектора, врачей и экономовъ Семинаріи. Этимъ собственно и оканчивается сиравочная часть книги. Далѣе, въ особомъ приложеніи, на стр.

907—962, напечатаны 47 писемъ известнаго волынскаго дѣятеля, протоіерея Григорія (въ монашествѣ—Антонія) Рафальскаго. Жизнь его была весьма богата событиями. По окончаніи Духовной Семинаріи въ 1809 году, онъ остался въ ней учителемъ, потомъ принялъ священство, и вотъ этотъ человѣкъ—безъ академического образованія—достигъ высшихъ ступеней духовной іерархіи. Поступивъ въ монашество, онъ былъ первымъ настоятелемъ Почаевской лавры по возвращеніи ея изъ уніа въ православіе, первымъ епископомъ, а затѣмъ архіепископомъ Варшавскимъ и наконецъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ. Естественно ожидать, что письма такого лица должны имѣть выдающійся общественный интересъ. Къ сожалѣнію, ближайшее знакомство съ помѣщеными въ книгѣ письмами не оправдываетъ этихъ ожиданій. Какъ въ періодъ своей дѣятельности на Волынѣ, такъ и во время епископскаго служенія, Антоній Рафальскій слышкомъ скупъ на сообщенія о совершившихъ вокругъ него, а иногда и при его участіи, событияхъ общественнаго характера. Въ своихъ письмахъ онъ занятъ болѣе дѣлами семейнаго характера; онъ заботится о томъ, чтобы, пользуясь своимъ влияніемъ на мѣстнаго архіерея, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, выгоднѣе пристроить своихъ родственниковъ; во время же пребыванія въ Варшавѣ онъ даетъ своимъ роднымъ разнаго рода порученія по сооруженію на могилѣ своихъ родителей церкви, которая строилась на его средства. Что касается его служенія въ Петербургѣ, то изъ этого періода имѣется только одно письмо также семейнаго характера.

Если къ вышеизложенному добавить, что въ концѣ разбираемой книги помѣщены алфавитные указатели именъ, находящихся какъ въ спискахъ воспитанниковъ, такъ и въ спискахъ наставниковъ и другихъ служившихъ въ семинаріи лицъ, то содержаніе ея будетъ исчерпано.

Подводя итогъ нашимъ замѣчаніямъ, мы приходимъ къ тому выводу, что почтенный трудъ г. Теодоровича былъ бы еще почтенѣе, если бы онъ носилъ болѣе скромное название Матеріаловъ для исторіи Волынской Духовной Семинаріи, еслибы, далѣе, авторъ позаботился лучше разработать планъ своей книги, еслибы наконецъ онъ не испортилъ біографическихъ замѣтокъ нѣкоторыми неумѣстными характеристиками, на которыхъ указано выше. Тогда его трудъ получилъ бы, быть можетъ, общее значеніе; въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ имѣетъ почти исключительно мѣстный интересъ.

В. Храневичъ.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Выпускъ IV. Эпоха великаю переселенія народовъ. Кіевъ, 1901 г., 4⁰, 30 стр.—20 таблицъ.

Древности эпохи переселенія народовъ въ области Приднѣпровья представляютъ въ себѣ матеріалъ, еще почти совсѣмъ не затронутый научными изслѣдованіями. Найдены предметовъ этой эпохи до послѣдняго времени встрѣчались здѣсь лишь спорадически, случайно. Въ коллекціи Ханенко ихъ собралось однако достаточно, чтобы наполнить настоящій, 4-ый выпускъ, этого роскошнаго изданія. Правда, въ издаває включены нѣкоторые предметы, выходящіе за предѣлы собственно эпохи переселенія и относящіеся къ періодамъ до его и послѣ него, но это можетъ служить лишь для пользы дѣла, такъ какъ даетъ возможность связать, хотя бы и предположительно, тѣ разнообразныя культурныя вліянія, черезъ которыхъ прошло наше Приднѣпровье. Арева, по которой двигались изъ Средней Азіи различныя народности, лежала немного южнѣе того пространства, которому, главнымъ образомъ, посвящено собраніе Ханенко, но несомнѣнно вліянія, путемъ ли захода, или благодаря торговымъ сношеніямъ, простирались и далѣе на сѣверъ, такъ что, какъ обѣ этомъ мы уже упомянули, владѣльцу собранія при посредствѣ раскопокъ и покупокъ, удалось собрать довольно цѣнную и разнообразную коллекцію предметовъ эпохи, ограниченной II—IX в. по Р. Х. Большия трудности представляетъ классификація предметовъ; въ западно-европейской літературѣ уже сдѣлано достаточно въ этомъ отношеній, но подраздѣленія западно-европейскихъ древностей, хотя бы и сходныхъ отчасти по типамъ съ нашими, къ этимъ послѣднимъ не вполнѣ приложимы: тамъ различные культуры свивали относительно прочныя гіѣзыда, типы предметовъ совершенствовались, развивались, устанавливались, у насъ же культуры эти могутъ быть констатированы лишь въ видѣ налета.

Предметы, описанные въ данномъ выпускѣ, систематизированы издателемъ слѣдующимъ образомъ: 1) предметы римского типа—преимущественно фабулы и пряжки; 2) предметы полей погребенія (изъ раскопокъ Хвойко 1900 г.)—украшенія, пряжки, гребни и очень разнообразная посуда, какъ глиняная, такъ и стеклянная, датируемая II—VI вв., хотя намъ кажется такое опредѣленіе немногого растянуто.

тымъ,—его, основываясь на фактахъ, до сихъ поръ добытыхъ, придется сократить на одинъ—два вѣка; 3) предметы готского типа—главнымъ образомъ фибулы разныхъ видовъ; 4) предметы сассанидскаго стиля—чаша и блюда, иногда представляющія большой художественный интересъ, затѣмъ зеркала съ рельефными изображеніями и нѣкот. другія издѣлія; 5) предметы средне-азіатскаго типа и дальнаго востока—копья, стрѣлы, булавы. Относительно изданнаго оружія (табл. I и II) мы должны замѣтить, что хотя родину большинства его и нужно искать на востокѣ, но обнаруженныя на Приднѣпровъѣ относятся къ гораздо болѣе позднему времени, захватывая уже и эпоху великовіяжескую. Къ болѣе позднему періоду, именно къ VII—X вв., относятся также и предметы вѣтъ такъ наз. погребеній кочевниковъ; типъ этихъ погребеній можно считать уже твердо установленнымъ,—предметы, находимые въ могилахъ, имѣютъ прямое отношеніе къ древностямъ, трактуемымъ въ настоящемъ выпускѣ, и можно только пожалѣть, что изданъ всего лишь одинъ образчикъ, правда замѣчательный, вооруженія кочевника (изъ собранія Зноско-Боровскаго).

Издание древностей Приднѣпровъїа эпохи переселенія народовъ, эпохи, представляющей такія трудности для изученія, должно лечь въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Теперь есть уже возможность хотя немного ориентироваться въ сыромъ матеріалѣ, и нужно сказать спасибо издателю за этотъ цѣнныій починъ.

B.

Я. В. Яроцкій. Извѣстія прошлаго Волыни. Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-й. 1900 г.

Книжечка въ 50 страницъ составлена изъ статей, напечатанныхъ раньше въ газетѣ «Волынь». Авторъ, въ небольшомъ вступленіи даетъ такую характеристику этихъ статей, онъ говоритъ: «Я не придаю сколько-нибудь серьезнаго значенія въ научномъ или какомъ бы то ни было иномъ смыслѣ, своимъ очеркамъ по истории Волыни. Очерки эти отрывочнаго характера, ни одинъ изъ нихъ не только не охватываетъ цѣликомъ какой-либо исторической эпохи, но даже не обрисовываетъ сколько-нибудь всесторонне этого явленія, которое послужило темой для автора, да и возникающіе при изслѣдованіи

вопросы скорѣе только ставятся, чѣмъ разрѣшаются,—отъ газетныхъ статей большаго и нельзя требовать. Но отдавая должное скромности автора, нужно сказать, что большинство очерковъ имѣютъ и *научное значеніе*. Это всецѣло относится къ помѣщеннымъ въ сборникѣ замѣткамъ историко-археологического характера. Статьи, хотя бы и небольшія, въ которыхъ научно-подготовленный авторъ дѣлится своими наблюденіями и впечатлѣніями во время посѣщенія той или другой мѣстности, описываетъ встрѣченные остатки старины, народные обычай—составляютъ въ нашей литературѣ большую рѣдкость. Достоинства ихъ заключаются въ томъ, что онѣ вполнѣ доступны для «большой» публики, могутъ заинтересовать послѣднюю, съ другой же стороны сохраняютъ для науки немало цѣнныхъ фактовъ.

Первый очеркъ—«Шереметевы валы на Волыни и ихъ историческое значеніе». Очеркъ является отвѣтомъ на запросъ, предложенный проф. В. Б. Антоновичемъ прошлому кіевскому археологическому съѣзду; время—неудачный походъ въ 1660 г. боярина Василія Борисовича Шереметева, мѣсто—м. Котельня, куда прежде всего направился Шереметевъ изъ Киева, затѣмъ с. Кутыши и м. Чудновъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохранились окопы, осмотрѣнны авторомъ; описанію ихъ, въ связи съ историческими справками, и посвященъ очеркъ. Болѣе всего констатировано «шереметевыхъ валовъ» у Чуднова; здѣсь даже вся мѣстность между Чудновымъ и деревней Дубищемъ носитъ название «Шереметиха»,—авторъ подробно ихъ перечисляетъ, хотя мы замѣтили одинъ пропускъ, на который и спѣшимъ указать: кромѣ перечисленныхъ, система шаацевъ находится еще въ паркѣ помѣщичьей усадьбы, на правомъ берегу Тетерева; она состоять изъ ряда поднимающихся одинъ надъ другимъ удлиненныхъ окоповъ.¹⁾

Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ очеркахъ—«Парафіальныя школы на Волыни; ихъ возникновеніе и задачи, согласно уставу 1807 года» и «Парафіальныя школы Владиміръ-Волынскаго уѣзда и ихъ закрытие въ 1832 году»,—на основаніи печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ прославлена исторія возникновенія на Волыни приходскихъ училищъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ Тадеушу Чапкому, до закрытия ихъ вслѣдствіе событий 1831-го года.

¹⁾ Снятая нами въ 1898 г. фотографія одного изъ такихъ окоповъ хранится въ Городецкомъ музѣѣ, Волынской губерніи, барона Ф. Р. Штейнгель.

Въ очеркѣ «Изъ исторіи одного владѣльческаго города» разсказанъ эпизодъ, относящійся къ началу XIX в., когда новый владѣлецъ г. Острога, кн. Кароль Яблоновскій, возмѣлъ намѣревіе обратить въ своихъ крѣпостныхъ мѣщанъ и евреевъ, заселявшихъ участки, принадлежавшіе приходскому католическому костелу.

Заканчивается сборникъ путевыми замѣтками—«Искорость» и «Изъ Искорости въ Народичи», явившимися результатомъ экскурсіи Городецкаго музея барона Ф. Р. Штейнгель, въ которой авторъ принималъ участіе. Кромѣ Искорости, здѣсь описаны различные памятники старины, какъ доисторической, такъ и исторической, въ сс. Ходакахъ, Татарновичахъ и Каменкѣ.

Написаны очерки живо, хорошимъ языкомъ.

Н. В.

Światowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej. Wydawany staraniem Erasma Majewskiego. Tom III. Warszawa, 1901.

Съ каждымъ томомъ вышеназванное изданіе Э. Маевскаго пріобрѣтаетъ все новые и новые достоинства. Благодаря привлечению новыхъ сотрудниковъ, расширяется содержаніе, улучшается и вѣнчанія сторона—говоримъ о рисункахъ и картахъ, составляющихъ существенную принадлежность каждого археологического изданія; въ настоящемъ томѣ послѣдніе доведены до высшей степени совершенства. Нельзя не отдать должной даніи уваженія редактору этого ежегодника Э. Маевскому, такъ горячо пропагандирующему дѣло изученія доисторического прошлага его родины.

Что касается состава статей и замѣтокъ, вошедшихъ въ данный ~~тчн~~, то онѣ почти исключительно трактуютъ древности Царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить начатую печатаниемъ образцовую монографію редактора—«Powiat Stopnicki pod wzgледem przedhistorycznym».

На этотъ разъ материалъ, помѣщенный въ «Światowitѣ» и касающійся украинскихъ древностей, очень невеликъ. А. Дуржицкій помѣстилъ замѣтку (стр. 162), гдѣ описываетъ городище, расположеннное вблизи с. Дубовца, Брацлавск. у., Подольской губ. Городище овальной формы,

съ ровной поверхностью и крутыми откосами, достигающими 4-хъ саженей высоты. Съ одной стороны городище окружено низиной—остаткомъ става, съ другой—рвомъ, такъ что въ прежнее время городище было со всѣхъ сторонъ окружено водою. По поверхности городища въ одномъ мѣстѣ извѣтствуетъ углубленіе, вырытое, по всей видимости, клаудискателями, гдѣ встречаются куски камней и ста-рыхъ кирпичей. Никакихъ преданій о городищѣ среди окрестнаго населенія не сохранилось. Попутно г. Дуржицкій сообщаетъ о находкѣ на поляхъ Дубонца двухъ кремневыхъ топориковъ и одного бронзоваго (при замѣткѣ помѣщены планъ городища и рисунки топориковъ). Затѣмъ въ данномъ томѣ мы находимъ переводъ части статьи Ф. Волкова—«По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ церамикой до-микенского типа (стр. 233), напечатанной въ „Кiev. Стар.“ и замѣтку о музѣѣ г-жи Скаржинской.

B.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы:

- 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Вѣстникъ Европы, № 5; 6) Русская Мысль, № 5; 7) Научное Обозрѣніе, № 5; 8) Літературно-Науковий Вістник, № 5; 9) Ateneum, № 5; 10) Biblioteka Warszawska, № 4 въ 5; 11) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 12) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 4; 13) Wisła, № 2; 14) Міръ Божій, № 5; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Этнографическое Обозрѣніе № 4 за 1900 г. въ № 1-й за 1901-й годъ; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 4; 18) Историческій Вѣстникъ, № 5.

Русскій Архивъ, № 5.

Въ «Приложениі».

Дневникъ А. В. Храповицкаго съ 18 янв. 1782 по 17 сент. 1793 г. (стр. I—ХII+1—58). (Продолженіе слѣдуетъ)

Перепечатка дневника Храповицкаго съ изданія 1874 года Н. И. Барсукова, съ прибавленіемъ примѣчаній и переводовъ.

Подъ 1786 г. іюль, 12. „При чтеніи Моск. газетъ объявление объ опера „Черевики“; вопросъ о томъ словѣ“.

1787 г. Янв. 27. „Въ Черниговѣ говорено о глупости Феофила, тамоши. еписк., и о древности соборн. церкви Преобр. Господня, которая начата въ 1002 г. Мстиславомъ, сыномъ Владимира I“.

Янв. 20. Пріѣхали ночевать въ Киевъ.

Февр. 7. Отзывъ объ игуменыи Дѣвичьяго Монастыря.

Марта 16. О намѣреніяхъ Потемкина создать независимое государство.

Апрѣль 22. Отѣздѣ изъ Киева на галерахъ.

— 25. Пріятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневомъ.

— 30. Въ Кременчугѣ.

Май 3—по 12 іюна. Посѣщенія различныхъ городовъ южн. Россіи, впечатлѣнія и распоряженія Екатерины.

1788 г. апр. 4. Рескрипты обоимъ фельдмаршаламъ, предписано Украинской арміи прикрывать Польшу и дѣйствовать между Даѣстра и Буга, привлекая на себя неурѣтельскія, а Екатеринославской—оборонять Крымъ и брать Очаковъ.

—

Русская Старина, № 5.

B. Бильбасовъ. Который Капнистъ? (стр. 276). Авторъ, разсматривая „Сочиненія графа П. И. Капниста“, недавно изданныя въ Москвѣ, подвергаетъ сомнѣнію сообщеніе, будто бы Екатерина, перѣѣзжая въ 1795(?) году черезъ Киевъ, крестила у Киевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста (сына автора „Ябеды“) новорожденнаго, второго сына (Ивана Васильевича).

A. Мѣрдеръ. Еврейскій самосудъ (стр. 348). Циркуляръ кievск. генер.-губернатора отъ 1838 г. губернаторомъ по поводу смертноубийствъ въ еврейскихъ школахъ и пришколкахъ, совершаемыхъ самими же евреями.

A. Мѣрдеръ. Послѣдствія невыученного урока музыки (стр. 414). Краткія свѣдѣнія о нѣкоемъ Евстафіи Войцеховскомъ, который, въ 40-хъ годахъ прошл. столѣтія, не выучивъ урока музыки, боясь своего отца, изъ Ломжа ушелъ въ Волынск. губ. и затѣмъ, какъ бродяга, высланъ въ Восточную Сибирь.

—

Вѣстник Всемірной Исторіи, № 5.

Въ отдѣлѣ „Ізъ области археології“ (стр. 235—236). Отчетъ о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съезда въ Харьковѣ.

Въ отдѣлѣ „Новыя книши“ (стр. 250—252) данъ отзывъ о „Записках Наукового Товариства імені Шевченка, т. XXXI и XXXII“. Авторъ рецензіи говоритъ, что эти томы „Записок“ представляютъ особенный интересъ потому, что въ нихъ напечатаны тѣ рефераты, которые должны были быть прочитаны на Кіевскомъ археологическомъ съездѣ, но въ виду оппозиціи проф. Флоринскаго, „увидавшаго въ чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языке „потрясеніе основъ“, рефераты эти прочитаны не были, и теперь желающіе могутъ познакомиться съ ними въ изданіи Общества“. „Нечего и говорить,—продолжаетъ рецензентъ,—что въ рефератахъ этихъ самое изощренное око не отыщетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ „сепичкина яда“ и лишь полвцейское рвеніе можетъ видѣть „сепаратизмъ“ въ стремлениі галицко-украинскихъ ученыхъ читать эти рефераты на своемъ родномъ языке, а не на русскомъ, которымъ многіе изъ нихъ не владѣютъ настолько хорошо, чтобы изъясняться на немъ совершенно свободно“... „Не будь нелѣй оппозиціи со стороны людей, привыкшихъ смышливать „два ремесла“, науку и сысъ, рефераты эти были бы прочтены, вызвали бы соответственные дебаты, и дѣло кончилось бы, какъ выражается одинъ изъ героеvъ Гл. Успенскаго, „тако, мирно и благородно“. Теперь же, люди слѣдящіе за научными славянскими изданіями, могутъ нерѣдко наткнуться на „размышленія“ братьевъ славянъ по поводу Кіевскаго съезда столь нелестнаго свойства, что невольно начинаютъ слетать „крылатыя слова“ по адресу г. Флоринскаго. Хуже всего, что поведеніе одного человѣка окрашиваетъ вообще русскую науку въ совершенно несвойственный ей цвѣтъ“.

Далѣе рецензентъ указываетъ, какія чувства долженъ испытывать галичанинъ, прошедшій галицкую гимназію и университетъ, гдѣ преподаваніе происходитъ на родномъ малорусскомъ языке, и вдругъ на археологическомъ съездаѣ узнающій, что его языкъ представляетъ „сепаратистское измышленіе“. „Какія чувства онъ унесетъ съ этого съезда? наконецъ, что подумаютъ другіе „братья славяне“? Но г.г. Флоринскимъ, очевидно, мало дѣла до того, что они таскаютъ русскую науку въ грязи“.

Наконецъ авторъ приводить прелестные образцы того, въ какое безнамошное и комическое положеніе впадаетъ, галичанинъ, когда онъ хочетъ писать не на родномъ, а на „общерусскомъ“ языкѣ. Примѣры заимствованы изъ недавно вышедшей книги: „Сборникъ декламаціи“, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателей. Собралъ М. Бѣлоусъ, 1900.

Читателей, желающихъ получить истинное наслажденіе отъ чтенія отрывковъ изъ произведеній „первостепенныхъ писателей“, отсылаемъ къ самой рецензіи.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5.

И. Тихомировъ. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей. (Продолженіе) (стр. 70—119). Авторъ, сдѣлавши подробное обозрѣніе содержанія полнаго свода Литовской лѣтописи, перечисляетъ тѣ элементы, тѣ составныя части, которыя вошли въ нее (народныя сказанія и преданія, заимствованія изъ южно-русского свода, отдельныя сказанія и записи, погодныя записи), а затѣмъ останавливается на томъ, насколько польскіе хронисты заимствовали извѣстія изъ литовскихъ лѣтописей, какъ то: Длугошъ, Вѣльскій, а болѣе всего—Стрыйковскій. Относительно этого послѣдняго авторъ приходитъ къ тому выводу, что послѣ провѣрки его цѣлатель и сличенія съ Литовскими лѣтописями „трудно уже говорить о недобросовѣтности почтеннаго каноника, называть сочиненіе его полуласнословнымъ и недостойнымъ вѣры, какъ это дѣлали до сихъ поръ: онъ пользовался своими источниками по большей части добросовѣтно, насколько позволили ему его научныя силы, и потому онъ достовѣренъ настолько, насколько достовѣрны его источники“.

Въ отдѣлѣ „Книжныя Новости“ (стр. 269—270) отмѣченъ „Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Обл. Комит., издаваемые подъ редакц. С. В. Руденко. Т. VI и VII. Екатеринодарь, 1900“, куда, между прочимъ, вошли статьи: И. Короленко. „Предки Кубанскихъ казаковъ на Днѣпрѣ“, его же „Две страницы изъ исторіи Запорожцевъ“, П. Флицина. „Материалы для біографіи кошеваго атамана черноморскаго войска Захарія Алексѣев. Чепѣга“ и др.

Літературно-Науковий Вістник, № 5.

Наш альбом: Із поезій Миколи Чернявського I—XI (стр. 117—121). Із поезій Уляни Кравченко I—II (стр. 122). Із поезій Івана Стешенка I—V (стр. 122—124).

Із недрукованих оповідань О. Я. Кониського: I. Бугай (стр. 125—135). Юмористический рассказъ о томъ, какъ сельскій сходъ, получивши приказъ отъ начальства „выбрать“ сельскаго бугая, понялъ этотъ приказъ въ томъ смыслѣ, что надо выбрать кого-ниб. изъ громады на эту „должность“, и дѣйствительно выбрали одного парубка.

Із оповідань Олександра Катренка: I. Із записок українського народолюбца (стр. 136—165).

Останній бій, оповідане М. Дерлиці (стр. 166—174) Міністюра: XVII Москалъ, Я. Жарка (стр. 175—178). XVIII. Яблуко, Ів. Франчука (стр. 178—183).

З посмертних оповідань Мопанаса: I. Перший сніг (стр. 184—191). II. Мораль XVIII віка (стр. 191—195). Ш. Фермер (стр. 195—201).

Із оповідань Петки Тодорова: I. Батьківщина (стр. 202—209). II. На заріпку (стр. 209—212). Запропашений надзвичайний поїзд, оповідане А. Конен-Дойля (стр. 213—227). Із драми „Торквемада“ Віктора Гюго (стр. 228—236).

Нові матеріали до біографії Т. Г. Шевченка. Л. Яковлева (стр. 61—65). Перефразъ статьи I. A. въ «Русскомъ Богатствѣ» за февр. 1901 г. *Матеріали къ біографії Т. Г. Шевченка*.

Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературный нарис С. Томашівского. (Конецъ буде) (стр. 66—98). Критический разборъ поэмы Кулиша подъ даннымъ заглавиемъ.

Чому Олекса Стороженко покинув писати по українськыи. А. Кримського (стр. 99—102). Авторъ, на основаніі недавно опубликованныхъ М. Комаремъ писемъ Стороженка (Въ Кіевск. Старинѣ, 1899 года), указываетъ на вѣкоторыи субъективныи черты характера Стороженка, которыи побудили его перестать писать по-украински.

Українські оповідана Ол. Стороженка (стр. 103—112). Переводъ рецензіи на „оповидання“ Стороженка въ „Современникѣ“ 1863 года.

Іоан Бойко племінник Т. Шевченка, Сергія Шелухина (стр. 113—116). Воспоминанія автора о племіннику Шевченка, бывшемъ его учитель въ дѣтствѣ.

Хроніка і бібліографія (стр. 21—36). По обыкновенію, богатый материалъ для текущей культурной жизни Украины Руси.

Ateneum, № 5.

St., Piotrowsky. Wspólna własność ziemska (стр. 310—342). Попутно приведены статистические данные о процентномъ отношеніи крестьянъ-землевладѣльцевъ къ неземлевладѣльцамъ, обладающихъ инвентаремъ—къ неимѣющимъ такового въ губерніяхъ Черниговской, Саратовской, Воронежской, Полтавской, Курской (стр. 315); о средней продуктивности крестьянской земли сравнительно съ помѣщичьей—въ губ. Кіенской, Самарской (стр. 318); наконецъ, о земледѣльческихъ артеляхъ Н. Левитского (стр. 329—331).

Кіевскія Університетскія Ізвѣстія, № 4.

Въ № 4, въ отдѣлѣ «Критики и бібліографіи» помѣщены «кри-тико-бібліографіческій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. *T. Флоринскаго* (стр. 1—45). Въ этомъ обзорѣ г. Флоринскій, говоря объ изданіи акад. Ялича «Archiv für slavische philologie». Bd. XXII (Н. 1—4), останавливается на изданіяхъ «товариства имени Шевченка», которымъ въ «Архивѣ» посвящена статья А. Брикнера, съ большими сочувствіемъ отзавшагося о широкомъ развитіи дѣятельности этого «Товариства». Какъ и слѣдовало ожидать, г. Флоринскій и тутъ остался вѣренъ тому своему далеко не академическому тону, которымъ онъ не разъ уже говорилъ по этому вопросу.

Wiśla, № 2.

Sikorsky Narcyz. О наzwach rodowych ludu Tarnowskiego z Tarnowa (стр. 243—247). Родовые прозвища въ Тарновскомъ уѣздѣ, ихъ распределеніе (гвѣзда), топографія названий этнографически родственныхъ, древность родовыхъ названий, лингвистичныя формы родовыхъ названий.

Въ отдѣлѣ «Drobiasgi» (стр. 251)—«Dla czego deszcz pada?—Легенда, записанная въ Заславскомъ уѣздѣ, Волынск. губ.

На стр. 241 фотографіческий снимок «Пеще въ Габровѣ въ день заговѣнъ» въ Ново-Александровскомъ у., Херс. губ.

Міръ Божій, № 5.

Въ ~~фотографическомъ~~ отдельль помѣщена маленькая рецензія о книгѣ В. П. Краніхфельда «Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья» (стр. 88).

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799) (Продолженіе) (стр. 491—530). Глава II. Опредѣленіе на священно- и церковно-служительскія мѣста.—Іероѳей Малицкій окончательно царализовалъ возможность въ будущемъ времени какихъ-либо проявленій народнаго вмѣшательства въ дѣла епархіального управлѣнія, а также уничтожилъ наследственность священно-церковно-служительскихъ мѣстъ.

Къ статьѣ авторъ приложилъ цѣнную статистическую таблицу—числа прихожанъ, церквей и церковно-служителей въ Кіевской епархіѣ въ 1797—1799 годы.

Этнографическое Обозрѣніе, № 4 (за 1900) и № 1 (1901).

№ 4.

Потанинъ Г. Н. Отголоски сказки объ Ерусланѣ (окончаніе) (стр. 1—34). Попутныя ссылки на различные малоруссіє этнографич. сборника, где встрѣчается мотивъ объ Ерусланѣ.

Александръ Шарко. Малороссійское жилище (съ 8 табл. рисунковъ) (стр. 119—131). Авторъ въ первой главѣ своей статьи занялся описаніемъ современного малороссійского жилища—перечисляетъ жилые помѣщенія и всѣ хозяйственныя постройки, разсказываетъ объ ихъ устройствѣ и назначеніи. Во второй—останавливается специально на описаніи внутренняго устройства хатъ, давая подробный и точный планъ хаты и отдельныхъ частей ея.

Въ отдѣлѣ «Вопросы и Отвѣты» (стр. 145—146) помѣщены два народные рассказы изъ сл. Преображенской и Тарасовки, Купянскаго у. о выбрасываніи стариковъ и старухъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» (стр. 147—151) даны отзывы о книгахъ: В. Н. Перетцъ. Историко-литературные исследования и материалы. Т. I. Изъ истории русской пѣсни. Ч. 1 и 2.

№ 1.

B. A. Мошковъ. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. V. Свадьба. (Окончаніе) (стр. 98—160). Особенно цѣнны примѣчанія (стр. 131—160), гдѣ приводится много интересныхъ этнографич. данныхъ, пріуроченныхъ къ обряду «весилля». Значительная доля примѣчаній посвящена особенностямъ малороссійскаго «весилля».

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Какъ сообщаетъ «Літерат.-Науковий Вістникъ» (кн. V), въ настоящее время дозволены цензурою: «Повисти Шевченка» (на укр. языке), „Люборадськи“ Свидницкаго одинъ томъ «Твори Руданскаго», какъ первые томы предполагаемой „Украинской библіотеки“. Самое название «Украинская библіотека» недозволено. Приготавлиются къ печати произведения Мирнаго, Марка Вовчка, Бордуляка, Коцюбинскаго, Чайченка, Дніпрової Чайки, Левенка, 4-й и 5 томы сочиненій Конисскаго, 4-й томъ «Повистей и Оповидань» И. С. Левицкаго¹⁾ и второе изданіе первого тома «Вікъ» совершенно вышедшаго уже изъ продажи.

Петербургское „Общество изданій общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“ предполагаетъ въ непродолжительномъ времени издать брошюру доктора Ваганова: „Про сухоты на худоби“, Выноградъ Е. Чпкаленка, «Оповидання про Богдана Хмельницького“ Комаря и «Выговщина» Кулиша.

Недозволены цензурой: Бондаренко «Шидземни силы» (про вулканы), «Оповидання про малыхъ звиривъ» Балоусенка, „Пригоды трёхъ свынокъ“, Рыльский «Розмова про сильськи випасы» и два сборника народныхъ сказокъ „Зъ народного пола“.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. рекомендована для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв. и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній книга *Виталия Эйн-*

¹⁾ 3-ій томъ («Причепа» и „Навіжена“) въ настоящее время печатается въ Кіевѣ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

юриа. «Очерки изъ Исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899. Спб. XIV+1104. Цѣна 5 р.». Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки—книга «Песни и думы Кобзара». Т. Г. Шевченка.. Въ пер. И. А. Бѣлоусова. М. 1900. Стр. 43. Цѣна 20 к. (Журн. М. Нар. Просв.. кн. V).

—

Въ № 914 газ. «Югъ» г. Г. Коваленко-Коломацкій помѣстилъ отвѣтъ («Справедливо ли?») на статью иѣкоего В. Б. въ «Волыни» подъ заглавиемъ «Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа». Въ своемъ отвѣтѣ авторъ справедливо защищаетъ Петербургское Общество отъ нападковъ В. Б., упрекающаго послѣдніе въ томъ, что оно инертно проявляетъ свою дѣятельность, что постановка издательскаго дѣла тамъ плоха; въ частности же, Обществу поставленъ упрекъ (по поводу брошюры «Оловидання про Антона Головатого», и за то, что оно «не стремится издать полную исторію малорусскаго народа въ послѣдовательномъ порядке, а ограничивается выхватываніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ нея, обрисовывая мало замѣченныхъ въ исторіи лицъ», и рекомендуетъ между прочимъ, поучиться издательскому дѣлу у иѣмцевъ?

Авторъ отвѣта приходитъ въ недоумѣніе: что собственно руководило авторомъ статьи въ «Волыни»: незнаніе-ли условій, при которыхъ приходится работать петербургскому просвѣтительскому обществу, незнаніе-ли условій, при которыхъ находится до сихъ поръ вообще малорусское слово, или же просто что-нибудь иное?

В. Б. рекомендуетъ петербургскому Обществу издать полную исто-рию малорусскаго народа въ послѣдовательномъ ея развитіи и чита-етъ почтенному обществу патацію за то, что оно не сдѣлало этого за 2 года и 4 мѣсяца своего существованія... Удивительно! Если бы такое предложеніе было сдѣлано человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ даннымъ вопросомъ, то еще куда-бы ни шло, но если это дѣлаетъ человѣкъ, который въ то-же время ведеть рѣчь и о томъ, что ни одна изъ изданыхъ петербургскими просвѣтительскими обществомъ брошюре не имѣетъ доступа въ народныя читальни и школьнныя библіотеки, слѣдовательно, человѣкъ, знакомый съ «независящими обстоятельствами», то это болѣе чѣмъ странно... Намъ кажется, что лицу,

знакомому съ даннымъ вопросомъ, слѣдовало-бы не взводить напраслины на людей служащихъ безкорыстно общественному дѣлу первой важности, а указать пути, слѣдуя которымъ можно было-бы устранить тѣ преграды, что встрѣчаются петербургскому просвѣтительному Обществу въ изданіи не только полной исторіи народа на доступномъ для него языке,— что за смѣлая мысль!—а даже Евангелія и прочихъ священныхъ книгъ, имѣющихся въ переводе на языкахъ самыхъ некультурныхъ народовъ. Если общество лишено возможности издать популярную брошюру самаго невиннаго содержанія, какъ нацр., о значеніи маяковъ и ихъ постройкѣ, по независящемъ отъ Общества обстоятельствамъ, то что говорить ужъ объ исторіи! И такъ, мы позволляемъ себѣ спросить уважаемаго читателя, сираведливо-ли обвиненіе г. В. Б. на «украинофильствующихъ старцевъ и юнцевъ», какъ онъ позволяетъ себѣ крайне неделикатно выражаться въ своей статьѣ за то, что эти «старцы» и „юнцы“ вынуждены независящими отъ нихъ обстоятельствами вести дѣло такъ, а не иначе? «Сираведливо-ли?»

Въ № 5 журн. „Журнала для всѣхъ“ помѣщена весьма обстоятельная рецензія на сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи „Викъ (1798—1898)“.

Въ № 903 газ. „Югъ“ помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ «Оповидання про Антона Головатого» М. Комара. Изд. С.-Петерб. О—ва изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ (№ 7).

Въ № 102 газ. „Волынь“ помѣщена обширная статья В. Кравченка „Трофимъ Зиньковскій“—по поводу исполняющагося десятилѣтія (10 іюня с. г.) со дни смерти этого талантливаго украинскаго писателя. Въ статьѣ приведена обстоятельная біографія, дана характеристика личности писателя и помѣщенъ списокъ произведеній его.

Въ № 4 въ 5 журнала «X—Strahlen», издаваемаго Романомъ Сембратовичемъ въ Вѣнѣ, помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся Галиціи и ея культурной жизни. «Eine proletarier—Nation» Івана Франка, Deutsche Vermittlungsprache—von R. S. (между прочимъ и о государственномъ языке въ Галиції), Ivan Franko, ein literarisches Charakterbild—von Roman Sembratovicz, и друг.

Въ Прагѣ (чешской) вышла книга: „Taras H. Ševčenko. Výbor básni. Přebožila Růžena Jesenská (Sborník Akademie pro vedy, slovesnost a umění. Svazek 69). Nakladatelství.... Alois Wiesner knihtiskarna, стр. 186, in 8°. Цѣна 2 короны.

Книга содержитъ 28 переводовъ, между прочимъ: Тополя, До Основыненка, Перебенда, Иванъ Пидкова, Тарасова ничъ, Катерына, Уточлена, Розыта могыла и др. Какъ видно изъ предисловія, это лишь первый выпускъ; второй также въ непродолжительномъ времени появится въ снѣтъ. Что касается перевода, то несомнѣнно, переводчикъ хорошо знаетъ украинскій языкъ, благодаря чему всѣ его переводы не только хорошо исполнены, но и очень близки къ оригиналу. Для образца приведемъ отрывокъ одного изъ переводовъ:

* «K čemu jsou mé brvy černé?
 K čemu tmavé zraky?
 K čemu mladá divčí léta
 Veselá jsou taky?
 Moje divčí mlada léta
 Marně zapadají,
 Oči pláčou, černe brvy
 Větrem oprachají.
 Jako ptáček bez svobody
 Srdce samo vadna,
 K čemu je mi krásá moje?
 Štěstí nemám žadně!
 Težko je mi sirotkovi
 Na tom světě žít:
 Lide moji jsou ják ciži,
 S kým mám hovořiti?...»

Украинскія пьесы, дозволенные драматическою цензурою къ представлению.

По 1 маю.

- 1) *Двисти тисячъ*. Комедія въ 4 діяхъ. С. М. Стеймацкого.
 - 2) *Заглоба-старостою*. Жартъ въ 1 дії Сенкевича. Переклавъ Е. М. Бабецкій.
 - 3) *Марни надії*. Комедія на 5 дії. А. Ф. Володского.
(«Правил. Вѣстн.», № 100).
-

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бажанський П. Руско-народна музикальна опера. Львовъ, 1900, 100+83, in 8°. Ціна 3 короны.

Богородицький В. Діалектологіческія замѣтки. Ш. Говоръ села «Сушкі» Золотонішк. у., Полтавск. губ. Стр. 1—11. (Оттискъ изъ «Учен. Зап. Імп. Каз. Університета»).

Драгомановъ Михайло. Оповідання про заздрих богів. Друге виданне. Заходом і з переднім слівцем М. Шавлика. У Львові, 1901. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 54, 16°. Ціна 25 сот.

Заревичъ Федір. Твори. Т. I. Хлопська дитина. Повість. Виданне «Укр.-Руської Видавнич. Спілки», ч. 30. Львів, 1901, стр. 150. Ц. 1.80 сот.

Карацевський-Волкъ Н. Сорокъ лѣтъ назадъ. Изъ воспоминаній Мирового Посредника первого призыва. (Отт. изъ журнала «Кievskaya Starina»). Київъ, 1901, стр. 1—16.

Кониський Олександер. Вибір з поем. З портретом. Видане «Русского Педагогічн. Товариства», ч. 87. Львів, 1901. Ціна 30 сот., стр. VІІ+33. (По житеписі Ол. Кониського, написаній М. Пачовським; подано 26 поезій).

Кулишъ П. О. Хмельнищына. Историчне оновидання (з 6 малюнками). № 23. Київъ, 1901, стр. 1—116. Ц. 15 коп.

Кучальска Олена. Покарана лож. Комедійка въ 1 акті. Переклав О. Маварушка. Видане «Русского Педагогічного Товариства», Ч. 88. Львів, 1901, стр. 20. Ц. 20 сот.

Лучицкій П. Изъ недавнаго прошлаго. (Отт. изъ журн. «Кievskaya Starina»). Київъ, 1901, стр. 1—25. Цѣна 20 коп.

Недостойный Иванъ, сынъ Николая. Пѣсни рекрутски, любовни и жартовлыщи. Собрани въ гусатинскомъ повѣтѣ изъ устья варода. Коломна, 1900. Накладомъ М. Бѣлоуса, стр. 96, in 16, Ціна 20 сот.

Памятная книжка Киевской учебного округа на 1901 г. Часть I. Киевская Губернія, Ч. II. Подольская губ., Ч. III. Волынская губ., Ч. IV. Черниговская губ., Ч. V. Полтавская губ. (ХІІ+241+71, XII—140, XII+197, XII+253, XII+328). Издание управліенія учебнаго округа. Київъ, 1901.

Педагогіка. Чернівці, 1901, стр. 98—6, in 8°. Видане «Рускої Школы», ч. 7. Ц. 1 корона.

Святий рік. Жовква, 1901. Зладив еромонах Арсеній Ч. св. В. В. Ціна 25 сот. Содержить объясненія юбилея братства и соответствующи молитви. (Составлена на чисто народ. языке и, съ разрешеніем митрополита, напечатана фонетическимъ правописаніемъ).

Толстой Л. Казки. Видане «Русского Педагогичн. Товариства», ч. 86. Львів, 1901, стр. 43. Ц. 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана-дурака, Семена-лицаря, Тараса Череваня і німу сестру Маланю, про старого чортяку та трёх чортенят, 3) Богъ правду видить — та не скоро скаже.

Уро-Руски Народны Спльванки. Томъ I. Budapest, 1901, стр. 230. Ц. 2 рубля. Содержать около 900 пѣсенъ, записанныхъ въ усть мараморошскихъ Русиновъ.

Франко Іван. Ковалъ Бассім. Арабська казка. Видане «Укр.-Руської видавничої Спілки», ч. 31. Львів, 1901, стр. 137. Ц. 1. 60 сот.

Шекспір Уїллім. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненіями Ів. Франка. Вид. «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 32. Львів, 1901, стр. XIV—180. Ц. р. 80 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго Земства. Доклады экономическому совѣту. № 3. Изд. эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полт. 1901, стр. 1—62 (прилож. къ журн. «Хуторянинъ»).

Яблочков Г. Сільска учителька. Переклав (з великоруської мови) Антін Крушельницький. Видане «Молодої України», ч. 2. Чернівці, 1901, стр. 77. Ціна 50 сот.

Яворницький (Эварницкій). Наша доля — Божа воля. Повисть. (Отт. изъ журн. «Кievская Старина»). Kievъ, 1901, стр. 1—164.

Яновська Л. На синожати. Жартъ въ 1 дії (зъ спивами, танками). № 24. Kievъ, 1901. Тип. П. Барского, стр. 1—32. ц. 3 к.

Яновська Л. Повернувса изъ Сибиру. Драма на 5 дій. Kievъ, 1901, стр. 1—92. Ціна 10 коп.

Археологическая лѣтопись.

Нъ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Засѣданія предварительного комитета. 1-го мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что, согласно постановленію комитета, 1) посланы обращенія ко всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и комиссіямъ по подготовкѣ ХП археологического съѣзда—съ просьбой собирать для выставокъ предметы, вести имъ списокъ, каковой сообщить въ свое время комитету для должностаго выбора предметовъ и приготовлеія соотвѣтствующихъ для нихъ помѣщеній, 2) послано обращеніе въ Императорскую археологическую комиссию съ ходатайствомъ о предоставлениі комитету для археологической выставки при съѣздѣ вещественныхъ памятниковъ, добытыхъ въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, области войска Донского и Кубанскаго края; 3) напечатано въ газетахъ обращеніе къ о.о. священникамъ и г.г. учителямъ Харьковской губ. о присыпкѣ отвѣтовъ на программы комитета къ началу каникулъ, или же послѣ, но не позже 15 сентября 1901 года, равно увѣдомленіе о приемѣ комитетомъ уже въ настоящее время предметовъ для выставокъ; 4) послано обращеніе въ Императорское московское археологическое Общество съ просьбою о предоставлениі комитету денежнѣхъ средствъ для различныхъ экскурсій предстоящимъ лѣтомъ; 5) послано обращеніе къ г. харьковскому губернатору съ просьбой о соотвѣтствующемъ распоряженіи всѣмъ г.г. уѣзд-

нымъ исправникамъ, земскимъ начальникамъ, волостнымъ правленіямъ, о принятіи ими пакетовъ и посылокъ отъ о.о. священниковъ и г.г. учителей и другихъ лицъ для бесплатной пересылки комитету.

Далѣе доложено, что комитетомъ уже полученъ отвѣтъ на его обращенія: 1) Императорская археологическая комиссія, при присылкѣ открытыхъ листовъ на право производства раскопокъ членами комитета, сообщаетъ, что „сочтетъ своимъ долгомъ, по мѣрѣ возможности, доставить въ комитетъ древніе предметы, найденные въ губерніяхъ, входящихъ въ районъ дѣятельности предстоящаго XII археологического съезда“; 2) харьковская губернская земская управа прислала открытые листы на право свободнаго пользованія г.г. экскурсантами почтовыми земскими лошадьми; 3) Общество любителей изученія Кубанской области сообщило отчетъ о произведенныхъ имъ въ 1900 г. и предположенныхъ въ 1901 г. работахъ; имъ, кромѣ изученія архивовъ, церковныхъ запорожскихъ древностей и др., предложено производство раскопокъ кургановъ близъ станицъ Нефтяной, Апшеронской, Таманской, если только Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ будутъ отпущены на это необходимыя денежныя средства; 4) таврическій губернаторъ сообщилъ, что г.г. земскіе начальники губерніи будутъ присылать комитету непосредственно свѣдѣнія и предметы въ виду археологического съезда и выставокъ при немъ; 5) проф. Всев. Миллеръ предложилъ комитету приобрѣсти графонъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ и отпустить средства для специальной съ этой цѣлью экспедиціи.

Постановлено указанныя учрежденія благодарить,—отъ специальной-же экспедиціи для записи малороссійскихъ пѣсенъ—отказаться—въ виду недостатка средствъ, и просить членовъ комитета сдѣлать по личному почину въ указанномъ отношеніи—то, что имъ будетъ возможно.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что предварительный комитетъ при Императорскомъ московскомъ археологическомъ Обществѣ одобрилъ проектъ харьковского комитета по устройству этнографическихъ экспедицій, и, кромѣ того, ассигновалъ средства на раскопки, изученіе архивовъ и церковныхъ древностей,

равно историко-филологическому Обществу при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ проектъ организаціи выставокъ при археологическомъ съѣздѣ; предполагаются къ устройству слѣдующія выставки: по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, картографическая, этнографическая, старопечатныхъ книгъ, рукописей.

П. Ефименко сообщилъ о могильнике возлѣ Салтовскаго городища, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ: погребенія обнаруживаются на обрывахъ овраговъ; вмѣстѣ со скелетами людей, крестьяне находить здѣсь скелеты лошадей, принадлежности конской сбруи и украшенія, арабскія монеты и др.

Доложено сообщеніе П. В. Иванова о нѣкоторыхъ картинахъ малорусскихъ живописцевъ, первой половины XIX вѣка съ изображеніемъ казака (Гордѣй Велегура) и подробными малороссійскими стихотворными надписями.

Доложено о представлениі комитету В. В. Милорадовичемъ трехъ его статей: Лѣсная Лубенщина, къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII вѣкахъ, Снигиринская старина, и о просьбѣ его ходатайствовать предъ медицинскимъ департаментомъ о разсмотрѣніи его труда „Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.“

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о присылкѣ народными учителями Купянского и Изюмского уѣздовъ отвѣтовъ на программы комитета; нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ богатый материалъ по этнографіи; учителя Д. Калигинъ (Радьковка) и Стежкинъ (Гусаровское училище, Изюмского уѣзда) представили множество рисунковъ съ бытовыхъ предметовъ.

Проф. М. Г. Халанскій прочелъ свой докладъ „Краснополянскій „голубецъ“, какъ памятникъ побѣды, одержанный курянами надъ татарами въ 1628 году“, и познакомилъ со своими наблюденіями надъ рукописями и книгами, поступившими въ распоряженіе комитета. Онъ же познакомилъ съ описью коллекцій А. Томилиной (Курской губ.): медали, монеты, кресты, топоры, документы и др., и съ записаннымъ стихотвореніемъ и народной пѣснью.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ изслѣдованіями архивныхъ матеріаловъ—г.г. Катаева и Татицева.

Постановлено—просить историко-филологическое Общество о напечатаніи этихъ изслѣдованій въ выпускаемомъ имъ къ археологическому съезду специальномъ томѣ своего „Сборника“.

Професоръ Е. К. Рѣдипъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для археологической выставки и для музея древностей университета. Поступили: отъ свящ. с. Новоселки—„агнецъ“—деревянная статуя, отъ г. Борисова (Богодуховск. уѣзда)—писанки; отъ свящ. Шостенко—писанки; отъ проф. Н. Ф. Сумцова—рисунокъ сколока въ его домѣ въ слоб. Боромлѣ, 1776 г.; отъ г-жи Орловской и проф. Л. В. Рейнгарда—фотографіи; отъ г.г. А. П. Коваленского и Е. К. и П. А. Зарвовскихъ, и В. И. Турбиной—различные памятники изъ семейного архива; отъ свящ. Грекова—евангелие 1677 года, серебряный крестъ 1788 года; отъ свящ. Петровскаго—фотографіи съ памятниковъ церкви слоб. Юнаковки; отъ свящ. Будянскаго—требникъ Петра Могилы, кипарисный крестъ XVIII в.; отъ свящ. П. Шишлова—церковная пѣсни—рукопись XVIII в.; евангелие 1791 г.; отъ учительницы Софіевской (Борки): писанки, кафли, монеты, и др.; отъ свящ. В. Покровскаго—требникъ П. Могилы; отъ г. Чешко—картина „Марія Магдалина“; отъ свящ. слоб. Хатней, Волчанска. уѣзда, икона на холстѣ съ изображеніемъ Знаменія Богородицы на орлѣ; Новый Завѣтъ—XVIII вѣка, требникъ; отъ проф. В. П. Бузекула икона „Благое молчаніе“; отъ кондратовскаго и курешовскаго училищъ Куяпскаго уѣзда: кресты, монеты; отъ гусаровскаго и селиновскаго училищъ Изюмскаго уѣзда—очипокъ, медали, кресты, иконы, монеты; отъ учит. Будянской (Староб. уѣзда): монеты, два книжала, кремень; отъ свящ. Чебанова—Библія 1751 г., картина—дѣвушка съ голубкомъ, XVIII в., серебряные и мѣдные монеты; отъ учит. Горбачевскаго (Богодух. уѣзда)—различные этнографические предметы; отъ свящ. Ведринскаго (Волчанскаго уѣзда)—чаша, дарохранительница, лискоѣ, четвероев. 1711 г., четыре желѣзныхъ брачныхъ вѣнца; отъ свящ. Хорошкова: желѣзные вѣнцы, оловянная чаша и дарохранительница XVIII вѣка; отъ священника Венгеровскаго: тріодіонъ Лазаря Барановича, литургиконъ 1653 г.; отъ г-жи Лосевой и Н. А. Кирьяковой—фамильные документы; отъ свящ. с. Бѣловцы, Сумскаго уѣзда—псалтирь 1732 г., Новый Завѣтъ;

отъ свящ. Лисенко—оловянная чаша и блюдца; отъ свящ. Автонова—кипарисный крестъ XVIII в. и двѣ иконы; отъ свящ. Василевскаго—картина „Харько—основатель Харькова“; отъ г. Бреславца—мѣдный кинжалъ; отъ г. Милорадовича—тѣневыя фигуры на картонѣ; отъ г-жи Павловой—урна; отъ Власова (Цечапанское, Леб. уѣз.)—копья, планъ городищъ, фотографіи; отъ свящ. Зубарева—крестъ съ финифтью XVIII в., новая скрижаль 1803 г., монеты; отъ свящ. Грекова—окладъ Б. М. Руденской; отъ священ. П. Яновскаго: картонные вѣнцы, четыре кипарисныхъ креста, воздухи, четвероевангелие 1685 г.; отъ г-жи Томилиной—писанки, одѣяло крестьянской работы, лѣсенка для сушки писанокъ; отъ свящ. Т. Павлова: клыкъ мамонта, желѣзный треножникъ, стремена, удила; отъ свящ. Москаleva—Минея 1711 г.; отъ г. Шишко—фотографія; отъ В. О. Щербаниной—вещи изъ Донецкаго городища: точило, прядлицы, монеты; отъ В. И. Срезневскаго—множество предметовъ священническаго облаченія, церковной оловянной утвари (изъ собранія покойнаго академика И. И. Срезневскаго).

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и доставившимъ различные свѣдѣнія.

15 мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ познакомилъ съ общимъ количествомъ отвѣтовъ, полученныхъ комитетомъ па его программы отъ о.о. священниковъ Харьковской епархіи и народныхъ учителей Харьковской г. Отвѣты эти получены еще далеко не изъ всѣхъ мѣстъ уѣздовъ губерніи; но комитетъ надѣется, что къ 15 сентября ему будетъ доставленъ уже весь материалъ. Полученный материалъ разбитъ по отдѣламъ и его (равно и тѣль, что еще поступить) рѣшено разработать и издать къ археологическому съѣзду.

Далѣе доложено о поступившихъ свѣдѣніяхъ о курганахъ и городищахъ Харьковской губ., г.г. дворянахъ и землевладѣльцахъ, имѣющихъ фамильные документы, портреты и коллекціи древностей, памятниковъ искусства. Рѣшено обратиться ко всѣмъ имъ съ покорнейшей просьбой о доставленіи предметовъ ихъ коллекцій для выставокъ при съѣзда. Комитетъ пользуется

случаемъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, у кого имѣются какіе-либо памятники старины, искусства,—доставить ихъ ему для выставокъ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что, согласно принятому комитетомъ проекту организаціи выставокъ,—въ видахъ обезпеченія послѣднихъ соотвѣтствующимъ материаломъ—уже посланы обращенія къ столичнымъ и провинціальнымъ древнехранілищамъ, ученымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—съ покорнѣйшей просьбой о предоставлении комитету для выставокъ имѣющагося у нихъ материала, какъ весьма важного и полезнаго для изученія въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ района, подлежащаго изученію XII археологическаго съѣзда: церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи, музею Б. И. Ханенко, кіевскому музею древностей при университетѣ св. Владимира, музею I. А. Хайнівскаго, новочеркасскому музею древностей, кубанскому статистическому комитету, музею г-жи Поль, музею г-жи Е. Н. Скаржинской, одесскому Обществу исторіи и древностей, музею В. В. Тарновскаго (черниговская земская управа), музею полтавскаго земства, московскому главному архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Румянцевскому музею, московскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, московскому архиву Министерства Юстиції, московскому отдѣленію архива главнаго штаба, историческому музею, музею И. В. Щукина, музею П. Л. Шабельской, Императорской публичной библіотекѣ, военно-учебному архиву главнаго штаба, Императорской академіи художествъ, архиву Святѣйшаго Правительствующаго Синода, с.-петербургскому артиллерійскому музею, Императорской академіи наукъ.

Кромѣ того, рѣшено обратиться съ просьбой къ архіерѣямъ всѣхъ епархій, входящихъ въ районъ дѣятельности съѣзда, чтобы ими было дано благословеніе и указъ на присылку о.о. священниками памятниковъ церковной старины для церковно-археологической выставки при съѣздѣ.

Рѣшено также обратиться къ Императорскому московскому археологическому Обществу съ просьбой оказать помощь и содѣйствіе по устройству выставокъ при съѣздѣ.

Прочитано письмо Н. А. Федоровского по поводу изслѣдованія стоянокъ каменного периода въ Изюмскомъ уѣздѣ (с. Райгородокъ). Рѣшено просить мѣстныхъ изслѣдователей принять участіе въ изученіи этихъ стоянокъ.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ и значеніемъ документовъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета.

Прочитано письмо, въ которомъ сообщается, что въ Старомъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, производится хищническія раскопки, причемъ старинныя серебрянныя монеты и другіе цѣнныя предметы перепродаются золотарямъ, а малоцѣнныя—уничтожаются.

Рѣшено просить администрацію—запретить хищническія раскопки.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей: отъ проф. М. М. Ковалевскаго (Двурѣчный Кутъ)—коллекція древнихъ памятниковъ изъ Сванетіи, оружія, металлическихъ сосудовъ и друг.; изъ ц. Воскресенія, сл. Ольшанъ—требникъ П. Могилы, Дѣяпія свв. апостоль 1709 г., деревянный крестъ XVIII в.; отъ свящ. Шебатинскаго (Бильбасовка)—иконы Христа Спаса и св. Николая XVIII в. и мѣдный подсвѣчникъ съ армянской надписью; отъ свящ. Линецкаго (сл. Боровая)—Евангелие 1760 года и Типиконъ 1766 г.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ и г-жѣ Риттеръ за ея содѣйствіе въ полученіи древностей изъ Двурѣчнаго Кута.

Въ члены комитета избраны г.г. Татищевъ и Катаевъ.

Е. Р.

Дѣятельность Комиссіи Историко-Филологического Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ по собиранию археологическихъ и этнографическихъ съѣдѣній и предметовъ въ предѣлахъ Черниговской губ. къ XII-му археолог. съездѣ (за время съ 12 октября 1900 по 1 марта 1901 г.). Въ №№ 2484—2489 „Черниговскихъ Губернск. Вѣдомостей“ напечатанъ докладъ предсѣдателя Комиссіи проф. А. Добіаша по данному вопросу. Дѣятельность Комиссіи выразилась въ разсыпкѣ программъ, въ разсмотрѣніи печатныхъ изданій и ру-

кописей, присылаемых въ Комиссію (изъ послѣднихъ отмѣтимъ сборникъ южно-русской скорописи XVII в. со статьями духовнаго содержанія) и въ докладахъ членовъ Комиссіи и лицъ, къ которымъ она обращалась, по различнымъ предметамъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ докладъ проф. Бережкова объ атласѣ малороссійскихъ картъ и плановъ, XVIII в., хранящемся въ Черниговской гимназіи и сообщенія Н. Д. Кармазина о преданіяхъ, связанныхъ съ урочищемъ „Круче“ въ Миргородѣ и народнаго учителя С. А. Гатцкука, собравшаго интересныя данія о древностяхъ и бытѣ нѣкоторыхъ мѣстностей Мглинскаго у. С. А. Гатцукомъ присланы также и предметы старины, вообще послѣднимъ выказано много энергіи въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній. Въ заключеніе въ докладѣ приводятся нѣкоторыя предложения членовъ Комиссіи: М. И. Лилеевъ предлагаетъ устроить при Обществѣ самостоятельную выставку изъ присылаемыхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы уже изъ нея видѣлить для Харькова то, что найдеть нужнымъ Харьковскій предварительный комитетъ; Е. К. Пискорскій предлагаетъ собирать, кромѣ рукописнаго и старопечатнаго, также и новопечатный материалъ, относящейся къ Черниговщинѣ въ предѣлахъ программы съѣзда; А. Н. Малинка внесъ предложеніе о составленіи для Черниговской губ. фотографическаго альбома по этнографіи; за составленіе альбома и пояснительного къ нему текста берется самъ А. Н. Малинка.

Ученые общества.

Церковно-Археологическое Общество при Киевской Духовной Академіи въ 1900 году. Къ концу отчетнаго года, судя по „Отчету“, въ Обществѣ состояло 20 почетныхъ членовъ, 119 дѣйствительныхъ и 38 членовъ-корреспондентовъ, всего 178 лицъ. Въ теченіе года было 9 засѣданій Общества, на которыхъ доложено 9 рефератовъ, но изъ послѣднихъ лишь 3 касались церковно-археологическихъ вопросовъ, а изъ этихъ трехъ къ южно-русской старинѣ имѣль отношеніе только одинъ—А. Н. Булгакова-- О серебряномъ чеканномъ блюдѣ Augsбургскаго ма-

стера Гриля, половины XVII в., изъ Каменецъ-Подольского кафедрального собора. Преобладали же рефераты на темы философско-историческая и церковно-историческая. Это послѣднее обстоятельство вызвало предложеніе предсѣдателя Общества о расширѣніи въ уставѣ научныхъ задачъ Общества. Другія занятія членовъ Общества состояли въ образованіи нѣсколькихъ комиссій: для проверки наличности музея, для описанія архива Киевской духовной консисторіи, для осмотровъ церквей.

Въ 1900 г. въ Церковно-Археологической Музей Общества поступило: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, утвари и т. п.—51, медалей, жетоновъ, монетъ—63, религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военного и домашняго быта—23, актовъ, грамотъ, писемъ—4, рукописей—6, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1, гравюръ, чертежей, фотографій—8, periodическихъ изданій, книгъ и брошюръ—91, всего—247. Если изъ этого, въ общемъ небольшого, числа отбросить много предметовъ, имѣющихъ очень и очень незначительный научный интересъ, то поступленія предметовъ старины сведутся всего къ нѣсколькимъ десяткамъ. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующіе: архитектурные остатки изъ урочища „Церковщина“, бронзовый складной звонокъ, найденный въ усадьбѣ Киевскаго Реального Училища, свинцовую вислую печать съ именемъ Андрея, найденную въ одной изъ усадьбъ по Софійской ул. въ Киевѣ,—все это предметы княжеской эпохи. Изъ позднѣйшей южно-русской старины поступили: рѣзаныя фигуры архангела Михаила изъ г. Ольвіополя, Херсонск. г. и изъ с. Мироновки, Каневскаго у., рѣзной ставникъ изъ м. Триполья, Киевск. у., иконы Спасителя и Бого родицы изъ иконостаса, устроеннаго митр. Тимофеемъ Щербацкимъ въ с. Веремъѣ, Киевск. у., шитые шелками подrizники и поручи изъ той-же церкви, бархатная фелонь и епитрахиль XVII в. съ шитыми золотомъ и серебромъ священными изображеніями изъ Киевской Срѣтенской церкви, гравировальная мѣдная доска кievскаго гравера Иларіона Мигуры, начала XVIII в. Какъ и въ прежніе годы, поступленія изъ провинціи, изъ уѣздныхъ и сельскихъ церквей, единичны; между тѣмъ тамъ идетъ своей дорогой уничтоженіе предметовъ церковной старины. Неужели такъ трудно Церковно-Археологическому Обществу организовать по-

Поездки по провинции съ цѣлью регистраціи и доставленія въ Музей предметовъ? Хорошо было-бы Обществу взять примѣръ хотя-бы съ подобнаго-же Волынскаго Общества, поставленнаго въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ Киевское. Поѣздки тамъ совершаются ежегодно и, благодаря имъ, пополняется древлехра-нилище и сохраняются отъ гибели цѣнныя образчики иконописи, утвари и т. п.

10-го мая въ засѣданіи Комиссіи по описанію памятни-ковъ украинской старины, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, былъ доложенъ запросъ предсѣдателя Имп. Москов-скаго Археологическаго Общества о предполагаемыхъ на текущее лѣто экскурсіяхъ. Изъявили согласіе совершить экскурсіи: *И. М. Каманинъ*—въ Киевскій, Радомысьльскій, Чигиринскій и Таращанскій уу., *В. И. Щербина*—въ Киевскую губ., *Н. Ф. Бѣляшевскій*—въ Киевскую и отчасти Черниговскую губ., *А. М. Лазаревскій*—въ г. Прилуки, *В. Г. Ляскоронскій*—въ Пирятин-скій, Лубенскій, Роменскій и Лохвицкій уу., причемъ В. Г. Ляскоронскимъ свѣдѣнія о памятникахъ украинской старины будутъ собираться лишь понутно, при случаѣ, такъ какъ главная цѣль экскурсіи чисто археологическая; наконецъ, о. *Е. Спіцинскій*—въ тѣ мѣста Подольской губ., которая не были еще охвачены экскурсіей прошлаго года. Къ сожалѣнію, Волынская губ., гдѣ въ прошломъ году производились съ такимъ успѣхомъ обслѣдо-ванія, остается безъ экскурсіи, т. к. знатокъ волынской церков-ной старины, О. А. Фотинскій, совершившій поѣздки по Волыни въ прошлое лѣто, на этотъ разъ не можетъ продолжать изслѣ-дований.

Въ этомъ-же засѣданіи доложено отношеніе Полтавской Консисторіи по поводу ремонта церкви Спаса Нерукотворного Образа въ Полтавѣ, построенной въ 1705 г., и покрытой, въ видахъ сохраненія, наружнымъ чехломъ въ 1845 г. Церковь дала трещины и осадку, потускнѣлъ иконостасъ и образъ; и вслѣдствіе этого ремонтъ ея необходимъ. Комиссія постановила, давъ письменно указанія относительно реставраціи иконостаса и иконъ, просить члена Комиссіи О. И. Левицкаго отправиться въ Полтаву для осмотра церкви на мѣстѣ.

Изслѣдованія и раскопки.

Осмотъ церкви въ с. Глубочкѣ, Уманскаго у., Киевск. губ.
 Къ предстоящимъ экскурсіямъ членовъ Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины отъ учителей и священниковъ поступаютъ разосланные Комиссіей вопросы листы съ отвѣтами. Поступаютъ они довольно мало и отвѣты на вопросы очень лаконичны. Но нѣкоторыя указанія они все-таки даютъ—и за это спасибо. Нѣсколько разъ мы уже поднимали вопросъ о регистрації всѣхъ вообще памятниковъ старины, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, церковной. На практикѣ, конечно, трудно скоро ожидать выполненія такой работы, тѣкъ какъ повсюду приходится натыкаться на поразительную косность въ этомъ отношеніи какъ со стороны духовенства, такъ, къ большому сожалѣнію, даже и со стороны ученыхъ учрежденій, въ задачи которыхъ входитъ изученіе церковной старины. Между тѣмъ, хотя въ видѣ остатковъ, но все-таки церковная старина кое-гдѣ еще сохранилась. Примѣромъ можетъ служить перечень различныхъ предметовъ церкви захолустнаго села Глубочка, обнаруженныхъ В. Н. Доманицкимъ при осмотрѣ церкви въ апрѣлѣ настоящаго года. Церковь деревянная, построенная Нарышкинымъ въ 1764, сохранилась еще въ неприкосновенномъ видѣ. Сохранился и иконостасъ съ выдающимися рѣзными колонками. Возлѣ церкви стоитъ очень любопытная колокольня—каплица, оригинальной, рѣдкой теперь уже формы, въ видѣ усѣченной пирамиды, внутри которой подвѣшены колокола. Въ церкви нѣкоторыя иконы, между прочимъ и стѣнныя, относятся ко времени построенія; изъ болѣе позднихъ (1832 г.) здѣсь имѣется бывшая въ большомъ распротраненіи на Украинѣ икона, изображающая отрѣка Христа, лежащимъ на „перынѣ“, съ крестомъ между тѣломъ и собственно „перынѣ“; надпись на иконѣ слѣдующая: „Смутный одръ, дивна перина, на которой спить сія Богъ-Дытива. Но что реку? Буде спати, за насть издѣтска учтыся страдати“. Въ алтарѣ, на престолѣ—прекрасной работы старинная дарохранительница и два евангелія, 1774 и 1785 г. (московской печати), въ настоящее время не употребляемыя, съ записями жертвователей. Ризница въ нѣкоторой части также

восходитъ къ концу XVIII и началу XIX ст.; здѣсь есть старинныя парчевые ризы, шелковые платы, съ шитыми шелками чудными узорами, шитые поручи и т. д. Каждую изъ принадлежностей церковнаго облаченія легко хронологически установить и провѣрить по хранящейся въ церкви описи церковныхъ вещей 1802 г.; очень многія изъ облаченій помѣчены въ этой описи, какъ уже вышедшия изъ употребленія. Въ церковномъ архивѣ, ведущемъ свое начало съ послѣдней четверти XVIII ст., хранится, между прочимъ, небольшая рукописная тетрадка, сильно испорченная, озаглавленная такъ: „Субботыкъ или помяновеніе душъ отъ вѣка усопшихъ и здѣ упысанныхъ. Списанный до храму Воздвиженія честнаго креста веси Глубочки священноіерею Іліи Плѣніецкому презвитеру тоей-же церкви. Року Божія 1781 года августа дня 25.“ Какъ заголовокъ, такъ и весь „Субботыкъ“ писаны четкимъ полууставомъ; заглавные буквы и отдѣльные слова, имѣющія болѣе важное значеніе, расписаны киноварью, кроме того, заголовокъ окружено красивой рамкой, въ видѣ арки, украшенной растительнымъ орнаментомъ. Упомянутый „презвитеръ“ Плѣніецкій рукоположенъ во священники въ 1781 г. и тогда-же соорудилъ этотъ „Субботыкъ“, куда вписалъ всѣхъ своихъ сродниковъ. Послѣдующіе священники Глубочки дѣлали также записи, какъ родныхъ, такъ и другихъ прихожанъ, „помощи требующихъ“. На оборотѣ заглавного листа той-же рукой помѣщено слѣдующее интересное шестистишие:

„Попитать паперу нового,
Чи здобный будетъ до дѣла такого:
Щось маємъ за умершихъ писать,
Бо треба ся и собѣ тамъ сподѣватъ,
Же смерть ни внощи ни въ день не замедлить
Якъ о старомъ, такъ о молодомъ мислить“.

Намъ кажется, что такихъ церквей, какъ въ с. Глубочки, найдется еще у насъ не мало, слѣдуетъ только обратить на нихъ вниманіе.

Случайные находки.

Находки в г. Киеве. Въ началѣ и весной текущаго года на территории Киева сдѣланы слѣдующія находки:

1. На Нижней Юрковицѣ, въ усадьбѣ Петровой, при копаніи горы, открыта пещера, осмотръ которой не обнаружилъ никакихъ предметовъ древности. Пещеры въ лѣсѣ не представляютъ особой рѣдкости въ районѣ Кирилловской улицы или, правильнѣе, нагорной ея стороны,—ихъ имѣется здѣсь значительное количество. Начало пещеръ, какъ впервые показали изслѣдованія проф. В. Б. Антоновича, относится къ каменному вѣку, и, несомнѣнно, продолженіе изслѣдованій этихъ пещеръ дало бы цѣнныя результаты; но бѣда въ томъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ нѣкій генералъ Баггоутъ производилъ здѣсь обширныя раскопки съ цѣлью найти будто-бы склонененный тутъ Мазепой громадный кладъ. Баггоутомъ, а послѣ его смерти и его женой, была испорчена масса пещеръ, такъ какъ на встрѣчавшіеся при кладоискательскихъ раскопкахъ различные остатки древней культуры не обращалось никакого вниманія. Очень возможно, что и пещера въ усадьбѣ Петровой была уже раньше раскопана кѣмъ-ниб. изъ Баггоотовъ.

2. Въ Александровскомъ паркѣ, благодаря провалу въ одномъ мѣстѣ земли, открыть подземный ходъ, также не давшій никакихъ находокъ. Такого рода ходы, служившіе скорѣе всего для военныхъ цѣлей и относящіеся къ неособенно давнему времени, были открываемы уже и раньше на Печерскѣ и вблизи его.

3. На Трехсвятительской улицѣ, при выемкѣ земли подъ фундаменты строящихся противъ Трехсвятительской церкви домовъ, можно было наблюдать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ слоевъ, показывающихъ, что мѣстность эта была населена съ глубокой древности,—это и не удивительно, такъ какъ этотъ пунктъ входилъ въ черту древнѣйшаго кievскаго „дѣтинца“. Не смотря однако на обиліе „культурныхъ“ слоевъ, находокъ, на этотъ разъ, встрѣтилось немного. Почти всѣ онѣ относятся къ княжескому періоду, именно: сосудикъ изъ листовой мѣди, въ формѣ котелка, части изломаннаго мѣднаго подсвѣчника, часть

глинянаго свѣтильника. Былъ найденъ также желѣзный предметъ, напоминающій мечъ, но рабочіе сбыли его какому-то офицеру, и точно сказать, что это было, теперь нельзя.

На „Княжей Горѣ“ всю весну продолжались раскопки крестьянъ с. Пекарей. Но, повидимому, почва городища начинаетъ уже истощаться—до послѣднаго времени дѣнныхъ находокъ не встрѣчалось. Лишь на днѣхъ, у подошвы горы, на самомъ берегу Днѣпра, крестьянамъ снова удалось добыть интересные предметы, свалившіеся по всей вѣроятности вмѣстѣ съ землей съ вершины горы, гдѣ расположено городище. Вообще нужно замѣтить, что несомнѣнно Днѣпръ поглотилъ въ свои нѣдра не малое число древностей, такъ какъ городище вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ постепенно обрушивается и сползаетъ въ рѣку. На этотъ разъ, въ прибрежномъ пескѣ, кромѣ нѣсколькихъ крестовъ, серебряныхъ сережекъ и др. предметовъ, найденъ золотой витой перстень, золотое височное кольцо и въ высшей степени интересная *серебряная* вислая печать, представляющая единственную до сихъ поръ известную находку этого рода. Печать имѣеть видъ неправильнаго кружка (22 мм. высоты и 25 мм. ширины), составленнаго изъ двухъ, плотно сбитыхъ, серебряныхъ пластинокъ, между которыми проходилъ шнурокъ. Какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, въ кружкахъ, помѣщены изображенія святыхъ (на головахъ nimby), во весь ростъ; у одного съ правой стороны копье. По бокамъ, сверху внизъ, надписи: на одной сторонѣ (тамъ, гдѣ святой съ копьемъ)—*аг | дмт*, причемъ буквы д и т едва примѣтны, на другой—*аг | всїї*, причемъ булавы выбиты въ обратную сторону. Изображенія и надписи выбиты рельефомъ и выбиты очень грубо. Основываясь на этомъ несовершенствѣ работы и отчасти на мѣстѣ находки, можно предположить, что настоящая печать—русской работы и происхожденія; находеніе же изображеній св. Димитрія и Василія можетъ дать нѣкоторыя указанія и на то лицо, отъ которого шла грамота съ данной печатью.

Въ г. Каневѣ, Киевск. губ., возлѣ Успенской церкви, заложенной въ 1144 году вел. кн. Всеволодомъ Ольговичемъ, найденъ небольшой каменный крестикъ-тѣльникъ, относящейся ко времени основанія церкви.

Въ с. Пархомовкѣ, Сквицк. у. Киевск. г., при рытьѣ канавы въ полѣ черезъ курганъ, на глубинѣ нѣсколькоихъ аршинъ, найденъ хорошо сохранившійся человѣческій костякъ, окрашенный въ красный цветъ. По распоряженію управляющаго имѣніемъ, съ цѣлью сохраненія находки, костякъ снова засыпанъ землей. Въ окрестностяхъ с. Пархомовки есть еще нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ на себя вниманіе своей величиной. „Киев.“.

Въ с. Гирлянѣ, Конотопск. у. Черниг. губ., при паханіи поля, найденъ кладъ монетъ. Судя по нѣсколькоимъ экземплярамъ, поступившимъ къ А. М. Лазаревскому, кладъ составляли мелкія польскія серебряные монеты начала XVII вѣка.

Въ Керчи, на участкѣ земли Ф. В. Фельдштейна, при земляныхъ работахъ, рабочіе наткнулись на длинный подземный коридоръ, въ концѣ котораго оказалась довольно просторная 4-хъ угольная комната, украшенная различными рисунками. Полъ также испещренъ различными рисунками и сценами изъ миѳического міра. На одномъ рисунѣ виднѣется полуистертая надпись, которую, къ сожалѣнію, нельзя разобрать. Есть данные, указывающія, что постройка возведена лѣтъ 200 до Р. Х. Въ одномъ изъ угловъ комнаты найдена разбитая ваза, необыкновенно искусной лѣпной работы; въ верхней части ваза украшена замѣчательно художественно выполненной виньеткой, сдѣланной изъ золота. Помимо этого, найдено еще нѣсколько дорогихъ колецъ, бусъ и нѣкот. друг. мелкія вещи. Раскопки продолжаются и, по всейѣвѣроятности, не скоро закончатся. Владѣлецъ сфотографировалъ всѣ найденные предметы, а также и участокъ земли, на которомъ производятся раскопки. „Крым. Вѣстн.“.

Находки в г. Глуховѣ, Черниговск. г., на месте древнія Михайловскаго кладбища. Въ „Черниг. Губ. Вѣд.“,—1852 г. № 32, 34,—помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора о глуховскихъ древностяхъ. Въ числѣ разныхъ достопамятныхъ предметовъ указывается, между прочимъ, на хранившееся въ Анастасіевской церкви (теперь неизвѣстное) евангеліе съ надписью, что оно пожертвовано полковникомъ Стародубскимъ Михаиломъ Миклашевскимъ въ 1681 г. въ Глуховскую Михайловскую церковь (надпись эта приводится и у Филарета въ его „Описаніи Черн. нам.“). Изъ этой даты видно, что Михайловская церковь въ 1681 г. уже существовала въ Глуховѣ.—Въ той же статьѣ „Черн. Губ. Вѣд.“ есть указаніе на мѣдную доску (теперь также не существующую), на которой вырѣзанъ годъ основанія Михайловской церкви—~~1681~~=1693 г. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эта церковь была каменная. Между тѣмъ, одинъ изъ глуховскихъ старожиловъ, некто г. Петровскій, составлявшій записки о глуховскихъ достопримѣчательностяхъ (послѣ смерти автора, его записки перешли къ П. Як. Дорошенку), называетъ Михайл. церковь деревянною.—Объясненіе всѣмъ этимъ противорѣчіямъ находимъ въ „Описаніи Ст. Малор.“ Лазаревскаго, гдѣ авторъ говорить о существованіи въ Глуховѣ въ 1654 г. деревянной церкви во имя св. архистратига Михаила, передѣланной въ 1693 г. въ каменную.—Во время страшнаго пожара 7 авг. 1784 г. (объ этомъ пожарѣ всеподданнѣйше доносилъ Румянцевъ) погибла въ числѣ другихъ 5 церквей и Михайловская (кстати, не слѣдуетъ смѣшивать этой церкви съ Михайловскимъ женскимъ монастыремъ, также сгорѣвшимъ въ это время). Мѣсто, гдѣ она стояла, занято теперь усадьбой, принадлежащей причту Св.-Троицкой церкви. Все это мѣсто, на небольшомъ разстояніѣ отъ поверхности земли, покрыто человѣческими костями, что указываетъ на существованіе здѣсь когда-то кладбища. И, дѣйствительно, упоминаніе объ этомъ кладбищѣ попадается неоднократно въ разныхъ старинныхъ документахъ; г-ну Дорошенку удалось даже собрать (изъ дневника Маркевича и др. источник.) имена нѣкоторыхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей, погребенныхъ на этомъ мѣстѣ; вотъ эти лица: 1) Васил. Як. Жураховскій, генеральный есаулъ, † 1730 г.; 2) жена его—Марія Гри-

горьевна Жураховская, рожд. Максимовичъ, † 1729 г.; 3) жена генерального писаря Семена Савича; 4) дѣвица Ульяна Андр. Полуботокъ († 1723), внучка полковника Черниговского и на-кавшаго гетмана Павла Леонтьев. Полуботка; 5) бригадиръ Иванъ Кондр. Ильинъ, † 1747 г. (членъ генеральной канцеляріи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при рѣтѣ фундамента для дома, въ этомъ мѣстѣ въ землѣ была найдена золотая серыга. Къ сѣверу это кладбище оканчивается теперь крутымъ скатомъ, внизу котораго находится наполовину вросшій въ землю кусокъ дикаго камня, напоминающій собою какъ бы обломокъ могильной плиты. На самомъ скатѣ года три тому назадъ найденъ былъ золотой перстень съ бирюзой (серыга и перстень не сохранились). На этомъ же мѣстѣ въ концѣ марта нынѣшняго года найдены и доставлены мнѣ слѣд. вещи: 1) 2 черепа: одинъ, пробитый въ верхней части, другой—типичный образецъ вырожденія—почти съ полнымъ отсутствиемъ лба; 2) кусокъ чугунной доски и нѣсколько гвоздей отъ гробовъ; 3) мѣдная польская монета 1664 г.; 4) шелковый коричневый поясъ со слѣдами зеленыхъ узоровъ; этотъ поясъ лежалъ въ землѣ дважды обернутымъ (какъ бы вокругъ талии); въ срединѣ лежала берцовая кость. Поясъ замѣчательно сохранился; съ одной стороны уцѣлѣла даже баxрома.—Всѣ эти предметы, а также серебряная польская монета 16 в., найденная на мѣстѣ построенной Ив. Мазепой церкви во имя ап. Петра и Павла, вблизи м. Янполя, будутъ доставлены въ Нѣжинскую комиссию по собиранию матеріаловъ въ Черниг. губ. для прелстоящаго археолог. съѣзда.

А. Малинка.

М. Красный Колядинъ, Роменъ, уже по одному своему мѣстоположенію, указываетъ, что тутъ должно было быть поселеніе и въ велиокняжескій періодъ. Полагаютъ (Филар. Черниг.), что здѣсь находился лѣтописный Глѣбль. Въ позднѣйшее время, Кр.—К. въ первый разъ упоминается въ документѣ Шлездѣцкаго (996 госп.). Извѣстно, что при полякахъ, предъ ихъ изгнаніемъ, „державцею ключа Краснянскаго“ былъ „пань Кондратъ Грекъ“ (см. с. Дмитровка). Въ 1649 г. уже существовала Краснянская сотня („Реестра“), а въ 1654 г. здѣсь уже имѣлся „мѣскій урядъ“, вѣдающій общественные дѣла¹⁾. Въ

¹⁾ Вотъ наиболѣе ранній актъ, изъ памятныхъ намъ, записанный на этомъ урядѣ: «Предо илюю, Лазаремъ Волошиненкомъ, атаманомъ городовымъ, при бытности Федора (иронусъ въ подлиннике для прозвища), Матвѣя Филоненка, Мартына Коробочки, Миколая Цилюрика, возаковъ, обывателей Краснянскихъ, Фводора Волошина, на тотъ часъ отамана, и Микиты Ломаки, обывателей Рабушинскихъ, ставши оченисто Юско Ивановичъ изъ женою своею, призналъ на урадѣ для записи до книгъ, словы: иродали есмо ставокъ на рулъцѣ Березовица, подъ селомъ Рабухами лежачай, притоманную ирацу нашу съ худаменту, за позволенемъ старшихъ заложенную, коштомъ и накладомъ нашимъ зоруженную... зъ берегами и вершиною синожатми, ажъ ло старой дорожки, якъ мнѣ на тотъ часъ урадъ бывший завелъ и показаль, которая дорожка на Моклякову спиножать идетъ... славетному урожонму Оивану (sic) Григоровичу, обывателю Краснянскому, и Вовдотин Еремѣвиѣ, малжонцѣ его, за золотихъ сѣмъдесѧть... що ми, урадъ выслушавши, сторонѣ потребуючой на писмѣ казалисмо, подъ печатми нашими и подписомъ руки писарской, подати для певнѣйшой речп. Писанъ у Красномъ, 23 дня сентябрія, року 1654. Есифъ Андreeевичъ, писарь городовой Краснянскій рукою своею». (*Съ подлинника*). Отсюда видно, что въ 1654 г. прибавка «Колядинъ» еще не существовала; эта прибавка имѣлась въ третьей четверти XVII в., для отличія «городка» Краснаго отъ села Краснаго, наход. между Конотопомъ и Батуриномъ. Коладинъ Красный сталъ прозываться п. ч. здѣсь, при полякахъ, сидѣть управитель (вѣроятно Вишневецкаго) по прозвищу **Коладъ**. См. „Очерки“, ж. Кр. Колядинъ См. также Член. въ Истор. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 153. Позднѣйшее преданіе о «ляхѣ» Коладѣ и его замкѣ—см. сборникъ «Изъ устья народа», В. Д. Гринченка, (Черниговъ, 1900), стр. 317.

томъ же году, перебѣжалъ черезъ Кр.-К. Іерусалимскій патріархъ Макарій, племянникъ котораго, описывая путешествіе дяди, обѣ этомъ „городѣ“ говорить слѣдующее: „Насъ привезли въ городъ, называемый Красный, съ большимъ укрѣленіемъ и цитаделью, *висящей на краю горы* (больше той, на которой расположено городѣ). По обычаю, насъ вышли встрѣчать священники, клиръ и прочій народъ, и ввели въ церковь св. Рождества. Здѣсь есть еще двѣ церкви: во имя св. Троицы и новая—св. Николая. Близъ этого города есть *другой базаръ* (другое поселеніе) съ церковью въ честь Воскресенія“. (Черев. Муркоса, II, 93). Нѣкоторымъ поясненіемъ *висящей на краю горы цитадели*—можетъ быть современное описание Колядинскаго „замка“, указывающее, что защитность послѣдняго опиралась на природномъ расположениіи высокаго берега.¹⁾ По переписи 1666 г., въ К—нѣ показано 59 домохоз., изъ числа которыхъ мѣщанами перв. статьи показано 42, 12—меныш. и 5—„саножниковъ“.²⁾ Засимъ, интересная свѣдѣнія о движеніи населенія въ Кр. К., за втор. пол. XVII в. приведены въ одной изъ работъ Д. И.

1) „Замкомъ въ м. Кр. К-нѣ называется выдающаяся мысомъ въ р. Роменъ—часть горы, которая имѣеть довольно узкое сообщеніе съ Кр.-К.; за нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обиліѣ воды въ р. Роменѣ, замокъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, кроме узкаго перешейка; въ замкѣ находится болѣе 90 насыпей, круглой и продолговатой формы“. Описание это принадлежитъ мѣстному жителю С. Д. Носу (+ 1900 г.). См. Черниг. губ. вѣд. 1859 г., № 19. Тутъ же находится любопытное описание „городка“, насыпаннаго на руслѣ рѣки Ромна, противъ Кр. К—аго „замка“.—„На болотѣ р. Ромна, ближе къ селу Грицовкѣ и ближе къ прав. бер. рѣки, чѣмъ къ лѣвому, находится *городокъ*, т. е. пространство земли длинною въ 150, а шириною въ 90 арш., обнесенное валомъ, который имѣеть круглую форму; высота вала 20 арш. Городокъ устроенъ противъ замка Кр.-Колядинскаго“. Этотъ *городокъ* представляетъ собою сооруженіе конечно вел.-княжескаго периода. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, II, 239.

2) Въ переп. „мѣщанъ“ показаны „войть“ и „бурмастръ“. Войтъ назывался представитель послѣдства, а кого обозвачили великорусские писцы бурмистромъ,—не знаемъ.

Багалѣи, указывающій, что отсюда—въ одну только Терновую слободу (Пут. у) —съ 1643 по 1674 г., переселилось 54 семьи.¹⁾

Кр. II. 59 д. А. 88 д. В. 86 д. В. 113 д. Пс. 11 д. (въ 1731 г.—99 д.) Г. 11 д. 11 х. Д. 80 д. 106 х. 5 бд. х. Пс. 39 д. 62 х. 15 бд. х. Кв. В. 73 д. Г. 64 д. 76 х. Пс. 42 бд. х. Д. 82 д. 153 х. Переходъ съ 113 дв. крестьянъ въ 1729 г. на 11-ть въ 1740 г.,—объясняется появленіемъ въ томъ же году, 42-хъ бд. хатъ подсосѣдковъ и уходомъ 29 хоз. изъ мѣстечка, за четыре года (1736—740), какъ это обозначено въ рев. книгѣ 1740 г. Въ этой же ревизіи подсосѣдки показаны слѣдующіе: коз.—6, сотника Максимовича—13, нак. сотника Купчинскаго—5, лѣкаря Сев. Семенова—6, „попа“ Тиховія Иванова—7, „попа“ Петра Салогуба—1, писара сотенного Д. Ступачевскаго—2 и город. атамана—1, а всего 42 бд. хаты. Еще лучше эти цифры объясняются повѣркою крестьян скаго населенія, которая была произведена въ 1744 г., по распоряженію *коммиссіи экономіи*, капитаномъ Василіемъ Поляковымъ.²⁾ При этой повѣркѣ, берется за основаніе цифра крестьянъ по ревизіи 1729 г. и, затѣмъ, приводится въ извѣстность—убыль и прибыль этого населенія по 1744 г. Для Колядина эти цифры явились въ такомъ видѣ: по ревизіи 1729 г. означенено 113 дв., а въ 1744 г. ихъ оказалось только 26 дв., а остальные выбыли: 1) „во владѣніи разныхъ владѣльцевъ и у послопитыхъ („а почему—крѣпостей не прислано“)—16 дв.; 2) вписанлось въ козаки—4 дв.; 3) въ ревизіи написаны, а своихъ дворовъ не имѣли—12 дв.; 4) живутъ разно, а своими пледами владѣютъ—2 дв. и 5) сойшло и померло, а пляцы впустѣ—53, а всего не оказалось 87 дв., которые, вмѣстѣ съ оказавшимися въ наличности 56-ю дв., и составляютъ показанное въ ревизіи 1729 г.

¹⁾ Материалы для истор. колониз. и быта стениной окр. Моск. го суд., I, 18.

²⁾ Мы не знаемъ, когда была учреждена эта комиссія, цѣль которой, повидимому, заключалась въ приведеніи въ извѣстность эвводныхъ послопитыхъ (а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроюто, и «скучили»), но сохранившіеся остатки произведенныхъ ею описей—представляютъ интересный материалъ для ознакомленія съ движениемъ населенія въ Малороссіи за 1729—744 г.г.

число—113 дв. Кромъ того, Поляковъ отмѣтилъ, что въ К—нѣ оказалось вновь прибывшихъ—поси. дв. 6. Къ означеннымъ цифрамъ присоединено слѣд. примѣчаніе Полякова: „Въ томъ мѣстечку Кр.—К—нѣ, по удостоенію в. генер. к—ріи и по указу министерской к—ріи, въ тридцатое число дворовъ отдано Глинскому сотнику Крыжановскому—21 дв., съ обязательствомъ до резолюціи правит. сената, и потомъ, пока онъ, Кр—ій, по контракту предбу碌чого 1748 г., генваря до 1 числа, будетъ на откупъ содержать касающіеся въ скарбъ войсковой збори, и затѣмъ, оставшиe состоятъ въ свободныхъ“. Это примѣчаніе имѣть въ виду отдачу Кол—хъ крестьянъ во владѣніе Крыжановскому. Извѣстно, что это былъ выкрестенный еврей, по имени Мопка, который разбогатѣлъ на откупъ продажи вина, табаку и дегтя, (эта продажа составляла монополію гетманского уряда). Откуповъ Кр—ій добился, какъ говорили, подкупомъ тогдашняго генер. писаря Безбородка.¹⁾ Съ помощью послѣдняго же, Кр—ій получилъ и сотничій урядъ въ Глинскѣ, послѣ чего пожелалось ему имѣть и подданныхъ. Выпросилъ Кр—ій и „подданныхъ“, какъ это видно изъ слѣд. универсала генер. к—ріи, 10 дек. 1743 г.—„сотникъ Глипскій Антонъ Кр—ій, первое, чрезъ содержаніе на откупъ доходовъ, надлежащихъ въ скарбъ войсковой.... знатную показалъ казнѣ прибыль до 28 т. р., за которую знатную его прислугу.... просиль къ полученію въ вѣчность въ М. Россіи, изъ свободныхъ войск., до 30 дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то яко онъ при помянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быти не желаетъ. Того ради, по опредѣленію ген.-лейт. И. И. Бибикова, съ присутствующими въ в. ген. к—ріи члены, яко предбу碌чого 1744 г., съ 1-го ч. генваря, впредъ на четыре года, къ надзиранію и собирашенію на вѣрѣ Луб—го и Мирг—го полковъ сборы ему, Кр—му, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, а ассигновано ему, Кр—му, и поручены

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. У Крыжановскаго былъ братъ, который тоже выкрестился и въ 1776 г. былъ въ Ромнѣ *протопопомъ*, именуясь Константиномъ Крыжановскимъ.

до указу во влатѣніе: м. Кр.—Колядинъ и с. В. Бубны, въ которыхъ: въ К—нѣ, по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24 дв.⁴ Въ этомъ универсалѣ условія отдачи Крж-му Колд—хъ крестьянъ указаны не такъ опредѣленно, какъ у Полякова, по свѣдѣнію котораго крестьяне отданы „до резолюціи“ сената и только на четыре года...

Свѣдѣнія Полякова собраны, повидимому, въ нач. 1744 г., такъ какъ у насъ имѣется документъ, по которому произведена была Крж-му отдача Колд-хъ крестьянъ, и по этому документу ему отдано 26 дворовъ,¹⁾ при чёмъ добавлено, что остались не отданными 6 дворовъ, домохозяева которыхъ исполняютъ разныя общественные обязанности.

Временное владѣніе Крж—го Колд—ми крестьянами превратилось въ „вѣчное“, при Разумовскомъ. Въ декабрѣ 1751 г., Крж—ій обратился къ новому гетману съ просьбою—„опредѣленные ему отъ генер. к—ріи въ м. Кр.-Колядинѣ и с. В. Бубнахъ дворы —къ вѣчному спокойному владѣнію—утвердить поважнымъ универсаломъ, и, кромѣ того, прибавить ему, въ Луб—мъ полку, с. Мойсеевку. Просьба Крж—го, въ томъ же декабрѣ, была исполнена, при чёмъ въ гетманскомъ универсалѣ, послѣ повторенія заслугъ Крж—го по откупнымъ дѣламъ, говорилось: „того ради, мы, гетманъ, респектуя на тѣ реченнаго сотника Глинского и экзактора войскового нелѣнностніе труда. м. Кр.—Колядинъ и с. Бубны симъ нашимъ универсаломъ, къ вѣчному, и спокойному владѣнію, утверждаемъ...“²⁾ Были ли отданы при этомъ Кр—му и тѣ свободные дворы,³⁾ о которыхъ говорить Но-

¹⁾ Списокъ отданныхъ дворовъ съ указаниемъ имущественного положенія домохозяевъ напечатанъ нами въ „Очеркахъ“.

²⁾ При этомъ прибавлена была и Мойсеевка. Вообще можно замѣтить, что Крыжановскій пользовался у Разумовскаго болѣшимъ фаворомъ, который во многомъ могъ зависѣть отъ благоволенія Безбородка, передъ тѣмъ возвращеннаго на урядъ ген. инсарства. Впрочемъ, Крыжановскій оказывалъ и личныя услуги гетману, покупая «разныя вина» и «щуги лошадей» для гетманскаго «дома». См. Чг. въ общ. Нестора, XI, отл. 2, стр. 124.

³⁾ Сохранился слѣд. документъ, указывающій на эти свободные дворы: „Ведомость о отбиваемыхъ м. Кр.-Колядина посполитыми

лаковъ, универсаль обѣ этомъ не упоминаетъ, но свободные дворы и въ 1751 г., въ Колядинѣ, должны были еще быть.

Захвативъ почти все Колядинское посольство въ свое вѣчное владѣніе, Крж-ій однако же вичѣть не могъ предупредить ухода этихъ „подданныхъ“ изъ подъ его „державы“. Въ этомъ отношеніи очень любопытны тѣ жалобы Крж-го, которыхъ онъ подавалъ въ Глух. коллегію по поводу ухода его края.

Въ 1766 г. Крж-ій жаловался: „представляль я въ коллегію о изшедшихъ и друг. способами убылыхъ—подданныхъ моихъ,

людми сотнику Глинскому Антону Кр-му работахъ, что зъ похъ и количе чило въ оной былъ и за ту роботу противъ обывателскихъ работъ,—а именно: косцу, за мѣсяцъ, по 1 р. 96 коп. и за день по 7 коп., за роботу зъ скотомъ, за мѣс., по 1 р. 68 к., а пѣшимъ за мѣс. же—по 84, а за день по 3 (коп.), тако же за пахане землѣ, паровъ волами, отъ дна по 8, за прыжу мотковъ 50 тицеситныхъ по 5 коп.,—сколько всѣхъ денегъ съ него Крж-го доправить надлежить слѣдуетъ подъ симъ. 1748 г. юня дня“. Засимъ слѣдуетъ перечень 36-ти домохозяевъ, которые отбывали въ пользу Криж-го работы въ 1745—1747 г.г., съ оцѣнкою этихъ работъ въ 409 руб. 32 к. Затѣмъ, подъ вѣдомостью значится: «не были въ работахъ: писарь Степанъ Збаразской, коего нынѣ жена шинкарка, Карпъ тертичникъ. А всѣхъ зъ прежними отобранными 43. Капитанъ Степанъ Немчиновъ» Совершенно затрудняемся объяснить эту вѣдомость. По-видимому, рѣчь идетъ о крестьянахъ, захваченныхъ Крж-мъ въ его владѣніе безправно... Между прочимъ, въ вѣдомости 1748 г. показано пѣсколько домохозяевъ, которые по вѣд. 1744 г. значатся только въ числѣ сыновей тогдашихъ домохозяевъ. Мож. быть къ Крж-му заявлена была претензія тѣми домохозяевами, которые обратили *новые дворы*, представивши взлитеекъ противъ определенного генер. в.—ріей числа дворовъ въ Колядинѣ (24-хъ). Кромѣ того, тутъ интересенъ еще вопросъ: какимъ судомъ удовлетворены были понесенные крестьянами—отъ привлечения ихъ Крж-мъ въ роботу—убытки? Такое рѣшеніе едва ли могло исходить отъ тогдашняго подгового суда... Не было ли это дѣло поручено тому самому Немчинову, который подписалъ вѣдомость 1748 г.?—Во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя вѣдомость явилась при какихъ то *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ*, при чемъ она заключаетъ въ себѣ интересный свѣдѣнія о тогдашихъ цѣнахъ на сельскія работы.

послѣ ревизіи 1764 г., и что за тѣхъ изшедшихъ земскіе комисары, въ число рублеваго окладу, деньги взыскуютъ сполна. Прому, чрезъ кого постойно, приказать тѣхъ изшедшихъ подданныхъ моихъ отыскать на прежнее ихъ жилище, а кѣмъ они, въ противность указа 1763 г., дек. 10,¹⁾ передерживаются, тѣхъ безъ штрафа не оставить". Черезъ три года, Крж—ій спаса жаловался, что комисары, „не взыскивая съ тѣхъ изшедшихъ людей, гдѣ они неправильно владѣльцами передерживаются, а всю доимку считаютъ на наличныхъ подданныхъ, къ конечному ихъ разоренію. А какъ коллегія о взысканіи доимокъ полагаетъ основаніемъ указъ 1765 г., дек. 21, который хотя состоялся для такихъ помѣстьевъ, гдѣ крестьянамъ переходъ строжайше запрещенъ.... а въ здѣннихъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ владѣльцы принимаютъ безъ свидѣтельствъ приходящихъ, безъ всякаго опасенія какого либо не только штрафа, но и отвѣта, какая вина можетъ спадывать на тѣхъ, отъ кого люди происходили? Въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ вышеупомянутый указъ о взысканіи доимокъ состоялся, за пріемъ крестьянъ и за пожилое—взыскиваются немалые денежные штрафы и сами изшедшие крестьяне отъ нихъ отбираются строго. А здѣсь, напротивъ того, владѣльцы пріемомъ чужихъ подданныхъ, хорошие имѣютъ выгоды, не только отъ штрафа или отвѣта свободны, но и надлежащаго съ нихъ оклада не платятъ, и изшедшихъ подданныхъ ве возвращаютъ, а населяютъ ими, въ свою пользу, великія новыя слободы"... Изъ вѣдом., представленной Крж—мъ въ 1769 г. о числѣ „изшедшихъ“ его крестьянъ, по всѣмъ его маєтностямъ, видно, что изъ Колядина, за 1764—769 г.г., ушло 24 семьи... Перечисляя „изшедшихъ“, Крж—ій тутъ же указываетъ и мѣстожительство большинства изъ нихъ, при чемъ оказывается, что изъ 24 семей, только 4 ушло „безвѣстно“, а изъ остальныхъ—14 тѣ жили въ томъ же Колядинѣ, пріютившись у разныхъ владѣльцевъ: у б. сотника Максимовича, у Салогубовъ, у свящ. Тихоновича и, наконецъ, у разныхъ Колядинскихъ козаковъ—подсосѣдками. Очень можетъ быть, что многія мелкія въ Колядинѣ

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11987.

владѣнія, перечисленныя у Пашенка, образовались именно изъ б. „подданныхъ“ Крж—го. У Пашенка Колядинъ описалъ такъ: „Лежить на лѣв. берегу р. Ромны, на скосогорахъ; крѣость онаго мѣка вовсе обветшала, равно какъ и все мытчеко очень въ худомъ состояніи, съ двумя предмѣстіями: Чечелюковою и Грицовкою; послѣднее имѣеть особое положеніе, разстояніемъ отъ Кр. К.—на въ 2 верст., на прав. бер. р. Ромна, полуостровомъ. На оной рѣчки имѣются мельницы о 4-хъ амбарахъ; въ томъ мѣкѣ церквей деревянныхъ—3. Изъ „партикул. домовъ“, указаны: полковника Лубенского Максимовича, о 9-ти пок., а затѣмъ—священниковъ Салогубовъ и Тихоновичей. Козаковъ: 71 д. 96 х., 5 бд. х. и коз. подс. 3 ад. х.; крестьянъ, полковника Максимовича 26 д. 37. х. 1 бд. х., майора Крыжановскаго (сына) 45 д. 59 х. 4 бд. х.; Круницк. м—ри, 1 д. 2 х. Подсобъдковъ: полковн. Ильи Лизогуба—1 бд. х., умерш. в. т. Осина Кунчинскаго—7 д. 8 х., зи. тов. Зуба—1 д. 1 х., возного Мих. Карповскаго—4 д. 4 х., лѣкаря Григорія Ступачевскаго—2 д. 5 х., в. тов. Евст. Косяровскаго—1 д. 1 х., свящ. ковъ. Салогубовъ—7 д. 23 х., и Тихоновичей—5 д. 6 х., церковныхъ—3 бд. х. Церкви: 1) св. Николая; свящн. Петръ и Діонисій Салогубы. 2) Рождества Б—ды; свящн. Максимъ и Матвій Тихоповичи.¹⁾

Д. Грицовка находилась черезъ рѣчу отъ Колядина, и, повидимому, составляла его выселокъ, образовавшійся въ полов. XVII в., такъ какъ по переписи 1666 г. уже значится дер. Грицовка, съ 7-ю двор. По ревизіи 1713 г. Грицовка не значится, но вслѣдъ за Колядиномъ указано село „Слобудка“, которое однакожъ трудно принять за Грицовку, такъ какъ сравнивая прозвища крестьянъ „Слобудки“ съ прозвищами крестьянъ Грицовки, указанныхъ въ ревизіи 1729 г. („фольварки Грицовка“) тождественныхъ прозвищъ нѣть, а между тѣмъ, за 16 лѣть—не могли же все, показанные въ „Слобудке“

¹⁾ Родоначальникомъ Тихоновичей былъ ишаръ сотенный Кр.-Колл—ий Тихонъ Ивановичъ, который, «женивши», построилъ до храму Рождества Богородицы, въ 1709 г.»

бодкѣ⁴ домохозяева—изчезнуть. ¹⁾ Кр. В. 25 д. Пс. 9 д. Въ 1731 г.—22 д. Въ 1780 г. Кр. 9 д. 10 х. (Максимовича и Крыжановскаго), Пс. 7 д. 9 х. 4 б. д. Кз. 29 д. 49 х. Пс. 2 д. 2 х. 2 бд. х.

С. Липовоѳ, прав. бер. Ромна, въ 1643 г. называлось слободою принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго, ²⁾ а по „реестрамъ“ 1649 г.—составляло особую часть Прилц—аго полка, подъ названиемъ „лицовчанъ“, въ составѣ 60 домохоз., конечно, козаковъ, такъ какъ въ „реестрахъ“, посполитое населеніе, повидимому, вовсе не показывается...³⁾ Л. находилось въ числѣ ратушныхъ сель до 1714 г., когда было отдано на рангъ Носу, при назначеніи его ген. судьею (с. 33), а по смерти Носа, отдано тогдашнему ген. бунчучному Як. Лизогубу. Послѣдній тогда же началъ скучать здѣсь грунты, при чемъ, напр. въ 1717 г. совершило было 12 купчихъ жителями Коренецкой и Липоваго—на продажу „гаевъ въ сѣножатыи“ въ „островѣ Ручинцахъ“. Скуплю „грунтовъ“ Як. Л—бъ, въ Липовомъ и въ сосѣднихъ селахъ, продолжалъ до смерти. Послѣ Як. Л—ба, Л. перешло къ сыну его Ильѣ, который былъ женатъ на одной изъ дочерей Якона Якубовича, Катеринѣ; ей Л—бъ и завѣщалъ Л., съ хуторами Березовицкими, Бобровицкимъ и Олавскимъ, (на основаніи розд. 3-го, артик. 41 и розд. 7-го, арт. 1). Л—бъ умеръ въ 1781 г. и Л. тогда же перешло къ его вдовѣ, которая въ свою очередь завѣщала Л., въ 1791 г., внуку Ильи Л—ба, кол. ассес. Ивану Яковлевичу Лизогубу; по вслѣдствіе причиненныхъ имъ какихъто „огорченій“ вдовѣ Лизогуба, послѣдняя завѣщаніе свое, послѣ

¹⁾ Такимъ образомъ показанное въ 1713 г. «село Слободка» остается населеніемъ, местонахожденія которого мы не можемъ опредѣлить, будучи хорошо знакомы и лично съ описываемою местностью.

²⁾ Чтен. въ общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 162.

³⁾ Сравнивая прозвища Липовского населенія, перечисленного въ «Реестрахъ»—съ переписью 1666 г.—мы находимъ тождество прозвищъ только въ одномъ случаѣ: въ «Реестрахъ»—Гришка Злобенко, а въ переписи 1666 г.—Цашко Злоба. Всѣ остальные прозвища—различны. Въ 1649 г.—60 х., а въ 1666 г.—20 хоз. Это тоже должно знать, что въ «Реестрахъ» посполитое населеніе—не показывалось...

долгихъ хлопотъ по судамъ, уничтожила, и въ 1801 г. Л. завѣщала уже своему племяннику, ротмистру Ивану Александровичу Якубовичу, сыну полковника. Кр. П. 24 д. А. 58 д. В. 46 д. В.

40 л. Пс. 9 д. Г. 32 д. 35 х.¹⁾ Д. 21 д. 27 х. 8 бд. х. Пс. 11 д.

19 х., 23 бд. к. Кз. В. 46 д. Г. 52 д. 57 х. Д. 88 д. 212 х.

Церк. Преображенія, свящ. Леонтій Ерем'евъ. Въ числѣ подсостѣдковъ, у Паш—ка показано 8 бд. хатъ,— „служительскихъ и конюшенныхъ при дворѣ полковника Лизогуба“. Были ли это подсѣдки Л—ба или—его служителей, неизвѣстно.

С Галка, „отъ р. Ромна въ 1-й верстѣ“ (Паш.), принадлежала къ числу ратушныхъ сель до 1732 г., когда была отдана на рангъ генер. обознаго. Кр. П. 18 д. А. 12 д. В. 21 д. В.
38 д. Г. 17 д. 17 х. Д. 19 д. 27 х. Пс. 1 д. 4 х. 7 бд. х. Кз. В.
62 д. Г. 63 д. 84 х. Пс. 6 бд. х. Д. 77 д. 184 х. Церк. вмч. Георгія, свящ. Павелъ Кривошія.—По вѣдом. Полякова, „изъ показ. въ 1729 г. 38 д. крест.,—22 домохоз. сошло и номерло; 3—записаны по ошибкѣ, 1—запис. въ козаки, да явилось новыхъ—4 дв.“ Въ 1780 г. Галка принадлежала на рангъ генер. бунчучнаго и поэтому владѣльцемъ ея показывался Як. Тарновскій. По описан. Пашенка, подсостѣдковъ, въ 1780 г., значится 4 хаты въ одномъ дворѣ, принадлежащихъ „вакансовому сотнику Ивану и квартирмистру Тимофею Загурскимъ“, вѣроятно потомкамъ сотника Павла Загурскаго.

С. Коренецкая, лѣв. бер. Ромна, образовалась изъ поселенія около водяной мельницы, принадлежавшей въ полов. XVII в. одному изъ жителей с. Липового и завѣщанной послѣднимъ Круницкому монастырю, какъ это видно изъ слѣд. универсала Хмельницкаго, 1656 г.—„стосуючися до остатной волѣ Тимоша Василевича, мелника Липовского, который меляникъ зъ волѣ своей, бывши при болѣзни, отдалъ зъ душою и тѣломъ и убозствомъ своимъ Богу и м—ру Батуриńskому—млинокъ вешнякъ

¹⁾ Въ ревизск. книжѣ 1740 г., при Липовомъ, показана принадлежащая Лизогубу слоб. Ясеновка, съ 10-ю двор., но въ завѣщаніи Кат. Як. Лизогубъ она уже не значится и затѣмъ болѣе не встрѣчается.

на р. Ромни, подъ Лицовымъ, островъ противъ Коренецкой, вѣчными часы приворочаемъ и стверждаемъ „...¹⁾ Упомянутая здѣсь Коренецкая составляла—или „урочище“ или—вѣрнѣ—небольшой притокъ р. Ромна, но не село Коренецкую, которое въ это время, повидимому, еще не существовало, такъ какъ въ противномъ случаѣ, село это было бы въ универсалѣ названо, какъ названо село Липовое.—Село Коренецкая образовалось позже и получило свое название, повидимому, по рѣчкѣ Коренецкой, которая упоминается еще и въ актахъ перв. полов. XVIII в.²⁾ К—ая оставалась свободной, т. е. принадлежала къ числу ратушныхъ сель, чѣмъ воспользовавшись Ангеліовскій и Круницкій м—рь, скупили здѣсь почти все посполитое населеніе. Остатки его Вейсбахъ присоединилъ было къ Самборскому старостству, но и остатки эти не избѣжали общей участіи остальныхъ селянъ и были тоже скуплены. Кр. II. 21 д. А. 8 д. В. 13 д. В. 14 д. Пс. 15 д.

Г. „описныхъ на ея величество“ 5 д. 5 х. и подсосѣдковъ: Круницк. м—ря 5 д. 5 х., Купчинскаго 7 бд. х. и „поповскихъ“ (Кольчевскаго) 3 бд. х. Д. 17 д. 26 х Пс. 3 д. 7 х. 4 бд. х.

Кв. В. 46 д. Г. 42 д. 45 х. Д. 21 д. 60 х. Црк. Щокрова Богородицы, свящ. Григор. Кольчевскій. Посполитое населеніе въ 1780 г., у Пащ., показано такъ: „подданыхъ Круницк. м—ра 3 д. 5 х. Подсосѣдки: вдовы в. т. Осипа Купчинскаго—9 д. 15 х. и в. т. Евстафія Косяровскаго—5 д. 6 х., свящ. Григорій Кольчевскаго—3 д. 7 х.“

Къ с. Коренецкой принадлежали два хутора, описанные у Пащенка: **Романовщина** (Кв. 6 д. 25 х. и „поддап.“ Круницк. м—ря—8 д. 11 х.) и **Саливоновщина** (Кв. 5 д. 11 х. и „поддан.“ Круп. м—ря—3 д. 6 х.).

С. Поноры, „лѣв. бер. Ромна, между косогорами, въ боеракѣ, раздѣляемомъ небольшимъ протокомъ“. (Пащ.) ³⁾ Въ полов.

¹⁾ Опис. Черниг. спарх. III, 302.

²⁾ Въ актѣ 1727 г., «два браты въ первыхъ, Хвед. Вазовецъ и Павло Приходько объявили, пожъ власного своего млина, зъ единимъ коломъ воречнимъ, на рѣчкѣ Коренецкой, за селомъ Коренецкою стоячаго, двѣ части продали честн. отцу Ioану (Кольчевскому) презвит. Коренецкому».

³⁾ Цодробное, до мелочей, топографическое описание Поноръ слѣдовано въ 1859 г. уроженцемъ этого села, С. Д. Носомъ, и напечат.

XVII в. П. уже существовали и принадлежали затмъ къ числу ратушныхъ сель до 1705 г., когда Мазепою отданы были Дм. Горленку (с. 18), при чемъ однокоже село это возвращено Андрею Г—ку въ 1709 г. не было (с. 24). Затмъ, П—ры въ 1714 г. Носомъ были отданы тогдашнему сотнику Лещинскому (с. 238), который выпросилъ у гетмана и подтверждительный универсаль: „презентовалъ памъ и. Леонтій Лещинскій, сотн. Кр.-Кол., унѣверсалъ отъ бывш. полк. Прилуцкого, а вынѣшнаго судія нашего енер., и. Ив. Яр. Носа, на селце Поноры и просиль, абысмо оный унѣверсаломъ нашимъ ствердили“... Гетманъ позволилъ Л—му владѣть П—рами „до ласки войсковой и належитое отъ жителей того села послушенство имѣти“... Послѣ отставки Лаш—го, П. у него были отобраны и отданы его преемнику, также „до ласки войсковой“. Послѣ смерти Аиг—го, во владѣние П—рами вступилъ его зять Семеновъ, по Максимовичъ пожаловался въ Глуховъ, указывая, что село это—у его предмѣстниковъ—было ранговымъ; тогдашній правитель А. И. Румянцовъ поддержалъ М—ча и П. въ 1740 г. отъ Семенова были отобраны и отданы М—чу „на рангъ“. Впослѣдствіи П. были подѣлены между сотниками Кр.-Колядинскимъ и Корибутовскимъ. Кр. П. 9 д. А. 67 д. В. 18 д. В. 46 д. Ис. 4 д.
Г. 25 д. 26 х. Ис. 4 бд. х. Д. 35 д. 45 х. 8 бд. х. Ез. В. 15 д. Г. ? (въ 1751 г.—10 д.) Д. 15 д. 27 х. Церк. св. ап. и ев.
 Марка, свщ. Мойсей Стасевичъ.—Замѣтную и неисследованѣйшую разницу въ крестьянск. населеніи 1713, 1718 и 1729 г.г (скакочъ съ 67 ва 18 и затмъ съ 18, черезъ 10 л., опять на 46) объяснить затрудняемся...

С. Талалаевка, „на косогорахъ, между двухъ рѣчекъ Руды и Березовицы“. (Нац.) По свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, Т. Мазепою была отдана сотнику Кр.-К—му Тимофею Андреенку, который и владѣль сю до смерти; затмъ, Т. оставалась свобод

въ Черниг. губ. вѣдом. 1859 г., № 19. Тутъ же помѣщены и отрывки изъ народныхъ преданій о началѣ села, свѣдѣнія о мѣстной церковной старинѣ, объ окрестныхъ хуторахъ и уроцищахъ. Статья Носа очень любопытна теперь, какъ исторический уже документъ.

пою до 1711 г., когда отдана была Молчану; отъ послѣдняго Т. перешла къ дѣтамъ его дочери, бывшей замужемъ за Мазаракою. (с. 67). Кр. П. 3 д. А. 72 д. В. 56 д. В. 161 д. Ис. 6 д. Г. 20 д. 21 х. Ис. 26 бд. х. Д. 29 д. 36 х. 35 бд. х. Ис. 7 д. 10 х. 21 бд. х. Кз. В. 10 д. Г. 16 д. 20 д. Ис. 1 бд. х. Д. 21 д. 55 х. Церк. Успенія Б—цы, свящн. Василій Андріевскій и Кирилль Александровичъ. Въ цифрахъ населенія мы опять встрѣчаемъ неясности, относительно крестьянъ: въ 1729 г., ихъ значится 161 д., а черезъ 12 лѣтъ—20 д., при чёмъ въ ревизіи 1740 г.—ушедшихъ съ 1736 г.—показывается всего 17 домохоз.; значитъ, болѣе 100 домохоз. ушло за семь лѣтъ (729—35). Владѣльцемъ за всѣ эти годы былъ одинъ и тотъ же Мих. Молчанъ, человѣкъ, повидимому, безобидный; быть можетъ, происходили—массовая выселенія... Въ 1780 г. крестьяне значились слѣд. владѣній: б. тов. Андрея Мазараки—13 д. 17 х. 13 бд. х., б. тов. Ивана Мазараки 16 д. 19 х. 22 бд. х., умерш. полк. ес. Григорія Мазараки—5 д. 6 х. 1 бд. х. и Луб. полк. Максимовича—1 д. 2 х. 4 бд. х.

О. Ярошовка, „по об. берег. рч. Лисогора“, по свѣдѣн. генер. слѣдствія, „зданна находилось подъ вѣдѣніемъ сотни Сребрянской, до которой, по прежнимъ обыкновеніямъ, всякую служителемъ войсковымъ належную отдавало повинность, а за гетманства Мазепиного отдано было тое село въ подданство дворянину гетманскому Роману Высоцкому, который когда въ попы освятился и пошоль въ Рому(?) на мешкане, въ 1701 г., Мазепа отдалъ Я—ку б. тов. Андрея Горленку“. Отобранныя, въ 1708 г., Ярошовка снова отдана была тому же Андрею Г—ку, при возвращеніи ему отцовскихъ маєтностей (с. 24). У Горленковъ Я. затѣмъ и осталась. Кр. П. 23 д. А. 110 д. В. 71 д. В. 55 д. Г. 102 д. 135 х. Ис. 8 бд. х. Д. 156 д. 246 х. 4 бд. х. Кз. В. 12 д. Г. 11 д. 15 х. Ис. 2 бд. х. Д. 15 д. 37 х. Къ этимъ цифрамъ слѣд. добавить, что по ревизіи 1740 г., вообще тщательно перечислявшей число „ушедшихъ посполитыхъ“, за время съ 1736 г. по 1740 г., при переписи Ярошовки—„ушедшихъ“ *вовсе не значится...* Примѣръ—единственный въ этой ревизіи, при чёмъ такой фактъ быть мо-

жеть слѣдуетъ объяснить болѣе или менѣе мягкими отношеніями державцы къ своимъ подданнымъ. Владѣльцемъ Ярошовки въ это время былъ Андрей Дмитріевичъ Горленко, сынъ кото-рого Андрей, будущій полтавскій полковникъ, слылъ, въ своемъ кругу, большимъ добрякомъ; ¹⁾ мож. быть, такимъ добрякомъ былъ и его отецъ... По вѣд. 1780 г., владѣльцами здѣшн. кр.—и показаны сыновья б. т. Андрея Горленка: полковникъ Андрей—51 д. 91 х., подкоморій Иваницкій Григорій—59 д. 89 х. и наслѣдники умерш. ротмистра Павла—46 д. 66 х.

С. Крапивная, рч. Крапивная, ²⁾ судя по глубокимъ оврагамъ, среди которыхъ расположено село, слѣдуетъ думать, что населеніе тутъ существовало издревле. Въ документѣ Шездѣцкаго К. обозначена съ 184 „господ.“, а въ „Реєстрахѣ“ 1649 года значится особая сотня Кропивенская. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, Павломъ діакономъ записано слѣд. извѣстіе: „выѣхавъ изъ Иваницы и проѣхавъ $2\frac{1}{2}$ мили, проѣхали чрезъ большое благоустроенное селеніе съсадами, по имени Крапивна; въ немъ церковь въ честь Успенія Богородицы“ (II, 43). Но спустя 1666 г. въ К. показано 24 дв. Въ это время особой Кропивянской сотни уже не существовало, изъ чего видно, что населеніе здѣсь сильно уменьшилось; уменьшилось оно въ нач. втор. пол. XVII в., послѣ смерти Б. Хмельницкаго, когда вслѣдствіе гетманскихъ междуусобій, въ Малороссію очень часто призывались татары, при чемъ они не мало разорили тутъ сель, послѣ чего населеніе послѣднихъ, большую частью, двигалось на востокъ, въ Слободскую Украину, гдѣ и осѣдало новыми слободами. ³⁾ Въ это самое время сильно умалилась въ своемъ населеніи и К. Первое свѣдѣніе о ней, послѣ 1666 г., относится къ 1688 г., когда К. отдана была Мазепою генер. хоружему Ефиму

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., № 7, стр. 257.

²⁾ Такъ она называется въ актѣ 1681 г. См. с. *Дмитровка*. На картахъ Шуберта рѣчка эта называется Дегтиркою.

³⁾ Какое количество народа шло изъ лѣвобережья въ Слоб. Украину, во втор. полов. XVII в., см. *Очерки изъ исторіи колонизации и быта степи окраины Моск. госуд.*, Д. И. Башля, 411 в слѣд.

Лизогубу, единственному сыну Черниговского полковника Якова Лизогуба, который несомнѣнно помогалъ Мазепѣ, за годъ передъ тѣмъ, въ Коломацкой его авантюре. Послѣ смерти Ефима Л—ба, ок. 1705 г., К. досталась старшему его сыну Андрею. Подтверждительный универсаль, на К. и другія села, Л—бъ выпросилъ у Скоропадскаго уже 21 ноября 1708 г., а царская грамота на эти маєтности подписана 16 декабря того же года, въ Лебединъ. ¹⁾ Эти факты указываютъ, что Л—бъ былъ человѣкъ предусмотрительный и умѣль пользоваться обстоятельствами: несомнѣнно, что въ этотъ моментъ онъ доказалъ чѣмъ нибудь свою „вѣрность“... Заботясь такъ ревниво о сохраненіи отцовскаго наслѣдства, Л—бъ еще ревностнѣе заботился объ ихъ увеличеніи и о полученіи съ нихъ наибольшихъ выгодъ. (Оп. Ст. Малор., II, 444). Въ К. Л—бъ началъ хозяйствничать не позже 1706 г. и очень измѣнилъ отношенія своего отца къ здѣшнимъ „подданнымъ“. Евфимъ Л—бъ послѣднихъ не тѣснилъ, такъ какъ сынъ его засталъ въ К. крестьянъ, повидимому, зажиточныхъ; такъ, напр., крест. Скорикъ имѣлъ собственную „греблю“, т. е. мѣсто, на которомъ могъ устроить водяной „млинъ“, „жилъ на чиншу“, т. е. платилъ державцѣ оброкъ, и затѣмъ былъ уже свободенъ отъ панщинъ. Новый державца сталъ по-немногу отбирать у кр-нъ то, что находилъ у нихъ линчаго. Такъ, у того же Скорика онъ отобралъ его греблю съ лознякомъ около, но такъ какъ эта гребля самому Л—бу была не-必需на, то онъ ее продалъ своему старостѣ, Быховцу. Интересно отношеніе С—ка къ такимъ дѣйствіямъ державцы: спорить противъ насилия С—къ не могъ, но когда Быховецъ сталъ рубить лозу въ купленномъ имъ лозякѣ, то С—къ забралъ находившуюся тутъ Быховцову лошадь... Быховецъ немедленно же пошелъ къ Л—бу и положивъ ему 9 зол. „выкладу“ (поруки въ справедливости жалобы), пожаловался на самоволіе С—ка; Л—бъ, подтвердивъ, что лозякъ принадлежитъ Быховцу и что С—ку касаться его болѣе нечего, тутъ же прика-

¹⁾ См. Генер. слѣдствіе о маєтн. Нѣжинск. полка (Черниговъ,

залъ С-ку возвратить Быховцу его „выкладъ“. Затѣмъ, другой староста Л—ба „позычилъ“ у С—ка 2 осмачки жита для „пана“, по возвращать не хотѣлъ. Въ другой разъ, такой же староста взялъ у С—ка, для „пана“ же, возовъ 20 сѣна (потому что зима была бѣдная на кормъ), да еще и пять питукъ панскаго скота пригналъ къ С—ку па „зимнюю годовлю“, по недостатку кормовъ у пана. С—ку, стало жаль своего добра и онъ громко протестовалъ противъ насилий державцы, за что Л—бъ пожаловался въ судъ и С—къ былъ наказанъ. Но умеръ Скоропадскій, а вслѣдъ затѣмъ явилась въ Глуховѣ Вельяминовская коллегія, объявившая, что она учреждена царемъ для защиты народа отъ насилий старшины. Слухъ обѣ этомъ прошелъ по всей гетманщинѣ и многие изъ обиженныхъ въ прежнее время—стали обращаться въ коллегію съ жалобами. Жалобы отсылались къ Полуботку, въ генер. к—рію, где опять разматривались—въ эти моменты—очень внимательно. Еще внимательнѣе стали разматриваться такія жалобы послѣ того, какъ Румянцовъ (А. И.) объѣхалъ въ нач. 1724 г. всю Малороссію¹⁾ и когда, вмѣсто генер. старшины, были устроены въ Глуховѣ „правители“ генер. к—ріи, а вмѣсто генер. судьи, стали вѣдать генер. судомъ „ассесоры судовъ войск. енералныхъ“. Вотъ въ это самое время задумалъ пожаловаться и С—къ—на старыя насилия своего державцы; жалобу свою онъ подалъ вмѣстѣ съ другими Краинянами. Не смотря, что жалобы эти приносились на насилия старшии, „правители“ тѣмъ не менѣе послали на мѣсто, въ Краинскую, двухъ в. товарищѣ для производства разслѣдованія. Удивившійся жалобѣ С—ка, Л—бъ писалъ въ генер. к—рію: „Павелъ С—къ, подданный мой, порочить на мене, что якоби я насилие отнялъ въ него греблю, якая гребля его оставала и теперъ при немъ есть. Въ томъ мене невинне порочиль и не доказаль. А до того еще привсенародно, выйшедшіи зъ церкви, матерно мене ганилъ и говорилъ тіе слова, держачи кій въ рукахъ: „еще не зарекаюсь а своего пана отимъ кіемъ оборочати!“—за якое дерзновеніе

¹⁾ См. въ Русск. Арх. 1880 г., статью—«Павелъ ...»

онъ, С., билъ обвиненъ и до турецкаго вязеня, по суду в. енер. взятъ, и по турецкомъ вязеню, наказалъ билъ судъ енер—ній его жъ, С—ка, кіями бити, и чтобъ онъ мене перепросилъ, а же С. кіевого бою не терпѣвши и за безчестя мене не просячи, еще всѣхъ убитковъ своихъ на миѣ доправляетъ. Теды я прошу, жеби С. мнѣ протори, убитки и безчестя нагородивъ, потому, что за греблю не довѣвъ и бридкими словами мене и матку безчестивъ". На это объясненіе Л—ба не было обращено никакого вниманія, какъ это видно изъ рѣшенія, состоявшагося 24 іюля (1724 г.), по жалобамъ Скорика, при чёмъ Л—бъ, находившійся на судѣ „персоналітеръ“, ни однимъ словомъ не возражалъ, а только признавалъ заявленія своего противника, кроме заявленія о гребльѣ, которую, повидимому, вернули Скорику еще раньше.... Тутъ же Л—бъ обѣщалъ всѣ претензіи Ск. удовлетворить. Поэтому, судомъ было постановлено, чтобъ Л—бъ далъ С—ку, „на особливомъ паперѣ, мирную“, которая должна была служить обиженному ручательствомъ, что онъ дѣйствительно будетъ удовлетворенъ. Рѣшеніе было написано тогда же, 24 іюля, но судьями осталось неподписано. ¹⁾ Почему?—Рѣшить

¹⁾ Приводимъ здѣсь въ сокращеніи несостоавшееся рѣшеніе генер. суда, какъ заключающее въ себѣ интересныя черты отношеній «державцы» къ своимъ «поданнымъ», удостовѣренныхъ самимъ державцемъ.—«Року 1724, м. іюля дня 12. По злѣченю почтенныхъ ихъ милостей царю правителей в. енер. к—ріп, на войск. судѣ енер., слухана справа Павла Скорика, жителя Кроцивинскаго з державцею того села царемъ Андреемъ Лизогубомъ, б. тов., въ томъ, что, якобы въ его, Скорика, обжалованій, отнявши греблю з лозою его власною, въ Кроциной положене имъючую, старостѣ своему бывшому, Ивану Быховцю, продалъ. Въ якой лозѣ, когда Быховцового коня за зрубъ (лозы) чолобитчикъ заграбилъ, ваялъ мененный п. Л—бъ и Ігнатъ, его староста, 9 золот. викладу, отъ Быховца положеннихъ, и отказалъ, абы уже Скорикъ не владѣль оною лозою, а возвратиль бы одой викладъ Быховцевъ.—Кутъ лѣса, въ кгрунтѣ Щуцкого произываемомъ, якобы отнялъ п. Л—бъ въ жалобливого и владѣть лѣтъ 16. Жита 2 осмачки, мѣри Конотопской, на его п. Л—бову потребу староста Конченко въ р. 1710-мъ позичилъ въ чолобитчика, въ тотъ часъ на Прилуцкій полкъ.

этотъ вопросъ очень трудно. Можетъ быть, Л—бъ отказался отъ выдачи С—ку „мирной“ по совѣту какого-нибудь дѣльца, указавшаго другой для него исходъ... Во всякомъ случаѣ, дѣло Л—ба со С—комъ указываетъ, что Кропивянскіе „подданные“ протестовали противъ насилия Андрея Л—ба и протестовали иногда въ рѣзкой формѣ... Кромѣ заботы о подчиненіи „подданныхъ“, Л—бъ въ Крапивной долго еще судился съ сосѣдами за степь, которая тянулась къ Парафіевкѣ, Рожновкѣ, Мартыновкѣ и Гайворону и которой границы—между этими селами—не были точно опредѣлены. Особенно настойчиво спорили съ А. Л—бомъ Мартыновцы, доказывая, что послѣдній захватилъ большую полосу принадлежащей имъ степи. Споръ трудно было решить, потому что на этой степи Крапиване, по множеству другихъ у нихъ земель, сами даже и травы не косили, а лишь нанимали эту степь подъ выпасъ воловъ, разнымъ лицамъ, гонявшимъ гурты для продажи въ „Гданскъ“ и „Кро-

чишу сидѣвшаго, якого ло нынѣшное число не отдаетъ и отдавати не хочетъ.—Тотъ же староста съна стирту, воз. въ 20, для товару п. Л—бового насилию забраль и даваль, тоен жъ зими, на съно оскудной, пятеро панского товару на зимнюю годовлю Скорику, на чиншу въ тотъ часъ жившому.—Зверхъ вишеписанного, жалобливый въ чоломбитной выразилъ, что старости его п. Л., въ Кро. живши, первый, Иванъ Быховецъ, гай нимъ въ. Ант. Мещенка куилений, отсудиль ему, Мещенку, знову, неправедно, что купчой не показаль, любо самъ продавца при розиску явиль свою добров. продажу, только что купчой не далъ Скорину Мещенко, того ради гроши повсѣдѣль приняти, а гаю уступити... Ставши въ отвѣтъ персоналне противъ суплѣкуючаго, на судѣ енер., п. А. Л—бъ, по розиску п. п. Захарiemъ Калиновскимъ и Павломъ Романовичемъ, въ товв., справлевномъ и по свѣдителіяхъ, въ ономъ виписанихъ, Феска Чорного, Матвѣя Сѣрого и Ант. Мещенка, Кропивянскихъ, доброволне кутка гаю, межи кгрунтомъ Щудкого прозиваемомъ, уступилъ, якъ помѣжчики тамошніе отведуть, и не мѣть нѣкогда о онихъ упоминатися, а ежели тотъ кутъ рубанемъ дерева спустошевъ, то нагородить, по шацунку людскому, декларовалъ Скорику безъ всякого суду и позововъ, на що саморучное далъ писмо поступиное.—Лозу близъ гребелка чолобитчиковой стоячью, якою сталъ быль Быховецъ, бывшій староста, по продажи п. Л—бовой владѣти, ему, Скорику, безпрепятно привернулъ, з приговоромъ таковимъ, же ежели дове-

левецъ великий". Пасли тутъ свои гурты, по показанию старожиловъ, разные купцы: Николай Ляхъ (изъ Польши), Семенъ Воротилякъ (изъ Ромна), Томашъ Манджость, Савка Нечай, Григорій Воліватый (т. е. Костенецкій, изъ Конотопа) и друг., при чемъ, какъ показали старожилы, "плата за пашу воловъ, съ початку, на церковь Кропивянскую вся ишла, а потомъ—половина толко, а другая половина на полковника Прилуцкого, бывшего Лазара взымалась; а якъ за п. п. Лизогубами тое село К. стало, оная дача за воли ишла на ихъ, п. п. Лизогубовъ". Плата установлена была по 2 коп. отъ вола, при чемъ пастьба продолжалась до Ильина дня.—Только въ 1727 г. кончилъ А. Л—бъ споръ съ сосѣдями за Крапивянскую степь, на которой онъ—и раньше и позже—поселилъ нѣсколько хуторовъ. Послѣ смерти Л—ба, въ 1737 г., имѣніями его подѣлились, послѣ долгихъ споровъ, четыре его дочери. Раздѣлъ замедлялъ главнымъ

дется, что Быховецъ въ оную будетъ утручатися, то самъ п. Л—бъ Быховецю воспитати такового владѣнія обвязался, хочай бы и въ кучой Быховцевѣданой, тоей лози продажа показалась, и въ правѣ з нимъ стоять не отмагался на судѣ, вимовляющи себе, же не давалъ кучои на лозу..... Сѣна козовъ 15, за старосту Конченка для п. Л—бового статку дармо взятихъ, позволяетъ онъ безпрепятно тое сѣно на своей сѣножати одобрati.—Жита двѣ осмаки, хочай взиль п. Л—бъ въ Скорика, своего подданного, на чиншу въ тотъ часъ жившаго, якъ въ иныхъ подданихъ, панщину отбувающихъ, однако ему только самому возвращати, заразъ за прѣездомъ въ домъ, не отмовляеть, дающи причину, что зо всѣхъ подданихъ его панскую работизну отбувающихъ, жито збираль, успевиающи уменшениемъ панщини, а онъ въ ту пору безъ панщины, на чиншу жиль.

Теди судъ въ енер., по мирителномъ его п. Л—ба согласию и доброволной зъ Скорикомъ згодѣ, приговорилъ и децидоваль, аби именениий п. Л—бъ подданному своему Скорику, за своею рукою, на особливомъ напери, мирную, о уступу кутка лѣса въ кгрунтѣ Щуцкого прозываемомъ и проч. вручилъ... Старостамъ зась Івану Быховецю и друг. особний указъ видатися мѣтъ (о вознагражденії Ск—ка). Судъ енер. повелѣваетъ и видаеть сіе писаніе за руками и печатю судовою потребуючою сторонѣ. Року и дни вищеписанихъ.

Асессори судовъ войсковыхъ енералнихъ бунчуковое товариство. (Подпись нѣтъ). (Съ подлинника).

образомъ зять Л—ба Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Глуховскихъ канцеляріяхъ. На эти замедленія—другое наследники пожаловались въ сенатъ, откуда, въ к. 1740 г., полученъ былъ указъ „о высылкѣ, въ самой скорости, въ Спб., Валькевича—по дѣлу съ Журавкою о духовной Андрея Лизогуба и посыпкѣ туда всего дѣла въ генер. и судовой к—ріяхъ находящагося“. (Марк., II, 239). Сенатъ назначилъ особую комиссию для раздѣла Л—бовскаго наслѣдства, которою и было кончено это дѣло въ 1748 г. При этомъ К. съ хуторами досталась дочерямъ Л—ба: Марьѣ (женѣ Валькевича) и Евдокії (ж. Як. Кулябки). Послѣ Марыи, ея часть унаследовала дочь ея Софья, бывшая замужемъ за племянникомъ гетмана Разумовскаго, Мих. Будлянскимъ. Евдокія—Крапивинское свое имѣніе завѣщала сыну Андрею (1729 † 776)¹⁾ и лвумъ дочерямъ, Иринѣ (ж. Вас. Кулаковскаго) и Ульянѣ (ж. Алексѣя Покорскаго). Сыну отъ втор. мужа, малолѣтнему Данилу Стороженку, мать завѣщала деньги. Впослѣдствіи, часть Марыи Андреевны перешла къ ея внуку камергеру Алексѣю Будлянскому,²⁾ а часть Евдокіи—къ ея внукамъ: корнету Федору Кулябкѣ (1751 † 1824) и дѣтямъ Ирины: (Кулаковскимъ) Степану, Марфѣ (м. Іоасафъ Костенецкій) и Евдокіи (м. Пиродцкій).

Кр. II. 24 л. А. 46 д. В. 44 д. В. 60 д. ис. 11 д. Г. 42 д.

45 х. ис. 9 бл. х. Д. 50 д. 77 х. 13 бл. х. ис. 19 д. 24 х.

9 бл. х. Кв. В. 28 д. Г. 20 д. 23 х. ис. 5 бл. х. Д. 20 д.

45 х. Црк. Успенія Богородицы; свщ. Емельянъ Давыдовскій.—
По опис. Шащенка, въ К. значатся дома: пріѣзжій Мих. Вл. Будлянского, о З-хъ пок., „жилой“ б. тов. Павла Конисскаго,

¹⁾ Первою жену его была Елена Степановна Тарновская, а второю—Матрена Васильевна Чеснокъ, вдова Василія Кулаковскаго, первою жену которого была родная сестра Андрея Кулябки.

²⁾ Отсюда—и хуторъ Камергерский, около Крапивной. По смерти А. М. Будлянского, часть Крапивинского имѣнія перешла къ его наследникамъ въ боковыхъ имѣніяхъ, а часть, отъ которой по случаю ея задолженности, отказались наследники, была продана и куплена К. П. Острявскою (479 д. крест. и 1163 дес. земли, за 51 тыс. р.).

о 5-ти п., „жилой“ отставн. прaporщикovъ Василія и Федора Кулябокъ, о 3-хъ пок. Кв. 20 д. 45 х. 9 бд. х. Кв. пс. 9 бд. х. Кр. Будлянского, 37 д. 61 х., „пастущихъ“ 13 бд. х., б. т. Конисского, 6 д. 7 х., ум. судьи Нѣж. Кулаковского, 12 д. 15 х., прaporщикovъ Кулябокъ 13 д. 16 х., ст. сов. Жоравки, 1 д. 3 х.

Х. Щучья Гребля поселена, повидимому, Лизогубами и значится уже въ универсалѣ, выданномъ А. Л—бу, въ 1708 г. („гребля зъ млиномъ Щудкимъ, о дву камнахъ“). Отъ Андрея Л—ба Щ. перешла къ дочерямъ его, а затѣмъ,—къ Кулаковскимъ и Будлянскому. Въ 1780 г., Щ., по опис. Паш.—„тайн. сов. Будлянского, отъ с. Кропивной въ 4-хъ верст., надъ болотомъ Рудою, при коемъ имѣется плотина съ мельницею объ 1-мъ колѣ, въ немъ подсосѣдѣ. 16 хатъ“.

Слоб. Лисогоръ „лежить по об. стор. рч. Лисогора, на скосогорахъ, въ чистыхъ поляхъ“. (Паш.). Л—ръ поселень, повидимому, Григорiemъ Стороженкомъ, вторымъ мужемъ Евдокіи Андреевны Лизогубъ; отъ этой жены у него остался сынъ Данило, которому и достался Л—ръ. Кромѣ того, по завѣщанію матери († 1745), Данилу были назначены деньги, по стоимости четвертой части ея имѣнія, при чемъ эта сумма опредѣлена была въ 16 т. р. Достигши совершеннолѣтія, Д. С—ко началъ съ братомъ Андр. Кулабкою и наслѣдниками сестры Кулаковской—споръ, доказывая, что назначеніе ему матерью денегъ, вместо земель, было слѣдствіемъ проискомъ ея зятя Вас. Кулаковского, подъ вліяніемъ котораго мать его писала свое завѣщаніе. Споръ этотъ былъ выигранъ уже дѣтьми С—ка.

Въ Л—рѣ Данило С. и жилъ. Женатъ онъ былъ на дочери генер. судьи Федора Лысенка, Катеринѣ, объ ужасной жестокости обращенія съ которой мужа сохранилось любопытное письмо сосѣда. ¹⁾ Несмотря однакожъ на такія супружескія

¹⁾ Письмо писано тогдашн. Иванацк. земск. комиссаромъ И. Конисскимъ (роднымъ братомъ Георгія Конисского), къ брату жены Стороженка.—«Високомилостивый государь мой Госифъ Федоровичъ. На полученное мною отъ васъ, високомилостивого государя моего, писмо, въ отвѣтъ, съ моимъ вѣрнымъ усердiemъ и почтенiemъ, служу: какъ

отношения, у Д. С—ка было четверо детей, Петръ и Павелъ, Анна и Катерина. Оба сына въ 1797 г. были поручиками. По вѣд. 1753 г., въ Л—рѣ показано Кр. 17 л. 17 х. и 9 бд. х., а въ 1780 г.—51 д. 72 х. и 13 бд. х., принадлежавшихъ наследникамъ, въ то время уже умершаго, Д. С—ка. Жена его пережила, такъ какъ за нею въ то время числились крестьяне въ Ржавцѣ (с 232).

у насъ отъ людей простыхъ Лисогоровскихъ слишко, то такъ подлѣнно, что Катерина Федоровна, яко бы з самого приѣзду своего, содержится въ заключеніи такъ, что никто ея не видѣть; первѣе, якобы была въ снальѣ защерта и окована, окошко забито было такъ, что и малѣйшей свѣтлости ей не было; а послѣ, якобы била въ погребѣ, откъль якобы почти совсѣмъ мертвую винесено и пако въ ту же темницу положено, дней тому назадъ с пять, и якобы уже въ оной темнице окошко отперто, и какъ сказуютъ, будто уже одного и ока нетъ, оглухла и умомъ помешалась. Хотя же кто къ нему и приедеть нарочито, чтобы можно было Катерину Федоровну повидѣть, никто не могъ видѣть; иногда скажетъ, что и его въ домѣ нетъ, и не дашутъ въ изби. Я просилъ пана сотника Красноколядинскаго Минѣцкаго, чтобы, едучи въ Иваницу, нарочно побывалъ и покурюзовалъ, однакъ, его не допущено, а объявлено, будто онъ отехалъ въ Иваницы, а Катерина Федоровна въ Иржавецѣ. Послѣ, съ панюю сотковою женой моей нарочито недавно ездila, тотъ же отвѣтъ получили, и вовсе подлѣнно, что съ нею нынѣ дѣлется, знать не можно; однакъ подлѣнно то, что она и нынѣ въ заключеніи. И я сіе по усердію моему объявляю, и иржаде сисковалъ способу, какъ бы объявить, только подлѣнно ни отъ кого узнать было неможно что съ нею дѣлается. Однакъ нижайше васъ, високомпластивого государя моего, прошу сіе при себѣ содержать, ибо, яко сосѣдъ мой, Данило можетъ великие мыѣ бѣды дѣлать и пакостить. И ничемъ не можно ей—свободитъ, какъ вилемко отъ главной команды. Она можетъ все о себѣ показать. И затѣмъ предаю себе вашего високоблагородія милости, съ моимъ добросерднемъ и преданностію, ко услугамъ остаюсь таковъ високоблагородія вашего вскмл. госуд. моего, всегдашний иѣрай слуга Павелъ Кониский. 1775 г. марта 29. Кропивна. Покорно прошу писмо спасти». (Съ подлинника). Получивъ это извѣстіе, мать заключенной дочери—просила Малорос. коллегію «послать нарочную команду и силою

С. Рябухи, прав. бер. Ромна и рч. Березовица¹⁾, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1740 г., когда управляющимъ Батуриинской волости, генер. Вейсбахомъ, была присоединена къ Самборскому старостству. Кр. II. 8 д. А. 14 д. В. 11 д. В. 28 д. ис. 23 д. Г. 7 д. 7 х. Д. 15 д. 23 х. ис. 21 д. 38 х. 18 бд. х. Кв. В. 61 д. Г. 45 д. 52 х. ис. 7 д. 7 х. Д. 45 д. 98 х. Церк. ап. Петра и Павла. Свщ. Семенъ Григоровичъ. Приведенные цифры населенія поясняются свѣдѣніями Полякова, изъ которыхъ видно, что въ 1729 г. въ Р. было крест.—28 д. и подсосѣдк.—23 д., а въ 1744 г. оказалось крест. 5 д. и подсос.—4 д.; изъ числа кр—нъ выбыли: 1) во владѣніе старшины и посполитыхъ—7 д., 2) вписанся въ козаки—1 д.; 3) въ ревизіи написанъ, а своего двора не имѣлъ—1 д.; 4) въ той же ревизіи дважды написанъ—1 д. и 5) сошло и померло, а пляцы ихъ впустѣ—13 д. Изъ подсосѣдковъ ушло и умерло—19 д. Дальнѣйшее движеніе населенія въ Р. видно изъ описанія Пашенка. Коз.—45 д. 98 х. Подданныхъ: гр. К. Г. Разумовскаго—4 д. 6 х. и сотника Кр.-Кол. Миницкаго—11 д. 17 х. Подсос. пілквнка Луб. Максимовича—3 д. 4 х., атам. сот. Кр.-Кол-го Григорія Бѣлецкаго—1 д. 1 х., в. тов. Ант. Федоровича—6 д. 11 х., зн. тов. Дан. Салогуба—1 д. 2 х., хоруж. сот. Матвѣя Полторацкаго—1 д. 1 х., бывш. войска Запорожск. полк.

оной, отъ него Стороженка освободить ее въ домъ мой». Изъ коллегіи было написано тогдашнему Прилуцк. полку—ку Якубовичу, который, 7 апр., т. г., доносиль въ коллегію: «и, съ г. в. тов. и комиссаромъ Коницкимъ, с. г., апр. 7 числа, самонерсонально въ домъ онаго Стороженка обретались и ко благопосредственности восписанного дѣла—болѣе увѣщаніямъ, нежели строгостю моего ураду и г. г. майора Милорадовича и роты. Скоропадского приглашали, съ коими засилу онаго Малор. коллегіи указа, Данила Стороженка жену его Катерну Федоровну истребуя, въ домъ къ оной матери ея къ отправленію, г. б. тов. Осипу Лисенку, брату ея, действително препоручили... Къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній объ этомъ тиранствѣ мужа надъ женой и о причинахъ его—нѣтъ».

1) Въ актѣ 1654 г., «подъ сел. Рабухами» указывается *рудка Березовица* (с. 241).

старшины Онуфрія Латы—2 д. 5 х., попа Рябух. Семена Григоровича—3 д. 6 х., попа с. Дмитровки Ладинского—1 д. 1 х., коз. подсосѣдка.—2 д. 4 х. 14 бд. х.

С. Дмитровка, рч. Крапивная, притокъ Ромна, по свѣдѣніямъ Литовск. метрики, въ 1643 г. значится слободою, принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго. Въ актѣ 1681 года упоминается Романъ Дмитрено, „сынъ осадцы с. Дмитровки“, откуда видно, что поселеніе это названо по имени своего основателя. Изъ того-же акта 1681 г., видно, что при полякахъ Дмитровка и Рябухи принадлежали къ „ключу Краснянскому“, въ которомъ распоряжался „державца п. Кондратъ Грекъ“. Въ этомъ же актѣ сохранилось извѣстіе, что Грекъ „своими власными подданными разсказалъ (въ Дмитровкѣ) гребелку на рѣцѣ Кропивномъ, Дмитровцамъ и Рабушанамъ, уфундовати, которые тую гребелку своему державному п. К. Греку зaimали и панциною, яко подданные, засипали и фундовали“. ¹⁾

При козацкомъ урядѣ Д. оставалась ратушнымъ селомъ до 1740 г., когда Вейсбахомъ (см. ниже, Самборы) было присоединено къ Самборскому староству. Кр. II. 18 д. А. 11 д. В. 13 д. В. 41 д. Це. 14 д. Г. 16 д. 18 х. Д. 5 д. 12 х. пс. 11 д.

¹⁾ Три акта о Дмитровскомъ «млынѣ» Грека—получили мы когда то, въ копіяхъ, отъ С. Д. Носа, имѣвшаго хорошую привычку, при посѣщеніи разныx пановъ въ панковъ,—разыскивать у нихъ разные старинные «шиаргалы», съ которыхъ тутъ же списывалъ коні, и—возвращая подлинники—убѣждалъ владѣльцевъ—беречь ихъ... Дмитровскіе акты онъ добылъ, повидимому, въ Дмитровкѣ, у одного изъ потомковъ в. т. Павла Долгаго, которому эта мельница досталась въ 1681 г., по «листву» Л. Горленка («позволилисмо Павлу Довгому, тов. в., греблю пансскую (т. е. принадлежавшую подъскимъ панамъ) въ с. Дмитровцѣ лежачую, фундовати»). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, сыновья мельника, спѣвѣшаго въ мельницѣ при Грекѣ, стали присвоивать эту мельницу, вслѣдствіе чего въ 1681 г. было произведено на сельскомъ урядѣ слѣдствіе, по которому и разъяснилось—какъ происхожденіе мельницы, такъ и то, что отецъ претендентовъ, «Гарасимъ мельникъ, зъ Гайворона, только мелникомъ былъ, а не самъ былъ фундаторомъ» ...

38 х. 25 бд. х. Кв. В. 42 д. Г. 32 д. 37 х. пс. 13 бд. х.

Д. 40 д. 117 х. Црк. пресв. Троицы; свящ. Иванъ Свѣтильскій.

По свѣдѣн. Полякова, изъ показанныхъ въ 1729 г.—къ 1744 г. оставалось: крест.—6 дв. и подсос. 3 дв., а изъ остальныхъ „сошло и померло“,—крест. 25 дв. и подсос. 10 дв. По описанію Пащенка, подсосѣдки были слѣд. владѣній: четырехъ Бѣлецкихъ—7 дв. 26 х. 12 бд. х., Долгихъ—2 д. 5 х. 3 бд. х., священ. Ивана Свѣтильского и Фед. Золотаренка—3 бд. х., сотника Миницкаго—1 д. 5 х., хоруж. сот. Кричка—7 бд. х.

„Слободка“ Рубанка „лежитъ на пространной, чистой степи, по обѣимъ сторонамъ протока Рубанки“. (Паш.). Рубанская дача составляетъ часть степи, нѣкогда принадлежавшей двумъ селамъ, Гайворону и Крапивной. Исторія поселенія Р. рассказана въ жалобѣ Гайворонскихъ козаковъ, поданной на имя императрицы, въ 1747 г.,—„въ прошлыхъ, давнихъ годахъ, имѣющимся при с. Гайворонѣ собственнымъ нашимъ сѣнокоснымъ степомъ и пахотнымъ полемъ, въ смежности съ степомъ умерш. б. т. Андрея Лизогуба, называемымъ Кропивянскимъ, владѣли предки наши и мы... Въ недавнѣхъ же годахъ, бывшій въ М. Россіи, въ надсмотрѣніи описныхъ изъ-за гетмана (т. е. послѣ гетмана) маєностей ген.-м. Девесенбахъ (Вейсбахъ), обѣзձая тѣ описныя маєности и разсмотрѣвая оніхъ владѣніе, заѣхалъ, невѣдомо почему, къ вышепоказаннымъ, т. е. гетманскимъ, маєностямъ, издревле владѣемый нами степъ и велѣль на ономъ сѣно косить, на конскій заводъ, въ с. В. Самборѣ имѣющійся... Нынѣ же, за отбытиемъ изъ М. Россіи помянутого Девесенбаха, обрѣтающійся въ надсмотрѣніи означенныхъ конскихъ заводовъ, конной гв. поручикъ фонъ-Лоссовъ, на Кропивянской Лизогубовской, такожь Девес-мъ напрасно завладѣнной землѣ, *поселилъ* собою *сновь слободу*, и тотъ напѣ степъ, называя онай Гайворонскимъ, напрасно ко владѣнію той же новопоселенной имъ слободки привернувъ...¹⁾ Поселенная Лоссовымъ слободка и была

¹⁾ «Очерки», с. *Рубанка*. Тутъ же помѣщены списки 45-ти до-мохозяевъ, составлявшихъ населеніе Рубанки въ 1767 г., съ показаниемъ—когда и откуда пришелъ каждый изъ нихъ „на слободу“. Изъ этого списка видно, что первымъ поселенцемъ тутъ былъ козакъ изъ

Рубанка. По указу 5 июня 1750 г., Батуринская волость, вмѣстѣ съ другими „описными“ маєтностями, отдана были новому гетману Разумовскому, при чём частицею этой волости была и Р—ка. По Румянц. описи, въ Р.—45 дв., а въ 1780 г.—54 д. 74 х.

Иванцы, Дмитренко, явившійся сюда въ 1740 г.; въ 1742 г. явился еще одинъ, въ 1743 г.—два, въ 1744 г.—еще два и т. д.—При распродажѣ имѣлій Разумовскаго, въ Конот. у., Р—ка, въ 1811 г., была продана кол. ас. Георгію Степановичу Кромидѣ (за 13 т. р.). Это былъ «дворянинъ г. Іоаннинъ», выѣхавшій оттуда въ 70-хъ гг. XVIII в., въ г. Нѣжинъ, гдѣ «будучи восхищенъ благополучнѣйшимъ состояніемъ Россійскихъ вѣрноподданныхъ и премудрымъ правительствомъ, оставилъ отчество, сродниковъ, великолѣпный домъ, нелвижимое имѣніе и проч., остался навсегда въ Нѣжинѣ, и женился въ М. Россіи... (Свидѣтельство «Іоаннинскаго» архіеп. Макарія и друг. 1784 г., съ подлинника, наход. у А. К. Рачинскаго, въ с. Рубанкѣ). Изъ свѣдѣній о службѣ Ю. С. Кромиды, видно, что въ 1784—98 г.г. онъ былъ ассесоромъ казенной палаты Таврич. области, а затѣмъ наход. въ отставкѣ. Женился К—да въ 1781 г., тамъ же, въ Нѣжинѣ, на дочери Григорія Паскевича, Аннѣ, принесшей мужу оч. богатое приданое. Тестъ К—ды былъ, повидимому, тотъ самый «бунч. товар. и бурмистръ Нѣжинскій Паскевичъ», который обозначенъ, въ 1780 г., въ числѣ домовладѣльцевъ г. Нѣжина. (Опис. Ст. Малорос., II, 66). Прилагаемъ здѣсь списокъ приданаго, полученнаго К—дою отъ Паскевича, за жену. Составъ его совершенно уже отлѣпчается отъ той движимости, въ одеждѣ и вещахъ, которую—еще недавно передъ тѣмъ—давала, въ Малороссіи, богатая старшина въ «вѣно» за своимъ дочерью. Тутъ мы видимъ уже брушилѣты, реброны, мантеліи и даже шляпки парижкія. Совершенная замѣна старою новымъ, въ домашней обстановкѣ, у богатыхъ Нѣжинцевъ,—записьла, какъ отъ большого ихъ общенія съ великорусскимъ обществомъ, такъ и отъ постоянныхъ торговыхъ сношеній Нѣжинскихъ грековъ съ европейскими центрами, при чёмъ не трудно было получать оттуда вскія мантеліи и шляпки.

«Господи благослови. 1781 г., ноября 1 дня. За дочерью мою Анною, даль я въ приданое Юрію Степановичу Кромидѣ движимаго имѣнія, а сколько чего значить ниже сего. Три иконы на благословеніе, сребра вышло на онѣ съ позолоткою, на 80 р.—До манти-

С. Григоровка, „на дѣлѣ небольшѣкъ протокомъ, на коемъ дѣлѣ плотины, о 2-хъ колахъ“ (Паш.), поселена на земляхъ с. Гайворона, ок. 1700 г., Гайворонскимъ козакомъ Корнѣемъ Салогубомъ, какъ это видно изъ свѣдѣній генер. слѣдствія: „с. Гайворона атаманъ Корнѣй Салогубъ купилъ у Гайвор. жъ козака Германа Чорныша пустую хатку къ своему грунту, а купивши, загативъ греблю и устроилъ млинъ и футорокъ, который со всѣми угодіями, за Мазепы, гетмана, продалъ Григорію канцеляристѣ, и якъ достался тотъ футорецъ по куплѣ Григорію, то нѣсколко хатокъ около хуторда поселилось.“

рей принадлежитъ: перстень и серги бриліантовы—810 р.; другой перстень и серги бриліантовы сносками—200 р. Сердечко бриліантовое, на шею, 251 р.—Брушлеты золотые съ красн. каменями 50 р.—Часы золотые, карманные 115 р.—500 зернать жемчугу уріанского, по 1 р. 35 к., всего 675 р. Серебро. Пламенажъ, вѣсу бреславскаго 16 марковъ $12\frac{1}{2}$ лот., по тамошней цѣнѣ, по 22 чешскихъ, 184 р. 20 к.—Пули (?) до туалета—20 р. Всего серебра на 1113 р. 40 к.—Сервизъ чайной фарфоровой, красный, съ цвѣтами, 75 р.—*Шатье дамское и приборы къ юлову.* Ребронъ бѣлой, вѣничальной, 130 р.—Ребронъ съ золотыми зеркальными волосами и накладкою ліонскою, 172 р.—Подпнезъ лилевой, 130 р.—Шатья: куртка съ суконною палевою юпкою, 30 р.—Конта съ юпкою, капуциновые, 20 р.—Бекеша съ бѣлого атласу и фракомъ (?) соболинъ и опушкою фостами соболіовими, 158 р.—Мантелія зъ золотой богатой парчи, обложена соболиними фостами и тавтою подшита, 125 р.—Шуба штофная французская, разноцвѣтнаа, голубая, подшита съ чернобурой лисицы шлами, 100 р.—Тулубъ голубой, съ гамбурзугазы, подшиты белымъ мекомъ, 55 р.—Галстукъ соболей на шею, 95 р.—Три шапки парижскихъ, съ различною перьями, 75 р. *До постели.* Павильонъ едомашки малиновой, зъ золотою тасмою и золотыми мохрами, 335 р.—Карета 280. Четыре лошади, 350.—Дѣлки крѣпостныхъ Арина и Евдовія, 200 р.—А всего 8500 р. Григорій Паскевичъ. (Съ подлинника, любезно сообщеннаго намъ А. К. Рачинскимъ).

Къ этому можно добавить, что Нѣжинскій Паскевичъ былъ едава- ли не дядя фельдмаршала кн. Паскевича, считавшаго себя близкимъ роднею недавно умершой Рубанской владѣлицы, А. Е. Дараганъ (втор. мужу Фроловой), внучки Ю. С. Кромиды.

Хуторъ этотъ получилъ название *Григоровки*. Но канцеляристъ „Григорій Григорьевъ“, за участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ, былъ сосланъ¹⁾ и оставшійся безъ хозяина хуторъ выпросилъ у Скоропадскаго—Петръ Корецкій, зять полковника Мих. Миклашевскаго; отъ Корецкаго Григоровка перешла къ Ивану Чарнишу; но у послѣдняго отобралъ Г. самъ гетманъ и отдалъ ее, въ 1718 г., своему брату Василію, который, будучи Черниг. обознымъ, жилъ далеко отъ Григоровки, почему, вѣроятно, и передалъ ее въ полное распоряженіе сыну Михайлу. Послѣдній значительно увеличилъ Григоровскія земли, главнымъ образомъ захватывая земли у Гайворонскихъ козаковъ.²⁾ Въ 30-хъ г. г., въ Г—кѣ построена была церковь во имя архистр. Михаила, и къ пол. XVIII в. Г. стала настоящимъ селомъ. За цѣлость его Ск—ій впрочемъ очень всполошился, когда,—при производствѣ ревизіи въ 1753 г.,—ревизоры совсѣмъ пропустили, соѣднюю съ Г—кою, слободку Бѣл. Вежи, недавно передъ тѣмъ поселенную Кочубеемъ. По этому поводу Ск—ій писалъ Прилуцкому полковнику слѣд. интересное письмо: „Сердечный мой добродѣю. Ревизори сотнѣ Кр.-Кол—ой, въ томъ числѣ и селца моего Григоровки, сотникъ Ічанскій и атаманъ Кр.-К.—й, столько по той своей должности—въ сочиненіи полѣпченной (порученной) имъ ревизіи—не тщателни, что цѣлую слободу Василія Кочубея, бунч. тов., позадѣ моего селца Г—ки въ 30-ти дн. состоящую и по обрядамъ церковнимъ, до паraphвіи Григоровской принадлежащую, поленившися въ оную слободу, (которая отъ Г—ки въ полтори только верст. положеніе свое имѣеть), сами поѣхать, въ нынѣшнюю о дворовомъ числѣ всякаго званія людей сочиняемую ревизію написать поупустили... И если и теперь тая слободка отъ ревизіи милювана будетъ, несомнѣнно—околичныхъ сель обиватель, смотря на тамошное отъ всѣхъ тяжестей уполнепіе, старіе свои мѣста оставилши, перейдутъ въ оную слободу жить, а остатніе люди въ тихъ сelaхъ въ ревизію написанніе, отъ того разоратимутся“... Кр. А. 32 д. В. 50 д. Г. 34 д. 86 х. Д. 102 д.
130 х. 13 бд. х. Кз. нѣтъ. Црк. архстр. Михаила. Свящ. Иванъ А.

имѣтъ 1) Ист. М. Россіи, Б.-Каменск., Ш, 118.
 веніє, 2) Діаріушъ Ханенка, 47.

Яновскій. По
между двумя
Пашенка, „подъа-
скаго—36 дв. 43 х.
„при дворѣ его (Якова,
хатъ. По этому же описаніи
покояхъ.

Ивана Свѣ-
то, 66 дв. 87
жителскихъ—
Ск. показанъ—о

Корибутовская сотня, занимавшая оба берега Ромна, у его верховьевъ, существовала съ 1649 г., на ряду съ Голенскою, но затѣмъ, соединившись съ послѣднею, продолжала свое существованіе до 70-хъ г.г. XVII в., когда, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, присоединена была къ Кр.-Колядинской. Затѣмъ Крб—ая сотня вновь была открыта въ 1738 г. когда, по мысли Безбородка и по распоряженію А. И. Румянцова, учреждено было нѣсколько новыхъ сотенъ, для того, какъ говорили, чтобы ген. к—ри имѣть возможность распоряжаться большими количествомъ вакансій на сотничихъ уряды... Однако же эти новые сотни, по сенатскому распоряженію, скоро были и упразднены (1742 г.). Послѣ этого, Крб—ая сотня снова оставалась въ составѣ Колядинской сотни до 1751 г., когда, по ордеру Разумовскаго, „вѣдно было сотню Крб—ую отъ сотнѣ Клд—ой паки раздѣлить попрежнему.“ Очень можетъ быть, что это новое отдѣленіе Крб—ой сотни было сдѣлано по представленію того же Безбородка, которому какъ разъ въ это время возвращенъ бытъ прежній урядъ ген. писарства (Русск. Арх., 1875 г., кн. I, стр. 314). Послѣ этого Крб—ая сотня существовала до уничтоженія козачьяго управлениія. Въ этотъ второй періодъ существованія сотни—центромъ ея была уже Голенка, а не Корибутовъ, который, съ присоединеніемъ его къ Самборскому староству, обратился въ незначительное село. Поэтому, во втор. пол. XVII в., Крб—ая сотня часто называется и Голенскою.

Корибутовские сотники. Степанъ Семеновъ, 1654. Яцко Драпника, 1672. Павелъ Ясликовскій, 1739. Самойло Левандовскій, 1740—750. Павелъ Дембовскій, 1752—759. Василій Рудковскій, 1760—767. Власъ Жураковскій, 1767—777. Степанъ Воротила, 1777—781.

штую Крб—ую
лю, канцелярии
генер.
к—рія пору^к
произведены въ
доносили гетману.
вленіи Корибутовъ.

ле за выборами
Свирскому. Выборы
31 г., о чмъ сотняне
а отъ в. ясн—ти ордеръ о
отъ Кр.-Кол—ой, по показан-
нымъ въ томъ ордеръ о стоятельствамъ, по прежнему, съ рав-
номѣрствомъ въ числѣ козаковъ, по способности, и о выборѣ
ко опредѣленію въ ту Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ—
изъ заслуженихъ и того чина достойныхъ людей—человѣка, двохъ
или трохъ, на оную сотню кандидатовъ. Ми, оной сотнѣ Крб—ой
атамани и товариство, вашей ясн—ти високое о битіи, по преж-
нему, Крб—ой сотнѣ и настоящему сотнику, повелѣніе, зъ при-
сланного отъ полка. Прил. к—рія къ намъ, чрезъ сотника Ива-
ницкого Свѣрского, обявленного ордера, и по трократномъ нась
спрашивавію, по общему нашему согласію, желаемъ себѣ имѣть
сотникомъ настоящимъ в. канцеляристу Павла Дембовскаго, а
къ нему у кандидаты—нын. Голюнскаго атамана Сем. Проко-
пенка. Такъ учинивъ сей выборъ волными голосами на оного
канц—сту Дембовскаго, ко опредѣленію его въ сотничный чинъ,
при семъ нашемъ выборѣ представляемъ“.... Прошеніе это под-
писано 39-ю козаками с.с. Голевки, Дептовки, Гиравки и Ли-
нового¹⁾. Но рядомъ съ ѣтимъ „доношеніемъ“, послано было
гетману и другое, отъ другой группы выборщиковъ, причемъ
послѣднєе писали: „канцеляристъ енер. суда Дембовскій, при-
бивши въ сотню Кр.-Кол—ую съ ордеромъ в. ясн—ти о ви-
борѣ намъ нижайшимъ, кого обще всѣ бывшей Крб—ой сотнѣ

1) Здѣсь нѣть козаковъ с. Гайворона, вѣроятно потому, что во
время выборовъ это село не предполагалось включать въ Крб—ую
сотню. Официальное указаніе селъ, изъ которыхъ составилась Крб.
сотня, сдѣлано было послѣ утвержденія Д—аго сотникомъ. Слѣдоват.
и козаки с. Липового участвовали въ выборахъ потому, что это село
предполагалось включить въ новую сотню. Въ выборахъ не участ-
вали козаки с. Фесевки, коихъ было всего 4 двора. Въ остальныхъ
ъ новой сотни козаковъ не было.